

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXI.

1884.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашова, Средний Подълесный, № 1.
1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	1
Ф. И. Успенскій. Слѣды синосовыхъ книгъ въ Византіи. I—II. . .	1
Ю. И. Трусманъ. О хлѣбѣ Ледоваго побойща въ 1242 году. . .	44
Бар. В. Р. Розенъ. Записки о хлѣбномъ Агапіи Манбиджскаго . .	47

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника .	76
И. В. Помяловскій. Переписка между А. Беконъ и О. Мюллеромъ. .	90
Д. Ф. Кобоко. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Ю. Б. Нверсена. С.-Пб. 1877—1883.	140
Н. И. Петровъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его спо- движники. С. Голубева. К. 1883.	148
В. В. Вауеръ. Louis XIV et Strasbourg. Par. A. Legrelle. P. 1883. .	165
Д. Н. Анучинъ. Довѣсторическая археологія Кавказа	201
И. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской историографіи. VI..	237
В. П. III. Высшее женское образованіе въ Англіи	1
— Наша учебная литература (разборъ 3 книгъ)	30

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	1
И. В. Помяловскій. П. Я. Алаидскій (некрологъ)	18

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Müller. Questionum Naevianarum capita tria	1
И. И. Холодникъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изуче- нія архаической латыни	27

Редакторъ Л. Шаймовъ.

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXI.

1884.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъѣсская, № 1.

1884.

Средна Подълочна, д. № 1.
283.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (20-го октября 1883 года). О рисунокѣ медали, установленной для выдачи постороннимъ рецензентамъ трудовъ, представляемыхъ на соисканіе премій А. С. Пушкина при Императорской академіи наукъ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ рисунокъ медали, установленной для выдачи постороннимъ рецензентамъ трудовъ, представляемыхъ на соисканіе премій А. С. Пушкина при Императорской академіи наукъ.

2. (1-го ноября 1883 года). Объ учрежденіи второй должности инспектора въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи второй должности инспектора въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмо-

трѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи второй должности инспектора въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, мнѣніемъ положилъ: учредить въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ вторую должность инспектора, съ служебными правами, предоставленными существующей въ училищѣ должности инспектора.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (1-го ноября 1883 года). О добавочномъ содержаніи врачу и объ учрежденіи должности фельдшера при учительской семинаріи въ м. Хони, Кутаисской губерніи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ государственнаго совѣта, о добавочномъ содержаніи врачу и объ учрежденіи должности фельдшера при учительской семинаріи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о добавочномъ содержаніи врачу и объ учрежденіи должности фельдшера при учительской семинаріи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, мнѣніемъ положилъ:

I. Возвысить, начиная съ 1-го января 1884 г., содержаніе врачу при учительской семинаріи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, съ 300 до 800 руб. въ годъ (въ томъ числѣ жалованья 650 руб. и квартирныхъ денегъ 150 руб.), съ возложеніемъ на упомянутое лицо преподаванія въ семинаріи гигиены и правилъ ухода за больными.

II. Учредить, съ того же срока, при больницѣ названной семинаріи должность фельдшера, съ содержаніемъ по 200 руб. въ годъ и съ предоставленіемъ оной правъ и преимуществъ гражданской медицинской службы; и

III. Потребную на удовлетвореніе исчисленнаго въ предыдущихъ статьяхъ дополнительнаго расхода сумму, въ размѣрѣ семисотъ

руб., вносить ежегодно, начиная съ перваго января 1884 года, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (1-го ноября 1883 года). О предоставленіи Гольдингенскому двухклассному училищу правъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи Гольдингенскому двухклассному училищу правъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи Гольдингенскому двухклассному училищу правъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

Существующему въ гор. Гольдингенѣ (Курляндской губерніи) двухклассному училищу Прибалтійскаго православнаго братства, а равно принадлежащимъ къ составу сего училища должностнымъ лицамъ и учащимся въ немъ, предоставить права, опредѣленныя для двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, открываемыхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1869 г. мнѣнія государственнаго совѣта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію начального народнаго образованія (полн. собр. зак. т. XLIV № 47148).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

20-го октября 1883 года (№ 15). Производятся: домашній учитель Дмитрій Калугинъ и учитель Рижскаго ремесленнаго училища

Иванъ Лаксманъ — въ коллежскіе регистраторы, первый съ 11-го сентября 1883 года и послѣдній съ 7-го октября 1883 года (Высоч. пов. 11-го сентября и 7-го октября 1883 года).

Назначаются: вице-директоръ канцеляріи оберъ-прокурора свѣтѣйшаго синода, членъ учебнаго комитета при синодѣ, тайный совѣтникъ Чистовичъ—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ настоящихъ должностяхъ.

Инспекторъ Одесской первой прогимназіи, статскій совѣтникъ Соловьевъ и мировой судья 8-го участка Орловскаго уѣзда, коллежскій ассесоръ Нарышкинъ — окружными инспекторами учебныхъ округовъ, первый—Одесскаго и послѣдній—Московскаго, оба съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей.

Утверждаются: изъ отставныхъ: тайный совѣтникъ Лавровскій—ректоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, съ 20-го августа 1883 года (Высоч. пов. 10-го августа 1883 года).

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Андреевскій — ректоромъ сего университета, съ 3-го октября 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Боголюбовъ—ректоромъ сего университета, съ 20-го септября 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ — директоромъ Демидовскаго юридическаго лица, съ 10-го августа 1883 года (Высоч. пов. 10-го августа 1883 года).

Начальникъ Псковскаго землемѣрнаго училища, межевой инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эймонтъ — директоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Землевладѣлецъ Ананьевскаго уѣзда Корбе — вновь почетнымъ попечителемъ Ананьевской мужской гимназіи, на три года.

Ростовскій купецъ Шушпановъ — почетнымъ попечителемъ Ростовской на Дону гимназіи.

Статскій совѣтникъ Безпальчевъ — вновь почетнымъ попечителемъ Роменскаго реальнаго училища, на три года.

Харьковскій первой гильдіи купецъ Величенко — почетнымъ попечителемъ Харьковскаго реальнаго училища, на три года.

Въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ Де-Каррьеръ — почетнымъ попечителемъ Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, на три года.

Зачисляется въ командировку за границу съ ученою цѣлію: ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета, статскому совѣтнику Гершельману—разрѣшенный ему, сверхъ лѣтнаго вакаціоннаго времени, отпускъ за границу, на одинъ мѣсяць.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ценковскій, на три мѣсяца.

Астрономъ-наблюдатель Императорскаго Московскаго университета, магистръ Церасскій—на восемь мѣсяцевъ.

Причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій секретарь Штейнманъ и кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Давидовъ—на одинъ годъ.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, окончившій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ правомъ на степень кандидата, Франгуловъ—на два года.

Увольняются въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, генеральнаго штаба генералъ-майоръ Новиковъ—на восемь мѣсяцевъ.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Благовѣщенскій—отъ службы, съ 20-го августа 1883 года (Высоч. пов. 10-го августа 1883 года).

Директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Важановъ — отъ службы, съ 5-го сентября 1883 года.

Почетный попечитель Каменецъ-Подольской гимназіи, надворный совѣтникъ Геращеневскій—отъ сей должности.

Почетный попечитель Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища Вракеръ—отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го ноября 1883 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго Керченскаго 2-й гильдіи купца Якова Гольдштейна при Керченской Александровской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу шесть сотъ руб., пожертвованнаго умершимъ Керченскимъ 2-й гильдіи купцомъ Яковомъ Гольдштейномъ, учреждаются при Керченской Александровской гимназій двѣ стипендіи имени покойнаго жертвователя.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Керченской гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Стипендіи назначаются педагогическимъ совѣтомъ названной гимназій двумъ бѣднѣйшимъ ученикамъ этой гимназій, изъ Евреевъ, съ утвержденія Керчь-Эникольскаго городского головы и при участіи одного члена изъ рода и фамиліи Гольдштейна, пока послѣдній будетъ въ живыхъ.

4) Стипендіи прекращаются: а) съ окончаніемъ стипендіатомъ курса гимназій; б) съ увольненіемъ его изъ гимназій и в) по случаю улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата.

5) Проценты съ капитала назначаются для взноса платы за право ученія стипендіатовъ; могущіе же быть отъ процентовъ остатки выдаются стипендіатамъ въ видѣ пособія, по равной части, на приобретеніе книгъ, учебныхъ пособій или форменной одежды.

6) Если же педагогическимъ совѣтомъ, по отсутствію бѣдныхъ учениковъ Евреевъ или по какой-либо другой причинѣ, не будутъ выбраны стипендіаты, то остающіеся свободными проценты съ капитала преисправляются въ духовное правленіе Керченской новой главной синагоги для приобщенія къ той суммѣ, которая въ день годовщины смерти покойнаго Якова Гольдштейна, согласно его желанію, должна раздаваться бѣднымъ Евреямъ города Керчи.

2. (26-го ноября 1883 года). Положеніе о стипендіи Императора Александра II при Муромскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 20-го іюня 1883 г., учреждается при Муромскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Императора Александра II на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сего Муромскою городскою думою капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей.

2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Муромскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ этого капитала получаетъ начальство училища и удерживаетъ изъ нихъ сумму, соответствующую размѣру платы за ученіе, а остальную сумму выдаетъ избранному стипендіату по полугодіямъ, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, форменной одежды и другихъ потребности стипендіата.

4) Въ стипендіаты избирается Муромскою городскою думою воспитанникъ училища, изъ дѣтей бѣдныхъ гражданъ г. Мурома, заслуживающій того по прилежанію, успѣхамъ и поведенію.

5) Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время своего ученія въ Муромскомъ реальномъ училищѣ и именуется „стипендіатомъ Императора Александра II“. Но въ случаѣ малоусидѣнности и неодобрительнаго поведенія можетъ быть лишенъ стипендіи и во время ученія въ училищѣ, но не иначе, какъ по постановленію педагогическаго совѣта, который сообщаетъ объ этомъ городской думѣ, для замѣщенія открывшейся вакансіи новымъ стипендіатомъ.

6) Пользованіе сею стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

7) Могущіе оказаться остатки отъ стипендіи по случаю временнаго незамѣщенія ея, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, причисляются въ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра означенной стипендіи.

3. (15-го декабря 1883 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о служебныхъ правахъ лицъ, опредѣляемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназіи и прогимназіи.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ зако-

новъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе мое о служебныхъ правахъ лицъ, опредѣляемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ статей устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, кн. I изд. 1876 г.) и Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 г. и 24-го мая 1870 г. положеній о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія (полн. собр. зак. т. XLIV и XLV, №№ 47131 и 48406), постановить:

I. Лицамъ, опредѣляемымъ на учебныя должности въ женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія, содержащія какъ на счетъ казны, такъ и на мѣстныхъ или частныхъ средства, производятся, изъ государственнаго казначейства, прогоныя деньги и, не въ зачетъ, третные, полугодовые и годовые оклады жалованья (уст. служб. прав. изд. 1876 г. ст. 248 и прилож. къ примѣч. при ст. 225: ст. 34, 36, 38, 75, 77, 81, 83, 89 и 151), на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) преподавателямъ: а) окончившимъ полный курсъ наукъ въ одномъ изъ российскихъ университетовъ, а равно имѣющимъ званія учителя мужской гимназіи или домашняго наставника, наравнѣ съ учителями мужскихъ гимназій и прогимназій, и б) имѣющимъ званія учителя уѣднаго или городскаго училища, либо домашняго учителя,— наравнѣ съ учителями городскихъ училищъ, открытыхъ по Высочайше утвержденному 31-го мая 1872 года положенію о сихъ заведеніяхъ;

2) лицамъ женскаго пола: прогоныя деньги на двѣ лошади, а жалованье, не въ зачетъ, изъ окладовъ: а) начальницамъ и главнымъ надзирательницамъ гимназій—въ пятьсотъ рублей, б) тѣмъ же должностнымъ лицамъ прогимназій—въ четыреста рублей, в) класснымъ преподавательницамъ и надзирательницамъ гимназій и прогимназій—въ триста рублей.

II. Исчисленныя въ статьѣ I лица, въ случаѣ поступленія ихъ на службу въ отдаленныя и малонаселенныя края Имперіи, пользуются, сверхъ указанныхъ въ той статьѣ путевыхъ пособій, прибавочнымъ жалованьемъ изъ суммъ государственнаго казначейства, по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 42—47, 49—52, 75, 78, 82, 83 и 127—133 приложения къ примѣчанію при статьѣ 225 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (изд. 1876 г.).

Государь Императоръ изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 22-й день ноября сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій и руководства.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

25-го ноября 1883 г. (№ 8). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій, вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 15-го сентября 1883 года.

Ординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительные статскіе совѣтники Нелидовъ и Арнштейнъ—деканами: первый—юридическаго факультета и послѣдній—медицинскаго факультета сего университета, оба съ 8-го октября 1883 г.

Ординарный профессоръ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Пѣтербургѣ, докторъ философіи, статскій совѣтникъ Гротъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ философіи, съ 1-го ноября 1883 г.

Провекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассессоръ Браунъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ зоологій, съ 20-го октября 1883 г.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ политической экономіи Антоновичъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ полицейскаго права съ 4-го ноября 1883 года.

Исправляющіе должность экстраординарныхъ профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института коллежскій совѣтникъ Шеборъ, по предмету латинской словесности и Ждановъ, по предмету русской словесности—въ сихъ должностяхъ, оба съ 26-го октября 1883 года.

Профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Евневичъ—деканомъ сего института, на три года, съ 1-го сентября 1883 года.

Доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, надворный совѣтникъ Кирилловъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего института по предмету хирургіи, съ 3-го сентября 1883 г.

Преподаватель Варшавской 1-й мужской гимназій, статскій совѣтникъ Варсовъ—директоромъ Холмской мужской гимназій, съ 1-го сентября 1883 года.

Инспекторъ Московской 4-й мужской гимназій, статскій совѣтникъ Гринчакъ—директоромъ Ломжинской мужской гимназій, съ 15-го сентября 1883 года.

Инспекторъ С.-Петербургской 4-й прогимназій, статскій совѣтникъ Филоновъ—директоромъ Новгородской гимназій, съ 7-го октября 1883 года.

Директоръ Туркеставской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ Остроумовъ—директоромъ Ташкентской гимназій, съ 7-го октября 1883 года.

Инспекторъ Харьковской 2-й гимназій, коллежскій совѣтникъ Тихоновичъ—директоромъ Вѣлгородской ево королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго гимназій, съ 29-го октября 1883 года.

Директоръ Шуйской прогимназій, преобразованной въ гимназію, статскій совѣтникъ Рогозинниковъ—директоромъ сей гимназій.

Инспекторъ Борясоглѣбской прогимназій, преобразованной въ шестиклассную, надворный совѣтникъ Вязьминъ—директоромъ сей прогимназій, съ 29-го октября 1883 года.

Исполняющій обязанности инспектора Вѣлгородской ево королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго гимназій, преподаватель сей гимназій, коллежскій совѣтникъ Эсслингеръ—директоромъ Острогской прогимназій, съ 29-го октября 1883 года.

Преподаватель Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Петрушевскій—директоромъ сего училища.

Почетный смотритель Вѣльцскаго уѣднаго училища, надворный совѣтникъ Болеско—почетнымъ попечителемъ Кишиневской прогимназій на три года, съ 20-го октября 1883 года, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Губернскій секретарь Кршижановскій—почетнымъ попечителемъ Одесской первой прогимназій на три года, съ 20-го октября 1883 года.

Ялтинскій городской голова, въ званіи камергера, статскій совѣтникъ баронъ Врангель—вновь почетнымъ попечителемъ Ялтинской мужской прогимназій, на три года.

Землевладѣлец Неплюевъ—почетнымъ попечителемъ Глуховской прогимназіи, на три года.

Исполняющій обязанности инспектора Воронежскаго реальнаго училища, заслуженный преподаватель сего училища, коллежскій ассесоръ Карпинскій—директоромъ Воронежской учительской семинаріи, съ 17-го октября 1883 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи Миловскій—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

Гвардія поручикъ Устимовичъ, артиллеріи подпоручикъ Дыздеевъ, дворянинъ Самойленко-Снатариѣвъ и Кременчугскіе 2-й гильдіи купцы Биктенко и Палей—членами попечительства Кременчугскаго реальнаго училища, на три года.

Назначается: коллежскій регистраторъ Редько—сотрудникомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 6-го октября 1883 года.

Окончившій въ 1883 году курсъ наукъ студентъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Александръ Юрашкевичъ—учителемъ древнихъ языковъ Ковенской гимназіи, съ 1-го ноября 1883 года, съ обязательствомъ прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія не менѣе 6 лѣтъ.

Опредѣляются на службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному: изъ отставныхъ титулярный совѣтникъ Павелъ Потѣхинъ, съ 10-го ноября 1883 года; кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Иванъ Давидовъ, съ 16-го октября 1883 года; окончившій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ съ правомъ на степень кандидата Александръ Франгуло въ, съ 15-го октября 1883 г.; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента баронъ Иванъ Медемъ, съ 20-го октября 1883 г., и сынъ тайнаго совѣтника Николай Маакъ, съ 20-го октября 1883 г.; изъ нихъ съ командированіемъ для занятій Потѣхинъ, съ 10-го ноября 1883 г., въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а баронъ Медемъ и Маакъ, съ 26-го октября 1883 г., въ Императорскую публичную бібліотеку.

Причисляются, согласно прошеніямъ, къ министерству народнаго просвѣщенія: бывший помощникъ бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ славянской філологіи

Владимиръ Качановскій, съ 16-го октября 1883 г., и преподаватель приготовительнаго класса Елисаветградскаго земскаго реальнаго училища, губернской секретарь Михайловъ, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 10-го ноября 1883 г.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: оставшійся за штатомъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій VI класса департамента торговли и мануфактуръ. статскій совѣтникъ Котельниковъ—съ назначеніемъ правителемъ канцелярій Варшавскаго учебнаго округа, съ 25-го сентября 1883 г.

Оставляются на службѣ по 1-е іюля 1884 г.: директоръ Шуйской гимназій, статскій совѣтникъ Rogozninnikovъ.

По 17-е августа 1884 г.: директоръ Саратовской гимназій, статскій совѣтникъ Лавомте.

По 21-е октября 1884 г.: завѣдывающій гимназіею Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Люгубиль, съ 18-го декабря 1881 г.

Директоръ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Дивари, съ 18-го іюля 1883 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Ковальскій, со 2-го августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій, съ 8-го августа 1883 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Везсоновъ, съ 12-го августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Павловъ, съ 19-го августа 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Вагнеръ, съ 1-го сентября 1883 г.

Директоръ Кутаисской гимназій, статскій совѣтникъ Стояновъ, съ 16-го сентября 1883 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богдановъ, съ 23-го сентября 1883 г., съ утвержденіемъ съ того же числа въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коркинь, съ 24-го сентября 1883 г.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на три недѣли: правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Пинаевъ, во внутреннія губерніи, по болѣзни.

На двадцать-шесть дней: директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Тимошеевъ, въ С.-Петербургѣ.

На два мѣсяца: почетный попечитель Вѣльской прогимназии Рѣзниковъ, въ Москву и С.-Петербургъ, и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Алексѣевъ, въ разныя губерніи, послѣдній по болѣзни.

и б) за границу: на двадцать-восемь дней: почетный попечитель Ришельевской гимназіи въ Одессѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Толстой, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ Бенкендорфъ и лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Прендель; всѣ трое по болѣзни.

На зимнее вакаціонное время 1883 года и двѣ недѣли 1884 г.: учитель Одесскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Свищевъ, по болѣзни.

На три мѣсяца: почетный смотритель Рогачевскаго городского училища Верманъ, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: ректоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Ярошенко и почетный попечитель С.-Петербургской седьмой гимназіи Русановъ; оба по болѣзни.

Отчисляются отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: инженеръ-архитекторъ коллежскій ассессоръ Арнольдъ, съ 25-го сентября 1883 года, по случаю освобожденія его отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей, и коллежскій секретарь Леммъ, съ 1-го ноября 1883 г., вслѣдствіе опредѣленія его ученымъ хранителемъ азіатскаго музея Императорской академіи наукъ.

Увольняются отъ службы: а) согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бетхеръ, съ 28-го мая 1883 г., по болѣзни.

Директоръ Ломжинской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Клостерманъ, съ 15-го сентября 1883 г., съ дозволеніемъ носить

нъ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Бюхеръ, съ 1-го ноября 1883 г.

Директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоголковъ, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

б) за выслугою срока: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Чечеть, съ 3-го ноября 1883 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Дозволяется носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему директору Владивостокской гимназіи, статскому совѣтнику Сибирякову.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: подпоручику 78 резервнаго пѣхотнаго баталіона Ненарокову, за безвозмездные труды по преподаванію гимнастики въ Тамбовскихъ уѣздомъ и 4-хъ городскихъ приходскихъ мужскихъ училищахъ.

Почетному смотрителю Оршанскаго городского училища, губеринскому секретарю Назаревскому—за заботы его о преуспѣваніи этого училища.

Попечительницѣ Даньковского сельскаго народнаго училища, Смоленской губерніи и уѣзда, вдовѣ статскаго совѣтника Надеждѣ Домбровской и попечителю Велестовскаго сельскаго училища, тѣхъ же губерини и уѣзда, священнику Соколову—за заслуги ихъ на пользу народнаго образованія.

Почетному попечителю Самарской учительской семинаріи, потомственному почетному гражданину Субботину, попечителямъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ: Костромской губерини: Верховскаго, Солигаличскаго уѣзда, крестьянину Малову, Маринскаго женскаго въ с. Молвитинѣ, Буйскаго уѣзда, Буйскому куincu Болтухину и Солигаличскаго приходскаго, временному Московскому 2-й гильдіи куincu Лихущину—за пожертвованія въ пользу сихъ учебныхъ заведеній.

Статскому совѣтнику Протопопову—за пожертвованіе въ пользу Вельскаго двухкласснаго городского училища.

Землевладѣльцѣ м. Гермаповки, Киевской губерніи и уѣзда, Любови Луцшѣ—за пожертвованія въ пользу тамошняго однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: — Книгу: „Курсъ греческаго языка“. Часть II. Синтаксисъ, составленный по Коху М. Григорьевскіимъ. Изданіе 4-е, исправленное. С.-Петербургъ 1883 г., допустить, по примѣру учебнаго комитета святѣйшаго синода, какъ руководство по греческому языку для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній для всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составили М. Прейсъ и Ф. Цейдлеръ. С.-Петербургъ, 1883 г. Цѣна 50 коп., въ переплетѣ 60 коп.,—допустить къ употребленію въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ необязательнаго учебнаго пособія.

— Книгу: „Учебникъ по русской грамматикѣ“ въ двухъ книжкахъ: 1) Этимологія. 2) Синтаксисъ. Составилъ И. Бѣлоруссовъ. Пѣжинъ. 1883 г. Цѣна каждой книжкѣ отдѣльно 35 коп. — одобрить какъ учебное руководство для средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ“. Съ портретомъ и биографіей М. В. Ломоносова. Изданіе А. С. Суворина. С.-Петербургъ. 1882 г.—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также и какъ нособіе при изученіи словесности, начиная съ V класса гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Собраніе ариѳметическихъ задачъ“. Составлено Александромъ Вороновымъ. Въ двухъ частяхъ: Часть I (цѣлыя числа). Изданіе 4-е. С.-Петербургъ 1883 г. — Часть II (дроби и тройныя правила). Изданіе 3-е. С.-Петербургъ 1883 г. Цѣна каждой части 30 коп. — одобрить въ качествѣ весьма полезнаго учебнаго пособія, при преподаваніи ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Лѣсъ“. Значеніе его въ природѣ и мѣры къ его охраненію. Я. Вейнберга. Москва. 1884 г. Цѣна 2 р. 50 к.—одобрить для основныхъ и ученическихъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и для основныхъ библиотекъ городскихъ училищъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—Брошюру „Дѣвочка Серафимочка“, разказъ бабушки Соч. Погожевой. Москва 1883 г. Цѣна 15 коп.,—допустить въ ученическія бібліотеки сельскихъ, а также и городскихъ училищъ.

— Книгу „Руководство къ чистописанію и прописи“. Составлены учителемъ чистописанія Виленскаго реального училища Чемодановымъ. Изданіе второе, дополненное. Вильно. 1883. г. Цѣна 12 коп.—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книги 1) Собраніе арифметическихъ задачъ и примѣровъ для народныхъ училищъ. Составлено Александромъ Вороновымъ. 2-е изданіе. Спб. 1883 г. Цѣна 15 коп. и 2) Собраніе арифметическихъ задачъ. Составлено Александромъ Вороновымъ. Часть 1-я (цѣлыя числа). 4-е изданіе. Спб. 1883. г. Цѣна 30 коп., одобрить какъ весьма полезное пособіе для начальныхъ училищъ и народныхъ школъ.

— Брошюру: „О жизни и подвигахъ современныхъ намъ Свято-Афонскихъ старцевъ“. Разказы въ мірѣ Петра Важенко, въ монашествѣ Пантелеймона въ 1879 году. Кіевъ, 1883 г. — допустить въ бібліотеки городскихъ и сельскихъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Колосъ“. Сборникъ народныхъ разказовъ Деркачева, съ рисунками художниковъ: Румашцева и Калмыкова. Москва. 1883 г. Цѣна 10 коп.,—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

— Нижеслѣдующія брошюры включить въ каталогъ министерства, какъ допускаемыя для публичныхъ чтеній:

1) „О Малороссіи и Малороссахъ“. Чтеніе для народа. Составилъ Р. С. Поповъ. Читано въ С.-Петербургѣ, въ аудиторіи Солянаго городка, въ Москвѣ въ народныхъ читальныхъ комиссіи по устройству народныхъ чтеній Изданіе А. А. Торлецкаго. Москва, 1877 г.

2) „Вѣлороссія и Вѣлоруссы“. Чтеніе для народа и войскъ. Составилъ Р. С. Поповъ. Читано въ С.-Петербургѣ, въ аудиторіи Солянаго городка, въ Москвѣ въ читальныхъ комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Изданіе А. А. Торлецкаго. Москва, 1879 года.

3) „Житіе Св. Великомученика Прокопія“. С.-Петербургъ. 1876 года. Изданіе редакціи журнала Мірской Вѣстникъ.

4) „Житіе и страданія Св. Апостола Маттея“. С.-Петербургъ. 1874 года. Изданіе редакціи журнала Мірской Вѣстникъ.

5) „Житіе и страданія Св. Священномученика Корнилія Сотника“. С.-Петербургъ. 1874 г. Изданіе редакціи Мірскаго Вѣстника.

6) „Житіе Св. Логгина Сотника“. — Изданіе журнала Мірской Вѣстникъ. С.-Петербургъ. 1876 г.

7) „Святій Равноапостольный князь Владиміръ“. В. Михайловскаго. Изданіе 2-е С.-Петербургъ. 1882 года.

8) „Нижегородскій механикъ - самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ“. Сочиненіе И. Ремезова. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ. 1879 г. Цѣна 10 коп. 8 д. л. 46 стр.

9) „О каменномъ углѣ и соляхъ“ (книжка для школъ, № 37, цѣна 5 к. Москва. 1871 г.)

10) „Смоленскъ въ 1812 году“. Историческій разказъ. Изданіе 2-е съ двумя портретами. С.-Петербургъ. Изданіе редакціи журнала Мірской Вѣстникъ“. 1873 г.

11) „Всѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ“. А. Бекетова. Изданіе 4-е. С.-Петербургъ. 1879 года.

12) „Храмъ Святой Софіи въ Константинополѣ, обращенный Турками въ мечеть. С.-Петербургъ. Изданіе редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ“ 1877 года.

— Книгу „Какъ водить пчелъ въ разборныхъ соломенныхъ сводчатыхъ ульяхъ. Составилъ Ѳ. Недоходовскій. Калуга. 1882 г. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

Книгу „Чтеніе для народа“. Народное сказаніе. Простой разказъ дѣдушки Павла о пятой заповѣди“. Передалъ учитель И. П. Кауровъ. Сиб. 1883 года. Цѣна 4 коп. (безъ пересылки). Изданіе редакціи журнала „Русскій народный учитель“, — допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

Книги: 1) „Букварь для совмѣстнаго обученія письму, чтенію и счету“, Д. Тихомірова и Е. Тихоміровой. Изданіе 10-е. Москва. 1883 г. Цѣна 20 к. — одобрить въ видѣ учебника и 2) „Руководство для учащихся по букварю для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и первоначальному счисленію“. Д. Тихомірова, Изданіе 6-е. Москва. 1883 г. Цѣна 30 коп. — одобрить для учительскихъ бібліотекъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія ходатайства Таганрогскаго купеческаго общества объ учрежденіи, въ ознаменованіе совершившагося Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, на проценты съ собраннаго по добровольной подпискѣ капитала въ 2600 руб., двухъ стипендій, въ размѣрѣ 65 руб. кажда, при Таганрогскихъ гимна-

віяхъ: при мужской Имени Его Императорскаго Величества и при женской Имени Ея Императорскаго Величества Государини Императрицы, въ 1-й день декабря 1883 г., на сіе Высочайше соизволилъ и повелѣлъ благодарить.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, по званію помощника предсѣдателя Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, въ 1-й день декабря 1883 г., удостоивъ благосклоннаго принятія экземпляръ, изданнаго членомъ сего Общества, коллежскимъ совѣтникомъ Иверсеномъ, сочиненія подъ заглавіемъ „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ“, Высочайше повелѣтъ соизволилъ благодарить г. Иверсена.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

2-го октября 1883 года послѣдовало открытіе Кинешемскаго трехъ класснаго городскаго училища, Костромской губерніи, преобразованнаго изъ уѣзднаго училища, при чемъ въ день открытія въ немъ состояло 92 ученика.

30-го октября 1883 года послѣдовало открытіе Екатеринбургской женской прогимназіи, содержаніе которой принято на средства мѣстнаго городскаго общества.

14-го ноября 1883 года послѣдовало торжественное открытіе Александровскаго пансіона при Омской женской гимназіи въ собственномъ зданіи, построенномъ на сдѣланныя западно-сибирскимъ обществомъ пожертвованія.

Открыты слѣдующія начальныя народныя училища: 1) двухъ-классныя: въ м. Драбовѣ Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губ. при 89 учащихся; въ м. Марчихиной-Вудѣ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ., при 159 учащихся, и 2) одноклассныя: въ с. Армянахъ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губ., при 20 учащихся; въ с. Твардицѣ, Бендерскаго уѣзда, Вессарабской губ., при 115 учащихся, и въ с. Новомъ Ильмовомъ Кустѣ, Буинскаго уѣзда, Сибирской губ., при 21 учащемся.

ПОПРАВКА.

Въ полярской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. 1883 г. въ I-мъ отдѣлѣ, на страницѣ 12, строка 22 сверху, авторъ „Руководства по геометрическому черченію“, ошибочно названъ „А. П. Орловскимъ“, между тѣмъ какъ слѣдуетъ читать: А. П. Орловъ.

СЛѢДЫ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ ВЪ ВИЗАНТИИ.

Занятія по исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи ¹⁾ привели насъ къ изученію двухъ замѣчательныхъ документовъ, относящихся къ разряду писцовыхъ книгъ, изъ которыхъ одинъ оставался до сихъ поръ не изданнымъ. Это суть: вопервыхъ, „Окладной листъ города Лампсака“ ²⁾; вовторыхъ „Опись шести селамъ, принадлежащимъ Хиландарскому монастырю“ ³⁾. Какъ извѣстно, такіе письменные памятники составляютъ первостепенный источникъ для постановки вопросовъ о народномъ хозяйствѣ, о землевладѣніи, податной системѣ и т. п. Заключая массу матеріаловъ для новыхъ выводовъ и для построенія системы византійскаго и южно-славянскаго народнаго хозяйства, наши документы могутъ также дать не одинъ прямой отвѣтъ на нѣкоторые не порѣшенные вопросы древняго русскаго устроива. Это послѣднее обстоятельство побуждаетъ насъ расширить предметъ изслѣдованія, предиславъ статей объ означенныхъ документахъ историческій очеркъ развитія писцовыхъ книгъ.

---

¹⁾ Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи—въ *Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, январь и февраль 1883 г.; Значеніе византійской и южнославянской проміи—въ Сборникъ статей по славяновѣдѣнію въ честь В. И. Ламанскаго. С.-Петербургъ. 1883.

²⁾ *Tafel und Thomas, Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*. II, 208.

³⁾ Въ собраніи рукописей Севастьянова, хранящемся въ Московскомъ публичномъ и Румишевскомъ музеѣ. Фотографическіе снимки, картоны № 1484, Хиландарскіе акты № 36.

I.

Писцовыя книги въ Римской имперіи.

Поземельная подать (*tributum soli*), которой писцовыя книги обязаны своимъ происхожденіемъ, получила общее примѣненіе уже въ императорскую эпоху ¹⁾. Введеніе поземельной подати предполагаетъ рядъ обширныхъ подготовительныхъ работъ; измѣренія и описанія земель, оцѣнки производительности ихъ и средняго урожая. Къ такимъ широкимъ задачамъ и предпріятіямъ Римляне пришли не скоро и занимались осуществленіемъ ихъ значительный періодъ времени. Образецъ для землеѣрныхъ работъ они могли находить лишь въ Египтѣ, гдѣ описаніе земель для экономическихъ и финансовыхъ цѣлей введено было издавна. Египетскій кадастръ достигалъ такого совершенства, что тамъ можно было опредѣлять платежную силу каждой пяди земли. Опредѣлена была не только мѣра отдѣльныхъ участковъ, но и производительность, различаются по обложенію податями пахатная земля, виноградники, сады и пустопорожня не воздѣланныя земли. Каждый участокъ въ Египтѣ могъ быть такимъ образомъ обложенъ податью соотвѣтственно его качествамъ и производительности ²⁾.

Въ Римской имперіи при Августѣ начаты были первоначальныя статистическія изслѣдованія, направленные къ приведенію въ извѣстность сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ государства, равно какъ къ собиранію данныхъ о доходахъ и расходахъ. Эти работы послужили матеріаломъ для *rationarium* или *breuiarium imperii*, который Августъ оставилъ своему преемнику, и который введенъ былъ въ дѣйствіе при первыхъ императорахъ. Сохранились лишь нѣкоторые указанія о свойствахъ матеріаловъ, послужившихъ

¹⁾ Главнѣйшія пособія для изученія вопросовъ, стоящихъ въ связи съ римскими провинціальнымъ ценомъ и податною системою: *Huschke*, Ueber die zur Zeit der Geburt Jesu Christi gehaltenen Censur, Breslau 1840; erо же Ueber den Censur und die Steuerfassung der früheren Römischen Kaiserzeit. Berlin 1847; *Rodbertus*, Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, помещено въ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* herausgeg. v. *Hildebrand*, Bd. IV, V и VIII, 1865—1867 гг.; наконецъ, превосходное сочиненіе по римскому государственному управленію Маркварда: *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung, II, 187 и сл. Leipzig 1876.

²⁾ *Marquardt*, II, 188.

основаніемъ для не сохранившагося документа, называемаго *breuiarium imperii*. Сюда относятся географическіе труды, приписываемые Агриппѣ: карта древняго міра въ видѣ сферы, хорографія; сюда же относятся землемѣрные работы, соединяемая съ именемъ Цезаря и Августа ¹⁾).

Важнѣе тѣ указанія, по которымъ можно судить о примѣненіи работъ по описанію и взмѣренію земель къ финансовымъ цѣлямъ. На время Августа падаетъ первая народная перепись въ Римской имперіи, послужившая основаніемъ къ раскладкѣ и взимаціи податей на весь императорскій періодъ. *Ἀπογραφὴ* или *Census* Августа приводитъ насъ къ происхожденію и первоначальному типу писцовыхъ книгъ.

Основнымъ извѣстіемъ объ этой мѣрѣ Августа считается мѣсто евангелиста Луки ²⁾: „Въ тѣ дни вышло отъ Кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ. Сія перепись была первая въ правленіи Квирина Сирію. И пошли всѣ записываться, каждый въ свой городъ“. Извѣстія позднѣйшихъ писателей, касающіяся переписи Августа, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей ³⁾, зависятъ отъ приведеннаго мѣста евангелиста Луки, не разъясняя заключающихся въ немъ неточностей. И именно, цензъ Квирина былъ не при Иродѣ I, а въ 6 или 7 году послѣ Р. Х., когда Иудея поступила въ разрядъ римскихъ провинцій; этотъ цензъ касался не всей вселенной (*πάσαν τὴν οἰκουμένην*), а только Римской имперіи; наконецъ, что касается выраженія „въ тѣ дни“, оно также не вѣрно, ибо провинціальныи цензъ началъ быть съ 727, то-есть, съ 27 г. до Р. Х.

Первая перепись совпадаетъ съ актомъ раздѣленія провинцій на сенаторскія и императорскія. Принявъ на себя *proconsulatus imperii* Августъ въ 727 г. самъ держалъ первый цензъ въ трехъ провинціяхъ, завоеванныхъ Цезаремъ ⁴⁾. Этотъ цензъ повторился потомъ много разъ. Актъ учрежденія каждой новой провинціи или присоединенія новой области къ существующей уже провинціи со времени Августа обыкновенно соединяемъ былъ съ переписью или съ цензомъ.

¹⁾ Ibid. 201.

²⁾ Евангелие Луки гл. II. О литературѣ по толкованію и объясненію этого замѣчательнаго мѣста см. *Schürer*, *Lehrbuch der neutestamentlichen Zeitgeschichte* 8. 262. Leipzig. 1874.

³⁾ *Rodbertus*, V, 157 и слѣд.; *Marquardt*, 205, Anm. 2.

⁴⁾ О галльскомъ цензѣ основное извѣстіе *Dio Cassius* 53, 22.; сравнять *Rodbertus*, V, 167 и *Marquardt*, 206.

Относительно Иудей такая перепись состоялась въ 6 г. по Р. Х., когда Иудея присоединена была къ провинціи Сирія. Можно такимъ образомъ принять, что введеніе провинціального ценза стояло въ связи съ новою организаціей провинціального управленія, и что эдиктъ, упоминаемый евангелистомъ Лукою, относится къ 727 году.

Провинціальный цензъ составляетъ эпоху въ исторіи податной и финансовой системы. Августу принадлежитъ заслуга организаціи ценза и примѣненія его къ государственнымъ и экономическимъ цѣлямъ.

Писцовыя книги или цензовые листы, составленные специально назначенными для того отъ правительства лицами, складывались въ архивы (*tabularium*) главнаго города провинціи и затѣмъ въ спискахъ или въ извлеченіи представляемы были въ столицу. Здѣсь они служили матеріаломъ для обложенія провинціаловъ податями (*tributum*), установленіе нормы которыхъ зависѣло отъ самого императора.

Входить въ ближайшую оцѣнку переписей, имѣвшихъ мѣсто при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ, довольно трудно, потому что не извѣстны въ частности отдѣльныя статьи, вносимыя въ тогдашнія писцовыя книги. Можно лишь предполагать, что цѣль провинціального ценза состояла, во первыхъ, въ исчисленіи населенія и въ раздѣленіи его на классы по возрастамъ, что было важно не только для раскладки податей, но и для военныхъ наборовъ; во вторыхъ, въ приведеніи въ извѣстность статей, подлежащихъ обложенію. Оба эти понятія и заключаются въ выраженіи *ἀπογραφή* (*descriptio*), которымъ евангелистъ Лука обозначаетъ первый іудейскій, а Діонъ Кассій—первый галльскій цензъ. Но исчисленіе населенія и распределеніе его на классы по возрастамъ и состояніямъ, равно какъ перепись подлежащихъ обложенію статей имущественныхъ ¹⁾ (*οὐσίαι*) не исчерпываетъ собою понятіе ценза. Существенная и болѣе трудная задача ценза заключалась въ установленіи нормъ обложенія налогомъ земли. Для этого требовалось, во первыхъ, опредѣлить правовую качественность отдѣльныхъ участковъ, то-есть, выдѣлить государственную поземельную собственность отъ общинной и частной; во вторыхъ, не только произвести измѣреніе и обмежеваніе каждаго участка, чтобы каждый югеръ несъ опредѣленный налогъ, но и предпринять

¹⁾ Имѣется въ виду мѣсто у Свиды в. в. *ἀπογραφῆς. Απογραφὰς ἐπισητάτου* (Августъ) τῶν τε ἐνδεδέκτων καὶ οὐσίῶν.

общую классификацію земли соотвѣтственно ея качественности, производительности и доходности, дабы, напримѣръ, югеръ виноградной плантаціи и югеръ плохой пахатной земли не обложить одинаковою суммою подати. Римскій провинціальный цензъ въ указанномъ на правленіи не могъ быть произведенъ при Августѣ, но осуществленъ послѣдующими императорами ¹⁾.

Болѣе раннія извѣстія о римскихъ писцовыхъ книгахъ и о способѣ осуществленія провинціального ценза заимствуются изъ сочиненій ученыхъ юристовъ конца II и начала III вѣка. Описи производились по слѣдующему образцу, находямому въ III-й книгѣ Домиція Ульпіана ²⁾; этотъ образецъ представляетъ собою точную программу вопросовъ, предлагавшихся завѣдывающимъ переписью чиновникомъ каждому владѣльцу земельного участка.

Требовалось отмѣтить названіе участка, обозначить округъ и волость, въ которой онъ лежалъ, назвать два ближайшія сосѣднія имѣнія. Затѣмъ самый участокъ описывался по слѣдующимъ графамъ: 1) число югеровъ пахатной земли съ указаніемъ средняго урожая за десять лѣтъ; 2) количество земли подъ виноградникомъ, съ показаніемъ числа дощъ; 3) масличные деревья, съ указаніемъ югеровъ и числа деревьевъ; 4) луга или сѣнокосы, съ указаніемъ числа югеровъ и десятилѣтняго урожая; 5) число югеровъ подъ пастбищемъ; 6) дѣсь и, если окажутся въ имѣніи, 7) рыбныя ловли; 8) соляныя источники. Кромѣ того, въ описъ вносились рабы съ обозначеніемъ національности, возраста, занятій и способности къ ремеслу, также зависимое крестьянское населеніе: *coloni, inquilini*.

На основаніи писцовыхъ книгъ производилась раскладка посе-

¹⁾ *Rodbertus*, V, 170: die ganze Arbeit bis zu ihrer Beendigung viel Zeit und in manchen Ländern selbst mehrere Jahre fortnahm.

²⁾ Отдѣльное изданіе *Boecking*, Dom. Ulpiani Fragmenta, Lipsiae 1855. Digest. 50, 15, 4. Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur. Nomen fundi cuiusque: et in qua civitate et in quo pago sit: et quos duos vicinos proximos habeat. Et arvum, quod in decem annos proximos satum erit, quot iugerum sit: vinea quot iugerum (sit) et quot vites habeat: olivae quot iugerum, et quot arbores habeant: pratium quot intra decem annos proximos sectum erit, quot iugerum; pascua quot iugerum esse videantur: item silvae caeduae. Omnia ipse, qui defert, aestimet.—In servis deferendis observandum est, ut et nationes eorum et aetates, et officia et artificia specialiter deferantur. Lacus quoque piscatorios et portus in censum dominus debet deferre. Salinae si quae sunt in praediis, et ipsae in censum deferendae sunt. Si quis inquilinum vel colonum non fuerit professus, vinculis censualibus tenetur.

мельной подати въ имперіи. Но въ формулу Ульпіана не видно, какими средствами достигалась соразмѣрная норма обложения описаннаго участка: выражались ли въ монетной единицѣ разныя статьи имущества, и какая часть и въ какихъ размѣрахъ облагалась податью. Есть лишь замѣчаніе, что самъ владѣлецъ или плательникъ капитализируетъ свой участокъ: *omnia ipse qui defert aestimet*.

Наблюдаемая въ имперіи практика относительно системы обложения земли податью засвидѣтельствована въ извѣстнн граматика-землемѣра Гигина, жившаго около III вѣка ¹⁾. Въ сочиненіи „*de limitibus constituendis*“ ²⁾ онъ говоритъ, между прочимъ: „Податниа земли подвергаются различнымъ системамъ обложения. Въ однихъ провинціяхъ въ подать идетъ опредѣленная часть произведеній и притомъ то пятая, то седьмая часть; въ другихъ подать переложена на деньги согласно съ оцѣнкой участковъ (*et hoc per soli aestimationem*). Ибо установлена точная платежная норма, соответственная качеству земель. Такъ въ Панноніи различаются: 1) пахатная земля перваго класса, 2) пахатная земля втораго класса, 3) луга, 4) дубовый лѣсъ (*silvae glandiferae*), 5) дровяной лѣсъ (*silvae vulgares*—*gemeiner Wald zu Hblzhieb*), 6) пастбища. На всѣ подобныя участки наложена подать соразмѣрно съ производительностью (то-есть, съ доходностью) ихъ и по количеству югеровъ ³⁾. Дабы при оцѣнкѣ избѣжать несправильностей вслѣдствіе ложныхъ показаній, обращается вниманіе на тщательную провѣрку измѣреній (числа югеровъ)“.

¹⁾ Различаются старшій и младшій Гигинъ. *Lachmann*, *Die Schriften der Römischen Feldmesser II*, 136—141, одного относитъ ко времени Траяна, другаго отождявляетъ нѣсколько дальѣ (по ранѣе Константина); *Marquardt*, *Römische Staatsverwaltung II*, 579, на основаніи разбора одного военнаго сочиненія, посвящаго имя Гигина (*Hugini gramatici liber de munitionibus castrorum*), склоняется къ мнѣнію о принадлежности его къ началу III вѣка.

²⁾ *Blume*, *Lachmann und Rudorff*, *Die Schriften der Römischen Feldmesser*, Berlin 1848 (*Gromatici veteres*), I, 205. *agri (autem) vectigales multas habent constitutiones. in quibusdam provinciis fructus partem praestant certam, alii quintas, alii septimas, alii pecuniam, et hoc per soli aestimationem. certa (enim) pretia agris constituta sunt, ut in Pannonia arui primi, arui secundi, prati, silvae glandiferae, silvae vulgaris, pascuae. his omnibus agris vectigal est ad modum ubertatis per singula iugera constitutum. horum aestimio ne qua usurpatio per falsas professiones fiat, adhibenda est mensuris diligentia.... propter quod huius agri vectigalis mensuram a certis rigoribus comprehendere oportet, ac singula terminis fundari.*

³⁾ Въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ югеръ почти съ точностью замѣняется выраженіемъ моргенъ. Югеръ (и моргенъ) почти равняется четверти нашей десятины.

Вообще въ первые три столѣтія христіанской эры, система писцовыхъ книгъ примѣнена была ко всѣмъ провинціямъ Римской имперіи. Въ эти описи должны были входить слѣдующіе существенные элементы: перечисленіе хозяйственныхъ и доходныхъ статей въ каждомъ имѣніи, оцѣнка платежной силы участка сообразно съ качествомъ земли и культурой, измѣреніе по югерамъ всѣхъ подлежащихъ обложенію земель.

При императорѣ Діоклетіанѣ (284—305 гг.) произошли важныя измѣненія въ податной системѣ, коснувшіяся и формы писцовыхъ книгъ. Къ этому времени уже не было правового различія между римскимъ народомъ и подчиненными ему провинціалами, которые при Каракаллѣ (211—217 гг.) получили право римскаго гражданства. Діоклетіанъ докончилъ уравниеніе Италіи съ провинціями, распространивъ поземельную подать, собираемую прежде только съ провинцій, и на Италію ¹⁾. Извѣстная намъ изъ Ульпіана *forma censualis* или программа для составленія писцовыхъ книгъ получила тогда же нѣкоторыя измѣненія, отъ способа объясненія которыхъ зависитъ весьма многое въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Затрудненія возбуждаетъ здѣсь терминъ *iugum* и его отношеніе къ господствовавшей единицѣ измѣренія, югеру. Именно Діоклетіанъ принялъ за основаніе, при раскладкѣ поземельной подати, условную мѣру земли, которая при всѣхъ различіяхъ качественности, производительности, доходности и объема, должна была оставаться однакоже нормой въ обложеніи земли податью. Принятая за норму единица земли называлась *iugum* или *caput*, а идущая съ нею подать — *iugatio* или *capitatio*. Но смыслъ термина, который не имѣетъ ничего общаго съ принятыми тогда мѣрами поверхностей *iugerum*, *actus* и *centuria*, нуждается въ особыхъ объясненіяхъ и служитъ предметомъ разныхъ толкованій ²⁾.

Нужно ли видѣть въ терминѣ *iugum* фиктивную величину, подлежащій обложенію хозяйственный и земельный капиталъ въ 1000 солидовъ, какъ утверждаютъ одни, или же дѣйствительную и реальную величину, то-есть, опредѣленной мѣры земельный участокъ, какъ

¹⁾ *Marquardt*, 217, Anm. 2.

²⁾ *Cod. Theod.* 11, 30, 6. *Eorum iugorum sive capitum*; *Varro*, *De re rustica* 1, 10. *1 Nam in Hispania ulteriore metiuntur iugis, in Campania versibus, apud nos in agro Romano ac Latino iugeris. Jugum vocant, quod iuncti boves uno die exarare possint.* См. у *Марквардта*, 218, примѣчанія.

думать другіе? Отвлеченное или реальное понятіе заключается въ *iugum*?

Самыми важными представителями первой теоріи служатъ весьма авторитетныя имена Савиньян и Моммсен¹⁾. Савиньян высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: податная гуфа (*die Steuerhufe=iugum*) можетъ быть представляема въ двоякомъ смыслѣ: или какъ реальная величина, или какъ идеальная. Въ первомъ случаѣ нужно предполагать участки съ опредѣленными границами и одинаковой цѣны (по римскому праву въ 1000 солидовъ), слѣдовательно, то большей, то меньшей мѣры, смотря по производительности. Эти реальные податныя гуфы и будутъ непосредственнымъ объектомъ земельной подати, такъ что каждая облагалась бы одинаковою суммой; участки отдѣльныхъ собственниковъ или образовали бы часть такой гуфы (*iugum*), или заключали бы въ себѣ многія гуфы. Во второмъ случаѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ гуфъ, а есть только опредѣленные податныя цѣнности земли (въ размѣрѣ 1000 солидовъ), и каждый отдѣльный участокъ облагался бы земельною податію пропорціонально цѣнѣ его по отношенію къ гуфѣ, то-есть, соответственно трети или четверти гуфы или 2, 3, 10 полнымъ гуфамъ. Таково вообще было бы единственное значеніе податной гуфы. Савиньян предпочтительно останавливается на теоріи идеальной податной гуфы, въ противоположность къ реальной, и видитъ подтвержденіе своего взгляда между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Аполлинарія Сидонія²⁾: *capita tu mihi tolle tria*, то-есть, за мною въ писцовыхъ книгахъ тремя гуфами меньше. Очевидно, еслибъ императоръ отнялъ у просителя три реальныхъ *capita*, послѣдній проигралъ бы. Точно также, произведенная въ XVIII вѣкѣ въ Мекленбургъ-Шверинскомъ герцогствѣ податная реформа, при чемъ принята была за норму идеальная гуфа въ 300 шеффелей посѣва, которая и обложена податію въ 9 талеровъ, служатъ для Савиньян подтвержденіемъ и объясненіемъ римскаго учрежденія³⁾.

¹⁾ *Savigny*, *Vermischte Schriften* II, 205 и слѣд.; *Mommsen*, *Syrisches Provinzialmass und Römischer Reichskadaster*, въ журналѣ *Hermes* III, 429, Berlin. 1869.

²⁾ *Vermischte Schriften*, 70. Обращеніе Сидонія къ Магистрану: *Geryones nos esse puta, monstruamque tributum. Hic capita, ut vivam, tu mihi tolle tria.*

³⁾ *Ibid.*, 212—213. *Mommsen*, въ *Hermes* III, 431, со всею рѣшительностью стоитъ за идеальную гуфу: *Das iugum ist kein Flächenmass, sondern — die für die Grundsteuer verwendete Einheit einer zu 1000 Goldstücken abgeschätzten Bodenfläche, auf welche je nach den verschiedenen Bonitirungsclassen 5, 20, 40, 60 Jugera an Flächenraum entfielen.*

Въ послѣднее время противъ Савиньи выставлены были возраженія, направлявшіяся къ утверженію той теоріи, протнвъ которой онъ ратовалъ. Эти возраженія основываются на новыхъ данныхъ о терминѣ *iugum*, заимствуемыхъ изъ недавно открытаго сирійскаго законника. Въ трудѣ Маркварда „О римскомъ государственномъ управленіи“ отдается уже предпочтеніе противоположному Савиньи взгляду¹⁾.

Мы предполагаемъ остановить вниманіе на сирійскомъ законникѣ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что полное знакомство съ нимъ, а слѣдовательно, и возможность ученыхъ выводовъ составляютъ преимущественно послѣднихъ двухъ годовъ. Долго подготовляемое изданіе сирійскаго законника исполнено лишь въ 1880 г.²⁾

Въ 1858 г. голландскій богословъ и ориенталистъ Ландъ (*Land*) открылъ въ Британскомъ музеѣ рукопись сирійскаго законника, которая и была имъ издана съ латинскимъ переводомъ въ Лейденѣ въ 1862 г. Но изданіе оказалось весьма неудовлетворительнымъ, и главнымъ образомъ потому, что богословъ Ландъ дѣлалъ переводъ юридическаго памятника безъ достаточной къ тому подготовки, что не имѣлъ и понятія о распространеніи на Востокѣ этого памятника, о переводахъ съ него на армянскій и арабскій языки, и наконецъ, что арабскіе списки законника существуютъ въ Ватиканской и Бодлеевой бібліотекахъ. Полная оцѣнка открытаго памятника нуждалась такимъ образомъ во взаимодѣйствіи ориенталистовъ и юристовъ. Съ этой точки зрѣнія и отнеслась къ памятнику Берлинская академія наукъ, поручивъ изученіе его Рудорфу, Редигеру и Петерману. Эти ученые пришли къ сознанію необходимости приступить къ новому изданію сирійскаго текста, арабскихъ и армянскихъ переводовъ его, равно какъ къ пересмотру латинскаго перевода Ланда и къ обработкѣ юридическаго матеріала, заключающагося въ памятникѣ. Но всестороннее осуществленіе этого плана приостановлено было смертію названныхъ ученыхъ (1873—1876 гг.). Продолженіе и окончаніе труда выпало на долю филолога-ориенталиста Сахау и юриста Брунса, имена которыхъ и носятъ изданіе сирійскаго законника³⁾.

О времени, мѣстѣ и способѣ происхожденія этого во многихъ от-

¹⁾ *Römische Staatsverwaltung* II, 219: Neue Rechtsquelle... über die vorliegende Frage einen erwünschten, der Savigny'schen Auffassung durchaus entgegengesetzten Aufschluss liefert.

²⁾ *Brunns und Sachau, Syrisch-Römisches Rechtshuch aus dem fünften Jahrhundert, Leipzig, 1880.*

³⁾ См. Vorrede V—VI.

поношеніяхъ замѣчательнаго памятника издатели сообщаютъ слѣдующія данныя ¹⁾:

Древнѣйшая сирійская рукопись написана въ первой четверти VI вѣка, слѣдовательно, еще до царствованія Юстиніана и, по всей вѣроятности, въ сѣверо-восточной части Сиріи въ городѣ Гераполисѣ. Но сирійскій текстъ представляетъ собою переводъ съ греческаго, и притомъ древнѣйшая сирійская рукопись есть не оригиналъ перевода, а списокъ, изъ чего слѣдуетъ, что греческій оригиналъ долженъ быть отнесенъ по происхожденію къ болѣе раннему времени, чѣмъ первая четверть VI вѣка. Составителю сборника извѣстны законы императора Льва I (457—474 гг.) въ двухъ мѣстахъ говорится о Левѣ, какъ объ умершемъ: „блаженной памяти царь Левъ въ свои дни“ и проч. Но, съ другой стороны, въ сборникѣ нѣтъ признаковъ знакомства съ законами императора Зенона (477—491 гг.), хотя многіе изъ нихъ специально относятся къ вопросамъ, которымъ посвященъ сборникъ. Такимъ образомъ составленіе законника относится ко времени между Львомъ и Зенономъ, и еще ближе къ 476 или 477 году. Относительно лица, составившаго сборникъ, и тѣхъ дѣлей, которыя преслѣдовались при этомъ, возможны лишь вѣроятныя предположенія. Съ большою вѣроятностію нужно допустить церковное происхожденіе сирійскаго сборника. Онъ составленъ въ интересахъ церкви и удовлетворялъ потребностямъ церковнаго суда и администраціи; оттого въ немъ съ особенною подробностію разсматриваются статьи по брачному и наследственному праву — два предмета, вездѣ и всегда составлявшіе привилегію церковнаго права; оттого въ немъ весьма смѣло выставляются преимущества духовенства ²⁾. Значеніе греческо-сирійскаго законника можетъ оцѣниваться не съ точки зрѣнія науки римскаго права; онъ не можетъ быть поставленъ рядомъ ни съ Гаемъ, ни съ ватиканскими фрагментами уже потому, что представляетъ въ себѣ не чистый источникъ, а плодъ двойной или тройной и притомъ не искусной переработки. Но законникъ имѣетъ высокое практическое значеніе. Онъ имѣлъ распространеніе и бытовое приложеніе на всемъ Востокѣ отъ Арменіи до Египта, что показываютъ различныя рукописи и версіи законника и то обстоятельство, что заимствованія изъ него встрѣчаются въ сирійскихъ и арабскихъ сочиненіяхъ XIII и XIV вѣковъ. Отсюда видно, что

¹⁾ Syrisch-Römisches Rechtsbuch, 317 и слѣд.

²⁾ Ibid., 330.

этотъ законникъ составлялъ непреодолимую преграду для Юстиніанова законодательства на Востокѣ ¹⁾. Пандекты и кодексъ оказались для восточныхъ областей слишкомъ велики, неподручны и неудобопонятны; напротивъ, законникъ находили болѣе удобнымъ и яснымъ, а чего въ немъ не доставало, то рѣшали по обычаямъ страны, согласно съ правами или по свободному разумѣнію. Въ VII вѣкѣ миновала опасность насильственнаго прихвѣненія Юстиніанова кодекса, и сирійскій законникъ подъ магометавскимъ владычествомъ приобрѣлъ широкое распространеніе. Къ этимъ выводамъ можно присоединить еще нѣсколько соображеній.

Сирійскій законникъ представляетъ не маловажный интересъ въ частности для славянской науки. Если Юстиніановъ кодексъ не вытѣснилъ мѣстныхъ законовъ и народныхъ правовыхъ воззрѣній въ той области, гдѣ дѣйствовалъ нашъ законникъ, этимъ уже значительно ослабляется мнѣніе о господствѣ римскихъ законовъ во всѣхъ подчиненныхъ имперіи областяхъ. На отдаленномъ Востокѣ выдерживать борьбу съ римскимъ законодательствомъ сирійскій законникъ; въ Малой Азіи, во Фракіи и Македоніи такую же борьбу велъ греческо-славянской законникъ. Этотъ послѣдній, въ законахъ Льва Исавра, въ новеллахъ императоровъ Македонской династіи и въ руководствахъ для судебной практики XIII вѣка представляетъ въ себѣ также сочетаніе римскихъ правовыхъ воззрѣній съ обычнымъ правомъ славянскихъ народовъ. Можно пожелать, чтобы славянскіе элементы въ византійскомъ правѣ VIII—XIII вѣковъ выяснены были съ тою же точностію и опредѣленностію, съ какою нѣмецкіе ученые выдѣляли мѣстный юридическій матеріалъ въ сирійскомъ законникѣ. Но объ этомъ будемъ имѣть случай говорить ниже.

Въ сирійскомъ законникѣ есть одно весьма важное мѣсто о Діоклетіановой податной системѣ, дающее притомъ новыя данныя къ опредѣленію значенія *jugum*. Это мѣсто извѣстно было до послѣдняго времени по латинскому переводу Редигера-Моммсена ²⁾; въ новомъ изданіи Брунса и Сахау восточные тексты снабжены нѣмецкимъ переводомъ ³⁾.

¹⁾ Ibid. 331. Es klingt fast ungläublich und ist doch unbezweifelhaft richtig, dass unser miserables Buch wenn nicht das Eindringen doch jedenfalls die Fortdauer der Justinianischen Gesetzgebung für jene Gegenden vollständig vernichtet hat.

²⁾ Rudorff, *Symbolae Bethmanno-Hollwegio oblatae*. Berlin, 1868, S. 103; *Mommsen*, въ журналѣ *Hermes* III, 430.

³⁾ *Syrisch-Römisches Rechtsbuch*, § 121, S. 37.

Agros vero rex Romanus mensura perticae sic emensus est. Centum perticae sunt κλέθρον.

Ἰούγον αὐτὴν diebus Diocletiani regis emensum et determinatum est. Quinque iugera vineae, quae X κλέθρα efficiunt, pro uno iugo posita sunt. Viginti iugera seu XL κλέθρα agri consiti annonas dant unius iugi. Trunci CCXX olearum vetustarum unius iugi annonas dant;

trunci CDL in monte unum iugum dant.

Similiter, (si) ager deterioris et montani nomine positus (est). XL iugera, quae efficiunt LXXX κλέθρα, unum iugum dant. Sin in τρίτη positus seu scriptus est, LX iugera, quae efficiunt [CXX] κλέθρα, unum iugum dant.

Montes vero sic scribuntur. Tempore scriptionis ii, quibus ab imperio potestas data est, aratores montanos ex altis regionibus advocant, quorum δοκιμασίη scribunt, quot tritici vel hordei modios terra montana reddat.

Similiter etiam terram non consitam, quae pecudibus minoribus pascua praebet, scribunt, quantam συντέλειαν in ταμίειον factura sit, et postulatus pro agro pascuo, quem in ταμίειον quotannis offerat, denarius unus seu duo seu tres et hocce tributum agri pascui exigunt Romani mense Nisan (das ist im April) pro equis suis.

Приведенное мѣсто имѣеть глубокую важность въ исторіи римской земельной подати, такъ что каждый дальнѣйшій шагъ въ изученіи этого вопроса необходимо будетъ зависѣть отъ пониманія тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ Сирійскомъ законникѣ. Прѣжде всего приведемъ комментарий Брунса ¹⁾.

¹⁾ Ibid., 286—289.

Der Römische König hat die Länder mit dem Maass der Ruthe also bemessen: 100 Ruthen sind 1 κλέθρον.

Das ἰούγον ist gemessen in den Tagen des Königs Diocletian und ist bestimmt: 5 ἰούγερα, welche machen 10 κλέθρα Weinberg, wurde gesetzt als 1 ἰούγόν. 20 ἰούγερα Saatland, welche 40 κλέθρα machen, geben die annonas von 1 ἰούγον. 225 Ruthen von alten Oelbäumen geben die annona von 1 ἰούγον.

450 Ruthen auf dem Berge geben 1 ἰούγον.

Ebenso auch Land, das geringer ist und bestimmt ist als gebirgig, 40 ἰούγερα, welche 80 κλέθρα machen, geben 1 ἰούγον. Wenn es aber τρίτη gesetzt oder geschrieben ist, so geben 60 ἰούγερα, welche 120 κλέθρα machen, ἰούγον.

Die Berge werden in folgender Weise eingeschrieben: Zur Zeit der Einschreibung haben Männer, denen vom Reich die Vollmacht gegeben worden, andere Männer herbeigerufen. Gebirgsbauern aus anderen Gegenden, und haben nach ihrer δοκιμασίη einschreiben lassen, wie viel Boden 1 modius Weizen oder Gerste im Gebirge umfasst.

Ebenso haben sie auch das unbesäete Land, das Weideland für Vich, eingeschrieben, welche συντέλεια es macht für das ταμίειον. Und für das Weideland hat man verlangt, dass es jedes Jahr dem ταμίειον 1 Denar gebe, es gibt aber auch solches, das 2 und 3 Denare gibt. Und diese Abgabe des Weidelandes erheben die Römer in Monat Nisan für ihre Pferde.

Мы узнаемъ, что Діоклетіанъ предпринялъ новое измѣреніе земель и распредѣленіе ихъ на классы (Вопітігунг) въ видахъ обложенія податями. Была ли эта мѣра проведена во всемъ государствѣ, или только въ восточныхъ провинціяхъ,—объ этомъ нельзя сказать положительно на основаніи неопредѣленнаго выраженія: измѣрилъ земли; точно также не ясно—было ли это первое подобное измѣреніе, или же ему предшествовали другія, сдѣланныя по распоряженію Августа или послѣдующихъ императоровъ¹⁾.

Важнѣе всего—понятіе „iugum“ въ смыслѣ податной гурфы: видѣть ли въ ней реальную или только идеальную величину согласно воззрѣнію Савиньи. Ясно, что iugum не есть мѣра плоскостей какъ iugerum, но что iugum есть для поземельной подати образованная единица, въ которую входило то большее, то меньшее количество югеровъ, смотря по качеству земли. Различаются участки виноградные, масличныя, пахатныя и пастбищныя; притомъ масличныя насажденія распадутся по качеству на два, а пахатныя земли на три класса. Получаются слѣдующія категоріи: 1) относительно виноградниковъ принято считать 5 югеровъ за 1 iugum; 2) относительно пахатной земли: а) перваго качества — 20 югеровъ (за 1 iugum); б) втораго качества — 40 югеровъ; в) третьяго качества — 60 югеровъ; 3) относительно масличныхъ плантацій: а) перваго качества — 225 руть (за 1 iugum); б) втораго качества 450 руть; 4) относительно пастбищъ не дано никакой системы измѣренія. Пастбищная земля вносится въ писцовыя книги и облагается опредѣленной податью (συντέλεα) въ 1, 2 или 3 денарія ежегодно. Слово συντέλεα можетъ указывать здѣсь на понятіе „comrasca“ или общинный выгонъ, хотя съ точностью ничего нельзя объ этомъ сказать.

Относительно значенія iugum, указавъ на различіе мнѣній Моммсена-Савиньи и Маркварда, Брунсъ высказывается такимъ образомъ: Нѣтъ никакихъ основаній заключать, что iugum образуется посредствомъ реального сложенія югеровъ. Если утверждается, что 5 югеровъ виноградника принимаются за 1 iugum, 20 югеровъ пахатной земли даютъ анноны съ 1 iugum, 225 руть масличныхъ деревьевъ даютъ анноны съ 1 iugum, 40 (или 60) югеровъ земли худшаго качества даютъ 1 iugum, изъ этого можно выводить лишь то, что подать всегда опредѣляется по iuga, что каждый iugum облагается одинаковою суммой; но какое количество югеровъ земли вноспло по-

¹⁾ Выпускаемъ далѣе мѣсто объ единицѣ мѣры, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

дѣльную сумму, идущую съ iugum, это зависѣло отъ качества земли, отъ распредѣленія на классы: 5 югеровъ виноградной плантаціи, равно какъ 1¹/₂ югера подъ масляной, платять подать за одинъ iugum, подобно тому, какъ 20 югеровъ пахатной земли, слѣдовательно, первыя и послѣднія принимаются за 1 iugum. Изъ этого слѣдуетъ, что илѣющій, напримѣръ, 10 югеровъ пахатной земли платитъ только половину той суммы, которою обложитъ iugum. Но чтобы его 10 югеровъ сопрячислѣлись къ другимъ 10 для составленія реального iugum, объ этомъ илѣтъ указаній въ приведенныхъ словахъ.

Не ясно, притомъ же, къ чему могло бы служить сочетаніе югеровъ одного или различныхъ собственниковъ въ одинъ реальный iugum. Каждый владѣлецъ платилъ съ своей земли такую долю, которая получалась изъ пропорціональнаго отношенія его собственности къ iugum; соотвѣтственно тому сборщики податей должны были организовать систему взиманія съ cadaго отдѣльнаго собственника. Но высшее управленіе, конечно, разчитывало сумму обложенія и взиманія съ дѣльных округовъ или провинцій только по совокупности принятыхъ для нихъ iuga, вся же сумма югеровъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ поземельнымъ собственникамъ округа, составлялась по системѣ классификаціи земель, подведенныхъ подъ соотвѣтствующее число iuga, которыя и опредѣляли податной итогъ. Такимъ образомъ, представляется ненужнымъ и вполне безцѣльнымъ дѣломъ — назначать реальную межу для cadaго iugum и устанавливать въ каждомъ рядѣ опредѣленныхъ отдѣльныхъ и дѣйствительныхъ югеровъ. Представимъ себѣ такой случай, когда различные роды участковъ и земли различной качества перемѣшаны — случай часто повторяющійся, — что они принадлежатъ разнымъ собственникамъ, и что число югеровъ одного лица не составляетъ цѣлаго iugum, или на оборотъ больше iugum; тогда пришлось бы или пополнять недостающее число югеровъ въ одномъ владѣніи позаймствованіемъ изъ другаго, или относить его въ iugum сосѣдняго владѣнія. Это повело бы къ необходимости предпринимать множество новыхъ обмежеваній, и въ дѣйствительности часто являлись бы такія реальныя iuga, которыя не имѣли бы никакой реальной связи между собою, а представляли бы части и доли, въ безпорядкѣ перемѣшанныя среди другихъ iuga.

И такъ, Врусь въ воззрѣніи на iugum склоняется къ теоріи Савиньи и Моммсена. Но было бы преждевременно утверждать, что этой теоріи суждено на будущее время получить господство, или что извѣстное мѣсто сирійскаго законника заключаетъ въ себѣ такіа

ясныя и безспорныя данныя, которыя вполне обезпечиваютъ теорію идеальной податной гуды противъ новыхъ нападеній. Уже то обстоятельство, что не далѣе какъ въ 1876 году Марквардтъ истолковалъ свидѣтельство сирійскаго законника какъ разъ въ противоположномъ къ теоріи Савиньи смыслѣ и въ 1879 г. русскій византинистъ В. Г. Васильевскій, на основаніи того же самаго свидѣтельства, утверждалъ за *iugum* реальное значеніе единицы измѣренія полей и земель¹⁾, уже это показываетъ, что само по себѣ мѣсто изъ сирійскаго законника не содержитъ въ себѣ рѣшительныхъ данныхъ къ безповоротному рѣшенію вопроса объ *iugum*. Лишь на основаніи развитія писцовыхъ книгъ въ позднѣйшее время и на изученіи употребленія замѣняющихъ *iugum* терминовъ можно приходиться къ убѣжденію, что теорія Савиньи и его сторонниковъ не менѣе вѣрна, сколько и остроумна.

Какъ общее содержаніе сирійскаго законника, такъ и въ частности занимающее насъ мѣсто не представляетъ въ себѣ чистыхъ элементовъ романизма, то-есть, не вполне соответствуетъ римскимъ воззрѣніямъ и практикѣ. Не говоря уже о новыхъ терминахъ греческихъ: *κλέθρον*, *ἰούρον*, *τρίτη*, *συντάλεια*, *ταμίαιον*, самая система мѣры (линейной и квадратной) на Востоку была другая, чѣмъ въ Западной имперіи. *Agros vero rex Romanus mensura perticae sic emensus est. Centum perticae sunt κλέθρον* = Der römische König hat die Länder mit dem Maass der Ruthe also bemessen: 100 Ruthen sind 1 *κλέθρον*. Значеніе принятой единицы мѣры (*pertica*=*Ruthe*) выясняется изъ параллельнаго мѣста § 119 сирійскаго законника²⁾. Сирійская линейная мѣра получаетъ такую схему: миля=1000 шаговъ=500 руть=4000 локтей. Принимая же въ локтѣ $1\frac{1}{2}$ римскихъ стопы, получимъ въ 8 локтяхъ или въ 1 руть 12 стопъ, слѣдовательно, 500 руть=6000 стопамъ, 1 шагъ=6 стопамъ.

Между тѣмъ римская линейная мѣра имѣетъ другую схему: миля=1000 шаговъ по 5 стопъ въ каждомъ=500 руть (*pertica* или *decempeda*) по 10 стопъ въ каждой, слѣдовательно въ милѣ 5000 стопъ.

Точно также есть разниця между сирійскою и римскою мѣрой поверхности. Въ первой югеръ равняется 2 плетрамъ или 20000 квадр.

¹⁾ *Römische Staatsverwaltung* II, 219—220; *Журналъ Мин. Нар. Пр.* 1879, августовская книжка, 359.

²⁾ *Bruns und Sachau*, 37: Der Meile gaben sie 1000 Schritt, welche maessen 500 Ruthen. Das Maass der Ruthe enthält 8 Ellen; то-есть, милю опредѣляли она въ 1000 шаговъ, въ которыхъ 500 руть. Мѣра руть 8 локтей.

стопъ, во второй въ югерѣ 28800 римскихъ стопъ и, слѣдовательно, 1 плетръ=14400 кв. стопъ.

Равность между сирійскою и римскою системою измѣренія объяснена Моммсевою, съ заключеніями котораго соглашаются и издатели сирійскаго законника ¹⁾. Для русскаго изслѣдователя сирійская линейная мѣра нагляднѣе можетъ быть представлена въ такой схемѣ: миля (верста)=500 руть (сажень)=6000 четвертей, слѣдовательно, терминъ рута можетъ быть принимаемъ за сажень; далѣе 1 югеръ, равняющійся двумъ плетрамъ, составляетъ 200 кв. сажень или 28800 четвертей (кв.др.); 1 плетръ=100 кв. саж. (14400 кв. четвертей); 1 сажень (πεγίσα=рута)=144 кв. четверти (или 9 кв. аршинъ).

Что касается употребленія термина *Ruthen* относительно масличныхъ насажденій ²⁾, въ этомъ отношеніи предпочтительнѣе было бы принять *Stamm* или *Gube* (стволь или лия или гѣздо) и, слѣдовательно, „*truncus*“ въ переводѣ Моммсена ближе подходитъ къ сущности дѣла. Мы увидимъ, впрочемъ, далѣе, что относительно виноградныхъ и оливковыхъ плантацій употреблялась та и другая система измѣренія: по югерамъ и по числу лозъ и стволовъ или гѣздъ ³⁾.

Выраженіе *σοῦτάλαια* едва-ли нуждается въ объясненіяхъ. Конечно, пастбища не подвергались измѣренію, за выпасъ скота назначалась норма подати не соотвѣтственно размѣрамъ выгона или пастбищной земли, а по числу головъ скота. Нуждающіеся для своего скота въ пастбищѣ принимали участіе въ отбываніи пастбищной подати (*σοῦτάλασταί*), которую и распредѣляли между собою по числу головъ скота: на одного приходился денарій, на другаго два или три. Только въ этомъ и заключается значеніе термина *σοῦτάλαια*.

Сирійскій законникъ даетъ возможность принять слѣдующія заключенія въ приложеніи къ писцовымъ книгамъ: При Діоклетіанѣ произведено было измѣреніе недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, при чемъ *iugum* принятъ былъ за единицу при обложеніи земель податями, а югеръ за единицу измѣренія поверхностей. Подать назначалась не по количеству югеровъ въ участіѣ, а по качествамъ земли и по доходности, такъ что 5 югеровъ подъ виноградникомъ считались за податное тягло, которое уравнивалось 60-ю югерами пахатной земли третьяго класса, или 450-ю стволами оливковыхъ деревьевъ. Идея податнаго тягла дана въ терминѣ *iugum*.

¹⁾ *Hermes*, III, 431—433; *Bruns und Sachau*, 285—286.

²⁾ „225 *Ruthen* von alten Oelbäumen geben die *annonao*“ и проч.

³⁾ *Bruns und Sachau*, 287—288.

Изъ измѣренія земель и описанія ихъ согласно съ находимомъ у Ульпіана *fortia sensualis* произошелъ кадастръ. Отъ римскаго кадастра ведетъ начало лѣтосчисленія по индикціонамъ ¹⁾). Именно съ 312 года установился обычай черезъ каждыя 15 лѣтъ подвергать пересмотру писцовыя книги и дѣлать вызываемыя временемъ и обстоятельствами переѣмы въ нормахъ обложенія ²⁾). Пятнадцатилѣтній индикціонный періодъ, то-есть, періодъ отъ одной податной ревизіи до другой, становится общераспространеннымъ способомъ лѣтосчисленія. Начало податнаго года падаетъ на 1-е сентября. Перваго индикта первый годъ 312, перваго индикта пятый годъ 316, втораго индикта первый годъ 327, пятаго индикта десятый годъ 381 и т. д.

Что касается типа писцовыхъ книгъ IV и V столѣтій, то онъ можетъ быть представляемъ въ слѣдующихъ видахъ: Центральное податное управленіе могло удовлетвориться общимъ обозначеніемъ числа татоговъ въ цѣломъ округѣ, каковое число давало уже сумму податей, ожидаемыхъ къ поступленію въ казну. Для центрального управленія не было необходимости въ детальномъ исполненіи всѣхъ графы формулы писцовыхъ книгъ. Нужно отличать поэтому общій и суммарный типъ, въ которомъ не отмѣчались отдѣльныя статьи cadastra хозяйства, а показывалась общая сумма подати, вносимая цѣлыми группами владѣльцевъ, напримѣръ, цѣлою областью или городскимъ округомъ. Образецъ такого типа писцовыхъ книгъ мы находимъ въ окладномъ листѣ города Лампсака. Но такъ какъ распределеніе подати между отдѣльными плательщиками зависѣло отъ особенныхъ и весьма разнообразныхъ условій, и именно отъ того, отмѣчены ли были каковыя цифры въ каждомъ участкѣ, или же оставались бѣлыми графы о числѣ югеровъ пахатной земли, о количествѣ виноградныхъ лозъ, о масличныхъ деревьяхъ, о лугахъ, рыбныхъ ловляхъ, соляныхъ варницахъ и др., то естественно, что каждый плательщикъ или каждый участокъ былъ представленъ въ мѣстной писцовой книгѣ, хранившейся въ городскомъ архивѣ, со всѣми статьями хозяйства, подлежащими обложенію. Въ этой мѣстной писцовой книгѣ каждый плательщикъ значился подъ отдѣльнымъ столбцомъ или въ отдѣльной статьѣ, копію съ которой онъ хранилъ у себя, какъ оправдательный документъ противъ произвольныхъ требованій сборщика. Этотъ второй

¹⁾ *Marquardt*, II, 237: *Indictio* heisst schon bei Plinius die *Steueraufgabe* und hat diese Bedeutung auch später.

²⁾ *Ibid.*, 222.

типъ, который собственно и заслуживаетъ названія писцовой книги, представляетъ собою драгоценный матеріалъ для выводовъ финансовой и экономической науки.

Представленные наблюденія и соображенія о писцовыхъ книгахъ римской императорской эпохи подтверждаются новыми эпиграфическими данными. Во первыхъ, сюда относятся двѣ греческія надписи, найденныя на островахъ Архипелага, Эеръ и Астипалеѣ ¹⁾ и относящіяся къ V или VI вѣку. Хотя чтеніе этихъ надписей не вполне еще установлено, и нѣкоторыя слова (числа, дроби и условные знаки) остаются не объясненными, но и то, что прочитано и объяснено, представляетъ весьма наглядное практическое осуществленіе теоріи писцовыхъ книгъ. Въ надписяхъ указываются:

1) владѣлецъ участка: Δεσποτίας Εὐφροσύνης θυγάτηρὸς Παρῆϊου. Часто при этомъ стоитъ имя производившаго переписъ чиновника: ἐξ ἀπογραφῆς Δουμανοῦ, ἐξ ἀπογραφῆς Σάκκικίου;

2) названіе имѣнія (χωρίον, fundus): χωρίον Ἀχελλικός, χωρίον Βάρρος;

3) опись каждаго имѣнія въ отдѣльности, при чемъ въ частности значится:

а) количество пахатной земли: γῆς σπορίμοο или просто γῆς; вездѣ обозначена мѣра буквами алфавита, передъ которыми знакъ $\bar{\Gamma}$. Въ Астипалейской надписи вѣсто того или знакъ $\bar{M}$ или $\bar{Z}$. Объясненіемъ этихъ знаковъ затрудняются и Кирхгофъ, и Моммсенъ. Меньше трудностей представляетъ объясненіе первыхъ двухъ знаковъ: $\bar{\Gamma}$ означаетъ югеръ, $\bar{M}$ модій или медимнъ ²⁾. Что касается до $\bar{Z}$, несомнѣнно въ этомъ знакѣ нужно видѣть господствующій въ византійскихъ писцовыхъ книгахъ терминъ ζυγόν=ζεύγος=ζευγάριον и южнославянскій зевгарь, соответствующій латянскому iugum. Въ самой надписи можно видѣть не только форму ζο, но и ζεο ³⁾. Мы думаемъ, что ζυγόν не можетъ быть смѣшиваемъ здѣсь съ югеромъ ⁴⁾,

¹⁾ Kirchhoff, Corpus Inscriptionum Graecarum, vol. IV, fascic. II, № 8656 и 8657. Объясненіе этихъ надписей сдѣлалъ Моммсенъ въ журналѣ *Hermes*, III, 437—438.

²⁾ Одна римская надпись, о которой сейчасъ будемъ говорить, можетъ служить подтвержденіемъ, что знакъ $\bar{M}$ =Modius: Fundus Pupianus M VIII, то-есть, мѣлье Пупиана 8 модіевъ.

³⁾ Надпись съ острова Эеры № 8656, строка 5.

⁴⁾ Вопреки объясненію Моммсена въ *Hermes*, III, 437. Точно также тѣ 50000 $\bar{\Gamma}$ εὐθера ζυγά и 10000 ταμταχά ζυγά, о которыхъ говоритъ епископъ Θεοδωρίτѣ

и выводимъ то заключеніе, что ζυγόν или ζευγος, какъ двойникъ iugum, появляется на Востокѣ уже въ V вѣкѣ;

б) количество. земли подъ виноградомъ, опредѣляемое знакомъ ^ο (югеръ) и буквами: αρελ ^ο β. αρε ^ο γ.

в) масличныя деревья — обозначаются буквой, которой предше-
ствуетъ слово γ или γορ. Въ этомъ сокращенномъ выраженіи нельзя
не видѣть γορος, то-есть, яма или гнѣздо для дерева: αλεσων или ελεσων
γ —
γ (γ=γορ) λ или κα и т. п. Здѣсь, слѣдовательно, показывалось число
стволовъ, а площадь не измѣрялась;

г) быки, ослы и овцы — поштучно;

д) весьма пострадавшія на камняхъ числовыя данныя, въ кото-
рыхъ нужно видѣть или счетъ саріа, какъ догадывается Моммсенъ,
или что вѣроятнѣе, падающую на имѣніе сумму подати;

4) находящіеся на участкѣ рабы по именамъ и по возрасту;

б) парики (κάρσιχοι). Моммсенъ дѣлаетъ заключеніе, что уже здѣсь
выступаетъ основной характеръ отношенія париковъ къ воздѣлывае-
мой землѣ и къ землевладѣльцу — glebae adscriptio.

Восторыхъ, къ найденнымъ до сихъ поръ остаткамъ римскихъ
писцовыхъ книгъ причисляются еще двѣ надписи, одна римская отъ
323 г., другая греческая, именно аеинская, относящаяся къ концу
IV или къ первой четверти V вѣка ¹⁾. Но первая по своему типу не
подходить ни къ формулѣ Ульпіана, ни къ разсмотрѣннымъ образ-
цамъ надписей съ греческихъ острововъ. Въ ней находимъ то три,
то четыре графы, исполненныя слѣдующимъ образомъ:

X	F	Maceriatus	MLVI
VIII	K	Opptana	MII
XI	F	Publia	MXI
—	G	Modianus	MXXVIII.

(въ первой четверти V в.), должны толковаться не въ смыслѣ югеровъ, а iuga, —
ар. *Marquardt*, 220. Anm. 2. Ибо если только ¹/₆ часть округа города Кырры
обложена была поземельною податью, остальныя же ⁵/₆ частей, кия въ состояніи
въ голыхъ скалахъ, не подвергались обложению, то на какой конецъ производили
измѣреніе по югерамъ скалистыхъ и невоздѣланныхъ пространствъ?

¹⁾ Первая издава Моммсеномъ, *Inscriptiones Regni Neapolitani Latinae*, Lip-
siae 1853, Lucania, Volceii p. 15. №. 216; вторая Грекомъ *Εισπρατιάδων: Εο-
στρατιάδης, Αρχαιολογική Εφημερίς*, Β', Τεύχος ΙΔ', Αθήναι: 1870

Совсѣмъ не ясно, что показывается въ первой и второй графѣ, а потому трудно приходитъ къ какимъ-нибудь заключеніямъ на основаніи этой надписи по занимающему насъ вопросу.

Греческая надпись, прочитанная и объясненная Евстратиадомъ, представляетъ собою очень испорченный памятникъ, сохранившій весьма мало цѣлыхъ словъ и строкъ. Здѣсь перечисляются мужскія и женскія имена, за которыми слѣдуютъ названія участковъ съ обозначеніемъ мѣстности или дима, въ которомъ они лежали: $\kappa\lambda$ Δάμων καὶ Σουζιάτῃ χωρὶς Ἀρχολῆσι καὶ Ἀγρολῆσι πρὸς τῆ Ἰμρητῆ. Въ концѣ строки денежная единица, выражаемая буквами алфавита, и передъ нею знакъ λ , обозначающій денарій. Обширный комментарий имѣетъ главною цѣлью объяснить принятыя въ надписи знаки цѣлыхъ чиселъ и дробей: λ Ψ Λ Ζ Ι. Но и въ аонской надписи не находимъ цѣннаго матеріала для исторіи висцовыхъ книгъ.

Заключительную страницу въ обзорѣ висцовыхъ книгъ римскаго періода представляютъ данныя, извлекаемыя изъ новеллы Юстиніана I (527—565 гг.). Прямо къ нашему предмету относятся двѣ статьи 128-й новеллы¹⁾. Въ первой законодатель говоритъ: „Заботясь о пользѣ нашихъ подданныхъ, издаемъ сей законъ, которымъ повелѣваемъ, чтобы въ мѣсяцѣ іюльѣ или августѣ однажды въ каждый индиктъ объявляемы были подробныя окладныя листы²⁾ на будущій индиктъ въ судебномъ учрежденіи каждаго округа славнѣйшихъ нашихъ епархій. Въ этихъ окладныхъ листахъ должно быть обозначено количество предстоящей къ поступленію въ казну подати въ каждой епархіи или въ городѣ съ каждаго (дальше слѣдуютъ терминны, оставляемыя пока безъ перевода) ζιούγου ἢ οὐλίων ἢ χεντορίων, или какихъ другихъ по имени, и притомъ какъ въ видѣ натуральной повинности, такъ и денежной³⁾. Кромѣ того, въ нихъ должна заключаться

¹⁾ *Ossendraggen*, *Corpus iuris civilis*, Lipsiae 1875, III, 576—577. Къ сома-
тнію, мы не имѣли подъ руками новаго изданія новеллы *Цагаріе*.

²⁾ τὰς μερικὰς διατιπώσεις τῶν συνταξιῶν τῆς μελλούσης ἐπιτελέσεως... φανε-
ροῦσθαι. Здѣсь видѣются въ виду два типа висцовыхъ книгъ, о которыхъ го-
ворено выше: общія и суммарныя для цѣлыхъ областей или округовъ и частныя
и подробныя для каждаго плательщика въ отдельности; сравн. ниже τὰς ἀποχὰς
ἤτοι ἀμερικνίας, μερικὰς τε καὶ κληναρίας.

³⁾ ...σημαίνουσας τὸ ὅπως ἐν ἑκάστῃ ἐπαρχίᾳ ἤτοι πόλει ὑπὲρ ἑκάστου ἰούγου, ἢ
χεντορίων, ἢ ἄλλων οἰωνδῆποτε ὀνόματι τοῦτο μὲν ἐν εἶδει, τοῦτο δὲ ἐν χρυσῷ δη-
μοσίων ἐνεκεν ἐπιχεῖται; — declarantes quantum in unaquaque provincia vel civitate
pro singulis iugis, aut iullis (aut villis или villis) aut centuriis, aut quorumvis
aliorum nomine tam in specie, quam in auro tributorum nomine incumbat.

оцѣнка имущественныхъ статей согласно измѣренію, а также и по мѣстнымъ условіямъ, и опредѣлена норма того, что слѣдуетъ вносить въ казну или давать въ каждой епархіи или издерживать ¹⁾). Составленные такимъ образомъ окладные листы тотчасъ же пересылаютъ передъ началомъ cadastra indictionis архонтамъ епархіи, дабы они распорядились выставить ихъ для всеобщаго свѣдѣнія въ теченіе сентября или октября мѣсяца въ зависящихъ отъ нихъ городахъ ²⁾). Если кто пожелаетъ получить копію съ окладныхъ листовъ, таковая должна быть выдаваема безъ замедленія въ судебныхъ учрежденіяхъ славѣнскихъ епархій, дабы плательщики знали, какъ они будутъ вносить подати ³⁾.

Въ третьей статьѣ той же новеллы находимъ еще новое и не менѣе важное распоряженіе о писцовыхъ книгахъ: „Опредѣляемъ, чтобы сборщики казенныхъ податей не уклонялись ни подъ какимъ видомъ отъ выдачи квитанцій или росписокъ какъ отдѣльными платильщикамъ, такъ и цѣлымъ группамъ ихъ ⁴⁾). Въ этихъ роспискахъ должно быть обозначено количество денежной и натуральной подати, равно какъ τῶν ἰούγων, ἤτοι τῶν οὐλίων, ἤγουν κεντουρίων и имена мѣстныхъ, съ которыхъ взимается подать ⁵⁾). Совершенно сходное по-

¹⁾ ...φανερῶσας δὲ καὶ τῶν εἰδῶν τὴν ἀποτίμησιν κατὰ τὴν τράπεζαν καὶ τὴν ἐν ἐκάστῃ τόκῳ κρατοῦσαν συνήθειαν, καὶ τί ἐξ αὐτῶν εἰς τὴν ἀρχὴν εἰσφέρεισθαι, ἢ ἐν ἐκάστῃ ἐπαρχίᾳ διδοῦσθαι ἢ διαλαμβάνειν προσήκει; indicantes quoque speciebus aestimationem apud mensam (secundum mensuram) et secundum consuetudinem unoquoque in loco obtinentem, quidve ex illis in arcam inferri, vel in quavis provincia dari aut impendi conveniat. Выраженіе κατὰ τὴν τράπεζαν—не совсѣмъ ясно.

²⁾ ...οὕτω δὲ συντεθειμένους τὰς τοιαύτας διατυπώσεις τοῖς τῶν ἐπαρχιῶν ἀρχουσὶν εὐθέως πέμπεσθαι ἐν προομίῳ: ἐκάστης ἐπιμελήσεως, καὶ δι' αὐτῶν προτιθεσθαι ἐν ταῖς ὁκ' αὐτοῖς καθεστῶσας πόλεις ἐντὸς τοῦ σεπτεμβρίου μηνὸς ἢ δεκτωβρίου.

³⁾ Ἀλλὰ καὶ τοῖς βουλομένοις τὰ ἴσα τούτων ἐκ τοῦ δικαστηρίου τῶν ἐνδοξοτάτων ὑπάρχων ἀντιπρόθεως διδοῦσθαι, ὥστε τοὺς συντελεστάς γινώσκειν, καθ' ὃν τρόπον ἀπείλοοι τὰς συντελείας εἰσφέρειν.

⁴⁾ Ὑπὲρ δὲ τῶν δημοσίων συντελειῶν τὰς ἀποχὰς ἤτοι ἀμεριμνίας, μερικίας τε καὶ κληναρίας, πᾶσι τρόποις κατὰ τῶν τὰ δημόσια υποδεχομένων γίνεσθαι διοριζομεν;—Pro publicis autem collationibus, ut prochie sive securitates, particulares et plenariae, (sive securitates particulares aut plenariae) omnibus modis ab iis conficiantur, qui tributa suscipiunt, definimus.

⁵⁾ σημαίνουσας τὴν τῶν χρημάτων ποσότητα καὶ τῶν εἰδῶν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τῶν ἰούγων, ἤτοι τῶν οὐλίων (ιουλίων), ἤγουν κεντουρίων, καὶ τὰ ὀνόματα τῶν κτήσεων, ὅπερ ὡς τὰς συντελείας ὑποδέχονται; quae significant pecuniarum et specierum, nec non iagoram, seu iullorum, seu centuriarum quantitatem (sive villarum=ulliorum=iulliorum) et nomina possessionum, pro quibus tributa suscipiunt.

становленіе о выдачѣ росписокъ въ полученіи податей читается въ въ 8-й статьѣ семнадцатой новеллы Юстиніана ¹⁾, съ небольшимъ отступленіемъ въ терминологіи: въ роспискахъ обозначается ποσὸν τῶν ζυγοκεφάλων ἢ ἰούγων ἢ ἰουγαλίων.

Новые факты къ исторіи писцовыхъ книгъ, почерпаемые изъ новеллы Юстиніана, заключаются кратко въ слѣдующемъ: Передъ началомъ каждаго индикта органы провинціального управленія составляютъ примѣрные окладные листы съ обозначеніемъ податной суммы, подлежащей къ уплатѣ съ каждаго хозяйства; этимъ однако нисколько не обусловливается необходимость новыхъ межеваній и новыхъ описей черезъ каждый индиктъ. Окладные листы служатъ матеріаломъ для смѣты доходовъ и расходовъ имперіи ²⁾; въ этой смѣтѣ принимались во вниманіе и мѣстныя нужды. Далѣе, окладные листы разсылались въ низшія инстанціи для опубликованія ихъ во всеобщее свѣдѣніе и для выдачи копій отдѣльнымъ плательщикамъ, если они пожелаютъ. Очевидно, своевременною публикаціей окладныхъ листовъ достигалась идея справедливости обложенія: плательщикъ, находя въ своемъ столбцѣ невѣрности или же испытавъ измѣненія въ состояніи своего хозяйства, могъ ходатайствовать о смягченіи подати. Наконецъ, сборщики податей обязаны были давать росписку въ полученіи количества уплаченной суммы, съ обозначеніемъ отдѣльныхъ, обложенныхъ податю, статей и хозяйствъ. Такимъ образомъ, плательщикъ имѣлъ въ своихъ рукахъ и оправдательный документъ противъ невѣрнаго обложенія, и росписку въ уплатѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ могла служить для высшей власти средствомъ контроля надъ сборщиками податей.

Остаются въ Юстиніановыхъ новеллахъ затрудненія въ объясненіи терминовъ: τῶν ζυγοκεφάλων ἢ ἰούγων ἢ ἰουγαλίων (нов. 17, 8), τῶν ἰούγων, ἢ οὐλίων (ἰουλίων), ἢ κεντουρίων (нов. 128. 1. 3). Само собою

¹⁾ Corpus iuris civilis III. p. 110. Ἀναγκάσεις δὲ τοὺς δημοσίους πράκτορας ἦτοι τοὺς ἀπαιτητὰς ἐν ταῖς ἐσπότην ἀποχαις φανερά ποιεῖν ἅπαντα, ἐφ' οἷς αὐτὰς διδῶσαι, τούτοις τό τε ποσὸν τῶν ζυγοκεφάλων ἢ ἰούγων, ἢ ὅπωςδήποτε ἂν αὐτὰ κατὰ χώραν καλοῖεν, καὶ ὑπὲρ τίνων αὐτὰ καὶ ποίων χωρίων ἀπαιτοῦσι, καὶ τὸ τῶν δεδωμένων ποσὸν εἶτε ἐν εἰδέσει, εἶτε ἐν χρυσίῳ; Coges vero publicos exactores sive compulsores, ut in apochis (susceptis) suis omnia, pro quibus eas tradunt, expriment quantitatē zygocephalorum, aut ingorum, aut iugalium, vel quo alio nomine ea in provincia appellant, et pro quibus ac qualibus praediis ea exigant, ei quantitatem eorum, quae sive in speciebus, sive in auro dantur.

²⁾ Это заключеніе выводимъ изъ словъ: καὶ τί ἐξ αὐτῶν εἰς τὴν ἄρχαν εισφέρεσθαι, ἢ ἐν ἐκάστῃ ἐπαρχίᾳ διδοῦσθαι ἢ δακτυλοῦσθαι.

разумѣтся, эти выраженія не могутъ быть объясняемы въ смыслѣ податной единицы, какъ *iugum*. Въ частности, τὸ ζυγοκέφαλον представляетъ собою не что иное какъ сочетаніе двухъ латинскихъ словъ *iugum*=*carut*, имѣющихъ въ податной терминологіи одно и то же значеніе ¹⁾).

Греческій терминъ, сложившійся еще ранѣе Юстиніана и встрѣчающійся въ одной надписи V вѣка ²⁾, не можетъ означать болѣе того, что разумѣтся подъ *iugum* или *carut*; не думаемъ также, чтобы въ ζυγοκέφαλον заключалось понятіе соединенной поголовной и поземельной подати ³⁾. Но важнѣе всего для правильнаго пониманія этого термина указанія самихъ повелѣй, позволяющія въ немъ видѣть только ту особенность, что это былъ терминъ мѣстный, и что не вездѣ податная единица носила названіе τὸ ζυγοκέφαλον ⁴⁾.

Тὸ ἰούγον или ἰουγόν само по себѣ не нуждалось бы въ новыхъ объясненіяхъ послѣ того, какъ опредѣлено понятіе *iugum*. Но стоящія съ нимъ рядомъ и по видимому имѣющія съ нимъ сродство выраженія οὐλίον и ἰουγάλιον весьма странны и необычны. Легко можно видѣть въ послѣднемъ уменьшительную форму, принятую съ латинскаго въ греческій, хотя такой латинской формы не сохранилось ⁵⁾.

¹⁾ *Marquardt*, 218, прим. 1.

²⁾ *Boeckh*, *Corpus Inscriptionum Graecarum*, II № 2712 (р. 478—479).

строка 6 μήτε τῶν ζυγοκεφάλων, ὅπερ ὦν
τὰς ἀπετήσεις ποιοῦνται, μήτε τῶν
καταβαλλομένων χρημάτων ἢ εἰδῶν
ταύτας ἐντίθεσθε τὴν ποσότητα.

6 τὴν τῶν ζυγοκεφάλων καὶ τῶν ὀπίρ
αὐτῶν καταβαλλομένων εἰδῶν ἢ χρημάτων ποσότητα.

³⁾ Такой взглядъ высказываетъ *Zachariae von Langenthal* въ статьѣ «О римской податной системѣ въ императорскій періодъ», *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de S.-Petersbourg*, VII série, t. VI № 9, 1863. По его мнѣнію, терминъ ζυγοκέφαλον означаетъ... dass die capita des Kadasters theils capita Landes (iuga), theils capita Menschen (capita in engeren Sinne) waren (s. 12). Относительно *iugum* Цихаріе держится противоположнаго Савини мнѣнія: «*iugum* обозначаетъ участокъ, который можетъ быть обработанъ парой воловъ, въ переносномъ смыслѣ подъ *iugum* нужно разумѣть—nicht wohl eine Werthsgroße oder ideale Steuerhufe, sondern nur eine Flächengrösse oder reale Steuerhufe» (S. 16).

⁴⁾ Новелла 17-я: τῶν ζυγοκεφάλων ἢ ἰούγων ἢ ἰουγαλίων ἢ ὡπωςδήποτε ἂν αὐτὰ κατὰ χώραν καλοῦν; новелла 128-я... ἢ ἄλλων οἰωνδήποτε ὀνόματι. Стоитъ обратить вниманіе и на частицы между этими терминми: ἢ, ἦτοι, ἦτοι.

⁵⁾ Прекрасное изданіе римскихъ юридическихъ памятниковъ до Юстиніана съ обширнымъ ученнымъ аппаратомъ и разнообразными указателями представляетъ

Но больше вѣроятій въ предположеніи, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ испорченнымъ мѣстомъ ¹⁾, и что то и другое странное выраженіе должно найти себѣ объясненіе въ неизвѣстномъ третьемъ. Выходя изъ того положенія, что ζυγοκέφαλον и ἰοῦγον различаются только по мѣстному употребленію, а не по существу заключающагося въ нихъ понятія, мы должны въ поискахъ за третьимъ терминомъ не выходить изъ круга того же понятія, то-есть, держаться идеи податной гуфы, податной единицы, податнаго тягла и т. п. Но въ рисскихъ памятникахъ сюда могли бы подходить развѣ centuria, податная гуфа въ Африкѣ и Испаніи ²⁾, и 'millepa—въ Италіи, очевидно не имѣющія никакого этимологическаго сродства съ οὐλίων.

Но почему же бы не обратиться за подобными же поисками къ византійскимъ писцовымъ книгамъ? Не найдется ли въ податной практикѣ послѣ Юстиніана такого термина, который могъ бы быть поставленъ въ связь съ испорченнымъ словомъ новеллы?—Въ области византійскихъ писцовыхъ книгъ, и именно въ кругѣ понятій обложенія земли податью, находимъ терминъ φοιδάτων, образованный по аналогіи съ ζευγάτων, латинская форма *voidatum*. Этотъ терминъ долженъ былъ проходить разныя формы образованія по аналогіи съ ζυγόν = ζεύγος = ζευγάριον = ζευγάρατων, слѣдовательно, долженъ былъ являться и въ формѣ φοιδίων или ὑοιδίων. Здѣсь было бы неумѣстно входить въ доказательства, что терминъ φοιδάτων относится къ тому же кругу понятій, какъ *ingum* и *зевгарь*,—удовлетворительныя доказательства на это надѣемся представить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же намъ слѣдуетъ пока отвѣтить на возраженіе на счетъ возможности происхожденія въ Юстиніановой новеллѣ οὐλίων вмѣсто ὑοιδίων. Такой отвѣтъ даетъ палеографія. Ссылаемся на судъ ученыхъ, читавшихъ греческія рукописи. Они могутъ подтвердить, что, напримѣръ, δ и λ очень легко и часто смѣшиваются при пе-

Haenel, Corpus legum ab Imperatoribus Romanis ante Iustinianum latarum, Lipsiae 1857. Для знакомства съ податными, финансовыми и земельными терминами *Blume, Lachmann und Rudorff, Die Schriften der Römischen Feldmesser. Berlin 1848* (при второмъ томѣ хорошій указатель).

¹⁾ Въ текстахъ принято чтеніе οὐλίων (128-я новелла), ἰουγάτων же представляеть собою разночтеніе. *Marquardt*, 223, прим. 1, замѣчаетъ: *dieser Ausdruck ist noch unerklärt und vielleicht verderbt.*

²⁾ *Marquardt*, *ibidem*. Латинскій переводъ, приведенный нами въ предыдущихъ примѣчаніяхъ рядомъ съ подлинникомъ, можетъ лишь убѣждать, что испорченный греческій терминъ передавался ничего не выражающимъ латинскимъ словомъ.

репискѣ и чтеніи рукописей, что въ началѣ слова перестановка о и о, въ особенности когда spiritus ionis поставленъ не вполне на свое мѣсто, возможна весьма часто. Такимъ образомъ, съ палеографической точки зрѣнія замѣна одного слова другимъ представляется намъ весьма законною. Съ историко-юридической точки зрѣнія такая замѣна была бы богата послѣдствіями.

II.

Средневѣковыя западно-европейскія писцовыя книги.

Прежде чѣмъ приступить къ провѣркѣ добытыхъ въ предыдущей главѣ результатовъ на изученіи слѣдовъ писцовыхъ книгъ византійскаго періода, мы предполагаемъ сдѣлать шагъ въ сторону съ цѣлью облегчить для себя, при помощи опыта и метода западно-европейской науки, разрѣшеніе предпринятыхъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, опыты изученія такого сухаго и по внѣшнему виду не важнаго матеріала, какой представляютъ писцовыя книги, впервые сдѣланы были на Западѣ. Французъ Гераръ показалъ методъ оживлять однообразныя, скучныя и бѣдныя содержаніемъ дѣловыя записи, описи и счетныя книги. Съ неподражаемымъ искусствомъ онъ далъ жизненное содержаніе французскимъ писцовымъ книгамъ и съ мастерствомъ, никѣмъ еще не превзойденнымъ, успѣлъ изъ нихъ выжать неожиданно блестящіе результаты для исторіи культуры и права. Трудъ Герара „Политикъ аббата Ирминона“ долженъ необходимо служить руководителемъ для всякаго, кто будетъ имѣть дѣло съ писцовыми книгами. Нѣмецкая наука многими страницами изъ исторіи культуры, хозяйства и права обязана также изданію писцовыхъ книгъ и работѣ находящагося въ нихъ матеріала, хотя ожидающія дѣателей задачи еще обширнѣе исполненныхъ. „Что примѣръ Герара въ теченіе почти тридцатилѣтняго періода не вызвалъ никакого значительнаго соревнованія въ обработкѣ писцовыхъ книгъ“—говорилъ Инама-Штернеръ въ 1876 г.—„это служитъ достойнымъ сожалѣнія доказательствомъ все еще недостаточнаго пониманія широты вопросовъ нѣмецкой культурной и хозяйственной исторіи“.

Знакомство съ французскою и нѣмецкою литературой по исторіи писцовыхъ книгъ приготовить насъ къ болѣе точной постановкѣ вопросовъ, которые могутъ быть изучаемы на основаніи подобныхъ матеріаловъ. Общая оцѣнка писцовыхъ книгъ, равно какъ распре-

дѣленіе ихъ на типы и виды, особенное значеніе каждаго типа и вида для историческихъ и экономическихъ выводовъ всё эти вопросы уже поставлены и выяснены западными учеными и могутъ быть съ пользой примѣнены къ изученію отрывковъ писцовыхъ книгъ, сохранившихся изъ византийской эпохи Римской имперіи. Съ другой же стороны, скудость дошедшихъ до насъ византийскихъ памятниковъ этого рода и самое свойство ихъ (отрывки и слѣды) по необходимости требуетъ сравненія и сопоставленія съ соответствующими и сродными памятниками, удѣлѣвшими въ большемъ количествѣ и въ болѣе счастливомъ видѣ на Западѣ. Сравненіе терминологіи восточно-европейскихъ и западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ покажетъ намъ особенности въ поземельной, податной и хозяйственной политикѣ средневѣковаго Востока и Запада.

Между всѣми такъ-называемыми статистическими матеріалами для исторіи народнаго хозяйства имѣютъ первостепенное значеніе *Weisthümer* (вѣщбы), *Urbarien* и *Rechnungsbücher* ¹⁾.

Weisthümer суть памятники обычнаго права, унаслѣдованнаго отъ сѣдой древности. Древнѣйшія записи восходятъ къ VIII в., но значительнѣйшіе и болѣе полные сборники относятся къ XIII и XIV вв. Они произошли изъ показаній представителей деревенскихъ общинъ, союзовъ или коллегій шеффеновъ по случаю спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ народныхъ собраніяхъ. Разъ объявленное и утвержденное народнымъ собраніемъ обычное право становилось обязательною нормой при рѣшеніи подобныхъ же недоразумѣній на будущее время. Но болѣе существенное, можетъ быть, значеніе этого рода памятниковъ заключается въ постоянной живой связи ихъ съ личными, общественными, хозяйственными и культурными отношеніями, изъ которыхъ они развиваются, и которыя ими регулируются. Содержаніе ихъ весьма разнообразно: они или обнимаютъ судебные случаи, или касаются порядковъ сельской общины, или отношеній свѣтскаго и духовнаго сенора къ сидящему на его землѣ населенію. Въ частности по нимъ возстановляется исторія отдѣльныхъ участковъ, податной и барщинный вопросъ, штрафы, движеніе помѣстій изъ однихъ рукъ въ другія и т. п. ²⁾.

¹⁾ *Inama-Sternegg*, Ueber die Quellen der Deutschen Wirthschaftsgeschichte, въ *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften*, Bd 84, S. 135—210.

²⁾ Объ вѣщбахъ-*Weisthümer* *Inama-Sternegg*, *Ibid.* 149—180; *Zoeppfl*, *Deutsche Rechtsgeschichte* I, 107; *Göttinger*, *Reallexikon der Deutschen Alterthümer* (8. v.). Leipzig. 1882.

Урбаріи или писцовыя книги въ собственномъ смыслѣ составляютъ непрерывный источникъ, идущій со времени Каролинговъ до настоящей поры. Происхожденіемъ своимъ они обязаны частью потребностямъ самыхъ большихъ хозяйствъ, частью волѣ королей и князей; въ томъ и другомъ случаѣ ихъ цѣль была дать общій взглядъ на состояніе хозяйства и на доходы, вообще на экономическія права земельной собственности. Въ распоряженіяхъ Пипина, Карла Великаго и его преемниковъ о составленіи писцовыхъ книгъ въ бенефиціяхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей ясно уже проглядываетъ государственная задача и сознаніе политической важности вопроса о народномъ хозяйствѣ. Составленіе писцовыхъ книгъ возложено было на императорскихъ миссовъ. Составленные подъ ихъ наблюденіемъ инвентари и описи, начинающіеся формулой *invenimus, reperimus*, образуютъ первую группу урбаріевъ. Таковъ отрывокъ подробной описи королевскаго имуществъ и бенефицій въ Аугсбургской епископіи: *Breviarium regium fiscalium* ¹⁾. Съ X в. увеличивается число сохранившихся писцовыхъ книгъ, и между ними лучшія относятся къ епископскимъ и монастырскимъ имуществамъ.

Урбаріи составляютъ главный источникъ для экономической исторіи поземельной собственности. Они не только показываютъ намъ, какое распространеніе имѣла поземельная собственность въ разные времена и въ разныхъ областяхъ, въ какія формы она одѣвалась и какія испытала перемѣны, но также знакомятъ съ тѣмъ видомъ ея, въ который она постепенно складывалась, проходя промежуточныя стадіи развитія. Они позволяютъ понять далѣе длинный и сложный процессъ разлененія владѣнія въ мѣстечкахъ и отдѣльныхъ помѣстьяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщаютъ со всѣхъ сторонъ важнѣйшій капиталистическій субстратъ поземельной собственности, при посредствѣ котораго она получила силу осуществить свою плодотворную организаторскую роль въ народномъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ. Именно изъ урбаріевъ всего яснѣе можно видѣть: въ какихъ размѣрахъ, съ какимъ напряженіемъ и въ какихъ хозяйственныхъ соображеніяхъ землевладѣльцы пользовались чужою рабочею силою; въ урбаріяхъ отмѣчается число колонновъ и рабовъ, равно какъ прикрѣпленныхъ къ обрабатываемому участку крестьянъ;

¹⁾ *Perts, Leges, I, 176.* Часто повторяющаяся фраза „*et sic cetera se talibus rebus breviate debes*“ показываетъ что, такова была формула или образецъ писцовыхъ книгъ.

такимъ образомъ по нимъ можно всего лучше ознакомиться съ капиталистическою организаціей хозяйства.

Такимъ образомъ урбаріи дають понятіе объ основныхъ силахъ хозяйства, о земельной цѣнности и рабочихъ рукахъ, какъ онѣ соединены въ поземельной собственности, и какъ она расходуетъ ихъ и примѣняетъ къ дѣлу. Въ той же степени ими освѣщается статистическая и правовая сторона хозяйства: средневѣковая статистика населенія, число народа, густота и т. п., сословныя отношенія, правовыя отношенія землевладѣнія (аллодъ, ленъ, бенефіція), различные роды помѣстій и ихъ пространство (mansus, huda, sella, curtis). Далѣе, существенныя измѣненія, происходившія съ теченіемъ времени въ поземельной собственности, отношенія между владѣніемъ и держаніемъ, раздѣленіе земель на гуды, образованіе большихъ помѣстій и латифундій изъ малыхъ участковъ, система колонизаціи и т. п., все это можетъ быть изучаемо на основаніи урбаріевъ.

Ресма важнымъ также находимыя въ урбаріяхъ извѣстія о системѣ хозяйства въ описанныхъ помѣстьяхъ. Они одни позволяютъ заключить, какую часть земли владѣлецъ отдѣлялъ для собственнаго хозяйства, сколько назначалъ для бенефіцій и леновъ, и наконецъ, сколько выдѣлялъ зависящему и оброчному населенію; изъ нихъ же получаютъ свѣдѣнія о наследственной и временной арендѣ, обработкѣ изъ-за части продуктовъ, равно какъ о степени самостоятельности или зависимости крестьянскаго хозяйства по отношенію къ помѣщику, о личныхъ и вещныхъ повинностяхъ и платежахъ. Никакой другой источникъ не сообщаетъ такихъ свѣдѣній о родахъ культуры, объ отношеніи пахатной земли къ лѣсу, виноградникамъ, лугамъ и пастбищамъ, какъ въ цѣломъ помѣстьѣ, такъ и въ отдѣльныхъ въ немъ заключающихся хозяйствахъ, объ отношеніи земледѣлія къ скотоводству и о числѣ того или другаго рода домашняго скота. На основаніи тѣхъ же урбаріевъ можно составить себѣ понятіе о доходности земли, какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, если только достанетъ достаточно терпѣнія считать и вычислять. Если этотъ обзоръ, заключаетъ Инама-Штернегъ свою прекрасную главу объ урбаріяхъ ¹⁾,—не вполне отиѣтилъ тѣ поучительныя вещи, которыя трудолюбивый исследователь можетъ извлечь изъ урбаріевъ, то сказаннаго достаточно, чтобы питать желаніе и надежду, что этотъ обильный источникъ не останется на будущее

¹⁾ Ueber die Quellen d. D. WS., 180—204.

время безъ обработки и безъ употребленія ради кажущейся суровости береговъ, въ которыхъ онъ течеть.

Счетныя книги, *Rechnungsbücher*, совсѣмъ еще не тронуты историческою наукой. Лишь весьма незначительная часть ихъ сохранилась отъ конечнаго истребленія, и эти остатки достаточно свидѣтельствуютъ, что въ счетныхъ книгахъ заключаются очень важныя матеріалы для исторіи культуры. Этотъ источникъ восходитъ къ тому же времени, что и урбаріи. Отъ Карла Великаго, положившаго основаніе частному и государственному хозяйству, идутъ первыя указанія о правильномъ счетоводствѣ. ¹⁾ Ему доставлялись отчеты о расходахъ по хозяйству, на содержаніе двора и на управленіе; онъ требовалъ составленія хозяйственныхъ инвентарей и денежныхъ счетовъ. Типомъ такого рода документовъ можетъ служить упомянутый выше *brevisarium de rebus fiscalibus*. По извѣстнымъ доселѣ счетныя книги относятся ко второй половинѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ конца XIII в. ²⁾ Въ частностяхъ счетныя книги неодинаковы по достоинству: въ однихъ можно видѣть подробное и детальное движеніе доходовъ и расходовъ хозяйства, а въ другихъ, которыя должно разсматривать какъ сокращеніе первыхъ, указываются лишь круглыя суммы денежныхъ суммъ и предметовъ, принятыхъ и употребленныхъ для такой-то цѣли такимъ-то чиновникомъ. Особенно важенъ этотъ источникъ для провѣрки урбаріевъ. По нимъ можно убѣдиться въ вѣрности заключающихся въ урбаріяхъ данныхъ, напримѣръ, въ практическомъ осуществленіи платежей и повинностей со стороны зависимаго населенія; по нимъ можно возстановить, справедливы ли были требованія платежей и повинностей, не превышала ли мѣстныя власти своихъ правъ и полномочій, предъявляя большія требованія, чѣмъ это обусловлено было урбаріями. Точно также для очень сложнаго и труднаго вопроса о денежныхъ цѣнностяхъ, о курсѣ монеты, счетныя книги сообщаютъ болѣе точныя данныя, чѣмъ урбаріи. Такія преимущества счетныхъ книгъ, съ тѣхъ поръ, какъ признана была высокая важность исторіи цѣнъ, обратили на себя особенное вниманіе и вызвали естественное желаніе охранять и разрабатывать этотъ важный для исторіи хозяйства источникъ ³⁾.

Важность задачъ, открывающихся въ изученіи писцовыхъ книгъ,

¹⁾ *Pertz, Leges I, 185. Capit. de villis c. 55, 62.*

²⁾ *Ueber die Quellen, S. 206—207.*

³⁾ *Ibidem, 210.*

далеко не составляетъ теоріи, которая не имѣла бы опыта практическаго осуществленія и приложенія въ историко-юридическихъ и историко-экономическихъ сочиненіяхъ. Труды Ландау, Маурера Вайца, Рота и Сома по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ германскихъ древностей положили прочныя основанія для обобщеній и выводовъ новой школы историковъ, юристовъ и экономистовъ, слѣдующихъ историко-сравнительному методу. Въ этой школѣ, на знамени которой написано: постигаю общечеловѣческіе законы развитія и предостерегаю противъ произвольныхъ и опасныхъ заключеній объ избранности или самобытности какъ въ сферѣ изученія отдѣльныхъ народностей, такъ и спеціальныхъ учреждений, — сдѣлана уже попытка подвести и аграрный и вообще хозяйственный вопросъ, какъ слишкомъ глубоко коренившійся въ свойствахъ человѣческой природы, къ общему ученію объ исторіи развитія поземельныхъ или вообще хозяйственныхъ отношеній въ человѣческомъ родѣ ¹⁾. Само собою разумѣется, здѣсь было бы неумѣстно входить въ подробности о методѣ, стремящемся ввести обширную область политико-экономическихъ вопросовъ въ кругъ такихъ явленій исторической жизни, которыя подлежатъ естественному закону развитія. Мы можемъ ограничиться указаніемъ, что, слѣдуя историко-сравнительному методу въ изученіи экономическихъ вопросовъ, ученые пришли къ выводамъ въ высшей степени важнымъ и интереснымъ: о происхожденіи частной собственности изъ общей, о процессѣ разложенія общины подъ давленіемъ экономическихъ условій, о внутренней связи между поземельною собственностію и сословными различіями, о зависимости социальнаго строя отъ хозяйственнаго, наконецъ о значеніи исторіи хозяйства въ общій исторіи человѣчества. Въ особенности это направленіе наглядно и основательно проведено въ сочиненіи Инамы-Штернега ²⁾.

Онъ находитъ коренную связь между понятіями владѣющіе и зависимые классы именно въ экономическомъ принципѣ и показываетъ соотношеніе, какъ между этими понятіями, такъ равно между

¹⁾ У насъ самымъ виднымъ представителемъ этого направленія въ области изученія поземельныхъ отношеній долженъ быть названъ профессоръ Московскаго университета *М. М. Ковалевскій*: Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Москва. 1879. Въ нѣмецкой ученой литературѣ сюда относится капитальное сочиненіе того же автора, которымъ мы пользовались для характеристики писцовыхъ книгъ: *Inama-Sternegg, Deutsche Wirthschaftsgechichte bis zum Schluss der Karolingerperiode.* Leipzig. 1879.

²⁾ *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*, 1, 125, 242—245, 314, 393, 441, 487, 491.

господствующими и служебными участками. Кто владѣлъ болыпимъ количествомъ земли, чѣмъ сколько самъ могъ обрабатывать и употреблять на потребности своего хозяйства, тотъ обыкновенно удерживалъ только часть земельной собственности въ своемъ распоряженіи. Это была его *curtis* или *villa dominica* съ принадлежащею къ ней пахатною землею, лугами, пастбищами и лѣсами, совокупность которыхъ выражается въ терминѣ *terra salica*; здѣсь помѣщикъ сосредоточивалъ свою хозяйственную дѣятельность при помощи подчиненныхъ ему рабовъ—*manscipia*, которые получали отъ него жилище, рабочій скотъ, хозяйственный инвентарь и т. п. Остальная земля или раздѣляема была на оброчные участки, или отдаваема въ бенефицію, это—служебная или зависимая земля. Она раздаваема была или свободнымъ крестьянамъ, или литамъ или рабамъ, откуда образовалось различіе выдѣленныхъ изъ большаго помѣстья участковъ *mansus ingenuilis*, *lidills*, *servills*— различіе, указывающее впрочемъ не на разные степени зависимости земледѣльческаго населенія отъ помѣщика, а на свойства платежей и повинностей, идущихъ съ каждаго участка ¹⁾. Если на такой оброчный участокъ посаженъ былъ колонъ или прекарістъ, участокъ получалъ названіе *mansus vestitus*; если же нѣтъ, это былъ *mansus absus*. Въ послѣднемъ случаѣ его обрабатывалъ или самъ помѣщикъ посредствомъ своихъ рабовъ, или бралъ въ аренду по соглашенію съ помѣщикомъ одинъ изъ зависимыхъ крестьянъ, подъ условіемъ платежа оброка и отбыванія барщины (въ уменьшенныхъ противъ обычнаго размѣрахъ).

Въ исторіи средневѣковаго западно-европейскаго землевладѣнія имѣетъ принципиальное значеніе система раздѣленія земель на неодинаковой величины участки, называемые гуфами или гобами, на латинскомъ языкѣ мансами (*mansus*). Самыя древнія извѣстія объ аграрныхъ отношеніяхъ Германскаго племени, раселившагося въ разныхъ областяхъ западной Еврпы, равно какъ писцовыя книги

¹⁾ *Guérard*, Polyptique de l'abbé Irminon, Paris. 1844, p. 582. Эти зависимыя участки одинаково называются *tributales* или *tributarii*. Un manse ingénuile devait rester à tout jamais ingénuile, même lorsqu'il tombait en la possession d'un serf; et réciproquement un manse servile n'aurait pas changé de condition, même en devenant la tenure d'un homme libre. — La condition du manse n'était pas dépendante de celle du tenancier, au moins depuis Charlemagne, et se réglait d'après la nature et la qualité des redevances et des services. Le titre était donc réel et non personnel, inhérent à la chose et non à la personne. *Inama-Sternegg*, 129—130.

различныхъ германскихъ колѣнъ, свидѣтельствуютъ объ общераспространенности системы гуфы. Первая извѣстія о ней восходятъ къ 475 г. ¹⁾ Гуфой назывался земельный участокъ такого протяженія, чтобы обрабатывающая его крестьянская семья могла получать съ него пропитаніе и средства къ поддержанію своего соціального и общественнаго положенія. Гуфы, какъ и *inga* императорской эпохи, въ дѣйствительности не были земельные участки одинаковой мѣры, и представляли собою условную единицу земли, разбѣры которой уравнивались качествомъ и производительностью: величина гуфы колебалась между 20 и 60 моргенами или шгерами. Какъ нормальная мѣра земли, потребной на содержаніе одной семьи, гуфа является въ дарственныхъ грамотахъ и завѣщаніяхъ, въ купчихъ и запродажныхъ записяхъ, вообще во всемъ хозяйственномъ оборотѣ безъ всякихъ указаній ея величины: *curtem dominicalem cum sua huba*, — *inam hobam plemat*, — *mansos duos*, — *dimidiam hubam* и т. п.

Наблюденія надъ употребленіемъ слова „гуфа“ приводятъ къ заключенію, что въ этомъ терминѣ заключаются слѣдующія частныя понятія, въ совокупности которыхъ слагается представленіе о крестьянскомъ хозяйствѣ:

Во-первыхъ, жилище или правильнѣе дворъ и усадьба. Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальное значеніе также есть обитаемое мѣсто, жилище, какъ это видно изъ англо-саксонскихъ памятниковъ: *quandam terram, id est 10 manentes ex ea; — terram 8 manentium*. Сюда относится прежде всего домъ съ пристройками для домашняго скота и хозяйственныхъ продуктовъ. Далѣе садъ, въ южныхъ областяхъ виноградникъ: *inim mansum cum omni aedificio superposito et vineam in ipso manso*. Усадьба представляется огороженной заборомъ или окруженною стѣной: *curtis clausa* или *circumscincta*. Въ писцовыхъ книгахъ иногда указывается положеніе усадьбы и называется сосѣдняя и пограничная съ нею усадьба, откуда можно заключать, что крестьяне жили деревнями, а не разсѣянно каждый на своемъ участкѣ.

Во-вторыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ пахатная земля или поле. Обыкновенное выраженіе для гуфы въ этомъ значеніи — плугъ или *aratrum, terra aratoria, или arabilis*. Что касается мѣры пахатной

¹⁾ Вопросу о гуфѣ посвящено сочиненіе *Вайца: Über die altdentsche Hufe* Göttingen 1854; *Deutsche Verfassungsgeschichte* I, 119, II, 270; *Gubard, Polytique*, 577 и сл., 891; *Inama-Sternegg*, 311 и слѣд.

земли въ гуфѣ, она измѣнялась въ разное время и по различнымъ мѣстностямъ; встрѣчаются гуфы въ 20 и 60 югеровъ — моргеновъ.

Встрѣтыхъ, въ понятіе гуфы входитъ право на пользованіе общинною землею: *curtile cum domo et foenile, vinea et marchis, pratis et agris, pascuis et silvis, cum omnibus videlicet quae ad possessores ipsius curtis iure legali pertinere debent*. Въ частности здѣсь разумѣется право на пользованіе путями сообщенія, водой, пастбищами и лѣсами. Это право находится въ тѣсномъ соединеніи съ гуфой и безъ ограниченій переходитъ на каждаго владѣтеля.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, мы можемъ теперь приступить къ ближайшему ознакомленію съ западно-европейскими писцовыми книгами и обратиться такимъ образомъ къ разрѣшенію нашихъ собственныхъ задачъ. Какой типъ западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ, какія существенныя особенности въ терминологіи ихъ? Возможно ли объяснять ихъ изъ образцовъ римской императорской эпохи, и наконецъ, какія данныя сообщаютъ онѣ для пониманія отрывковъ писцовыхъ книгъ Византійской имперіи?

Типомъ древнѣйшей писцовой книги ¹⁾ считается Падуанскій папирусъ, изданный Маріан. Онъ раздѣляется на пять столбцовъ, изъ которыхъ первый содержитъ въ себѣ названія участковъ—*colonia, praedia*, второй—имена колоновъ, третій—сумму идущихъ съ нихъ податей въ монетной единицѣ и натурой, четвертый—число дней барщины въ недѣлю, пятый весьма пострадалъ и не можетъ быть восстановленъ ²⁾.

Въ лучшемъ видѣ сохранилась часть писцовой книги коронныхъ земель въ епископін Аугсбургской отъ 812 года ³⁾. Сначала въ ней идетъ описаніе церкви св. Михаила и хранившихся въ ней драгоценностей, церковной утвари и богослужебныхъ книгъ. Затѣмъ слѣдуетъ дворцовая усадьба ⁴⁾, и при ней показано

¹⁾ Писцовыя книги носили различныя названія: *breviarum, breviatio, brevo, rationarium, rationes, capitularium, liber publicus, encoutarium, fasees publici, codicilli, censuales paginae, vasaria publica, descriptiones, inventarium, rotuli, liber censuum, registrum, documenta, plenarium*,—ар. *Guérard*, I, p. 920.

²⁾ *Guérard*, p. 921, восстанавливаетъ часть папируса: *Colonia Simpliciana que jacet in Sentibus, per Reparatum et Justinum colonos, praestat solidos numero III, tremiesem I, siliquas III, in xenis laridi pondo CLXV, auseres II, gallinas XII ova CXX, mellis pondo LXX; per ebdomadam operas XI...*

³⁾ *Pertz, Leges*, I, p. 175—176; *Guérard*, II, p. 296—304.

⁴⁾ *Javenimus in eodem loco curtem et casam indomiticatam, cum caeteris aedificiis, ad praefatum ecclesiam respicientem.*

количество пахатной земли, луговъ — и именно сколько собирается сѣна, разные роды домашняго скота: лошади, быки, коровы, овцы, козы, свиньи, наконецъ — различныя статьи хозяйства, между прочимъ ульи, кожи, мельница. При усадьбѣ находится зависимое населеніе или собственно находящіяся къ ней въ служебномъ отношеніи участки земли, обрабатываемые зависимыми крестьянами. Писцовая книга не даетъ отчета о каждомъ крестьянскомъ участкѣ въ отдѣльности, равно какъ не отмѣчаетъ единицами мѣры самыхъ участковъ. Мѣра земельного участка дана въ общераспространенномъ терминѣ *mansus*; отношеніе владѣтеля участка къ господской усадьбѣ подразумѣвается въ квалификаціи крестьянскаго участка: *mansus ingenuilis* или *servilis*. Такимъ образомъ наша писцовая книга занимается лишь точнымъ обозначеніемъ платежей и повинностей, денежных и натуральныхъ, которыми обязано населеніе, сидящее на зависимыхъ отъ господской усадьбы участкахъ. Весь интересъ заключается здѣсь въ разныхъ видахъ обложенія платежами и барщиной, ибо господская усадьба могла нуждаться въ разнообразномъ содѣйствіи со стороны зависимаго населенія и должна была тщательно распредѣлить и уравновѣсить возлагаемыя на него тягости ¹⁾. Не входя здѣсь въ подробности, что отклонило бы насъ далеко отъ главнаго предмета, — остановимся на одной сторонѣ, именно на организаціи барщинной повинности.

Работа на господской усадьбѣ: пашня, уборка хлѣба, сѣнокосъ, доставка дровъ и т. п., не составляютъ особенностей въ организаціи обязательной службы. Волѣ вниманія заслуживаетъ то, что землевладѣлецъ пользуется, ради потребностей своего хозяйства, и такими средствами, которыя по существу своему составляютъ компетенцію государственной власти и уже ранѣе удовлетворяли общественнымъ интересамъ. Въ писцовыхъ книгахъ весьма видное мѣсто имѣютъ *angaria*, *paraferedi* и *scara*. Ангарія, какъ подвозная повинность, играетъ выдающуюся роль. Таковы хлѣбныя и винныя подводы, перевозація

¹⁾ *Respiciunt ad eandem curtem mansi ingenuiles vestiti XXIII. Ex his sunt VI quorum reddit unusquisque, annis singulis, de annona modios XIV, — pullos II, ova X, de semente lini sextarium I — operatur annis singulis hebdomades V, arat jurnales III, secat de foeno in prato dominico carradas I et introducitur. Scaram facit. — Serviles vero mansi vestiti XIX, quorum reddit unusquisque annis singulis friskingam I, pullos V, ova X; nutrit porcellos dominicos IV, arat dimidiam araturam; operatur iu ebdomada III dies, scarum facit, parafredum donat. Uxor vero illius facit camisilem I et sarilem I, conficit braccem et coquet panem.*

избытокъ продуктовъ одного хозяйства въ другое, или на рынокъ для продажи. Эта подвояная повинность, занимавшая много рабочихъ рукъ и скота, обставлена въ писцовыхъ книгахъ точными и подробными условіями. *Parafredi*—поставка лошадей для разсылныхъ и для развѣздовъ самаго помѣщика, равно какъ для перевозки военныхъ людей и матеріала. Эта повинность точно также изъ государственной переходитъ въ барщину и служить личнымъ интересамъ крупнаго землевладѣльца. Разные виды повинности, называемой сага, означаютъ обязанность зависимаго населенія лично исполнять порученія помѣщика: идти или ѣхать куда прикажетъ, нести письмо или передать словесное порученіе, быть при подводѣ съ хлѣбомъ или виномъ и т. п. ¹⁾ Эти особенности организаціи барщияной повинности любопытны въ томъ отношеніи, что вводятъ насъ прямо въ систему западно-европейскаго землевладѣнія и средневѣковаго устройства.

Типическія особенности западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ и терминологія ихъ съ успѣхомъ могутъ быть изучаемы на основаніи полиптиковъ. Самый важный между ними есть полиптикъ аббата Ирминона или писцовая книга монастыря Сень-Жерменъ де-Пре, составленная въ началѣ IX в. Этотъ полиптикъ, говоритъ знаменитый надатель и комментаторъ его академикъ Гераръ ²⁾,—знакомить насъ съ судьбой колоновъ и сервовъ, вводя въ ихъ хижины или перенося насъ въ среду ихъ, на ихъ полевныя работы. Онъ показываетъ, изъ сколькихъ лицъ состоитъ семья, какъ называются всѣ члены семьи, къ какому классу они принадлежатъ, сообщаетъ свѣдѣнія о зависимыхъ участкахъ, о податяхъ и повинностяхъ, которыя на нихъ лежали; онъ позволяетъ составить понятіе о положеніи каждаго хозяйства, о матеріальныхъ средствахъ и судьбѣ каждаго индивида. Съ другой стороны, онъ опредѣляетъ аграрную мѣру и даетъ единицу измѣренія случныхъ тѣлъ, указываетъ цѣнность монеты и необходимыхъ въ жизни предметовъ. Полиптикъ аббата Ирминона раздѣляется на 25 частей или главъ, соотвѣтственно такому же числу помѣстій. Каждое помѣстье состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: доменная, доманіальная или сеніоріальная земля и земля зависимая, оброчная или податная. Первая занята господиномъ, вторая—зависимымъ отъ него населеніемъ, пользующимся его землей. Каждая глава начинается съ описанія домэна, затѣмъ продолжается

¹⁾ *Inama-Sternegg*, D. W. G. 441—446.

²⁾ *Polyptique*, I, 25.

болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ зависимыхъ участковъ и почти всегда оканчивается подведеніемъ итога всѣхъ участковъ (*mansus*) и сумми лежащихъ на нихъ повинностей. Такимъ образомъ, въ подлинникѣ сохранился образецъ, какъ детальныхъ описей каждаго крестьянскаго хозяйства, такъ и описей краткихъ или суммарныхъ— по отдѣльнымъ территориямъ или помѣстьямъ.

Для примѣра беремъ изъ второй части подлинника описаніе помѣстья ¹⁾:

Habet in Palatiolo mansum dominicatum cum casa et aliis casticiis sufficienter (господская усадьба).

Habet ibi de terre arabili culturas VI, quae habent bunnaria CCLXXXVII, ubi possunt seminari de frumento modios MCCC; de vinea aripennos CXXVII, ubi possunt colligi de vino modios DCCC.

Habet de prato aripennos C, ubi possunt colligi de feno carra CL.

Habet ibi de silva, sicut aestimatur per totum in giro leuca I, ubi possunt saginari porci L.

Habet ibi farinarios III. Exiit inde in censum de annona modios CLIV.

Зависимые отъ господскаго помѣстья участки описаны слѣдующимъ образомъ:

Hildeboldus colonus et uxor ejus colona, nomine Cristina, homines sancti Germani, habent secum infantes III, his nominibus, Hildoardus, Hildebodus, Hildeberga. Tenet mansum ingenuilem I, habentem de terra arabili bunnaria III et dimidiam antsingam, de vinea aripennos, II de prato aripennos III. Solvit similiter.

Платежи и повинности не отмѣчаются при каждомъ участкѣ, а чаще только при первомъ, если за нимъ слѣдуютъ хозяйства того же рода и состоянія ²⁾.

Въ заключеніе подведемъ итогъ:

Habet in Palatiolo mansos ingenuiles CVIII, qui solvunt omni anno ad hostem carra VI, ad tertium annum sogales CVIII, ad alterum annum vervecies cum agnis CVIII, de vino in pascione modios CXXI, de argento in lignericia solidos XXXV, pullos CCCL, ova MDCCL, de capatico solidos VIII.

Fiunt simul mansi inter ingenuiles et absos et serviles CXVII ³⁾.

¹⁾ Ibidem, II, p. 6—23. Breve de Palatiolo.

²⁾ Напримеръ, Breve de Wanisco, ibid. p. 38: *Solvit ad hostem in uno anno de argento solidos IIII, ad alium annum solidos II; in pascione de vino modios II, arat ad hibernaticum perticas IIII, ad tramissum II; curvadas, carroreras, manoperas, caplim, ubi ei iniungitur; pullos IIII, ova XV, scindulas L.*—Древнѣйшее и подробнѣйшее описаніе податей ibid. II, p. 346.

³⁾ Мы не можемъ здѣсь входить въ объясненіе податной терминологіи и отсылаемъ за справками къ комментарий Герара, I, 660—744.

То, что составляет итогъ въ политикѣ аббата Ирминона, можетъ считаться образцомъ для большинства сохранившихся писцовыхъ книгъ, которыя ограничиваются суммарнымъ показаніемъ числа мансовъ или гуфъ въ помѣстьѣхъ или въ округѣ. Такова, напримѣръ, Фульдская книга X вѣка, любопытная, между прочимъ, по точнымъ даннымъ о числѣ и положеніи Славянъ, жившихъ на земляхъ Фульдскаго аббатства: *In villa Tinninga familiae XXII, et dominicales hubae L, et jugera CCCC; de pratis ad carradas CCCC. Equi LII, pulli LIII, equi LXXX, vaccas LVIII cum vitulis LX; oves CC, porci XC. Lidi cum hubis suis XXVIII. Molend. VIII, ecclesiae III cum hubis suis ¹⁾.*

Но самымъ подробнымъ и самымъ замѣчательнымъ документомъ этого рода долженъ быть названъ *Domesday book* или англійская писцовая книга, составленная по повелѣнію Вильгельма Завоевателя. Эта бесспорно несравненная по обширности замысла и по исполненію писцовая книга, справедливо называемая Фримэномъ картиной націи въ одинъ изъ великихъ моментовъ ея исторіи, представляетъ собою подробную опись почти всѣхъ провинцій королевства ²⁾. Замѣчается огромная разница въ характерѣ англійской писцовой книги, если сравнивать различныя провинціи, изъ чего можно заключать, что она представляетъ двѣ редакціи, двѣ стадіи развитія. Сначала опись произведена была во всѣхъ деталяхъ, но затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подробности были отброшены, какъ имѣющія временный характеръ. Для большей части королевства писцовая книга сохранилась только въ этой второй, сокращенной формѣ, ранняя же полная форма сохранилась исключительно въ описаніи восточныхъ

¹⁾ *Guérard*, Polyptique, I, 928. Изъ анализа сохранившихся частей Фульдскаго политика видно, что число зависимого отъ аббатства населенія восходило до 2632, и что Славянъ между ними было 698; срѣдн. еще о славянскихъ поселеніяхъ I, 974, *Uduleniduor-Nidrinhof*.

²⁾ *Freeman*, *The History of the Norman Conquest of England*. Oxford. 1876. Пятый томъ занимается подробнымъ анализомъ кадастра Вильгельма. Первые изданія *Domesday* относятся къ XVIII в. Нѣсколько разъ она издавалась была и въ вышшемъ столѣтіи; *Ellis*, *A general Introduction to Domesday book* 1833, два тома; *Léchaud d'Anisy et de S. Marie*, *Recherches sur le Domesday ou Liber Censualis d'Angleterre*. Caen 1842; *Jones*, *Domesday for Wiltshire*, Bath 1865; наконецъ, *James*, етографическое изданіе по отдѣльнымъ провинціямъ. Но, какъ замѣчаетъ Фримэнъ, Appendix p. 733, — a really critical edition is an object which ought to be taken up as a national work.

ширь; а для западныхъ ширь имѣемъ образцы подробной и сокращенной описи. Тотъ и другой видъ представляетъ притомъ особенныя различія, объясняемая личными цѣлями и соображеніями приставленныхъ къ дѣлу переписи чиновниковъ. Хотя каждый изъ нихъ долженъ былъ руководиться одинаковою программой вопросовъ, но исполненіе ея не могло быть произведено по одному типу. Именно члены одной комиссіи удовлетворялись самыми необходимыми отвѣтами на предложенные вопросы и записывали получаемыя показанія съ возможною краткостью. Другіе приносили больше любовательности и не пренебрегали случаемъ записать и болѣе подробныя свѣдѣнія о жителяхъ округа ¹⁾).

Вообще же англійская писцовая книга, какъ и полиптихъ аббата Ирвинона, сначала представляетъ описаніе владѣтельской земли, королевской или сеніоріальной, съ указаніемъ графства и центены, въ которой она находится. Далѣе слѣдуетъ зависящая земля, описанная по отдѣльнымъ хозяйствамъ. Для описи послѣднихъ сохранилась слѣдующая программа: *Quomodo vocatur mansio, quis tenuit eam tempore regis Eadwardi, quis modo tenet, quot hidae; quot carrucatae in dominio; quot hominum; quot villani; quot cotarii; quot servi; quot liberi homines; quot sochemani; quantum silvae; quantum prati; quot pascuorum; quot molendina; quot piscinae; quantum est additum vel ablatum; quantum volebat totum simul; et quantum modo, quantum ibi quisque liber homo, vel sochemannus habuit vel habet* ²⁾. Перечисленіе домашняго скота: быковъ, коровъ и свиней, которое возбуждало особенное неудовольствіе въ населеніи, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ лѣтописи, по всей вѣроятности, также входило въ описи каждого хозяйства. Но въ настоящее время о числѣ домашнихъ животныхъ можно составить понятіе только относительно восточныхъ ширь, въ описяхъ же другихъ провинцій эта статья хозяйства опущена ³⁾.

Всматриваясь въ образцы французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ писцовыхъ книгъ, мы замѣчаемъ въ нихъ, при нѣкоторыхъ особенностяхъ терминологіи, общія свойства. Степень близости между ними

¹⁾ *Freeman*, V, 8—9, 736.

²⁾ *Inquisitio Ellensis apud Freeman*, IV, 692, V, 736.

³⁾ См. замѣчаніе *Фримана* о подробной и краткой описи одного и того же участка, V, 736—737. Для образца краткой формы писцовыхъ книгъ можно указать отрывки въ *Исторіи завоеванія Англіи Норманнами Тьерри*, I стр. 391 русскаго перевода.

нѣтъ такое преобладающее значеніе, что незначительныя различія сглаживаются передъ типическими чертами сходства. Такимъ образомъ, комментарий къ полиптику аббата Ирминона можетъ одинаково служить пособіемъ къ изученію нѣмецкихъ и англійскихъ полиптиковъ. Само собою разумѣется, типическія черты сходства опредѣляются не по измѣняющимся признакамъ, а по тѣмъ, которые устойчивы и неизмѣнны. Общее родство западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ заключается въ терминѣ *mansus* или *hufa*, но здѣсь же и отличіе ихъ отъ всякихъ другихъ подобныхъ же памятниковъ. Не менѣе характерное и общее ихъ качество—неизмѣнная зависимость мелкаго землевладѣнія отъ крупнаго, равно какъ глубокая коренная связь между помѣщичьей усадьбой и тянувшимъ къ ней въ политическомъ, правовомъ и хозяйственномъ отношеніи зависимымъ отъ нея крестьянскимъ населеніемъ. Какъ бы кратко ни было описано хозяйство въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ, но разъ оно квалифицируется какъ *mansus ingenuilis*, *lidilis* или *servilis*, этимъ уже опредѣлено и социальное, и служебное положеніе крестьянской семьи, и оброчные платежи, и барщинная повинности. Изъ какой писцовой книги ни взяли бы мы гуфу или мансъ, этотъ терминъ всегда будетъ обозначать не столько участокъ опредѣленной мѣры—которая была весьма различна и непостоянна—сколько совокупность составлявшихъ крестьянское хозяйство элементовъ: дворъ и усадьба, пахатная земля, право на общій выгонъ и лѣсъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что гуфа служить такимъ же характернымъ отличіемъ западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ въ сферѣ землевладѣнія и обложенія податями, какимъ феодализмъ является для среднихъ вѣковъ въ сферѣ политическихъ и общественныхъ отношеній.

Программа, по которой производились описи, равно какъ вносимые въ писцовыя книги предметы (земля, хозяйственный инвентарь и платежи), остаются въ сущности одни и тѣ же и въ римскую эпоху, и въ эпоху Каролинговъ. Вся разница въ одномъ словѣ. Для Римлянъ идея податнаго тягла дана была въ терминѣ *iugum*, который, въ качествѣ прямого объекта писцовыхъ книгъ, неизбежно является въ полныхъ и краткихъ описяхъ. Для западно-Европейцевъ существо писцовой книги, безъ котораго она немислима, есть приведеніе въ извѣстность числа гуфъ. И такъ, *iugum* должно быть признано существеннымъ отличіемъ римской писцовой книги, *mansus* или *гуфа*—характернымъ признакомъ западно-европейской. Но дѣло далеко не ограничивается замѣною словъ. Эти слова служатъ выра-

жевіемъ цѣлой системы понятій, характеризующихъ римскую и средневѣковую эпоху: онѣ обозначаютъ различія въ системѣ землевладѣнія, въ обложеніи податями, въ положеніи крестьянскаго сословія, наконецъ, въ политическомъ и гражданскомъ устройствѣ. Римскія писцовыя книги содержатъ въ себѣ опись земельнаго имущества римскихъ гражданъ, хотя въ нихъ вносились и подчиненные гражданамъ рабы. Писцовыя или цензовыя книги служили основаніемъ для раскладки податей и разныхъ государственныхъ повинностей. Въ средніе вѣка была отмѣнена система римскаго обложенія, но продолжали составляться писцовыя книги. Подлежащимъ описанію предметомъ являются королевскія и церковныя земли и земельныя имущества крупныхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Западно-европейская писцовая книга преслѣдуетъ уже не государственные интересы: она занимается описаніемъ гуфъ, занятыхъ крестьянами болѣе или менѣе зависимаго положенія, обязательными оброками и барщиной по отношенію къ помѣщику. Средневѣковая писцовая книга служитъ такимъ образомъ въ общемъ и въ частяхъ показателемъ новыхъ политическихъ и гражданскихъ отношеній, выработанныхъ Германцами.

Анализируя понятіе о гуфѣ и усматривая въ немъ существенную и типическую черту западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ, мы видимъ въ немъ далѣе именно тотъ терминъ, который въ исторіи писцовыхъ книгъ смѣняетъ терминъ *iugum*. Въ самомъ дѣлѣ, легко можно приложить формулу Ульціана къ писцовымъ книгамъ IX и XI вв., и на оборотъ, программа англійской писцовой книги можетъ считаться выполненною въ нѣкоторыхъ цензовыхъ фрагментахъ римской эпохи. Иначе и быть не можетъ, потому что главные предметы крестьянскаго хозяйства остаются одни и тѣ же во всѣ времена: пахатная земля, домашній скотъ, общее пастбище и дѣсь. Важное измѣненіе и усложненіе коснулось одного предмета—податной единицы, идея податнаго тягла. Въ римскую эпоху нашли возможнымъ образовать такую единицу, руководясь единственно тѣми данными, которыя заключались въ качествахъ и свойствахъ земли и въ степени доходности участка: такъ получилась податная единица (*iugum*), въ которой пять югеровъ виноградной плантаціи считались за одно и то же или уравнивались шестидесяти югерамъ пахатной земли третьяго класса. Это уравниваніе на основаніи качественности и доходности земли не чуждо и податной единицѣ средневѣковыхъ писцовыхъ книгъ, и здѣсь *mansus* или гуфа представляетъ участокъ да-

леко не одинаковой мѣры ¹⁾), и что особенно любопытно—для образованія iugum достаточно было 20 югеровъ земли лучшаго качества, какъ то же количество югеровъ достаточно было при извѣстныхъ условіяхъ для образованія гуфы. По средневѣковая феодальная система привнесла въ понятіе о податномъ тяглѣ новыя данныя, стоящія совершенно отдѣльно отъ свойствъ и качествъ земли, и такимъ образомъ выработала въ терминѣ гуфа болѣе широкое и сложное понятіе, хотя по существу оно и продолжало оставаться податною единицею. Усложненіе понятія о податномъ тяглѣ шло параллельно съ развитіемъ частныхъ интересовъ вмѣсто государственныхъ, съ перенесеніемъ идеи зависимости съ лица на занимаемую имъ землю и съ земли на обрабатывающее ее лицо. Средневѣковая податная единица въ одно и то же время обозначала платежную силу земли и сидящаго на ней населенія; послѣднее въ силу разныхъ степеней зависимости отъ помѣщика было обязано, какъ денежными и натуральными платежами, такъ еще личными повинностями и работой. Все это разнообразіе «реальныхъ и личныхъ повинностей дано въ понятіи гуфа ²⁾ и въ ея квалификаціяхъ.

Въ гуфѣ должны быть, слѣдовательно, и такіе признаки, которые свойственны iugum. Таковъ общій имъ признакъ—мѣра, хотя она находится въ сильной зависимости отъ качествъ земли и представляетъ большія колебанія. Средневѣковая мѣра линейная и квадратная представляетъ значительныя отклоненія отъ римской и имѣетъ особенности въ терминологіи, съ которыми можно ознакомиться по комментарію академика Герара ³⁾). Болѣе употребительныя термины мѣры поверхностей наглядно могутъ быть представлены въ таблицѣ, приво-

¹⁾ Какъ было замѣчено, мѣра гуфы колеблется между 20 и 60 югерими; таковъ же maximum и minimum для iugum.

²⁾ *Guérard*, Polyptique, I, 587. Les obligations personnelles furent souvent mêlées avec les réelles, et tels travaux serviles qui n'avaient été exigés de la glèbe qu'à cause de la condition servile du tenancier continuèrent, au changement des personnes, d'être exigés de même, non par le droit, mais par la force, lorsque le serf fut remplacé par un libre ou par un colon. Ainsi d'abord les personnes communiquèrent leur condition aux terres, et ensuite les terres communiquèrent à leur tour leur condition aux personnes. Voilà, je pense, comment le manse colonaire devint servile en devenant la tenure d'un serf, et comment, cette condition lui ayant été une fois imposée, il la garda, même lorsqu'il fut possédé par des personnes d'une moins basse origine.

³⁾ *Ibidem*, 165 и слѣд.; таблицы, 197.

димой подъ строкой ¹⁾). Но съ другой стороны, гуфа заключаетъ въ себѣ болѣе сложное, чѣмъ iugum, понятіе, и въ первой есть много признаковъ, не существующихъ въ послѣднемъ. Эти новые признаки служатъ выраженіемъ новыхъ землевладѣльческихъ, податныхъ и политическихъ отношеній.

Изложенное въ настоящей главѣ позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующія заключенія къ исторіи писцовыхъ книгъ. Содержа въ себѣ весьма важный матеріалъ къ разрѣшенію широкихъ культурно-историческихъ задачъ, писцовыя книги, при всей сухости, формальныхъ сходствахъ и шаблонности, отражаютъ на себѣ историческія эпохи и отпечатлѣваютъ слѣды реформъ, пережитыхъ человѣчествомъ. Такъ, изъ сравненія римскихъ и средневѣковыхъ писцовыхъ книгъ изслѣдователь можетъ приходиться къ выводамъ о перемѣнахъ въ системѣ землевладѣнія, въ обложеніи податями и въ политическомъ устройствѣ. Эти перемѣны, устанавливая характеристическія отличія эпохъ и народовъ, въ свою очередь не остаются безъ вліянія на писцовыя книги. Но въ редакціи писцовыхъ книгъ вообще подвергаются перемѣнамъ не матеріальное содержаніе, не реальные предметы, которые вездѣ отличаются постоянствомъ и устойчивостью, а отвлеченные предметы и понятія. Такъ, вездѣ подлежатъ переписи земля, скоть, мельницы, соляныя варницы и т. п., но подлежатъ перемѣнамъ единица мѣры, цѣнность монеты и стоимость предметовъ, количество обложенія и т. п. Задача историческаго изученія писцовыхъ книгъ состоитъ въ разъясненіи смѣны терминовъ и въ анализѣ выражаемыхъ ими понятій. Самая важная роль въ этомъ отношеніи выпадаетъ на долю термина, въ которомъ заключается понятіе о подлежащемъ переписи и обложенію податномъ тяглѣ. Это есть еще болѣе необходимая часть писцовой книги, чѣмъ усадьба и пахатная земля, потому что выражающій податное тягло терминъ неизбежно встрѣчается въ са-

Vasaatium.	Jornalis.	Jagerum.	Austinga.	Arlpennis.	Pertica.			
					Иркин.	Европ.	Рижск.	Агос.
	3 ² / ₄	5	9	10	50	452	1462	128,33
„	1	1 ¹ / ₆	2 ² / ₇	2 ⁷ / ₁₀	13 ⁷ / ₂₂	120	388	34,13
„	„	1	1 ⁴ / ₆	2	9 ⁴ / ₆	89	288	25,28
„	„	„	1	1 ¹ / ₆	5 ⁷ / ₁₆	49	160	14,04
„	„	„	„	1	5	44 ¹ / ₆	144	12,64
„	„	„	„	„	1	9	29 ¹ / ₄	2,57
„	„	„	„	„	„	1	3 ¹ / ₄	0,284
„	„	„	„	„	„	„	1	0,0878

ныхъ краткихъ формахъ писцовыхъ книгъ. И дѣйствительно, мы видѣли, что разъясненіе терминовъ *iugum* и *mansus* или гуфа составляетъ кардинальный вопросъ въ изученіи римскихъ и средневѣковыхъ писцовыхъ книгъ.

Въ частности, сводя *iugum* и *mansus* къ одному роду понятій, выражающихъ идею податнаго тягла, мы совершенно выдѣляемъ ихъ изъ круга землѣвѣрныхъ терминовъ (*iugerum*, *bipugium*, *jougnalis*, *pertica*, плѣтровъ и т. п.) и усваиваемъ имъ качество квадратной измѣримости только въ такой мѣрѣ, въ какой его можно приписать, на примѣръ, понятію уѣзда или волости. Усматривая же въ *mansus* терминъ, замѣняющій *iugum* и видя въ немъ существенный и необходимый элементъ писцовыхъ книгъ, который притомъ, рельефно выражаетъ цѣлый кругъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ понятій, мы естественно приходимъ къ предположенію, что этого элемента не чужды и византійскія писцовыя книги. Предыдущее изслѣдованіе такимъ образомъ не только ознакомило насъ съ свойствомъ матеріала, заключающагося въ писцовыхъ книгахъ, и съ объемомъ разрѣшаемыхъ при помощи его задачъ, но еще приучило различать въ этомъ матеріалѣ реальные предметы отъ условныхъ понятій, измѣняющееся подъ вліяніемъ обстоятельствъ отъ устойчиваго и неизмѣннаго, наконецъ—главное отъ второстепеннаго. Понятіе о податной единицѣ или податномъ тяглѣ, образуемое подъ вліяніемъ экономическихъ, землевладѣльческихъ, соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, должно быть признано главнымъ элементомъ въ писцовыхъ книгахъ.

Ф. Успенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О МѢСТѢ ЛЕДОВАГО ПОБОИЩА ВЪ 1242 ГОДУ.

Когда, во второй четверти XIII вѣка, католичество готовилось прочно утвердиться въ занаровскихъ и приневскихъ областяхъ Новгородской земли и уже проникло въ Псковскую землю, то нашло сильный отпоръ въ лицѣ знаменитаго поборника православія, князя Александра Невского. Непосредственно послѣ изгнанія Нѣмцевъ изъ Пскова онъ самъ перешелъ въ наступленіе, вторгся въ Дерптскую епископію и дошелъ до устья Эмбака или Омовки (эст. Ema-jõgi; ср. Ingeri=Ижора). Нѣмцы, разсѣявъ его передовой отрядъ, стали наступать на главныя силы. Онъ, говоритъ лѣтописецъ, — „въспятися на озеро; Нѣмцы же и Чюдъ подоша на нихъ. Узрѣвъ же князь Александръ и Новгородци поставиша полкъ на Чюдскомъ озерѣ, на Узмени, у Воронѣя камени, и ваѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдъ, и прошибошася свиньею сквозъ полкъ“. Тѣмъ не менше Нѣмцы пали, а Эсты обратили тылъ: „и гоняче быша ихъ на 7-ми верстѣ по леду, до Суболичьскаго берега, и паде Чюди безъ числа, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша“¹⁾.

До сихъ поръ не опредѣлено въ точности мѣсто этого знаменитаго побоища. По общему ходу движенія Русскихъ и Нѣмцевъ можно представить себѣ дѣло такъ: Русскіе, наступая по обыкновенному зимнему пути, подошли къ устью Омовки, можетъ быть — намѣреваясь отсюда двинуться по рѣкѣ къ Дерпту, а Нѣмцы шли вдоль той же рѣки по направленію къ Новгороду; Русскіе отступили по тому же направленію и остановились на льду Чудскаго

¹⁾ П. С. Р. Д., III, Новг. лѣтоп. подъ 6750 г.

озера. Когда отборная сила неприятелей была разбита, то остаткамъ ея естественно было бѣжать назадъ по направленію къ Дерпту.

Это теоретическое соображеніе подтверждается и асиѣ раскрытается изслѣдованіемъ лѣтописныхъ именъ и древнихъ преданій бережныхъ жителей относительно знаменитаго Ледоваго побоища. Не входя въ разъясненіе вопроса о томъ, что должно разумѣть у лѣтописца подъ выраженіемъ „на Узмени“, начнемъ съ другого, тоже загадочнаго названія — съ „Воронья камня“. У бережныхъ жителей Русскихъ мы нинѣ уже не встрѣчаемъ этого названія вполнѣ, но узнаемъ его въ наименованіи села Воронья, которое расположено на самомъ берегу Чудскаго озера на разстояніи 5 или 7 верстъ къ сѣверу отъ устья Омовжи. Противъ сѣвернаго конца этого селенія, въ озерѣ, шаговъ на 60 отъ берега, виднѣется изъ воды громадный камень, который, по увѣренію мѣстныхъ старожиловъ, служитъ памятникомъ побѣды Александра Невскаго надъ Нѣмцами ¹⁾. Если старожили не помнятъ болѣе спеціальнаго названія этого камня, то можно думать, что оно перешло на самое село, которое впоследствии возникло на мѣстѣ побоища. И дѣйствительно, при общемъ неплодородіи всего сѣверо-западнаго побережья Чудскаго озера, поля этого села представляютъ замѣчательный контрастъ съ полями близлежащихъ поселеній, какъ будто у Вороньяго почва пропитана кровью и удобрена костями павшихъ здѣсь въ 1242 г. воиновъ. Такимъ образомъ мы получаемъ возможность думать, что битва происходила отчасти на озерѣ, отчасти на берегу его, на мѣстѣ нынѣшняго села Воронья.

Изъ лѣтописи намъ извѣстно далѣе, что Русскіе довели разбитыхъ неприятелей „до Суболичьскаго берега“. Это названіе мы встрѣчаемъ въ древнихъ ливонскихъ актахъ, изданныхъ д-ромъ Вунге. Нѣтъ возможности вполнѣ точно указать положеніе Соболлицы (Soboliz), но достовѣрно, что она принадлежала къ Дерптской епископіи. При перечисленіи мѣстностей въ актахъ Soboliz помѣщается то между Ugepoiz, Ughenoys (такъ назывались, вѣроятно, страна къ югу отъ средняго теченія Омовжи) и Waigele, Waygelle (у Русскихъ Клинь, страна къ сѣверу отъ Омовжи; вѣроятно, уголь, образуемый сѣвер-

¹⁾ Обозрѣвая это село глѣзъ 20 тому назадъ, высокопреосвященнѣйшій Платонъ, бывшій епископъ Римскій и Митавскій, нинѣ митрополитъ Кіевскій, задумалъ построить на этомъ камнѣ часовню, для чего пришлось бы сдѣлать до него лѣзныя. Но намѣреніе это не было осуществлено.

нымъ берегомъ этой рѣки и западнимъ Чудскаго озера)¹⁾, то между Waigel и Saccalla, Sackele²⁾. Сакка обвиняла приблизительно нижнѣйшій Феллинскій уѣздъ. Отсюда можно сдѣлать по крайней мѣрѣ тотъ выводъ, что Соболицкая область граничила съ Угауніей, Саккалой и Вайгелой, а принимая во вниманіе то направленіе, по которому Русскіе преслѣдовали непріятелей, можно съ достаточной вѣроятностью полагать Соболицъ въ пространствѣ, образуемомъ южнымъ берегомъ Омовки и западнымъ Чудскаго озера: въ такомъ случаѣ окажется, что послѣдніе остатки непріятелей были разбиты около деревни Сосницъ (эст. Pedast), которая находится именно въ этомъ углу, верстахъ въ 7-и отъ Вороньей. По увѣренію сторожиковъ, память объ этомъ событіи была вырѣзана неомытными буквами на большомъ камнѣ, лежащемъ на днѣ озера близъ устья Омовки³⁾.

Ю. Трусманъ.

¹⁾ Livl. U. B., NN 61, 102, 5229.

²⁾ Тамъ же № 63: 64, 68.

³⁾ Преданія эти и нѣкоторыя другія, болѣе поздняго времени, были собраны и записаны по приказанію высокопресвященнаго Платона, и записка эта была отослана въ Ригу, но гдѣ она теперь находится—не извѣстно.

ЗАМѢТКИ О ЛѢТОПИСИ АГАПІЯ МАНБИДЖСКАГО.

Во введеніи къ изданнымъ мною отрывкамъ изъ лѣтописи Яхъи Антиохійскаго я высказалъ мысль, что прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ объ источникахъ Яхъи, необходимо изслѣдовать хранящуюся во Флоренціи рукопись, которая, по словамъ стариннаго каталога, есть историческое сочиненіе Агапія, сына Константина ал-Манбиджи (манбиджскаго), современника Евтихія, но очевидно, кромѣ того, содержитъ еще и продолженіе этого сочиненія и поэтому требуетъ внимательнаго изученія ¹⁾. Отправляясь лѣтомъ 1883 года въ командировку въ Италію для изслѣдованія Болонской коллекціи арабскихъ рукописей, я имѣлъ въ виду захватъ также и во Флоренцію, чтобы ознакомиться съ лѣтописью Агапія. Еслибъ она оказалась годною для большаго разъясненія вопроса объ источникахъ Яхъи, то я намѣревался просить управленіе бібліотеки св. Лаврентія о присылкѣ ея въ Петербургъ на болѣе продолжительное время. Весьма немного нужно было времени, чтобы убѣдиться въ томъ, что для занимавшаго меня вопроса Флорентинская рукопись не имѣетъ ровно никакого значенія: оказалось, что въ ней не только нѣтъ никакого продолженія къ исторіи Агапія, но что она и самую эту исторію содержитъ только до второй половины VIII вѣка, а затѣмъ прерывается. Тѣмъ не менѣе она показалась мнѣ достаточно интересною для того, чтобы посвятить ей нѣсколько дней, и я надѣюсь, что знатоки византійской исторіи и цѣнители арабской литературы не посѣтуютъ на меня за то, что я рѣшаюсь представить на ихъ судъ нижеслѣдующія замѣтки

---

¹⁾ Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антиохійскаго. СПб.-6. 1883, стр. 076.

объ этомъ полузабытомъ арабскомъ историкѣ. Замѣтки эти не имѣютъ притязанія исчерпать предметъ. Для этого у меня не было ни времени, ни охоты, такъ какъ тѣмъ періодамъ византийской исторіи, который содержится во Флорентинской рукописи, я не занимался, и впредь, по крайней мѣрѣ до изданія всей лѣтописи Яхъи, заниматься не намѣренъ.

Я называлъ вашего историка полузабытымъ. И дѣйствительно, напрасно мы стали бы искать сколько-нибудь точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о немъ и его сочиненіяхъ въ новѣйшей европейской ученой литературѣ, хотя бы въ недавно только вышедшей книгѣ Вюстенфельда „Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke“ (Göttingen. 1882) ¹⁾.

Съ Агабіемъ случилось то же самое, что и съ Яхъей, только въ еще большей мѣрѣ. О существованіи его исторіи знали еще въ XVII вѣкѣ изъ цитатъ у ал-Макина (то-есть, въ не изданной первой части его сочиненія) Готтингеръ ²⁾, который называетъ ее „Historia Mabbeghae“, таріхъ - ал-Маббиджъ, и Ренодо ³⁾, который прибавляетъ еще, что у другихъ авторовъ овъ называется „Muhabub Constantini filius“. Затѣмъ, въ 1742 году вышелъ каталогъ восточныхъ рукописей библіотеки св. Лаврентія во Флоренціи, составленный С. Э. Ассемани, и въ немъ именно встрѣчается то описаніе занимающей насъ рукописи, которое заставило меня предположить въ ней то, чего на самомъ дѣлѣ въ ней не было. Вотъ это описаніе ⁴⁾:

Mahbubl, Ben-Constantini, archiepiscopi Mabugensis, historia universalis, a Dominica Incarnatione ad suam usque aetatem perducta, in qua praeter accuratissimum Iacobitarum, Syrorum scilicet, Coptorum, Nabessynorum, Armenorumque Chronicon, quod a Monophysitis recentioribus passim citatur, continentur etiam:

„Gesta, et Series Romanorum Imperatorum, ab Augusto Caesare, ad Andronicum II Palaeologum, qui patri Michaëli successit, anno Chr. MCCLXXXIII.

„Historia Nationum Orientalium, Graecorum, scilicet, Melchitarum, Nestorianorum et Maronitarum, quos Romanae Ecclesiae addictos, ac proinde Haereticos vocat.

¹⁾ Въ ней, впрочемъ, не упоминается и Яхъи Антиохійскій.

²⁾ Hottinger, Promtuarium s. bibliotheca orientalis etc. Hellebergae 1658 p. 74.

³⁾ Renodot, Historia Patriarch. Alexandr. Paris. 1713 praefatio, fol. n p. 75.

⁴⁾ Steph. Erud. Assemani Catalogus Codd. Mss. Or. Bibl. Mediceae Laurentianae et Palatinae. Florentiae 1742, p. 213, cod. № CXIII.

„Historia septem Synodorum Oecumenicarum Nicaenae, Constantinopolitanae, Ephesinae primae adversus Nestorium, Ephesinae secundae adversus Euthychen (hanc recipiunt Copti Monophysitae, damnant tamen reliqui Iacobitae) Calchedonensis (quam Mahubus refert, ac reficit, eius loco quartam Synodum adpellans Ephesinam secundam) Constantinopolitanae, quae quinta, Constantinopolitanae, quae sexta, et Constantinopolitanae demum, quae septima adversus Iconoclastas (hacc tamen Nicaeae, non Constantinopoli habita est).

„Epitome Annalium Mahometanorum Arabum, Persarum, Africanorum, Hispanorum, et Syrorum, ab anno Alexandri non-gentesimo trigesimo tertio (Chr. 622) quo coepit eorum Imperium, usque ad annum Hegrae septingentesimum duodecimum (Chr. 1312) quo laudatus Mahubus, Constantini filius, Syrorum Iacobitarum Mabusensis, idest Hierapolitanus archiepiscopus, insigni huius Operi manum extremam imposuit: cuius quidem Operis exemplar nusquam, quod sciam, nisi in hac Bibliotheca reperitur. Is profunde Codex plurime faciendus est, maximaque cura adservandus.

„Codex in 4. bombyc. constat paginis 127. Arabicis literis, et sermone accuratissime exaratus a Sahido, filio Joannis, ben-Abu Albadri, ben Abdalmesih, idest Christoduli, Jacobita Edesseno, ut in fine adnotatur“.

Ассемани, кнѣзъ видитъ читатель, даетъ весьма опредѣленные указанія. Лѣтопись, значить, была окончена авторомъ, архіепископомъ Манвиджскимъ (=Иераполитанскимъ) Махбубомъ ¹⁾, сыномъ Константина, въ 1312 году, до котораго она и доводитъ изложеніе мусульманской исторіи, между тѣмъ какъ византійская доведена въ ней до Андроника II Палеолога, вступившаго на престолъ въ 1278 году. Трудно было предположить въ этихъ точныхъ цифрахъ какое-нибудь недоразумѣніе или ошибку, и вотъ, когда знаменитѣйшій французскій ориенталистъ Сильвестръ де-Саси въ сочиненіи Масудія Кн-т а б - а л - Т э н б ѣ х ѣ вткнулся на извѣстіе о лѣтописи христіанскаго автора Маджнуба, сына Константина, а л - М а н ѣ х ѣ , то онъ въ этомъ писателѣ не узналъ Махбуба, сына Константина а л - М а н ѣ д ж и , Флорентинской рукописи, а высказалъ лишь предположеніе, что вмѣсто а л - М а н ѣ х ѣ слѣдуетъ читать а л - М а с и х ѣ ,

¹⁾ Махбубъ—арабскій эквивалентъ греческаго имени Аганій, какъ Сайды—эквивалентъ имени Естхій.

то-есть, христіанинъ¹⁾. Эту же самую конъектуру де-Саси повторилъ въ частномъ письмѣ отъ 26-го марта 1821 г. къ Пузею (Pusey), автору втораго тома каталога арабскихъ рукописей Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ, когда этотъ ученый обратился къ нему съ запросомъ по поводу хранящагося въ Бодлеяніи историческаго сочиненія нѣкотораго Агапія, сына Константина, ал-Маннхъ. Но самъ Пузей²⁾ замѣтилъ, что слѣдуетъ читать ал-Манбиджи и совершенно вѣрно отождествилъ этого Агапія, сына Константина, Манбиджскаго, съ Махбубомъ, сыномъ Константина, Манбиджскимъ Флорентинской рукописи, съ „Manbeghaeus“ Готтингера и „episcopus Menbigensis“ или „Mahabub Constantini filius“ Ренодо. По видимому, его немного смущало³⁾ то обстоятельство, что поузлазіямъ Асемани Агапія-Махбубъ жилъ еще около 1312 года, слѣдовательно, спустя почти сорокъ лѣтъ послѣ смерти ал-Маинна; но онъ въ свою очередь упустилъ изъ вида статью де-Саси о Китаб-ал-Тевбихъ Масудія, и потому, не имѣя другихъ свѣдѣній объ Агапія-Махбубѣ, не могъ, конечно, думать объ опроверженіи столь опредѣленнаго показанія Асемани о времени его жизни.

Послѣ Пузея въ ученой европейской литературѣ объ Агапія изъ Манбиджа, сколько мнѣ извѣстно, больше не упоминалось вплоть до 1881 года, когда я имѣлъ случай указать на него въ своихъ „Notices sommaires des manuscrits arabes du musée asiatique“ (St. P. 1881), p. 130 и прим. 3. Сопоставивъ свѣдѣнія Масудія съ данными Асемани, Готтингера, Ренодо и Пузея, я пришелъ къ выводу, что Маджиубъ, сынъ Константина, ал-Маннхъ Масудія и Агапія-Махбубъ только что названныхъ европейскихъ авторовъ одно и то же лице, но, не имѣя права совершенно забраковать показанія Асемани о Флорен-

¹⁾ *S. de Sacy*, Le livre de l'indication et de l'admonition etc. въ *Notices et Extraits* (Paris 1810), vol. VIII, p. 176 (перепечатано въ парижск. изданіи Масудія *Les prairies d'or*, vol. IX, p. 340). — Маджиубъ и Махбубъ, ал-Маннхъ и ал-Манбиджъ въ арабскомъ письмѣ различаются другъ отъ друга только по размѣщенію диакритическихъ точекъ. — Можеть быть впрочемъ, что де-Саси въ данный моментъ забылъ о существованіи Флорентинской рукописи.

²⁾ См. *Catalogi codd. mser. or. bibl. Bodleianae pars secunda arabicis complectens. Confecit A. Nicoll, editionem absolvit etc. E. B. Pusey. Oxonii 1835*, p. 506 ad p. 56.

³⁾ *L. c.* p. 506, второй столбецъ, строка 16 сверху: *Mahbub, filius Constantini, Archiepiscopus Mahugensis, qui, si fides Asemano habenda est, vixit A. C. 1312, ideoque post Elmasium (mortuum A. C. 1273), qui eum saepissime laudat.*

тиской рукописи, я могъ устранить вопиющее противорѣчіе между моею теоріей и опредѣленіемъ времени Махбұба-Агапія у Ассемани только предположеніемъ, что въ рукописи, кромѣ сочиненія Агапія, нѣтъ еще продолженіе къ нему, доводящее разказъ до вступленія на престолъ императора Андроника II Палеолога.

Исслѣдованіе самой рукописи показало, что мое отождествленіе было правильно, но что точныя, по видимому, хронологическія показанія Ассемани совершенно ни на чемъ не основаны. Откуда онъ ихъ взялъ—остается для меня до сихъ поръ загадкой.

Рукопись записана въ библиотекѣ св. Лаврентія во Флоренціи подъ № 132 (323). Это небольшой томикъ обыкновеннаго формата въ 8-ю д. л.; листовъ въ немъ 127, какъ вѣрно сказано у Ассемани. На страницѣ 17 строкъ. Почеркъ древній (XIV или XV вѣка). Заглавнаго листа собственно говоря нѣтъ. На первой страницѣ читается отрывокъ, относящійся къ исторіи Ирода, и вѣроятно, принадлежащій тоже перу Агапія. На второй же страницѣ мы читаемъ слѣдующія лишь слова, писанныя, по видимому, тѣмъ же почеркомъ, что и вся рукопись: „Вторая часть исторіи Махбұба, сына Константина, ал-Мавбиджи, епископа города Минбиджа. Списалъ ее для себя Саидъ, сынъ Абу-л-Бедра Иоанна, сына Абд-ал-Месиха ¹⁾— да помилуеъ Богъ его и его родителей и его предковъ и сыновъ крещенія“ ²⁾.

Слѣдующій затѣмъ листъ есть первый самого текста, но онъ начинается съ половины предложенія. На первыхъ листахъ разказывается исторія Спасителя. Такъ какъ мы имѣемъ дѣло со второю частью сочиненія, и такъ какъ самымъ естественнымъ дѣленіемъ подобнаго рода сочиненій является дѣленіе на исторію до и по Р. Хр., то мы могли бы предположить, что въ нашей рукописи утрачено только нѣсколько листовъ въ началѣ. Въ пользу этого предположенія говоритъ Оксфордская рукопись Hunter 478, описаніе которой Николлемъ ³⁾ дало Пюзею поводъ къ вышеприведеннымъ соображеніямъ. Въ ней содержится, по словамъ каталога, краткій, скорѣе хронологическій, чѣмъ историческій, обзоръ всемірной исторіи отъ сотворенія міра до Вознесенія Господня. На заглавномъ листѣ она названа „Китаб-ал-унванъ“ и тутъ же прибавлено: „Составилъ это сочиненіе почтенный шейхъ, ученый учитель, совер-

¹⁾ Христофудула.

²⁾ То-есть, всѣхъ христіанъ.

³⁾ См. цитованный выше каталогъ стр. 56.

шениый мудрецъ, Агапій, сынъ Константина, ал-Рѣми ал-Мапѣхи, и посвятилъ его почтенному мужу, именуемому Иса, сынъ Хусейна". Въ концѣ же книги читается слѣдующая замѣтка ¹⁾:

„Кончилась первая часть книги, (исторія) начала міра, въ которой находятся разказы и сообщенія о происходившихъ въ первые вѣка и поколѣнія событіяхъ съ самаго начала сотворенія міра, отъ Адама до конца исторіи Ветхаго Завета и до исполненія Спасителемъ гсего того, что въ пророческихъ книгахъ о немъ сказано было, до того времени, мѣсяца и дня, въ который Господь нашъ Мессія вознесся на небо, то-есть, до четверга 3-го мая. Пасха въ томъ году была въ субботу 24-го марта, а день воскресенья 25-го того же мѣсяца, и отсюда начнемъ мы вторую часть книги, исторію Новаго Завета со времени вознесенія Господа нашего Мессія, и разкажемъ и изложимъ всю исторію Новаго Завета, всѣ споры и все, что происходило на свѣтѣ въ это время и до нашихъ дней, и изложимъ и разкажемъ нѣкоторую часть того, что будетъ происходить до времени свѣтопреставленія согласно указаніямъ пророковъ и книгъ Божественнаго откровенія“.

Въ этой рукописи, если только описаніе ея вѣрно, мы должны будемъ признать первую часть лѣтописи Агапія, вторую часть которой содержитъ занимающая насъ Флорентинская рукопись. Последняя однакоже первоначально должна была быть гораздо объемистѣе, ибо въ разныхъ мѣстахъ ея сохранились слѣды пагинаціи. Счетъ ведется, по обыкновенію, по тетрадямъ (корраса), и вотъ на 8-мъ листѣ наверху читается отмѣтка „пятнадцатая“ (тетрадь), на 18-мъ листѣ „шестнадцатая“ и т. д. Тетрадь состояла, значить, изъ 10 листовъ, такъ что всего въ нашей рукописи недостаетъ въ началѣ 137 листовъ, содержавшихъ въ себѣ, вѣроятно всего, первую часть исторіи, то-есть, ту самую часть, которая сохранилась въ Оксфордскомъ кодексѣ, и начало второй. Сколько недостаетъ листовъ въ концѣ нашей рукописи — этого мы сказать не можемъ даже и приблизительно. Нужно полагать, что не мало, ибо разказъ доведетъ только до второй половины VIII вѣка, тогда какъ авторъ несомнѣнно жилъ въ X вѣкѣ, какъ мы увидимъ ниже.

Во Флорентинской рукописи нѣтъ никакого раздѣленія на главы. До извѣстной степени этотъ недостатокъ восполняется встрѣчающи-

¹⁾ Я немного сокращаю ея многословіе.

мися отъ времени до времени заглавными строчками, какъ-то: „разказъ о Мани“, „разказъ о Вардесавѣ“ и т. д. Но весьма часто авторъ прямо переходитъ отъ одного предмета къ другому. Его интересуютъ по преимуществу, но не исключительно, событія, относящіяся къ церковной исторіи, хронологія патріарховъ, появленіе и исторія разныхъ ересей и пр. Хронологическою рамкой для его разказовъ служатъ годы царствованія Римскихъ и потомъ Византійскихъ императоровъ. Годъ вступленія ихъ на престолъ и годъ смерти обыкновенно приводятся по Селевкидской эрѣ. Понятно, что при этомъ свѣтская исторія также не могла оставаться не затронутою, и дѣйствительно, по мѣрѣ приближенія къ болѣе новымъ временамъ церковная исторія уступаетъ все болѣе и болѣе свѣтской; это становится особенно замѣтнымъ съ 76-го листа, съ начала царствованія императора Маврикія. Авторъ обращаетъ также вниманіе на явленія природы и особенно тщательно отмѣчаетъ небесныя знаменія. Не рѣдко также встрѣчаются указанія на ученыхъ, жившихъ въ данное время, и цитуются ихъ главнѣйшія сочиненія. Начиная со времени распространенія ислама сравнительно много мѣста занимаетъ также мусульманская исторія, сперва въ связи съ византійскою, а потомъ и самостоятельно, и послѣдніе 20—30 листовъ Флорентинской рукописи, не смотря на краткость изложенія, далеко не лишены значенія для исторіи послѣднихъ Омейядскихъ и первыхъ Аббасидскихъ халифовъ. Жаль только, что эти листы на половину неудобочитаемы, такъ какъ склеились вслѣдствіе сырости.

Изложеніе вообще весьма неровное. Мѣстами оно сухо и коротко до крайности, мѣстами встрѣчаются связные, оживленные разказы съ большими подробностями. Для полной оцѣнки важности сообщаемыхъ авторомъ извѣстій, конечно, нужно больше времени, чѣмъ я могъ удѣлить наученію рукописи, и поэтому я ограничусь только обзоромъ ея содержанія и сообщеніемъ въ переводѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, которые мнѣ показались наиболѣе интересными и важными.

На первыхъ листахъ разказана исторія Спасителя. Приводится переписка между Иродомъ и императоромъ Августомъ. На лист. 7^а — 9^а мы читаемъ слѣдующее объ Авгарѣ и Эдесскомъ образѣ:

„Въ семнадцатомъ году ¹⁾ кесаря Тиверія и триста-сорокъ-пер-

¹⁾ Весь разказъ нашего автора о перепискѣ Спасителя съ Авгаромъ и о происхожденіи Эдесскаго образа представляетъ большой интересъ для исторіи развитія этихъ легендъ. Онъ, во первыхъ, — древнѣйшій арабскій вариантъ и не

вомъ отъ Двурогаго (Александра), за одинъ годъ до распятія Господа нашего Мессіи—слава ему—отправилъ Авгаръ Черный, царь Эдессы, пословъ въ нѣкоторые города по разнымъ дѣламъ. И когда они возвращались, то вошли въ Іерусалимъ и были тамъ очевидцами разныхъ дѣйствій Евреевъ по отношенію къ Господу нашему Мессіи—слава ему—и ихъ приготовленій къ распятію его. И явились они себѣ твердо дѣла Господа нашего, Мессіи, и все, что они узнали о его чудесахъ и исцѣленіи имъ больныхъ безъ лѣкарствъ. И когда они пришли въ Эдессу, то рассказали своему повелителю все, что они сами видѣли и что узнали о дѣлахъ Господа нашего Мессіи—слава ему—и о дурномъ образѣ дѣйствія Евреевъ по отношенію къ нему, и что они соединились противъ него. И когда это узналъ Авгаръ, то онъ удивился и пожелалъ отправиться къ нему, чтобы быть свидѣтелемъ его дѣйствій и божественныхъ дѣлъ, но не имѣлъ онъ возможности перейти за предѣлы своего государства, изъ-за страха передъ врагами. И послалъ онъ Ханвіана, живописца, и написалъ съ нимъ письмо, въ которомъ онъ говоритъ: „Отъ Авгара Чернаго Іисусу, врачу, который появился въ Іерусалимѣ. Дошла до меня вѣсть о тебѣ и о твоихъ врачеваніи и духовномъ знаніи, и что ты исцѣляешь боли и болѣзни безъ лѣкарствъ. И было сильно мое удивленіе этому, и велика моя радость. И сказалъ я себѣ: „Ты непрежѣнно долженъ быть или Богъ или сынъ Божій, такъ какъ дѣлаешь эти дѣла“. И я прошу тебя и приглашаю тебя прійти ко мнѣ. Можетъ быть, ты исцѣлишь сильную мою болѣзнь. И дошло до меня, что Евреи желаютъ убить тебя и распять тебя. А у меня есть одинъ городъ, красивый, хорошій, который достаточенъ для меня и для тебя для жительства. И пусть будешь ты въ немъ въ спокойствіи и здравіи и безопасности. И если ты полагаешь возможнымъ согласиться на то, о чемъ я тебя прошу¹⁾, и обрадовать меня этимъ, то сдѣ-

---

сомнѣнно послушалъ источникомъ для Абул-Фараджа (Gregorii Abul-Pharajii Histog. Dynast. ed. Pocock, текстъ 112, лат. перев. 71—72. Chron. Syriacum, перев. 47). Вотъ онъ, онъ даетъ, такъ сказать, смѣшанную редакцію: въ изложеніи поводовъ къ перепискѣ онъ сходится ближе всего съ такъ-называемою *Doctrina Addaei*; текстъ писемъ въ некоторыхъ существенныхъ частяхъ весьма близокъ къ тексту Есевія, тогда какъ по вопросу о происхожденіи эдесскаго образа онъ опять сходится съ *Doctrina Addaei*. Ср. *Lipsius, Die edessenische Abgargade*, Braunschweig 1880, p. 15—16, 22—23, 24, 52—53.

¹⁾ Здѣсь рукопись прибавляетъ слова, «то сдѣлай», которыми, безъ сомнѣнія, вразились случайно.

лай" ¹⁾). И принялъ Господь нашъ Мессіа—слава ему—его письмо и прочиталъ его и написалъ ему:

„Благо тебѣ. Ты увѣровалъ въ меня, ибо написано обо мнѣ, что тѣ, которые увидать меня, не увѣруютъ въ меня. Что же касается твоей просьбы ко мнѣ, чтобы я пришелъ къ тебѣ, то необходимо, чтобы я довершилъ то дѣло, ради котораго я посланъ. И когда я его довершу и вознесусь, то пошлю къ тебѣ одного изъ моихъ учениковъ. И онъ исцѣлитъ твои педуги и болѣзни и введетъ тѣхъ, кто у тебя, въ жизнь вѣчную“.

„И послѣ того какъ Хавннѣя—онъ былъ живописцемъ—взялъ отвѣтъ на его (царя) письмо отъ Господа нашего, Мессіа,—слава ему—онъ взялъ четырехугольную доску и изобразилъ на ней Господа нашего Мессіа—слава ему—блестящими, хорошими красками, и сталъ смотрѣть на него и изображать его образъ на этой доскѣ. И пошелъ онъ съ нею въ Эдессу и отдалъ ее своему повелителю, Авгару Черному; и принялъ ее Авгаръ съ почетомъ великимъ и положилъ ее въ одну изъ своихъ сокровищницъ, и тамъ она находится по сіе время ²⁾). И когда вознесся Господь нашъ Мессіа къ своему отцу, то онъ послалъ Оому апостола, одного изъ семидесяти, въ Эдессу. И когда онъ пришелъ въ нее, и когда его увидѣлъ Авгаръ, то послѣдній палъ ницъ, преклонился предъ нимъ, ибо на его лицѣ сіялъ свѣтъ Божій. И сказалъ ему Оома апостолъ: „Если ты вѣруешь въ того, который меня послалъ, то найдешь то, что тебѣ нужно, и получишь то, чего ты просилъ“³⁾. И сказалъ ему Авгаръ Черный: „Я уже увѣровалъ въ него, и если бы не было между мною и Римлянами договоровъ, въ которыхъ я обязался предъ ними и которые я не могъ нарушить, то я самъ выступилъ бы съ множествомъ моихъ людей и воевалъ бы съ Евреями, которые распяли его, и погубилъ бы ихъ“. И приблизился тогда онъ (Оома) къ нему и исцѣлилъ его отъ его недуга и творилъ тамъ многія чудеса, такъ что даже Муса ³⁾, царь Асѳура, пожелалъ его видѣть, когда узналъ вѣсти о немъ. Потому Авгаръ написалъ кесарю Тиверію, повелителю Римлянъ, письмо,

¹⁾ Рукопись вслѣдствіе невѣрно поставленнаго гласнаго знака читаетъ: «то я сдѣлаю», что не даетъ никакого смысла.

²⁾ Изъ этой замѣтки слѣдуетъ, что книга Агапія написана ранѣе перенесенія нерукотвореннаго образа въ Константинополь, то-есть, ранѣе 944 г.

³⁾ Въмѣсто «Муса» слѣдуетъ съ легкимъ измѣненіемъ двухъ ар. буквъ читать «Нарсей», то-есть, *Нерсѣ*, какъ этотъ царь называлъ въ *Doctrina Addaei* и у Моисея Хоренскаго. Ср. *Lipsius*, l. c. стр. 38—39.

въ которомъ онъ говорилъ: „Отъ Авгара, владѣтели Эдессы, Тиверію кесарю, владѣтелю Римлянъ. Знай, о царь, что Евреи, которые находятся подъ твоею властью, распяли Мессію, хотя онъ и не заслужилъ этого и не сдѣлалъ ничего, что вызвало бы необходимость (казнить его). И когда они его распяли, то затмилось солнце и затряслась земля, и воскресли многіе мертвые и встали, и случились событія великія, подобныхъ которымъ никогда не было“. И написалъ ему Тиверій, кесарь, въ отвѣтъ на его письмо, письмо, въ которомъ онъ говоритъ: „Отъ Тиверія, повелителя Римлянъ, Авгару, повелителю Эдессы. Знай, что я уже узналъ все что Евреи сдѣлали съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ ты говоришь, и я имѣлъ намѣреніе наказать ихъ, но не могъ, по причинѣ войнъ, которыми я былъ занятъ, ибо жители Испаніи¹⁾ взбунтовались и возстали противъ меня, и я былъ занятъ борьбой съ ними. А еслибъ я имѣлъ немного досуга, то обрушился бы на нихъ своимъ гнѣвомъ и наказалъ бы ихъ. Что же касается Пилата, котораго я назначилъ судьей ихъ, то я уже отставилъ его съ позоромъ великимъ и униженіемъ большимъ, ибо онъ послушался ихъ и поступилъ согласно ихъ словамъ, и послалъ на его мѣсто другаго“. И когда Авгаръ прочиталъ письмо, то онъ обрадовался ему и возвеселился. И спустя нѣкоторое время до него дошла вѣсть, что кесарь погубилъ предводителей Евреевъ, и онъ тогда обрадовался очень“.

Слѣдуетъ нѣсколько страницъ о 12 апостолахъ и 70 ученикахъ ихъ, а затѣмъ краткое изложеніе церковной исторіи съ кое-какими замѣтками о Римскихъ императорахъ.

На л. 25^а. особая глава посвящена Маркіону и нѣкоторымъ другимъ еретикамъ.

На л. 28^а и сл. „Разказъ о проклятомъ Вардесаянѣ“.

На л. 34^а—36^б „Разказъ о проклятомъ Мани“.

На л. 37^а начинается исторія царствованія Константина Великаго, которая излагается съ большими подробностями до л. 49^б, особенно объ еретикѣ Аріѣ и церковныхъ дѣлахъ (Никейскомъ соборѣ). Въ концѣ главы объ Аріѣ, на л. 44., читаемъ:

„И были всѣ эти дѣла въ 30-мъ году царя Константина. И признали мы нужнымъ перечислить здѣсь царей, которые царствовали отъ Адама до этого времени (то-есть, до Константина), согласно съ тѣмъ, что сообщаютъ авторы лѣтописей, которые ясно писали и

¹⁾ Въ рукописи безъ точекъ, но не слишкомъ испорчено.

говорили о временахъ и годахъ. И соберемъ мы (свѣдѣнія о) царяхъ разныхъ народовъ и различныхъ націй, на сколько намъ возможно будетъ, чтобы видно было, какое есть разногласіе между ними относительно большаго или меньшаго числа (лѣтъ правленія даннаго царя). Говорить А. р. а. ѓс ¹⁾ въ своей книгѣ, которую онъ сочинилъ о временахъ: Адамъ управлялъ міромъ 930 лѣтъ" и пр. . .

Слѣдуетъ хронологическая таблица отъ Адама до Константина Великаго. Затѣмъ другая, которая начинается такъ: (л. 46_a):

"И говоритъ Златоустъ ²⁾ въ трактатѣ, который онъ написалъ для А. а. . ѓса, владѣтеля Мелитины: „Ты просилъ меня, чтобы я перечислилъ тебѣ годы всѣхъ царей, которые царствовали отъ Адама до Константина Великаго, благочестиваго царя. И я объясню тебѣ это“ и пр.

Таблица доведена до смерти Константина, которая отнесена къ 5460 году. За нею идетъ третья таблица, заимствованная изъ лѣтописи (тарихъ) Яхъи (Іоанна), сына Адія, грамматика ³⁾. Но отъ нея

¹⁾ Слово безъ точки, но безъ натяжки читается *Aerikhufe*, ибо едва ли можно сомнѣваться, что рѣчь идетъ о Юліѣ Аериканѣ, и какомъ-нибудь продолженіи къ нему.

²⁾ Этого Златоуста (Фем-ал-захаб), безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый авторъ, который упоминается у Масуди въ указанномъ уже выше мѣстѣ *Kitāb al-Tawbīkh*. Все мѣсто гласитъ такъ (см. *Prairies d'or*, т. IX, р. 340) по переводу де-Саси: *Le meilleur livre que j'aie vu concernant l'histoire des rois, des prophètes, des contrées, etc., c'est celui, qui a pour auteur Madjroub (читай: Mahboub), fils de Constantin Menihi (je conjecture qu'il faut lire Mésih; мы видѣли, что нужно читать Manbiđji) et celui de Saïd ben Batrik Mesri, surnommé Ebn-alfarrasch, patriarche du siège de Saint-Marc à Alexandrie. Nous avons connu personnellement ce dernier à Fostat, son ouvrage finit au khalifat de Radhi. J'y joins le livre d'Athenaeus altheheb Mesri, où cet écrivain a fait l'histoire des rois des Grecs et de ceux des autres nations, et raconté tout ce qui les concerne depuis Adam jusqu'à Constantin, fils d'Hélène.*

Въ приложеніи (л. с. 327, пр. 43) де-Саси высказываетъ предположеніе, что нужно читать *Athenaeus Fcm-ul-zahab*, (эту конъектуру подтверждаетъ нашъ текстъ), но мѣста съ тѣмъ сомнѣвается въ правильности чтенія самого имени *Athenaeus*. Слова Аганія даютъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этомъ авторѣ. Знатоки греческой литературы при помощи ихъ, быть можетъ, узнаютъ его настоящее имя.

³⁾ «Говоритъ Яхъи, сынъ Адія, грамматикъ, въ лѣтописи, которую онъ сочинилъ о.. (слѣдуетъ непонятное мнѣ слово *K-s-t-t-ğs*). Онъ начинаетъ и говоритъ: «Адамъ правилъ міромъ 230 лѣтъ. Свѣтъ правилъ міромъ 205 лѣтъ». Яхъи грамматикъ не былъ сыномъ Адія, но часто и у другихъ авторовъ смѣшивается съ Яхъей, сыномъ Адія.

сохранились только 2 строка (последній на л. 48^а), и разказъ переходитъ прямо (л. 48^б, строка 1-я сверху) къ появившемуся въ Эдессѣ еретикъ Уди (или Ауди), а на л. 49 сообщается о смерти Константина Великаго. Конецъ хронологической таблицы, вѣроятно, отсутствовалъ уже въ томъ экземплярѣ, съ котораго была списана наша рукопись, но переписчикъ этого не замѣтилъ, что весьма мало говорить въ пользу его внимательности и аккуратности.

На лл. 49^б—55^а находится много свѣдѣній о патриархахъ Римскихъ, Константинопольскихъ, Александрійскихъ, Антиохійскихъ и Иерусалимскихъ. Затѣмъ идетъ опять исторія Византійскихъ императоровъ. На л. 64^а внизу, послѣ разказа о правленіи Θεодосіа II, сына Аркадіи, читаемъ:

„И въ это время умножились христіане въ государствѣ Персовъ, и весьма усилилось христіанство благодаря Харудіи ¹⁾, епископу Мейафаркина (Мартиропола), который отправился къ Персамъ по приказанію Θεодосіа. Потомъ воцарился Ездеджердъ; былъ онъ жестокъ и несправедливъ, и его подданные бунтовали противъ него и боялись его и проклинали его. И когда онъ однажды. . . ²⁾ . . . то вдругъ прискакалъ конь, красивой масти, прелестнаго вида, подобнаго которому никогда не видывали, и остановился у воротъ дворца Ездеджерда. И были поражены (его появленіемъ) всѣ, которые его видѣли. И вошли слуги и извѣстили своего государя, Ездеджерда. И вышелъ онъ, чтобы посмотреть, и понравился онъ ему, и остановился онъ, чтобы погладить его рукой. И когда онъ всталъ подлѣ него, чтобы погладить его спину, то конь его лягнувъ задними ногами и убилъ его, а затѣмъ ускакалъ и исчезъ, и осталось неизвѣстнымъ, откуда онъ явился. И были такимъ образомъ избавлены люди отъ его притѣсненій. Потомъ воцарился послѣ него его сынъ Р-х-в-в-А ³⁾. Онъ преслѣдовалъ христіанъ и притѣснялъ ихъ. И въ этомъ году ⁴⁾ было затмѣніе солнца, и въ этомъ же году была битва между Греками и

¹⁾ У Абу-л-Фараджа *Histor. dynast.* p. 145 (перев. 91)—Мартута.

²⁾ Порча въ текстѣ.

³⁾ Читай: «Вахрамъ» или «Вахрамъ». Сильная порча этого известнаго имени опять доказываетъ невѣжество кописта Флорентинской рукописи. Въ текстѣ Агапія впрочемъ, можетъ быть, стояла форма *Варахрамъ*.

⁴⁾ Въ какомъ—остается неизвѣстнымъ въ точности. Это уже небрежность автора, очевидно сокращавшаго свой источникъ по общепринятому шаблону, то-есть, весьма неумно.

Персами, и было убито съ обѣихъ сторонъ множество народа и были Персы разбиты, и прекратилось преслѣдованіе христіанъ. И изъ ученыхъ этого времени былъ Мар-Исаакъ, ученикъ Мар-Ефрема. Жилъ онъ въ Антиохіи; онъ авторъ многихъ проповѣдей на праздники, на мучениковъ, на войны и набѣги, которые происходили въ это время. А былъ онъ родомъ изъ Эдессы¹⁾.

Приведенный отрывокъ заслуживаетъ вниманія потому, что нѣкоторыя части его (мѣста, означенныя разрядкой) буквально повторяются у Абу-л-Фараджа¹⁾, а замѣтка о Мар-Исаакѣ находится у него въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Лл. 65^a — 67 посвящены еписарху Несторію.

Разказывая далѣе объ императорѣ Юстиніанѣ, авторъ пишетъ на лл. 74^a и 74^b: „Въ 35-мъ году Юстиніана, онъ (Юстиніанъ) приказалъ²⁾ написать всѣмъ епископамъ праздновать Рождество Христово 24-го декабря и Богоявленіе 6-го января, ибо многіе праздновали Рождество и Богоявленіе вмѣстѣ въ одинъ и тотъ же день, именно въ день Богоявленія, 6-го января. И въ 39-мъ году Юстиніана появилось на небѣ знаменіе, подобное копыю огненному, и стояло четыре мѣсяца и стало передвигаться съ мѣста на мѣсто. И въ это время³⁾ былъ извѣстенъ Іоаннъ грамматикъ въ Александріи. Онъ былъ философъ и написалъ множество книгъ о грамматикѣ, философіи, логикѣ и религіи и другія. Придерживался онъ мнѣній Якова и Севера, но потомъ отсталъ отъ этого направленія и признавалъ, что Отецъ и Сынъ и Духъ Святой—три ипостаси и три природы, которыя соединяются въ одномъ существѣ“ и пр.

На л. 76^b начинается исторія Маврикія. Тутъ разказъ дѣ-

¹⁾ *Histor. dynast.* p. 145 (латинск. пер. 91)

²⁾ Объ этомъ приказаніи мы также читаемъ у Абу-л-Фараджа (p. 150, лат. перев. 94), но уже съ нѣкоторыми добавленіями. Замѣтки о кометѣ въ 39-мъ году Юстиніана нѣтъ ни у Абу-л-Фараджа, ни у Грековъ. У Евтихія (*Annales*, ed. *Roscoe*, *Selden*, II, 171) сказано глухо, что во время Юстиніана появилось огненное копые на небѣ, простоявшее нѣсколько дней.

³⁾ У Абу-л-Фараджа (стр. 180, перев. 114), согласно съ другими арабскими историками, Іоаннъ грамматикъ представляется современникомъ завоеванія Египта Арабами. Ср. о немъ еще *Fihrist*, ed. *Flügel-Rüdiger* I, 254—55 и II, 117, *Эрша и Грубера*, подъ словомъ *Iohannes-Philoronus* и *Fabricii Bibl. Gr.* ed. *Harles*. X, 640 sqq. Но такъ какъ Іоаннъ въ разказѣ о его встрѣчѣ съ завоевателемъ Египта, Амромъ, въ 639 году, представляется престарѣлымъ старцемъ, то можно допустить, что онъ былъ извѣстенъ еще въ концѣ правленія Юстиніана, т-е-е, въ шестидесятыхъ годахъ VI вѣка.

дается болѣе связнымъ и подробнымъ и поэтому болѣе цѣннымъ. Мнѣ показалось, что сообщенія имъ свѣдѣнія о Маврикіѣ, Фокѣ и Иракліѣ не лишены значенія, почему я и сдѣлалъ именно изъ этого отдѣла книги болѣе длинныя выписки, которыя и сообщаю здѣсь въ переводѣ:

„Въ ¹⁾ 8-мъ году Маврикія Персы напали на царя своего Хормуза и выкололи ему глаза и потомъ убили. И распались они на двѣ партіи. Одни стояли за сына его Кисру, а другіе за одного мерзевана (сатрана), Бахрама по имени. И опередила партія, стоявшая за Кисру, сына Хормуза, (другую партію) и поставила его царемъ. Бахрамъ же, мерзеванъ ²⁾, былъ на войнѣ съ Девлемійцами и не присутствовалъ при воцареніи Кисры. И когда онъ кончилъ войну съ Девлемійцами, то написалъ Кисрѣ: „Я тебя не знаю. Или откажись отъ власти царской, или готовься къ войнѣ“. А было съ Бахрамомъ много войска. И былъ Кисра, сынъ Хормуза, молодой и побоялся войны съ Бахрамомъ и задумалъ просить помощи у повелителя Грековъ. И позвалъ онъ одного изъ своихъ слугъ, которому онъ довѣрялъ, и сказалъ ему, что онъ намѣренъ былъ сдѣлать. И когда тотъ услышалъ слова царя, то вышелъ тайкомъ и пробрался въ лагерь Грековъ, вошелъ въ него и встрѣтилъ въ немъ одного человека, изъ предводителей арабскихъ, Джафну по имени, который искалъ защиты у Грековъ, и разказалъ ему это дѣло. И когда это услышалъ Джафна, то онъ отправился въ Константинополь“...

На лл. 78^a—79^b разказывается о заключеніи договора между Маврикіемъ и Персидскимъ царемъ и сообщается переписка между ними ³⁾. Затѣмъ авторъ продолжаетъ (л. 79^b внизу и слѣд.): „И когда прибыли войска къ Кисрѣ, сыну Хормуза, и ему доставлено было нисемъ царя, и когда онъ принялъ деньги, то онъ отправился противъ непріятеля. И когда до Бахрама дошла вѣсть о бѣгствѣ Кисры къ Грекамъ, то онъ пошелъ въ Махузу и взялъ имущество, находившееся въ сокровищницахъ, оружіе и всякіе припасы ⁴⁾ и сжегъ весь

¹⁾ Л. 77^b.

²⁾ Здѣсь и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ рукопись читаетъ вм. этого, весьма извѣстнаго, титула—ал-Муриян.

³⁾ Другіе арабскіе разказы о воцареніи Хосру Первіана и его сношеніяхъ съ Греками см. у Noldeke, *Gesch. d. Araber u. Perser zur Zeit der Sasaniden*, p. 273 и сл. *Eutychii Annales II*, p. 200 sqq. Разказъ нашего автора послужилъ источникомъ для Абу-л-Фараджа (*Histor. dyn.* 154, лат. перев. 97), который его значительно сократилъ, но часто сохраняетъ самыя выраженія Агапія.

⁴⁾ Л. 80^a.

городъ и разрушилъ дворцы Кисры и приготовился къ войнѣ; и пошелъ Кисра, сынъ Хормуза, съ греческими войсками на него и столкнулся съ нимъ между Маданномъ и Вѣситомъ. И былъ разбитъ Вахрамъ, и перебиты всѣ его люди, и отданы на грабежъ его имущество и его лагерь. И вернулся Кисра въ свое государство и возсѣлъ въ немъ (на престолѣ), и весь народъ принесъ ему присягу. И когда онъ немного отдохнулъ, онъ призвалъ Грековъ и назначилъ имъ хорошее вознагражденіе и отправилъ ихъ къ ихъ повелителю и послалъ Маврикію, царю Грековъ, вдвое больше денегъ и драгоценностей противъ того, что тотъ ему далъ. Потомъ онъ приказалъ возвратити Дѣру Грекамъ, спустя 17 лѣтъ по завоеваніи ея Персами, и оставилъ у себя отрядъ Грековъ, которому онъ довѣрилъ охраненіе сокровищницъ. И приказалъ онъ построить двѣ церкви для христіанъ, одну въ Маданнѣ во имя св. Маріи, а другую во имя св. Сергія, мученика, и ваялъ Анастасія, патріарха Антиохійскаго, и тотъ освятилъ ихъ и поставилъ въ нихъ двухъ священниковъ и многихъ діаконовъ. И далъ ему Кисра хорошее вознагражденіе, и онъ—я разумѣю Анастасія—ушелъ. И было это въ концѣ 902 года отъ Двурогаго (Александра) ¹⁾. И въ этомъ же году случился большой моръ на людей. Потомъ появилась на нихъ сильная чесотка, а въ слѣдующемъ году ²⁾, то-есть, въ 903 отъ Двурогаго (Александра) ³⁾, затмилось солнце въ мартѣ мѣсяцѣ ⁴⁾ въ полдень и въ этотъ же самый день случилось землетрясеніе. И въ 14-мъ году Маврикія случилась сильная жара, такъ что выжжены были деревья, виноградныя лозы и вся ясель ⁵⁾, а въ 16-мъ году его царствованія выпалъ сильный дождь, такъ что поглощены были водой многіе города съ ихъ жителями и скотомъ. Потомъ появилась саранча въ громадномъ количествѣ, подобнаго которому никогда не видывали. Она цѣлый годъ этотъ продолжала по-

¹⁾ То-есть, въ 590 г. по Р. Хр. Весь этотъ разказъ въ значительно сокращенномъ видѣ, но съ сохраненіемъ выраженій Агапіа, опять читается у Абу-л-Фараджа, р. 156, пер. 96. Ср. *Nöldeke*, I. с. 284 и 287. Абу-л-Фараджъ пропускаетъ некоторыя весьма существенныя черты, какъ напримѣръ, оставленіе въ Персіи отряда греческихъ войскъ, и не указываетъ года.

²⁾ Д. 80ъ .

³⁾ То-есть, въ 591 г.

⁴⁾ Число пропущено. По *Муралету*, *Essai de chronogr. byz.* р. 249, это было 23-го марта.

⁵⁾ Всѣ эти событія пропущены у Абу-л-Фараджа; извѣстіе о дождахъ опять буквально заимствовано имъ у нашего автора, а слѣдующія затѣмъ извѣстія о саранчѣ и о землетрясеніи пропущены.

жирать и уничтожать (хлѣба). И въ 17-мъ году его царствованія случилось сильное землетрасеніе и выпало много снѣгу. И въ концѣ 20-го года Маврикія собрались вельможи греческіе и патриціи въ городѣ Иракліи, и съ ними былъ одинъ мужъ изъ числа патриціевъ, по имени Фока, котораго они пожелали сдѣлать царемъ надъ собою. А прежде сего они намѣревались поставить царемъ надъ собою К-т-ри ¹⁾, брата Маврикія, потому что Маврикія послѣ заключенія мира съ Персами прекратилъ выдачу жалованья солдатамъ и вычеркнулъ ихъ (имена) изъ списковъ. И сказали они К-т-ри, брату Маврикія, что они хотятъ его поставить царемъ надъ собою, и онъ тогда убѣжалъ отъ нихъ и ушелъ въ Константинополь. Потомъ бѣжалъ Маврикія въ Халкедонъ, и Греки догнали его, а на немъ были рубища, какъ у нищихъ. И убили они его и его сыновою и тѣхъ, кто былъ на его сторонѣ, и поставили надъ собою царемъ Фоку. И царствовалъ Фока ²⁾ восемь лѣтъ съ 914 года отъ Двурогаго (Александра) ³⁾ и не былъ онъ изъ царскаго дома. И когда дошла до Кисры вѣсть объ убіеніи Маврикія, онъ уничтожилъ договоръ, существовавшій между нимъ и Греками, и нарушилъ миръ, заключенный съ нимъ, и совершилъ походъ на Дѣру и взял ее. И въ восьмомъ году Фоки появилось на небѣ знаменіе, на подобіе большой звѣзды, которое блистало, и отъ котораго исходили на разныя стороны лучи на подобіе... ⁴⁾, которые наполняли большую часть неба и воздуха. И продолжалось это отъ октября до апрѣля. И въ этомъ же году произошло въ Сиріи великое бѣдствіе. Дѣло въ томъ, что Евреи, которые жили тамъ и въ Месопотаміи, возмѣнили намѣреніе убить христіанъ во всѣхъ городахъ и разрушить ихъ церкви. И пока они еще собирались это дѣлать, былъ сдѣланъ на нихъ доносъ власти. И начали тогда на нихъ христіане и убили многихъ изъ нихъ. И когда Фока узналъ объ этомъ, то онъ разгнѣвался противъ христіанъ ⁵⁾ и наложилъ на нихъ тяже-

¹⁾ Тутъ разумѣется Петръ, котораго нн легко узнать въ арабской транскрипціи, если опустить одну точку надъ первою буквою. У Абу-л-Фараджа, 156, перев. 98, стоитъ правильно Ф-т-ри.

²⁾ Л. 81^а.

³⁾ То-есть, съ 602 г. по Р. Хр.

⁴⁾ Въ текста стоитъ «на подобіе пустуль». Я подовѣриваю порчу текста. Можетъ быть, впрочемъ, что сравненіе относится къ красному цвѣту лучей. Абу-л-Фараджъ пропускаетъ это и слѣдующее за нимъ извѣстіе о дѣлахъ въ Сиріи.

⁵⁾ Читай: «Евреевъ».

лны подати въ Антиохіи, Лвоніи и всей Сиріи и Месопотаміи. И въ этомъ же году Персы сдѣлали походъ на Амидъ и взяли его. Потомъ они уклонились въ Биннасинъ и (затѣмъ) вернулись въ Эдессу. И въ этомъ же году возстали противъ Фоки, цари Грековъ, два бунтовщика: одинъ изъ нихъ Ираклій, а другой Григорій въ Африкѣ ¹⁾ (то-есть, Африкѣ, въ смыслѣ римской провинціи Африки). И отправили они войска съ двумя мужами изъ ихъ партіи и приказали имъ, то-есть, Ираклію, сыну Ираклія, и Никитѣ, сыну Григорія ²⁾, чтобъ они убили Фоку, и заключили она между собою договоръ такого рода, что царство будетъ принадлежать тому, кто раньше дойдетъ до Константинополя и убьетъ Фоку. И отправился Ираклій, сынъ Ираклія, моремъ и нашелъ его тихимъ и спокойнымъ, а Никита пошелъ сухимъ путемъ. И дошелъ Ираклій раньше Никиты и вступилъ въ городъ и убилъ Фоку. И царствовалъ Ираклій 31 годъ и пять мѣсяцевъ съ 922 года отъ Диурогаго (Александра) ³⁾. И въ первомъ году своего царствованія онъ отправилъ посольство къ царю Персовъ, чтобы заключить съ нимъ миръ, но тотъ не согласился. И когда дошла до Персовъ вѣсть о вѣдѣніи Ираклія, они произвели набѣгъ на Антиохію и убили ея патріарха и были увезены въ плѣнъ (многіе) ея жители. Потомъ Никита, сынъ Григорія, пошелъ въ Александрію и овладѣлъ ею ⁴⁾.

„И произвели набѣгъ Персы ⁵⁾ и взяли Антиохію. Потомъ они уклонились въ Апамею и взяли ее. Потомъ они пошли въ Химсъ (Эмессу) и взяли его, и было все это въ октябрѣ мѣсяцѣ ⁶⁾. И собрались Греки и сразились съ ними при Д-а-сѣ и были Греки обращены въ бѣгство ⁷⁾ и утонули многіе изъ нихъ въ рѣкѣ.

„И взяли они (Персы) Кесарію. И въ этомъ же году былъ у Грековъ сильный голодъ, такъ что люди ѣли падаля и шкуры животныхъ. Потомъ Никита, сынъ Григорія, выступилъ противъ мерзѣбана ⁸⁾,—имя же ему К-с-ру-ди-, который завоевалъ всѣ эти горо-

¹⁾ Л. 81^б.

²⁾ Рукопись тутъ по ошибкѣ еще прибавляетъ слова: «и приказали этимъ двумъ своимъ людямъ».

³⁾ 610 г. по Р. Хр.

⁴⁾ То-есть, отнялъ ее у приверженцевъ Фоки.

⁵⁾ Такъ поправлено на поляхъ. Въ текстѣ стоитъ невѣрно «Греки».

⁶⁾ Годъ не показанъ; разумѣется, по видимому, все еще первый годъ Ираклія.

⁷⁾ Ср. Theophan. Chronogr., ed. Bonn, I, 461, которая относитъ поражение Грековъ къ тому мѣсяцу.

⁸⁾ Л. 82^а.

да ¹⁾, и столкнулся съ нѣмъ и разбилъ его, и было убито съ обѣихъ сторонъ 20,000 человекъ. И въ этомъ же году ²⁾ появилось много саранчи. И въ 4-мъ году Ираклія ³⁾... И въ 5-мъ году Ираклія выступили Персы изъ Кесарен и совершили походъ на Іерусалимъ и взяли его. И въ 8-мъ году Ираклія Персы взяли Александрію и сосѣднія области и дошли до Нубіи и совершили походъ на Халкедонъ и взяли ее. И въ 10-мъ году Ираклія Арабы произвели движеніе въ Ятрибъ (Мединъ) въ 931 году отъ Двурогаго (Александра) ⁴⁾. И въ 15-мъ году Персы совершили походъ на Родосъ и завоевали его. И въ этомъ году Кисра, сынъ Хормуза, приказалъ, чтобы былъ взятъ мраморъ изъ церквей во всѣхъ городахъ, которые онъ завоевалъ, и чтобы онъ былъ привезенъ въ Маданъ и Махъзу. И людямъ и животнымъ это причинило тяжелый трудъ. И въ этомъ же году Ираклія воевалъ съ Персами и взялъ столицу Кисры и увелъ въ плѣнъ много народа и ушелъ; потомъ онъ заключилъ съ Персами миръ спустя три года послѣ этого, то-есть, въ 17-мъ году Ираклія ⁵⁾. Въ это время затмилось солнце и продолжалось затмѣніе его съ октября до іюня, а это 9 мѣсяцевъ. И была половина его диска темна и другая половина нетемна, и было видно только немного его свѣта ⁶⁾. И въ 18-мъ году царя Ираклія былъ убитъ Кисра, сынъ Хормуза, царь Персовъ, послѣ того какъ онъ царствовалъ 38 лѣтъ. Потомъ воцарился послѣ него Кобадъ, его сынъ, и заключилъ миръ съ Греками и возвратилъ имъ города, которые завоевалъ его отецъ. И въ 19-мъ году Ираклія умеръ Кобадъ, сынъ Кисры, послѣ того, какъ царствовалъ одинъ годъ, и

¹⁾ Имя и-с-ру-аи несомненно испорчено. Разумѣется, быть можетъ, *Romiyadus* Табари (*Nöldeke*, I. с. 290).

²⁾ Тутъ уже не можетъ быть рѣчи о первомъ годѣ Ираклія. Совершенно ясно, что Агапій (или переписчикъ Флорентинской рукописи) передъ этимъ нѣсколько пропустилъ какинъ-нибудь свидѣнія, относившіяся ко 2-му или 3-му году.

³⁾ Слѣдующія строки въ текстѣ совершенно испорчены. Читается въ нихъ слѣдующее: «и въ 4-мъ году Ираклія завладѣли (или водарились) Арабы (затѣмъ стоитъ слово «калана», снабженное знакомъ уничтоженія) Александріей и съ того времени, когда онъ воцарился до того, когда завладѣли Арабы 935 отъ Двурогаго (= 623)».—У Абу-л-Фараджа мѣсто это сокращено такъ: «и въ 4-мъ году Ираклія водарились (=стали царствовать) Арабы, а это 935-й годъ отъ Александра».

⁴⁾ = 619 г. по Р. Хр.

⁵⁾ Л. 82^b.

⁶⁾ Весь предыдущій разказъ опять сокращаетъ Абу-л-Фараджъ обычнымъ манеромъ. См. его текстъ, р. 157—158, перев. 98—99.

воцарился послѣ него, его сынъ Арденширъ. Потомъ убилъ его Шах-рабазъ¹⁾. Это тотъ самый мерзѣбакъ, который совершилъ всѣ эти завоеванія. И заключилъ онъ миръ съ Греками и возвратилъ имъ тѣ города, которые онъ и другіе завоевали, до Дары, чтѣ выше Нисибіна. И въ этомъ же году появилась на небѣ звѣзда хвостатая со стороны запада. Потомъ Ираклія приказалъ Грекамъ, чтобъ они покинули землю Персовъ²⁾ и пришли бы въ землю Грековъ, такъ какъ Греки и Персы заключили между собою миръ. И приказалъ Шахрбазъ Персамъ всѣмъ, чтобъ они ушли въ свои страны, каждый въ свой городъ и къ своей семьѣ, и чтобъ уже не производили безчестствъ на землѣ, но они не приняли его слова. И въ концѣ 20-го года Ираклія Персы совершили походъ на Евфратъ и явилъ Шахрбазъ (въ плѣнѣ) многія войска Грековъ³⁾, и были убиты многіе изъ предводителей Персовъ⁴⁾ и ихъ приверженцевъ. И въ 21-мъ году Ираклія умеръ Шахрбазъ, который захватилъ власть надъ Персами, и воцарилась Вурьяъ, дочь его. И заключила она миръ съ Греками и потомъ умерла. И воцарилась вмѣсто нея ея сестра. И въ этомъ году распространилась вѣсть объ Арабахъ и напугала многихъ людей изъ Грековъ и Персовъ. И въ 22-мъ году Ираклія Греки столкнулись съ Арабами при (рѣкѣ) Ярмукѣ и убили столько изъ Грековъ, что (изъ тѣхъ убитыхъ) образовался мостъ, по которому ходили. И было это въ 943 году отъ Двурогаго (Александра)⁵⁾. И былъ правителемъ дѣлъ ихъ тогда Абу Бекръ Атѣкъ, сынъ Абу Кухафы, и пребывалъ онъ въ Ятрибѣ, въ землѣ — Арѣсѣ⁶⁾. И отправилъ онъ войско во всѣ стороны подъ начальствомъ четырехъ человекъ. Одного (послалъ онъ) въ землю Персовъ, другаго на Халебъ и Дамаскъ. И пребывалъ одинъ изъ греческихъ патрициевъ въ Кесаріи, котораго имя было Сергій, и былъ онъ правителемъ ея отъ имени Грековъ, и выступилъ онъ противъ нихъ, а они разбили его и убили его людей. И случилось въ этомъ году землетрясеніе сильное и появилось на

4) Это имя въ нашей рукописи пишется то безъ точекъ, то Шахрѣар или Шахрѣан, какъ и въ другихъ арабскихъ источникахъ. Вѣрнѣйшая форма по *Нильдеке* (I. с. 292) — *Шахрваразъ* или *Шахрбаразъ*.

²⁾ Это слово прибавлено мною по конъектурѣ.

³⁾ Л. 83^а.

⁴⁾ Читай «Грековъ».

⁵⁾ 631 по Р. Хр.

⁶⁾ Испорченное имя.

небѣ знаменіе, именно огненный столбъ, и стало двигаться съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, а потомъ исчезло. И отправилъ Ираклій своего брата—онъ былъ въ Эдессѣ—противъ Арабовъ, а тотъ побоялся ихъ. И двинулся Ираклій въ Константинополь и оставилъ Сирію и отправилъ войска ¹⁾ къ Арабамъ, и разбили ихъ Арабы и разграбили ихъ лагерь. И въ этомъ же году двинулся Омаръ, сынъ Ал-Хаттаба, въ Сирію и прибылъ въ Іерусалимъ. И вышелъ къ нему патріархъ и ввелъ его въ городъ, и онъ посмотрѣлъ на него и на храмъ, который находится въ немъ, и молился въ немъ. И остался онъ въ немъ (городѣ) сорокъ дней. Потомъ онъ выступилъ и пошелъ въ Дамаскъ и остался тамъ короткое время. Потомъ онъ вернулся въ Ятрибъ. И умеръ Ираклій, царь Грековъ, процарствовавъ 31 годъ и 5 мѣсяцевъ. И въ этомъ же году взяли Арабы городъ Кесарію и Палестину. Потомъ царствовалъ Константинъ, сынъ Ираклія, четыре мѣсяца въ 953 году отъ Двурогаго, и былъ убитъ. И царствовали Ираклій, сынъ Ираклія, и его сынъ вмѣстѣ съ нимъ восемь мѣсяцевъ. Потомъ они были низвержены. И воцарился Константинъ и царствовалъ 27 лѣтъ съ 954 года отъ Двурогаго ²⁾. И въ шестомъ году его царствованія Арабы взяли Кипръ и овладѣли имъ. И въ седьмомъ году его царствованія Арабы и Греки раздѣлили между собою Кипръ на двѣ половины. И въ концѣ 27-го года его царствованія Греки убили его въ банѣ Сициліи ³⁾, то-есть, Константа. И отъ Адама до потопа прошло 1242 года...".

Слѣдуетъ хронологическая табличка, которая заканчивается слѣдующими словами ⁴⁾: „и отъ (начала) владычества Арабовъ до этого времени, то-есть, до 1273 года отъ Двурогаго (= 961), прошло 330 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ". Но на поляхъ тутъ замѣчено: „это ошибочно". Ошибка дѣйствительно есть, ибо 1273-й годъ Селевкидской эры не соответствуетъ 830-му году гджры. Можно только колебаться, какая именно цифра переврана, но для рѣшенія этого сомнѣнія мы имѣемъ указанное уже выше мѣсто Масуди, изъ котораго яствуетъ, что книга Аганія уже была кончена, когда Масуди писалъ свой Тенбихъ, то-есть, въ 945 году, и что, слѣдовательно, описка есть въ цифрѣ 1273, вмѣсто которой нужно читать

¹⁾ Л. 83ъ.

²⁾ = 642.

³⁾ Я читаю: С-к-л-і-я вм. С-к-л-ба рукописи. Императоръ былъ убитъ въ Сиракузѣ. См. *Muraît*, 305.

⁴⁾ Л. 84^а.

1253 (= 941); этотъ годъ соотвѣтствуетъ 330-му году гижры. Непосредственно за приведенными хронологическими указаніями читается слѣдующее (л. 84в):

„И упомянемъ мы годы Арабовъ и ихъ царей, цари за царемъ, и сколько царствовалъ каждый изъ нихъ, на сколько намъ это было возможно (узнать), если Богу угодно. Дѣла Арабовъ:

„Въ 933 году отъ Двурогаго и 11-мъ ¹⁾ году Ираклія, царя Грековъ, и въ концѣ 30-го ²⁾ года Кисры, сына Хормуза, пришли въ движеніе Арабы въ Ятрибъ и поставили надъ собою предводителемъ мужа, именуемаго Мухаммедомъ, сыномъ Абдаллаха. И сталъ онъ ихъ предводителемъ и царемъ и управлялъ ими десять лѣтъ. И собрались къ нему его родные и его родичи и племя, и онъ заставилъ ихъ увѣровать въ единого Бога, у котораго нѣтъ товарища, и прекратить поклоненіе идоламъ, и поклоняться только единому Богу. И приказалъ имъ совершать обрѣзаніе, не пить вина, не ѣсть ³⁾ свинины, падали и крови, творить молитву и платить подать (зекать). Кто на это соглашался, оставался невредимымъ и спасался, а кто это отвергалъ и сопротивлялся, съ тѣмъ онъ воевалъ. И убилъ онъ многихъ богатырей арабскихъ, изъ собственнаго племени и изъ другихъ, и завоевалъ много городовъ, принадлежавшихъ сосѣднимъ народамъ. И приходили къ нему христіане, изъ Арабовъ и другихъ, и онъ имъ давалъ безопасность и писалъ имъ грамоты (охраны). И точно также поступали другіе несогласные съ его ученіемъ народы, а разумѣю Евреевъ, маговъ и сабейцевъ. И присягнули они ему и взяли у него обѣщаніе защиты, съ тѣмъ, чтобы платить ему подупіную и поземельную подати. И приказалъ онъ своему народу вѣровать въ пророковъ и пословъ и въ то, что Богъ имъ ниспослалъ ⁴⁾, и чтобы они вѣровали въ Мессію, сына Маріи, и говорили бы, что онъ пророкъ Божій и слово его, рабъ его и духъ его, и чтобы они вѣровали въ Евангеліе, въ рай и адъ и конечное воздаяніе (въ день страшнаго суда). И проповѣдывалъ онъ, что въ рай есть яства и питія, и

¹⁾ Въ текстѣ: въ 1-мъ году. Что это простая ошибка кописиста доказывается не только приводимыми здѣсь же синхронизмами, но и другимъ, итъскольکو ниже, гдѣ 3-й годъ Мухаммеда называется 14-мъ Ираклія.

²⁾ Читай «32-го».

³⁾ Все мѣсто объ исламѣ сокращено ал-Макнаомъ, *Histor. Saracenicæ* 3, изъ нашего автора.

⁴⁾ То-есть, въ полученное ими откровеніе.

бракъ и рѣки вина, молока и меда, и дѣви черноокія, до которыхъ не дотрогивались ни люди, ни гении. И предписалъ онъ имъ постъ и пять молитвъ и еще многое другое, чего я не упомяну, боюсь длинноты. И въ первомъ году ¹⁾ его царствованія Шахрбазъ, иервезанъ Персовъ, совершилъ походъ на Грековъ и осадилъ Анкиру и взялъ ее и убилъ и увелъ въ плѣнъ всѣхъ находившихся въ ней. И завоевалъ онъ далѣе, въ концѣ этого года, островъ Родосъ ²⁾ и увелъ въ плѣнъ его жителей. И во 2-мъ году его царствованія Кисра, сынъ Хормуза, притѣснялъ народы ³⁾, обитавшіе въ его царствѣ, которые были другой вѣры, по причинѣ вселившихся въ него гордости и тщеславія по случаю многихъ совершенныхъ имъ завоеваній и расширенія своихъ владѣній. И наложилъ онъ на нихъ тяжелыя подати и удвоилъ ихъ повинности и приказалъ разрушить церкви Сиріи и Месопотаміи и перевести весь мраморъ ихъ въ его государство, какъ мы упомянули выше, вмѣстѣ со всѣми золотыми, серебряными и деревянными сосудами. И въ 3-мъ году Мухаммеда, сына Абдаллаха, и 14-мъ году Ираклія и 35-мъ году Кисры, сына Хормуза, Шахрбазъ совершилъ походъ на Константинополь съ многими войсками персидскими, и осадилъ его. Потомъ онъ воевалъ городъ, но не могъ ворваться въ него и ушелъ, постоявъ долгое время. И въ этомъ году Кисра притѣснялъ жителей Эдессы, тѣхъ именно, которые были исповѣданія мелькитскаго, и приказалъ имъ принять вѣру яковитовъ. Причиной этого было слѣдующее ⁴⁾: Былъ нѣкій мужъ изъ яковитовъ, именуемый Юбанъ (Юбанъ, Ютанъ и пр.), врачомъ Кисры, сына Хормуза. И былъ онъ въ родствѣ съ однимъ мужемъ изъ жителей Эдессы, котораго имя было Корра, а былъ онъ яковитомъ. И поручилъ Кисра, сынъ Хормуза, Коррѣ взиманіе харѣджа Эдессы. И возненавидѣли его жители Эдессы и донесли на него Кисрѣ и дали за него... ⁵⁾, такъ что онъ былъ отставленъ. И когда врачъ Кисры увидѣлъ образъ дѣйствія жителей Эдессы съ Коррой, его родственникомъ, то имъ овладѣлъ гнѣвъ, и онъ, оставшись однажды на единѣ съ царемъ,

¹⁾ Весь слѣдующій разказъ о персидскихъ и христіанскихъ дѣлахъ сограждень изъ нашего автора аз-Макинонъ, р. 11 внизу, и р. 12, который говорить, что заимствуется эти свѣдѣнія изъ «христіанскихъ лѣтописей».

²⁾ Выше, завоеваніе Родоса Персами отнесено къ 15-му Ираклія, то-есть, къ 625 по Р. Хр.

³⁾ Л. 85а.

⁴⁾ Ср. *Lebeaux—St. Martin*, 10, 442.

⁵⁾ Въ текстѣ испорченное слово.

сказалъ ему: „О царь, не слѣдуетъ позволять жителямъ Эдессы ¹⁾ оставаться при своей вѣрѣ, ибо они прескверный народъ. Но ты ихъ притѣсняя, пока они живутъ въ твоёмъ государствѣ, ибо ихъ вѣра—вѣра Ираклія и его прerverженцевъ, и ихъ ученіе о Богѣ подобно его ученію. Они переписываются съ нимъ и посылаютъ другъ другу по слову. Такъ прикажи ты имъ, чтобъ они приняли вѣру яковитовъ или вѣру несторіанцевъ, ибо когда они примутъ одну изъ этихъ двухъ вѣръ, то между ними и Греками возгорится вражда; если же они останутся при своей вѣрѣ, то будутъ всегда склоняться на сторону Грековъ.“ И понравилась Кисрѣ его рѣчь, и приказалъ онъ написать Мерзобану, правителю Месопотаміи, и повелѣть ему, чтобъ онъ отправился съ войсками въ Эдессу и заставилъ жителей ея принять вѣру яковитовъ или несторіанцевъ и вазнилъ тѣхъ изъ нихъ, кто не согласится. И когда письмо Кисры дошло до Мерзобана, онъ выступилъ и пришелъ въ Эдессу. И собралъ онъ ея жителей въ одной изъ тамошнихъ церквей и сказалъ имъ: „Вы враги Божья и враги царя Кисры. Вы шпионы, пишете его врагамъ объ его дѣлахъ. Изберите же одно изъ двухъ: станьте или яковитами, или несторіанцами. И если вы примете одну изъ этихъ двухъ вѣръ, (то останетесь) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы преклоняете свои головы, и при томъ же образѣ жизни. А если вы не согласитесь на это, то я отрублю вамъ головы и отправлю васъ и семьи ваши ко двору царя и все имущество ваше и все, что вы имѣете. И даю я вамъ нѣсколько дней срока. Совѣщайтесь же другъ съ другомъ прежде чѣмъ обрушится на васъ бѣда“. И ²⁾ говорили они тогда другъ другу: „Изберите одно изъ двухъ. Ышите или удушеннаго быка, или заколотаго осла“. Говоря отъ удушеннаго быка, они разумѣли несторіанцевъ, а подъ заколотымъ осломъ—яковитовъ. И избрали они яковитскую вѣру и ушли изъ своей родины и въ мѣстѣ, гдѣ они преклонили свои головы. И стали жители Эдессы всѣ яковитами и сдѣлали надъ собою начальникомъ человѣка, имя которому было Исаія. И спустя нѣсколько мѣсцевъ послѣ этого времени, Кисра приказалъ переселить жителей Эдессы въ Персію и написалъ своему намѣстнику тамъ объ этомъ. А былъ намѣстникъ этотъ человѣкъ добродѣтельный, права кроткаго и расудительнаго. И медлил онъ исполненіемъ и не отправилъ ихъ всѣхъ за одинъ разъ, а сталъ отправлять ихъ посте-

¹⁾ Л. 86^в.

²⁾ Л. 86^с.

пенно, въ ожиданіи, что сердце царя сжадется надъ ними, и скривилъ онъ (намѣстникъ) ихъ проступки. И вотъ, пока онъ еще такъ дѣйствовалъ, царь Грековъ пошелъ войной на Персовъ и вступилъ въ Иракъ, и былъ отвлеченъ Кисра отъ жителей Эдессы, и спаслись такимъ образомъ остальные жители отъ плѣна. И никто не устоялъ предъ Иракіемъ и не сражался съ нимъ. И убивалъ онъ и полонилъ и ушелъ въ Сирію. И въ седьмомъ году Мухаммеда, сына Абдалаха, затмилось солнце и стали видны звѣзды днемъ ¹⁾. И стоялъ Шахрбазъ предъ Константинополемъ до этого времени. Потому онъ присягнувъ Иракію, царю Грековъ ²⁾, и принялъ его подданство. А было причиною этому то, что нѣкоторые люди донесли Кисрѣ на Шахрбазу и сказали ему, что онъ подрываетъ царскую власть и говорить: я—тотъ, который совершилъ всѣ эти завоеванія, и что онъ нападаетъ на царя и превозносится надъ нимъ и надъ всѣми людьми и утверждаетъ, что если бы не онъ, то не было бы прочнымъ царствованіе Кисры. И разгнѣвался за это Кисра и приказалъ написать Мерзбану—а былъ при Шахрбазѣ нѣкій мужъ по имени Мардифъ—чтобъ онъ приказалъ ему ³⁾ принять мѣры, чтобъ отрубить голову Шахрбазу и прислать ее ему (царю). И поручилъ ему начальство надъ этими войсками и веденіе войны. И когда посолъ Кисры находился на пути къ войску Шахрбазу, Греки взяли его въ плѣнъ, когда онъ вступалъ въ ихъ предѣлы, и представили его царю Иракію. И было это послѣ возвращенія его (Иракію) изъ Персія. И взял царь письмо и заключилъ посла у себя. И когда онъ прочиталъ письмо, то послалъ къ Шахрбазу и просилъ его прійти къ нему и обѣщалъ ему полную безопасность лично для него, для его имущества и семьи и сообщилъ ему, что онъ желаетъ ему добра. И пошелъ Шахрбазъ въ Константинополь и наступилъ на коверъ царя Иракію, и заставилъ тотъ его прочесть письмо Кисры къ Мерзбану и привелъ къ нему посла, и поставили его предъ нимъ, и узналъ его Шахрбазъ и говорилъ съ нимъ и спросилъ его о всемъ дѣлѣ; и рассказалъ ему посолъ. . . .⁴⁾ И когда Шахрбазъ узналъ, какъ было дѣло, онъ присягнувъ Иракію ⁵⁾. Потому онъ сочинилъ письмо отъ имени царя и

¹⁾ Выше, затмѣніе солнца отнесено къ 17-му году Иракію.

²⁾ Л. 86b.

³⁾ Мардифъ? Текстъ нѣсколько сомнителенъ. Мардифъ — Καρδάριας Θεοφιλου, I, 497.

⁴⁾ Слово испорчено въ текстѣ.

⁵⁾ Л. 87a.

отдалъ его М—р—Аву ¹⁾) и приказалъ ему прочесть его ему и всѣмъ его вождямъ и мерзевѣдамъ, и написалъ мерзевѣду: „Развѣ ты считаешь возможнымъ сдѣлать это?“ И преисполнились мерзевѣды и звать гнѣвомъ и ненавистью къ Кисрѣ. Потомъ они пришли къ Ираклію и присягнули ему и покорились ему. И приказалъ Ираклій отослать тѣхъ, кто былъ въ ихъ войскѣ, въ Персію, безъ всякой обиды. И ушли они къ своему повелителю. Потомъ Ираклій приготовился къ войнѣ съ Персіей и написалъ Хакану, царю Хазаръ, проси его прислать ему вспомогательныхъ войскъ 40,000 всадниковъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ вступилъ съ нимъ въ союзство и женилъ бы его на своей дочери. И выступилъ Ираклій въ Сирію и сталъ отнимать одинъ за другимъ тѣ города, которые были во власти Персовъ, и ставилъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ. И когда дошли до Кисры эти вѣсти о Шахрбазѣ и его товарищахъ, и что они покорились Ираклію, и что Ираклій выступилъ чтобъ восвать съ нимъ, и когда ему подтверждено было это положеніе дѣла и совершенныя Иракліемъ завоеванія, то онъ испугался и смутился и расказалъ въ томъ, что сдѣлалъ. И была большая часть войскъ персидскихъ разсѣяна въ Сиріи и Месопотаміи, а Ираклій уничтожалъ ихъ постепенно. И были Сирія, Египеть, Месопотамія и Арменія во власти Персовъ. Потомъ приказалъ Кисра одному своему мерзевѣду, которому имя было Рузбеханъ ²⁾), чтобъ онъ нанялъ войска Персовъ и выступилъ на встрѣчу Ираклію, царю Грековъ. И выступилъ Рузбеханъ и пришелъ въ сторону Мосула. А Ираклій завоевалъ между тѣмъ Арменію, Месопотамію, Египеть и Сирію и сразился со всѣми персидскими войсками, которыя были въ этихъ краяхъ, и присягнула ему большая часть ихъ и большая часть Армянъ. И шелъ Ираклій во главѣ 300,000 воиновъ, и двинулось къ нему со стороны Хазаръ 40,000 человекъ. И когда они дошли до Азербейджана, то Ираклій написалъ имъ и приказалъ имъ оставаться тамъ, пока онъ не дойдетъ до нихъ. И послѣ того, какъ Ираклій занялъ Арменію, онъ пошелъ и дошелъ до Ниневіи и остановился у большого Заба. И пошелъ на него Рузбеханъ, и столкнулись обѣ арміи, и произошло между ними сильное сраженіе, и были обращены въ бѣгство Персы, и было тогда убито изъ нихъ пятьдесятъ и нѣсколько тысячъ человекъ, и былъ убитъ Рузбеханъ, предводитель войска, и отдалъ Ираклій ихъ лагерь на грабежъ. И дошла до Кисры вѣсти

¹⁾ Это—тотъ самый, который выше названъ Мирдасомъ.

²⁾ Л. 87ъ.

объ убіеніи Рузбехдана и его людей, и бѣжалъ онъ тогда изъ Махузи и Маддина, и прибылъ Ираклій и вступилъ въ него и захватилъ сокровищницу царя и вынесъ все, что въ немъ (Маддинѣ) было; потомъ онъ сжегъ его и разорилъ сосѣднія деревни и увелъ въ плѣнъ ихъ жителей. И жилъ Шируа, сынъ Кисры, въ заключеніи у отца. И вышелъ онъ изъ мѣста заключенія ¹⁾ и отыскалъ своего отца, и когда онъ его нашелъ, то убилъ его и воцарился послѣ него. И продолжалось царствованіе Кисры 38 лѣтъ. И случилось воцареніе его сына Шируа въ 7-мъ году Мухаммеда, сына Абдаллаха, и 18-мъ году Ираклія, то-есть, въ 940 году отъ Двурогаго (= 628). Потомъ Ираклій отправился въ возвратный путь и остановился у деревни, именуемой Саманинъ. Это та самая, гдѣ остановился ковчегъ во время потопа въ дни Ноя. И взошелъ на гору, именуемую ал-Джуда, и посмотрѣлъ на нее, на мѣсто ковчега ²⁾, и взглянулъ на всѣ четыре стороны. Потомъ онъ пошелъ въ сторону Амьда и пробылъ тамъ всю зиму эту. И послалъ Шируа, сына Кисры, пословъ къ Ираклію, прося мира. И согласился на это Ираклій, съ тѣмъ, чтобъ ему были возвращены всѣ города и селенія, которые отялъ у Грековъ его (Шируа) отецъ, и съ тѣмъ, чтобъ Ираклій выслалъ бы въ Персію всѣхъ Персовъ, которые были въ его власти. И былъ извѣстенъ тогда изъ философовъ Стефанъ, мудрецъ египетско-александрійскій, и былъ онъ ученикомъ А-р-са-д-р-са, философа, и Теодора, философа, въ Константинополѣ. Потомъ Ираклій рѣшилъ отправиться въ Месопотамію и Сирію и призвалъ къ себѣ своего брата Теодора и приказалъ ему разрѣшить Персамъ, находившимся во всей Месопотаміи и Сиріи, выходъ изъ его владѣній и отправленіе въ Персію. И выступилъ Теодоръ во главѣ ангарда ³⁾ и сталъ Ираклій входить въ одинъ городъ за другимъ и ставить своихъ намѣстниковъ въ нихъ, пока не обошелъ всѣхъ, и возвратился въ свое царство въ Константинополь.

„И. . . ⁴⁾ Теодоръ, братъ Ираклія, и когда онъ дошелъ до Эдессы, то приказалъ Персамъ, находившимся тамъ, уйти изъ нея и переселиться въ Персію. И отказались они и сказали: „Мы не знаемъ Шируа, сына Кисры, и не уйдемъ изъ своей родины“. И направилъ

¹⁾ Л. 88^а.

²⁾ То-есть, гдѣ остановился ковчегъ.

³⁾ Л. 88^б.

⁴⁾ Шорча въ текстѣ.

онъ тогда противъ нихъ камнетными машины и положилъ въ нихъ ословъ и стрѣлялъ ими въ нихъ и бросилъ на нихъ такимъ образомъ 40 и вѣсколько ословъ и убилъ много народа изъ нихъ. И не могли они сопротивляться и просили у него пощады, и пощадилъ онъ ихъ, и они вышли изъ города и ушли въ Персію⁴...

Затѣмъ является въ Эдессу самъ Ираклій и приказываетъ жителямъ принять опять мелькитскую вѣру. „Тогда они опять оставили яковитскую вѣру, кромѣ нѣкоторыхъ челоуѣкъ, которые остались вѣрными яковитской вѣрѣ по сіе время. И остался Ираклій въ Эдессѣ дѣлный годъ и приказалъ сослать Корру, епископа¹⁾ Эдессы, на островъ Кипръ. А это онъ сдѣлалъ потому, что видѣлъ, что онъ не твердъ въ чтеніи Евангелія. И сказалъ онъ ему: „О мужъ, какимъ образомъ сталъ ты епископомъ, когда ты не твердъ въ чтеніи Евангелія? Ступай теперь на этотъ островъ и поселись на немъ и учишь чтенію и прочимъ дѣламъ церковнымъ“. И умеръ Шируя, сынъ Кисры, и воцарился послѣ него Ардениръ. И убилъ его Шахрбазъ. Дѣло въ томъ, что Шахрбазъ послѣ смерти Кисры употреблялъ хитрость вмѣстѣ съ многими мерзѣбнами, и бѣжали они изъ лагеря Ираклія и пришли въ Персію вслѣдствіе письма, присланнаго имъ Ширусей, сыномъ Кисры. Потомъ умеръ Шируя, и воцарился послѣ него его сынъ Ардениръ. И убилъ его Шахрбазъ и собралъ войска Персовъ и собралъ М-р-д-ганъ²⁾ также много войскъ, и распались Персы на двѣ партіи“ и пр.

Съ 89-го листа почти половина текста становится неудобочитаемою. Авторъ разсказываетъ завоеваніе мусульманами Сиріи и Египта не безъ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей, хотя вообще говоры его разсказъ весьма скатъ.

На л. 93^b упоминается о смерти Ираклія: „Ираклій, царь Грековъ умеръ, царствовалъ 31-й годъ³⁾, въ воскресенье 7-го февраля 952 года отъ Двурогаго (= 641), или 19-го года гижры и 7-го года Омара. И воцарился Константинъ, сынъ Ираклія, и царствовалъ 4 мѣсяца. Его убила одна изъ женъ его отца. И царствовалъ Ираклій, сынъ Ираклія, 8 мѣсяцевъ“.

¹⁾ О томъ, что Корра былъ сдѣланъ епископомъ Эдессы, мы выше ничего не узнали. Агапій очевидно неовко сократилъ лежавшіе передъ нимъ матеріалы.

²⁾ Это все тотъ же Кардариѳас Грековъ.

³⁾ Выше, стр. 66, продолжительность его царствованія опредѣлена въ 31 годъ и 5 мѣсяцевъ. У Грековъ приводится другая цифра, о чемъ см. *Minault*, р. 292. Первая цифра Агапіа безусловно невѣрна; вторая больше приближается къ вѣстнѣ.

Последняя часть рукописи, съ 100-го листа примѣрно, заслуживала бы полнаго изданія. Къ сожалѣнію, такое едва ли мыслимо по причинѣ плачевнаго состоянія текста. Особенный интересъ представляетъ разсказъ о переходѣ власти въ руки Аббасидовъ. Тутъ же мы встрѣчаемъ наконецъ, именно на л. 118 а. отвѣтъ на вопросъ объ источникахъ нашего автора. Рѣчь идетъ о битвѣ при Забѣ между Мерваномъ II, послѣднимъ Омейядскимъ халифомъ, и Абдаллахомъ, сыномъ Али, полководцемъ Аббасидовъ; она кончилась, какъ известно, полнымъ пораженіемъ Мервана.

„И почувствовали Сирійцы свою слабость, и атаковали ихъ (Хорасанцы) съ такою силой, что привели ихъ къ гибели и уничтоженію. И обратились они вспять и столпились на мосту и стала давить другъ друга. И упала бѣлая часть ихъ въ Евфратъ и потонула. Другіе умерли задавленными, остальные погибли отъ меча или были взяты въ плѣнъ. Говоритъ Теофила астрологъ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія: „Я лично не присутствовалъ при этихъ сраженіяхъ, но записывалъ многія вещи, такъ что ничего касающагося ихъ не ускользнуло отъ меня“. Онъ составилъ многія книги объ этомъ, но мы сократили изъ нихъ эту книгу и прибавили то, что намъ казалось необходимымъ, устранивъ при этомъ отъ длинноты“.

Теофила астрологъ — лицо не безызвѣстное. Ему приписывается переводъ ¹⁾ на сирійскій языкъ Илиады Гомера или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ пѣсней ея. Абу-л-Фарадж ²⁾ говоритъ, что Теофила, сынъ Оомы, изъ Эдессы, христіанинъ маронитскаго исповѣданія, былъ главнымъ астрологомъ при халифѣ ал-Махдіѣ, и что онъ авторъ „хорошей исторіи“. Зная сирійскій и греческій языки, Теофила могъ пользоваться богатыми историческими матеріалами, а оффиціальное положеніе его при халифскомъ дворѣ давало ему возможность знать многое. Судя по интересу, который представляютъ послѣднія главы Флорентинской рукописи, сочиненіе Теофила дѣйствительно должно было быть „хорошимъ“, и утрата его во всякомъ случаѣ весьма чувствительна. До нѣкоторой степени оно могло бы быть замѣнено лѣтописью Агапія, еслибъ удалось отыскать полный, хорошій списокъ послѣдней.

Кромѣ книги Теофила, у Агапія цитуются еще и другіе источники. Я отмѣтилъ цитаты изъ Есенаія Кесарійскаго (напримѣръ, л. 7^b),

¹⁾ См. *Weinrich*, De auctor. gra c. version. etc. p. 74.

²⁾ Стр. 228 арабск. текста.

Иосифа Флавія (напримѣръ, л. 7^а; 15^б), неизвѣстнаго мнѣ пока Златоуста (см. выше), нѣкотораго философа *v. c. úca* (въ „пятой главѣ книги, которую онъ составилъ о войнахъ царей и ихъ жизнеописаніяхъ“; см. л. 6^б), Африкана (? л. 44^а), Иоанна грамматика (л. 48^а, гдѣ онъ ошибочно названъ Яхъей, сыномъ Адіа). Трудно рѣшить, читалъ ли Агапіи самъ этихъ авторовъ, или же онъ нашелъ цитаты въ книгѣ Теофила.

Читатель, конечно, обратилъ вниманіе на то, что въ приведенныхъ выпискахъ Агапіи объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ время Ираклія и Хосру Первиза говоритъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ кое-гдѣ замѣчаются довольно значительныя противорѣчія. Они, разумѣется, происходятъ отъ того, что свѣдѣнія эти заимствованы изъ двухъ разныхъ источниковъ, но опять-таки мы не можемъ знать, кому изъ двухъ авторовъ—Теофилу или Агапію, слѣдуетъ приписать это заимствованіе.

Столь же мало удовлетворительны наши свѣдѣнія о жизни Агапія. Мы можемъ сказать только то, что онъ былъ епископомъ города Манвиджа (Иераполя) и составилъ свою книгу около 941 года.

Но за то въ одномъ отношеніи добытые нами результаты имѣютъ нѣкоторое значеніе: мы знаемъ теперь положительно, что свѣдѣнія Абу-л-Фараджа и отчасти ал-Макина о времени Византийскихъ императоровъ Маврикія, Фоки и Ираклія заимствованы или, лучше сказать, сокращены изъ нашего автора. Этими свѣдѣніями, какъ бы они ни были незначительны сами по себѣ, пользуются и пользуются изслѣдователи византийской исторіи, и потому, конечно, не безразлично, принадлежать ли эти матеріалы авторамъ XIII или же X вѣка. Дальнѣйшее изученіе Агапія, хотя бы только по Флорентинской рукописи, безъ сомнѣнія, показало бы еще яснѣе степень зависимости Абу-л-Фараджа отъ Агапія, а открытіе полнаго списка лѣтописи сего послѣдняго, по всей вѣроятности, дало бы весьма драгоцѣнные матеріалы для исторіи IX и первой половины X вѣка.

Баронъ В. Розсигъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Болгарскія повѣсти Вукурештскаго сборника.

P. Syrky. ZUR MITTELALTERLICHEN ERZÄHLUNGSLITERATUR AUS DEM BULGARISCHEN (Archiv für slavische Philologie, VII, стр. 78—98).

Полнѣхроній Сырку. Византийская повесть о въѣзвн императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. С.-Пб. 1883.

Въ одномъ средне-болгарскомъ сборникѣ, хранящемся въ государственномъ архивѣ въ Вукурештѣ, г. Сырку нашелъ нѣсколько повѣстей, пересказанныхъ, вѣроятно, съ византийскихъ подлинниковъ. Двѣ изъ нихъ (Слово о ветхомъ Александрѣ, како оуби Іога царѣ и Сіона царѣ Амморейска и. ві. цари Ханаанскихъ; Слово прѣмудраго Іосопа како бысть житіе его) напечатаны имъ въ Архивѣ проф. Ягича; третья явилась отдѣльно съ обстоятельнымъ историческимъ и историко-литературнымъ комментариемъ.

По заглавію „Слова о ветхомъ Александрѣ“ трудно предположить, чтобъ въ основѣ повѣсти не лежалъ старый разказъ о „Троянскихъ дѣяніяхъ“, но до того искаженный посторонними мотивами, что получилось въ результатъ нѣчто новое, не органически цѣлое. Всевозможныя сказочныя, легендарныя, но и классическія воспоминанія накопились въ странномъ смѣшеніи; Парисъ названъ вездѣ Александромъ, но Елена—Егилудой; она—жена царя Сіона; Александръ является къ ней въ образѣ купца; продѣлка, при помощи которой онъ обманываетъ мужа, принадлежитъ къ числу распространенныхъ, на что и указано было Р. Келеромъ (Archiv I. с. р. 88, прим.). У Сіона братъ Іогъ: несомнѣнно библейскія имена (г. Сырку); шурья Іога живутъ или царятъ въ Ханаанѣ, Халдеѣ, Месопотаміи и Персидѣ; самъ

Сююъ живеть въ Палэополѣ, царить въ Аморин (въ Амореѣ), по тамъ же властвуетъ и Югъ (въ Мореѣ); наконецъ, и имя отца Александра также „Аморъ царь“. Географическія фантазіи автора были, очевидно, довольно одностороннія. По Библии Огъ—царь Вассанскій, Сихонъ—Аморрейскій (сл. Числ. 21).

Говоря объ источникахъ славянскихъ повѣстей о Троѣ, г. Сырку открываетъ ихъ, съ одной стороны, въ Византіи, съ другой—на западѣ, въ какихъ-нибудь латинскихъ разказахъ. Таковой лежитъ, по его мнѣнію, въ основѣ „Троянской притчи“, изданной гг. Пыпинымъ, Миклошичемъ и Ягичемъ. Если заключеніе это основано на передачѣ собственныхъ именъ (Анцидешъ=Anchises, Веноуша=Venus и др.) и кое-какихъ романизмахъ, то это одно обстоятельство еще не свидѣтельствуетъ необходимо о существованіи латинскаго подлинника. Что касается до содержанія „Троянской притчи“, то ея отзвуки на Западѣ являются столь одиночными, что Г. Парисъ могъ отрицать для западныхъ литературъ знакомство съ ея содержаніемъ. Отзвуки эти указаны Р. Квлеромъ—въ Trojanerkrieg Конрада Вюрцбургскаго,—и Вугге—въ Trojumannasaga. Троянская притча разказываетъ о пастухѣ Парисѣ, что онъ „сваждалаше два вола, и бодѣхъ ѿ ѿ, и кои прѣмагааше, тому виаше вѣнецъ ѿгъ цвѣтѣа, а кои не прѣмагааше, тому виаше ѿгъ сламы, и полагааше имъ на рогу“. См. Konrad. v. Würzburg. vv. 646—650 и Trojumannasaga cap. 7 (о боѣ двухъ быковъ): „онъ возлагалъ вѣнокъ на главу ему (побѣдителю) и такъ чествовалъ его за его побѣду“ (ok thvi setti hann kórönu á höfudh honum, ok tignadhi hann thá svá fyrir sigr sinn).

Какъ Слово объ Александрѣ принадлежитъ къ періоду разложенія Троянской повѣсти, такъ и сказочное житіе Эюна, напечатанное г. Сырку, едва ли сохранило въ своемъ составѣ какіе-нибудь древніе разказы, восходящіе ко времени, предшествующему извѣстной біографіи, приписанной Плануду (Agch. I. c., стр. 89). То, что въ болгарской повѣсти является новымъ по содержанію, можетъ быть новымъ и по времени. Остановлюсь на одномъ эпизодѣ, которому издатель даетъ особое значеніе.

„И пакы Дигянь царь, іже наречетса двоеродень, зановѣда болгаромъ своимъ, сице рекъ: ѿ аще ма процѣните и царицѣ моѣ, що есмь достоинъ, егда надѣняете ма на цвѣтонѿсіе, тако съ тѣломъ и доушѣмъ, и съ фаріа моѣ, и съ каменіемъ, и съ бисеромъ, еже есть на мѣѣ, аще ма не процѣните, възмѣ вамъ половина дръжевы и'по. ѣ в. златъ“. Вельможамъ помогаетъ выйти изъ затрудненія

Эзовъ; поясняя царю; „иѣси достоиннѣ л. сребръникъ... да егда богъ небо и земля и всѣа нѣселеннѣа створи, да и тон са продаде за л. сребръникъ, да ты како хочени штъ бога повеликѣ цѣнѣ имѣти“. Это—извѣстный отвѣтъ Кэнтерберійскаго аббата королю Иоанну въ старо-англійской балладѣ на вопросъ: во что оцѣнить онъ короля, съ вѣнцомъ на головѣ? „За Спасителя дали 30 сребренниковъ, за короля можно дать двадцать-девять“. Такъ въ одномъ разказѣ Pauli, Schimpf und Ernst; въ одной повѣсти вопрошающимъ является Французскій король, отвѣтъ тотъ же ¹⁾).

Мнѣ не разъ приходилось обращать вниманіе на византійскіе разказы о мудромъ старцѣ, находящемся въ заключеніи у какого-то царя и проявляющемъ вѣщую мудрость: онъ распознаетъ недостатки драгоценнаго камня, принесеннаго на продажу, говоритъ, что конь, котораго предлагаютъ купить царю, вспоенъ былъ коровьимъ молокомъ, а мать царевой нешты была блудницей. Подъ конецъ царь допрашиваетъ его о самомъ себѣ, и старикъ открываетъ ему, что онъ—не царскаго рода, а въ сущности—двоеродный: его мать родила его отъ простаго человѣка, пекаря. Не въ этомъ ли смыслѣ слѣдуетъ понять и Дигина болгарскаго текста? Это устранило бы сравненіе съ Дигенисомъ извѣстной греческой поэмы (г. Сырку), тоже двоероднымъ, сыномъ христіанки и Сарацина.

Наиболѣе интересною изъ повѣстей Вукурештскаго сборника является Слово объ убіеніи императора Никифора Фоки.

Содержаніе повѣсти слѣдующее: Былъ царь Фока, а у него восемь братьевъ; всѣ они были храбры и когда слышали, бывало, о рати, они не собирали войска, но каждый изъ братьевъ отправлялся въ одиночку и разбивалъ войска чужестранныхъ царей. Такъ они обходили всю землю, чтобы кто-либо по охотѣ или изъ какихъ-либо другихъ побужденій вышелъ противъ нихъ, и такимъ образомъ они желали насититься рати; но никто не попытался. И такъ почивала земля при царѣ Фокѣ, и не было въ его царствованіи ни севастократоровъ, ни праторовъ, ни войска и никакихъ властей царскихъ; жило царство безмятежно. И вотъ однажды собрались бояры и князя и вельможи и патріархъ съ епископами на совѣщаніе и гоноурили: „Сія царіа сватіа суть и жены не поимѣтъ...; аще ли шнь ижди-ветъ житіе свое, какъ намъ станѣтъ царіе такоже и прѣжде“, и на-

¹⁾ См. *Grimm, Kinder- und Hausmärchen*, прим. къ № 152; *Ассанагетъ*, Н. Р. Ск., прим. къ №№ 185—191.

стануть тяжелыя времена. Собранныя вмѣстѣ, онѣ идутъ къ Фоку и просятъ его: пусть возьметъ себѣ жену, чтобы навсегда осталось имя его, и было бы у насъ мирное царствованіе на вѣки. Царь соглашается на ихъ просьбу, велѣлъ сдѣлать маленькія башмаки (калигиды малы) и сказалъ: „Возьмите эти башмаки и поищите; кому они придутся въ пору, ту мнѣ и приведите, и будетъ у меня царицей“. Они обходятъ всѣ области и города, но только въ Никомидіи обрѣли дочь нѣкоей корчмарицы, по имени Теофану, которой обувь пришлась по ногѣ. Ее торжественно приводятъ царю, который повѣнчался съ нею ради своихъ подданныхъ, но ложа ея не раздѣлялъ, а спалъ на острыхъ камняхъ и имѣлъ обыкновеніе читать Псалтырь. Однажды красавица Теофана сказала мужу: „Государь мой, яблоки твои уже созрѣли, и черешня твоя зарумянилась, и пора бы собирать ихъ“. Царь отвѣчалъ: „Молчи, Теофана, подожди немного, пока я не пойду въ Иерусалимъ и не поклонюсь за себя и тебя, а когда вернусь, сдѣлаюсь игуменомъ, а тебя сдѣлаю игуменьей, и наши души спасемъ; а въ это, что намъ будетъ?“ Съ этой поры Теофана стала злоумышлять на мужа, связалась съ Цимискіемъ и побудила его убить Фоку, чтобы самому сдѣлаться царемъ: привелъ его въ палату, гдѣ Фока читалъ Псалтырь, она вручила Цимискію мечъ царскій, желѣзо котораго плавало поверхъ воды. Цимискій ударилъ царя съ тыла и разсѣкъ его на двое, но самъ получилъ ударъ въ голову, и тутъ оба умерли. Теофана бросила тѣло мужа въ пропасть, вырытую во дворцѣ, а Цимискія гдѣ-то скрыла. Затѣмъ она покрывала конрою пропасть и призывала царскихъ братьевъ, но одному, будто ихъ зоветъ Фока; Теофана привѣтливо принимала ихъ и провожала до скрытой пропасти, куда они всѣ попадали. Такъ она погубила изъ всѣхъ до свѣта, а себѣ нашла другаго мужа.—Окончаніе разсказа сохранилось лишь отрывочно: Теофана на другой день посылаетъ по всему городу—за тѣмъ, не извѣстно; въ концѣ говорится о попыткѣ вынуть изъ пропасти „святыхъ тѣлесъ“, о нежеланіи ихъ выйдти оттуда и о расточеніи по городу „чрева“ проклятой Теофаны.

Въ предыдущемъ изложеніи я отмѣтилъ разрядкой нѣсколько словъ и фразъ, взаимная связь которыхъ возбуждаетъ сомнѣніе. Почему Теофана прячетъ тѣло Цимискія отдѣльно отъ другихъ? Это совершенно безцѣльно, но понятно, если допустить, что умерли не оба, Цимискій и Фока (вмѣсто оба умрѣста—Фока умрѣ?), а лишь одинъ, и равный Цимискію спрятанъ особо. Въ такомъ случаѣ онъ и былъ бы тѣмъ другимъ мужемъ, котораго обрѣла себѣ Теофана. Это упрочило бы

сближеніе нашего слова съ третьимъ разказомъ Иби-ал-Атира (стр. 90): Цимисій убиваетъ Фоку; Теофава признаетъ по одиночѣ патриціевъ (какъ въ Словѣ—братевъ убитаго цара), съ цѣлю склонить ихъ деньгами къ признанію Цимисіа, съ которымъ и соединяется бракомъ. „Святня тѣлеса" вѣроятно, также, результатъ недоумѣній: разумѣется, очевидно, Фока съ братьями; о братьяхъ говорится въ началѣ, какъ о воннахъ, но ореолъ святости, окружающій Фоку, отразился и на нихъ: готовые упросить Фоку вступить въ бракъ, бояре говорятъ: эти цари святые; оттуда, далѣе, и нѣсколько святыхъ тѣлесъ, вмѣсто одного.

Г. Сырку внимательно разобралъ цѣлый рядъ византійскихъ, западныхъ и арабскихъ свидѣтельствъ о Фокѣ, Теофанѣ и Цимисіи, съ цѣлю указать среди нихъ мѣсто и своей повѣсти. Онъ совершенно правъ, ставя Манассію отдѣльно отъ другихъ византійскихъ лѣтописцевъ: постный колоритъ, въ которомъ Манассія представляетъ Фоку, всего лучше отвѣчаетъ идеалу цари болгарской повѣсти, предлагающаго женѣ вмѣсто отправленія супружескихъ обязанностей должность игуменьи. Несомнѣнно, тамъ и здѣсь взглядъ на Фоку, какъ на святаго постника и мученика, проведенъ такъ ярко, что рядомъ съ нимъ восхваленіе военныхъ подвиговъ Никифора отзывается чѣмъ-то нелюбимымъ: Слово переноситъ насъ къ общимъ мѣстамъ сказки, Манассія же—цѣликомъ въ регорику: „тогда и Фока тако жьльнѣа расѣдеса и всѣ оптече племена варварскихъ жьзнь, такоже шгнь, аще речеть кто, выпаде въ адоле многодрѣвенъ и дѣомъ гонимъ и повсѣдоу обьхода и весь садъ погдаж и хьлмы погалѣж. оубоинѣса его арави и поклониса сирѣа, килѣкіа оусъмнѣса и финикіа повинѣса", и т. д. (стр. 71). Такою же пустою риторикой наполнены и панегирики Никифору Фокѣ, составленные Іоанномъ Геометромъ (стр. 97 и слѣд.), на которые однако г. Сырку опирается, чтобы упрочить свою увѣренность въ древнемъ существованіи народныхъ пѣсенъ о Никифорѣ и его братьяхъ. Но очевидно, упражненіе ретора и умиленіе монаха не тождественны съ народными восторгамъ, и я склоненъ теперь дать лишь условное значеніе известной фразѣ Лиудприанда (стр. 1), что уже въ его время пѣсни о сыновьяхъ Романа Лакацена, Стефанѣ и Константинѣ, пѣлись не только въ Европѣ, но и въ Азій и Африкѣ (*Quod justo Dei iudicio ita accidisse non solum Europa, et Asia nunc cantat et Africa*). Во всякомъ случаѣ я не посмѣшилъ бы заключить вмѣстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ, что пѣсни „о Никифорѣ Фокѣ...", нужно полагать, также были распространены и

известны и за пределами Византийской империи, въ Европѣ, Азiи, и можетъ быть, Африкѣ" (стр. 3). Чтобы выразиться такъ рѣшительно, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность опереться на какія-нибудь слѣды древнихъ или и современныхъ намъ народныхъ пѣсень. Къ сожалѣнiю, этой возможности нѣтъ, если не рѣшиться обращать всякаго Никифора пѣсни въ историческое лицо, всякаго Константина въ императора. Имя Никифора, дѣйствительно, встрѣчается въ народной греческой поэзи, но интересно, что онъ не только отдѣляется отъ Фоки, какъ особое лицо, но при первомъ является и новое имя — Петръ: сынъ Андроника не боится ни Петра Фоки, ни Никифора; либо Никифоръ, Фока и Трехотрахла въ вѣстѣ посылаются сватами за невѣстой царскаго сына (стр. 2 и 3). Мы заключимъ изъ этихъ указанiй лишь одно, что имена Фоки и Никифора (и не они одни) были популярны въ той средѣ, которая внесла ихъ въ свои пѣсни; причины этой популярности могутъ лежать въ дѣйствительной народной памяти о Никифорѣ Фокѣ, но мы скажемъ о томъ утвердительно лишь тогда, когда намъ объявится какая-нибудь пѣснь о немъ съ инымъ содержаниемъ, чѣмъ, напримѣръ, поѣздка въ сватахъ.

Если такія пѣсни были, то очевидно, они скорѣе говорили о Фокѣ воеводѣ¹⁾, чѣмъ о постникѣ, и а priori мало вѣроятно, чтобъ авторъ Слова къ нимъ прислушался. Г. Сырку не разъ возвращается къ этому вопросу.

На стр. 3 онъ утверждаетъ, „что въ началѣ славяно-болгарскаго пересказа византийской повѣсти о Никифорѣ Фокѣ весьма ярко отражаются элементы эпической народной поэзи, внесенные въ нее, весьма вѣроятно, „изъ народныхъ пѣсней о Никифорѣ Фокѣ“; въ другомъ мѣстѣ (стр. 96) онъ однако сомнѣвается въ влiянiи на автора Слова именно народныхъ былинъ. Что въ изложенiи Слова

¹⁾ Проф. Васильевскiй указалъ на диспутъ г. Сырку на разказъ Атталіоты, не принятый во вниманіе издателямъ для легендарной характеристики Никифора. Некоторые изъ подробностей этого разказа могли явиться сюжетомъ народной пѣсни: Фока поднимаетъ руками громадный камень, пущенный металальнымъ орудіемъ въ лагерь Грековъ (стр. 225); но ποιησις слѣдующаго отрывка едва ли можно безъошибочно истолковать въ смыслѣ народной поэзи: τῶν δὲ λοιπῶν αὐτοῦ προτερημάτων ποιήσθη: κατάλογον περιττὸν πάντων; τῆ παροῦσῃ γραφῇ, πλήρης γὰρ τούτων πάσα γραφῆ τε καὶ ποιησις διὰς ἑκατοντάχειρας μοριάδας Ἀράβων δύο ἑκαταμαχίτων ὄσπερ τις ἀσώματος κατατρέφας, πολλὰς ἀμυθήτους ὑποσπόνδους πεποίηκε. Это напоминаетъ выраженiя Иоанна Геометра: ὄψιν ἀστραπηβόλον; τὸ φῶς τοῦ νοῦ πᾶσαν ἀστράφειαν χθόνα.

есть народныя черты—это несомнѣнно раскрыто г. Сырку, и къ его соображеніямъ; (стр. 94—96) я присоединю еще свои.

„Образъ „корчмариды“ и вообще торговли, и особенно красивой, съ самыхъ древнихъ временъ съ нравственной точки зрѣнія является въ не очень привлекательномъ видѣ въ народномъ представленіи. Известенъ уже разказъ о блудницѣ, содержащей гостиницу (I. Наввизъ, гл. 2)“. Въ параллель г. Сырку приводитъ еще образъ корчмариды въ бытовыхъ румынскихъ пѣсняхъ (стр. 95—96). Я припоминалъ бы скорѣе разказъ Нивяфора Каллиста и легенды объ Еленѣ, матери Константина Великаго, дочери гостинника.

По поводу обращенія Теофаны къ мужу съ яносказательнымъ попрекомъ—о зрѣлыхъ яблокахъ и зарумянившейся черешнѣ, ожидающихъ собирателя, авторъ, выясняя значеніе символа, указываетъ и на мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, V, стр. 126; см. еще Южно-Русскія быяны, II, стр. 66—68 и слѣдующій эпизодъ изъ византійскаго романа XII вѣка о Калимахѣ и Хрисорроѣ¹⁾: Хрисорроя, похищенная царица, вводитъ съ своимъ прежнимъ именемъ и такъ защищаетъ себя отъ обвиненія:

Ἄν ἐξ οἰκείων τῶν χειρῶν φυτεύσῃ τις ἀμπέλιν,
καὶ σκάψῃ καὶ κλαδεύσῃ το, φράτῃ τὸν γῦρον ὄλον,
βλαστολογήσῃ το καλὰ καὶ δραγατεύσῃ τοῦτο
καὶ τὴν ἡμέραν στήκεται μὲ τὴν σφενδόνην κᾶσαν
νὰ φοβερίζῃ τὰ πτηνὰ νὰ μὴ το καταλοῦσιν,
τὴν νύκταν κάλιν περπατῇ τὸν γῦρον καὶ φυλλάσῃ,
κακοπαθῇ καὶ δέρνεται, καὶ τὸν καιρὸν τοῦ τρόπου
ἔλθῃ καὶ δυναστεύσῃ το ἄλλος νὰ το ἐπάρῃ,
νὰ το τρυγήσῃ, νὰ το φᾶ, κάκεινον τὸν δραγάτην,
τὸν φυτευτὴν, τὸν κοπιастὴν θέλει νὰ τον σκοτώσῃ,
κρίνεις [εἰ] τοῦτο δίκαιον, ἢ τὸν δραγάτην κρίνεις
νὰ φάγῃ τὸ κοπίτζιν τοῦ, νὰ φᾶ τὴν ἐξοδὸν τοῦ;

Списателю Слова могли быть, впрочемъ, болѣе знакомы известныя образы Пѣсни пѣсней, 4, 16; 5, 1.

„Выяскиваніе невѣсты посредствомъ башмака—сказочные мотивъ и образъ“, говоритъ исследователь, ссылаясь на известнѣйшія сюжеты Aschenbrödel, Cendrillon и т. п.²⁾ Въ нашемъ случаѣ слѣдовало,

¹⁾ Lambros, Collection de romans grecs, p. 103—104.

²⁾ Къ ссылкамъ на сборники Эрбена, Рудченка, Драгоманова и Чубицкаго необходимо присоединить и Аванкасса; см. его прим. к. №№ 161—164.

ниѣ кажется, обратить вниманіе не столько на сказочный образъ, сколько на выразившійся въ немъ народно-юридическій обычай. Передача невѣстѣ женихомъ башмаковъ, батововъ и т. п.—старый брачный символъ, объясненій которому я не нахожу у г. Сумцова (О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ). Невѣста можетъ не принять подарка; его принатіе—знакъ согласія. Уже Гриммъ видѣлъ въ золотомъ башмачѣ сказочной замарашки—отраженіе стараго обрядоваго акта, упоминаемаго, между прочимъ, Григоріемъ Турскимъ, *De vitis patr. cap. 16: sponsali vinculo obligatur, cumque amori se puellari praestaret affabilem et cum poculis etiam calciamenta deferret; cap. 20: dato sponsae annulo porrigit, osculum, praebet calciamentum, celebrat sponsalium diem festum.* Въ области Anspachъ существуетъ повѣрье, что если женихъ надѣнетъ башмакъ на лѣвую ногу своей невѣсты, она будетъ верховодить въ домѣ ¹⁾. Въ олонецкой свадьбѣ значеніе этого акта забыто: когда сводятъ невѣсту съ женихомъ, онъ отдариваетъ ее за угощеніе виномъ, между прочимъ, башмаками; но она—бросаетъ ихъ; при этомъ поютъ:

Не дарил-ка, чужой чужбинникъ,
Ты нищенскими подарками,
.....
Ужъ я жила, молодешенька,
У родимаго у батюшки:
Я носила, молодешенька,
По Христовымъ Воскресеньядамъ
Я башмачки козловые,
Чулочки бумажные,
По годовымъ по праздничкамъ
Я чулочки шелковые
И башмачки сафьяные.

На Литвѣ этому отвѣчаетъ такой эпизодъ свадьбы: свать даритъ невѣстѣ башмаки; принявъ ихъ съ поклономъ, она отворачивается въ сторону и бросаетъ ихъ съ пренебреженіемъ. Стоящіе позади парни поднимаютъ ихъ и подаютъ ей: она снова ихъ бросаетъ; тогда подноситъ ихъ ей женихъ, но и отъ него она принимаетъ ихъ лишь по третьему разу. Она отдаетъ ихъ спрятать старшей большианкѣ, а сама, потупивъ голову въ землю, отворачивается въ другую сторону. Большанка съ молодницею поютъ:

¹⁾ *J. Grimm, Deutsche Rechtsaltertümer, стр. 155—7.* Къ его указанію на книгу Рувъ, 4, 7 присоед. еще *Wünsche, Bibl. rabb., XIII Lief., p. 54—55.*

Не сиди, телушка, бокомъ,
 Это тебѣ не съ нарокомъ,
 Сидь себѣ примешенькой.
 Вудь себѣ млешенькой.

По троекратному припѣвѣ невеста поднимаетъ голову; женихъ, снявъ шапку, беретъ ее за руку и выходитъ изъ-за стола; то же дѣлаютъ каждый мужчина съ сидящею противъ него женщиной, и начинается пляска ¹⁾.

Гримиъ обратилъ вниманіе и на значеніе башмака, какъ брачнаго символа, въ равкавѣ о сватовствѣ Озантрикса-Ротера. Въ сѣверной сагѣ о Тидрекѣ Берискомѣ Озантриксъ посылаетъ къ Гуннскому царю Милиасу просить руки его дочери Оды; получивъ отказъ, онъ ѣдетъ самъ съ своею дружиной, называя себя Тидрекомъ, котораго Озантриксъ, будто бы, изгналъ изъ своей земли и принудилъ искать покровительства у Милиаса. Въ схваткѣ съ людьми послѣдняго дружина Тидрека-Озантрикса овладѣваетъ Одой. „Не хотѣлъ отецъ твой отдать тебя Озантриксу, а теперь я отведу тебя къ нему и такимъ образомъ снова войду въ его дружбу“, говоритъ мнимый Тидрекъ. „До этого дѣло еще не дошло, чтобы вамъ распорядиться мною по вашему усмотрѣнію, къ добру или злу“, отвѣчаетъ Ода. Тогда Тидрекъ взявъ башмакъ, скованный изъ чистаго серебра, и посадивъ дѣвушку къ себѣ на колѣни, надѣлъ ей башмакъ на ногу; онъ оказался ни слишкомъ малымъ, ни большимъ, а пришелся въ пору, точно былъ по ней сдѣланъ. Снявъ башмакъ, Тидрекъ надѣлъ на ногу другой, сдѣланный изъ краснаго золота: этотъ присталъ къ ней еще лучше. „Дай-то Богъ, чтобы такъ мнѣ сидѣть на престолѣ Озантрикса!“ молить дѣвушка; тутъ Тидрекъ открывается ей (сар. 37).

Извѣстно, что тотъ же сюжетъ разработанъ въ старо-нѣмецкой поэмѣ о королѣ Ротерѣ, только мѣсто дѣйствія другое: Ротеръ-Дидрихъ (=Озантриксъ-Тидрекъ) сватается за дочь Византійскаго императора Константина (=Гуннскій царь Милиасъ); въ сценѣ сватовства есть нѣкоторыя измѣненія, очевидно, съ цѣлью поэтической прикрасы; тѣ же серебряные и золотые башмаки; дѣвушка проситъ Ротера-Дидриха обуть ее и подозрѣваетъ въ немъ послаца Ротера (v. 2252), то-есть, свата; уже послѣ того происходитъ признаніе.

Собственно сказочною въ сватовствѣ Никифора Фоки является та черта, что онъ не знаетъ своей невесты, а возьметъ за себя ту, по

¹⁾ Терещенко, Быть русск. нар., II, стр. 214—15, 481—2.

чьей ногѣ придется „калигицы малы“. Избранницей оказывается корчмарца Теофана.

Материалъ сравненія, собранный г. Сырку для освѣщенія своей повѣсти, указалъ намъ, что и характеръ Фоки, и разказъ о его убійствѣ Цинискіемъ по наущенію Теофана являются въ Словѣ отраженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ, либо близкой къ нимъ исторической оцѣнки. Слово только приукрасило историческую канву мелкими, иногда сказочными чертами. Въ одномъ оно является совершенно самостоятельнымъ и не лѣтописнымъ; но это одно, составляющее, такъ-сказать, суть всего разказа, и осталось не разъясненнымъ въ изслѣдованіи г. Сырку. Я имѣю въ виду отношеніе исторической Теофаны къ Теофанѣ Слова. Первая выходитъ замужъ за императора Романа, перемѣнившая ей имя—изъ Анастасіи въ Теофану; уже будучи вдовой и матерью двухъ сыновей, Василия и Константина, она выходитъ замужъ за Никифора. По профессіи она была такою же корчмарницей, какъ и Теофана Слова; но послѣдняя представляется намъ юною дѣвушкой, приведенною Никифору послами-сватами. Откуда явилась въ Словѣ эта новая черта?

Въ Византіи ходили разказы о чудесномъ мальчикѣ Иракліи, знатокѣ драгоценныхъ камней, коней и женщинъ; проданный какому-то царю, онъ проявляетъ свое вѣщее знаніе во всѣхъ трехъ отношеніяхъ, между прочимъ, выборомъ царской невѣсты изъ простаго званія, которая оказывается впоследствии невѣрною мужу, потому что, пренебрегая совѣтомъ Иракліи, онъ подвергъ ее ненужной охранѣ. Этотъ легендарный Ираклій отождествленъ былъ съ историческимъ императоромъ Иракліемъ, царствовавшимъ послѣ старшаго Фоки: комбинація, сохранившаяся лишь въ европейскихъ литературныхъ отраженіяхъ. Въ поэмѣ Gautier d'Argas (XII вѣка) мальчикъ Ираклій (Ergales) объявляется въ Римѣ и избираетъ жену для Римскаго императора, который названъ всего три раза: Lais (v. 2767, 2885 и 5057); я предположилъ при другомъ случаѣ¹⁾, что это имя испорченное, можетъ быть, навѣянное римой: замѣчу, что Lais стоитъ всегда въ римѣ съ Atanaïs. Переходъ отъ легенды къ исторіи совершается у Gautier такимъ образомъ, что Хосрой велитъ предательски убить Константинопольскаго императора Фоку (Foucaig, v.

¹⁾ См. моя Beiträge zur Erklärung des russischen Heldeneros въ *Arch. für slav. Phil.* III, стр. 586.

5526), послѣ чего изъ двухъ избранныхъ византійскаго народа Ираклій первымъ является изъ Рима и становится императоромъ.

Въ нѣмецкой поэмѣ объ Иракліи (Erasclus), пересказавшей произведение Gautier, римскій властитель названъ Фокой (Focas); у него въ услуженіи — Ираклій, избирающій для него и жену. Далѣе говорится со словъ какой-то книги (вносн в. 4197), что Фока былъ предательски убитъ, а Ираклій, избранный царемъ, долженъ былъ перейти въ Константинополь, потому что со времени Константина Великаго императоры обыкновенно пребывали въ Греціи (ze Kriechen v. 4205). — Принадлежитъ ли автору нѣмецкой поэмы замѣна Фокой загадочнаго Lals'a у Gautier? ¹⁾ Такъ и у Эненкеля, вѣроятно, въ зависимости отъ нѣмецкой поэмы, либо сходной съ нею повѣсти. Нѣтъ сомнѣнія, что помимо редакція, восходящей къ Gautier, она существовала и въ другихъ пересказахъ; какинъ изъ нихъ пользовался Вольфрамъ von Eschenbach — едва ли можно заключить изъ его короткаго намека (773, 21); но въ одной нѣмецкой хроникѣ ²⁾, пользовавшейся Эненкелемъ, являются слѣды какого-то особаго извода, если не объяснить отлечія риторическимъ приращеніемъ. У Gautier царь велѣлъ, по совѣту Иракліи, кликнуть князь, чтобы собрались для выбора царской невѣсты всѣ дѣвушки его царства; изъ нихъ Ираклій избираетъ одну, бѣдно одѣтую сироту: ея отецъ-сенаторъ и мать умерли. Иначе поступаетъ мудрый юноша въ разказѣ нѣмецкой хроники: онъ объявляетъ, что какая дѣвушка либо вдова желаетъ получить новое платье, всѣ явились бы къ нему. Собралось ихъ такъ много, что наполнили три дворца (dri palas): въ одномъ были дѣвушки княжескаго рода, въ другомъ благородныя (die von adel geboren wären), въ третьемъ горожанки (die von gemeinen luten wären geboren, die in den steten sint), а на дворѣ крестьянки (witwen und junckfrowen der būlute). Избранницей Иракліи и невѣрною женой Фоки оказывается дочь бѣднаго крестьянина (eines armen būmans tohter).

Во всѣхъ разказахъ ея имя — Athenais, Аеннаида; она — такою же простаго рода, какъ Теофана Слова; обѣ избраны въ царскія невѣсты при особыхъ сказочныхъ обстоятельствахъ; одна становится женою Фоки, другая — Никифора Фоки; обѣ взимають супру-

¹⁾ Такъ рѣшаетъ новѣйшій издатель нѣмецкой поэмы (ed. Graef, Quellen u. Forschungen, L, p. 54).

²⁾ *Massmann*, Erasclus, p. 371—2.

жескому долгу. Исторія Теофаны въ Словѣ была ли разработана по типу другой невѣрной жены, или возможно допустить обратное влияние? Сомнительность (Фока) и близость имени (Аенианда—Теофана) вела къ сближенію; но въ развязкѣ Слова исторіи вступала въ свои права—и Никифоръ погибаетъ подъ ударами Цимисхіа.

Къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало матеріаловъ, чтобы установить старыя очертанія легенды о невѣрной женѣ Фоки, легенды, очевидно, сложившейся въ тѣхъ же сферахъ, изъ которыхъ вышла и повѣсть о невѣрной женѣ Константина Великаго ¹⁾. Въ народную пѣсню эти сюжеты едва ли когда-нибудь проникали: народная историческая пѣсня помпаетъ громкіе подвиги, любитъ широкій трагизмъ, ореолъ побѣды или славнаго пораженія; то и другое она сохраняетъ въ своихъ типическихъ, обобщающихъ образахъ, къ которымъ исторіи тѣмъ труднѣе бываетъ подойти, чѣмъ гуще на нихъ наростъ позднѣйшихъ фантастическихъ подробностей. Царь Шишманъ бѣжитъ изъ Търнова; преданіе, слышанное г. Сырку (стр. VIII, прим. 2), разсказываетъ, что онъ приказалъ перебить подковы у лошади задомъ напередъ, такъ чтобы Турки могли подумать, что онъ пріѣхалъ въ Търновъ, а не уѣзжалъ: известная легендарная черта, встрѣчающаяся не разъ, между прочимъ, въ одной изъ повѣстей Вукучрештскаго сборника (*Arch. f. slav. Phil.* VII, pag. 81, 86). Проѣхавъ търновское ущелье, Шишманъ остановился у села Самоводенъ, гдѣ огородники сажали арбузы. „Вогъ на помощь“, сказалъ царь. „И тебѣ желаемъ отъ Бога добра“, отвѣтили они. „Что съете?“ „Арбузы“. „Желаю вамъ сегодня ихъ посѣять, а завтра ихъ ѣсть“, сказалъ царь и научилъ ихъ, какъ отвѣтить турецкой погонѣ на вопросъ, не проѣзжалъ ли онъ мимо нихъ: пусть отвѣтитъ, что проѣзжалъ, когда они сажали арбузы, а теперь они посеѣли. За ночь случилось чудо: арбузы созрѣли и огородники, отвѣтивъ Туркамъ словами царя, не погрѣшили противъ истины. Г. Сырку не обратилъ вниманія на прототипъ этого чуда въ отреченной повѣсти о Дѣтствѣ Христовѣ и Хожденіи Апостоловъ, откуда оно, вѣроятно, и пристало къ разказу о бѣгствѣ Шишмана. Историческаго во всемъ преданіи остается такимъ образомъ, лишь фактъ бѣгства.—Въ болгарскихъ пѣсняхъ и легендахъ о царѣ Константиѣ, которыхъ г. Сырку также считаетъ историческими (стр. IX), историческаго не сохранилось ничего, то-

¹⁾ См. мон Constantinische Sagen, въ *Russ. Revue*, 1875 г., IV Jahrg., 2 Heft, стр. 178—181.

есть, болгарскаго. Проф- Дриновъ ¹⁾ полагаетъ возможнымъ приурочить пѣсеннаго Константина къ Костадинъ-бегу, владѣнія котораго въ сѣверной Македоніи еще въ XV вѣкѣ назывались земля Костадина. Мнѣніе это высказано было по поводу №№ 113—117 сборника г. Качановскаго. Возьмемъ на удачу № 116 (преданіе): Когда Турки наступили на Болгарское царство, царили тогда Константинъ и Елена. Посланные царемъ Марко Кралевичъ и Релья пробираются на коняхъ подземнымъ путемъ изъ Можной клясуры къ Софійскому полю, гдѣ бьются съ Турками: одного разсѣкутъ, станетъ ихъ двое. — Очевидно, мотивъ нашей былины о гибели богатырей ²⁾. — Юнаки возвращаются къ царю, докладываютъ о томъ, что видѣли; Константинъ жарилъ въ то время три рыбы и говоритъ: „Какъ этихъ рыбамъ не ожить и не вылѣзть изъ сковороды, такъ и Туркамъ не взять моего царства“. Но рыбы выскочили, обжаренны на одинъ бокъ; Константинъ идетъ на бой и погибаетъ.

Болгарская пѣсня, напечатанная г. Везсоновымъ (Калѣки, I, стр. 614—617), поетъ, очевидно, о паденіи Византіи и послѣдняго ея царя Константина X: бѣлый голубъ прилетѣлъ, вытряхнулъ хартію изъ подъ праваго крыла; читаетъ ее игумень, читаетъ два дня, три дня, не могъ прочитатъ и велитъ позвать попа Николу. Беретъ ее попъ Никола, читаетъ и слезно плачетъ; спрошенный о причинѣ слезъ, онъ говоритъ, что сказано въ бѣлой книгѣ: Турки возьмутъ Стамбулъ. Выѣстъ съ игуменомъ онъ идетъ къ царю Константину: тотъ сидитъ въ Балаклии (церковь въ Царьградѣ), пьетъ и ѣстъ съ сенаторами и боярами. Игумену, докладывающему ему о содержаніи хартіи, онъ отвѣчаетъ: „Если встанетъ эта рыба со сковороды и влѣзетъ въ воду, тогда и Турокъ возьметъ Стамбулъ“. Чудо совершается; царь погибаетъ въ битвѣ, а Турокъ вошелъ въ Константинополь.

Ново-греческія пѣсни о вятиніи Константинополя также начинаются появленіемъ птички, вытряхивающей изъ-подъ одного крыла хартію, которую никто не разумѣетъ, кромѣ одного мальчика, сироты; а въ одной коротенькой пѣснѣ на тотъ же сюжетъ говорится слѣдующее: Монахиня жаритъ на таганѣ рыбъ; голосъ съ неба говоритъ ей: „Пусть оставитъ это дѣло, городъ (то-есть, Константинополь) потурчитса!“ Когда вылѣзутъ эти рыбы и оживутъ и полетатъ —

¹⁾ *Archiv für slav. Philologie*, VII, стр. 112.

²⁾ О ней и связанныхъ съ нею мотивахъ см. подробности въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, гл. VII и VIII.

тогда развѣ Турокъ войдетъ въ городъ!" говоритъ она. Ожили рыба, полетѣли, а эмиръ вѣхалъ въ городъ верхомъ на конѣ.

Источники преданія о паденіи Волгарскаго царства объясняются: греческія пѣсни отдали ему своего царя Константина и эпизодъ объ оживленіи рыбы, я сами не только были нѣсколько разъ пересказаны по болгарски, но и нашли себѣ новое, на этотъ разъ историческое примѣненіе: одна пѣсня о взятіи Варны Русскими поется на старыя греческія мотивы о взятіи Константинополя: то же явленіе птицы, хартія и единственный начетчикъ, разумѣющій ея вѣщее значеніе. Не зная мы „поэтической“ исторіи этой пѣсни, мы не знали бы, что съ нею и начать, какъ останавливаемся въ недоумѣніи передъ Никифорами ново-греческой былевой поэзіи. Къ счастью, они и не нужны намъ для объясненія легендарнаго, монашескаго Слова, такъ удачно истолкованнаго г. Сырку.

Я сказалъ, что имена Никифора и Фоки могли быть популярны въ мѣстностяхъ, внесшихъ ихъ въ свои историческія или балладныя пѣсни. Никифоръ — совсѣмъ подходящее имя эпического богатыря; о св. Фокѣ (Синопскомъ) пѣли и о его чудесной помощи на морѣ разказывали пловцы по Черному и Эгейскому морьямъ. Подробности похвальнаго Слова ему, приписаннаго Астерію (AA. SS. Sept. VI, ad 22 Sept.), на столько интересны для исторіи народной поэзіи и культа при-эвксинскихъ областей, что я рѣшаюсь предложить нѣсколько выписокъ:

Ναῦται δὲ καὶ πλωτῆρες οἱ πανταχοῦ, οὐχ οἱ τὸν Εὐξνον διαπλέοντες Πόντον, ἀλλὰ καὶ οἱ τὸν Ἀδρίαν τέμνοντες, καὶ ὑπὲρ Αἰγαίου φερόμενοι, καὶ ὅσοι τὸν Ὠκεανὸν πλέουσι τὸν ἑσπέριον, καὶ τοῖς Ἑσώοις κόλποις ἐνθαλαττεύουσα, τὰ συνήθη κελεύσματα, οἷς τοῦ πλοῦ τὸν πόνον προσαναπαύουσιν, εἰς καινὴν τοῦ μάρτυρος μετέβαλον εὐφημίαν· καὶ διὰ γλώσσης ἐστὶν ἔλος ὁ Φωκᾶς αὐτοῖς ὑπαδόμενος, ἑπεὶ καὶ ἑναργῆ παρέχει τῆς βοθητικῆς τὰ σύμβολα, πολλάκις μὲν γὰρ ᾤφθη, νῦν μὲν νύκτωρ προσοχομένου χειμῶνος διγεγύρων τὸν κυβερνήτην τῷ πηδαλίῳ ἐπινυντάζοντα· ἄλλοτε δὲ πάλιν τοὺς κάλως διατείων, καὶ τῆς ὀθόνης ἐπιμελούμενος, καὶ ἀπὸ τῆς πρώρας προοπταίων τὰ βράχια· ὄθων καὶ νόμος ἐγένετο ναύταις· Φωκᾶν ἔχειν συνεσιότορα· καὶ ἐπειδὴ τὸν νῦν ἀσώματον, οὐσαιτον εἶναι καὶ κοινωνὸν τραπέζης ἀμήχανον· μάθετε πῶς ἄρα φιλευσεβῆς λογισμὸς ἐσοφίσατο τὸ ἀδύνατον· καθ' ἐκάστην γὰρ τὴν ἡμέραν τὴν τῶν ὄψων μερίδα πρὸς ἰσομοίριαν τῶν ἐσθιόντων ἀποκληροῦσι τῷ μάρτυρι, ταύτην δὲ τις τῶν δαιτιμῶνων ἐξωνούμενος, τὸ ἀργύριον κατατίθεται, καὶ τῇ ὑστεραίᾳ ἄλλος, καὶ ἄλλοτε ἕτερος· καὶ οὗτος ὁ κλῆρος τῆς ἀγορασίας περιῶν ἅπαντας, δίδωσι καθ' ἡμέραν τῆς μερίδος τὸν

ἄνητήν ἐπειδὴν δὲ ὄρμος αὐτοῖς ὑποδέξεται, καὶ εἰς γῆν ἀφίκονται, μερίζεται τὸ ἀργύριον τοῖς πεινώσι· τοῦτο ἢ μερίς τοῦ Φωκᾶ, πεινήτων εὐεργεσία.

Говорится далѣе, что св. Фоку чтятъ даже πάντες οἱ ἀγριώτατοι Σκῦθαι, ὅσοι δὴ τὴν ἀντιπέρας τοῦ Εὐξείνου Πόντου ἤπαιρον νέμονται, Μαυτίδος λίμνης καὶ ποταμοῦ Ταναΐδος προσοικοῖ, ὅσοι τε τὸν Βόσφορον οἰκοῦσι, καὶ ἔχει Φάσιδος ποταμοῦ παρατείνονται... εἰς γοῦν ἀρχῶν καὶ βασιλεῶς ἐκείθεν τὸν στέφανον τῆς κεφαλῆς ἀποθέμενος, χρυσοῦ καὶ ἀνθεσι λίθων περικλυτόμενος, καὶ τὸν θώρακα τὸν πολεμικὸν ἀποδὸς βλας ἔχοντα κλοῦτου· ἀλαζονική γὰρ καὶ θροπτομένη τῶν βαρβάρων ἢ πανοκλία· ἐπέμφεν ἀμφοτέρω ἀναθήματα, διὰ τοῦ μάρτυρος τῷ θεῷ καὶ δυνάμει καὶ ἀξιώματι καθιερώσας τὰς ἀφορμὰς.

Св. Фока, покровитель на морѣ (сл. класс. Φῶκος—сынъ Интiа или Посидона; сынъ Θαῶα и Нирейды Псамаэи), чествуемый народами по ту сторону Чернаго, Азовскаго морей и Дона, является въ роли Николая морскаго русскаго и греческаго повѣрiя. Въ интересномъ обычаѣ моряковъ, описанномъ панигиристомъ, можно видѣть христіанскую перелицовку дани морскому царю, какъ въ былинѣ о Садеѣ:

Ай-же ты, дружнишка хоробрал!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздилн,
А морскому царю дани не плачевали:
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море

(Рыбн. I, № 64).

Идея о св. Фокѣ могла быть чѣмъ нибудь въ родѣ духовныхъ стиховъ.—Полякъ называетъ въ числѣ св. помощниковъ на водѣ лишь свв. Николая, Панагію и св. Андрея.

Александръ Веселовскій.

Переписка между А. Векомъ и О. Мюллеромъ.

VIEWEUSWEIL ZWISCHEN AUGUST WOEKEL UND KARL OTTFRIED MÜLLER. Leipzig. 1883.

Переписка двухъ замѣчательныхъ филологовъ текущаго столѣтiя—Августа Вѣка и его ученика и друга Карла-Отфрида Мюллера, изданная въ минувшемъ году, любопытна во многихъ отношенiяхъ, главнымъ образомъ потому, что даетъ возможность ознакомиться съ этими двумя личностями въ ихъ, такъ-сказать, интимной—закулисной обстановкѣ. Переписка эта, начавшаяся съ 1817 г., вскорѣ по окончанiи Мюллеромъ университетскаго курса, продолжалась безъ

больших перерывовъ до 1839 г., до отъѣзда Мюллера въ Грецію, откуда ему не суждено было возвратиться: онъ умеръ въ Афинахъ 1-го августа 1840 г. отъ лихорадки, которую получилъ въ Дельфахъ, работая тамъ надъ изученіемъ архитектурныхъ и эпиграфическихъ памятниковъ древности. Изрѣдка переписка прерывается вслѣдствіе личныхъ свиданій обояхъ друзей, изъ которыхъ то одинъ пріѣзжалъ изъ Берлина въ Гёттингенъ, то другой—изъ Гёттингена въ Берлинъ. Переписка эта весьма разнообразнаго содержанія, хотя преобладающимъ ея характеромъ является характеръ научный, и онъ составляетъ главную прелесть этихъ писемъ, которыя, помимо того, имѣютъ весьма много поучительнаго даже для современныхъ филологовъ. Считаемъ поэтому небезполезнымъ представить обзоръ содержанія этой любопытной корреспонденціи. Но прежде того сообщимъ нѣсколько біографическихъ данныхъ объ обояхъ корреспондентахъ. Сообщение это можетъ быть очень краткимъ потому, что обстоятельства вѣншей жизни Вѣкк и Мюллера, подобно жизни большинства современныхъ филологовъ, не представляютъ ничего особенно выдающагося, исключительнаго.

Августъ Вѣкк родился въ 1785 году, въ Карлсруэ, получилъ первоначальное образованіе въ тамошней гимназіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1803 г. Послѣ этого онъ отправился въ Галле, съ тѣмъ чтобъ изучать богословіе; но лекціи знаменитаго Фр. Авг. Вольфа побудили его перейти къ занятіямъ филологическимъ. Въ 1806 году онъ переселился въ Берлинъ и тутъ поступилъ въ семинарію для гимназій (Seminar für gelehrte Schulen, то-есть, педагогическій институтъ, гдѣ готовились учителя гимназій); здѣсь онъ оставался однако недолго: нашествіе Французовъ побудило его переселиться въ Ваденъ, и въ 1807 г. гѣтомъ Вѣкк поступилъ въ качествѣ приватъ-доцента въ Гейдельбергскій университетъ и въ томъ же году получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1811 году Вѣкк перешелъ въ Берлинъ, гдѣ оставался до конца жизни, занимая кафедру въ университетѣ и состоя членомъ Берлинской академіи наукъ. Умеръ Вѣкк 3-го августа 1867 года ¹⁾.

Карль-Отфридъ Мюллеръ родился въ 1797 г. въ Бригъ и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи, откуда въ 1813 г. отправился въ Вреславль для изученія философіи и филологіи. Въ 1815 г. онъ переселился въ Берлинъ и слушалъ, между прочимъ,

¹⁾ См. *Леоппель*, Прописки, т. III, стр. 191 и сл.

лекція Бёка, принимая участіе въ занятіяхъ филологической семинаріи, подъ его же руководствомъ. Въ 1817 г. онъ, по окончаніи университетскаго курса, возвратился на родину, и первое его письмо къ Бёку помѣчено 9-го декабря 1817 г.; оно показываетъ значительную скромность, съ которою начинающій ученый обращается къ своему учителю съ просьбой относительно перваго своего труда *Aegineticorum Liber* (Berlin, 1817); но вмѣстѣ съ тѣмъ, письмо указываетъ и на известную близость, въ которой стоитъ ученикъ къ учителю, и близость эта съ теченіемъ времени переходитъ въ искреннюю дружбу, которую скрѣпляло и поддерживало единство направленія въ ученыхъ занятіяхъ и взаимное уваженіе: Мюллеръ постоянно относится къ Бёку съ искреннимъ чувствомъ удивленія передъ его знаніями и не скрываемымъ сознаніемъ его ученаго превосходства; Бёкъ видитъ въ Мюллерѣ даровитѣйшаго изъ своихъ учениковъ и сразу становится къ нему въ отношенія ученаго равенства, спрашивая его мнѣнія по разнымъ вопросамъ, обращаясь за совѣтами и съ любовью выслушивая его замѣчанія и поправки „Если я былъ чѣмъ-нибудь для васъ“, пишетъ онъ Мюллеру въ 1824 году,—„то вы мнѣ щедро за это заплатили, и я считаю себя вашимъ должникомъ“ (стр. 136). Прочтя работу Мюллера объ Этрускахъ, Бёкъ пишетъ ему: „Если что-нибудь могло бы еще усилить мою любовь и уваженіе къ вамъ, то это было бы ваше сочиненіе; снова глубоко и сильно поразили меня не только ваша ученость, но и свѣжесть чувства, доступнаго всему прекрасному и благородному; при такихъ условіяхъ вы можете смѣло презирать всякія нападки“ (стр. 186). По поводу лестнаго отзыва Бёка о Мюллерѣ, послѣдній пишетъ ему: „Съ нѣкотораго времени я, собственно говоря, не знаю, какъ показаться вамъ на глаза, такъ какъ я очень хорошо сознаю, на сколько ожиданія ваши отъ меня превосходятъ мои силы, и долженъ опасаться, что все, что я могу сдѣлать, покажется вамъ слабымъ и незначительнымъ“ (стр. 205). На это отвѣчаетъ Бёкъ, говоря: „То, что я сказалъ о васъ, было потребностью моего сердца, и душевное расположеніе, изъ котораго вышло сказанное, останется постоянно одинаковымъ. Я знаю свои силы, знаю и ваши“ (стр. 208). О сочиненіи Мюллера *de Phidiae vita et operibus* (Göttingen, 1827) Бёкъ отзываясь: „Сочиненіе ваше *de Phidia* и прочелъ съ искреннимъ изумленіемъ передъ ясностью, опредѣленностью и глубиной изслѣдованія“ (стр. 235). Въ 1836 г. Мюллеръ привелъ въ порядокъ полученныя имъ съ 1818 года письма Бёка и пишетъ: „Я былъ до глубины души тронутъ обиліемъ и равномѣрною продол-

жительностью вашей отеческой попечительности, поощряющей иставляющей дружбы, откровеннаго сообщенія вашихъ сокровищъ... вы умѣете обращаться съ своими учениками совершенно иначе, чѣмъ Германнъ!" (стр. 360). И искреннее удивленіе передъ доктриной и превосходствомъ учителя продолжалось у Мюллера вплоть до послѣднихъ лѣтъ его жизни: за три года до смерти, узнавъ отъ Вѣка, что онъ занимается древнею метрологіей, Мюллеръ пишетъ: „Послѣднее письмо ваше... несказанно обрадовало меня извѣстіемъ о тѣхъ великихъ научныхъ изысканіяхъ, въ которыя вы теперь углубились, и которыя принесутъ величайшее наслажденіе вамъ, вашимъ друзьямъ и всѣмъ, понимающимъ дѣло. Миѣ представляется, будто матеріалъ, при его богатствѣ для комбинацій, но при одинаковой трудности и запутанности, нарочно ожидалъ вашей несравненной способности распутывать посредствомъ тонкаго анализа и комбинацій самое запутанное, и я убѣжденъ, что теперь прольется свѣтъ и явится порядокъ въ цѣлой значительной области науки о древности, области, въ которой до сихъ поръ находится много непонятнаго и темнаго. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю результатовъ, которые выйдутъ изъ вашихъ изслѣдованій для исторіи торговли, для культуры, для искусства древнихъ; математическая точность розысканій сдѣлаетъ изъ нихъ прочное основаніе въ этой области“ (стр. 374).

Такое взаимное уваженіе сказывалось многообразно. Прежде всего расположеніе Вѣка къ Мюллеру имѣло свои видимые результаты въ томъ, что Вѣкъ содѣйствовалъ своему ученику въ устройствѣ его житейской карьеры: по окончаніи курса Мюллеръ опредѣлился въ Бреславльскую гимназію преподавателемъ въ низшихъ классахъ, на 456 талеровъ жалованья; естественно, что онъ не могъ не только довольствоваться, но и не тяготиться своимъ положеніемъ, въ которомъ на него смотрѣли, какъ на незначительнаго младшаго учителя (Unterlehrer, стр. 10); кромѣ того, съ ближайшими изъ своихъ коллегъ, Шнейдеромъ (Joh. Gottlob † 1822) и Пассовомъ (Franz † 1833), Мюллеръ не сошелся, и вообще тяготился отсутствіемъ ученыхъ связей, которыя такъ необходимы, особенно для начинающаго ученаго: „При моей отдаленности“, пишетъ Мюллеръ (стр. 18),— „отъ главныхъ ученыхъ Вреслава, къ которымъ я не имѣю никакого ни дружественнаго, ни непріязненнаго отношенія, я лишенъ здѣсь всякой возможности переговорить и посоветоваться съ кѣмъ бы то ни было о томъ, что меня больше всего занимаетъ... Здѣсь ежедневно только и говорятъ, что про гимнастику... и Линге, недавно при вступ-

леніи въ профессору въ нашей гимназій, произвесь рѣчь о тѣсной связи гимнастики со школой. Не многого не хватаетъ до того, чтобы къ ней привлекали силой. Удивительнѣе же всего то, что всѣ эти тѣлесныя упражненія—сами по себѣ вещь очень хорошая и въ томъ или другомъ видѣ, въ кружкѣ или внѣ его, весьма полезная для здоровья—овладѣвають здѣсь вполне людьми и образуютъ ихъ, какъ будто бы исконное стремленіе къ лучшему уже удовлетворено и вся цѣль германства вполне достигнута".—„Ваше мѣсто не здѣсь", пишетъ ему Вѣкъ,—„и я не опущу случая васъ рекомендовать" (стр. 8). Возможность къ этому предполагалъ онъ уже въ 1818 году, по слѣдующему поводу: „Я слышалъ, что министръ хочетъ завести при здѣшнемъ университетѣ репетиторовъ; одинъ уже назначенъ на богословскомъ факультетѣ, правда, по протекціи... если будутъ назначены и на фило-софскомъ, то не пожелаете ли вы занять это мѣсто? Въ такомъ случаѣ я постарался бы устроить дѣло такъ, чтобы васъ прикомандировать еще или къ бібліотекѣ, или къ филологической семинаріи. Правда, все это пока еще воздушныя предположенія, но все же, при случаѣ, напишите, какъ вы о нихъ думаете. Я хочу во что бы то ни стало вывести васъ изъ нашего неприятнаго положенія и открыть свободное поле вашей ученой дѣятельности" (стр. 22). Предположеніе Вѣка не удалось. Но въ маѣ 1819 г. гёттингенскій профессоръ Гееренъ (Agn. Ludvig † 1842 г.) обратился къ нему съ просьбою дать отзывъ о Мюллерѣ, котораго университетъ имѣлъ въ виду пригласить на мѣсто Велькера (Friedr. Gottlieb, ум. въ 1868), перешедшаго изъ Гёттингена въ Боннъ. Вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ Вѣкъ Геерену: „Мнѣ было очень жаль, что Мюллеръ, уѣхалъ изъ Берлина, жаль потому, что онъ весьма образованъ и весьма много штудировалъ; я уже старался о томъ, чтобы дать ему мѣсто, въ качествѣ адъюнкта при здѣшней академіи; но такъ какъ ея обновленіе и расширеніе затягиваются, то я охотно отказываюсь отъ своего плана, если вы ему предоставите болѣе обширное и подходящее поле дѣятельности въ нашемъ университетѣ. Я вполне убѣжденъ, что онъ заслуживаетъ профессуры... положеніе профессора сдѣлаетъ изъ него въ короткое время одного изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ въ вашей области, такъ какъ онъ весьма много работалъ и собралъ столько матеріала, сколько я не выдаю ни у одного изъ своихъ слушателей. Помимо учености, другія его качества дѣлаютъ его мнѣ почти еще любезнѣе. Ни въ одномъ изъ молодыхъ людей, мнѣ знакомыхъ, я не видалъ такой скромности, столь развитаго нравственнаго чувства; онъ образчикъ

ученаго; его фізіономія открыта, мила и пріятна; онъ вполне невнѣненъ, откровененъ, простъ, степененъ; кромѣ того, онъ весьма уживчивъ и не вступаетъ ни съ кѣмъ въ пререканія.. въ этому присоединяется и то, что онъ далекъ отъ всякихъ политическихъ и относящихся къ современности увлеченій — почти даже болѣе, чѣмъ мнѣ желалось бы, по особому моему убѣжденію — и отъ всѣхъ движеній нашего времени. Онъ обладаетъ цвѣтущимъ здоровьемъ и можетъ работать, не зная мѣры и не теряя своего свѣтлаго юношескаго румянца. Я васъ увѣряю, что въ немъ вы сдѣлаете превосходное пріобрѣтеніе. Онъ обладаетъ и профессорскими способностями: говорить свободно, безъ путаницы, совершенно ясно и опредѣленно и вполне владѣть изложеніемъ...“ (стр. 38). Такая рекомендація не могла не оказать надлежащаго вліянія, и Мюллеръ былъ приглашенъ на экстраординатуру въ Гёттингенъ, съ окладомъ въ 600 талеровъ, при чемъ, сверхъ чисто - филологическихъ предметовъ, ему было поручено и чтеніе археологии искусства, предмета, въ которомъ онъ скорѣ сдѣлался однимъ изъ виднѣйшихъ представителей. Университетская кафедра оказалась дѣйствительнымъ призваніемъ молодаго ученаго, и онъ, на самыхъ же первыхъ порахъ, сумѣлъ поставить себя такъ, что сдѣлался украшеніемъ Гёттингенскаго университета; съ теченіемъ времени извѣстность его привлекала все большее и большее число слушателей, и онъ, по собственному заявленію Вѣкк, былъ единственнымъ ученымъ, котораго тотъ желалъ бы имѣть своимъ преемникомъ въ Берлинѣ.

Устроивъ Мюллера по желанію, Вѣкк слѣдилъ за нимъ и далѣе, и въ 1823 г. содѣйствовалъ его избранію въ члены - корреспонденты Берлинской академіи наукъ, а въ 1839 предложилъ его въ ординарные академики. Но съ предложеніемъ этимъ случился непредвидѣнный казусъ; вотъ какъ разказываетъ про него самъ Вѣкк: „При баллотировкѣ вашей въ отдѣленіи не хватило одного госсоса. Выборы происходили, какъ того требуетъ уставъ при нѣсколькихъ баллотированныхъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Передъ вами баллотировали Крейцера, который провалился окончательно: вѣроятно, это было отводомъ для нѣкоторыхъ властѣ на дѣво и вамъ. Признаюсь, я подозрѣвалъ Гергарда и Панофку; послѣдній однако завѣрялъ меня, что онъ положилъ вамъ бѣлый шаръ, и такъ какъ кажется, что онъ желаетъ сдѣлать это извѣстнымъ, то я и сообщаю вамъ. Всѣ выборы, которые, какъ кажется, не одобряются нѣкоторыми газетами, были мнѣ очень непріятны; въ нихъ особенно пострадалъ я, потому что

всѣ мои предложенія провалились. Поэтому мнѣ не совсѣмъ не-пріятно, что ихъ результаты не одобряютъ, и надъ ними смѣются" (стр. 436).

Несравненно богаче и поучительнѣе тѣ данныя въ разсматриваемой перепискѣ, которыя имѣютъ отношенія къ ученымъ работамъ и научной дѣятельности двухъ друзей. Изъ этихъ данныхъ мы знакомимся съ холмомъ ученыхъ работъ Бѣка и Мюллера, начиная съ ихъ генезиса вплоть до выпуска въ свѣтъ, знакомимся съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили на авторовъ отзывы о нихъ другихъ ученыхъ; въ перепискѣ этой проходятъ передъ нами почти всѣ видѣвшіеся представители тогдашней филологической науки, своеобразно освѣщенные симпатіями или антипатіями корреспондентовъ.

О томъ, что самая переписка началась по ученому поводу, по поводу перваго печатнаго труда Мюллера, мы уже говорили. Первое письмо къ Бѣку помѣчено 9-мъ декабря 1817 г.; а въ январѣ 1818 г. вотъ чтó пишетъ ему Мюллеръ: „Вы вѣроятно будете смѣяться, когда узнаете, что я опять хочу писать и задумываю исторію Минійскаго племени. Отношеніе Фессалійскихъ, Лемносскихъ, Віотійскихъ, Лаконскихъ, Элейскихъ, Фирейскихъ и Аргонавтовскихъ Миніевъ имѣетъ много привлекательнаго и общаетъ столько разъясненія и даже твердыхъ точекъ опоры среди мнѣа, что у меня чешутся пальцы послѣ того, какъ я обдумалъ въ теченіе нѣкотораго времени тему, и мною овладѣло сильное желаніе изложить свои мысли подробно и обстоятельно... Но такъ какъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія Миніевъ“ врядъ ли найдетъ издателя, то я придумалъ болѣе видный заголовокъ: „Исторія эллинскихъ городовъ и племенъ. Выпускъ первый“ (стр. 5). Задуманное въ 1818 г. сочиненіе вышло въ 1820 году подъ заглавіемъ: *Geschichten Hellenischer Stämme und Städte. I. Orchomenos und die Minyer*, и положило прочное основаніе ученой репутаціи Мюллера. Изъ слѣдующаго письма (dom. palmarium 1818) мы видимъ, что авторъ всецѣло преданъ своему труду: „Надъ своими Миніями я работаю съ большою охотой и любовью и представляю себѣ возможность найти кое-что не неудачное. Я часто уже заранѣе думаю, какъ будетъ судить о томъ и другомъ г. профессоръ Вуттманнъ, такъ какъ воображаю, что часто нахожу историческую нить въ сильно опозитивированной сагѣ. Къ сожалѣнію, тамъ и сямъ я долженъ распыливаться болѣе, чѣмъ думать. Такъ, мнѣ неизбѣжно необходима и въ высшей степени важна для по-

ниманія нѣкоторыхъ сагъ самая точная топографія сѣверной Віотіи... Какъ часто хочется мнѣ о томъ или другомъ, и вообще обо многомъ, узнать ваше мнѣніе; сколькихъ ошибокъ избѣжалъ бы я тогда и сколько сберегъ бы труда; здѣсь же во всѣхъ подобныхъ вещахъ я лишень совѣта и долженъ всегда обходиться безъ посторонней помощи" (стр. 11). Почти то же читаемъ мы въ письмѣ отъ 23-го іюля: „Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ второго тома вашего Государственнаго хозяйства Аеннианъ, и прочелъ особенно то, что вы говорите объ Орхоменѣ; слова ваши во многомъ меня ободрили и во многомъ порадовали, подтверждаю то или другое мое предположеніе; какъ мнѣ грустно, что обо многомъ я не могу поговорить и посоветоваться съ вами, и я не могу не высказать убѣжденія, что черезъ это моя книжка много пострадаетъ" (стр. 20). О томъ, какое значеніе придавалъ Мюллеръ топографіи для изученія мифовъ, свидѣлствуютъ еще слѣдующія строки изъ письма отъ 12-го сентября 1818 г.: „Меня интересуютъ не только окрестности Орхомена, но почти вся Віотія, а также южная Фокида, въ особенности мѣстности около Парнасса, гдѣ, напримѣръ непосредственно близъ еракійскаго города Давлиды лежала нѣкогда могущественная Панопе, главный пунктъ племени Флегіевъ, бывшаго по меньшей мѣрѣ родственникомъ съ Миніями. Географическія дѣленія природы, горы, долины, замкнутыя равнины, русла и т. п. выгдѣ не имѣютъ такой важности, какъ въ первоначальной мифической исторіи, и незнакомство съ ними есть настоящая измѣна" (стр. 24). Вотъ въ какихъ чертахъ обрисовывалось автору первоначальное содержаніе его труда (письмо отъ 8-го октября 1818 г.): „Точная топографія окрестностей Копайскаго озера (а также и карта Віотіи), почти вся легендарная исторія Віотіи — также и вопросъ о прибытіи на Копайское озеро Кадма и Кекропса, легендарнаго царя Аенискаго — исторія Флегіевъ и Лапифовъ въ Віотіи и Эвссалии, походъ Аргонавтовъ и все къ нему примыкающее вплоть до основанія Кирены; затѣмъ разрушеніе Орхомена Эолійскими Віотянами, ихъ переселеніе и предварительно изложеніе исторіи Эракіянъ на Геликонѣ и Тирренскихъ Пеласговъ, о которыхъ можно, какъ мнѣ кажется, сказать не мало опредѣленнаго, наконецъ еще исторія Віотійскаго союза, съ исключеніемъ, однако, Пелопоннесской войны, Фиванской игомоніи и т. п. — все это долженъ я включить въ разработку преданія о Миніяхъ, но сколько это отнесется къ этому народу — иначе и должешь буду порвать вутрѣнную связь дѣлаго" (стр. 27). Въ началѣ декабря 1818 г. рукопись часть сохххi, отд. 2.

была окончена и отдана въ типографію, но различныя обстоятельства, главнымъ образомъ, переходъ автора изъ Бреславля въ Гёттингенъ и приготовленіе университетскихъ курсовъ, замедлили печатаніе, и только въ декабрѣ слѣдующаго, 1819 года, Мюллеръ могъ переслать экземпляръ своего труда Вѣку, „не безъ извѣстной робости“, пишетъ онъ. — „Правда; я работалъ надъ нимъ съ большою любовью, но теперь, когда онъ лежитъ передо мною готовымъ, я очень хорошо вижу, что и иначе могъ бы справиться съ матеріаломъ“ (стр. 46). Особенное значеніе придавалъ онъ своему толкованію мифовъ и легендъ: „Принципомъ полу-историческаго, полу-символическаго объясненія сагъ, слишкомъ глубоко засѣян во мнѣ и ихъ трудно уничтожить“ (стр. 48). Тутъ же, какъ бы въ видѣ образчика, Мюллеръ приводитъ свой взглядъ на Троянскую сагу о Римѣ: и „Въ золійско-тевкрскомъ городѣ Гергисъ на Идѣ были мѣстные Сивиллины оракулы, которые, безъ сомнѣнія, говорили о восстановленіи Иліона и объ Энейѣ, который, по словамъ Гомера (а по словамъ Арктина именно на Идѣ), основалъ новое царство. Эта Гергисская Сивилла также самая, то-есть, тѣ же самые оракулы, была у Эолійцевъ въ Кампанскихъ Кумахъ. Въ этихъ Сивиллинныхъ оракулахъ все указываетъ на Авію, и, въ частности, на Трояду. Затѣмъ преданіе объ Энейѣ дѣйствительно перешло въ Кумы, такъ какъ Стесихоръ, на основаніи *tabula Nаса*, какъ мнѣ представляется, считаетъ конечною цѣлью странствованій Энея Мизенумъ близъ Кумъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь впервые является Мизенъ. А когда при посредствѣ связей Этрусскихъ царей Рима съ Куманскими тираннами оракулы Сивиллы вмѣстѣ съ культомъ Аполлона и кое-чѣмъ другимъ перенесены были въ Римъ, то новая Троя очутилась тамъ, гдѣ долженъ былъ высадиться Эней, а Ромулъ былъ его сыномъ, какъ у всѣхъ болѣе древнихъ свидѣтелей“ (стр. 50). Любопытно впечатлѣніе, произведенное Минниами на Вѣка; его онъ высказываетъ въ двухъ письмахъ: 31-го января 1820 г. онъ пишетъ: „Я еще не имѣлъ времени прочесть въ связи вашихъ Миніевъ, но только перелистывалъ и прочиталъ отдѣльными мѣста; я пользуюсь ими для своего Пиндара, въ частности, которыя я нахожу превосходными. Тѣмъ, что въ общемъ вы пошли по совершенно вѣрному пути, вы достигли высшей цѣли; не скрою, что дорога, по которой вы идете, дорога мифовъ, представляется мнѣ скользкою; по крайней мѣрѣ меня удерживаетъ священный ужасъ отъ скачка черезъ эту стѣну, хотя я по временамъ съ удовольствіемъ смотрю сквозь щелку; при этомъ иногда я вижу такъ,

меньше написать, на сколько больше я пишу— поэтому вы можете говорить мнѣ все“ (стр. 127). По всей вѣроятности, Вѣкъ ожидалъ окончанія труда для того, чтобы высказать о немъ свое мѣненіе въ подробности, и отвѣчаетъ въ августѣ того же года, что онъ лишь перелистывая присланную ему книгу и изъ бѣглаго обзора убѣдился въ томъ, что она превосходна во многихъ отношеніяхъ (стр. 128). Между тѣмъ, передъ окончаніемъ труда, въ семейной жизни его автора произошла счастливая переменѣ: въ мартѣ 1824 г. Мюллеръ былъ объявленъ женихомъ Паулины Гуго, дочери извѣстнаго Гёттингенскаго романиста; свадьба была назначена на осень, и въ этотъ промежутокъ было окончено печатаніе „Доранъ“. Вотъ чтó о нихъ пишетъ Вѣкъ 24-го августа 1824 г.: „Я не могу выразить, до какой степени удовлетворительнымъ и привлекательнымъ представляется все наше сочиненіе, и въ особенности многостороннее развитіе государственныхъ отношеній, но и объ этомъ распространяться не буду потому, что боюсь, что вообще теперь не время обращаться къ вамъ съ литературой. Но долженъ все-таки упомянуть объ изумительной полнотѣ и прелестной живости пониманія и изображенія; любовь, какъ кажется, дала вамъ новое вдохновеніе, которое перешло и на сочиненіе ваше“ (стр. 138). Здѣсь, кстати, упомянемъ, что бракъ Мюллера былъ очень счастливъ, и онъ неоднократно заявляетъ, что нашелъ въ своей женѣ вѣрную и милую подругу жизни; одно изъ дѣтей Мюллера было крестнымъ сыномъ Вѣка: „У меня есть сердечная потребность“, пишетъ Мюллеръ 18-го мая 1832 г.,— „прежде всего обратиться къ вамъ съ просьбою быть воспріемникомъ моего мальчика. Между всѣми моими друзьями, которые у меня есть помимо родственниковъ, вы теперь самый старинный; перенесите, прошу васъ, на моего ребенка часть той благосклонности, которой я обязанъ значительною долей своего счастья. Дай Богъ, чтобы современнѣмъ крестникъ васъ радовалъ“ (стр. 310).— „Отъ всего сердца“, отвѣчаетъ Вѣкъ,— „принимаю я обязанность крестнаго отца вашего новорожденнаго мальчика; хотя наша старинная дружба и не нуждается ни въ какомъ новомъ залогѣ, однако это для меня все же дорого, какъ ея знакъ. Желаю вамъ радоваться мальчикомъ. Во всей вашей жизни столько данныхъ для счастья, что и для дѣтей нашихъ явятся самыя благопріятныя предзнаменованія“ (стр. 311). Счастіе свое при жизни искупилъ Мюллеръ печальною смертію на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ.

Возвращаемся къ прерванному разказу объ ученыхъ трудахъ

Мюллера. Появленіе его „Дорянтъ“ было встрѣчено не всѣми съ одинаковымъ сочувствіемъ: новизна содержанія, своеобразность приѣмовъ работы и оригинальность изложенія весьма многими казались непозволительно парадоксальностью, новшествомъ, протестъ противъ котораго появился осенью 1824-го года въ Генской литературной газетѣ. Тамъ помѣщена была анонимная критика, особенно нападавшая на тотъ отдѣлъ труда Мюллера, въ которомъ онъ касается миеологій. „Что скажете вы о рецензій?“ пишетъ Мюллеръ Вѣку 22-го октября 1824 г.— „Въ послѣднее время мнѣ, конечно оказывали слишкомъ много чести, но такъ поступать со мною, значить дѣйствовать не справедливо. Полагаете ли и вы, что злостное намѣреніе рецензента очевидно, съ прибавкою еще невѣжества?... Я задумалъ написать брошюру: „Къ методикѣ и критикѣ изученія миеологій“ и въ ней ясно изобразить образъ дѣйствій рецензента. Это я долженъ сдѣлать, потому, что рецензія произвела здѣсь сильное впечатлѣніе: многіе не знаютъ, что думать, у другихъ, неприязненно ко мнѣ настроенныхъ, развязались языки и т. д.“ (стр. 153). Вопросъ объ авторѣ рецензій сильно занималъ Мюллера: сначала онъ думалъ о Дѣдерлейнѣ, и по поводу этого списывался съ Вѣкомъ; тотъ вѣрнымъ чутьемъ угадалъ невозможность такого предположенія, съ чѣмъ въ слѣдствіи согласился и Мюллеръ, заочно извинившійся передъ человекомъ, котораго онъ напрасно заподозрилъ. Любопытны слова Вѣка, въ которыхъ онъ излагаетъ свой взглядъ на рецензію, на причины ее вызвавшіе и на способъ, которымъ слѣдуетъ отвѣчать на нее: „Не теряйте мужества вслѣдствіе такихъ нападокъ; подобная рецензія не вредятъ ни сколько—она только возвышаетъ. Я долженъ былъ выслушивать вещи еще худшія, и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому, что хладнокровно принимаю и отражаю всякія нападенія. Но вы должны быть рѣзки, если только вы намѣрены отвѣчать. И я обыкновенно не прячу такихъ вещей въ карманъ, хотя иногда молчу годъ и долѣе. Я также согласенъ и съ тѣмъ, что вы еще болѣе принуждены къ отвѣту той обстановкой, среди которой находитесь; есть и въ Гёттингенѣ, и въ другихъ мѣстахъ люди, завидующіе вамъ въ томъ, что вы нѣсколько быстро дошли до вашего положенія и приобрѣли себѣ расположеніе публики; многіе поэтому желаютъ вамъ зла... Время уменьшить нѣсколько вашу отвагу, и тогда можно будетъ повременамъ немного нападать на васъ; но въ трудѣ, обнаруживающемъ столько блестящихъ сторонъ, только злоба можетъ выставять исключительно немногіе слабые пункты...“ (стр. 156). Наконецъ.

авторъ рецензіи былъ обнаруженъ: оказалось, что это былъ нѣкій Ланге, личность не значительная, за которою маскировались другіе враги Мюллера; было даже подозрѣніе въ томъ, что рецензія написана коллективно, и что Ланге далъ ей только окончательную обработку и подписалъ подъ ней инициалы своего имени. Въ ноябрѣ 1824 г. Мюллеръ извѣщаетъ Вѣка, что сочиненіе его: „Zur Methodik und Kritik des mythologischen Studiums“ уже находится въ печати: „Разработка этой книжки была для меня очень пріятна; я полагаю, что мои возрѣвіи и связи и вѣроятны; при этомъ я снова передѣлалъ многія мѣологическія разысканія, находящіяся въ Орхоменѣ и въ Доріанѣхъ, и снова пришелъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ“ (стр. 159). При окончательной отдѣлкѣ сочиненія, разсужденія въ цѣлую книгу, — „когда говоришь о подобныхъ предметахъ вообще, то одно слово вызываетъ другое“, говоритъ Мюллеръ, — авторъ измѣнилъ и его заглавіе, назвавъ: Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. „Долженъ вамъ сказать“, пишетъ ему Вѣкъ 15-го апрѣля 1825 г., — „что я проштудировалъ ваши Prolegomena съ величайшимъ усердіемъ и удовольствіемъ, и что вы внушили мнѣ сильную охоту заняться наконецъ мѣологіей. О разнаго рода мелочахъ мнѣ очень хотѣлось бы переговорить съ вами, и мнѣ очень жаль, что у меня не было вашей книги раньше, чѣмъ вы были здѣсь; при письмѣ нѣтъ всего подъ рукою, и все дѣлается не въ мѣру такъ обширнымъ“ (стр. 167). „Вашъ отзывъ о моихъ Prolegomena, — отвѣчаетъ Мюллеръ, — очень меня порадовалъ; въ особенности же мнѣ пріятно то, что вы сами при этомъ возымѣли охоту заниматься мѣологіей. Какъ мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами и услышать отъ васъ, что представляется вамъ недостаточнымъ и нетвердымъ, и что, наоборотъ, вѣроятнымъ или твердымъ. Что скажете объ этомъ Вуттманнъ? Мнѣ хочется когда-нибудь разработать главы двѣ изъ мѣологіи и письменно сообщить ихъ вамъ, Вуттману и нѣкоторымъ другимъ; печатать же теперь что нибудь мѣологическое мнѣ неохота, потому что люди въ общемъ оказываются черезъ мѣру закоснѣлыми... Лучше всего было бы, если бы нѣсколько ученыхъ, единомысленныхъ въ главныхъ пунктахъ, соединились для изданія журнала, преимущественно мѣологическаго характера, для того, чтобы поддерживать извѣстный тонъ и положить конецъ анархіи; я съ удовольствіемъ примкнулъ бы къ этому кружку и подчинился бы ему“ (стр. 168). Мѣологическія штудіи до того были по сердцу Мюллеру, что онъ долго не расставался съ мыслию сообщать ихъ результаты своимъ

друзьямъ, но не публикѣ, которая приняла ихъ такъ недружелюбно (нападенія на Мюллера продолжались и послѣ появленія его *Prolegomena*). „Миеологическія и антикварныя розысканія“, читаемъ мы въ письмѣ отъ 18-го октября 1825 г., — „имѣютъ для меня такую прелесть и возбуждаютъ во мнѣ такое удовольствіе, оснѣжаютъ и одушевляютъ меня до такой степени, что я готовъ довольствоваться и тѣмъ, что никто не будетъ обращать на меня вниманія и мои вещи останутся неизданными. Собственно, полное жилия пониманіе, которое извлекалось изъ работъ такого рода, въ концѣ концовъ составляетъ такую же цѣль дѣятельности, какъ и распространеніе научныхъ познаній между другими“ (стр. 173). Въ это же время Мюллеръ работалъ надъ Дельфійскими древностями, „которыя“, говорилъ онъ, — „я не могу печатать, потому что все, уже напечатанное мною, достаточно для меня тяжело“ (*da mich mein eigen Gedrucktes schon genug drückt*, стр. 170) и приготовилъ къ печати небольшое сочиненіе: „*Ueber d. Wohnsitze und d. Abstammung der Macedoner*“. Однако, какъ онъ самъ выражается въ одномъ мѣстѣ, онъ не могъ быть доволенъ, если у него не было никакого большаго труда: уже весной слѣдующаго 1826 года онъ извѣщаетъ Бѣка о томъ, что завязъ большою ученою работою, которую уже почти окончилъ послѣ величайшихъ умственныхъ и физическихъ усилій (стр. 181); работа эта оказалась отвѣтомъ на заданную Берлинскою академіею наукъ тему объ Этрускахъ. „Буттманнъ“, пишетъ Бѣкъ 8-го апрѣля 1826 г., — „рассказывалъ мнѣ въ Греческомъ Обществѣ, что на преміальную тему объ Этрускахъ присланъ отвѣтъ, который, на сколько онъ съ нимъ ознакомился, ему очень нравится; полюбознествовали посмотреть рукопись, такъ какъ засѣданіе Общества было на дому у Буттманна; я имѣлъ несчастіе съ пераго, брошеннаго на нее взгляда, узнать вашу руку; то же случилось и съ Беккеромъ. Буттманнъ сталъ читать дальше, и то, чего онъ не могъ угадать по почерку и о чемъ мы, само собою разумѣется, не сказали ему ни слова, угадалъ по содержанію; черезъ нѣсколько дней онъ мнѣ заявилъ, что никто другой, кромѣ васъ, не былъ въ состояніи рѣшить задачу. Я еще не имѣлъ въ рукахъ сочиненія, но завравѣ поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы скалились надъ преміальной темой“ (стр. 183). Благодаря Бѣка за извѣстіе о благосклонномъ приѣмѣ своего труда, Мюллеръ пишетъ: „Мнѣ было бы очень пріятно, если бы трудъ мой понравился вамъ и другимъ гг. академикамъ. Въ сочиненіи есть много *longueurs*, гдѣ изложеніе утомляется сухостью содержанія; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать любви къ предмету.

Также, надѣюсь, найдете вы въ моемъ трудѣ меньше смѣлости и притязательности и болѣе обдуманности, чѣмъ въ моихъ прежнихъ работахъ; съ лѣтами дѣлаешься умнѣе. Иныя исправленія являются отважными вслѣдствіе необходимости. Много, очень много поработалъ бы я надъ этимъ предметомъ, если бы могъ получить свою работу обратно, съ нѣкоторымъ одобреніемъ" (стр. 184). Всѣхъ послѣдствій успокоить автора работы весьма сочувственнымъ и лестнымъ отзывомъ, приведеннымъ нами выше, а присужденіе труду искомои преміи было справедливымъ признаніемъ ученыхъ заслугъ Мюллера со стороны высшаго ученаго учрежденія Пруссіи. Но между этимъ присужденіемъ и появленіемъ „Этрусковъ“ въ печати прошло болѣе года; это зависѣло частію отъ того, что авторъ значительно видоизмѣнилъ и распространилъ свой трудъ, занявшій въ печати два довольно толстые тома, частью отъ того, что требовалось разъяснить нѣкоторыя формальности относительно права его изданія: „Я вѣдихаю теперь подъ бременемъ Этрусковъ“, пишетъ Мюллеръ 1-го января 1828 года, — „хотя ихъ печатаніе и не идетъ съ тою скоростью, которой я желалъ бы. Врядъ ли оно окончится къ Пасхѣ, такъ какъ будетъ не менѣе 55 листовъ; мои сочиненія всегда растягиваются далеко за предѣлы первоначальнаго плана“ (стр. 236).

Но еще гораздо ранѣе, вскорѣ по окончаніи преміальной работы, у Мюллера возникла мысль о новомъ большомъ трудѣ, надъ которымъ онъ работалъ долго и съ увлеченіемъ: „У меня есть тайное намѣреніе“, пишетъ онъ 10-го октября 1826 г., — „черезъ три-четыре года закончить мои Еллинскія исторіи политической и культурвою исторіей Аѳинъ въ періодъ отъ Персидскихъ до Пелопонесской войны. Для политической исторіи я даже кое-что выработалъ и уже надѣюсь, что понимаю нѣкоторые вопросы лучше, чѣмъ прежде. Затѣмъ мнѣ хочется, въ особой книгѣ, прибавить пересмотръ всего сочиненія, и на этомъ покончить. Я уже заранѣе радуюсь тому, что по окончаніи этого, я буду опять въ состояніи располагать собою совершенно свободно“ (стр. 199). Въ іюлѣ 1828 г. онъ пишетъ уже гораздо подробнѣе о задуманной работѣ: „Мнѣ хочется попытаться представить — какъ это я сдѣлалъ въ „Дорянахъ“, — но представить, надѣюсь, лучше единство аѳинской жизни, въ общинѣ и въ семьѣ, въ искусствѣ и въ наукѣ, въ словѣ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ, а также изложить связь между перемѣнами, проявляющимися всюду во время Пелопонесской войны. Мнѣ кажется, что для этой главной задачи моей работы я уже нашелъ кое-что подходящее; но чѣмъ болѣе я

углублялся, тѣмъ болѣе видѣлъ, сколько предстоитъ мнѣ трудной и разнообразной работы для того, чтобы съ увѣренностью странствовать даже въ той ограниченной области, которую я себѣ отвелъ. Поэтому я теперь весь погруженъ въ изслѣдованія изъ области такъ называемой общей грамматики, сравнительнаго языкованія, исторіи греческаго языка; я еще не знаю хорошенько, къ какому исходу приведутъ меня эти занятія, но они, вмѣстѣ съ кропотливыми розысканіями относительно плана и экономіи трагедій, очень напрягаютъ мои силы, а по временамъ и нѣсколько мучать" (стр. 247). Къ сожалѣнію, надуманная работа не была исполнена, и сочиненіе Мюллера *Die Geschichten der hellenischen Stämme* ограничилось только Миніями и Доріанами. Въ только что приведенномъ отрывкѣ, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе заявленіе Мюллера о его работахъ въ области грамматики и языкованія. Изданныя имъ труды относятся преимущественно, если не исключительно, къ области реалій, но въ трудахъ этихъ нельзя очень часто не видѣть весьма добросовѣстнаго изученія и формальной стороны, языка, грамматики, метрики и т. д., и хотя Мюллеръ никогда не былъ языковѣдомъ *ex professo*, тѣмъ не менѣе онъ интересовался вопросами изъ области языкованія и штудировалъ ихъ съ усердіемъ. „Теперь“, пишетъ онъ 14-го ноября 1826 г.,— „я занимаюсь въ часы отдохновенія преимущественно греческимъ словообразованіемъ и вообще *origines* языка, къ чему меня побудили труды Гримма и Гумбольдта; однако эти занятія веду я въ тиши и только для собственнаго удовольствія“ (стр. 206). Новыя и новыя задачи и предпріятія возникали безпрестанно въ пылкой душѣ Мюллера: такъ, въ 1827 году, говоря объ изданіи Варрона *de lingua Latina*, сдѣланномъ Шпенгелемъ, онъ признаетъ за нимъ достоинство сличенія рукописей, но заявляетъ, что „при нѣкоторомъ усиленіи мысли издатель могъ бы дать гораздо болѣе, чѣмъ дипломатически бессмысленный текстъ. Мнѣ думается“—продолжаетъ онъ— „что при небольшихъ усиленіяхъ и перемѣнахъ можно привести въ надлежащій порядокъ многія мѣста...“ (стр. 230). Здѣсь мы имѣемъ первый намекъ на предпріятіе, исполненное Мюллеромъ въ 1833 г. „Въ началѣ слѣдующаго года“, читаемъ мы въ письмѣ отъ 10-го декабря 1832 г.,— „я начну печатать Варрона, съ небольшимъ аппаратомъ критическихъ и объяснительныхъ примѣчаній; я довольно долго занимался имъ съ большимъ интересомъ“ (стр. 322). Изданіе это, при всѣхъ его недостаткахъ—не вполне точной коллиціи рукописей, невѣрнаго, въ частности, опредѣленія ихъ преемственности, своеобразнаго отношенія къ

рукописному преданію—до сихъ поръ не замѣнено другимъ, которое вполне удовлетворяло бы современнымъ требованіямъ, предъявленнымъ издателямъ древнихъ текстовъ. Несравненно зрѣлѣе другая работа Мюллера, относящаяся къ той же области и вышедшая въ свѣтъ въ 1839 году, это—изданіе Феста и Павла Діакова; она свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о значительной вѣдѣтельности издателя въ древнихъ латинскихъ текстахъ и должна лечь въ основу новаго изданія Фестова лексикона.

Возвращаясь къ прерванному хронологическому обзорѣ ученой дѣятельности Мюллера, мы должны упомянуть прежде всего объ его переводѣ Эсхиловыхъ Евменидъ. Первое упоминаніе объ этой работѣ находится въ письмѣ отъ 24-го февраля 1829 г.: „Года два тому назадъ“, пишетъ Мюллеръ,—„я перевелъ Евмениды, руководясь своими принципами, и время отъ времени принимался за передѣлку перевода; мнѣ думается, что его стоитъ издать. На сколько я могу чувствовать, хоры выходятъ дѣйствительно совершенно законченными и гладкими. Къ переводу мнѣ хочется прибавить страницъ 100 объяснительныхъ изслѣдованій о театрѣ и хорѣ, о кровавой мести, раскаяніи, ареопагѣ и эфетахъ, объ идеѣ трилогіи и т. д. Все это уже давно у меня написано и ждетъ только облеченія въ такую форму, въ которой можно было бы до нѣкоторой степени его читать“, (стр. 258). Работа эта, однако, затянулась, и только въ 1832 г. Мюллеръ могъ надѣяться приготовить переводъ къ печати, съ прибавленіемъ двухъ объяснительныхъ изслѣдованій: 1) о представленіи, и 2) о содержаніи піесы (стр. 317). Въ 1833 г. книга появилась въ свѣтъ и, какъ увидимъ ниже, вызвала цѣлую бурю. Одновременно съ Евменидами Мюллеръ работалъ надъ нѣсколькими значительными по объему трудами, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить его „Учебникъ художественной археологіи“ (Handbuch der Archäologie der Kunst). Къ сожалѣнію, въ рассматриваемой перепискѣ не находится почти ничего, относящагося къ генезису этого замѣчательнаго, важнаго и въ настоящее время, сочиненія: въ письмѣ отъ 11-го декабря 1829 г. мы читаемъ, что компендіумъ уже печатается, и что авторъ надѣется въ скоромъ времени сообщить Вѣку экземпляръ; книга вышла въ свѣтъ въ 1830 году и еще недавно (въ 1879 г.) перепечатана въ 4-мъ изданіи Эрнстомъ Курціусомъ. Точно также мало сохранилось свѣдѣній и о другомъ археологическомъ изданіи Мюллера: „Памятники древняго искусства“ (Denkmäler der alten Kunst), которое служитъ превосходнымъ дополненіемъ только что упомяну-

личеству; теперь же, на оборотъ, ежеминутно давить меня чувство неполюты, которая все еще опущается и долго будетъ продолжаться" (стр. 67). Черезъ десять лѣтъ, 9-го января 1828 г., Вѣкъ пишетъ почти то же самое, хотя въ этотъ промежутокъ времени онъ успѣлъ привести въ порядокъ и выпустить въ свѣтъ нѣсколько тетрадей 1-го тома: „Согрус Inscr. дасть мнѣ много труда и заботы, и работа тѣмъ болѣе непріятна. что не видишь ей ни конца, ни цѣли; постоянно является что-нибудь новое. Не возможно закончить тома безъ того, чтобъ опять не являлись новыя добавленія, которыя слѣдовало бы помѣстять въ текстъ; ихъ надобно или прибавить, или по крайней мѣрѣ заявить о нихъ, и они никогда не являются во время" (стр. 239). Весьма характерны также и слѣдующія строки изъ письма отъ 30-го ноября 1828 г.: „Еслибъ я не забился въ надписи, то можетъ быть, сдѣлалъ бы болѣе; но со мною случилось то же, что съ голландскими учеными, надъ которыми я самъ часто смѣялся. Они разрабатывали лексикографовъ, полагая, что это есть предварительное условіе для разработки авторовъ, къ которой они хотѣли затѣмъ приступить; но до нея они не дошли. Такъ и я хотѣлъ разработать надписи для того, чтобъ открыть себѣ источники къ разработкѣ внутреннихъ государственныхъ отношеній и другихъ данныхъ греческой жизни, но матеріалъ сдѣлался черезъ чуръ великъ и самъ сталъ для меня цѣлю. Поэтому мнѣ трудно добраться до другаго, и я долженъ довольствоваться устнымъ преподаваніемъ, тѣмъ, для не многихъ понятными, намеками, которые я дѣлаю въ собраніи надписей и построеніемъ на премиссахъ, составляющихъ собственность не всякаго... Тѣмъ не менѣе работа не окончательна для меня непріятна, и я надѣюсь, что она, не смотря на всѣ непріятныя нападки, все же удержится" (стр. 208). Это по *опіііі тогіаг*, чувствующееся въ послѣднихъ словахъ, подтвердилось какъ нельзя болѣе блистательно. Очень хорошо понимая трудность задачи Вѣка, Мюллеръ навелъ его на мысль взять себѣ въ помощь для черновой работы кого-либо изъ членовъ семинаріи (стр. 207), но Вѣкъ не соглашался съ этимъ, находя необходимымъ продѣлать всю работу самъ. Въ письмахъ его видно даже, какъ онъ работалъ: не щадя ни времени, ни усилій, онъ съ величайшимъ терпѣніемъ штудировалъ каждую надпись, каждый отдѣльный обломокъ, рассматривая ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Я изучалъ", пишетъ онъ 24-го декабря 1822 г., „le marbre de Choiseul. Къ сожалѣнію, внимательное исследование подобныхъ обломковъ болѣе требуетъ времени, чѣмъ обѣщаетъ результатовъ: но такъ

какъ не возможно знать, что выйдетъ изъ тщательнаго ихъ изученія, то все же сдѣлать это необходимо, даже при рискѣ въ концѣ концовъ не придти ни къ какому результату, который могъ бы вознаграждать за потраченный трудъ. Я много дней бился надъ тѣмъ, чтобы принять во вниманіе всѣ вопросы, вызываемые памятникомъ...“ (стр. 106). Подобнаго рода заявленія, свидѣтельствующія о высокой активности Вѣка, попадаются въ его письмахъ очень не рѣдко. Работалъ онъ обыкновенно надъ цѣлымъ отдѣломъ, такъ-сказать, однимъ духомъ, безъ перерыва, и затѣмъ давалъ себѣ отдыхъ; тѣмъ не менѣе можно сказать, что въ общемъ работа шла безостановочно и поглощала собою всѣ силы и все свободное отъ профессуры время Вѣка. Не возможно, да и не нужно исчислять всѣ указанія на частности ея хода, заключающіяся въ его письмахъ къ Мюллеру; можно только замѣтить, что рѣдкое письмо обходится безъ того, чтобы Вѣкъ такъ или иначе не упомянулъ о *Cognus inscriptionum*: то онъ извѣщаетъ Мюллера о ходѣ работы, то спрашиваетъ его или совѣтуется съ нимъ по поводу той или другой частности, то сообщаетъ о новыхъ присылкахъ матеріаловъ, и т. д. Поэтому здѣсь, для образчика, ограничимся двумя, тремя фактами, относящимися къ этой работѣ и не безынтересными во многихъ отношеніяхъ. Такъ, для оцѣнки тѣхъ пуждъ, которыя представлялись Бѣку при его работѣ, не бесполезно будетъ ознакомиться съ тѣми порученіями, которыя онъ далъ Мюллеру при побѣдѣ послѣднего въ Англію: „Такъ какъ теперь“, читаемъ мы въ письмѣ отъ 17-го марта 1822 г.—„я вмѣренъ безъ замедленія приступить къ собранію надписей, то оно по преимуществу лежитъ у меня на сердцѣ, и моя общая просьба состоитъ въ томъ, чтобы доставить мнѣ тѣ не изданныя надписи, которыя относятся къ моему собранію, слѣдовательно, греческія. Что находятся въ Британскомъ музеѣ и, въ частности, въ собраніи Элгина, есть, какъ кажется, у меня все; относительно послѣдняго я имѣю изъ него до 1820 г. Но если въ него поступило что-нибудь послѣ 1820 г., то я прошу это списать или заставить списать. Если, быть можетъ, существуютъ въ отдѣленіяхъ Британскаго музея еще не изданныя надписи, о чемъ вы лучше другихъ можете судить, то моя просьба относится и къ нимъ, равно какъ и къ виламъ и въ особенности къ надписямъ Шуазель-Гуффье, изъ которыхъ часть пріобрѣтена на аукціонѣ, какъ кажется, для Англіи. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, я не думаю, чтобы нашлись изъ камней *inedita*. Но я все еще думаю, что можно будетъ донсаться, куда дѣвались бумаги Чисгелля ко II-му тому *Antiquitates*

Asiaticae; по одному свѣдѣнію, которое я имѣлъ (изъ *Jonian Antiquities* T. 1. p. 39), онѣ, какъ кажется, хранятся въ Британскомъ музеѣ *Catalog. Harlel N. 7509*. Въ нихъ находится много надписей, и мнѣ было бы желательно, чтобы вы ихъ списали или приказалъ списать на мой счетъ. Чендлеръ приводитъ также рукопись Шерарда, вѣроятно изъ Гарлеевой библіотеки, въ которой, кажется, много надписей; если вамъ удастся ее найти, то и ее я попрошу списать; то же самое и относительно тѣхъ надписей, изъ собранныхъ въ Передней Азійи Ковереллемъ или капитаномъ Вофортонъ, которыя, можетъ быть, вы найдете. По извѣстію Спикера, Фред. Нортъ Дугласъ имѣетъ метрическія надписи. Герб. Марчъ въ *Notis Pelasgicis* цитируетъ надпись изъ Криссы ¹⁾, которая должна быть очень древнею, найдена Гропиусомъ, и списки съ которой должны находиться въ Англіи, но ихъ получить я не могъ. Можетъ быть, вы ихъ доставите..." (стр. 78). Такія же подробныя desiderata выставляетъ Бѣкъ и относительно Франціи, куда также собирался Мюллеръ. Мы не имѣемъ возможности сообщить въ подробности тѣ данныя, которыя заключаются въ письмахъ Мюллера изъ Лондона и Париза и относятся къ видѣннымъ и снятымъ имъ тамъ греческимъ надписямъ; замѣтимъ только, что данныя эти въ высшей степени интересны и показываютъ, что Мюллеръ, никогда не занимавшійся эпиграфикой *ex professo*, тѣмъ не менѣе обнаружилъ въ обращеніи съ надписями такія опытность и искусство, которыя сдѣлали бы честь любому эпиграфисту. Любопытенъ сводъ всего, что сдѣлалъ Мюллеръ для Бѣка во время своей кратковременной поѣздки; онъ списалъ ему: *Magtog Tenium* на 3-хъ листахъ, другія надписи изъ Британскаго музея на 18 л., надписи Вофорта на 21-мъ л. мелкаго письма, изъ галереи Пемброка на 1 л., изъ музея Бленделля на 2 л., изъ собранія Вельмора на 1 л., изъ *codex Dogvillianus* на 2 л., изъ *Museum Worsleyanum* на 3 л., изъ Ливвуда и Бергона, *Magtoga Cantabrigiensis* на 7 л., изъ дома Л. Гвильфорда на 5 л., не изданныя надписи изъ рукописи Шерарда и Аскоу на 100 л. Въ Парижѣ Мюллеръ сконировалъ всѣ надписи Лувра, со включеніемъ принадлежавшихъ Шуазелю, надписи изъ *Cabinet de la Bibliothèque du Roi*, изъ собранія Дюрана и изъ бумагъ Фурмона. Такія сообщенія превзошли всѣ ожиданія Бѣка: „Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за столь великіе и важныя труды, не знаю;

¹⁾ C. J. Gr. I.

надѣюсь только, что ваша дружба ко мнѣ извинитъ меня въ моей скудости и сознаниіе, что вы сдѣлали нѣчто полезное, вознаградить васъ за вашу работу" (стр. 98). За эти сообщенія Берлинская академія наукъ избрала Мюллера въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ. Прежде чѣмъ перейдемъ къ другому, сообщимъ то, что относится въ письмахъ Мюллера изъ Парижа къ извѣстнымъ коціямъ Фурмона, которыя долго составляли предметъ разногласія между учеными. „Въ библиотекѣ той," пишетъ Мюллеръ, — „я пересмотрѣлъ Fourmontiana и отмѣтилъ еще барельефы при надписяхъ, о которыхъ, какъ вы какъ-то говорили, профессоръ Веккеръ не упоминаетъ; это я сдѣлалъ только ради полноты. О Фурмоновыхъ вещахъ мнѣ очень хотѣлось бы когда-нибудь устно переговорить съ вами или сообщить вамъ: мнѣ кажется, по внѣшности бумагъ, что онъ какъ будто самъ сочинилъ надписи бустрофедопомъ. Но между этими бумагами я нашелъ нѣкоторые рисунки, которые, хотя и сдѣланы очень скверно, тѣмъ не менѣе имѣютъ необыкновенную важность для исторіи искусства" (стр. 91). На замѣчаніе Вѣка о томъ, что, по заявленію Им. Беккера, многія изъ копій Фурмона испорчены (стр. 104), Мюллеръ отвѣчаетъ: „Относительно надписей Фурмона есть еще много неяснаго. Что испорчены многія надписи, не вѣроятно уже потому, что почти каждая списана два раза, и копія лежатъ большею частію одна вондъ другой. Кажется, что Фурмонъ писалъ ихъ первоначально карандашемъ и довольно беспорядочно: такъ, еще имѣется листокъ, на которомъ помѣщены всѣ надписи изъ Гермионы, а затѣмъ каждая изъ нихъ написана на особомъ большомъ листѣ весьма широко" ¹⁾ (стр. 111).

И по возвращеніи Мюллера въ Гёттингенъ, Вѣкъ, какъ было замѣчено выше, очень нерѣдко обращался къ нему съ разными вопросами и охотно выслушивалъ его замѣчанія на свой трудъ ²⁾; по выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска 1-го тома Вѣкъ очень желалъ, чтобы Мюллеръ написалъ на него рецензію и, по исполненіи этого желанія, высказываетъ благодарность благосклонному и компетентному рецензенту; посылая, по мѣрѣ выхода, тетради 1-го тома Мюллеру, Вѣкъ проситъ его о сообщеніи замѣчаній, которыми и пользуется in addendis. Не безынтересенъ слѣдующій эпизодъ, относящійся къ одному изъ таковыхъ замѣчаній: въ

¹⁾ О Фурмонѣ и его копіяхъ пространно говорить Вѣкъ въ С. I. Gr. I стр. 81—105.

²⁾ Ср. С. I. Gr. 1, praef. X. часть сохххi, отд. 2.

письмѣ отъ января 1828 г. Мюллеръ пишетъ: „Въ Согр. Insgr. p. 446 col. 2 вверху я нашелъ, что въ Елевсинскаго верховнаго жреца Тимофея переимѣнили изъ времени Птолемея сына Лага во время Веспасіана. Въ вашемъ трудѣ все до такой степени совершенно, что, найдя даже ничтожный промахъ, я спѣшу указать его вамъ“ (стр. 238). „Весьма досаденъ мнѣ“, отвѣчаетъ Бѣкъ,—„мой промахъ съ Тимофеемъ; но такъ какъ я уже заказалъ перепечатку для II-й тетради, то перепечатаю и это; къ тому же мнѣ надобно исправить еще кое-что на этомъ же листѣ“ (стр. 239). „Мелочныя замѣчанія, въ родѣ замѣчанія о Тимофее“, читаемъ мы въ отвѣтѣ Мюллера,—„вы принимаете слишкомъ неравнодушно. Что долженъ былъ бы дѣлать такой бѣдняга, какъ я, если бы всякій свой промахъ принималъ такъ близко къ сердцу“ (стр. 242). „Моя чувствительность къ подобнаго рода ошибкамъ (какъ ошибка относительно Тимофея) не уменьшается“, возражаетъ ему Бѣкъ,—„онѣ собственно не должны попадаться, въ особенности, если на подобное мѣсто легко натолкнуться даже занимаясь чѣмъ-нибудь другимъ. Если вы для утѣшенія указываете на себя, то я, признаюсь, еще до извѣстія о Тимофеевѣ, искалъ, по другимъ поводамъ, утѣшенія у васъ, справляясь въ Prolegomena zur Mythologie, не приходится ли и вамъ исправлять подобныя вещи. Какой исходъ имѣло тогда это исканіе, я уже не помню“ (стр. 244). Изъ другихъ относящихся къ Согрив Insgr. свѣдѣній приведемъ въ заключеніе нѣсколько данныхъ, относящихся къ работамъ Бѣка по приготовленію Босфорскихъ надписей: первое извѣстіе объ этихъ работахъ читаемъ мы въ письмѣ отъ 3-го декабря 1828 г.: „Я теперь работаю, на сколько позволяютъ дурныя обстоятельства ¹⁾, надъ надписями Киммерійскаго Босфора и его окрестностей, и работаю съ нѣкоторою робкою тщательностью, потому что педаггъ Квлеръ зорко слѣдитъ за всякимъ трудящимся въ этой области, да къ тому же и Нибургъ написалъ о нихъ удивительныя вещи, которыя я не могу пройти молчаніемъ; поэтому я намѣренъ написать введеніе къ этому отдѣлу... въ немъ необходимо имѣть много снимковъ съ надписей для того, чтобы получить вѣрное чтеніе скинскихъ или сарматскихъ именъ, о которыхъ я также хочу написать, такъ какъ они представляютъ замѣчательныя аналогіи“ (стр. 253). Извѣстіе объ этомъ было принято Мюллеромъ съ восторгомъ: „Я очень радъ, что босфорскія над-

¹⁾ Болѣзнь жены, окончившаяся ея смертью въ 1829 году.

писи будутъ обработаны вашею рукою, въ особенности же радуюсь тому, что, судя по вашимъ намекамъ, вы опредѣленнѣе выдѣлите скинскія, еракійско-гетскія, сарматскія имена; что будетъ имѣть огромную важность и для древней лингвистики. Откуда производите вы еракійскія имена у самихъ Восторскихъ царей, какъ, напримѣръ, Перисадъ?" (стр. 255). Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Вѣкъ сообщаетъ дальнѣйшія свѣдѣнія о своихъ розысканіяхъ: "Имена я расгруппировалъ съ большимъ стараніемъ и въ Ольвіи нахожу весьма мало скинскаго и еще менѣе еракійско-гетскаго, такъ что Нибурово Эракійское или Гетское царство по ту сторону Борисеена оказывается пустою свазкой и сновидѣніемъ. Въ Босфорѣ не имѣется ни одного, собственно еракійскаго имени, кромѣ Спартока и Перисада и, можетъ быть, Камосаріи въ первой царственной династіи и еще нѣкоторыхъ въ позднѣйшихъ, и притомъ это все имена, попадающіяся и во еракійскихъ царствующихъ домахъ, какъ только что упомянутые Спартокъ, Перисадъ и др. Родственности народовъ я не нахожу и одинаковость именъ должна была по этому произойти вслѣдствіе брачныхъ союзовъ. Почти всѣ имена ольвійскія и всѣ босфорскія, если не греческія, то меотійскія и въ то же время персидскія—фактъ, представляющійся мнѣ не лишенымъ важности, и съ этимъ стоитъ очевидно въ связи все савроматское" (стр. 256). Эготъ результатъ изслѣдованій Вѣка не могъ не заинтересовать его корреспондента, который пишетъ: "То, на что вы указываете въ послѣднемъ письмѣ, какъ на результатъ розысканій вашихъ о босфорскихъ именахъ—совпаденіе персидскаго и савроматскаго—безъ сомнѣнія важно въ высочайшей степени. Савроматы когда-нибудь должны были стоять въ тѣсной связи съ сѣверно-персидскими народами: сходство языковъ, образа жизни (и тѣ и другіе живутъ на коняхъ), послѣдовательный дуализмъ, доброе и злое, бѣлое и черное въ славянскихъ религіяхъ вполнѣ съ этимъ согласуются. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю я вашихъ разъясненій" (стр. 257).

Долго пришлось бы намъ утомлять вниманіе читателей, если бы мы захотѣли приводить всѣ другія данныя, заключающіяся въ перепискѣ Вѣка и Мюллера и имѣющія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ *Cognis Inscriptionum*. Полагая, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобъ указать на ихъ высокой интересъ и важность, переходимъ къ обзорнѣю тѣхъ свѣдѣній, которыя относятся къ другимъ ученымъ работамъ и предпріятіямъ Вѣка. Свѣдѣнія эти, сравнительно, гораздо болѣе скудны; тѣхъ не менѣе и въ нихъ мы нахо-

димъ не мало штриховъ, отгнѣяющихъ учевую дѣятельность Бѣка. Вотъ, напримѣръ, его взглядъ на свои хронологическія работы: „Черезъ нѣсколько недѣль я вамъ перешлю разсужденіе о Демосееновой Midiana съ курьезнымъ прибавленіемъ о времени Немейскихъ игръ; въ разсужденіи сначала была послѣдовательность, но я потомъ испортилъ ее поправками, и придать лучшій видъ не сумѣлъ.. изслѣдованіе это по преимуществу хронологическое; злополучная моя звѣзда приводитъ меня постоянно на это тернистое поле, на которомъ все поросло до такой степени безпорядочно, что нельзя надлежащимъ образомъ распутать вѣтви. Хотя и многіе, начиная съ Корсини, писали о хронологіи, однако она находится еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ географія, по вашему основательному сужденію. Чтò новые филологи ни воображали бы относительно своихъ работъ — всѣ глубокія розысканія въ области исторіи отстали чрезмѣрно“ (стр. 54). Сужденіе это весьма характерно въ виду тѣхъ спеціальныхъ хронологическихъ работъ и изслѣдованій, которыя были предприняемы и исполнены Бѣкомъ. Довольно много, и притомъ весьма любопытныхъ данныхъ сохранила намъ переписка о другомъ трудѣ Бѣка, его метрологическихъ розысканіяхъ. Начало ихъ относится къ 1836 году, когда Бѣкъ имѣлъ намѣреніе заняться пересмотромъ своего Staatshaushaltung der Athener. „Я“, пишетъ онъ 2-го августа 1836 г., — „обратился къ изслѣдованію сицилійской монетной системы и углублялся въ нее все болѣе и болѣе, но по мѣрѣ углубленія, встрѣчался все съ болѣшими трудностями... При этихъ исторіяхъ я ужасно много считалъ и производилъ много розысканій о вавилонскихъ, еврейскихъ, еврейскихъ, египетскихъ, сицилійскихъ, италійскихъ мѣрахъ и вѣсахъ; по моему убѣжденію, все это находится въ связи одно съ другимъ“ (стр. 370). А въ слѣдующемъ письмѣ; отъ 21-го сентября, Бѣкъ уже сообщаетъ своему другу общіе результаты своихъ розысканій: „Путемъ весьма утомительныхъ комбинацій и вычисленій я пришелъ къ весьма удивительному выводу относительно всей монетной и вѣсовой системы древности, выводу, который я считаю достовѣрнымъ, и изъ котораго кое-что хочу сообщить здѣсь вамъ. Всѣ регулированныя мѣры и вѣса идутъ изъ Вавилона; эгипетскій талантъ есть талантъ вавилонскій; до-Солоновскій аттический талантъ равенъ еврейскому, и еврейскій составляетъ $\frac{5}{6}$ эгипетскаго, и притомъ не приблизительно, а совершенно аккуратно; такимъ образомъ древнеаттическая мина содержитъ въ себѣ 138 $\frac{2}{3}$ Солоновскихъ драхмъ, а не 138, какъ я говорилъ прежде. Даже эту дробь ($\frac{2}{3}$) я могу

доказать точнымъ свидѣтельствомъ. Эгипетская кубическая мѣра опредѣлена по вавилонской; эгипетскій $\mu\alpha\tau\rho\eta\tau\iota\varsigma$ есть вавилонскій кубическій футъ. Содоновскія мѣра и вѣсъ опредѣлены, какъ мы видѣли по эгипетскимъ, въ пропорціи 3:5. Олимпійскій погонный футъ регулированъ по вавилонскому, и оба относятся другъ къ другу какъ $\sqrt[3]{\frac{3}{5}}$: $\sqrt[3]{\frac{3}{5}}$. Сицилійская литра есть половина эгипетской мины и относится къ римскому фунту какъ 10: 9; римская погонная мѣра нормирована по олимпійской, и притомъ по отношенію литръ, такъ что онѣ по теоріи относятся какъ $\sqrt[3]{\frac{3}{5}}$: $\sqrt[3]{\frac{3}{5}}$. Финикійскіе вѣсъ и мѣра являются посредствующими между Вавилономъ и Эгиной; финикійскій и еврейскій шикль есть эгипетская дидрахма, и еврейскій талантъ тождественъ съ талантомъ эгипетскимъ. Въ Египтѣ было двѣ погонныхъ мѣры: древнѣйшая—что весьма удивительно—тождественна съ олимпійскою, позднѣйшая же равна вавилонской. Въ Кароагенѣ была вавилоно-финикійская монетная проба: она встрѣчается въ Сициліи на ряду съ аттической, однако только въ позднѣйшихъ монетахъ, такъ что она не можетъ происходить отъ эгипетской. Древнѣйшія монеты Занкле, Гимеры, Регіума, Наксоса имѣютъ еврейскую монетную пробу, которая находится также и на Еубеѣ. Въ цѣломъ, все это представляется рядомъ свидѣній и фантазій; но все основывается на самыхъ точныхъ вычисленіяхъ и розысканіяхъ безъ всякой предвзятой мысли. Сначала, напримѣръ, я оставилъ совершенно въ сторонѣ Египетъ; и только подъ конецъ пришелъ къ необходимости изслѣдовать и египетскія мѣры; я изумился, когда нашелъ, что мѣра высоты Нила въ Елефантинѣ совершенно тождественна съ вавилонскою, которую я вычислилъ независимо отъ этого. Черезъ это рѣшается весьма замѣчательно масса вопросовъ. Такъ напримѣръ, при своихъ розысканіяхъ я по необходимости пришелъ къ вопросу, почему эгипетскій или вавилонскій талантъ имѣетъ именно такой объемъ, который ему приданъ, и оказалось, что это произошло не въ силу отношеній, предполагаемыхъ въ настоящее время, но совершенно согласно съ показаніями древнихъ о томъ, что эгипетско-вавилонскій талантъ есть не что иное, какъ вѣсъ вавилонскаго кубическаго фута дождевой воды. У меня въ чернѣ разработано все, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ, касающихся римской мѣдной монеты; эти отдѣлы трудны, но во всякомъ случаѣ все, что писалъ о нихъ Нибуръ, ложно. Даже его аргументація о томъ, что мѣдъ дѣлалась дороже по мѣрѣ того, какъ уменьшались ассъ, есть пустое

оболыщеніе" (стр. 372). Мы привели эту длинную тираду, между прочимъ, для того, чтобы показать, что въ разсматриваемой перепискѣ мы имѣемъ массу научнаго матеріала, заслуживающаго самаго внимательнаго изученія. Приведенныя строки не могли не возбудить вниманія Мюллера, и послѣдующія письма обоимъ друзьямъ (стр. 374 — 395) касаются различныхъ частнѣйшихъ вопросовъ древней метрологіи, сообщать которые гдѣсь мы не имѣемъ возможности; скажемъ только, что и при постоянномъ развитіи науки, письма эти полны большаго интереса и имѣютъ большое значеніе. Весною 1828 г. началось печатаніе Бѣковыхъ *Metrologische Untersuchungen*, и къ концу года окончено: „Какую гору работы оставляете вы опять позади себя!“ съ изумленіемъ восклицаетъ Мюллеръ (стр. 430). Его надеждѣ воспользоваться трудомъ Бѣка при чтеніи въ слѣдующемъ году „древностей“ не суждено было сбыться. Точно также не привелось ему видѣть и окончанія другаго большаго труда Бѣка — *Urkunden über d. Seewesen d. Attischen Staates*, свидѣнія о которомъ сохранились также въ разсматриваемой перепискѣ. Первое извѣстіе о находкѣ Росса въ Пирей мы встрѣчаемъ въ письмѣ Бѣка отъ 21-го юля 1835 г. „Найденная Россомъ надпись“, пишетъ онъ, — „по его словамъ, есть цѣлая книга, и я могъ бы на основаніи ея написать цѣлый третій томъ Государственнаго хозяйства. Въ послѣднемъ я сомнѣваюсь“ (стр. 349). Однако, получивъ снимки съ надписей, Бѣкъ тотчасъ занялся ими, и въ письмѣ отъ 15-го января 1839 г. сообщаетъ о своихъ работахъ слѣдующее: „Въ теченіе послѣднихъ недѣль я употреблялъ съ напряженіемъ все свое время на надписи неорій, и поэтому отложилъ въ сторону все остальное; работу надобно было сдѣлать за одинъ присѣсть для того, чтобы всегда твердо поминить различныя части, которыя всѣ стоятъ въ связи одна съ другою. Однако, у меня готово только вводное изслѣдованіе, которое, впрочемъ, есть самое главное и обвиняетъ собою всѣ самыя важныя результаты. Поэтому я объ отдѣльныхъ надписяхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, буду говорить по возможности кратко. Въ этомъ введеніи я изслѣдовалъ въ 15 отдѣлахъ назначеніе и общій объемъ документовъ, особый способъ ихъ составленія, опредѣлилъ время каждаго изъ нихъ, планъ и взаимное соотношеніе, изслѣдовалъ вопросъ о магистратурѣ и управленіи морскимъ дѣломъ, о корабляхъ и нѣкоторыхъ ихъ частяхъ, о докахъ и пр., разъяснилъ корабельныя сваряды, различныя формы триерархіи, обязанности триерарховъ и ихъ правовыя отношенія, и наконецъ, встрѣ-

чающіяся въ надписяхъ личности; я доволенъ тѣмъ, что распуталъ запутанныя данныя. Нѣтъ ни одного отдѣла, въ которомъ не было бы чего-либо новаго. Особенно много труда доставили мнѣ снаряды, но я разобралъ все, исключая того, что не знаю, что въ канатахъ значить *χαλκός*, который попадаетъ очень часто ¹⁾. Относительно числа гребцовъ на тріерахъ подтвердилось то, что я писалъ раньше: что на нихъ было 62 еранита, 54 зигита и 54 еаламита; кромѣ того, тріера имѣла еще 30 *κλάσ περιεφ*, которыя, вѣроятно, употребались съ палубы и обыкновенно были 9 — 9½ локтей длины. Изъ этого образчика вы можете видѣть, до какихъ деталей доходятъ надписи" (стр. 433). Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 14-го мая 1839 г., Бѣкъ сообщаетъ: „Время вплоть до апрѣля и даже часть его я употребилъ на переписку книги о морскихъ надписяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно своему характеру, который съ теченіемъ времени дѣлается все болѣе и болѣе нерѣшительнымъ, дополнял и исправлялъ; кромѣ того, я, безъ особенной для себя пользы, прочелъ нѣсколько новыхъ сочиненій о морскомъ дѣлѣ у древнихъ. Послѣ этого я началъ совѣщаться съ генералъ-лейтенантомъ Гелльвигомъ, который много занимался этимъ дѣломъ и обладаетъ техническими свѣдѣніями, но и это мало помогло. Корабли, большіе, чѣмъ пентера, и въ концѣ концовъ оставилъ, потому что я не могу объяснить ихъ новымъ способомъ. Вы мнѣ какъ-то писали, что одинъ ганноверскій офицеръ занимается морскимъ дѣломъ у древнихъ, и что вы принимаете участіе въ его изслѣдованіяхъ; мнѣ очень хотѣлось бы узнать объ этомъ ближайшимъ образомъ. Въ началѣ іюня я думаю начать печатаніе, по крайней мѣрѣ таблицы; начну ли я въ это же время и остальное, я еще не знаю" ... (стр. 435).

Опускаемъ свѣдѣнія о другихъ, мелкихъ работахъ Бѣка, изданныхъ имъ въ теченіе его переписки съ Мюллеромъ, и многочисленныя данныя о которыхъ также занесены въ его письма. Но считаемъ нужнымъ замѣтить, что и помимо этихъ работъ и возбуждавшихся по поводу ихъ ученыхъ вопросовъ, въ письмахъ того и другого ученаго есть много свѣдѣній о различныхъ специальныхъ пунктахъ, интересовавшихъ ихъ обонхъ; укажемъ, для примѣра, на вопросъ о демахъ (стр. 12, 16), объ оракулѣ Амфіарая въ Оивахъ (стр. 53, 56), о надписи, относящейся къ построенію храма Аенны Полиады (стр.

¹⁾ См. *Urkunden*, p. 167.

139, 146, 150), о Симоидѣ (стр. 278), о панаэонейскихъ вазалъ (стр. 307), о надписи аэонской, относящейся къ постройкѣ стѣнъ (стр. 351), и т. д. и т. д.

Въ началѣ нашей статьи мы сказали, что рассматриваемая переписка особенно любопытна тѣмъ, что знакомитъ насъ съ Бѣкомъ и Миллеромъ въ ихъ внутренней, такъ-сказать, закулисной обстановкѣ. Приведенныя выше выдержки отчасти подтверждаютъ это; но еще болѣе означенный характеръ переписки проявляется въ тѣхъ отзывахъ о другихъ ученыхъ, которые въ значительномъ количествѣ приводятся то тѣмъ, то другимъ изъ корреспондентовъ. Отзывы эти, а также и отношенія Бѣка и Миллера къ современнымъ имъ филологамъ и характерны, и поучительны, и любопытны; отзывы эти, сообщаемые въ конфиденціальной перепискѣ, не могутъ ни какимъ образомъ считаться пристрастными или вызванными посторонними обстоятельствами. Все это побуждаетъ насъ остановиться и на нихъ вниманіе читателей и представить имъ нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ изъ исторіи филологической науки въ Германіи въ первой четверти текущаго столѣтія. Въ общемъ, сужденія Бѣка и Миллера объ ученыхъ трудахъ ихъ современниковъ сходятся до мелочей и за немногими исключениями, о которыхъ будемъ рѣчь ниже, отличаются вѣрностью. Вотъ, на примѣръ, какъ отзывается Миллеръ о Шѣманиѣ и Ф. Раумерѣ: „Книга Шѣманна de Comitibus, безъ сомнѣнія, написана старательно, съ разсудительностію и вкусомъ; но его мнѣніе о Гелеонтахъ и равновѣсіи владычества жрецовъ и воиновъ вѣдь не поколебало же васъ въ вашихъ взглядахъ? Я объ этомъ много говорилъ съ Ф. Раумеромъ, резонирующій трудъ котораго о древней исторіи, безъ сомнѣнія, скоро выйдетъ въ свѣтъ. Авторъ кое-что изъ него прочелъ мнѣ, и многое показалось мнѣ весьма привлекательнымъ и поучительнымъ. Только онъ, какъ политикъ, слишкомъ придерживается tout compta chez nous, и не въ мѣру хочетъ приравнять нашия понятія странности древнихъ, особенно дорійскаго, государственныхъ устройствъ“ (стр. 46). Вотъ отзывъ Бѣка о Летроновѣ: „Подъ руками была у меня книга Летроניה объ Египтѣ...“) Лучше ея мнѣ давно не попадалось книгъ, написанныхъ Французами“ (стр. 128). О сочиненіи Преллера: Demeter und Persephone пишетъ Миллеръ: „Книга Преллера о Деметрѣ и Корѣ есть неудачное смѣ-

‘) Вѣроятно, ego: Recherches pour servir à l'histoire de l'Égypte pendant la domination des Grecs et des Romains. 1823.

шеніе равнородныхъ методъ, котораго мнѣ тѣмъ болѣе жаль, что, по моему мнѣнію, авторъ прежде стоялъ на хорошей дорогѣ" (стр. 386). О Карлѣ Фр. Германнѣ Вѣкѣ пишетъ: „На этихъ дняхъ я прочелъ рецензію на мои надписи, помѣщенную въ *Heidelberger Jahrbücher* вѣстникъ К. Ф. Германномъ. Молодой человѣкъ нельзя сказать, чтобы былъ глупъ или невѣжественъ; но люди совершенно не могутъ понять, какъ слѣдуетъ обращаться съ предметомъ, и что въ памятникахъ подобнаго рода не все можно сдѣлать совершенно вѣрнымъ" (стр. 242). „Изъ книги Тирша" ¹⁾, читаемъ мы также въ письмѣ Вѣка, — „я прочелъ до сихъ поръ только первое разсужденіе, которое въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ массу историческихъ предразсудковъ; я почти неспособенъ читать такіа книги, въ которыхъ изъ-за множества примѣчаній не возможно добраться до текста и нигдѣ нельзя слѣдить за связью." Его возраженія, и особенно противъ насъ, дѣйствительно не изъ мѣру надменни; мнѣ по крайней мѣрѣ именно ваша идея о ремесленномъ характерѣ занятія искусствомъ въ древнія времена, очень понравилась, и мнѣ показалось, что она самымъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшаетъ загадку. Разборъ этого сочиненія въ *Göttingische Gelehrte Anzeige*, думается мнѣ, мало поможетъ; при краткости статьи или нельзя совершенно выяснить дѣло, или можно еще обострить его черезъ колкости; между тѣмъ, въ особомъ сочиненіи можно основательно его извѣстить и черезъ это именно избѣгать горечи и остроты. Поэтому я совѣтовалъ бы вамъ послѣднее, не входя въ обсужденіе тона, который принялъ Тиршъ, и обративъ вниманіе лишь на надменность и высокомеріе, которыя господствуютъ въ его сочиненіи" (стр. 263) ²⁾. Характеризуемые мѣткими отзывами, проходятъ передъ нами: Вѣттихеръ, Панофка, Гергардъ, Осаниъ, Шлоссеръ, Як. Гриммъ, Ф. Лейчъ, К. В. Крюгеръ, Фриче, Еллендтъ, Клаусенъ, Клинтонъ, Рауль-Рошеттъ и многіе другіе. Въ виду особеннаго интереса и обилія давнихъ, мы остановимъ вниманіе читателей на отношеніяхъ Вѣка и Мюллера къ Диссену, Нибуру, Лобеку и Готфр. Германну.

Съ первымъ изъ нихъ — стариннымъ пріателемъ Вѣка и сослу-

¹⁾ Вѣроятно, его сочиненіе: *Ueber die Epochen der bildenden Kunst unter den Griechen*. München. 1825.

²⁾ Мюллеръ помѣстилъ обширную рецензію на это сочиненіе въ *Wiener Jahrbücher*, Bd. XXXVI, XXXVIII, XXXIX; то же въ *K. O. Müller's Kleine deutsche Schriften*. Breslau. 1848. II, p. 315 и сл.

живцемъ Мюллера по Гёттингену — обонхъ связывала самая тѣсная, искренняя дружба; нѣтъ почти ни одного письма, въ которомъ не было бы о немъ нѣсколькихъ строкъ. Но дружба Вѣка съ Диссеномъ, продолжавшаяся свыше двадцати лѣтъ, чуть, было не прервалась по слѣдующему обстоятельству: въ 1830-мъ году Диссенъ издалъ Пиндара съ обширнымъ экзегетическимъ комментариемъ; на это изданіе Бекъ въ *Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* ¹⁾ помѣстилъ рецензію, которая произвела весьма тяжелое впечатлѣніе на Диссена. Вотъ что пишетъ объ этомъ Мюллеръ: „Диссенъ получилъ ваше письмо вмѣстѣ съ рецензіей, которую онъ читалъ уже равьше. Но — я лучше всего сдѣлаю, если напишу вамъ прямо, такъ какъ Диссенъ высказался откровенно только мнѣ одному, и поэтому никто, кромѣ меня, не можетъ сообщить вамъ объ этомъ: — вашъ старшій, вѣрный другъ считаетъ себя глубоко оскорбленнымъ этою рецензіей (правда, и у меня было на счетъ ея маленькое сомнѣніе, но я былъ далеко отъ мысли, что она можетъ произвести такое впечатлѣніе). Диссенъ полагаетъ, что вы невѣрно и неточно передали его мнѣніе, и что публика можетъ составить себѣ дурное понятіе о его методѣ толкованія. Отдѣльныя выраженія, въ родѣ: „микроскопическое“ — чѣмъ его нѣкоторые здѣсь уже въ шутку дразнили — очень его оскорбили, и попытки заставить его допустить болѣе мягкое толкованіе еще болѣе портятъ дѣло. Само собою разумѣется, что я не на шутку старался о томъ, чтобы представить ему рецензію съ моей точки зрѣнія, чѣмъ та, съ которой онъ на нее смотритъ; говорилъ, что онъ долженъ ее понимать скорѣе, какъ споръ о первыхъ и глубже всего лежащихъ основаніяхъ толкованія художественнаго произведенія, какъ такового, чѣмъ какъ открытое или прикровенное сужденіе о состоятельности его интерпретации, которая, какъ онъ думаетъ, совершенно дискредитирована въ рецензіи. Конечно, съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе все положеніе и образъ жизни Диссена и не слишкомъ обвинять его въ такой обидчивости. Еслибъ онъ жилъ среди живой ученой дѣятельности и привыкъ бы къ нѣсколько рѣзкому и свободному характеру устныхъ преній, то безъ сомнѣнія, выдержалъ бы безъ боли небольшіе уколы рецензій, но онъ работаетъ и обдумываетъ цѣлые годы въ тиши и затѣмъ, для того чтобы убѣдиться въ резуль-

¹⁾ Напечатано въ *Boeckhs Gesammelte Kleine Schriften* VII. p. 369—404.

тѣхъ долгихъ трудовъ, прислушивается, преимущественно, къ вашимъ словамъ, которыя для него имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ слова всѣхъ другихъ людей, взятыхъ вмѣстѣ; поэтому совершенно естественно, что тутъ все производитъ на него такое впечатлѣніе, какое, при другихъ условіяхъ, было бы необъяснимо. Если вы спросите моего совѣта относительно того, что сдѣлать для того, чтобы отвратить опасность отъ прекрасныхъ дружественныхъ отношеній, то я не умѣю посоветовать ничего иного, какъ оставить все дѣло въ покоѣ. Онъ не хочетъ пускаться ни въ какія письменныя разъясненія; онъ полагаетъ, что уже писалъ объ этомъ довольно, и одно въ способѣ его пониманія можетъ легко объяснить другое. Кромѣ того, какъ я думаю, трудно выяснитъ окончательно въ длинныхъ письмахъ основной пунктъ; наша эстетическая рѣчь до такой степени запутана, что даже и при самыхъ добросовѣстныхъ стараніяхъ понять другъ друга, всюду могутъ пробраться недоразумѣнія. Если я могу себѣ позволить вторженіе въ ваши планы, то я сказалъ бы: оставьте рецензію безъ продолженія и постарайтесь направить Диссена къ правильному ея пониманію съ моральной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія вашего намѣренія и общаго характера всего предпріятія; убѣдить же его въ истинности ея содержанія не пытайтесь. Вслѣдствіе, быть можетъ, дѣло выяснится и съ этой стороны; а теперь Диссенъ еще слишкомъ погруженъ въ свою прекрасную и искусную теорію и не въ состоянн разсматривать ее извнѣ, безпристрастно. Что касается меня, то это разногласіе для меня тѣмъ болѣе непріятно, что я не въ состоянн броситься на одну сторону и постараться перевести одну партію къ другой. Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что собственный корень и основное единство стихотворенія заключаются въ взглядѣ на побѣду въ ея значеніи для всей жизни побѣдителя, вмѣстѣ съ его родомъ и отечествомъ. Вслѣдствіе того, что взглядъ этотъ своеобразно овладѣваетъ поэтомъ и его чувствомъ, возникаетъ основное настроеніе впечатлѣнія, основной тонъ, который, будучи приведенъ въ движеніе, образуетъ тихую мелодію, обозначающую чувству характеръ стихотворенія. Но природа поэзіи, какъ рѣчи, требуетъ понятнаго разрѣшенія этого воззрѣнія и настроенія, которое (разрѣшеніе) чаще всего, отдѣляясь отъ индивидуальнаго, выступаетъ въ эпической части, переплетающей цѣлое стихотвореніе. Спрашивается: не будетъ ли потребностью челоѣческаго духа стремиться и здѣсь къ единству и доискиваться въ цѣломъ основной мысли, соответствующей этому воззрѣнію, искать, такъ-сказать, закона,

капоя высшаго міра, въ который поэтъ вноситъ фактъ побѣды, и который (кановъ) здѣсь болѣе всего себя проявляетъ? Признаюсь, что когда Диссенъ говоритъ мнѣ объ этомъ тономъ полнѣйшаго убѣжденія, я чувствую себя склоняющимся къ этому воззрѣнію; самъ же по себѣ я не склоненъ разсматривать поэзію такимъ образомъ; а привимаюсь за новое изученіе Пиндара, специально для этой цѣли, я совершенно не имѣю времени. Тѣмъ болѣе будетъ для меня прискорбно если вы не будете продолжать вашу рецензію, потому что я надѣюсь почерпнуть изъ нея дальнѣйшія указанія; но здѣсь я долженъ совершенно умалчивать о своихъ собственныхъ желаніяхъ и имѣть въ виду единственно обязанности посредника въ этомъ дѣлѣ" (стр. 289).

Въ виду характерности, важности и интереса отвѣта Бѣка на это письмо, считаемъ нужнымъ сдѣлать изъ этого отвѣта нѣсколько обширное извлеченіе. „Не безъ основанія, дорогой другъ, чувствую я непреодолимое отвращеніе къ писанію рецензій, и если я продолжваю непреодолимое, то эта побѣда надъ собою ведетъ меня къ собственному пораженію. Письмо ваше возбудило во мнѣ по истинѣ горестное чувство. Первое, что мнѣ нужно было сдѣлать, это было перечитать свою рецензію; затѣмъ я еще и еще прочелъ нисьмо ваше. И теперь, едва ли я самъ знаю, что могу сказать, послѣ того, какъ я перечиталъ все и тамъ и сямъ, и вдоль и поперекъ; только я твердо остановился на мысли не писать Диссену до полученія отъ васъ новаго отвѣта и предоставить вамъ все, что вы захотите сдѣлать для того, чтобы подѣйствовать на него въ мою пользу. „Едва могу я собраться съ мыслями для того, чтобы указать точку зрѣнія, съ которой я писалъ рецензію; кромѣ того, я не вижу, чѣмъ можетъ помочь дѣлу изложеніе ея вамъ, такъ какъ вы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, судяте обо мнѣ совершенно такъ, какъ только я могу желать. Характеръ нашего журнала требуетъ общихъ взглядовъ, и я самъ вообще не склоненъ къ перечисленію, при рецензировааніи, мелочей, съ которыми я согласенъ или нѣтъ. Поэтому въ своей рецензій я старался изложить, какъ можно путемъ филологическимъ достигнуть общаго сужденія о поэтѣ и, въ предположеніи, что Диссенъ въ этомъ отношеніи, по выраженію скептиковъ, *ομότροπος* со мною, я старался только показать, какимъ образомъ можно, при однихъ и тѣхъ же положеніяхъ, достичь различныхъ результатовъ. Это я затѣмъ разъяснилъ на примѣрахъ. Въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ я вполнѣ призналъ, что Диссенъ сдѣлалъ шагъ

впередъ въ объясненіи, и только сдѣлалъ видоизмѣненія, вытекающія изъ различія взглядовъ на сущность-познѣи. Я чувствую, что приступилъ къ работѣ касательно ея содержанія — обдуманно и добросовѣстно, касательно ея изложенія — съ чувствомъ той дружбы, какую я питаю къ Диссену; потребовалось бы много бумаги, еслибы я захотѣлъ приводить здѣсь изъ рецензій всѣ доказательства послѣдняго. Меньше всего щадилъ я самого себя; нѣсколько разъ я прямо выразился, что мое объясненіе не достигло цѣли; но если, съ другой стороны, я утверждаю, что его объясненіе перешло эту цѣль, и ищу, какъ истинное, среднюю пропорціальную между тѣмъ и другимъ, то это онъ не можетъ считать чѣмъ-нибудь враждебнымъ: взваливать же на меня желаніе унижать его трудъ совершенно несправедливо, такъ какъ я вездѣ безъ исключенія признаю у него шаги впередъ и только имѣю нѣкоторыя сомнѣнія, по моему собственному выраженію, относительно общихъ взглядовъ и высказываю эти сомнѣнія издателя, къ которому питаю чувство тѣсной дружбы. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній не знаю въ самомъ дѣлѣ, что сказать болѣе; скажу только относительно двухъ пунктовъ, которые поразили меня въ письмѣ нашемъ: 1) Диссенъ жалуется на то, что и неправильно и неточно передалъ его мнѣніе. Можетъ быть, но я этого не знаю; если же я ошибся, то это есть ошибка моего разумѣнія. Я старался передать его мнѣніе и обыкновенно дѣлалъ это его собственными словами; однако я самъ болѣе, чѣмъ въ одномъ мѣстѣ сказалъ, что, можетъ быть, онъ думаетъ точно также, какъ и я, а болѣе этого, конечно, не возможно требовать отъ рецензента, но слѣдуетъ признать въ этомъ его желаніе быть согласнымъ съ рецензируемымъ. 2) Вы говорите объ уколахъ, небольшихъ уколахъ рецензій. Прочитавъ ее снова, я не могу найти совершенно никакихъ уколовъ, такъ какъ я скорѣе старался о томъ, чтобы дѣйствовать совершенно по дружбѣ; тамъ, гдѣ я высказываю взглядъ, кажущійся отступающимъ отъ его взгляда, я по возможности приписываю нашему любезному другу, что и онъ, можетъ быть, думалъ не такъ, какъ это выходитъ по заключенію рецензій. Единственное, на что вы указываете сами, есть то, что онъ обидѣлся выраженіемъ „микроскопическое“; это мнѣ тѣмъ болѣе прискорбно, что я долженъ вѣрить въ то, что оно его оскорбило; но я, съ своей стороны долженъ жаловаться на него за то, что онъ даетъ неблагопріятный смыслъ этому выраженію. Я долженъ побороть себя для того, чтобы ближайшимъ образомъ разъяснить мѣста, которыя — какъ я могъ думать, —

не могли дать повода къ превратному ихъ пониманію. Если я на первой страницѣ приписываю ему „своеобразно тонкую наблюдательность, которая, подобно микроскопу, открываетъ еще яснѣе очерки и органическіе члены тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ видитъ только массы“, то это по истинѣ есть величайшая похвала проницательности; я говорю, что черезъ такое рассмотрѣніе онъ открываетъ органическіе члены тамъ, гдѣ другіе видятъ только массы; при этомъ я имѣлъ въ виду анатома, который, при посредствѣ микроскопа, открываетъ тончайшія органическія расчлененія, сѣти и ходы нервовъ, управляющихъ жизнью тѣла и руководящихъ его движеніями. открываетъ тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ думаетъ видѣть массу мяса или студени. Но что же я говорю въ концѣ опять о микроскопическомъ? Я говорю, что толкователь долженъ разсматривать микроскопически, если онъ хочетъ выяснитъ то, что не узнавали въ теченіе тысячелѣтія; и это онъ умѣетъ дѣлать превосходно. Если я говорю, что онъ умѣетъ превосходно дѣлать то, что должно дѣлать, и если я признаю добытое имъ этимъ путемъ, какъ результатъ, до котораго не дошли въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, то это, по моему мнѣнію, есть величайшая похвала, которую я могу кому-нибудь воздать. Къ самому выраженію въ этомъ мѣстѣ я былъ, какъ мнѣ кажется, совершенно естественно приведенъ тѣмъ, что я обозначаю тѣ части, которыя должны быть разсматриваемы микроскопически, какъ скрытыя, стояція на заднемъ планѣ части картины, которыя простой глазъ узнаетъ не тотчасъ. Что пріатели говорили Диссену подобное въ шутку, мнѣ совершенно не извѣстно. такъ какъ я никогда не обращалъ вниманія на подобныя вещи; а что я самъ не шучу, это показываетъ весь контекстъ. Если Диссенъ, въ то время какъ я, съ полною увѣренностью въ его дружбѣ, неисчислимое количество трогательныхъ доказательствъ которой я имѣю, высказалъ свой взглядъ, не опасаясь возможнаго—или собственно говоря невозможнаго—перетолкованія; если Диссенъ думаетъ, что я надъ нимъ посмѣялся, то скорѣе я имѣлъ бы причины сдѣлать ему упреки, если бы я частію не долженъ былъ довольствоваться возможностью, путемъ молчанія, избѣгнуть перетолкованія, частію самое перетолкованіе не было бы для меня слишкомъ обиднымъ, и я не сталъ бы спорить о томъ, какая сторона въ немъ виновата. „Пересматривая то, что я написалъ, я въ самомъ дѣлѣ не вижу основаній, почему вы могли бы колебаться показать ему мою защиту, съ тою же откровенностью, которую вы мнѣ доказали. Ему не воз-

можно на меня сердиться за то, что я не могу убѣдить себя въ истинности всего, что онъ выставляетъ; точно также этого не могу отъ него требовать и я. Какъ я при этомъ дѣйствую, видѣли также и вы, когда были здѣсь. Я ищу критериума, по которому можно узнать, что думаетъ поэтъ; относительно этого я высказался и въ рецензии; если я не могу найти критериума для толкованія, если я не могу понять, какъ поэтъ могъ требовать, чтобы его понимали именно такимъ образомъ, то я не могу согласиться. Такимъ образомъ взвѣшивая я шагъ за шагомъ, принимаю все, изъ чего я думаю найти критериумъ, и не безъ досады сомнѣваюсь, когда нахожу у Диссена что нибудь, въ чемъ я не могу за нимъ послѣдовать. При этомъ онъ можетъ укорять меня въ близорукости, но не въ недостаткѣ дружбы. Укора въ невѣрной передачѣ его мнѣнія я не могъ и подозрѣвать, а большихъ извлеченій изъ его книги привести я не могъ, и потому извлекъ лишь кое-что, въ чемъ, какъ мнѣ казалось, заключается его мнѣніе. Конечно, я сказалъ не все, что сказалъ онъ, потому что я хотѣлъ раздѣлять содержаніе, но вѣдь не возможно обо всемъ говорить заразъ" (стр. 292). Письмо это, будучи показано Мюллеромъ Диссену, успокоило послѣдняго, и облако, пробѣжавшее между друзьями, скрылось: они остались въ искреннихъ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Любопытны тѣ мѣста изъ переписки, въ которыхъ упоминается про Нибура. Ему одинъ изъ корреспондентовъ, Мюллеръ, объявилъ былъ воодушевленіемъ къ занятію древнею исторіей и жизнью. Въ годы своего студенчества онъ ознакомился съ Римскою Исторіей Нибура, и подъ ея вліяніемъ приступилъ къ критической разработкѣ исторіи Нуми Помпилии и къ изслѣдованію о древнѣйшей національной римской поэзіи ¹⁾. Но при дальнѣйшемъ развитіи Мюллеръ разошелся съ великимъ историкомъ; никогда съ нимъ не сходилса и Вёкъ. Причина этому лежитъ какъ въ различіи взглядовъ на древность и на приемы занятія ею, такъ, главнымъ образомъ, въ характерѣ Нибура, болѣзненно раздражительномъ, не допускавшимъ противорѣчій и спора: тѣмъ не менѣе, оба—и Мюллеръ, и Вёкъ—отдалили полную справедливость его геніальности и признавали его заслуги. „Смерть Нибура“, пишетъ Мюллеръ 7-го января 1831 г.,—„безъ сомнѣнія, вась очень испугала и смутала. Я его собственно не любилъ,

¹⁾ Ranke, C. O. Müller, p. 4.

но тѣмъ не менѣе совершенно пораженъ его кончиной. Въ особен-ности печальнымъ кажется мнѣ то, что, какъ выходитъ изъ всѣхъ толковъ, раздражительность, въ которую онъ все болѣе и болѣе впадалъ, досада на все, что случалось, болѣе всего содѣйствовали его смерти" (стр. 297). Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Мюллеръ, какъ отзовется Нибуръ о первыхъ его трудахъ: Орхоменѣ и Дорянахъ. Вообще, не смотря на его собственное заявленіе о нелюбви къ Нибуру, въ его письмахъ мы встрѣчаемъ болѣе слѣдовъ симпатіи и уваженія къ знаменитому критику (стр. 249, 266 и др.), чѣмъ въ письмахъ Бѣка. Тотъ строже относился къ ученымъ трудамъ Нибура и, признавая его великія заслуги, какъ историка и политика, не особенно высоко ставилъ его какъ филолога и видѣлъ въ немъ недостатокъ ученой строгости и объективности. Характерны въ этомъ отношеніи слѣдующія строки изъ письма отъ 11-го марта 1827 г.: „Въ новой книжкѣ *Rheinisches Museum* Нибуръ представлялъ нелѣпное объясненіе надписи на шлемѣ Герова ¹⁾; я не понимаю, какъ при здоровомъ смыслѣ, можно напасть на такую глупость. Книжки я еще не имѣю, но у меня есть нѣсколько листовъ изъ нея, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщено и это; притомъ, Нибуръ сильно ошибся *in metrisis*, полагая, что *ragoetiācus* употребляется исключительно въ концѣ анапестической системы. Помимо того, что у драматиковъ и у Тиртея *Ἄρατ' ὁ Σκάρτας εὐάνθροο* встрѣчается одинъ за другимъ нѣсколько *ragoetiāci*, онъ не подумалъ о томъ, что этотъ метръ, какъ показываютъ самое его названіе и многіе примѣры, часто встрѣчается одинокимъ въ изрѣченіяхъ. Въ той же книжкѣ Нибуръ съ зростью напалъ на Ксенофонта и древнихъ любителей Спарты. Онъ никакъ не можетъ писать безъ страсти. Въ новомъ томѣ Римской Исторіи находится, какъ мнѣ кажется, очень много предположеній; я не понимаю, какъ онъ все еще можетъ защищать мнѣніе о томъ, что Геродотъ имѣетъ въ виду Кортонскихъ Тирреновъ и ив. др." (стр. 220; сравн. отвѣтъ Мюллера на стр. 223).

Если въ отзывахъ Мюллера и Бѣка о Нибурѣ мы и находимъ незначительную разницу, то мнѣнія ихъ о трудахъ Лобека и, въ частности, объ его *Aglaorhatus*, совершенно одинаковы; для правильной оцѣнки этихъ мнѣній слѣдуетъ принять во вниманіе, что

¹⁾ C. I. Gr. 16.

Мюллеръ и Лобека во взглядахъ на миеологию и методъ ея изученія стояли на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія. Основаніемъ взгляда Мюллера на миеологию было убѣжденіе въ полной зависимости миеа отъ мѣстныхъ условій, среди которыхъ онъ возникаетъ, отъ условій внутренней и внѣшней жизни того народа, который его производитъ; при этомъ, однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ, не отрицается и возможность внѣшняго, посторонняго вліянія. Миеологія, по убѣжденію Мюллера, есть выраженіе первоначальнаго народнаго міросозерцанія, обуславливаемого внѣшнею обстановкою, вслѣдствіе чего онъ приступаетъ къ ея изученію послѣ предварительнаго знакомства съ мѣстностью, въ которой живетъ народъ, съ окружающею его природою, съ его гражданскою и домашнею жизнью. Трезвый аналитическій умъ Лобека былъ далекъ отъ такого направленія миеологическихъ изысканій; его работы вращались исключительно въ хронологическо-генетическомъ изслѣдованіи источниковъ и въ удаленіи изъ греческой миеологіи всего символическаго, мистическаго, мечтательнаго: не забудемъ, что Лобека былъ противникомъ символики Крейцера, и его *Aglaophamus* направленъ главнымъ образомъ противъ теорій этого ученаго и его послѣдователей ¹⁾. Поэтому совершенно понятно, что онъ не сочувствовалъ взгляду Мюллера на миеа и высказывался противъ его толкованій ²⁾. „Отъ Лобека“, пишетъ послѣдній 17-го іюля 1827 г., — „время отъ времени доходить разсужденія, которыя также направлены противъ моихъ взглядовъ на объясненіе миеовъ. Очень жаль, что онъ въ одно и то же время и такъ ученъ, и до такой степени лишенъ пониманія древней народной жизни. Всѣ эти вѣрно сохранившіеся, скрупулезно передававшіеся обычай для него не что иное, какъ дурачества и карнавальныя шутки, а миеа... Что поэтому будетъ изъ греческой поэзіи, которая постоянно вновь разукрашивала такіа пустяки? У меня чешутся пальцы написать о неосновательности подобныхъ взглядовъ, но я хочу удержаться и на нѣкоторое время по возможности отстраниться отъ всего миеологическаго. Пусть они сперва выставятъ что-нибудь основательно, что было бы понятно и связано; говоря же только о повдѣйшихъ

¹⁾ Подробности читатель можетъ найти въ: *Mittheilungen aus Lobecks Briefwechsel herausgeg. v. L. Friedländer. Leipzig. 1861 p. 9 и сл. сравн. H. Köchly Gottfried Hermann. Heidelberg 1874, стр. 66 и 183.*

²⁾ См., напримеръ, *Auswahl aus Lobecks akademischen Reden herausgeg. v. A. Lehnerdt. Berl. 1865, стр. 98 и сл.*

вдумкахъ о жреческомъ обманѣ и т. под., они никогда не будутъ въ состояніи выставить что-нибудь реальное, въ которомъ лежало бы настоящее жизненное веро" (стр. 230, срав. стр. 232). Противники долго ждать себя не заставили: въ 1829 г. появился первый томъ Лобекова *Aglaorphanus sive de theologiae mysticae Graecorum causis*, и вотъ какое впечатлѣніе произвелъ онъ на Мюллера (письмо 11-го декабря 1829 г.): „Въ эти недѣли меня много занималъ *Aglaorphanus* Лобека, и я хочу написать нѣсколько подробную на него рецензію въ нашихъ листахъ¹⁾. Какъ много поучительнаго въ частностяхъ, и какъ оно незначительно, если спросить о научной связи дѣлаго. Какъ разъ розысканія о греческомъ годѣ въ эротологическомъ и миеологическомъ отношеніяхъ, предпринятія для моихъ лекцій, привели меня еще болѣе къ убѣжденію, какъ глубоко проникла и тонко раскрылась символика природы, лежащая въ основѣ всей греческой религіи. Можетъ быть, книга Лобека заключаетъ въ себѣ тотъ хорошій результатъ, что она показываетъ, до какихъ бессмысленныхъ предположеній доводитъ этотъ трезвый взглядъ; часто бываетъ хорошо, когда извѣстное воззрѣніе заострится для того, чтобы его остріе могло быть обломано. Polemическимъ тономъ книги я, что касается меня, совершенно доволенъ; вообще, человекъ представляется мнѣ совершенно почтеннымъ, если бы только у него было бы побольше чувства и пониманія" (стр. 265). Подобное же впечатлѣніе, только болѣе рѣзко высказанное, находимъ мы и въ письмѣ Вѣка отъ 21-го декабря 1829 г.: „И я въ послѣднее время читалъ *Aglaorphanus* для того, чтобы посмотрѣть, какихъ результатовъ достигаетъ авторъ, и вполне раздѣляю ваше мнѣніе. Признаюсь, часто я читалъ съ неудовольствіемъ, потому что односторонность и трезвость заходить слишкомъ далеко; думалъ я также написать рецензію, но отказался отъ этой мысли по многимъ основаніямъ. Внимательнѣе всего прочелъ я *Eleusinia*, отдѣлъ, въ которомъ менѣе всего находится пониманія дѣла. Изъ него, по устраненіи всѣхъ глупостей *St. Croix* и др., я еще болѣе убѣдился, что въ этихъ таинствахъ содержалась идея палинезиса въ формѣ аграрнаго культа. Это я хочу — если только вы не будете совершенно противъ — высказать въ предисловіи къ росписанію лекцій, которое, правда, посвящено другому вопросу, именно вопросу о замѣщеніи жреческихъ

¹⁾ *Göttingische Gelehrte Anzeige* 1830, № 13—15: то же въ *K. O. Müller Kl. deutsche Schr.* II. p. 54.

мѣсть. Такъ какъ у меня мало выписокъ, то я долженъ былъ писать это изслѣдованіе болѣе по припоминаніямъ, и послѣ того, какъ я уже въ него погрузился, увидѣлъ, что знаю о томъ меньше, чѣмъ полагалъ... Я привелъ въ немъ замѣчательную ошибку Лобека, именно его доказательство, что Елевсидіи сдѣлались знаменитыми только послѣ времени Солона или въ ту пору, и что до того времени Елевсинъ не былъ еще опредѣленно аттическимъ. До чего доводитъ прежнее увлеченіе Фоссомы! (стр. 267). Послѣ появленія 2-го тома сочиненія Лобека, Мюллеръ пишетъ: „Въ слѣдующей рецензій я постараюсь доказать, что происхожденіе орфиковъ отъ пивзгорейцевъ, какъ его понимаетъ Лобекъ, не возможно, и что онъ, говоря о самоеракійскомъ культѣ, не дѣлаетъ самыхъ естественныхъ комбинацій, увлекался бесполезною критикой множества отдѣльныхъ мелочей. Нигдѣ такъ ясно не видно, какъ въ сочиненіи Лобека, что необходимо сперва сдѣлать извѣстные опыты и наблюденія надъ своимъ собственнымъ умомъ и своею жизнью, необходимо пріобрѣсти внутреннее пониманіе, и только потомъ получить возможность освѣщать и соединять внѣшнія извѣстія и трудиться не понапрасну“ (стр. 275).

Приступая къ обзорѣнью тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ разсматриваемая переписка по отношенію къ знаменитому спору Бѣка съ Готфр. Германномъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы ограничимся выборомъ лишь самыхъ характерныхъ; приводить всю массу тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ мы читаемъ имя Германа, полагаемъ излишнимъ потому, что, въ общемъ, взгляды Бѣка и Мюллера на своего ученаго антагониста довольно опредѣлены и выясняются весьма хорошо изъ немногихъ, наиболѣе характерныхъ упоминаній. Но предварительно, считаемъ необходимымъ сказать два, три слова о самомъ спорѣ ¹⁾. Помимо своего частнаго, такъ-сказать, личнаго характера, онъ имѣетъ значеніе борьбы двухъ направленій въ филологической наукѣ—грамматико-критическаго и исторически-антикварнаго. Во главѣ перваго стоялъ гениальный лейпцигскій профессоръ, стяжавшій себѣ въ разсматриваемому времени знаменитость своею метрикою изданіемъ *Ogrika*, Плавтова *Trinismus*, греческихъ трагиковъ. Формально-критическая школа настаивала главнымъ образомъ на основательномъ знавѣи языка и метрики и ставила срединнымъ пунктомъ

¹⁾ Биографы Германа (О. Яль, Кехли) говорятъ о немъ весьма мало и ограничиваются только немногими фразами. Пользуемся для послѣдующаго прекраснымъ изложеніемъ О. Риббека: Fr. Wil. Ritschl I. Leipzig. 1879, p. 21

филологической дѣятельности тщательное изученіе и объясненіе источниковъ, укоряя, съ этой точки зрѣнія, противную партію въ дилеттантизмъ. Во главѣ этой послѣдней стоялъ Бѣкъ, стяжавшій себѣ знаменитость своими капитальными трудами по исторіи государственнаго хозяйства Аеннъ и по изданію *Cogrus Inscriptioinum Graecarum*; къ учителю примыкала дѣлая фаланга учениковъ и послѣдователей. Они нѣсколько свысока относились къ Германну, смотря на него, какъ на ученаго, занимающагося исключительно примѣчаніями и грамматическими формами и потому лишеннаго надлежащаго пониманія древней жизни. Разница во взглядахъ двухъ школъ сказывалась главнымъ образомъ въ оживленной полемикѣ, которая велась между ними и находила себѣ мѣсто въ журналахъ, предисловіяхъ къ ученымъ сочиненіямъ и отдѣльныхъ монографіяхъ и трактатахъ. Страстно преданный своей наукѣ, убѣжденный въ истинности своего метода и побуждаемый стремленіемъ раскрыть истину, Германнъ зорко слѣдилъ за движеніемъ своихъ антагонистовъ и велъ съ ними оживленные споры въ рецензіяхъ: на 1-ю тетрадь I-го тома *Cogrus*, на Бѣково изданіе Пиндара, въ предисловіяхъ къ отдѣльнымъ изданіямъ пьесъ Софокла и Эсхила, въ академическихъ монографіяхъ и т. д. Литературная полемика была открыта Бѣкомъ въ предисловіи къ его *Staatshaushaltung der Athener*, въ 1817 г., гдѣ онъ высказалъ укоръ „важнымъ грамматистамъ современности въ томъ, что они самодовольно ограничиваются критикой буквъ и слоговъ и все болѣе и болѣе отчуждаютъ филологію отъ жизни и отъ современнаго состоянія учепости. Германнъ принялъ укоръ по адресу и отвѣтилъ Бѣку рецензіей на I-й выпускъ *Cogrus*, ¹⁾ въ которой старался доказать, что столь громадное и трудное предпріятіе не по плечу издателю. Критика Германна, написанная довольно рѣзкимъ тономъ, была направлена къ тому, чтобы доказать, что Бѣкъ не обладаетъ ни надлежащимъ знаніемъ языка, ни методическими приѣмами, которые необходимы для успѣшнаго исполненія возложеннаго на него Берлинскою академіей наукъ предпріятія, и задѣвала Бѣка не только какъ ученаго, но и какъ лицо, не оправдавшее возлагаемыхъ на него ученою корпораціей надеждъ. Но сама критика, при всей ея рѣзкости, заключала въ себѣ слабые пункты,

¹⁾ Помѣщена, между прочимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями, сюда же относящимися (антикритикой Бѣва, объясненіями Г. Мейера) въ изданной самимъ Германномъ книгѣ: *Ueber Herrn Professor Breckh' Behandlung der Griechischen Inschriften*. Leipzig. 1826.

происходяшіе отъ того, что Германнъ никогда не занимался надписями *ex professo*, и которые дали Вѣку возможность, какъ въ своей антикритикѣ, такъ и въ отдѣльной монографіи (*Ueber die Logisten und Euthyenen* въ *Gesamm. Kl. Schr.* VII р. 262), показать некомпетентность своего рецензента.

За Вѣка вступились также его ученики: Мейеръ, Мюллеръ и др., и споръ разгорѣлся, принявъ довольно острый характеръ. Разсматриваемая переписка заключается, между прочимъ, два интересные документа, относящіеся къ началу полемики: это письмо Германина къ Вѣку о намѣреніи написать рецензію, которая не будетъ имѣть хвалебнаго тона и отвѣтъ Вѣка. Въ виду интереса юбокнх писемъ и ихъ важности для характеристики названныхъ ученыхъ, считаемъ умѣстнымъ привести письма *in extenso*. „Прошлой весною, дорогой мой другъ“, пишетъ Германнъ 6-го сентября 1825 г., — „вы прислали мнѣ первую тетрадь вашихъ надписей, за которую я васъ усерднѣйше благодарю. Передъ отъѣдомъ въ Карлсбадъ и Франценсбруннъ я могъ прочесть только первую надпись. По возвращеніи сюда я, еще не прочтя ничего далѣе, принялъ предложеніе написать на эту книгу рецензію въ здѣшней литературной газетѣ. Къ несчастію, я нашелъ, что мнѣ необходимо высказаться противъ васъ въ большей степени, чѣмъ я желалъ бы. Поэтому я могу предвидѣть, что вы, который, какъ кажется, переносите противорѣчіе гораздо менѣе, чѣмъ я, не будете довольны этою рецензіей, которая появится въ началѣ октября, не будете довольны точно также, какъ по слухамъ, недоволенъ г. Ланге моимъ разборомъ его Персовъ, какъ, по моему предположенію, недоволенъ Велькеръ рецензіей на его Трилогію, и какъ, говоря откровенно, недоволенъ и я самъ вашею обработкой надписей. Всюду я имѣю въ виду одну лишь истину, которую и высказываю по своему убѣжденію столь же откровенно охотно отказываюсь отъ мнѣній, ложность которыхъ докажутъ мнѣ другіе. Кто что-нибудь печатаетъ, тотъ, я полагаю, выставляетъ печатаемое на обсужденіе каждаго изъ публики. Чтѣ относится къ влигѣ, то имѣетъ мѣсто и при рецензіи, и только тотъ рецензентъ, который скрывается подъ завѣсой анонимности, можетъ надѣяться безнаказанно высказать ложь; хотя и это не всегда удается, какъ недавно горькимъ опытомъ убѣдился бѣдный Осаннъ черезъ отвѣтъ Дандорфа на его рецензію. И такъ, хотя моя рецензія вашей книги вамъ не понравится, однако изъ того, что я заранѣе въ этомъ признаюсь, вы можете заключать, что мои заявленія о вашихъ положеніяхъ и способѣ разработки надписей не будутъ имѣть никакого

вліянія на личное мое расположеніе къ вамъ...“ (стр. 173). Вотъ что отвѣчалъ Вѣкъ на это письмо: „Давно хотѣлъ я вамъ писать, дорогой профессоръ, но все откладывалъ, выжидалъ вашей рецензіи на мое изданіе надписей, о которой до меня дошло свѣдѣніе недѣли четыре тому назадъ. Ваше письмо... даетъ мнѣ ближайшій поводъ ускорить отвѣтомъ. То, что моя книга встрѣтитъ многообразное противорѣчіе, я предвидѣлъ, и какъ мнѣ кажется я знаю причины тому, которыхъ, во всякомъ случаѣ, вовсе не ищу въ какихъ-нибудь нечистыхъ намѣреніяхъ. Что касается вашей критики, то естественно, не прочти ея, я не могу знать, задѣваетъ ли она меня или нѣтъ; но я знаю то, что мой способъ разработки надписей былъ мною долго и зрѣло обдуманъ, и хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ мнѣ, можетъ быть, и хотѣлось бы кое-что переимѣнить, тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ, что приобретаю опытность и знанія, необходимыя для обсужденія, какъ отдѣльныхъ надписей, такъ и методы, которую слѣдуетъ при этомъ избрать. И я имѣю въ виду единственно и исключительно одну истину, но вслѣдствіе различія точекъ зрѣнія, одному истинною кажется одно, другому—другое. Противорѣчіе, опирающееся на основательныя нислѣдованія, и въ истинности котораго я могу убѣдиться, будетъ принято мною не съ меньшею готовностью, чѣмъ вами; это вы можете увидѣть изъ того, что на противорѣчія, мною не признаваемые за основательныя, я часто не отвѣчаю въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ; но когда я убѣжденъ, что на меня нападаютъ несправедливо, я считаю обязанностью, которую налагаетъ наука, защищать признаваемое мною за истину. „При моемъ глубокомъ уваженіи къ познаніямъ вашимъ, мнѣ прискорбно, что именно съ вами мои отношенія все болѣе и болѣе зачуждаются; однако я полагаю, что въ томъ, что пишу противъ васъ, не оскорбляю чувства моего личного къ вамъ уваженія. Доказательство этому представитъ вамъ прилагаемая при семъ бездѣлица, которую я рѣшился написать въ силу убѣжденія въ вашей ошибкѣ, а не изъ желанія во всемъ защищать свое мнѣніе, которое я не сталъ бы отстаивать, если бы былъ убѣжденъ, что оно опровергнуто. Но въ давномъ случаѣ этого нѣтъ, хотя вы съ увѣренностью и заявили объ этомъ въ предисловіи къ Oed. Colon., и я очень ошибся бы, если бы вы и сами не признали, что мои противники ошибаются. Неужели вы будете на меня сердиться за то, что я возражаю на возраженія? Я вноднѣ убѣжденъ, что если бы мы жили въ одномъ городѣ и имѣли возможность говорить другъ съ другомъ, то мы согласились бы преж-

де, чѣмъ одинъ взялся бы за перо, чтобы писать противъ другаго. „Но такъ какъ этого нѣтъ, то мы ведемъ постоянную войну, хотя я уже давно утомился отъ полемики. Поэтому я ожидаю и вашу рецензію въ предвидѣніи необходимости писать и противъ нея, если дѣло будетъ поставлено такъ, что я не буду въ состояніи молчать“ (стр. 174).

Вышеуказанный характеръ Германновой рецензіи не могъ не задѣть за живое Вѣка и еще болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на Мюллера; послѣдній видѣлъ въ рецензіи оскорбленіе челоуѣка, передъ которымъ онъ благоговѣлъ, какъ передъ горячо любимымъ учителемъ и другомъ; если мы припомнимъ впечатлительность натуры Мюллера, то не станемъ особенно рѣзко осуждать его за слѣдующія строки, вылившіяся изъ-подъ его пера непосредственно послѣ прочтенія рецензіи: „Ради Бога, не заключайте никогда мира съ этимъ какъ нахальнымъ, такъ и ограниченнымъ челоуѣкомъ; противъ такой односторонности и притязательности слѣдуетъ быть *κόλερος ἀντίστοχος καὶ ἄσπονδος*. Онъ воображаетъ, что со славою триумфовалъ надъ Буттманномъ, Нибуромъ, вами, Крейцеромъ, Велькеромъ и менѣе всего въ состояніи даже понять, на сколько знаніе древности расширено многими изъ нихъ. Ему не приходится въ голову разъяснить то, какую пользу уже оказала наукѣ первая тетрадь надписей своимъ содержаніемъ и разработкой, потому что онъ едва ли въ состояніи понять это надлежащимъ образомъ; поэтому онъ приписывается къ нѣкоторымъ спорнымъ пунктамъ, какъ будто въ каждомъ изъ его изданій не заключается еще болѣе смѣлыхъ измѣненій, которыя онъ предлагаетъ съ полною увѣренностью и затѣмъ немного спустя замѣняетъ ихъ совершенно другими. Въ данномъ случаѣ онъ дѣйствительно долженъ быть очень озлобленъ, потому что обыкновенно излагаетъ свое мнѣніе съ большою обстоятельностью и въ весьма поучительномъ тонѣ; тутъ же онъ снизошелъ до всякаго рода совершенно коварныхъ и пошлыхъ инсинуацій. Чтó вы думаете объ его, представляющемся мнѣ комическимъ, переводѣ: Ты не средній между Θρίαι и городомъ, гдѣ Гермесь¹⁾“

¹⁾ См. *Hermann, Ueber N. Pr. Boeckhs Behandl. d. griech. Inschr.* p. 52. Речь идетъ о С. J. Gr. 12, которую Векъ читалъ;

Ἐν μέσῳ γὰρ Θρίης τε καὶ ἄστεος, ἄνερ δὲ Ἐρμῆς
и которую Германнъ предлагалъ читать:

ἔς μέσον εἰ Θρίης τε καὶ ἄστεος ἄνερ δὲ Ἐρμῆς,
переводъ: du bist den halben Weg zwischen Thria und der Stadt, Mann, wo die Säule steht. *Ca. C. J. Attic.* 1 № 522.

„Оправдываться передъ Германномъ—не приведетъ, по моему мнѣнію, ни къ какому существенному результату. У него нѣтъ таланта переноситься въ чужой образъ мыслей и знакомиться съ его выводами. Можно стараться сколько угодно, онъ остается совершенно неподвижнымъ. А между тѣмъ, этотъ талантъ понимать другихъ есть какъ разъ талантъ филологическій и въ широкомъ смыслѣ историческій; поэтому я думаю, что можно не безъ основанія утверждать, что Германнъ, при нѣкоторыхъ выдающихся дарованіяхъ, собственно не удовлетворяетъ главному требованію, предъявляемому филологу. Какъ мало онъ понимаетъ и хочетъ понимать древнихъ, я явственно увидѣлъ при внимательной разработкѣ Гомеровскихъ гимновъ. Гимнъ Гермесу составленъ по совершенно особому способу, весьма отличному отъ Гомеровскаго; Германнъ выставляетъ правила, какъ онъ долженъ быть, и вслѣдствіе того совершенно его искажаетъ. Изъ превосходно составленнаго гимна Аполлону Пнейскому онъ дѣлаетъ два совершенно ничтожныя и вялые. Объ этомъ, впрочемъ, можно говорить очень долго. Больше же всего слѣдуетъ желать, чтобы когда-нибудь выступилъ ученый, который разсмотрѣлъ бы исторически и развилъ бы языкъ Эллиновъ въ цѣломъ его объемѣ и во всѣхъ его видовзмѣненіяхъ; черезъ это притязанія Лейпцигцевъ значительно ограничились бы сами собою, и филологія въ общемъ получила бы иной видъ. „Однако, я поступаю весьма неблагоуразумно, болтая передъ вами подобныя вещи, потому что вы, естественно, въ десять разъ лучше меня знаете особенности Германа и его отношенія къ остальной литературѣ; я дѣлаю это для того, чтобы облегчить сердце и имѣть возможность дать свободное движеніе своему негодованію“ (стр. 177).

Послѣ такого положительнаго и яснаго объявленія ученой войны не удивительно, если мы въ послѣдующихъ письмахъ Вѣка и Мюллера находимъ безпрестанныя выходы противъ Германа (стр. 192, 229, 231, 240, 272, 300, 305, 317, 329, 331, 333, 334, 337, 339, 341, 345, 349, 396 и мн. др.). Судить объ ихъ общемъ характерѣ можно по приведеннымъ выше выпискамъ, вслѣдствіе чего мы считаемъ излишнимъ приводить ихъ здѣсь. Скажемъ только, что въ началѣ полемикъ Германнъ имѣлъ дѣло съ однимъ Вѣкомъ и спорилъ единственно съ нимъ; если же изрѣдка (напримѣръ, въ предисловіи къ вышеупомянутой книгѣ Ueber d. H. P. V. Behandl. d. gr. Inschr.) и задѣвалъ другихъ, то дѣлалъ это вообще, не упоминая именъ. Въ открытую полемику съ Мюллеромъ Германнъ вступилъ, будучи вызванъ на это слѣдующими его строками, помѣщенными въ предисловіи къ переводу

Эммендъ: „Къ сожалѣнiю, я не могу питать надежду побудить къ новому обсужденiю нѣкоторыхъ предметовъ знаменитаго филолога, отъ котораго уже такъ давно ожидается новая рецензiя Эскила; кажется, что этотъ ученый уже заранѣе рѣшился осуждать все, что производятъ новая филологiя въ извѣстныхъ направленiяхъ, которыя лежатъ далеко отъ его собственнаго, и въ особенности если это производимое имѣетъ отношенiе къ Эскилу. Я не льщу себя мечтою сдѣлать изъ этого исключенiе, но а заранѣе самымъ энергическимъ образомъ протестую противъ того, что Германнъ диктаторскимъ тономъ учитъ насъ передъ публикой, какъ судья, у котораго просить приговора, и учитъ, не убѣдивъ насъ ни малѣйшимъ образомъ въ томъ, что онъ дѣйствительно обладаетъ пониманiемъ связи мыслей и плана какой-нибудь изъ Эскиловыхъ трагедiй и вообще какого-нибудь древняго поэтическаго произведенiя; а между тѣмъ, по нашему мнѣнiю, къ этому пониманiю, преимущественно передъ прочимъ, должна стремиться современная филологiя“. Въ связи съ этими словами стоитъ слѣдующая фраза изъ письма Мюллера къ Вѣку: „Полнѣйшая неспособность понять организмъ художественнаго произведенiя, есть дѣйствительно психологическая замѣчательность у Германна“ (ст. 300). Лейпцигскiй профессоръ поднялъ брошенную ему перчатку и въ рецензiи на книгу Мюллера старался отпаривать нанесенный ему ударъ. Борьба двухъ ученыхъ прекратилась вслѣдствiе кончины Мюллера, и, къ великой чести Германна, слѣдуетъ замѣтить, что литературная неприязнь не помѣшала ему публично воздать должный почетъ своему погибшему антагонисту: на собранiи филологовъ и педагоговъ въ Готѣ, въ 1840 г., Германнъ въ слѣдующихъ словахъ почтилъ память Мюллера:

„Уважаемое собранiе“, сказалъ онъ, — „если я хочу хоть до нѣкоторой степени оказаться достойнымъ того довѣрiя, которымъ вы меня почтили, то я обязанъ исполнить долгъ, который отъ меня требуется. Вы приписали мнѣ любовь къ истинѣ и справедливости. Ее должно прилагать къ себѣ и къ другимъ, къ другу и врагу, къ живому и мертвому. Много прекраснаго услышали бы мы въ эти дни, еслибъ Оттфридъ Мюллеръ не былъ похищенъ смертiю въ Грецию. При жизни, онъ былъ моимъ противникомъ, и даже сражался оружиемъ, которое употреблять не слѣдовало бы, и въ этомъ, еслибъ онъ былъ живъ, сознался бы онъ самъ; но никогда не отрицалъ я его заслугъ, и теперь, послѣ его смерти, чувствую себя обязаннымъ ихъ упомянуть, почтить и восхвалять. Такъ какъ я не могу сдѣлать это

собственными словами, то позвольте мнѣ прибѣгнуть къ чужимъ⁴. И при этомъ Германнъ прочелъ нѣсколько строфъ изъ стихотворенія на смерть Мюллера, которыя мы приводимъ въ переводѣ:

«Чего вмѣстѣ съ нимъ не лишилось человѣчество? Какой неутомимый, дѣлательный гений, посвященный въ глубины истины, искусства и знанія, такъ богатый въ слѣдъ и прелести своихъ проявленій! Погибли всѣ прекрасные, великіе дары, живое зерно которыхъ крылось въ немъ! Кто, такъ какъ онъ, будетъ впередъ питать человѣчество пищею и медвяными пятнами отдаленной древности?»

«Глубоко въ нее прозирая, онъ въ ней видѣлъ не одну бездушную форму муміи; онъ находилъ тамъ прекраснѣйшій цвѣтъ жизни, норму для человѣчества и для теченія времени. И какъ онъ умѣлъ отъ насъ колѣны сгибать, увѣнчанный богатѣйшимъ вѣнцомъ славы, такъ его образъ будетъ здѣсь чудомъ блистать и этотъ блескъ не омрачить никакое время.

«Явись, великій духъ, въ этихъ портретахъ! Тебя привѣтствуетъ горячій привѣтъ нашей любви. (Облоти и благослови нашу кружку и палечатѣй на нашихъ челъ прощальный подѣлуй! Какъ Аполлонъ, играющій на цитрѣ, съ усть котораго вѣетъ прелестью и вдохновеніемъ, является на Парнасъ вождемъ Музъ, такъ будь и ты намъ вѣрнымъ Музагетомъ!»)

19-го августа 1839 г. Мюллеръ писалъ Вѣку: „Мое путешествіе окончательно опредѣлено на начало сентабря... Быстро перерѣжу и верхнюю Италію, подольше остановлюсь въ Этруріи, Римѣ, въ которыхъ мѣстностяхъ Великой Греціи, и надѣюсь, Сициліи, затѣмъ я направлюсь въ Аѳины и оттуда объѣду Пелопоннесъ и Сѣверную Грецію и затѣмъ, если окажется возможнымъ, черезъ острова проберусь въ Малую Азію, вѣроятно—до Сарды. Главная моя цѣль есть цѣль историческая—ознакомиться ближайшимъ образомъ съ положеніемъ и способомъ древнихъ селитвъ и культурныхъ центровъ, со всѣмъ, что могло опредѣлять развитіе человѣчества; при этомъ однако съ охотою будутъ предпринимаемы всякія изысканія, которыя могутъ быть соединены съ этимъ...“ (стр. 437). Последнее письмо Мюллера помѣчено 3-го сентабря 1839 г., изъ Мюнхена. Безъ малаго черезъ годъ — 1-го августа 1840 г. — его не стало. Первые признаки недуга онъ почувствовалъ 4-го іюля въ Энвахъ, но черезъ нѣсколько часовъ былъ опять здоровымъ. Съ обычной тщательностію онъ изслѣдовалъ эмиссарій Конайскаго озера, развалины и надписи Орхомена, Фермопилъ и Дельфъ, куда онъ прибылъ 16-го іюля, и гдѣ прибылъ педѣлю. Во все это время онъ былъ бодръ, веселъ и дѣя-

---

Verhandlungen der dritten Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner. Gotha 1841, стр. 60.

телемъ, предпринималъ раскопки, расчищалъ стѣны, списывалъ надписи. При этомъ онъ открылъ подземную сокровищницу, о которой упоминаетъ Гомеръ, равно какъ и другія помѣщенія, имѣющія значительную важность; радость по поводу этихъ открытій помогала ему преодолевать утомленіе. Въ особенности тяжело было списываніе надписей, нерѣдко происходившее подъ палацкими лучами іюльскаго солнца; но на совѣты друзей побережь свое здоровье, Мюллеръ отвѣчалъ, что чувствуетъ себя превосходно. Только въ послѣднее утро своего пребыванія въ Дельфахъ, принявшись за сличеніе надписи, стоявшей вверхъ ногами, онъ вскорѣ долженъ былъ оставить работу, заявивъ, что ему необходимо отдохнуть: онъ чувствовалъ жаръ и головную боль, но послѣ непродолжительнаго сна, всталъ здоровымъ и занялся провѣркою нѣкоторыхъ измѣреній. На слѣдующее утро онъ пустился въ обратный путь. Мюллеръ чувствовалъ по временамъ утомленіе—и тѣмъ не менѣе продолжалъ свои наблюденія, время отъ времени онъ заявлялъ, что головная боль прошла, и что вообще, выбравшись изъ Дельфъ, онъ чувствуетъ себя лучше. 27-го іюля путешественники миновали Коронею, гдѣ Мюллеръ продолжалъ заниматься, хотя и жаловался часто на утомленіе; въ Теспійской долиніѣ онъ сталъ списывать надписи и заснулъ при этомъ; когда черезъ часъ проснулся, то присутствовавшіе замѣтили на его губахъ родъ судороги, которая ихъ очень озаботила и возбудила подозрѣнія въ серьезности недорозья ихъ спутника, скрывавшаго слабость силою воли. Отъ Теспій его положеніе сдѣлалось весьма серьезнымъ: онъ часто впадалъ въ обморокъ и поминутно требовалъ посторонней поддержки. Выѣхавшій на встрѣчу врачъ сначала не опредѣлялъ болѣзни, посоветовавъ только избѣгать движенія по солнцу, вслѣдствіе чего больной былъ привезенъ въ Аѳины ночью. Консилиумъ врачей констатировалъ страданія мозга съ злокачественною лихорадкой. Въ тѣ промежутки, въ которые больной выходилъ изъ дремоты, онъ увѣрялъ окружающихъ, что онъ совершенно здоровъ; но тотчасъ же послѣ этого имъ овладѣвалъ бредъ, въ которомъ онъ видѣлъ передъ собою чудные пейзажи, и желалъ ихъ срисовать. „Какимъ колонны, какой видъ!“ восклицалъ онъ. Вскорѣ однако онъ впалъ въ безсознательное состояніе и 1-го августа 1840 г. тихо скончался. Онъ погребенъ близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда находились академія Платона и гробница Эдипа.

III. Немилосердїй.

Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ.
Изданы Ю. В. Иверсеномъ. С.-Пб. 1877—1893. 5 выпусковъ въ 2 томахъ,
съ 58 таблицами списковъ съ медалями.

Появившійся съ 1877 года, выпусками, въ приложеніи къ Извѣстіямъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, многолѣтній трудъ Ю. В. Иверсена, заглавіе котораго мы выписали, нынѣ окончено. Сочиненіе это даетъ гораздо болѣе того, что оно обѣщаетъ. Кромѣ медалей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, авторъ описываетъ именныя и гербовыя жетоны и односторонніе медальоны съ изображениями разныхъ лицъ (въ числѣ которыхъ встрѣчаются даже исполненныя изъ дерева). Онъ не ограничивается исключительно медалями „въ честь государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ“, но описываетъ и медали, выбитыя въ память разныхъ событій, если на этихъ медаляхъ встрѣчаются имена русскихъ людей (напримѣръ, облейныя медали академіи художествъ и корпуса военныхъ топографовъ), и такія, на которыхъ не встрѣчается даже именъ (напримѣръ, медали въ память Ташенскаго мира или побѣды при Куверсдорфѣ). Наконецъ, къ числу русскихъ дѣятелей г. Иверсенъ присоединяетъ такія лица, которыя едва ли могутъ быть признаны Русскими (напримѣръ, предводитель восставшихъ Мадьяръ Бемъ, графиня Россъ, пѣвица Мендель-Федоръ и т. п.).

Указывая на это, мы не желаемъ однако ставить подобное расширеніе содержанія сочиненія противъ его заглавія въ вину автору; напротивъ того, онъ, какъ мы сказали, даетъ болѣе того, что можно отъ него ожидать, и было бы несправедливо считать это недостаткомъ книги.

Другое общее замѣчаніе, которое можно бы сдѣлать автору, касается плана его труда. Трудъ этотъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ именъ лицъ, въ честь или память которыхъ медали были выбиты: изложивъ вкратцѣ біографію лица, авторъ затѣмъ описываетъ медаль, на которой встрѣчается его имя, а какъ на нѣкоторыхъ медаляхъ помѣщалось иногда по нѣскольку именъ, то число составленныхъ авторомъ жизнеописаній достигаетъ 733, число же описанныхъ имъ медалей остается неизвѣстнымъ¹⁾. Подобный порядокъ изложенія, удобный для справокъ нумизматовъ и составителей

¹⁾ На таблицахъ, приложенныхъ къ сочиненію г. Иверсена, изображены 513 медали; сверхъ того, въ текстъ сочиненія 4 медали.

коллекцій, имѣеть однако малое научное значеніе. Было бы гораздо важнѣе расположить медали въ хронологическомъ порядкѣ ихъ выбитія или, по крайней мѣрѣ, сохранивъ принятую авторомъ систему, приложить особый хронологическій перечень медалей. Замѣчаніе это сдѣлано уже было г. Прозоровскимъ, разсматривавшимъ первый томъ сочиненія г. Иверсена по порученію Академіи Наукъ, и авторъ старается опровергнуть его тѣмъ (пред. къ т. II, стр. V), что „подобный указатель можетъ быть интересенъ лишь для исторіи медальернаго искусства, и что не всѣ медали могли бы быть въ него помѣщены, такъ какъ время изготовленія многихъ изъ нихъ можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно“.

Не говоря уже о томъ, что послѣднее положеніе не должно бы имѣть мѣста въ устахъ автора, такъ много потрудившагося на пользу нумизматики, потому что при изученіи и описаніи медалей одинъ изъ самыхъ главныхъ вопросовъ заключается именно въ опредѣленіи времени ихъ появленія, да притомъ и число медалей, описанныхъ самимъ г. Иверсеномъ и время которыхъ опредѣляется только приблизительно, ничтожно, время же чеканки большинства ихъ выяснено имъ—вопреки его утверженію—вполнѣ точно,—нельзя согласиться и съ тѣмъ, что подобное, хронологическое расположеніе медалей имѣло бы интересъ только для исторіи медальернаго дѣла. Напротивъ того, оно было бы не лишено значенія и въ общенсторическомъ отношеніи, служа матеріаломъ для характеристики извѣстной эпохи и указаніемъ на то, какія лица и какіе дѣяніи, труды и заслуги обращали на себя вниманіе и считались въ данное время достойными памяти. Сверхъ того, въ подобномъ хронологическомъ указателѣ времени появленія медалей было бы полезно отмѣтить и мѣсто изготовленія медалей, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, то-есть, объяснить, исполнена ли медаль въ Россіи или за границею, что могло бы дать поводъ къ небезынтереснымъ выводамъ. Результатомъ этого могло бы явиться, несомнѣннѣе пріятное для нашего народнаго самолюбія, заключеніе, что значительная часть медалей въ честь русскихъ дѣятелей (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, напримѣръ, Суворова) исполнены за границею.

По основной своей мысли, сочиненіе г. Иверсена имѣеть много общаго съ трудомъ Д. А. Ровинскаго „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ (С.-Пб., 1870). Приводя въ предисловіи къ своему словарю краткій общій перечень портретовъ лицъ, сохранившихся въ гравюрахъ, г. Ровинскій говоритъ (стр. XXIX), что „изъ этого не-

речня видно, какъ много замѣчательныхъ личностей русскихъ не вошло въ словарь портретовъ. Оно и не могло быть иначе при условіяхъ добраго стараго времени; что бы ни дѣлалось въ государствѣ, дурно ли, хорошо ли, все это приписывалось главѣ его. Отдѣльныя личности при этомъ ступеньвались, сливались съ толпою; народъ не зналъ ихъ, не зналъ, кому обязанъ тѣмъ или другимъ преобразованиемъ, и потому не любопытствовалъ имѣть портретъ того или другаго государственнаго дѣятеля. Да и саміе дѣятеля, привыкнувъ смотрѣть на себя съ той же точки и подчиняясь силѣ вещей, не находили нужнымъ заботиться о сохраненіи по себѣ памяти. Исключеніе изъ этого правила составляютъ люди военнаго званія, прославившіея своими боевыми подвигами, имѣвшими для народа осязательное значеніе. „Мы, Русскіе“, говоритъ г. Ровинскій въ другомъ мѣстѣ (ib., с. III),— „не берегли прошедшаго, да и мало заботились о томъ, останется ли о насъ память дѣтямъ. Сколько замѣчательныхъ личностей русскихъ не вошло въ словарь, за немѣнимъ гравированныхъ портретовъ; за то иностранцы, служившіе въ Россіи, перевели словарь своими изображеніями; самый ничтожный изъ нихъ оставлялъ десятки портретовъ въ назиданіе потомства“. Почти то же самое можетъ быть сказано и о матеріалѣ, которымъ располагалъ для своего труда г. Иверсенъ. Медальная исторія Россіи, которую онъ разрабатываетъ, представляетъ значительныя пробѣлы и пропуски многихъ почтенныхъ русскихъ именъ.

Русскія медали являются только со времени Петра Великаго; до-петровская Русь не знала ихъ вовсе¹⁾, да и число медалей, явившихся при преобразователѣ, ничтожно. Къ числу ихъ принадлежатъ только медали: 1) пожалованныя Шенелеву за участіе въ Троицкомъ походѣ съ княземъ Голицынымъ 1683 года (№ 139 и 667); 2) въ честь графа Головина, выбитая вѣроятно во время пребыванія его въ Голландіи при великомъ российскомъ посольствѣ (№ 146); 3) односторонній медальонъ князя Якова Долгорукова 1703 г. (№ 201); 4) пожалованная капитану Симонтову за дѣло Таганрогской гавани (№ 531), и 5) шведская медаль съ именемъ графа В. П. Шереметева (№ 668)²⁾.

При преимуществахъ Петра Великаго до императрицы Екаторины II

¹⁾ Г. Иверсенъ описываетъ жетоны въ память Герберштейна и медалі Юрія Минина, но это медали не русскія.

²⁾ Не говоримъ объ описанныхъ г. Иверсеномъ медаляхъ съ именами Левенгаупта, Паткуля, Пяпера и Рейнвальда: это шведскіе дѣятеля.

число медалей, выбитыхъ въ честь частныхъ лицъ, также незначи- тельно, и только царствованіе Екатерины составляетъ эпоху въ рус- скомъ медальерномъ дѣлѣ. Надо вообще замѣтить—скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Забѣлянымъ ¹⁾,—что екатерининское время отличалось именно особенною охотою—всякое событіе, даже и совсѣмъ рядовое, украшать веселыми и роскошными празднествами и пиршествами, преимущественно маскарадами и фейерверками. Кромѣ того, событія эти изображались на гравюрахъ и сохранялись на память потомству въ медаляхъ. Въ 1772 году учреждены были два комитета для со- ставленія медальнической исторіи Россіи, которые и выработали длин- ный списокъ дѣяній Екатерины, достойныхъ изображенія на меда- ляхъ, и часть которыхъ дѣйствительно и была исполнена ²⁾. Затѣмъ медали этого времени, описанныя г. Иверсеномъ, могутъ быть раз- дѣлены на двѣ категоріи: а) наградныя медали, жалованныя преимущ- ественно чинамъ казачьихъ войскъ за боевыя подвиги, и б) ме- дали, битыя по какому-либо отдѣльному случаю.

Что касается медалей первой категоріи, то г. Иверсенъ посвя- тилъ имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отдѣльное сочиненіе; ннѣ даппыя, имъ добытыя, являются въ пополненномъ видѣ, хотя трудно сказать, чтобы подобныя медали были описаны имъ всѣ. Впрочемъ, медали эти, жалованныя для пошенія и, лицевая сторона которыхъ всегда одна и та же, имѣютъ ближе значеніе орденскихъ знаковъ, чѣмъ „медалей въ честь“ какого-либо лица.

Что касается медалей второй категоріи, то онѣ увѣковѣчиваютъ воинскія дѣянія Грейга, Алексѣя Орлова, Потемкина, Румянцева, Суворова; упоминаютъ о прекращеніи Григоріемъ Орловымъ москов- ской чумы, о пребываніи въ Россіи графа Фалькенштейна, о при- соединеніи, трудами Потемкина, къ Россіи Крыма, объ учрежденіи Вецкимъ и Демидовымъ воспитательныхъ домовъ и больницъ, объ участіи графини Чернышевой въ придворной карусели и т. д.

Царствованіе Павла I прошло, въ отношеніи медальнаго дѣла, безслѣдно; по крайней мѣрѣ въ книгѣ г. Иверсена мы не нашли ни одной медали, выбитой въ Россіи въ это время въ честь частнаго лица, включая нѣсколькихъ наградныхъ медалей лицамъ купческаго званія.

¹⁾ Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. М. 1873, т. II, стр. 497.

²⁾ Объ этихъ комитетахъ см. статью А. И. Артемьева въ III т. *Записокъ Им. Русск. Археол. Общества*.

Время императора Александра I также оставило не много медальныхъ памятникѡвъ. Даже великія дѣянія полководцевъ войны отечественной не заслужили медалей. Встрѣчаются, правда, односторонніе медальоны Витгенштейна, Кутузова, Платова, но медалей, выполненныхъ въ ихъ честь въ то время въ Россіи, не нѣбета.

Наконецъ, въ царствованіе Николая I и Александра II, русскія медали усвоиваютъ себѣ исключительно формальное значеніе памятникѡвъ юбилейныхъ. Таковыхъ медалей описано г. Иверсеномъ очень много, и ихъ можно раздѣлить на три разряда. Къ первому разряду относятся медали въ память юбилея разныхъ учрежденій, на которыхъ встрѣчаются имена лицъ, связавшихъ свою дѣятельность съ этими учрежденіями. Таковы, напримѣръ, юбилейныя медали академіи художествъ и корпуса топографовъ, изъ которыхъ на первой выбиты имена 86, а на второй имена 81 лицъ. Ко второму разряду относятся медали въ память юбилея разныхъ лицъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ красуются памятники 50-лѣтней безпорочной службы. Затѣмъ идетъ рядъ медалей въ память пасторовъ¹⁾, врачей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ, преподавателей и писателей. Число послѣднихъ, впрочемъ, очень ограничено. Изъ писателей встрѣчаются медали только въ память Герцена, Жуковского, Крылова, Ломоносова и Пушкина. Напрасно стали бы мы искать здѣсь Державина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева. Ихъ нѣтъ, но за то служивое сословіе оставило по себѣ прочный слѣдъ. Въ книгѣ г. Иверсена находимъ мы, между прочимъ, описаніе жетона, который *Θ. Θ. Треповъ* дарилъ своимъ сослуживцамъ по десятилѣтней полицейской службѣ въ Петербургѣ (№ 599), и описаніе медали, поднесенной Адольфу Яковлевичу Губенету его подчиненными „въ память сослуженія по департаменту государственнаго казначейства, 1874—1880 г.“ (№ 712). Къ третьему разряду относятся медали въ память семейныхъ событій, преимущественно бракосочетаній и брачныхъ юбилеевъ. Впрочемъ, на этихъ медаляхъ встрѣчаются большею частію польскія и остзейскія фамиліи. Наконецъ, отдѣльную группу составляютъ медали, выбитыя съ именами лицъ, участвовавшихъ въ революціонныхъ движеніяхъ. Къ числу такихъ принадлежатъ медали съ именами Вакунина

¹⁾ Медалей въ честь духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія или съ ихъ изображеніями не нѣбета вовсе. Описанная г. Иверсеномъ (№ 790) доска съ изображеніемъ *Θеодосія* (*Θеодора Яновскаго*) не принадлежитъ, строго говоря, къ числу медалей.

(№ 705), Веи и Дембинскаго (№ 3 и 178), Врублевскаго (№ 101), графа Гауке-Восака (№ 113), двухъ Домбровскихъ (№ 202 и 203), Жимирскаго, Каминскаго, Кичкаго, Мицельскаго, Скаршевскаго и Совинскаго (№ 540) и наконецъ, Ипсиланти (№ 247).

Кромѣ историческаго и археологическаго значенія, трудъ г. Иверсена представляетъ интересъ и въ отношеніи иконографическомъ. Святлыя съ медалей или медальоновъ изображенія дополняютъ собраніе русскихъ портретовъ, которыми мы вообще не богаты, и на изученіе которыхъ обращено въ послѣднее время вниманіе.

Большая часть медалей, описанныхъ г. Иверсеномъ, изображена на приложенныхъ къ его сочиненію таблицахъ, гравированныхъ г. Кастелли, и всѣ описаны очень тщательно. Кто знаетъ, какъ трудно добываются у насъ біографическія свѣдѣнія, легко пойметъ какихъ усилій стоило автору составленіе краткихъ жизнеописаній тѣхъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на медаляхъ. Въ видахъ лишь нѣкотораго дополненія къ интереснымъ розысканіямъ г. Иверсена, представляемъ слѣдующія частныя замѣтки:

№ 15, докторъ Ашъ. Странная мысль Аша выбить медаль въ собственную свою честь забавляла его современниковъ. Нѣкто Пиваръ, бывшій гувернеромъ князя А. В. Куракина, сообщалъ своему ученику, путешествовавшему за границею, слѣдующія подробности объ этой медали въ письмѣ 22-го ноября 1781 года ¹⁾: „Докторъ Ашъ, служившій въ Москвѣ во время чумы, при тамошнихъ чумныхъ лазаретахъ, вообразилъ, что публика недостаточно оцѣниваетъ его искусство и усердіе, а потому, желая обезсмертить самъ себя, отчеканилъ на свой счетъ бронзовыя медали, на которыхъ съ одной стороны изображенъ бюстъ Меркурія съ его атрибутами, а на другой его собственный съ надписью: „Онъ избавилъ Москву отъ чумы“. Если Греція, сооружавшая статуи праотцу медицины за то, что онъ предохранялъ ее отъ этого бѣдствія, вычеканила бы въ честь его нѣсколько медалей, мы имѣли бы теперь удовольствіе созерцать изображеніе этого великаго мужа; но г. Ашъ не пожелалъ лишити своего потомства этого наслажденія и потому оказалъ ему этими медалями, которыми онъ раздавалъ всѣмъ даромъ, немалую услугу. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть для собирателя древностей сороковаго вѣка болѣе драгоценная вещь, чѣмъ медаль, на которой будетъ изображенъ ликъ знаменитаго доктора Аша, въ которомъ, однако, врачи-

¹⁾ *Русск. Старина* 1870 г. Т. I, стр. 313.
часть ССКХІ, отд. 2.

современники не открываютъ ни опытности, ни гениальной наблюдательности Гипократа. Но что ему до этого? Онъ созналъ, что легче отчеканить медаль, чѣмъ написать хорошее сочиненіе, а потому и избралъ этотъ первый, единственно ему доступный способъ, чтобъ увѣковѣчить свою славу во вредъ наукѣ¹⁾.

№ 33, графъ Вестужевъ-Рюминъ. При описаніи медали въ память Нейштадтскаго мира не упомянута подробность, записанная въ дневникѣ Порошина, бывшаго воспитателемъ цесаревича Павла Петровича, подъ 19-го декабря 1764 г.: „Графъ Вестужевъ прислалъ Его Высочеству медаль, которую онъ въ бытность свою министромъ въ Копенгагенѣ велѣлъ сдѣлать послѣ Нейштадтскаго миру въ 1721 г. Въ Копенгагенѣ вѣрѣвали штемпель, однакожь бить не дозволяли. Тамошнее министерство почло себя за предосудительное, что въ надписи на медали упоминается о государѣ: всему сѣверу даровалъ миръ. Графъ Вестужевъ принужденъ тогда былъ оной штемпель послать въ Гамбургъ, гдѣ чрезъ нѣсколько времени, набивъ медалей, къ нему въ Копенгагенъ прислали. Онъ сдѣлалъ у себя пиръ и раздавалъ оныя медали датскимъ министрамъ. Послѣ, отъ государя получилъ за то собственноручное благодарительное письмо изъ Дербента“.

№ 64. Медаль въ честь Вуляскаго изображена была при книгѣ „Юбилей 50-лѣтней медицинской службы И. В. Вуляскаго“ (С.-Пб. 1865, in-4°), гдѣ приложены и два его портрета, одинъ литографированный, а другой—исполненный способомъ Коласа.

№ 125. При описаніи медали съ именемъ Герстнера въ память учрежденія Царскосальской желѣзной дороги не упомянута свѣдѣніе, что медаль эта, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не удостоилась однако высочайшаго одобренія, и раздача ея была воспрещена¹⁾.

№ 164. При описаніи медали въ память С. К. Грейга слѣдовало бы сказать, что эта медаль выбита какъ посмертная награда за подвиги адмирала. Въ росписи награжденій, послѣдовавшихъ 8-го сентября 1790 г., въ день празднованія Верельскаго мира со Швеціей, сказано: „въ память трудовъ и службы покойнаго адмирала Грейга въ двухъ войнахъ повелѣвается вытѣснить медаль“²⁾.

№ 276. Медаль въ честь Княжевича изображена была при книгѣ: „Юбилей министра финансовъ д. т. с. А. М. Княжевича“. С.-Пб. 1861.

№ 345. При описаніи медали въ честь князя Лобанова не ука-

¹⁾ Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. С.-Пб. 1877, стр. 492.

²⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости. 1790 г. № 75.

зава статьи о ней барона Кене въ *Revue de la numismatique belge*. 1866, 2-me livr. p. 243 (4-e série, t. IV).

№ 431. Надпись на медали въ память Чесменской битвы избрана была самою императрицей Екатериной и съ измѣненіемъ одного слова, заимствована изъ Евангелія отъ Луки (гл. I, ст. 14). Описывая эту медаль, императрица говоритъ, что „портретъ графа Алексѣя поразительно похожъ; одежда его на этой медали именно та, которую онъ носить находясь во главѣ кавалергардовъ въ высокочортественные случаи“¹⁾.

№ 195. Надпись на оборотной сторонѣ медали въ память столѣтія Московской Екатерининской больницы заимствована изъ именнаго указа 12-го августа 1776 г. московскому оберъ-полицеймейстеру Архарову объ учрежденіи этой больницы²⁾.

№ 424. Невѣрно объяснено, что медаль въ честь принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго выбита была Императорскимъ Александровскимъ лицеемъ, праздновавшимъ въ 1868 году пятидесятилѣтіе своего существованія. Лицей праздновалъ 50-ти лѣтній юбилей 19-го октября 1861 г., и по этому случаю дѣйствительно выбита была медаль, которая и описана самимъ г. Иверсеномъ въ его сочиненіи „Медали въ память событій 1855—1880 г.“ (№ 24)³⁾. Медаль же, нынѣ описанная г. Иверсеномъ подъ № 424, выбита въ память 25-ти лѣтняго попечительства принца надъ лицеемъ. Сверхъ того, не вѣрно сказано, что принцъ изображенъ на медали въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ: онъ изображенъ въ мундирѣ Преображенскаго полка и никогда не носилъ званія генераль-адъютанта. Самые годы, выбитые на медали, скопированы ошибочно: вмѣсто 1815—1868 должно быть: 1843—1868.

№ 484. Жетонъ графа А. К. Разумовскаго, гдѣ онъ названъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и посломъ въ Вѣнѣ, выбитъ, по мнѣнію г. Иверсена, послѣ 1797 года. Но такъ какъ Разумовскій назначенъ сенаторомъ 20-го декабря 1800 г. и посломъ въ Вѣну (вторично) 10-го мая 1801 г.⁴⁾, то ясно, что и описываемый жетонъ относится не ранѣе какъ къ этому послѣднему году.

№ 654. Изъ описанія карусели 1766 г., помѣщеннаго въ при-

¹⁾ Письма ея къ Велье. *Сб. Имп. Р. Ист. Общ.* XIII, 120 и 144; письмо къ графу И. Г. Чернышеву. *Р. Арх.* 1881 г., № 9, стр. 1311.

²⁾ П. С. З. № 14,357.

³⁾ Въ книгѣ: Императорскій Эрмитажъ 1855—1880. С.-Пб. 1880.

⁴⁾ *Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ.* С.-Пб. 1888, III, 377 и 386.

бавленіи къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1766 г. № 51, не видно, чтобы графиня Чернышева получила „первую прешію красоты“, какъ говоритъ г. Иверсенъ; она получила ее за „пріятнѣйшее пороство“.

Въ заключеніе остается сказать, что почтенный трудъ г. Иверсенъ составляетъ выдающееся въ нашей литературѣ явленіе: онъ вполне исчерпываетъ вопросъ о медаляхъ съ именами русскихъ частныхъ лицъ и навсегда останется необходимою книгою не только для нумизматовъ, но и для изучающихъ вообще русскую исторію. Въ дополненіе къ этому труду г. Иверсенъ обѣщаетъ издать особое изслѣдованіе объ адресныхъ жетонахъ, денежныхъ знакахъ и наградныхъ медаляхъ, на которыхъ встрѣчаются рѣзанныя въ глубь имена лицъ, получившихъ ихъ. Позволяемъ себѣ выразить надежду, что это сочиненіе не заставитъ себя долго ждать.

Д. Кебеле.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (Опытъ историческаго изслѣдованія). С. Голубева. Томъ I. Кіевъ. 1883.

Передъ нами громадный томъ въ 8-ю д. л., въ 1162 страницъ, раздѣленный на двѣ части, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ собственно историческое изслѣдованіе о Петрѣ Могилѣ и его сподвижникахъ, а вторая—приложенія или матеріалы для исторіи западно-Русской церкви, относящіеся къ избранной для изслѣдованія эпохѣ. Обѣ части, конечно, должны были имѣть, по намѣренію автора, тѣсную органическую связь между собою; но связь эта не вездѣ одинакова, а мѣстами и вовсе не видна. Произошло это отъ того, что приложенія или матеріалы стали печататься гораздо раньше самаго изслѣдованія, съ 1878 года (въ Трудахъ Кіевской духовной академіи), когда, по видимому, еще не опредѣлился со всею точностью и строгостью самый предметъ изслѣдованія и его подробности. Поэтому матеріалы даютъ гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось отъ нихъ предметомъ изслѣдованія. Нѣкоторые документы, вслѣдствіе ошибочности первоначальныхъ предположеній автора, оказываются теперь совершенно излишними, какъ наприимѣръ, одобрительное свидѣтельство, данное обывателями Пинскаго повѣта Дятеловецкому игумену Василю Копыстенскому 30-го ноября 1627 года. Приложенія снабжены историческими примѣчаніями; но эти примѣчанія

въ настоящемъ видѣ нерѣдко представляются повтореніями текста вслѣдованія, какъ напримѣръ, на стр. 259, 283, 299 и др. во второй части книги.

Въ приложеніяхъ или матеріалахъ помѣщено 100 документовъ, которые, за исключеніемъ четырехъ или пяти случаевъ, являются въ печати въ первый разъ. Авторъ собиралъ ихъ не только въ Кіевѣ, но и въ Москвѣ, Петербургѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Краковѣ, Перемышлѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ, и дѣйствительно, нашелъ и издалъ весьма много цѣннаго историческаго матеріала, относящагося къ избраннымъ предмету и эпохѣ. Правда, матеріалъ этотъ еще до выхода въ свѣтъ настоящей книги былъ въ значительной мѣрѣ принятъ къ свѣдѣнію покойнымъ Московскимъ митрополитомъ Макаріемъ въ его XI томѣ „Исторіи Русской Церкви“, гдѣ обзору дѣятельности Петра Могилы отведено обширное мѣсто; но нужно замѣтить, что въ этомъ обзорѣ авторъ пользовался названнымъ матеріаломъ именно въ сборникѣ г. Голубева и изъ его частныхъ монографій объ эпохѣ Петра Могилы.

Разсмотрѣніе 2-й части книги г. Голубева убѣждаетъ насъ въ томъ, что многіе изъ документовъ заданы, къ сожалѣнію, неисправно, и объясняется это не только свойствомъ самихъ документовъ, иногда испорченныхъ и полуистгввшихъ, но отчасти и слѣпностію работы автора во время его разгвдовъ, и его неопытностію въ чтеніи древнихъ документовъ, особенно на первыхъ порахъ собранія матеріаловъ. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 298) онъ самъ сознается, что не могъ прочесть подписей вслѣдствіе крайней неразборчивости ихъ и порчи самаго документа въ конечныхъ его частяхъ. Въ другихъ мѣстахъ и безъ сознанія собирателя видно, что онъ не могъ разобрать въ документахъ многія слова и обозначилъ пропуски точками. Болѣе всего пропусковъ и точекъ встрѣчаемъ мы въ тѣхъ документахъ, которые номѣщены въ началѣ сборника. Иногда собиратель, не разобравъ слова, такъ и пишетъ его въ непонятномъ видѣ, съ вопросомъ недоумѣнія въ скобахъ. Есть иногда глухія указанія на источники (стр. 289, 290, 352 и др.), тогда какъ эти источники или регистрованы, или легко могли быть регистрованы по указанію самого г. Голубева. Къ этому нужно прибавить еще значительное количество ошибокъ при транскрипціи памятниковъ и опечатокъ, напримѣръ: „волтары“ вмѣсто „в олтары“, Мора(о)ховскій, Бор(л)гарскій, „наиминні“ (наимиліин): „рекогч(г)ницию“, ошибокъ, не обозначенныхъ въ особомъ спискѣ погрѣшностей. Особенно неисправно или съ неисправныхъ списковъ изданы № № 18 и 35. Вслѣдствіе того,

вторая половина книги г. Голубева, не соотвѣтствуя строго научнымъ требованіямъ относительно изданія памятниковъ, во многихъ случаяхъ можетъ служить только инвентаремъ для другаго, болѣе исправнаго и научнаго печатанія этихъ документовъ и матеріаловъ.

Впрочемъ, приложенія и матеріалы напечатаны г. Голубевымъ все-таки болѣе тщательно, чѣмъ самое изслѣдованіе; въ этомъ же послѣднемъ допускаются иногда такіа крупныя опечатки и погрѣшности, что онѣ могутъ быть исправлены только при тщательномъ слѣденіи и провѣркѣ текста изслѣдованія съ прибавленіями или матеріалами. Вотъ нѣсколько примѣровъ тому.

На стр. 78 изслѣдованія авторъ говоритъ, что П. Могила посвятилъ изданный имъ (въ 1631 г.) триодіонъ Яну Замоискому, тогда какъ Янъ Замоискій умеръ задолго до этого времени, и самъ авторъ на стр. 260 приложеній, подъ 1620 годомъ, говоритъ уже о сынѣ Яна, Томѣ Замоискомъ, бывшемъ тогда воеводою Киевскимъ. На стр. 289 изслѣдованія образованіе церковнаго братства въ Киевѣ относится къ концу XVI столѣтія, тогда какъ изъ примѣчаній и приложеній очевидно, что образованіе этого братства должно быть отнесено къ первой четверти XVII столѣтія. На стр. 511 изслѣдованія четыре раза упоминается князь Оранскій, спорившій съ православными на одной изъ комиссій во время конвокаціоннаго сейма. 1632 года, тогда какъ изъ польскаго текста приложенія видно, что это былъ не князь (ksiąze), а ксендзъ (ksiądz), то-есть, священникъ. Онъ былъ тогда провинціаломъ уніатскаго Базиліанскаго ордена. Мы охотно вѣримъ, что эти и подобныя погрѣшности произошли совершенно случайно; тѣмъ не менѣе, не можемъ не пожалѣть, что онѣ не оговорены авторомъ, тѣмъ болѣе, что въ изслѣдованіи не всегда дѣлаются необходимыя ссылки на приложенія, и что при книгѣ нѣтъ указателя личныхъ именъ и географическихъ названій (онъ обѣщавъ лишь при второмъ томѣ).

Но если мы отрѣшимся отъ вышнихъ несправностей книги описокъ автора, типографскихъ опечатокъ и вообще нѣкоторой небрежности изданія, то не можемъ не сказать, что книга производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Такія основательныя историческія изслѣдованія появляются у насъ не часто. Кромѣ новыхъ матеріаловъ, собранныхъ авторомъ, онъ пересмотрѣлъ всѣ изданныя доселѣ документы, относящіеся къ избранной имъ эпохѣ, перечиталъ всѣ извѣстныя нашимъ бібліографамъ рѣдкіе памятники полемической литературы того времени, всѣ церковно-славянскія изданія, предисловія и

послѣловія къ нимъ, и на основаніи этихъ и другихъ матеріаловъ представилъ весьма полную, всестороннюю картину Могилинскаго періода, подвергнувъ тщательному обслѣдованію всѣ даже мельчайшія подробности, относящіяся къ этому періоду. Для примѣра достаточно указать на разъясненіе авторомъ прежней ошибки историковъ Кіевской академіи, называвшихъ фундаторку кіево-братскихъ школъ Галшку Гулевичевну Анною, а не Елизаветою, какъ бы слѣдовало, — ошибка, которая породила не мало легендарныхъ, недостоверныхъ свѣдѣній о первоначальной исторіи Кіево-Вогоявленскаго братства. По отзыву одного изъ официальныхъ оппонентовъ г. Голубеву при защитѣ послѣднимъ своего изслѣдованія въ качествѣ магистерской диссертациі въ Кіевской духовной академіи, „трудъ г. Голубева способенъ блестящимъ образомъ уничтожить массу тѣхъ ошибокъ, предубѣждений, въ какія церковный историкъ, незнакомый съ драгоценными данными настоящаго труда, легко можетъ впасть при изученіи колоссальной личности Петра Могилы и его эпохи“. Правда, личность самого Могилы, еще не вполне опредѣлившаяся въ разсматриваемый періодъ его жизни, какъ бы ступеньвается у автора, заслоняется другими предшествовавшими или современными Могилѣ дѣятелями и рисуется довольно тускло; но, какъ отвѣтилъ самъ авторъ одному изъ оппонентовъ, главная цѣль его труда состояла не въ томъ, чтобы поставить П. Могилу на недосыгаемо-высокій пьедесталъ въ ущербъ другимъ дѣятелямъ его времени, а въ томъ, чтобы изобразить дѣятельность П. Могилы въ тѣсной связи съ историческимъ ходомъ событій того времени. Соответственно съ этою цѣлью, авторъ даетъ широкую историческую обстановку личности и дѣятельности П. Могилы и часто вводитъ въ свое изслѣдованіе разсмотрѣніе такихъ вопросовъ, которые съ перваго взгляда представляются иногда отступленіями отъ главнаго предмета и только впоследствии такъ или иначе связываются съ именемъ и дѣятельностью П. Могилы.

Настоящій первый томъ изслѣдованія, обнимающій сравнительно незначительный періодъ дѣятельности П. Могилы до вступленія его на Кіевскую митрополію (включительно), заключаетъ въ себѣ, кромѣ предисловія и приложеній, семь главъ, а именно: 1) о происхожденіи фамиліи Могила, рожденіи, дѣтствѣ, юншества и воспитаніи П. Могилы; 2) объ обстоятельствахъ и времени поступленія П. Могилы на Кіево-Печерскую архимандрію; 3) о попыткахъ къ соглашенію униатовъ съ православными, дѣятельности М. Смотрицкаго въ этомъ направленіи и степени участія П. Могилы и другихъ южно-

русскихъ іерарховъ въ замыслахъ Мелетія; 4) о состояніи Кіево-Печерской обители до поступленія П. Могилы въ ея архимандриты и дѣятельности его въ первые годы управленія Кіево-Печерскою лаврою; 5) о состояніи просвѣщенія въ юго-западной Руси и Кіевѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв., работахъ Могилы по преобразованію школъ и объ избраніи въ Кіевскіе митрополиты Исаи Копинскаго; 6) о дѣятельности польскихъ сеймовъ конвокаціоннаго и коронаціоннаго въ 1632 и 1633 годахъ, участіи П. Могилы въ защитѣ правъ православной церкви и избраніи его на Кіевскую митрополию, и 7) о посвященіи П. Могилы въ митрополиты, прибытіи въ Кіевъ, первыхъ шагахъ его дѣятельности въ санѣ митрополита и объ отношеніяхъ его къ прежнему митрополиту Исаѣ Копинскому.

По этимъ главамъ мы и прослѣдимъ главную нить изслѣдованія автора, обращая вниманіе преимущественно на такіе пункты, которые касаются непосредственно П. Могилы, или же представляютъ новое открытіе исторической науки по данному предмету, или же отличаются предположительнымъ характеромъ и не выдерживаютъ строгой критики, а въ заключеніе сдѣлаемъ общія замѣчанія относительно нѣкоторыхъ приемовъ изслѣдователя.

Фамилія Могилы, судя по польскимъ гербовникамъ и по панегирикамъ, считала прямымъ своимъ родоначальникомъ не болѣе, ни менѣе какъ Муція Сцевола; впрочемъ, нельзя сказать, вмѣстѣ съ г. Голубевымъ, чтобъ она дѣлала это воплію вопреки здравому смыслу и исторіи, такъ какъ румынское происхожденіе Могилы не подлежитъ сомнѣнію, а Румыны не безъ основанія производятъ себя отъ Римлянъ; воплію же баснословно происхожденіе фамиліи Могилы именно отъ Муція Сцевола.

Петръ Могила родился будто бы (по свидѣтельству одного панегирика) 21-го декабря 1696 г., а не 1697, какъ полагали другіе историки. Такая разница въ означеніи года рожденія П. Могилы въ разныхъ источникахъ, впрочемъ чисто воображаемая, составляетъ плодъ недоразумѣнія и со стороны нашего автора. При счетѣ годовъ и лѣтоисчисленіяхъ выкладкахъ нужно различать прежній церковный годъ, начинавшійся съ сентября, и новый гражданскій, начинающійся съ января мѣсяца. Такъ какъ П. Могила родился въ одинъ изъ промежуточныхъ мѣсяцевъ этихъ двухъ лѣтосчисленій, то слѣдовательно, годомъ его рожденія по церковному лѣтосчисленію былъ 1697, а по гражданскому—1696 годъ. Кроме того, въ XVII вѣкѣ употреблялось нарѣдка и лѣтосчисленіе съ марта мѣсяца. Это-то различіе между

различними літосчисленнями і не прийнято авторомъ изслѣдованія въ разчетъ въ нѣкоторихъ другихъ случаяхъ, наприкладъ, при опредѣленіи времени кончини Кієво-Печерскаго архимандрита Захарія Копыстенскаго и избранія на его мѣсто П. Могилы (стр. 66 и 67), постриженія Смотрицкаго въ монашество (стр. 104), изданія повѣсти о діаволѣ отъ Отечника Скитскаго (стр. 411) и др. Что же касается рожденія П. Могилы 21-го декабря, въ день памяти св. Петра, митрополита Кієвскаго, то извѣстіе объ этомъ позднѣйшаго панегирика 1646 года недостоверно уже потому, что имя Петръ есть монашеское имя Могилы, которымъ, по всей вѣроятности, замѣнено было первоначальное имя его, данное при св. крещеніи.

Объ образованіи П. Могилы извѣстія неопредѣленны: одни свидѣтельствуютъ, что въ юности онъ занимался языками латинскимъ и греческимъ, но не указываютъ въ какихъ школахъ; другіе говорятъ, что онъ отправленъ былъ отцомъ для образованія въ Парижскій и прочіе иностранныя университеты; третьи, наконецъ, считаютъ мѣстомъ воспитанія Могилы Львовскую братскую школу. Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія склоненъ думать, что П. Могила дѣйствительно получилъ образованіе, если не въ Львовской братской школѣ, то отъ львовскихъ учителей, и завершилъ его въ заграничныхъ университетахъ. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что П. Могила, независимо отъ школы, могъ практически изучать греческій и даже латинскій языки еще на родинѣ, гдѣ фанариоты распространяли употребленіе греческаго языка, а латинифроны того времени (стр. 22) могли ввести въ моду и латинскій. Весьма правдоподобно, что первоначальное образованіе П. Могилы получилъ отъ наставниковъ дружественно расположеннаго къ его фамиліи Львовскаго братства; но трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы окончательное образованіе П. Могилы получилъ въ заграничныхъ университетахъ: скорѣе, онъ прибрѣлъ его въ Замойской академіи. Извѣстно, что опекуномъ П. Могилы, по смерти его отца, былъ гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій (стр. 52); а въ духовномъ завѣщаніи своемъ († 1620 г.) онъ писалъ своей женѣ слѣдующее: „Не отрывай сына отъ науки... Въ Замостьѣ начато хорошее обученіе шляхетскихъ дѣтей, и я желаю, чтобы сынъ мой получилъ образованіе здѣсь, въ Польшѣ, а не въ чужой странѣ, такъ какъ извѣстно, что большое число молодыхъ людей отправляется въ чужіе края съ цѣлію окончательнаго образованія, но почти всѣ они усваиваютъ наиболѣе злые, чѣмъ добрые обычаи; рѣдкій привозитъ съ чѣмъ-либо добрымъ. Поэтому, пусть сынъ учится, какъ уже

и началъ, съ паномъ Томашемъ" (стр. 49). Послѣ этого трудно повѣрить, чтобы Жолкѣвскій, вопреки своему глубокому убѣжденію, отправилъ П. Могилу, для окончанія образованія, въ заграничныя университеты; да объ этой мысли и вѣтъ никакихъ современныхъ извѣстій. Въ пользу образованія Могилы въ Замоиской академіи свидѣтельствуешь и то, что въ послѣдствіи времени Могилы поддерживалъ тѣсныя связи съ фамиліей Замоискихъ. Поэтому совершенно произвольно предположеніе г. Голубева о томъ, будто П. Могилы поселился въ Польской коронѣ не ранѣе 1617 года, по окончаніи своего образованія въ заграничныхъ университетахъ (стр. 52): Замоиская академія, вѣсть съ Краковскою, могутъ быть названы заграничными заведеніями развѣ только по отношенію къ П. Могилѣ, какъ молдавскіи уроженцу. Для соображеній автора весьма нелишнимъ было бы сопоставленіе хронологическихъ датъ, относящихся къ разнымъ членамъ фамиліи Могилы и самому П. Могилѣ за время его дѣтства и юности; но авторъ не дѣлаеть этого и даже вовсе не означать года Хотинской битвы (1621), въ которой П. Могилы, въ первый разъ, по видимому, выступилъ на военное поприще.

Со времени Хотинской войны имя П. Могилы получаетъ нѣкоторую извѣстность. Замѣтивъ въ теченіи этой войны недоувѣріе польскаго войска къ Молдаванамъ, Могилы устремилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы убѣдить гетмана Хоткевича и Поляковъ въ полномъ расположеніи Молдолоховъ къ Польшѣ. По окончаніи Хотинской войны, П. Могилы начинаетъ часто посѣщать Кіевъ, гдѣ въ то время митрополитскою кафедрою занималъ его другъ Іовъ Борецкій, приобретаетъ въ окрестностяхъ этого города помѣстья и начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ вѣры, особенно со времени вступленія своего на Кіево-Печерскую архимандрію.

Разбирая разныя мнѣнія о причинахъ, побудившихъ П. Могилу принять духовный санъ, и объ обстоятельствахъ и времени поступленія его на Кіево-Печерскую архимандрію, авторъ изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что общее релігіозное одушевленіе въ средѣ южно-русскаго населенія произвело на П. Могилу глубокое впечатлѣніе, и онъ примкнулся къ кругу передовыхъ личностей того времени. Въ это время, по смерти Захарія Копыстенскаго (21-го марта 1627 г.), мѣсто архимандрита въ Кіево-Печерской лаврѣ становится празднымъ. Могилы нашелъ его вполне соотвѣтственнымъ своимъ широкимъ планамъ относительно открывшейся передъ нимъ борьбы за интересы православія, и потому сталъ усиленно домогаться

сана архимандрита. Важное положеніе Кіево-Печерскаго архимандрита въ ряду южно-русскаго іерарховъ и большіе доходы, которые были въ его распоряженіи, высоко цѣнились Могилою, но преимущественно потому, что во всемъ этомъ онъ видѣлъ твердую опору, надежныя средства для борьбы съ могущественными противниками, сильно притѣснявшими православную церковь. Нѣкоторые изъ лаврской братіи препятствовали ему при возведеніи на Кіево-Печерскую архимандрію. Серьезными конкуррентами его были Теофанъ Волярскій, избранный братіей лавры, и Германъ Тышкевичъ, подставленный родственникомъ своимъ Житомирскимъ старостомъ Яномъ Тышкевичемъ. Въ числѣ причинъ, почему многіе изъ лаврскихъ иноковъ не желали имѣть Могила своимъ архимандритомъ, авторъ полагаетъ его молодость: ему было тогда всего 30 лѣтъ. Дѣйствительно, въ то время бывали случаи, что высшіе іерархическія мѣста замѣщались очень молодыми дворянами, даже тринадцати-лѣтними мальчиками; это возбуждало неудовольствіе между благомыслищими людьми въ южной Руси. Но П. Могила, когда задумалъ искать сана лаврскаго архимандрита, уже имѣлъ надлежащій каноническій возрастъ. Какъ бы то ни было, Могила всталъ верхъ надъ своими конкуррентами и, бывъ избранъ на Кіево-Печерскую архимандрію въ Житомирѣ 6-го сентября 1627 года, утвержденъ королемъ въ этомъ званіи по ходатайству, между прочимъ, Оомы въ санъ архимандрита въ декабрѣ 1627 года.

На первыхъ порахъ управленія Кіево-Печерскою обителью П. Могила, продолжая дѣятельность своихъ предшественниковъ по архимандріямъ Плетенецкаго и Копыстенскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалъ сношенія съ Мелетіемъ Смотрицкимъ и нѣкоторыми другими православными іерархами по поводу религіознаго примиренія съ униатами. Прослѣдивъ исторически ходъ развитія этого вопроса въ бывшихъ областяхъ Польши, г. Голубевъ съ особенною подробностью останавливается на жизни и дѣятельности Мелетія Смотрицкаго, одного изъ талантливейшихъ поборниковъ сначала православія, а потомъ униіи, и рисуетъ его какъ человѣка безспорно образованнаго и даровитаго, но безъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій и державшагося іезуитскихъ правилъ; въ этомъ отношеніи авторъ расходится съ нѣкоторыми другими исследователями, которые объясняютъ религіозную неустойчивость Смотрицкаго его сильною впечатлительностью, богатымъ развитіемъ его воображенія, его глубоко выстрадавную жизнь и т. д. Въ 1623 году Смотрицкій отправился на Востокъ собственно съ цѣлью исходайствовать у восточныхъ пат-

ріарховъ ограниченіе правъ южно-русскихъ братствъ и уничтоженіе ставропитій, съ назначеніемъ одного патріаршаго экзарха вмѣсто нѣсколькихъ, и дѣйствительно получалъ желательннн въ этомъ смыслѣ грамоты; но эти грамоты произвели сильное недовольство въ южно-русскомъ народѣ и навлекли на Смотрицкаго и Іова Борецкаго подозрѣніе въ намѣнн православію. Очувившись такимъ образомъ въ критическомъ положеніи, Смотрицкій 6-го іюня 1627 года формально присоединился къ униі, но до времени сохранялъ свое присоединеніе въ глубокой тайнѣ, съ цѣлію совратить возможно большее число православныхъ въ униі. И дѣйствительно, будучи еще тайнымъ униатомъ, Смотрицкій, подѣ личиною православія, старается расположить митрополита Іова Борецкаго и Петра Могилу къ соглашенію съ униатами и проводитъ эту мысль на соборахъ Кіевскомъ 1627 г. и Гродненскомъ 1628 года. Подобно многимъ своимъ современникамъ, и П. Могила могъ увлекаться грандіознымъ планомъ соглашенія разединенныхъ церквей, но какъ человѣкъ умный, не могъ при этомъ не видѣть, сколь шатки и зыбучи основанія для успѣшнаго осуществленія такого плана. Онъ входить въ сношенія съ Смотрицкимъ, дважды навѣщаетъ его въ 1627 году въ Дерманн и принимаетъ видное и дѣятельное участіе въ соборахъ 1627 и 1628 годовъ, на которыхъ разсуждалось о соглашеніи униатовъ съ православными. Но когда въ 1629 году написана была и стала печататься извѣстная „Апология“ Смотрицкаго, то Борецкій и П. Могила, прочитавъ ее, увидѣли, что Смотрицкій вступилъ на дорогу, идти по которой они и не думали. Слѣдствіемъ этого было то, что на Кіевскомъ соборѣ 1629 года, въ которомъ принималъ видное участіе и Могила, Смотрицкій принужденъ былъ отречься отъ своей апологін и анаеменовать ее. Былъ и еще соборъ въ Кіевѣ въ томъ же 1629 году, назначенный королевскою властью, съ тою же цѣлію соглашенія православныхъ съ униатами; но онъ возбудилъ сильное раздраженіе народныхъ массъ и разстроился въ самомъ началѣ. Борецкій и Могила, понявъ свою ошибку, безъ колебанія рѣшились лучше подвергнуться всѣмъ печальнымъ ея послѣдствіямъ, чѣмъ извинить своей праотеческой вѣрѣ.

Кромѣ участія въ вопросѣ о соглашеніи православныхъ съ униатами, П. Могила въ первые годы своего настоятельства въ Кіево-Печерской обители заботился, главнымъ образомъ, объ устройствѣ послѣдней; но уже и въ то время взоры новаго архимандрита простирались далеко за монастырскія стѣны, и нѣкоторыя его предна-

чертанія имѣли въ виду улучшить современное положеніе всей православной западно-Русской церкви. Чтобы точнѣе обозначить дѣятельность П. Могилы, какъ архимандрита Кіево-Печерскаго, авторъ дѣлаетъ общій очеркъ состоянія Кіево-Печерской обители въ XVI столѣтіи, говоритъ о предшественникахъ Могилы по архимандріи—Никифоръ Туръ, Елисей Плетенедкомъ и Захарія Копыстенскомъ, и предлагаетъ цѣлую монографію о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ и о нѣкоторыхъ первопечатныхъ Кіево-Печерскихъ изданіяхъ. Главная мысль очерка та, что Кіево-Печерская обитель, до конца XVI вѣка льно влонившаяся къ упадку, съ этого времени обновляется духовно-нравственными силами и примыкаетъ къ тогдашнему религиозному движенію въ юго-западной Руси, вызванному усилившеюся пропагандою со стороны иновѣрія. Никифоръ Туръ не далъ Печерскаго монастыря и его достоянія во власть ново-вводимой уніи и отнялъ отъ нея это древнее святилище православной Руси; Елисей Плетенецкій возстановилъ въ обители общежитіе по чину св. Василія и вообще улучшилъ иноческую жизнь, завелъ въ лаврѣ типографію, устроилъ бумажную фабрику, вызвалъ въ лавру ученыхъ людей, а также лицъ, хорошо знакомыхъ съ типографскимъ дѣломъ, издалъ до 11-ти книгъ, образовалъ институтъ проповѣдниковъ, устроилъ лаврскую школу и проч. Его дѣятельность продолжалъ Захарія Копыстенскій: онъ заботился объ устройствѣ общежитія, проповѣданіи слова Божія, изданіи книгъ и автономіи Кіево-Печерской обители. Такое же обновленіе въ духѣ православія происходитъ въ то же время и въ самомъ Кіевѣ, гдѣ въ началѣ XVII вѣка образованы были церковное братство и школы. Вообще, доброе наслѣдство получилъ П. Могила отъ своихъ много потрудившихся на пользу православія предшественниковъ и значительно приумножилъ это наслѣдство. Онъ энергично занялся возстановленіемъ правъ монастыря относительно своихъ владѣній, при чемъ дѣло это поставилъ на новую, болѣе практическую почву, употребляя для возвращенія лаврскихъ помѣстій тѣ же способы, какіе практиковались и при ихъ отнятій, то-есть, вооруженные наѣзды, которые, при беснѣиіи судебной власти въ Польшѣ, были почти необходимы. Но, защищая матеріальныя богатства Кіево-Печерской обители, Могила видѣлъ въ нихъ лишь твердую опору для борьбы съ могущественными противниками православія, и не только не пользовался ими въ своихъ интересахъ, но даже много и своего отеческаго стажанія употреблялъ на нужды управляемой имъ обители. Вообще Могила принялъ монашество со всею искренностью и съ полнымъ со-

званіемъ возлагавшихся на него обязанностей въ качествѣ начальника иночествующей братіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ собственноручныя записки П. Могилы, веденыя имъ въ первые годы по вступленіи на Кіево-Печерскую архимандрію, изъ которыхъ авторъ и дѣлаетъ обширныя выписки. Другими предметами, сосредоточивавшими на себѣ преимущественное вниманіе П. Могилы въ первые годы его управленія Кіево-Печерскою лаврою, были: 1) благоустройство обители съ цѣлю возвести ее на подобающую ей высоту; 2) собраніе свидѣній о благодѣтельныхъ явленіяхъ въ Кіево-Печерской обители; 3) борьба съ неправославными вѣроисповѣданіями; 4) изданіе книгъ въ связи съ попытками къ ихъ исправленію, что особенно замѣтно на Литургіонѣ 1629 г., исправленномъ Могилою по греческимъ источникамъ; 5) пристойное и благолѣпное отправленіе богослуженія, какъ въ лаврѣ, такъ и въ находившихся въ ея вѣдѣніи помѣстьяхъ. Но самымъ важнымъ дѣломъ П. Могилы, за время его архимандритства, было преобразование основанной Плетенецкимъ лаврской школы въ высшее учебное заведеніе.

Преобразование лаврской школы П. Могилою авторъ выдѣляетъ въ особую главу, предпосылая ему общій очеркъ состоянія просвѣщенія въ юго-западной Россіи до конца XVI столѣтія, а также возникшихъ въ это время школъ въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ и друг., которыя, однако, едва ли не испытывали, по временамъ, въ учебномъ отношеніи поворота къ худшему. Такова же была и Кіево-Печерская школа. П. Могила считалъ нужнымъ основаніе въ юго-западной Россіи такихъ collegій, которыя, будучи по духу своему строго-православными, нисколько не уступали бы въ научномъ отношеніи лучшимъ collegіямъ западно-европейскимъ и польскимъ и, стоя въ уровенъ съ потребностями времени, могли бы доставлять своимъ питомцамъ полное, всестороннее образованіе. Съ цѣлю основать такую collegію въ Кіево-Печерской лаврѣ, онъ, тотчасъ же по вступленіи на Печерскую архимандрію, испросилъ отъ Цареградскаго патріарха „благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ и, прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разныя государства ради наукъ, между которыми былъ Иннокентій Гизель“. Кіевляне несочувственно приняли намѣреніе Могилы открыть высшую collegію въ лаврѣ, въ подрывъ Кіево-Воговавленской братской школѣ; равно и митрополитъ Ворецкій въ духовномъ завѣщаніи своемъ убѣдительно просилъ Могилу, дабы „школы въ братствѣ Кіевскомъ для привыченія дѣтокъ христіанскихъ, а не гдѣ индей фундованы бы-

ли". По видимому, и Могила согласился на это, о чемъ можетъ свидѣтельствовать запись его на братскомъ уписѣ 11-го марта 1631 года; но когда въ этомъ же году избранъ былъ въ Кіевскіе митрополиты Исаія Копинскій, то Могила возвратился къ прежнему своему предположенію основать высшую коллегію въ лаврѣ. Едва, однако, началось ученіе въ новой коллегіи, какъ въ средѣ Кіевлянъ возникли крайне неблагопріятныя толки о характерѣ преподаванія Могилинскихъ профессоровъ, произвели волненіе въ простомъ народѣ, и дѣло дошло до открытаго возмущенія противъ Могилы и его школъ. Это было въ 1631 году, а не въ 1634 или 1635 г., какъ думали прежніе историки Кіево-Могилянской коллегіи. Вслѣдствіе этого возмущенія Могила долженъ былъ дать свое согласіе на соединеніе основанной имъ высшей коллегіи съ Кіево-Вогоявленскимъ братскимъ училищемъ, выговоривъ себѣ, впрочемъ, инициативу въ этомъ дѣлѣ и главное опекунство и надзоръ надъ соединенными школами. Самое соединеніе школъ совершено уже къ слѣдующему 163²/₃ учебному году. Въ лаврской Могилянской школѣ, существовавшей немного болѣе полугода, первенствующее положеніе занималъ латинскій языкъ. Между наставниками Могилянской коллегіи за это время г. Голубевъ указываетъ слѣдующихъ лицъ: ректоръ и профессоръ философіи Исаія Трофимовичъ Козловскій, профессора реторики Сильвестръ Коссовъ и Софроній Почапскій и учитель піитики отецъ Пацевскій. Къ Пасхѣ 1632 года П. Могила отъ студеовъ основаннаго имъ гимназіума въ школы реторики поднесенъ былъ панегирикъ „Ехаристаріонъ албо вѣдчність“, распределенный на двѣ части, Геликонъ и Парнассъ, съ искусственнымъ перечисленіемъ наукъ.

Весь этотъ отдѣлъ сочиненія г. Голубева—о дѣятельности П. Могилы въ санѣ Кіево-Печерскаго архимандрита, съ предварительнымъ очеркомъ Кіево-Печерской лавры—отличается сравнительно большою обстоятельностью и полнотою, такъ какъ въ этотъ періодъ своей жизни П. Могила занималъ уже видное мѣсто и положеніе и оставилъ по себѣ многочисленныя слѣды въ современныхъ документахъ и литературѣ. Мы укажемъ только кое-какія частности, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы получить иное освѣщеніе, чѣмъ то, какое они имѣютъ у автора. Такъ, на стр. 248 изслѣдованія авторъ, въ доказательство безцеремонности, съ какою Сигизмундъ I относился къ правамъ Кіево-Печерскаго монастыря, указываетъ на тотъ фактъ, что право „подаванья этого монастыря король уступалъ другимъ лицамъ, и именно князю Юрію Семеновичу Слуцкому. Но вѣдь это

проще и естественноѣ можетъ объясняться не безцеремонностію Сигизмунда I, а историческими правами князѣй Слуцкихъ Олельковичей, предокъ которыхъ, Владимиръ Ольгердовичъ, былъ однимъ изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей Кіевскихъ. Далѣе, подходя къ началу XVII вѣка, г. Голубевъ просто отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Плетенецкимъ обращено было вниманіе на востановленіе въ обители общежитія по чину св. Василія и вообще на улучшеніе иноческой жизни (стр. 267), не разъясняя исторически этого факта. А между тѣмъ, на стр. 245 той же книги сообщается, что еще въ 1522 году Кіево-Печерскимъ монастыремъ ходатайствована была у Сигизмунда I привилегія на учрежденіе общины (общежительства) „водле обычая и закону греческаго“. Поэтому можно думать, что дѣло Плетенецкаго состояло не во введеніи общежитія вообще, учрежденнаго еще въ 1522 году, а во введеніи его именно по чину св. Василія Великаго. Первый, на сколько мы знаемъ, сталъ вводить въ своихъ монастыряхъ общежитіе по этому чину князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, издавшій съ этою цѣлью въ 1594 году книгу св. Василія Великаго о постничествѣ, тогда какъ до того времени преобладающимъ типомъ монашескаго общежитія былъ студійскій уставъ, или же общежитіе смѣшаннаго характера. Изъ предисловія къ упомянутой книгѣ можно видѣть, что издатели ея нѣмъ въ виду противопоставить православные монастыри, съ одной стороны, протестантскимъ общинамъ, а съ другой — католическимъ монашескимъ орденамъ, особенно іезуитскому, и сдѣлать изъ православныхъ монастырей нѣчто въ родѣ ордена или чина св. Василія Великаго, чѣмъ впоследствии и воспользовались униаты, учредивъ у себя Вазиліанскій орденъ. Такимъ образомъ, введеніе Плетенецкимъ въ Кіево-Печерской обители общежитія по чину св. Василія нужно считать только продолженіемъ дѣла, начатаго княземъ Острожскимъ, и притомъ не безъ вліянія этого ревностнаго защитника православія, бывшаго тогда воеводой Кіевскимъ. Стремленіе къ сличенію православныхъ монастырей въ одну корпорацію, въ родѣ монашескаго ордена, замѣтно, напримеръ, въ тѣмъ, что еще при Плетенецкомъ лаврѣ, нѣмъ въ своемъ вѣдѣніи много филиальныхъ монастырей, упрочиваетъ вліяніе на Кіево-Николаевскій монастырь. Съ своей стороны, П. Могила, будучи Кіево-Печерскимъ архимандритомъ, проводитъ далѣе принципы орденской организаціи православныхъ монастырей, съ лаврою во главѣ, и принимаетъ титулъ „великаго архимандрита“, соответствующій

генералу или протоархимандриту католических монашеских орденовъ и униатскаго Вазиліанскаго. Напрасно также авторъ, перечисляя по пунктамъ дѣятельность П. Могилы въ савѣ Кіево-Печерскаго архимандрита, не говоритъ особо о его проновѣдничествѣ и касается этого предмета подробнѣе только въ библиографическихъ замѣчаніяхъ о Кіево-Печерскихъ изданіяхъ того времени. Сдѣлаемъ еще двѣ замѣтки и относительно западно-русскихъ школъ конца XVI и начала XVII вв. и Могилинской лаврской коллегіи. Рисуя положеніе школъ Острожской, Виленской и особенно Львовской ко времени вступленія П. Могилы на Кіево-Печерскую архимандрію, авторъ видитъ въ этомъ положеніи поворотъ къ худшему и объясняетъ его отсталостію тогдашняго южно-русскаго народонаселенія въ научномъ отношеніи сравнительно съ латино-униатами, между тѣмъ какъ неудовлетворительное состояніе тогдашнихъ южно-русскихъ школъ можетъ быть объясняемо также и отсутствіемъ научнаго центра, и разбросанностію научныхъ, дѣйствительно немногочисленныхъ, силъ по разнымъ школамъ; въ то время не установилось еще въ юго-западной Руси и общественно-политическаго центра. Что же касается Могиліанской школы, то едва ли она стояла выше прежнихъ братскихъ школъ по курсу преподаваемыхъ наукъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія. Да и преподаватели были здѣсь тогда изъ прежнихъ братскихъ школъ, и особенно изъ Львовской. Кстати замѣтить, что приведенный г. Голубевымъ списокъ преподавателей Могиліанской лаврской школы и распорядокъ преподаванія ими предметовъ (стр. 449), относятся не къ 163^{1/2}, а уже къ 163^{3/4}, то-есть, къ третьему учебному году, какъ видно изъ приложенія подъ № 89.

Въ пятой главѣ изслѣдованія представленъ обзоръ дѣятельности провинціальныхъ сеймиковъ и сеймовъ конвокаціоннаго и коронаціоннаго, послѣдовавшихъ послѣ смерти Сигизмунда III, и на которыхъ энергически заявлялось и поддерживалось требованіе православныхъ и диссидентовъ о восстановленіи нарушенныхъ въ прошлое царствованіе правъ ихъ. П. Могила принималъ самое живое участіе въ этихъ сѣздахъ и въ защитѣ правъ православной церкви, хотя это участіе и не вездѣ обрисовано авторомъ съ ослзательностію. Тотчасъ послѣ смерти Сигизмунда III, П. Могила входить въ сношенія по поводу дѣлъ религиозныхъ со всѣми болѣе видными лицами и корпораціями въ южно-русскихъ областяхъ и самъ является на конвокаціонномъ и коронаціонномъ сеймахъ въ Варшавѣ и образованныхъ

часть сссxi, отд. 2.

при этихъ сеймахъ комиссіяхъ для рѣшенія религіозныхъ дѣлъ. Историкъ Островскій, указывая на движеніе въ средѣ православныхъ передъ коронаціоннымъ сеймомъ, направленное къ умаленію значенія униа, говоритъ: „А была все это работа Петра Могилы, архимандрита Печерскаго, сына господаря Молдавскаго, который, находясь тогда (во время конвокаціи) въ Варшавѣ, разослалъ по всѣмъ русскимъ воеводствамъ письма, въ конхъ убѣждалъ скызматиковъ не соглашаться на изложенныя въ проектѣ примиренія условія и собѣтовалъ съѣзжаться на предстоянній избирательный сеймъ въ возможно большемъ числѣ, дабы удобнѣе достигнуть полнаго удовлетворенія своихъ требованій. Въ нѣкоторыя же мѣста посланы были архимандритомъ письма съ просьбой производить денежные складчины и собранныя суммы доставлять ему, какъ на его собственныя нужды, такъ и на нужды тѣхъ лицъ, которыя, находясь на сеймѣ, будутъ заботиться объ интересахъ Русской церкви“ (стр. 518). Извѣстно, что на этомъ сеймѣ выработаны были „статьи для успокоенія народа русскаго“, довольно благопріятныя для православной церкви. Имъ предоставлено было православнымъ, между прочимъ, право имѣть свою утвержденную правительствомъ іерархію, именно митрополита и четырехъ епископовъ. На эти мѣста православные депутаты рѣшили избрать новыхъ лицъ, и 3-го декабря 1633 года П. Могила выбранъ былъ въ митрополиты, не смотря на то, что еще былъ живъ прежній митрополитъ Кіевскій, Исаія Копинскій. Не безъ натяжекъ авторъ старается оправдать фактъ избранія П. Могилы на мѣсто живаго митрополита, объясняя это обстоятельство между прочимъ тѣмъ, что чрезъ такое избраніе новыхъ лицъ будто бы почти вдвое увеличилось (хотя и временно) число представителей западно-Русской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были увеличиться и ея религіозно-просвѣтительныя средства. По отношенію къ П. Могилѣ и Исаіѣ Копинскому это объясненіе блестятельно опровергается самимъ авторомъ въ послѣдней главѣ его изслѣдованія, гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніяхъ Могилы къ Копинскому, скорѣе парализовавшихъ религіозно-просвѣтительныя средства православной церкви, чѣмъ увеличивавшихъ ихъ.

Получивъ грамоту отъ короля на митрополию, П. Могила въ тотъ же день отправилъ въ Константинополь двухъ пословъ, чтобъ испросить себѣ отъ патріарха благословеніе. Въ началѣ апрѣля просимое благословеніе было получено, и 28-го апрѣля Могила рукоположенъ былъ въ санъ митрополита во Львовѣ. Пробывъ здѣсь около двухъ

мѣсяцевъ, П. Могила торжественно, съ преднесеніемъ ему митрополитскаго креста, отправился въ Кіевъ съ многочисленною свитою, здѣсь торжественно встрѣченъ былъ и привѣтствованъ двумя панегириками и тотчасъ же постарался возвратить православной кафедрѣ древнѣйшую святыню русскаго народа—Софійскій соборъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другія кіевскія церкви, находившіяся во владѣніи уніатовъ. Еще за пять дней до пріѣзда митрополита, 2-го (12-го) іюня, по его приказанію, привинцами Печерскій и кафедральный русскій капитулъ отобрали силою Кіево-Софійскій соборъ отъ уніатовъ. Митрополиту оставалось только поклониться этой вѣковой святынѣ и совершить торжественное освященіе ея, что и было имъ вскорѣ сдѣлано. Вмѣстѣ съ Софійскимъ соборомъ, П. Могилою, въ самый день пріѣзда въ Кіевъ, отобрали были отъ уніатовъ еще слѣдующія церкви: св. Николая, называвшася Десятинною, св. Симеона, находившася на горѣ „возлѣ брамы мѣской“, и св. Василия, „названнаго нагорнаго“. Въ силу королевской грамоты Могила подчинилъ Кіево-Печерской лаврѣ Кіево-Пустынскій Никольскій монастырь, употребивъ для того крутыя мѣры. Но болѣе серьезную несправедливость пришлось испытать Могилѣ отъ Исаи Копинскаго. Послѣдній отрицалъ законность избранія Печерскаго архимандрита на непраздную кафедру и не хотѣлъ уступать ему свои права. Предвидѣлось немалое смущеніе въ церкви, Могила рѣшился и противъ прежняго митрополита употребить самыя крутыя мѣры. По его распоряженію, престарѣлаго и больнаго старика ночью схватили въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ настоятельствовалъ, и въ одной власницѣ, перебросивъ черезъ коня, какъ какой-нибудь мѣшокъ, перевезли въ Кіево-Печерскую обитель. Лаврское заключеніе, изъ котораго удалось освободиться Копинскому, разумѣется, не могло улучшить его отношеній къ П. Могилѣ: дѣйствительно, вражда и борьба между ними продолжалась и влослѣдствіи, до самой кончины Исаи.

На этомъ событіи оканчивается первый томъ разсматриваемаго изслѣдованія. Авторъ останавливается на порогѣ самаго знаменательнаго 15-лѣтняго періода въ жизни П. Могилы, когда для его дѣятельности открылось самое широкое и притомъ еще далеко не вездѣ воздѣланное поле. Должно сознаться, что перерывъ этотъ провозводитъ на читателя ввѣчлгѣнне несправедливое. Положимъ, мы надѣемся, рано или поздно, дождаться и втораго тома изслѣдованія; но разновременность изданія обоихъ томовъ непремѣнно отразится на внутреннемъ достоинствѣ всего изслѣдованія, въ ущербъ цѣльности

взгляда автора. Энергическая личность П. Могила была цѣльною натурою, болѣе или менѣе вѣрною себѣ въ различные періоды его жизни. Поэтому изображенный въ первомъ томѣ изслѣдованія первый періодъ жизни и дѣятельности П. Могила слѣдовало бы разсматривать въ тѣсной связи и соотношеніи со вторымъ наиболее важнымъ періодомъ. Съ другой стороны, постепенно открывающіяся и имѣющія открыться, при дальнѣйшихъ изысканіяхъ автора, новыя данныя необходимо вызовутъ поправки и дополненія къ первому тому и ретроспективные взгляды на изложенныя въ немъ событія, чтò уже отчасти и случилось даже при печатаніи перваго тома (см. дополнение на стр. 555—559). Тѣмъ не менѣе, предполагаемыя и ожидаемыя поправки, дополненія и ретроспективные взгляды, при настоящемъ положеніи дѣла, представляются намъ желательными и необходимыми въ интересахъ исторической истины, независимо отъ ея внѣшняго выраженія. Въ этихъ же самыхъ интересахъ мы позволимъ себѣ, въ заключеніе обзора перваго тома сочиненія г. Голубева, сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно нѣкоторыхъ приѣмовъ изслѣдованія, приѣмовъ на нашъ взглядъ или нежелательныхъ въ серьезномъ историческомъ трудѣ, или же не вездѣ примѣненныхъ надлежащимъ образомъ:

1) Г. Голубевъ, за неизмѣнимыя положительныя данныя, иногда основывается на предположеніяхъ, или довольствуется общими, голословными цытатами (стр. 65, 287 и др.), и не смотря на то, черезъ нѣсколько страницъ, выдаетъ свои предположенія и гипотезы за положительные выводы (стр. 61 и др.).

2) Въ изслѣдованіи автора замѣтенъ адвокатскій, защитительный тонъ по отношенію къ П. Могила, часто не имѣющій для себя прочныхъ основаній и доводящій автора до натянутыхъ выводовъ и общихъ мѣстъ (стр. 24—25). Такъ, авторъ въ сущности мало довѣряетъ гербовникамъ, панегирикамъ, отзывамъ тогдашней полемической литературы и тогдашнимъ судебнымъ жалобамъ; но часто, въ противорѣчіе себѣ, онъ довѣрчиво пользуется ихъ услугами для изображенія личности, жизни и дѣятельности П. Могила.

3) Въ изслѣдованіи не выдержана строго-последовательно хронологія событій жизни П. Могила: авторъ часто забѣгаетъ впередъ (напримѣръ, гл. 2), указываетъ на то, чтò сказано будетъ ниже (стр. 40), впадаетъ въ повторенія (напримѣръ, на стр. 435) и т. д. Да и самая хронологія отдѣльныхъ фактовъ не вездѣ отчетлива и

вѣрна, что отчасти зависѣло, какъ мы уже замѣтили выше, отъ того, что авторъ не различалъ гражданскаго года отъ церковнаго.

4) Во многихъ мѣстахъ изслѣдованія авторъ утверждаетъ, что П. Могила въ защитѣ православія противъ католиковъ и униатовъ пользовался приемами и средствами противниковъ — мысль, совершенно вѣрная, но она не примѣнена ко всѣмъ фактамъ дѣятельности П. Могила, къ которымъ слѣдовало бы примѣнить ее. Мы уже замѣчали выше, что въ параллель римско-католическимъ монашескимъ орденамъ и П. Могила задумалъ было учрежденіе сплоченной корпораціи православныхъ монастырей: это вовсе опустилъ изъ виду г. Голубевъ. Равнымъ образомъ, имъ не указанъ опредѣленно тотъ типъ римско-католическихъ учебныхъ заведеній, который старался воспроизвести П. Могила въ своей Киевской коллегіи. Вообще, у автора чувствуется недостатокъ тщательнаго и подробнаго изученія современнаго Могила римско-католичества, несомнѣнно впечатлѣвшагося, такъ или иначе, на дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка.

И. Петровъ.

Louis XIV et Strassbourg. Par 'A. Legrelle. 3-me edition. Paris. 1883.

Приобрѣтеніе Франціей верхняго и нижняго Эльзаса и затѣмъ Страсбурга въ XVII столѣтіи принадлежитъ до сихъ поръ къ числу такихъ историческихъ вопросовъ, при обсужденіи которыхъ невольно и безсознательно вліяетъ національная точка зрѣнія, придавая всякому изслѣдованію этого предмета полемическій характеръ. Можно сказать, что это приобрѣтеніе положило начало международному процессу между Германіей и Франціей, обсуждавшемуся, въ періоды слабости и взнеможенія обѣихъ сторонъ, въ безчисленныхъ юридическихъ и историческихъ сочиненіяхъ и разрѣшавшемуся, въ періоды силы и могущества одной изъ нихъ, кровопролитными битвами. Особенно съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Германіи, при подѣмѣ національнаго самосознанія, вопросъ о присоединеніи Эльзаса и Страсбурга обсуждался съ затаенною злобою и ожесточеніемъ, которое высказывалось въ разныхъ сочиненіяхъ все рѣзче и рѣзче вплоть до катастрофы 1870 года¹⁾. Даже такіе перворазрядные историки какъ Ранке и Дройзенъ, хотя и сознають, что постановленія Вестфаль-

¹⁾ Напримѣръ: Scherer, Verrath Strassburgs an Frankreich въ *Kaemper's Histor. Taschenbuch* 1843 г.; *Adolf Schmidt, Elsass und Lothringen*. 1859.

скаго мира, по своей неопредѣленности, таили въ себѣ зародыши будущихъ войнъ на цѣлыя столѣтія ¹⁾, что это зло было естественнымъ и логическимъ послѣдствіемъ разрозненности Германіи, и что Людовикъ XIV, сознавая свою силу и могущество, воспользовался слабостью сосѣда для возвеличенія Франціи, — тѣмъ не менѣе, называютъ присоединеніе Эльзаса и Страсбурга актомъ неслыханнаго насилія ²⁾. Дройзенъ, такъ тщательно разбирающій всѣ политическіе мотивы дѣйствій великаго курфюрста, создававшаго, подобно Людовику XIV, свою монархію, объясняющій всѣ территоріальныя приобрѣтенія и дипломатическую изворотливость его съ точки зрѣнія высшихъ политическихъ соображеній и цѣлей, тѣмъ не менѣе предлагаетъ къ дѣйствіямъ Людовика XIV совершенно иной масштабъ.

Французскіе писатели слабо и бездоказательно отражали нападки и обвиненія своихъ противниковъ; иногда даже, по нерасположенію къ личности Людовика XIV и ко всей его системѣ, давали имъ въ руки новыя орудія и доказательства, подкрѣплявшія справедливость ихъ точки зрѣнія ³⁾.

Одна изъ причинъ такой полемики и отсутствія въ этомъ вопросѣ строгой исторической критики заключается, безспорно, помимо національных симпатій и антипатій, въ недостаточной и неполной разработкѣ матеріала, хранящагося во французскихъ архивахъ, сравнительно съ разработкою вопроса по архивамъ нѣмецкимъ. По этой причинѣ, появившійся въ 1883 году третьимъ изданіемъ трудъ г. Легрелля будетъ, безъ сомнѣнія, съ радостью привѣтствованъ историками, какъ сочиненіе, пополняющее существующій пробѣлъ въ исторіи второй половины XVII столѣтія драгоценными документами, проливающими свѣтъ на не вполне ясное отношеніе французскаго правительства къ приобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ по Вестфальскому миру.

Уже въ 1878 году г. Легрелль издалъ небольшое изслѣдованіе

¹⁾ «Einem Frieden von größerem Unheil-schwangeren hat Deutschland nie geschlossen». *Ranke, Französ. Gesch.*, III (2 Auflage), p. 455. «Es war albern, statt der eigenen Ohnmacht die Gewissenlosigkeit des stolzen Gegners anzuklagen, als hätte man dessen Moral zu verantworten». *Droysen, Gesch. d. preuss. Politik*, III, 3, pag. 726.

²⁾ «Eine Vergewaltigung—wie es noch nie erfahren». *Ranke*, 475.

³⁾ Напримѣръ, сочиненіе *Coste, Reunion de Strasbourg à la France. 1841*. Это единственное сочиненіе, представляющее хотя нѣкоторый архивный матеріалъ, но, какъ говоритъ *Ranke* (p. 464),—doch nicht eigentlich das, was man zu wissen begehrt.

о томъ же вопросѣ, въ которомъ старался опредѣлить права Франціи на Страсбургъ на основаніи постановленій 1648 г. и доказать неосновательность установившагося мнѣнія о подкупѣ страсбургскихъ властей со стороны Лувуа и Лудовика XIV. Углубляясь съ тѣхъ поръ все болѣе въ изученіе вопроса, не щадя трудовъ къ отысканію новыхъ матеріаловъ, г. Легрелль имѣлъ возможность, въ 1881 году, сдѣлать новое, дополненное изданіе своего перваго изслѣдованія и нынѣ представить ученому міру полную исторію присоединенія не только Страсбурга, но и всего нижняго и верхняго Эльзаса.

Для этой работы онъ воспользовался не тронутыми еще до сихъ поръ богатствами архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ и архива военнаго министерства (*dépôt de la guerre*), гдѣ сохраняется въ цѣлости и полнотѣ переписка Лувуа, отчасти только извѣстная до сихъ поръ историкамъ; не мало матеріаловъ найдено имъ также въ рукописномъ отдѣленіи національной бібліотеки и въ другихъ національныхъ архивахъ.

Г. Легрелль не ограничилъ впрочемъ своихъ поисковъ одною Франціею; онъ отыскалъ въ королевской бібліотекѣ въ Брюсселѣ цѣлый сборникъ писемъ (*relations véritables*) одного страсбургскаго обывателя, корреспондента Брюссельской газеты, описывавшаго почти день за днемъ событія въ городѣ до кануна занятія его Французами, 30-го сентабря 1681 года. Въ бытность свою въ Москвѣ, г. Легрелль, получивъ при просвѣщенномъ содѣйствіи барона Ф. А. Булера доступъ въ главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, думалъ найти въ статейныхъ спискахъ и посольскихъ дѣлахъ какіе-нибудь отрывы нашихъ пословъ объ этомъ событіи, столь сильно поразившемъ германскія государства; поиски его, однако, остались тщетными: Вутурлинъ и Чаадаевъ, находившіеся въ то время за-границей, вовсе не упоминаютъ объ этомъ событіи, а Потемкинъ отмѣчаетъ занятіе Страсбурга только нѣсколькими словами, не придавая ему, по видимому, никакого значенія ¹⁾.

Страсбургскіе архивы, которые могли бы, по видимому, представить автору самый богатый матеріалъ для его изслѣдованія, оказались для него недоступными; однако обстоятельство это не повліяло неблагоприятно на его трудъ. Городскіе страсбургскіе архивы, какъ извѣстно, весьма неполны; отдѣлы, касающіеся событія 1681 г., погибли невозвратно для науки; они сгорѣли въ 1686 году; остальные

¹⁾ См. Памятники дипломатическихъ сношеній, V.

отдѣлы пострадали не мало во время французской революціи; содержаніе же документовъ, спасенныхъ во время періодическихъ погромовъ, весьма подробно изложено въ „инвентарѣ“ [Inventaire détaillé], составленномъ по распоряженію правительства Наполеона III и продолжаемомъ въ настоящее время въ Страсбургѣ. Вся же переписка между страсбургскими властями и французскимъ правительствомъ сохраняется въ цѣлости въ архивахъ военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, равно какъ и чернови^с отвѣты на всѣ письма и донесенія Mm. de Strasbourg.

Такимъ образомъ оказывается, что главный матеріалъ по этому вопросу находится въ настоящее время не въ Страсбургѣ, а въ Парижѣ, и что страсбургскіе архивы не могли бы, даже въ случаѣ доступности ихъ, существенно дополнить свѣдѣнія, почерпнутыя изъ парижскихъ. Располагая такимъ разнообразнымъ матеріаломъ, г. Легрелль представилъ въ книгѣ „Louis XIV et Strasbourg“ не только обстоятельное описаніе занятія Страсбурга и подготовительныхъ къ тому мѣръ, но и утвержденія Французовъ въ Эльзасѣ въ силу постановленій Мюнстерскаго договора, такъ что трудъ его является цѣльною и полною исторіей сношеній Эльзаса съ Франціей до окончательной инкорпорации французскою короною всей области между Вогезами и Рейномъ и до потери ея въ 1870 году.

Такая широкая постановка вопроса вытекала естественнымъ путемъ изъ основной мысли автора, что занятіе Страсбурга было только послѣднимъ звѣномъ въ цѣлой цѣпи событій, предшествовавшихъ Мюнстерскому миру и вытекавшихъ изъ постановленій его ¹⁾.

Никто, конечно, не будетъ оспаривать вѣрности и научности этой основной мысли; не соглашаться съ авторомъ можно развѣ только относительно развитія основнаго положенія и изложенія поводовъ и причинъ окончательной развязки. Въ этомъ отношеніи г. Легрелль, на нашъ взглядъ, слишкомъ выдвигаетъ впередъ юридическій моментъ предъ политическимъ, вслѣдствіе чего самъ часто впадаетъ въ противорѣчіе. Доказывая, напримѣръ (стр. 244 et passim), что Страсбургъ, принадлежа къ ландграфству Эльзасскому, тѣмъ самымъ долженъ былъ законнымъ путемъ подчиниться Франціи съ остальною областью, авторъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 705), сознается, что занятіе Людовикомъ XIV Страсбурга въ 1681 г. не можетъ быть оправ-

¹⁾ Нѣмецкіе публицисты смотрятъ также на этотъ вопросъ, но называютъ только занятіе Страсбурга: *«die Krone der Gewaltthaten Ludwigs d. XIV gegen das Elsaas»*.

диваемо съ строгой точки зрѣнія международного права. Придерживаясь такой исключительно формальной, юридической оцѣнки фактовъ, пришлось бы признавать законными присоединенія нѣкоторыхъ мѣстечекъ, сдѣланныя высшими судами Брейсаха и Меца, на томъ основаніи, что на эти мѣстечки нѣкогда распространялась власть и право защиты Меровинговъ или Пипина Короткаго. Весь споръ между французскими и нѣмецкими историками, при обсужденіи этой эпохи, протекалъ и протекаетъ въ-за такого формального обсужденія вопроса, при чемъ обѣ стороны стараются доказывать законность или незаконность приобрѣтенія на основаніи актовъ и договоровъ, признаваемыхъ самими же спорящими неясными, неточными, неопредѣленными, противорѣчивыми, дающихъ посему широкій просторъ субъективнымъ толкованіямъ, къ которымъ, за послѣднее время, сталъ еще примѣшиваться вопросъ о національности, весьма мало вліявшій на государственную жизнь въ XVII столѣтіи.

Территориальныя приобрѣтенія, дѣлаемыя въ силу династическихъ интересовъ и претензій, могутъ быть обсуждаемы на основаніи юридическихъ соображеній, но приобрѣтенія, дѣлаемыя путемъ завоеваній въ интересахъ государства, его безопасности, для достиженія естественныхъ границъ, въ силу, однимъ словомъ, въ-ковой національной политики, могутъ быть оцѣниваемы при обсужденіи всего вопроса, не столько юридическими мотивами, опредѣляемыми договорами и трактатами, сколько политическими. Г. Легрель видимо сознавалъ ложность исключительно юридического обсужденія вопроса, но не могъ, однако, вполне отрѣшиться отъ него и потому останавливается на нѣкоторыхъ вопросахъ гораздо долѣе, чѣмъ слѣдовало бы, касаясь только вскользь другихъ весьма существенныхъ.

Характеристическая черта исторіи Франціи со второй половины XV столѣтія есть непрерывная борьба противъ могущественнаго испанско-габсбургскаго дома, окружавшаго Францію своими владѣніями, какъ на южной границѣ такъ и на востокѣ и сѣверовостокѣ. Съ Лудовика XI, положившаго начало объединенію государства подчиненіемъ феодаловъ коронѣ и уничтоженіемъ политической независимости крупныхъ феодаловъ, начинается оборонительная война противъ Габсбурговъ, продолжаемая его преемниками въ теченіе двухъ столѣтій съ небольшими перерывами во время религіозныхъ междоусобій и періодовъ регентства. Національная политика Франціи съ тѣхъ поръ была ясно опредѣлена и послѣдовательно приводилась въ исполненіе: ослабленіе Габсбургскаго дома, расширеніе во-

сточныхъ и южныхъ границъ своихъ, пріобрѣтеніе стратегическихъ пунктовъ для обороны противъ соперника и для обращенія по возможности оборонительнаго своего положенія въ наступательное. Эта политика создана была не геніальностью одного человѣка, а создалась постепенно самою силою вещей; отклоненіе отъ нея было равносильно самоуничтоженію и потери самостоятельности. Исторія Франціи, начиная съ конца XV столѣтія не можетъ быть вѣрно понимаема и дѣятельность ея государственныхъ людей вѣрно оцѣниваема какъ только на основаніи этой политики; она освѣщаетъ какъ эпохи блеска и могущества Франціи, такъ и эпохи ея слабости и изнеможенія.

Могли ли такіе дѣятели какъ Ришелье, Мазарини, Лудовикъ XIV отклониться отъ этого пути, организовавъ Францію внутри и создавъ ея могущество? Могли ли они не пользоваться слабостью соперника для достиженія цѣли? Взвѣсившая вѣроятіе успѣха, разсчитывая свои силы, государственные люди Франціи осторожно и постепенно готовятъ ослабленіе Габсбургскаго дома и по мѣрѣ удачъ своихъ вмѣшиваются въ великую европейскую борьбу, сперва въ союзѣ со Шведами, затѣмъ самостоятельно, пока наконецъ имъ удастся захватить руководство во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ и предписать противникамъ и союзникамъ миръ сообразно интересамъ Франціи.

Вся дѣятельность Ришелье, Мазарини, Лудовика XIV была послѣдовательнымъ, систематическимъ возведеніемъ государственнаго яданія, основы котораго положены были еще въ XV вѣкѣ, и называть ихъ территориальныя пріобрѣтенія „неслыханнымъ насиліемъ“ столь же несправедливо, какъ восхвалять геній и величіе курфюрста Фридриха-Вильгельма I или короля Фридриха II, совидавшихъ свою монархію тѣми же путемъ и тѣми же средствами. Эта національная политика Франціи, объясняющая всѣ завоеванія и пріобрѣтенія, составляющая основу ея государственнаго роста, по нашему мнѣнію, слишкомъ слабо обрисована въ почтенномъ трудѣ г. Легрелля, полномъ интереса и новизны. Мы желали бы найти сопоставленными въ болѣе рельефномъ видѣ данныя, разбросанныя по сочиненію, о постепенномъ развитіи мысли у Ришелье и Мазарини относительно присоединенія Эльзаса, какъ результатъ ихъ послѣдовательной политики; мы желали бы найти изложеніе не столько самыхъ неопредѣленныхъ постановленій Оснабрюнскаго и Минстерскаго договоровъ и юридическихъ толкованій ихъ, сколько изложеніе причинъ этой неопредѣленности, вполне понятной и естественной при тогдашней разорванности Германіи и разно-

образів ея интересовъ. Тогда различное толкованіе параграфовъ договора разъяснилось бы само собою и сдѣлалось бы излишнимъ возобновлять юридическій споръ, который не приводилъ и не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ.

Подобно политическому и религиозный моментъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало выдвигается впередъ въ сочиненіи г. Легрелля; излишне доказывать, какое рѣшающее значеніе имѣли въ то время религиозныя соображенія, особенно въ Германіи, какое отчаяніе и страхъ возбуждалъ въ протестантскихъ земляхъ и городахъ всякій успѣхъ и расширеніе испанскаго могущества, съ которымъ нераздѣльно было представленіе о католической реакціи и инквизиціи. Самъ авторъ въ первой главѣ (стр. 33 и слѣд.) говоритъ объ увеличивающихся сношеніяхъ Страсбурга съ Франціей во времена реформаціонныхъ гоненій въ имперіи, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 90) прибавляетъ, что сама протестантская Германія утвердила господство Франціи въ Эльзасѣ.

Политическіе и религиозные мотивы, дѣйствовавшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Европѣ, господство и преобладаніе испанско-нѣмецкаго дома Габсбурговъ и негодованіе большинства государствъ противъ этого гнета — представляютъ историческій фонъ, на которомъ постепенно возвышается Франція, поддерживаемая недовольными элементами. Безъ этого совокупнаго представленія всѣхъ разнообразныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ одно и то же время, не возможно разсматривать какое-бы то ни было историческое явленіе XVII столѣтія, тѣмъ менѣе столь крупное какъ утвержденіе Франціи на лѣвомъ берегу Рейна. Отсутствіе этого историческаго фона мы считаемъ недостаткомъ въ сочиненіи г. Легрелля, который искушается, однако, сторицею богатствомъ новаго матеріала, имъ сообщаемого, и мы постараемся дать краткій отчетъ о добытыхъ имъ результатахъ, обрисовывающихъ дѣятельность Лудовика XIV въ отношеніи Эльзаса и Страсбурга въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ рисовали намъ ее историки, опиравшіеся болѣе на нѣмецкихъ источникахъ.

Предиславъ, въ первой главѣ, краткій очеркъ исторіи Страсбурга со временъ учрежденія на берегахъ Илла римскаго поселенія до начала XVII столѣтія, авторъ, во второй главѣ, переходитъ къ описанію положенія Эльзаса во время Тридцатилѣтней войны.

Едва только Ришелье вступаетъ въ государственный совѣтъ (1624 г.) какъ тотчасъ же возобновляетъ вѣковую политику Французскихъ королей, прерванную печальною эпохою регентства Маріи Медичи и

господства временщиковъ. Не довѣряя еще своимъ силамъ, при постоянной борьбѣ съ внутренними врагами, онъ медленно и осторожно приближается къ своей цѣли. Сначала онъ является защитникомъ протестантовъ въ Валтелинѣ и Енгадинѣ, занятыхъ войсками Испанцевъ и эрцгерцога Леопольда Тироляскаго, чѣмъ разрываетъ непрерывность владѣній габсбургскихъ, окаймлявшихъ восточную границу Франціи отъ Италіи до Нѣмецкаго моря, и уничтожаетъ возможность легкаго передвиженія войскъ изъ сѣверной Италіи въ Германію и Нидерланды ¹⁾; въ 1627 г. онъ является защитникомъ правъ герцога Гонзага-Неверъ на мантуанское престолонаслѣдіе, чрезъ что приобретаетъ не только вліяніе въ сѣверной Италіи и вѣрнаго въ ней союзника, но и сильную крѣпость Пиньероль — на границахъ Савойи, господствующую надъ проходами въ сѣверную Италію. Въ 1631 г. Ришельё заключаетъ съ Густавомъ-Адольфомъ договоръ, по которому обязывается выплачивать ему ежегодную субсидію въ 400,000 талеровъ на войну противъ императора и поддержку протестантскихъ князей въ имперіи.

Ришельё, однимъ словомъ, стремится къ ослабленію Габсбургскаго дома, къ уничтоженію его вліянія въ Италіи, къ разрушенію непрерывной связи между его италіанскими владѣніями и Нидерландами, къ отстраненію, помощью Шведовъ, всякихъ попытокъ, со стороны обѣихъ линій дома, утвердиться на среднемъ Рейнѣ. На Эльзасъ въ этотъ періодъ времени Ришельё еще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ видовъ: il ne le „suguaissait“ pas encore, какъ выражается онъ самъ про себя относительно другихъ приобретеній. Хотя въ мемуарахъ его и можно отыскать нѣсколько мѣстъ, гдѣ въ политическомъ воображеніи кардинала рисуется уже лѣвый берегъ Рейна какъ будущая граница Франціи, но этимъ неопредѣленнымъ, неяснымъ планамъ мы не можемъ придавать большого значенія, такъ какъ эти мемуары написаны въ болѣе позднюю эпоху, а переписка, относящаяся къ этому именно времени, указываетъ на совершенно инныя намѣренія.

Отношенія Ришельё къ Эльзасу, преимущественно къ Страсбургу, до конца тридцатыхъ годовъ носили характеръ покровительства и протектората, конечно, не изъ-за особеннаго расположенія къ нимъ, а съ цѣлью удержать ихъ въ протестантской униі, то-есть въ числѣ враговъ императора, и тѣмъ обеспечить свою границу отъ нашествія

¹⁾ Въ 1627 году, впрочемъ, Испанцы снова завладѣли Валтелиномъ.

враговъ. Переписка между министрами короля и страсбургскими властями продолжалась непрерывно (г. Легрелль помѣщаетъ въ приложеніи нѣсколько весьма интересныхъ документовъ, относящихся къ этому періоду—ММ 1—10—изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ: *fond de France*; постоянно отправлялись посольства и уполномоченные съ обѣихъ сторонъ; содержались дипломатическіе агенты—все съ тою же цѣлью: тѣснѣе скрѣпить связь противъ взаимнаго врага и поддержать Страсбургъ въ оппозиціи противъ императора, какъ на примѣръ, въ 1629 г. послѣ изданіи знаменательнаго *Restitutionsedict* Ришельё не оставлялъ Страсбургцевъ своими совѣтами, ссужалъ ихъ деньгами (стр. 77), предлагалъ имъ даже вооруженную помощь (стр. 63, 67), отъ которой, впрочемъ, Страсбургцы всегда отказывались подъ предлогомъ „*bizarterie des esprits dans leur conseil*“ (стр. 67), подъ чѣмъ подразумѣвались, конечно, партіи императорская и испанская. Впрочемъ, подъ преданностью и благодарностью страсбургскихъ властей, причислявшихъ себя къ сторонникамъ „*leurs de lis*“, высказываемой въ весьма теплыхъ и униженныхъ выраженіяхъ, скрывался самый односторонній, локальный эгоизмъ и даже корыстолюбивый расчетъ маленькой республики; не высшіе общегерманскіе интересы, не чувство національнаго единства, которое новѣйшіе нѣмецкіе публицисты стараются навязать Страсбургцамъ, а исключительное желаніе сохранить свое республиканское самоуправленіе, протестантское вѣроученіе и полную независимость отъ кого бы то ни было руководило ихъ въ этомъ отношеніи. Они стояли въ XVII в. на той же самой точкѣ зрѣнія, какъ и въ 1458 году, когда отвѣчали императору Фридриху III, на его требованіе уплаты голоной подати наравнѣ съ другими имперскими городами, непосредственно подчиненными ему и имперіи, что Страсбургъ *Imperatori homagium praestare non tenetur; Imperatori non tenetur ad tributum, sicut aliae Civitates (als gemeiniglich andere Reichstädte thun müssen); in expeditionibus romanis insigne suum prope Imperii aquilam gerere potest* ¹⁾.

Страсбургцы искусно охраняли свою независимость ранно какъ отъ империалистовъ и Лотарингцевъ, такъ и отъ Шведовъ, покупая себѣ нейтралитетъ у враговъ и друзей и опираясь на сильную Францію, искренности которой, впрочемъ, также не довѣряли, при чемъ не упускали удобнаго случая, подъ предлогомъ защиты, распростра-

¹⁾ Ср. *Chroniken der deutschen Städte. Strassburg*, pag 6; *Knipschild—de juribus et privilegiis civitatum imperialium*. 1657.

нить свою территорію на счетъ близлежащихъ селъ и мѣстечекъ (стр. 104, 105). Когда послѣ Лейпцигской битвы Густавъ-Адольфъ явился на Майнъ и среднемъ Рейнѣ и явно обнаруживалъ намѣреніе утвердиться въ Эльзасѣ и Страсбургѣ, даже требовалъ отъ послѣдняго *sacramentum non subjectionis sed assecurationis tantum* (стр. 83), Риншель, которому стоить же нежелательно было видѣть на своихъ восточныхъ границахъ сильнаго Шведа, сколько и сильнаго Габсбурга, употреблялъ всѣ дипломатическія кружки, чтобы удержать Страсбургцевъ отъ подчиненія Шведамъ. Онъ послалъ въ Страсбургъ Ла-Гранжа для противодѣйствія шведскимъ проискамъ и старался воздѣйствовать на узкій республиканскій патриотизмъ членовъ совѣта, заклиная ихъ, какъ давнишнихъ союзниковъ французской короны, *de ne soumettre leurs murailles, leur État et l'autorité de leur république à autres qu' à eux-mêmes, directement ni indirectement* (стр. 82). Хотя Страсбургъ и долженъ былъ уступить требованіямъ Густава-Адольфа и впустить шведскія войска въ свои стѣны съ обязательствомъ ихъ содержанія, но *sacramentum* никакого не принесть, и Риншель, примирившемся съ фактомъ, оставалось только зорко слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями Шведовъ.

Послѣ Люценской битвы и преждевременной смерти великаго полководца положеніе дѣлъ въ Европѣ внезапно измѣнилось; оно должно было естественно отразиться и на судьбѣ Эльзаса. Шведскія войска стали стягиваться въ Саксонію, и гарнизоны, расположенные около Страсбурга, были вызваны на берега Эльбы; западная Германія предоставлена была своимъ силамъ. А между тѣмъ уже съ юга приближались испанскія войска подъ начальствомъ Миланскаго губернатора герцога Феріа чрезъ альпійскіе проходы у Борміо, чтобы чрезъ Боденское озеро и долину Рейна вторгнуться у Вазеля въ Зундгау и Эльзасъ. Риншель видѣлъ, слѣдовательно, приближеніе той же опасности, которую онъ предупреждалъ еще въ 1624 году вмѣшательствомъ въ дѣла Валтелины и Граубиндена; Франціи снова угрожало очутиться въ желѣзномъ кольцѣ испанско-габсбургской силы отъ южныхъ границъ до Нидерландъ; ей угрожала опасность погибнуть въ междоусобныхъ войнахъ, поддерживаемыхъ близостью Испанцевъ. Риншель понялъ, что медленностью и отсутствіемъ энергіи разомъ могутъ разрушиться всѣ его планы внутренней и виѣшней политики; поэтому онъ рѣшилъ быстрымъ занятіемъ Эльзаса, хотя бы только на время, предупредить возможность соединенія испанскихъ

южныхъ арій съ сѣверными и попытаться на среднемъ Рейнѣ довершить то, что ему не удалось сдѣлать въ альпійскихъ проходахъ.

Исполненіе этого быстрого рѣшенія облегчено было Ришельё самими Нѣмцами. Смерть Густава - Адольфа, усиліе императорской партіи встревожили весь протестантскій лагерь, а вѣсть о приближеніи испанской арміи въ самое сердце Германіи и будущее соединеніе ея съ императорскими войсками распространили повсемѣстно страхъ и отчаяніе. Герцогъ Виртембергскій и пфальцграфъ Цвейбрюкенскій послали въ Парижъ просить короля объявить войну императору; курфюрстъ Бранденбургскій приглашалъ Людовика XIII prendre en main l'oeuvre de protection et de médiation qu'on réclamait de lui et à s'y porter avec une promptitude salutaire (стр. 89). Города на среднемъ Рейнѣ и въ Эльзасѣ, лишенные защиты по выходѣ шведскихъ гарнизоновъ, приглашали Французовъ занять мѣсто послѣднихъ и вскорѣ всѣ крѣпости и пункты, важные въ стратегическомъ отношеніи, добровольно и охотно стали открывать ворота свои для принятія французскихъ войскъ ¹⁾.

Одинъ Страсбургъ считалъ себя достаточно сильнымъ противъ всякаго врага—Лотарингцевъ и Габсбурговъ—и упорно отклонялъ всѣ предложенія французскихъ комиссаровъ, облекая свои отказы въ весьма учтивыя и почтительныя формы. Хотя, какъ говоритъ г. Легрелль (стр. 90),—сами протестанты призывали Французовъ въ Эльзасъ и утверждали тамъ ихъ власть, Ришельё, однако, въ то время еще далеко былъ отъ мысли обратить это временное занятіе въ полное господство, и несправедливо заподозривать въ лукавствѣ и неискренности его завѣренія на счетъ этого, какъ дѣлаютъ нѣкоторые нѣмецкіе историки. Въ Вѣнѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, повсюду посланники Людовика XIII въ 1633 и 1634 году повторяютъ одну и ту же мысль, что „le roi ne ferait point de difficulté de remettre les places qui avaient été mises en sa protection, quand par une paix générale le besoin de les garder serait cessé“ (стр. 108).

Мысли Ришельё были направлены въ ту пору въ другую сторону. Испанскіе Нидерланды и особенно Лотарингія представляли центръ всѣхъ крамоль французскихъ вельможъ, недовольныхъ новыми порядками, вводимыми кардиналомъ; дворы въ Нанси и Брюсселѣ составляли сборище всѣхъ политическихъ агитаторовъ; тамъ обсу-

¹⁾ Въ 1633 г. Французы вступили въ Ганау, Ландау, въ началѣ 1634—въ Гагенау, Цабернау, Филиксбургъ, Монбельяръ, Шлеттштадтъ, Колмаръ.

дались планы и рѣшались предпріятія въ связи съ обще-европейскою войною противъ Людовика XIII и его всемогущаго министра; тамъ искалъ убѣжища Гастонъ Орлеанскій, братъ короля; тамъ состоялась помолвка его съ Маргаритой, сестрой Карла Лотарингскаго; въ Брюсселѣ же нашла радушный пріемъ Марія Медичи, готовая накликать врага на своего сына и на всю Францію для удовлетворенія пустаго тщеславія и жажды вѣсти.

Этотъ оплотъ оппозиціи, парализующій всякую дѣятельность, всѣ предпріятія и реформы внутри государства; этотъ центръ постоянныхъ опасностей и угрозы со стороны Испаніи, необходимо было уничтожить быстрыми и энергическими мѣрами, до появленія герцога Феря на среднемъ Рейнѣ и до усиленія численности испанско-габсбургскаго войска на границахъ Франціи. Потому въ 1633 г. король Людовикъ XIII, въ сопровожденіи кардинала и маршала Лафорса, подступивъ къ Нанси, принуждаетъ герцога Карла передать ему эту сильную крѣпость и затѣмъ утверждается въ Лотарингіи; въ томъ же году учреждается парламентъ въ Мецѣ, для прекращенія всякой связи трехъ епископствъ (Мецъ, Туль, Вердювь) съ имперіей и зависимости ихъ отъ имперскаго суда, и возобновляется въ Гейлброннѣ союзъ противъ Габсбурговъ не только со Шведами, но и съ четырьмя германскими округами (Швабіей, Франконіей, верхне-и нижне-рейнскимъ); а въ слѣдующемъ году Ришельё начинаетъ переговоры съ Генеральными Штатами относительно завоеванія и раздѣла Испанскихъ Нидерландовъ.

Такимъ образомъ все вниманіе, всѣ успія Ришельё были направлены въ это время къ утвержденію французскаго господства въ Испанскихъ Нидерландахъ и Лотарингіи, о завоеваніи же Эльзаса онъ вовсе и не помышлялъ, смотря на временное заятіе его какъ на необходимое обезпеченіе своихъ границъ съ востока. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить переговоры, начатые уже въ 1634 году между французскими агентами и Бернгардомъ Веймарскимъ объ уступкѣ ему Эльзаса, переговоры, которые окончились въ октябрѣ 1635 г. признаніемъ за нимъ „le landgraviat d' Alsace, y compris le bailliage d' Haguenau pour en jouir sous le titre de Landgrave d' Alsace, avec tous les droits qui ont appartenu ci-devant à la maison d' Autriche dans le dit pays“ (стр. 111; Bibliothèque nationale, fonds français № 3737).

Франція хотѣла вѣтнъ признаніемъ Эльзаса за Бернгардомъ, непримиримымъ врагомъ Габсбурговъ, лишившихъ его родовыхъ земель,

приобрести себѣ „une pérennuelle barrière entre la France et ses ennemis“¹⁾. Поэтому французское правительство не только признавало за нимъ цѣлую область, но и гарантировало ему свою поддержку, обязуясь выплачивать ежегодно известную субсидію²⁾ для содержанія войска. При переговорахъ по поводу этой передачи между членами Гейлброннскаго союза, французское правительство, повторяя прежнія свои завѣренія на счетъ Эльзаса, тщательнo избѣгало разговоровъ о Лотарингіи, и два года спустя, Людовикъ XIII даже категорически заявилъ шведскому уполномоченному, что если Швеція желаетъ сохранить за собою занятую ею Померанію, то и онъ имѣетъ намѣреніе оставить за собою Лотарингію.

Естественно, что усилія и затраты французскаго правительства, платившаго членамъ протестантской униі субсидіи и содержавшаго, кромѣ арміи Тюрена и Конде, все войско Бернгарда Веймарскаго, по мѣрѣ успѣшности результатовъ, должны были расширять какъ самыя планы Рихелья, такъ и требованія его относительно вознагражденія. Уже съ 1638 года, со времени взятія Бернгардомъ Врейзаха, столь важнаго въ стратегическомъ отношеніи, и послѣ явно выказаннаго имъ нежеланія предоставить эту крѣпость Французамъ, Рихелья сталъ недоувѣрять своему союзнику и подумывать о сохраненіи Эльзаса въ видѣ залога для болѣе выгодныхъ условій при будущихъ переговорахъ о мирѣ съ императоромъ. Мысль эта укрѣпилась въ немъ еще болѣе послѣ смерти Верагарда (1639 г.), оставившаго духовное завѣщаніе³⁾, по которому онъ передавалъ, въ случаѣ отказа братьевъ своихъ (сторонниковъ Габсбурговъ съ 1635 г.), всѣ завоеванныя имъ мѣста и области—Франціи, до всеобщаго замиренія, послѣ чего они должны были быть возвращены имперіи. Случай помогъ и осуществить тотчасъ же эти планы; армія саксонская, лишенная своего вождя, готова была передаться тому, кто предложитъ ей болѣе выгодныя условія; Франція предупредила другихъ и, по выраженію Шерюеля⁴⁾, „acheta l'armée et ses conquêtes“; французское знамя развѣваться стало надъ Врейзахомъ и другими городами, занятыми саксенъ-веймарскими войсками.

Мазарини имѣлъ на Эльзасъ уже болѣе опредѣленные виды; судя по его инструкціямъ и приказамъ, онъ смотрѣлъ на него не какъ

¹⁾ *Lettres de Richelieu. Œuvres*, VI, 406—410.

²⁾ 5½ мил. ливровъ.

³⁾ *Bibliothèque nationale*, № 3737, f. de France.

⁴⁾ *Introduction à la correspondance de Mazarin*.
часть сохххi, отд. 2.

на залогъ для будущихъ мирныхъ переговоровъ, но скорѣе какъ на справедливое вознагражденіе непомирныхъ десятилѣтнихъ усилій и затратъ Франціи, тѣмъ болѣе, что надежды на приобрѣтеніе Лотарингіи съ 1643 года все болѣе и болѣе уменьшались. „Quant à l'Alsace“, писалъ онъ Тиреню, — „je m' assure que vous la considérez comme un pays qui n' appartient pas moins au Roi que la Champagne, et, par conséquent, que Vous ménagerez les provisions qui s'y trouvent avec tout l'ordre et toute l'économie possible“¹⁾.

Инструкціи, данныя отправленнымъ въ Мюнстеръ уполномоченнымъ французскимъ графомъ д'Аво (d' Avaux) и Сервиену (Servien de la Roche), настаиваютъ, какъ на крайнемъ минимумѣ требованій Франціи, на полной уступкѣ верхняго и нижняго Эльзаса вмѣстѣ съ Врейтскомъ, разумѣя подъ этия весь лѣвый берегъ средняго Рейна, какъ на естественную границу „de séparation à la France et à l'Allemagne“²⁾.

Въ постановленіяхъ Мюнстерскаго мира; состоявшагося наконецъ послѣ семилѣтнихъ сложныхъ переговоровъ 24-го октября 1648 г., четыре параграфа (73, 74, 79, 87) трактуютъ объ уступкѣ Эльзаса Франціи; неопредѣленность и неточность ихъ изложенія подавала и подаетъ, какъ мы уже говорили, поводъ къ безчисленнымъ юридическимъ пререканіямъ, не приводящимъ къ положительнымъ результатамъ. Тогда какъ по смыслу первыхъ трехъ параграфовъ не только императоръ и весь Габсбургскій домъ, но и имперія, отказываются отъ всякихъ правъ на Эльзасъ и передаютъ верховную власть (supremum dominium) всецѣло коронѣ Франціи, упраздняя всѣ прежніе законы и постановленія, противорѣчащія этой уступкѣ, 87-й параграфъ признаетъ за Франціей только весьма незначительную часть области, сохраняя большую въ неразрывной связи съ имперіей (In Libertate et possessione immedietatis erga Imperium Romanum) и отрицая надъ послѣднею всякую верховную власть короля Франціи³⁾.

¹⁾ Lettres de Mazarin, t. II, pag. 580.

²⁾ Ut cedat Galliae Alsatia inferior et superior, incluis Sundgovia, Brisaco et Brisgovia, civitatibus sylvestribus *) cum omni causâ omnique jure quo ante praesens bellum possidebantur à principibus domus Austriacae.

*) *Laufenberg, Rheinfelden, Seckingen, Waldshut.*

³⁾ § 73. Imperator ..... itemque Imperium cedunt omnibus juribus, proprietatibus, dominiis, possessionibus ac juris dictionibus quae haecenus sibi, Imperio ac familiae Austriacae competebant in oppidum Brisacum, Landgraviatum superioris et inferioris Alsatiae, Sundgoviam, Praefecturamque provincialem decem civitatum

Г. Лейрелль весьма обстоятельно занимается разбором этих параграфовъ и старается доказать отсутствіе всякаго противорѣчія и полную въ нихъ гармонію и послѣдовательность; онъ разсматриваетъ 87-й параграфъ какъ дополненіе лишь къ первымъ тремъ, дополненіе, которое касается подробностей, возлагая на Францію обязательство сохранить существовавшую уже прежде автономію въ этихъ городахъ и областяхъ, автономію, которой въ деклараціи придано громкое названіе *libertas et immedietas erga Imperium*.

Съ подобнымъ толкованіемъ текста нельзя, кажется, согласиться уже потому, что *supremum dominium*, признаваемое за Франціей, противорѣчитъ понятію *immedietatis erga Imperium Romanum*, такъ какъ—*Is tantum immediatus Imperii dicitur qui nullius alterius quam*

---

imperialium in Alsatia sitarum..... omnesque pagos et alia quaecumque jura, quae a dicta Praefectura dependent, eaque omnia et singula in Regem Christianissimum regnumque Galliarum transferunt, ...

§ 74. Itemque dictus Landgraviatus utriusque Alsaciae et Sundgoviae, tum etiam Praefectura provincialis in dictas decem Civitates et loca dependentia, itemque omnes vassalli, landsassii, subditi, homines, castra, villae, arces, sylvae, forestae, auri, argenti aliorumque mineralium fodinae, flumina, rivi, pascua, omniaque jura, regalia et appertinentiae abque ulla reservatione cum omnimoda juris dictione et superioritate *supremo dominio* a modo in perpetuum at Regem Christianissimum Coronamque Galliae pertineant, et dictae Coronae incorporata intelligantur, abque Caesaris, Imperii domusque Austriacae vel cujuscumque alterius contradictione .....

§ 79. Ad majorem supradictarum cessionum et alienationum validitatem, Imperator et Imperium, vigore praesentis transactionis, expresse derogant omnibus et singulis praedecessorum Imperatorum Sanctique Imperii Romani decretis, constitutionibus, statutis et consuetudinibus, etiam juramento firmatis, aut in posterum firmandis, nominatimque Capitalationi Caesareae, quatenus alienatio omnimoda honorum et jurium Imperii prohibetur .....

§ 87. Teneatur tamen Rex Christianissimus non solum episcopus Argentinensem et Basiliensem, cum civitate Argentinensi, sed etiam reliquos per utramque Alsatiam Romano Imperio immediate subiectos Ordines, Abbates, Abbatissam .... Monasterium .... Palatinos, Comites, Barones, ... nobilitatem, item praedictas decem civitates imperiales .... *in ea libertate et possessione immedietatis erga Imperium Romanum*, qua hactenus gavisae sunt, relinquere: ita ut nullam ulterius in eo regiam superioritatem praetendere possit, sed iis juribus contentus maneat, quaecumque ad domum Austriacam spectabant, et per hunc pacificationis tractatum Coronae Galliae ceduntur. *Ita tamen ut praesenti hac declaratione nihil detractum intelligatur de eo omni supremi dominii jure quod supra concessum est.*

Matern, Acta pacis Westphalicae publica. Hannov., 1734. Ghillany, Diplomatisches Handbuch. 1855; I, 1.

Imperatoris jurisdictioni subjectus est—и слѣдовательно нельзя, было въ одно и то же время признавать верховную власть одного государя и высшую юрисдикцію другого.

Мы уже въ началѣ статьи высказали нашъ взглядъ по поводу этого спорнаго вопроса, утверждая, что при обсужденіи его, въ настоящее время, слѣдуетъ обращать болѣе вниманія на историческую, чѣмъ юридическую сторону дѣла, то-есть, не столько заниматься разборомъ противорѣчій, сколько разъясненіемъ вообще причинъ возможности существованія ихъ въ международномъ актѣ.

Французскіе уполномоченные, графъ д'Аво и Сервиентъ, вели, какъ извѣстно, переговоры въ Минстерѣ съ императорскими уполномоченными: графомъ Траутмансдорфомъ—главнымъ комиссаромъ, графомъ Нассаускимъ и Исаакомъ Фолгаромъ, при посредничествѣ кардинала Фабіо Киджи и венеціанскаго посланника Контарено Переговоры эти, начавшіеся въ апрѣлѣ 1645 года, окончились лишь черезъ годъ установленіемъ главныхъ основъ замиренія; императорскіе комиссары, въ виду необычайныхъ успѣховъ французскаго оружія, должны были наконецъ согласиться на уступку Франціи всего Эльзаса съ Зундгау, то-есть, всего лѣваго берега Рейна, и хрѣвостей Брейзаха и Филиппсбурга—на правомъ берегу: *Ita defugere non poterant Caesarei quin totam Alsatiam annuerent*, говоритъ Пуффендорфъ ¹⁾. 17-го сентября 1646 года графъ д'Аво торжественно доносилъ регентшѣ-матери Аннѣ Австрійской, „*que Sa. Majesté avait non seulement étendu les limites de la France jusqu' à ses plus anciennes bornes, mais encore acquis deux places très importantes sur le Rhin*“.

Впрочемъ главное затрудненіе, при обсужденіи этого вопроса, состояло не столько въ самой уступкѣ, которая уже была вочти предрѣшена, сколько въ опредѣленіи будущихъ правъ Франціи на эту территорию. Передать ли Эльзасъ Франціи въ полную собственность или въ видѣ лена имперіи, какъ это было сдѣлано съ Помераніей, уступаемою Швеціи, что влекло за собою, естественно, участіе короля Французскаго, съ правомъ голоса на имперскихъ земскихъ собраніяхъ,—вотъ вопросъ, который въ теченіе лѣта 1646 года занималъ уполномоченныхъ. Наконецъ вѣковое соперничество Габсбурговъ, опасеніе и страхъ потерять окончательно вліяніе въ имперіи, при участіи могущественнаго монарха на рейхстагахъ, одержали верхъ, и *supremum dominium* Франціи было признано.

¹⁾ *Der rebus Suecicis* lib. 18, § 74.

Но этнмъ соглашеніемъ съ императоромъ дѣло еще не кончалось. По германскому уложенію, верховная власть (*Imperium*) принадлежала императору въ совокупности съ имперскими сословіями (*Reichstände*), и по сему необходимо было, для окончательнаго рѣшенія дѣла, получить на подобную территориальную уступку еще согласіе представителей сословій, находившихся въ Мюнстерѣ же; необходимо было вступить въ переговоры съ элементами, всегда противодѣйствовавшими императору, съ элементами, которыхъ, какъ показывалъ опытъ, никогда нельзя было привести къ единодушію, вслѣдствіе разнообразныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ.

Какъ территориальные владѣтели, такъ и имперскіе города Эльзаса, устранились мысли войти въ составъ государства, въ которомъ господствовала полная централизація, гдѣ не было мѣста ни ихъ сословной, ни ихъ общинной автономіи, и гдѣ они должны были исчезнуть какъ атомы въ огромномъ политическомъ организмѣ. Для ихъ мелкихъ локальных интересовъ выгоднѣе было оставаться членами имперіи, что не влекло за собою никакихъ стѣсненій и жертвъ и предоставляло ихъ самимъ себѣ. Не чувство національности, не высшія побужденія руководили представителями сословій, а исключительно соображенія практическаго свойства. Страсбургскія власти, на примѣръ, отправляя уполномоченныхъ въ Мюнстеръ, просили Мазарини *de vouloir bien faire recommander les intérêts de leur ville à mm. les plénipotentiaires de France* ¹⁾, а интересы эти, по ихъ же собственнымъ словамъ, заключались въ сохраненіи трехъ церквей, въ признаніи за ними различныхъ участковъ, предоставленныхъ Страсбургу Швеціей, и въ подобныхъ материальныхъ приобрѣтеніяхъ ²⁾. Представители Эльзаса требовали, вопреки желанію императора, чтобы связь Эльзаса съ имперіей не была разрушена, чтобы король Франціи, какъ ландграфъ Эльзаса, являлъ голосъ на имперскихъ рейхстагахъ, и чтобы выраженіе *supremum dominium* было уничтожено въ договорѣ.

Не смотря на завѣренія д'Аво и Сервіена, что король гарантируетъ имъ всѣ права и привилегіи, представители сословій стояли на своемъ и переговоры не подвигались впередъ до конца 1647 года. Наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій императорскихъ комиссаровъ придти къ соглашенію, а съ другой стороны, вслѣдствіе

¹⁾ Lettre à Mazarin du 11 mars 1645. Archives des affaires étrangères.

²⁾ Страсбургцы писали своимъ агентамъ отъ 12-го апрѣля 1646 года, чтобы il soit obvié et pourvu à la sûreté et conservation de tous nos droits, privilèges, immunités et possessions. (Archives des affaires étrangères).

желанія самихъ сословій выйти изъ закодированнаго круга пререканій и протестовъ и вслѣдствіе желанія французскаго правительства покончить скорѣе дѣло, въ виду начинающагося броженія во Франціи (фронта)—прибѣгли къ мѣрѣ, обыкновенно практиковавшейся въ имперіи. Желанія и условія сословныхъ уполномоченныхъ были формулированы въ особенномъ параграфѣ (87), редакція котораго была только во внѣшней формѣ, а не по существу, согласована съ принятыми императоромъ, уже въ сентябрѣ 1646 г., условіями (73, 74, 79) и въ видѣ деклараціи включены въ *instrumentum pacis*.

Такой исходъ имѣли обыкновенно съ XV вѣка всѣ веденные переговоры на рейхстагахъ въ имперіи, на которыхъ нельзя было никогда достигнуть соглашенія и единодушія, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ интересовъ, и на которыхъ обыкновенно путемъ компромиссовъ и тщательною редакціей, обходившею всѣ существенныя разногласія, составлялся окончательный актъ (*Reichsabschied*), исполненіе или не исполненіе котораго зависѣло отъ времени, обстоятельствъ и силы вещей и весьма часто отъ преобладанія той или другой партіи. Такъ было, напримѣръ, въ Аугсбургѣ въ 1555 году, когда, такъ искренно и горячо хлопотавшій о религіозномъ мирѣ, Римскій король Фердинандъ I могъ достигъ заключенія его только присоединеніемъ къ каждому параграфу нѣсколькихъ декларацій, исключающихъ и парализирующихъ другъ друга, предоставляя времени и обстоятельствамъ успокоить страсти и самой жизни выработать *modus vivendi* между религіозно-политическими партіями.

Какъ въ 1555 году, такъ и въ 1647, уполномоченные императора и имперіи вносили въ международный актъ, лишь бы покончить дѣло, заведомо противорѣчивыя постановленія, сознавая, что въ нихъ таятся зародыши новыхъ столкновеній и предоставляя времени и преобладанію одной изъ сторонъ истолкованіе этихъ противорѣчій. Посему на параграфы 73, 74, 79 и 87 мы не должны смотрѣть какъ на части одного договора, заключеннаго между двумя государствами, а скорѣе какъ на части двухъ различныхъ договоровъ— между Франціей и императоромъ и между Франціей и имперіей— сопоставленныхъ только въ одномъ и томъ же актѣ. Самое мѣсто, занимаемое 87-мъ параграфомъ въ ряду всѣхъ прочихъ, доказываетъ справедливость нашего взгляда. §§ 73 и 74 трактуютъ объ инкорпораціи Эльзааса Франціи; § 75—о сохраненіи католическаго культа въ странѣ; § 76—о содержаніи французскихъ гарнизоновъ въ Филиппбургѣ; § 77—о правахъ Шпейерскаго епископа на Филиппбургъ; § 78—объ

особомъ актѣ утвержденія Эльзаса за Франціей обѣими линиями Габсбурговъ; § 79—объ оправдненіи всѣхъ имперскихъ актовъ, противорѣчащихъ этой уступкѣ; затѣмъ §§ 80—86 трактуютъ о разныхъ формальностяхъ, денежныхъ вознагражденіяхъ, уплатахъ долга, возвращеніяхъ отнятыхъ земель, однимъ словомъ—о подробностяхъ, вытекавшихъ изъ основныхъ положеній, и вдругъ въ заключеніе этихъ деталей и предъ постановленіями объ италіанскихъ дѣлахъ является § 87 (называемый декларацией), по важности содержанія своего представляющій не къ второстепеннымъ вопросамъ, а непосредственно къ §§ 73 и 74. Очевидно, что императорскіе комиссары самымъ расположеніемъ параграфовъ въ упомянутомъ порядкѣ хотѣли обозначить, что не придаютъ § 87-му особеннаго значенія, а включаютъ въ актъ декларацию сословій лишь для того, чтобы успокоить ихъ и довести дѣло до конца.

И французскіе уполномоченные не воспротивились включенію этого параграфа въ *Instrumentum pacis*, настоявъ только на присоюуженіи фразы: „*Ita tamen ut praesenti hac declaratione nihil detractum intelligatur de eo omni supremi domini jure quod supra concessum est*“, которая парализовала основную мысль всего параграфа и подтверждала постановленное уже въ §§ 73, 74 и 79. Кроме того, Сервіенъ, при обмѣнѣ ратификацій, 18-го февраля 1649 года, присоединилъ еще протестъ, которымъ всѣ декларации и объясненія къ договору объявлялись не имѣющими никакого значенія ¹⁾).

Такимъ образомъ при самомъ подписаніи и ратификаціи договора положено было уже начало пререканіямъ, продолжающимся до сихъ поръ и разрѣшаемымъ различно, смотря по тому, которой изъ двухъ частей договора дается преимущество.

Императорское правительство официально игнорировало вынужденную у нея декларацию и въ позднѣйшихъ актахъ, служившихъ какъ бы дополненіемъ къ Мюнстерскому договору, оставалось вѣрнымъ смыслу первыхъ трехъ параграфовъ. Такъ напримѣръ, въ актѣ отъ 6-го ноября 1648 г. говорится объ этой уступкѣ Эльзаса въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *ut omnes et singuli dictorum Episcopatum provinciarumque vassalli Regi Christianissimo homagia dicant, caeteraque omnia et singula praesent ad quae de jure aut consuetudine Imperio Romano tenebantur, id est mediate vel immediate; и въ дру-*

¹⁾ Archives des affaires étrangères.

гомъ жѣсть: *supremum dominium iuraque superioritatis imperialis atque omnia quae imperio competebant, omni meliori modo, atque omni limitatione, restrictione, reservatione, etc.*

Параграфъ 61-й Пиринейскаго мира (1659 г.), по которому Испанскій король, какъ представитель старшей линіи Габсбурговъ, отказывался, согласно § 78 Мюнстерскаго договора, отъ правъ своихъ на Эльзасъ, — почти дословно повторяетъ параграфы 73-й и 74-й Мюнстерскаго договора и совершенно умалчиваетъ о 87-мъ.

Тѣмъ не менѣе, французское правительство не скрывало отъ себя возможности будущихъ затрудненій при приведеніи въ исполненіе Мюнстерскаго трактата, что выразилось отчасти уже въ протестъ графа Сервіона, и утѣшалось мыслью, что осторожною и обдуманною политикою сопротивленіе Эльзасцевъ можетъ быть со временемъ преодоленно. Посему почти въ теченіе тридцати лѣтъ правительство, чувствуя свое шаткое положеніе въ странѣ, не принимало никакихъ энергическихъ мѣръ къ утвержденію въ ней своей власти, положивъ въ основу дѣйствій систему, рекомендованную г. Вотортюмъ (Vautorte) въ дописаніи Брюнню, систему „d'une extrême douceur, pour apprivoiser les esprits en laissant reposer le droit“.

Къ тому же начавшаяся въ 1648 году фрондская война, это послѣднее судорожное движеніе замирающаго феодализма, сосредоточила все вниманіе правительства на болѣе важныхъ вопросахъ и отразилась весьма неблагоприятно на слияніи Эльзаса съ Франціей, угрожая даже полнымъ отпаденіемъ его.

Первый губернаторъ, назначенный правительствомъ въ Эльзасъ, графъ д'Аркуръ (Lieutenant-général en haute et basse Alsace, grand bailli de Haguenau), родственникъ Лотарингскаго дома и одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ членовъ партіи „недовольныхъ“ (malcontents), замышлялъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ правительства и шаткостью отношеній Эльзаса къ коронѣ, устроить себѣ между Вогезами и Рейномъ самостоятельное княжество, хотя бы и въ ленной зависимости отъ имперіи. Онъ подстрекалъ гарнизоны въ Брейзахѣ и Филиппбургѣ къ возмущенію и поддерживалъ въ Эльзасахъ мысль о принадлежности къ имперіи; домогался голоса въ верхнерейнскомъ окружномъ собраніи (Kreisverein) и въ имперскомъ собраніи въ Регенсбургѣ; вступалъ даже въ переговоры съ Испаніей, выдавая этими дѣйствіями свое правительство и усиливая въ жителяхъ убѣжденіе, что, при слабости послѣдняго, они могутъ оказывать явное сопротивленіе. Хотя Мазарини и удалось отстранить

такого опаснаго и коварнаго слугу коронныхъ интересовъ, тѣмъ же менѣе вліяніе его и интриги продолжались долгое время и много труда и изворотливости ума стоило вновь назначенному (съ 1655 г.) интенданту провинція Кольберъ-Круази (Colbert-Croissy, братъ вѣстнаго Jean-Baptiste Colbert) и новому губернатору (de la Meilleraye, duc de Mazarin, племянникъ кардинала) уничтожать вредныя послѣдствія честолюбивой политики д'Аркура. Собственно говоря только съ пріѣзда Кольбера (ноябрь 1655 г.) замѣчается нѣкоторая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства, послѣдовательность, отличающаяся все тѣмъ же характеромъ мягкости, уступчивости и снисходительности.

Г. Легрелль представилъ въ своей книгѣ весьма полный и интересный сводъ всѣхъ донесеній, инструкцій, всей вообще переписки между центральнымъ правительствомъ и эльзасскими властями, которая знакомитъ насъ во всѣхъ подробностяхъ, съ одной стороны, съ трудностями и препятствіями, представлявшимися агентамъ правительства, съ другой—съ происками Австріи и съ увѣжьемъ, локальнымъ и эгонистическимъ патриотизмомъ Эльзасцевъ.

Не смотря на постоянно повторяемыя завѣренія правительства, что оно не намѣрено нарушать ни прежнихъ правъ, ни прежняго самоуправленія, ни протестантскаго богослуженія, Эльзасцы—въ особенности нижняго Эльзаса—отстаивали, согласно § 87 Мюнстерскаго договора, свою *immedietas erga Imperium* и обращались постоянно съ жалобами къ имперскому суду въ Шпейерѣ (Reichskammergericht) или къ имперскому собранію въ Регенсбургѣ за различными разъясненіями Мюнстерскаго договора относительно правъ Франціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они обращались и съ почтительными просьбами въ Парижъ объ отміяніи тѣхъ или другихъ распоряженій касательно податей и налоговъ, въ особенности же касательно постоя и содержанія войскъ, доказывая этою двуличностью, что, въ сущности, стремленія ихъ направлены были лишь къ сохраненію локальной независимости какъ отъ имперіи, такъ и отъ Франціи. Императоръ и рейхстагъ съ своей стороны поддерживали такое настроеніе въ надеждѣ, при удобномъ случаѣ, воротить утраченное еще до укрѣпленія французскаго господства въ странѣ, тѣмъ болѣе, что примирительную систему Лудовика XIV въ отношеніи къ Эльзасу объясняли робостью, боязнью и нерѣшительностью. Лудовикъ даже заявлялъ въ Регенсбургѣ (1653 годъ), что онъ не отказывается, какъ было предлагаемо въ Мюнстерѣ, принять Эльзасъ въ видѣ лена имперіи, лишь бы покончить съ постоянными

пререканіями и неудовольствіями; но такое предложеніе, естественно, не принималось императоромъ, опасавшимся за свою власть въ имперіи. Разсмотрѣніе дѣла затягивалось, по обыкновенію, отлагдывалось отъ одного засѣданія до другого, и нельзя было рассчитывать добиться этимъ путемъ благоприятнаго рѣшенія.

Убѣдившись въ нежеланіи императора честно исполнять принятыя однажды на себя обязательства, Лудовикъ старался заручиться расположеніемъ и дружбою нѣкоторыхъ членовъ имперіи, чтобъ имѣть въ нихъ опору противъ Габсбургскихъ происковъ, и вступилъ посему въ шведско-германскую „Рейнскую лигу“, направленную исключительно противъ испанско-австрійскаго дома. Между тѣмъ новый интендантъ Эльзаса, Кольберъ-Круаси, съ энергіей, выдержкой и послѣдовательностью, характеризующею обоихъ братьевъ, принялся за устройство и организацію администраціи страны, оставался притомъ вѣрнымъ основной политикѣ правительства, предпочитавшаго мягкость и свисходительность силъ и крутымъ мѣрамъ. Прежде всего онъ приступилъ къ изученію, по сохранившимся документамъ и актамъ, всѣхъ правъ, принадлежавшихъ Австріи въ Эльзасѣ и уступленныхъ Франціи, правъ сложныхъ и разнообразныхъ, частью уже не существовавшихъ въ дѣйствительности и вполнѣ неизвѣстныхъ французскому правительству; результатомъ этого изучения была записка, представленная имъ королю подъ заглавіемъ: „Mémoire concernant les pays cédés au Roi en Alsace“ ¹⁾, записка, послужившая исходною точкою дальнѣйшихъ его административныхъ мѣръ. Затѣмъ приступлено было къ организаціи судебной части въ странѣ для прекращенія связи съ имперіей и Швейцарскимъ камергерихтомъ и для поддержанія административной и судебной власти правительства въ странѣ. Въ 1657 г. была восстановлена, существовавшая съ 1431 г., судебная палата въ Энисгеймѣ подъ названіемъ conseil souverain d'Alsace ²⁾, какъ учрежденіе вполнѣ національное, сохранявшее и прежніе законы, и прежніе обычаи съ равноправностью обоихъ языковъ и съ равнымъ числомъ членовъ отъ обѣихъ національностей.

Указъ объ открытіи палаты (1658 годъ), подтверждавшій верховную власть французской короны надъ всѣмъ Эльзасомъ и предписывавшій обязательное обращеніе тяжущихся сторонъ съ апелляціями къ этому учрежденію, а не къ какому-либо иному, былъ первымъ

¹⁾ Dépôt de la Guerre.

²⁾ Въ 1674 году переведена была въ Брейзахъ.

официальнымъ автомъ, высказывавшимъ категорически взглядъ правительства на 73-й, 74-й и 79-й параграфы Мюнстерскаго договора. Судебная палата предписала генеральному прокурору и его товарищу посѣтить всѣ города Эльзаса и объявить властямъ о таковомъ указѣ палаты, требуя повсемѣстной записи его въ протоколы и присяги въ исполненіи его. Такое требованіе правительства встрѣчено было не вездѣ съ покорностью; нѣкоторые города, гдѣ преобладали или господствовали исключительно кальвинистскій элементъ, особенно Кольмаръ—выступили съ протестами противъ подчиненія новой палатѣ, нарушавшаго, будто бы, ихъ привилегіи и *immedietas erga Imperium*, и просили отсрочки присяги до разъясненія спора Швейерскимъ имперскимъ судомъ или рейхстагомъ, какъ спора, вытекавшаго изъ различнаго толкованія Мюнстерскаго *Instrumentum pacis*. Подобную же оппозицію, но еще въ гораздо болѣешихъ размѣрахъ, встрѣтили Кольберъ и вновь назначенный губернаторъ [*de la Meilleraue, duc de Mazarin*], потребовавъ въ 1661 году отъ городовъ присягу вѣрности (*homagium—jurementum fidelitatis*), для утвержденія новыми патентами каждаго изъ нихъ, какъ во владѣніи землемъ, такъ и въ правахъ и привилегіяхъ. Долго длились переговоры съ представителями городовъ, собравшимися въ Гагенау, относительно редакціи текста присяги и не приводили къ желаемому соглашенію; юридическими софизмами и тонкостями старались они избѣгнуть всякой присяги, доказывая совершенное излишество ея при исключительномъ правѣ протектората Франціи надъ ними, такъ какъ *fidelitatis jurementum non de necessitate et substantia juris protectionis et clintelae esse*. Кольберъ и Мазарини, которымъ, при этихъ пререканіяхъ, случалось даже выслушивать весьма оскорбительныя для королевской власти выраженія, уже приходили къ убѣжденію въ необходимости употребить силу, но письма государственнаго секретаря Врѳенна постоянно повторяли одно и то же предписаніе, что „*les sentiments du roi étoient d'établir son autorité dans les dites villes avec douceur et de ne point donner sujet aux états voisins d'entrer en défiance de ses desseins*“. Оставалось послѣ этого только одно средство: прибѣгнуть къ извѣстному *divide et impera*. Мазарини дѣйствительно рѣшился „*séparer les villes, espérant par là les attirer ensuite, ou toutes, ou partie d'elles, dans ses sentiments*“, что ему и удалось исполнѣ. Уже въ 1662 году города, кромѣ Кольмара и Ландау, принесли требуемую присягу, въ которой, впрочемъ, по возможности исключены были всѣ спорныя слова и выраженія; не присягнувшіе же го-

рода обратились, по обыкновенію, къ третейскому суду нинеріи, на что Лудовикъ далъ свое согласіе, хотя и предвидѣлъ совершенную бесплодность такой мѣры.

При такихъ условіяхъ медленно водворялась власть короля въ новозавоеванной провинціи; съ одной стороны, нерѣшительность правительства, набѣгавшаго крутыхъ мѣръ изъ опасенія возбудить новую войну, съ другой стороны—и интриги Испаніи и императора довели дѣло до того, что Регенсбургскій рейхстагъ, въ началѣ Голландской войны, ободренный затруднительнымъ положеніемъ Лудовика XIV, дошелъ до полного отрицанія всякихъ правъ Франціи на Эльзасъ. Эльзасскіе города не стѣсняясь подавали аппеляціи въ Шпейрскій имперскій судъ, официальные акты издавались отъ имени „вольныхъ императорскихъ городовъ“ и отмѣчались годомъ вступленія императора на престолъ; подданнымъ запрещалось, подъ страхомъ конфискаціи имущества, поступать на службу въ королевскую армію, между тѣмъ какъ императорскіе вербовщики безпрепятственно производили повсемѣстный наборъ; города обращались съ официальными просьбами о помощи къ императору, когда онъ, въ 1673 году, присоединился къ коалиціи противъ Франціи вмѣстѣ съ Испаніей, курфюрстомъ Бранденбургскимъ и герцогомъ Лотарингскимъ, и когда армія Монтекукули расположилась на правомъ берегу Рейна. Конде, возмущенный такимъ успѣхомъ императорской политики, писалъ Лулуа: „je ne puis m'empêcher de Vous dire que l'autorité du roi se va perdant absolument dans l'Alsace et que les dix villes impériales sont presque ennemies“, и настаивалъ на необходимости быстрыхъ и энергическихъ мѣръ. Эти мѣры были наконецъ приняты: укрѣпленія десяти городовъ были, въ теченіе 1674 года, срыты въ присутствіи самого короля, и въ нихъ расположены французскіе гарнизоны. Декаполь съ тѣхъ поръ сдѣлался французскою областью.

Во время всего этого продолжительнаго процесса инкорпораціи Франціей декаполя и ландграфства Эльзасскаго, отношенія Страсбурга, столицы всей провинціи, къ коронѣ Франціи оставались вполнѣ неопредѣленными. Хотя Страсбургъ входилъ уже съ древнихъ временъ въ составъ ландграфства, но правительство остерегалось распространять дѣйствіе своихъ распоряженій на него и требовать ихъ исполненія. Какъ указъ объ учрежденіи верховной палаты въ Энсисгеймѣ, такъ и указъ о принесеніи присяги и объ утвержденіи новыми грамотами прежнихъ правъ и привилегій не коснулись Страсбурга, который подчинялся добровольно юрисдикціи верховной палаты

только тогда, когда ему это было выгодно, въ противномъ же случаѣ обращался попрежнему къ заступничеству имперіи.

Французское правительство тщательно избѣгало всѣхъ поводовъ къ ссорѣ, довольствуясь почтительными посланіями и завѣреніями „des très humbles et obéissants serviteurs de sa majesté“, и дѣдало видѣ, будто не замѣчаетъ тайныхъ сношеній и постоянныхъ переговоровъ страсбургскихъ властей съ императоромъ и его агентами и тайнаго противодѣйствія всѣмъ планамъ Франціи, какъ это было, напримѣръ, по случаю избранія въ санъ епископа Страсбургскаго французскаго кандидата, графа Фюрстенберга. При малѣйшихъ затрудненіяхъ въ политической жизни Франціи, Страсбургцы явно выказывали свои симпатіи имперіи; при самыхъ незначительныхъ передвиженіяхъ войскъ и перевозкѣ артиллерійскихъ снарядовъ, какъ это было, напримѣръ, по случаю открывшейся въ 1667 г. революціонной войны, страсбургскія власти приходили въ смутеніе, опасаясь какихъ-нибудь замысловъ противъ себя, и тотчасъ обращались съ жалобами, протестами и просьбами къ имперіи, хотя въ другихъ случаяхъ отстаивали въ отношеніи къ ней свою самостоятельность, прикрываясь протекторатомъ Франціи и отказываясь, напримѣръ, посему принести присягу вѣрности новому императору Леопольду I (въ 1660 г.), посланному для сего въ Страсбургъ спеціальнаго комиссара—графа Ганау. Однимъ словомъ политика Страсбургской республики оставалась по прежнему чисто локальною, чуждою всякой національности; ей желательно было зависѣть лишь отъ самой себя и, лавируя ловко между Сциллою и Харибдой—Франціей и Австріей,—спасти на возможно долгое время свою независимость.

Голландская война, начавшаяся въ 1672 году, должна была окончательно разрѣшить это тридцатилѣтнее неопредѣленное отношеніе Страсбурга въ Франціи, она должна была убѣдить наконецъ республику въ невозможности сохраненія своей самостоятельности между двумя сильными государствами. Сознана опасное положеніе между двумя арміями, сосредоточенными на берегахъ верхняго Рейна, Страсбургъ добивался признанія своего нейтралитета со стороны воюющихъ сторонъ и получилъ на то согласіе Лудовика XIV; императоръ же Леопольдъ, не смотря на всѣ представленія сената, не допускалъ возможности нейтралитета и требовалъ точнаго исполненія „всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ имперіи“.

Хотя французскіе военачальники и доносили Лудовику XIV о необходимости занять Страсбургъ, король никакъ не соглашался на по-

доблюю мѣру и предписывалъ уважать дарованный нейтралитетъ во всей строгости; на всѣ представленія генераловъ, министры отвѣчали постоянно однимъ и тѣмъ же: „Sa majesté désire que vous maintenez tout ce qui peut rester encore de neutralité à Strasbourg“. Не смотря на то, что Конде въ самомъ началѣ войны и успѣлъ разрушить нѣсколько арокъ Кельскаго моста, сообщеніе между обонми берегами было скоро восстановлено и императорскія войска въ теченіе всей кампаніи проходили безпрепятственно взадъ и впередъ, сдѣлавъ Страсбургъ главнымъ центромъ своего интендантства, откуда снабжалась армія военными снарядами и жизненными припасами; тогда какъ Французамъ сенатъ запрещалъ переходъ чрезъ мостъ и отказывалъ въ разрѣшеніи покупать провіантъ.

На всѣ требованія французскаго правительства, обращенныя къ сенату, о разрушеніи моста, о соблюденіи договореннаго нейтралитета и о недопущеніи нарушенія его, власти отвѣчали извиненіями или софистическими объясненіями, которыми правительство французское съ виду удовлетворялось, не желая прибѣгать къ силѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе убѣждалось въ невозможности сохранить за собою весь Эльзасъ, не имѣя въ рукахъ самаго ключа къ нему—убѣжденіе, которое коротко и ясно формулировано было резидентомъ Франціи въ Страсбургѣ, Лалуберомъ, въ разговорѣ съ однимъ членомъ совѣта XIII: „le Rhin vous apprend votre véritable politique, puisqu'il vous sépare de l'Allemagne et vous laisse du côté du roi“.

Наконецъ въ августѣ 1678 г. Страсбургъ принужденъ былъ официально отказаться отъ своего нейтралитета, столь односторонне имъ соблюдаемаго; онъ заключилъ капитуляцію съ герцогомъ Лотарингскимъ, принялъ императорское войско и вступилъ такимъ образомъ въ ряды враговъ Франціи.

Открывшіяся между тѣмъ конференціи къ Нимвегенѣ воспрепятствовали Франціи направить свои дѣйствія противъ Страсбурга. Осадное положеніе, въ которомъ находился Страсбургъ въ теченіе семи лѣтъ, огромные расходы, разорявшіе обывателей на содержаніе гарнизона и императорскихъ войскъ, находившихся тамъ почти постоянно на постой, прекращеніе торговли и промышленности, наконецъ, суровое отношеніе императора къ республикѣ—все это увеличивало симпатіи къ Франціи и приводило постепенно благоразумныхъ Страсбургцевъ къ убѣжденію, что вопросъ о полномъ подчиненіи французской коронѣ есть только вопросъ времени. „Il est incroyable“—говорится въ одномъ донесеніи резидента—„combien ils sont obligés de

contribuer pour toutes les grandes dépenses sous prétexte de conserver leur liberté, et il y en a déjà beaucoup qui en sont rebutés, mais qui sont obligés détouffer leurs véritables sentiments, de peur d'être accablés par la populace". Потому понятно, что сенатъ, при открывшихся конференціяхъ въ Нимвегенѣ, просилъ Лудовика XIV принять ихъ уполномоченныхъ подъ свое покровительство и содѣйствовать имъ въ случаѣ „qu'il se passât quelque chose dans l'assemblée qui allât à la diminution de quelques—uns de leurs privilèges". Страсбургскія власти убѣждены были, что, подъ покровомъ Франціи, онѣ скорѣе спасутъ хотя обломки своей прежней свободы и прежняго самоуправленія, чѣмъ подъ покровомъ императора, который явно высказалъ намѣреніе потребовать отъ Страсбурга *homagium et juramentum fidelitatis* и не соглашался даже допускать на конгрессъ представителей сословія, желая вести переговоры одинъ, говоря: „qu'un état de l'Empire n'avait besoin nulle part d'une représentation particulieré". Положеніе Лудовика XIV, при открывшихся въ 1677 г. официальныхъ переговорахъ въ Нимвегенѣ, было весьма выгодное; не смотря на то, что онъ велъ борьбу противъ всей почти Европы и не могъ быть, естественно, по всюду побѣдителемъ, не коалиція, а онъ предписалъ Европѣ основанія мира. Имѣя уже на своей сторонѣ Англію и Швецію, Лудовикъ умѣлъ разъединить союзниковъ и примириться съ ними въ отдѣльности, въ особенности же расположить къ себѣ Испанію и отвлечь ее такимъ образомъ отъ поддержки императорской политики. 10-го августа 1678 г. былъ подписанъ мирный договоръ между Франціей и Голландскою республикою; 17-го сентабря—между Франціей и Испаніей, въ то время какъ съ императоромъ еще нельзя было достигъ соглашенія, и уполномоченные Леопольда, не смотря на изолированное его положеніе, никакъ не хотѣли сдаваться на требованія Франціи. Впрочемъ требованія эти не были чрезвычайны; Лудовикъ XIV клалъ въ основу переговоровъ не *uti possidetis post bellum*, а лишь постановленія Мюнстерскаго договора. Въ отношеніи къ Эльзасу онъ сохранялъ по прежнему свою точку зрѣнія и требовалъ полного признанія его верховныхъ правъ и власти надъ всею провинціей, какъ было постановлено въ 1648 году, правъ, постоянно оспариваемыхъ у него императоромъ и даже теперь, на конгрессѣ, отрицаемыхъ его послами. При этихъ переговорахъ повторялись обычные приемы и уловки уполномоченныхъ императора, приемы, практиковавшіеся въ Мюнстерѣ и уже гораздо ранѣе и состоявшіе въ стремленіи уничтожить дѣйствіе одного параграфа другимъ. Видя, однако, непреклонную волю французскихъ

пословъ сохранить въ полной силѣ вестфальскій договоръ и не впускаться даже въ пересмотръ верховныхъ правъ Франціи надъ всѣмъ Эльзасомъ, уполномоченные императора должны были, наконецъ, на это согласиться, но предложили присоединить, въ видѣ отдѣльнаго параграфа (8), декларацію (une clause) слѣдующаго содержанія: „une fois la paix conclue on conviendrait des moyens amiables pour terminer les différends de Sa majesté avec les villes d'Alsace“. Но и на включеніе этого примѣчанія, которое послужило бы поводомъ къ новому, безконечнымъ пререваніямъ, подобно § 87 министерскаго договора, послы не давали своего согласія; они утверждали, что эти „différends“ обнаруживались только вслѣдствіе не исполненія постановленій 1648 г., что они прекратятся тотчасъ же, если отстранены будутъ всё подстрекательства и поводы къ тому, и угрожали, въ случаѣ включенія этой деклараціи въ договоръ „plutôt de déchirer le traité au lieu de le signer“, такъ какъ король согласится скорѣе продолжать войну еще 20 лѣтъ, чѣмъ допустить параграфъ, подрывающій его верховную власть, пріобрѣтенную прежними трактатами. Уполномоченнымъ императора пришлось уступить и на этотъ разъ; договоръ былъ подписанъ 3-го февраля 1679 г. безъ включенія предложеннаго 8-го параграфа и безъ упоминанія о границахъ власти Франціи надъ Эльзасомъ. Но этия канцелярскія уловки германскихъ государственныхъ людей не прекратились. Въ тотъ же самый день составленъ былъ ими протестъ противъ только что подписаннаго международнаго акта, въ которомъ они снимали съ себя отвѣтственность въ опущеніи условій третейскаго суда касательно Эльзаса, возбуждаемые, будто бы, къ такой уступкѣ желаніемъ не препятствовать заключенію мира столь всѣми желаемаго, приписывая всю вину настоячивости и несговорчивости французскихъ уполномоченныхъ. Этотъ протестъ былъ помѣченъ тѣмъ же числомъ, 3-го февраля, и приложенъ къ официальному акту, какъ бы составляя неотъемлемую его часть.

Рейхстагъ въ Регенсбургѣ, которому въ этомъ видѣ и былъ представленъ договоръ для ратификаціи, принялъ его за нераздѣльный къ и, утверждая его, присоединялъ со своей стороны просьбу къ императору, въ которой повторялись опять желанія и требованія Министерской деклараціи (§ 87). „Sa Majesté Impériale est encore très humblement priée.... d'employer son zèle et des soins paternels.... afin que, comme on voit par les deux pièces qui ont été communiquées.... l'immédiateté des dits Etats qui leur a été confirmée par

la paix de Münster leur puisse être conservée sans lésion" ¹⁾). Такимъ образомъ и на этотъ разъ, какъ и въ 1648 году, императоръ и имперія, заключая договоръ, старались, путемъ присоединенія различныхъ пояснительныхъ декларацій и оговорокъ, сохранить за собою права на уступаемыя территории, съ тѣмъ чтобы, при удобномъ случаѣ, возвратить ихъ себѣ какъ законное достояніе.

Но Лудовикъ XIV, достигшій Нимвегенскимъ миромъ апогея славы и преобладанія въ Европѣ, не намѣревался былъ на этотъ разъ дозволить Германіи оспаривать у него и отнимать плоды завоеваній. Онъ достигъ того что Германія, по крайней мѣрѣ официально, согласилась съ его толкованіемъ Мюнстерскаго договора и признавала за нимъ весь Эльзасъ, включая и Страсбургъ. Теперь, слѣдовательно, насталъ моментъ подчиненія маленькой республики, съ которою обращались до тѣхъ поръ съ такою осторожностью и снисходительностью и которая сама стала убѣждаться, во время послѣдней войны, что ея самостоятельность посреди сильной монархіи есть пустая химера.

Впрочемъ подобная инкорпорация въ то время не была бы случаемъ чрезвычайнымъ и исключительнымъ: имперскій городъ Безансонъ, уступленный Испаніей Франціи вмѣстѣ съ Франшъ-Конте, подчинился безпрекословно новому своему государю; имперскій городъ Временъ еще въ 1654 году принужденъ былъ принести Шведскому королю присягу вѣрности и отказаться отъ мнимой *immedietas erga Imperium*; Брауншвейгъ въ 1671 году вошелъ въ составъ земскихъ городовъ герцоговъ Люнебургскихъ.

Уже въ 1679 году, какъ видно изъ сообщаемыхъ г. Легреллемъ документовъ, сталъ обдумываться планъ инкорпорации Страсбурга; путешествіе Лувуа по Эльзасу можетъ быть разсматриваемо какъ одна изъ подготовительныхъ мѣръ въ окончательной развязкѣ дѣла. Богатый матеріалъ, собранный г. Легреллемъ доказываетъ, какъ осмотрительно въ этомъ случаѣ дѣйствовало правительство, желая разрѣшить страсбургскій вопросъ по возможности миролюбиво; какъ оно постепенно суживало сферу территоріальной власти республики, налагая, наравнѣ съ прочими мѣстами, подати на всѣ земли, принадлежавшія республикѣ *ex tunc* шуго; какъ оно, изолируя ее все болѣе отъ остальной провинціи, доводило жителей до совнанія соб-

¹⁾ *Dépot de la Guerre*—доношеніе французскаго посла.

ственной слабости и невозможности сохранения прежней локальной независимости.

Это сознание, еще слабо высказывавшее во время Голландской войны, когда надежда на спасение автономии поддерживалась присутствиемъ армій и когда во имя ея приносились неминуемыя жертвы — теперь все болѣе и болѣе стало проникать въ общественное мнѣніе и даже въ руководящіе круги патриціевъ, несмотря на то, что для послѣднихъ подчиненіе Франціи было равносильно потерѣ власти своей и господства. Патриціи не могли противодействовать притягательной силѣ, оказываемой французскими эмиссами, литературой, уточненными правами Версала, не могли задержать невольной и естественной ассимиляціи съ Франціей и развитіи французскихъ сипатій по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ слоѣ общества. Къ тому же католическое население всей провинціи и довольно значительный процентъ его въ Страсбургѣ, не говоря уже о членахъ епископскаго капитула и духовенства, стояли на сторонѣ Франціи и довольно открыто завязали свои сипатіи къ ней. Французскіе агенты при иностранныхъ дворахъ Германіи доносили Лудовику XIV, что за Рейномъ всѣ говорятъ о томъ, что Эльзасъ, не исключая и Страсбурга, желаетъ зависѣть отъ короля лишь бы только онъ далъ общее завіреніе въ сохраненіи привилегій. Потому постановленія верховной палаты въ Брейзахѣ (*conseil supérieur et souverain d'Alsace*), изданныя вскорѣ по заключеніи Нимвегенскаго мира, въ августѣ 1680 г., не произвели особеннаго броженія въ странѣ и были приведены въ исполненіе при весьма слабыхъ сопротивленіи. Постановленія эти, исходя изъ принципа верховной власти короля надъ всѣмъ Эльзасомъ, требовали присяги вѣрности отъ всего дворянства, какъ вассаловъ короны, и новаго утвержденія владѣній и привилегій королевскими патентами. Хотя въ указахъ палаты имя Страсбурга не упоминалось, но всѣ понимали, что онъ ниѣлся въ виду при изданіи ихъ, и ожидали со дня на день распоряженій правительства объ инкорпорациіи его. Лудовикъ XIV однако медлилъ и на этотъ разъ: онъ опасаема сильной оппозиціи и приготавлился уже къ возможности продолжительной осады города.

Дальнѣйшія мѣропріятія короля, однако, ускорили катастрофу, подготовлявшуюся въ теченіе столькихъ лѣтъ самою силою вещей, и разрѣшили вопросъ гораздо проще и гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось. Эти мѣропріятія состояли въ учрежденіи уже въ октябрѣ 1679 года при Мецкой верховной палатѣ, а затѣмъ и при палатахъ

въ Безансонѣ, Турнѣ и Врейзахѣ, особыхъ комиссій (извѣстныхъ подъ названіемъ *chambres de réunion*) для точнаго изысканія и опредѣленія всѣхъ владѣній, духовныхъ и свѣтскихъ, входящихъ въ составъ леновъ, уступленныхъ Франціи Испаніей и имперіей по Мюнстерскому и Нимвегенскому договорамъ. „Je prétends jouir de tout ce qui m'appartient en conséquence des traités de Münster et de Nimègue..... des tous les droits de ma Couronne“..... puisque à Nimègue „les Impériaux se sont entièrement rendus à la juste inter-prétation que mes ambassadeurs ont donné au traité de Münster.... et qu'ils prétendent remettre aujourd'hui en question“ писалъ Лудовикъ XIV своему представителю въ Регенсбургѣ, доносившему ему о тревогѣ, произведенной въ имперіи присоединеніями.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе указовъ, изданныхъ упомянутыми палатами, не только дворянство верхняго и пияняго Эльзаса, какъ выше было сказано, обязывалось принести ленную присягу королю; но и многіе иностранные государи, какъ напримѣръ король Швеціи, герцогъ Вюртембергскій, принцъ Вильгельмъ Оранскій, должны были признать Лудовика XIV своимъ сюзереномъ, какъ владѣтели леновъ, уступленныхъ ему епископствъ и областей; король Швеціи по Цвейбрюкену, герцогъ Вюртембергскій по графству Montbelliard въ Франш-Конте, принцъ Оранскій по графству Chiny.

Положивъ въ основѣ своихъ разысканій весьма широкій принципъ, *chambres de réunion* включали въ списки, подлежащихъ занятію мѣстностей и обязанныхъ принести ленную присягу королю, между прочимъ и такіа, которыя, въ моментъ заключенія Мюнстерскаго договора, уже не входили болѣе въ составъ ленныхъ владѣній того или другаго епископства или графства; такъ напримѣръ были заняты французскими войсками три города: Oberstein, Homburg и Bitsch, принадлежавшіе уже вѣсколько столѣтій архіепископу Трирскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что Пипинъ Короткій, приносящій ихъ въ даръ церкви, сохранялъ за собою права высшаго цокровителя и защитника. Подобнымъ образомъ приобрѣтвъ былъ и Луксембургъ. При такого рода присоединеніяхъ правительство руководилось, конечно, не столько историческими и юридическими соображеніями, сколько военными, желая воспользоваться случаемъ, чтобы приобрѣсти укрѣпленные пункты, важныя съ стратегической точки зрѣнія въ отношеніи къ герцогству Лотарингскому и Испанскимъ Нидерландамъ.

Г. Легрелль, говоря о „réunions“ въ Эльзасѣ, совершенно не упоминаетъ о присоединеніяхъ внѣ его, можетъ быть и потому, что въ

таковыхъ не могъ отыскать строго-юридическихъ основъ; а между тѣмъ онѣ-то болѣе чѣмъ что-либо другое распространили смятеніе и тревогу въ имперіи, подавъ поводъ къ страху, что Лудовикъ распространитъ свою власть и на правый берегъ Рейна. „J'entends dire par le public“, доносилъ отъ 22-го февраля 1681 г. посланникъ въ Вѣнѣ. — que si Votre Majesté ne poussait pas ses prétentions au delà du Rhin, on lui accorderait volontiers celles qu'Elle a déjà“, и отъ 21 мая — „qu'on comptait comme perdu pour l'Empire tout ce qui était au delà dans l'Alsace, et que même on était presque résolu de le céder à Votre Majesté, pourvu qu' Elle en voulût demeurer là et ne pas passer ce fleuve.“ (Legrelle, 507).

Обыкновенно безжизненный рейхстагъ въ Регенсбургѣ сталъ выказывать необыкновенную дѣятельность и представлять французскому резиденту протестъ за протестомъ; императоръ отправилъ чрезвычайнаго посла въ Парижъ для принесенія жалобъ отъ его имени и имени имперіи на неисполненіе мирныхъ договоровъ (l'inexécution du traité de paix) и на явное нарушеніе ихъ (contraventions à la paix); вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали тайными путями для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Франціи и объявленія новой войны со стороны имперіи, разчитывая силами послѣдней удержать преобладаніе Франціи, такъ какъ самъ занятъ былъ въ родовыхъ земляхъ борьбою съ Венграми и Турками.

Французскіе уполномоченные и резиденты доносили королю о повсемѣстныхъ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, дѣлавшихъ будто бы противъ Турціи, но направленныхъ въ дѣйствительности противъ него; въ Страсбургѣ прибылъ баронъ Мерсея, посолъ императора (май 1681 г.), который велъ тайную пропаганду и въ самой республикѣ и въ прирейнскихъ областяхъ въ пользу вооруженія противъ Франціи. Резидентъ французскій, донося объ этомъ, присовокуплялъ, что намѣреніе императора занять своими войсками (6 тысячъ) Страсбургъ, этотъ ключъ къ Эльзасу, не составляетъ уже болѣе никакой тайны и явно высказывается въ печати¹⁾; что Страсбургъ приводится въ оборонительное положеніе и готовится къ войнѣ.

О томъ же писалъ королю сторонникъ Франціи, братъ и соад-
 jutor епископа Егона Фюрстенберга, Вильгельмъ, указывая ему на

¹⁾ Relations véritables — официальный органъ княжескихъ интересовъ въ Брюсселѣ.

угрожающую опасность, если императорскія войска успѣютъ занять городъ.

Лудовикъ рѣшился тогда дѣйствовать; желая только выиграть время до окончанія необходимыхъ приготовленій, онъ согласился наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій австрійскаго посла графа Мансфельда, на открытіе конференцій во Франкфуртѣ для разсмотрѣнія жалобъ и протестовъ, сознавая вполнѣ, что этимъ путемъ не достигнуто будетъ, по обыкновенію, никакого соглашенія.

Тѣмъ временемъ шли приготовленія къ занятію Страсбурга и, уже въ сентябрѣ, король писалъ своимъ уполномоченнымъ, что намеряется лично отправиться въ Страсбургъ для принятія присяги вѣрности, должной ему по договорамъ, разрѣшая имъ объявить объ этомъ правительствамъ, при которыхъ они аккредитованы.

На конференціяхъ Лудовикъ рассчитывалъ на поддержку курфюрста Бранденбургскаго, который изъ боязни союза Франціи и Швеціи ¹⁾ и изъ ненависти къ Габсбургамъ, противодѣйствовавшимъ постоянно, между прочимъ и въ Нимвегенѣ, образованію „eines neuen Königreichs der Vandalen an der Ostsee“, уже въ 1679 году заключилъ съ Франціей дружественный договоръ, по которому, за извѣстную субсидію, обязался поддерживать интересы ея въ Германіи. Хотя переговоры во Франкфуртѣ открылись уже послѣ взятія Страсбурга (то есть, въ февралѣ 1682 г.) и затягиваясь до безконечности переведены были затѣмъ въ Регенбургъ, гдѣ окончились лишь въ августѣ 1684 года извѣстнымъ 20-ти лѣтнимъ перемиріемъ ²⁾, тѣмъ не менѣе услуга, оказанная Франціи курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, была огромная. Онъ не только задержалъ вступленіе императорскихъ войскъ въ Эльзасъ, но и предупредилъ вообще новую разорительную европейскую войну, доказывая на конференціяхъ, вопреки подстрекательствамъ императора и воинственному настроенію Баваріи, Саксоніи, Швеціи и др., что благоразумнѣе, при настоящемъ положеніи имперіи, согласиться на признаніе за Франціею уже ею приобрѣтеннаго, съ условіемъ, чтобы она этимъ удовлетворилась.

Являясь въ своемъ сочиненіи вообще весьма объективнымъ изслѣдователемъ, г. Легрелль, въ оцѣнкѣ дѣйствій великаго курфюрста въ отношеніи Франціи, къ сожалѣнію, отклонился на время отъ этой объективности и рисуеъ этого „деспота“, руководимаго только однимъ

¹⁾ Il redoutait cette union «comme la mort».

²⁾ Обращаемымъ въ постоянный миръ—въ Гисвинѣ 1697 году.

чувствомъ „жадности“ и „страстью къ пріобрѣтенію“, совершенно въ должномъ свѣтѣ, забывая, что между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Лудвикомъ XIV весьма много сходства въ способахъ и пріемахъ ихъ къ созиданію государства.

Между тѣмъ какъ дипломатія старалась отворотить отъ Страсбурга неминуемый ударъ, Лувуа, со свойственной ему обдуманностью и энергіею дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, сохраняя при томъ полнѣйшую тайну. Предполагая, что Страсбургъ не безъ боя откажется отъ своей автономіи, и предвидя продолжительную осаду, Лувуа стягивалъ войска въ Эльзасъ и располагалъ ихъ такимъ образомъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, заготовлялъ провіантъ для войска и деньги для оплаты имъ жалованья. Все это дѣлалось съ такою тайной, что даже интендантъ Эльзаса—Лагранжъ ничего объ этомъ не зналъ, и только въ началѣ сентября, секретнымъ путемъ, получилъ изъ Парижа подробныя инструкціи одновременно съ главнокомандующимъ расположенныхъ въ Эльзасѣ войскъ, барономъ Монкларомъ.

Въ ночь съ 27-го на 28-е сентября 1681 года баронъ Асфельдъ съ тремя полками драгунъ занялъ фортъ, охранявшій Страсбургскій мостъ, почти безъ всякаго сопротивленія со стороны ничтожнаго численностью гарнизона. На вопросъ, высланной изъ города депутаціи, онъ отвѣчалъ, что баронъ Монкларъ предписалъ ему занятіе форта въ виду намѣренія императорскаго военачальника переправиться чрезъ рѣку и овладѣть переходомъ, что самъ баронъ Монкларъ не замедлитъ пріѣздомъ и что тогда сенатъ можетъ съ нимъ вести переговоры. 28-го прибылъ Монкларъ и объявилъ имъ требованіе короля принести присягу вѣрности, согласно постановленіямъ верховной палаты, при сохраненіи прежнихъ ихъ привилегій. На слѣдующій день, 29-го сентября, пріѣхалъ и самъ Лувуа, который повторилъ требованіе Монклара и давалъ сенату срокъ до утра обдумать и обсудить предложеніе, угрожая, въ случаѣ отказа, приступить къ осадѣ Страсбургскія власти, хотя и послали тотчасъ гонцовъ къ императору и въ Регенсбургъ съ извѣщеніемъ о случившемся и съ просьбою о помощи, но сознавали безплодность этихъ мѣръ и старались убѣдить созванныхъ на совѣщаніе гражданъ въ необходимости покориться обстоятельствамъ.

30-го утромъ подписана была сенатомъ капитуляція и въ 4 часа дня французскія войска вступили въ городъ при полномъ спокойствіи народонаселенія „Il y avait beaucoup de curiosité, un peu d'étonnement,

mais point d'indignation ou de colère visibles", говорятъ современное донесеніе. Условія сдачи были не тягостны для Страсбургцевъ: отъ нихъ требовалась присяга вѣрности королю, оставались привилегіи, учрежденія, самоуправленіе, разрѣшалась свобода протестантскаго вѣроисповѣданія и культа съ сохраненіемъ всѣхъ протестантскихъ школъ и церквей, за исключеніемъ собора, требовалось для католиковъ возстановленіе тѣхъ правъ, конны они пользовались въ 1624 году.

Патриціи Страсбургскіе, сторонники имперіи и своей автономіи, не находили условія эти чрезмѣрными и легко съ ними примирились; „es verbleibet alles im alten Stand“, записано Рейсейзеномъ ¹⁾ въ дневникѣ на другой день капитуляціи, — „und verhoffe ich wir werden ohne Statt (anstatt) der Libertät wiederumb den Flor der Commercen, welche gänzlich erliegen bekommen“..... „Gott wandte alles zum Besten“.

4-го октября была принесена требуемая присяга; 23-го октября самъ Лудовикъ XIV съ принцами королевскаго дома и блестящею свитой посѣтилъ Страсбургъ; „Clausula Germanis Gallia“, гласила надпись на вычеканенной по этому случаю медали.

Г. Легрель весьма убѣдительно доказалъ неосновательность и ложность возникшей еще въ XVII столѣтіи молвы и угоренивагося въ литературѣ мнѣнія, особенно благодаря Вольтеру ²⁾, что подкупъ былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ такого легкаго присоединенія Страсбурга; онъ доказалъ, что само французское правительство не старалось противодѣйствовать такой молвѣ, а скорѣе поддерживало ее, полагая этимъ путемъ заглушить неудовольствіе противъ Франціи по ту сторону Рейна.

Дѣйствительно впечатлѣніе, произведенное въ Германіи событіями въ Эльзасѣ, было весьма тяжелое; посланники доносили Лудовику, что при всѣхъ дворахъ, во всѣхъ высшихъ кружкахъ общества только и говорили о Страсбургскомъ дѣлѣ и относились весьма холодно и сдержанно къ представителямъ Франціи. Общественное мнѣніе высказывалось о капитуляціи въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ и брошюръ частью писанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, частью появившихся нѣсколько позднѣе и носящихъ потому болѣе спокойный характеръ.

Но что высказывалось во всѣхъ этихъ протестахъ? Выразалась ли

¹⁾ *Revue-Renaissance Memorial*.

²⁾ *Siècle de Louis XIV: l'or, l'intrigue et la terreur avaient préparé l'entrée de Louvois*. За Вольтеромъ то же повторять и Мартезъ.

въ нихъ затаенная и безпомощная злоба противъ произвола и насилій иностранца; говорило ли въ нихъ чувство оскорбленной національной чести и гордости. какъ стараются обыкновенно въ послѣднее время доказывать нѣмецкіе историки и публицисты?

Г. Легрелль, располагая богатимъ архивнымъ матеріаломъ, имѣлъ полную возможность разъяснить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ правительственнымъ сферамъ. Основываясь на дописаніяхъ посланниковъ, онъ представляетъ убѣдительныя доказательства тому, что источникомъ всей тревоги и смутенія, произведеннаго при германскихъ дворахъ капитуляціею Страсбурга, былъ у нѣкоторыхъ обманутый расчетъ, но въ большинствѣ случаевъ страхъ и опасеніе, чтобы Лудовикъ не распространилъ свою власть на правый берегъ Рейна и затѣмъ на всю Германію. „Обыватели Кёльна, открывая по утрамъ ворота домовъ, осматривались вокругъ не заняты ли окрестности французскими войсками“; „во Франкфуртѣ разказывали за достоярное, что Ворисъ уже послалъ ключи города Лудовику XIV а въ Шпейерѣ торопились укладкою архива и дѣлать имперскаго суда, ожидая скорого прибытія Французовъ.... Въ Вѣнѣ опасались преимущественно того, чтобы вся Швабія съ городомъ Ульмомъ во главѣ, не вступила бы къ Франціи въ отношеніи зависимости и чтобы Лудовикъ не попытался бы заставить избрать дофина въ Римскіе короли“. Курфюрстъ Бранденбургскій сожалѣлъ, что онъ упустилъ удобный случай продать дорого свои услуги, и утѣшался надеждою, что Франція не воспрепятствуетъ ему теперь броситься на Померанію. На Франкфуртскомъ конгрессѣ, затѣмъ въ Регенсбургѣ, уполномоченные затягивали переговоры до безконечности, что, понятно, не могло бы имѣть мѣста, если бы національное самознание и патриотизмъ воодушевлялъ и руководилъ ими.

Лудовикъ XIV въ отвѣтъ на всѣ эти опасенія предписывалъ посланникамъ своимъ категорически заявлять повсюду, что онъ никогда не замышлялъ, не замышляетъ и теперь, расширять своихъ владѣній по эту сторону Рейна и что онъ готовъ даже возвратитъ имперіи Фрейбургъ, какъ вознагражденіе за Страсбургъ.

То же чувство страха и опасенія высказывается и въ повременной печати; боятся, чтобы „der Franzos nicht Deutschlands Meister werden sollte“, чтобы „der Franzos allen vicinis Gesetz vorschreiben sich unterstehen werde“, такъ какъ: „contra vim Gallicae mortis non crescit gramin in Germanicis hortis“, потому что разъединенная Германія не въ состояніи будетъ этому воспрепятствовать и тѣмъ менѣе безжизнен-

ный и недѣлательный «Sprechsaal des Deutschen Reichs» (т. е. рейхстагъ) ¹⁾.

Такимъ образомъ окончился продолжительный процессъ медленнаго поглощенія Франціей богатой Рейнской провинціи, отвоеванной ею у имперіи и оспариваемой у нея въ теченіе тридцати лѣтъ— процессъ, заверченный присоединеніемъ Страсбурга, какъ послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи событій.

Трудъ г. Легрелля представляетъ намъ живую и вѣрную картину этого полнаго интереса періода и, по массѣ не изданнаго до сихъ поръ матеріала, займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ; сочиненіе его, безъ сомнѣнія, не мало будетъ способствовать развитію правильнаго взгляда на эту эпоху, искаженнаго и искажаемаго неумѣстнымъ смѣшеніемъ патріотизма съ требованіями строгой исторической критики и объективности.

В. Шауеръ.

Донисторическая археологія Кавказа.

F. Bayern. Contribution à l'archéologie du Caucase. Lyon. 1882.—Его же: Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine vorhistorische Verhältnisse, въ *Verhandlungen der Anthropol. Gesellschaft zu Berlin*, 1882.—Извѣстія Кавказскаго Общества Исторіи и Археологіи, издаваемые подъ редакціей Д. Баградзе и Е. Вейденбаума, I. Тифлисъ 1882.—*E. Chantre.* La nécropole de Koban en Ossétie (Caucase), avec 9 planches, въ *Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme.* Toulouse. 1882.—*Ch. Virchow.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten im Kaukasus. Mit einem Atlas von 11 Tafeln. Berlin 1883.—Д. Самоковсовъ. Могильныя древности Пятигорскаго округа. Варшава. 1882.

Первобытныя древности Кавказа обратили на себя вниманіе лишь въ недавнее время. На V-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисъ, въ сентябрѣ 1881 года, были впервые серьезно затронуты многіе изъ относящихся сюда вопросы. Впрочемъ, первыя находки, вызвавшія эти вопросы, были сдѣланы ранѣе, именно Г. Д. Филимоновымъ въ 1877 г., и еще ранѣе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, г. Ф. Байерномъ, которому, вообще, принадлежитъ честь починна въ дѣлѣ изслѣ-

¹⁾ Изъ современной брошюры: Der Strassburgische Staats-Simplicius 1684 см.: Die Strassburger Capitulation von 1681. Strassburg 1882.

дольныя доисторическихъ могильниковъ Кавказа. Поселившись на Кавказѣ въ пятидесятыхъ годахъ, г. Байернъ первое время занимался собираніемъ естественно-историческихъ коллекцій, но уже въ 1859 г. ему было поручено осмотрѣть нѣкоторыя древнія памятники Арменіи, при чемъ имъ была найдена, между прочимъ, у подошвы Арарата, недалеко отъ Игдира, клинообразная надпись. Въ 1866 г., собирая минералогическія и другія коллекціи по берегу Чернаго моря, онъ открылъ нѣсколько группъ каменныхъ гробницъ—дольменовъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, занимаясь геологическими разсканіями, онъ открылъ древніе могильники близъ Мариенфельда и Сартачала. Въ 1872 году, ему было поручено изслѣдованіе древняго кладбища, открытаго случайно у Самтавро, близъ Мцхета при проложеніи шоссе. Наконецъ, въ 1879 году имъ были изслѣдованы древнія могилы у Рѣдкина лагеря, близъ Делижана и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, производились раскопки на Самтаврскомъ могильникѣ. Значительная часть археологическихъ коллекцій, принадлежавшихъ прежнему Обществу любителей кавказской археологіи и поступившихъ потомъ въ Тифлисскій музей, была собрана г. Байерномъ; ему же наука обязана нѣсколькими статьями о кавказскихъ древностяхъ, помѣщенными болѣею частью въ иностранныхъ періодическихъ издаціяхъ. Увлекался, можетъ быть, черезъ мѣру нѣкоторыми этнологическими теоріями, г. Байернъ принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, къ числу лучшихъ знатоковъ Кавказа; поэтому о его работахъ нельзя умолчать при обзорѣ современнаго состоянія кавказской археологіи.

Изслѣдованіе древнихъ могильниковъ Кавказа началось съ раскопки въ 1872 г., Самтаврскаго могильника близъ Мцхета. Раскопки эти продолжались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и результаты ихъ были описаны Баерномъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Zeitschrift für Ethnologie* 1872 г. и въ *Mittheilungen der Wiener Anthropologischen Gesellschaft*. На этомъ кладбищѣ было открыто множество гробницъ, расположенныхъ часто въ 2, 3 и даже 4 этажа и сооруженныхъ изъ каменныхъ плитъ (песчаника), изъ кирпичей или черепицы. Нѣкоторыя гробницы были большихъ размѣровъ (до 9 футовъ въ длину и до 5 футовъ въ ширину, при 5—6 футахъ глубины), другія—меньшихъ, и наконецъ, третья—дѣтскія. Во многихъ, особенно большихъ гробницахъ, оказалось по нѣскольку скелетовъ (иногда до 12, даже до 20), болѣею частью неполныхъ, съ разбросанными по разнымъ угламъ костями, отчасти обожженными

Рядомъ съ человѣческими костями были найдены также и кости животныхъ—рыбъ, кошекъ, барановъ, рогатаго скота, лошадей, куръ, а равно разныя вещи, между которыми преобладали стеклянныя пузирьки съ длиннымъ горлышкомъ (слезницы) и бронзовыя булавки съ головками изъ стекла, жемчужинъ, кальцедоновъ и т. п. Кроме того, были найдены: перстни, съ геммами на опиксѣ и сердоликѣ, бронзовыя браслеты; золотыя серьги съ подвѣсками, бронзовыя зеркала, бронзовыя колокольчики; различныя бусы съ подвѣсочками (въ томъ числѣ—изъ янтара); раковины (*Surgaea moneta*, *cardium*); скарабен; фибулы; бронзовое ведерко съ латинскою надписью (*ex officina Calpurnia*); стеклянная ваза съ двумя ручками, въ серебряной оправѣ и съ рельефами, изображающими охотничьи сцены (подвиги Гѣркулеса) и др. На одной могильной плитѣ оказалась надпись, по видимому еврейская, смыслъ и древность которой опредѣляли однако различно. Оружія было найдено мало, только желѣзные кинжалы и стрѣлы, въ новѣйшее время, впрочемъ, еще желѣзные мечи, по формѣ нѣсколько напоминающіе бронзовыя. Гляняная посуда оказалась тоже не въ большомъ количествѣ; въ числѣ ея между прочимъ кружки съ остатками преса. Показались также осколки обсидіана, а при повдѣйшихъ раскопкахъ добыты были римскія и парѣнскія монеты.

Нахожденіе остатковъ нѣсколькихъ покойниковъ въ одной гробницѣ, разбросанность и неполнота костей, отчасти обожженныхъ, присутствіе таковыхъ же костей животныхъ и тотъ фактъ, что въ одной гробницѣ былъ найденъ остовъ головы, шеи, части спины и правой руки (съ бронзовымъ браслетомъ) женщины, которой тазъ, ноги и лѣвая рука (съ совершенно такимъ же браслетомъ) оказались въ другой гробницѣ, побудили г. Байерна высказать предположеніе, что населеніе, хоронившее покойниковъ на этомъ кладбищѣ, не только справляло по нимъ трезну, но убивало въ честь ихъ нѣсколькихъ изъ своей среды, при чемъ тѣла ихъ разчленялись, жарились и поѣдались. Подобный выводъ былъ на столько негѣроиченъ, стоилъ въ такомъ противорѣчій съ найденными въ гробницахъ слѣдами сравнительно высокой культуры, что не могъ не вызвать сомнѣній и возраженій. Уже Мухъ, въ примѣчаніи къ статьѣ г. Байерна, помѣщенной въ *Mittheilungen der Wiener Anthropologischen Gesellschaft*, высказалъ нѣгіе, что въ фактахъ, представленныхъ г. Байерномъ, нельзя еще видѣть доказательствъ каннибализма, что такое предположеніе совершенно не выжется съ фактомъ нахождения при скелетахъ (напримѣръ, на рукахъ и пальцахъ) различныя украшенія; что присут-

ствіе многихъ скелетовъ въ одной гробницѣ можетъ быть объяснимо тѣмъ, что это были семейныя могилы; что фактъ находенія двухъ половинокъ одного скелета въ разныхъ гробницахъ также ничего не доказываетъ, такъ какъ то же самое констатировано и въ другихъ могильникахъ (напримѣръ, въ известномъ Гальштадскомъ), а отчасти (напримѣръ, въ формѣ погребенія сердца отдѣльно отъ остальнаго трупа) производилось и въ позднѣйшее время (даже иногда, въ аристократическихъ фамиліяхъ, практикуется и теперь). Впослѣдствіи самъ г. Байеръ отказался, по видимому, отъ этого невѣроятнаго предположенія и не упоминаетъ уже о немъ болѣе въ своихъ новѣйшихъ статьяхъ. Между черепами, болѣею частью весьма ветхими, оказались многіе со слѣдами искусственной деформации (съ придавленнымъ лбомъ, иногда со слѣдами перевязокъ, шедшихъ черезъ лобъ и темя). Что касается древности этого могильника, то г. Байеръ пришелъ сначала къ заключенію, что онъ долженъ быть отнесенъ ко времени за 1000 лѣтъ до Р. Х., и что населеніе, погребенное на немъ, находилось въ близкомъ отношеніи къ Египту; позже онъ видоизмѣнилъ свой взглядъ въ томъ смыслѣ, что призналъ народность, которой принадлежало это кладбище, за древнихъ Грузинъ и допустилъ возможность нѣсколько болѣе поздней эпохи. Впослѣдствіи, однако, были сдѣланы находки, указывающія еще на болѣе позднія, сравнительно, времена. Такъ, были найдены римскія монеты Августа, Нерона, Веспасіана, даже византійскія Юстина II (568 по Р. Х., то-есть, уже послѣ введенія въ Грузію христіанства), монеты Готарсеса Паряискаго, сассанидскія—Кобада и Хозроя I и др. Найденныя фибулы относятся тоже къ римской эпохѣ (къ типу такъ называемыхъ провинціальныхъ римскихъ фибулъ); упомянутое выше бронзовое ведерко тоже, по мнѣнію академика Стефани, можетъ быть приурочено къ I—II вѣкамъ по Р. Х. Наконецъ, что касается до еврейской надписи, то хотя Іуда Черный отнесъ ее къ 131 г. послѣ ассирійскаго плѣненія, а г. Байеръ считаетъ ее относящеюся къ IV вѣку до Р. Х., но гг. Хвольсонъ и Гаркави полагаютъ, что она не древнѣе II или даже III вѣка по Р. Х. Кладбище, впрочемъ, на столько обширно, что весьма вѣроятно, какъ это и думаетъ теперь г. Байеръ, имъ пользовались въ теченіе весьма долгаго періода, можетъ быть даже, какъ полагаетъ онъ, болѣе 1000 лѣтъ, съ 600 до Р. Х. по 600 по Р. Х. Нѣкоторыя металлическія украшенія во всякомъ случаѣ, судя по типу, могутъ быть относимы ко II или III вѣку до Р. Х.

Предметы, добытые изъ Самтаврскаго могильника въ первые два года раскопокъ, поступили въ Императорскій Эрмитажъ, гдѣ бѣльшая часть ихъ осталась, если не ошибаемся, не описанною. Г. Байернъ, между тѣмъ, продолжалъ раскопки, и въ 1877 году открылъ, подъ верхними гробницами изъ плитъ, могилы иного типа и съ инымъ содержаніемъ. Онѣ вырывались въ видѣ колодца, глубиной около сажени и отъ 6 до 10 футовъ въ діаметрѣ; на днѣ ихъ устроивался кругъ изъ булыжника, родъ круглой стѣны, толщиной въ два и вышиной въ три фута. Внутри этого круга, по видимоу въ сидячемъ положеніи и иногда прислоненнымъ къ большому камню, помѣщался трупъ, около котораго ставились большіе глиняные сосуды съ явствами (въ нихъ нашли кости, отчасти обожженныя, домашнихъ животныхъ). Покойники погребались одѣтые, женщины съ украшеніями, мужчины съ оружіемъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ западу. Въ каждомъ колодцѣ (могилѣ) клался только одинъ покойникъ. Сверху могилы клались, по видимоу, деревянныя балки (слѣдовъ ихъ, впрочемъ, не найдено), а на нихъ воздвигался родъ свода (или купола) изъ булыжника, не связаннаго никакимъ цементомъ. Впослѣдствіи эти своды обвалились и раздавили въ могилѣ сосуды. Въ отличіе гробницъ верхнихъ этажей, четырехугольных, длинныхъ и сложешныхъ изъ плитъ, кирпичей или черепицы, г. Байернъ назвалъ могилы нижняго этажа „купольными“ или „колодцомъ со сводомъ“ (Rippelgräber, tombeaux de puits votés). Найденные въ этихъ могилахъ скелеты оказались въ весьма разрушенномъ состояніи; тѣмъ не менѣе по словамъ г. Байерна, черепа представляютъ подобную же деформацию, какъ и изъ могилъ верхняго этажа. Вещи, оказавшіяся подлѣ скелетовъ, указываютъ на иную эпоху и культуру, чѣмъ та, къ которой относится бѣльшая часть кладбища (верхніе этажи). Въ этихъ „купольныхъ“ гробницахъ не встрѣчается ни монетъ, ни слезица, ни римскихъ фибулъ; фибулъ вообще найдено было только двѣ (въ восемнадцати могилахъ); обѣ онѣ простой дугообразной формы, какъ самыя древнія италянскія фибулы изъ доисторическихъ могильниковъ Ломбардіи, Эмилии, Болоньи. Изъ оружія особенно характеристичны бронзовые: мечъ обоюдоострый, безъ перекладины на рукояткѣ, съ довольно короткою ручкой, но съ болѣе широкимъ лезвиемъ, чѣмъ мечи бронзоваго вѣка въ западной Европѣ; кинжалъ подобной же формы, только нѣсколько короче и уже; наконечники стрѣлъ, плоскіе, треугольныя и безъ черенка, съ маленькимъ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ, вѣроятно для продѣванія волоса, которымъ наконечникъ

прикрѣплялся къ древку (рядомъ съ ними были найдены такіе же наконечники изъ кости)¹⁾; два бронзовые пальштаба оригинальной формы, изъ коихъ одинъ можно признать за долото, и нѣсколько наконечниковъ копій или дротиковъ. Всѣ эти типы указываютъ на близость къ бронзовому вѣку, но рядомъ съ ними были найдены также наконечники копій и стрѣлъ изъ желѣза, что, вмѣстѣ съ формами глиняныхъ сосудовъ, заставляетъ отнести эти могилы къ началу желѣзнаго вѣка. Сосуды имѣютъ форму вазъ, съ одною или двумя ручками, или брюхастыхъ, разложистыхъ чашъ, также кувшиновъ (съ ручкой), горшковъ и бокаловъ, всѣ или безъ всякаго орнамента, или съ концентрическими линіями (вокругъ всего сосуда), или наконецъ съ ободкомъ изъ треугольниковъ, покрытыхъ штрихами. По времени, г. Байеръ считаетъ эти могилы гораздо болѣе древними, чѣмъ остальное кладбище, относящимися, можетъ быть (какъ онъ выражается), къ эпохѣ за 4000 лѣтъ до нашего времени (то-есть, около 2000 лѣтъ до Р. Х.) и принадлежавшими нѣкому народу (по его предположенію—Мидійцамъ)²⁾.

Еще болѣе древнимъ признаетъ г. Байеръ могильникъ, открытый имъ у Рѣдкина лагера, въ Делижанскомъ уездѣ (близъ праваго берега Акстафы, Елизаветпольской губ.). Гробницы здѣсь находятся подъ землею, сложены изъ неправильныхъ плитъ или глыбъ, обыкновенно изъ девяти, и ориентированы въ направленіи съ востока на западъ. Онѣ прислонены къ западному склону горы и имѣютъ только двѣ боковыя стѣны (задняя замѣнена склономъ горы), переднее же (восточное) отверстіе замыкалось уже послѣ погребенія нѣсколькими каменными глыбами. Сверху гробница покрывалась двумя, рѣдко

¹⁾ Плоскіе, треугольные наконечники должны быть признаны за самый древній типъ бронзовыхъ стрѣлъ, такъ какъ мы не встрѣчаемъ ихъ въ позднѣйшихъ курганахъ, даже въ греческой Олимпіи, а только въ Икенахъ, гдѣ они снабжены черенкомъ.

²⁾ Изображеніе характеристичныхъ вещей изъ этого нижняго этажа Сантаврскаго могильника можно видѣть въ брошюрѣ: „Предметы древности въ хранилищѣ Общества Любителей Кавказской археологіи. Труды. 1877, табл. I, III, V, VI, VIII, IX и X. Описание этихъ могилъ помѣщено въ сочиненіи г. Байера, Contribution à l'archéologie du Caucase, иуд. 9. Шамитроу въ Лионѣ. 1882. Кроме того, я пользовался разъясненіями самого г. Байера, сообщенными мнѣ съ большою любезностью письменно. Или я воспользовался и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ доисторическимъ древностямъ Кавказа, о которыхъ будетъ говорить далѣе.

трема весьма большими и толстыми плитами. Покойники погребались въ сидячемъ или скорченномъ положеніи (только дѣти въ лежачемъ) лицомъ къ западу, и при нихъ ставилось много черныхъ глиняныхъ сосудовъ съ яствами. Сосуды эти различной величины, большею частью (если не всѣ?) безъ ручекъ и имѣютъ форму вазъ или болѣе или менѣе разложистыхъ горшковъ съ простымъ орнаментомъ изъ концентрическихъ линий, треугольниковъ или кружковъ. Многіе изъ нихъ закончены снаружи, и вѣроятно, въ нихъ готовилась пища; кромѣ того, въ могилахъ попадаются еще въ разныхъ углахъ кости и цѣлые черепа барановъ, козъ, быковъ и свиней. Изъ вещей были найдены: бронзовые браслеты, серьги, булаваки и сердоликовыя правѣски, бляхи; небольшіе бѣлые и черные стеклянные цилиндрики; стеклянныя бусы и бисеръ; свинцовыя пуговицы и привѣски; ископаемыя протирывающія раковинки (*Trochus*, *Maetra*); небольшая пила изъ кремня и амулетъ въ видѣ грубо сдѣланной орлиной головы, изъ аспида; много обсидіановыхъ осколки, нѣкоторые въ формѣ такъ-называемыхъ скребковъ и др. Оружіе представлено небольшими листовидными кинжалами и наконечниками копій (со ступкой) изъ бронзы; были найдены также и желѣзные наконечники, но только два въ 86 могилахъ. Бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ г. Вайеръ не нашелъ (хотя приобрѣлъ одинъ, найденный, будто бы, въ подобной же могилѣ), но ему попалось нѣсколько тщательно обдѣланныхъ наконечниковъ изъ обсидіана. Фибулы не найдено вовсе: ихъ, по видимому, замѣняли иглы, какъ и въ Гиссарикѣ (Троф—раскопки Шлимана) ¹⁾. По формѣ глиняныхъ сосудовъ, бронзовыхъ кинжаловъ и наконечниковъ, бусъ и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, могилы у Рѣдкина лагеря представляютъ многія черты сходства съ нижнимъ этажемъ могилъ Самтаврскаго кладбища, но г. Вайеръ считаетъ ихъ еще болѣе древними (по крайней мѣрѣ, столѣтіемъ), основываясь на сравнительно большей рѣдкости желѣза, на отсутствіи фибулъ и на значительномъ числѣ издѣлій изъ кремня и обсидіана. Населеніе здѣсь было, по видимому, другое, такъ какъ до лихосефальныя черепа не обнаруживаютъ слѣдовъ искусственной деформациі, да и самыя могилы устроены иначе.

¹⁾ Изображеніе могилы и подробности относительно кладбища у Рѣдкина лагеря можно найти въ упомянутой статьѣ г. Вайера, *Contribution etc.* Ср. также статью его же: Замѣтки о различного рода могилахъ, встречающихся на Кавказскомъ перешейкѣ, въ *Извѣстіяхъ Кавказскаго Общества Исторіи и Археологій*. Тифлисъ. 1882. Вып. 1, стр. 15—23.

Къ болѣе поздней эпохѣ, сравнительно съ могильникомъ у Рѣкина лагера и нижнимъ этажемъ Самтаврскаго, относятся г. Байернъ находки у Степанъ-Цминда (близъ Казбека) и древнее кладбище близъ Кобани (въ Осетіи). Что касается первой изъ этихъ мѣстностей (Степанъ-Цминда), то слухъ о находкахъ тамъ древностей появился, по словамъ г. Байерна, еще въ 1852 г. Занимаясь въ теченіе этого года собираемъ коллекцій минераловъ, растений и животныхъ, г. Байернъ прожилъ, между прочимъ, 19 дней на станціи Казбекъ, и здѣсь ему разказали, что при рытѣ фундамента для казачьяго поста и стѣны, вокругъ станціи найдены были рабочими разныя курьезныя бронзовыя фигурки и золотыя вещи, между прочимъ одинъ маленькій золотой быкъ. Видѣть что-нибудь изъ этихъ вещей г. Байерну однако не удалось, такъ какъ онѣ были уже распроданы рабочими; самъ начать раскопки г. Байернъ не предполагалъ, ибо тогда занимался почти исключительно естественною исторіей, и, кромѣ того, не располагалъ для этого и достаточными средствами. Затѣмъ до 1871 года не было слышно ничего о новыхъ находкахъ, но въ этомъ году начали проводить здѣсь новое шоссе и при нивелированіи дороги, около небольшой часовни Степанъ-Цминда (церковь св. Стефана) открыли многія гробницы, относящіяся, по словамъ г. Байерна, къ той же эпохѣ, какъ и верхній этажъ Самтаврскаго могильника. Кромѣ того, въ одномъ мѣстѣ, прямо въ землѣ (не въ гробницахъ) попалось еще много бронзовыхъ вещей, которыя однако также пропали безслѣдно для науки и были распроданы рабочими проѣзжимъ и въ Владикавказѣ. Только одна статуетка, длиной около 4 дюймовъ, досталась начальнику Душетскаго округа, г. Зубалову, который потомъ подарилъ ее г. Байерну: это было изображеніе Пріана. Въ 1872 году г. Байернъ отослалъ ее, вмѣстѣ съ многими вещами, добытыми при раскопкахъ Самтаврскаго могильника, въ Императорскій Эрмитажъ. Въ 1876 году г. Хатисовъ пожертвовалъ Обществу любителей Кавказской археологіи коллекцію вещей, добытыхъ изъ той же мѣстности, отчасти при раскопкахъ, произведенныхъ сыномъ покойнаго генерала Казбека (наслѣдникамъ котораго принадлежитъ домъ и земля около станціи), отчасти приобретенныхъ отъ мѣстныхъ жителей. Большая часть вещей, по словамъ г. Байерна, происходитъ изъ могилъ, но въ числѣ ихъ есть и изъ упомянутаго выше скопленія бронзовыхъ вещей или вклада, не имѣющаго, по видимому, ничего общаго съ могилами, которыя относятся къ болѣе поздней эпохѣ. Такъ какъ всѣ эти бронзовыя вещи, доставленныя г. Хатисовымъ,

были болѣе или менѣе поломаны, то г. Байернъ пришелъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ предполагать кладъ того типа, который французскіе археологи называютъ „sachettes“, то-есть, собраніе вещей, приобретенныхъ какимъ-нибудь скупавшимъ ломъ древнимъ торговцемъ и имъ зарытыхъ до времени въ безопасномъ мѣстѣ,—въ пользу чего говорить и нахожденіе клада близъ большой дороги черезъ переваль.

Первая обстоятельная раскопка въ этомъ мѣстѣ была произведена лишь въ 1877 г. Г. Д. Филимоновымъ, отправившимся для археологическихъ розысканій по порученію и на средства комитета Московской антропологической выставки. Вниманіе г. Филимонова было обращено на эту мѣстность тѣмъ фактомъ, что въ мартѣ 1874 года въ завѣдуемое имъ отдѣленіе древностей при Московскомъ публичномъ музеѣ принесены были въ даръ однимъ скромнымъ жертвователемъ двѣ небольшія бронзовыя дугообразныя фибулы, найденныя при работѣ шоссеиной дороги близъ Казбекской станціи и приобретенныя отъ Еврея, содержателя буфета на этой станціи. На другой годъ послѣ поступления казанскихъ фибулъ въ музей, г. Филимоновъ, проѣздомъ черезъ Казбекскую станцію, успѣлъ приобрести изъ того же источника еще нѣсколько подобныхъ фибулъ, и затѣмъ въ слѣдующемъ году увидѣлъ такія же фибулы въ шкафахъ Кавказскаго музея въ Тифлисѣ. Послѣднія фибулы, какъ онъ узналъ, были найдены не воагѣ Казбека, а въ Тагаурскихъ горахъ Осетіи, въ селеніи Кубани. Возвращаясь изъ Тифлиса въ Москву въ 1876 году, г. Филимоновъ условился съ владѣльцемъ Казбекскаго могильника относительно его раскопки лѣтомъ слѣдующаго года ¹⁾.

Въ 1877 г., отправившись на Кавказъ по порученію комитета антропологической выставки, г. Филимоновъ остановился на Казбекской станціи и приступилъ къ раскопкѣ около того мѣста, гдѣ ранѣе, по словамъ мѣстныхъ жителей, находили вещи. Изъ разпросовъ оказалось, что прежде дорога пролегала по сахову двору дома ген. Казбека, послѣ же ее отвели ближе къ Тереку, и г. Казбекъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ увеличить свой дворъ, поставивъ каменную ограду со стороны дороги, идущей сажени на три ниже площадкѣ двора. Г. Филимоновъ выбралъ мѣсто на дворѣ, отступая на

¹⁾ Отчетъ о раскопкахъ г. Филимонова помѣщенъ въ изданіи «Антропологическая выставка» (Протоколъ Комитета). Т. II. М. 1878—79 гг. Приложение, стр. 26—43.

сажень отъ каменной ограды, гдѣ и заложилъ траншею около 10 аршинъ длиной и 2 аршина шириной. Пришлось сперва поднять каменную настилку двора, затѣмъ копать въ землѣ, по видимому, насыпной и смѣшанной съ камнями. Какъ разъ посреди канавы обнаружилась влажная земля, какъ будто здѣсь просачивалась вода. На глубинѣ одного аршина, „прямо среди земли и камней“, блеснула сканная серьга, затѣмъ золотая бляшка и буса изъ стекляннаго сплава. Далѣе показались обрывки бронзовой цѣпочки, можно было ощупать цѣлую твердую массу металлическихъ веществъ. Вѣсть о находкѣ привлекла много туземцевъ, которыхъ не возможно было никакими усиліями отогнать, и которые выказывали очевидное намѣреніе пользоваться на счетъ клада. Дѣло, между тѣмъ, клонилось къ вечеру, и нужно было возможно скорѣе выбрать оказавшіяся вещи. Г. Филимоновъ могъ только разсмотрѣть, что нѣкоторыя вещи, именно бронзовые ядолы, лежали въ серебряной чашѣ и были перевязаны бронзовыми цѣпочками, и что, кромѣ этой вазы, былъ еще мѣдный горшокъ, также наполненный вещами и два мѣдные кувшина. Отобравъ вещи и принужденный, за темнотою, закончить работы, г. Филимоновъ распорядился завалить яму камнями и поручилъ старшинѣ селенія и другимъ лицамъ наблюдать за ея цѣлостію къ теченіе ночи. Приступивъ къ раскопкамъ на другой день, пришлось, однако, убѣдиться, что дѣло не обошлось безъ хищническихъ раскопокъ ночью, что доказывалось и фактомъ предложенія мальчишками подобныхъ же, только разломанныхъ вещей. Г. Филимоновъ снова расчистилъ яму и прокопалъ ее въглубь еще на аршинъ, но никакихъ вещей уже не встрѣтилъ. Пришлось удовольствоваться тѣмъ, что было найдено накупнѣ и что, во всякомъ случаѣ, составило весьма цѣнную коллекцію. Между вещами оказались: двадцать-одна бронзовая дугообразная фибула, въ томъ числѣ восемь весьма большаго размѣра; бронзовые пластинчатые и проволочные браслеты, треугольныя подвѣски и прѣзныя пражки и бляхи; какія-то клыкообразныя бронзовыя пластинны, бронзовые колокольчики, щипцы, спиральныя трубки и цѣпи; золотая серьга; сердоликовыя и глиняныя бусы; бронзовыя фигуры оленей; репы съ изображеніемъ лошадиныхъ головъ и фигуръ горныхъ барановъ (туровъ), а также съ изображеніями всадниковъ; наверху съ головами туровъ, изъ коихъ на одномъ помѣщена лятая груша, изображающая человѣка, отрѣзывающаго кривымъ ножомъ голову другаго человѣка; а на другомъ, изъ трехъ рядовъ головъ—обнаженная человѣческая фигура, держащая въ правой рукѣ молотъ (молотокъ такой

же формы, только безъ рукоятки, вѣроятно деревянный, оказался и въ числѣ орудіи); два идола, оба обнаженные, но въ ермолкахъ и съ поясами, одинъ кромѣ того—въ сапогахъ; у обоихъ половные члены въ эректіи, но означены выпуклостями и грудн; на заднихъ частяхъ и лопаткахъ одного идола спиральный узоръ. Изъ оружія были найдены остатки длиннаго желѣзнаго меча и нѣсколькихъ кинжаловъ, остатки бронзоваго наконечника и нѣсколькихъ срединныхъ частей отъ ноженъ меча, бронзовыя рукоятки желѣзныхъ мечей и бронзовый молотокъ (также фрагменты желѣзныхъ копій и удалъ). Особенный интересъ представила серебряная чаша, средней величины, разложившаяся, съ выбитымъ орнаментомъ въ родѣ раковины и симметрично расположеннымъ двуглавымъ дракономъ; въ одномъ мѣстѣ, на ней оказалась вырѣзанная надпись изъ пяти знаковъ, напоминающихъ букву Ч; кромѣ того, были найдены еще фрагменты бронзовыхъ сосудовъ, крышка отъ сосуда и обломки дужекъ или ручекъ.

По мѣстности г. Филимонова, онъ пашель здѣсь подпочвенный могильникъ, въ которомъ вещи, отъ неоднократнаго перекапыванія его для разныхъ сооружений, отчасти оказались сдвинутыми изъ своего первоначальнаго положенія. Никакихъ дѣйствительныхъ слѣдовъ могильника г. Филимоновъ однако не встрѣтилъ, и нахожденіе массы вещей въ одномъ мѣстѣ (безъ признаковъ костей около нихъ) указывало скорѣе на кладъ. Для провѣрки противорѣчивыхъ слуховъ объ этой находкѣ г. Байернъ (не имѣвшій однако возможности видѣть самыя вещи, найденныя г. Филимоновымъ) рѣшился, въ слѣдующемъ 1878 году, произвести новую раскопку въ той же мѣстности, на что ему, послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, и удалось получить разрѣшеніе отъ г-жи Казбекъ, но подъ условіемъ рыть на томъ же мѣстѣ, гдѣ копалъ и г. Филимоновъ. Въ этой мѣстѣ г. Байернъ нашелъ еще нѣсколько предметовъ: колокольчиковъ, цѣпочекъ, бусъ, а углубившись до 9-и футовъ, попалъ на родникъ чистой воды и прннужденъ былъ копать въ слобъ мокрой глины, въ которомъ отысканіе вещей было весьма затруднительно. Тѣмъ не менѣе, ему удалось все-таки изъ слипшихся комковъ грязи извлечь нѣсколько золотыхъ вещей (золотую сканную серьгу, бляшки или пригѣски къ ожерелью въ видѣ голубковъ и др.), также двѣ бронзовыя головки барановъ, бронзовыя плоскообразныя пластины (по мѣстности г. Байерна—части сбрун), браслеты, перстни, дугообразныя фибулы, фрагменты желѣзныхъ копій и удалъ, разнообразныя бусы, глянцаныя сосуды, фрагменты серебряныхъ

украшеній и т. д. ¹⁾ На днѣ лмы онъ наткнулся на большую плиту изъ фяллита (кристаллическаго сланца), которую, однако, за глубиной лмы и склоненіемъ воды, поднять не удалось. Проработавъ два дня въ сурю погоду, г. Байернъ схватилъ лихорадку и долженъ былъ уѣхать въ Тифлисъ.

Соображая всѣ данныя, г. Байернъ пришелъ къ заключенію, что характеристичныя вещи, находимыя у Стенанъ-Цминда, происходятъ не изъ могилъ (которыя, можетъ быть, также имѣются по близости), но отъ жертвенныхъ приношеній предметами культа. По его мнѣнію, въ этомъ мѣстѣ былъ некогда бассейнъ воды, который былъ потомъ занесенъ лавиною изъ грязи и камней, сползшею съ сосѣдняго холма. Около бассейна находился, по всѣмъ вѣроятіямъ, храмъ Пріапа (мѣсто котораго заняла потомъ церковь св. Стефана), куда собирались для поклоненія, при чемъ въ бассейнъ бросались, въ видѣ жертвъ, различныя, болѣе или менѣе цѣнные предметы. Нахождение значительнаго числа бронзовыхъ колокольчиковъ особенно укрѣпило въ этомъ мнѣніи г. Байерна, такъ какъ подобныя же колокольчики, по его словамъ, приносились и въ позднѣйшее время въ христіанскіе уже храмы. Гора Казбекъ (Шайтвапъ-Цвери) и теперь пользуется ореоломъ святости у туземцевъ, посѣщающихъ въ извѣстные дни древнюю христіанскую церковь на сосѣднемъ возвышеніи, и во всѣхъ церквахъ по близости этой горы можно найти различныя колокольчики, бубенчики и т. п., одни — болѣе древняго типа и византійской работы, другіе — позднѣйшихъ эпохъ, желѣзные или мѣдные (изъ латуни), въ томъ числѣ и новѣйшія, русской работы. Что касается до народа, который собирался для поклоненія въ предполагаемый храмъ Пріапа, то г. Байернъ высказываетъ нѣсколько смѣлое предположеніе, что это были Амазонки съ Термодона (отожествляемаго имъ съ Кубанью), которыя стекались сюда каждый годъ для празднества вмѣстѣ съ Гаргаренами, то-есть, обитателями Гаргети, у восточной подошвы Казбека. Г. Байернъ склоненъ думать, что въ бассейнъ бросались только украшения или религіозныя эмблемы; что оружіе не было предметомъ жертвы, и что найденныя въ незначительномъ числѣ желѣзные накопечники копій и т. п. происходятъ изъ поверхностныхъ слоевъ и

¹⁾ По мнѣнію г. Байерна, серебряныхъ вещей было больше, но онѣ, подъ вліяніемъ сѣрной кислоты, образовавшейся отъ разложенія колчедана, который присутствуетъ въ большомъ количествѣ въ ояллитѣ, разрушились и превратились въ фиолетово-красный порошок (?).

относятся уже къ позднѣйшей эпохѣ. По времени онъ относитъ этотъ „gisement d'offrandes de culte“ къ эпохѣ промежуточной между Киромъ и Дариемъ, или даже къ ассирійскому періоду.

Г. Филимоновъ, съ своей стороны, основываясь главнымъ образомъ на сходствѣ найденныхъ имъ фибулъ съ тѣми, которыя были добыты изъ древнихъ доисторическихъ могильниковъ Италіи, выразилъ мнѣніе, что могильникъ (точнѣе — кладъ), открытый имъ у Степанъ-Цинида, относится къ „безусловно доисторическому періоду“. Онъ полагаетъ возможнымъ признавать родственную связь между народами Кавказа и доисторическими жителями Италіи и „смѣло предполагаетъ, что первообитные жители Этрурии вышли съ Кавказа“. „Если“, говоритъ онъ, — „племя италіанскихъ террамаръ, какъ предполагаютъ, жило за 1000 лѣтъ до нашей эры, въ переходную эпоху отъ бронзы къ желѣзу, то по видимому, къ той же по крайней мѣрѣ порѣ слѣдовало бы отнести и остатки доисторической культуры Осетіи“ (именно въ Кобанскомъ и Казбекскомъ могильникахъ). Есть, однако, нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія противъ такой глубокой древности. Такъ, надпись на упомянутой выше серебряной вазѣ, по справкамъ, наведеннымъ профессоромъ В. Ф. Миллеромъ, оказалась арамейскою (позднѣйшею финикійскою), вѣроятно, не древнѣе IV в. до Р. Х. Въ ней можно было разобрать слова *dī Kabbir*, то-есть, „Кабировъ“, и, по мнѣнію г. Миллера, фаллическіе идолы дѣйствительно напоминаютъ финикійскія изображенія кабировъ или патэковъ (*patāka*), которыя привѣшивались и сравниваются Геродотомъ съ пигмеями¹⁾. Съ другой стороны, какъ увидимъ далѣе, эта культура стоитъ въ близкомъ родствѣ съ культурой древней Осетіи, слѣды которой можно прослѣдить до VII в. по Р. Х. Нельзя согласиться также и съ г. Байерномъ, утверждающимъ, что желѣзныя кошки и другія оружія, найденныя у Степанъ-Цинида, относятся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ главная масса клада. Г. Филимоновъ положительно говоритъ, что вмѣстѣ съ приапическими изображеніями, серебряною чашей и различными украшеніями, въ той же кучѣ находились также фрагменты желѣзныхъ мечей, копіи, удила, а равно пять бронзовыхъ рукоятей мечей и кинжаловъ, желѣзныя лезвья коихъ разрушились отъ ржавчины.

Что касается доисторической культуры древней Осетіи, то пер-

¹⁾ Въ культѣ Ваха также употреблялись маленькія фигурки, называемыя *кроссфидиса*.

вые слѣды ея были открыты въ Кобаньскомъ могильникѣ (близъ сел. Верхняя Кобань), откуда нѣсколько вещей было доставлено въ Кавказскій музей. Эти предметы не обратили однако на себя особеннаго вниманія до 1877 года, когда они вызвали обстоятельную раскопку могильника г. Флимоновымъ. Кобаньскій могильникъ занимаетъ площадь около десятины и едва обозначается вросшими въ землю глыбами булыжника по склону горы. Вещи въ немъ, съ остатками костяковъ, попадаются или разсыпанными въ почвѣ, или въ гробницахъ изъ плиты, или вагонцѣ въ ямахъ, обложенныхъ булыжникомъ. Здѣсь обзались тѣ же дугообразныя фибулы, что и у Степанъ-Циенда, также изображенія животныхъ (барановъ, оленей и др.), колокольчики, браслеты, бронзовыя рукояти мечей и т. д., но кромѣ того, характерныя кривыя бронзовые топоры, изъ коихъ нѣкоторые съ орнаментами изъ треугольниковъ, зигзаговъ, кружковъ и съ изображеніями животныхъ, широкіе, листовидные, бронзовые княжало съ отверстіями при основаніи для гвоздей (для насадки на рукоять), различныя бляхи, пряжки и подвѣски, глиняная посуда и одинъ оригинальный бронзовый сосудъ, очевидно привозной, греческой работы. Вещи, добытыя г. Флимоновымъ, были доставлены имъ на Московскую антропологическую выставку, гдѣ возбудили всеобщее вниманіе. Кобаньскій могильникъ былъ посѣщенъ послѣ того многими археологами, г. Антоновичемъ, гр. Уваровымъ, Шантромъ, Вирховымъ и др.; кромѣ того, удостовѣрся въ находеніи въ немъ цѣнныхъ предметовъ, за раскопку его принялись и мѣстные жители, Осетины, особенно владѣлецъ земли, на которой находится большая часть могильника, Хабашъ Кануковъ. Мало по малу изъ кобаньскихъ вещей составились цѣлыя коллекціи, лучшія изъ коихъ были приобретены у Канукова—покупкою гр. Уваровымъ, гг. Ольшевскимъ, Семеновымъ (теперь въ Московскомъ историческомъ музеѣ), Шантромъ (находится въ Люнскомъ музеѣ), Вирховымъ (въ Берлинѣ). Къ сожалѣнію, Осетины, производя раскопки, заботятся только о добываніи болѣе цѣнныхъ (золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ) предметовъ, оставляя безъ вниманія желѣзные фрагменты и кости и нисколько не заботясь о веденіи журнала раскопокъ, вслѣдствіе чего, конечно, многія особенности остаются не замѣченными и провадаютъ безслѣдно для науки.

Изъ могильниковъ, открытыхъ до сихъ поръ въ Осетин, Кобаньскій, несомнѣнно, самый древній, такъ какъ другія, открытыя тамъ кладбища, наиримѣръ, въ Комунтѣ, Мезгурѣ, Лацѣ, относятся, судя

по найденным монетамъ, къ IV—VII вѣкамъ по Р. Х. и даже позднѣе. Труднѣе однако рѣшить вопросъ о томъ, что древнѣе—Кобанскій могильникъ или Казбекскій кладъ, и къ какому времени оба они могутъ быть приурочены. На Тифлисскомъ съѣздѣ 1881 г. гр. Уваровъ выразилъ мнѣнiе, что находки въ Кобани относятся къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ у Степанъ-Цминда, гдѣ, кромѣ бронзы и желѣза, встрѣчается еще золото и янтарь (мы увидимъ далѣе, что янтарь былъ найденъ и въ Кобани). Съ другой стороны, гр. Уваровъ, изъ сравненiя кобанскихъ находокъ съ типичными бронзовыми древностями, найденными въ Галльштадѣ, Виллановѣ и Гиссарликѣ (Троѣ), вывелъ заключенiе, что на кобанскихъ вещахъ почти совершенно не видно греческаго влiянiя: не замѣчается, напримѣръ, характерной формы греческаго орнамента, меандра, и на оборотъ—встрѣчаются многочисленныя слѣды какого-то влiянiя азиатскаго, выражающагося, напримѣръ, въ свастикѣ, въ многочисленныхъ изображенiяхъ леопардовъ и тигровъ, въ присутствii условнаго (геральдическаго) стиля въ изображенii животныхъ и т. п.; по сходству нѣкоторыхъ изображенii гр. Уваровъ склоненъ думать, что это было влiанiе ассирийское. Другими словами, гр. Уваровъ пришелъ къ заключенiю, отчасти подходящему къ сдѣланному въ новѣйшее время г. Байерномъ, который также, какъ мы видѣли, склоненъ относить Казбекскій кладъ къ ассирийскому періоду. Но въ другихъ отношенiяхъ г. Байервъ расходится съ гр. Уваровымъ; именно, онъ полагаетъ, что въ Кобанскомъ могильникѣ можно различить два этажа (къ сожалѣнiю, хищническiя раскопки Осетинъ, сваливающихъ всѣ предметы въ одну кучу, не даютъ возможности прослѣдить всюду эту двойственность, замѣченную г. Байерномъ при своихъ личныхъ раскопкахъ); нижнii этажъ, по его мнѣнiю, характеризуется присутствiемъ дугообразныхъ фибулъ и кривыхъ бронзовыхъ тоноровъ, верхнii—большими грузными булавами лопатко- или веслообразной формы. Нижнii этажъ онъ считаетъ болѣе древнимъ, чѣмъ Казбекскій кладъ, верхнii же—относящимся къ болѣе поздней эпохѣ. Что касается до народа, остатки котораго похоронены на этомъ кладбищѣ, то г. Байервъ, согласно своей этнографической теорii, видитъ и тутъ Евреевъ; могилы нижняго этажа, по его мнѣнiю, заключаютъ въ себѣ остатки Аммонитянъ, а верхняго—поколѣнiя Руема (?).

Было высказано однако и другое мнѣнiе, не признающее описанныя находки относящимися къ столь древней эпохѣ. Профессоръ В. Ө. Миллеръ указалъ на тотъ фактъ, что еще у одного византийскаго

писателя, Халкоконды, сохранилось извѣстіе объ Аланахъ, что они изготовляютъ себѣ бронзовое оружіе, которое называется (то-есть, слыветъ у Византійцевъ) аланскимъ (αγθα εχ αερε ραγεητ, quae alānica pompanitur). Основываясь на этомъ извѣстїи и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, г. Миллеръ склоненъ думать, что характеристичная бронзовая культура Кобаньскаго могильника и Казбекскаго клада, ведущая свое начало, можетъ быть, отъ временъ Финикійцевъ или даже ранѣе (уже въ XII вѣкѣ до Р. Х. Ассирійцы вели войны съ народомъ Мосховъ (Месехъ) и Тубаль, жившимъ на югѣ Кавказа и прославившимся производствомъ бронзовыхъ оружій),—продолжалась до временъ христіанства, и что Казбекскій кладъ можно объяснить зарытіемъ или потопленіемъ религіозныхъ предметовъ (хранившихся, вѣроятно, въ мѣстномъ капищѣ)—при введеніи христіанства и преслѣдованіи господствующаго до тѣхъ норъ языческаго культа.

Что характеристичная бронзовая культура (собственно культура начала желѣзнаго вѣка) продолжалась въ Осетїи до поздней сравнительно эпохи, это доказали сдѣланныя г. Антоновичемъ раскопки могильника въ Комултѣ, гдѣ на ряду съ вещами, указывающими на сходство съ культурой Кобаньскаго могильника, оказались также предметы болѣе поздней культуры, въ томъ числѣ византійскія монеты IV—VII вѣковъ.

Раскопки г. Антоновича однако не были столь обширны, какъ послѣдующія, произведенныя Осетинами, и добыча которыхъ поступила въ коллекцію г. Ольшевскаго. Съ другой стороны однако, эти осетинскія раскопки представляютъ тотъ недостатокъ, что онѣ знакомятъ только съ лучшими предметами, оставляя безъ вниманія желѣзные обломки и другія менѣе цѣбныя вещи. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что близъ Комулты есть два могильника, изъ коихъ ближайшій къ селенію открытъ былъ уже послѣ поѣздки г. Антоновича. На сколько богатъ оказался этотъ послѣдній могильникъ, можно судить по коллекціи г. Ольшевскаго; въ бытность мою въ Владикавказѣ ему было принесено, между прочимъ, Осетинами собраніе золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ вещей, за которыя имъ было заплачено 320 руб., при чемъ по крайней мѣрѣ двѣ трети этой суммы приходилось на золотыя и серебряныя предметы, приобрѣтенныя на вѣсъ. Такихъ собраній (по мѣрѣ накопленія предметовъ изъ раскопокъ) было приобрѣтено г. Ольшевскимъ нѣсколько, и въ связи съ результатами раскопокъ г. Антоновича, онѣ позволяютъ составить довольно обстоятельное понятіе о соотвѣтственной культурѣ,

хотя и не выясняют еще многих ее частных особенностей. На сходство с культурой представленною кладомъ у Стенанъ-Цминда, указываетъ, между прочимъ, находящееся у г. Ольшевскаго изображеніе оленя (голова и передняя половина тѣла съ передними ногами), съ отверстїемъ въ заднемъ концѣ (гдѣ оканчивается половинна туловища) для посадки на рукоятку. На головѣ оленя, между рогами его помѣщена фигура нагого человѣка, который держится распростертыми руками за рога и представляетъ всѣ характерныя особенности фаллическихъ фигурокъ, найденныхъ у Стенанъ-Цминда. Кромѣ того, въ пользу этого же сходства говорятъ дугообразныя фибулы и большія булавы, нѣсколько напоминающія кобанскія, а также множество бронзовыхъ изображеній барановъ, туровъ, горныхъ козловъ, бронзовыхъ колокольчиковъ и т. д. Нрядомъ съ этими чертами сходства замѣчаются еще болѣе крупныя черты различія. Такъ въ Комунтѣ вовсе не встрѣчаются характеристичныя для Кобани бронзовые кривые топоры, иногда богато украшенные геометрическимъ орнаментомъ и разными изображеніями животныхъ, а также бронзовые листовидныя кинжалы. Оружіе здѣсь, по видимому, исключительно желѣзное: колья, стрѣлы, ножи, мечи; найдена была только бронзовая шестоперъ (булава), но такого оружія не извѣстно изъ Кобани ¹⁾. Топоры тоже желѣзные, и притомъ совсѣмъ иныхъ типовъ, напоминающихъ нѣкоторые мерянскіе. Упомянутая дугообразная фибула встрѣчается весьма рѣдко; чаще же попадаетъ позднѣйшее видоизмѣненіе ея (такъ-называемый типъ La Tène), которое было констатировано и въ Самтаврскомъ могильникѣ (верхнемъ этажѣ); кромѣ того, попадаются и разныя варіанты позднѣйшихъ германскихъ фибулъ. Замѣчательно также изобиліе золота и серебра: витыя кольца (для нальцевъ); браслеты (массивныя и пластинчатые); серьги (золотыя—филиграновой работы); витая серебряная гривна (torques); серебряныя и золотыя монеты и т. д. Не менѣе достойны вниманія крупныя, эмальированныя прижки (эмаль, впрочемъ, была найдена и въ Кобани); бронзовыя колеса съ остатками желѣзной оси (можетъ быть, отъ миниатюрной колесницы) и съ изображеніями человѣческихъ лицъ на синахъ; золотыя и серебряныя кресты, указывающіе на христіанское вліяніе; стеклянныя пузырьки (слезницы) изъ бѣлаго и краснаго стекла; множество маленькихъ бронзовыхъ зеркалъ и массы самыхъ разнообразныхъ

¹⁾ Найдена была также одна каменная наконечникъ булавы.

бусь—стеклянныхъ, каменныхъ, глиняныхъ, изъ композицій и т. д. отъ самыхъ мелкихъ до величiny голубяваго яйца. Многіе изъ этихъ предметовъ имѣютъ всѣ признаки фабричнаго производства, и нѣкоторые очевидно, доставлялись изъ Греціи, при чемъ изобиліе ихъ указываетъ на значительное развитіе торговыхъ отношеній и на довольно высокій уровень культуры и благосостоянія въ странѣ.

Такимъ образомъ, археологическія находки послѣднихъ лѣтъ познакомили насъ съ оригинальною древнею культурою Кавказа, начало которой уходитъ въ глубь доисторической эпохи, по слѣды которой, съ видоизмѣненіями, обуславливаемыми силой новыхъ культурныхъ вліяній и развитіемъ торговыхъ сношеній, можно прослѣдить до VII вѣка по Р. Х. Спрашивается теперь: была ли эта культура, въ своей основѣ, чисто мѣстной, или занесена извнѣ, и если вѣроятнѣе послѣднее, то откуда она распространялась? Вирховъ, производившій самъ раскопки въ Кобани и пріобрѣвшій порядочную коллекцію вещей у Канукова, высказалъ ¹⁾ сначала мнѣніе, что металлическая культура Кавказа (слѣды которой мы встрѣчаемъ въ описанныхъ выше древнихъ могильникахъ) вышла съ Урала, то-есть, вѣроятно, туранскаго происхожденія. Въ пользу такого предложенія Вирховъ привелъ многочисленныя изображенія туровъ, горныхъ козловъ, быковъ, барсовъ и т. д., которыя, по его мнѣнію, сходны по типу съ подобными же изображеніями животныхъ на нѣкоторыхъ чудскихъ издѣліяхъ (изъ Перси, Сибири). Онъ указывалъ также на бронзовые князяды, подвѣски, спиральныя браслеты, извитыя трубки, цѣпочки и другія вещи, подобныя которымъ были находимы, по его словамъ, въ различныхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи до Прибалтійскаго края включительно. Это сѣверное вліяніе Вирховъ призналъ самымъ древнимъ, но выразилъ мнѣніе, что къ нему затѣмъ присоединилось южное вліяніе, изъ Персіи и Месопотаміи. Бронзовая культура этихъ странъ еще весьма мало изучена, но Ворсо отыскалъ недавно, въ подвалахъ Британскаго музея, цѣлую серію вавилонскихъ бровъ, указывающую на значительное развитіе, въ вавилонскій періодъ, искусства обдѣлывать этотъ металлъ. Позднѣйшимъ вліяніемъ было греческое, слѣды котораго Вирховъ находитъ и на нѣкоторыхъ вещахъ изъ Кобанскаго могильника.

Приведенное мнѣніе о сѣверномъ, туранскомъ происхожденіи брон-

¹⁾ Virchow, *Kaukasische Prachistorie* въ *Verhandl. der Berl. Anthropol. Gesellschaft* 1881, стр. 411—427.

зовой культуры Кавказа встрѣтило сильнаго противника въ г. Байернѣ, который, указывая на богатство Кавказскихъ горъ металлическими рудами и на то, что основнымъ элементомъ кавказскаго населенія былъ, какъ онъ думаетъ, семитическій, — полагаетъ на оборотъ, что происхожденія металлической культуры надо искать именно на Кавказѣ, откуда она могла распространиться во всѣ стороны, даже до предѣловъ Сибири. Такой выводъ вполнѣ соответствуетъ возрѣніямъ г. Байерна на историческую этнографію Кавказа, но едва ли можетъ быть призванъ достаточно убѣдительнымъ. Съ другой стороны, вышеприведенное мнѣніе Вирхова было основано на довольно слабыхъ данныхъ, при чемъ имъ не приняты были во вниманіе многія другія характеристичныя особенности чуждой культуры, аналогіи съ которыми мы вовсе не встрѣчаемся на Кавказѣ. Указанныя же черты сходства могутъ обуславливаться болѣе отдаленнымъ родствомъ, именно происхожденіемъ бронзовой индустріи изъ странъ Средней Азіи, откуда она могла распространиться, съ одной стороны, на сѣверъ — въ Сибирь и Уралъ, съ другой — на западъ, въ переднюю Азію, на Кавказъ и въ южную Европу.

На нѣкоторыя черты сходства съ соответствующею культурой западной Европы (именно начального желѣзнаго вѣка) было указано, уже года три тому назадъ, французскимъ археологомъ Шантромъ, который имѣлъ возможность лично ознакомиться съ древностями Кавказа и даже произвести тамъ нѣсколько раскопокъ. Шантръ указалъ именно на формы фибулъ, встрѣчающихся также въ сѣверной Італіи, на формы и орнаментъ нѣкоторыхъ сосудовъ, на обычай сплющивать голову (въ Самтавро и въ могильникахъ Юры), на бронзовые кистовидные кинжалы, пряжки отъ поясовъ и другіе предметы, которые какъ бы намекаютъ на какое-то сходство. Всѣхъ этихъ сопоставленій было однако еще недостаточно для какого-нибудь болѣе опредѣленнаго вывода, который могъ быть сдѣланъ только на основаніи болѣе тщательнаго сравнительнаго изученія всѣхъ особенностей погребенія и стала разныхъ вещей, найденныхъ въ древнѣйшихъ кавказскихъ могильникахъ.

Первыя попытки такого тщательнаго сравнительнаго изученія были предприняты покуда только иностранцами, именно Шантромъ и Вирховымъ. Шантръ, впрочемъ, ограничился до сихъ поръ только предварительными сообщеніями и лишь готовится обширный трудъ. Описавъ нѣсколько изслѣдованныхъ имъ могилъ и представивъ характеристику отдѣльныхъ вещей пріобрѣтенной имъ коллекціи, Шантръ

пришелъ откуда къ слѣдующимъ довольно неопредѣленнымъ еще выводамъ: Стиль нѣкоторыхъ кобанскихъ вещей напоминаетъ мотивы древняго искусства Ассиріи, Мидіи и Бактріаны. Изъ этихъ странъ, вѣроятно, пришли на Кавказъ и Осетіны, но когда—опредѣлить съ достовѣрностью нельзя. Во всякомъ случаѣ, они принесли съ собою новыя артистическія идеи и высшее искусство обработки металловъ. Эта эмиграція изъ Ирана слѣдовала за тою, которая ранѣе внесла въ южную Европу употребленіе бронзы. Съ другой стороны, ей обязаны своимъ развитіемъ металлическія культуры въ странахъ, прилегающихъ къ Дунаю и къ Уралу, культуры, которыя соотвѣтствуютъ, до извѣстной степени, начальному желѣзному вѣку въ западной Европѣ. „Кобанскій могильникъ“, говоритъ Шантръ, — „тѣмъ и замѣчательнъ, что позволяетъ надѣяться на открытіе точки отправления того промышленнаго и артистическаго вліянія, появленіе котораго въ большей части южной Европы совпало съ появленіемъ желѣза, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ оно появилось одновременно съ введеніемъ бронзы“.

Гораздо болѣе серьезный и обстоятельный трудъ представляетъ изслѣдованіе Вирхова. Германскій ученый описываетъ сперва мѣстность и особенности Кобанскаго могильника, затѣмъ — добытые изъ него черепя, подробно анализируетъ найденныя вещи и, наконецъ, излагаетъ общіе выводы. Костяки находятъ, большею частью, въ весьма разрушенномъ состояніи, и сколько-нибудь цѣльныхъ череповъ было добыто мало. Можно было все-таки придти къ заключенію, что преобладающимъ типомъ черепа былъ долихокефальный, подобно тому, какъ и въ могиллахъ Самтавро и Делижана. Этотъ типъ существенно отличается отъ брахикефальнаго типа современнаго населенія. Возможно, впрочемъ, что примѣсь брахикефальныхъ элементовъ началась уже довольно рано; на это указываютъ отдѣльные случаи находокъ болѣе брахикефальныхъ череповъ въ Самтавро и Кобани. Но эти брахикефальные элементы не свидѣтельствуютъ въ пользу „туранской“ примѣси. „Всѣ черепя изъ Кобани, Самтавро и Рѣдкина лагеря“, говоритъ Вирховъ, — „выказываютъ типы, свойственныя Аріямъ“. Что касается вещей, то между ними не было найдено никакихъ каменныхъ и костяныхъ, за исключеніемъ таранскихъ костей овцы, вѣроятно, служившихъ для игры. Большинство предметовъ сдѣлано изъ бронзы, и изъ нихъ въ каждой могилѣ встрѣчается нѣсколько болѣе совершенной работы и вполне опредѣленнаго типа, что, по мнѣнію Вирхова, указываетъ на чужеземное происхожденіе и, по всей вѣро-

ятности, съ юга. Между вещами особенно обращаютъ на себя вниманіе дугообразныя фибулы, самого примитивнаго типа, подобныя которымъ были найдены также у Степанъ-Цвинда, въ нижнемъ этажѣ Самтаврскаго могильника и въ Чурукъ-цихе, на берегу Чернаго моря. Интересно, что ближайшая затѣмъ находка подобныѣхъ фибулъ, хотя и нѣсколько отличающихся въ подробностяхъ, была сдѣлана Кальверомъ въ каменныхъ гробницахъ Кіуру-Даши, близъ Инэ, недалеко отъ Гиссарлика, въ Малой Азіи. Эти послѣднія подходятъ уже къ древне-греческимъ, найденнымъ въ Віотіи и Аттікѣ. Въ гораздо большемъ количествѣ были найдены дугообразныя фибулы въ древнихъ могилахъ Италіи, именно въ Эмилиіи (провинція Reggio) въ Pietra di Bismantoga, въ урнахъ съ сожженными костями, начала желѣзнаго вѣка, также около Болоньи и въ другихъ мѣстахъ (за исключеніемъ Піемонта и Лигуріи), въ древнихъ могилахъ и отчасти въ позднѣйшихъ террамаргахъ. Къ сѣверу отъ Италіи такія фибулы встрѣчаются рѣдко. Извѣстны, впрочемъ, находки въ озерѣ Буржэ, въ Савойѣ, въ одной могилѣ близъ Зиттена, въ Швейцаріи, одна фибула въ Пестскомъ музеѣ, и нѣсколько болѣе или менѣе подходящихъ—изъ Галльштадтскаго могильника. Въ Микенахъ и Гиссарликѣ подобныѣхъ фибулъ не находили (мѣсто фибулъ занимаютъ тамъ булавки), равно какъ и въ древнѣйшихъ террамаргахъ Италіи. Отсюда, по мнѣнію Вирхова, можно заключить, что этотъ типъ фибулъ появился нѣсколько позже эпохи Микенъ и древнѣйшихъ террамаръ и, принимая во вниманіе сходство экземпляровъ съ Кавказа и изъ Италіи и трудность сношеній между столь отдаленными странами, приходится признать, что онъ распространялся изъ какого-либо общаго центра, всего вѣроятнѣе—изъ Малой Азіи. Другой рядъ характеристичныхъ предметовъ представляютъ большіе головныя булавки или шпильки, особенно снабженныя болѣе или менѣе широкою бляхой на узкомъ концѣ. Подобныѣхъ булавокъ не находили, по словамъ Вирхова, нигдѣ на Кавказѣ, такъ что онѣ являются характеристичными для Кобани; мы позволимъ себѣ однако замѣтить, что булавки сходнаго типа были найдены проф. Самоквасовымъ въ курганахъ близъ Кисловодска, а—нѣсколько меньшей величины—г. Байерномъ, въ Самтавро. Въ западной Европѣ также находили кое-гдѣ булавки съ большими бляхами, но онѣ выказываютъ уже иной типъ, что можно связать и относительно подобныѣхъ же современныхъ украшеній изъ южной Америки, описаніе которыхъ приведено у Вирхова.

Далѣе Вирховъ описываетъ трубки изъ спирально-завитыхъ бронъ

лонныхъ полосокъ и большіе спиральныя наручники. Последніе встрѣчаются больше въ женскихъ могиллахъ и, очевидно, носились на предплечьяхъ и плечахъ. Подобныя украшенія часто находили въ Венгріи; они не рѣдки также въ сѣверной и восточной Германіи, но особенно изобилуютъ въ Лифляндіи, распространяясь на востокъ до Тамбовской губерніи. Съ другой стороны, ихъ находили также въ Греціи и южной Италиі. Далѣе слѣдуютъ браслеты, спиральныя кольца для пальцевъ — спирали, посвятившіяся на вискахъ, и спиральныя украшенія въ формѣ очковъ (*brillenförmige Spiralarname*). Назначеніе послѣднихъ не извѣстно, но они были находимы также въ Италиі, Швейцаріи, Германіи и въ числѣ финскихъ древностей. Затѣмъ идутъ пуговицы, маленькія колечки, гвозди, цѣпочки, подвѣски, между которыми особенно интересны изображающія животныхъ — барановъ, горнаго козла, оленя, медвѣдя (?), свинью (?), птицу, а также человѣческія фигуры, иногда какъ бы въ плывущемъ положеніи или фаллическія. Подобныя изображенія животныхъ и человѣка были находимы также въ Комунтѣ, Степанъ-Цинидѣ, Хевсуріи, низнемъ этажѣ Самтавро и другихъ мѣстностяхъ. Они напоминаютъ нѣсколько соотвѣтственныя изображенія изъ Перми и Сибири, но Вирховъ признаетъ, что сходство въ данномъ случаѣ довольно ограниченное. Между пермскими и сибирскими древностями мы встрѣчаемъ изображенія медвѣдей, лошадей, сѣвернаго оленя, но нѣтъ барановъ и быковъ; кромѣ того, формы животныхъ на сибирскихъ издѣліяхъ переданы лучше и отчетливѣе, и типъ человѣческихъ изображеній — иной. На классической почвѣ (въ Олимпіи, Микенахъ) мы встрѣчаемъ также изображенія животныхъ, но въ большинствѣ случаевъ они представляютъ не украшенія, а votivныя дары, и не предназначались для ношенія. Въ Гиссарикѣ и въ Венгріи подобныя фигуры также были находимы, но больше сдѣланныя изъ глины и имѣвшія, очевидно, другое назначеніе. Весьма характеристичны также для Кобани массивныя прямоугольныя пряжки или бляхи отъ поясовъ, имѣющія иногда болѣе 20 сантиметровъ въ вышину. Онѣ представляютъ на одномъ краю рядъ сквозныхъ отверстій для пришивки къ поясу, а на другомъ, съ внутренней стороны, крючокъ; поверхность ихъ покрыта орнаментомъ — зигзагами, меандрами, треугольниками, иногда украшена еще вырѣзанными или вылитыми изображеніями животныхъ. Нѣкоторые указываютъ, кромѣ того, слѣды эмали (*small champ-levé*), искусство приготовленія которой было введено въ западной Европѣ только Римлянами въ I-ю столѣтію по

Р. X. (email-cloisonné — только съ IV вѣка). Но первое изобрѣтеніе эмали принадлежитъ не Римлянамъ: эмаль была извѣстна еще Египтянамъ и Ассирійцамъ, откуда искусство приготовленія ея, по мнѣнію Вархова, и могло проникнуть на Кавказъ. Что касается поясныхъ бляхъ, то онѣ нѣкогда были въ большомъ употребленіи и въ западной Европѣ, какъ то доказываютъ находки, сдѣланныя по Франціи (Юра), Австріи (Гальштаттъ), Итали и Германіи, въ могилахъ древняго желѣзнаго періода. Но западные экземпляры отличаются тѣмъ, что они гораздо меньше, и что въ нихъ болѣе развита застежка (крючокъ), чѣмъ самая бляха.

Изъ оружія и орудій замѣчательны бронзовые кинжалы и топоры. Кинжалы — о двухъ лезвьяхъ и большею частью лишены рукоятки, которая дѣлалась, вѣроятно, изъ дерева, можетъ быть, обложеннаго металломъ или рогомъ. Нѣкоторые имѣютъ на тупомъ концѣ отверстіи для прикрѣпленія (гвоздями) къ рукояти, другіе — черешокъ для той же цѣли. Въ коллекціяхъ Шантра и гр. Уварова находятся однако и такіе кинжалы, которые снабжены массивными, бронзовыми рукоятками (у Шантра — даже украшенными баряными головками). Подобныя же были находимы у Рѣдкипа лагеря и въ нижнемъ этажѣ Самтаврскаго могильника. По общей формѣ, рукоятки этихъ кинжаловъ напоминаютъ рукоятки бронзовыхъ мечей западной Европы. Съ другой стороны, первообразъ этихъ кинжаловъ можно найдти и между издѣліями каменнаго вѣка, и притомъ во многихъ странахъ — отъ Скандинавіи до Японіи. Особенно тщательно отдѣланные экземпляры были найдены въ Скандинавіи, но Варховъ описалъ и изобразилъ одинъ подобный же кремневый наконечникъ, найденный на Кавказѣ, именно на берегахъ р. Лабенки (въ Кубанской области), верстахъ въ 20 отъ ея устья. Это — ловко оббитое кремневое остріе, имѣющее 90 милл. въ длину (у Вархова, очевидно ошибочно, сказано 90 сант.) и 36 милл. наибольшей ширины, съ короткимъ черешкомъ и съ краемъ, зазубреннымъ вѣскольکو пилообразно. Оно могло служить наконечникомъ копья, но также и кинжала, тѣмъ болѣе, что вдоль плоскихъ сторонъ его идетъ возвышенная грань. Что касается бронзовыхъ кинжаловъ, то преобладающій типъ ихъ (листообразный, однихъ лезвьевъ, безъ рукоятки, съ черешкомъ или безъ онаго) былъ, какъ оказывается, весьма распространенъ въ древности. Экземпляры этого типа извѣстны изъ Китая, Египта, Ниневіи, острова Кипра, Греціи (Гиссарлика, Миконъ, Олимпія), Итали (террамаръ), Португаліи, Скандинавіи, Великобританіи и Ирландіи, сѣверной Германіи, Галль-

итадта и Венгріи. Къ тому же типу подходят и мѣдныя княжалы изъ могилъ Минусинскаго округа (Сибіри), отлѣтыя вмѣстѣ съ солидною ручкой и сходныя по формѣ съ древними желѣзными княжалами изъ Венгріи.

Самыми совершенными по исполненію изъ орудій, найденныхъ въ Кобаньскожъ могильникѣ, слѣдуетъ признать бронзовыя кривыя топоры. Представляя солидную работу и тщательную полировку, они выказываютъ значительныя варіаціи въ подробностяхъ, но всѣ относятся къ одному и тому же типу. Сквозное отверстіе ихъ имѣетъ овальную, часто вытянутую форму; позадъ его топоръ нѣсколько суживается, представляетъ иногда ребра и снова расширяется на концѣ молоточной части. Передній, болѣе длинный отдѣлъ топора представляетъ значительный изгибъ и притомъ такого рода, что верхній край топора почти прямъ или слегка выгнутъ, а нижній сильно вырѣзанъ, при чемъ какъ широкія, боковыя плоскія стороны, такъ и узкія, верхняя и нижняя, постоянно суживаются къ лезвию, которое имѣетъ выпуклое очертаніе и иногда представляетъ почти сегментъ круга, длиною до 8 сантиметровъ; весь же топоръ имѣетъ въ длину, большею частью, отъ 16 до 19 сантиметровъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ топоровъ не замѣчается никакихъ украшеній, если не считать продольныхъ реберъ въ молоточной части и встрѣчающейся еще иногда кнопка или плоской пуговки на одной изъ боковыхъ сторонъ около отверстія, которую, по мнѣнію Вирхова, слѣдуетъ признавать орнаментальнымъ переживаніемъ стариннаго обычая, когда еще деревянное топорнище укрѣплялось въ отверстіи топора помощью заклепки (гвоздя). На другихъ же экземплярахъ встрѣчаются вырѣзанныя изображенія, отчасти въ формѣ геометрическаго орнамента (треугольники, крючковатыя кресты, спирали, кружки), сходнаго съ тѣмъ, какой представляютъ многія фибулы и поясныя бляхи, отчасти (рѣже) въ формѣ изображеній животныхъ, большею частью какихъ-то геральдическихъ (что-то среднее между однокопытными и хищными), а иногда также змѣй и даже челоуѣка. Вирховъ имѣетъ, между прочимъ, одинъ топоръ, на которомъ, рядомъ съ двумя розетками и семью амѣями, изображенъ (довольно грубо) и идущій челоуѣкъ, который стрѣляетъ изъ лука. По мнѣнію Вирхова, нѣкоторые изъ этихъ топоровъ служили только для показа (Paradestücke), другіе обнаруживаютъ слѣды обивки и употреблялись, вѣроятно, для практическихъ цѣлей. Законченность формы, при отсутствіи болѣе примитивныхъ типовъ, свидѣтельствуютъ въ пользу культуры, занесенной

первоначально извѣнъ, если мы не имѣемъ здѣсь дѣло прямо съ привозными издѣльями. Во всякомъ случаѣ, кобанскій топоръ можетъ считаться представителемъ совершенно оригинальнаго типа, который Вирховъ встрѣтилъ еще только въ коллекціи ген. Симкалова, въ числѣ вещей изъ Гуріеля, на Чурукъ-су. Между извѣстными формами топоровъ изъ Греціи, Скандинавіи и другихъ странъ не встрѣчается ни одной сходной, и только между мѣдными топорами изъ Венгріи и восточной Россіи можно указать нѣсколько подходящихъ, но и то сходство довольно ограниченное. Далѣе мы увидимъ, что топоры кобанскаго типа были добыты въ послѣднее время еще въ Закавказьѣ и въ западномъ Дагеставѣ.

Упомянутое выше изображеніе, на одномъ изъ топоровъ, человѣка съ лукомъ и стрѣлой заставляетъ предположить, что древнему населенію Кобани стрѣлы были хорошо извѣстны. Въ могилахъ онѣ попадаются однако рѣдко, и Вирховъ могъ видѣть только два наконечника, одинъ бронзовый, другой желѣзный. Бронзовый относится къ типу такъ-называемыхъ „площиковъ“, то-есть, двубокихъ, со втулкой и небольшимъ крючкомъ, желѣзный — трехгранный и также со втулкой. Такъ какъ Вирхову удалось получить еще нѣсколько бронзовыхъ стрѣлъ (площиковъ и трехгранныхъ) изъ Чечни и нѣсколько желѣзныхъ въ Сухумъ-Калс, то онъ воспользовался случаемъ, чтобы подвергнуть бѣглому разсмотрѣнію вообще вопросъ о древнихъ металлическихъ стрѣлахъ. При этомъ онъ коснулся и сообщенія о древнихъ наконечникахъ стрѣлъ, сдѣланнаго пишущимъ эти строки на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, и краткое содержаніе котораго было передано проф. Штидой въ его отчетѣ о съѣздѣ въ *Russische Revue*, 1882, Bd. XX. Что касается бронзовыхъ стрѣлъ, то Вирховъ признаетъ, что выраженное въ упомянутомъ сообщеніи мнѣніе о большей древности совершенно плоскихъ, треугольныхъ бронзовыхъ стрѣлъ (обыкновенно съ черенкомъ), сравнительно съ „площиками“, и этихъ послѣднихъ сравнительно съ трехгранными, вообще соответствуетъ имѣющимся даннымъ; но онъ полагаетъ, что въ частности отдѣльная находка того или другаго изъ этихъ типовъ еще не можетъ рѣшать вопроса о хронологіи. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, такъ какъ во многихъ находкахъ встрѣчаются рядомъ разные типы стрѣлъ, и несомнѣнно, что какъ типъ „площиковъ“ былъ извѣстенъ уже въ довольно глубокой древности, такъ и первый типъ (плоскихъ стрѣлокъ) продолжалъ употребляться мѣстами до сравнительно поздней эпохи. По отношенію къ желѣзнымъ стрѣ-

часть осххх. отд. 2.

ламъ Вирховъ также соглашается съ упомянутымъ сообщеніемъ, что въ Азіи встрѣчаются почти исключительно наконечники съ черешкомъ, а въ Европѣ, въ меровингскій періодъ по крайней мѣрѣ, преобладаютъ снабженные втулкой. Но онъ признаетъ сомнительнымъ, чтобы оба эти типа имѣли различное происхожденіе, и основываясь на находкахъ наконечниковъ съ черешкомъ и въ западной Европѣ, полагаетъ, что они могли развиться тамъ самостоятельно, тѣмъ болѣе, что образцами для нихъ могли служить кремневые стрѣлки, часто тоже, какъ извѣстно, снабженные черешкомъ. Это, конечно, возможно, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что желѣзные стрѣлки со втулкой характеристичны, по преимуществу, для западной Европы, тогда какъ въ Азіи (Персія, Индія, Средней Азіи, Россіи) онѣ, если встрѣчаются, то только какъ исключенія.

Изъ прочихъ предметовъ Кобанскаго могильника Вирховъ упоминаетъ о бронзовыхъ чапкахъ, обломкахъ желѣзныхъ ножей, козья, золотыхъ бусахъ (гр. Уваровъ полагалъ, что золото совершенно не встрѣчается въ Кобани), также, бусахъ изъ ятара (гр. Уваровъ отрицалъ и это), гагата, сердолика, известкового шпата, стекла, о черепкахъ довольно грубой глиняной посуды и животныхъ остаткахъ (раковины каури (Сургаеа понета), кости барановъ, собаки, лошади). Далѣе Вирховъ разбираетъ вопросъ о времени и эпохѣ Кобанскаго могильника. Сравнивая найденныя въ немъ вещи съ тѣми, которыя были добыты въ Самтавро, Степанъ-Цминда и т. д., Вирховъ пришелъ сначала къ заключенію, что Кобанскій могильникъ долженъ быть признанъ за самый древній. Потомъ однако онъ видоизмѣнилъ свое воззрѣніе въ томъ смыслѣ, что нельзя еще съ достовѣрностью рѣшить вопросъ: который изъ этихъ могильниковъ древнѣе; несомнѣнно только одно, что всѣ они относятся къ началу желѣзнаго вѣка. Г. Вагнеръ приписываетъ, какъ мы видѣли, большую древность могиламъ у Рѣдкипа лагеря, основываясь на отсутствіи фибулъ, кривыхъ топоровъ, маломъ числѣ желѣзныхъ вещей и особенной формѣ гробницъ. Вирховъ соглашается, что эти признаки, дѣйствительно, свидѣтельствуютъ въ пользу большей древности, но его смущаетъ то обстоятельство, что типъ остальныхъ вещей довольно сходенъ съ кобанскимъ, что встрѣчаются мечи (неизвѣстные въ Кобани), и что глиняная посуда представляетъ болѣе совершенную работу и лучшую отдѣлку. Во всякомъ случаѣ, ни въ одномъ изъ этихъ могильниковъ мы не встрѣчаемъ слѣдовъ типичнаго бронзоваго вѣка, подобныхъ тѣмъ, напримѣръ, какія находятъ въ Гиссарликѣ, гдѣ бронза—что осо-

бенно важно—является въ сопровожденіи многочисленныхъ издѣлій изъ камня (полированныхъ) и кости. Но каменныхъ и костяныхъ издѣлій, за исключеніемъ стрѣлокъ и бусъ, въ кавказскихъ могильникахъ не встрѣчается, а это, по мнѣнію Вирхова, уже одно свидѣтельство противъ доущенія бронзоваго вѣка, не говоря уже о томъ, что во всѣхъ могильникахъ присутствуютъ слѣды желѣза. Болѣе позднимъ изъ всѣхъ этихъ кладбищъ можно, по мнѣнію Вирхова, считать первыя этажи Самтаврскаго могильника и затѣмъ — описанный выше могильникъ въ Комуптѣ.

Стараясь опредѣлять точнѣе относительную древность могильниковъ Кавказа, Вирховъ сопоставляетъ добытыя относительно ихъ данныя съ тѣми, какія извѣстны относительно другихъ, параллельныхъ мѣстонахожденій въ Азій и Европѣ. Изъ азіатскихъ онъ ставитъ въ параллель Гиссарликъ (его нижніе слои) и указываетъ на его болѣе древность: здѣсь не было вовсе найдено орудія изъ желѣза, и на оборотъ, много издѣлій изъ полированного камня. Фибула еще неизвѣстна; часть металлическаго оружія (изъ древнѣйшаго поселенія) сдѣлана изъ чистой мѣди, и первоначальный грубый мѣдный кливъ только постепенно превращается въ простой бронзовый топоръ. Въ сожженномъ городѣ Шлиманъ нашелъ только четыре бронзовые топора съ отверстіемъ, но форма ихъ совершенно отлична отъ кобанскихъ: подобно ассирійскимъ, они имѣютъ отверстіе въ срединѣ, и лезвее у нихъ съ обѣихъ сторонъ. Несомнѣнно поэтому, что Гиссарликъ много древнѣе, чѣмъ могильникъ у Рѣдкина лагеря съ его желѣзными наконечниками копій, чѣмъ нижній этажъ Самтавро съ его отсутствіемъ полированныхъ каменныхъ орудія и богатствомъ въ желѣзѣ, чѣмъ Кобань съ ея изобиліемъ фибулъ и изящными бронзовыми топорами съ однимъ лезвеемъ и съ отверстіемъ, отодвинутымъ къ тупому концу. Тѣмъ не менѣе, можно найти и нѣкоторыя общія черты между Гиссарликомъ и кавказскими могильниками; такъ наиримѣръ, булавы, спиральныя украшенія въ формѣ очковъ, книжалы о двухъ лезвеехъ, стрѣлы, золотыя и стеклянныя бусы и нѣкоторыя другія; сюда же можно отнести дугообразныя фибулы, найденныя въ Ине (около Трои). То же можетъ быть сказано относительно Микенъ, гдѣ также не найдено желѣза, и на оборотъ, найдены каменные топоры, гдѣ тишь нѣкоторыхъ оружія также другой, но гдѣ тоже мы встрѣчаемъ нѣкоторыя черты сходства—въ формѣ книжаловъ, мечей, ножей, спиральныхъ колець, бусъ, украшеній, орнамента. Микены относятся нѣкоторыми археологами къ до-греческой

эпохъ; и дѣйствительно, есть основаніе думать, что послѣ эпохи Гиссарлика и Микенъ наступилъ періодъ, когда туземная промышленность стала развиваться болѣе самостоятельно, хотя и придерживаясь во многомъ древнихъ образцовъ. По мѣрѣ того, какъ употребленіе желѣза усиливалось, стали упрочиваться типы, распространявшіеся затѣмъ все болѣе и болѣе по Европѣ. Если, какъ замѣчаетъ Вирховъ,—для эпохи разцвѣта Микенъ принять вторую половину второго тысячелѣтія до нашей эры (какъ это принимаетъ Ньютонъ), то начало эпохи кавказскихъ могильниковъ придется отнести къ концу (считая вѣдь—къ началу) второго тысячелѣтія, примѣрно къ X—XI вѣкамъ до Р. X. Наиболѣе цвѣтущую эпоху этого періода, судя по сдѣланнымъ до сихъ поръ находкамъ, мы встрѣчаемъ въ Италіи, особенно въ Ломбардской низменности, въ такъ-называемыхъ террамахъ (древнихъ поселеніяхъ, которыя относятся, по всѣмъ даннымъ, ко времени, предшествовавшему появленію Этрусковъ) и въ гробницахъ древняго желѣзнаго вѣка въ Эмилии. Отсюда эта культура проникла, по видимому, въ Альпы и далѣе—въ область современной Германіи и Австріи. Дугообразныя фибулы, бляхи отъ поясовъ, спиральные наручники, украшенія и другіе предметы позволяютъ прослѣдить эту культурную связь до сѣверной Германіи и даже далѣе. По изобилію и разнообразію бронзовыхъ издѣлій, изъ всѣхъ могильниковъ западной Европы наиболѣе подходитъ къ Кобани могильникъ въ Галльштадтѣ (въ Зальцбургѣ). Но по наиболѣе существеннымъ своимъ признакамъ онъ, несомнѣнно, относится уже къ болѣе поздней эпохѣ, и въ развитіи отдѣльныхъ формъ онъ примыкаетъ скорѣе къ соответственнымъ южнымъ и западнымъ европейскимъ мѣстоимѣніямъ.

Въ заключеніе Вирховъ касается вопроса „о происхожденіи и распространеніи доисторической металлической культуры на Кавказѣ“. Извѣстно, что многіе историки были склонны выводить западно-европейскую культуру съ Кавказа. Извѣстный археологъ Бертраузъ, на примѣръ, прямо говоритъ: „Nous n'hésitons point à considerer le Caucase comme le foyer central, en Europe, de ce grand mouvement“. Вирховъ замѣчаетъ на это, что извѣстія древнихъ о металлургіи кавказскихъ и понтійскихъ народовъ относятся не столько къ самому Кавказу, сколько къ той горной полосѣ, которая тянется отъ малоазійскаго берега Чернаго моря южнѣе долины Ріона (Фазиса) и Куры (Курго) къ древней Мидіи. Тамъ жили, къ востоку отъ Трапезунта, по Страбону, Тибарены, Халден, Савны и др., затѣмъ, по Геродоту,—Моски, Колхи, Аладовин и др. Страбонъ, говоря о Хал-

дѣлъ, замѣчаетъ, что они съ древнихъ временъ прозывались Халибами, потому что разрабатывали желѣзные, а также и серебряные рудники. Дѣйствительно, въ этой горной области мѣдныя и желѣзныя руды встрѣчаются въ изобиліи, и вѣроятно, добываніе металловъ происходило здѣсь уже въ весьма древнія времена. Но спрашивается: можно ли приурочить къ этой области изобрѣтеніе бронзы, когда въ ней не извѣстно мѣстонахожденіе олова. Изобрѣтеніе бронзы произошло, несомнѣнно, въ весьма отдаленную эпоху; Лепсіусъ относитъ одну бронзовую египетскую статуэтку Берлинскаго музея къ XIV столѣтію до Р. Х. Не извѣстно впрочемъ положительно, сдѣлана ли она изъ бронзы или изъ мѣди, и были ли вообще Египтяне знакомы съ употребленіемъ олова. Лепсіусъ считаетъ послѣднее сомнительнымъ, тогда какъ Брушиъ и Ленорманъ упоминаютъ олово въ числѣ привозныхъ въ Египетъ товаровъ. Что касается Ассиріи, то извѣстны точныя анализы цѣсколькихъ бронзъ изъ Нимруда; они показываютъ содержаніе мѣди и олова въ отношеніи 90 : 10 (рѣдко 85 : 15). Индійскія бронзы, судя по анализамъ Раммельсберга и Браутона, представляютъ уже иные отношенія: въ бронзахъ, не заключающихъ въ себѣ свинца и цинка, олово входитъ въ количествѣ 26 — 30%. Отсюда слѣдуетъ, что точку исхода классической бронзы нельзя покуда отдалить до предѣловъ Индіи. Ее надо искать ближе къ Ассиріи, хотя возможно, что первоначальная родина ея была въ Средней Азіи.

Кобанскія бронзы заключаютъ въ себѣ постоянную примѣсь 10—12% олова и иногда еще—слѣды свинца. Но всей вѣроятности—полагаетъ Вирховъ—бронза сюда привозилась въ слиткахъ или въ готовыхъ издѣліяхъ. Едва ли можно допустить, чтобы въ то отдаленное время происходила обширная торговля чистыми металлами. Во всякомъ случаѣ, мы не встрѣчаемъ въ Кобани издѣлій изъ чистой мѣди, хотя въ Кавкаскихъ горахъ и извѣстны мѣстонахожденія мѣдной руды. Съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ и формъ для отливки бронзовыхъ предметовъ, хотя, конечно, ихъ и трудно ожидать встрѣтить въ могилахъ. Типы нѣкоторыхъ бронзовыхъ издѣлій и ихъ орнаментъ представляютъ извѣстное сходство съ соответствующими издѣліями Передней Азіи и Европы. Все это скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу занесенія сюда культуры извнѣ, чѣмъ въ пользу ея распространенія отсюда. Едва ли можно искать здѣсь и точку исхода дугообразной фибулы, которая достигаетъ здѣсь поразительныхъ размѣровъ и значительнаго совершенства въ отдѣлкѣ. Знаменательно также, что мы не встрѣчаемъ здѣсь самаго характеристичнаго бронзоваго орудія

западной Европы (равно какъ и восточной, и Сибири)—желта и, на оборотъ, видимъ совершенно оригинальный типъ бронзоваго топора. Изобиліе спиральныхъ украшеній сближаетъ кавказскую культуру съ соответственной европейскою, но Вирховъ приводитъ доказательства, что происхождение ихъ также нельзя искать на Кавказѣ. Если допустить, что спиральныя украшенія распространились оттуда, то какъ объяснить, что мы встрѣчаемъ ихъ на сѣверѣ безъ кавказской фибулы, а на западѣ безъ кавказскаго топора? Кромѣ того, спиральный орнаментъ и спиральныя украшенія изъ бронзы изобилуютъ въ Гиссарликѣ и Микенахъ, которые, какъ мы видѣли, древнѣе Кобани. Изображенія животныхъ—барана, горнаго козла, оленя, лошади, медвѣдя, свиньи (?), птицъ, являются характеристичными для Кавказа: мы не встрѣчаемъ подобныхъ типовъ и въ такомъ изобиліи въ западной Европѣ. Притомъ, всѣ эти типы мѣстные, свойственные Кавказу. Въ числѣ этихъ типовъ есть одинъ какой-то фантастическій; его считаютъ за барса, хотя по ногамъ (копытамъ) можно найти нѣкоторое сходство и съ лошадыю. Онъ встрѣчается только въ видѣ начертанія на топорахъ и поясныхъ бляхахъ, и никогда—въ формѣ статуэтокъ. Вирховъ полагаетъ, что онъ имѣлъ извѣстное символическое значеніе. По мнѣнію Шантра, въ этихъ изображеніяхъ животныхъ чувствуются слѣды ассирійскаго вліянія, но Вирховъ замѣчаетъ, что мы не находимъ въ числѣ ихъ самыхъ любимыхъ ассирійскихъ сюжетовъ—льва и крылатаго сфинкса; точно также, какъ и на оборотъ, на ассирійскихъ памятникахъ рѣдки изображенія барана и птицъ. Нѣкоторое сходство проявляется только въ общемъ стремленіи къ изображенію животныхъ формъ и къ пользованію ими въ качествѣ украшеній; но такое же стремленіе мы встрѣчаемъ и на сѣверѣ—въ продуктахъ пермской и чудской культуры. Сибирь, Кавказъ и Ассирія являются поэтому скорѣе параллельными руслами одного первоначально общаго, но затѣмъ раздѣляющагося культурнаго потока. Самымъ вѣроятнымъ предположеніемъ, по мнѣнію Вирхова, будетъ то, чтобы принять, что культурное движеніе слѣдовало по различнымъ направленіямъ изъ Средней Азии (не изъ Индіи), и что оно, въ различныхъ мѣстахъ, вызвало образованіе новыхъ культурныхъ центровъ. Однимъ изъ такихъ потоковъ былъ алтайскій или угро-финскій, проникшій глубоко въ предѣлы Россіи, но не достигшій однако до Скандинавіи. Кавказъ также не былъ имъ тронутъ, хотя въ предѣлахъ его и можно встрѣтить нѣкоторыя аналогіи въ высшихъ произведеніяхъ металлической промышленности и искусства. Другой потокъ шелъ къ югу

отъ Каспійскаго моря, привелъ въ движеніе, съ одной стороны, семитическія, съ другой—арійскія племена Передней Азіи и, слѣдуя различными путями, достигъ наконецъ Средиземнаго моря и затѣмъ Европы. Къ области этого южно-каспійскаго, арійскаго потока, но къ участку очень рано обособившейся отъ него вѣтви, принадлежатъ, по мнѣнію Вирхова, и культура доисторическихъ могильниковъ Кавказа.

Параллелизмъ многихъ бронзовыхъ находокъ на Кавказѣ съ такими же въ Малой Азіи и въ Греціи поразителенъ; но тѣмъ болѣе достойно вниманія существенное различіе въ отношеніи къ глинянымъ сосудамъ. На Кипрѣ, Родосѣ, въ Микенахъ мы уже рано встрѣчаемъ зачатки классическихъ формъ, между прочимъ, въ живописи на вазахъ, тогда какъ на Кавказѣ мы не находимъ ничего подобнаго. Глиняная посуда Кобани стоитъ всего ближе къ посудѣ древнѣйшаго поселенія Гиссарлика. Софусъ Мюллеръ сближаетъ культуру Кобани съ культурою Микенъ, но, по мнѣнію Вирхова, этому сближенію противорѣчитъ различіе въ развитіи керамики. Культура, проникнувшая на Кавказъ, была нѣсколько грубѣе; можетъ быть, это зависѣло отъ того, что въ Микенахъ отражалось болѣе египетское, въ Кобани же—болѣе мало-азійское вліяніе. Изобиліе бронзы въ могильникахъ Кавказа не имѣетъ себѣ параллели въ доисторическихъ мѣстонахожденіяхъ Греціи, а отсутствіе кельта въ ряду этихъ издѣлій указываетъ на то, что Кавказъ въ эту древнѣйшую эпоху не принималъ непосредственнаго участія въ культурномъ движеніи Европы.

Вообще, заключаетъ Вирховъ,—всѣ гипотезы объ особенномъ значеніи Кавказа, какъ колыбели бѣлой расы или какъ очага западно-европейской культуры, должны быть оставлены. Культура эта не возникла на Кавказѣ и не проходила черезъ него. На оборотъ, въ него была внесена азиатская культура, которая вызвала въ немъ цвѣтущія поселенія. Ни одно изъ этихъ поселеній не достигло однако такого культурно-историческаго значенія, какъ папримѣръ, Гальштадтъ. Но, и съ другой стороны, значеніе кавказскихъ находокъ усиливается именно тѣмъ, что онѣ доказываютъ существованіе здѣсь нѣкогда особаго мѣстнаго культурнаго центра, развившагося подъ вліяніемъ занесеннаго сюда арійскаго теченія, которое, вѣроятно, вмѣщало уже въ себѣ и семитическую примѣсь. Высокая древность этой культуры позволяетъ поставить ее въ нѣкоторую связь съ культурою западно-европейскаго бронзоваго вѣка, хотя она уже и выказываетъ знакомство съ желѣзомъ. Особенно же важны точки соприкосновенія ея съ культурою

древнѣйшаго желѣзнаго вѣка въ южной Европѣ, культуры, которая положила основаніе для политическаго образованія послѣдующихъ культурныхъ народностей.

Мы остановились долѣе на сочиненіи Вирхова потому, что оно представляетъ первый опытъ обстоятельнаго, подробнаго изученія одного изъ самыхъ богатыхъ историческими могильниками Кавказа.

Въ общемъ нельзя не признать, что выводы Вирхова вѣрны, хотя въ частности съ ними можно не соглашаться, и вѣроятно, въ будущемъ, они должны будутъ значительно измѣниться. Можно полагать, напримеръ, какъ принимаетъ г. Уваровъ, что культура Кобанскаго могильника, относится къ нѣскольکو болѣе древней эпохѣ, чѣмъ какъ это принимаетъ Вирховъ; но едва ли можно отрицать происхожденіе этой культуры съ юга, ея самобытность сравнительно съ соотвѣтственною культурой западной Европы и отсутствіе прямой, непосредственной связи между ними. Что кобанская культура не ограничивалась одною Кобанью, что съ нею имѣютъ много общаго культуры, съ которыми насъ знакомятъ другіе кавказскіе могильники, этого отрицать также нельзя, и нѣкоторые новѣйшія извѣстія подтверждаютъ это еще болѣе. Такъ, А. В. Комаровъ сообщаетъ въ 1-мъ выпускѣ Извѣстій Кавказскаго Общества Исторіи и Археологій о находкѣ восьми бронзовыхъ топоровъ, типа сходнаго съ кобанскими, въ Очемчирскомъ округѣ, въ Самурсаганн, близъ селенія Саберио, и о находкѣ двухъ бронзовыхъ топоришковъ, двухъ фибулъ и бронзовой грубой фигуры льва на берегу р. Кнтриши, между селеніями Хуцубани и Кобулетн. Небольшая раскопка, произведенная въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, указала на присутствіе могилъ, ничѣмъ снаружи не обозначенныхъ, и въ которыхъ были найдены еще: бронзовый кинжалъ съ отверстіемъ для прикрѣпленія къ рукояткѣ, фибула, обломокъ бронзоваго ножа, бронзовыя поясныя пряжки (отчасти съ рисункомъ изъ кружковъ и лошадиныхъ головокъ), бронзовая спираль конической формы, обломки браслетовъ, бронзовыя овальныя чашки, булавка съ массивною головкой, остроконечный обухъ отъ топора, бусы изъ оникса и стекла и обломки желѣзнаго кинжала: все, слѣдовательно, вещи, подобныя которымъ мы встрѣчаемъ и въ Кобани. Съ другой стороны, пишущій эти строки получалъ отъ А. В. Комарова два обломка бронзовыхъ топоровъ кобанскаго типа изъ Дидовскаго общества, въ Андійскомъ округѣ западнаго Дагестана, гдѣ фотографъ Ронновъ могъ приобрести еще бронзовый налѣштабъ совершенно такой же формы, какъ найденные г. Бай-

ерномъ въ нижнемъ этажѣ Самтаврскаго могильника. Подобныя кобаньскимъ фибулы, бляхи, изображенія животныхъ и т. д. были найдены также въ могилахъ около Эльбруса, въ области Бахарцевъ, а фаллическія человѣческія статуетки, кромѣ того, — еще въ Чечнѣ (въ Аргунскомъ округѣ—г. Исполатовымъ) и въ Дагестанѣ (въ Дидоовскомъ обществѣ Андійскаго округа). Въ этой послѣдней мѣстности была найдена также недавно фаллическая статуэтка быка, а въ Гунибскомъ округѣ—бронзовая статуэтка (болѣе 3 вершковъ въ вышину), изображающая сидящую на ступѣ нагую женщину съ младенцемъ на рукахъ, сосущимъ грудь. Возможно, что это изображеніе Астарты—фактъ, который, вмѣстѣ съ упомянутою выше находкою бронзоваго льва, даетъ новыя указанія на сношенія съ югомъ.

Вирховъ, по видимому, склоненъ думать, что Кавказъ былъ заселенъ сравнительно поздно, и что на немъ не находится типичныхъ слѣдовъ бронзоваго и каменнаго вѣка. Слѣдовъ этихъ, дѣйствительно, мало, но все-таки ихъ больше, чѣмъ то было извѣстно Вирхову. Такъ, мы знаемъ о находкѣ бронзовыхъ кельтовъ около Бекешевской станицы въ Кубанской области; хотя слѣдуетъ признать, что находка эта относится уже къ другому, такъ-сказать, археологическому району, чѣмъ собственно Кавказъ, къ району, который, вѣроятно, испытывалъ на себѣ культурное вліяніе съ сѣвера. Извѣстно еще нахожденіе бронзоваго меча и нѣкоторыхъ другихъ вещей около Александрополя, но бронзовые мечи были находимы и въ нижнемъ этажѣ Самтавра, который относится уже къ началу желѣзнаго вѣка. Нельзя также не привать во вниманіе замѣчаніе Вирхова относительно отсутствія на Кавказѣ полированныхъ каменныхъ орудій. Кульпинскіе каменные молоты дѣйствительно не могутъ быть признаваемы особенно древними, а затѣмъ, въ предѣлахъ собственно Кавказа, другихъ находокъ покуда не извѣстно. Но къ сѣверу, около Кисловодска, на возвышенности, лежащей между рѣчками Аликонкою, Подкумкомъ и Верезовкою, профессоръ Д. Я. Самоквасовъ нашелъ курганы, съ нѣсколькими (3—14) могилами, которыя не заключали въ себѣ никакихъ слѣдовъ желѣза, а только маленькіе глиняные сосуды съ ручками, издѣлія изъ бронзы (бусы, привѣски, кольца, наконечники стрѣлъ, большія булавы около 10 вершковъ въ длину съ большими рѣзными фигурными бляхами) и—изъ камня (тонорикъ-молотокъ изъ серпентина, долото изъ андезита, осколки обсидіана и проржавленный молотокъ изъ оленьяго рога). Присутствіе большихъ булавокъ указываетъ какъ будто на нѣкоторое средство съ

культурой Кобана (маленькіе глиняные сосуды также этому не противорѣчатъ), но каменные орудія (найденныя, впрочемъ, исключительно въ нижнихъ могилахъ) предполагаютъ болѣе древнюю эпоху. Г. Самоквасовъ могъ также приобрести отъ мѣстныхъ каменщиковъ нѣсколько подобныхъ же предметовъ (бронзовое долото, бронзовый винжалъ и серпентиновый топоръ-молотокъ), добытыхъ изъ кургановъ въ окрестностяхъ Пятигорска, на возвышенной площади между горами Манукой и Лысою. Въ курганахъ близъ Кисловодска г. Самоквасовъ встрѣтился еще съ особенностями, которыя вызвали въ немъ предположеніе, что народъ, насыпавшій эти курганы, былъ не чуждъ людоедства. У нѣкоторыхъ костяковъ нашлись отдѣльныя кости и черепа другихъ головаческихъ особей, иногда рядомъ съ костями животныхъ. Данные эти однако едва ли можно признать достаточными для признанія такого вывода убѣдительнымъ; въ гробницахъ Самтавра г. Байернъ встрѣтился также съ разчлененіемъ костяковъ, но мы видѣли уже, что объясненіе этого факта людоедствомъ невѣроятно.

Большая часть кургановъ, распространенныхъ въ значительномъ числѣ на прилегающихъ къ горамъ Кавказа плоскостяхъ, относится уже въ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ описанныя выше могильники. Происхожденіе ихъ должно быть приписано, вѣроятно, разнымъ народностямъ, какъ то можно судить по различію въ способѣ насыпки и содержанію. Иные курганы, какъ напримѣръ, въ Дагеставѣ, весьма бѣдны; другіе, напримѣръ, на крайнемъ сѣверо-западѣ, около Анапы, представляли характеристичные слѣды свяско-греческой культуры. Богатое содержаніе нашелъ профессоръ Самоквасовъ въ курганахъ около Пятигорска, на землѣ лѣмецкихъ колоній Карраса и Николаевской. Длинные желѣзные сабли, ножи, огнивы и стрѣлы, деревянные луки и колчаны, остатки обуви, тканей и пр. указываютъ на сравнительно позднюю эпоху, а присутствіе многочисленныхъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній свидѣтельствуетъ объ относительномъ достаткѣ и сходствѣ вкусовъ тогдашняго населенія съ современнымъ у Кабардинцевъ и другихъ племенъ Кавказа. Другія могилы, изслѣдованныя г. Самоквасовымъ на горѣ Чеснокъ, представляли слѣды культуры, сходной по нѣкоторымъ праздникамъ (желѣзное оружіе, желѣзные и бронзовые стрѣлы, фибулы и изобиліе бусъ) съ тою, которая была констатирована въ Комунтѣ или даже относящейся къ нѣсколько болѣе древней эпохѣ.

Особую группу между кавказскими могильниками представляютъ

дольмены, мегалитическіе памятники, встрѣчающіеся на черкесскомъ побережьи Чернаго моря и въ бассейнѣ Кубани. Они были описаны уже давно путешественниками-иностранцами (Tatibout de Marigny, James Bell, Dubois de Montréaux), но еще и до настоящаго времени составляютъ задачу для археологіи. Они встрѣчаются въ долинѣ Пшада, въ странѣ Шапсуговъ, затѣмъ къ сѣверо-западу почти по всѣхъ долинахъ до Анапы, затѣмъ въ бассейнѣ Кубани, въ долинахъ Абина, Лобы, Зеленчука и, по слухамъ, въ верховьяхъ Кубани. Дальнѣйшее мѣстонахожденіе ихъ въ Россіи составляетъ Крымъ; раскопки ихъ, тамъ произведенныя, дали бронзовые наконечники стрѣлъ, бронзовыя спиральныя колечки и трубочки изъ свернутыхъ полосокъ, бронзовыя и глиняныя бусы, раковины (*Surgaea moneta*), кусочки красной охры и слѣды желѣза. Черкесскіе дольмены сложены обыкновенно изъ четырехъ стѣнъ (плитъ) и покрыты сверху большою плитою, такъ что могла имѣть видъ большаго стола. Двѣ стѣны дольмена длиннѣе, двѣ короче, и въ одной изъ короткихъ имѣется сквозное круглое отверстіе, примѣрно въ 4 вершка въ окружности. По словамъ г. Вайерна, большая часть этихъ дольменовъ (а быть можетъ, и всѣ) была раскопана еще въ древнія времена. Новыя раскопки, произведенныя въ нихъ графомъ Сумароковымъ-Эльстономъ въ 60-хъ годахъ, дали только длинныя и широкіе желѣзные мечи; въ одной изъ мочилъ, около Михельсфельда въ Анапскомъ округѣ, г. Вайернъ нашелъ мечъ, который, по его словамъ, не долженъ быть древнѣе римской эпохи. Вообще же наши свѣдѣнія о дольменахъ Кавказа скудны, и изъ нихъ нельзя еще вывести заключенія относительно эпохи, когда они воздвигались.

Что касается каменнаго вѣка на Кавказѣ, то нельзя не признать, что слѣды его весьма сомнительны. Не извѣстно отложеній ни неолитическаго, ни палеолитическаго періодовъ. Осколки и орудія изъ обсидіана, находимыя въ нѣкихъ мѣстахъ, напримѣръ, на р. Цалкѣ, въ большомъ количествѣ, еще далеко не рѣшаютъ вопроса, такъ какъ обсидіанъ продолжалъ употребляться (для изготовленія наконечниковъ стрѣлъ, скребковъ и проч.), по видимому, и въ теченіе желѣзнаго вѣка. Пещеры Кавказа, въ которыхъ производили развѣдки гг. Милашевичъ, Штейнъ, Поляковъ и пишущій эти строки, также не дали никакихъ слѣдовъ каменнаго вѣка. Только А. В. Комаровъ нашелъ, съ годъ тому назадъ, верстахъ въ ста отъ Тифлиса, скопленіе каменныхъ орудій и осколковъ, которое онъ призналъ за фабрику надѣлій каменнаго вѣка и отнесъ ее къ палеолитическому пе-

рiоду на томъ основаніи, что онъ встрѣтилъ въ томъ же мѣстѣ зубъ ископаемаго слона. Последняя находка представляетъ значительный интересъ, такъ какъ остатки мамонта находятъ, сколько извѣстно, только на сѣверной окраинѣ Кавказа (въ Чечнѣ), а въ Закавказьѣ они неизвѣстны. Г. Комаровъ впрочемъ утверждаетъ, что найденный имъ зубъ принадлежалъ не мамонту, а *Elephas meridionalis*, виду, который въ западной Европѣ характеризуетъ конецъ третичнаго періода. находка г. Комарова имѣетъ быть описана въ Извѣстіяхъ Кавказскаго археологическаго общества; желательво, чтобы въ ней были приложены рисунки, какъ найденныхъ издѣлій, такъ и ископаемаго зуба. Возможно, что послѣдній окажется принадлежавшимъ *Elephas armeniacus*, виду, установленному Фальконеромъ на основаніи остатковъ, полученныхъ изъ окрестностей Эрзерума.

Для разъясненія вопросовъ, касающихся археологiи и древней этнологiи Кавказа, можетъ служить еще сравненіе человѣческихъ останковъ, именно череповъ, находимыхъ въ древнихъ могильникахъ, съ современными кавказскими. Выше было приведено замѣчаніе Виркова, что между древними черепами преобладаетъ долихоцефалія, тогда какъ современные болѣе брахикефальны. Что послѣднее справедливо, явствуетъ и изъ измѣренія значительнаго числа череповъ Абхазцевъ и Шапсуговъ, произведеннаго проф. А. П. Богдановичемъ, и изъ измѣреній надъ живыми особами—г. Эркерта и др. Но что и теперь еще нѣкоторые племена заключаютъ въ себѣ значительный процентъ долихоцефаловъ, видно изъ измѣреній череповъ Натухайцевъ и изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ наблюденій надъ Аварцами. Характеристичную грунну между древними кавказскими черепами представляютъ искусственно деформированные. Они были найдены впервые г. Байерномъ въ верхнихъ этажахъ Самтаврскаго могильника. Здѣсь они составляютъ около 25%, если не болѣе, всѣхъ череповъ. Судя по измѣреніямъ д-ра Сдѣнуръ, г. Смирнова и пишущаго эти строки большинство ихъ относится къ долихоцефальнымъ. Деформація, впрочемъ, въ нихъ рѣдко бываетъ значительно выражена и иногда замѣчается только въ нѣсколько покатомъ лбѣ. Слабыя степени деформациі встрѣчаются и теперь у кавказскихъ народностей, изъ коихъ многія имѣютъ обычай крѣпко перевязывать головы младенцевъ. Такой обычай, какъ показываютъ данныя, собранныя д-ромъ Е. А. Цокровскимъ, существуетъ въ Тифлисскомъ, Ахачцхскомъ, Сигнахскомъ, и Душетскомъ уѣздахъ, въ Рачинскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, у Грековъ на Цалкѣ, въ Эриванскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстностяхъ,

а по свѣдѣніямъ, собраннымъ пишущимъ эти строки, — и въ многихъ мѣстахъ Дагестана. Нигдѣ однако деформация не достигала такой степени, какъ въ верховьяхъ р. Ваксана, въ Терской области. Здѣсь, въ старинныхъ могилахъ, найдено съ десятокъ череповъ, въ высшей степени замѣчательныхъ по своей необыкновенной короткости, выпинѣ и вытянутой вверху и внизъ формѣ. Но эти черепа, по видимому, не очень древніе: они добыты изъ могилъ, относящихся, по всѣмъ признакамъ, къ гораздо болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ, напримѣръ, Самтаврскай могильникъ. Есть основаніе думать, что обычай деформации, извѣстный по отношенію къ Кавказу еще Геродоту, продолжалъ господствовать и позже въ теченіе многихъ вѣковъ и даже, можетъ быть, получилъ новое развитіе въ періодъ переселенія народовъ. Извѣстно, что Сидоній Аполлинарій, описывая Гуиновъ, упоминаетъ, что они имѣли обычай уродовать головы своихъ младенцевъ для того, чтобы послѣдніе имѣли вполнѣдствіи болѣе страшный видъ для враговъ. Привнавать ли это извѣстіе за достовѣрное, или нѣтъ, но теперь извѣстно, что деформированные (макроцефальные) черепа встрѣчаются во многихъ могилахъ западной Европы и Россіи; такъ, они были найдены въ Крыму (въ могилахъ болѣе поздней эпохи, чѣмъ свевская), при устьяхъ Дона, въ Самарской, Воронежской губерніяхъ, въ Венгріи, Нижней Австріи, Малой Азіи (противъ Константинополя) и въ курганахъ департамента Юры. За исключеніемъ этихъ послѣднихъ, относимыхъ къ древнему желѣзному вѣку, всѣ остальные мѣстонахожденія не обнаруживаютъ признаковъ значительной древности. Во многихъ случаяхъ деформированные черепа были найдены безъ всякихъ предметовъ около нихъ, но въ другихъ (какъ напримѣръ, въ Германіи и въ Самарской губерніи) около нихъ оказались вещи (напримѣръ, желѣзные сабли, ножи, золотыя бусы), которыя едва ли можно приписать болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ IV—V вѣка по Р. Х.

Д. Амучаншъ.

Отчерки западно-европейской исторіографіи.

VI.

Въ ряду крупныхъ произведеній по древней исторіи, вышедшихъ въ Германіи въ послѣдніе два года, первое мѣсто принадлежитъ безспорно Исторіи Римской имперіи знаменитаго Л. Ранке. Ова

пходятъ въ составъ обширнаго обзора всемірнаго развитія, которыми восьмидесятидвѣнадцатилѣтній ученый заканчиваетъ свою писательскую карьеру ¹⁾). Значеніе Ранке въ европейской историографіи можно сравнить развѣ только съ значеніемъ Нибура. Одинъ разбилъ поверхность-условную форму историческаго разказа, господствовавшую до Французской революціи, другой далъ направленіе вновь созданной критикѣ и своею обработкой XVI и XVII вѣковъ указалъ задачи и пути нѣмецкому историографическому движенію. „Der Altmeister der deutschen Wissenschaft“, какъ любятъ называть Ранке въ Германіи, до сихъ поръ сохранилъ многія изъ качествъ, которыя доставили такую громкую извѣстность его раннимъ трудамъ. Конечно, года берутъ свое до извѣстной степени; читатель не найдетъ въ новомъ сочиненіи прежней свѣжести и изящества изложенія, не будетъ пораженъ мастерскою группировкой фактовъ, располагающихся какъ бы въ органической связи, или артистически выдержанными характеристиками, одинаково замѣчательными по умѣренности красокъ и богатству оттѣнковъ. Все это такъ, и тѣмъ не менѣе „Всемирная исторія“ Ранке—замѣчательная и интересная книга: взаимодействие между различными національными теченіями, взаимодействие между политической и культурною жизнью намѣчены въ ней лучше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ существующемъ трудѣ. Въ теченіе всей своей дѣятельности Ранке преимущественно старался освѣтить именно эти перекрестныя вліянія, оставляя болѣе или менѣе въ сторонѣ вопросы экономическаго и юридическаго развитія, исторіи учреждений въ тѣсномъ смыслѣ, спеціально религіознаго и литературнаго движенія. И теперь ветеранъ историографіи произноситъ свое слово въ томъ же смыслѣ, хотя въ совершенно иной области, и сколько ни работали специалисты надъ античнымъ міромъ, его замѣчанія являются во многихъ отношеніяхъ не повтореніемъ, а новизною.

Томъ „Всемирной исторіи“, посвященный Римской имперіи, открывается много разъ описаніемъ исторіей дома Юліевъ. Изложеніе Ранке направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы показать, что постоянныя ссоры между членами царствующаго дома, разрывавшіяся убійствами, имѣютъ не случайный характеръ и вытекаютъ изъ коренной противоположности между Юліями и Клавдіями. Соединеніе этихъ двухъ

¹⁾ L. v. Ranke, Weltgeschichte, III Band.

лией, совершившееся вслѣдствіе брака Августа съ Ливіей, имѣется какъ бы актомъ примиренія между династіей новыхъ государей и старыми аристократическими родами, долго боровшимися противъ имперіи, — примиренія, котораго Августъ старался достигнуть всевозможными путями. Но искусственная прививка новой вѣтви къ стволу Юліевъ не дала удовлетворительныхъ результатовъ: если Клавдій и не остался вѣрны республиканскому принципу въ своемъ новомъ положеніи, то во всякомъ случаѣ они проводили болѣе или менѣе сознательно совершенно новую идею, нежели та, на которую опирались притязанія Юліевъ: одни требовали господства въ силу наслѣдственности происхожденія по крови отъ божественнаго Цезаря; другіе принуждены были опираться на усмысленіе и избраніе, на политическую необходимость и личную способность служить государству. Юлія преизрала своего мужа Тиберія за его происхожденіе (*spereverat ut Imperatorem*. Tac. Ann. I, 53); Кай Калигула особенно дорожилъ своею связью по женской линіи съ Юліями и даже старался распространить мифіе о кровосмѣшеніи между Юліей и Августомъ, чтобы сильнѣе выставить свою принадлежность къ дому Цезаря. Не мудро поэтому, что представители рода Юліевъ старались всѣми мѣрами установить культъ императоровъ, между тѣмъ какъ Клавдій отказывался отъ него. За то Тиберій и Клавдій любили выставить себя слугами государства, говорить о возложенныхъ на нихъ обязанностяхъ. Постоянныя колебанія отъ одного воззрѣнія къ другому прекращаются только съ уничтоженіемъ всей династіи. Съ тѣхъ поръ принципъ наслѣдственности не имѣетъ уже почвы, хотя еще поддерживается политическій культъ императора.

Самонстребленіе первой династіи привело къ попыткѣ видоизмѣнить самую сущность императорской власти. Власть эта была необходима, потому что обезпечивала господство Рима надъ провинціями, потому что устраняла возможность столкновеній между отдѣльными частями дивидированнаго міра и соединяла ихъ въ одинъ организмъ, потому что служила охраной, высшимъ трибуналомъ для демократической массы противъ захватовъ и вліяній сильныхъ и знатныхъ людей; но она не уничтожила республиканскія идеи и учрежденія, и потому естественно, что при возрожденіи имперіи въ лицѣ Веспасіана произошла попытка оформить и до известной степени ограничить самую императорскую власть, ввести ее въ известную колею закона и лишить ее того широкаго произвола, которымъ такъ пользовались первые императоры. Такого рода соображеніями объясняется,

по мѣрѣ Ранке, *lex regia Vespasiani*. Но она важна больше для характеристики стремлений и настроений; непосредственныхъ практическихъ послѣдствій въ смыслѣ дѣйствительнаго ограниченія подобныя мѣры имѣть не могли, потому что не было силы, которая могла бы настоять на нихъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ является виѣстѣ съ многими другими отраженіемъ интереснаго и важнаго внутренняго теченія, которое дѣлало свое дѣло, не смотря на то, что не располагало матеріальною силой.

Ни въ чемъ не высказывается это оппозиціонное теченіе такъ сильно, какъ въ современной литературѣ. Люди, принадлежавшіе къ высшему кругу, связанные личными отношеніями съ императоромъ, иногда убѣжденные въ необходимости монархической организаціи, проводятъ въ своей литературной дѣятельности идеи республиканскаго характера, протестуютъ противъ злоупотребленій власти, ищутъ идеаловъ въ развитіи, подавленномъ имперіей. Ранке останавливается особенно, съ этой точки зрѣнія, на произведеніяхъ Лукана и Сенеки, оппозиціонное значеніе которыхъ, конечно, давно замѣчено и часто подвергалось изслѣдованію ¹⁾. Оригинальна у Ранке главная мысль: попытка прослѣдить тѣсную связь между этою политическою оппозиціей и перерожденіемъ религіозныхъ воззрѣній. Какъ установленіе имперіи отражается въ религіозной сферѣ, также точно переходитъ въ нее и политическое недовольство.

Движеніе къ монотеизму, конечно, не объясняется всецѣло реакціей изъ государственной области; главные корни его, можетъ быть, лежать въ самостоятельномъ развитіи идей, но могущественное пространство монотеистическихъ доктринъ, подготовившее почву для христіанства, общее исканіе чего-то новаго въ религіозной области и общее недовѣріе къ старымъ вѣрованіямъ являются въ значительной степени результатомъ политическаго броженія. Въ богатахъ олицетворялись особенности племенъ и городовъ; мѣстныя войны часто представляють просто борьбу разноплеменныхъ боговъ. Такого рода пониманію положили конецъ Римляне, подчинивъ себѣ всѣ народности и пересадивъ въ Римъ всѣ культы. Но объ партіи, боротившіяся во время междоусобицъ, поклонялись однимъ и тѣмъ же богамъ. Если тѣмъ не менѣе одна изъ нихъ одержала

¹⁾ См. напримеръ, *G. Boissier, L'opposition sous les Césars*, 88, 289. Надо однако замѣтить, что въ частностяхъ изложеніе у Ранке гораздо цѣльнѣе, убѣдительнѣе и глубже, чѣмъ у французскаго писателя.

верхъ, а другая была побѣждена, если совершилось это въ силу божественнаго рѣшенія, то откуда пришло это рѣшеніе? Побѣдители объясняли совершившееся покровительствомъ божествъ, особенно благоволившихъ къ дѣлу Юліевъ. Какъ потомки боговъ, Юліи требовали себѣ поклоненія. Побѣжденные протестовали не противъ уродливаго факта, а противъ идеи, лежавшей въ его основѣ. Они видѣли въ событіяхъ дѣло вѣковаго „Nisem“, не просто судьбы, а высшей воли, которая въ то же время является высшимъ промысломъ. Уже при первомъ столкновеніи національностей, при первомъ отвлеченіи отъ всемогущества римскихъ боговъ, появляется представленіе о „Tōxη“, „Fortuna“. Къ нему примыкаетъ теперь представленіе о „Nisem“, сдѣлавшееся философскимъ убѣжденіемъ той эпохи. Однимъ словомъ, побѣжденные потеряли старую вѣру. Судьба, разрушившая правое дѣло, толкнула ихъ въ новое направленіе, къ неизвѣстному выходу, и это было важнѣе всякихъ философскихъ разсужденій, потому что вытекало изъ непосредственнаго чувства фактовъ¹⁾. У Сенеки, у Плавія Старшаго, у Персія высказывается много разъ стремленіе къ нравственно-религиозному углубленію, но все это неопредѣленныя, бродячія попытки. „Въ эту эпоху, когда политизмъ давалъ оправданіе насилію, не удовлетворяя ни потребности человѣческаго ума въ идеальномъ пониманіи міра, ни нравственнымъ потребностямъ людей, когда наперекоръ ему возникала могущественная оппозиція, не имѣвшая однако силы вывести человѣка къ твердымъ, необходимымъ для него убѣжденіямъ, въ эту эпоху возникло христіанство“. Заявляя себя убѣжденнымъ протестантомъ, Ранке въ то же время выдѣляетъ въ раннемъ развитіи христіанской религіи историческій элементъ. „Историкъ“, замѣчаетъ Ранке, — „долженъ разказать комбинацію всемірно-историческихъ элементовъ, въ которой появилось христіанство, и подъ вліяніемъ которой оно дѣйствовало“. Въ этой связи онъ особенно настаиваетъ на космополитическомъ характерѣ обстановки, окружающей Христа, на сближеніи Павла съ эллинистическими элементами, на поддержкѣ, которую Римская имперія часто оказывала христіанамъ въ лицѣ своихъ служителей. Надо сознаться, что иногда относящіеся сюда замѣчанія Ранке принимаютъ довольно странный характеръ. Говоря о томъ, какъ римскій трибунъ заступился за Павла въ Іерусалимѣ,

¹⁾ Ranke, III, 1 Abth., 145, 146. Ср. Hausrath, Neutestamentliche Zeitgeschichte.

онъ прибавляетъ: „Еслибъ апостолъ погибъ во время этого волненія, христіанство едва ли въ состояніи было бы освободиться отъ національной ограниченности; имя трибуна, который спасъ апостола Павла и зачатки христіанской религіи, заслуживаетъ особеннаго упоминанія: его звали Клавдій Лисій“. Странно встрѣтить такого рода разсужденія у историка, особенно содѣйствовавшаго устраниенію мысли, что великіе міровые перевороты не зависятъ отъ перестановки случайностей и отъ вліянія той или другой отдѣльной личности.

Однимъ изъ коренныхъ возрѣній новаго ученія было отдѣленіе религіозныхъ вѣрованій отъ политическихъ тенденцій; въ посланіи къ Римлянамъ апостолъ Павелъ развиваетъ изрѣченіе Христа: Дайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу. Тѣмъ не менѣе, христіанство не могло ужиться въ своемъ распространеніи съ царствомъ Кесаря, которое не допускало такого рода раздѣльности и предъявляло свои требованія въ религіозной сферѣ. Если, въ концѣ концовъ, христіанство оказалось сильнѣе имперіи и вышло побѣдителемъ изъ борьбы съ нею, то причиною является опять-таки не одно идеальное превосходство, но также и политическая судьба самой имперіи. „Еслибъ идея, на которой основано было всемірное господство Августа, въ состояніи была удержаться и осуществиться, не могло бы быть и рѣчи о распространеніи христіанской религіи. Всемірно-историческое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что имперія не могла болѣе расширяться и отступилась отъ этой задачи. По мѣрѣ того, какъ онъ проникалъ въ сознаніе, христіанство завоевывало себѣ будущее“. Тѣсная связь, постоянное взаимодействіе между политическими и религіозными факторами высказываются, наконецъ, въ окончательномъ установленіи новой вѣры. Тѣсное соединеніе съ имперіей при Константіи и его преемникахъ имѣло результатомъ объединеніе самой церковной организаціи, которое собственно не вытекало изъ религіозныхъ основъ. Въмѣсто того, чтобы раздѣлиться на нѣсколько отдѣльныхъ теченій, по меньшей мѣрѣ на западное и восточное, христіанство, подъ вліяніемъ государственной опеки, сложилось вышшимъ образомъ во вселенскую, единую церковь.

Если въ общемъ изложеніи Ранке многое представляется иначе, нежели въ другихъ сочиненіяхъ по исторіи имперіи, то и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ личностей и событій онъ часто весьма сильно отступаетъ отъ общепринятыхъ сужденій. Какъ всегда прежде, онъ и въ новомъ сочиненіи не любитъ распространяться объ отдѣльныхъ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ или морализировать о порочности того или дру-

гого императора, о развращенности Рима и т. п. Главная цѣль—указавъ общія потребности эпохи и въ отдѣльныхъ личностяхъ отраженіе этихъ потребностей. Не мудрено поэтому, что его сужденіе о Тиберіѣ далеко не отрицательное. Въ очень удачной характеристикѣ онъ особенно настаиваетъ на политическомъ талантѣ и неустанной, спокойной энергіи этого императора. Это былъ властитель по природѣ. Клавдій также выходитъ у Ранке не растерявшимся педантомъ, а государемъ, который очень могъ бы успѣшно вести управленіе въ менѣе трудное время: Ранке, навѣрное, не назоветъ его вмѣстѣ съ Моммзеномъ—*der gelehrte Verkehrte*. Страннымъ образомъ привлекаетъ симпатію историка Каракалла: его кипучая энергія и обширные восточные планы свискали ему у Ранке весьма лестный отзывъ. За то, всегдашніе любимцы новѣйшихъ писателей—Маркъ Аврелій и Александръ Северъ, не выдвигаются у него впередъ; не то, чтобъ онъ прямо осуждалъ ихъ дѣятельность, но черезъ все изложеніе проходитъ нота несочувствія, которое довольно трудно истолковать. Во всякомъ случаѣ, авторъ не признаетъ за нимъ особенной самостоятельности и рѣшающаго вліянія. На изложеніи отдѣльныхъ фактовъ я не вижу времени останавливаться; замѣчу только весьма характерное для маститаго историка недоувѣріе къ извѣстіямъ объ убійствахъ и преступленіяхъ. Онъ наотрѣзъ отказывается вѣрить Тациту въ его разказъ о смерти Германика, объясняетъ естественными причинами смерть Клавдія, отбрасываетъ Тацитовы прикрасы въ описаніи конца Британника, разлагаетъ разказъ о римскомъ пожарѣ, чтобы болѣе или менѣе выгородить Нерона. Во многихъ случаяхъ, конечно, вѣтъ основаній доувѣрять нашей традиціи, сложившейся подъ вліяніемъ политическаго протеста; но нельзя сказать, чтобы общее впечатлѣніе, получаемое въ слѣдствіе всѣхъ этихъ оправданій, было правильное; гораздо болѣе идетъ къ дѣлу замѣчаніе, что необузданныя насилія императоровъ вытекали не столько изъ случайностей характера, сколько изъ свойства самой власти, не только не ограниченной, но вознесенной до божественности. Затѣмъ, заслуживаетъ вниманія отношеніе автора къ Германцамъ: онъ говоритъ о нихъ съ живѣйшею симпатіей, протестуетъ противъ зачисленія ихъ въ ряды дикарей, но въ то же время не увлекается, вмѣстѣ съ представителями нѣмецкой юридической школы, до признанія твердой государственной организаціи у нихъ въ эпоху Тацита. Онъ провозноситъ свое слово въ знаменитомъ спорѣ о дружинѣ, который можетъ служить какъ бы пробнымъ пунктомъ возрѣвній, и высказывается, въ сущности, въ

пользу такъ-называемой частной дружины, то-есть, признаеть, что она собиралась не около однихъ выборныхъ вождей племени.

Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ весьма существенную часть новаго труда Ранке—критическіе экскурсы, которые наполняютъ весь второй отдѣлъ третьяго тома. Со времени своихъ изслѣдованій о реляціяхъ венеціанскихъ пословъ и о составѣ средневѣковыхъ лѣтописей Ранке считается величайшимъ учителемъ исторической критики въ Германіи, и его новыя работы вполне соотвѣтствуютъ этой репутаціи: въ нихъ, пожалуй, менѣе замѣтно вліяніе возраста, нежели въ главной части изложенія. Экскурсы относятся ко всѣмъ тремъ вышедшимъ томамъ „Всемирной исторіи“: Іосифъ Флавій, Діодоръ, Діонисій, Поливій, Аммианъ, Діонъ Кассій, Веллей Патеркулъ, Тацитъ и Светоній—вотъ писатели, произведенія которыхъ, главнымъ образомъ, подвергаются разбору; но понятно, что при этомъ читатель найдетъ множество цѣнныхъ замѣчаній и о другихъ важнѣйшихъ источникахъ—о Ливіи и Плутархѣ, напримѣръ. Настоящая статья не можетъ, конечно, услѣдить за этими критическими изысканіями, но въ связи съ тѣмъ, что было замѣчено выше объ императорскомъ періодѣ, не лишне будетъ сказать два слова объ изслѣдованіяхъ, подготовляющихъ исторію этого періода. Въ отличіе отъ предшественниковъ, Ранке придаетъ особенное значеніе Діону, и для установленія его текста постоянно прибѣгаетъ къ сравненію переданнаго подъ его именемъ изложенія, которое, въ сущности, принадлежитъ Византійцу XI вѣка Исидору, съ выдержками другого Византіяца Зонары (XI вѣка). Опираясь на эти повѣствованія, Ранке значительно видоизмѣняетъ, напримѣръ, обычное представленіе о царствованіи Клавдія, особенно о паденіи Мессалины и возвышеніи Агриппины. Особенно интересенъ отдѣлъ о Тацитѣ. Ранке признаеть его высокое литературное дарованіе: мысли Тацита отличаются болѣе глубиной и тонкостью, чѣмъ ясностію и опредѣленностію; если онъ и не первый изъ разказчиковъ, то величайшій живописецъ положеній. За то оцѣнка содержанія его повѣствованій весьма строгая: Ранке никогда не довѣряетъ Тациту, съ величайшею осторожностію принимаетъ его свидѣтельства и подробно мотивируетъ въ своемъ экскурсѣ такого рода отношеніе. Такъ напримѣръ, анализъ разказа о паденіи Гальбы и Оттона приводитъ Ранке къ слѣдующему заключенію: „Изъ этихъ отрывковъ можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ работалъ Тацитъ. Онъ не имѣлъ въ виду разслѣдовать дѣло съ основанія, а бралъ матеріалъ, уже подго-

товленный другими писателями, и перерабатывала его как художникъ грубую массу. Одно онъ отбрасываетъ, другое добавляетъ. Но главное, онъ проливаетъ на все потокъ своего изложенія, вышпается надъ фактической передачей, разнообрази ея собственными замѣчаніями, и изъ всѣхъ частныхъ составляетъ цѣлое, дающее опредѣленную пищу уму" (III, 288). Особенно мало остается у Ранке отъ Тацитова разказа о Тибериѣ, хотя критика, въ данномъ случаѣ, совершенно иного рода, нежели въ известной книгѣ Штара. Главное значеніе произведенія римскаго историка-моралиста сводится, въ концѣ концовъ, не на свидѣтельства о событіяхъ, а на то, какъ они свидѣлствуютъ. По словамъ Ранке, „Annales“, „Historia“ Тацита являются сами по себѣ важнымъ фактомъ римскаго развитія, великимъ выраженіемъ того могучаго республиканскаго духа, который продолжалъ жить въ обществѣ подъ давленіемъ имперіи: „Всемирно-историческое положеніе Тацита проявляется въ томъ, что онъ описываетъ внутреннее содержаніе римской жизни, противорѣчіе между безусловною властью и республиканскимъ духомъ, которые одинаково кроются въ ней, и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда всемирному завоеванію положенъ предѣлъ, и за этимъ предѣломъ поднимается сила, чтобы разрушить всемирное господство Римлянъ. Историкъ стоитъ на границѣ между двумя мірами“.

Недостатки новаго труда Ранке прямо вытекаютъ изъ того, какъ онъ вообще понимаетъ свою задачу. Онъ имѣлъ въ виду наметить всемирно-историческую связь между народами, „изобразить ту обще-историческую жизнь, которая переходитъ отъ одной націи къ другой, отъ одного круга народовъ къ другому“. При этомъ вниманіе его преимущественно обращено на противорѣчія между національностями и на ихъ разрѣшенія, внутреннее же развитіе отдѣльнаго государства отстываетъ на задній планъ. Какъ бы то ни было, узкое опредѣленіе задачи влечетъ за собою несомнѣнную односторонность въ сужденіяхъ; историческіе факторы первостепенной важности почти совсѣмъ не подвергаются разсмотрѣнію. Въ данномъ случаѣ могу только повторить слова одного нѣмецкаго писателя, представившаго очень дѣльную, весьма сочувственную, мѣстами восторженную оцѣнку новаго труда въ послѣдней книгѣ *Historische Zeitschrift* ¹⁾: „Съ подробнымъ описаніемъ международныхъ отношеній, на которыхъ такъ

¹⁾ Pöhlmann въ *Sybel's Historische Zeitschrift*, Neue Folge, XV, 52.

любятъ останавливаться Ранке, стоятъ въ несомнѣнномъ и невыгодномъ контрастѣ короткія замѣчанія о важнѣйшихъ факторахъ внутренняго развитія, напримѣръ, аѳинской демократіи. Особенно же недостаточно обращено вниманіе на социальна-политическія формы⁴. Въ частности Пѣльманъ совершенно вѣрно указываетъ, что такія явленія, какъ капитализмъ и денежная олигархія, пауперизмъ и рабство древняго міра совершенно не находятъ соответствующей оцѣнки у Ранке. Великое экономическое превращеніе античнаго общества въ императорскую эпоху совершенно не отражается въ его изложеніи. Точно также было бы, конечно, весьма важно показать не только общій характеръ религиозныхъ и политическихъ убѣжденій или сомнѣній избранныхъ немногихъ, которые громко заявляли о нихъ въ литературѣ, по и настроеніе и складъ мысли громаднаго большинства, также пропитаннаго своеобразными духовными стремленіями. И въ этомъ отношеніи читатель Ранке не найдетъ себѣ удовлетворенія. Въ виду всего этого надо сказать, что послѣднее сочиненіе Ранке представляетъ, до извѣстной степени, не теперешнее состояніе науки, не теперешнія научныя тенденціи—лучше сказать, а общія воззрѣнія предшествующей эпохи въ развитіи историографіи. Въ этомъ смыслѣ оно заслуживаетъ всякаго вниманія, не имѣетъ себѣ подобнаго въ литературѣ и, вѣроятно, долго не будетъ сдвинуто съ своего почетнаго мѣста первоклассною работою современной школы о всемірномъ развитіи. Для оцѣнки перекрестныхъ національныхъ вліяній и взаимодѣйствія религиозной и политической жизни оно, повторяю, оставляетъ мало желать лучшаго.

Чтобы оцѣнить по достоинству трудъ Ранке не дурно сравнить его съ тѣмъ, что творитъ современная нѣмецкая историографія при изображеніи обширныхъ періодовъ. Въ концѣ 1882 года, напримѣръ, вышла первая половина I-го тома Герм. Шиллера, посвященнаго Римской имперіи, а лѣтомъ 1883 г. появилась и вторая часть, такъ что мы имѣемъ теперь передъ собою всю исторію имперіи до Диоклетіановой реформы¹⁾. Напрасно стали бы мы искать въ новой книгѣ глубокихъ мыслей, оригинальныхъ обобщеній, органической связи между фактами. Каждая страница свидѣтельствуетъ о прилежаніи и объ ограниченности автора. Особенно неудачно все, что касается религиозной, философской, литературной области. Шиллеръ не только

¹⁾ Geschichte der römischen Kaiserzeit. Von H. Schiller. Gotha. 1882—1883.

не умѣть отличить главное отъ второстепеннаго, не замѣчаетъ отъяковъ, не понимаетъ вліяній—онъ особенно раздражаетъ въ этихъ отдѣлахъ какою-то медвѣжьею игривостью; лучше всего можно характеризировать его языкъ нелитературнымъ нѣмецкимъ словомъ: „crass“. Пусть сравнитъ нашъ читатель то, что говорится о Луканѣ и Персіѣ у Ранке и у Шиллера. Послѣдній характеризуетъ Персію слѣдующимъ образомъ: „*vornehme Arroganz und Suffisance eines kaum der Schulbank entwachsenen Adepten der adelig-stoischen Kreise*“. Если авторъ пересыпаетъ свое изложеніе такого рода „крѣпкими словами“ изъ подражанія Моммзену, то подражаніе это можно назвать удачною—и не особенно лестною для Моммзена—карикатурой. Не лучше, нежели литераторамъ, достается и философамъ. Появленіе неоплатонизма возбуждаетъ Шиллера къ слѣдующимъ размышленіямъ о Плотинѣ, какъ его творецъ: „Его спекулятивная философія отличается фантастичностью и дикостью. Только тотъ услѣдитъ за нею, кто на столько одаренъ воображеніемъ, что въ состояніи совершенно отвлечься отъ дѣйствительности (удобный предлогъ—чтобы не слѣдить за философомъ!). На сколько Плотинъ касается пракческаго вопроса о счастіи, онъ просто повторяетъ стоическія тирады о самоудовлетвореніи добродѣтели; и для него также нравственность сводится на реакцію противъ чувственности. Противорѣчіе между этими силами бѣдная мыслями эпоха доводитъ до крайнихъ предѣловъ, и скоро отвращеніе отъ міра становится высшею мудростью“. На социальный процессъ Шиллеръ обращаетъ вниманіе, когда сильно заставляють источники. Поэтому у него есть глава объ экономическомъ состояніи въ эпоху Августа, благо подъ руки повался Колумелла, но во время Антониновъ, по его мнѣнію, ничего не произошло особеннаго въ этой области. Вѣроятно, ничего особеннаго нельзя сказать и о третьемъ вѣкѣ, потому что экономическія отношенія и въ данномъ случаѣ не подвергаются разсмотрѣнію. Только о колонатахъ авторъ замѣчаетъ, что онъ уже подготовлялся, и видитъ его основаніе въ поселеніи варваровъ на римской почвѣ, которое весьма поучительно ставитъ въ связь съ системой алиментаций при Траявѣ. Необычайнѣйшимъ куріозомъ въ этой книгѣ является фактъ, что Шиллеръ не замѣтилъ развитія римскаго права: нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать хотя бы упоминаніемъ двѣ-три обмолвки, въ которыхъ названы Лабеоны, Сабини, Папиніаны, Ульпіаны. Однимъ словомъ, сочиненіе Шиллера не восполняетъ пробѣла въ наукѣ относительно исторіи имперіи. Тѣмъ не менѣе, и имъ можно восполь-

воваться. Оно даетъ сборникъ важнѣйшихъ цитатъ по внѣшней исторіи времени и отчасти по исторіи учреждений и партій. Въ этомъ отношеніи оно лучше Тиллемона и Гиббона, Меривела и Гѣла, пожалуй даже—Дюрюи, потому что новѣе. Нечего и говорить, что даже къ чисто фактическимъ замѣчаніямъ автора надо относиться съ осторожностью. Въ исторіи Тиберія, напримѣръ, онъ особенно настаиваетъ на великомъ значеніи сената, при чемъ роль въ немъ императора остается неясною; говоря о случаяхъ вліянія сената въ чисто-военныхъ вопросахъ, Шиллеръ ссылается на Тас. Апп. IV, 6, гдѣ объ этомъ нѣтъ ни слова его; чрезвычайно важное постановленіе 33-го года о землевладѣніи и долгахъ, которые подали поводъ къ различнымъ недоумѣніямъ, не разъяснено Шиллеромъ, а скорѣе затемнѣно его толкованіемъ. Такого рода частныхъ замѣчаній можно было бы собрать множество.

Гораздо удачнѣе, нежели Гермацъ Шиллеръ, исполнилъ свою задачу Леопольдъ Шмидтъ¹⁾: онъ задался цѣлью охарактеризовать нравственныя воззрѣнія Грековъ, собрать руководящія правила ихъ морали. При этомъ осуществленіе этихъ правилъ на практикѣ остается за чертой изложенія, и такого рода ограниченіе весьма естественно. Больше сомнѣній возбуждаетъ другаго рода особенность книги Шмидта: онъ сводитъ различными опредѣленія по матеріямъ, а не разбираетъ развитіе ихъ исторически. Въ оправданіе такой системы онъ указываетъ на значительную солидарность между взглядами различныхъ эпохъ. Греческая нравственность, по его мнѣнію, представляетъ въ сущности единство, подвергавшееся незначительнымъ колебаніямъ, и тотъ былъ бы не Грекъ, кто въ позднѣйшее время, положимъ въ IV вѣкѣ, сталъ бы отвергать поученія Теописиса. Однако самъ примѣръ, избранный Шмидтомъ, показываетъ, что авторъ идетъ слишкомъ далеко въ своемъ утвержденіи: именно идеалы Теописиса, мегарскаго аристократа, довольно мало подходятъ къ взглядамъ и сужденіямъ, напримѣръ, аѳинскаго демократа V вѣка. Во всякомъ случаѣ Л. Шмидтъ, отказавшись отъ историческаго расположенія для своей книги, вездѣ болѣе или менѣе старается уловить особенности того или другаго момента развитія, и кромѣ того, посвящаетъ свою первую главу характеристикѣ источниковъ въ историческомъ порядкѣ. Гомеръ и Гезіодъ до извѣстной степени уравновѣшиваютъ другъ

¹⁾ *Leopold Schmidt. Die Ethik der alten Griechen. Berlin. 1882.*

друга: на сколько въ Иліадѣ и Одиссеѣ преобладаетъ историческая струя, изображаются бытъ и возрѣнія господствующаго класса въ героической періодъ, на столько у Гезіода рисуется жизнь мелкаго люда, его трудовая обстановка и скромная утилитарная нравственность. Затѣмъ особенное вниманіе Шмидтъ обращаетъ на углубленіе греческихъ религіозныхъ понятій въ культъ дельфійскаго Аполлона и въ связанныхъ съ нимъ поэмахъ Пиндара. Послѣдній можетъ быть названъ въ извѣстной степени религіознымъ реформаторомъ Греціи. Нечего и говорить, что и трагики даютъ богатый матеріалъ для сужденія о греческой морали: Шмидтъ преимущественно пользуется Эсхиломъ и Эврипидомъ. Изъ философовъ онъ очень тщательно разбираетъ Платона и Теофраста и менѣе—Аристотеля, такъ какъ послѣдній въ своемъ эмпирическомъ анализѣ обходитъ важнѣйшіе вопросы этики.

Всего любопытнѣе въ книгѣ Шмидта главы о религіозныхъ основахъ нравственности, о мотивахъ ея и понятіяхъ о происхожденіи зла. Въ первой изъ нихъ интересенъ для современнаго читателя контрастъ между греческими вѣрованіями и ходячими возрѣніями нашего времени. Дѣлая различіе между индивидуальными божествами и божественностью, приписывая отдѣльнымъ небожителямъ совершенно человѣческія и часто весьма неблаговидныя свойства, и въ то же время поручая богамъ блюсти правду и судъ, Греки очень долго не сознавали кореннаго противорѣчія въ такой постановкѣ дѣла. Точно также совершенно случайнымъ представлялся имъ тезисъ, на которомъ теперь строятся соединеніе религіи и нравственности. Вѣрованіе въ будущую жизнь не только было весьма слабо и неопредѣленно выражено въ древнѣйшую эпоху, но и впоследствии, не смотря на вліяніе мистерій, ученіе о загробномъ существованіи и судѣ послѣ смерти является далеко необязательнымъ съ религіозной точки зрѣнія: лучшіе и наиболѣе набожные люди выражались съ сомнѣніемъ о возможности такого исхода.

Не менѣе своеобразны мотивы нравственности. Исканіе чести (φιλοτιμία) и исканіе красоты (φίλοκαλόν) составляютъ центральныя побужденія, около которыхъ группируются всѣ остальные. Даже отношенія между друзьями, между мужемъ и женою понимаются какъ соревнованіе; оцѣнка постороннихъ людей признается существеннымъ мѣриломъ добра и зла. Съ другой стороны, нигдѣ не развивается до такой степени идеалъ о связи между этикой и эстетикой, какъ у Платона. Соответственно мысли, что сознаніе и желаніе соединены не-
часть ссххх, отд. 2.

разрывно, обще-греческое объясненіе зла принимаетъ весьма своеобразную окраску: зло, порочность происходятъ отъ непониманія, отъ умственной слабости, точно также кажда добродѣтель можетъ быть плодомъ обученія. Рядомъ съ этимъ однако, преступленіе и грѣхъ сводятъ еще на другой корень — на высокоуміе (δύσις). Всѣ эти общія характеристики подкрѣплены у Шиндта массою фактовъ и болѣе или менѣе интересныхъ замѣчаній. Весьма часто можно возражать противъ его положеній, но въ общемъ сводъ такого рода нельзя не признать весьма полезнымъ съ исторической точки зрѣнія.

П. Виноградовъ.

ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ АНГЛИИ.

Около десяти лѣтъ назадъ, въ Великобритании дѣвица, окончившая свое образованіе въ пансіонѣ, не имѣла иныхъ способовъ продолжать занятія науками, какъ при помощи чтенія, и должна была извлекать отрывочныя свѣдѣнія безъ всякой системы изъ книгъ, случайно попадавшихъ ей подъ руку. Невыгоды такого способа приобрѣтенія знаній заключались въ томъ, что женщины, ищущія высшаго образованія, оставались безъ руководителей въ своихъ запитіяхъ, безъ возможности провѣрить свои успѣхи, безъ поощренія и вознагражденія за свои старанія, и были лишены устнаго преподаванія — этого наиболѣе дѣйствительнаго средства къ возбужденію умственной дѣятельности и развитію пониманія. Съ того времени многое перемѣнилось; среднее образованіе для дѣвицъ значительно улучшено, а высшее женское образованіе, вовсе не существовавшее въ видѣ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, получило такое развитіе, при которомъ дѣвица или замужняя женщина, желающая ознакомиться съ какою-либо отраслью наукъ, можетъ продолжать занятія ими, безъ значительныхъ денежныхъ затратъ въ объемѣ, доступномъ для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ для мужчинъ.

Такое преобразование совершилось при помощи частной инициативы, съ одобренія парламента. Считаю не безынтереснымъ познакомить нашихъ читателей съ этою важною реформой въ Соединенномъ королевствѣ, пользуясь для того, главнымъ образомъ, статьями объ этомъ предметѣ весьма компетентнаго судьи—г. В. Брюссона,

члена испытательной комиссіи при Лондонскомъ университетѣ и бывшаго профессора въ Bedfordской коллегіи для женщинъ (Bedford College for Ladies), въ Лондонѣ ¹⁾.

I.

Какъ извѣстно, въ 1868 году парламенту представленъ былъ обширный докладъ по вопросамъ воспитанія и народнаго образованія, выработанный особю комиссіей, учрежденною при министерствѣ для изслѣдованія организаціи учебныхъ заведеній. Однимъ изъ плодовъ общественнаго движенія, возбужденнаго этимъ замѣчательнымъ докладомъ было учрежденіе въ Шотландіи, а потомъ и въ Англии, преимущественно въ сѣверныхъ графствахъ, въ Йоркширѣ и Ланкаширѣ, различныхъ ассоціацій съ цѣлью вообще улучшить воспитаніе женщинъ и въ частности открыть имъ доступъ къ высшему образованію. Руководители этихъ ассоціацій постарались, прежде всего, заручиться содѣйствіемъ университетовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго. Эти же древніе уважаемые центры высшаго образованія привняли наиболѣе цѣлесообразною мѣрою учрежденіе, одновременно въ различныхъ мѣстностяхъ, повѣрочныхъ или мѣстныхъ испытаній для женщинъ (local examinations), въ родѣ экзамена на степень бакалавра (great go по университетской терминологіи) ²⁾. Такимъ образомъ, за неизмѣнимъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ искусными при нихъ профессорами, на первое время молодымъ дѣвцамъ и женщинамъ, желающимъ заниматься науками, указывалось въ программахъ испытаній на тѣ предметы и руководства, которые имъ слѣдуетъ изучать, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ руководители имъ назначались компетентные экзаменаторы.

Въ примѣненіи указанной мѣры на практикѣ Лондонскій университетъ нѣсколько опередилъ своихъ болѣе древнихъ собратьевъ; другіе же университеты Соединеннаго королевства послѣдовали ихъ примѣру. Вотъ перечень открытыхъ съ того времени подобныхъ учреждений.

1) Мѣстные экзамены для дѣвицъ и молодыхъ людей въ Кембриджѣ. Два раза въ годъ производится испытанія, общія для

¹⁾ Статья г. Брюссона напечатана въ январской, мартовской и майской книжкахъ *Revue internationale de l'enseignement* 1883 года.

²⁾ Или въ родѣ нашихъ испытаній зрѣлости и кандидатскихъ экзаменовъ въ университетѣ, на которыхъ могутъ являться лица, не учившіеся въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ экзаменуются.

мужчинъ и женщинъ; на первыя по времени допускаются дѣвицы не старше 15 лѣтъ (Junior Students), на вторыя—не моложе 19 л. (Senior Students).

За право участія въ послѣднихъ вносятся 1 ф. ст. (6 руб.). Эти испытанія (Senior) раздѣляются опять же на два отдѣла: а) преподавательныя или приготовительныя испытанія, заключающія въ себѣ англійскую грамматику, грамматическій и логическій разборъ, арифметику, и б) испытанія послѣдующія, раздѣляющіяся на 9 отдѣленій, содержащихъ въ себѣ каждое нѣсколько предметовъ или подраздѣленій, въ слѣдующемъ порядкѣ: I) Вѣрученіе. II) Исторія Англій; географія физическая, политическая и коммерческая, основныя начала политической экономіи; комедія или драма Шекспира, III) Латинскій и греческій языки. IV) Французскій и нѣмецкій. V) Алгебра; геометрія по Эвклиду, кн. 1, 2, 3, 4, 6 и 11 до предложенія 21-го включительно; тригонометрія; аналитическая геометрія двухъ размѣровъ. VI) Главныя начала химіи; химическій анализъ съ опытами; статика, динамика и гидравлика; теорія тепла; электричество и магнетизмъ. VII) Зоологія и физиологія животныхъ; ботаника и физиологія растений; географія физическая и геологія. VIII) Рисованіе съ модели; съ гипсовъ; перспектива; акварель. IX) Основанія гармоніи и музыки, исторія музыки.

Подвергающейся испытанію предоставляется выбирать три отдѣленія изъ вышеприведенной программы, и не болѣе пяти, въ томъ числѣ I-е отдѣленіе обязательно для всѣхъ экзаменующихся, исключая тѣ случаи, когда тому воспротивятся родственники или попечители ученицы (tuteurs, guardians)¹⁾. Не допускается совмѣстнаго выбора VIII и IX-го отдѣленій; только одно изъ указанныхъ въ нихъ искусствъ можетъ быть избрано съ двумя другими отдѣленіями наукъ. Подвергавшаяся испытанію считается выдержавшею экзаменъ по избранному ею отдѣленію, когда удовлетворительно отвѣтила по II-му отдѣленію, по крайней мѣрѣ по двумъ предметамъ, указаннымъ также по ея выбору; по III-му отдѣленію—когда оказала удовлетворительное званіе одного изъ древнихъ языковъ, или по IV-му—одного изъ иностранныхъ; по V-му отдѣленію безусловно обязательно алгебра и геометрія; по VI-му—неорганическая химія съ сдѣланными практическими опытами и другое какое-либо изъ подраздѣленій того же отдѣленія; по VIII-му—

¹⁾ Это странное условіе объясняется существованіемъ въ Англій многочисленныхъ религіозныхъ сектъ.

рисованіе съ модели и другое изъ указанныхъ подраздѣленій по выбору; по VII-му отдѣленію допускается экзаменъ только по одному изъ трехъ указанныхъ въ немъ подраздѣленій. Оказавшія основательныя знанія по другимъ подраздѣленіямъ каждаго отдѣленія, кромя обязательныхъ, считаются выдержавшими экзаменъ съ отличіемъ (достойными похвальнаго отзыва или почетнаго диплома, honours), то есть, удостоенными высшей ученой или учебной степени; но по VI-му отдѣленію для полученія такого диплома, обязательно знаніе, кромя химіи неорганической, и химіи органической.

Наиболѣе отличившейся на экзаменѣ комитетъ публичныхъ лекцій для женщинъ въ Кембриджѣ выдаетъ стипендію на три года, по 36 ф. ст. (210 руб.) ежегодно. Администраторы особаго фонда, учрежденнаго съ цѣлью поощренія учащихся, Reid fund, назначаютъ по 24 гинеи (150 руб.) въ годъ, на семь триместровъ, той ученицѣ изъ выдержавшихъ испытанія съ отличіемъ, которая пожелаетъ слушать высшіе женскіе курсы въ Лондонской Бедфордской коллегіи и 15 гиней (95 руб.) на ея содержаніе въ интернатѣ, устроенномъ при этомъ училищѣ. Общество National Union, учрежденное для усовершенствованія женскаго образованія, назначаетъ 25 ф. ст. (150 руб.) на одинъ годъ желающей продолжать свое образованіе въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, одобренномъ совѣтомъ общества. Синдикатъ университета выдаетъ 4 преміи наиболѣе отличившимся на испытаніяхъ junior и senior; каждая изъ двухъ дѣвицъ senior, удостоенныхъ преміи, получаетъ 12 ф. ст. (72 руб.). Частные жертвователи за испытанія senior опредѣлили: 5 ф. ст. (30 руб.) наиболѣе отличившейся въ политической экономіи и 2 гинеи (13 руб.) по математикѣ. Королевское географическое общество присылаетъ двѣ серебряныя медали, одну наиболѣе свѣдущей по физической географіи, другую—по географіи политической.

2) Высшіе экзамены, учреждаемые тѣмъ же университетомъ въ другихъ городахъ (Cambridge University higher local examinations). Во всякомъ городѣ, гдѣ найдутся 20 желающихъ подвергнуться испытаніямъ, мужчинъ или женщинъ, и внесуть по подпискѣ по 2 ф. ст. (12 руб.) каждый, учреждается мѣстный комитетъ съ особымъ при немъ секретаремъ. Экзаменующіяся не должны быть моложе 18-и лѣтъ. Программа испытаній раздѣлена на группы предметовъ:

1) Вѣроученіе. Библія, Веткій Завѣтъ: Самуилъ, кн. I и II; Псалмы I до LI. Новый Завѣтъ: Евангеліе св. Марка, I-е посл. къ Коринѣ.

Дѣянія гл. XVI—XIX. Книги: Бутлера, Analogies, введение и 1-я часть; Hooker, Ecclesiastical Polity, введение и 1-я книга; Palsy, Poetae Paullinae, первая 5 главъ. II) Исторія Англій; англійскій языкъ и его литература; болѣе полное знаніе англійскаго языка; болѣе подробное знаніе англійской литературы. III) Языки: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, италіанскій. IV) Ариметика; геометрія по Эвклиду I—IV, VI, XI до предл. 21-го; элементарная алгебра; элем. тригонометрія; коническія сѣченія; элем. статика; элем. астрономія; элем. динамика; основанія дифференціального и интегрального исчисленій. V) Политическая экономія, логика, исторія англійской конституціи. VI) Ботаника; геологія и физическая географія; зоологія; химія теоретическая и практическая; физика; физиологія животныхъ. VII) Теорія музыки.

Подвергающіяся испытаніямъ раздѣляются по своимъ успѣхамъ на три класса и получаютъ простое свидѣтельство о выдержанномъ экзаменѣ или почетные дипломы. Чтобы быть удостоенными простаго свидѣтельства, подвергающіяся или подвергающаяся испытанію обязаны удовлетворительно отвѣчать изъ англійской исторіи, англійскаго языка и литературы (первыя два подраздѣленія группы II), по элементарной ариметикѣ и затѣмъ по двумъ группамъ изъ отдѣловъ I-го или III-го—VI-го на выборъ. Причисленные при этомъ къ 1-му или 2-му классу по двумъ отдѣламъ или группамъ наукъ, изъ указанныхъ первыхъ шести, приобрѣтаютъ почетные дипломы. Экзаменующіеся могутъ распредѣлять испытанія на нѣсколько лѣтъ; выдержавшій экзаменъ изъ одной ариметики, или другой отрасли наукъ, на слѣдующій годъ уплачиваетъ за продолженіе экзамена только половину издержекъ, 1 ф. ст. (6 руб.) Получившіе по какой-либо группѣ простое свидѣтельство могутъ повторить испытанія въ тѣхъ же наукахъ для приобрѣтенія почетнаго диплома. Въ I-й группѣ предметовъ (вѣроученіе) для полученія простаго свидѣтельства безусловно обязательно знаніе Ветхаго и Новаго Завѣта по указанной программѣ и одно изъ руководствъ Бутлера, Гукера или Палея; для причисленія къ 1-му или 2-му классу требуется ознакомленіе и съ двумя остальными руководствами. Эта отрасль наукъ (богословіе) считается одною изъ самыхъ главныхъ на испытаніяхъ, но не всякій экзаменующійся обязанъ избирать ее. Въ группѣ II-й обязательны первыя два подраздѣленія (исторія Англій и англійскій языкъ съ литературою); для причисленія къ 1-му или 2-му классу требуется знаніе болѣе подробное одного изъ двухъ остальныхъ подраздѣленій. Въ

III-й группѣ обязательнымъ считается одинъ изъ указанныхъ древнихъ или иностранныхъ языковъ; для почетнаго диплома—два языка. Въ IV-й группѣ обязательны арифметика, геометрія, элементарная алгебра; для почетнаго диплома, кромѣ того, — еще два предмета изъ указанныхъ въ томъ же отдѣлѣ. Въ V-й группѣ требуется одинъ изъ трехъ означенныхъ въ ней предметовъ, для почетнаго же диплома — два предмета. Въ VI группѣ обязательнымъ считается только одинъ предметъ для простаго свидѣтельства, два предмета для диплома 1-го или 2-го класса, но болѣе трехъ предметовъ не дозволяется избирать по этому послѣднему отдѣлу въ тотъ же годъ. Отдѣлъ VII-й (теорія музыки) не считается имѣющимъ какое-либо вліяніе на выдачу свидѣтельства или диплома, но объ успѣхахъ по этому предмету желающихъ экзаменоваться упоминается въ выдаваемыхъ дипломахъ.

Кромѣ премій для мужчинъ, специально для женщинъ учреждены слѣдующія награды за успѣхи, оказанные на искутаніяхъ: 5-ти наиболѣе отличившимся, изъ посвящавшихъ себя преподавательской должности, синдикатъ университета выдаетъ по 5 ф. ст. (30 руб.); общество поощренія высшаго женскаго образованія назначаетъ 5 стипендій по 35 ф. ст. (210 руб.); затѣмъ, еще премія въ 5 ф. ст. (30 руб.) назначается наиболѣе оказавшей успѣховъ по группѣ I (вѣроученія) и въ 20 ф. ст. (120 руб.) той изъ экзаменовавшихся по группѣ V-й (политическая экономія и т. д.), которая представитъ лучшее сочиненіе по вопросамъ социальнымъ или экономическимъ.

Независимо отъ сего, ученицы двухъ высшихъ училищъ, учрежденныхъ въ недавнее время въ Кембриджѣ (Girton и Newnham), допускаются къ ежегодному испытанію при университетѣ на степень бакалавра наукъ словесныхъ, или точныхъ, какъ ниже будетъ подробнѣе объяснено. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы дать понятіе объ организаціи мѣстныхъ испытаній.

Подобныя же экзамены учрежденыны другими университетами, мало чѣмъ отличающіяся отъ вышеописанныхъ. Продолжаемъ ихъ перечень.

3) Мѣстныя испытанія Оксфордскаго университета (Senior local examination). Оксфордскій университетъ, очень щедрый для студентовъ, слушающихъ его курсы, не выдаетъ ни премій, ни стипендій за мѣстныя испытанія. Право участія въ испытаніяхъ обходится 1 ф. 10 шилл. (9 руб.). Выдержавшіе испытанія считаются удостоенными степени associate in arts.

4) Специальныя испытанія того же университета для

женщинъ не моложе 18-и лѣтъ (Oxford University examination of women over 18). Испытанія производятся ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ и раздѣляются на предварительныя (англійское литературное сочиненіе, два языка, ариометика, геометрія по Эвклиду или алгебра до уравненій 1-й степени), и послѣдующія или высшія испытанія (further examination). Высшія испытанія даютъ право на простое свидѣтельство (pass examination) и почетный дипломъ (examination for honours). Для приобрѣтенія почетнаго диплома, экзаменующіеся избираютъ, каждая, одинъ или два отдѣла изъ слѣдующихъ девяти: 1) англійскій языкъ и литература; 2) латинскій и греческій языки; 3) нѣмецкій, французскій, италіанскій и испанскій языки; 4) математика чистая и прикладная; 5) древняя исторія съ греческими и латинскими текстами; 6) исторія средневѣковая и новая по подлиннымъ текстамъ; 7) философія; 8) физика и химія; 9) основанія религій и вѣроученія. Не дозволяется избирать для испытаній болѣе двухъ отдѣловъ въ тотъ же годъ. За право участія въ испытаніяхъ вносятся: за испытаніе предварительное или по вѣроученію (ст. 9) 2 ф. ст. (12 руб.), за испытаніе 2-й степени (pass) и за каждый отдѣлъ испытаній на почетный дипломъ — 2 ф. 10 шилл. (15 руб.). Указанныя выше испытанія учреждены обоими древними университетами въ городахъ: Оксфордъ, Кембриджъ, Лондонъ, Бирмингамъ, Бристоль, Челтенгамъ Лидсѣ, Ливерпулъ, Манчестеръ, Ньюкестль, Норвичъ, Ноттингемъ, Плимутъ, Регби, Сиденгемъ и Винчестеръ.

5) Высшія спеціальныя испытанія для женщинъ учреждены Лондонскимъ университетомъ ранѣе, чѣмъ другими, но года три тому назадъ онъ отмѣнилъ ихъ и нынѣ допускаетъ женщинъ къ университетскимъ испытаніямъ на равныхъ правахъ съ мужчинами, присуждая имъ ученныя степени бакалавра, магистра, доктора филологіи (doctor of literature), доктора по другимъ наукамъ, доктора медицины, магистра хирургіи даже бакалавра и доктора музыки.

6) Мѣстныя испытанія, организуемые университетами въ Дергемъ, ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ вышеописанныхъ.

7) Мѣстныя испытанія въ Единбургскомъ университетѣ для мужчинъ и женщинъ раздѣляются на предварительныя и спеціальныя; на основаніи этихъ испытаній университетъ выдаетъ простое свидѣтельство о выдержанномъ испытаніи или почетные дипломы. Послѣдніе (почетные дипломы) предоставляютъ,

между прочимъ, слѣдующія права: удостоенный такого диплома, если онъ выдержалъ испытанія изъ латинскаго, греческаго языковъ и математики, открывается доступъ въ университетъ и во всякое училище по медицинѣ, хирургіи или фармаціи во всей Великобританіи; женщины, удостоенныя того же диплома, поступаютъ безъ всякаго иного повѣрочнаго испытанія въ Girton-College (въ Кембриджѣ) и въ правѣ внести свои имена въ Rugby-Calendar, то-есть, въ списки общества поощренія женскаго образованія (Rugby-Council), которое заботится о прискаваніи выгодныхъ мѣстъ для преподавательницъ, снабженныхъ университетскими дипломами. Многочисленныя стипендіи, отъ 50 ф. ст. (300 руб.) до 20 ф. ст. (120 руб.), предоставляются ученицамъ, удостоеннымъ диплома, но почти всегда съ условіемъ продолжать образованіе въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, одобряемомъ учредителями стипендій. За право участія въ испытаніяхъ вносится отъ 1 ф. ст. до 1 ф. 10 шилл. (около 6—9 руб.).

Независимо отъ сего, Эдинбургскимъ университетомъ учреждены испытанія высшаго разряда, съ выдачей особыхъ дипломовъ лицамъ женскаго пола, называемыхъ certificates in arts, нѣчто въ родѣ диплома магистра. Желаящіе участвовать въ этихъ испытаніяхъ обязаны представить свидѣтельство о выдержанномъ нѣстномъ испытаніи при университетахъ Эдинбурга, Оксфорда или Кембриджа, и прослушать предварительно курсы, удостоенныя Эдинбургскимъ обществомъ женскаго образованія (Edinburgh ladies educational association) по тремъ предметамъ изъ программы, одобренной университетскимъ совѣтомъ (senatus academicus). Эта программа заключаетъ въ себѣ: англійскую литературу, латинскій, греческій языки, логику и философію, политическую экономію, педагогiku, математику, экспериментальную физику, хیمیю, геологію, ботанику, физиологию животныхъ и зоологию. За экзаменъ уплачивается 2 гиней (13 руб.).

8) Университетъ въ Сентъ-Андрьюзѣ (Saint-Andrews) учредилъ для женщинъ ученую степень *literate in arts*, не рѣшаясь предоставлять имъ званіе магистра *master in arts*, хотя требованія для приобрѣтенія той или другой степени одинаковы. Въ число предметовъ испытанія входятъ: языки англійскій, латинскій, греческій, нѣмецкій, французскій, итальянскій съ ихъ литературою, сравнительное языковѣдѣніе, исторія, педагогика, логика и метафизика, нравственная философія, политическая экономія, математика, геологія съ физическою географіей и палеонтологіей, и такъ дажь. Въ томъ случаѣ, если явились бы желающія, могутъ быть учреждены

испытанія и по еврейскому языку, догматическому богословію, церковной исторіи. Списокъ руководствъ, обязательныхъ для изученія, выдается директоромъ испытаній, профессоромъ Knight. Плата за испытанія 2 гинеи (13 руб.), за дипломъ L. A. (Literate in Arts) уплачивается, кромѣ того, 3 гинеи (19 руб.).

9) Высшіе экзамены для женщинъ университета въ Глазговѣ по своимъ условіямъ и предметамъ почти одинаковы съ вышеуказанными. Любопытны нѣкоторыя подробности изъ программы испытаній:

Латинскій языкъ: Виргилій, Горацій, Цицеронъ (избранныя мѣста по указанію экзаменующаго). Латинское сочиненіе. Вопросы по части грамматики, литературы, исторіи, римскихъ древностей.

Французскій языкъ: 15 строкъ изъ Т. Готье, 10 стиховъ изъ Ф. Коппе, 6 вопросовъ изъ грамматики и исторіи языка, переводъ 16 строкъ изъ Мажоля на французскій языкъ и 3 отвѣта, письменные, на французскомъ языкѣ, изъ исторіи литературы.

Математика: Геометрія по Эвклиду, кн. I—VI; алгебра до уравненій 2-й степени; тригонометрія прямолинейная и рѣшеніе треугольниковъ съ вычисленіемъ логарифмовъ.

Астрономія: I и III части астрономіи Гершеля.

Психологія, логика и метафизика. Руководства: Whately, Mansel.

Нравственная философія: Феррье, Кантъ.

Политическая экономія: Милль, Керисъ.

Исторія Европы въ средніе вѣка со свѣдѣніями изъ средневѣковой географіи: Брайсъ, Галламъ.

Химія органическая и неорганическая: Роско и Шорлемеръ.

Ботаника: морфологія и классификація; фізіологія растеній.

Музыка, для желающихъ (необязательна): теорія гармоніи, контрапунктъ, fuga, симфонія, оркестровка, партитуры, 4-я симфонія Мендельсона, исторія музыки и біографіи великихъ композиторовъ. Руководства: Мекферренъ, Херубини, Банистеръ, Берліозъ.

10) Лондонское общество преподавателей, учрежденное въ 1846 году, одно изъ первыхъ открыло мѣстныя испытанія для учениковъ и ученицъ частныхъ учебныхъ заведеній. Королевскимъ декретомъ 1849 года ему предоставлено право выдавать, по экзамену, дипломы трехъ степеней: associateship, licentiate-ship, fellowship. Особенность этихъ высшихъ экзаменовъ составляетъ обязательное, для

являющихся къ испытанію, изученіе и знаніе педагогикки по программѣ довольно обширной, обънимающей философію, психологію, логику, въ ихъ отношеніяхъ къ воспитанію, критику различныхъ методовъ преподаванія, фیزیологію, гигиену, управление школою, исторію воспитанія и т. д. Для полученія диплома 1-й низшей степени (associate) необходимо, кромѣ экзамена, пробыть по крайней мѣрѣ годъ въ преподавательской должности при какомъ-либо училищѣ; для диплома 2-й степени (licentiate)—2 года, для диплома 3-й степени (fellow)—5 лѣтъ. Плата за экзаменъ 1 гиней (6 руб. 80 к.), и кромѣ того, за дипломъ 1-й степени—1 гиней, 2-й степени—2 гиней, 3-й степени—5 гиней (31 руб. 50 к.)¹⁾.

II.

Послѣ того, какъ цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, была ясно опредѣлена изданными программами мѣстныхъ и высшихъ испытаній, возникли многочисленныя учебныя учрежденія для приготовленія къ установленнымъ испытаніямъ; обзорѣніе этихъ заведеній, учрежденныхъ спеціально для женщинъ или смѣшанныхъ мужскихъ и женскихъ, удобнѣе въ топографическомъ порядкѣ, по мѣсту ихъ нахожденія, нежели въ историческомъ—по времени ихъ открытія.

¹⁾ Въ составъ испытаній входятъ на дипломъ 1-й степени (associate): 1) Англійскій языкъ и литература. 2) Исторія Англій. 3) Географія политическая, физическая и математическая. 4) Арифметика. 5) Педагогика (Theory and Practice of Education). 6) Одинъ, по крайней мѣрѣ, изъ слѣдующихъ предметовъ: а) языкъ классическій или новый иностранннй языкъ; б) математика (алгебра до уравненій 2-й степени и геометрія по Эвклиду I—IV кн.); в) химія металлоидовъ; г) эмбріологія животныхъ; д) экспериментальная физика, 1-я часть (теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ); е) какой-либо отдѣлъ естественной исторіи (ботаника, зоологія, минералогія, геологія); ж) физика 2-я часть (статика, динамика, гидростатика, гидравлика, пневматика, оптика). На дипломъ 2-й степени (licentiate): 1, 2, 3, 4, 5, согласно предыдущей программѣ требованій. Два предмета изъ нижеслѣдующихъ: 6) Авторы греческіе и латинскіе. 7) Два новые иностранные языка. 8) Математика (алгебра, геометрія по Эвклиду I—IV кн. и XI до 21, тригонометрія приполинная, теорія логарифмовъ, коническія сѣченія). 9) Неорганическая химія, эмбріологія животныхъ, и сверхъ того, одинъ изъ предметовъ, означенныхъ въ предыдущей программѣ подъ литерами д, е, ж. На дипломъ 3-й степени (fellowship): 1, 2, 3, 4, 5, согласно предыдущей программѣ. Три предмета изъ нижеслѣдующихъ: 6) Авторы греческіе и латинскіе. 7) Два новые иностранные языка. 8) Математика (высшая алгебра, коническія сѣченія, тригонометрія сферическая, основанія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія). 9) Согласно предыдущему, съ добавленіемъ астрономіи.

А. Высшія учебныя заведенія въ Лондонѣ.

1) Университетская школа (University College). Первоначально основанное для мужчинъ, это училище послужило колыбелью позднему учрежденнаго въ Лондонѣ университета. Учебный планъ университетской школы обнимаетъ многочисленныя кафедры по всѣмъ отраслямъ знанія; училище готовитъ желающихъ къ университетскимъ ученымъ степенямъ. Позднѣе стали допускать и женщинъ къ совѣстному слушанію курсовъ съ мужчинами; съ 1868 года организовались спеціальныя курсы для женщинъ, сперва въ стѣнѣ училища (Harley-street, затѣмъ въ St.-Georges Hall), но потомъ они переведены въ новое зданіе, въ которомъ нынѣ помѣщается училище. Число молодыхъ дѣвицъ, посѣщающихъ курсы, довольно ограничено.

2) Велфордова школа (Bedford College for ladies). Это учебное заведеніе названо такъ потому, что было открыто въ помѣщеніи, принадлежащемъ герцогу Велфорду (Bedford Square); нынѣ переведено York Place, въ зданіе, прилегающее къ главной соединительной вѣтви желѣзныхъ дорогъ (Metropolitan railway). Близкое сосѣдство со станціей соединительной вѣтви представляетъ большое удобство сообщеній, связывая этотъ пунктъ съ желѣзными дорогами всѣхъ направленій. Поезды отходятъ каждыя пять минутъ и привозятъ массу пассажировъ изъ всѣхъ концовъ Лондона. Велфордова училище состоитъ въ вѣдѣніи особаго президента и совѣта, составленнаго изъ 10-ти членовъ, въ томъ числѣ три дамы. Дама исполняетъ обязанности почетнаго секретаря. Директрисою состоитъ въ настоящее время miss Harriet Martin. Ректоръ коллегіи Линкольна въ Оксфордѣ считается визитаторомъ (инспекторомъ или ревизоромъ) училища. Училище приготовляетъ слушательницъ къ экзаменамъ Лондонскаго университета по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Постоянныя слушательницы, не моложе 18-и лѣтъ, посѣщавшія курсы не менѣе трехъ лѣтъ и удовлетворительно сдавшія экзаменъ, удостоиваются диплома associate (членовъ — сотрудниковъ института). Постоянныя слушательницы обязаны посѣщать не менѣе 3-хъ курсовъ въ теченіе академическаго года, но могутъ избирать и до 6-ти предметовъ по слѣдующему учебному плану:

1-й годъ.

Арифметика.	Латинскій языкъ ¹⁾ .	Исторія.
Ботаника.	Англійскій.	Теорія гармоніи.

Физическая географія.	Французскій. Итальянскій. Нѣмецкій.	Музыка вокальная. Рисованіе.
-----------------------	---	---------------------------------

2-й годъ.

Арифметика или математика.	Латинскій языкъ ¹⁾ .	Тѣ же предметы.
Ботаника.	Тѣ же новыя иностранныя языки.	
Химія.		
Физика.		
Физическая географія.		

3-й годъ.

Математика.	Греческій языкъ и латинскій.	Тѣ же четыре предмета.
Остальные четыре предмета.	Остальные четыре языка	

4-й годъ.

Шесть предметовъ по выбору слушательницъ.

Добровольныя или постороннія слушательницы (occasional students) не стѣсняются числомъ избираемыхъ предметовъ.

Ежегодная плата за слушаніе лекцій 30 гиней (190 руб.), съ постороннихъ слушательницъ взимается по 2 гин. (13 руб.) въ три-мѣсячъ за каждый предметъ, за рисованіе 3 гин. (19 руб.) и 3 гин. за уроки музыки. За практическія занятія по физикѣ, химіи и биологіи приплачивается по $\frac{1}{2}$ гин. (3 руб.) въ три-мѣсячъ по каждому предмету.

Три-мѣсячя считаются: осенній (Michaelmas term) съ 14-го октября по 22-е декабря, зимній (великопостный, Lent term) съ 20-го января по 6-е апрѣля (въ 1881 г.) и лѣтній (пасхальный, Easter term) съ 28-го апрѣля по 6-е іюля; всего 31 недѣля учебныхъ занятій и 21 недѣля ваканцій.

Лекціи читаютъ большею частію профессора, служащіе при другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ нѣсколько экзаменаторовъ Лондонскаго университета. Программы курсовъ измѣняются каждый годъ ²⁾; кромѣ показанныхъ выше предметовъ, назначаются

¹⁾ По желанію можетъ быть замѣненъ греческимъ.

²⁾ Предлагаемъ извлеченіе изъ программы курсовъ 1880—1881 гг.

Зоологія. Строеніе, анатомія и естественная исторія нѣкоторыхъ растений и животныхъ, избранныхъ, какъ типы главнѣйшихъ группъ живыхъ существъ.

особыя бесѣды (конференціи) по философіи и политической экономіи.

При училищѣ состоятъ интерпаты, но пансіонерокъ въ немъ бываетъ не много. Приходящія слушательницы получаютъ обѣдъ по умѣренному тарифу, назначенному заѣздывающими училищемъ.

3) Гарлей (Queen's College for ladies, Harley street). Это учебное заведеніе, называемое „училищемъ Королевы“ (Queen's College), находится въ весьма цвѣтущемъ состояніи; его учебные планы почти во всемъ согласуются съ предыдущимъ, съ тою значительною, однако же, разницею, что Гарлейскій институтъ посвященъ религіозному образованію въ духѣ господствующей англійской церкви, подъ покровомъ которой и былъ первоначально основанъ, тогда какъ Бедфордово училище—чисто свѣтское, учрежденное преимущественно для диссидентовъ различныхъ толковъ и сектъ (an unsectarian institution); законъ Божій въ Бедфордовой школѣ вовсе не преподается.

4) Сиденгемъ, въ Сиденгемскомъ стеклянномъ дворцѣ, въ окрестностяхъ Лондона. Училище, посвященное наукамъ, искусствамъ и литературѣ, было основано 22 года тому назадъ съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться богатыми коллекціями бывшаго дворца всемірной выставки, и состоитъ подъ покровительствомъ Кембриджскаго общества распространенія университетскаго образованія (University extention). На женскомъ отдѣленіи (Ladies division) насчитывается до 500 постоянныхъ слушательницъ не считая постороннихъ. Доступъ въ аудиторию и мастерскія дозволяется только профессорамъ и учащимся. Мать можетъ сопровождать дочерей, но платить за входъ въ зданіе выставки, и на конференціи профессоровъ университета не допускается. Въ учебные планы входятъ слѣдующіе предметы: акварель, живопись масляными красками, рисованіе съ модели, гипса и натуры, ваяніе, моделированіе, англійскій языкъ и литература, французскій, нѣмецкій, итальянскій, естественныя и математическія науки, всеобщая исторія, географія, политическая экономія, музыка вокальная и инструменталь-

Ботаника. Анатомія и физиологія растений (микроскопическое изслѣдованіе сѣмя-сорванныхъ образцовъ). Принципы классификаціи растений живобрачныхъ и тайнобрачныхъ.

Англійскій языкъ. Исторія языка. Грамматика. Избранныя мѣста изъ старинныхъ писателей—Piers Plowman.

Французскій языкъ. Изученіе языка. Законы образованія французскихъ словъ. Свѣдѣнія изъ этиологіи. Сочиненіе и переводъ. Изученіе великихъ писателей ХУІІ вѣка.

Греческій языкъ. Гомеръ, Ксенофонтъ, Эврипидъ, Платонъ и т. д.

на, церковный духовой органъ, кухонное искусство, домоводство, танцы, рѣзба изъ дерева и т. д.

Въ 1882—1883 г., между прочимъ, объявлены были слѣдующіе курсы: Политическая экономія, 12 лекцій и конференцій, проф. W. Cunningham изъ Кембриджа.—Логика, 12 лекцій и конференцій, его же.—Всемирная исторія (средніе вѣка и новое время), д-ръ Zerffi, членъ Королевскаго историческаго общества.—Физиографія, географія физическая и политическая Англии, проф. Hales изъ Кембриджа.—Английская филологія и литературное сочиненіе, англійская литература, д-ръ R. Thonipon.—Греческій языкъ, проф. J. R. V. Marchant, и т. д.

Синдикатъ Кембриджскаго университета, которому вѣрено руководство курсами, обязываетъ профессоровъ: 1) оставаться послѣ лекцій въ аудиторіи, чтобы отиѣчать на предлагаемые вопросы и разъяснять недоумѣнія, встрѣчаемыя учащимися, давать имъ совѣты касательно вышласснаго чтенія и глубже обсуждать съ ними предметъ лекцій; 2) передъ началомъ лекцій раздавать программу ея содержанія или списокъ вопросовъ, въ ней заключающихся; 3) открывать для наиболѣе старательныхъ ученицъ спеціальные курсы или конференціи (*privatum*), въ которыхъ изложеніе имѣло бы характеръ болѣе разговорный, въ видѣ бесѣды.

Преміи или стипендіи (*scholarships*) выдаются наиболѣе отличившимся на испытаніяхъ, заканчивающихъ учебный годъ; ихъ размѣръ простирается отъ 25 до 40 ф. ст. (отъ 150 до 240 р.). Испытанія производятся подъ верховнымъ надзоромъ университетовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго. При выдачѣ дипломовъ принимаются въ соображеніе не одни результаты испытанія, но и годовыя письменныя работы учащихся, представленныя профессорамъ.

5) Виркбекскіе вечерніе курсы (*Birkbeck Literary and scientific institution*), на которые допускаются и женщины. Въ программу преподаванія входятъ: арифметика, метрическая система, алгебра, тригонометрія, геометрія плоскостей и аналитическая, стереометрія, дифференціальное и интегральное вычисленіе, механика теоретическая и прикладная, химія, физика экспериментальная, геологія, ботаника, физиологія животныхъ, зоологія, физическая географія, строительное искусство, строеніе машинъ, логика, политическая экономія, философія, исторія, законовѣдѣніе, право уголовное и гражданское; языки французскій, нѣмецкій, италіанскій, испанскій, латинскій, греческій, англійскій языкъ и литература, перспектива, пейзажъ, акварель, музыка вокальная и инструментальная, бухгалтерія, стенографія, каллиграфія

и т. д. Курсы готовятъ слушателей и слушательницъ къ испытаніямъ на ученые степени и званія Лондонскаго университета, департамента просвѣщенія (Science and Art Department) или общества любителей искусствъ; отличившимся на испытаніяхъ выдаются многочисленныя преміи отъ 10 гиней до 2 ф. ст. (отъ 12 до 65 руб.).

Изъ предыдущаго обзора видно, что въ самомъ Лондонѣ нѣтъ недостатка въ такихъ учрежденіяхъ для женщинъ, въ которыхъ желающія могутъ пополнять свои свѣдѣнія и доканчивать свое образованіе по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія; но плата за ученіе вообще высока и для весьма многихъ, даже для большинства, непосильная. Безплатныхъ высшихъ курсовъ ни въ Лондонѣ, ни въ остальныхъ частяхъ Соединеннаго королевства вовсе не имѣется. Причина такой дороговизны отчасти кроется, можетъ быть, въ желаніи руководителей поддержать нравственныя преимущества средняго сословія (the middleclass) и не допускать къ высшему образованію ремесленныя, низшія и менѣе достаточныя слои общества.

6) Особеннаго вниманія заслуживаетъ, по своей спеціальности, учрежденный въ Лондонѣ женскій врачебный институтъ (№ 30, Henrietta Street, Brunswick Square). Онъ предназначенъ для тѣхъ женщинъ, которыя мечтаютъ объ ученой степени болѣе возвышенной, нежели званіе простой повивальной бабки, о правѣ на свободную врачебную практику (medical practitioners) или даже о правѣ прибавлять къ своей подписи завѣтная буквы M. D. (Medicinae Doctor). Въ настоящее время докторскій дипломъ онѣ могутъ приобретать только отъ Лондонскаго университета и недавно учрежденнаго королевскаго Ирландскаго университета. Прежде сего, за полученіемъ ученой степени доктора имъ приходилось обращаться на медицинскіе курсы Парижскаго факультета. Институты хирурговъ и аптекарей въ Англіи также открыли доступъ женщинамъ къ учреждаемымъ ими ежегодно испытаніямъ; но ихъ дипломы считаются низшаго достоинства; къ нимъ, даже изъ мужчинъ, обращаются только тѣ, которые не въ состояніи успѣшно выдержать экзамены университетовъ Лондонскаго, Эдинбургскаго или Кембриджскаго.

Въ институтъ поступаютъ ученицы не моложе 18-ти лѣтъ; для приема онѣ обязаны представить свидѣтельство объ удовлетворительно выдержанномъ экзаменѣ, по установленной программѣ, въ одной изъ испытательныхъ комиссій, призванныхъ медицинскимъ совѣтомъ

Таковы, между прочимъ, программы мѣстныхъ испытаній (local examinations), учреждаемыхъ университетами Оксфордскимъ, Кембриджскимъ, Эдинбургскимъ и Сентъ-Андрѣевскимъ, испытанія, установленныя для имматрикуляціи Лондонскаго университета, и т. д. Въ числѣ предметовъ преподаванія заключаются: 1) анатомія (считаютъ Stanley Boyd и Leahy); 2) физиологія (Schäfer); 3) химія (Heaton); 4) ботаника (д-ръ Stokoe); 5) фармакологія (д-ръ S. West и д-ръ Donkin); 6) терапія (д-ръ H. Donkin и m-me Garret Anderson M. D.); 7) акушерство (д-ръ Ford Anderson); 8) болѣзни женскія (m-me Louisa Atkins M. D.); 9) судебная медицина (д-ръ Dupré и M. T. Bond); 10) Оперативная хирургія (A. T. Norton); 11) патологія (д-ръ Allen Sturges); 10) сравнительная анатомія и зоологія (д-ръ Murie); 11) гигиена (m-me Jex Blako M. D. и m-me Edith Pechey M. D.); 12) душевныя болѣзни (д-ръ Saukey); 13) глазами операціи (Critchett и James Adam); кромѣ того, въ госпиталѣ Royal free Hospital: 14) клиника терапевтическая (д-ръ O'Connor и B. Wager); 15) клиника хирургическая (Gant и Rose) 19) діагностика (д-ръ S. West). Деканомъ института считается A. T. Norton, врачъ госпиталя St. Mary.

Плата за весь курсъ опредѣлена въ 90 ф. ст. (540 руб.), а съ рассрочкою 45 ф. ст. въ первый годъ, 35 на второй и 15 ф. ст. въ третій годъ. За слушаніе дополнительныхъ курсовъ по предметамъ необязательнымъ причисляется 6 гиней (38 руб.), за клиники въ госпиталѣ 45 ф. ст. (270 руб.) или съ рассрочкою—20, 15 и 15 ф. ст.

Всѣ слушательницы обязаны являться къ экзаменамъ ежегодно и могутъ быть допущены къ испытанію только въ томъ случаѣ, если присутствовали по крайней мѣрѣ на двухъ третяхъ общаго числа лекцій. Такимъ образомъ контролируются какъ исправное посѣщеніе лекцій, такъ и занятія наукой, и приобрѣтенное знаніе. Весь курсъ продолжается четыре года; первые три года слушательницы посѣщаютъ аудиторію и госпиталь (клиники), въ четвертый годъ одинъ госпиталь, гдѣ практикуются по акушерству, фармаціи и оспопрививанію. Ассистенты клиникъ выбираются между наиболѣе усердными изъ нихъ, безъ особой за то платы. Удостоенныя одобрительнаго аттестата подписаннаго деканомъ института, допускаются къ испитаніямъ на медицинскія званія, учреждаемымъ университетами Лондонскимъ и Ирландскимъ и королевскимъ Ирландскимъ медицинскимъ управленіемъ. Въ 1881 г. miss Helen Prideaux, слушательница института, удостоилась на испытаніяхъ медицинскаго

факультета Лондонскаго университета золотой медали по анатоміи, высшей награды, какая учреждена на экзаменахъ по врачбнымъ наукамъ. Три другія слушательницы удостоены почетнаго диплома бакалавра по медицинѣ (intermediate examination). Женщины, желающія посѣщать курсы, не посвящая себя врачбной практикѣ, по уплатѣ установленнаго взноса допускаются на лекціи безъ предварительнаго испытанія, но имъ не выдаютъ аттестата.

Въ числѣ учреждений, предназначенныхъ для высшаго образованія женщинъ, слѣдуетъ упомянуть двѣ школы, вновь проектированныя: одну, устройству которой уже положено начало, по предложенію лорда Сдльберна, учреждаемую въ память юбилея королевскаго Лондонскаго института, и другую—на половину уже выстроенную богачемъ Голловеемъ (Holloway) въ память своей жены. Эта строящаяся школа поражаетъ своимъ великолѣпіемъ: пятиэтажное зданіе воздвигается на привгоркѣ вблизи Виндзорскаго парка и будетъ окружено живописными родами, луговинами, ручьями, озерами; оно будетъ вмѣщать, кромѣ обширныхъ аудиторій, общежитіе на 350 слушательницъ: каждой предположено отвести по двѣ комнаты — спальную и пріемную. Строепіе этого зданія, возводимаго изъ краснаго кирпича, въ стилѣ Ренессансъ, должно быть окончено въ 1883 году; его стоимость опредѣляютъ свыше 6.000,000 франковъ; учредитель началъ собирать картинную галлерей для его внутренняго украшенія, издержалъ уже 800,000 франковъ и пока приобрѣлъ на эту сумму не болѣе двадцати картинъ. Управленіе институтомъ будетъ ввѣрено совѣту (изъ 21 члена, въ томъ числѣ нѣсколько дамъ), избираемому Лондонскимъ университетомъ и корпораціей Лондонскаго City. До 40 стипендій по 1,000 фр. (250 руб.) предназначаются на содержаніе недостаточныхъ ученицъ. Приходящія (экстерны) вовсе не будутъ допускаемы. Принимаемы будутъ дѣвцы не моложе 17-ти лѣтъ, по предварительному экзамену или съ аттестатами Senior local examination Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, или же со свидѣтельствомъ на право нмматрикуляціи Лондонскаго университета. Пребываніе въ училищѣ опредѣлено не свыше четырехъ лѣтъ.

В. Высшія женскія учебныя заведенія въ провинціи.

1) Girton College. Это учебное заведеніе, пользующееся большою извѣстностью, переведено въ 1873 году въ селеніе того же названія въ окрестностяхъ Кембриджа. Первоначально оно заключало въ себѣ не

болѣе 21 ученица, но ихъ число стало быстро возрастать и въ іюль 1882 г. достигло до 67. Завѣдующіе училищемъ употребляли всѣ усилія, чтобы убѣдить мѣстный университетъ награждать достойнѣйшихъ изъ слушательницъ университетскими учеными степенями наравнѣ съ мужчинами; но ихъ старанія до сихъ поръ не имѣли успѣха. Университетъ допускаетъ ученицъ женскихъ институтовъ Girton и Newnham къ экзамену бакалавра словесныхъ наукъ, требуя отъ нихъ того же срока пребыванія въ училищѣ и тѣхъ же познаній, какія установлены для студентовъ университета, и выдаетъ имъ свидѣтельства о выдержанномъ испытаніи (college degree certificate). Приемныя испытанія производятся въ Лондонѣ въ маѣ или іюнѣ, съ платою 1 ф. ст. (6 руб.) въ пользу испытательной комиссіи; ихъ замѣняетъ представленіе свидѣтельства о выдержанномъ экзаменѣ на право имматрикуляціи Лондонскаго университета, или высшія мѣстныя испытанія (senior) въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Принятія въ училище слушательницы уплачиваютъ 85 ф. ст. (210 руб.) за каждый триместръ впередъ—за свое содержаніе, за квартиру и слушаніе лекцій, кромѣ того, обязаны представить одобрительное свидѣтельство о поведеніи и поступаютъ въ училище не моложе 18-ти лѣтъ. Надзоръ за внутреннимъ порядкомъ въ заведеніи возложенъ на директрису и ея помощницу; при нихъ состоятъ три дамы-репетиторши: одна для авторовъ греческихъ и латинскихъ и двѣ по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Въ курсъ преподаванія входятъ: богословіе, греческій и латинскій языки, математика чистая и прикладная, философія естественная, нравственная и политическая, логика, домоводство, химія, физиологія животныхъ, всеобщая исторія и т. д. Изъ 127 слушательницъ, поступившихъ въ училище въ разное время, 24 выдержали экзаменъ бакалавра (ordinary degree), 62 удостоены университетомъ почетнаго диплома: 12 по филологіи (classics), 17 по математикѣ, 10 по естествовѣдѣнію, 7 по философіи (moral sciences), 4 по исторіи и 1 по богословію. При училищѣ учреждено нѣсколько стипендій отъ 45 ф. ст. (270 руб.) до 100 ф. (600 руб.).

2) Newnham Hall или Newnham College. Это училище учреждено двумя частными обществами, имѣвшими цѣлью распространеніе высшаго женскаго образованія, и своею извѣстностью соперничаетъ съ предыдущимъ. Ученицы принимаются не моложе 17-и лѣтъ, обязаны представить одобрительное удостовѣреніе объ образѣ жизни и поведеніи и почетный дипломъ мѣстныхъ испытаній или выдержать

пріемный экзаменъ изъ арифметики, исторіи Англій и англійской литературы.

Слушательницы обязаны спрашивать дозволенія директрисы, каждый разъ, когда по приглашенію знакомыхъ или собственному желанію намѣреваются отлучиться изъ училища, также обязаны предупредить ее о той церкви или часовнѣ, которую посѣщаютъ. Въ праздничные дни и въ лѣтнее время онѣ обязаны возвращаться не позже 8¹/₂ ч. вечера въ училище, осенью и зимою не позже 6¹/₂ часовъ. Newnham-Hall и Girton-College окружены красивыми садами и широкими луговинами, на которыхъ ученицы заводятъ игры въ часы отдохновенія; въ дни дождливые онѣ переходятъ въ прекрасно устроенныя гимнастическія залы.

Училищемъ управляетъ совѣтъ изъ 12-и членовъ. Съ 1871 по 1879 г. ученицы Newnham заслужили до 25-и стипендій (scholarships) на конкурсныхъ экзаменахъ; изъ 139-и ученицъ, до 102 выдержали высшія мѣстные испытанія—Cambridge University higher local examination. Большинство окончивающихъ курсъ посвящаетъ себя преподавательской дѣятельности. Въ 1882 г. изъ нихъ числа до 12 состояла директрисами женскихъ институтовъ (high schools) и болѣе ста — классными дамами. Какъ свидѣтельство живаго участія со стороны общества къ высшему женскому образованію вообще и къ училищу Newnham въ особенности, можетъ служить тотъ любопытный фактъ, что младшая дочь перваго министра, miss Helen Gladstone, недавно поступила на должность помощницы директрисы въ Newnham-Hall.

За содержаніе въ интернатѣ уплачивается по 20 гиней (120 руб.) за каждый триместръ, заключающій въ себѣ обыкновенно до 8 учебныхъ недѣль. Плата за ученое зависитъ отъ выбора предметовъ преподаванія, но простирается рѣдко свыше 4¹/₂ гиней (28 руб.). Нѣсколько стипендій по 15 гиней (95 руб.), учреждено, для недостаточныхъ ученицъ, отличившихся на пріемныхъ экзаменахъ, и нѣсколько стипендій, отъ 20 до 50 ф. ст. (120 — 300 руб.), выдается по конкурснымъ экзаменамъ. Число ученицъ постоянно увеличивается. Учебные планы согласованы съ программами испытаній мѣстнаго университета. До 30 профессоромъ сего послѣдняго допускаютъ вообще женщинъ на свои публичные курсы.

3) Оксфордскій университетъ, какъ сказано выше, учредилъ спеціальныя испытанія для дѣвицъ свыше 18 лѣтъ. Для приготовленія къ означеннымъ испытаніямъ въ томъ же городѣ основалось Обще-

ство поощренія высшему образованію женщинъ — Oxford Association for promoting the higher education of women, организуя курсы. Въ программу чтеній 1879 — 1880 гт. входили: исторія англійской госуларственной конституціи (осенній триместръ), исторія Англіи съ 1164 по 1455 г., англійская литература, математика, высшій курсъ грамматики и риторики въ приѣженіи къ языкамъ нѣмецкому и французскому, латинскій и греческій языки.

4) Somerville Hall. Извѣстный математикъ Лапласъ говорилъ, что только двѣ женщины въ состояніи понять его „небесную механику“. Одна изъ нихъ была дочерью Лаланда, другая — Марія Сомервилъ. По имени послѣдней названо училище, основанное въ Оксфордѣ на подобіе Newnham-Hall. Директрисою его состоитъ miss Shaw-Lefevre, сестра секретаря адмиралтейства. Училищемъ завѣдуетъ совѣтъ изъ 17 членовъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ старшихъ профессоровъ Оксфордскаго университета Дж. Персивали. Въ числѣ учредителей числятся корпорація суконныхъ фабрикантовъ, корпорація рыбныхъ торговцевъ, нѣсколько членовъ парламента, извѣстный литейщикъ пушекъ для артиллеріи сухопутной и флота Армстронгъ, инспекторъ горнаго хлѣба въ королевствѣ, Рамзей, и т. д. Училище скорѣе слѣдовало бы назвать общежитіемъ: чтеній въ этомъ заведеніи не устроено, ученицы обеспечены содержаніемъ и помѣщеніемъ, посѣщаютъ же онѣ вышеупомянутые курсы Общества поощренія высшаго женскаго образованія. Онѣ живутъ общиною, семейно, собираются ежедневно на утреннюю и вечернюю молитвы, имѣютъ право избирать, каждая, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, ту или другую церковь или часовню, но обязательно должны посѣщать ее каждое воскресенье. Училище учреждено не болѣе трехъ лѣтъ, и число ученицъ быстро увеличивается, вынуждая учредителей приступить къ новымъ пристройкамъ. За содержаніе пансіонерки улачивается 60 гиней въ три триметра (380 руб.), за слушаніе курсовъ 15 гиней (93 руб.). При училищѣ учреждено нѣсколько стипендій.

5) Lady Margaret Hall, въ Оксфордѣ, устроено во всемъ согласно съ предыдущимъ и заключаетъ въ себѣ около 20 пансіонерокъ, вносящихъ за свое содержаніе по 75 ф. ст. (450 руб.) и за курсы по 15 ф. ст. (90 руб.).

6) Бристольскій университетскій институтъ (Bristol University college), учрежденный преимущественно для преподаванія наукъ прикладныхъ къ ремесламъ и къ искусству, для приготовленія инженеровъ, архитекторовъ и т. д. изъ молодыхъ людей, окончив-

шихъ среднее образованіе, допускаетъ въ свои аудиторіи и женщинъ. Въ специальныхъ классахъ учащіяся готовятъ также къ экзаменамъ, учреждаемымъ Лондонскимъ университетомъ и къ мѣстнымъ экзаменамъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ; при томъ же училищѣ имѣется и специальный врачебный институтъ для студентовъ обоего пола. Стипендіи учреждены для молодыхъ людей и дѣвицъ. Утренніе курсы, открытыя въ обширныхъ аудиторіяхъ Тиндалева парка (Tundall park), въ 1881 — 1882 г. посѣщались 90 слушательницами, а вечернія — 131. Интерната при училищѣ не существуетъ. Директоръ училища рекомендуетъ слушательницамъ тѣ семейства въ городѣ, у которыхъ онѣ могутъ получить приличное содержаніе и помѣщеніе.

7) Курсы общества поощренія высшаго женскаго образованія въ Глазговѣ (въ Шотландіи). Мѣстное общество учредило особые женскіе курсы и конференціи, въ которыхъ участвуютъ профессора университета и, кромѣ того, репетиторскіе классы (tutorial classes), а также организовало весьма любопытную систему преподаванія при помощи корреспонденціи. Нѣсколько стипендій выдаются по конкурсу участвующимъ въ мѣстныхъ университетскихъ экзаменахъ; отличившіяся удостоиваются почетнаго диплома. Почетнымъ президентомъ здѣшняго общества считается принцесса Луиза, маркиза де-Лорнъ. Комитетъ, завѣдующій дѣлами общества, состоитъ изъ 60 дамъ, 2 дамъ-казначеевъ и 2 дамъ-секретарей.

Преподаваніе раздѣлено на три группы: 1) По философіи и исторіи философіи религіи, логика, метафизика, исторія древняя, новая и отечественная (Англіи). 2) По азыковѣдѣнію: литература англійская, французская, греческая и римская, греческій и латинскій языки. 3) Науки математическія и естественныя: математика чистая и прикладная, астрономія, физиологія животныхъ, зоологія, геологія, ботаника, экспериментальная физика и химія.

Репетиторскіе классы организованы для приготовленія къ экзаменамъ по математикѣ, латинскому языку и теоріи музыки. Преподавательницамъ-репетиторамъ дозволяется безплатно присутствовать на лекціяхъ вмѣстѣ съ ихъ ученицами.

Руководительство при помощи корреспонденціи организовано для тѣхъ особъ, которыя, по дальности разстоянія или семейнымъ обстоятельствамъ, не могутъ лично присутствовать на лекціяхъ. Такихъ корреспондентокъ — учащихся имѣется не мало, даже въ Индіи, на мѣстѣ Доброй Надежды, на островѣ св. Маврыкія. Въ мартѣ 1881 г.

ихъ всѣхъ насчитывалось по регистрамъ общества до 280. Въ началѣ семестра (въ ноябрѣ) записавшіяся корреспондентами получаютъ учебный планъ, съ раздѣленіемъ на задачи для двухнедѣльных занятій и отвѣтные листки. Отвѣты онѣ обязаны отсылать письменные въ опредѣленные сроки. Ихъ отвѣты исправляются и возвращаются имъ съ поясненіями. Нѣсколько стипендій предвзначены для поощренія наиболее усердныхъ. Плата полагается 1 ф. ст. 11 шилл. 6 п. (около 10 руб.) за курсъ, обнимающій англійскій языкъ, исторію, географію, арифметику, священную исторію и латинскій языкъ. За спеціальныя предметы высшаго образованія уплачивается особо по 2 гинеи (12 руб.) въ годъ по каждой спеціальной отрасли наукъ. Плата можетъ быть разсрочена на три срока.

8) Александринское училище въ Дублинѣ (Alexandra College) учреждено по частной подпискѣ въ 1866 г. и посвящено среднему и высшему образованію. Число ученицъ простиралось въ 1879 г. до 250. Главное завѣдываніе училищемъ возложено на визитатора, которымъ въ настоящее время состоитъ англиканскій архіепископъ Дублина Тренчъ, и на совѣтъ, окончательно рѣшающій всѣ вообще вопросы по училищу и спеціально завѣдующій хозяйственною частью. По учебной части главное направленіе даетъ особый комитетъ, составленный преимущественно изъ профессоровъ университета (Trinity College). Программа преподаванія въ высшихъ спеціальныхъ классахъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается, отъ другихъ подобнаго же рода учебныхъ заведеній Англій и Ирландіи, указанныхъ выше. Она подраздѣляется на семь отраслей. Ученицы избираютъ каждая отъ 3 до 8 отдѣльныхъ наукъ для изученія. Въ числѣ предметовъ преподаванія значатся: музыка, рисованіе, даже кулинарное искусство, теоретическое и практическое, философія, богословіе, исторія христіанской церкви, сравнительное языковѣдѣніе; недавно учреждены кафедръ исторіи и этнологіи въ древности, сравнительной грамматики, астрономіи и физики.

Съ основанія училища удостоено почетныхъ дипломовъ слѣдующее число ученицъ: 2 по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи, 2 по астрономіи, 13 по арифметикѣ, 2 за перспективу и рисованіе, 18 за успѣхи въ англійскомъ языкѣ и литературѣ, 17 во французскомъ языкѣ и литературѣ, 24 въ нѣмецкомъ языкѣ, 1 въ греческомъ, 11 въ латинскомъ, 1 по философіи. Независимо отъ сего, нѣсколько ученицъ удостоены дипломовъ на испытаніяхъ, учрежденныхъ для женщинъ университетами Дублинскимъ, Ирландскимъ и Кембриджскимъ.

При училищѣ не существуетъ интерната. Ученицы, которыя и въ классы, назначенныя для средняго образованія, принимаются не моложе 15 лѣтъ, живутъ въ сосѣднихъ къ училищу домахъ подъ надзоромъ директрисы училища и ея помощницы. Годовая плата за помѣщеніе и содержаніе—55 ф. ст. (330 руб.), за ученіе—15 ф. (90 руб.) и 22 ф. (132 руб.) съ инструментальною музыкой. Многочисленныя стипендіи отъ 10 до 40 ф. ст. (отъ 60 до 240 руб.), избираемые по конкурсу, облегчаютъ недостаточнымъ занятія науками. Никакихъ другихъ премій не выдается, и даже имена удостоенныхъ диплома не публикуются — изъ описанія возбудить тщеславіе ученицъ.

Любопытны строгія правила, установленныя для ученическихъ квартиръ, окружающихъ училище (resident houses), и несоблюденіе которыхъ лишаетъ содержательницу квартиры права на ея содержаніе: въ томъ же домѣ не дозволяется имѣть иныхъ жильцовъ, кромѣ ученицъ; ученицы классовъ, назначенныхъ для средняго (гимназическаго) образованія, не могутъ жить въ одной квартирѣ съ посвятившими себя высшему образованію; для инспекціи квартиръ назначается особый медикъ, по указанію совѣта; ученицъ никто не можетъ посѣщать безъ разрѣшенія содержательницы квартиры и согласія ихъ родителей или опекуновъ онѣ не могутъ посѣщать никакого общественнаго собранія, ни совершать прогулки безъ сопровожденія лица, отвѣтственнаго за ихъ поведеніе; обязаны возвращаться не позже 10 часовъ вечера.

Съ цѣлью сближенія слушательницъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ, съ профессорами и экзаменаторами и съ цѣлью ихъ поощренія къ продолженію занятій науками, устроилась особая ассоціація: для причисленія къ ней требуется возрастъ не менѣе 18 лѣтъ, рекомендаціи двухъ членовъ и незначительная денежная плата.

Къ числу учреждений, посѣщаемыхъ женщинами съ научною цѣлью, слѣдуетъ отнести еще открытое лишь съ октября 1883 г. новое высшее учебное заведеніе въ Южномъ Валлисѣ (University College for South Wales und Monmouth-shire). Не имѣя правъ университета, это училище будетъ готовить къ экзаменамъ на ученныя степени Лондонскаго университета. Въ это училище допускаются какъ женщины, такъ и мужчины ¹⁾.

¹⁾ *Revue critique d'histoire et de littérature*, № 45 (ноябрь 1883 г.).

III.

Для успѣха образованія недостаточно учрежденія испытательныхъ комиссій и курсовъ: необходимо позаботиться о приготовленіи учителей и постоянномъ пополненіи ихъ персонала, на мѣсто выбывающихъ. Въ этомъ отношеніи въ Англіи начальныя народныя школы лучше обеспечены, нежели среднія учебныя заведенія. Насчитываютъ до 16 женскихъ учительскихъ семинарій (training colleges) для приготовленія учительницъ народныхъ школъ: 14 принадлежатъ къ англиканской церкви, 1—къ римско-католической и 1 диссидентамъ различныхъ сектъ (общества British and foreign school society). Для средняго образованія дѣвѣцъ, и даже мальчиковъ, ничего подобнаго до послѣдняго времени не существовало. Общественныя среднія учебныя заведенія, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ (grammar and public schools), пополняются преподавателями изъ Оксфорда и Кембриджа, молодыми людьми, имѣющими университетскіе дипломы; хотя эти юные преподаватели вовсе не готовятся специально къ учительскому званію, но прослушавъ лекціи своихъ профессоровъ и наставленія своихъ воспитателей (tutors)¹⁾, они по крайней мѣрѣ имѣютъ понятіе о методѣ преподаванія вообще. Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ для мальчиковъ и въ пансіонахъ для дѣвѣцъ преподаватели съ дипломомъ составляютъ исключенія; слишкомъ часто попадаютъ содержатели, обратившіеся къ педагогѣ только потому, что нынѣ поприща жизни имъ не удалось; сами не свѣдующіе въ дѣлѣ воспитанія, они избираютъ себѣ столь же неумѣлыхъ сотрудниковъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе обстоятельства значительно измѣнились къ лучшему; курсъ педагогикѣ и требованіе ея званія на испытаніяхъ введены были сначала педагогическимъ Обществомъ лондонскихъ преподавателей, а потомъ университетами Кембриджскимъ и Сентъ-Андрьюскимъ (Лондонскій университетъ уже разработываетъ проектъ въ томъ же направленіи) и наконецъ, составилась ассоціація для учрежденія женскаго учительскаго института съ цѣлью приготовленія преподавательницъ для пансіоновъ, среднихъ и высшихъ школъ. Институтъ помѣщается въ Лондонѣ въ улицѣ Скяверъ-Стритъ. Слушательницы принимаются сюда не моложе 17, лѣтъ

---

¹⁾ Особый классъ наставниковъ и содержателей учебныхъ квартиръ, которыми въ Англіи ввѣрено руководство молодыми людьми при университетахъ.

по приемному экзамену. Триместры, заключающіе въ себѣ по 13 учебныхъ недѣль приблизительно, начинаются съ сентября, января и апрѣля. Дневныя занятія продолжаются отъ 10 до 4 часовъ, кромѣ субботы и воскресенья; бібліотека открыта до 5-ти. Плата за ученіе взимается по 8 ф. ст. (48 р.) за триместръ. Интерната при институтѣ не устроено: не имѣющимъ родныхъ въ Лондонѣ рекомендуются ученическія квартиры, гдѣ онѣ могутъ удобно и безопасно помѣститься. При институтѣ учреждено нѣсколько стипендій.

Курсъ раздѣляется на два отдѣла: старшее и младшее отдѣленія. Въ старшемъ преподаются: теорія, практика и исторія педагогій, физиологія животныхъ, гигиена и спеціальныи курсы логики; въ младшемъ—англійскій языкъ и литература, исторія, географія, математика, французскій, нѣмецкій и другіе иностранныя языки. Время пребыванія въ младшемъ отдѣленіи опредѣлено въ 2 года, въ старшемъ 1 годѣ.

Независимо отъ испытаній въ педагогикѣ, учрежденныхъ Обществомъ лондонскихъ преподавателей, университетами Кембрижскимъ и Сентъ-Андрювскимъ, въ самомъ институтѣ производится весьма строгій выпускной экзаменъ съ выдачею дипломомъ. Къ экзамену не допускаются ученицы моложе 20 лѣтъ. До 28 директрисъ главнѣйшихъ женскихъ учебныхъ заведеній Англій заявили, что онѣ предоставляютъ первыя открывающіяся у нихъ вакансіи учительницъ и классныхъ дамъ оканчивающимъ курсъ воспитанницамъ института, и дѣйствительно, дѣвочки первыихъ выпусковъ получили весьма выгодныя мѣста. Въ сентябрѣ 1881 г. число ученицъ простиралось до 36; въ 1880 г. на первомъ экзаменѣ изъ педагогики для полученія диплома учительницы, учрежденнаго Кембрижскимъ университетомъ, изъ 24 слушательницъ института 17 блестяще выдержали испытанія; въ 1881 г.—18 изъ 21; въ 1882 г. всѣ безъ исключенія подвергавшіяся испытаніямъ удостоены диплома. T. S. Sanderson, делегатъ университетскаго синдиката, посѣтившій институтъ въ 1879 г., представилъ о немъ самый лестный отзывъ.

Другое учрежденіе въ Лондонѣ, которое усердно посѣщается преподавательницами и воспитательницами, составляютъ конференціи, открываемыя обществомъ, избравшимъ себѣ цѣлью развитіе науки о воспитаніи. Въ 1880 г. въ помѣщеніи общества, Farrington Street, читали свои рефераты по различнымъ вопросамъ педагогій: д-ръ J. H. Gladston, бывшій президентъ того же общества, родственникъ перваго министра, д-ръ P. Hochfeld изъ Дрездена, m-me Carolina

Görel, профессоръ Пражскаго университета Holzner, д-ра Сикорскій и Лесфельдъ изъ С.-Петербурга.

Вышеизложенный краткій обзоръ лучшихъ школъ, учрежденныхъ въ Англіи для высшаго образованія женщинъ, убѣждаетъ, что Великобританія подвигается быстрыми шагами къ возможному улучшенію общественнаго ихъ воспитанія; въ Кембриджѣ, Оксфордѣ, Лондонѣ, Единбургѣ, Глазговѣ и Дублинѣ наиболѣе прилежны изъ нихъ найдутъ всѣ средства къ занятію науками, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, поощряемыя въ своихъ занятіяхъ преміями, многочисленными стипендіями и почетными дипломами. Въ провинціи, такъ называемыя высшія школы (гимназіи) и учебныя заведенія для приготовленія къ мѣстнымъ испытаніямъ быстро умножаются. Многія изъ окончившихъ курсъ въ Girton College, Newnham, въ учительскомъ институтѣ Сланнеръ-Стрита и изъ получившихъ дипломы университетовъ Кембриджскаго, Оксфордскаго и Лондонскаго уже посвящали себя преподавательской дѣятельности, и ихъ вліяніе, несомнѣнно, должно значительно возвысить уровень женскаго образованія въ различныхъ слояхъ общества.

Но и въ Англіи, въ этой странѣ упорной привѣренности и уваженія къ древнимъ обычаямъ, и въ то же время столь извѣстной своимъ здравомысліемъ и практической смѣлостью, не обошлось безъ оживленныхъ преній и выраженія мнѣній, самыхъ противоположныхъ, по разнымъ вопросамъ женскаго образованія.

Прежде всего являлись опасенія, и довольно основательныя, чтобъ экзамены, преміи, дипломы, отличія не развивали въ дѣвицахъ излишняго тщеславія, неприличнаго женщинѣ. Съ этою цѣлью требовали, чтобъ имена удостоенныхъ диплома не публиковались во всеобщее свѣдѣніе, и въ экзаменаціонные списки Оксфорда и Кембриджа, съ тою же цѣлью, фамиліи выдержавшихъ испытанія вносятся въ алфавитномъ порядкѣ, а не по достоинству отбѣтокъ, съ раздѣленіемъ, впрочемъ, участвовавшихъ въ испытаніяхъ на три категоріи или класса. Архіепископъ англиканскій Юрка W. Thompson и каноникъ кафедральный Бристоля Norris даже совѣтовали вовсе устранить отъ испытаній женщинъ-профессоровъ университета, ввѣривъ главный надзоръ за женскимъ образованіемъ особому комитету, составленному изъ дамъ и компетентныхъ экзаменаторовъ, а собственные имена дѣвицъ, подвергающихся испытаніямъ, предлагали замѣнять въ спискахъ нумерами и цифрами.

„Намъ нравятся въ нашихъ женщинахъ скромность“, пишетъ Ант. Троллопъ. Но существовавшія еще въ недавнее время такъ-называемыя *finishing schools* (школы, дающія законченное образованіе), по видимому, мало удовлетворяли этому вкусу. Подобныя школы преимущественно стремились къ поверхностному лоску и вышнему блеску; не сообщая молодымъ дѣвцамъ никакого основательнаго знанія, онѣ старались ознакомить женщинъ со всѣми отраслями наукъ понемногу, и прикрывая ихъ невѣжество, дѣлали ихъ способными болтать обо всякомъ предметѣ съ напыщенностью. Такія школы, конечно, болѣе вѣдь учреждаемыхъ *high schools* способны были размножать тотъ повсемѣстно ненавистный типъ женщинъ, который Англичане называютъ *the blue stockings*, Французы — *les bas-bleus*. Новое здоровое направленіе въ учебныхъ сферахъ Англіи скоро искоренить и то поверхностное воспитаніе, которое даютъ по настоящее время нѣкоторыя частныя учебныя заведенія, носимыя громкія названія коллегій, академій и институтовъ, хотя они заключаютъ иногда не болѣе двухъ десятковъ или дюжины ученицъ и имѣютъ преподавателей безъ аттестатовъ, со скуднымъ ихъ вознагражденіемъ за труды.

Члены комиссіи 1868 г. признали устройство и программы мѣстныхъ испытаній совершенно недостаточными для учащихса мужскаго пола и не достигающими цѣли, но удовлетворительными для дѣвицъ. Такое различіе сильно возмутило приверженцевъ равнолѣтности и равноправности въ воспитаніи для обоеихъ половъ.

Вопросъ объ интернатѣ также возбуждалъ сильныя пренія въ Англіи. Интернатамъ, устроеннымъ на подобіе *Girton* и *Newnham*, многіе предпочитаютъ курсы для приходанскихъ и ученическихъ квартиръ по примѣру Вадфордскаго училища, Лондонскаго *Queen's College* и *Alexandra College*; родная семья, по ихъ мнѣнію, составляетъ природную и естественную школу для молодости, и не слѣдуетъ дѣвицъ отрывать, ради ученія, отъ ежедневнаго общенія съ семьей и отъ надзора матери или отца.

Нѣкоторые ортодоксальные члены англиканской церкви, недоувѣрчиво взирая на стремленіе женщинъ къ высшимъ наукамъ, высказываютъ въ интимныхъ кружкахъ свои опасенія, чтобы приобретаемыя ими свѣдѣнія не обратили ихъ къ чистому атеизму или по крайней мѣрѣ къ дарвинизму. Другіе, устраняя такое недоувѣріе къ наукѣ, порицаютъ старанія уравнивать подготовительный гимназическій курсъ для

женщинъ съ установившимся для мужчинъ, съ курсомъ, въ которомъ преобладаютъ мертвые языки (съ темами и стихотворными сочиненіями на греческомъ и латинскомъ) и математика. Иные полагаютъ, что такое уравненіе — дѣйствіе временной моды—лѣстять тщеславію дѣвицъ, которымъ желательно доказать, что онѣ не хуже молодыхъ мужчинъ сумѣютъ владѣть ямбомъ и производить математическія вычисленія; но эти скептики убѣждены, что въ будущемъ женщины сами отстанутъ отъ наукъ, столь отвлеченныхъ, и точиѣ опредѣлятъ кругъ своей дѣятельности и тѣхъ предметовъ, изученіе которыхъ имъ дѣйствительно необходимо.

Въ англійской литературѣ были высказаны и такія мнѣнія, что стремленіе женщинъ къ высшему образованію оправдывается современнымъ имъ экономическимъ и социальнымъ положеніемъ ¹⁾. Онѣ чувствуютъ будто бы себя съ каждымъ годомъ болѣе одинокими и заброшенными, предоставленными собственнымъ силамъ; древнія вѣрованія и преданія, ограждавшія семью, каждый день разшатываются въ журналахъ, газетахъ и романахъ, и вотъ женщина стала требовать образованія, чтобы умѣть различить, гдѣ истина и гдѣ обманъ. На рынкѣ труда, найма на работу, онѣ также чувствуютъ свою слабость, усиленную недостаткомъ воспитанія: онѣ требуютъ образованія, чтобы успѣшнѣе конкурировать, добывая себѣ средства къ существованію. Только немногія, пользуются благополучіемъ и правдою жизнію, подъ покровомъ своихъ родныхъ и мужей, обладающихъ достаточнымъ состояніемъ, и имъ-то слѣдуетъ хранить, какъ завѣтъ, усвоенную англійскими женщинами утонченность вкуса и изящество—но для этого, прежде всего необходимо высшее солидное образованіе.

Другіе пишутъ ²⁾, что въ англійской семьѣ женщины упорно еще придерживаются такихъ древнихъ вѣрованій, преданій и приличій, преемственно имъ передаваемыхъ отъ матерей и воспитательницъ, которыя имъ мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ уже опостили и сдѣлались даже противными. Женщины, по понятіямъ, принадлежать еще всецѣло XVII вѣку, тогда какъ мужчины—концу XVIII. Подъемъ образованія женщинъ, его уравненіе съ образованіемъ мужчинъ не только не произведутъ разлада въ семьѣ, но необходимы для согласованія понятій и скрѣпленія родственныхъ и семейныхъ узъ.

¹⁾ Miss Maria Grey въ *Times* 4-го октября 1864 г.

²⁾ Miss Emily Davies въ *Times*, 22-го мая 1872 г.

Вопросы, касающіеся образованія женщинъ, разрѣшить, вѣроятно, только опытъ и ближайшее будущее. Поборники его развитія придерживаются того убѣжденія, что знаніе, истинное знаніе, и строгое, серьезное воспитаніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ привести вреда.

В. III.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Краткій учебникъ географіи. Курсъ IV. Географія Россійской имперіи, для учениковъ IV класса средне-учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Янчинъ. Москва. 1883.

Имя г. Янчина давно уже извѣстно въ педагогическомъ мірѣ. Назадъ тому около 15-ти лѣтъ, имъ былъ изданъ географическій учебникъ для перваго класса гимназій, и затѣмъ, черезъ нѣкоторое промежутки времени, появились учебники для втораго и третьяго классовъ гимназій. Первый изъ учебниковъ существуетъ уже въ седьмомъ изданіи, второй въ шестомъ, третій учебникъ въ пятомъ. Вышеозглавленною книжкою заканчивается курсъ географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

Послѣ общихъ свѣдѣній о положеніи Россіи, границахъ ея, пространствахъ, главныхъ частяхъ ея, слѣдуетъ обзоръніе Европейской Россіи, при чемъ сначала сообщаются краткія, относительно, свѣдѣнія о береговомъ очертаніи Европейской Россіи, о поверхности, росе-віи, климатѣ, растеніяхъ, народонаселеніи. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръніе Европейской Россіи по частямъ, при чемъ составитель отступилъ отъ порядка обзорънія губерній, принятаго въ другихъ распространенныхъ учебникахъ. Такъ, въ учебникѣ г. Вѣлохи, подобно Ободовскому и Кузнецову, губерніи обзоръваются по рѣчнымъ системамъ; въ учебникѣ болѣе повомъ, именно Лебедева, Россійская имперія дѣлится на семь частей или пространствъ, при чемъ обзоръваются вѣсть всѣ губерніи, лежація въ той или другой части. Г. Янчинъ набралъ

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

третій путь, именно онъ обозрѣваетъ губерніи на основаніи признаковъ орографическихъ. Такимъ образомъ выдѣлены слѣдующія семь рубрикъ; 1) Сѣверная равнина и Сѣверный Уралъ, 2) Финляндско-Лапландское плоскогорье, 3) Озерная равнина, 4) Прибалтійская равнина, 5) Внутренняя равнина, Средній и Южный Уралъ, 6) Южная равнина, 7) Юго-восточная равнина. Въ Азіатской Россіи обозрѣваются въ отдѣльныхъ цѣльныхъ очеркахъ; Кавказъ, Туркестанъ, и наконецъ, Сибирь, съ подраздѣленіями ея на Западную и Восточную.

Изъ вышеуказаннаго оглавленія видно, что авторъ придаетъ мало цѣны общему обозрѣнію Европейской Россіи, ограничивая его далеко не всѣми географическими объектами. Такое опущеніе составляетъ большой недостатокъ учебника, такъ какъ черезъ это для учениковъ отодвигается болѣе чѣмъ на полгода возможность ориентироваться по картѣ Европейской Россіи.

Распределеніе Европейской Россіи на области при частномъ обозрѣніи, зависимость отъ орографіи можетъ быть признано съ методической точки зрѣнія на столько же удобнымъ, на сколько удобно и рассмотрѣніе Россіи по пространствамъ, какъ это принято въ учебникѣ Лебедева; но бѣда въ томъ, что составитель крайне усложнилъ эти частныя обозрѣнія внесеніемъ въ нихъ такихъ географическихъ объектовъ, которымъ мѣсто въ обозрѣніи общемъ. Такими описанія: Сѣвернаго океана (17—23), Балтійской системы (51—53), Чернаго и Азовскаго морей (166—190), Каспійскаго моря (194—195), Сѣвернаго Урала (21—30), Среднаго Урала (94—95), Южнаго Урала (95—97), Финляндскихъ горъ (40—42); таково же описаніе Донца (96—98), Днѣпра (98—100), Волги (100—107) и т. д.

Внесеніе общаго матеріала въ частное обозрѣніе сдѣлало то, что учащимся трудно будетъ, по разнообразію фактовъ, составить общее представленіе данной мѣстности, тѣмъ болѣе, что составитель самъ не могъ справиться со всѣми географическими элементами и размѣстить ихъ такъ, чтобы не было разчлененія между самыми важными географическими объектами. Такое расчлененіе существуетъ во многихъ мѣстахъ; такъ, описаніе Днѣпровскаго полѣсья дается на 80—88 стр., а описаніе населенія и городовъ на 107—115; описаніе Каменной гряды на 88—90, а населенія и городовъ на 115—125, Волжскаго полѣсья на 90—92, а населенія его на 125—144 и такъ далѣе. Но самый существенный недостатокъ учебника состоитъ въ несоразмѣрности содержанія его съ временемъ, назначаемымъ для прохожденія курса географіи, и съ умственными способностями учащихся.

Географія Россіи, какъ извѣстно, проходится въ 4-мъ классѣ при двухъ урокахъ; если принять во вниманіе, что въ этомъ же классѣ повторяются курсы 2-го и 3-го классовъ, то на прохожденіе географіи Россіи выпадетъ никакъ не болѣе—45 уроковъ; понятно, что учебникъ г. Янчина, въ которомъ 244 страницы, будетъ чересчуръ великъ, тѣмъ болѣе, что сокращать его неудобно, такъ какъ весь текстъ напечатанъ однимъ и тѣмъ же шрифтомъ. Со стороны содержанія большая часть учебника, именно Европейской Россіи, переполнена такими тонкими подробностями этнографическаго, историческаго, а иногда археологическаго и лингвистическаго характера, что толковое усвоеніе его можетъ быть по силамъ только для учениковъ старшаго возраста; вообще же группировка фактовъ, изложеніе ихъ, обиліе мыслей и воззрѣній, часто имѣющихъ мало общаго съ географіей, все это показываетъ, что книга можетъ быть годна для прочтенія, но отнюдь не для заучиванія. Выписка слѣдующихъ мѣстъ достаточно можетъ свидѣтельствовать о томъ, въ какой степени содержаніе книги соответствуетъ требованіямъ учебника.

На страницѣ 25 описывается Большеземельская тундра такъ: „Однообразенъ и угрюмъ видъ тундръ во время продолжительной 8-ми-мѣсячной зимы, когда все покрывается непрерывною пеленою снѣга. Сѣверо-восточный вѣтеръ разгуливаетъ на просторѣ по всему пространству тундры, принося сюда массу замерзшихъ водяныхъ паровъ. Сѣвернаго океана и производя здѣсь снѣжную бурю—пургу, наметывающую высокіе сугробы снѣга. Такъ какъ тундра лежитъ сѣвернѣе полярнаго круга, то здѣсь солнце въ срединѣ зимы совсѣмъ не восходитъ, погружая ее во мракъ на нѣсколько сутокъ, а въ южныхъ частяхъ она приподнимается надъ горизонтомъ, какъ уже снова опускается за горизонтъ, и короткій день смѣняется слишкомъ двадцатичасовою полярною ночью съ ея сѣверными сіяніями, ложными лунами и цвѣтными кругами. Не менѣе угрюма тундра и въ свое короткое лѣтнее время, хотя и представляетъ тогда больше разнообразія. Скинувъ свой однообразный снѣжный покровъ, тундра мѣстами является въ ржавомъ цвѣтѣ отъ избытка желѣзныхъ рудъ, ее пронизывающихъ, мѣстами кажется бѣлою отъ большого количества растущаго на ней блага оленьяго моха. Тамъ и сямъ по тундрѣ видѣются водные источники—рѣчки, ручьи и огромныя болота или озера, не затянута еще мохомъ и не превратившіяся еще въ забуны и трясины, которые представляютъ зеленѣющія отъ моха обширныя пространства“.

На страницѣ 107 находимъ слѣдующее: „Почти вся область верхняго теченія Днѣпра населена Вѣлоруссами, прямыми потомками восточныхъ Славянъ, вѣкогда здѣсь поселившихся, и которые по характеру страны, ими занятой, назывались Дреговичами (дратва—болото), Древлинами (дерево, лѣсъ) и Кривичами. Казалось бы, что центральная часть страны, въ настоящее время населенная Вѣлоруссами, то-есть, равнина Днѣпровскаго полѣсья, должна была издавна играть значительную роль въ исторіи восточной Европы, ибо здѣсь идетъ кратчайшая дорога изъ Чернаго моря въ Балтійское и перекрещивается съ дорогомъ движеніи народовъ съ Востока на Западъ и обратно. Однакожъ страна эта, не смотря на такое выгодное географическое положеніе, не только никогда не имѣла большаго значенія, но оставалась даже малонаселенною по причинѣ своихъ обширныхъ болотъ, озеръ и полузатопленныхъ, непроходимыхъ лѣсовъ. Здѣсь и въ настоящее время приходится не болѣе 600 человекъ на 1 кв. милію. Большіе историческіе пути народовъ обходили ее съ двухъ сторонъ: со стороны Ловати и Волхова и со стороны Буга, Днѣстра и Вислы. Въ этихъ-то мѣстахъ обхода мы замѣчаемъ и большее приближеніе населенія великороссійскаго къ литовскому и малороссійскаго къ польскому и большее смѣшеніе этихъ народностей между собою и съ Вѣлоруссами; здѣсь и населеніе плотнѣе. Въ промежуткѣ между этими линіями распространенія народностей живутъ чистые Вѣлоруссы. Здѣсь въ недоступной болотистой странѣ вряные потомки Дреговичей, Древлины и Кривичей, хотя и были скрыты въ первое время отъ натиска и вліянія сосѣднихъ народовъ; но за то должны были выдержать трудную и продолжительную борьбу съ негостеприимною природою, положившею на нихъ свой отпечатокъ. Могильные курганы и развалины вѣкогда населенныхъ мѣстъ или такъ-называемыя городища находятся въ изобиліи не только вдоль дорогъ движенія народовъ, но и въ глухихъ болотистыхъ мѣстахъ Полѣсья, гдѣ являютъ свидѣльями старыхъ людскихъ жилищъ, населеніе которыхъ или вымерло отъ неблагоприятныхъ условій климата и почвы, или изгнано ими въ другія мѣста, болѣе удобныя для жизни“.

Что касается до фактической стороны учебника, то онъ представляетъ явленіе весьма отрадное. Крупныхъ географическихъ ошибокъ, свойственныхъ вообще первымъ изданіямъ учебниковъ, мы не встрѣтили; мелкія ошибки есть, но онѣ, очевидно, вошли вслѣдствіе сѣшности работы и слишкомъ довѣрчиваго отношенія автора къ своимъ руководителямъ; но такого рода ошибки легко могутъ быть исправлены

авторомъ при новомъ просмотрѣ своего труда. Для примѣра, къ такимъ мелкимъ ошибкамъ мы относимъ слѣдующія: на страницѣ 37 говорится, что колонизація Русскихъ на Вичегдѣ соединена съ нѣмемъ Строгоновихъ; но это можно сказать о р. Камѣ, на Вичегдѣ же поселенія Русскихъ появились не позднѣе XIV в. На стран. 109 утверждается, что будто только въ быту Вѣлоруссовъ есть остатки, свидѣтельствующіе о поклоненіи ихъ въ древнія времена водѣ; но такіе остатки, какъ извѣстно, существуютъ всюду между русскимъ населеніемъ, что служитъ доказательствомъ принятаго наукой мнѣнія, что почитаніе воды было распространено у Славянъ-язычниковъ. На стран. 144 Чуваша отнесены безусловно къ Финскому племени. Обыкновенно ихъ считаютъ помѣсью Финновъ съ Тюрками. Правда, извѣстные этнографы Кастренъ, Мори относятъ Чувашей къ такъ называемой Сѣверной или Угро-Сибирской группѣ народовъ, къ которой принадлежатъ и Финны; но и эти ученые различаютъ нѣсколько вѣтвей этой группы народовъ, изъ коихъ къ одной относятся Балтійскіе Финны, а къ другой — Уральскіе или Угорскіе, — и между этими то народомъ помѣщаются Чуваша. Такимъ образомъ, если держаться этихъ ученыхъ, что, по видимому, дѣлаетъ авторъ, то о Чувашахъ можно сказать, что они только родственны Финнамъ.

Вообще, можно сказать, что хотя книга г. Яччина и представляетъ значительные недостатки, изъ нихъ, по устраненіи этихъ слабыхъ сторонъ, можетъ быть выработана хорошій учебникъ географіи Россійской имперіи, который будетъ также полезенъ для гимназій, какъ и другіе учебные труды автора.

Курсъ Ариметики. *Серре и Комберуса*. Переводъ *Ев. Гутора*. съ послѣдняго французскаго изданія. Москва. 1888.

Курсъ Ариметики Серре, выдержавшій во Франціи пять изданій, извѣстенъ въ нашей учебной литературѣ по переводамъ гг. Юденича и Гутора. Подлинники 6-го и 7-го изданій этой прекрасной книги, изданій, во многомъ отличающихся отъ предшествовавшихъ, вышли уже за подписями Серре и Комберуса. Г. Гуторъ возымѣлъ счастливую мысль перевести на русскій языкъ и этотъ совѣстный трудъ талантливыхъ французскихъ ученыхъ.

Книга Серре и Комберуса состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ и двухъ „дополнительныхъ замѣчаній“, отпечатанныхъ мелкимъ прифтоомъ.

Первые три отдѣла, содержащіе въ себѣ описаніе дѣйствій надъ цѣлыми и дробными числами, переведены съ ничтожными отступленіями отъ подлинника. Четвертый отдѣлъ, въ которомъ изложены дѣйствія надъ именованными числами (въ переводѣ: „надъ величинами, выраженными въ мѣрахъ“), свойства отношеній и краткихъ пропорцій, а также и приложенія ариметики, переведенъ съ нѣкоторыми измѣненіями. По словамъ г. Гутора, „въ виду программъ нашихъ учебныхъ заведеній“, статьи о квадратныхъ и кубическихъ корняхъ, о несоизмѣримыхъ числахъ, о прогрессіяхъ и логарифмахъ совсѣмъ исключены изъ русскаго перевода. О послѣднемъ обстоятельстве, по нашему мнѣнію, нельзя не пожалѣть, такъ какъ строго научное сочиненіе *Traité d'Arithmétique par L. Serret et Ch. de Comberousse*, уже вслѣдствіе своего характера и сжатости изложенія, ничего не выиграло отъ упомянутыхъ урѣзокъ въ отношеніи доступности для пониманія учениковъ первыхъ четырехъ классовъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній; а что оно потеряло значительную часть интереса и полезности отъ исключенія статей, знаніе которыхъ обязательно для учащихся старшаго возраста,—это несомнѣнно. Ссылку на программы нашихъ учебныхъ заведеній, имѣвшія въ виду не только объемъ, но и самый характеръ изложенія учебныхъ предметовъ, едва ли слѣдуетъ признавать основательною въ данномъ случаѣ: вѣдь нашелъ же переводчикъ возможнымъ, въ угоду подлиннику, но не программамъ, совсѣмъ уклониться отъ употребленія такихъ, по видимому, неизбежно установившихся у насъ терминовъ, какъ „именованное“ и „отвлеченное“ числа, уклониться подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что „именованное число“ есть (будто бы) не число, а величина (вывоска на стр. 149—150); нашелъ же переводчикъ великимъ перенести въ русскій учебникъ и напечатать крупнымъ шрифтомъ, такіа статьи, какъ „условіе дѣлимости на 11“ (забывъ въ то же время даже упомянуть о дѣлимости на 6), „повѣрка умноженія и дѣленія посредствомъ 9 и 11“ (стр. 53 и 54) и даже „предѣлъ числа дѣлений при отысканіи общаго наибольшаго дѣлителя двухъ чиселъ“ (стр. 61 и 210). Мы далеки отъ мысли ставить г. Гутору въ вину помѣщеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній въ переводѣ; мы говоримъ только, что программами нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній переводчикъ не стѣснялся тамъ, гдѣ ему казалось это почему-либо удобнымъ. Но мы готовы упрекнуть г. Гутора, упрекнуть за слишкомъ близкое, чтобы не сказать рабское, воспроизведеніе подлинника. Такъ, г. Гуторъ, увлекаясь примѣромъ французскихъ авторовъ, пишетъ повсюду

въ своей книгѣ смѣшанныя числа не въ обычной, прочно установившейся формѣ, а въ видѣ суммы дѣлаго числа съ дробью (стр. 150, 190, 195 и др.). Это, конечно, мелочь; но въ сочиненіи французскихъ ученыхъ есть дѣйствительно темное пятно, которое русскій переводчикъ оставилъ, однако, не прикосновеннымъ, и разумѣется, не изъ опасеній предъ отечественными программами, а единственно вслѣдствіе преувеличеннаго благоговѣнія къ подлиннику. Мы разумѣемъ здѣсь такъ-называемыя правила тробиния, процентовъ, учета векселей, пропорціального дѣленія и смѣшенія. Всѣ эти правила изложены въ подлинникѣ недостаточно систематично и крайне поверхностно, почти въ видѣ намековъ на извѣстные приемы и дѣйствія. Довольно сказать, что ни въ одномъ изъ перечисленныхъ правилъ ни на одномъ примѣрѣ не показано приложеніе пропорцій, между тѣмъ какъ о пропорціяхъ, хотя исключительно только кратныхъ и только буквенныхъ, трактуется въ томъ же четвертомъ отдѣлѣ довольно подробно и обстоятельно. О существованіи разностныхъ пропорцій французскіе авторы, а за ними и русскій переводчикъ, совсѣмъ и не упоминаютъ. О существованіи математическаго учета векселей тоже не упомянуто, а сдѣлать это слѣдовало, хотя бы ради того, чтобы объяснить неточность употребленія въ коммерческомъ учетѣ термина „процентъ“. Объясненіе приемовъ рѣшенія задачъ на правило пропорціанальнаго дѣленія замѣнено фразой: „поступаютъ такъ“ (стр. 201). Такое поверхностное отношеніе къ важнѣйшимъ приложеніямъ ариметики, конечно, не противорѣчитъ строго-научнымъ дѣламъ ариметики теоретической, но оно не пригодно въ элементарномъ учебникѣ.

Вообще однако можно сказать, что курсъ Серре и Комберуса составляетъ очень полезное пособие при преподаваніи ариметики.

Элементы начертательной геометріи. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ Г. Марковъ, инспектирующій учитель Московскаго реального училища. I. Текстъ. II. Атласъ. Москва. 1883.

Объемъ и содержаніе книги г. Маркова вполне приурочены къ программѣ реальныхъ училищъ. Авторъ коснулся, болѣе или менѣе подробно, всякаго отдѣла изъ начертательной геометріи и линейной перспективы, обязательнаго для воспитанниковъ названныхъ учебныхъ заведеній, и не поспешилъ на рѣшеніе задачъ, уясняющихъ изложе-

ніе теорій. Виглядність издания—печатъ, бумага, чертежи (въ атласѣ)—весьма приличная, даже, можно сказать, щеголеватая. Къ сожалѣнію, всѣ эти хорошія стороны рассматриваемаго сочиненія парализируются въ значительной мѣрѣ шероховатостью изложенія, не всегда правильными оборотами рѣчи, неточностью выраженій, множеством оговоренныхъ и не оговоренныхъ опечатокъ и даже ошибками, вравшились въ рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ.

Какъ шероховато и неправильно иногда выражается авторъ, можно судить по слѣдующимъ выноскамъ:

Стран. 26: „Такъ какъ данная проекція точки M лежитъ на прямой ab , т. е. на горизонтальной проекціи прямой, расположенной на данной плоскости, то, выставивъ изъ m перпендикуляръ къ оси проекцій и продолживъ его до встрѣчи съ вертикальною проекціей той же прямой, эта послѣдняя точка m' и будетъ искоюмою“...

Стран. 51: „Построивъ новое положеніе вертикальныхъ проекцій по линіи..., соотвѣтствующія горизонтальныя проекція точекъ... найдутся“...

Стран. 128: „Цилиндрическая поверхность производится движеніемъ прямой линіи по кривой направляющей, при чемъ производящая сохраняетъ постоянно положеніе (.) параллельное своему первоначальному положенію, составляя постоянный уголъ съ плоскостью направляющей, не совпадая съ плоскостью направляющей“.

Стран. 5 и 60: „... вращаютъ... плоскость... до тѣхъ поръ, пока плоскость VV' (не) совмѣстится съ плоскостью NN' ...; ... будемъ вращать... до тѣхъ поръ, пока она (не) совмѣстится съ... плоскостью“...

Подобныя же выраженія и фразы встрѣчаются на страницахъ 53, 64, 70, 90, 94, 104 и многихъ другихъ.

Шероховатость изложенія, недомолвки, неправильная разстановка (стр. 25, 38 и др.) или неумѣстное опущеніе знаковъ препинанія (стр. 154) ставятъ иногда читателя книги г. Маркова въ невозможность понимать разказъ автора о самыхъ простыхъ вещахъ. Такъ, на стран. 62, неопытный читатель едва ли пойметъ объясненіе того приѣма, какой слѣдуетъ приложить къ опредѣленію дѣйствительнаго разстоянія между слѣдами плоскости, проведенной параллельно оси проекцій; не пойметъ онъ и непосредственно за этимъ изложенное рѣшеніе обратной задачи. Нужно замѣтить впрочемъ, что весь § 57 (стр. 56—62) изложенъ довольно туманно, хотя и многословно.

На стран. 92 авторъ силится объяснить, что проекція взаимно-перпендикулярныхъ прямыхъ не всегда взаимно-перпендикулярны.

Эта истина до того проста и почти очевидна, что едва ли нуждается въ поясненіи; тѣмъ не менѣе, въ изложеніи автора она сдѣлалась невразумительною.

Правило построения перспективы точки, расположенной въ основной плоскости, изложено на 1½ страницахъ (стр. 166, § 156), со ссылками на три чертежа, и все-таки читателю не возможно понять, почему слѣдуетъ проводить линіи такъ, какъ говоритъ авторъ, а не иначе. Впрочемъ, вообще весь очеркъ перспективы построенъ авторомъ на шаткихъ основаніяхъ. Такъ, на стр. 165 читаемъ „положеніе“: „Линіи вертикальныя имѣютъ точки схода на главномъ перпендикулярѣ, потому что лучи параллельныя этимъ линіямъ, проходя черезъ точку зрѣнія, будутъ расположены въ центральной плоскости“; на страницѣ же 166 находимъ совершенно противоположное: „Линіи вертикальныя имѣютъ перспективныя линіи вертикальныя къ горизонту“. Начинаяшій изученіе перспективы едва ли догадается, что изъ этихъ двухъ положеній справедливо лишь наиболѣе шероховато-формулированное, то-есть, послѣднее. Чтобы покончить съ „Основными началами перспективы“, замѣтимъ еще, что опредѣленіе „плоскости главнаго перпендикуляра“ не только неуклюже построено (стр. 161), но и невѣрно.

Не останавливаясь на мелкихъ недостаткахъ разсматриваемаго сочиненія, отмѣтимъ ошибки, вравшіяся въ рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ.

На стран. 50 авторъ рѣшаетъ вопросъ (зад. № 3) о положеніи слѣдовъ данной плоскости послѣ того, какъ она опишетъ нѣкоторый уголъ около данной оси, перпендикулярной къ горизонтальной плоскости проэкцій. Въ основаніе рѣшенія этого вопроса положена ошибочная мысль, что точка aa' , проэкціи которой находятся на слѣдахъ данной плоскости, будто бы, лежитъ въ этой послѣдней.

На стран. 19 говорится о положеніи слѣдовъ прямой линіи въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ и при этомъ указывается на эпюры 37а и 37г. Первый чертежъ несправенъ, потому что подаетъ читателю поводъ ошибочно думать, будто бы прямая, пересекающая ось проэкцій, совсѣмъ не проектируется на плоскости проэкцій. Вторая же эпюра невѣрна, потому что изображаетъ положеніе прямой линіи, параллельной не вертикальной, какъ утверждаетъ авторъ, а горизонтальной плоскости проэкцій.

На стран. 95, въ задачѣ № 4, способъ рѣшенія намѣченъ вѣрно;

на эллипс же задача решена неправильно: ошибочно определены положение и действительная длина искомого перпендикуляра (m , m').

Автор предлагает, предъ чтениемъ его книги, исправить опечатки и обмолвки, перечень которыхъ занимаетъ около $1\frac{1}{2}$ страницъ. Но и не оговоренныхъ неисправностей въ книгѣ г. Маркова не мало, о чемъ свидѣлствуютъ страницы 9, 12, 19, 23, 28, 40, 48, 79 и ин. др. Изъ трехъ опечатокъ на стран. 88 авторъ оговорилъ только одну, но не замѣтилъ болѣе важной (напечатано АВ вмѣсто CD), вкравшейся въ решение задачи № 3. Опечатки попадаютъ и въ атласъ (напримѣръ, на эллисахъ подъ №№ 45, 106, 150, 164 и др.), въ которыхъ, кромѣ того, имѣются чертежи (№№ 132 и 133), не упоминаемые въ текстѣ, и регистрація эллипсѣ перескакиваетъ съ № 195 на № 200.

Книга г. Маркова раздѣляется на части и отдѣлы съ немалымъ числомъ рубрикъ, краткаго перечня которыхъ (оглавленіи), однако, не приложено.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

. УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Варшавскаго университета за 1882 годъ: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; измѣненія въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе медалей и премій; ученые труды преподавателей; ученые командировки; свидѣнія объ учащихъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета, учебно-испомогательныхъ учрежденій.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей въ Варшавскомъ университетѣ къ концу 1882 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 6, лекторовъ 5; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 3, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 3; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 2; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 5, доцентовъ 4, прозекторовъ 2, лаборантовъ 2, временныхъ преподавателей 3. Вообще по всѣмъ факультетамъ состояло: ординарныхъ профессоровъ 28, экстраординарныхъ 17, доцентовъ 15, временныхъ преподавателей 3, лекторовъ 5, прозекторовъ 2, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 5. Сверхштатныхъ преподавателей было два: ординарный профессоръ по кафедрѣ физиологій и одинъ же экстраординарный профессоръ по кафедрѣ минералогіи. Приватъ-доцентовъ имѣлось три, по кафедрамъ: математики, уголовного права и уголовного судопроизводства и душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Итого въ 1882 году со-
часть ССХХХІ, отд. 4. 1

стояло 80 преподавателей, то-есть, на 4 преподавателя болѣе сравнительно съ 1881 годомъ. Вакантными въ теченіе всего года были слѣдующія кафедры: исторія всеобщей литературы, агрономической химіи, физической географіи, гражданского судопроизводства и судостроительства, фармаціи и фармакогнозіи и судебной медицины. Изъ названныхъ кафедръ нѣкоторыя временно поручены были, за особое вознагражденіе, преподавателямъ по другимъ кафедрамъ, именно: физической географіи — профессору физики Егорову, гражданского судопроизводства и судопроизводства — профессору полицейскаго права Овольскому, фармаціи и фармакогнозіи — бывшему доценту Веквану и судебной медицины — бывшему профессору Котоловскому. За тѣмъ по кафедрамъ исторіи всеобщей литературы и агрономической химіи лекціи вовсе не читались. Смерть того вакантными были: въ теченіе 1-го полугодія — римской словесности, славянской филологіи по предмету польской словесности, химіи, въ теченіе 2-го полугодія — математики.

Въ теченіе 1882 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій 11, физико-математическій 12, юридическій 10 и медицинскій 19. Въ распредѣленіи предметовъ и порядка преподаванія произошли слѣдующія измѣненія: 1) До 1882 года исторія польской литературы излагалась профессоромъ славянской филологіи совместно съ исторіей литературъ другихъ славянскихъ народовъ, по очереди; въ 1882 же году по предмету польской словесности учреждена особая ординатура, и преподаваніе этого предмета возложено на особаго преподавателя для студентовъ старшихъ курсовъ славяно-русскаго и историческаго отдѣленій. 2) Съ начала 1882 года, на историко-филологическомъ факультетѣ введено преподаваніе особаго предмета — физиологіи голоса, для студентовъ I курса. Хотя названный предметъ въ общихъ чертахъ и излагался студентамъ нѣкоторыми преподавателями филологическихъ наукъ, но въ 1882 году преподаваніе его возложено на профессора физиологіи за особое вознагражденіе. 3) По физико-математическому факультету сдѣлано измѣненіе въ порядкѣ преподаванія аналитической химіи, состоящее въ томъ, что вмѣсто теоретическаго изложенія этого предмета введены практическія упражненія со второй половины года, въ связи съ необходимыми при этомъ объясненіями, которыя даются профессоромъ въ лабораторіи въ часы практическихъ занятій. 4) Точно также сдѣлано измѣненіе и въ преподаваніи астрономіи, именно: часть ея сферическая астрономія и отдѣлъ теоретической астрономіи, отно-

сящійся къ опредѣленію орбитъ изъ наблюденій, поручены младшему астроному-наблюдателю. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ занятіями служили практическія занятія профессоровъ со студентами и письменныя работы послѣднихъ. На историко-филологическомъ факультетѣ занятія, подъ руководствомъ подлежащихъ преподавателей, пронаводились по латинскому и греческому языкамъ, всеобщей исторіи, русской исторіи, исторіи славянскихъ нарѣчій и исторіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Что касается письменныхъ упражненій, то по установленнымъ правиламъ, каждый студентъ обязательно долженъ представить одну письменную курсовую работу; не представившій ее не допускается къ переходнымъ испытаніямъ. Независимо отъ этихъ курсовыхъ работъ, нѣкоторыми студентами представлены были еще сочиненія на медали и на денежные преміи. На физико-математическомъ факультетѣ отъ студентовъ не требуются обязательныя письменныя работы, такъ какъ студенты-математики младшихъ курсовъ слушаютъ только общіе курсы наукъ, не могущіе имъ дать темъ для самостоятельныхъ работъ, а студенты старшихъ курсовъ и безъ того весьма обременены спеціальными занятіями по многочисленнымъ и труднымъ предметамъ; но въ 1882 году студентамъ математикѣ назначены были три часа въ недѣлю и на практическія занятія по чистой математикѣ, подъ руководствомъ одного изъ приватъ-доцентовъ. Студенты же естественнаго отдѣленія почти все свободное отъ лекцій время проводятъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, занимаясь тамъ практическими наблюденіями и изслѣдованіями. Результатомъ этихъ наблюденій хотя и появляются повременно замѣчательныя письменныя работы, составляющія вкладъ въ науку, но назначать годичные сроки для подобныхъ работъ нѣтъ возможности, въ виду того, что изслѣдованія могутъ продолжаться и нѣсколько лѣтъ, пока представится возможность сдѣлать опредѣленные изъ нихъ заключенія. На юридическомъ факультетѣ, подобно историко-филологическому, мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ состоятъ, главнымъ образомъ, въ письменныхъ упражненіяхъ. По установленнымъ правиламъ, каждый студентъ обязательно избираетъ одинъ изъ факультетскихъ предметовъ его курса и въ теченіе года представляетъ по этому предмету письменную работу на тему, одобренную преподавателемъ. Независимо отъ курсовыхъ работъ, нѣкоторыми студентами представлены сочиненія на денежные преміи. На медицинскомъ факультетѣ для болѣе правильной организаціи

практической дѣятельности студентовъ предприняты были слѣдующія мѣры: а) увеличены бюджеты кабинетовъ и лабораторій для приобретения потребныхъ снарядовъ, инструментовъ, приборовъ и книгъ; б) привлечены къ надзору и руководству при практическихъ занятіяхъ студентовъ по описательной анатоміи, патологической анатоміи и физиологіи сверхштатные помощники прозекторовъ при кафедрахъ; в) учреждена новая вольнонаемная должность помощника прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи, вслѣдствіе увеличивающагося годъ отъ году числа студентовъ, занимающихся практическими работами въ этомъ учрежденіи, и наконецъ, г) устроена вновь гигиеническая лабораторія, но дѣятельность ея въ 1882 году еще не началась. Независимо отъ сего, было поручено: доценту Тауберу—прочсть студентамъ V курса, въ свободное отъ лекцій время, краткій курсъ по ушнымъ болѣзнямъ, профессору Вржесніевскому—читать студентамъ I курса зоологію не по одному, а по два часа въ недѣлю, профессору Скворцову—прочсть фармацевтамъ II курса особый курсъ о подагріи помощи въ случаяхъ, требующихъ безотлагательнаго пособія, приватъ-доценту Пастернацкому—прочсть медикамъ V курса особый курсъ о болѣзняхъ головного мозга.

Для соисканія наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ,—„О басняхъ Сумарокова“, физико-математическимъ — „Vorticellina окрестностей Варшавы въ морфологическомъ и систематическомъ отношеніяхъ“, „Систематическое изслѣдованіе представителей класса водорослей, встрѣчаемыхъ въ окрестностяхъ города Варшавы“ и „О движеніи твердыхъ тѣлъ въ жидкости“, юридическимъ—„Очеркъ политической и литературной дѣятельности Андрея Фрича Модржевскаго“, медицинскимъ — „Какая разница относительно питательности у человѣка между говядиною съ одной стороны и стручковыми плодами и клейковиною съ другой, и отчего зависитъ эта разница, если она существуетъ“. На эти темы представлено было 9 сочиненій, изъ которыхъ 3 удостоены золотой медали, 4 серебряной и 2 почетнаго отзыва. Золотыя медали присуждены студентамъ: II курса юридического факультета Дылевскому, IV курса естественнаго отдѣленія Сѣмашко и IV курса медицинского факультета Стржешевскому; серебряныя—кандидату юридического факультета Ольшевскому, студентамъ: того же курса историко-филологическаго факультета Заусцинскому, III курса естественнаго отдѣленія Лопотту и того же курса и отдѣленія Цыбульскому; почетные отзывы—IV курса математическаго от-

дѣленія Бону и III курса историко-филологическаго факультета Михальскому.—За курсовыя сочиненія выданы денежные преміи 28-ми студентамъ, именно: историко-филологическаго факультета 16, физико-математическаго 2, юридическаго — 5 и медицинскаго 5. Размѣръ этихъ премій—отъ 10 до 50 рублей включительно.

Въ 1882 году лица университетской корпораціи издали слѣдующіи отдѣльныя сочиненія и помѣстили статьи въ повременныхъ изданіяхъ: бывший ректоръ университета Н. Благовѣщенскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія критическую статью на книгу Нагуевскаго „Римская сатира и Ювеналъ“ и приготовилъ къ печатанію прочтанныю имъ публичную лекцію „О значеніи Родосской школы въ исторіи греческой пластики; г. Струве помѣстилъ статьи: въ *Philosophische Monatshefte*—„Zur Psychologie der Sittlichkeit“, въ журналѣ *Biblioteka Warszawska*—„О этикѣ Слипозы“ и равныя критическія и эстетическія статьи въ журналѣ *Kłosy* и въ газетѣ *Wiek*; А. Мѣржинскій издалъ отдѣльною книгою „Аяксъ трагедія Софокла“; А. Вудиловичъ напечаталъ въ Варшавскомъ Вѣстникѣ двѣ статьи: „О преподаваніи отечественнаго языка въ нашихъ гимназіяхъ“ и „О Варшавскомъ листкѣ изъ церковно-славянскаго Евангелія русскаго письма XI—XII вѣка“, и отдѣльною книгою „Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ“; А. Никитскій напечаталъ: „Замѣтки о происхожденіи имени Ермакъ“ и „Отчетъ объ ученой командировкѣ на V археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ“; А. Смирновъ напечаталъ „Сборникъ древне-русскихъ памятникъ и образцовъ народной русской рѣчи. Посobie при изученіи исторіи русскаго языка“, издалъ лекціи покойнаго профессора В. И. Григоровича по славянскимъ древностямъ и издавалъ Русскій Филологическій Вѣстникъ; Н. Сонинъ помѣстилъ въ *Bulletin de la Société mathématique de France* статью „Note sur une formule de Gauss“; А. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ издалъ „*Delectus seminum horti botanici Varsaviensis*“ и напечаталъ въ Бюллетенѣ Московскаго Общества испытателей природы статью „*Beiträge zur Flora des Gouvernements Moskau*“; А. Вржесниовскій помѣстилъ въ ежемѣсячникѣ *Ateneum* статью: „*O zdolności ruchu u roślin*“, Отчеты о сочиненіяхъ: Дарвина—„*On the power of movements in plants*“ и Визнера—„*Ueber das Vermögen der Bewegung in Pflanzen*“; Н. Егоровъ напечаталъ диссертацию „Атмосферическія ливни солнечнаго спектра“ и помѣстилъ: въ Журналѣ русскаго химическаго общества — замѣтку

„О минимумѣ отклоненій въ диффракціонныхъ рѣшеткахъ“ и въ *Comptes rendus* — статью *Recherches sur le spectre d'absorption*”; А. Ряшави напечаталъ въ Протоколахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей рефератъ сообщенія „О зависимости движенія отъ количества углеводовъ въ растенія”; А. Потылицынъ помѣстилъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества статью: „О вліаніи массъ при взаимномъ вытѣсненіи галлоидовъ“ и „О состояніи водъ, сопровождающихъ нефть и выбрасываемыхъ грязными вулканами”; О. Кашница напечаталъ въ журналѣ *Niwa* статью на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Наши опортунисты. Нѣсколько замѣчаній относительно брошюры „Варшавская журналистика””; С. Вудзьянскій помѣстилъ въ журналѣ *Gazeta Sądowa* пять статей; В. Микляшевскій напечаталъ: въ *Gazeta Sądowa Warszawska* восемь разныхъ статей и отдѣльно „*Sprawa Stanisława Hiszpańskiego, oskarżonego lekarza Aleksiego Kurciusza*” и „*Sbior praw i rozporządzeń rządowych w królestwie Polskiem obowiązujących, zamieszczonych w urzędowym wydaniu „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства в г. 1881”*”; Ф. Дыдынскій издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „*Słownik łacińskopolski do źródeł prawa rzymskiego*”; Д. Самоковцовъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ на Кавказѣ”; А. Окольскій издалъ 2-й томъ „*Wykład prawa administracyjnego*”; г. Гойеръ напечаталъ въ *Gazeta Lekarska* статью „*Przyczynek do techniki histologicznej*” и то же самое въ *Biologisches Centralblatt* подъ заглавіемъ „*Beitrage zur histologischen Technik*”, въ *Hoffmann's und Schwalle's Jahresbericht*, и въ *Biologisches Centralblatt*—рефераты изъ русскихъ и польскихъ сочиненій по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи; И. Ефремовскій помѣстилъ въ Лѣтонисіи Московскаго хирургическаго Общества статью „По поводу радикальнаго леченія брюшныхъ грыжъ”; М. Чаусовъ напечаталъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ статью „Къ вопросу о промежуточно-газовыхъ нервныхъ силетеніяхъ у мужчины”; А. Поповъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и въ *Virchow's Archiv* статью „Объ измѣненіяхъ въ головномъ мозгу при брюшномъ и синномъ тифѣ и травматическомъ воспаленіи”; М. Шалфеевъ напечаталъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества и въ *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft* статью „Объ удѣльныхъ объемахъ элементовъ въ тѣлахъ жидкихъ и твердыхъ”; А. Тауберъ издалъ отдѣльно книгу „Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи”, и помѣстилъ статьи въ журналѣ *Врачъ* — „О резекціи

книжечника" и „XI конгрессъ германскихъ хирурговъ въ Берлинѣ" и въ *Virchow's Archiv* — „Ueber die Veränderungen des Darmkanals in einem Falle von lange bestandенem anus praeturalis". Доценты: О. Іезбера напечаталъ „Pohled na Prahu" (Описание примѣчательностей города Праги); С. Микуцкій напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 3-й выпускъ матеріаловъ для корневаяго и объяснительнаго словаря русскаго языка и всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а именно „Языкъ и его происхождение"; Н. Любовичъ помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1881 году и въ Русской Старинѣ—„Замѣтку объ И. И. Срезневскомъ"; С. Васкаковъ напечаталъ въ Математическомъ Сборникѣ статью „Объ одномъ изъ способовъ получения числовыхъ тождествъ и его приложений къ теоріи числовыхъ функций"; Л. Нейгебауэръ помѣстилъ: въ *Pamiętnik Towarzystwa lekarskiego Warszawskiego*—„O narzędziach starożytnych chirurgicznych i giniatycznych odnalezionych w ruinach miast rzymskich Pompei i Herkulaneum. Przyczynek do historyi chirurgii i giniatryki" и въ *Leopoldina* — „Adam Ferdinand Adamowicz". Преподаватель Д. Котелевскій напечаталъ въ *Wiener Medicin. Blätter* статью „Sicheres Unterscheidungsmerkmal der stattgehaltenen Athmung und der durch künstliches Einblasen bedingten Lufthaltigkeit der Lungen des Neugeborenen". Лекторы: Н. Бергъ помѣщалъ историческія замѣтки въ равныхъ періодическихъ изданіяхъ; О. Пржиборскій напечаталъ: въ журналѣ *Przegląd bibliograficzno-archeologiczny*—„Baltazar Opacia Zywot Pana Iezusa w pięciu wydaniach wieku XVI" и въ сборникѣ *Wiadomości archeologiczne* — „Wycieczki archeologiczne". Лаборантъ Знатовичъ помѣстилъ въ изданіи *Pamiętnik fizjograficzny* пять анализовъ скалъ изъ Татранскихъ горъ. Ординаторъ терапевтической клиники А. Пацановскій помѣстилъ въ *Gazeta Lekarska* статью „Nowotwór złośliwy śródpiersia" и въ *Kronice Lekarskiej*—рефераты изъ нѣмецкихъ и французскихъ медицинскихъ журналовъ; приватъ-доцентъ Н. Пастернацкій напечаталъ статьи: въ Медицинской Библиотекѣ—„Анатомическія основы ученія о душевныхъ болѣзняхъ", въ *Jahrbücher für Psychiatrie* — „Ueber das von der Grosshirnrinde abhängige Littern", и въ журналѣ *Врачъ*—„О бредовомъ психозѣ" и „О галлюцинаціяхъ". Вышій ректоръ университета Н. М. Благовѣщенскій прочиталъ въ пользу Общества Краснаго Креста публичную лекцію „О значеніи Родосской школы въ исторіи греческой пластики".

Изъ числа преподавателей Варшавскаго университета командированы были съ ученою цѣлю: а) за границу: профессора: Будилевичъ — для изученія червонно-русскихъ говоровъ, Мѣржинскій — для изученія литовской миеологии, Первольфъ — для ознакомленія въ библіотекахъ и архивахъ Кракова, Львова, Познани, Вѣны и Загреба съ нѣкоторыми рукописями, необходимыми для приготовляемаго имъ обширнаго труда „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“; Дьячанъ — для изученія въ библіотекахъ Лейпцига, Берлина и Вѣны матеріаловъ для докторской диссертациі „Геродотъ и его Музы“; Карѣвъ — для работъ въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ по собранію матеріаловъ для докторской диссертациі „О методахъ изученія исторіи“; Вржеснiовскій — для изученія способовъ и методовъ краіометріи и краіологіи; Егоровъ — для посѣщенія нѣкоторыхъ физическихъ лабораторій и кабинетовъ германскихъ университетовъ и производства электрическихъ опытовъ и изслѣдованій въ Парижской обсерваторіи; Навроцкій — для обстоятельнаго ознакомленія съ заграничными учеными и учебными учрежденіями по части физиологіи; доценты: Соколовъ — для производства изслѣдованій по физикѣ въ кабинетѣ профессора Гельмгольца въ Берлинѣ; Блокъ — для обзоренія многихъ важныхъ документовъ, относящихся къ ходу законодательныхъ работъ въ Германіи и Франціи; Тауберъ — для принятія участія въ IX сѣздѣ нѣмецкихъ хирурговъ въ Берлинѣ и для осмотра врачебныхъ учрежденій; хранитель кабинета Тачановскій — для посѣщенія зоологическихъ музеевъ и кабинетовъ Парижа и Лондона и ознакомленія съ находящимися въ нихъ учрежденіяхъ видами перуанскихъ птицъ; прозекторъ Краевскій и помощникъ прозектора Эльзенбергъ — для занятій въ заграничныхъ анатомическихъ институтахъ; б) внутри Россіи: профессора Трейдосевичъ и Поповъ, доцентъ Іезубера и лаборантъ Слюсарскій.

Студентовъ въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 года состояло 1003; къ такому же времени 1883 г. ихъ было 1195; вольнослушателей къ началу 1882 г. находилось 134, къ началу 1883 г. — 106. Оставшіеся къ 1-му января 1883 г. 1195 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ 55 (на первыхъ двухъ курсахъ, нераздѣленныхъ на разряды 30, въ III и IV курсахъ: на классическомъ отдѣленіи 9, на славяно-русскомъ 4, на историческомъ 2) въ физико-математическомъ 180 (на математическомъ отдѣленіи 122, на естественномъ 58), въ юридическомъ 366, въ медицинскомъ 604;

б) по курсамъ: въ I курсѣ — 447, во II—308, въ III—208, въ IV—161, въ V — 71; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ — 109, греко-уніатовъ 2, римско-католиковъ 841, лютеранъ и реформатовъ 34, Евреевъ 208, магометанъ 1; г) по сословіямъ: синовей дворянъ и чиновниковъ 743, духовнаго званія 32, почетныхъ гражданъ и купцовъ 31, мѣщанъ и разночинцевъ 344, крестьянъ 35, иностранныхъ подданныхъ 10; д) по предварительному образованію: гимназистовъ 1167, семинаристовъ 17, изъ другихъ учебныхъ заведеній 11; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся предварительныя заведенія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 11, Московскаго 9, Казанскаго 3, Оренбургскаго 1, Западной и Восточной Сибири 2, Харьковскаго округа 8, Одесскаго 10, Кіевскаго 67, Виленскаго 67, Варшавскаго 996, Дерптскаго 18, Кавказскаго 3. Изъ общаго числа 1195 студентовъ стипендіями пользовались 549, то-есть, 45,93 процентовъ общаго числа. Всего израсходовано на стипендіи 36,158 руб. 65 коп., въ томъ числѣ: изъ суммъ государственнаго казначейства 11,000 руб., отъ разныхъ вѣдомствъ и учреждений 7,241 руб. 81 коп., изъ пожертвованныхъ капиталовъ 11,916 р. 84 к., изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 6,000 руб. Размѣръ стипендій составлялъ отъ 50 р. до 350 р. въ годъ. За недостаточные успѣхи лишены были стипендій 20 студентовъ (на историко-филологическомъ факультетѣ 1, на физико-математическомъ 7, на юридическомъ 5, на медицинскомъ 7). Независимо отъ стипендій, выданы были, изъ разныхъ источниковъ, единовременныя денежныя пособія: въ первомъ полугодіи 304, а во второмъ полугодіи 253 студентамъ, всего на 7,334 руб. 18 коп., въ размѣрѣ отъ 10 до 25 руб. каждому. Сверхъ того главнымъ начальникомъ края и попечителемъ учебнаго округа выданы были, изъ находящихся въ ихъ распоряженіи суммъ, единовременныя пособія: первымъ — 97-ми студентамъ на сумму 2,015 руб., вторымъ — 15-ти студентамъ на 220 руб. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождены: въ первомъ полугодіи 97, во второмъ полугодіи 111 и въ теченіе обонхъ полугодій 4 студента.

Поведеніе студентовъ и постороннихъ слушателей въ 1882 году было вообще весьма хорошо, но нѣкоторые изъ учащихся неоднократно подавали университетскимъ властямъ поводъ къ примѣненію дисциплинарныхъ мѣръ за нарушеніе правилъ. Крімъ того, одинъ студентъ преданъ былъ университетскому суду, за то, что во время экзамена, находясь въ раздраженномъ состояніи, бросилъ программу,

которую держалъ въ рукѣ, на столѣ, и удалился изъ аудиторіи, хлопнувъ дверью. На основаніи приговора суда, утвержденного университетскимъ совѣтомъ, означенный студентъ, какъ находившійся въ это время, по мнѣнію экспертовъ-медиковъ, въ маніакальномъ состояніи, освобожденъ отъ всякой отвѣтственности за свое поведеніе во время экзамена.

Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены были при университетѣ въ 1882 году три стипендіата: кандидатъ Заусцивскій — по русской исторіи, кандидатъ Нуссбаумъ — по сравнительной анатоміи и эмбриологіи и лѣкарь Васильевъ — по кафедрѣ госпитальной хирургической клиникъ. Сверхъ того, продолжали состоять стипендіатами оставленные при университетѣ въ предыдущіе годы, кандидаты: Стожновскій — по греческому языку, Лагидовскій — по славянской филологіи, Аонасьевъ — по исторіи славянскихъ законодательствъ, Любомудровъ — по финансовому праву и Кіевскій — по гражданскому праву и лѣкарь Розенталь — по нервнымъ болѣзнямъ. Изъ числа поименованныхъ лицъ Аонасьевъ и Кіевскій по 1-е мая 1882 года находились за границею, изучая: первый — нѣкоторые документы по древнимъ чешскимъ законамъ, второй — нѣкоторые отдѣлы польскаго древняго гражданского права.

Въ 1882 году совѣтомъ Варшавскаго университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора медицины — два, Левинскій и Нейманъ, б) въ степени кандидата — 33 (по историко-филологическому факультету 6, по физико-математическому 12, по юридическому 15), в) въ званіи дѣйствительнаго студента — 28 (по историко-филологическому факультету 1, по физико-математическому 3, по юридическому 14), въ званіи землемѣра 1-го класса — 3, землемѣра 2-го класса — 7. Затѣмъ удостоено медицинскихъ степеней и званій: лѣкаря 17 (изъ нихъ 5 съ отличіемъ), инспектора врачебной управы 1, уѣзднаго врача 2, провизора 57, аптекарскаго помощника 86, дантиста 3, повивальной бабки 20.

Денежныя средства Варшавскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: отъ 1881 года имѣлось остатка 15.997 руб. 94 коп.; въ 1882 году ассигновано изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 258.996 руб. 16 коп. (на личный составъ 195.180 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 41.468 руб., на добавочное жалованье за выслугу узаконенныхъ лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ 8.822

руб. 16 коп., въ пособіе редакціи журнала Русскій филологическій Вѣстникъ 500 руб., на производство изслѣдованій древнихъ земляныхъ насыпей и изданіе результатовъ этихъ трудовъ 1.000 руб., на содержаніе фельдшерской школы 1.025 руб., на стипендіи 30-ти студентамъ русскаго происхожденія 11.000 руб.); въ теченіе года израсходовано 262.174 руб.; затѣмъ къ 1-му января 1883 года въ остаткѣ было 12.818 руб. 77 коп.; б) сумма сбора за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1882 года въ наличности было 7.484 руб. 56 коп., въ 1882 году поступило 51.426 руб. 68 коп., въ тотъ же срокъ израсходовано 43.028 руб. 74 коп., къ началу 1883 года оставалось на лицо 15.882 руб. 50 коп.; в) пожертвованныя суммы: отъ 1881 года оставалось 3.567 руб. 96 $\frac{1}{2}$ коп., въ 1882 году поступило 5.215 руб. 89 коп., израсходовано въ теченіе года 5.045 руб. 90 коп., къ 1-му января 1883 года осталось 3.737 руб. 95 $\frac{1}{2}$ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на содержаніе и устройство учебно-вспомогательныхъ учреждений 10.376 руб., на стипендіи и пособия студентамъ 8.000 руб., на канцелярскіе расходы и разное печатаніе 4.367 руб., на хозяйственныя расходы, ремонтъ домовъ и другія надобности 4.364 руб., на жалованье и плату сверхштатнымъ служащимъ 3.803 руб., на добавочное къ штатному содержанію профессорамъ и другимъ лицамъ 2.575 руб., на вознагражденіе профессоромъ и другихъ преподавателей 2.327 руб., на преміи и награды студентамъ 2.226 руб., на командировки преподавателей съ ученою цѣлью 2.150 руб., на содержаніе оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ кандидатовъ и дѣкарей 1.792 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Варшавскаго университета къ 1-му января 1883 года находились въ слѣдующемъ положеніи:

А. Учрежденія, состоящія въ завѣдываніи университета: университетская бібліотека имѣла: книгъ 183,655 названій 333,354 тома и выпуска, періодическихъ изданій 9,579 названій, 28,287 томовъ и выпусковъ, рисунковъ 1,304 названія, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей, нотъ и проч. 6,227 названій, всего на сумму 233,610 р. Въ теченіе года изъ бібліотеки было выдано профессорамъ на домъ 1,300 названій, 8,500 томовъ, 168-ми студентамъ, по рекомендаціи профессоромъ, около 600 названій, и въ состоящую при бібліотекѣ публичную читальню, по требованію 515-и посѣтителей, выдано около 5,090 томовъ. — Въ студентской читальнѣ находилось: книгъ, періодическихъ изданій и атласовъ 7,630 названій 12,117 томовъ и

выпусковъ, на сумму 11,584 р. Въ теченіе года выдано студентамъ на домъ около 4,000 книгъ и журналовъ; въ дни же, когда читальня была открыта, въ ней ежедневно занималось отъ 30 до 75 человекъ. Въ миниматическомъ кабинетѣ состояло на лицо 10,448 предметовъ, стоимостью въ 4,295 руб. Въ музеѣ древностей: 1,957 предметовъ на 2,801 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: 838 предметовъ 1,140 экземпляровъ, стоимостью въ 26,581 руб. Въ теченіе года студенты старшихъ двухъ курсовъ физико-математическаго факультета упражнялись въ основныхъ физическихъ методахъ оптики, теплоты, магнетизма и электричества. Съ лѣта 1882 года приступлено къ организаціи магнитной обсерваторіи въ одномъ изъ подваловъ библиотечнаго зданія. Въ химической лабораторіи съ кабинетомъ, по инвентариному каталогу 319 номеровъ 1,399 экземпляровъ на 2,722 р., аппаратовъ, снарядовъ, приборовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. на 8.162 р. Въ аналитическомъ отдѣленіи лабораторіи студенты занимались качественнымъ и количественнымъ анализомъ. Научными работами занимались два студента: одинъ—ислѣдованіемъ фенолен-діэтила, другой—надъ спектромъ углеводородовъ, а лаборантъ Беваль продолжалъ ислѣдованія надъ дѣйствіемъ цинкъ-этила на натро-этанъ. Въ лабораторіи физиологической, патологической и судебно-медицинской химіи: 196 предметовъ, 997 экземпляровъ, на 2,298 руб. Въ теченіе года студенты II курса занимались систематическимъ и отчасти клиническимъ количественнымъ анализомъ. Одинъ изъ лаборантовъ продолжалъ свое ислѣдованіе о всасываніи жировъ желудочно-кишечнымъ каналомъ, а одинъ студентъ работалъ на тему, данную факультетомъ по гигиенѣ. Крімъ того, занимались количественнымъ клиническимъ анализомъ 22 студента III курса и одинъ V-го. Въ кабинетѣ и лабораторіи технической химіи: 293 предмета въ 515 экземплярахъ, химическихъ препаратовъ и посуды, всего на 2,825 руб. Въ теченіе года студенты естественнаго отдѣленія занимались аналитическими ислѣдованіями техническихъ продуктовъ; звѣдующій лабораторіей занимался научными ислѣдованіями по органической химіи и произвелъ, совмѣстно съ лаборантомъ, нѣсколько анализовъ асфальта, соли, воды и удобреній. Въ минералогическомъ, геогностическомъ и палеонтологическомъ кабинетахъ съ лабораторіей: 20,717 предметовъ, на сумму 16,754 руб. Въ первыхъ двухъ кабинетахъ занимались 25 студентовъ физико-математическаго факультета и 30 студентовъ медицинскаго и фармацевтовъ. Одинъ студентъ занимался измѣреніемъ кристалловъ и опредѣленіемъ опти-

ческих их свойств; четыре студента занимались анализом химических силикатов, и шесть — изучением горных пород. Результатом этих занятий были одна кандидатская диссертация и две научные работы. В ботаническом кабинете находилось разных предметов 5,288 экземпляров на 8,434 руб. В течение 1-го полугодия студенты-естественники трех старших курсов занимались, под руководством завѣдующаго кабинетом и его ассистента, изучением грибов, по два часа в недѣлю, а во 2-м полугодии — водорослями. Кроме того желавшие изъ студентов занимались в кабинетѣ ежедневно в часы, свободные отъ лекцій. Ассистентъ при кабинетѣ приводилъ в порядок коллекціи: дендрологическую, карпологическую и гербарій, а завѣдующій кабинетомъ произвелъ рядъ изслѣдованій надъ развитіемъ различныхъ споровыхъ растений и провѣрялъ опредѣленія гербарныхъ растений кабинета. В ботанической лабораторіи имѣлось разныхъ предметовъ 160 номеровъ в 738 экземплярахъ, на 3,083 руб. В этой лабораторіи студенты-естественники II курса занимались практически анатоміей растений, упражнялись в приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ; студенты III курса, вмѣстѣ съ преподавателями, приготовляли физиологическіе эксперименты и знакомились съ употребленіемъ приборовъ и инструментовъ. Специальными изслѣдованіями занимались: окончившій курсъ естественныхъ наукъ и три студента; изъ нихъ первый провѣрялъ результаты работъ Дарвина, Визнера и Детлефсена надъ раздражительностью верхушки корней и ближе изучалъ геотропизмъ; второй — работалъ по вопросу о дыханіи растений; занятія эти заключались в устройствѣ соответственнаго аппарата и выработкѣ метода изслѣдованія; третій занимался вопросомъ о зависимости развитія ассимиляціонной ткани; послѣдній — изучалъ сравнительную анатомію вегетативныхъ органовъ *Primulaceae*. Наконецъ, нѣкоторые студенты I курса знакомились съ методами микроскопическаго изслѣдованія. В зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи на лицо имѣлось 115,713 предметовъ стоимостью в 98,664 руб. Экземпляры кабинета и приносимые в лабораторію изъ экскурсій служили для демонстраціи предметовъ курса. Сверхъ того студенты самостоятельно перерабатывали излагаемое профессоромъ, а нѣкоторые занимались самостоятельными наблюденіями по исторіи назвочныхъ животных. В зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей находилось 3,792 предмета на сумму 18,923 руб. В течение года в лабораторіи занимались практически сравнительной

анатоміей и эмбриологіей студенты III и IV курсовъ, по два часа въ недѣлю, а желѣзныя—ежедневно. Студентъ IV курса Нуссбаумъ, работая постоянно въ лабораторіи, напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Объ отношеніяхъ уха къ плавательному пузырю у карповыхъ рыбъ“ и въ Zoologischer Anzeiger статью „О развитіи отводящихъ каналовъ половыхъ органовъ у насѣкомыхъ“. Въ физиологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей было 373 предмета въ 504 экземплярахъ на 8,960 руб. Труды о занятіяхъ въ этой лабораторіи помѣщаются въ изданіи „Работы, произведенныя въ лабораторіяхъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета“. Въ гистологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей состояло 649 предметовъ на 5,129 руб. Въ лабораторіи упражнялись въ употребленіи микроскопа 45 студентовъ и занимались самостоятельными наблюденіями 12 студентовъ и 6 врачей. Въ кабинетѣ и лабораторіи патологической анатоміи имѣлось 1,191 предметъ въ 1,737 экземплярахъ на сумму 13,348 руб. Въ теченіе года занимались научными изслѣдованіями 4 студента, 5 врачей, профессоръ, прозекторъ и помощникъ прозектора. Почти всѣ врачи и студенты или напечатали уже результаты своихъ изслѣдованій въ видѣ докторскихъ диссертаций, или же результаты ихъ трудовъ будутъ вскорѣ напечатаны. Въ лабораторіи сдѣлано 310 анатомо-патологическихъ вскрытій. Въ кабинетѣ и лабораторіи физиологической анатоміи находилось 1,821 предметъ на 7,144 руб. Въ анатомическомъ кабинетѣ сдѣлана докторомъ Поллякомъ работа о бальзамированіи сулемой, напечатанная въ Медицинскомъ Вѣстникѣ. Врачи и студенты высшихъ курсовъ усовершенствовали свои познанія въ практической анатоміи. Въ кабинетѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней состояло разныхъ предметовъ 324 нумера на 1,606 руб. Въ хирургическомъ кабинетѣ—1,861 предметъ стоимостью въ 6,268 руб. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ съ клиническимъ отдѣленіемъ—165 предметовъ на 1,506 руб. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи—659 предметовъ на 1,269 руб. Въ этомъ кабинетѣ студенты-медики IV курса упражнялись въ операціяхъ на трунѣ, четыре студента совершенствовались въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ; одинъ студентъ представилъ научную работу „О переломѣ надколенной кости“; преподаватель оперативной хирургіи производилъ экспериментальныя изслѣдованія надъ вылученіемъ селезенки у животныхъ. Въ фармацевтическомъ кабинетѣ съ лабораторіей находилось на лицо 4,315 предметовъ на 3,843 руб. Въ теченіе года

фармацевты, подъ руководством завѣдующаго лабораторіей, занимались приготовленіемъ различныхъ фармацевтическо-химическихъ препаратовъ. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ имѣлось 252 предмета на 1,119 руб. Въ этомъ кабинетѣ студенты и слушатели занимались изслѣдованіемъ крови, волосъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ преступлений. Въ геодезическомъ кабинетѣ состояло 63 предмета на 5,741 руб. Въ астрономической и метеорологической обсерваторіи — 4,081 предметъ на сумму 39,190 руб. Учебная дѣятельность обсерваторіи состояла въ томъ, что студенты—математики IV курса, подъ руководствомъ профессора, упражнялись въ наблюденіяхъ малымъ пассажнымъ инструментомъ Мейерштейна однажды, а желающіе и два раза въ недѣлю; студенты же III курса упражнялись въ употребленіи углоѣрныхъ приборовъ однажды въ недѣлю по 1½ часа. Въ кабинетѣ гипсовыхъ фигуръ и статуй имѣлось на лицо 766 предметовъ на сумму 6,312 руб. Кабинетъ открытъ былъ для публики по одному дню въ недѣлю на 2 часа. Въ теченіе года посѣтителей было 1,850. Кромѣ того 12 учениковъ Варшавскаго рисовальнаго класса, съ половины іюна по половинѣ сентября, рисовали ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и праздничныхъ дней, съ бюстовъ и статуй.

В. Учрежденія, не состоящія въ вѣдомствѣ Варшавскаго университета, но служащія учебнымъ и научнымъ его дѣламъ. Въ ботаническомъ саду состояло 19,741 нумеръ 28,876 экземпляровъ на сумму 23,430 рублей. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа имѣющей 50 кроватей) разныхъ предметовъ находилось 853 на сумму 5,525 рублей. Студенты-медики IV курса пользовались клиническимъ матеріаломъ такъ, что въ 1-мъ полугодіи, при численности ихъ до 70, на каждого пришлось по 2—3 случая, а во второмъ полугодіи, при численности до 90, среднимъ числомъ, по 2 случая на каждого. Патолого-анатомическія вскрытія производились большею частью самими студентами при непосредственномъ руководствѣ завѣдующаго клинкою. Кромѣ студентовъ, при клиникѣ занимались спеціальными наблюденіями и изслѣдованіями два докторанта и два ординатора; работы первыхъ двухъ уже окончены и приготовлены къ печатанію. Всѣхъ больныхъ, пользовавшихся въ клиникѣ въ теченіе года, было 485, изъ нихъ выздоровѣло 348, вышло, получивъ облегченіе или по другимъ причинамъ 67, умерло 70. Мелкихъ операций сдѣлано было 21; патолого-анатомическихъ вскрытій, — собственно клиниче-

скихъ случаевъ, — произведено 70; кромѣ того, случаевъ, воступившихъ изъ другихъ отдѣленій больницы, которыми студенты могли пользоваться, было 7. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Иисуса, 54 кровати) имѣлось разныхъ предметовъ 461 номеръ на 4,776 руб. Сверхъ слушанія лекцій по 6 съ половиною часовъ въ недѣлю, студенты занимались наблюденіемъ и изслѣдованіемъ больныхъ въ качествѣ кураторовъ, присутствовали при приѣмѣ амбулаторныхъ больныхъ, производили химическіе и микроскопическіе анализы различныхъ выдѣленій и отдѣленій больныхъ, а нѣкоторыми изъ нихъ были разрабатываемы и болѣе спеціальныя современныя научныя вопросы, напримѣръ, о присутствіи въ мокротѣ бациллъ при легочной чахоткѣ и т. в. Кромѣ студентовъ, въ клиникѣ занимались и врачи, при чемъ, ищущіе степени доктора, подвергались испытанію надъ больными и представляли подробныя исторіи болѣзней. Больныхъ въ теченіе года было 566; изъ нихъ выздоровѣло 254, выбыло по облегченію и по другимъ причинамъ 195, умерло 68. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано было 68. Въ хирургической факультетской клиникѣ (въ больницѣ Св. Духа, 55 кроватей) студенты пользовались всѣмъ матеріаломъ, какой представляли больныя стационарныя и амбулаторныя, и средствами, какими клиника располагала. Примѣнялись всѣ новыя способы перевязокъ и дѣлались надъ ними научныя наблюденія. Въ клиникѣ пользовемо было 520 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло 374, выбыло изъ клиники по облегченію и по другимъ причинамъ 63, умерло 34, затѣмъ къ 1883 году оставалось на излѣченіи 49. Хирургическихъ операцій произведено было: большихъ 185, малыхъ до 500; анатомическихъ вскрытій сдѣлано 34. Въ хирургической госпитальной клиникѣ (въ больницѣ Младенца Иисуса, 55 кроватей) было разныхъ предметовъ 1,134 номера на 5,044 руб. Больныхъ пользовемо было 508, изъ нихъ выздоровѣло 433, умерло 29. Операцій произведено: болѣе важныхъ 39, небольшихъ операцій и разрывовъ 450, анатомическихъ вскрытій сдѣлано 29. Студенты занимались въ клиникѣ приѣмомъ, изслѣдованіемъ, наблюденіемъ, перевязками больныхъ и небольшими операціями. Въ клиникѣ же производились наблюденія относительно дѣйствія іодоформа на раны сравнительно съ препаратами Листера. Въ діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Иисуса, 26 кроватей) пользующихся больныхъ было 184, изъ нихъ выздоровѣло 120, выбыло, получивъ облегченіе или по другимъ причи-

намъ, 24, умерло 28. Операций произведено 4, анатомо-патологических вскрытій 20. Во время лекцій, студенты занимались діагностическимъ изслѣдованіемъ больныхъ, въ свободное отъ лекцій время, и по вечерамъ упражнялись въ перкуссиаускультации, занимались химическимъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ мочи, кала, мокроты, крови. Въ акушерской клиникѣ (въ больницѣ Младенца Иисуса) въ теченіе года, вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1881 года, было 280 беременныхъ и родильницъ, изъ нихъ оставило клинику беременными до разрѣшенія отъ бремени, но послѣ выздоровленія отъ постигшихъ ихъ болѣзней 27, родильницъ 222, умерло 25, затѣмъ къ 1883 году осталось въ клиникѣ: беременныхъ 1, родильницъ 5. Оперативнымъ приемамъ подвергалось 79 женщинъ, изъ нихъ умерло 13. Процентъ смертности въ клиникѣ 8,9. Въ клиникѣ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней (въ больницѣ св. Лазаря, 57 кроватей) находилось разныхъ предметовъ 1,240 номеровъ на 3,138 руб. Больныхъ въ теченіе года пользовалось 296, изъ нихъ выздоровѣло 219, выбыло изъ клиники 76, умеръ 1. Операций произведено 78, вскрытіе — одно. Каждый изъ студентовъ V курса подалъ одну исторію болѣзни, и всѣ они упражнялись въ изслѣдованіи больныхъ, а въ частности эндоскопомъ и ларингоскопомъ. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней (въ больницѣ св. Иоанна Божьяго) имѣлось разныхъ предметовъ 340 номеровъ на сумму 1,943 р. Больныхъ, пользовавшихся въ клиникѣ, было 105, изъ нихъ выписано совершенно здоровыми 31, выбыло, получивъ облегченіе, 16, умерло 14; приходившихъ за совѣтами было 53. Тѣ изъ больныхъ, которые умерли наканунѣ лекцій, служили предметомъ соответственныхъ объясненій въ присутствіи студентовъ. Въ госпитальномъ учебно-медицинскомъ отдѣленіи (въ больницѣ Младенца Иисуса) разныхъ предметовъ находилось 106 номеровъ на 219 руб. Въ теченіе года судебно-медицинскимъ порядкомъ вскрыто 38 труповъ и освидѣтельствовано 8 живыхъ людей.

П. И. АЛАНДСКІЙ.

(некрологъ).

Въ октябрѣ прошлаго года университетъ св. Владимира понесъ чувствительную потерю въ лицѣ доцента греческой словесности Павла Ивановича Аландскаго, скончавшагося послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ объ ученыхъ заслугахъ покойнаго, представляя оцѣнку дѣятельности его, какъ профессора, его ближайшимъ товарищамъ и слушателямъ. Упомянуть же объ ученыхъ заслугахъ покойнаго побуждаетъ насъ увѣренность въ томъ, что онъ далеко не заурядны и отводить ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ филологовъ-классиковъ.

П. И. Аландскій происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ и С.-Петербургской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1865 году. Изъ разказовъ товарищей покойнаго мы знаемъ, что уже въ семинаріи онъ съ особенною любовью и успѣхомъ занимался философскими науками и греческимъ языкомъ. Курсъ Аландскаго принадлежалъ, по своему составу, къ весьма даровитымъ, и между своими товарищами покойный считался лучшимъ философомъ и эллинистомъ. Въ 1865 г., по окончаніи семинаріи, онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, и посвятилъ себя преимущественному занятію греческою словесностію, подъ руководствомъ проф. Люгебила и Дестуниса. Въ 1870 г., окончивъ курсъ со степенью кандидата, Аландскій былъ оставленъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію и въ этомъ же году поступилъ учителемъ латинскаго языка въ Александро-Невское

духовное училище; въ должности этой онъ оставался до 1874 года, когда былъ приглашенъ въ университетъ св. Владимира штатнымъ доцентомъ по греческой словесности; но еще прежде того, онъ, въ сентябрѣ 1873 г., былъ допущенъ въ качествѣ приватъ-доцента къ чтенію лекцій по греческой словесности въ Петербургскомъ университетѣ. Предметомъ своихъ чтеній Аландскій избралъ Илиаду и представилъ въ историко-филологическій факультетъ подробную программу предполагавшагося имъ курса. Программа эта на столько своеобразна и такъ хорошо характеризуетъ умственный складъ лектора, удержавшійся въ теченіе всей послѣдующей его ученой дѣятельности, что мы считаемъ далеко не излишнимъ привести ее здѣсь *in extenso*, тѣмъ болѣе, что ею, хотя до нѣкоторой степени, можетъ воспользоваться скудость свѣдѣній настоящей замѣтки относительно преподавательской дѣятельности покойнаго.

Курсъ долженъ былъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: практическаго и теоретическаго. Практическія занятія должны были состоять изъ чтенія памятника, перевода, объясненій касающихся словъ и вещей, указанія явленій, важныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи для теоретическаго курса, указанія явленій, характеризующихъ состояніе текста памятника, а также и тѣхъ, на которыхъ есылаются различныя мнѣнія о его происхожденіи, и наконецъ, указанія того, что сохранилось отъ трудовъ древности по отдѣльнымъ вопросамъ грамматическимъ, критическимъ и историко-литературнымъ. Во второмъ отдѣлѣ, теоретическомъ, лекторъ предполагалъ рассмотреть Илиаду, какъ памятникъ эллинской рѣчи и какъ произведеніе художественнаго творчества. Илиада рассматривалась имъ какъ совокупность явленій, подлежащихъ изученію и распредѣленію ихъ по отдѣльнымъ наукамъ, и именно: а) явленій, подлежащихъ изученію науки о рѣчи (звуки и соответствующіе имъ акты сознанія), б) явленій, подлежащихъ изученію науки о дѣятельности художественнаго творчества (размѣръ и эпическій сюжетъ), с) явленій, подлежащихъ изученію эстетики (дѣйствіе поэмы на душу).

Ограниченный временемъ, лекторъ предполагалъ въ первомъ своемъ курсѣ остановить вниманіе слушателей на изученіи Илиады, какъ памятника рѣчи. Это изученіе онъ предполагалъ начать съ выдѣленія отдѣльныхъ явленій, представляемыхъ Илиадою, какъ памятникомъ рѣчи, классифицировать ихъ на основаніи однородности задачъ и методовъ изученія, рассмотреть стороны рѣчи звуковую и смысловую, и указать задачу научнаго изслѣдованія по отношенію къ

той и другой. За сими слѣдовава постановка задачи научнаго изслѣдованія явленій именной флексіи и критическое разсмотрѣніе того, что сдѣлано для ея рѣшенія. Задача дѣлилась на двѣ части: описательную и историческую. Въ первой разсматривалась именная флексія съ ея звуковой стороны, обозрѣвались всѣ различные способы образованія падежныхъ формъ, нарѣчія и предлоги, какъ падежныя формы, указывалось количественное отношеніе между формами, образованными различными способами, разбиралися вопросы объ аналогіи и аномаліи и исчислялись фонетическія явленія, представляемыя именною флексією въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее застаемъ въ Илиадѣ.

Часть историческая излагала происхожденіе именной флексіи, ея первоначальный видъ и послѣдующія видоизмѣненія. Средствами для разъясненія этого лекторъ считалъ: а) сравненіе различныхъ языковъ одного семейства и установленіе законовъ замѣненія звуковъ, б) наблюденія надъ аналогичными явленіями въ языкахъ живыхъ и болѣе извѣстныхъ исторически, в) данныя и заключенія физиологін и психологін, какъ двухъ наукъ, основныхъ для науки о рѣчи. Установивъ правила относительно употребленія этихъ средствъ и оцѣнки добытыхъ ими заключеній, лекторъ переходитъ къ вопросамъ объ отличіи, между словообразованіемъ и флексією, о первоначальномъ числѣ падежей, о первоначальномъ видѣ падежныхъ суффиксовъ, о первоначальныхъ границахъ употребленія каждаго суффикса и сопровождаетъ изложеніе этихъ вопросовъ, какъ критическимъ разсмотрѣніемъ мнѣній, высказанныхъ по поводу каждаго изъ нихъ, такъ и оцѣнкою фактическихъ и логическихъ основаній, на которыя они опираются. Вслѣдъ за этимъ предполагалось изслѣдовать, какъ и вслѣдствіе чего постепенно измѣнялось первоначальное состояніе именной флексіи до того вида, въ какомъ мы застаемъ ее въ греческомъ эпосѣ, и разсмотрѣть мнѣнія относительно физиологическихъ и психологическихъ условій, произведшихъ это измѣненіе. А въ заключеніе разсматривалось возникновеніе и постепенное развитіе сознанія о падежѣ, какъ особой грамматической категоріи, и предлагался историческій обзоръ, какъ мнѣній древнихъ изслѣдователей о падежахъ, ихъ значеніи и употребленіи, такъ и ученія о падежахъ въ практическихъ и научныхъ грамматикахъ новаго времени.

Синтаксисъ падежныхъ формъ въ Илиадѣ, къ которому затѣмъ переходилъ лекторъ, разсматривался также въ двухъ отдѣлахъ: описательномъ и историческомъ. Въ первомъ излагались: употребленіе

каждаго падежа въ Иліадѣ, распредѣленіе отдѣльныхъ случаевъ употребленія по различнымъ кругамъ на основаніи различія въ значеніи падежной формы, и опредѣленіе значеній, въ какихъ употребляется каждый падежъ въ Иліадѣ. Въ отдѣлѣ историческомъ прежде всего указывалось соотношеніе между падежомъ и управляющимъ словомъ вмѣстѣ съ условіями, произведшими установленіе такого соотношенія. Затѣмъ лекторомъ ставился вопросъ о томъ, что должно разумѣть подъ первоначальнымъ значеніемъ падежной формы, и критически разсматривались мнѣнія, высказанныя объ этомъ въ практическихъ и научныхъ грамматикахъ. Указавъ затѣмъ на то, въ чемъ заключается трудность открытія первоначальнаго значенія падежей, лекторъ средствами для сего считалъ: а) извѣстное намъ употребленіе падежа и б) психологическій анализъ. Сообразно съ этимъ, давалось опредѣленіе наиболѣе первоначальнаго круга употребленія каждого падежа и выяснялось значеніе его въ этотъ кругъ, какъ въ которое состояніе сознанія, и затѣмъ представлялся анализъ этого состоянія съ цѣлью открыть актъ сознанія, соотвѣтствовавшій первоначально созвучію, съ помощью котораго образованъ данный падежъ.

Курсъ заканчивался изслѣдованіемъ постепеннаго расширенія первоначальнаго употребленія каждого падежа и соотвѣтствующаго замѣненія его первоначальнаго значенія.

Для того, чтобы вѣрно судить о значеніи вышеприведеннаго курса, слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ былъ объявленъ въ 1874 г. молодымъ человѣкомъ, за три года съ небольшимъ предъ тѣмъ оставшимъ университетскую скамью. Отличительныя же черты этого курса объясняются вышеуказаннымъ умственнымъ складомъ Аландскаго, не покидавшаго и философскихъ штудій рядомъ съ занятіемъ филологіей. Съ особенною любовью изучалъ онъ представителей англійской новой психологіи и многое заимствовалъ изъ нихъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Изъ рядъ открываεται магистерскою диссертацией: „Синтаксическія изслѣдованія. Значеніе и употребленіе соjunctivi въ языкѣ Иліады и Одиссеи I“, которую авторъ защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ 1-го апрѣля 1873 года.

Эта диссертация есть первая часть труда о значеніи сослагательнаго наклоненія у Гомера и излагаетъ исключительно употребленіе и значеніе его въ главныхъ предложеніяхъ. Книгѣ предпослано обширное введеніе, въ которомъ авторъ устанавливаетъ значеніе грамматика, какъ самостоятельной науки, опредѣляетъ методъ, котораго,

по его убѣжденію, слѣдуетъ держаться при грамматическихъ розыскахъ, и указываетъ задачу, которой рѣшеніе онъ предположилъ въ своемъ сочиненіи. Задача же состоитъ въ опредѣленіи психическихъ актовъ, которые соответствуютъ цѣлому классу звуковыхъ сочетаній, опредѣляемому въ грамматикахъ, какъ формы *coniunctivi*. Такая своеобразная постановка темы, казалось бы, не имѣла нужды быть приуроченною къ одному какому нибудь памятнику греческой рѣчи, такъ какъ она выходитъ далеко за предѣлы одного произведенія, относясь къ явленіямъ языка вообще. Ограниченіе своихъ наблюденій Гомеровскими поэмами авторъ мотивируетъ непосредственностью ихъ, какъ произведеній народнаго творчества, ихъ объемомъ и особенными свойствами эпической поэзіи. Разяснивъ смыслъ и значеніе глагольной основы, авторъ старается разяснить, чѣмъ отличается значеніе изъявительнаго и сослагательнаго наклоненій и приходитъ къ тому выводу, что первоначальное значеніе *coniunctivi* можно опредѣлить, какъ сложное состояніе человѣческаго сознанія или сочетаніе его двухъ актовъ: во первыхъ, представленія о дѣйствіи, которое въ своей простѣйшей формѣ будетъ воспроизведеніемъ одного или не многихъ ощущеній, сопровождавшихъ дѣйствіе, и во вторыхъ, стремленія—акта сознанія, соответствующаго возбужденію двигательнаго центра, посылающаго импульсъ къ мышцамъ, принимающимъ участіе въ совершеніи представляемаго дѣйствія. За симъ слѣдуетъ переводъ и разборъ распределенныхъ по роду выражаемыхъ въ нихъ чувствъ, примѣровъ сослагательнаго наклоненія: *conj. adhortativus*, *conj.* въ смыслѣ будущаго и т. д. Затѣмъ авторъ старается дать отчетъ о степени убѣдительности или неубѣдительности различныхъ категорій примѣровъ, отыскиваетъ первоначальное значеніе *coniunctivi*, связь различныхъ его значеній и настоящій смыслъ этой связи.

Своеобразный трудъ Аландскаго отличается многими достоинствами: онъ показываетъ въ авторѣ знакомство съ важными, существенными задачами, приемами, результатами новѣйшей греческой грамматики (особенно хороши тѣ странницы, на которыхъ авторъ подвергаетъ детальному разбору и критической оцѣнкѣ ученіе о наклоненіяхъ, проводимое Аленомъ, Дельбрюкомъ, Кюнеромъ, Мадвигомъ), и обнаруживаетъ несомнѣнный умъ и способности молодаго ученаго. Правда, сочиненіе не свободно и отъ болѣе или менѣе крупныхъ недостатковъ, между которыми на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить туманность изложенія, свидѣтельствующую о томъ, что и самыя мысли не

достигли въ головѣ автора надлежащей отчетливости. По отзыву специалистовъ, философскія теоріи автора стоятъ въ близкой зависимости отъ теорій англійскихъ психологовъ — Д. С. Милля и Бена.

Естественно, что первый печатный трудъ Аландскаго обратилъ на него вниманіе и послужилъ поводомъ къ приглашенію его на штатную доцентуру въ Кіевъ. Послѣдующая учевая дѣятельность покойнаго находитъ себѣ выраженіе въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ, которыя печатались въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей соединялись авторомъ въ отдѣльныя, болѣе или менѣе обширныя монографіи. Сопоставляя весь ученый матеріалъ, находящійся у насъ подъ руками, мы видимъ, что развитіе ученой дѣятельности покойнаго шло, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ: философско-грамматическомъ, философско-эстетическомъ и философско-историческомъ. Къ первому относится, какъ мы видѣли, его магистерская диссертація; къ нему же принадлежатъ и первыя его рецензіи, напечатанныя въ Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ: на книги Курціуса: *Das Verbum der griechischen Sprache*, Jolly: *Schulgrammatik und Sprachwissenschaft* и изъ болѣе поздняго времени (1879 г.), на книгу Дельбрюка: *Syntaktische Forschungen IV B.* Какъ эти, такъ и всѣ вообще рецензіи покойнаго показываютъ, что онъ зорко слѣдилъ за движеніемъ науки въ области своихъ специальныхъ занятій, умѣлъ самостоятельно отнестись къ различнымъ новымъ взглядамъ и теоріямъ, на которые такъ щедро новѣйшее время, и мѣтко характеризовалъ какъ ихъ сильныя, такъ и слабыя стороны. Вездѣ онъ старался поймать суть дѣла, изложить ее въ немногихъ словахъ и указать на достоинства и недостатки методическихъ приемовъ автора. Вообще, эти небольшія рецензіи въ высокой степени интересны и, по нашему мнѣнію, заслуживали бы переизданія въ одной книгѣ.

Слабѣе, какъ намъ представляется, работы Аландскаго, относящіяся къ области эстетики. Изъ нихъ первымъ по времени является сочиненіе: „Поэзія, какъ предметъ науки“ (1875). Въ ближайшей съ нимъ связи стоитъ и другой трудъ: „Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла. Опытъ для теоріи поэтическаго творчества“ (1877). Первое сочиненіе составляетъ какъ бы введеніе ко второму и ставитъ задачу опредѣлить природу и изслѣдовать условія поэтическаго творчества. Въ изданной 1-й части авторъ разсмотрѣлъ лишь пассивный моментъ творчества, исключивъ все, что касается вопроса о поэтической апперцепціи или объ особенностяхъ поэтическаго

возрѣнія на предметы и событія дѣйствительности; описаніе же активнаго момента творчества, а также и подробное содержаніе поэтики въ ея трехъ отдѣлахъ: описательномъ, теоретическомъ и историческомъ, авторъ предполагалъ дать во второй—не вышедшей въ свѣтъ части. Во второмъ изъ названныхъ сочиненій авторъ нигдѣ цѣлью указать, въ какомъ направленіи должно идти изученіе произведеній поэзии, чтобы собрать матеріалъ для теоріи поэтическаго творчества и затѣмъ, при помощи психологін, открыть законы этой сложной дѣятельности. Прежде всего, оба эти труда Аландскаго написаны языкомъ отвлеченнымъ и мѣстами не сразу понятнымъ—рѣзкая противоположность трудамъ истинно великихъ эстетиковъ, напримѣръ, Лессинга, въ его Лаокоонтѣ; затѣмъ, поборовъ эти трудности, читатель разстается съ книгами автора далеко не удовлетвореннымъ, и генезисъ художественнаго творчества, духовная работа поэта, предшествующая изображенію имъ въ рѣчи тѣхъ или другихъ душевныхъ движеній, остаются для него такъ же мало понятными, какъ были и до изученія труда нашего автора. Не беремса рѣшить, отчего это происходитъ—отъ существа ли самой задачи, которой рѣшеніе ввалъ на себя авторъ, отъ того ли пути, который имъ былъ избранъ для достиженія цѣли, отъ того ли и другаго вмѣстѣ; тѣмъ не менѣе, конечные результаты эстетическихъ разсужденій автора представляются весьма спорными и несвободными отъ сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли указаны исследователемъ тѣ именно условія поэтической дѣятельности, которыя дѣлаютъ изъ творящаго художника истиннаго и великаго поэта.

Мы были бы, однако, пристрастны, если бы не указали, что, не смотря на слабые стороны эстетическихъ работъ Аландскаго, въ нихъ заключается не мало тонкихъ наблюденій, умныхъ замѣчаній и мѣткихъ сопоставленій; такъ, напримѣръ, его замѣтки о роли, которую играютъ въ поэтической рѣчи синонимы, о силѣ поэтическаго творчества Софокла въ его Трагедіяхъ и т. д. и т. д. Эти частности свидѣтельствуютъ о тѣхъ же блестящихъ дарованіяхъ, которыя обнаружилъ авторъ въ своихъ предшествующихъ работахъ.

Неизмѣримо выше эстетическихъ стоятъ, по нашему мнѣнію, философско-историческіе труды Аландскаго, и мы не колеблясь считаемъ ихъ лучшими изъ всего, что написано покойнымъ; по времени они относятся къ послѣднимъ годамъ его жизни и группируются главнымъ образомъ около труда: „Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе“ (1882). (Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести пре-

восходную статью: „Арийская семья, ея строй и развитіе“ — по поводу книги Гёрна: „The Arian household, its structure and its development“ (1879)). Поводомъ къ этому труду, по заявленію покойнаго, послужило преподаваніе римской исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ, при которомъ онъ имѣлъ въ виду ознакомить слушательницъ не только съ фактами, но и съ приемами ихъ изученія, вмѣстѣ съ матеріаломъ науки сообщить и указанія для составленія понятія объ ея задачѣ и методѣ. И слѣдуетъ замѣтить, что цѣль автора была имъ вполне достигнута. Какъ извѣстно, начиная съ Нибура, изученіе древнѣйшей исторіи Рима привлекало массу изслѣдователей, изъ которыхъ многіе, сверхъ солидной доктрины, отличались несомнѣнною даровитостью и старались пролагать новые пути, изобрѣтать новые приемы и отыскивать новые средства для того, чтобы представить болѣе или менѣе отчетливое изображеніе древнѣйшей поры Рима. Авторъ поставилъ себѣ задачей критически провѣрить приемы работы въ трудахъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей исторической критики, отмѣтить и оцѣнить новые приемы открытія и доказательства, и исполнилъ это мастерски. Ознакомившись основательно съ трудами Моммзена, Ине, Целлера, Солтау, Нитча, Петера, Ниссена, Мадвига и др., онъ, благодаря съ одной стороны самостоятельнымъ работамъ надъ источниками, съ другой — широкому философскому взгляду на законы историческаго развитія, представилъ читателямъ въ высшей степени поучительный анализъ методическихъ приемовъ современныхъ изслѣдователей римской древности, весьма мѣтко указавъ и убѣдительно обосновавъ ихъ слабыя и сильныя стороны. Этотъ послѣдній трудъ Аладскаго можно смѣло рекомендовать всякому, кто пожелаетъ ознакомиться съ цѣлою историческою школою, и притомъ ознакомиться не поверхностно, но проникнуть, такъ сказать, въ ея лабораторію, узнать ея различныя манипуляціи и, подъ руководствомъ опытнаго и умнаго руководителя, узнать ихъ достоинства и недостатки. Тѣмъ болѣе жаль, что покойному не удалось окончить своей работы, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду, кромѣ изложенія исторіи образованія и политическаго роста римской общины до покоренія Лаціума, изложить также и исторію политическихъ учреждений Рима до 337 года. Отличаясь достоинствами внутренними, послѣдній трудъ покойнаго имѣетъ и достоинства внѣшнія: стройность и ясность изложенія. Видно, что излагаемая тема была зрѣло обдумана авторомъ и ея разработка какъ бы вылилась за одинъ разъ изъ подъ его пера.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ трудѣ Аландскаго — это изложеніе Вековой энциклопедіи и методологій филологическихъ наукъ (1879). Трудъ этотъ вызванъ желаніемъ ознакомить русскую читающую публику съ этимъ сочиненіемъ, желаніемъ вполне естественнымъ въ виду того, что книга Вега представляетъ превосходное изложеніе основныхъ положеній философіи и методики филологическихъ наукъ.

Изъ представленнаго обзора ученыхъ трудовъ Аландскаго (мы не сказали ничего объ его статьѣ: „Филологическое изученіе произведеній Софокла“, такъ какъ знаемъ о ней лишь по заглавію, и о рядѣ статей: „Философія и наука“, такъ какъ не считаемъ себя компетентными въ ихъ оцѣнкѣ) видно, что въ десять лѣтъ своей дѣятельности онъ обогатилъ русскую филологическую науку не малымъ числомъ сочиненій, за которыми останется репутація трудовъ умныхъ, интересныхъ и поучительныхъ.

Ш. Шеняловскій.

QUAESTIONUM NAEVIANARUM CAPITA TRIA.

L. S.

Cum nuper in Ennii scriptis versarer perscrutandis, non potuit fieri quin ad Naevium saepe deverterem, qui non modo temporis exiguo admodum intervallo praecessit illum sed etiam, si fides eis, quae Cicero tradit in Bruto (19, 76), exemplo fuit eidem. Et maxime quidem me applicabam ad carmen de bello Punico primo, ex quo multa sumpsisse narratur Ennius loco modo allato. Haec dum ago, facile apparebat aliquanto pluris nunc quam oportebat auctore potissimum Mommseno fieri a plerisque Naevii et ingenium et artem. Id ut etiam aliis persuaderem, editioni Ennii carminum, quae nunc typis imprimitur, adiunctae sunt librorum de bello Punico reliquiae, h. e. eius carminis, quod non ex Graeco est conversum a Naevio, sed proprio inventum ingenio. Atque eodem tempore hic mihi succrevit, quem manibus tenes quaestionum Naevianarum libellus.

CAPUT I.

De carmine belli Punico.

Satis constat Naevium qui Livium Andronicum, parentem poesis Latinae, proxime insecutus est tempore, exstitisse auctorem carminis tragici epicique cuius argumentum non ex fabulis Graecorum sed ex Romanorum rebus esset petitum. Recte enim viri docti inscriptiones quae sunt „Romulus“ sive „alimonium Romi et Romuli“ et „Clastidium“ videntur retulisse ad fabulas praetextatas, quibus infantia conditorum

Romae et victoria a M. Marcello a. 222 a. Ch. ad Clastidium de Vir- dumaro Gallorum rege reportata celebrarentur. Praeterea idem metro saturnio bellum Punicum primum, cui ipse interfuerat, est persecutus.

Ac facile intellegitur his primum adhibitis carminum generibus bene meritum de poesi latina Naevium, cum abundarent Romani et rerum gestarum copia et virorum illustrium ac bene de patria merito- rum tanta multitudine, ut nullus alius populus eos aequaverit.

Sed de praetextitis illius fabulis cum vix quidquam constet (nam aliena sunt prorsus a Romulo, quae apud Festum pg. 270 s. v. red- hostire et apud Ciceronem Cat. mai. VII, 20 posita adscriptis ei O. Ribbeckius), carmini autem de bello Punico, cuius exstant reliquiae aliquanto plures, cito caligo sit inducta editis annalibus Ennii, de hoc accuratius sumus disputaturi. Constat autem perscriptum hoc opus a Naevio sub finem vitae. Nam testatur Cicero (Cat. mai. 14, 50) eum senem (h. e. annos natum plus sexaginta) versatum in eo componendo. Porro satis certum est idem extremis belli Punicus secundi annis pro- disse. Nam etsi de natali Naevii anno non multum constet, tamen cum idem bello Punico primo militaverit, vitamque testis sit Varro ultra a. 204 a. Ch. eum produxisse (cf. Ciceron. Brut. 15, 60)—et Hierony- mus quidem chronici eum refert a. 201 mortuum, sed probabile est eum annis aliquot post obisse—, vix multum a vero aberrabimus, si statuerimus eum natum circa a. 270.

Quod si ita habet, apparet eum non ante a. 207 vel adeo post in- cohasse carmen de bello Punico. In quo perpoliando non potest dubi- tari quin diutius sit versatus, non modo quod eodem tempore etiam fabulis scribendis eum paupertate coactum operam navasse credibile est, sed quia ab ipso primum oportuit excoli genus dicendi epicum, quod parum feliciter tractatum esset a Livio Andronico, cuius prae- terea Odyssea, translata ex Graeco, argumenti erat ab operis Nae- viani argumento prorsus diversi. Itaque simillimum est veri circa id ipsum tempus, quo Ennius Romam venerit, prodisse epos Naevii. Illum autem a M. Catone quaestore adductum constat in urbem a. 204.

Carmen olim uno volumine et continenti scriptura expositum et Octavii Lampadionis grammatici opera qui c. a. 140 floruit divisum in septem libros proditum est testimonio Suetonii (de gramm. cap. 2). Et Ciceronis quidem aetate utramque carminis editionem fuisse in usu Santrae grammatici constat testimonio (ap. Non. pg. 170 s. v. septi- fariam): quod volumen unum nos lectitavimus set postea inven- nimus septifariam divisum. Neque enim potest dubitari quin Naevii

ad carmen pertineant haec verba. Nec vero insequenti saeculo editio quae ab ipso poeta erat proposita ex usu est remota.

Quod cum ita sit, non potest esse mirum, quod et antiquiores grammatici et posteriores, quos constat plerumque copis usos eorum qui aurea argenteaque litterarum latinarum aetate fuerunt, saepius—si Nontum exceperis—afferunt Naevii verba om̄issa libri nota quam addita.—Praeterea quod haud raro memorantur numeri voluminum aperte falsi, ita commode poterit explicari, ut dicamus, ubi antiquitus esset scriptum: Naevius belli Punici libro, additum aliquando numerum librario- rum arbitrio, quosupplerentur manca quae ipsis viderentur. Eodem errore, sed aliquanto magis ridiculo, peccatum in Nonii codicibus, ubi Varro Prometheo libero memoratur. Nam pro libero cum antiquitus scriptum esset libro, saepius etiam nota libri addita ab interpolatoribus scriptumque ut puta: lib. I, lib. II.

Ceterum simillima res fuit in Livii Andronici Odyssea. Quae cum olim uno contineretur volumine, post, incertum quando, a grammaticis ad exemplum editionis Zenodoteae, in libros est divisa XXIV.—Verum hac editione rarissime usos doctos inde apparet, quod ter non saepius (bis ap. Prisc. pgg. 647 s. v. linter, 752 s. v. daps, semel ap. Non. 194, 20 s. l. baltea, ubi plerique male putarunt historici Livii adferri verba) memoratur Odysseae latinae numerus libri.

Notum inter omnes Naevii carmine tractatum bellum Punicum (sive, ut ipse inscripsit, Poenicum) primum quo de Sicilia certatum inter Romanos et Carthaginienses. At de prooemio eius non perinde constat.

Et in limine quidem operis cum imitatione Homeri manifesta posita erat invocatio Musarum:

novam Jovis concordēs filiae, sorores,
Musas quas memorant Grai quasque nos Casmenas.

Nam ita scribendum versum alterum reddendumque Naevio, qui apud Vahlenum legitur in annalium Ennii initio et quidem ita scriptus:

Musas quas Grai memorant, nos Casmenarum

demonstratum est in libro, quem de Ennio nuper edidi, pgg. 137 sq.

Atque in prooemio satis est probabile Naevium memorasse ipsum bello Punico primo se interfuisse, non ut Vahlenu placuit in libro VII. Nam cum Ennium in prooemiis tantum editionum annalium, quae

quatuor ab eo sunt institutae, de se egisse constet, non in exodiis, etiam in hac re Naevium et exemplo fuisse non abhorret a vero.

Deinde libris I et II res Latinas ab antiquissimis inde temporibus usque ad conditam a Romulo et Remo urbem, non ultra, esse poetam persecutum cum persuasum habeant plerique, mihi quidem secus videtur. Nec vero causa et ratio apparet talis instituendi prooemii, nisi existimaveris a Naevio Romae et Carthaginis, potentissimarum tum temporis urbium et imperii aemularum, simul relata initia eorumque origines aliquo modo inter se coniunctas.

Atque haec opinio non caret sua probabilitate, modo ne statuatur, quod plerisque placuit, Aeneam auctore Naevio antequam in Latium perveniret, devertisse ad Dido reginam.

De qua re accuratius est expositum in libro de Ennio pgg. 147 sqq.—Etenim cum Ennium appareat in referendis antiquissimis rebus Latinorum secutum Naevium (nam uterque et Anchisen vaticinandi artis facit peritum ab eoque adductum tradit Aeneam ut relinqueret Troiam antequam caperetur nec non omissis regibus Albanorum qui apud Livium Vergiliumque et alios reperiuntur scriptores Aeneae ex filia nepotem dicit Romulum), non alienum erit, ut puto, ab artis criticae legibus alterius narrationem supplere ex alterius.

Jam vero constat ab Ennio, „plane ut a Timaeo scriptore Graeco factum, originem Romae eidem plane adscribi tempori, cui Carthaginis, et quidem anno fere a. Chr. n. 880, circa quem a Dido Carthaginem conditam frequentior fama obtinuit.—Nam cum in annalibus fuerint hi versus:

septingenti sunt, paullo plus aut minus, anni,
augusto augurio postquam inclita condita Romas,

apparet debuisse poetae causam adesse gravissimam, cur annum Romae natalem longe remotum a medio saeculo a. Chr. VII, cui vulgo tum tribuebant initia Romae, aetati isti assignaret, cum praesertim haec temporum ratio minime conveniret traditae vel de Troiae excidio vel VII regibus Romanorum famae, quam et ipse sequitur. Quos quidem tali pacto regnasse apparet per annos fere trecentos septuaginta, ut singuli imperium obtinerent per saeculi plus dimidium! Nec vero ulla poterit excogitari ratio, qua adductus Ennius urbem conditam relaceret in a. 880, nisi coniungere vellet origines Romae et Carthaginis, ex quibus altera Junoni summae deum reginae esset acceptissima, altera invisissima et quarum contentionebus certaminibusque essent oritura bella gravissima et longissima quae vidisset antiquitas.—Certis quippe

demonstrari potest testimonis ab Ennii fingi Junonem haud minus infensam Romanis, posteris Troianorum, quam a Vergilio Troianis; quam post Cannensem demum cladem odium abdicasse vetus refertur in annalibus.

Quae cum ita sint, celeberrimum illud consilium deorum, quo de Romuli ipsiusque Romae fati futuris agebatur ab Ennio, apparet non potuisse adscribi temporis, quod fuit sub mortem Romuli (id quod visum Merulæ) et multo minus ei, cum expositi sunt Romulus et Remus iubente Amulio, id quod placuit Vahlno, sed debuisse proponi statim post Romam et Carthaginem conditam.—Atque in eo expositum est a Jove de Romanorum et Carthaginiensium contentionebus fato destinatis promissumque excidium Carthagini nec non praedictum de Romuli et Remi rebus futuris.

Quae accuratius a nobis tractata nullo potuere pacto hic omitti, licet eadem simul persecuti in libro de Ennio, pgg. 150 sqq., quippe quorum maior pars ad Naevium non minus pertinere videatur quam ad Ennium. — Nam calanitate vehementissime miseranda cum Naevii pariter atque Ennii carmina epica, quae gravissimi essent momenti ad historiam poesis latinae, hausta sint eodem naufragio, quo maxima pars librorum latinorum Ciceronis aetate priorum, sed felici quodam casu ut memoravi, evenerit, ut Naevius aliquatenus suppleri posset ex Ennio, quem illius fuisse studiosum etiam aliunde constat, cum magna satis probabilitate licet statui, eodem fere modo in carmine belli Punici atque in annalium primo enarrata initia Romae et Carthagini. Et ut constat Naevium pariter atque Ennium dixisse Romulum Aeneae ex filia nepotem, apparet ne potuisse quidem fieri, ut ille faceret Aeneam devertentem ad Dido, si modo et ipse eodem anno Romam et Carthaginem tradidit conditam. — Quae cum ita sint non erat critici cauti et circumspecti verba quae a Nonio 335, 2 s. v. liquerit, 474, 6 s. v. perconta leguntur adscripta belli Punici lib. II:

blånde et dócte pércóntat
Aená quó pácto Tróiam urbém liquisset

referre cum Lipsio et Nibuhrto ad Dido, cum eodem iure eadem trahi possint ad Latinum regem.

Quaeritur iam utrum Naevius prooemii loco, ut vulgo nunc statuunt, antiquissimas solum res Romanas usque ad conditam Romam persecutus sit, quo initia prima ac semina bellorum Punicorum demonstraret, an continuaverit historiam urbis usque ad finem belli cum

Pyrrho rege gesti devictamque et subactam Italiam. Atque hoc cur verius esse putem, causam habeo unam, sed gravissimam.

Apud Varronem d. l. Lat. (VII, 45 ed. Muellerianae, qua ubique utor in verbis eius afferendis) leguntur haec:

Eundem Pompilium ait (Ennius) fecisse flamines, qui quom omnes sint a singulis deis cognominati, in quibusdam apparent *ετοπα*, ut quor sit Martialis et Quirinalis; sunt in quibus flaminum cognominibus latent origines, ut in his qui sunt versibus, plerique:

Volturnalem Palatuaalem Furrinalem
Floralem qui Falacrem et Pomonalem fecit
hic idem.

Quae verba mirificis modis a viris doctis sunt exagitata.—Nam cum Adrianus Turnebus (Advers. XXIII, 16) putasset contineri tambis scazontibus, quod tamen metrum primum Varronis aetate a poetis latinis est adhibitum, Odofredus Mueller hexametris heroicis illa constare existimavit et auctoris esse Ennii, eumque secutus est Vahlenus. Feruntur igitur tales apud Vahlenum:

Volturnalem Palatuaalem, Furrinalem
Floralemque Falacrem et Pomonalem fecit
Hic idem.

In his ut primi versus numeros omittam deterrimos, in secundi fine disyllabum vocabulum est positum, id quod nullus ex poetis fecit antiquis (nam Homeri exempla, quae feruntur contraria, sunt corrupta), si quintus pes constaret spondeo. Sed enim abhorret ab omni probabilitate Ennium summum illum numerorum artificem effudisse versus tam foedos, et quorum similes in reliquis carminum eius praeter eos qui errore doctorum ei sunt adscripti nullos inventas. Nec vero Varronis verbis ullo modo confirmatur esse ista Ennii. Concepta sunt metro haud dubie saturnio et in hunc fere modum restituenda:

Vortumnalém, Palatuaálem, Furrinaálem
Florálemque ét Falácrem et Pómonálem fécit
Hic ídem.

In his «Vortumnalem» scripsit O. Mueller, secutus Turnebum, idem «Floralemque» pro «Floralem qui»; deinde «et» a. me adiectum est.—Neque quidquam est quod in numeris reprehendas. Nam quod ad primum versum, caesura post thesin quartam in metro hoc non semper observatur. Praeterea spondeus secundo loco pro iambo positus saepe efficitur vocabulo spondiaco vel in spondeum exeunte, ut in epitaphio Naevii:
innórtalés mortáles fiére sí forét fas,
fierént divaé Casménae Naéviúm poétam.

De quo infra accuratius exponetur. Praeterea nulla causa est cur putemus in vocabulo quod est «Falacer» secundam syllabam, ut in lexicis fertur, fuisse brevem potius quam longam.

Haec si recte disputavimus, apparet ne de auctore quidem horum versuum iam posse dubitari. Nec enim ullum novimus poetam, qui saturnio metro res populi Romani sit persecutus, nisi Naevium. Huc accedit, quod verba Naevii ap. Non. pg. 197, 15 s. v. castitas servata:

res divas édicít,
praedícit cástus,¹

in quibus «castus» idem valet atque «caerimoniae», ad eundem Numam percommode trahi posse apparet.

Quae cum ita sint, concito in carmine de bello Punico prooemii loco non modo, ut vulgo existimant, antiquissimas res Romanorum usque ad urbem conditam tractatas, sed omnium regum acta, nec minús quae liberae republicae tempore usque ad devictam Italiam evenissent.

Cum his egregie convenit, quod in libro de vita et scriptis Ennii, pgg. 129 sqq. demonstratum est ab hoc poeta primum editos annalium libros sex, qui ab antiquissimis inde temporibus pertinerent usque ad fugatum ex Italia Pyrrhum redactosque in dicionem Tarentinos. Nam ut constat Ennium, qui circa annum a. C. n. 195 annales coepit conscribere, exemplo maxime Naeviani carminis, quod sub finem belli Punici secundi prodisse supra demonstravimus, excitatum esse ad suum epos incohandum et multa eundem mutuatum a Naevio, ita facilis oritur suspicio eo consilio ab illo materiam selectam, ut quae brevius percurrisset Naevius proluxo iam carmine enarrarentur.

Ita cum res habeat, quod testatur Priscianus pg. 707 apud Naevium inveniri in carmine belli Punici hoc «Samnite», licet id referre ad bella, quae cum Samnitibus gesserunt Romani, quamquam intelligitur ex uno verbo, nisi aliter constaret de argumento operis Naeviani, nihil omnino posse concludi.

Jam etsi minime constat quae potissimum res in prooemio sint tractatae, tamen haud inepte statuetur fabulosa et miraculosa aetatis antiquissimae eventa a Naevio aliquanto accuratius esse descripta quam quae historiae fide constarent. Atque in illis tam diligenter est versatus ut iudicium saepe desideres. Veluti scimus eum proluxa narratione persecutum esse Anchisae et Aeneae cum uxoribus sociisque ex ardente Troia fugam, tempestatem, qua Troianorum classis auctore Junone est vexata, orationem Aeneae consolantis socios, Veneris querelas apud Jovem et huius responsum (cf. Macrob. VI, 2 pg. 514 Jan.; Serv.

in aen. I, 198). At longe aliter Ennius; a quo constat res Aeneae ut peregrini hominis breviter atrectatas, contra Romuli, qui usque ad Caesarum tempora, cum Julia gens, quae genus sese ducere putaret ab illo, rerum est potita, multo magis fuit popularis inter Romanos duce Troiano, enarratas accuratissime.

Neque tamen veri est simile eo curae progressum Naevium, sicut putant plerique. ut scutum Aeneae ab eo fusa narratione describeretur, velut ab Homero Achillis, a Vergilio eiusdem Aeneae. — Nam quae huc referuntur vulgo, a Prisciano pgg. 679; 689 servata:

inerant expressa signa, quomodo Titani
 bicorporés Gigantes mágnique Atlantes
 Runcús atqué Purpúreus, filii Terras,

ea parum recte libro I carminis adscribi nuper demonstravi Philologi XLII pg. 408 sq. Corruptus autem est exitus versus secundi, cum a vetustissimis Romanis Atlas dictus sit inverso vocabulo Graeco Telamo; quo nomine quin etiamtum Naevius usus sit vix potest dubitari. Et pluribus quidem possunt commode assignari illa locis: veluti non abhorret a probabilitate fuisse posita in descriptione navis magnificae, quae cum olim fuisset Pyrrhi regis, dein ductis Poenorum Hannibalis, ad Mylas capta est a Romanis.

Non potest demonstrari, ut supra dictum, auctore Naevio in Africam et quidem ad Dido reginam delatum Aeneam. Neque magis constat, qualem idem poeta verum statum fuisse prodiderit in Latio, quo tempore eo venire Troiani. Sed cum Ennius, qui in antiquissimis rebus, ut memoravi, plurimum sequitur Naevium, testetur Iltam (quam alii Ream Silviam vocant), parentem Romuli et Remi, ab illa matre genitam atque sororem eius maiorem, ipsumque Amulii nomen sit latinum, satis est probabile secundum utrumque poetam venisse Aeneam in Latium Alba iam stante et ducta regis filia successisse in regnum.

Quae praeterea restant servata e libro primo ad Romulum fere et Remum referri possunt commode. Nam Remi mentio etiam si nulla superest in fragmentis carminis de bello Punico, tamen quin olim extiterit apud eum, sicut apud Ennium, convenienter fabulae vulgatae, non videtur posse dubitari. Jam cum ille Romulum dicat Aeneae ex filia nepotem, apparet, ut supra memoravi, regibus Albae Longae, quibus per quattuor saecula deducerentur res ab Aenea usque ad Amulium, non magis apud eum fuisse locum quam Numitori, quem Livius aliique tradunt ab Amulio defectum. Sed cum constet auctore Ennio Romulum et Remum Amulii iussu expositos in ripa Tiberis eorumque

matrem in fluvium praecipitatum, hanc poeta uterque videtur prodidisse causam saevitiae, qua usus est Amulius in sororem eiusque filios, quod Vestalis virgo pudicitiae legem sacratissimam violasset, nec ei fides esset habita de conceptu ex Marte deo partu.

Deinde cum Romulus et Remus deorum auxilio servati et apud pastores educati pervenissent casu aliquo in potestatem Amulii regis, videntur ab eo fortunae ludibrio quodam vel signis divinitus missis esse agniti, et propter plurima virtutis documenta, quae edidissent, habiti haud dubia progenies Martis. Atque probabile est a patruo, ut expiaret iniuriam, qua olim et geminos affecerat et matrem, datam eis facultatem novae urbis condendae. — Itaque huc pertinere existimo fragmentum, quod apud Nonium pg. 116, 30 s. v. gratulari invenitur:

manúsque súsum ad caelum sústulit suis rex
Amúliús dívísque grátulábátur.

Deinceps in primo libro Romuli et reliquorum regum res tractatae sunt, et quidem, ut puto, plerumque convenienter famae communi. Nam si multum ab ea recessisset, vix est credibile evenire potuisse, ut nulla usquam huius rei mentio feret in scholiis Vergilianis.

Deinde libro secundo videntur, ut supra est expositum, enarratae esse res liberae reipublicae. Neque tamen exstant fragmenta, quae certo possint adscribi illi, nisi haec (ap. Priscian. pg. 697; Macrob. sat. VI, 5, 8), quae quidem sic videntur esse scribenda:

— — — — — príma incédit Céreris puér Proserpna,
deindé polléns sagittis—inclutús arqúitínens
Sanctús Delphís prognátus—Pýthiús Apóllo.

In his versus primus cum sequentibus iunctus invento Merulae, quem ut Ennii ita Naevii fragmentis explicandis disponendisque operam perutilem adhibuisse notum est. De eo quod est «Proserpna» conferenda quae dixit Ritschellius opusc. philol. IV, 486; 506 sq.; 529 sq. — Quo pertineant illa, etsi non satis certum est, tamen haud absurde poterit statui describi eis a poeta auxilium a dis deabusque arcis Capitolinae, cum a Gallis oppugnaretur, latum.

Tertii autem libri initio a Naevio urbis Carthaginensis incrementa et progressus descriptos inde licet coniectari, quod etiam ab Ennio de isdem in principio libri VII expositum esse scimus. Quae res olim ignota nunc est patefacta versiculo huius poetae, qui multo post editionem Vahleni in lucem est protractus. Nam in codice historiarum Orosii bibliothecae celeberrimae Sangallensis quodam (numerus habet

621) ad verba quae sunt (IV, 6 pg. 221 ed. Zangemeist.): «Carthaginienses—Hamilcarem quendam cognomento Rhodanum, virum facundia sollertiaque praecipuum, ad perscrutandos Alexandri actus direxerunt», haec sunt adnotata ab Ekkeharto, qui priore parte saeculi undecimi floruit: «Ennius: quantum consiliis quantumque potasset is armis». Ita enim haec videntur esse scribenda, nam in codice pro «quantum» legitur «qualis», sed ut non satis certo constet de hoc verbo, porro «in» pro «is». Et nemo quidem haec dixerit sumpta ab Ekkeharto ex ipsius Enni exemplari; sed et hoc fragmentum et duo alia Enniana, quae in eodem libro inventiuntur tracta sunt haud dubie ex Ciceronis de republica libris, quos circa id tempus in Gallia Germanaque etiam extitisse satis constat. Ibi quae de speculatore a Poenis ad Alexandrum Magnum misso traduntur, sicut apud Livium, quem sequitur Orosius, fuere in proemio belli Punicum primum, etiam ab Ennio eodem loco prolata omnes habet numeros probabilitatis. Naevius autem multo etiam minus quam Ennius potuit supersedere Carthaginiensium rebus antiquioribus adumbrandis in carmine, cuius argumentum esset bellum Punicum primum.—Illud tamen non satis est certum, utrum in libro tertio, an in primo Didus et Annae sororis ab illo iniecta fuerit mentio; de qua cf. Serv. in aen. IV, 9. Nam hac de re tum demum posset iudicari, si exploratum esset prorsus, utrum Naevius aequae atque Ennius eodem anno Carthaginem et Romaem conditas retulisset necene.

Deinde in eodem volumine semina et initia belli Punicum primum erant enarrata. Ad quod recte retulerunt docti verba ap. Charis. pg. 103 servata

Marcus Valerius consul partem exercitum
In expeditionem ducit.

Factum est hoc a. 263.

Praeterea quae apud Nonium leguntur pg. 211, 3 s. v. «loca»: «convenit regnum simul atque locos ut haberet» (ita Merula, «habeat» codd.), cum aperte pertineant ad foedus a Romanis eodem anno cum Hierone Syracusanorum rege initum, mutatione cum lentissima scripturae antiquae tertio potius quam sexto libro, cui in codicibus sunt adscripta, tribuenda appareat.

At fefellit opinio Klusmannum, cum existimaret versus a Festo 317 s. v. «stuprum» traditos pertinere ad nobilissimum illud facinus quo a. 264 Calpurnius Flamma (sive et Caedicio vel Laborio fuit nomen); tribunus militum, legiones Romanas expedit ex insulis. Qui cum sint tales:

sesaque illi perire mavolunt ibidem
quam cum stupro redire ad suos populares,

et porro:

sin illos deserant, fortissimos virorum,
magnam stupram populo fieri per gentes

prius fragmentum in qua libet pugna describenda potuit habere locum alterum melius referetur ad auxilium quod victo Regulo reliquis exercitus quae Clupeam concesserant ferendum censuit senatus. Quae is recte habet opinio, quarto haec libro addenda.

Nam in hoc Reguli res tractatas apparet ex eis, quae a Nonio pg. 90, 27 s. v. «concinare» sunt servata:

transit Melitam Romanus, insulam integram gram
urit populatur vastat, rem hostium concinnat.

Ad quae explicanda pertinent, quae apud Orosium IV, 8, 5 leguntur: «Atilius consul Liparam Melitamque insulas Siciliae nobiles pervagatus evertit».

Quinto autem libro qui certo possit adscribi, nullus est servatus versus.

Etenim quae Vahlenus huc refert verba a Varrone de lingua latina V, 153 memorata: «dictator ubi currum insidit pervehitur usque ad oppidum», ad Claudium Gliciam ratus pertinere, qui a Publio Claudio a. 249 per ludibrium dictator est creatus et statim abdicare se magistratu coactus, ea neque saturnii esse metri et comoedii potius Naevii adscribenda olim intellectum est.

Sexto libro annum belli septimum decimum descriptum, qui fuit a. Ch. 248, demonstrat fragmentum a Nonio pg. 325, 5 s. v. «ilico» servatum:

iam septimum decimum annum ilico sedentes.

Denique ex septimo libro unum servatum fragmentum addito numero ap. Non. pg. 474, 16 s. v. «pascunt»; quo de pace a. 241 post victoriam ad Aegates insulas partam cum Poenis facta agi manifestum est.

Haec potissimum sunt, quae a Naevio in libris de bello Punico relata constat indicis vel certis, vel veri similibus. Quae apparet quam sint exigua et tenuia, si cum ingenti rerum copia, quibus bellum illud est nobilitatum, comparatis. Neque magis constat, quamam disponendi res ratione et consilio usus sit poeta. Neque id mirum cum et pauca satis servata sint fragmenta carminis et omisso plerumque vel corrupto libri numero.

Sed si respexeris, quae supra de verbosa fabularum antiquissimarum enarratione in primo libro posita memoravi, vix poterit dubitari,

quin in digerenda adornandaque materia parum feliciter versatus sit Naevius et aliquanto minore cum arte, quam Ennius, de cuius annalibus propter numerum fragmentorum quae extant, aliquanto melius potest iudicari quam de illius opere.

Praeterea multis comprobatur exemplis Naevii carmen compositum genere orationis aspero et inculto admodum et sermone interdum paene balbutiente, Ennii, si quaedam exceperis, quae aetatis potius, qua fuit, quam ipsius vitio sunt tribuenda, floruisse elegantia et nitore et exemplo fuisse poetis insequentium temporum omnibus. Sed hae tantae annalium virtutes obscuratae sunt saepe et oblitteratae ab editoribus, qui immortale hoc opus non modo conjecturis ineptis depravarunt, sed etiam adscriptis eis quae ab Ennio omnino essent aliena, omissis praeterea haud paucis, quae ad cognoscendum illud momenti essent gravissimi.

CAPUT II.

De versu Saturnio.

Jam de versu Saturnio mihi acturo, ne concessi huic opusculo transsiliantur fines, pauca eaque gravissima erunt memoranda.

Et illam quidem silentio praetereundam hoc loco existimo opinionem quorundam, qui statuunt metrum illud non, ut Livii Plautique et Ennii versus, ad quantitatum leges esse exigendum, sed rhythmica quadam modulatione temperatum, qualis invenitur in multis carminibus latinis a saeculo inde p. Ch. tertium, nata scilicet eo tempore, quo sermo latinus deficiente Romani generis propagine et adscitis in societatem illius tot gentibus barbaris magis magisque inversus est et corruptus, donec in eam mutatus est formam, quam nunc videmus in linguis Romanicis.

Ab hac sententia, quam olim plures sunt amplexi, nuperrime tutatus est Kellerus (in libello qui inscribitur «der saturnische Vers als rhythmisch erwiesen», Lipsiae paucis ante menses edito), cur omnino sim alienus, expositum est in libro de Qu. Ennio pgg. 219 — 223. Neque opus est diutius in ea immorari, quoniam per paucos nunc eam tueri est certum.

Ceterum cum constet etiam eos, qui recto usi iudicio saturnium isdem legibus metri teneri existimant, quibus versus latini a Graecis assumpti adstriguntur, diversa satis et repugnantia inter se statuere de illo, ne horum quidem in animo mihi est longius hic persequi pla-

cita, quae qui cognoscere voluerit, habet plene enumerata in libro L. Haveti «de saturnio Latinorum versu» (Lutetiae Parisiorum, 1880), de quo nuper (a. 1882 mens. Aprili et Maio) accurate commentatus est in his mensuris Th. Korschius.

Itaque satis habeo nunc dicere, quales ad leges numeri revocandae esse reliquiae belli Punici Naeviani videantur mihi.

Ac primo quidem loco Caesii Bassis qui Noroni Caesari fuit aequalis, (huic enim recte tribuit Henricus Keilius fragmentum de metris [gramm. lat. VI, 255 sqq.], quod prius perperam adscribebatur Atilio Fortunatiano) de saturnio numero referam opinionem. — Eius verba sunt haec (pgg. 265 sqq.):

„De saturnio versu dicendum est, quem nostri existimaverunt proprium esse Italicae regionis, sed falluntur; a Graecis enim varie et multis modis tractatus est, non solum a comicis, sed etiam a tragicis, nostri autem antiqui, ut vere dicam quod apparet, usi sunt eo non observata lege nec uno genere custodito, ut inter se consentiant versus, sed praeterquam quod durissimos fecerunt, etiam alios breviores, alios longiores inseruerunt, ut vix invenerim apud Naevium, quos pro exemplo ponerem. Apud Euripidem et Callimachum et quosdam antiquae comoediae scriptores tale inveni genus:

tardis edacibus dolos comparas amice;

et apud Archilochum tale:

quem non rationis egentem vicit Archimedes,

et tertium genus:

consulto producit eum, quo sit impudentior.

Apud nostros autem in tabulis antiquis, quas triumphaturi duces in Capitolio figebant victoriaeque suae titulum saturniis versibus prosequabantur, talia repperi exempla: ex Regilli tabula:

duello magno dirimendo regibus subigendis;

qui est substimilis ei quem paulo ante posui:

consulto producit eum, quo sit impudentior;

In Achilli Glabronis tabula:

fundit fugat prosternit maximas legiones.

Apud Naevium poetam hos repperi idoneos:

ferunt pulchros crateros aureas lepistas

et alio loco:

novem Jovis concordēs filiae sorores.

Sed ex omnibus istis, qui sunt asperrimi et ad demonstrandum minime accommodati, optimus est quem Metelli proposuerunt de Naevio, aliquotiens ab eo versu lacessiti:

malum dabunt Metelli Naevio poetae.

Hic enim saturnius constat ex hipponactei quadrati iambici posteriore commate et phallico metro⁴.

In his quae de saturnio numero etiam a Graecis usurpato dicuntur atque alia quaedam subabsurda quin ipsius existimentur esse Caesii non intercedo. Sed exempla ab eo proposita ex Naevio et inscriptionibus antiquissimis pariter cum legibus metri quae in extrema disputatione sunt proposita ad Varronem auctorem omnino videntur esse referenda. Certe hic in satira, quae inscribitur «Sexagessi», ubi temporis antiqui laudantur mores, habet saturnios ad hanc normam exactos:

tunc nuptiae videbant ostream Lucricam;
ubi tum comitia habebant, ibi nunc fit mercatus,
avidus
iudex reum ducebat esse κοινόν Ἐμμῆν.

Nec vero Varronem crediderim doctrinae huius, quam omnes post Caesium secuti sunt grammatici latini, parentem. Sed videtur ea ad L. Accium esse referenda, quem carminibus Saturnio metro compositis exornasse templa ac monumenta a Bruto amico exstructa intellegitur ex eis, quae a scholiasta Bobiensi ad Cic. pro Arch. 11, 27 sunt adscripta.

Accius enim cum et grammaticae esset studiosissimus (in qua quidem poetas latinos antiquissimos tantum non omnes haud mediocriter esse versatos est notum) simulque in carminibus pangendis artis cultusque cupidissimus, abhorruit haud dubie ab asperitate illa numerorum, quam in Livii Odyssea et Naevii bello Punico saepe videmus atque omnia ad certas revocavit leges. De quibus nescio an praeceperit in Didascalicon fibris sive Pragmaticon, quibus libris poeticae Latinae ab eo est tractata historia. Caesii Bassi placita, ut memoravi, insequentium saeculorum metrici usquequaque sunt secuti.

A saeculo inde XVI homines docti cum intellegerent doctrinam ab antiquis grammaticis prolatam non sufficere ad constituendos numeros versuum Saturniorum, qui aetatem tulerunt, alius aliam viam sunt ingressi, qua antiquissimum et diu unicum gentis latinae metrum explicarent. Cuius rei initium cum capere solerent a Livii Naeviique carminum reliquiis, quae et graviter corrupta et, ut proximo capite

demonstrabitur, foedum in modum sunt interpolata, non potuit fieri, quin multis difficultatibus erroribusque conflictarentur. Itaque novam viam inivit Friedericus Ritschellius, qui ex inscriptionibus potissimum, non ex scriptorum fragmentis leges Saturnii metri petendas esse existimavit. Neque potest negari haec monumenta in re de qua agitur tractanda momenti esse permagni, cum corruptellis interpolationibusque, si levissima quaedam exceperis, haud dubie vacent. Sed tamen opinio Ritschelli, quam cupide amplexati sunt quidam eius discipuli ac sectatores, non ab omni parte est probanda. Quis enim ignorat vel cultissimis temporibus antiquitatis inscriptiones existisse plerasque Graecas pariter et Latinas numeris adstrictas pessimis, in quibus pedum legis cura apparet perexigua? Eo autem magis probabile est quinto sextoque a. u. c. saeculo multo minus eruditissimorum ingenis saepe versus saturnios falsos et a norma legitima alienos per inscriptiones traditos. Itaque sicut erit imprudentis hominis hexametri pentametricive dactylicae leges non ex Horatii, Vergilii, Ovidii scriptis deducere, sed ex versiculis aeri vel lapidi incisis, quos tulit aetas, perinde esset ineptum et alienum ab arte Saturnii numeri doctrinam ex inscriptionibus repetere potius quam ex Livii Naeviique hominum eruditissimorum, ut illa aetate, carminibus, nisi haec plurimis turpissimisque mendis essent inquinata. Quae cum ita sint, sic ego statuo: proficiscendum quidem ab inscriptionibus in metro Saturnio constituendo, sed ita ut etiam Odysseae Latinae librique de bello Punico habeatur ratio accuratissime, exceptis eis versibus, in quibus apparent corruptelarum interpolationumque vestigia manifesta. Praeterea non existimo nimis urgendum instandumque, si in inscriptionibus unum alterumve inventatur exemplum, quod a legibus Saturnii metri alioqui certis et haud dubiis videatur abhorre. Nam possunt talia tribui incuriae ignorantiaeque auctorum, plane ut in aliis inscriptionibus inveniuntur hexametri quinque vel septem pedibus constantes vel in quibus pro dactylo positus sit creticus vel pro spondeo trochaeus. Quae cum ita sint, valde est dolendum, quod Buecheler, Havetus, alii in Saturnii legibus indagandis nimis quantum curarunt inscriptiones, interdum etiam tales, quas ab indoc-tissimis hominibus profectas esse apparet, vel quas ne demonstrari quidem posset versibus contineri. Neque minus est improbandum, quod quaedam gravissime interpolata, et quae antiqui coloris nullum iam habeant vestigium in numeros redegere Saturnios, velut illa, quae apud Festum pg. 93 (ed. Mueller.), Macrobius Saturn. V, 20, 17, Servium Danielis in georgic. I, 101 feruntur: «hiberno pulvere, ver-

no luto, grandia farra, Camille, metes». In quibus ultima quattuor verba ingenuum efficiunt tetrametrum catalecticum. Priora quattuor in nullius versus formam possunt redigi.

Neque magis potest laudari quod inscriptiones vel oracula a Livio historico vel aliis scriptoribus imperatorum temporis servata et quae apud Gellium ex Catonis Censorii carmine de moribus traduntur Hermannus, Ritschellius, alii restituere sunt conati in formam priscam, cum appareat illa liberrime interpolata, ut intellegi possent a lectoribus orationis vetustissimae latinae pariter atque metricae ignaris, Gellium autem usum esse non ipsius Catonis libro, quem sane Saturnio metro esse compositum probabile est sed paraphrasi quadam pedestri, quo quidem non magis servatus est fucus antiquitatis, quam Ennii Euhemero carmine, in sermonem pedestrem converso, quo usus est Lactantius.

Ut de Livio pauca addam, notum est historicos veteres ea cura fuisse servandae dicendi concinnitatis et aequalitatis, ut ne orationes quidem vel epistulas eorum, quorum res describerentur, libris suis insererent, nisi brevissimas et quidem rarissime. Quo magis pro comperto est habendum, cultissimae scriptorem aetatis, qui ipse XXVII, 37 Livii Andronici carmen quoddam dicit, huius forsitan tempestate laudabile fuisse rudibus ingentis, sed iam abhorrens et inconditum si referatur, inscriptiones et oracula quae subinde memorat retulisse inversa liberrime. Id cum aliis comprobatur exemplis, tum vel maxime commonstratur relata XI, 52, 4 tabula, quam in aede Larum permarinorum fixisset M. Aemilius Lepidus. Ibi cum scripta sint haec: «supra valvas templi tabula cum titulo hoc fixa est: duello magno dirimendo» e. q. s. et post relatum inscriptionem addantur haec: «eodem exemplo tabula in aede Jovis in Capitolio supra valvas fixa est», facile possit homini imperito in mentem venire, Livio titulum illum cum fide transcriptum ex ipsa tabula. At enim neque tabulam ab eo inspectam, et inscriptionem ex alio historico petitam multisque modis immutatam ab ipso docent verba ab antiquitatis colore perinde atque a numero Saturnio aliena.

Et facile quidem intelligitur, cum Saturnius versus multum habeat libertatis atque a doctis haud paucis ei aliquanto plus tributum sit licentiae quam ullo tempore habuit, haud difficulter quaelibet prosae monumenta in hunc conformari posse numerum. Sed quae Hermannus in elementis doctrinae metricae, pgg. 614 sqq., Ritschellius opusc. phil. IV, 299 sqq., protulerunt carmina Saturnia ex Livio Gel-

loque aliisque auctoribus proprio ingenio reficta, vel ideo ab antiqua forma et vera multum abhorrere sunt putanda, quod abundant cuiusvis generis ellisionibus, quarum usum in poesi antiquissima latina, quae altiores sumeret spiritus non ita fuisse frequentem, sed rariorem aliquanto quam apud scaenicos accurate a me est demonstratum in libro de Q. Ennio, pgg. 229—232.

His expositis superest, ut ostendam, qualem ego ad normam exigendas putarim Naeviani carminis, quod nunc typis imprimitur, reliquias. Sed haec breviter persequi placuit eo magis, quod mihi in animo est post aliquod tempus iustum volumen de Saturnio versu edere.

Sed singula antequam persequar, haud inutile erit praemonuisse, Naevium, cum non primus inter eos, qui Graecos secuti novas patefecerunt vias poesi latinae, sed post Livium Andronicum Saturnia carmina composuerit, maiore in legibus metri huius servandis usum esse diligentia quam hunc omnes implere numeros probabilitatis.

Cum igitur priores grammatici in Saturnii numeri reliquis multa temptassent, sed pauca bene gessissent ne Hermanno quidem excepto, qui de eo exposuit elem. doct. metr. pgg. 606 sqq., primus rectiorem viam inivit Olofredus Mueller, qui in commentis ad Festum pg. 396 dixit formam eius ab antiquis traditam plane iustam esse hanc:

ita tamen ut omnes theses possent supprimi praeter ultimam. Deinde Ritschellius ab eadem licentia iure exemit primam thesin et quartam. Mihi vero ita videtur esse statuendum, ut existimemus a diligentissimo quoque numeri Saturnii auctore in singulis versibus non saepius quam semel thesin omissam, et quidem potissimum in loco sexto, aliquanto rarius in tertio, in reliquis vix unquam.

Arsis autem, ut in scaenica poesi antiquissima, praeterquam ubi nulla sequitur thesis, ita in Saturnio versu ubique potest solvi, etiam in loco ultimo, veluti in hisce:

deindé polléns sagittis inclutús arquítēnens;
plérúmque omnés subigúntur, súb vanám iudícium.

Neque tamen id frequentur videtur admissum.

Porro pro iambo vel trochaeo ubique locus est spondeo. Sed trochaeo ei, qui primus est post caesuram, ut primus intellexit Theodorus Korschus, raro succedit pes ille, ne scilicet statim initium secundi hemistichii aperte trochaici alieno numero obscuratur. Id maxime admissum, ut videtur, si sexta thesis est suppressa, velut in his:

eorum sectam sequuntur multi mortales;
 magnam domum decorumque diem vexarant;
 vel in his ubi etiam quarta arsis est soluta:

fientes ambae abitentes lacrimis cum multis;
 magnam stuprum populoi fieri per gentis.

Nec enim placet huius versus partem ultimam scandere, ut Vahleno libuit:

fieri per gentis.

Satis quippe constat tam frequenter paenultimam thesin omissam, ut ea licentia a poetis petita potius esse videatur quam vitata.—Nec vero ei qui consideraverit penitus infixum fuisse et insitum poetis latinis aequalitatis studium, in legibus metri constituendis poterit esse mirum, quod tum potissimum pro trochaeo post caesuram posito admiserunt spondeum, si proximus pes suppressa thesi aliquid subiret damni. Etiam secundus alterius hemistichii pes saepius trochaeum habet quam spondeum.

Porro sicut in iambicis trochaicisque scaenicorum vetustissimorum metris, etiam in Saturnio soluta thesi spondei pro iambo vel trochaeo positi potest succedere anapaestus vel dactylus praeter ultimam thesin, ita tamen ut duae breves huius pedis numquam possint efficere finem verbi plus quam disyllabi aut eae dispescantur duobus verbis. Alioquin haec licentia in omnibus pedibus adhibetur.

Etiam in pede paenultimo, ut haec probant exempla:

Quam cum stupro redire ad suos popularis;
 superbitur contemptim conterit legiones.

Vix tamen credo duos apud Naevium anapaestos continuatos. Nam in versu, qui apud Paulum Festi compilatorem pg. 271 legitur:

simul aliis aliunde rimitant inter se

facile poterit reponi: «alis» pro «alius».

Proceusmaticum adhibitum non invenio, neque umquam eum adhibitum credo a Naevio, nisi forte in initio versus, cui semper maior concessa est licentia pro iambo primo.

Caesura adest versibus longe plurimis, et quidem una, post quartam thesin. Sed in nonnullis est omissa, veluti in epitaphio Naevii:
 obliti sunt Romae loquier lingua latina;
 item in bello Punico:

Vortumnalem, Palatnalem, Furrinalem.

Nec vero id mirum, cum vel Ennius poeta longe cultior Naevio interdum admittat hexametros caesura carentes.

Saturnium metrum cum non magis quam versus scaenicorum latinorum compositum sit cum observantia accentus grammatici, sed totum temperetur legibus quantitatum, eadem tenetur norma, qua reliqui versus latini. Itaque in fine evitatur monosyllabum praecedente plus quam monosyllabo. Nam in versu supra memorato:

simúl alís aliúnde rámitánt intér se,

«inter se» unius instar esse vocabuli notum est (cf. de re metrica pg. 371). Fragmentum autem, quod apud Varronem de lingua latina VII, 23 s. v. ratis legitur, adeo foede est corruptum, ut certo numeri eius constitui non possint.

Perinde evitatur monosyllabum in quarta thesi ubi fit caesura praecedente vocabulo in spondeum exeunte.

Contra satis saepe fit ut pro secundo iambo ponatur exitus verbi spondiacus, veluti in exemplis hisce:

immórtalés mortáles fiére sí forét fas;
Vortúmnalem, Palátualem, Fúrrinalem;
fierént divae Casménae Naéviám poétam;
eorám sectám secúntur múlti mórtáles;
noctá Troiád exhibant cápítibus opértis.

Haec licentia in trimetro iambico, cuius quidem usitatissima caesura est post alterum trochaeum, non ut in Saturnio post tertium, non videtur fere inveniri.

Elisionum usum in plerisque inscriptionibus Saturnio metro compositis aliquanto minus esse frequentem quam in Plauti Terentiique poematis demonstravi in libro de Ennio, pgg. 229 — 232. At in Naevii carmine, ut solet fieri in longioribus adeoque epicis, fuit haud rarus. Attamen tenendum etiam in hoc aliquanto inveniri pauciores, quam vulgo credunt decepti vel codicum corruptellis vel coniecturis doctorum, et evitari fere asperitatem elidendi. Cuius rei causa eadem fuit, quae synizeson paucitatis; de qua mox dicturus sum.

Hiatus haud dubie est permissus in exitu prioris hemistichii post caesuram. Ex quo apparet metrum Saturnium ab antiquissimis iam auctoribus eius adhibitum cum eadem licentia, qua versus asynarteti utuntur in media compositionis parte. Habes hiatus statim in primo Livii versu:

virám míhí Caména íasecé versútuun;

item apud Naevium:

ei venit in méntem hóminum fórtúnas;
íbi forás con ádro flico éxibant;

patrém suúm suprémum óptimum ádpéllat;
 quam cúm stupró redíre ád suos populáres;
 censét eó ventúrum óbviám Poénum;
 apúd empórium in cámpo hóstiúm pró móene.

In his etsi ea sunt parum certa, ubi «auro» et «campo» posita sunt cum hiatu, quippe in quibus antiquitus potuerit esse scriptum «aurod» et «campod», tamen de reliquis dubitari non potest. Alia vero hiatus exempla non putavi in carmine Naeviano toleranda, cum vel aperte sint vitiosa vel opera facillima possint removeri. Veluti iam supra damnavi versum pessimum fragmenti gravissime interpolati, a Vahleno exhibitum ita:

partém exérciti in expéditióne dácit.

Porro quod legitur apud Probum in Vergilii ecloga VI, 31 (pg. 14 ed. Keiliana):

postquam aves aspexit in templo Anchisa,

pro «postquam» potest restitui «postquamde». «Quamde» enim pro «quam» non modo Ennium in annalibus, sed multos veteres dixisse testatur Festus pg. 261.

Syntzesis durioris exempla non inveni, excepto quod «eorum» disyllabum et monosyllabum «eius» habes in versibus hisce:

eorúm sectám sequúntur múlti mórtáles;
 iamque eíus mentém quiétem fécerát fortúna.

Ita «puer» monosyllabum restituendum existimo in verbis iam alio loco allatis, quae servata sunt a Prisciano pg. 697:

príma incédit Céreis puér Proserpna;

ubi plerique codices habent scriptum «Proserpina puer», Lugdunensis «puer Proserpina».

Contra quae leguntur apud Priscianum pg. 770:

senex fretus pietate deum adlocutus summi
 deum regis fratrem Neptunum regnatorem
 marum

in his prius «deum» falso ferri facile apparet, sive id expungendum est, seu mutandum in «tum».

Jam etsi propter reliquiarum paucitatem difficile potest iudicari, quantum sibi in syntzesi adhibenda permiserint Livius et Naevius, tamen satis est probabile eos in carminibus, quae non ad scaenam pertinerent (ubi pronuntiandi dexteritate ab actoribus asperiores vocalium in unam syllabam coeuntium concursus poterant mitigari), sed legentibus essent destinata, aliquanto rarius cautiusque quam in fabulis admisisse licentiam illam.

Quod ad positionis leges attinet, satis constat in Saturnia Romanorum poesi non magis quam in scaenica usque ad Ciceronis tempora productam esse brevem vocalem insequentibus muta et quaedam, si hae ad syllabam posteriorem pertinerent, praeter «gn» et «gmi».

Praeterea cum sit notum a Plauto etiam in aliis exemplis multis positionis leges neglectas, si vocalis natura esset brevis, huius licentiae apud Naevium certa exempla non extant. Apud quem eam omnino angustioribus aliquanto finibus circumscriptam fuisse existimo, quod legentibus nimirum, non audientibus carmen de bello Punico erat destinatum.

Denique cum a multis sit observatum produci saepe in Saturnio metro finales, quae apud poetas Caesari vel Augusto aequales semper essent breves, pars quidem exemplorum illorum ita poterit explicari, ut dicamus tertio a. Ch. saeculo syllabas illas etiamtum fuisse longas. Id quod maxime pertinet ad verborum finales «ata», «eta», «ita», si secunda persona vocalem habet longam et ad substantiva in «or»: «oris» exeuntia.—Itaque nihil est licentiae metricae in versibus hisce,

censet eó ventúrum óbviám Poénum;
 et venit in méntem hóminum fórtúnas;
 verúm praetór advéniens aúspicat auspicium.

Sed enim, minime licet omnia productarum finalium exempla, quae in Saturniis versibus inveniuntur, tali modo explicari. Cf. Havet. de versu Saturnio pgg. 45 sqq.

Jam cum constet Graecos productionem arsis vi effectam, qua in dactylico metro frequentissime sunt usi, ab iambico trochaicoque segregasse, ea lex non cadit in antiquissimum metrum Romanorum. Et quidem hac eos licentia usos esse aó re multum explorata pensitataque, ut in prima secundaque et quinta arsi haud dubie admitterent productionem brevis, sive ea in vocalem extret sive in consonam. Quae res tam multis confirmatur exemplis, ut de ea dubitari non possit. Afferam quae ex Naevio huc pertinere videantur:

noctú Troiád exíbant cápítibús opértis;
 sacra in mensá Penátium órdinē ponúntur;
 Runcús atqué Purpúreus filii Terras;
 deindé polléns sagittis inclutús arquiteñens;
 sanctús Delphis prognátus Pftíus Apólló;
 atróciá porricerent éxtra mínstratóres;
 scopás atqué verbénas ságiná sumpsérunt;
 summé dedm regnátor quíauam mé gonnísti;
 simúl alís aliunde rúmitánt intér se;
 apúd empórium in cámpo hórtiúm pro moéne.

Eandem habes licentiam in primo versu Odysseae Livianae, quem propter id ipsum, quod est primus, corruptum difficile potest credi:
virum mihi Caména insecé versitum.

Neque vero obscurum est cur his tribus locis productionem arsis vi effectam continuerint Saturnii metri auctores. Nam prima arsis utitur ea licentia, quae propria est intiti versus; secundae et quintae haec venia adest, quod post has potissimum omittitur thesis.

Haec habui, quae de Naevii versibus Saturniis potissimum mihi viderentur dicenda. At cum plura aliquanto possint memorari de ceteris reliquis huius metri, quibus cupiditas fuerit accuratius cognoscendi quid de eo statuamus eos remittimus ad librum, quem hoc vel proximo ut speramus anno de eadem re sumus edituri.

Interim poterit fieri, ut nonnullis in legibus huius metri constituendis videamur fuisse severiores. Sed eos velim cogitare Naevium haud dubie fuisse hominem peritissimum linguae litterarumque Graecarum, quem plane sit improbable rudi prorsus arte crassaque Minerva in Saturnii versus numeris tractandis versatum, neque eum primum excoluisse hoc metrum, sed praecessorem habuisse Livium, quem ab eo superari arte par esset, denique Romanos saeculi a. u. c. sexti haudquaquam fuisse ingenio tam bardo et hebeti, quod attinet ad rem musicam, quam nunc Mommsenum secuti credunt plerique. De qua re saepius a me est disputatum in vita Ennii, maxime in secundo libro, quo quaeritur, qua doctrina fuerint, qua iudicii elegantia Romani Plauto et Ennio aequales. Naevii autem carmen de bello Punico prodisse sub id ipsum tempus, quo Romam venerit Ennius, supra memoravimus.

CAPUT III.

De crisi Naevii libris adhibenda.

Carminis de bello Punico fragmenta cum sint pauca admodum numero, mirificas tamen traxere corruptelas. Quibus tollendis operam haud inutilem adhibuerunt Josephus Scaltger, Godofredus Hermannus, Odo-fredus Mueller. Contra vix quidquam profecit Johannes Vahlenus, qui a. 1854 reliquas operis Naeviani apud Teubnerum, bibliopolam Lipsiensem, edidit.

Equidem quas metri leges in verbis Naevii restituendis servandas existimarem, priore capite exposui. Ceterum mirum mihi videtur admodum, quod omnes, qui superiore tempore tractarunt idem carmen

fugit, haud raro quae ex eo afferrentur tam graviter esse interpolata, ut ipsa Naevii manus restitui nullo modo possit. De qua re iam accuratius disputandum.

Constat harum rerum peritis fabulas Livii, Naevii, Plauti iam primo saeculo a. Ch. n., quo primum a grammaticis tractari sunt coeptae, non tales extitisse, quales ab auctoribus sunt profectae, sed graviter interpolatas actorum potissimum licentia, qui cum illis vehementer delectaretur populus Romanus ideoque saepe repeterentur in scaena, plurima ut obsoleta nimis et cultae magis aetatis iudiciis non iam satisfacienda vel quae breviter nimis dicta sive proluxe viderentur pro arbitrio mutarent. Idem haud dubie factum in Ennii, Pacuvii, Caecili, Terentii fabulis, minore tamen cum audacia, quippe quae aliquanto magis limatae expolitaque essent, quam antiquiores. Grammaticorum autem, qui a Sullae inde tempore in carminibus illis restituendis sunt versati, opera exigua admodum harum interpolationum partem sublatam esse probabile est, cum et destituti essent antiquis et genuinam scripturam referentibus libris poetarum neque metricae vetustissimae leges probe tenerent, adeoque interdum sermonis priscae Latini carerent peritiis. Quae cum ita essent, plerumque tantum avertit, ut tollerent inveteratas mendas, ut novas adderent. Ex quo apparet, quam sit lubrica saepe quamque aleae plena crisis Plautina et Terentiana.

Odyssea autem Livii et Naevii bellum Punicum etsi minus fuerunt obnoxia interpolatorum libidini, quippe quae non in scaena agerentur, sed legentibus essent destinata, tamen et ipsa multum sunt immutata a grammaticis propter imperitiam metri Saturnii. Cuius leges quae feruntur apud veteres metricos, ut secundo capite memoravi, videntur esse referendae ad M. Terentium Varronem vel L. Accium et ad Caesum Bassum.

Extat caput quoddam Charisii de Saturnio metro, nostro primum saeculo repertum, quod quin ex huius libro de metris sit excerptum non potest dubitari (cf. vit. Ennii pg. 23). Ex hoc apparet a Caesio omnes fere antiquorum poetarum versus, quos ipse scandere non posset, habitos pro saturniis. Quorum in numero et trimetros iambicos dimetrosque anapaesticos et Laevii, qui aequalis fuit Varroni, ionicos a maiori ponit ille.

Jam cum forma ea Saturnii versus, quam a grammaticis Latinis vulgo prolatam priore capite memoravi, non ita multis constaret exemplis in Livii Naeviique carminibus, nec pauci in his versus invenirentur tales, qui scandi viderentur vix posse, non poterit esse mirum, quod

Caesius Bassus interpolando licenter invertendoque antiquitus tradita saepe novos versus est fabricatus. Qua in re quanta cum ignorantia audaciaque sit versatus, apparet vel inde, quod in Livii Andronici traegodia quadam hexametros dactylicos aliosque ultimo pede imminutos (qui miuri sive verius dicuntur myuri) invenisse sibi visus est. De qua re extat insignis locus Terentiani Mauri (v. 1931 sqq.).

Livius ille vetus Graeco cognomine suae
 inserit Junoni versus, puto, tale docimen:
 praemisso heroo subiungit namque miuron,
 hymnum quando chorus festo canit ore Triviae:
 «set iam purpureo suras include cothurno,
 balteus et revocet volucres in pectore sinus,
 pressaque iam gravida crepitent tibi terga pharetra;
 dirige odorisoquos ad certa cubilia canes».

Cf. etiam Mar. Victorin. pg. 2511 sq., qui h. l. ut saepius usus est Terentiano. — Huius autem verbis per illud «puto» indicari exemplum, quod a Caesio Basso ex Livio Andronico adlatum esset, quia asperius videretur et subrusticum, ab ipso refectum et correctum olim intellexere docti.

Huius igitur doctrinae egregiae manifestum est deberi, quod a Prisciano aliquot hexametri dactylici citantur ex Odyssea Livii, et quidem hi (pg. 606; 760; 817).

inferns an superus tibi fert deus funera Ulixes?
 at celer hasta volans perrumpit pectora ferro;
 cum socius nostros mandisset impius Cyclops.

Nec non trimeter iambicus (697):

puerarum manibus confectum pulcherrime.

Sane in hexametro tertio, quo constet numerus, finalem in «mandisset» oportet produci, sicut non modo apud Plautum fieri videmus, sed etiam apud Ennium.

Etiam inter Naevii fragmenta habes heroicum versum talem (ap. Non. 211, 3):

convenit regnum simul atque locos ut haberet.

In isdem hoc invenitur metrum iambicum (ap. Charis. pg. 103):

Marcus Valerius consul partem exerciti
 in expeditionem ducit.

Atque hic tanta cum audacia grassatos esse apparet interpolatores, ut ne proprio quidem nomine abstinerent. Nam consuli a. 263 Mantio fuit praenomen, non Marco.

Alius trimeter, caesura quidem ille carens, invenitur ap. Festum pg. 317 s. v. stuprum:

sin illos deserant fortissimos viros.

Denique ipse testatur Priscianus (pg. 699) in versu tali:

magnam domum decorumque ditem vexarant

inesse metrum iambicum. Cuius verba sunt haec: «invenitur tamen etiam simplex «decor», «decoris» paenultima correpta apud vetustissimos, quando pro «decorus», «decora», «decorum» accipitur. Naevius in carmine belli Punici:

magnam domum decoremque ditem vexerant;

aliter enim iambus stare non potest».

Itaque apparet a Prisciano Naeviana illa habita pro senario iambico proditumque in exitu versus non, quod scripsit poeta: «vexarant», sed «vexerant». Atque id omnes libri ab Hertzio adhibiti testantur nisi quod in Halberstadiensi erasa post «x» littera repositum est illud «vexarant».—Eademque lectio adstruitur ipsa corruptela lexicæ ab Angelo Maio p. VIII auctorum classicorum e Vaticanis codicibus recuperatorum (pg. 165), in quo est:

magnamque domum decoremque ditem duxerant.

Ibi, ut strictim hoc moneam, non minus quam in ultimo verbo in primo inest vitium. Nam admissio hoc: «magnamque domum», quod etiam Vahleno placuit, perit secundi iambi numerus. Itaque legendum est «magnam», quod firmatur codicibus Prisciani Sangallensi ac Bambergensi, nec non Lugdunensi et Carolinensi, sed ut in his pariter atque in Bambergensi copula postea sit adiecta.

Quae cum ita sint, in edendis Naeviani carminis reliquiis hanc sum secutus viam, ut ad eas metri Saturnii leges, quas supra mihi dixi probari, revocarem omnia fragmenta quae aut omnino non aut leviuscule ab interpolatoribus affecta esse censerem. At ubicumque apparebat, grammaticorum fraude ita inversam corruptamque antiquam metri formam, ut nullum plane adesset fundamentum criticae faciendae, servandam duxi scripturam traditam. Itaque non est quod mirere in editione nostra ingenuos inveniri et trimetros iambicos et hexametros dactylicos. Certe id melius visum tutiusque quam aut novis interpolationibus ad veteres additis (quae semper fallacissima est et a probabilitate alienissima emendandi via) speciem aliquam restituere numeri Saturnii aut talia eius proponere exempla, qualia Vahlenus commentus est, qui ne una quidem littera mutata verba «convenit regnum simul

atque locos ut haberet» et «Marcus Valerius consul partem exerciti in expeditionem ducit» pro Saturniis venditavit ita disposita:

convénit regnum
simul átque locós ut habéret;
Márcu' Valériu' cónsul
partém exérciti in éxpeditióem dúcit.

Quae vides tam aspera tamque inconcinna, ut ne Faunos quidem vatesque talia cecinisse existimem.—Scilicet primus ad verum inventendum gradus est falsa cognoscere; quae ubicumque corrigere non licet, est etiam quaedam virtus nescendi.

L. Mueller.

ELOGIA SCIPIONUM,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ АРХАИЧЕСКОЙ ЛАТИНИ.

Ut silvae foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt: ita verborum vetus interit aetas,
Et iuvenum ritu florent modo nata vigentque.

Horatius.

Однимъ изъ безспорно любознательнѣйшихъ эпиграфическихъ преданій римской древности является группа надписей, извѣстныхъ въ классической филологіи подъ общимъ именемъ „Elogia Scipionum“ и представляющихъ собою во многихъ отношеніяхъ цѣнный научный матеріалъ. Прежде всего, въ качествѣ почти невредимо дошедшихъ до нашего времени памятниковъ давно минувшихъ дѣяній героевъ глубокой римской старины, надписи эти не могутъ быть обойдены историкомъ Рима, задавшимся цѣлью изобразить его судьбы на основаніи болѣе или менѣе древнихъ и по возможности достовѣрныхъ источниковъ; съ другой стороны, какъ образцы первобытной римской поэзіи, въ которыхъ мы находимъ разнообразныя, мастерски скомпонованныя варіаціи на общую тему „de mortuis aut bene aut nihil“, тексты упомянутыхъ элогіевъ важны съ точки зрѣнія литературнаго знакомства съ первыми плодами національной римской музыки. Наиболѣе же вниманія заслуживаютъ они собственно какъ памятники письменности, относящіяся къ различнымъ періодамъ жизни языка, начиная съ эпохи древнѣйшихъ его реликвій и почти до времени расцвѣта латинскаго классицизма — какъ источникъ, слѣдовательно, грамматическаго характера и притомъ вводящій изслѣдователя въ такъ называемую архаическую пору латинской рѣчи.

Изъ трехъ областей грамматики—этимологіи, синтаксиса и ученія о просодии, наиболѣе разнообразный и богатый матеріалъ дается въ нашихъ эпиграфахъ для первой, въ частности—для ея фонетическаго и морфологическаго отдѣловъ, съ точки зрѣнія которыхъ ниже въ общепринятой хронологической послѣдовательности самыхъ памятниковъ и рассмотримъ ихъ текстъ съ посылкою подробнымъ объясне-

ніемъ каждой аберрирующей формы, при чемъ снтакслсъ и просодіа также признаются на помощь въ случаѣ необходимости болѣе разносторонняго освѣщенія того или другаго вопроса.

Непремѣннымъ долгомъ считаю выразить искреннѣйшую признательность своимъ учителямъ: И. П. Минаеву, И. В. Помяловскому и О. А. Шебору, которымъ я обязанъ возможностью пользоваться многими, весьма существенными для моей работы научными пособиями.

Свѣдѣнія о памятникахъ.

Слишкомъ двадцать-шесть вѣковъ минуло съ того приснопамятнаго для всего древняго міра дня, когда братья-близнецы отмежевали скромный клочекъ земли, легшій въ основаніе вѣчнаго города, и лишь около четырехъ столѣтій тому назадъ послѣдній римскій императоръ сложилъ голову подъ грознымъ въ то время мечемъ ислама. Двадцать-два вѣка прожлъ колоссальный организмъ, зародившійся въ мнѣическомъ полумракѣ преданій старины, выросшій и возмужавшій среди упорной борьбы за право участія во всемірной исторіи и, послѣ многихъ кровавыхъ перипетій, заявившій себя властелиномъ европейской цивилизаціи. Не мало достославныхъ событій и великихъ дѣятелей представила намъ жизнь этого гиганта, доселѣ еще полная богатѣйшимъ запасомъ данныхъ для историковъ, біографовъ, археологовъ, художниковъ и т. п. адептовъ науки и искусства, желающихъ послужить одной великой цѣли—разработкѣ жизни древняго Рима.

Масса фактовъ и именъ, соединенныхъ съ различными фазами ея развитія, передана дошедшею до насъ литературой, при чемъ для нѣкоторыхъ лицъ и эпизодовъ обстоятельства сложились такъ благоприятно, что мы получаемъ возможность судить о нихъ и по вещественнымъ памятникамъ, пережившимъ рядъ вѣковъ, отдѣляющій ихъ эпоху отъ нашихъ дней. Не всѣ, конечно, участники въ грандіозной исторической драмѣ, разыгранной Римомъ, сохранены его бытописателями; еще менѣе было такихъ, съ которыми мы въ состояніи познакомиться, кромѣ того, нѣтъ монументальныхъ свѣдѣтельствъ: и вотъ къ этимъ-то послѣднимъ относятся нѣсколько членовъ семейства Сципіоновъ, одной изъ многихъ отраслей знаменитаго въ римской исторіи древняго рода Корнеліевъ, откуда вышло не мало славныхъ дѣятелей великой республиканской эпохи.

Свѣдѣтельства Цицерона (de legg. II, 22, 57) и Плинія (Н. Н. VII, 54, 187) о томъ, что до времени диктатора Л. Корнелія Суллы,

тѣло котораго въ 78 г. до Р. X. было предано пламени на Марсовомъ полѣ, въ патриціанскихъ семействахъ рода Корнеліевъ существовалъ лишь обыкновенный способъ погребенія въ землѣ, подтвердились фактически въ началѣ XVII и особенно въ концѣ XVIII столѣтій. 1614 года въ указанной еще древними (см. Momms. C. I. L. I, p. 11 sq.) мѣстности Рима—„Porta Capena“, лежащей по обѣ стороны Аппіевой и Латинской дорогъ, былъ найденъ камень съ элогіемъ HONC OINO PLOIRVME etc., украшающій теперь Ватиканскій музей; одновременно съ нимъ замѣченъ и списанъ былъ эпитафій G; но гораздо важнѣе оказалась находка, сдѣланная 166 лѣтъ спустя. Въ маѣ 1780 года при расширеніи подвального помѣщенія на виллѣ братьевъ Сасси, на томъ же мѣстѣ, въ углу между двумя упомянутыми дорогами, замѣтили вѣчто въ родѣ катакомбы или ипогея, вырытаго внутри обращеннаго къ лѣвой сторонѣ (отъ Рима) Аппіева пути склона Марсова холма (clivus Martis). Этотъ то ипогей, вѣ-когда вѣроятно просто каменоломня ¹⁾, и былъ превращенъ впоследствии въ спальню семьи Сципіоновъ. Какъ видно, онъ состоялъ первоначально изъ двухъ частей: болѣе древняго, нижняго помѣщенія, обдѣланнаго довольно грубо, и находившагося надъ нимъ, но ниже поверхности земли, пространства, которое, судя по остаткамъ колоннъ, было когда-то орнаментировано въ греческомъ вкусѣ, но теперь совершенно обвалилось. Нижній этажъ ипогея сохранился значительно лучше; въ немъ-то и найдено было, между прочимъ, девять гробницъ, изъ которыхъ особенно пять обогатили эпитафическую литературу драгоценнымъ вкладомъ.

Памятники эти хранятся въ Ватиканскомъ музей; самый же ипогей, его раскопка и внѣшность саркофаговъ подробно описаны у извѣстнаго археографа Эннио Квирино Висконти въ его книгѣ „Monumenti degli Scipioni“, R. 1785, иллюстрированной Пиранези, авторомъ диссертациі „Lapides Capitolini“, R. 1762; рисунки эти повторены и въ монументальномъ трудѣ Ф. Риччи „Priscae latinitatis monumenta epigraphica“, tabb. XXXVII—XLII рядомъ съ его безупречными facsimilla. Перечень изданій самыхъ элогіевъ какъ всѣхъ вмѣстѣ, такъ и порознь, можно найти у Моммзена, C. I. L. I, pp. 11, sqq.

Взаимное генеалогическое отношеніе тѣхъ членовъ семейства Сципіоновъ, элогіи которыхъ дошли до насъ, лучше всего видно изъ ихъ общей родословной таблицы:

¹⁾ Momms. C. I. L. I, ad titl.

P. Cornelius Scipio.

Передъ въ почтѣ Египетская, похвалами споманиа Scipio
 въ то, что царьство мана 611 похвалъ (pro beatio regibus)
 на царство царство орна. Макоб. Sat. I, 6, 26, tr. m.
 на царство царство орна. Макоб. Sat. I, 6, 26, tr. m.

L. Corn. Scipio ca. 404.

P. Corn. Scipio mag. a.
404 (368).P. Corn. Scipio Barbatus,
ca. 436, dicit. 433 (317, 303).

Ch. Corn. Scipio.

L. Corn. Scipio Barbatus.

комыя 436 (397) года, похвалами артеръ ca. m.
 на. Фундаторъ комыя мана на почтѣ регатъ рѣшъ
 комыя (Ch. Corn. Scipio), мана похвалами Лума-
 тив. Ип. 404 (368); о его зкларотъ мана похвалъ
 мана асортъ.

A. B.

Ch. Corn. Sc. Asia, ca.
494 (360), 500 (353).

L. Corn. Scipio.
 мана. 496 (350); мана мана на о. Египетъ, орна мана рег. Алѣкс
 (Alacio) и похвалъ мана орна, на что Литоралъ рѣшъ. На
 похвалами комыя орна Хеноралъ мана Орна Фунд. D. E.
 VI, 192:
 Te quoque, Tempetes, meritam delubra tabernat, cum pascas ost
 Cornis obruta elandis aequis. Ilc. 496 (357); мана мана мана
 на мана асортъ.

D. E.

P. Corn. Scipio Asia, ca.
538 (320).Ch. Corn. Scipio Galvus,
ca. 533 (321).P. Corn. Scipio ca. 536
(317).Ch. Corn. Scipio Hispanus
ca. 578 (178), Оуаура орна
Иауауа, eleg. C.P. Corn. Scipio Nicias po-
похвалами регатъ орна
мана, m. 568 (160).Ch. Corn. Scipio Hispanus
p. 615 (186), eleg. L.L. Corn. Scipio, + 90 z.,
орна похвалъ мана мана
мана мана мана.L. Corn. Scipio Asiagnus,
ca. 565 (182), мана мана
Авѣкс Оупѣмана.L. Corn. Scipio ca. 578
(160), el. G.Corn. Scipio Asiagnus
Оманѣ, мана 16 z.
орна похвалъ el. H.P. Corn. Scipio Amilianus
Africanus Minor 569-636
(184-129), ca. 607 (166), 650
(139).

P. Corn. Scipio Africanus
Major 519-569 (284-184),
мана мана похвалами Алик-
орна орна Орна 19 орна. 923 r.:
ca. 549 (304), 560 (183).
P. Corn. Scipio avg. 574 (179),
мана мана мана на мана
рѣшъ; похвалами регатъ III
Иуауауа мана мана
мана мана.

P. Corn. Scipio Amilianus
Africanus Minor 569-636
(184-129), ca. 607 (166), 650
(139).L. Corn. Scipio Asiagnus,
ca. 565 (182), мана мана
Авѣкс Оупѣмана.L. Corn. Scipio ca. 578
(160), el. G.Corn. Scipio Asiagnus
Оманѣ, мана 16 z.
орна похвалъ el. H.

Не касаясь литературной стороны этих памятниковъ, о которой существуетъ обстоятельная монографія Целля „Die Römischen Elogien“, Stuttgart, 1847, перейдемъ къ объясненію самаго текста и начнемъ съ его перевода.

tit. A. написанный на камнѣ киноварью въ верху саркофага:

.....сынъ Гнея Сципіонъ.

tit. B. (Здѣсь покоится) Люцій Корнелій Сципіонъ Барбать, родившійся отъ отца (по имени) Гнея, мужъ доблестный и мудрый, чья (прекрасная) наружность вполне соотвѣтствовала (его) достоинству, (тотъ), кто былъ у васъ (Римляне) консуломъ, цензоромъ, эдилломъ. Онъ взялъ Таврасію, Цисавну, Самніумъ; покорилъ всю Луканію и вывелъ (отсюда) заложниковъ.

O Samio какъ accus. и o praes. subigit, abdoucit см. Ritschl, die ältesten Scipionenschriften. op. IV, 223, A*. 224, A.***

tit. C. Паулла Корнелія, дочь Гнея, (супруга Сципіона) Испалла; ср. Ritschl, P. L. M. E. epagr.; tit. Mum. Op. IV, 88.

tit. D. киноварный. Корнелій, сынъ Люція, Сципіонъ, эдилъ, консулъ, ценсоръ.

tit. E. Весьма не мало (Римлянъ) согласны въ томъ, что этотъ человекъ, Люцій Сципіонъ, былъ надостойнѣйшимъ (oino optimo) изъ достойныхъ (мужей). Сынъ Барбата, онъ былъ у васъ (Римляне) консуломъ, цензоромъ, эдилломъ; онъ взялъ (съ бою) Корнею съ городомъ Алеріей и посвятилъ Непгодамъ по заслугамъ (объщанный имъ) храмъ.

Уже при поверхностномъ взглядѣ на камень видно, что первый и четвертый сатурнии не полны; послѣдній, къ счастью, съ небольшою лишь вариацией повторяется въ эпитафіи Барбата; поэтому еще Висконти предлагалъ несомнѣнно вѣрную и общепризнанную конъектуру *Apud vos*. Для пополненія же перваго стиха даны двѣ наиболѣе вѣроятныхъ гипотезы: Висконти—*Romani*, исправленная Моммсеномъ въ *Romane* по аналогіи съ предыдущимъ *plouime* (*Momms. C. I. L. I, ad tit. ср. Ritschl, die alt. Scip. Op. IV, 215, 220*), и Сирмонда—*Romae*, также исправленная, именно Ричлемъ (*l. c. 219—220*) въ *Roma* (*locat.*). Которая изъ нихъ въ данномъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія—сказать трудно; замѣчаніе Ричля, что *plouime coesentiant Romane* „комбинація едва ли съ античной окраской“, „eine Verbindung, die auch kaum einmal antike Farbe hätte“ — едва ли окончательно рѣшаетъ дѣло; намъ кажется напротивъ, что принимая во вниманіе общую гиперболичность похвалъ въ элогіяхъ, возможно

допустить ес и здѣсь; нѣз двухъ объемовъ: *plurime Romae* и *plurime Romano* второй, какъ менѣ стѣсненный пространствомъ, а потому болѣе обширный, болѣе гиперболическій, скорѣе могъ быть избранъ для похвальной надгробной пѣсни, чѣмъ первый, гдѣ репутація покойнаго ограничивается лишь стѣнами не особенно обширнаго въ то время Рима.

Нельзя пройти молчаніемъ также гипотезы Гарруччи, который въ своей *Sylloge* (р. 211 ad. n. 865) предлагаетъ дополнить стихъ словомъ *Romano*, то-есть, *romanogum*, аргументаряя свою догадку слѣдующимъ образомъ: „...*practuli romano. Nempe non plurimi Romae, verum plurimi consentiunt hunc virum romanogum fuisse optimum, quod testimonium est aliorum quoque, non maioris Romae partis tantum*“. Отсюда смыслъ первыхъ $2\frac{1}{2}$ сатурніевъ получается таковъ: „*plurimi consentiunt hunc virum, Lucium Scipionem, unum optimum fuisse virorum bonogum romanogum*“. Но при этомъ-способѣ пониманія текста намъ кажутся не совсѣмъ удобными двѣ крайности: 1) понятіе *plurimi*, изолированное отъ понятія *R(oma)* или *R(omane)*, становится неопредѣленнымъ и вслѣдствіе того менѣ яснымъ; 2) при скопленіи атрибутовъ: *virorum* (Гарруччи принимаетъ гипотезу Риччи, ср. *Sylloge, praef. de v. Satur.* р. 39) *bonogum romanogum*, послѣдній, то-есть, *romanogum* является нѣсколько безцѣпнымъ и почти излишнимъ; поэтому мы все-таки въ данномъ случаѣ отдаемъ предпочтеніе догадкѣ Вискоянти и Моисея.

Не такъ очевидна неполнота трехъ другихъ стиховъ. Второй можетъ быть проскандованъ и въ замѣщанномъ древностью видѣ:

duonóro óptimó || fúise víro, Korsch, de v. s. 73.

Съ небольшимъ измѣненіемъ:

duonóro óptimó || fúise víró(ro), Grotefend, Muller ap. Ritschl. l. c. 218.

Но тяжеловѣсность такого чтенія и пропускъ обыкновенно удерживаемаго тейаса въ концѣ первой половины стиха (Ritschl, l. c.) заставляютъ насъ отдать предпочтеніе остроумной догадкѣ Риччи (l. c. 218 — 219), который, предполагая, что недостающія части сатурніевъ были перенесены на утраченный теперь добавочный кусокъ плиты, какъ мы дѣйствительно и замѣчаемъ въ tit. L., дополняетъ нашъ стихъ словомъ *viroro*: для симметріи съ прочими стихами, оно легко могло попасть на второй камень, несмотря на свободное мѣсто въ концѣ той же строки на главной доскѣ: въ разбираемыхъ памятникахъ есть аналогичный примѣръ:

laetentur; stirpem nobilitavit hon | or.

Пятый стих некоторые ученые пробуют скандировать также без дополнений:

hes cépit bórsicá A || lériáque úrbe, Spengel ap. Korsch. 71.

hes cépit Córsciká || Aleriáque' úrbe, Korsch, l. c. 126.
 въ первомъ случаѣ съ двумя hiatibus и съ едва ли вѣроятнымъ продолженіемъ гласнаго é въ Aleria, краткость котораго засвидѣтельствована греческими 'Αλερία у Птолемея и Ὀβζλλερία у Зонары (Ritschl l. c. 215), во второмъ—съ опущеніемъ вышеупомянутаго заключительнаго тезиса; но тѣмъ какъ мы согласны съ Ричлемъ относительно возможности продолженія надписи на добавочномъ камнѣ, то принимаемъ и его гипотезу:

hes cépit Córscica Aleri || áque urbé puscándod,
 дающую болѣе легкую и гладкую свандовку. Ср. Garr. Syll. p. 211.

Нѣтъ, по видимому, необходимости въ добавленіяхъ и къ последнему стиху элогія:

dedét témpestáte || búš aide méreto;

такое чтеніе и было дано Ричлемъ (Plautin. Excurs. Ср. II, 636); но внимательное разсмотрѣніе всего эпиграфа впоследствии привело его къ вышеприведенной догадкѣ о существованіи добавочной доски для продолженія текста, а отсюда явилась возможность допустить неполноту и въ этомъ случаѣ; по аналогіи съ Мумміевою надписью (Tit. Murr. Ср. IV, 84) и Сорскою эпиграммой (Epigr. Sor. ibid. 131), гдѣ встрѣчаются выраженія:

.... quod in bello voverat.... dedicat,

.... quod...parens.... vovit.... danunt,

Ричль добавляетъ стихъ элогія такъ:

dedét témpestátebus || aide méreto(d) vóta(m).

Недостаточность его чувствовалась впрочемъ и до Ричля; еще Гротефендъ (Lat. Gram. II, 295) предложилъ:

dedét témpestátebus ai || dé(m) meretó lubénter, а въ исправленіи Корша: dēdēt témpestátebus ai || dé(m) meretó lubénter, de v. sat. 91.

tit. F. (Ты), который носилъ (вѣкогда) почетную тиару Юпитерова жреца,—твоя смерть была причиною (того), что (для тебя) все стало недолговѣчнымъ: и почести, и знаменитость, и доблести, и слава, и таланты; если бы тебѣ пришлось пользоваться ими при долготѣтней жизни,—безъ труда ты затмилъ бы (своими) подвигами славу пред-

ковъ; охотно поэтому земля приѣмлетъ въ нѣдра (свои) тебя, Публий Корнелій, сынъ Публиа.

Первый стихъ этого элогія Шпенгель, Бюхелеръ, а за ними и Коршъ (de v. s. 92—93), считаютъ добавленнымъ впоследствии, основываясь на предполагаемой ими строфической композиціи самихъ текстовъ; дѣйствительно, элогіи В, Е, К можно довольно легко разбить каждый на три пары стиховъ, составляющія строфу, тогда какъ разбираемый памятникъ является семистипіемъ; но слѣдуетъ замѣтить, что въ общемъ смыслѣ текста первый стихъ далеко не лишній: указаніе по крайней мѣрѣ на одну изъ почетныхъ должностей равно умершаго Публия едва-ли могло быть опущено въ его надгробіи; если даже это и поздняя, то все-таки весьма удачная, почти необходимая прибавка.

Что касается интерпункціи, то здѣсь возможно и такое распределеніе текста:

quei apice(m), insigne dialis flaminis, gesistet (Meyer, Auth. lat. Zell, R. El. 94); но столь безцвѣтная, общезвѣстная истина, что apex est insigne flaminis dialis, едва ли гармонируетъ съ поэтичностью языка въ остальныхъ частяхъ элогія; поэтому вѣрнѣе принять *psigne* за *accus.*, относящійся къ *apice(m)*: „почетную тиару“, и притомъ, какъ кажется, съ особымъ логическимъ удареніемъ, потому что священный санъ *flaminis dialis* одного изъ четырехъ *flamines maiores*, могъ быть названъ почетнымъ какъ *ἀρχὴν*: плебеи допускались только въ число *flamines minores*.

tit. G. Люцій Корнелій, сынъ Люція, (внукъ) Публиа, Сципіонъ квесторъ, военный трибунъ, скончавшійся 33 лѣтъ отъ роду; (его) отецъ покорилъ царя Автіоха.

tit. H. Корнелій, сынъ Люція, внукъ Люція, Сципіонъ Азіагентъ Коматъ, 16 лѣтъ отъ роду.

tit. J..... Сципіона..... пока я жилъ.....

tit. K. Люцій Корнелій, сынъ Гнея, внукъ Гнея, Сципіонъ. Великій умъ и множество доблестей при малыхъ лѣтахъ скрываетъ (въ себѣ) эта гробница! Ему не хватило вѣку, но не уваженія къ (нему, какъ) чести (своего рода): тотъ погребенъ здѣсь, кто никогда не былъ превзойденъ въ доблести! (Только) двадцати лѣтъ отъ роду онъ достался могилѣ: не спрашивайте же, почему онъ не достался (сановнымъ) почестямъ!

По своимъ поэтическимъ достоинствамъ памятникъ этотъ далеко превосходитъ остальные: такая непія обличаетъ въ составителя та-

лантъ не дюжиннаго разбора. Къ несчастію, камень въ двухъ мѣстахъ (6-я и 7-я строки) чувствительно пострадалъ, и восстановление утраченнаго здѣсь возможно только гипотетически; съ другой стороны, разстановка словъ допускаетъ разногласія въ интерпункціи, а слѣдовательно, и въ пониманіи текста. Такъ второе двустипіе:

QVOIEI · VITA · DEFECIT · NON · HONOS · HONORE ·

IS · HIC · SITVS · QVEI · NVNQVAM · VICTVS · EST · VIRTVTEI ·
можетъ быть представлено въ такомъ видѣ:

quotei vita defect, non honos. honore

is hic situs, quel nunquam victus est virtutei.

О констр. aliquid alicui deficit см. Куһн. *Ausf. Gr.* II, 1, 194, Anm. 1.

По этой интерпункціи, принятой между прочимъ у Целля (*Röm. Elog.* 95), смыслъ получается слѣдующій:

„ему (проп. rel. pro dem. v. Куһн. *ib.* II, 2, § 197) не хватило вѣку, но не почета. Съ почетомъ онъ покоится здѣсь, (онъ), который никогда не былъ превзойденъ въ доблести“.

Ihm fehlte längres Leben, Ehren nicht; mit Ehren

Liegt er in seinem Grab an Tugend unbesieget.

Zell, l. c. 5; но Ричлю:

quotei vita defect, non honos, honore(m),

is hic situs; (слова же quel nunq. отнесены къ слѣд. стиху)

то есть, „(is hic situs est), cui brevitat vitae, non indolis honos, destituit honorem magistratum“ (P. L. M. E. *enarr. t. c.*);

по Коршу: quotei vita defect non honos, honore(m),

is hic situs, quel nunquam victus est virtutei (de v. s. 126)

то-есть, (тотъ), у кого краткость жизни, но не природныя достоинства похитили почести, тотъ покоится здѣсь, кто etc.

Различіе въ пониманіи третьяго, пострадавшаго, двустипіа основывается, кромѣ интерпункціи, еще и на разницѣ въ конъектурахъ; такъ оставшееся въ 5-мъ стихѣ на камнѣ $\text{L} \cdot \text{I} \cdot \text{S} \cdot \text{A} \cdot \text{A} \cdot \text{A} \cdot \text{I} \cdot \text{D} \cdot \text{A} \cdot \text{T} \cdot \text{V} \cdot \text{S}$ дополняется неодинаковымъ образомъ; слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что относительно втораго слова не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ обѣ его части сохранились поровнь въ 6-й и 7-й строкахъ элогія; изъ $\text{A} \cdot \text{A} \cdot \text{A} \cdot \text{I} \cdot \text{D} \cdot \text{A} \cdot \text{T} \cdot \text{V} \cdot \text{S}$ и $\text{M} \cdot \text{A} \cdot \text{N} \cdot \text{U}$ ничего другаго не выйдетъ, кромѣ $\text{M} \cdot \text{A} \cdot \text{N} \cdot \text{D} \cdot \text{A} \cdot \text{T} \cdot \text{V} \cdot \text{S}$, а потому графически несостоятельными являются гипотезы *maustus*, принятая въ 6-мъ стихѣ Лахманномъ (*ad Lucr.* IV, 602), Вейлемъ и Коршемъ (de v. s. 37—38), и *panctus*, прежняя догадка Ричля, вполнѣдствіи имъ оставленная (*tit. Mum. Op.* IV, 104—105; ср. P. L. M. E. *enarr. t. c.*: „tam autem certam in lapide MAND syllab-

ham intuemur, ut non pluris sit quod Lachmannus comminisceretur MACTVS, quam quod ego olim NANCTVS⁶; что же касается остатка | S, то опуская также графически неподходящія восстановления: letost—Лакманна, lausis—Висконти, laudist—Орелли, Terreis—Ланци, etc., отбъитиъ гипотезу Ричля DITEIST или же DEITIST (=Dite h. e. „inferis“, tit. Mum. Op. IV, 105; P. L. M. E. evagg. t. c.) и догадку Моммсена (C. I. L. I, 34) LOCEIS (=могила), которая съ простотою соединяетъ замѣчательную выразительность и поэзию, какъ намъ кажется, заслуживаетъ предпочтенія въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что locus, loculus, locare (хоронить, ср. „sub terra locat“, C. I. L. I, 1007; Моммс. I. c. p. 20) нерѣдки въ эпитафіяхъ; ср. Garg. Syll. p. 220, ad p. 882.

Въ послѣднемъ стихѣ нѣкоторыми учеными (Висконти, Мейеръ Anthol.) Целль R. Elog. 95; Моммс. C. I. L. I, t. c.; Neue I, 196, Kühn. I, 115; ср. Kogsch de v. s. 37—38) принимается интерпункція: ne qualratis honore(m), quei (пом. sg.=cum, Kühn. II, 2, 851, 3) minus sit mandatus, то-есть, „не спрашивайте же о почестяхъ, такъ какъ онѣ (ему) достаться не могли“.

Не вдаваясь въ полемику, мы попытаемся только прослѣдить ходъ мыслей въ данномъ элогіи, а отсюда уже будетъ понятно и предлагаемое нами распределеніе текста.

„Покойный, не смотря на молодость, былъ уже человѣкомъ весьма даровитымъ и обладавшимъ кромѣ того многими нравственными достоинствами; онъ, слѣдовательно, могъ явиться со временемъ гордостью и славой своего отечества, но для этого ему не хватило вѣку, и только вѣку, потому что, какъ честь своего дома, онъ не имѣлъ недостатка въ уваженіи, которое имѣ, какъ человѣкомъ, некогда не превзойденнымъ въ доблести, вполне заслужено. Мы не перечисляли выше его сановныхъ почестей; но такъ какъ онъ взятъ могилкой еще 20 лѣтъ отъ роду, то нечего и спрашивать, почему его имя не красуется въ спискахъ титулованныхъ лицъ“.

Отсюда ясна и наша интерпункція 2-го двустаміа:

magna(m) sapientia(m) multasque virtutes
 aetate quom parva posidet hoc saxum;
 quoei vita defecit, non honos(defecit) honore (dat.);
 is hic situs (est), quei nunquam victus est virtutei;
 annos gnatus XX is locis mandatus (est);
 ne qualratis, honore (dat.) quei (locat.=abl.) minus sit, mandatus!

При такомъ распредѣленіи текста ярко выступаетъ во второмъ двустипиіи такъ ира словъ:

honor (почеть, уваженіе)—honore (честь дома, семьи, abstr. pro consp.), такъ и хіасмъ:

$$\begin{array}{ccc} \text{quod} (= \text{et}) & \text{vita} & \text{defecit} \\ & \diagdown & \diagup \\ \text{non} & \text{honor} & \text{honore (defecit),} \end{array}$$

не видный при другихъ приемахъ интерпункціи.

Столь же остроумная игра словъ замѣчается и въ 3-мъ двустипиіи:

locis mandatus (схороненъ),
honore minus mandatus (не пожалованъ);

для удержанія ея мы и приняли здѣсь интерпункцію Ричля (P. L. M. E. enarr.).

Къ числу поэтическихъ достоинствъ этого текста слѣдуетъ отнести и расположеніе его частей.

По общему приему начинать элогіи съ перечня титуловъ покойнаго, авторъ и здѣсь начинаетъ перечисленіемъ, не титуловъ однако, а личныхъ достоинствъ юноши; давъ себѣ такимъ образомъ какъ бы тему, онъ въ двухъ слѣдующихъ двустипиіяхъ варьируетъ ее: во 2-й парѣ стиховъ точнѣе развита мысль финала темы: „*parva aetas*“, а въ третьей поэтъ возвращается къ первой части темы: перечню достоинствъ, и объясняетъ, почему вмѣсто него имъ не представлено перечисленія почетныхъ должностей умершаго. Такая округленность изложенія даетъ всему элогію видъ замѣчательно гармонически-стройнаго цѣлаго и указываетъ, повторяемъ, на положительный талантъ его составителя.

tit. L. Гней Корнелій, сынъ Гнея, Сципіонъ Испанскій, преторъ, курульный эдилъ, квесторъ, дважды военный трибунъ, децемвиръ по судебнымъ дѣламъ, децемвиръ по священно-обрядовымъ дѣламъ.

Доблести (нашего) рода я умножилъ своею жизнью; себѣ я оставилъ потомство, (самъ же) слѣдовалъ дѣяніямъ отца: я поддержалъ славу предковъ, такъ что они радуются моему происхожденію отъ нихъ: (ихъ) потомка облагородилъ рядъ почестей, (а не только благородная кровь).

Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшій въ латинской рѣчи примѣръ элегическаго дистиха (ср. Ritschl, P. L. M. E. enarr.).

ELOGIA SCIPIONUM.

ТРЕТІЯ ЗАГОЛІВКА

Illo Pr. Lat. Mon. Ep. Puzos.

A.

CN · F · SCIPIO

B.

CORNELIVS · LVCIVS · SCIPIO · BARBATVS · GNAIVOD · PATRE
 PROGNAVVS · FORTIS · VIR · SAPIENSQVE—QVOIVS · FORMA · VIR-
 TVTEI · PARISVMA
 FVIT—CONSOL · CENSOR · AIDILIS · QVEI · FVIT · APVD · VOS —
 TAVRASIA · CISAVNA
 SAMNIO · CEPIT — SVRIGIT · OMNE · LOVCANAM · OPSIDESQVE
 ABDVCIT

C.

AVLLA · CORNELIA · CN · F · HISPALLI

D.

CORNELIO · L · F · SCIPIO
 IDILES · COSOL · CESOR

E.

HONC OINO · PLOIRVME · COSENTIONT · R
 DVONORO · OPTVMO · FVISE · VIRO
 LVCIVOM · SCIPIONE · FILIOS · BARBATI
 CONSOL · CENSOR · AIDILIS · HIC · FVET · A
 HEC · CEPIT · CORSICA · ALERIAQVE · VRBE
 DEDET · TEMPESTATEBVVS · AIDE · MERETO

F.

QVEI · APICEINSIGNE · DIAL////AMINIS · GESISTEI
 MORS · PERFE////IVA · VT · ESSENT · OMNIA
 BREVIA · HOI////OS · FAMA · VIRTYSQVE
 GLORIA · ATQV////E · IN · GENIVM · QVIBVS · SEI
 IN · LONGA · LICV////SET · TIBE · VTIER · VITA
 FACILE · FACTEI////SVPERASES · GLORIAM
 MAIORVM · Q//VA · RE · LVBENS · TE · INGREMIV
 SCIPIO · RECIP//T · TERRA · PVBLI
 PROGNAVVM · PVBLIO · CORNELI

G.

L · CORNELI L · F · P
 SCIPIO · QVAIST
 TR · MIL · ANNOS
 GNATVS · XXX · III.
 MORTVOS · PATER
 REGEMANTIOCO
 SVBECIT

H.

RNELIVS · L · F · L · N
 O · ASIACENVS
 OMATVS · ANNORV
 NATVS XVI

I.

PIONEM
 O · ADVEIXEI

K.

L · CORNELIVS · CN · F · CN · N · SCIPIO · MAGNA · SAPIENTIA
 MVLTAQVE · VIRTVTES · AETATE · QVOM · PARVA
 POSIDET · HOC · SAXSVM · QVOIEI · VITA · DEFECIT · NON
 HONOS · HONORE · IS · HIC · SITVS · QVEI · NVNQVAM
 VICTVS · EST · VIRTVTEI · ANNOS · GNATVS · XX · IS
 L//////////IS ///////////DATVS · NE · QVAIRATIS · HONORE
 QVEIMINVS · SIT · MAND//////////V//////////

L.

CN · CORNELIVS · CN · FI	III SCIPIO · HISPANVS
II PR · AID · CVR · Q ·	TR · MIL · II · XVIR · SL · IVDIK
	X · VIR · SACR · FAC · D
VIRTVTESGENERISMIEISMORIBVS	
ACCVM///	AVI:
PROGENIEMIGENVIFACTAPATRIS	
PETIEI	
MAIORVMOPTENVILAVIEMVTSIB	
EIMEESS	ECREATVM
LAETENTVR STIRPEMNOBILITAV	
ITHON	OR

Перечень и объясненіе абберрирующихъ формъ.

Titulus A.

Въ началѣ этого кинноварнаго эпитафия стоило когда-то имя CORNELIO, сохраненное еще у Пиранеси, но впоследствии стершееся (Ritschl, die ältesten Scipioneninschriften, Opusc. IV, 225 Anm.; P. L. M. E. enagr. tab. XXXVII, tit. A). Отсюда намъ и слѣдовало бы начать свои объясненія, но имя это еще разъ въ той же формѣ Nom. Sg. встрѣчается въ tit. D, гдѣ и будетъ объяснено.

Titulus B.

CORNELIŪS см. ниже SAMNIŪ.

LVCIVS. По своему написанію форма эта не отличается отъ классическаго Lucius, но при скандовкѣ стиха у Ричля (P. L. M. E. tab. XXXVII, enagr. tit. B, сравн. диссертацию его же „de serulco Furiorum“, Op. IV, 257 sqq.) и Корша (de versu sat. 16, 98, 125), гласный i оказывается подъ арсисомъ 3-го ямба: Lucius, чему вполне соответствуетъ постановка того же имени въ элогіи E: Luciom, такимъ образомъ съ точки зрѣнія классическаго произношенія, Lucius, формы Lucius и Luciom являются brevis penultima in arsi producta; но при дальнѣйшей вглядыванія въ дѣло, мы замѣтимъ, что такая акцентовка не есть слѣдствіе productionis, а должна быть объяснена этимологическою композиціей самаго Lucius.

По своему происхожденію оно можетъ быть поставлено въ родственную связь съ такими формами, какъ:

lūcinus	lūx	Loucina	
lūcerna ¹⁾	lūcere	Loucettus	Leucesle
Λυκάβας	lūcidus	лоучь	Λεωκός
		ль	
Λυκόφως	lūcifer	лоук-ѣ-л	Λεούκιος
Λυκεῖος	lūna		leuchten
ἀμφιλόκη	lūmen	loumen	
		etc. etc.	См. Cors. Ausspr. I ² , 367.

¹⁾ «quisquis huic tumulo posuit ardētis(m) lūcernam», M. I. R. N. 166; *Bachel.* 50; § 120; *Ritschl.* tit. Mun. Op. IV, 110.

Этимологическій разборъ всёхъ этихъ формъ даетъ, какъ общую ихъ часть, коренное созвучіе *luc*—свѣтить, гдѣ гласный *o* подвергся въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъему въ *eu* и *ou*, откуда путемъ монотонирования двугласнаго явилось сначала *ō* (*Iosna*, С. I. L. I, 55; *Schuch.* II, 184), а затѣмъ *ū* (*Cors. Ausspr.* I, 171, 175, 177. *Kühn.* I, 53, 54. *Benary*, *Lautl.* 82; *Zell*, *Epigr.* II, 71; *Schneid.* I, 84); подробности эти модуляціи основнаго тона и будутъ рассмотрѣны ниже, при объясненіи формы *Loucalam*, теперь же намъ слѣдуетъ остановиться собственно на окончательномъ созвучіи *iuz* въ разбираемой формѣ. Итакъ, въ имени *Lucius* мы видимъ тотъ же корень *luc*; но сюда онъ вошелъ не въ своемъ первобытномъ видѣ съ краткимъ гласнымъ, а въ усиленномъ—*lūs*, какъ наприм. въ существ. *lūx*=*lūs*+*s*; на эту долготу указываютъ и архаическія написанія: *Luucelus*, *Luuciae* (*Cors. Ausspr.* I, 9, 175; *Ritschl*, *Mon. ep. tr. Op.* IV, 149); отъ усиленнаго *lūs*, посредствомъ первоначальнаго суффикса *aīa*, служащаго для производства прилагательныхъ какъ перваго порядка—прямо отъ чистыхъ корней, такъ и втораго порядка—*denominativa*—отъ именныхъ, усиленныхъ основъ, и сохранившагося въ такомъ видѣ на италійской почвѣ въ осскомъ *Pompraīans*=*Pompraīanus* (*Cors. Ausspr.* I, 129, 193), произведена прилагательная основа *Luc-aīa*, отъ которой, съ прибавленіемъ знака именит. ед. мужск. и жен. рр. *s* (*Neue*, I, 1; *Kühn.* I, 173; *Merg.* 18; *Büch.* 10) получается первобытный *nominativus* *Luc-aīa-s*, значеніе котораго, сообразно смыслу именнаго корня *lūs*, будетъ: относящійся къ свѣту, обладающій качествами свѣта, свѣтлый, свѣтящій.

Но въ такомъ чистомъ видѣ: *Lucaijas*—это прилагательное не сохранилось. Еще въ очень древній періодъ на почвѣ Греціи и Италіи (*Cors. Ausspr.* I, 238—239), въ суффиксѣ *aīa* произошелъ перезвукъ конечнаго *ā* въ *ō* (ср. ниже объясн. *SAMNIO*); явилось созвучіе *aīo*, къ которому близко подходитъ по написанію, а еще можетъ быть ближе по выговору (ср. *Cors. l. c.* I, 126 *figg.*) греческая разновидность *αιο* въ *ἑβέναιος*, *τριταίος*, *τετραταίος* etc. Затѣмъ звуковой составъ въ суффиксѣ *aīo* могъ подвергнуться двоякаго рода модуляціямъ, которыя приводятъ, какъ увидимъ ниже, къ одному и тому же результату.

Съ одной стороны въ дифтонгѣ *ai* тонкій гласный *i*, по произношенію довольно далеко отстоящій отъ предшествующаго ему *a*, подъ вліяніемъ послѣдняго могъ, такъ сказать, сдѣлать полдороги назадъ: перейти въ болѣе густой тонъ *e*, который уже тѣснѣе примыкаетъ

къ полновучному а, чѣмъ і (Cogs. I, 178, fig. Kühn. I, 57, 4). Отсюда возникаетъ созвучіе ае и нашъ суффиксъ принимаетъ видъ аеіо, аеіо, сохранившійся въ имени Appaeius, арх. Appaeios (Cogs. I, 129, 193, II, 150; Ritschl, de sep. Fur. 262—263). Затѣмъ въ дифтонгѣ ае повемному перевѣсилъ гласный е, въ тонѣ котораго постепенно перешло и все созвучіе ае, что иногда, особенно часто въ позднѣйшее время, обозначалось просто литерой е: victorie, Diane, patrie etc. (Cogs. I, 185, fig. Kühn. I, 57, 4; Merg. 71, 75; Buch. 66; Schu. II, 22; ср. ниже gnaiwod).

Такимъ образомъ нашъ суффиксъ перешелъ въ созвучіе ёю, сохранившееся въ такихъ формахъ, какъ Anneios, Attelios, Gabineios, Pompeios (греч. Πομπήϊος) и т. п. (см. Cogs. I, 129—131; II, 150). Далѣе — созвучіе еі могло слиться въ одинъ дифтонгъ еі, какъ мы это видимъ въ греческой формѣ нашего суффикса во: Δόχειας, αδφρητας, δουλειας etc.

Наконецъ, въ двугласномъ еі изъ соединенія двухъ, довольно близко стоящихъ другъ къ другу тоновъ е и і могъ произойти нѣкоторый средній звукъ, графически обозначавшійся начертаніемъ еі, е, і (Cogs. I, 143, 230; Ritschl, l. c.); къ цвѣтущему періоду римской рѣчи въ этомъ среднемъ звукѣ уже ясно замѣчается приближеніе къ тону і, котораго знакъ и начинаетъ преобладать ¹⁾.

Такимъ образомъ разбираемая форма предположительно прошла чрезъ фазы: Lucatjas, Lucatjos, Lucaejos, Lucēios, Lucēios, Lucēos, Lucios.

Но къ результату Lucios она могла придти и другимъ путемъ. Въ созвучіи atjo подъ вліаніемъ слѣдующаго двойнаго тонкаго іі гласный а могъ заостриться въ е (Cogs. I, 128 fig. 193), отчего произошло созвучіе eijo, eiio, уцѣлѣвшее въ такихъ формахъ, какъ Pompeios, Sabneios, Opretreiaae, (Cogs. II. cc.); далѣе въ группѣ eiio изъ дифтонга еі выработался упомянутый средній тонъ между е и і, прикинувшій затѣмъ къ слѣдующему і (Cogs. II. cc.): Lucatjos, Lucēios, Lucēios, Lucēios и наконецъ, Lucios, гдѣ краткій ѓ съ теченіемъ времени перенелъ въ ѓ (ср. ниже SAMNIO); Lucius, въ которомъ і вполне законно можетъ принять арсесь: Lucius и Luciom по своей природной долготѣ.

¹⁾ Такая вокализация весьма наглядно и съ хронологическимъ дѣленіемъ на періоды формулирована у Ричля: Plautin. Exc. Opusc. II, 626 A.

Что же касается классического *Lucius*, то оно произошло вѣроятно такимъ путемъ.

По ударенію форма *Luciŭs* съ точки зрѣнія обыкновенной классической акцентовки — необходимо *proregisrophenon* (*Corg.* II, 215; *Kühn.* I, 147, 2, *b*); но въ древнѣйшій періодъ латинской рѣчи, какъ полагаютъ, ср. *Corg.* II³, 897—901, дѣйствовалъ и другой законъ, по которому главное повышение голоса (*Noction*) могло быть на *antepenultima* и далѣе, несмотря на долготу предпоследняго слога (*Corg.* II, 323, 324, *fig.*; *Schuch.* II, 416 *figg.* III, 290 *figg.*; *Meig.* 2, § 2; 3, § 4; *Kühn.* I, 153, 2), напр.: *crép(a)vi, cáb(a)vi, vici(ō)rix, aci(ō)rix, quó(vē)rsum dix(is)ti, dúx(is)ti etc.*, такъ что *penultima*, хотя и долгая, но не гарантированная напряженіемъ голоса, или совершенно выпадала, какъ видно изъ приведенныхъ формъ, или же теряла свою долготу, что и могло случиться съ нашимъ *Lucius*, изъ котораго черезъ акцентовку *Lúcius* явилось классическое *Lucius*. Въ обоихъ случаяхъ: и при выпадении долгаго предпоследняго слога, и при его сокращеніи, языкъ очевидно стремился къ одной цѣли: устранить затруднительное двойное напряженіе голосовыхъ органовъ при выговорѣ долгаго слога вслѣдъ за ударяемымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что разобранное *Lucius* не единственный примѣръ такой акценточной *congruētia*: первоначально долгота *i* въ окончаніи *ius* принимается и въ другихъ именахъ аналогичной формации, напр. *Antonius, Claudius, Lucilius etc.* изъ первои. *Antonius, Claudius, Lucilius* (*Corg.* II, 150, 156, 331). Особенно много этого рода случаевъ собрано въ упомянутой диссертации Ричля „*de sepulcro Furiorum*“, по поводу имени *TYRPLEIO*, позднѣе *Turpilus*.

Слѣдуетъ, впрочемъ, сознаться, что такой генезисъ формы *Lucius* изъ *Luciŭs*, хотя и вѣроятный, не есть еще послѣднее слово науки; Корсенъ, принимавшій его въ 1-мъ изданіи своего труда „*über Aussprache etc.*“, считаетъ его не доказаннымъ научно (см. его *Ausspr.* II², 678 *Anm.*), хотя не отрицаетъ, что „*die Messungen*:

Luciom Scípiōne fflíós Barbáti
und
Cornéliús Lucius Scípiō Barbátus

sind sehr ansprechend, weil durch dieselben zwei regelrechte Saturnier hergestellt werden“.

Что же касается другихъ способовъ чтенія: *per synephronesin*: *Luciom Scípiōne* (см. *Garr. Syll.* pp. 39, 211), или *per correptionem*:

Cornélius Lucius съ опущениемъ тесисовъ 2-го и 3-го ямбовъ, то первый приемъ Ричль считаетъ несвойственнымъ древней латини (Plautin. Exc. Opusc. II, 594 figg.), а второй—неумѣстной натяжкой (de ser. Fur. 265) при возможности болѣе простой и звучной скандовки:

Cornélius Lucius || Scipiō Barbātus.

SCIPIŪ, creticus, Ritschl, P. L. M. E. enarr. tit. B; die ältesten Scipioneninschr. Op. IV, 223, A.; de ser. Fur. ib. 265; Korsch, de v. s. 93; ср. ниже scipiōne, tit. E; scipiō rēcipit, tit. F. Долгота первого слога видна изъ сродства имени scipiō (грозь, жезль, Macrobr. Sat. I, 6) съ греческимъ οἰκίτρον (Cogs. I, 210, P², 401, 506); долгота же суффикса on, санскр. an (ср. Büchel. 14) первоначально. Овъ сократился прежде всего въ ямбическихъ формахъ, какъ напримѣръ hōmō(n); у Плавта hōmo пиррихий (Cogs. I, 343; Ritschl, prolegg. de rat. emend. Plaut. Op. V, 409); слѣдъ первоначального hōmō(n) видѣнъ еще у Эвния: Vulturus in silvis miserum mandebāt hōmōnet, Ann. 141; Büch. 14 A. 16 A. Neue I, 164; Schneid. II, 148. Въ словахъ же кретического метра сокращеніе суффикса on является не ранѣе классическаго періода (Büch. l. c.); лишь со времени Овидія входятъ въ употребленіе такія формы, какъ Cūgĭō (Cogs. I, 343); особенно часто находятя примѣры въ родѣ virgō, Catō, nemō etc. въ сатирѣ и эпиграммѣ (Cogs. 344; P², 484; Merg. 54; Neue I. 156; Kühn. I, 67, 191 s. 649 f.).

GNAIVOD. Форма, любопытная во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего съ эпиграфической стороны останавливаетъ на себѣ наше вниманіе ея начальная литера G, происхождение и судьба которой далеко не безынтересны въ исторіи латинскаго алфавита. Такъ какъ появленіе этого звука въ средѣ его несомнѣнно связано съ какимъ-нибудь фонетическимъ переворотомъ въ организмѣ языка (Ritschl, Zur Gesch. des lat. Alphab. Op. IV, 692), то считаемъ не лишнимъ прослѣдить въ короткихъ словахъ приемы обозначенія гортанныхъ латинской рѣчи. Если можно судить о количествѣ звуковыхъ элементовъ языка по числу ихъ графическихъ изображеній, то мы должны заключить, что латинская рѣчь въ древнѣйшій, намъ извѣстный періодъ своей жизни не была особенно богата гортанными; хотя при такомъ заключеніи не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при несовершенствѣ алфавитовъ вообще и древнихъ въ особенности, различнымъ количествомъ знаковъ не могло быть покрыто все полифоническое разнообразіе языка, но относительно латини и при этомъ

соображеніи, какъ увидимъ ниже, упомянутый выводъ не терять вѣроятія.

Наиболѣе совершенный изъ индо-европейскихъ алфавитовъ, санскритскій, различаетъ шесть гортанныхъ: ka, kha, ga, gha, ŋa и ŋa; но еще богаче его въ этомъ отношеніи первообразы нашихъ алфавитовъ—семитскіе, напримѣръ, арабскій, различающій цѣлыхъ восемь начертаній, которыя по интенсивности соответствующихъ имъ звуковъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) такъ-называемый полугласный элифъ, самый слабый, едва слышимый гортанный; 2) айфъ, чуть слышнѣе предыдущаго; 3) гайфъ = парижскому г; 4) ги, греч. гамма, guttur. media; 5) ха, греч. хи, gutt. aspirata; 6) хха, съ болѣе сильной аспираціей, чѣмъ предыдущій; 7) кафъ, греч. каппа, guttur. tenuis и 8) кзафъ, греч. конпа = k, съ легкимъ полугласнымъ привѣскомъ.

Изъ этихъ семитскихъ знаковъ въ греческій алфавитъ перешли: ги, кафъ и кзафъ; см. Schneid. I, 322 Anm.; Zell, Röm. Epigr. II, 30; такъ какъ послѣ изысканій Моммсена (Unt. D. Cors. I, 3; Schneid. I, 3; ср. Ritschl, zur Gesch. d. lat. Alph. Op. IV, 691 A'), едва ли остается поводъ къ сомнѣнію, что латинскій алфавитъ вышелъ изъ греческаго, именно дорійскаго (по Рейзигу 56, §§ 45, 46—эоійскаго), бывшаго въ употребленіи у Кумейцевъ и Сицилійцевъ, то возможно принять, что тѣ же три начертанія переселились и въ латинскую азбуку (Cors. I, с. 4; Kuhn. I, 35 flg. 40, 2; Ritschl, über antike Gewichtsteine, Op. IV, 687; Zell, I, с. 31; Schneid. I, 231); но дальнѣйшая судьба ихъ здѣсь была неодинакова.

Въ древнѣйшую, не сохранившуюся до насъ въ письменномъ видѣ, пору существованія своего языка Римляне, вѣроятно, еще различали чистый, рѣзкій гортанный К (tenuis) отъ болѣе мягкаго (media), (Cors. I, 5; Zell, Schneid. II, сс.), иначе К не было бы принято въ алфавитъ и не могло бы удержаться до позднѣйшаго времени въ аббревиатурахъ такихъ словъ, гдѣ оно, находясь предъ полнозвучнымъ а, легче напоминало собой первоначальный tenuis, который изъ всѣхъ гласныхъ удобнѣе всего соединяется именно съ а: Kaeso (арх. *Kaiso), kalendae, kalushnia, karut (Kuhn. I, 37 A. 1), вслѣдствіе чего нѣкоторые древніе грамматикѣ (по Ричлю также поэтъ Акцій 170—104 гг. до Р. X., I, с.; ср. Pränestinisches Latein, Op. IV, 492 A) хотѣли даже закрѣпить правиломъ употребленіе К передъ а: Karthago, kanius, karus etc. (Schn. I, 291—294); эниграфически засвидѣтельствованы:

karо, karissimo, Kastorus, kalendarium, etc. (Cors. I, 6; Kühn. I, 36; Zell, R. Ep. II, 63; Schneid. I, 295) ¹⁾.

Но затѣмъ въ латинской рѣчи наступила пора, когда (ср. Zell. R. Ep. II, 31) различіе между гортанными tenuis и media до того сгладилось, что для обыкновеннаго уха онѣ звучали почти одинаково, вѣроятно какъ нѣчто среднее между К и С; а такимъ образомъ съ утратой чистаго gutt. ten. пересталъ быть необходимымъ и его знакъ К, вышедшій постепенно изъ употребленія кромѣ вышеупомянутыхъ аббревиатуръ (Schn. I, 290; Cors. I, 5, 6, 16; Kühn. I, 36, 2), и С стало функционировать въ качествѣ начертанія, пригоднаго для обоихъ случаевъ (Cors. I, 39, 41). Слѣженіе это произошло, какъ думаютъ ученые (Schn. I, 271 A; Cors. I, 6; Kühn. I, 36, 2), около половины V в. до Р. X., если принять во вниманіе цитаты изъ legg. XII tabb. 450 г.: 1) у Теренція Савра „ni ragunt“, исправленную Зейффертомъ въ NI PACVNT; 2) у Феста: „ni cum eo pasit“, ср. также формы: nancitor, genancitur, ibid.: Cors. Ausspr. I², 8; но вообще такихъ древнихъ примѣровъ употребленія С вм. позднѣйшаго G не много: эпиграфически засвидѣтельствованы MACOLNIA (Maugulnia) и CNATOIS (едва ли латинская форма) у Моммсена (U. D. cf. Cors. I, 6); кромѣ того: SFIC(nia), Garr. Syll. p. 3, MAC(i)-STERATVS, Mommsen, Ephem. Ep. 1875, v. 2, p. 205, n. 298, LECES, ACMEMENO, Jordan, Krit. Beitr. 1879, S. 156, CALES, ECO, ibid. S. 157; соим. VIRCO или IRCO (=ergo, по Бреалу), Цвѣтаевъ, Журн. М. Н. Пр. июль 1882. Шнейдеръ (I, 235, 271), Рейзингъ (59 § 47) и Целль (R. Ep. II, 31) приводятъ еще аналоги изъ текста надписи columnae rostratae, но теперь доказано (Ritschl, tit. col. rostr. Op. IV, 204), что дошедшій до насъ памятникъ есть реставрація, сдѣ-

¹⁾ По мнѣнію Рейзинга (58, § 45), живучесть К въ аббревиатурѣ E. = Каесо объясняется вліяніемъ женщинъ (Hausfrauen), вообще склонныхъ къ звуковой консервативности; съ его идеей согласенъ и Шухардтъ (Vocal. I, 2 A), цитующій въ подтвержденіе ея Cic. de or. III, 12, 45: facilius enim mulieres incorruptam antiquitatem conseruant (ср. Büchel. 9) и Plat. Kratyl. p. 418 B: ... αὶ γυναικες... μέλιτα τὴν ἀρχαίαν φωνὴν σφραζομέναι; что же касается еоризъ karit, kalumnia, kalendae, то ихъ аббревиатура к, по Рейзингу, уцѣлела благодаря канцелярскому слогу; но и помимо такихъ доводовъ—не малое число представленныхъ надписей еоризъ съ к передъ а и весьма ограниченное количество примѣровъ употребленія к передъ другими гласными показываютъ, что по крайней мѣрѣ въ сочетаніи ka Римляне скорѣе, чѣмъ въ прочихъ случаяхъ, слышали разницу между tenuis и media; и мысль Рейзинга, комментарованная какъ слѣдуетъ, приводитъ къ тому же.

ланная при императорѣ Клавдіи, хотя съ довольно тщательною архаизаціей, наиримѣрь, *exfocient* 4, *rismandod* 5, *cartaciniensis* 9, *macistratos* 3.

Мы сказали, что около половины V в. до Р. X. гортанные *tenuis* и *media* звучали почти одинаково, вслѣдствіе чего К было за неподобностію устранено изъ алфавита. Но совершеннаго сліятія здѣсь не было, и въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій латинская рѣчь, какъ видно, мало по малу возвратилась къ прежнему различію твердаго гортаннаго отъ мягкаго, и вотъ, между прочимъ, и на гробницѣ Сципіона Барбата, которой надписи обыкновенно относятъ приблизительно къ 290 году до Р. X., мы находимъ въ формахъ *GNAIVOD*, *PROGNATVS* и *SVBIGIT* новый знакъ для *gutt. media* — G, происшедшій вѣроятно изъ C (Jord., Krit. Beitr. S. 158), употреблявшася доселѣ для изображенія того же звука (Schn. I, 231, 269, 272; Reisig, 59, § 47; Zell, R. Ep. II, 31, 32; Cors. Aus. I, 7; Kuhn. I, 36).

Что касается вопроса о томъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на литеру G, какъ на бывшую первоначально въ алфавитѣ и только вытѣсненную знакомъ C, или какъ на изобрѣтенную около времени дѣйствительнаго ея появленія, на этотъ вопросъ въ наукѣ существуютъ различныя отвѣты. По мнѣнію Скалигера и Зейфферта (см. Zell, R. Ep. II, 32; Schn. I, 268), семитскій дзайнъ или джимъ, въ числѣ другихъ знаковъ попалъ также въ греческій алфавитъ, гдѣ сталъ употребляться для изображенія исключительно свойственнаго грекамъ Z, рядомъ съ которымъ, въ качествѣ числоваго знака 6 удержалась разновидность с — поздиѣ „стигма“⁴⁾. Перенесенная затѣмъ въ латинскую азбуку, с сохранила свой шипящій звукъ особенно передъ e и i; а извѣстно, что и латинскій C передъ тонкимъ i ассимилировался довольно рано, преимущественно въ народномъ говорѣ (Cors. l. c. I, 30, с.); нѣсколько позже то же случилось съ G (Cors. ib. 45, 46); такимъ образомъ у джима и первоначально мягкаго C явились общія точки соприкосновенія, возникло нѣчто въ родѣ борьбы за существованіе, и с была на время вытѣснена. Но когда затѣмъ въ III вѣкѣ до Р. X. римское ухо начало ясно различать твердый и мягкій гортанные, то знакъ с былъ возвращенъ въ алфавитъ Sn. Кар-

⁴⁾ Шнейдеръ (I, 269), считая стиγму за одинъ изъ видовъ дигаммы f, отчасти допускаетъ возможность происхожденія изъ с и латинскаго G (ср. Ritschl, zur Gesch. des lat. Alphab. Op. IV, 706), но болѣе предпочтенія отдаетъ все-таки производству G изъ C, рожденнаго ему по звуку, производству, вообще гораздо вѣроятнѣйшему.

вилісмъ, отпущенникомъ Гн. Карвилія Руги, подавшаго (231 г.) первый въ римской исторіи примѣръ развода (Plut. Qu. R. Schn. I, 270).

Моммсенъ (U. D. cf. Zell II, 32; Jordan, Krit. Beitr. 156), опираясь на то, что знакъ G появляется на гробницѣ Барбата около 290 г. и на Люцерійскомъ ассѣ около 264 г., полагаетъ, что Карвилій не изобрѣлъ, а только ввелъ его во всеобщее употребленіе, съ чѣмъ согласенъ и Корссенъ (I², 10). Jordanъ въ своихъ Kritische Beiträge, стр. 156—160, оставляя въ сторонѣ сомнительныя данныя, основывается на свидѣтельствѣ Пренестинской бронзовой cista, гдѣ между прочимъ читается leses и астешено (=Agamemnon), Габиніевыхъ сосудовъ (Garr. Syll. III. 501—506), дающихъ формы Calebus и Gabinio или Gabinius и найденнаго на Эсквидіанскомъ холмѣ въ 1876 г. глинянаго круга съ надписью ECO C ANTONIOS (Garr. Syll. n. 2340), находятъ возможнымъ приписать введеніе знака G Аппію Клавдію Цеку, цензору 312 г., консулу (во 2-й разъ) 296 года, строителю водопровода и Аппіевой дороги, заявившему себя по преданію и въ области грамматики введеніемъ R и устраненіемъ изъ алфавита знака Z.

Напротивъ, Рейзингъ (59, § 47), на основаніи Шнейдера (I, 270), положительно считаетъ Карвилія изобрѣвателемъ G, относя слѣдовательно начало употребленія знака на 230-е годы; самъ Шнейдеръ (I, 271), пытаясь согласовать съ этой цифрой документальныя источники, ставитъ относительно разбираемаго элогія такую дилемму: или на памятникѣ невѣрно прочитано G вм. C, или же сама надпись составлена не тотчасъ послѣ смерти Барбата; но превосходное факсимиле у Ричля не допускаетъ сомнѣнія въ присутствіи G; значитъ, по Шнейдеру, остается думать, что tit. B моложе обыкновенно признаваемой за нимъ даты—290 года.

Въ этомъ отношеніи Шнейдеръ былъ предшественникомъ Ричля, который въ диссертациі „die ältesten Scipioneninschriften“, op. IV, 213 fgg. (cf. P. L. M. E, enagr.) весьма убѣдительно доказываетъ, что надгробіе Барбату составлено даже позже элогія его сына (ср. ниже объясн. zashio, fuet); дополнивъ 4-й стихъ послѣдней надписи, Ричль пишетъ здѣсь PVCNANIOD (l. c. 215. 219), предполагая такимъ образомъ, что въ это время знакъ G въ общемъ употребленіе еще не вошелъ. Хронологію обоихъ памятниковъ Ричль устанавливаетъ слѣдующимъ образомъ: правда, годъ смерти сына Барбата намъ документально не переданъ (l. c. 226); но по всей вѣроятности, онъ умеръ не позже 20 лѣтъ послѣ своего ценсорства въ 496 и. с. 257 до Р. X.; смерть его такимъ образомъ падаетъ приблизительно на

237 г. до Р. X.; около того же времени сооруженъ ему и саркофагъ съ элогіемъ Е, перечислявшимъ подвиги покойнаго (р. 224); чтобы не пострадала вслѣдствіе этого репутація его отца, Варбата, на гробницѣ котораго было выставлено лишь простое обозначеніе его имени, составили подходящую эпитафію и ему—такова гипотеза Ричля; дѣйствительно, по тщательномъ изслѣдованіи камня на гробницѣ Варбата Брунномъ, снимавшимъ *fascimilia* для атласа Ричля, оказались на мраморѣ слѣды прежней краткой надписи, уничтоженной при нанесеніи новаго текста (ib. 225); такимъ образомъ эпитафія В можетъ быть нѣсколькими годами моложе элогія Е, но падаетъ вѣроятно на тѣ же 230-е годы; а около этого времени и жилъ Сп. Карвилій, изобрѣтатель знака G, на нововведеніе котораго Ричль смотритъ не какъ на единичный, изолированный фактъ, а какъ на звено въ ряду систематически-прогрессивныхъ стремленій выдающихся теоретиковъ¹⁾, добиться точнаго графическаго выраженія для различныхъ звуковыхъ модуляцій въ постепенно развивающемся организмѣ языка.

Кюннеръ (I, 36, 2) принимаетъ появленіе G въ алфавитѣ вскорѣ послѣ 290 года, что произошло, какъ онъ думаетъ, вслѣдствіе многократныхъ соприкосновеній римской націи съ греческой, ясно различавшей к отъ γ, что было высказано и Корссеномъ, *Lauspr.* I², 10.

И такъ съ большею или меньшею вѣроятностью можно предположить одно: что около половины III в. до Р. X. или нѣсколько раньше, звуковое различіе между *gutt. tenuis* и *media* сдѣлалось такъ замѣтно, что повлекло за собою необходимость и графическаго ихъ различенія. Но отчего бы Римлянамъ не просто возвратиться къ прежней системѣ, давъ буквѣ K опять право гражданства въ качествѣ *tenuis*, тѣмъ болѣе, что она не была совершенно изгнана изъ употребленія, а литерѣ C указать ея первоначальную роль—*mediae*? Такой вопросъ и предлагаетъ Шнейдеръ (I, 231—232). Иорданъ (*Krit. Beitr.* S. 159) прямо говоритъ, что исчезновеніе K изъ алфавита произошло „aus uns unbekanntem Gründen“. Дѣйствительно, объяснить это, не слыша болѣе живой латинской рѣчи — довольно трудно; какъ намъ кажется, дѣло могло произойти приблизительно такимъ образомъ: первобытный, чистый K-звукъ былъ чуждъ классической гортани. У Грековъ, произношеніе которыхъ отличалось вообще звучностью, K пострадалъ сравнительно менѣе, чѣмъ у Римлянъ, гдѣ зву-

¹ Какъ въ Римѣ, въ Эвнѣ, Акціи, Люциліи и др.

ковой составъ языка далеко не былъ такъ разнообразенъ, какъ эллинская рѣчь. Вслѣдствіе же того, что греческій К по звуку почти сходился съ семитскимъ кафомъ, онъ и удержалъ для себя начертаніе К. У Римлянъ же К очень рано совершенно и на всегда утратилъ свой первобытный звукъ, а потому и символъ его былъ изгнанъ изъ употребленія, сохранившись лишь въ немногихъ реликвіяхъ, и то почти только передъ а, гдѣ всего еще легче могъ держаться чистый К. Къ нему Римляне приблизились, правда, но не возвратились совершенно и тогда, когда въ языкѣ ихъ отиѣтилось различіе твердаго гортаннаго отъ мягкаго; поэтому они не воспользовались и прежнимъ знакомъ для *gutt. tenuis*¹⁾. А что Римляне не возвратились къ первоначальному К, что разница между твердымъ и мягкимъ гортанными въ ихъ рѣчи была съ III в. замѣтна, но не особенно велика,—это видно какъ изъ сходства фигуръ С и G, гдѣ, конечно, есть нѣкоторое фонетическое основаніе, такъ и изъ того факта, что и послѣ введенія G литера С нѣрѣдко еще попадаетъ въ качествѣ *mediae* и наоборотъ (Kuhn. I, 36): *acer, necotia, Vergilla, vices* etc. рядомъ съ *ager, negotia, Vergilla, viginti*; ср. Schn. I, 232—235; Cors. Auspr. I, 20, 21, 41; Ritschl, *veriloquia Plautina*, Op. II, 424; Schuch. Voc. I, 22. 23. 123 figg. II, 413. 415. 526: *nicil, nigil, nichil*; III. 5. 62. 64. 308; Lachm. ad Lucr. II, 976, p. 129; III, 156, p. 148; V, 866, p. 316; Reisig 59—60, § 47. Сюда же относятся и общезвѣстныя *compendia*: C.—Gaius и Cn.—Gnaeus²⁾, изъ которыхъ Cn. встрѣчается 6, а C 1 разъ въ нашихъ эпитафияхъ, гдѣ слѣдуетъ отиѣтить также SVBECIT, tit. G; ASIACENVVS, t. H, рядомъ съ SVBICIT tit. B.

О третьемъ переселенцѣ на римскую почву—Q Q намъ представится случай поговорить при объясненіи формы QVOIVS.

Затѣмъ перейдемъ къ вокалитическому строю нашего GNAIVOD и прежде всего опредѣлимъ его этимологію.

Еще древними филологами имя Gnaeus ставилось въ связь съ существительнымъ *naevus* (родинка): Val. Max. de pom. ratione: Gnaeus ob insigne naevi appellatus est (Schn. I, 233), при чемъ для

¹⁾ Въ древности было даже высказываемо мнѣніе, что К не первоначальная буква въ латинскомъ алфавитѣ (Schn. I, 289).

²⁾ Если имена эти выписываются волизи, то всего чаще: Gaius, Gnaeus, греч. Γάιος, Γναίος; рѣже Caius, Cneus, см. Schn. I, 234—235; Ritschl, *die tess. glad.* Op. IV, 589 A.

самого *naevus* справедливо принималась древняя форма *gnaevus*, корня которой, сообразно значенію, слѣдуетъ искать въ созвучіи *gna*, первонач. *ga(n)*, *ge(n)*, скр. *gan*—рождать, откуда: *gen-us*, *gi-g(e)n-o*, (*g*)*na-tura*, (*g*)*na-tus*, γένος, γί·γ(е)ν·ομαι, жен-а, зем-ля, Kin-d, etc ¹⁾. Родственного происхожденія считалось и *nomen gentis Naevius*. Со стороны фонетическаго генезиса это производство собственно говоря—безукоризненно; но, какъ намъ кажется, оно страдаетъ нѣсколько съ точки зрѣнія смысла.

Такой чисто внѣшній, второстепенный атрибутъ, какъ *naevus*, весьма кстати могъ бы фигурировать въ составѣ *cognominum*, въ родѣ *Capito* (голованъ), *Crispus* (курчавый), *Naso* (носатый), *Crassus* (толстакъ), *Vergucosus* (бородавчатый), etc. Но не странно ли будетъ, если среди столь многочисленныхъ *praenomina*, какъ: *Lucius* (свѣтлый), *Titus* (=τιτός, почтенный), *Gaius* (ср. скр. *gauas*, побѣдный, радостный), и т. п. явится *Gnae(v)us*—родимое пятнышко?

Такую этимологию нѣсколько исправилъ Корссенъ. Принимая (*Auspr. I², 79 Anm.*) тотъ же корень *ga(n)* (*zeugen*, *gebägen*), онъ производитъ отъ него два *praenomina*: *Ga-lu-s* и *G(a)n-ei-u-s*, послѣднее съ паденіемъ кореннаго *ä*; оба имени по Корссену значать „Erzeugter, Sohn“; такимъ образомъ у него эти слова, несмотря на видоизмѣненіе корня и различіе въ суффиксахъ, являются тождественными по значенію, что едва-ли вѣроятно, независимо отъ безцвѣтности самаго значенія.

Удачнѣе, по нашему мнѣнію, рѣшилъ вопросъ одинъ изъ фило-головъ-компаративистовъ, А. Бенари, предложившій (*Lautlehre*, 51) санскритскую этимологию для имени *Gnaeus*. Правда, хотя мы не должны вездѣ и настойчиво подсовывать въ латинскую рѣчь санскритъ въ качествѣ сравнительнаго матеріала, „водить ее, какъ малаго ребенка, на санскритскихъ помочахъ“, по мѣткому выраженію Корссена *Krit. Nachtr. 4 i* ср. *Ritschl „Mentula“, Op. IV, 764*), но въ данномъ случаѣ объясненіе Бенари кажется ближе къ дѣлу. Онъ ставитъ форму *Gnaeus* въ связь съ скр. корнемъ *gnā*, сохранившимся въ лат. *gnā-tus*, (*g*)*gnā-grate*, *i-gnā-ro*, греч. γνώ-σις, γί·γνώ-σις слав. зна-ти; въ частности же за древнѣйшую форму онъ считаетъ *gnalios*, которую и производитъ отъ *part. fut. pas. gnēyas „cognoscendus“, „memorabilis“, „der Berühmte“*, что дѣйствительно прекрасно гармо-

¹⁾ Cf. *Festus*, *Forcell. v. v.*: *naevus corporis insigne et praenomen a generando dicta et ea ipse ex gnaeo γίγνεσθαι apparet.*

ируется съ значеніемъ и другихъ граепоміиш. Что же касается формы *Gnaivod* на разбираемомъ эпиграфѣ, то Венари видитъ здѣсь невѣрное чтеніе вмѣсто предполагаемаго имъ *Gnaivod*. Но снимкомъ у Ричля подлинность *GNAIVOD* гарантирована вполне, а потому этимологія Венари требуетъ иъвторого измѣненія.

Оставаясь при томъ же корнѣ *gnā*, мы примемъ форму *gnaivod*, Nom. *gna-ivo-s*, образованной посредствомъ суффикса *ivo*¹⁾; въ присоединеніи къ корню суффиксъ этотъ выражаетъ присутствіе въ предметѣ задатковъ къ возможному развитію дѣйствія, обозначаемого корнемъ (Kühn. I, 670, § 224):

pos-ivu-s могущій вредить,
 cad-ivu-s „ упасть,
 (inter)pec-ivu-s „ убить и т. п.; ср. Cors. I², 82.

Правда, что суффиксъ *ivo* встрѣчается на древнихъ надписяхъ въ формѣ *eivo*: FVGITEIVOS (Cors., I, 212; Ritschl, *mil. Popil. Op.* IV, 115), но тщательныя фонетическія изслѣдованія показали, что въ большинствѣ случаевъ *Ei* едва-ли обозначеніе собственнаго дифтонга, а скорѣе или средняго звука между *e* и *i*, или же простаго *i* (Cors. I, 143, 207, 230; Kühn. I, 47, § 6; Schn. I, 63; Benary 79; Reisig 56, § 45).

И такъ, полный *Nominativus* разбираемой формы—*gnā-ivo-s*, „способный къ знанію“, „даровитый“. Но два механически соединенныхъ гласныхъ *ai*, удержавшіеся въ флексіяхъ, напримѣръ, въ *gen. sg. I decl.* (*āi* и *ai*), до императорской эпохи, хотя можетъ быть и не въ древнемъ видѣ произношенія, (Schn. II, 22; Cors. II, 135 fig.; Neue I, 9—13; Büch. 64—65; Meig. 75—76; Kühn. I, 46, 4; 256—257), въ средніе словъ вѣроятно довольно рано утратили свою раздѣльность и слились въ одинъ двугласный *ai* (ср. Benary 5); на этой степени развитія мы и застаемъ наше *Gnaivod*, ср. *aidillis*, *alde* въ *tit. E.*, Cors. I, 178. Дифтонгъ *ai* въ основныхъ созвучіяхъ сохранялся съ одной стороны до очень поздняго императорскаго времени въ такихъ формахъ, какъ напримѣръ: *aidicula*, *Aimilius*, *Caesar* (Schn. I, 51; Cors. I, 179), но съ другой — уже довольно рано мы замѣчаемъ въ немъ зачатки монотонирования (ср. Cors. I, 153;

¹⁾ Съ согласнымъ *V*, который граически (*v*, *v*) сталъ отличать лишь съ XVII в., если не считать неудавшейся попытки Клавдія ввести для *V* consonans знак *ϋ*, Schn. I, 6 A; Zell, II, 33; Reis. 60, § 47; Cors. A. I, 13, Kühn. I. 37 A.

Вепату, 1): на одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ латинскаго языка—глиняномъ сосудѣ изъ гор. Vulceii (474—520 н. с. 279—233 до Р. X.) читается уже АЕСЕТІАІ РОСОЛОМ=Aequittiae, Aequitatis posulum, какъ толкуютъ Моммсенъ, Бервайсъ, Ричль, de fictil. litt. op. IV, 279; 281, 283—288; pr. lat. ep. suppl. V, ibid. 597, A.; на другомъ, современномъ: САПТВРНИ; на монетахъ того же приблизительно періода встрѣчаются аббревиатуры: АÆ, SAE; на надписи Фульвія Нобилиора: АЕТОЛІА; на надписи Эмилія Лепида: АЕМІЛІУС; см. Cors. I^a, 680—681; Garr. Syll. p. 25, с. IX. Далѣе—въ знаменитомъ SC. de Basanilibus (185 г. до Р. X.) встрѣчается ае рядомъ съ ai, apud aedem Duellonai; ср. tit. K.: aetate—quairatis; L.: aid. — laentur (Cors. I, 182; Kühn. I, 46,4; Schn. I, 51). Изъ такой совмѣстности написаній ai и ае видно, что произношеніе дифтонга ai какъ ае постепенно вступаетъ въ свои права: является лишь графическое, но не звуковое отличіе. Сказать впрочемъ точно, какъ именно произносился въ архаическій періодъ языка символъ ае: какъ простое ē, или же въ родѣ санскритскаго дифтонга ê, гдѣ слышался переходъ отъ а къ е—едва ли возможно, не слыша болѣе живой латинской рѣчи.

Такимъ образомъ наша форма gnaivos уже въ III вѣкѣ могла явиться въ видѣ gnaevos и даже gnaevus: въ разбираемомъ памятникѣ рядомъ съ такимъ остаткомъ древности, какъ Samnio, стоятъ классическія Cornelius, Lucius, Barbatius, prognatus. Затѣмъ v между двумя гласными, подобно греческой *f* въ формахъ βασιλέ(*f*)ως, να(*f*)ως, βο(*f*)ός etc. можетъ сгладиться, исчезнуть, какъ исчезло оно въ bo(v)um peti(v)l, audi(v)erunt, въ народно-латинскихъ: Flauius, vius, Noembris liberat probat, и т. п. Cors. I, 137; Kühn. I, 131, b; 134,3; Schn. I, 361, 104 A. Schuch. II, 509, 524; III, 300—302. Ritschl, Praenest. Lat. op. IV, 488; такимъ образомъ получается у насъ въ результатѣ классическое Gnaeus.

Что же сказать о другихъ вариантахъ: Snaeus, Sneus, Snelius, Gneus, Gnelius, которые въ римской литературѣ также не безъ примѣровъ? (Schn. l. c., Zell, R. Ep. II, 83—84; Ritschl, Tess. gladiat. Op. IV, 588). Форма Snaeus, могшая, судя по написанію ае, возникнуть приблизительно въ тотъ же періодъ, когда звуковое отличіе между твердымъ и мягкимъ гортанными было уже засвидѣтельствовано графически изобрѣтеніемъ для послѣдняго особаго знака G, будетъ потому менѣе правильной, какъ съ точки зрѣнія нашей этимологій, такъ и единственной греческой транскрипціи Γνατός. Формы Sneus

и Gneus могли, правда, явиться въ довольно древнее время: окончательное скръпленіе ае въ е замѣчалось въ провинціальной латини уже въ эпоху Люцілія и Варрона (II. в. до Р. X.), но въ классическую пору слѣды этого явленія очень рѣдки и распространенность оно получаетъ только съ III в. по Р. X. (Cors. I, 185, 188; Kühn. I, 57, 4; Merg. 75; Schuch. I, 223; Bachel. 66; Neue, I, 16; Schn. I, 52 fgg., Ritschl, de fictil. lit. Op. IV, 286; Tess. Glad. ib. 589 A), такъ что форма Gneus, — а тѣмъ болѣе Sneus — едва ли можетъ считаться классическою. Что касается вариантовъ Gneius и Sneius, то если въ нихъ еі есть графическое выраженіе переходной звуковой ступени отъ ě къ I, отъ Gnĕus, Snĕus къ не доказаннымъ однако Gnius, Snius — въ такомъ случаѣ оба они, какъ и вышеупомянутыя формы Gnĕus и Snĕus, не могутъ быть признаны классическими, но возникновеніе ихъ возможно объяснить и просто аналогіей со множественномъ хотя не однородныхъ съ ними, но съ однозвучнымъ окончаніемъ именныхъ формъ на eius: Canuleius, Aruleius, Rabuleius etc.

Болѣе права на существованіе имѣетъ аббревиатура Gn, какъ соответствующая дѣйствительно классическому выговору, сравнительно съ Sn, преданіемъ старинн.

Намъ остается еще объяснить форму Gnaivod со стороны морфологии, то-есть, сказать въсколько словъ объ окончаніи ōd.

Къ числу прочихъ флексическихъ наслѣдіи древней арийской поры принадлежитъ въ архаической латини суффиксъ ablativi singularis. Древнѣйшій видъ этого суффикса удержался въ санскритѣ: āt, на примѣръ Nom. galah, collum, Hals, abl. galāt изъ galā + āt; Nom. асyah, equus, abl. асyāt изъ асyā + āt; на почвѣ латинской рѣчи суф. at подвергся двоякаго рода измѣненіямъ. Съ одной стороны, весьма рано, уже въ древнѣйшихъ известныхъ намъ памятникахъ языка, окончательный согласный t является въ смягченномъ видѣ — d; съ другой — весьма гибкій гласный ā, при соединеніи съ гласными же примѣтами, ассимилировался имъ, и ватѣмъ сливался съ ними въ одинъ долгій звукъ; отсюда получились такіе ablativi, какъ:

$$\left. \begin{array}{l} \text{— „—, — } \ddot{a} \\ \text{— „—, — } \ddot{e} \\ \text{— „—, — } \ddot{i} \\ \text{— „—, — } \ddot{o} \\ \text{— „—, — } \ddot{u} \end{array} \right\} + \ddot{a}d = \left\{ \begin{array}{l} \text{— } \ddot{a}\ddot{a}d, \ddot{a}d : \text{pra}\ddot{a}\ddot{d}\ddot{a}d, \text{supr}\ddot{a}\ddot{d}\ddot{a}d; \\ \text{— } \ddot{e}\ddot{e}d, \ddot{e}d : \text{naval}\ddot{e}\ddot{d}, \text{facilum}\ddot{e}\ddot{d}. \\ \text{— } \ddot{i}\ddot{i}d, \ddot{i}d : \text{mar}\ddot{i}d, \text{ant}\ddot{i}d, \text{loucar}\ddot{i}d. \\ \text{— } \ddot{o}\ddot{o}d, \ddot{o}d : \text{gnaiv}\ddot{o}\ddot{d}, \text{qu}\ddot{o}\ddot{d}; \\ \text{— } \ddot{u}\ddot{u}d, \ddot{u}d : \text{senat}\ddot{u}d, \text{magistrat}\ddot{u}d. \end{array} \right.$$

Существованіе этого суффикса въ древней латини было извѣстно и реставраторамъ Дуллиевой надписи, которые, впрочемъ, слишкомъ настойчиво отнеслись къ его употребленію (Ritschl, tit. col. rostr. Op. IV, 205), тогда какъ въ разбираемомъ текстѣ есть уже варианты *Gnaivōd*, *patrē*.

Принимая такимъ образомъ *D* въ *abl. sing.* за остатокъ древняго суффикса *ād* (перв. *āt*), мы во *ipso* не можемъ считать его ни „парагогическимъ“ (*ἀφαλογοστικόν*), какъ думаютъ Шнейдеръ (I, 260) и Целль (R. Ep. II, 71), ни „италійскимъ привѣскомъ“ (*ein Italischer Anhang*) по выраженію Рейнга (190, § 125), ни остаткомъ предлога *de*, какъ думаетъ Ричль, о чемъ намъ представится случай поговорить при объясненіи творит. ед. основъ на согласные (см. ниже *patrē*).

Но еще въ очень древнемъ періодѣ жизни латинскаго языка конечный *d* смягчается до того, что, становясь почти неслышимымъ въ произношеніи, начинаетъ опускаться и въ написаніи; около половины II в. до Р. X. онъ исчезаетъ изъ общаго употребленія, оставляя за собой долготу предыдущаго гласнаго: *praeda*, *facillimē*, *magi*, *Gnaeō*¹⁾, *senatū*. Такимъ образомъ возникло классическое *gnaeō*.

О твор. ед. на *d* см. Schn. I, 260—262; Venary, 36 fig.; Reising, 71, § 54, A. 47; 190, § 125, A. 218; Zell, R. Ep. II, 71, 74; Cors., Ausspr. I, 72—75, 332—335. II, 419; Krit. Beitr. 548—549; Kühn. I, 104, § 9. 114, 3. 142, 2. 65, 7. 66, 8. 175, 6; Ritschl, P. L. M. E. enarr. + index; tit. col. rostr. Op. IV, 205; die alt. Scriponenschr. ib. 223; Plautin. Exc. Op. II, 623; Korsch, de v. s. 35. 77. 125. Merg. 93—98; Büchel. 94—98; ср. 91—94; Neue, I. 2. 17, 95; Garr. Syll. pp. 34—36; 594; addenda, n. 2381, Momms., Eph. Ep. 1875, v. 2, p. 205—206; Цвѣтаевъ, Ж. М. Н. Пр. июль 1882.

PATRĒ. Подобно вышеобъясненному *Lucius*, и форма *patrē* уклоняется отъ классической *patrē* только интенсивностью произношенія и можетъ быть сопоставлена съ такими примѣрами, какъ: *ordīnē* (Naev.), *patrē*, *rimicē* (Plaut.), *temproē*, *virginē* (Terent.) и т. п.

Слѣдуетъ сознаться, что исключительно на почвѣ сравнительнаго языкованія форму *patrē* объяснить очень трудно: основа ея, какъ и

¹⁾ Ср. *Publiō Cornēll*, tit. F.

приведенныхъ аналогій, оканчивается на согласный звукъ: *patr-*; образу отсюда *abl. sg.* посредствомъ упомянутого суффикса *id* съ весьма обыкновеннымъ перезвукомъ *ä* въ *ë*, мы получимъ только *patrëd*, а съ отпаденіемъ слабо звучаваго конечнаго *d*—только *patrë*, форму классической рѣчи, но не *patrë* и его варианты: *patrëi*, *patrë* (*ср.* *Cors. I*, 332). Вся трудность заключается именно въ объясненіи долготы архангескихъ *patrë* и *patrë* съ ихъ переходной фазой *patrëi*. За непригодностью сравнительнаго метода въ данномъ случаѣ, остается предположить, что при образованіи твор. ед. основъ на согласные латинскій языкъ пошелъ своимъ особымъ, индивидуальнымъ путемъ развитія, путемъ, который опредѣлить можно, разумѣется, только предположительно, и въ этомъ отношеніи весьма вѣроятна гипотеза, предложенная Н. Merguet (*Form.* 96—98). Прежде всего онъ опровергаетъ то предположеніе, по которому, на основаніи эпиграфически гарантированныхъ *ablativi* согласныхъ основъ: *airid*, *coventionid*, *po-minid*, дѣлался выводъ о распространенности окончанія *id*, принадлежащаго собственно основамъ на *i*—и на согласные основы (*Büch.* 97, § 246; *Schuch.* III, 148), такъ что изъ аналогично возникшаго *patrëd* выводились и всѣ другія разновидности: *patrëd*, *patrë*, *patrëi*, *patrë* (*Cors. I*, 268). Но противъ такой гипотезы говорить, по Мерге, слѣдующія соображенія:

1. Невѣроятно, чтобы въ окончаніи *id* безъ всякой видной причины возникли перемены, такъ какъ вообще *I* въ творительномъ ед. очень живуче; *ср.* *Cors. I*, 339; *Kühn.* I, 65, 7; *Ritschl*, *epigr. Briefe.* Op. IV, 414 A.

2. Если бы даже и такъ, то послѣ нѣкотораго колебанія выработалась бы одна общая форма, между тѣмъ какъ дѣйствительность показываетъ отсутствіе устойчивости не только въ выборѣ самихъ окончаній *e* и *i*, но и въ ихъ количествѣ, *ср.* *Schn.* II, 218 fig.; *Schuch.* II, 85, 87; *Neue I*, 212 fig.; *Kühn.* I, 199 ff.

3. Значительное большинство согласныхъ основъ имѣетъ *abl. sg.* на *e*, окончаніе *I* преимущественно встрѣчается въ основахъ на *i* и въ нѣогда принадлежащихъ сюда, въслѣдствіи согласныхъ основъ, напримѣръ *rudenti*, *parenti*, *sorti*, *parti* etc., *ср.* *Neue I*, 236 figg.; *Kühn.* *Schn.* II. cc.

Поэтому болѣе вѣроятнымъ кажется такое предположеніе: въ падежныхъ формахъ основъ на *i* и на согласные замѣчается нерѣдкое смѣшеніе флексій, напримѣръ:

О С Н О В Ы Н А I.		О С Н О В Ы Н А С О Г Л А С Н Ы Е.	
П р а в и л ь н о. Accus. sg.—i+ǫm= im	Перех. въ согл. осн. Acc. sg.—(i)+ǫm =ǫm	П р а в и л ь н о: Genet. pl.—um	Перех. въ глас. осн. Gen. plur.—i—um
clavim	clav-ǫm	can-um	cordi-um
restim	rest-ǫm	iaven-um	fratri-um
securim	secur-ǫm	leon-um	iudici-um
sitim	pupp-ǫm	milit-um	servituti-um
turrim	turr-ǫm	pan-um	virtuti-um
etc.	etc.	etc.	etc.

См. Schn., II, 205—218; 242—267; Neue, I, 196—212; 258—288; Kuhn., I, 197—198; 208—213.

Эти и подобные имъ случаи ясно показываютъ, какъ ослабло съ теченіемъ времени въ языкѣ сознаніе отдѣльности флексій въ основахъ на i и на согласные; почему бы намъ не допустить, что такое же смѣшеніе еще въ древнюю пору латинской рѣчи происходило въ abl. sg. между двумя упомянутыми видами основъ?

Если же такъ, то могло нерѣдко случаться, что въ однихъ и тѣхъ же именахъ оба окончанія Id и ĩd (прав. изъ it) употреблялись рядомъ и рассматривались, какъ параллельныя; а это могло въ свою очередь повести къ ихъ взаимному вліянію другъ на друга: долгота слитнаго окончанія Id вызвала аналогичную долготу въ суффиксѣ ĩd, такъ что въ согласныхъ основахъ рядомъ возникали формы на ĩd и на Id; когда же исчезло конечное d, то параллельныя окончанія ĩ и I сблизились въ посредствующей фазѣ—ei (ср. Ritschl, Plaut. Exc. Op. II, 622 fgg.), которую мы находимъ и въ нашихъ текстахъ: virtutei t. K.=virtutē~virtuti, класс. virtutē, рядомъ съ aetatē. Что же касается классическаго patrē, то оно могло произойти или изъ сокращенія patrĕ (ср. Cors. I, 335), или изъ правильнаго patrĕd по отпаденіи конечнаго d. Такова гипотеза Мерге.

Рейзигъ (89, § 67) придерживается еще стариннаго воззрѣнія, что abl. sg. въ III сл. вывѣтвился, такъ-сказать, изъ формы dat. sg., имѣющей иногда значеніе творительнаго (ср. Schneid. II, 200, 218),

и что обѣ формы устроили между собою нѣчто въ родѣ соглашения; именно *dativus* удержалъ окончаніе *I*, а *ablativus* предоставилъ *ē*. Впрочемъ, *abl.* на *ē* могъ, по мнѣнію Рейзига, возникнуть во многихъ случаяхъ и благодаря дактилической поэзіи, не мирившейся съ критическими формами и потому сокращавшей послѣдній слогъ при краткой *penultima* и долгой *antepenultima*, напримѣръ, *simplicē* вм. *simplicī* *sūpplicē* вм. *sūpplicī* и т. п., а также и по требованію ясности смысла, напримѣръ, для различія *participia* и *adjectiva* на *ns*, *florentē* и *florentī*.

По еще раньше Рейзига невѣрность производства формы творительнаго изъ дательнаго показалъ Бенари (см. *Lautl.*, 36—41); у него, впрочемъ, за суффиксъ *ablativi* принимается не *ēd*, а просто *d*, съ чѣмъ согласенъ и Курціусъ (*Temp. u. Mod.* 45); это *d* къ гласнымъ основамъ, по указанному мнѣнію, присоединяется безъ соед. гласнаго *ē*, а къ основамъ на согласные съ ея помощью; окончаніе *ē* въ *abl.* является, такимъ образомъ, вслѣдствіе „замѣнительнаго растаженія“ (*Ersatzdehnung*) послѣ утраты конечнаго *d*.

Сюда близко подходитъ объясненіе Корссена (I, 333), который, сопоставляя формы *ablativi* на *ed*, *ōd*, *ūd*, *ēd*, *īd* съ греческими нарѣчными формами на *ος* (изъ *ωτ*), признаетъ просто долготу соединительнаго гласнаго *ē* въ суффиксѣ *ēd* (*ē+d*) въ случаѣ его присоединенія къ основамъ на согласные; въ гласныхъ же основахъ предполагается первоначальная долгота ихъ примѣтъ, такъ что суффиксъ *ablativi*—по Корссену простое *d*—присваивается сюда уже безъ соединительнаго гласнаго. Отъ этого немного произвольнаго способа объясненія, оставляющаго притомъ открытымъ вопросъ о происхожденіи долготы соединительнаго гласнаго, самъ Корссенъ впоследствии отказался, и въ *Krit. Beitr.* 548—546, слѣдуя Грассману, принимаетъ за первоначальный суффиксъ *ablativi* *ēt*, модуляціи котораго мы показали выше, при *GNAIVOD*; ср. *Cors. Ausspr.* I², 204—206; 734—735; онъ допускаетъ также и влияніе на согласныя основы гласныхъ, гдѣ формы *ablativi* необходимо долги: *marīd*, *marī*.

Весьма оригинально упомянутое уже нами производство суффикса твор. пад., предложенное гениальнымъ антикомпаративистомъ Ф. Ричлемъ,—„*Kein Sprachvergleich*“,—какъ подписался онъ подъ указанной нами выше замѣткой „*Mentula*“. По его мнѣнію, *d* не что иное, какъ авокопированный предлогъ *dē* (*-dē, -dē, -d'*), см. *Plaut. Exc. Op.* II, 565; ср. *Er. gram. Misc. Op.* IV, 762. Но и эту теорію можно свести къ гипотезѣ Бенари и первой редакціи взгляда Корс-

сена; неудобства тѣ же: признаніе соединительнаго гласнаго, представляющаго не всѣми допускаемый лингвистическій постулатъ (Curt. Т. II. М. 39 ff.), и принатіе трудно объяснимой долготы его.

Трудность приложенія на практикѣ своего взгляда сознавалъ и самъ Ричль. Разясняя форму *antidhac* (I. с. 566), гдѣ, надо замѣтить, въ первой части древнѣйшимъ признается имъ не *anti-*, а *ante-*, котораго е въ сложеніи переходить въ *i*:

ante+de+hac, anti-de-hac, anti-d-hac,

онъ задаетъ вопросъ: „*warum ist in red das e geblieben und nicht ridgebildet worden? War etwa re ursprünglich lang wie sē, welches deshalb auch nicht zu sid wurde, sondern sed blieb?*“. Съ точки зрѣнія сравнительнаго языкованія отвѣтить на эти вопросы не трудно:

rē+ed (изъ перв. *āt*)=*rēd, rēd, rē* или *rēd, rē, rē*

Въ формѣ же *antidhac* первоначально не *ante*, а *anti*, scr. *anti*, гр. *ἀντί*; abl.: *anti+ed=antid; antid+hac= antidhac*.

Кюверъ, согласно съ Корссеномъ (Krit. Beitr. I, с.) принимаетъ суффиксъ *āt-ād-ōd*, не вдаваясь въ объясненіи (I, 175, 6).

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ приведенныхъ нами теорій наиболѣе наглядной и правдоподобной является гипотеза Мерге.

FORTIS, почти *forti'*; о слабости звуку конечнаго *s* см. ниже **Cornello**; ср. также *minus*.

VIR, о долготѣ *i* ср. ниже **virgo**.

SAPIENSQVE, ср. ниже **cosol, cesor**.

QVOIVS. Столь же замѣчательная форма, какъ и выше разобранная нами **GNAIVOD**, и притомъ одна изъ представляющихъ не малый сравнительный интересъ.

Что дѣйствительно *quoivus* есть *genet. sg. pr. gel.*—мы имѣемъ свидѣтельство древнихъ филологовъ Варрона и Марія Викторина (Neue, I, 227); намъ остается, слѣдовательно, выяснитъ отношеніе этой формы къ классическому *quius* и, въ виду различій въ скандовкѣ даннаго стиха, коснуться также этимологій какъ *pronominis relativi* вообще, такъ и разбираемаго *quoivus* въ частности.

Что касается производства латинскаго отн. мѣстоименія, то здѣсь, можно сказать, установленъ только его корень, а флексивная сторона еще остается открытымъ вопросомъ. Выше, при объясненіи формы **Gnaivod** мы сказали, что въ числѣ прочихъ алфавитныхъ заимствованій у семитовъ на почву Греціи, а затѣмъ и Рима, перешелъ знакъ **Q** (къафъ, коцпа), изображающій твердый гортанный знакъ съ лег-

кимъ полугласнымъ привѣскомъ. Но у Грековъ этотъ знакъ весьма рано исчезъ изъ общаго употребленія, сохранившись лишь на немногихъ надписяхъ, монетахъ и затѣмъ въ качествѣ *ἐπισπῶν* для числа 90 (Schm., I, 322, A; Zell., II, 30). Что касается латинскаго Q¹), впоследствии Q, то подробное исследование Корссена (Ausspr. I, 31 figg.), впоследствии, правда, нѣсколько ограниченное въ своихъ результатахъ (Krit. Beitr., 48—52), приводитъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло также съ gutt. tenuis+полугласный привѣсокъ. Дѣйствительно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ древнѣйшей извѣстной намъ поры жизни латинской рѣчи мы находимъ Q въ соединеніи съ V; а по исследованію Корссена это V не что иное, какъ вокально-губной привзвукъ („ein vokalischer labiale Nachklang“), колеблющійся между u и v и, по природѣ своей, значить, подходившій къ второй составной части семитскаго кѣфа (ср. Benay, 35).

Такъ какъ написаніе QV особенно настойчиво удержалось въ заимствованныхъ намъ древностью формахъ (pron. relat. quei, quous, quoei, quom, etc. (ср. Cors. Ausspr. I, 33) и такъ какъ Q, составная природа котораго для большей наглядности изображалась двумя знаками QV, есть gutt. tenuis+полугласный привзвукъ, то при отысканіи корня мѣстоименія qui въ родственныхъ языкахъ слѣдуетъ выбрать созвучіе съ аналогичнымъ гортаннымъ. Такому требованію отвѣчаетъ санскр. корень ka съ его вариантомъ ku, напримѣръ, kadā (когда), katham (какъ), kutas (откуда), kutra (гдѣ) etc., ср. греч. ko-тос, kó-оос, kó-терос, слав. kъи, ко-лики etc. Отсюда Бопиъ и производить основу pron. relat. qua для женскаго рода и quo для муж. и средняго (Cors. Krit. Beitr. 49, 541; Krit. Nachtr. 89; Merg. 150; Kühn. I, 397); обѣ эти основы должны слѣдовательно склоняться по первому и второму склоненіямъ. Но такъ какъ въ указанномъ мѣстоименіи есть формы, трудно объяснимыя дѣя основъ qua и quo, то для нихъ принимается другой, родственный первому, корень ki (Cors. Krit. Beitr. 541; Merg. 152; Kühn. I, 400, 7), послужившій собственно для образованія pron. inter. quis, quid.

Съ этой точки зрѣнія мы должны, конечно, признать несостоятельнымъ мнѣніе Рейзига (190, § 125), который, слѣдуя старинному принципу „Lateinisch ist Griechisch“, производитъ латинское qui,

¹) Эта древнѣйшая оцира q эпиграфически засвидѣтельствована три раза, см. Ritachi, Ep.-Gr. Miscell. Op. IV, 728; Zur Gesch. des lat. Alph. ib. 720; P. L. M. E. I, F; enarr. p. 97; Garr. Syll. p. 5; 555, n. 2800.

quae, quod отъ эолийскаго $f\acute{o}\varsigma$, $f\acute{\eta}$, $f\acute{o}$ съ переходомъ дигаммы въ η , тогда какъ латинская форма, хотя и родственная греческой, развилась въ данномъ случаѣ независимо отъ нея.

Что касается въ частности этимологiи разбираемаго *quoius*, то здѣсь взгляды ученыхъ расходятся, что и естественно въ столь трудномъ вопросѣ, какъ мѣстоименное склоненiе.

Корссенъ (Krit. Beitr. 543), сопоставляя окончанiе *ius* въ формѣ *quoius* съ тѣмъ же окончанiемъ въ *huius*, *eius*, *illius* etc., приводитъ три попытки объяснить его: мнѣнiе Вейфея, по которому—*ius*=скр. суффиксу сравн. ст. ijans ,—Вопна, колеблющагося между суффиксомъ *genet. sg.* въ скр.—*sja*, или *genet. sg. pron. fem.*—*sjas*, и наконецъ, догадку Ауфрехта, считающаго всѣ родительные на *ius* мѣстоименными прилагательными съ притяжательнымъ значенiемъ („*possessive Pronominaladjektive*“), образованными суффиксомъ ija(s) , съ тѣмъ согласенъ и Вухелеръ (s. 76). Находя всѣ эти гипотезы неудовлетворительными, Корссенъ даетъ свой способъ объясненiя: основа *quo* усилена гласнымъ *i*, составляющимъ *locativus* мѣстоименноуказательнаго корня *i* (ср. Krit. Nachtr. 93), ср. Ausspr. I², 307. 784—5) = греческому ι *demonstrativum* въ формахъ οὗτοι , τοῦτοι etc; отъ усиленной основы *quo-i*—образуется затѣмъ *genet. sg.* съ древнимъ окончанiемъ—*us*, встрѣчающимся въ формахъ *Kastorus*, *Venerus*, *potinius* и происшедшимъ изъ первоначальнаго *os*: *senatuos*, *magistratuos*, ср. греч. κιν-ός , κταν-ός , θηρ-ός etc. Для подтвержденiя же долготы *i*, какъ *locativi*, Корссенъ скандуетъ стихъ такимъ образомъ:

quoius forma virtutis tef parisuma fuit.

(Krit. Beitr. 544; Krit. Nachtr. 94. Ausspr. II², 672). Съ нимъ согласенъ и Кюннеръ, I, 398, 4. Но

1) Самъ Корссенъ въ формѣ дательнаго *quoiei* (tit. K), гдѣ *i* передъ *ei*, по его мнѣнiю, есть тотъ же *locativus* ι , принимаетъ би-силлабическое чтенiе:

quoiei vita defecit (Ausspr. II, 419), а не

quoiei vita defecit, что также допускаетъ стихъ.

2) Трисиллабическое чтенiе *quo-i-us* не есть необходимость; возможна и другая акцентовка:

quoius forma virtutis tef parisuma fuit, Ritschl, P. L. M. E. enarr. t. c.; Ep.-Gr. Misc. Op. IV, 751; Epigr. Br. V, ib. 413; de sep. Fur. ib. 265.

quoius forma virtutis tef parisuma fuit, Bartsch, Merg. 85; Büchel. 76.

quoíus formá vitúteí/ párisumá fúit, Korsch, '86, а слѣдовательно нѣтъ необходимости настаивать на долготѣ *i*.

3) Если бы даже *i* въ окончаніи *ius* было дѣйствительно *i* demonstrativum, то, какъ таковое, оно должно было бы заканчивать собой форму, по аналогіи съ другими указательными аффиксами: *hi-c*, *illi-c*, *isti-c* etc.; далѣе весьма трудно объяснить присоединеніе этого *i* только къ нѣкоторымъ надежамъ; наконецъ самое значеніе его, какъ demonstrativum, не вяжется съ понятіемъ nullius, neutrius, гдѣ слѣдуетъ предполагать аналогичную формацию съ quoíus; см. Merg. 84.

Считая, на основаніи приведенныхъ аргументовъ, теорію Корссена неудобной, Мерге предлагаетъ видѣть въ окончаніи *ius* остатокъ первоначальнаго *-sjās*, удержавшагося въ санскритѣ, напримѣръ, отъ мѣст. указ. ж. р. *sā*, gen. sg. *tasjās*; та же форма мужскаго рода: *ta-sjā* съ утратой конечнаго *s*, = греч. *ω*: *θεο-το*, *ἡρώου-ω* (нѣтъ *θεο-ου*, *ἡρώου-ου*), съ исчезновеніемъ обоеихъ *s*; въ латинскомъ это *sjās*, лишившись начальнаго *s* и подвергшись вокальной модуляціи *ā* въ *ō*, получило вѣроятно первоначальный видъ *iōs*, откуда, съ паденіемъ *ō* въ *i* явилось *iūs*.

Гипотеза эта не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; мы уже видѣли, что долгота *i* въ quoíus не есть необходимый постулатъ, а въ другихъ формахъ, какъ *totius*, *istius*, *ullius* etc. она легко объясняется снятіемъ гласной примѣты *o* съ окончаніемъ: *toto-ius* = *totius* (Merg. 85); паденіе же *ā* въ *i* есть одно изъ обыкновенныхъ фонетическихъ явленій (Cogn. Ausspr. 233 fgg.; 243. Neue, I, 65; Merg. 28; Kühn. I, 51, 3; 75, 1.).

Слѣдуетъ также отмѣтить оригинальное предположеніе французскаго филолога Менье (Meunier, Büch. 76; Cogn. II², 682 Anm.), который видитъ въ формахъ quoíus, hoíus и т. п. не что иное, какъ наслоеніе окончаній: *quo+i+i-us*, *ho+i+i-us*, *e+i+i-us*, гдѣ *i* привносится имъ за обыкновенное окончаніе genet. sg. основъ на *o*, а *ius*—за genet. sg. мѣстоименія *is*, приче́мъ Менье ссылается на нѣсколько фактовъ изъ рукописнаго преданія Плавта, довольно впрочемъ сомнительныхъ, какъ доказалъ Корссенъ, II², 673 Anm.

Не предлагая новаго способа рѣшенія даннаго вопроса, укажемъ на древне-славянскую форму относительнаго мѣстоименія *kъin*, *ka-ia*, *ko-к*, род. *ko-кѣго*, *ko-кѣа* etc., очевидно представляющую собой соединеніе кореннаго созвучія *ko* съ флексіями лично-указатель-

наго иѣстоименія и, иа, ю, род. иѣго, иѣа etc.; не могли ли подобными же путемъ возникнуть формы и латинскаго qui изъ основы quo+is, тѣмъ болѣе, что въ склоненіи обонхъ особенно въ архаическую пору замѣтно большое сходство (Bach. 52, § 127; 131, § 340; Neue, II, 193, § 13; 196; Merg. 152, § 135; Kühn. I, 388, § 4; 389).

Что касается классическаго cūus, рядомъ съ которымъ еще во время Августа попадаетъ quouus (Cors. Krit. Nachtr. 303; Neue, II, 227; Kühn. I, 398, 4; Ritschl, legis Rubr. pars sup. Op. IV, 42, II, 5; 44, 60; ср. Reisig, 191 A.), то оно возникло приблизительно слѣдующимъ образомъ: уже въ древнѣйшихъ эпиграфическихъ памятникахъ латинской рѣчи мы встрѣчаемъ въ звукѣ О склонность къ паденію въ болѣе низкій тонъ V (ср. Ritschl, Ep.-Gr. Miscell. Op. IV, 765); вслѣдствіе этого и въ созвучіи QVO полугласный привзвукъ V и гласный О довольно рано могли сблизиться въ одномъ звукѣ, изображаемомъ V; такимъ образомъ около 133 года до Р. X. является написание QV вмѣсто QVO (Ritschl, l. c.), напримѣръ, quus, persequitio, antiquus, aequus etc. (Schn. I, 325 fgg.; Cors., Aussprg. I, 34—34; Kühn. I, 40, 2). Въ этомъ сочетаніи (QV)Q, утративъ свой привѣсокъ, слившійся со слѣдующимъ гласнымъ, звучало уже просто какъ gutt. tenuis C, а потому и на письмѣ стало имъ замѣняться; явились формы: cum, persecutio, anticum, aecus (Schn. I, 335; Cors. Kühn. II. cc.) и классическое cūus. Такимъ же путемъ явилось вѣроятно и сūg изъ quare, quar, quor, qūr, ср. ниже quom, tit. K. (Cors. Krit. Beitr. 526; Kühn. I, 75, 1; 92, 5; 631, 9; Ritschl, Ep. Briefe, V, Op. IV, 397). Перегнѣна qu въ с происходила верѣдко и передъ другими гласными, напримѣръ, передъ o: condam (quondam), aliso (aliquo) ¹⁾, передъ a: candam (quandam) (Lachm. ad Lucret. IV, 116, p. 220), передъ e: insecenda (insequenda, Reisig, 63), что могло быть какъ слѣдствіемъ аналогіи съ произношеніемъ сочетанія qu, гдѣ q равнялось уже с, такъ быть можетъ и потому, что q съ теченіемъ времени постепенно утрачивало свой привзвукъ V и приближалось къ с, что видно изъ написаній: quella, quintae, qa, qe, qi etc. (Cors. Aussprg. I, 35), а также и изъ смѣшенія обонхъ звуковъ, обуславливающаго безразличное употребленіе самыхъ знаковъ, на-

¹⁾ На чѣмъ основанъ извѣстный каламбуръ Цицерона, въ словахъ, сказанныхъ имъ одному кандидату, сыну повара: „ego quoque (проввасено было со- que) tibi favebo“; Quint. VI, 3, 47; Schn. I, 336; Reisig, 62.

примѣръ, *uirpus* (*corpus*), *colonia* (*colonia*), *colunt* (*colunt*) (Schñ. I, 326 flg. Cors. Krit. Beitr. 50; Schuch. II, 287. 482; Kühn. I, 40, 2).

Относительно долготы гласнаго и въ классическомъ *cius* замѣтимъ, что она, быть можетъ, есть слѣдствіе стяженія *qui*, происшедшаго изъ *quo*,-ия *ci*, происшедшаго изъ *ci-i*-, хотя вообще объяснить ее при краткости о въ формѣ *quibus*, очень трудно (Cors. Ausspr. I, 129; I², 307).

И. Холодзинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ 1884 году (во второмъ году своего существованія).

ВѢСТНИКЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ, съ приложеніемъ ГАЗЕТЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ,

будеть выходить въ свѣтъ **ШЕСТЬ** разъ въ годъ, т. е. однажды въ 2 мѣсяца, книжками въ 5—8 печ. лист.; ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ будутъ появляться 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ печ. листа.

Въ Вѣстнику прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рѣзцомъ или крѣпкою водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и пр. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снимковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ Вѣстника помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ полиптики, исполненные ксилографіей и фотозинкографіей.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: В. М. Андреевскій, Н. Д. Ахшарумовъ, Н. Ж. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, Ф. М. Булгаковъ, А. А. Васильчиковъ, М. В. Ватсонъ, М. Ваионъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Извозницкій, А. И. Кирпичниковъ, Д. Ф. Кобено, Ф. П. Лацвертъ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эмъ), В. И. Мешковъ, П. И. Петровъ, Е. Е. Рейтеръ, Е. А. Сабанѣевъ, Н. П. Собно, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), В. П. Шеміуть и друг.

По части гравированія, сотрудниками будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, А. Вегеръ, В. Вериле, О. Гофманъ, А. Е. Дмитриевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушина, В. Маттэ, К. Д. Савицкій, В. Унгеръ, М. М. Мишинъ и др.

Подписная цѣна за оба изданія вмѣстѣ, на 1884 годъ: безъ доставки 10 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ или съ пересылкою въ другія мѣста 12 руб., за границу 15 руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *бесплатной премии*, гг. подписчики получаютъ Альбомъ фототипическихъ снимковъ большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ поинится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи Вѣстника изящныхъ искусствъ (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи Художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, придворномъ книжномъ магазинѣ Шмиддорфа, въ эстампныхъ магазинахъ А. Бегрова и Фальтона, въ книжномъ магазинѣ Мелье и у всѣхъ извѣстѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

ИЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, ВЫШЕДШИЯ ВЪ СВѢТЪ
ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ сороковой, книжка 1. 1882. (*Содержаніе*: О простѣйшихъ параллелограммахъ, доставляющихъ прямолинейное движеніе съ точностію до четвертой степени. П. Чебышева. — Эрикъ Лаксманъ. Академика Я. К. Грота. — *Приложенія*: № 1. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая. Академика Я. К. Грота. — № 2. Объ ароматическихъ пинаконахъ и пинаколинахъ. Ал. Загуменнаго. — № 3. О функціяхъ мало удаляющихся отъ нуля, при нѣкоторыхъ величинахъ переменнѣй. П. Чебышева.)

Цѣна книжки: 1 руб. 65 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1... 1 » 15 »

№ 2... — » 15 »

№ 3... — » 15 »

— Томъ сороковой, книжка 2. 1882. (*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1881 г. Читанъ Непремѣннымъ

Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1881 г. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 4 февраля 1882 г. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1881 г., составленный Академикомъ А. Н. Веселовскимъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 г. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, составленный Академикомъ Я. К. Гротомъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 г. — Правила о преміяхъ А. С. Пушкина. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1881 г. — Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго со времени избранія его въ экстраординарные академики, составл. акад. Я. К. Гротомъ. — Списокъ ученыхъ трудовъ И. В. Ягича со дня избранія его въ экстраординарные академики, составл. Я. К. Гротомъ. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Отдѣленія. — *Приложенія*: № 4. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. III—V. Академика А. Н. Веселовскаго. — № 5. Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка. Е. Барсова. — № 6. Опредѣленіе влажности воздуха помощью психрометра. Ник. Зворыкина. Стъ 1 чертежемъ. — № 7. Geophilidae музея Императорской Академіи Наукъ. Обработалъ А. Селявановъ. Стъ 2 таблицами.)

Цѣна книжки: 2 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 4...	—	»	60	»
№ 5...	—	»	15	»
№ 6...	—	»	20	»
№ 7...	—	»	30	»

Записки. Томъ сорокъ-первый, книжка 1. 1882. (*Содержаніе*: Обзорніе разныхъ способовъ находить частныя возмущенія въ движеніи планеты или кометы помощью механическихъ квадратуръ. Преобразование способа Лапласа для удобнѣйшаго вычисленія пертурбация по радіусу вектору, долготѣ и широтѣ. Академика А. Н. Савича. — О Юпитерѣ. И. Кортацци. Стъ 4 таблицами. — О конкурсѣ на соисканіе преміи князя Н. Б. Юсупова за составленіе «Исторіи царствованія Императора Александра II». — *Приложенія*: № 1. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ Акад. Я. К. Грота. — № 2. Библиологическій словарь и черновые

къ нему матеріалы. П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею акад. А. Ѳ. Бычкова.)

Цѣна книжки: 2 руб. 80 коп.

Цѣна приложений отдѣльно:

№ 1... — » 15 »

№ 2... 2 » — »

Записки. Томъ сорокъ-первый, книжка 2. 1882. (*Содержаніе:* О молдавскомъ происхожденіи такъ называемаго золотого талера русскаго князя Холмскаго. Статья акад. А. А. Кунника. — Списокъ академій, ученыхъ обществъ и учреждений, которымъ рассылаются изданія Императорской Академіи Наукъ. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль, мартъ, апрѣль и май 1882 г. — Предложеніе и балотированіе профессора Ѳ. Ѳ. Бейльштейна въ ординарные академики по технологіи и химіи, приспособленной къ искусствамъ и ремесламъ. — *Приложенія:* № 3. Объ одномъ видоизмѣненіи способа, извѣстнаго подъ названіемъ Эратосеенова рѣшета. Акад. В. Я. Буняковского. — № 4. Отчетъ о двадцать-четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова.)

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.

Цѣна приложений отдѣльно:

№ 3... — » 15 »

№ 4... 1 » — »

— Томъ сорокъ-второй (въ одной книгѣ). 1882. (*Содержаніе:* Распространеніе на линейныя уравненія вообще способа Эйлера, для изслѣдованія всѣхъ случаевъ интегрируемости одного частнаго вида линейныхъ уравненій втораго порядка. Академика В. Г. Имшенецкаго. — Правила о преміяхъ имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за августъ и сентябрь 1882 г. — *Приложенія:* № 1. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1879 и 1880 г. Директора Г. Вильда. — № 2. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой.)

Цѣна тома: 2 руб. 75 коп.

Цѣна приложений отдѣльно:

№ 1... — » 60 »

№ 2... 1 » 95 »

Записки. Томъ сорокъ-третій (въ одной книгѣ). 1882. (*Содержаніе*: Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь и ноябрь 1882 года. — *Приложеніе*: Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815). Н. Дубровина.)

Цѣна тома 2 руб. 85 коп.

Цѣна приложенія отдѣльно: 2 руб. 70 коп.

— Томъ сорокъ-четвертый (въ одной книгѣ). 1883. (*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1882 годъ. Читанъ Непремѣннымъ Секретаремъ, Ординарнымъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ годичномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1882 года. — Отчетъ о присужденіи въ 1882 году награды К. М. Бэра. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1882 годъ, составленный Академикомъ А. Н. Веселовскимъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1882 года. — Объ ученыхъ заслугахъ графа Ѳ. П. Литке. Рѣчь Академика О. В. Струве. — О преміи Тамбовскаго дворянства за историческія сочиненія о царствованіи Императора Александра II. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1882 г. и январь 1883 г. — *Приложенія*: № 1. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхьи Антиохійскаго. Издастъ, перевелъ и объяснилъ баронъ В. Р. Розенъ. — № 2. Объ отношеніи двухъ интеграловъ, распространенныхъ на однѣ и тѣ же величины переменной. П. Чебышева.)

Цѣна тома: 3 руб. 10 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1... 2 руб. 40 коп.

№ 2... — „ 15 „

— Томъ сорокъ-пятый (въ одной книгѣ). 1883. (*Содержаніе*: О выведенныхъ Людв. От. Струве результатахъ сравненія положеній Прокциона съ положеніями ближайшихъ съ нимъ звѣздъ, на основаніи наблюденій въ Пулковской Обсерваторіи. Донесеніе, читанное въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія А. Н. Савичемъ. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль и мартъ 1883. — *Приложенія*: № 1. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—X. Академикъ А. Н. Веселовскаго. — № 2. Письма В. С. Сонопкова къ К. Ѳ. Калай-

довичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. — № 3. Забѣтки по литературѣ и народной словесности. Академика А. Н. Веселовскаго. — № 4. Матеріалы для библиографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883) собранъ С. Пономаревъ. — № 5. Новый видъ контрольнаго барометра. Академика Г. И. Вильда. (Съ рисункомъ.)

Цѣна тома: 3 руб. 25 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1...	1 руб. 80 коп.
№ 2...	» 15 »
№ 3...	» 40 »
№ 4...	» 65 »
№ 5...	» 10 »

Записки. Томъ сорокъ-шестой (въ одной книгѣ). 1883. (*Содержаніе*: Къ вопросу о дѣйствіи цетрарина (C₁₈ H₁₆ O₈) на животный организмъ. (Предварительное сообщеніе.) А. М. Фортунатова. — О преміяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Д. М. Сибирякова. — Правила о преміяхъ Макарія, митрополита Московскаго. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за мартъ и апрѣль 1883 г. — *Приложеніе*: Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ. А. Фаминцына.)

Цѣна тома: 4 руб. 20 коп.

Цѣна приложенія отдѣльно: 4 руб.

—— Томъ сорокъ-седьмой, книжка 1-ая. 1883. (*Содержаніе*: О вычисленіи частныхъ возмущеній въ движеніи кометъ и малыхъ планетъ; замѣчанія и объясненія, относящіяся къ способу Ганзена и г. Тіетина. Ординарнаго Академика А. Н. Савича. — О преміяхъ имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго. Съ рисункомъ медали. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь — май, августъ и сентябрь 1883 г. — По поводу одного спорнаго выраженія въ надписи на списокѣ «книгъ пророческихъ съ толкованіями», писанномъ въ Новгородѣ «попомъ Упыремъ Дихимъ» въ 1817 году. Архимандрита Леонида. — Перечень сочиненій В. Н. Татищева и матеріаловъ для его біографіи, собранныхъ Академикомъ А. А. Куникомъ. — *Приложеніе*: № 1. Отчетъ

о двадцать-пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. — № 2. Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи, до 1782 года. Графа Д. А. Толстаго.)

Цѣна книжки: 1 руб. 60 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно:

№ 1... — » 80 коп.

№ 2... — » 40 »

Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ, подъ редакціею д-ра Г. И. Вильда. Томъ VII. Съ 20 таблицами. (*Содержаніе*: № 1. М. Рыкачева, Бури въ Бѣломъ Морѣ. — № 2. Ал. Тилло, Изслѣдованіе о географическомъ распредѣленіи и вѣковомъ измѣненіи склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки на пространствѣ Европейской Россіи. Съ 4 картами. — № 3. Э. Штеллинга, О зависимости количества испаренія воды отъ ея температуры и отъ влажности и движенія воздуха. — № 4. И. Амелунга, О приливѣ и отливѣ въ С. Петербургѣ. Съ таблицею кривыхъ. — № 5. М. Рыкачева, Приливныя и отливныя теченія въ атмосферѣ по анемометрическимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ Главной Физической Обсерваторіи, въ С. Петербургѣ. Съ таблицею. — № 6. Н. Пароменскаго, Распредѣленіе тумановъ надъ Балтійскимъ моремъ, по временамъ года. Съ таблицею кривыхъ. — № 7. Г. Вильда, О точности абсолютныхъ опредѣленій горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. — № 8. А. Бѣликова, Атмосферныя приливы и отливы по записямъ анемографа Главной Физической Обсерваторіи въ С. Петербургѣ. Съ таблицею. — № 9. Э. Лейста, Пути циклоновъ въ Россіи, за 1878 — 1880 гг. Съ 12 картами. — № 10. Г. Вильда, Годовой отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1881 и 1882 года. — *Мелкія извѣстія*: I. Э. Лейста, Низкая температура октября 1881 г. — II. Эд. Штеллинга, Объ опредѣленіи абсолютной величины испаренія съ открытой поверхности воды, по наблюденіямъ Павловской Обсерваторіи. Съ чертежемъ. — III. Э. Лейста, Дождь въ іюлѣ 1882. — IV. Эд. Штеллинга, О среднемъ направленіи вѣтра въ нижнихъ частяхъ Оби и Енисея.)

Цѣна тома: 5 руб.

Калачовъ, Н. В. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правп-

тельствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ II. Годъ 1712-й. Книга I. (Январь — июль).

Цѣна тома: 2 руб.

Цѣна I-го тома, вышедшаго въ свѣтъ въ 1880 году: 2 руб.

Владъ, Г. О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи. Выпускъ второй. Съ атласомъ.

Цѣна съ атласомъ: 9 руб.

Цѣна 1-го выпуска, вышедшаго въ свѣтъ въ 1878 году:

2 руб. 5 коп.

Мережковскій, К. С. Матеріалы къ познанію животныхъ пигментовъ.

Цѣна 40 коп.

Шренкъ, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края. Томъ первый. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. Съ картою, 3-мя лит. и 5-ю фототип. таблицами.

Цѣна 4 руб. 75 коп.

Чебышевъ, П. Объ одномъ рядѣ, доставляющемъ предѣльныя величины интеграловъ, при разложеніи подъ-интегральной функціи на множители.

Цѣна 10 коп.

Записки Іосифа Митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академіею Наукъ, по завѣщанію автора. 3 тома in-8°. Съ приложеніемъ трехъ фототипическиххъ портретовъ Митрополита Іосифа.

Цѣна 12 руб.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, VIIe Série. Tome XXIX.

— № 1. A. v. Middendorff. Einblikke in das Ferghana-Thal. Mit 9 Tafeln. Nebst chemischer Untersuchung der Bodenbestandtheile, von C. Schmidt, Professor in Dorpat.

Цѣна 5 руб. 80 коп.

Mémoires. № 2. P. Helmling. Neue Integrations-Wege.

Цѣна 85 коп.

— № 3. C. J. Maximowicz de Coriaria, Illice et Monochasmate, hujusque generibus proxime affinis Bungea et Cymbaria. Cum tabulis 4 lapidi incisiss.

Цѣна 1 руб.

— № 4 et dernier. R. Lenz. Ueber die thermische Ausdehnung des Meerwassers, aus den Beobachtungen des Herrn Res'zow berechnet.

Цѣна 25 коп.

Цѣна XXIX-го тома Мемуаровъ: 6 руб. 90 коп.

— Tome XXX, № 1. Fr. Schmidt. Revision der ostbaltischen silurischen Trilobiten, nebst geognostischer Uebersicht des ostbaltischen Silurgebiets. *Abtheilung I.* Phacopiden, Cheiruriden und Encrinuriden. Mit 16 Tafeln.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

— № 2. N. Beketoff. Recherches sur la formation et les propriétés de l'oxyde de Sodium anhydre.

Цѣна 15 коп.

— № 3. H. Wild. Das magnetische Ungewitter vom 30. Januar bis 1. Februar (n. St.) 1881. Mit 5 Curven-Tafeln.

Цѣна 60 коп.

— № 4. Ed. Lindemann. Zur Beurtheilung der Veränderlichkeit rother Sterne.

Цѣна 15 коп.

— № 5. G. v. Helmersen. Studien über die Wanderblöcke und die Diluvialgebilde Russlands. II. Lieferung. Mit 7 Tafeln.

Цѣна 2 руб.

— № 6. W. Kiprijanoff. Studien über die fossilen Reptilien

Russlands. II. Theil. Gattung Plesiosaurus Conybeare aus dem sawerischen Sandstein oder Osteolith der Kreidegruppe. Mit 19 Tafeln.

Цѣна 2 руб.

Mémoires. № 7. B. Hasselberg. Untersuchungen über das zweite Spectrum des Wasserstoffs. Avec 1 planche.

Цѣна 80 коп.

— № 8. Hermann Struve. Ueber den Einfluss der Diffraction an Fernröhren auf Lichtscheiben.

Цѣна 90 коп.

— № 9. R. Lenz. Ueber das galvanische Leitungsvormögen alcoholischer Lösungen.

Цѣна 50 коп.

— № 10. W. Dybowski. Studien über die Süßwasser-Schwämme des russischen Reiches. Mit 3 Tafeln.

Цѣна 50 коп.

— № 11 et dernier. E. v. Martens. Ueber centralasiatische Mollusken. Mit 5 Tafeln.

Цѣна 1 руб. 40 коп.

Цѣна XXX-го тома Мемуаровъ: 18 руб.

— Tome XXXI, № 1. Hermann Struve. Zur Theorie der Talbot'schen Linien.

Цѣна 15 коп.

— № 2. Ludwig Struve. Resultate aus den in Pulkowa angestellten Vergleichen von Procyon mit benachbarten Sternen.

Цѣна 45 коп.

— № 3. E. Catalan. Recherches sur la constante g , et sur les intégrales Eulériennes.

Цѣна 45 коп.

Mémoires, № 4. A. Lindstedt. Beitrag zur Integration der Differentialgleichungen der Störungstheorie.

Цѣна 20 коп.

— № 5. Mag. Fr. Schmidt. *Miscelanea Silurica* III. 1. Nachtrag zur Monographie der russischen Silurischen Leperditien. — II. Die Crustaceenfauna der Eurypterenschichten von Rootziküll auf Oesel. Mit 9 Tafeln.

Цѣна 2 руб.

— № 6. W. Kiprijanow. Studien über die fossilen Reptilien Russlands. III. Theil. Gruppe *Thaumotosauria* N., aus der Kreide-Formation und dem Moskauer Jura. Mit 21 Tafeln.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

— № 7. W. Kiprijanow. Studien über die fossilen Reptilien Russlands. IV. Theil. Ordnung *Crocodylina* Oppel. Indeterminirte fossile Reptilien. Mit 7 Tafeln.

Цѣна 90 коп.

— № 8. Prof. Dr. Baranetzki. Die kreisförmige Nutation und das Winden der Stengel.

Цѣна 60 коп.

— № 9. Magnus Nyrén. *L'aberration des étoiles fixes.*

Цѣна 40 коп.

— № 10. O. Chwolson. Ueber die Wechselwirkung zweier Magnete mit Berücksichtigung ihrer Querdimensionen.

Цѣна 80 коп.

— № 11. B. Imschenetzky. *Sur la généralisation des fonctions de Jacques Bernoulli.*

Цѣна 50 коп.

— № 12. H. Wild. Die Beobachtung der electrischen Ströme der Erde in kürzern Linien. Mit einer Tafel.

Цѣна 80 коп.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg.
Tome XXVII. (Contenant les articles de MM.: N. Alexéeff, O. Backlund, M. Bogdanow, E. Bonsdorff, V. Bouniakowsky, A. Boutlerow, J. F. Brandt, O. Chwolson, B. Dorn, W. Dybowski, W. Gutzeit, B. Hasselberg, C. Kalchbrenner et F. de Thümen, N. Kokscharow, fils, D. Konovalof, J. Kortazzi, E. Kunik, C. J. Maximowicz, N. Mayewski, F. Morawitz, S. Przybytek, baron v. Rosen, L. Rüttimeyer, A. Säfftigen, A. Sawitsch, Ludw. Struve, O. Struve, H. Wild.)

Цѣна за томъ: 3 руб.

— Tome XXVIII (Contenant les articles de MM. O. Backlund, J. Borodine, V. Bouniakowsky, A. Boutlérof, A. Bunge, O. Chwolson, A. Gorbof et A. Kessler, G. v. Helmersen et Jakovlef, J. Kortazzi, N. Kokscharow, Ed. Lindemann, C. E. v. Mercklin, F. Morawitz, A. Nauck, Ph. Owsiannikof, W. Pawlof, B. Rizza, A. Sawitsch, J. Schmalhausen, C. Schmidt, J. Setschénof, A. Strauch, H. Struve, O. Struve, P. Tchébychef, W. Tistchenko, J. S. Vaněček, N. Wedenski, W. Weliky, H. Wild.)

Цѣна за томъ: 3 руб.

Mélanges mathématiques et astronomiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Tome VI, livraison 1. (Contenu: Dr. B. Hasselberg. Spectroskopische Beobachtungen der Cometen 1881 b und 1881 c. Avec 1 planche. — E. Bonsdorff. Ueber einen neuen Connex im Raume. — O. Backlund. Kurzer Bericht über meine Untersuchungen über die Hypothese eines widerstehenden Mittels. — O. Struve. Neuere Untersuchungen an künstlichen Doppelsternen. — O. Backlund. Ueber die Bestimmung der Masse des Jupiters durch Beobachtungen der gegenseitigen Entfernungen und Richtungen seiner Satelliten. — J. Kortazzi. Topographische Beobachtungen am Planeten Jupiter. Avec une planche. — A. Sawitsch. Observations faites à l'Observatoire académique de St.-Pétersbourg sur les positions des planètes Jupiter, Saturne et Neptune dans leurs oppositions en 1881. — V. Bouniakowsky. Démonstration de quelques Propositions relatives à la fonction numérique $E(x)$. Article 1er. — Ed. Lindemann. Zweites Verzeichniss neuer rother Sterne. — J. S. Vaněček. Sur des surfaces de 2me, 3me et du 4me ordre. — V. Bouniakowsky. Démonstration de quelques Propositions relatives

ves à la fonction numérique $E(x)$. Article 2^d. — O. Struve. Sur le Mémoire de M. Nyrén: L'aberration des étoiles fixes. Rapport fait à l'Académie dans sa séance du 15 février 1883. — O. Backlund. Sur le Mémoire de M. Lindstedt: Beitrag zur Integration der Differentialgleichungen der Störungstheorie. Rapport lu à l'Académie dans la séance du 15 février 1883. — O. Struve. Ueber einen neuentdeckten Cometen.)

Цѣна 65 коп.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XI, livraison 4. (Contenu: Prof. Dr. C. Schmidt. Untersuchung der von Hrn. N. v. Przewalski auf seiner zweiten Tibet-Reise 1879 bis 1880 geschöpften Wasserproben. — H. Wild. Zweckmässige Empfindlichkeit der magnetischen Variations-Apparate. — N. v. Kokscharow. Resultate der an Datolith-, Amphibol- und Vauquelinit-Krystallen ausgeführten Messungen. — O. Chwolson. Ueber die Wirkung des Spannens auf den elektrischen Widerstand von Kupfer- und Messingdrähten. — A. Boutlerow. Sur l'oxydation de l'isodibutylène par l'hypermanganate de potasse.)

Цѣна 4-го выпуска: 30 коп.

—— Tome XI, livraison 5. (Contenu: B. Rizza. Ueber die Einwirkung von Zinkmethyl auf Chloral. — Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen. — N. v. Kokscharow. I. Mineralogische Notiz, als Zusatz zu meiner Abhandlung über Vauquelinit und Laxmannit. — II. Mineralogische Notiz über A. v. Lösch am Ural entdeckte Olivin-Krystalle. — Resultate der an den Pecholith- und Gelbbleierz-Krystallen ausgeführten Messungen. — H. Wild. Neueste Form des Controllbarometers. Mit einer Tafel.)

Цѣна 40 коп.

—— Tome XI, livraison 6 et dernière. (Contenu: H. Struve. Die chemische Dialyse unter Anwendung von Chloroformwasser oder Aether und ihre Bedeutung für die chemische Analyse eiweisshaltiger Substanzen aus dem Thier- und Pflanzenreich. — C. E. v. Mercklin. Mikroskopische Untersuchung einer Braunkohle vom Saissan-See. — H. Wild. Ueber die Umwandlung meines Photometers in ein Spectro-Photometer. Mit einer Tafel. — H. Wild. Ueber den Gebrauch mei-

nes Polaristrobometers (Saccharimeters) in weissem Lichte. — H. Struve. Studien über Milch. — G. v. Helmersen. Zur Geologie der Aralo-Kaspischen Niederung. Beobachtungen des Bergingenieurs Jankowlew.)

Цѣна 35 коп.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome XI, livraisons 2 et 3. (Contenu: L. Rütimyer. Bericht über einen Theil des im Manuscript vorhandenen litterarischen Nachlasses von Hrn. Geheimrath Joh. Friedr. Brandt, Mitglied der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften zu St. Petersburg. — C. J. Maximowicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. IV. Cum tabula lapidi incisa.)

Цѣна 2-го и 3-го выпусковъ: 65 коп.

—— Tome XI, livraison 4. (Contenu: J. Setschenof. Galvanische Erscheinungen an der cerebrospinalen Axe des Frosches. — Dr. A. Strauch. Bemerkungen über die Eidechsenfamilie der Amphisbaeniden.)

Цѣна 4-го выпуска: 40 коп.

Mittheilungen der internationalen Polar-Commission. — Bulletin de la Commission polaire internationale. — Communications from the international polar commission. Première livraison.

Цѣна: 10 коп.

—— Seconde livraison.

Цѣна: 25 коп.

—— Troisième livraison.

Цѣна: 15 коп.

—— Quatrième livraison.

Цѣна 20 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Zweite Folge.

—— Band I. J. F. Brandt. Bericht über die Fortschritte, welche die zoologischen Wissenschaften den von der Kaiserlichen

Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg von 1831 bis 1879
herausgegebenen Schriften verdanken.

Цѣна 90 коп.

Beiträge. Band II. H. Goebel. Die Vögel des Kreises Uman, Gouvernment Kiew, mit besonderer Rücksicht auf ihre Zugverhältnisse und ihr Brutgeschäft.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

— Band III. Fr. Th. Köppen. Die schädlichen Insekten Russlands.

Цѣна 2 руб. 30 коп.

— Band IV. Gemischten Inhalts.

Цѣна 90 коп.

— Band V. G. v. Helmersen, geologische und physico-geographische Beobachtungen im Olonezer Bergrevier. Mit einer Karte und einem Atlas von 6 Tafeln.

Цѣна V-го тома, съ атласомъ: 3 руб.

Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Supplément I, comprenant les publications en langues étrangères depuis 1871 jusqu'au 1 novembre 1881.

Цѣна I-го прибавленія: 25 коп.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Dritter Theil. Zweite Lieferung.

Цѣна 2-го выпуска III-й части: 1 руб. 20 коп.

— Vierter Theil. Erste Lieferung.

Цѣна 1-го выпуска IV-й части: 1 руб. 25 коп.

Luwers, Arthur. Neue Reduction der Bradley'schen Beobachtungen aus den Jahren 1750 bis 1762. Zweiter Band. Die Reduction der

einzelnen Beobachtungen am Passagen-Instrument und am neuen Quadranten enthaltend.

Цѣна II-го тома: 8 руб. 20 коп.

Bésobrasof, W. Études sur l'économie nationale de la Russie. Region (centrale) industrielle de Moscou. Tome I. 1883.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: И. Глазунова и Эггерса и К^о въ С. Петербургѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близъ Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгами въ Комитетъ, дѣляется уступка 25% съ объявленной цѣны.

Вышла и поступила въ продажу книга:

ЗАПИСКИ
ЮСИФА МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО

ИЗДАНИЯ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

ПО ЗАВѢЩАНІЮ АВТОРА.

Въ 3-хъ томахъ, въ 8^о долю листа, съ приложеніемъ
трехъ фототипическихъ портретовъ Митрополита Юсифа.
Цѣна за три тома 12 рублей.

**Продается въ Комитетъ Правленія Акаде-
міи Наукъ (Васильевскій Островъ противъ Универ-
ситета) ежедневно отъ 11 до 3-хъ часовъ, кромѣ праздни-
чныхъ и табельныхъ дней.**

Книгопродавцы при покупкѣ на наличныя деньги
пользуются 25% уступки.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1883 года.

Измѣняющій Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр. 9 лив. № 12.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

включаетъ въ себя, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библиографичи, и современному лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXI.

1884.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Влашева, Средняя Подъячская, № 1.

1884.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. 21

О. О. Гонсіоровскій. Записки о Словахъ о Полку Игоревѣ 261

Ф. И. Успенскій. Слѣды апокрыфныхъ книгъ въ Византіи. III 289

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. О. Коляковичъ. Записки Іосифа, митрополита Литовскаго. С.-Пб. 1883. 336

А. Н. Веселовскій. И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881. 359

А. Г. Брикнеръ. Лаврентій Рингуберъ 398

Н. Н. Веселовскій. Путешествія Г. С. Каралина по Каспійскому морю 421

— Вредныя настькомы. Ф. Кенниа. С.-Пб. 1881—1883 432

Н. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской историографіи. VII. 333

— Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи 344

— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ) 43

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1883 годъ 27

— Отчетъ по второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ 48

— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній. 57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

І. И. Холодникъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архаической латыни (продолженіе) 68

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія 103

Редакторъ Л. Шаймовъ.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXI.

1884.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.

1884.

Средки Подлячская, д. № 1.
2841.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (1-го ноября 1883 г.). Объ увеличеніи штата отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи штата отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи штата отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній принять, съ 1-го января 1884 года, слѣдующіи мѣры:

- 1) Усилить второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ назначеніемъ въ составъ его еще одного (шестаго) члена.
- 2) Предоставить членамъ упомянутаго отдѣленія, не выслужившимъ пенсіи въ другихъ учрежденіяхъ, право получать такую же при выbitіи изъ академіи, на одинаковомъ основаніи съ членами другихъ отдѣленій Академіи.

3) Въ дополненіе къ суммамъ, отпускаемымъ нынѣ на расходы втораго отдѣленія Академіи, отпускать ежегодно по пяти тысячъ рублей на усиленіе до 150 рублей въ мѣсяцъ выдаваемого академикамъ вознагражденія, на издержки по изданію ихъ трудовъ и на канцелярскіе расходы отдѣленія, для чего вносить означенную сумму въ подлежащія подраздѣленія сѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (8-го ноября 1883 г.). О предоставленіи главной физической обсерваторіи получать изъ-за границы книги и инструменты безпошлинно.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи главной физической обсерваторіи получать изъ-за границы книги и инструменты безпошлинно, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи главной физической обсерваторіи получать изъ-за границы книги и инструменты безпошлинно, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе § 15 Высочайше утвержденнаго 4-го мая 1871 г. устава главной физической обсерваторіи и взаимно дополненія къ пункту 23 статьи 1276 устава таможеннаго (свод. зак. изд. 1857 г., т. VI, по прод. 1876 г.), постановить слѣдующее правило:

„Состоящая въ вѣдѣніи Императорской Академіи Наукъ главная физическая обсерваторія, относительно полученія изъ-за границы выписываемыхъ ею для собственныхъ надобностей печатныхъ сочиненій, а также физическихъ инструментовъ и приборовъ, пользуется правами, опредѣленными въ статьѣ 1273 устава таможеннаго.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (15-го ноября 1883 г.). Объ учрежденіи при Виленскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ двухъ отдѣльныхъ учительскихъ должностей чистописанія и рисованія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Виленскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ двухъ отдѣльныхъ учительскихъ должностей чистописанія и рисованія, Высочайше утвердить соизволялъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Виленскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ двухъ отдѣльныхъ учительскихъ должностей чистописанія и рисованія, мнѣніемъ положилъ:

1) Въ намѣненіе Высочайше утвержденнаго 24-го мая 1876 года штата Виленскаго Маріинскаго женскаго училища, учредить при семъ училищѣ, взаимѣвъ положенной по штату онаго одной должности учителя чистописанія и рисованія, двѣ отдѣльныя должности учителей по каждому изъ сихъ предметовъ, съ отнесеніемъ названныхъ должностей по чинопроизводству къ IX классу и къ VII разряду по пенсіи и съ присвоеніемъ учителю чистописанія по 600 рублей, а учителю рисованія по 650 рублей содержанія въ годъ.

2) На удовлетвореніе исчисленнаго въ предыдущей статьѣ расхода, всего въ размѣрѣ тысячи двухсотъ пятидесяти рублей въ годъ, обратить 950 рублей, отнускавшіеся по штату Маріинскаго училища на содержаніе учителя чистописанія и рисованія; недостающіе же за симъ 300 рублей покрывать ежегодно изъ суммъ сбора за ученіе въ названномъ училищѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (15-го ноября 1883 г.). Объ увеличеніи штатовъ главной физической обсерваторіи и отдѣленія морской метеорологіи при ней.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи штатовъ главной физической обсерваторіи и отдѣленія морской метеорологіи при ней, Высочайше утвердить соизволялъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи штатовъ главной физической обсерваторіи и отдѣленія морской метеорологіи при ней, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ дополненіе Высочайше утвержденныхъ 4-го мая 1871 года и 9/21 мая 1876 года штатовъ главной физической обсерваторіи и отдѣленія морской метеорологіи при ней (И. С. З. т. XLVI № 49557 и т. LI № 55924) учредить, съ 1-го января 1884 г., слѣдующія должности: а) одного инспектора метеорологическихъ станцій и б) одного физика, съ присвоеніемъ каждому по тысячѣ двѣсти рублей содержанія въ годъ (въ томъ числѣ 900 руб. жалованья и 300 руб. столовыхъ) и сверхъ того по 800 руб. добавочныхъ (инспектору—на расходы во время ревизій, а физика—на издержки по дождемернымъ наблюденіямъ) и съ предоставленіемъ названнымъ лицамъ IX класса по должности, IX разряда по шитью на мундиръ и правъ на пенсію по ст. 333 уст. о пенс. (свод. зак. т. III, по прод. 1876 г.).

II. Потребную на покрытіе исчисленнаго въ предыдущей статьѣ расхода сумму, въ размѣрѣ четырехъ тысячъ рублей въ годъ, вносить, начиная съ 1884 г., въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (15-го ноября 1883 г.). О служебныхъ правахъ учителей нормальныхъ училищъ, открываемыхъ въ горскихъ селеніяхъ Кубанской и Терской областей.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ учителей нормальныхъ училищъ, открываемыхъ въ горскихъ селеніяхъ Кубанской и Терской областей, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ

переданное изъ бывшаго Кавказскаго комитета представленіе бывшаго помощника намѣстника Кавказскаго о служебныхъ правахъ учителей нормальныхъ училищъ, открываемыхъ въ горскихъ селеніяхъ Кубанской и Терской областей, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ статей уставовъ о службѣ гражданской (св. зак. т. III, изд. 1876 г.), постановить:

1) Учители нормальныхъ сельскихъ училищъ, открываемыхъ въ мѣстахъ горскаго населенія Кубанской и Терской областей на его средства, а равно семейства сихъ учителей, пользуются правами на пенсію и единовременныя пособія, на основаніяхъ, опредѣленныхъ статьями 398—408 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ. Изъ получаемаго этими учителями жалованья производится вычесть въ размѣрѣ двухъ процентовъ, при чемъ образующіася отъ сего суммы причисляются къ пенсіонному капиталу приходскихъ учителей.

2) Тѣ изъ означенныхъ учителей, которые имѣютъ отъ Александровскаго учительскаго института или отъ учительскихъ семинарій Кавказскаго учебнаго округа свидѣтельства на званіе сельскихъ учителей, могутъ, по прослуженіи въ семъ званіи десяти лѣтъ въ предѣлахъ названнаго округа, быть представляемы къ награжденію чинномъ четырнадцатаго класса.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (15-го ноября 1883 г.). Объ учрежденіи при Тифлискомъ женскомъ учебномъ заведеніи Св. Нины должности инспектора.

Его Императорское Величество, воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Тифлискомъ женскомъ учебномъ заведеніи Св. Нины должности инспектора, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Тифлискомъ женскомъ учебномъ заведеніи Св. Нины должности инспектора, мнѣніемъ положилъ:

1. Учредить при Тифлисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи Св. Нины должность инспектора, съ служебными правами и преимуществами, присвоенными инспектору Тифлисскихъ великой княгини Ольги Теодоровны гимназій и прогимназій (Высочайше утвержденное 28-го ноября 1878 г. мнѣніе государственнаго совѣта).

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія опредѣлить особою инструкціею, составляемою имъ, по соглашенію съ главнѣйшими гражданскою частью на Кавказѣ, обязанности инспектора при Тифлисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи Св. Нины.

III. Потребный на содержаніе упомянутой должности расходъ, въ размѣрѣ тысячи семисотъ семидесяти рублей (въ томъ числѣ 900 р. жалованья, 600 р. столовыхъ и 270 р. квартирныхъ денегъ) обратить на собственныя средства гимназій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

11. (22-го ноября 1883 г.). О служебныхъ правахъ лицъ, опредѣляемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Его Императорское Величество, воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ лицъ, опредѣляемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ лицъ, опредѣляемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ статей устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, кн. I, изд. 1876 г.) и Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 г. и 24-го мая 1870 г. положеній о женскихъ гимназійхъ и прогимназійхъ министерства народнаго просвѣщенія (полн. собр. зак. т. XLIV и XLV, №№ 47131 и 48406), постановить:

I. Лицамъ, опредѣляемымъ на учебныя должности въ женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія, содер-жимыя какъ за счетъ казны, такъ и на мѣстныхъ или частныхъ средства, производятся изъ государственнаго казначейства прогоныя деньги и не въ зачетъ третныя, полугодовыя и годовыя оклады жалованья (уст. служб. прав., изд. 1876 г. ст. 248 и прилож. къ примѣч. при ст. 225: ст. 34, 36, 38, 75, 77, 81, 83, 89 и 151), на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Преподавателямъ: а) окончившимъ полный курсъ наукъ въ одно изъ Россійскихъ университетовъ, а равно имѣющимъ званіи учителя мужской гимназіи или домашняго наставника—наравнѣ съ учителями мужскихъ гимназій и прогимназій, и б) имѣющимъ званіи учителя уѣзднаго или городскаго училища, либо домашняго учителя—наравнѣ съ учителями городскихъ училищъ, открытыхъ по Высочайше утвержденному 31-го мая 1872 г. положенію о сихъ заведеніяхъ;

2) лицамъ женскаго пола: прогоныя деньги на двѣ лошади, а жалованье, не въ зачетъ изъ окладовъ: а) начальницамъ и главнымъ надзирательницамъ гимназій—въ пятьсотъ рублей, б) тѣмъ же должностнымъ лицамъ прогимназій—въ четыреста рублей, в) клас-снымъ преподавательницамъ и надзирательницамъ гимназій и прогимназій—въ триста рублей.

II. Исчисленныя въ статьѣ I лица, въ случаѣ поступленія ихъ на службу въ отдаленныя и малонаселенныя края имперіи, пользуютя, сверхъ указанныхъ въ той статьѣ путевыхъ пособій, прибавочнымъ жалованьемъ изъ суммъ государственнаго казначейства, по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 42—47, 49—52, 75, 78, 82, 83 и 127—133 приложения къ примѣчанію при статьѣ 225 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (изд. 1876 г.).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

12. (22-го ноября 1883 г.). О причисленіи воскресно-ком-мерческнхъ училищъ Калишскаго, Люблинскаго и Плоцкаго къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности.

Руководствуясь Высочайше утвержденнымъ 19-го ноября 1877 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, о порядкѣ причисленія училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, министерство народнаго просвѣще-

нія, согласно съ заключеніемъ военнаго министра, признало возможнымъ причислить воскресно-коммерческія училища Калинское, Люблинское и Плоцкое къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

1-го декабря 1883 г. (Ж 16). Производится: докторъ русской исторіи Дмитрій Иловайскій — въ дѣйствительно статскіе совѣтники, въ вознагражденіе особыхъ заслугъ на поприщѣ науки и литературы, съ 5-го ноября 1883 г. (Высоч. пов. 5-го ноября 1883 г.).

Назначается: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по рассмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аннинъ — чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ членомъ означеннаго отдѣла ученаго комитета.

Утверждается: домищикъ Эриванской губерніи Гамидъ-паша-Гаджи Шукюръ Хавъ-Оглы Макинскій — почетнымъ попечителемъ Эриванской гимназіи.

Утверждаются на три года: кандидатъ правъ баронъ Энгельгардтъ и почетный гражданинъ Поповъ — почетными попечителями гимназій: первый — Екатеринбургской и послѣдній — Шуйской.

Оберъ-гофмаршалъ Высочайшаго двора Нарышкинъ, коллежскій совѣтникъ Гофманъ, надворный совѣтникъ Баташовъ и потомственный почетный гражданинъ Журавлевъ — почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Тамбовскаго, второй — Мелитопольскаго, третій — Ростовскаго на Дону и послѣдній — Новгородскаго.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою дѣлю: бывшему студенту Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Королькову — по 1-е февраля 1884 г.

Командируются съ ученою дѣлю: а) въ Россіи и за границу: лѣкарь Догель — на два года и б) за границу: учитель музыки Императорскаго Дерптскаго университета Цельнеръ — съ 20-го декабря 1883 г. по 15-е іюня 1884 г.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица Ладыженскій — по 1-е октября 1884 года.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Гликъ и ассистентъ при фیزیологическомъ институтѣ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины Зоммеръ—на одинъ годъ.

Увольняется согласно прошенію: почетный попечитель Пензенской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гевличъ—отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

4. (1-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи при Слономскомъ уѣздномъ училищѣ, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го декабря 1883 г., при Слономскомъ уѣздномъ училищѣ учреждается одна стипендія, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, на счетъ процентовъ съ капитала въ 200 р., собраннаго по частной подпискѣ и выручкою отъ любительскаго спектакля.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ восточнаго займа, по 100 р. каждая, составляетъ неотъемлемую собственность Слономскаго уѣзднаго училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ канцелярствѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

3) Въ случаѣ выхода облигацій въ тиражъ, капиталъ обращается вновь въ соответственныя государственныя процентныя бумаги.

4) Получаемые съ капитала проценты выдаются, въ началѣ каждаго учебнаго полугодія, одному бѣднѣйшему ученику Слономскаго уѣзднаго училища, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами.

5) Выборъ ученика на означенную стипендію и прекращеніе таковой предоставляется педагогическому совѣту Слономскаго уѣзднаго училища, съ утвержденія дирекціи народныхъ училищъ.

6) Стипендія избранному ученику производится до окончанія имъ въ уѣздномъ училищѣ курса ученія, если онъ будетъ удовлетворять условіямъ п. 4 сего положенія. Но если малоуспѣшность произошла

по болѣзни, то педагогическому совѣту предоставляется право ходатайствовать о продолженіи производства ученику стипендіи.

7) Въ случаѣ преобразованія Слонимскаго уѣзднаго училища въ городское, капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ сіе послѣднее

и 8) Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (1-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Новоржевскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го декабря 1883 г., при Новоржевскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, въ память священнаго коронованія ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждаются двѣ стипендіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., пожертвованнаго почетнымъ смотрителемъ сего училища Сергѣемъ Николаевичемъ Иваицикимъ.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ именныхъ 5% государственныхъ билетахъ 2-го выпуска, хранится въ Новоржевскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя неприкосновенную собственность училища на вѣчныя времена.

3) Стипендіи, по пяти руб. каждая, состоятъ во взносѣ платы за право ученія двухъ учениковъ училища, отличающихся прилежаніемъ и поведеніемъ.

4) Стипендіи назначаетъ педагогическій совѣтъ училища, опредѣляя ихъ, согласно желанію жертвователя, ученикамъ, начиная со 2-го отдѣленія I класса.

5) Выдача стипендій прекращается: а) по окончаніи стипендіатомъ курса ученія; б) въ случаѣ выхода стипендіата изъ училища до окончанія курса; в) если по опредѣленію педагогическаго совѣта, стипендіатъ будетъ признанъ недостойнымъ.

6) Въ случаяхъ, приведенныхъ въ предшествующемъ § 5, стипендія назначается другому ученику.

7) Могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендій долженъ причисляться къ стипендіальному капиталу и обращаться въ процентныя правительственныя бумаги на увеличеніе капитала и стипендій изъ процентовъ.

8) Пользованіе стипендіями не палагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6 (1-го Декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной въ память 25-ти-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II при Звенигородскомъ городскомъ двухъклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1 декабря 1883 г., при Звенигородскомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія въ память 25-ти лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу двѣнадцать р. и восемьдесятъ девять коп., пожертвованнаго крестьянскими обществами, Киевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, волостей: Петриковской, Екатеринополюской, Стебланской, Казачинской, Мокро-Калигорской, Стецовской и жителями м. Шполы.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₁₀₀ билетахъ государственнаго банка, хранится въ Звенигородскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіею пользуется ученикъ Звенигородскаго городского двухъкласснаго училища изъ крестьянскаго сословія, преимущественно принадлежащій къ тѣмъ обществамъ, которыя принимали участіе въ образованіи стипендіальнаго капитала.

4) Стипендіею пользуется только ученикъ, отличающійся хорошими успѣхами и отличнымъ поведеніемъ.

5) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Звенигородскаго городского двухъкласснаго училища; этотъ выборъ утверждается попечителемъ Киевскаго учебнаго округа.

6) Проценты съ стипендіальнаго капитала употребляются на плату за ученіе стипендіата и на приобрѣтеніе для него учебныхъ пособій, а на остатки, могущіе образоваться отъ процентной суммы, приобрѣтается для стипендіата обувь и одежда, по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

7) Стипендіатъ можетъ лишиться стипендіи во время пребыванія въ заведеніи по малоусиѣнности въ наукахъ или неодобрительному поведенію, о чемъ должно быть доведено до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа.

8) Пользование стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакого обязательства.

7. (7-го Декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи Императора Александра II при Плоцкой мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 1 декабря 1883 г., учреждается при Плоцкой мужской гимназій одна стипендія имени Императора Александра II, съ наименованіемъ оной „Александровскою“ на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго жителями города Прасныша, Плоцкой губерніи, капитала въ три тысячи триста шесть руб. пятьдесятъ семь коп.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ II восточнаго займа на три тысячи триста руб. и наличными деньгами шесть руб. пятьдесятъ семь коп., хранится въ Польскомъ банкѣ, въ распоряженіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ названной гимназій, уроженцу г. Прасныша, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія, отличающемуся примѣрнымъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ наукамъ, при чемъ, при одинаковыхъ условіяхъ, преимущество предоставляется сиротѣ. Стипендіатъ пользуется стипендію до окончанія гимназическаго курса. Стипендіатъ не лишается стипендіи, если по болѣзни, или по другимъ уважительнымъ причинамъ, засвидѣтельствованнымъ директоромъ гимназій, остается на второй годъ въ томъ же классѣ.

4) Проценты съ стипендіальнаго капитала получаетъ начальство гимназій и удерживаетъ изъ нихъ сумму, соотвѣтствующую разнѣру платы за ученіе, а остальную сумму выдаетъ избранному стипендіату по полугодіямъ, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, форменной одежды и другія потребности стипендіата.

5) Стипендіатъ по заявленію жертвователей стипендіи, сдѣланному чрезъ посредство магистрата г. Прасныша, избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій и утверждается попечителемъ учебнаго округа. Лишеніе стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, или малоуспѣшности стипендіата подлежитъ также утвержденію попечителя округа.

6) Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, обезпечивающихъ стипендію, приобрѣтаются другія государственныя процентныя бумаги.

7) Могущіе оказать ся отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ, остатки приобщаются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

8) Пользованіе сею стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

8. (7-го Декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи Императора Александра II при Плоцкой мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 1 декабря 1883 г., учреждается при Плоцкой мужской гимназій одна стипендія имени Императора Александра II, съ наименованіемъ оной „Александровскою“, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго жителями Праснышскаго уѣзда, Плоцкой губерніи, капитала въ одну тысячу сто сорокъ шесть руб. сорокъ одну коп.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ II восточнаго займа на одну тысячу сто руб. и наличными деньгами сорокъ шесть руб. сорокъ одна коп., хранится въ Польскомъ банкѣ въ распоряженіи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

3) Стипендія назначается одному изъ, бѣднѣйшихъ учениковъ названной гимназій, уроженцу Праснышскаго уѣзда, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія, отличающемуся примѣрнымъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ наукамъ, при чемъ, при одинаковыхъ условіяхъ, преимущество предоставляется сиротѣ. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія полнаго гимназическаго курса. Стипендіатъ не лишается стипендіи, если по болѣзни, или по другимъ уважительнымъ причинамъ, засвидѣтельствованнымъ директоромъ гимназій, останется на второй годъ въ томъ же классѣ.

4) Проценты съ стипендіальнаго капитала получаетъ начальство гимназій и удерживаетъ изъ нихъ сумму, соотвѣтственную размѣру платы за ученіе, а остальную сумму выдаетъ избранному стипендіату по полугодіямъ, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, форменной одежды и другія потребности стипендіата.

5) Стипендіатъ, по заявленію жертвователей стипендіи, сдѣланному чрезъ посредство начальника Праснышскаго уѣзда, избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназій и утверждается попечителемъ учебнаго округа. Лишеніе стипендіи, въ случаѣ неодобрительнаго

поведенія, или малоусидчивости стипендіата, подлежатъ также утвержденію Попечителя округа.

6) Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, обеспечивающихъ стипендію, приобрѣтаются другія подобныя государственныя процентныя бумаги.

7) Могущіе оказаться отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ остатки приобщаются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

8) Пользованіе сею стипендією не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

9. (10-го декабря 1883 года). Положеніе о стипендіи при Борисоглѣбской мужской прогимназій въ память священнаго коронованія Государя Императора Александра III.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 1-й день декабря 1883 г., учреждается при Борисоглѣбской шестиклассной прогимназій, въ ознаменованіе священныхъ дней коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, одна стипендія на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго мѣстнымъ городскимъ обществомъ капитала въ 527 р. 4 к., съ наименованіемъ означенной стипендіи: „стипендією въ память священнаго коронованія Государя Императора Александра III.

2) Обеспечивающей стипендію капиталъ, заключающийся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа на пятьсотъ руб. и наличными деньгами двадцать семь руб. 1 коп., оставался навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназій.

3) Проценты съ этого капитала употребляются на уплату за право ученія стипендіата въ Борисоглѣбской прогимназій. Могущіе же образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ означенныхъ процентовъ выдаются стипендіату на приобрѣтеніе форменной одежды и учебныхъ пособій.

4) Правомъ на полученіе стипендіи пользуются дѣти бѣднѣйшихъ осѣдлыхъ жителей г. Борисоглѣбска, преимущественно сироты, оказывающіе достаточные успѣхи въ наукахъ, при хорошемъ поведеніи.

5) Назначеніе стипендіатовъ по рекомендаціи учебнаго начальства производится городскою думою посредствомъ закрытой баллотировки.

6) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею все время пребыванія своего въ Борисоглѣбской прогимназіи; но въ случаѣ малоуспѣшности, или неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію учебнаго начальства.

7) Пользованіе сею стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

10. (31-го декабря 1883 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ отчисленія процентовъ съ суммы сбора за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ министерства отъ 8 іюня 1873 г. за № 6358, вашему превосходительству сообщено было, что по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Толстаго, Высочайше утвержденному въ 16 день мая 1873 г., повелѣно было: изъ полнаго сбора съ учащихся за ученіе въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ правительства вполнѣ, или на его счетъ съ пособіемъ отъ земствъ и обществъ, отчислять на усиленіе пенсіоннаго капитала для приходскихъ учителей 7%, и на усиленіе средствъ содержанія параллельныхъ отдѣленій при вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ 3%.

Нынѣ же государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о нѣкоторыхъ вмѣненіяхъ въ назначенія процентнаго отчисленія изъ сбора за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 29 минувшаго ноября, положилъ:

I. Производившееся донныѣ отчисленіе 7% изъ сбора за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на составленіе пенсіоннаго капитала приходскихъ учителей, начиная съ 188³/₄ учебнаго года, прекратить.

II. Въ замѣнъ отчисляемыхъ нынѣ изъ того же источника 3% на составленіе капитала параллельныхъ отдѣленій, отчислять на указанный предметъ, начиная съ 188³/₄ учебнаго года, по 2%.

III. Остающіеся свободными, за сдѣланными въ предыдущихъ статьяхъ сокращеніями, проценты изъ сбора за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ распределить слѣдующимъ образомъ: а) 5% предоставить въ распоряженіе самихъ учебныхъ заведеній на удовлетвореніе частъ ссххх, отд. 1.

твореніе ихъ пуждъ, и б) 3% обратитъ на образованіе особаго строительнаго капитала среднихъ учебныхъ заведеній, съ причисленіемъ онаго къ спеціальнымъ средствамъ министерства народнаго просвѣщенія, и съ предоставленіемъ министру права расходовать поступающія въ означенный капиталъ суммы, какъ на ремонтъ зданій тѣхъ учебныхъ заведеній, изъ средствъ коихъ будетъ производимо отчисленіе на составленіе капитала, такъ и на устройство, по мѣрѣ возможности, новыхъ собственныхъ для нихъ помѣщеній, а также и на паямъ послѣднихъ.

Сообщая о вышеизложенномъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы подвѣдомственные вамъ начальства гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ правительства вполнѣ, или на его счетъ съ пособіемъ отъ земствъ, обществъ и сословій, изъ полнаго сбора за ученіе, нѣмѣющаго поступать съ учащихъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ начала 1884/4 учебнаго года, отчисляли въ капиталъ, предназначенный на содержаніе параллельныхъ отдѣленій только 2%, вмѣсто прежнихъ 3%, и 3% на образованіе особаго строительнаго капитала среднихъ учебныхъ заведеній и переводили бы оба эти вычета такимъ же порядкомъ, какъ переводятся прочія спеціальныя средства министерства, по истеченіи каждаго полугодія, чрезъ мѣстныя губернскія или уѣздныя казначейства въ главное, для причисленія изъ нихъ: 2% вычета къ отд. XVII спеціальныхъ средствъ министерства, къ „капиталу на содержаніе параллельныхъ отдѣленій“ и 3% вычета къ отд. XXIII тѣхъ же средствъ, но въ наименованіемъ: „строительнаго капитала среднихъ учебныхъ заведеній“, о произведенномъ же отчисленіи и переводѣ этихъ денегъ, съ обозначеніемъ количества оныхъ, увѣдомляли бы департаментъ народнаго просвѣщенія, съ представленіемъ вѣдомости по прилагаемой при семъ формѣ.

Въ заключеніе долгомъ считаю увѣдомить васъ, милостивый государь, что о возвратѣ учебнымъ заведеніямъ поступившихъ уже въ суммы центральнаго управленія министерства за первую половину 1883/4 учебнаго года, изъ числа 7% вычета въ пенсіонный капиталъ приходскихъ учителей 5%, равно какъ и объ отчисленіи въ строительный капиталъ среднихъ учебныхъ заведеній остальныхъ 2% сего сбора, поступившихъ въ пенсіонный капиталъ приходскихъ учителей и 1% изъ числа 3% поступившихъ въ капиталъ параллельныхъ отдѣленій, будетъ сдѣлано департаментомъ подлежащее распоряженіе.

ВѢДОМОСТЬ

о 7% вычета со сбора за учение и 2% вычета съ суммы поступающей за содержаніе частныхъ воспитанниковъ (такого-то учебнаго заведенія) отчисленнаго въ спеціальныя средства министерства народнаго просвѣщенія за 2-ю половину 1883 года.

№ по порядку.	Число учениковъ по классамъ.	Сколько поступило.	Отчисленіе.			ВСЕГО.
			2% въ сумму ученаго комитета.	2% въ капиталъ на содержаніе параллельныхъ отдѣленій	3% въ строительный капиталъ среднихъ учебныхъ заведеній.	
	За содержаніе частныхъ воспитанниковъ: Съ воспитанниковъ по руб. съ каждаго . . . . . Съ воспитанниковъ, содержимыхъ на счетъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ по руб. . . . . Сборъ за ученіе: Приготовительнаго класса. Съ учениковъ по руб. . . Освобожденныхъ отъ платы 1-го класса. Съ учениковъ по руб. . . Освобожденныхъ отъ платы 2-го класса. Съ учениковъ по руб. . . Освобожденныхъ отъ платы 3-го класса. Съ учениковъ по руб. . . Освобожденныхъ отъ платы и т. д.					
	Итого . .					
	(Подпись)					

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу: „Славянскія нарѣчія. Статья профессора Гебауэра. Переводъ и примѣчанія А. Степовича. Кіевъ, 1882 г.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія, съ послѣдовавшими съ 1870 г. измѣненіями и дополненіями, содержащій также: положеніе по отдѣльнымъ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, общія и частныя программы ихъ и правительственныя распоряженія, какъ относящіяся къ этимъ заведеніямъ, къ служащимъ и учащимся въ нихъ, такъ и касающіяся лицъ, занимающихся частною и женскою педагогическою дѣятельностію. Сост. Михайлъ Родевичъ. С.-Пб., 1884 г.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ, а также уѣздныхъ и городскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Krótki wykład obrzędów kościoła rzymsko-katolickiego dla użytku młodzieży szkolnej ułożył X. T. Matuszewski. Warszawa, 1882 г.“—одобрить для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается законъ Божій римско-католическаго исповѣданія на польскомъ языкѣ.

— Книгу: „Очерки анатоміи, фізіологіи и гігіены. Руководство для реальныхъ училищъ и пособіе для самообразования. Составилъ И. Гарчинскій. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб., 1883 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Начальная книжка для обученія русскому языку. Руководство для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ и сельскихъ училищъ. Хрестоматія. Начатки грамматики. Письменные задачи. Составилъ Левъ Поливановъ. Москва 1884 г. Ц. 50 коп.“—одобрить для употребленія въ приготовительномъ классѣ

среднихъ учебныхъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ городскихъ и сельскихъ школахъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу: „Вылины и стихотворенія графа А. К. Толстаго. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. С.-Пб., 1883 г. Ц. 10 коп.“ — одобрить для библиотекъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Сборникъ упражненій къ правиламъ начальнаго правописанія, которыя могутъ быть объяснены безъ помощи грамматики. Составилъ В. Сумскій. Изд. братьевъ Салаевыхъ. Москва, 1883 года, Ц. 20 коп.“ — допустить для употребленія въ начальныхъ училищахъ.

— Составленную преподавателемъ Казанскаго учительскаго института Анастасьевымъ книгу: „Изъ чтеній на съѣздѣ учителей начальныхъ училищъ, бывшемъ въ 1882 г. въ Казани. I. О способахъ и приѣмахъ обученія грамотѣ. II. О преподаваніи элементарнаго курса русской грамматики. Казань, 1882 г. Ц. 65 коп.“ — одобрить для учительскихъ библиотекъ народныхъ школъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Вологодская губернія. Элементарный курсъ географіи. Для низшихъ классовъ городскихъ училищъ и элементарныхъ школъ. Съ приложеніемъ плана г. Вологды и карты Вологодской губерніи. Составили М. Куклинъ и Хр. Пахолковъ, учителя Вологодскаго городскаго училища. Вологда, 1883 г. Ц. 40 к.“ — допустить для употребленія въ училищахъ Вологодской губерніи, въ качествѣ учебнаго пособия, и въ библиотеки народныхъ училищъ другихъ губерній.

— Составленную С. А. Вобровскимъ книгу: „Курсъ практической педагогики, съ 35 рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Москва, 1884 г. Ц. 1 руб.“ — допустить въ учительскія библиотеки народныхъ школъ.

— Книжку подъ заглавіемъ: „Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Историческо-описательный очеркъ и руководство, съ двумя рисунками, составленный Е. Тихомировымъ. Москва, 1882 г. Ц. 20 к.“ — допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министр народнаго просвѣщенія предложеніемъ на имя Г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 31-го декабря прошлаго 1883 г., за № 17090, разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Варшавской 1-й мужской гимназій съ 1-го іюля 1884 г. въ приготовительномъ классѣ съ 15 руб. до 20 руб. и въ остальныхъ классахъ съ 30 руб. до 40 руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 7-го ноября 1883 года послѣдовало открытіе женскаго отдѣленія при Темясовскомъ, Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, русско-башкирскомъ училищѣ, при 10-ти учащихся.

— 15-го ноября 1883 г. послѣдовало открытіе Яковлевскаго ремесленнаго училища въ г. Тургаѣ, содержаніе котораго принято на средства киргизскихъ обществъ Тургайской области.

— Открыты слѣдующія одноклассныя начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія: въ с. Райгородѣ, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 24-хъ учащихся; въ с. Мякуличахъ, Владиміръ-Волинскаго уѣзда, Волинской губерніи, при 42-хъ учащихся; въ деревнѣ Яльчибаевой, Орскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, при 3-хъ учащихся Башкирахъ; въ с. Ольшанкѣ, Васильовскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 47 учащихся; ииородческія: для Башкиръ въ дер. Тойгыльдиной, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при 14-ти учащихся; для Татаръ въ с. Бешуѣ, Симферопольскаго уѣзда, Таврической губерніи, при 28 учащихся; и для Чувашъ въ с. Байгичевѣ, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИЗДАТЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ КОММИССИИ
НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ СЪ 16-го НОЯВРЯ 1882 ГОДА ДО 7-го НОЯВРЯ
1883 ГОДА.

Приходъ Общества за первый годъ его существованія составилъ—
13104 руб. 57 коп.

Въ томъ числѣ получено:

Членскихъ взносовъ (17)	850 р.	к.
Пожертвовано графомъ П. С. Строгановимъ, ...	10000	»

Пожертвовано Алексѣемъ Семеновичемъ Губкинымъ	1000 р.	к.
Выручено отъ раздѣла % билета	2 »	50 »
Получено процентовъ	202 »	80 »
Получено отъ Ивана Петровича Хруцова	100 »	»
Въ возвратъ отъ директора народныхъ училищъ Нижегородской губерніи	75 »	»
Выручено отъ продажи изданій	874 »	27 »

Расходъ за то же время выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

На веденіе дѣла

По канцеларіи	580 р.	79 к.
Раздѣды и мелочные расходы	104 «	41 «

Расходъ на изданія:

Печатаніе изданій	2162 »	29 »
Авторскій гонораръ	1291 »	80 »
Редакторскія работы и корректуры	196 »	»
На объявленія въ газетахъ и т. под. расходы	60 »	82 »
За квитанціи во вкладѣ	2 »	30 »
Директору народныхъ училищъ Нижегородской губерніи	100 »	»

В с е г о : 4497 р. 41 к

Остатокъ къ 7-му ноябрю 1883 г. составляетъ 8607 р., изъ нихъ:

На текущемъ счету	1189 р.	к.
На храненіи въ билетахъ 3-го восточнаго займа (по номинальн. цѣнѣ 8000 р.) по покупной цѣнѣ	7144 »	46 »
Въ облигаціи (во 100 р. номин.) по покупной цѣнѣ	92 »	12 ¹ / ₂ »
Въ наличности	181 »	57 »

Кромѣ того, имуществомъ Общества слѣдуетъ считать не проданные экземпляры его изданій, которыхъ имѣется въ складѣ слѣдующее количество, на слѣдующія суммы:

Архангельскіе китовы (Сѣтковой)	8556	711 р.	20 к.
Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ	2004	701 »	40 »
Роковой вкладъ (Сѣтковой)	4825	723 »	75 »
О св. митрополитахъ (Майкова)	5065	303 »	90 »
Св. Троицкая Сергіева Лавра (Петрова)	4682	702 »	30 »
Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ:			
»	кн. I	5087	356 » 9 »
»	кн. II	5073	253 » 65 »
»	кн. III	5093	356 » 51 »

В с е г о : 35385 4108 р. 80 к.

На лицо денегъ	607 р.	16 к.
Всего въ товарѣ и деньгахъ	2715 »	96 »

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что расходъ на веденіе дѣлъ сравнительно чрезвычайно малъ. Этимъ Общество обязано тому, что оно существуетъ при комиссіи народныхъ чтеній, которая несетъ главную долю этихъ расходовъ. Та же самая связь дала возможность распространить изданія въ столь значительномъ размѣрѣ. Способъ распространенія состоялъ главнѣйшимъ образомъ въ разсылкѣ изданій черезъ дирекціи народныхъ училищъ при требованіи высылки изданій комиссіи; кромѣ того, нѣкоторое количество продано книгопродавцами Фену, Цылевымъ и Панафидинымъ преимущественно для иногородныхъ. Сверхъ того, г. предсѣдатель и члены Общества распространяли изданія между знакомыми. Изъ вышеизложеннаго перечня изданій Общества видно, что имъ за отчетный годъ напечатано: пять брошюръ религіознаго и патріотическаго содержанія, двѣ новѣсти одного и того же автора вполне нравственнаго и доступнаго для народнаго пониманія содержанія; кромѣ того, въ изданіи краткаго народнаго лѣчебника выразилась попытка Общества популяризовать такого рода свѣдѣнія, въ которыхъ наиболѣе нуждается народъ; попытку эту нельзя не признать удачною въ виду того, что это чтеніе бойко раскупается, не смотря на то, что при его продажѣ не было примѣняемо одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ донынѣ средствъ распространенія изданій Общества—черезъ дирекціи народныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, характеромъ своихъ изданій Общество достаточно выяснило свое направленіе; распространеніе же первыхъ восьми брошюръ ясно указываетъ на пользу, къ которой Общество не перестанетъ стремиться. Привлеченныя къ содѣйствію Обществу новыя авторскія силы обѣщаютъ въ будущемъ году новые полезныя труды.

Основанное членами-учредителями графомъ П. С. Строгановымъ, графомъ Н. С. Строгановымъ, княгиней Е. С. Мещерскою и И. П. Хрущовымъ, Общество приобрѣло за отчетный годъ 16 дѣйствительныхъ членовъ и 5 членовъ сотрудинокъ.

Дѣйствительные члены по порядку избранія:

Владиміръ Павловичъ Варгунинъ, тайный совѣтникъ Федоръ Михайловичъ Дмитриевъ, графъ Иванъ Ивановичъ Толстой, князь Борисъ Сергѣевичъ Щербатовъ, Павелъ Павловичъ Варгунинъ, князь Николай Алексѣевичъ Лобановъ-Ростовскій, графъ Александръ Сергѣе-

вичъ Мусинъ-Пушкинъ, князь Александръ Григорьевичъ Щербатовъ, тайный совѣтникъ Валерій Ивановичъ Чарыковъ, Александръ Григорьевичъ Кузнецовъ, княгиня Софья Степановна Щербатова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Глазуновъ, графъ Сергій Александровичъ Строгановъ, княгиня Марья Григорьевна Щербатова, графъ Александръ Ѳедоровичъ Гейденъ, Ѳома Ивановичъ Торнтонъ.

Члены-сотрудники:

Статскій совѣтникъ Александръ Іоакимовичъ Кочетовъ, тайный совѣтникъ Тертій Ивановичъ Филипповъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергій Егоровичъ Рождественскій, надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Жедринскій.

4

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ КОМИССИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ОБМѢНУ НАУЧНЫХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ 1883 году Русская коммиссія по международному обмѣну научныхъ и художественныхъ изданій находилась въ прямыхъ и правительственныхъ сношеніяхъ съ четырьмя слѣдующими коммиссіями: французскою, италіанскою, бельгійскою и сѣверо-американскою.

Этими четырьмя коммиссіями было доставлено въ 1883 году 627 посылокъ, которыя были адресованы: 6 министерствамъ и высшимъ учрежденіямъ, 42 ученымъ учрежденіямъ, 52 ученымъ обществамъ, 26 учебнымъ заведеніямъ, 10 административнымъ учрежденіямъ и 29 должностнымъ и частнымъ лицамъ. Нѣкоторыя сочиненія, доставленные въ распоряженіе коммиссіи, были передаваемы, смотря по ихъ содержанию, въ подлежащія министерства, а большая часть ихъ, именно 121 сочиненіе въ 286 томахъ, поступила въ Императорскую Публичную Библіотеку (въ 1882 г. было передано въ Публичную Библіотеку 1185 сочиненій въ 1537 томахъ). Сверхъ сего было, переслано для библіотеки Сибирскаго университета 3 весьма цѣнныхъ сочиненія въ 78 томахъ.

Черезъ посредство коммиссіи отправляли свои изданія слѣдующія учреждения и общества: святѣйшій правительствующій синодъ; кодификаціонный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ; министерства: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, гидрогра-
часть сохххі, отд. 1.

фическій департаментъ морскаго министерства, управленіе флота генераль-штабъ-доктора; горный департаментъ; государственная коммиссія погашенія долговъ; Императорская академія наукъ; университеты: Московскій, Новороссійскій, Кіевскій св. Владимира, Варшавскій, Дерптскій; академіи: Николаевская генеральнаго штаба, Михайловская артиллерійская, Петровская земледѣльческая; лицей: историко-филологическій институтъ князя Безбородка и Демидовскій юридическій; Дерптскій ветеринарный институтъ; Императорскій С.-Петербургскій ботаническій садъ; коммиссія: С.-Петербургская археографическая и Виленская для разбора древнихъ актовъ; бібліотеки: Императорская Публичная, Виленская публичная и Одесская городская; Екатеринбургская магнитно-метеорологическая обсерваторія; редакція журнала министерства народнаго просвѣщенія; Общества: въ С.-Петербургѣ: русское энтомологическое; Императорское русское историческое; Императорское русское географическое съ его Кавказскимъ отдѣломъ; Императорское русское археологическое; естественныхъ наукъ при университетѣ; Императорское вольно-экономическое; въ Москвѣ: Императорское испытателей природы; Императорское любителей естествознанія и антропологін; Императорское сельскаго хозяйства; любителей садоводства и математическое; въ Ригѣ: Императорское Курляндское экономическое; въ Варшавѣ: изящныхъ искусствъ; въ Харьковѣ: испытателей природы при университетѣ; въ Екатеринбургѣ: Уральское любителей естествознанія; въ Кіевѣ: естествознанія при университетѣ; въ Одессѣ: сельскаго хозяйства южной Россіи; въ Казани: естествоиспытателей при университетѣ; въ Митавѣ: Курляндское литературы и наукъ; въ Ригѣ: Императорское Лифляндское экономическое и въ Гельсингфорсѣ: Финляндское медицинское.

Всѣхъ посылокъ и пакетовъ вышеозначенными учрежденіями и обществами переслано черезъ коммиссію 871.

Изъ ассигнуемыхъ на расходы коммиссіи 1000 рублей по 1-е января 1884 г. издержано 592 руб. 31 коп., и предстоитъ произвести уплату за отправленныя въ ноябрѣ и декабрѣ послыки за границу приблизительно около 150 рублей.

ЗАМѢТКИ О СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Пересмотръ вопроса о томъ, на какомъ языкѣ написано Слово.—Нѣсколько замѣчаній и поправокъ къ тексту.

Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написано Слово о Полку Игоревѣ, имѣеть, по нашему мнѣнiю, весьма важное значенiе; отъ правильнаго рѣшенiя его зависитъ успѣшное исправленiе и объясненiе текста, и будь онъ въ самомъ началѣ надлежащимъ образомъ рѣшенъ, мы съ меньшою бы тратою времени и труда достигли большихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, которыми въ настоящее время можетъ похвалиться многообильная литература Слова. Въ виду важности даннаго вопроса, считаемъ не лишнимъ привести главнѣйшiя существующiя въ наукѣ мнѣнiя о языкѣ Слова, а затѣмъ уже выскажемъ нашъ взглядъ на этотъ предметъ.

I.

Впервые серьезное вниманiе на языкъ нашего памятника обратилъ К. Ѡ. Калайдовичъ. Еще въ 1812 г. предложилъ онъ для рѣшенiя слѣдующiй вопросъ: „на какомъ языкѣ писана была Пѣснь о Полку Игоревѣ, на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россiи до перевода книгъ Священнаго Писанiя, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчiи (древняго языка славянскаго)“¹⁾ Прошло нѣсколько лѣтъ, и отвѣтъ никѣмъ не былъ представленъ. Тогда Калайдовичъ самъ взялся за рѣшенiе имъ же предложеннаго вопроса и въ 1818 году напечаталъ статью: „Опытъ рѣшенiя вопроса на какомъ языкѣ писана

---

¹⁾ Труды Общ. люб. русск. слов. при Импер. Московск. Универс. 1812 г., часть IV, стр. 159, 177—181.

Пѣснь о Полку Игоревѣ¹⁾. Въ этой статьѣ онъ пришелъ къ заключенію, что Пѣснь сочинена, по всѣмъ вѣроятіямъ въ высшей Малуроссіи; что она писана не на томъ славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, не на какомъ-либо древнемъ областномъ нарѣчій или нынѣ употребляемомъ, но сочинена славяно-русскимъ языкомъ, подобнымъ библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками; что нарѣчіе ея, изъ всѣхъ славянскихъ, судя по вѣкторнымъ словамъ и рѣченіямъ, болѣе подходитъ къ польскому языку. Мнѣніе Калайдовича о близости языка Слова къ польскому раздѣлялъ Пожарскій, какъ это можно заключить изъ того, что онъ въ примѣчаніяхъ постоянно ссылается на польскій языкъ²⁾.

По указанному двумя названными изслѣдователями пути пошли польскіе ученые: Бѣлевскій, Лукашевичъ, Вишневскій, Мацѣевскій. Они стали развивать мысль, что Слово принадлежитъ польской литературѣ и написано польско-русскимъ языкомъ. Въ то время, какъ Калайдовичъ и Пожарскій, признавая польскій элементъ въ Словѣ, ограничились лишь констатированіемъ самаго факта, польскіе ученые видѣли въ немъ результатъ вліянія Польши на Русь. Объясненіе это грѣшитъ такою явною несообразностью, что даже не нуждается въ опроверженіи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже допустить, что вліяніе Польши на Русь было довольно значительно, то во всякомъ случаѣ оно не могло быть столь громадно, чтобы замѣтнымъ образомъ отразиться въ языкѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что Пѣснь возникла въ Сѣверскомъ княжествѣ, а за Днѣпромъ, въ области Сейма, даже о малѣйшемъ вліяніи Польши и рѣчи быть не можетъ. Мнѣніе Войцицкаго, что придиѣпровскіе Поляне—Ляхи, еще менѣе нуждается въ опроверженіи. Несостоятельность доводовъ своихъ соотечественниковъ сознавалъ Кондратовичъ. Онъ говоритъ, что Слово лишь благодаря прекрасному переводу Бѣлевскаго сдѣлалось національною собственностью Поляковъ. Но его мнѣнію, оно написано на бѣлорусскомъ нарѣчій въ концѣ XII вѣка. Что Слово возникло не въ Бѣлороссіи, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; но тогда при чемъ тутъ бѣлорусское нарѣчіе?

Митрополитъ Евгеній находилъ, что языкъ Слова чистый словено-

¹⁾ Ibid. 1818 г., часть II, стр. 31 и 32.

²⁾ Слово о Полку Игоря Святославича. С.-Петербург. 1819.

русскій ¹⁾, но свое мнѣніе оъ сопровождалъ такими замѣчаніями, которыя заставляютъ полагать, что оъ самъ не совсѣмъ-то считалъ языкъ Слова „чистымъ“ отъ посторонней примѣси. Вотъ что оъ, между прочимъ, говоритъ: „Весьма многія слова и цѣлыя словосочиненія польскія, видимыя въ сей поэмѣ, и сходство ихъ съ Волинскою лѣтописью заставляютъ полагать, что языкъ ея хотя русскій, однакожь больше задиѣпровскій, особливо волинскій, сближенный съ польскимъ, а не нашъ украинскій, который началъ смѣшиваться съ польскимъ уже по завладѣніи Украинскихъ странъ Литвою, съ XIV столѣтіи еще позже“. На это мы должны замѣтить, что нельзя ничего привести въ пользу того мнѣнія, что Слово составлено на Волини, въ то время какъ всѣ наличныя данныя говорятъ о возникновеніи нашего памятника по лѣвую сторону Днѣпра — въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ, куда вліяніе Польши, по словамъ самого же митрополита Евгенія, не проникало до XIV вѣка или еще позже. Но если Слово составлено не на Волини, а въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ, то и несостоятельность объясненія митрополита Евгенія очевидна и косвенно имъ же признава.

Грамматикъ, въ предисловіи къ изданію 1823 г. замѣчаетъ, что Слово о Полку Игоревѣ писано славенскимъ языкомъ, съ смѣсью стариннаго русскаго, а не стариннымъ русскимъ языкомъ, какъ сказано въ заглавіи первыхъ издателей ²⁾. Здѣсь позволимъ себѣ спросить: что слѣдуетъ разумѣть подъ стариннымъ русскимъ языкомъ—языкъ ли древне-великорусскій, древне-малорусскій или древне-бѣлорусскій, или же на то, ни другое, ни третье, а тотъ языкъ изъ котораго развились (въ силу какихъ причинъ?) всѣ три нарѣчія русскаго языка? Пока на эти вопросы не получимъ примаго отъѣта, считаемъ лишнимъ считаться съ приведеннымъ мнѣніемъ, такъ какъ оно представляетъ наборъ словъ, лишенихъ точнаго и опредѣленнаго значенія. Сказанное по поводу мнѣнія Грамматика относится и ко всѣмъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя не удовлетворяютъ вышеуказанному условію. На нашъ взглядъ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о образованіи нарѣчій русскаго языка, до тѣхъ поръ всѣ мнѣнія о языкѣ Слова о Полку Игоревѣ будутъ лишены прочнаго основанія, и дѣло никогда не дождется рациональнаго рѣшенія. Уже Погодинъ затронулъ одну сторону этого вопроса и въ статьѣ „Языкъ главнаго

¹⁾ О пѣснопѣвцѣ Игоревомъ. *Сынъ Отечества*, ч. 72.

²⁾ Слово о Полку Игоревѣ, Москва, 1823 г., стр. 3 и 83 примѣч. 3.

племени" возсталъ противъ господствующаго мнѣнія, по которому южныя и юго-западныя племена, упоминаемыя начальною лѣтописью, признаются за родоначальниковъ Малороссовъ. Онъ старается доказать, что главное племя, Поляне, говорили по великорусски, что Несторъ и его продолжатели, кievскіе лѣтописцы, писали на языкѣ этого племени. Сверхъ того онъ, склоненъ допустить, что Великороссы первоначально занимали, кромѣ Киевской губерніи, еще Подольскую, Волынскую, Черняговскую и Полтавскую¹⁾. Что касается мѣстожителства Малороссовъ, то мнѣніе Погодина на этотъ счетъ крайне сбивчиво и неопредѣленно. Сказавъ, что многія имена въ Киевской, Подольской и Волынской губерніяхъ звучатъ по великорусски, онъ тѣмъ не менѣе допускаетъ, что Подолия, Галиція и Волынь могли быть искони заселены Малороссами. Малороссы — продолжаетъ онъ — могли придти еще и отъ Карпатскихъ горъ и занять Киевскую губернію такъ, какъ потомки ихъ въ XVII столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и къ Курску. Такимъ образомъ, Погодинъ, въ сущности, отстаивалъ лишь великорусское происхожденіе Полянъ, стараясь въ то же время доказать, что на языкѣ этого племени писалъ Несторъ и его кievскіе продолжатели. Что касается малорусскаго нарѣчія, то Погодинъ косвенно признаетъ его существованіе для древнѣйшихъ временъ, но затрудняется опредѣлить, какія именно племена, упоминаемыя Начальною лѣтописью, слѣдуетъ признать за родоначальниковъ Малороссовъ. О Бѣлоруссахъ онъ умалчиваетъ. Теорія Погодина является, стало быть, чѣмъ-то не полнымъ, отрывочнымъ. Тѣмъ же недостаткомъ отличается и мнѣніе Максимовича и другихъ ученыхъ, старающихся отстоять прежнюю точку зрѣнія на данный вопросъ. Ниже мы представимъ опытъ рѣшенія этого капитальнаго вопроса во всемъ его объемѣ, а теперь вернемся къ прерванному обзорѣ мнѣній о языкѣ Слова.

Кн. Вяземскій въ своемъ „Исслѣдованіи о вариантахъ“ (стр. 4) высказался слѣдующимъ образомъ: Что касается до языка, на комъ написано Слово, то всего правильнѣе смотрѣть на него, какъ на языкъ древне-церковно-славянскій, общій племенамъ южнымъ и сѣвернымъ, западнымъ и восточнымъ, отражающій въ себѣ разнообразныя оттѣнки, встрѣчающіеся въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ

¹⁾ „Много собственныхъ именъ въ Киевской, Волынской и Подольской губерніи звучатъ Великороссійскими.... Можетъ быть, единоплеменны съ Полянами были еще Сяверяне, Суличи“ (Древн. Русск. Ист. до Монг. ига, II, стр. 732—736).

племень, и воспринявшій въ себя формы живой рѣчи, принадлежавшія въ то время разнымъ племенамъ, какъ это проявляется весьма замѣтнымъ образомъ въ нашихъ лѣтописяхъ, особенно въ Ипатьевской. Что хотѣлъ кн. Вяземскій сказать этими словами—понять довольно трудно. По видимому, дѣло идетъ или о праязыкѣ славянскомъ, или о какой-то искусственной смѣси, составленной невѣдомо гдѣ, когда и гдѣ, очевидно для того чтобы облегчить разнымъ Славянскимъ племенамъ пониманіе другъ друга. Если эта послѣдняя догадка вѣрна, то окажется, что надъ составленіемъ обще-славянскаго языка, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ наши дни, поработали неизвѣстные намъ ревнители Славянства около 1000 лѣтъ тому назадъ.

По мнѣнію Вельмана ¹⁾, Слово написано на южномъ мягкомъ нарѣчій правописаніемъ, сходнымъ съ древними лѣтописями. Что онъ понималъ подъ этимъ южнымъ, мягкимъ весьма нарѣчіемъ, можно только догадываться, такъ какъ онъ намъ этого не поясняетъ. Интересно однако было бы узнать: существовало ли уже въ то время „сѣверное твердое“ нарѣчіе, или его еще не было на свѣтѣ?

По поводу изданія Слова Вельманомъ, Максимовичъ помѣстилъ статью въ Молвѣ (1833 г. № 23 и 24), въ которой между прочимъ коснулся и вопроса о языкѣ Пѣсни. По мнѣнію Максимовича, языкъ Слова древне-русскій, при чемъ въ немъ замѣтно большое вліяніе тогдашняго книжнаго церковно-славянскаго языка. „При этомъ вліяніи“, говоритъ онъ,—„видно безпрестанное отступленіе отъ формъ его, несравненно большее, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. Такое отступленіе основывалось на стремленіи къ языку народному, живому. Этимъ живымъ языкомъ, второму стихію Слова, было нарѣчіе южно-русское, изъ коего послѣдствіемъ выросъ языкъ малороссійскій. Малороссійскій языкъ сохранилъ много словъ и оборотовъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ нашихъ славянскихъ памятникахъ и утраченныхъ въ великорусскомъ языкѣ. Поэтому многія мѣста очень легко объясняются изъ языка малороссійскаго“.

Въ другой своей статьѣ, напечатанной въ январской книжкѣ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1837 г., Максимовичъ замѣчаетъ о языкѣ Слова, что „онъ по своему составу, то-есть, въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха и особенно съ

¹⁾ Слово о полку Игоревѣ, стр. XI.

языкомъ Кіевской и Волынской лѣтописей, но въ немъ болѣе чѣмъ въ послѣднемъ замѣтно бореніе народно-русскаго языка съ книжно-славянскимъ. Это потому, что Пѣснь есть произведеніе мірское, поэтическое XII вѣка. Намѣреніе воспѣть старыми словесы показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно славянскаго новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно, и въ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный пѣвцу языкъ былъ южно-русскій (Сѣверской области), и сего языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровы словенскаго. Оттого у него находите одни и тѣ же слова и ихъ измѣненія по этимъ двумъ языкамъ, находите слова и ихъ измѣненія, до нынѣ сохранившіеся въ украинскомъ языкѣ и не существующія въ языкѣ собственно великорусскомъ.

Такой же взглядъ на языкъ Слова высказываетъ и рецензентъ Максимовичева перевода Пѣсни на малорусское нарѣчіе. Въ статьѣ, напечатанной въ Кіевскихъ Вѣдомостяхъ (№ 26 за 1857 г.), онъ говоритъ, „что въ Малороссіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранилось то нарѣчіе, которымъ говорили Русскіе при Ярославѣ Мудромъ и Мстиславѣ Храбромъ“. На это мы замѣтимъ слѣдующее: Если Русскіе при Ярославѣ I и Мстиславѣ Храбромъ говорили по малорусски, то откуда взялся великорусскій языкъ? Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно говорить о томъ, что языкъ самаго многочисленнаго племени образовался изъ малорусскаго подъ вліяніемъ другихъ климатическихъ условій и вслѣдствіе ипородческой примѣсы въ славянской крови. Впрочемъ, еслибъ и допустить это, то и тогда подобная гипотеза должна быть признана несостоятельною, такъ какъ она не можетъ намъ объяснить, въ силу какихъ причинъ возникло бѣлорусское нарѣчіе. О мнѣніи Максимовича мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже.

Полевой въ статьѣ, напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ ¹⁾, говоритъ, что языкъ Пѣсни, есть языкъ русскій, юга русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ, Черниговѣ, тогдашнемъ пребываніи Ольговичей.

Глаголевъ ²⁾ находитъ неосновательнымъ предположеніе нѣкоторыхъ прежнихъ толкователей, что Пѣснь писана въ Малороссіи

¹⁾ За 1833 г. часть V стр. 432.

²⁾ Упомянутыя и опыты основанія словесности. 1834 г.

и на нарѣчїи, ближе подходящемъ къ польскому, нежели къ остальнымъ славянскимъ.

Вѣликовъ ¹⁾ высказываетъ мнѣніе, что въ статистическомъ отношенїи Слово представляетъ смѣсь разныхъ языковъ. Большая часть принадлежитъ великорусскому языку, но есть и южнорусскія слова, много польскихъ, сербскихъ (?) и татарскихъ. Здѣсь, говоритъ онъ, — является сомнѣніе въ подлинности: слѣдовало бы ожидать преобладанія малорусскаго языка, если Слово было написано въ Малороссїи, а выходитъ на оборотъ, преобладаетъ языкъ великорусскій.

Дубенскій замѣчаетъ, что Пѣснь Игорева близка ко всѣмъ славянскимъ нарѣчїямъ, но не сама по себѣ, а потому что живой русскій языкъ XII вѣка, на которомъ она написана, былъ ближе въ то время ко всѣмъ славянскимъ нарѣчїямъ ²⁾.

Головинъ того мнѣніи, что въ Словѣ о Полку Игореv господствуютъ два нарѣчїя: русское и церковно-кирилловское или славянское. Изъ русскихъ нарѣчїй Слово болѣе удалено отъ бѣлорусскаго и новгородскаго и ближе къ малорусскому и великорусскому ³⁾.

Туловъ находитъ, что языкъ Слова представляетъ смѣсь языка церковно-славянскаго съ народно-русскимъ, которой нѣтъ въ народной поэзіи ⁴⁾.

Рецензентъ изданія Гербеля въ Современникѣ (за 1854 г. № 2) высказалъ слѣдующій взглядъ на языкъ Слова: „оно написано на томъ языкѣ, на которомъ долженъ былъ говорить его сочинитель, житель Новгорода-Сѣверскаго. Новгородъ же Сѣверскій былъ столицей особаго племени (какого?). Языкъ этого племени долженъ быть самостоятеленъ. Онъ составляетъ срединное звено между нарѣчїемъ бѣлорусскимъ, малорусскимъ, новгородскимъ и великорусскимъ. Вотъ почему въ языкѣ Слова смѣшеніе нарѣчїй“.

Мы ограничиваемся приведеніемъ лишь указанныхъ мнѣній, такъ какъ остальные или не представляютъ ничего новаго противъ сказаннаго выше названными изслѣдователями, или же, какъ мнѣніе Сенковскаго и другихъ, могутъ быть не принимаемы въ разчетъ, такъ какъ вполнѣ уже доказано, что исходная ихъ точка зрѣнія на Слово

¹⁾ Некоторые изслѣдованія о Словѣ о Полку Игореv (Ученія Зап. Моск. Унив. 1834 г. часть V).

²⁾ Взглядъ на исторію литерат. Сл. о П. Иг. (Русск. достоп. ч. III, 1844).

³⁾ См. предисловіе къ Сл. о П. Иг. М. 1846 г. стр. XII.

⁴⁾ Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи. Кіевъ. 1853.

какъ на поздѣйшую поддѣлку—не выдерживаетъ критики. Сущность всѣхъ этихъ мнѣній сводится къ тому, что въ языкѣ Слова много такого, чего нельзя объяснить ни изъ великорусскаго, ни изъ церковно-славянскаго языка. Этотъ подмѣченный чуть ли не поголовно всѣми исследователями фактъ одни объясняли польскимъ влияніемъ; другіе видѣли въ немъ доказательство того, что Слово написано на малорусскомъ нарѣчій; третьи говорили, что это результатъ большей близости славянскихъ нарѣчій въ данную эпоху; четвертые полагали, что Новгородъ-Сѣверское княжество, гдѣ возникло Слово, было населено отдѣльнымъ племенемъ, языкъ котораго составлялъ соединительное звено между малорусскимъ, бѣлорусскимъ, новгородскимъ и великорусскимъ нарѣчійми, и потому въ немъ такая смѣсь нарѣчій и т. д. На несостоятельность, или по крайней мѣрѣ, на неточность нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній мы уже указали; другія же, во избѣжаніе лишннихъ повтореній, мы оставили безъ опроверженій, замѣтивъ лишь, что только послѣ рѣшенія вопроса о возникновеніи нарѣчій русскаго языка возможенъ правильный отвѣтъ на вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написанъ нашъ памятникъ. Такая постановка дѣла требуетъ, стало бытъ, предварительнаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: Что такое великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія? Выросли ли эти три вѣтви русскаго языка изъ единаго русскаго ствола, независимо отъ примѣси носторонней крови, а лишь подъ влияніемъ различныхъ климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій, среди которыхъ жила та или другая часть единаго Русскаго народа, или же они вызваны къ жизни смѣшеніемъ русскихъ племенъ, единыхъ по языку, съ племенами не русскими? Въ первомъ случаѣ рождается вопросъ: какія племена, изъ упоминаемыхъ Начальною лѣтописью, слѣдуетъ признать за родоначальниковъ Великоруссовъ, Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ? Къ какому времени слѣдуетъ отнести начало возникновенія нарѣчій? Какое изъ нихъ сохранило въ наиболѣе чистомъ видѣ особенности русскаго праязыка? Во второмъ—какая примѣса нарушила единство русскаго языка и вызвала къ жизни нарѣчія великорусское, малорусское и бѣлорусское? Какое изъ нихъ слѣдуетъ признать за прямаго потомка древне-русскаго языка, чуждаго этой примѣси?

Нашъ отвѣтъ на эти вопросы таковъ:

1) Русскія племена, упоминаемая Начальною лѣтописью, говорили на языкѣ, котораго прямымъ потомкомъ слѣдуетъ признать языкъ великорусскій.

2) Малорусское и бѣлорусское нарѣчія представляютъ результатъ смѣшенія древне-русскаго (= древне-великорусскаго) языка съ языкомъ Вятичей и Радимичей—Поляковъ. При этомъ:

а) Малорусское нарѣчіе возникло изъ смѣси языка Вятичей, а отчасти, быть можетъ, и южныхъ Радимичей съ языкомъ Сѣверянъ. Въ Червоной Руси такая же смѣсь образовалась вслѣдствіе наплыва польской колонизаціи ¹⁾. Въ результатѣ получился новый типъ и языкъ. При сліяніи перевѣсъ остался на сторонѣ русскаго элемента.

б) Бѣлорусское нарѣчіе есть результатъ сліянія Радимичей—Поляковъ съ Полоцкими Кривичами и Дреговичами. Сверхъ того, послѣдніе подверглись воздѣйствію многочисленной польской колонизаціи, которая неудержимымъ потокомъ стремилась сюда изъ Мазовіи.

Только съ точки зрѣнія предложенной нами теоріи и возможно удовлетворительно отвѣтить на подобные слѣдующимъ вопросамъ: По-

---

¹⁾ Что въ Восточной Галиціи со времени ея присоединенія къ Польшѣ много погубо для польскаго народа мазурской крови, это общезвѣстный фактъ, который не нуждается въ доказательствахъ. Мы же считаемъ сверхъ того несомнѣннымъ и то, что уже въ древнѣйшія времена обнаруживалось то же самое явленіе, по крайней мѣрѣ на земляхъ, называемыхъ Начальною лѣтописью Червенскими городами. Города эти, на сколько запомнитъ исторія, входили въ составъ Польши. „Въ лѣто 6489 (981) Иде Володимерь къ Ляхамъ и зяя грады ихъ Перемышль и Червень и нымъ грады, нше суть и до сего дне подъ Русью“. Послѣ смерти Владимира Святаго, Болеславъ Храбрый вернулъ то, что потерялъ его отецъ Мечиславъ I. Но Ярославъ I, пользуясь плачевнымъ положеніемъ Польши при Мечиславѣ II, вновь завоевалъ эти города. Что польскій элементъ проникалъ туда подъ знамя польской державы, если только онъ тамъ не существовалъ искони,—это то врядъ ли можно отвергать. Обращая здѣсь вниманіе на то, что названія городовъ Червень и Перемышль несомнѣнно польскія. Русская форма перваго изъ нихъ, согласно законамъ русскаго фонетизма, должна бы быть Червельъ; между тѣмъ лѣтописецъ неуклонно пишетъ Червень, польск. Czerwień. Перемышль хотя и въ первой своей половинѣ является въ русскаго еориза, но за то въ общемъ онъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о своемъ польскомъ происхожденіи. Przemysław, Przemysł—исключительно западо-славянскія имена, чуждыя русскому міру. Отъ личнаго Przemysłъ прилагательная форма Przemysły, какъ отъ Wszerad—Wszeradz, Szezagdz—Sieradz (ср. русск. Саволожъ при личн. Всесолюжъ) и т. д. Города эти несомнѣнно были основаны Поляками. Что касается земель, лежавшихъ по сѣверо-восточнымъ склонамъ Карпатовъ, то польскій элементъ проникалъ туда вѣсть съ всецѣплыми и путемъ мирныхъ сношеній съ Польшей. Что Галицкая Русь состояла въ 1340 г. въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Польшей, а особенно съ Мазовіей, вѣстно всѣмъ и каждому. На сколько польское вліяніе было тамъ сильно, видно изъ того, что польскій князь Болеславъ Тройденоничъ могъ быть приглашенъ занять престолъ, когда въ Галичѣ прекратился домъ Рюриковичей.

чему, напримѣръ, Новгородскіе-Кривичи говорятъ по-великорусски, а Полочане-Кривичи по бѣлорусски? Почему восточно-малорусское нарѣчіе, не смотря на ближайшее сосѣдство съ великорусскимъ, больше отличается отъ него, чѣмъ западное? Почему въ малорусскомъ роз, а не раа, зоря, а не заря? Почему даже великорусскій языкъ представляетъ признаки западно-славянскихъ нарѣчій? Почему въ бѣлорусскомъ д смягчается въ да, т въ ц, какъ и въ польскомъ лянкѣ, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, если не считать лужиценьхъ, которыя ближе всего стоятъ къ польскому языку? Почему лексикографическій составъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій представляетъ столь много общаго съ польскимъ языкомъ? и т. д. Вѣдь пельзя же, вопреки очевидности, утверждаютъ, что горсть польской шляхты, разсѣянной среди массы русскаго населенія, котораго она чуждалась, произвела столь существенныя перемѣны въ языкѣ коренныхъ обитателей страны, и то въ теченіе относительно короткаго періода времени, такъ какъ Поляки только со времени Люблинской уніи (1569 г.) получили право селиться на земляхъ литовско-русскихъ. Вѣдь, наконецъ, малорусскій, а особенно бѣлорусскій языкъ явѣстѣнъ намъ не со вчерашняго дня; и гдѣются памятники, восходящіе ко временамъ, когда о польскомъ вліяніи въ томъ значеніи, какъ это слово обыкновенно понимаютъ, и рѣчи быть не могло. И что же? Языкъ этихъ памятниковъ преисполненъ польскими выраженіями и оборотами. Какъ же они туда попали?

Это одна сторона дѣла. Другая состоитъ вотъ въ чемъ: Возможно ли допустить, чтобы цѣлыя два польскія племена — Радимичи и Вятчи, столь упорно отстаивавшія свою независимость, сплелись съ Русскимъ народомъ въ одно цѣлое, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ языкѣ, характерѣ и типѣ? А что они дѣйствительно упорно стояли за свою политическую обособленность, объ этомъ свидѣтельствуетъ Начальная лѣтопись. Такъ, Радимичи были покорены уже Олегомъ, но еще при Владимірѣ Святомъ, когда ни одно изъ русскихъ племенъ, даже Древянскіе, не думало сопротивляться власти Кіевскихъ князей, они поднимаютъ знамя возстанія. Про Вятчей и говорить нечего. Это храброе и сильное племя постоянно позставало и иногда не безъ успѣха боролось за свою независимость. Такъ, въ княженіе Ярополка Святославича, а можетъ быть, и не многомъ раньше, имъ удалось отложиться отъ Кіева, какъ это явствуетъ изъ словъ Начальной лѣтописи: „Въ семъ же лете (981 Володимерь) и Вятчи побѣди и възложи на нь дань отъ плуга, якоже и отецъ

его имаше". Оставляя въ сторонѣ другіе факты, я укажу здѣсь только на то, что еще Владиміръ Мономахъ долженъ былъ двѣ зимы воевать съ вятичскимъ княземъ Ходотой и его сыномъ, прежде чѣмъ ему удалось сломить ихъ сопротивленіе.

Но если Радимичи и Вятичи крѣпко стояли за свою политическую независимость, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они не подверглись воздѣйствію сосѣднихъ русскихъ племенъ и въ свою очередь не оказывали на нихъ своего вліянія. При скудости лѣтописныхъ извѣстій, сказать что-нибудь положительное, конечно, трудно, но можно полагать, что еще въ языческія времена Сѣверяне подверглись сильному вліянію своихъ сосѣдей Радимичей и Вятичей — Поляковъ. Это явствуетъ изъ словъ Начальной лѣтописи: „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имаху“. Тутъ важно было бы опредѣлить, когда два названныхъ ляхскихъ племени поселились въ Россіи. За неизбѣжимъ прямыхъ указаній, возможны только догадки. Намъ кажется вѣроятнымъ, что событіе это относится къ тому времени, когда Готы утвердились на южномъ берегу Балтійскаго моря, и что, по всей вѣроятности, они то и были причиной переселенія двухъ польскихъ племенъ въ страны верхняго Днѣпра и верхней Оки. Если это такъ, то ничего мѣтъ страннаго, что Русскіе Сѣверяне и Поляки Радимичи и Вятичи „одинъ обычай имаху“. При всей замкнутости племенъ, при всемъ отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, сожительство, въ теченіе многихъ вѣковъ, должно было отразиться въ нравахъ, обычаяхъ, религіозныхъ вѣрованіяхъ и языкѣ этихъ племенъ. На нашъ взглядъ господство Хазаръ въ этихъ мѣстахъ должно было сильно содѣйствовать сближенію Вятичей и Сѣверянъ. Общность врага, посягнувшаго на свободу, какъ однихъ, такъ и другихъ, создавала почву общихъ интересовъ, на которой оба эти племени подавали себѣ руку и вступали въ тѣсныя, дружественныя отношенія. Въ теченіе многовѣковаго сосѣдства Сѣверянъ и Вятичей такихъ моментовъ было, конечно, не мало, хотя въ виду молчанія источниковъ, мы о нихъ ничего не знаемъ. А разъ завязанныя сношенія, продолжавшіяся въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго періода времени, не могли вдругъ оборваться, даже послѣ исчезновенія причины, вызвавшей ихъ къ жизни. Такимъ образомъ, начало сліянія Вятичей-Поляковъ съ Сѣверянами-Русскими мы относимъ ко временамъ, о которыхъ Начальная лѣтопись ничего не знаетъ.

Въ какомъ періодѣ находилось сліяніе въ XII вѣкѣ, и какъ далеко оно простиралось на западъ, сказать довольно трудно. Есть,

однако, основаніе утверждать, что польская волна уже достигла Днѣпра. Кромѣ показанія Начальной летописи, что „Сѣверяне, Радимичи и Вятичи одинъ обычай имяху“, объ этомъ свидѣлствуютъ еще другіе факты. Дѣло въ томъ, что въ Поученіи Владиміра Мономаха, который, какъ извѣстно, княжилъ попеременно, въ Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ Русскомъ и наконецъ въ Кіевѣ, есть несомнѣнно польскій элементъ и то въ такихъ формахъ, что сомнѣнія врядъ ли возможны. Приведемъ хоть два, три примѣра.

„Мнѣ ли бы прислати къ тобѣ достойно, цли тобѣ ко мнѣ“; срав. простонар. польск. суцц, лятарат. суццц—или: „Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаются, но тако се рекутъ...“; ср. польск. dzgutać (скрежетать зубами), злиться, сердиться. „Спянье есть отъ Бога, присуждено полдне отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человекъ“, ср. польск. szupić—дѣлать; szup—дѣло. „И азъ видѣхъ смѣренье сына своего“; ср. польск. usmierzyć—усмирить; u-smierzenie—у-смирение. „Дьяволъ бо не хоче добра роду человекъскому, сваживаетъ ны“. Въ этомъ примѣрѣ обращаетъ на себя вниманіе глаголъ не хоче, употребленный въ 3-мъ лицѣ единств. числа безъ окончанія ть; затѣмъ —сваживаетъ, ср. польск. swagzyć—сорить, swag—ссора, раздоръ. Съ этими и другими польскими словами, которыя встрѣчаются въ Поученіи и въ Письмѣ къ Олегу, Владиміръ Мономахъ познакомился, вѣроятно, въ то время, когда княжилъ въ городахъ, лежавшихъ на востокъ отъ Днѣпра. Но если въ языкѣ Владиміра попадаются польскія выраженія, то легко себѣ представить, на сколько былъ сильнѣе польскій элементъ въ языкѣ члассы населенія. Вотъ почему мы полагаемъ, что польско-вятичская волна достигла въ XII вѣкѣ до Днѣпра.

Послѣ всего сказаннаго нами о возникновеніи нарѣчій русскаго языка, вопросъ о языкѣ Слова разрѣшается самъ собою. Слово написано на смѣси древне-великорусскаго съ языкомъ вятичско-польскимъ ¹⁾. Возможность возникновенія подобной смѣси не требуетъ доказательствъ. Живые примѣры имѣются и теперь передъ глазами. Возьмите польскій языкъ въ австрійской Силезіи (или даже въ прусской), гдѣ Чехи и Поляки живутъ рядомъ, возьмите—чтобы не ходить далеко за примѣрами—тѣ мѣстности, гдѣ великорусское племя

¹⁾ Въ немъ сверхъ того замѣтны кое-какія фонетическія особенности, характеризующія церковно-славянскій языкъ; впрочемъ онѣ, по всей вѣроятности, принадлежатъ переничнику.

соприкасается съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ, и возможность превратится для насъ въ неоспоримый фактъ. То, что Максимовичъ называетъ отступленіемъ отъ тогдашняго книжнаго церковно-славянскаго языка, принадлежитъ Вѣтичамъ-Полякамъ, а основа языка Слова есть достоиніе древне-великорусскаго языка. Въ Словѣ замѣтно бореніе этихъ двухъ стихій; такъ, на ряду съ польскою формою зоря, проходитъ русская—зара; россушая и раскропити; жадость и жалощами ¹⁾ и пр. Существовало ли это бореніе въ языкѣ автора Слова о Полку Игоревѣ, или же это результатъ искаженія первоначальнаго текста переписчикомъ-Великоруссомъ, рѣшить довольно трудно. Последнее кажется вѣроятнѣе. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ мѣстѣ Слова: „вежи ся Половецкіа подвизашася“ последнее ся несомнѣнно принадлежитъ великорусскому переписчику, который, будучи непривыченъ ставить возвратное мѣстоименіе передъ глаголомъ, написалъ ся два раза: первое принадлежитъ подлянику, а второе забывшемуся писцу.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, приступаемъ къ пересмотру мѣстныхъ и поправокъ, существующихъ въ литературѣ по поводу тѣхъ или другихъ темныхъ мѣстъ Слова о Полку Игоревѣ, а затѣмъ уже предложимъ наше чтеніе и толкованіе. Конечно, не всѣ наши поправки являются, такъ-сказать, результатомъ нашего взгляда на языкъ Слова: нѣкоторыя явились въ силу другихъ соображеній, какъ это читатель увидитъ ниже. Текстъ мы будемъ приводить по перепечатанному Пекарскимъ изданію графа Мусина-Пушкина.

II.

Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи
искусити Дону великаго.

Приведенное мѣсто графъ Мусинъ-Пушкинъ перевелъ такъ: „Пришло князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать счастья на Дону великомъ“. Шишковъ находитъ это мѣсто очень темнымъ. Можетъ быть, говорить онъ въ примѣчаніяхъ къ переводу графа Мусина-Пушкина, — основанное на догадкѣ переложеніе сихъ

¹⁾ Г. Тихоуравовъ думаетъ, что жалощами творит. пад. при имен. жалоща. По нашему, это творит. пад. отъ слова жалоць, ср. польск. żalobć. Здѣсь польскіе звуки ж и щ переданы посредствомъ знака щ. Жалоць польская форма, жалость — русская.

словъ и справедливо, но разобрать и истолковать ихъ трудно. По мнѣнію Пожарскаго слова: „Спала князю умъ похоти“, означаютъ: „вспали князю на мысль похоти или страстныя, сильныя, непреборимыя желанія испытать Дону великаго“. Слово жалость оны принимаетъ въ смыслъ ревность, рвеніе: „и рвеніе искусить Дону великаго уничтожило предзнаменованіе“. Первая попытка исправить это мѣсто принадлежить Ганкѣ; оны читалъ вмѣсто спала—спяла. Вельтманъ въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію говоритъ слѣдующее: „Совершенно не понятно; но измѣните похоти въ похыти, жалость въ жадость—т. е. жажду; спала въ опала — пылость, горячность, гнѣвъ, — и смыслъ возстановится: опала князю умъ похыти а жадость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи. Могло однако же существовать и слово спала — пылъ, пылость“. Мей также того мнѣнія, что спала одного корня съ опаломъ, съ пыломъ и значила пылость; оны переводитъ это мѣсто такъ: „пылость овладѣла умомъ князя и жаль ему, что званіе неба препятствуетъ → искусити Дону великаго“. Похоті—по его мнѣнію, прошедшее время отъ неизвѣстнаго глагола, на который указываетъ малорусское словать — спрятать, прикрыть, охватить, похитить. Биципъ (Павловъ), находя догадку Вельтмана, что слѣдуетъ читать вмѣсто похоти—похите (sic)—возможною, высказываетъ предположеніе не написано ли „спала“ вмѣсто „слава“. Грамматикъ вмѣсто спала читалъ спали (въ значеніи вспали, запали) князю на умъ похоти (желанія). Г. Тихонравовъ въ 1-мъ изданіи читаетъ: спалъ князю умъ похоти и переводитъ: „заснулъ у князя умъ (мысль) о своей жепѣ“. Во 2-мъ изданіи похоти напечатано слитно безъ всякихъ поясненій. Кп. Вяземскій говоритъ слѣдующее: „Кажется, лѣтъ примѣровъ, дозволяющихъ предполагать, чтобы „умъ“ было здѣсь именительнымъ падежомъ ж. р. въ значеніи мысль. Въ этомъ случаѣ „похоти“ родительный падежъ. Принятіе слова „похоти“ за именительный падежъ также не имѣетъ подтвержденія въ древнихъ славянскихъ и русскихъ памятникахъ; извѣстно только одно слово мати, оканчивающееся въ именительномъ падежѣ единственнаго числа на и, и въ чешскомъ языкѣ, кромѣ „мати“, слово „хоти“. Это окончаніе на и, кромѣ словъ мати и хоти, совершенно утратилось въ славянскихъ языкахъ ¹⁾).

¹⁾ Кп. Вяземскій, очевидно, считалъ лишнимъ подвергнуть допросу польскій языкъ, а то оны не сталъ бы утверждать, что окончаніе на и совершенно утратилось въ славянскихъ языкахъ. Укожемъ здѣсь на польскія слова: *rapie, ochmistrzyńi, gospodyni*.

Но есть другое объясненіе слову похоти, по которому настоящую фразу пѣсни должно читать такъ: „спала князю умъ по хоти“, что означаетъ воспоминаніе Игоря о супругѣ его. По сему объясненію „спала князю умъ похоти“, выражаетъ, что князь при видѣ знаменія хоти и вспомнилъ (спала умъ) о женѣ своей (по хоти), по сильное желаніе ознаменованъ побѣду на Дону заступило ему знаменіе. Это объясненіе—замѣчаетъ князь Вяземскій—весьма основательно, ибо вполнѣ согласуясь съ правилами словенской грамматики, оно совершенно согласно съ душевными наклонностями человѣка. Но это объясненіе, по видимому, не удовлетворило и самого князя Вяземскаго, такъ какъ онъ пѣсколькими строками ниже читаетъ то же самое мѣсто такъ: „спала князю (на) умъ по хоти (о женѣ)—и жалость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи“. Въ Исслѣдованіи о вариантахъ удержано первое чтеніе.

Г. Всев. Миллеръ отвергая чтеніе и толкованіе г. Тихонравова и кн. Вяземскаго, предлагаетъ свое: спала (или впала) князю у умъ похоть. Основанія такого чтенія имъ приводятся слѣдующія: начальное с можетъ быть, издателями было принято вмѣсто в; при умъ пропущенъ предлогъ, какъ это часто имѣетъ мѣсто въ Ипатьевской лѣтописи, похоти вмѣсто похоть явилось подъ вліяніемъ слѣдующаго и. Г. А. Майковъ, принимая чтеніе Мусина-Пушкина, предлагаетъ такое объясненіе: спала то-есть, охватила, древне-чешское *spadnostl* (?); похоть—страсть, жалость—рвеніе. Максимовичъ, вставляя „на“ передъ умъ, читаетъ слѣдующимъ образомъ: „спала князю на умъ похоти искусити Дону великаго, то-есть, запала въ умъ князи охота отвѣдать великаго Дону; и тоска пересилила въ немъ знаменіе неба“. Г. Потѣбни читаетъ: успала к'нязю у умъ похоть (и жалость іему знаменіе заступи) искусити Дону великаго. По его мнѣнію, въ первоначальной рукописи могло стоять: „Дону спала князю умъ похоти жалость“ въ смыслѣ: Дону. Успала князю у умъ похоть (трехсложно) и жалость. Поправку Дону. Успала вмѣсто Дону. Спала онъ считаетъ возможною въ виду такихъ примѣровъ какъ: Иде Угры вмѣсто: Иде у Угры и т. д. „Похоти и“ вмѣсто „похоть и“, есть по его мнѣнію, не описка, а выраженіе правила. „Автору или переписчику, жившему не позже XIV в., конечно ь слышалось, какъ гласная составляющая слогъ и сливающаяся съ послѣдующимъ и въ долгое и respect. ии. Похоть (желаніе) и жалость синонимы. Выраженіе, поставленное въ скобкахъ (и жалость іему знаменіе заступи), прерываетъ грамматическую связь между похоть и искусити Дону и имѣетъ видъ маргинальной замѣтки,

не у мѣста поставленной авторомъ или переписчикомъ". Г. Прозоровскій, удержавъ чтеніе Мусина-Пушкина, переводить: Овладелъ умомъ князя увлеченіе, и знаменіе загордилось отъ него нетерпѣніемъ отвѣдать Дону великаго. Въ оправдательныхъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту читаемъ: „спала умъ=вспало на умъ; похоти=желаніе, влеченіе; жалость=отъ жаль=сѣтованіе: „како жаль ми башешъ на Игоря, тако нынѣ жалую по Игорѣ“ — „не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся“. Въ поэмѣ словомъ „жалость“ выражено страстное нетерпѣніе“.

Не смотря на такое обиліе поправокъ, толкованій и объясненій даннаго отрывка, онъ по прежнему является мѣстомъ темнымъ и неудобопонятнымъ. Г. Прозоровскій, издавшій Слово о Полку Игоревѣ въ 1881 г., счелъ за лучшее принять чтеніе Мусина-Пушкина и тѣмъ самымъ произнесъ приговоръ надъ работою своихъ предшественниковъ. Мы не станемъ входить въ критическую оцѣнку каждаго изъ приведенныхъ мнѣній, частью потому что они взаимно себя опровергаютъ, частью же и потому, что предлагаемое нами чтеніе само является лучшимъ, по нашему мнѣнію, ихъ опроверженіемъ. Здѣсь мы должны сдѣлать одно замѣчаніе. Хотя и наше чтеніе близко подходитъ къ чтенію Вельмана и совпадаетъ съ чтеніемъ Вельмана и Биципа, тѣмъ не менѣе мы пришли къ нему вполне самостоятельно еще въ то время, когда у насъ было въ рукахъ лишь первое изданіе г. Тихонова. Съ мнѣніями двухъ названныхъ изслѣдователей, какъ и съ мнѣніями другихъ толкователей Слова, мы познакомились лишь тогда, когда рѣшились напечатать наши чтенія и толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Пѣсни.

И такъ, приведенное мѣсто мы читаемъ такъ: Слава князю умъ похоти и жадость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. Постараемся теперь поддержать наше чтеніе доказательствами. По нашему мнѣнію, слово спала прочли невѣрно, хотя оно и правильно могло быть написано въ рукописи. Дѣло объясняется просто если допустить слѣдующее написаніе слова слава—С^ла. При чтеніи этого слова произошли слѣдующія ошибки: 1) Графъ Мусинъ-Пушкинъ знакъ □ (в) принялъ за п, не замѣтивъ нижней горизонтальной черточки, что очень возможно, въ виду сходства въ начертаніи этихъ двухъ знаковъ. Вспомнимъ при этомъ, что тотъ же Мусинъ-Пушкинъ мѣсто авва прочелъ апа, то-есть, и въ этомъ словѣ □ (в) принялъ за п. Ниже мы увидимъ, что и въ другомъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ такую же ошибку, а въ третьемъ—аналогичную съ нею. 2) Надстрочный слогъ да вмѣсто того, чтобы поставить между с и

□ (в), онъ поставилъ его послѣ а и прочелъ—спала. Спрашивается теперь: есть ли основаніе допускать возможность существованія указаннаго нами написанія слова слава? Въ видахъ подтвержденія нашей мысли мы приведемъ нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ, извлеченныхъ нами изъ труда А. Θ. Вычкова: „Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библиотеки“¹⁾, при чемъ не станемъ указывать страницъ, такъ какъ всякій желающій найдетъ въ немъ цѣлыя сотни подобныхъ примѣровъ. Загнѣтимъ здѣсь только, что въ названномъ трудѣ г. Вычкова описаны рукописные сборники съ XVI по XVIII в. Вотъ нѣсколько примѣровъ: с Лев^нт^на ч^нтво^нца взяли раку золотую вѣсо^н по^н ѿ^н пу^н; м^нропо^нта; ве^нкоа; во^ню; ви^нн^на; худо^нства; Ое^нровича; по^нбити^н; ра^нсти; пло^нвитаа, жа^нсти; архистра^нга; ч^нса и т. д.

Послѣ всего сказаннаго, вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ читать слово спала, мы считаемъ поконченнымъ. Это не спяла, спала (вспала), усала, спали опала и т. д., а просго на просто—слава.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ обратить вниманіе людей науки на написаніе этого слова. Для насъ такое написаніе (с^нла) имѣетъ несравненно большее значеніе въ дѣлѣ опредѣленія древности рукописи, чѣмъ всѣ показанія „очевидцевъ“ и всѣ соображенія и доказательства, которыми иные изъ изслѣдователей стараются поддѣлать взглядъ этихъ компетентныхъ и правдивыхъ свидѣтелей.

Теперь обратимся къ слову „похоти“. Было ли это мѣсто испорчено въ рукописи, или же первые издатели, невѣрно прочитавъ слово спала и, вслѣдствіе того, не понявъ смысла разсматриваемаго нами мѣста, сами его подправили,—рѣшить трудно. Несомнѣнно однако то, что въ силу логической необходимости слѣдуетъ читать не похоти, а похити. Впрочемъ не только одно это заставляетъ насъ сдѣлать такую поправку. Въ Словѣ находится мѣста, которыя, такъ-сказать, прямо наталкиваютъ насъ на нее. Возьмите хоть слѣдующее мѣсто: „переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ“. Здѣсь олицетворенная слава является объектомъ дѣйствія другихъ, въ нашемъ же отрывкѣ она выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ, похищаетъ у князя умъ, разумъ, расудокъ. Укажемъ еще на два аналогичные мѣста: „Бориса Вячеславича слава на судъ приведе“ и „Уже княже, туга умъ полонила“. Намъ кажется, что сказаннаго вполне доста-

¹⁾ Выпускъ I. Петербургъ. 1878 г. Часть I. Петербургъ. 1882 г. часть соххх. отд. 2.

точно, чтобы прийти къ заключенію, что слѣдуетъ читать не похоти или похоть, а похити, тѣмъ болѣе, что только при такомъ чтеніи получается вполнѣ ясный и непринужденный смыслъ.

Обратимся наконецъ къ слову „жалость“. Какъ уже было сказано выше, мы читаемъ не жалость, а жадость. Ошибка первыхъ издателей, (допуская, что слово это въ рукописи было правильно написано), вполнѣ сдѣлается понятною, если обратить вниманіе на сходство въ написаніи знаковъ Л и Δ; здѣсь могло имѣть мѣсто то, что случилось со знакомъ □ въ словѣ слава, то-есть, горизонтальная черточка осталась не замѣченной. Впрочемъ, если даже она и обратила на себя вниманіе первыхъ издателей, то и тогда они могли напечатать жалость вмѣсто непонятнаго для нихъ жадость, предполагая здѣсь ошибку переписчика. Слово жадость одного корня съ древн. болг. гл. жадати и тожественно съ чешск. *žádot* польск. *żądza*)—страсть, сильное желаніе.

Если принять нашу поправку, то не будетъ уже надобности навязывать слову жалость такіа значенія, какихъ оно не имѣло да и не имѣетъ ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Тѣ ссылки на древніе памятники русской литературы, которыя дѣлались въ видахъ уясненія этого мѣста, совершенно не идутъ къ дѣлу и положительно ничего не объясняютъ.

И такъ мы читаемъ: „Слава князю умъ похити и жадость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго“. При такомъ исправленіи текста врядъ ли можно считать слова: „и жадость ему знаменіе заступи“ маргинальною замѣткою, не у мѣста поставленною авторомъ или переписчикомъ.

Влѣци грозу въ срозать по яругамъ.

Пожарскій первый исправилъ это мѣсто и сталъ читать въсрозать вмѣсто въ срозать; онъ же указалъ на польскій глаголъ *stroić*, замѣтивъ, что онъ означаетъ дѣлать жестокииъ, суровымиъ. Чтеніе это принято большинствомъ издателей и толкователей Слова, хотя и значеніе глагола въсрозать не вполнѣ было для нихъ ясно. Гедеоновъ, въ своемъ сочиненіи „Вараги и Русь“ (I, 328)¹⁾,

¹⁾ Хотя Гедеоновъ, въ названномъ сочиненіи посвятилъ объясненію Слова о П. Иг. цѣлыхъ 10 страницъ, тѣмъ не менѣе имя его не названо ни г. Смирновымъ, ни г. Андріевскимъ, ни наконецъ г. Ждановымъ.

сближаетъ въсрожать съ чешскимъ *szieti* (?) *saevire, toben, vtzati*—*stridere* шумѣть, яриться. Но сопоставленія его не удачны, а значенія указанныхъ чешскихъ словъ опредѣлены не точно или даже просто невѣрно. Слово гроза онъ сопоставляетъ въ чешскихъ *hrůza*—*hoggog*.

Г. Вс. Мюллеръ въсрожать считаетъ опискою вмѣсто въсгрожать. Поправку эту слѣдуетъ отвергнуть и какъ излишнюю, и какъ не находящую себѣ оправданія въ древнихъ памятникахъ.

Въ послѣднее время г. Потебня выступилъ съ новою поправкою: вм. въсрожать, онъ читаетъ въсрашаютъ, а слово гроза принимаетъ въ томъ же значеніи, что и Геденовъ. Жъ вмѣсто ш—говорить онъ—поставлено переносчикомъ или первыми издателями и въ пардуже=пардушѣ; наоборотъ щ вмѣсто ж въ роспущени = роспужени. Въ основательности этихъ соображеній мы позволимъ себѣ усомниться. Прежде всего мы отказываемся понять, почему притяжательное отъ лисца (польское *lis*)—лисій, а отъ пардусъ—пардушій. Повторяемъ, любопытно узнать, кѣмъ доказано что вмѣсто „роспущени“ слѣдуетъ читать „роспужени“? Что значить „рѣци лебеди роспужени“? И такъ, въ силу всего сказаннаго, мы считаемъ смѣшеніе знаковъ ж и ш въ приведенныхъ г. Потебней примѣрахъ дѣломъ не доказаннымъ, и потому и въ глаголѣ въсрожать не считаемъ себя въ правѣ читать ш вмѣсто ж (по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены болѣе убѣдительныя соображенія, чѣмъ тѣ, которыми обставляется своя поправка г. Потебня). По поводу того же слова читаемъ еще слѣдующее (стр. 31 и 32): „Въс(с)рашаютъ, или, судя по о въ въсрожать, съ полногласіемъ: въсорошаютъ... Въсрашати, въсорошивать, подымать дыбомъ волосы; въсорошень (рус. ф.), въсорошенный (Востоковъ, Слов. Церк.-Слав.): аще оуслышати яко створилъ ꙗси вещь, ꙗси нѣси створилъ, не въсорошися ни роужыся, съ чѣмъ сравни подобное значеніе велико-русское: ерохонаться; ср. срѣхъжъ (Mikl. Lex)“. Все это такъ, но дѣло въ томъ, что все сказанное г. Потебней по поводу сдѣланной имъ поправки, не объясняетъ намъ, почему слѣдуетъ читать въсрашавать, а нельзя прочесть въсрожать, какъ напечатано первыми издателями. Форма въсорошися существовала въ русскомъ языкѣ; но можно ли изъ этого заключить, что формы въсорошися, въсорожать, а въ нашемъ памятникѣ въсрожать, не возможны? Намъ кажется, что утверждать нѣчто подобное врядъ ли возможно, особенно если

принять во вниманіе польскій глаголь *zgroźu*, прилагательное *zgrozi* (жестокій); но въ такомъ случаѣ, какая надобность читать въсрашивають вмѣсто въсрожать? Возможность существованія формы въсрожать въ подлинникѣ мотивирована нами выше, когда мы говорили о языкѣ Слова. Здѣсь мы ограничимся лишь выясненіемъ значенія этого глагола въ его родной средѣ. Глаголь *zgroźu* употребляется ся мѣстоименіемъ *się* (ся) и безъ него: 1) *Nie zginaj, choć się los zgrozi naszemu*; *burza się zgrozi*—бура свирѣпствуетъ, бушуетъ 2) *Lew grzuwe paszouj*—левъ гриву взерошилъ, поднялъ дыбомъ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи и употребленъ глаголь въсрожать въ нашемъ намятникѣ. Что касается формы въсроронися, то она, по всей вѣроятности, явилась вслѣдствіе затемнѣнія этимологій этого слова въ сознаниіи говорившаго.

И такъ, поправку г. Потебни слѣдуетъ признать и излишнею, и ничѣмъ не доказанною. Точно также мы находимъ неудачнымъ и сдѣланный имъ переводъ. Слова „волки взерошиваютъ страхъ (грозу) по араму, то-есть во всемъ возбуждаютъ ужасъ“. Какъ я уже выше замѣтилъ, слово гроза посредствомъ слова страхъ переводилъ еще покойный Гедеоновъ, отождествляя его съ чешскимъ *hrůza*. У Гедеонова однако подобный промахъ понятенъ. Онъ слишкомъ увлекся своею теоріей о вендскомъ происхожденіи первыхъ Русскихъ князей, и желая доказать присутствіе западно-славянскихъ элементовъ въ древней русской письменности, часто дѣлалъ въ высшей степени неудачныя сопоставленія на ряду съ очень основательными. Но ради чего понадобилось г. Потебнѣ навязывать слову гроза другое значеніе, чѣмъ то, какое оно имѣетъ въ современномъ русскомъ языкѣ? По нашему, слово гроза употреблено здѣсь въ томъ же значеніи, въ какомъ оно употребляется въ современномъ русскомъ языкѣ: волки грозу въсрожать, значить—волки поднимаютъ бурю. Что въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ и сказаніяхъ о громовникѣ много общаго, это общеизвѣстный фактъ. Мало того, громовникъ даже прямо отождествляется съ медвѣдемъ; такъ напримѣръ, Русскіе въ Карпатахъ, когда видятъ грозовыя тучи на горахъ, говорятъ: медвѣдъ пиво варить. Съ другой стороны, извѣстно и то, что имена волка и медвѣды смѣшиваются: во многихъ мѣстностяхъ Россіи областное для волка—бирюкъ, а въ Симбирской, напримѣръ, губерніи, бирюкомъ называютъ медвѣда. Въ силу этого мы находимъ возможнымъ допустить, что и волкъ въ

народныхъ повѣрхъ отождествляется съ громовникомъ, а потому переводить: волки грозу (бурю) поднимаютъ по яругамъ ¹⁾.

Длѣго. Ночь мркнеть. Заря свѣтъ запала.

„Длѣго. Ночь мркнеть“. Пожарскій первый прочелъ „Длѣго ночь мркнеть“, и эта поправка принята всѣми. „Заря свѣтъ запала“. Мусинъ-Пушкинъ переводилъ: свѣтъ зари погасаетъ; Пожарскій: зари свѣтомъ не является; Грамматинъ: свѣтлая зари пропала. Онъ принимаетъ свѣтъ за эпитетъ зари. Мнѣніе Грамматина раздѣляютъ Тихонравовъ (заря—свѣтъ запала), Вельтманъ (заря—свѣтъ потухаетъ), Вицнъ (заря—свѣтъ запропала), Максимовичъ (заря—свѣтъ запала; изд. 1879 г.); Прозоровскій переводитъ: свѣтъ померкъ съ зарею, и поясняетъ: „запала“ = собственно съ собою унесла. Г. Майковъ первый (если не считать Пожарскаго) обратилъ вниманіе на то, что неправильно картину: „Длѣго ночь мркнеть. Заря свѣтъ запала“ принимаютъ за изображение ночи. „По моему“, говоритъ онъ,—„это раннее утро. Померкнутъ—говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значить угаснуть, но вмѣстѣ съ тѣмъ, значить и потерять свой цвѣтъ, полинять, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражать убыль, ущербъ. Слѣдовательно, „ночь меркнеть“ значить, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, то-есть, стало свѣтатъ. Заря—свѣтъ запала переводятъ: зари медлитъ; по моему, напротивъ, занялась, какъ мы говоримъ лучъ запалъ въ этотъ мракъ. Мгла поля покрыла — поднялся утренній туманъ (ниже обѣснѣя синѣ мглы). Щекотъ славій успе: Соловьи поютъ только ночью — тутъ же май мѣсяць, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки раннего утра“ (Заря 1870 г. № 1, стр. 132).

Г. Всеволодъ Миллеръ первый рѣшился предложить поправку и прочелъ запала вмѣсто запала, то-есть, зари задержала разсвѣтъ; по поправку его мы должны признать неудачною, ибо не возможно сказать что зари задерживаетъ разсвѣтъ. Ссылка на параллельное мѣсто Слова: „Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ“ не только не подтверждаетъ мнѣнія г. В. Миллера, но на оборотъ опровергаетъ его: Зори

¹⁾ Сравни польское jaruga — loqua, barra palus, stagnum: pobili nieprzyjaciół, że maszą w błota z jarugi. Dolinę, między temi co leży górami, błotniste przed- tym kryły błota jarugami (Linde). Jaruga — błoto rzadkie deszczowe (Kolb. Lud. Seryja VIII str. 308).

повѣдаютъ (возвѣщаютъ), а не задерживаютъ разсвѣтъ. Вторая поправка принадлежитъ г. Потебнѣ. Вмѣсто: заря свѣтъ запала, онъ читаетъ: заря свѣтъ повѣдаетъ. При такой поправкѣ данное мѣсто конечно, не допускаетъ различныхъ толкованій и имѣетъ вполне ясный и опредѣленный смыслъ; но вопросъ въ томъ: существуетъ ли необходимость допустить здѣсь предполагаемое г. Потебней исваженіе текста? А если да, то въ такомъ случаѣ вмѣсто замѣны одного слова другимъ, не будетъ ли дѣлесообразнѣе сдѣлать поправку въ самомъ словѣ запала? Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ; мы приведемъ замѣчаніе г. Потебни, на нашъ взглядъ вполне основательное, что „заря отличается отъ свѣта, какъ малороссійское ні світъ ни заря, то-есть, не только до (полнаго дневнаго) свѣта, но и до пробрезга“. Г. Смирновъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ, находя, что какъ въ малорусскомъ, такъ и въ великорусскомъ, ни свѣтъ, ни заря—синонимическія выраженія, какъ и въ слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

На зарѣ, зарѣ утренней
 На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго
 На восходѣ красна солнышка.

По нашему мнѣнію, этотъ примѣръ не только не опровергаетъ мнѣнія г. Потебни, но на оборотъ подтверждаетъ его. Пока г. Смирновъ не докажетъ, что заря и восходъ солнца синонимы, до тѣхъ поръ мы будемъ различать зарю отъ разсвѣта, какъ различаемъ разсвѣтъ (свѣтъ) отъ восхода солнца.

Вернемся теперь къ чтенію г. Потебни. Необходима ли вообще здѣсь поправка, или существуетъ возможность объяснить данное мѣсто, удержавъ чтеніе первыхъ издателей? Если „свѣтъ“ въ данномъ мѣстѣ эпитетъ зари, а это предположеніе опровергнуть довольно трудно въ виду указаннаго г. Тихомировымъ примѣра изъ былинъ: Свѣтъ-зорюшка просвѣтилась¹⁾,—то никакой поправки здѣсь не нуж но мѣсто вполне понятно, и смыслъ его не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, что вполне не испорченное мѣсто могло быть отнесено къ разряду темныхъ и вызвать разныя толкованія и даже поправки, а тѣмъ не менѣе фактъ на лицо.

Въ польскомъ языкѣ есть глаголь *раіаѣ* настоящаго времени *раіаѣмъ*, прошедшаго *раіаі*—горѣть, пылать; къ предлогу *за*—*зараіаѣ*,

¹⁾ Слово о Полю Игоревѣ стр. 31. Изд. 2-е. Москва, 1868.

загорѣться, возгорѣться, запылать. Запала Слова о Полуку Игоревѣ и есть глаголь *zaraśac*, поставленный въ 3-мъ лицѣ аориста. Заря свѣтъ запала, значить: зоря — свѣтъ загорѣлась, занялась, запылала, точь въ точь какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ изъ былинъ: Свѣтъ-зорюшка просвѣтилась. При чемъ же тутъ останутся всѣ поправки и толкованія? Да и чѣмъ объяснить, что мѣста, отнесенныя къ разряду тежныхъ и испорченныхъ, находятъ себѣ не принужденное объясненіе въ польскомъ языкѣ? Или это слѣпой случай? Но вѣдь приведенное слово не есть единичный примѣръ; мы уже указали на нѣкоторые, на другіе укажемъ ниже, не касаясь тѣхъ, которые уже объяснены тоже не безъ содѣйствія польскаго языка, если даже оставить въ сторонѣ малорусское нарѣчіе. Впрочемъ должно замѣтить, что палати употреблено однажды (подъ 6582 г.) въ Лаврентьевскомъ спискѣ: И нача палати пламень утлизнами; оному же нечимъ заложити и т. д. Но впервыхъ, единичный примѣръ ничего не доказываетъ, а вторыхъ, не извѣстно еще, откуда было родомъ лицо, написавшее эти слова. Вѣдь и въ языкѣ Владимира Мономаха попадаются полонизмы, замѣтите при этомъ: палати польское *paśac*, утлизна польское *watłu*, чешское *utlý*; пламень польское *plomień*, чешское *plamen*. Прежде, чѣмъ покончить съ глаголомъ палати, мы скажемъ еще одно.

Ту ся саблямъ потручати о шеломи Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго.

Глаголь потручати переводили различно, по догадкѣ. Пожарскій: потрескаться; Мусинъ-Пушкинъ: притрутиться; Грамматинъ: погрѣмѣть, при чемъ онъ указываетъ на глаголь *трещать*; Вельтманъ предполагалъ здѣсь опіску и указывалъ на сербское *potrgatis* (!); Дубенскій для объясненія этого глагола приводилъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи: „Новгородци мира не даша и стояша три дни и три ночи волость труче, села великая пожгоша“. Князь Вяземскій указывалъ на выраженія: „тروطи траву — *absurgere*; трутити — *laedere*; стропуть — *eversio*, сверженіе, разореніе; трядѣ — *custodia*, агмен; тряжень и трупень, въ смыслѣ мироѣда и т. д. Г. Майковъ переводилъ: потупиться; г. Малашевъ указывалъ на народное выраженіе: натрути руку = натереть руку.

Первый Гедеоновъ обратился за объясненіемъ этого мѣста къ польскому языку, но сдѣланныя имъ сопоставленія также неудачны, какъ и вышеприведенныя. Онъ указываетъ на польск. *potrzusk* (?) —

шумъ, стукъ; *trzaskać* — гремѣть (Варяги и Русь I, 329). Примѣру Гедеонова послѣдовалъ г. Потебня. Онъ говоритъ: Потручати, ударяться, болѣе длительная форма при -трутити, польское *trącić*. И такъ, послѣ бесплодныхъ поисковъ и въ области древнихъ памятниковъ, и въ области живаго русскаго языка, наконецъ обратились за объясненіемъ глагола *потручати* туда, куда слѣдовало обратиться давно.

Въ польскомъ языкѣ есть глаголъ *trącić* и болѣе длительная его форма — *trącać*; съ предлогомъ *po* — *potrącać* = *потручати*. Оба они употребляются съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *się* (ся) и безъ него. *Trącać* употребляется въ различныхъ значеніяхъ: *trącać gruszkę* — сбивать груши (съ дерева), *trącać kogo* — толкать кого-нибудь; *potrącić, potrącać o coś* — коснуться, касаться чего-нибудь; *potrącić o stół* — задѣть столъ; *trącać się kieliszkami* — чокаться и т. д.

Не рѣшая вопроса о томъ, въ какомъ изъ приведенныхъ значеній употребленъ глаголъ *потручати*, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее соображеніе: Немного ниже битва уподобляется пиру, попойкѣ: „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каалы; ту кровава вина не доста; ту пирь докончаша храбрін Русячи: сваты попонша, а сами полегоша за землю Русскую“. Въ приведенномъ отрывкѣ битва уподобляется пиру, кровь—вину, побѣдители—званнымъ гостямъ, побѣжденные — задавнымъ пирь. Въ виду этого нельзя ли предположить, что и въ нашемъ отрывкѣ авторъ Слова о Полку Игоревѣ удары мечей о племени уподобляетъ стучу, чоканію бокаловъ? Въ этомъ ли смыслѣ слѣдуетъ понимать слова: „ту ся саблямъ потручати о шедомы Цоловецкы“, или же въ другомъ, сущность дѣла отъ этого не измѣнится. Останется все-таки на лицо фактъ, что данное мѣсто можно истолковать лишь при содѣйствіи польскаго языка. Глаголъ *потручати*, хотя и принялъ русскій обликъ, тѣмъ не менѣе составляетъ достоиніе одного польскаго языка — ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій его нѣтъ, — а въ Словѣ о Полку Игоревѣ онъ появился въ силу той причины, на которую мы указали еще въ началѣ нашей статьи. Обратимъ здѣсь, при случаѣ, вниманіе и на то, что мѣстоименіе *ся* въ данномъ мѣстѣ Слова и въ нѣкоторыхъ другихъ употребляется отдѣльно отъ глагола, какъ и въ польскомъ языкѣ.

Кая раны дорога братіе, забывъ чти.....

Грамматикъ поправилъ: „кая раны дороги, братіе, забывъ чти“.... въ значеніи: всякая рана ничемъ тому, кто забылъ.... Въ этомъ же

смыслъ понимаетъ данное мѣсто и г. Потебня, только онъ, вмѣсто множественнаго числа ставить единственное— „кая рана дорога, братіе, забывъ“ ... Чтеніе г. Потебни принялъ г. Огопольскій (Хрестоматія Старорусска, Л. 1881 г.). Эрбенъ рана исправилъ на „рать“— „кая рать дорога, братіе, забывъ“... и перевелъ: какой это, братья, дорогой бой, что ради него забылъ честь.... (jaký to, bratři drahý boj, že (proh) zapomněl stí....). Гаттала поправилъ: кая ранъ дорбга“ (via) =какая это дорбга ранъ, прибавивъ для объясненія: по которой стремится Всеволодъ (jaká tě to dráha ran, kterou kráčí Vševlad). Г. Барсовъ поправляетъ дорога на друга, то-есть, какихъ нужно другихъ ранъ или жертвъ. Г. В. Миллеръ читаетъ и понимаетъ это мѣсто такъ: „кая причастіе въ именительномъ падежѣ, единственнаго числа муж. рода, относящееся къ Всеволоду точно также какъ и „забывъ“; раны винит. п., множ. числа; дорога братіе— дорогіи братья, обращеніе къ слушателямъ“. По поводу толкованія г. В. Миллера, г. Потебня замѣчаетъ: „Стало быть, Всеволодъ оплакиваетъ раны Игоря въ то время, какъ „поскочаще“. Время для этого онъ выбралъ неудобное, не говори уже о грамматическихъ затрудненіяхъ. Предыдущій періодъ, къ которому, по предположенію, должно таготѣть „кая“, совершенно замкнуть звательными падежами. Если же кая послѣ точки, и если оно есть причастіе, то періодъ: кая раны дорога братіе забывъ чти и живота и т. д.—безъ полнаго сказуемаго“.

Г. Прозоровскій думаетъ, что послѣ братіе пропущены слова: „тъи бо“ и переводитъ: Какія раны, братцы, дороже его ранъ? Вѣдь онъ забылъ и т. д. По поводу этого чтенія и толкованія можно замѣтить что они ни мало не уясняютъ смыслъ даннаго мѣста; переводъ же отличается крайнею произвольностью. Текстъ, исправленный г. Прозоровскимъ, гласитъ: „кая раны дорога, братіе, тѣи бо забывъ чти“, а въ переводѣ вмѣсто положит. степени (дорога) поставлена сравнительная (дороже), вмѣсто забывъ—изъявительное наклоненіе. Если такъ обращаться съ текстомъ, то всякое мѣсто, даже безъ поправокъ, дастъ какой угодно смыслъ. Замѣтимъ еще, что, не смотря на эти натяжки, данное мѣсто даже въ переводѣ г. Прозоровскаго возбуждаетъ недоумѣніе. Про какія это раны Всеволода здѣсь идетъ рѣчь? Вѣдь нельзя же назвать ранами, что князь этотъ, въ силу сраженія, забылъ про Черниговскій золотой столъ, про свою жену и т. д. Поправка Эрбена также не достигаетъ цѣли, ибо фраза „кая рать дорога, братіе, забывъ чти и живота“ и т. д. въ сущности не имѣетъ смысла. О чтеніи Гатталы и говорить нечего. Остается еще толко-

ваніе г. Потемнн (и Грамматина). Онъ переводитъ: всякая рана ни по чемъ тому, кто забылъ.... Насъ и этотъ переводъ, и связанная съ нимъ поправка не удовлетворяютъ, такъ какъ Всеволодъ, бросившись въ густые ряды Половцевъ, рисковалъ не только быть раненымъ, но и убитымъ.

И такъ, данное мѣсто продолжаетъ оставаться не объясненнымъ. Исходя изъ того положенія, что придаточному предложенію: „забывъ чти и живота“, нельзя подобрать главнаго, а склоненъ допустить, что здѣсь есть пропускъ. Далѣе я нахожу, что слова: „кая раны, дорога братіе“, можно прочесть еще такъ: кая раны дорога братіе — забывъ чти и т. д., при чемъ слово раны принимаю въ смыслѣ — удары. Въ этомъ значеніи слово это употребляется въ чешскомъ языкѣ: osudná rána — роковой ударъ; jedna rána, dvě rány — одинъ ударъ, два удара. „Дорога братіе“ — обращеніе къ слушателямъ¹⁾. Сообразно съ этимъ толкованіемъ, смыслъ этого мѣста будетъ такой: Какіе удары, дорогіе братья (наносить князь), забывъ.... Только при предположеніи, что здѣсь пропущено главное предложеніе, оказывается возможнымъ установить внутреннюю связь между нашимъ отрывкомъ и предыдущимъ періодомъ: „Яръ-туре Всеволодѣ! стояши на борони, прыщещи на вон стрѣлами, гремлещи о шеломи мечи каралужными: камо туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ носибѣчивая, тамо лежать поганья головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ-Туре Всеволоде! Воскличаніе пѣвца: Вотъ, какіе удары, дорогіе братья, наноситъ князь — является въ данномъ случаѣ вполне умѣстнымъ. Впрочемъ это только догадка, которая, быть можетъ, наведетъ кого-нибудь на болѣе вѣрное чтеніе и толкованіе.

Рассушась стрѣлами по полю.

Пожарскій предложилъ неудачную поправку: рассушась — развиась. Слово рассушась встрѣчается въ Ипатьевской лѣтописи (рос-

¹⁾ Г. Тихонравовъ думаетъ, что братіе — зват. падежъ множ. числа отъ существ. братъ. Это не вѣрно. Братіе — зват. падежъ но не множ., а единств. числа, и не отъ братъ, а отъ собирательнаго братья. Какъ собирательное существительное, слово это употребляется и въ польскомъ языкѣ, и въ древнихъ русскихъ памятникахъ, напримѣръ, *Klasztorna bracia zgromadzila się...* „Идите къ намъ за нашу братію, а не то мы поидемъ къ вамъ за нашу“. Прилагательное „дорога“, согласовано здѣсь съ грамматическимъ родомъ, а не съ личнымъ, какъ и въ выше приведенныхъ примѣрахъ. Краткое же окончаніе прилагательныхъ — явленіе обыкновенное, даже преобладающее въ Словѣ; напримѣръ: чръва земля, печаль жирна, бѣла хорюговъ, чрълена чолка и т. д.

сушася); оно живетъ до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ, если оставить въ сторонѣ восстановление мѣстоименія *си*, не нуждается въ никакой поправкѣ. Мы хотимъ здѣсь обратить вниманіе только на слѣдующее: Корень этого глагола не *съп*, какъ думаютъ нѣкоторые исследователи, напримѣръ, г. Огоновскій, а *-су*. Сравни. древне-чешское *po-sù-ti*.

Польское *su-ć* (спать) прошедшее время *su-ł*, настоящее *su-j-ć* сложное съ предлогомъ *posuć, nasuć, roz-su-ć*:

Święta Urszula perły rozsuła
Księżyc wiedział, nic powiedział...

Глаголъ *рассушася*, или какъ вполнѣ основательно исправлено — *разсушася* = польское *roz-su-ćsię*, и потому для насъ непонятно, почему г. Потебня съелъ нужнымъ выбросить одно *с* и читать *росушася* вмѣсто *россушася*. Здѣсь первое *с* принадлежитъ приставкѣ *roz* (вслѣдствіе ассимиляціи — съ послѣдующимъ *с* — *рос*), а второе корню. Слово это помимо лѣтописи вполнѣ понятно съ точки зрѣнія польскаго и чешскаго языковъ, въ которыхъ оно употребляется по сію пору, особенно въ первомъ.

Тоже звонъ слыша давний великій Ярославъ сынъ Всеволожъ, а Владиміръ по вся утра уши закладываше въ Черниговѣ.

Снегиревъ, Максимовичъ, Дубенскій, г. Тихомировъ и друг. читаютъ: „Тоже звонъ слыша давний великій Ярославъ (Ярославъ) сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра уши закладываше въ Черниговѣ“. Бутковъ сдѣлалъ здѣсь перестановку словъ: „слыша Ярославъ, а сынъ Всеволожъ Владиміръ по вся утра“ и т. д. Такое чтеніе принимаетъ и г. Потебня, который сверхъ того „тоже“ исправилъ въ тѣже. Эту послѣднюю поправку мы находимъ вполнѣ умѣстною, что же касается остальнаго, то принимаемъ чтеніе первой группы исследователей. Постараемся подкрѣпить наше мнѣніе кое-какими соображеніями. Г. Потебня по поводу своего чтенія говоритъ: „Олегъ только вступаетъ еще въ стремя, а (уже) этотъ (тѣ же) звонъ услышалъ великій Ярославъ (то-есть, на томъ свѣтѣ), какъ и до сихъ поръ сохраняется вѣра въ существованіе связи живыхъ съ усопшими предками и возможность передавать вѣсти на тотъ свѣтъ. Что касается до современниковъ, то сынъ Всеволодовъ Владиміръ каждое утро (какъ только проснется) уши (себѣ) затыкалъ въ Черниговѣ, потому что этого

рода слава, по извѣстнымъ личнымъ его свойствамъ, была ему противна*.

По нашему мнѣнію, такое толкованіе грѣшитъ натянутостью. Прежде всего является вопросъ: чего ради авторъ Слова принялъ Ярослава—къ имени Олега. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ мнимымъ сопоставленіемъ живыхъ съ умершими? Почему именно Ярославъ слышалъ, а не Святославъ Ярославичъ отецъ Олега, или Владиміръ Святой, или какой-нибудь другой князь? А въ данномъ случаѣ Святославъ или Владиміръ Святой были бы скорѣе, пожалуй, на мѣстѣ, чѣмъ Ярославъ I. Намъ кажется, что данное мѣсто можно объяснить гораздо проще. Непосредственно передъ нашимъ отрывкомъ Олегъ уподобляется кузнецу—онъ куетъ мечемъ крамолу, а затѣмъ говорится: „тѣже звонъ слыша“; въ виду этого мы заключаемъ, что слова „тѣже звонъ“ значать не „звонъ славы“, какъ думаетъ г. Потебня, а „звонъ крамолы“, которую ковалъ Олегъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ намеками на историческіе факты, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Слова, а не съ какимъ-то указаніемъ на вѣру въ связь съ усопшими предками. Извѣстно, что послѣ смерти Святослава Ярославича Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха, помирился съ Изяславомъ I, уступилъ ему Кіевъ и въ замѣнъ того получилъ Черниговское княжество, отнятое у дѣтей покойнаго князя. Но Святославичи, особенно Олегъ и Романъ Красный, князь Тмутараканскій, ни за что не хотѣли отказаться отъ лучшей части своей отчины. Соединившись съ Борисомъ Вячеславичемъ, котораго дяди лишили его отчины—Смоленска, отдавъ ее Владиміру Мономаху, Олегъ призвалъ Половецъ, напалъ на Всеволода, разбилъ его на рѣкѣ Сожицѣ и занялъ Черпиговъ. На это событіе и намекаетъ авторъ Слова о Полю Игоревѣ, когда говоритъ: „тѣже звонъ слыша великій Ярославъ сынъ Всеволодъ“. Поправка къ слову Ярославъ излишня. Какъ отъ личнаго существительнаго Wroslaw прилагательное Wroslaw', такъ отъ Jagoslaw—Jaroslaw'—Ярославъ. Ярославль—русская форма, Ярославъ—вятческо-польская. Точно также и слова: „а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ намекъ на историческія событія.

Когда Изяславъ былъ убитъ на Нежатиной нивѣ, и Всеволодъ сдѣлался великимъ княземъ, то онъ отдалъ Черниговъ, только что отнятый у Святославичей, своему сыну Владиміру Мономаху (1078 г.). Но уже въ слѣдующемъ 1079 г. Романъ Тмутараканскій и Олегъ

пытались выгнать Мономаха изъ несправедливо отнятой у нихъ отчины, но не имѣли успѣха, такъ какъ союзники ихъ Половцы, подкупленные золотомъ, покинули ихъ и безъ битвы вернулись во свояси. Мало того, на дорогѣ они убили Романа Краснаго, а Олега заточили въ Царьградъ. Вслѣдствіе того наступило временное затишье. Но лишь только Олегъ получилъ свободу, лишь только обстоятельства сложились въ его пользу—вслѣдствіе смерти Всеволода и разрыва съ Половцами при новомъ великомъ князѣ Святополкѣ II, какъ онъ вновь возобновляетъ свои притязанія на Черниговъ. „Въ томъ же лѣтѣ (6602)“—читаемъ въ начальной лѣтописи—„приде Олегъ съ Половцы изъ Тьмуторокана приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и поже около града и монастырѣ поже; Володимеръ же сотвори миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отенъ Переяславу, а Олегъ въ градъ отца своего“. На эти событія и намекаетъ, не безъ ироніи, авторъ Пѣсни словами: „а Володимеръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“. Авторъ впрочемъ могъ имѣть въ виду и послѣдующія войны Олега съ домомъ Мономаха, во время которыхъ погибъ молодой Изяславъ Владиміровичъ, но мы не указываемъ на нихъ, такъ какъ въ Словѣ сказано „въ Черниговѣ“. Г. Потѣбня находитъ, что чтеніе Всеволожъ вмѣсто Всеволодъ *) представляетъ болѣе крупную поправку, чѣмъ принимаемая имъ перестановка: „а сынъ Всеволожъ Владиміръ“ вмѣсто „сынъ Всеволожъ а Владиміръ“; объ этомъ мы спорить не станемъ. Въ заключеніе мы скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу толкованія словъ: „по вся утра уши закладаше“. Г. Майковъ полагаетъ, что подъ словомъ уши слѣдуетъ понимать калитки по бокамъ воротъ. Мнѣніе это опровергнуто г. Потѣбней. „Для меня“, говоритъ онъ,—„не вѣроятно мнѣніе, что уши означаютъ калитки по бокамъ воротъ, которыя Владиміръ почему-то закладывалъ не на ночь, когда скорѣе возможно печальное нападеніе, а по утрамъ“. Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, мы въ свою очередь находимъ, что г. Потѣбня невѣрно понялъ значеніе словъ „по вся утра“. По его толкованію, это значитъ: „Каждое утро (какъ только проснется)“, а на дѣлѣ это выраженіе равносильно польскому: *po wszystkie dni*.

*) Что касается е. Ярославъ, то мы показали выше, что она не нуждается въ поправкѣ.

Тогда при Ольгѣ Гориславличи сѣяшется и растащеть усобицами.

Тогда при Ольгѣ Гориславличи... Пожарскій, Малашевъ, Максимовичъ, г. Прозоровскій и другіе перевели: „тогда при Ольгѣ Гориславичѣ“. При такомъ чтеніи данное мѣсто лишено всякаго смысла, ибо остается неизвѣстнымъ, что сѣялось и росло усобицами. Грамматикъ полагалъ, что „Гориславличи“ есть твор. пад. мн. числа, и что подъ ними слѣдуетъ понимать потомковъ Рогнѣды—Гореславы, то-есть, князей Полоцкихъ. Это чтеніе принялъ и г. Майковъ. „Гориславной“—говоритъ онъ,—„Рогнѣда“, по словамъ лѣтописи, названа за то, что много горя приняла сама; Олегъ же, какъ утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе Русской землѣ. Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Не возможно сказать, напримѣръ, Іовъ многострадаальный и многострадальный Неропъ. Посему мѣсто это правильнѣе передать такъ: „При томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (то-есть, отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ“.... Но при этомъ толкованіи остается неизвѣстнымъ, что сѣялось и растилось Гориславичами; затѣмъ, что тогда прикажете дѣлать со словомъ „усобицами“? Наконецъ, по справедливому замѣчанію г. Потебни, въ данномъ отрывкѣ рѣчь идетъ объ событіяхъ, связанныхъ съ Олегомъ: съ какой же стати здѣсь князя Полоцкіе?

Г. Потебня исправляетъ: „Тогда при Ольгѣ Святославличи горе сѣяшется и растащеть усобицами: погибашеть жизнь Дажьбожья в'нука“ и т. д. „Предполагаю“—говоритъ онъ—„что авторъ или одинъ изъ первыхъ переписчиковъ сдѣлалъ одну изъ ошибокъ, происходящихъ изъ увлеченія мысли послѣдующими, ошибокъ утрируемыхъ въ потѣшныхъ рѣчахъ на выворотъ, въ родѣ сестрѣвечір добрички! чи не не телятили вы мос; вида? (= добрѣвечір сестрички! чи не видели вы мого теляти). Именно авторъ (или переписчикъ) написалъ істарокротовъ при Ольгѣ Гориславличи сѣяшется вм. при Ольгѣ Святославличи горе сѣяшется“. Но для насъ и эта аргументація не убѣдительна. Прежде всего, если даже посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія г. Потебни, то и тогда мы не можемъ не замѣтить, что аналогія между нашимъ отрывкомъ и приведеннымъ г. Потебней примѣромъ далеко не полная. Въ послѣднемъ всѣ слова сохранены, а получили лишь другія окончанія и рѣзаны въ другомъ порядкѣ; въ нашемъ же отрывкѣ

первая составная часть слова Святославичи, то-есть, Свято — исчезаетъ бесслѣдно. Вовторыхъ, возможное въ разговорномъ языкѣ, когда говорящій шутки ради или же бессознательно коверкаетъ рѣчь, не возможно при передачѣ мыслей на письмѣ. Сдѣлавъ даже ошибку, пишущій имѣетъ возможность ее исправить, и онъ непремѣнно сдѣлаетъ это, если только серьезно относится къ своему дѣлу. По отношенію къ данному мѣсту слѣдуетъ замѣтить и то, что Олегъ ни въ Словѣ, ни въ какомъ другомъ памятникѣ не названъ Гориславичемъ; въ Словѣ же имя его упоминается много разъ, обыкновенно безъ отчества и только въ одномъ мѣстѣ съ отчествомъ, но тамъ онъ названъ Святославичемъ, а не Гориславичемъ. На основаніи этого мы приходимъ къ заключенію, что прозвищемъ „Гореславичъ“ Олегъ обязанъ лишь толкователямъ Слова о Полку Игорева, и что оно въ древности не соединялось съ его именемъ. А въ такомъ случаѣ и авторъ, и переписчикъ Пѣсни не могли не замѣтить своей ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить ее не исправленною. Втретьихъ, подобныхъ примѣровъ увлеченія мысли послѣдующимъ не представляетъ ни Слово о Полку Игоревѣ, ни даже — на сколько намъ извѣстно — вся древне-русская письменность. Еще менѣе основательна догадка г. Потемни, что въ первоначальной рукописи могло стоять: „При Ольгѣ Гориславичи горе сѣяшеться“. Тутъ прежде всего мы должны снова спросить: гдѣ это Олегъ названъ Гориславичемъ? Затѣмъ, прибавимъ къ этому еще и то, что уже давно было замѣчено г. Майковимъ: одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что слово „Гориславичи“ поставлено въ одномъ падежѣ, а „Олегъ“ въ другомъ: Тогда при Ольгѣ Гориславичи. И такъ, поправки г. Потемни, какъ и всѣ выше приведенныя, должны быть отвергнуты. Мы читаемъ это мѣсто такъ: „Тогда, при Ольгѣ, Гориславичи сѣяшася и растяша усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжикъ крамолахъ вѣди челоуѣкомъ съкратишася“ и т. д., то-есть, вмѣсто единств. числа ставимъ множественное. Мѣсто это, по всей вѣроятности, подверглось искаженію подъ перомъ невѣжественнаго переписчика, не понявшаго мысли, выраженной въ нашемъ отрывкѣ. Гореславичи (название для людей безталанныхъ, несчастныхъ) — подлежащее, какъ ниже: жизнь, вѣци; усобицами творит. причинн. Смыслъ даннаго отрывка стало быть такой, что при Олгѣ, вслѣдствіе княжескихъ междоусобій, умножилось число людей несчастныхъ. Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ, что слово „вѣци“ равно-

сильно польскому „wiek“ въ выраженіяхъ подобныхъ слѣдующему: w podeszłym wieku — въ предлонныхъ лѣтахъ..

Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на канину зелену наполому постла, за Обиду Олгову храбра и младя князя.

Въ данномъ отрывкѣ не поддается объясненію слово „канину“. Мусинъ-Пушкинъ „на канину“ перевелъ на конскую. Пожарскій говоритъ, что канина происходитъ отъ шелковичнаго червя, называемаго по польски кани. По польски говорится kania przędza, то-есть, шелковая пряжа, и потому подъ словами „канина зелена наполома“ разумѣется шелковое зеленое покрывало. На это мы замѣтимъ, что въ польскомъ языкѣ нѣтъ слова kani въ томъ значеніи, какое ему приписываетъ Пожарскій; есть только прилагательное kani, ia, ie отъ существительнаго kania (птица) которое конечно къ дѣлу не идетъ. Что касается выраженія: Kania przędza, jedwab' polny, то оно означаетъ тунелдное растеніе, вьющееся по льну (пшмеецкое Flachsseide), а не шелковую пряжу. Грамматинъ и Вельманъ вмѣсто канину читаютъ: конину, первый въ смыслѣ конскую, второй — въ значеніи ковечную, смертную, отъ слова конецъ. Но и эти чтенія не сообщаютъ ясности данному мѣсту, да и слову конина придаются невозможныя значенія. Дубенскій читаетъ: на ткань ину (то-есть, на какую?). Гаттала полагаетъ, что вмѣсто канину слѣдуетъ читать тканьину. Такую поправку можно бы принять, еслибы слово tkanina (ткань) употреблялось въ значеніи ковра. Начальное т могло отпасть, подобно тому, какъ и въ чешскомъ языкѣ оно не слышится въ разговорѣ въ словахъ того же корня. Говорятъ, напримѣръ, kadlec вмѣсто tkadlec (ткать); kanička вмѣсто tkanička (тесемка). Князь Вяземскій читаетъ: „конья, конину, по произношенію велико-русскому—канину“. Максимовичъ того мнѣнія, что „канину“ здѣсь собственное имя рѣки или луга. Чтобы убѣдиться, на сколько подобное толкованіе цѣлесообразно, достаточно сравнить переводъ Максимовича съ подлинникомъ: „и на Канинскій зеленый коверъ она положила храбраго и молодого князя“; то-есть, слава положила на коверъ князя, въ то время, какъ въ подлинникѣ говорится, что слава... наполому постла, а не Бориса Вячеславича. Г. Малашевъ читаетъ „на каялину“ въ виду того, что ниже говорится: „съ той же Каяли“. Но тогда, зачѣмъ онъ читаетъ: на Каялину, а не: на Каялу? Гедеоновъ, въ названномъ выше сочиненіи, по поводу слова канина говоритъ слѣдующее: „Каня, каянхъ—полевой

коршунъ; у Чеховъ—капѣ; у Поляковъ капѣ; капина можетъ быть тѣло обреченное на съѣденіе коршунамъ". Несостоятельность такого толкованія очевидна. Г. Огоновскій поправилъ „на ковылу зелену". По этому поводу г. Потебня замѣчаетъ, что обыкновенный и болѣе характеричный эпитетъ ковыли не „зеленая", а „бѣлая". По мнѣнію г. Верхратскаго, капина значить то же самое, что и греческое κάπνη, Rohr, Schilfgras. Г. Прозоровскій читаетъ „на капину" въ значеніи „на смертную". Вотъ его соображенія: „Въ одной рукописи 1263 г. капищемъ называется тѣло Адама, еще не оживленное дыханіемъ; равнымъ образомъ тамъ же капью названа безжизненная фигура, кумиръ, истуканъ.... Слѣдовательно, въ поэтическомъ смыслѣ капью можно назвать тѣло, трупъ, и потому выраженіе: „на капину" будетъ значить: на смертную". По предположенію г. Потебни можно бы поправить „на конь ину, зелену..." то-есть, „наконецъ, иную (не такую какъ прежде, не обычную, а) зеленую паполому (ему) постыла, то-есть, траву. Какъ казакъ говорить, что въ дорогѣ стелется мені широкій листь та бурковина, такъ Борису слава послала необычную постель на послѣдней дорогѣ". На это мы замѣтимъ, что эпитетъ паполоми, какъ мертвецаго покровъ, не зеленая, а черная; сравн. выраженіе, употребленное ниже: „одѣвахуть мя чрѣпою паполомою". Вторыхъ, въ приведенныхъ г. Потебней словахъ казака рѣчь идетъ не о смерти, какъ въ нашемъ отрывкѣ, а о дорогѣ, во время которой казаку придется почевать подъ открытымъ небомъ, на травѣ—а это не одно и то же. Третьихъ, какой смыслъ заключается въ словахъ: „не такую какъ прежде, необычную, а земную паполому" ему постыла, траву? Чему противопоставляется эта зеленая, необычная паполома? Быть можетъ, паполомѣ скитальца и изгой, какимъ былъ Борисъ Вячеславичъ? Но извѣстно, что положеніе изгой, будь онъ князь или смердъ, было крайне незавидно. Далѣе мы не можемъ ничего необычнаго усмотрѣть въ томъ, что слава на „послѣдней дорогѣ" постыла Борису Вячеславичу траву. Мы не знаемъ, на что долженъ былъ ушатъ сраженный ударомъ врага князь? Итакъ, указанная выше поправка г. Потебни должна быть признана неудачною. Это сознавалъ, по видимому, и самъ г. Потебня, такъ какъ онъ тутъ же (стр. 54) предлагаетъ другую. Въ виду чтенія Малиновскаго: казатину—говорить онъ—можно бы поправить: „на кровать ину; (на) зелену паполому простыла", то-есть, простерла его.

Не смотри на эти крупныя поправки (вмѣсто коницу — кровать ину; предлогъ на прибавленъ, вмѣсто постыла простыла), мы часть сохххх. отд. 2.

все-таки не получаемъ отвѣта, какая была эта не „инная“ кровать, и что хотѣлъ авторъ Слова сказать противопоставленіемъ какихъ-то двухъ кроватей. Находя всѣ эти чтенія и толкованія неудачными, мы въ замѣнъ ихъ предлагаемъ нашу поправку. Чтеніе Малиновскаго казатицу вмѣсто канину свидѣтельствуетъ на нашъ взглядъ, о томъ, что слово это въ рукописи было написано съ титломъ, который первые издатели не сумѣли раскрыть. Принимая его въ расчетъ при чтеніи, они получали слова или совсѣмъ, съ ихъ точки зрѣнія невозможныя, или же не идущія къ дѣлу; поэтому они предпочли оставить букву, стоящую подъ титломъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что начертаніе ея могло быть не вполне яснымъ. Какъ бы то ни было, мы того мнѣнія, что слово канива въ первоначальной рукописи было написано такъ: конѣину = коничину; ср. польское — *koniezuca* = дятлина, дятелина. О громадной роли, какую играла коничина (дятелина) въ пародной и средневѣковой поэзіи, см. въ Нѣмецкомъ словарѣ братьевъ Гриммовъ подъ словомъ *Klee*; а же ограничусь здѣсь лишь приведеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ чешскихъ и словенскихъ (словацкихъ) народныхъ пѣсней, въ которыхъ переходить это слово.¹⁾

Rozsvij se v kvítí metlice,
 Že nejsem panenka více.
 A ten bílý jetelíček
 Že mám na hlavě čepček.

Erben 481, 17.

Pasla husy nade dvorem
 Sama seděla pod javorem.
 Vila věnce olivový,
 A jetelíčkem, a konkoličkem propřítany.

Erben 495, 33.

Tam já pojdem, milý, de haječka
 Tam je pekná zelená trávička.
 Potom pojdem k vašemu včelínu,
 Máte dobrou dřičnu ďatelinu.

Kol. I, 293, 4.

A na mostě tráva roste,
 Tráva ďatelina—
 Budeš moja milá, keď narosteš.

Kol. I, 293.

¹⁾ По чешски *jetel*, *jetelka* (см. *detel*); по слов. *ďatelina*.

Vila věnec ze slziček
A vplítala jeteliček.

Erben 140 № 238.

Nevím, nevím kudy cesta—
Zarostla mi trávou všecka;
Zarostla mi jetelinkou—
Bych nechodil za panenkou.

Erben 151 № 244.

Zarostla nám rozmarinkou,
Samým drobným jetelem—
To nám jistě na znamení
Že my svoji nebudem.

Erben 181 № 337.

Já jsem zabil holubičku
Na tom našem jeteličku.

Erben 479, 15.

Ach pro ten kousek jetele
Mám já opustit přítele.
Ach pro ten jetelový květ
Mám já opustit celý svět.

Erben 480, 17.

Эпитетъ коничины (дятелины)—зеленая.

Jetelka, jetelka tráva zelená.

Въ виду той большой роли, какую играла коничина (русск. дятелина, чеш. jetel, jetelka; слов. ďatlina, нѣм. klee) въ народной поэзии, я нахожу возможнымъ допустить, что и въ Словѣ о Полку Игоревѣ это слово могло быть употреблено, тѣмъ болѣе, что при ничтожной поправкѣ наше мѣсто получаетъ вполне ясный и непринужденный смыслъ. Въмѣсто коничина (=коничина) переписчикъ, не понимая этого слова, въ русскомъ языкѣ не существующаго, легко могъ написать канина или даже просто канина; въ виду чтенія Малиновскаго (казатика) первое кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Такимъ образомъ мы читаемъ: Бориса Вячеславича слава на судъ приведе и на коничину зелену, паполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя. На судъ, то-есть, на поле битвы. Такія выраженія очень обычны въ лѣтописи: „пусть насъ Богъ разсудитъ“ значить—пусть битва рѣшитъ нашъ споръ. Паполома—покровъ который клали на мертвецовъ. Въ Боричей 1282 г.: врыху мрътвеца простирается два паполома. Эпитетъ паполома черная, какъ и ниже—одѣвухуть мя чрною паполомою, а не зеленая какъ до сихъ поръ всѣ читали, стави запятую послѣ слова канину. Сообразно съ этимъ

толкованіемъ данное мѣсто можно приблизительно перевести такъ: Бориса Вячеславича слава привела на поле битвы и на зеленой дятелинѣ послала ему смертный одръ (наполому), за обиду Олега, крабраго и молодого князя.

И такъ, данное мѣсто объяснимо лишь при содѣйствіи польскаго языка. Замѣтимъ при этомъ, что слово коничина существуетъ въ одномъ польскомъ языкѣ: его нѣтъ въ чешскомъ, ни даже въ лужицкихъ нарѣчіяхъ.

Суть бо у васъ желѣзными панорзи подъ шеломи латинскими.

Панорзи г. Тихонравовъ объясняетъ: „верхняя часть брони, которую надѣвали на перси или на грудь“. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ слова; паноротокъ). По поводу этихъ поправокъ и толкованій г. Майковъ замѣчаетъ: „Въ одномъ и другомъ случаѣ предлогъ по возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать подъ шеломомъ нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры подъ шеломомъ; крылья тоже — какъ могутъ быть подъ шеломомъ. Очевидно, что панорзи — какая-нибудь принадлежность шелома: мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь ближе всего удовлетворяетъ смыслу“. Такъ какъ поправка г. Тихонравова принята чуть ли не всѣми издателями и толкователями Слова, то мы посвятимъ ей нѣсколько словъ отъ себя лично. Намъ желательнѣе было бы узнать, находятъ ли г. Тихонравовъ возможнымъ допустить существованіе формы панорзи на ряду съ формою панерси? Если да (въ текстѣ напечатано панорзи), то чѣмъ онъ докажетъ переходъ звуковъ е и с слова перси въ о и з въ сложномъ панорзи? Если же нѣтъ, то въ силу какихъ причинъ переписчикъ болѣе звѣстное и понятное слово панерси замѣнилъ не существующимъ въ языкѣ, да и невозможнымъ съ фонетической точки зрѣнія словомъ панорзи? Г. Потемня, очевидно, сознавая всю несостоятельность вышеприведеннаго чтенія и объясненія, предложилъ читать: прапорьци вмѣсто панорзи; при этомъ онъ указываетъ на польскія слова: *chorągwie*, *prorogse*. Въ польскомъ языкѣ слово *chorągiew* (*gwie*) дѣйствительно употребляется въ значеніи отряда войска, известной численности; но слово *prorogzes*, множ. ч. *prorogse*, въ этомъ значеніи не встрѣчается. Оно значить или то, что русское знамя, или же равносильно русскому слову значеніи. Затѣмъ мы не можемъ допустить столь крупныхъ поправокъ, не по-

старавшись предварительно объяснить все дѣло на основаніи чтенія первыхъ издателей.

На нашъ взглядъ какъ здѣсь, такъ и въ словѣ слава (см. выше), гр. Мусинъ-Пушкинъ букву □ принялъ за п. Слово это въ рукописи было написано такъ: Па□рзи; слѣдовало прочесть паворози, а онъ прочелъ папорзи. Такое написаніе этого слова подтверждается, съ одной стороны, подобнымъ же написаніемъ слова слава (с□а), а съ другой—слѣдующимъ примѣромъ, извлеченнымъ нами изъ выше названнаго труда г. Вычкова: слово пророкъ пишется въ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVIII вѣка постоянно такъ: пррѣкъ. Если прибавить къ этому и то, что слово паворозъ врядъ ли быдо извѣстно гр. Мусину-Пушкину, то его ошибка сдѣлается вполне понятною. Въ лѣтописяхъ, на сколько намъ извѣстно, слово это употреблено всего только одинъ разъ; именно про Мстислава Удалаго сказано, что въ битвѣ подъ Липицами „бѣ у него топоръ съ паворозою на рудѣ“. Паворозъ, павороза ср. польское row róz,—веревка. Желѣзная паворозъ, желѣзные паворози — по всей вѣроятности, сѣтка, сдѣланная изъ проволоки; она прикрѣплялась къ нижней части шлема и закрывала шею вмѣстѣ съ ближайшими частями тѣла. Можетъ быть впрочемъ, что „желѣзными паровозами“ шлемъ прикрѣплялся къ головѣ.

Донѣ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду.

Данное мѣсто, хотя и нельзя отнести къ разряду темныхъ, но на нашъ взглядъ нельзя также сказать, чтобъ оно было объяснено удовлетворительно. Мы имѣемъ въ виду слово „ти“. Одни прямо, другіе косвенно утверждаютъ, что это—дат. падежъ отъ мѣстоименія 2-го лица. По нашему мнѣнію, это не мѣстоименіе, а усилительная частица, которая, согласно законамъ фонетики, является въ польскомъ языкѣ въ формѣ ci (с) Приведемъ нѣсколько примѣровъ для сравненія:

A jak ci ję zabił, tak ci ję pochował
Pod zielonym gaikiem domczek zfundował.
Koźb. Lud. I, 72.

A on ci ję prosi, by go dalej wiodła.
Ibid. 72.

Odprowadziłać go do księtego dwora
Ibid. 72.

Dobrześ ci ty dobrze Mateuszu zrobił.
Ibid. 73.

O idź do dna miła siostró—Idź do dna,
Jużes ci ty z bratem gadać—niegodna.

Ibid. 166.

Mateczkać mię tu—wrzuciła
Radaby panna—oj! była:

Ibid. 166.

Oj nic mi, nic mi, nic ci mi
Ludzie mi główką okryli.

Oj macieć ich pani matko jeszcze dwie.

I ciebiem ci moja córko trzymała.

Oj nie śpię ci, ani czuję

Gdybyś było wprzód gadało
Wyłobys ci mamę miało.

Ibid. 212.

Jeszcze Kasia nie zaszła

Już ci za nią dwa posła. и т. д. и т. д.

Ibid. 189.

Въ значеніи усиительной частицы ти употреблено еще въ слѣдущемъ мѣстѣ: хотъ и тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы. Въ такихъ формахъ какъ: башеть и т. д. ть (польск. с), по всей вѣроятности, тоже усиительная частица.

Ос. Генсіоревскай.

СЛѢДЫ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ ВЪ ВИЗАНТІИ ¹⁾.

III.

Окладной листъ города Лампсака.

Лампсакская писцовая книга, хранящаяся въ государственномъ архивѣ въ Венеціи, еще въ 1856 году была издана византинистомъ Тафелемъ. Но какъ документъ, вводящій въ совершенно темную и нисколько не обследованную область византійскихъ земельныхъ и податныхъ отношеній, она нисколько не выиграла отъ того, что стала извѣстна въ печати, и до сихъ поръ никто не сдѣлалъ даже попытки къ объясненію ея ²⁾. Оно и понятно. Комментарій къ Лампсакской писцовой книгѣ представляетъ массу затрудненій, имѣющихъ источникъ въ спеціальному значеніи памятника и въ техническихъ терминахъ. Ею затрогивается вопросъ о византійскомъ землевладѣніи и податяхъ, который не можетъ быть понятъ на изученіи одного памятника. Разъясненіе ея терминологіи зависитъ отъ успѣха въ пониманіи и объясненіи сродныхъ съ нею памятниковъ. Таковы монастырскіе акты и хризовулы, таковъ въ особенности извѣстный до-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. январскую книжку *Ж. М. Н. Цр.* за текущій годъ.

²⁾ Самъ Тафель ограничился только замѣчаніемъ: *Sunt ista et rerum singularitate et sermonis temperamento insignia... Nos in re satis obscura fidem codicum integram exhibere aequum duximus*, — *Tafel und Thomas, Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, II, p. 208. *Венда*, хотя и обратилъ вниманіе на нашъ памятникъ, но могъ сдѣлать изъ него только то заключеніе, что городъ Лампсакъ былъ не безъ торговыхъ сношеній: *Neud, Geschichte des Levantehandels*. Stuttgart 1879. I, 332.

кладъ Аонискаго митрополита Михаила Агемината. Такъ какъ только въ послѣднее время обращено было вниманіе на изученіе означенныхъ памятниковъ, то и Лампсакской писцовой книгѣ совершенно естественно было ждать своей очереди.

Уже нѣсколько лѣтъ назадъ обративъ на нее свое вниманіе, мы неоднократно пытались вникнуть въ ея смыслъ и хотя отчасти преполюбить ея трудности. Прежде всего текстъ Лампсакской писцовой книги не совсѣмъ исправенъ, въ одномъ мѣстѣ есть пропускъ. Настояла необходимость сличить изданный текстъ съ рукописью, но и сличеніе не привело къ утѣшительнымъ результатамъ, потому что новая копія не восполняетъ пропуска и не устраняетъ затрудненій, относимыхъ нами къ невѣрному чтенію нѣкоторыхъ мѣстъ оригинала ¹⁾. Сообщаемъ самый документъ по изданію Тафеля, отмѣчая подъ чертой разночтенія по рукописи ²⁾.

Anno Domini... inveni in Lapsaco homines 50; reddent pp. (i. e. perperos) LI et kar. VI ³⁾.

Et sunt zeugarati XXI pp. CCVIII, et sunt uoidati LIII pp. CCLII, et sunt actimones XVIII pp. XLVIII ^{1/2} ⁴⁾, aperi XXI pp. XXII ^{1/2}. Summa: pp. DLXXXI et kar. VI.

Item II molinee sunt VII, quos ponimus pp. XXXV. Li saline pp. XXXIV, quae sunt saline XVI. Lusillo ⁵⁾ facto et chersochorio ⁶⁾ pp. XVII. Et tantum fuit positum pro ⁷⁾ practico.

Luvivaro de oleo ⁸⁾ pp. XX. Lugrippovoli ⁹⁾ de Luriasgidio ¹⁰⁾ pp. XXV. Luuathi ¹¹⁾ pp. XIV. La piscaria de Iherusalem pp. IV. Summa: pp. CXLIX.

De CXX plinthis de vineis, quas ¹²⁾ receperunt pro anacapsi pp. VIII annuatim, de quibus habent ipsi annuatim pp. XIV. Et etiam de suprascriptis plinthis ¹³⁾ tenent pros plinthis XXIV super eos pro pp. VI et kar. VI annuatim. Summa: li uigne cum anacapsi secundum rationem per annum et cum redditibus pp. XXXVI et karat. VI ¹⁴⁾.

Le forfacte et iura et iustitiae per annum pp. XXXVI. Li anguelli ¹⁵⁾

¹⁾ За доставленіе намъ копій съ Лампсакскаго документа приносимъ глубокую благодарность г. Чететти, директору Венеціанскаго архива, и М. А. Вилкерь.

²⁾ Текстъ Тафеля изданъ по рукописи Liber Albus fol. 50. Libri Factorum 1.244, 11.259. Наша копія снята съ Pacta, vol. I., carte 157.

³⁾ Въ рукописномъ текстѣ послѣ domini нѣтъ знака пропуску. *homines LX.*

⁴⁾ pp. XLVII j, точно также относительно aperi pp. XXI j.

⁵⁾ lusillo. ⁶⁾ cherso chorio. ⁷⁾ per. ⁸⁾ Lu uivaro de olco. ⁹⁾ Lu grippouoli. ¹⁰⁾ de lumasgidio. ¹¹⁾ Lu uathi. ¹²⁾ qui. ¹³⁾ plinthis. ¹⁴⁾ karati III. ¹⁵⁾ Li agnelli.

CLIV pp. XXX. Lupsuni de lupisce ¹⁾ pp. III. Le galline de lucarlassare ²⁾ pp. IV. Summa: pp. LXXIII. La scala pp. CLX cum faro et cum psuni de carnibus et cum eorum iuribus et disertis ³⁾, que fuerunt date pro practico pp..... Damus nunc pp. CCLXI, uidelicet pro medietate, que fuit ibi (sibi) data ⁴⁾, compositis suis laboribus in hac quantitate et morte.

Et de his ⁵⁾ plents, que nunc sunt uoidate, damus nunc pp. LII, uidelicet pro medietate ⁶⁾, que fuerunt date sibi, computatis suis laboribus in hac quantitate morti. Summa: pp. MCCCXV et kar. VI.

Ludimodeo ⁷⁾ pp. X. Luanauolo ⁸⁾ et Lucatauolo ⁹⁾ et Macricampo et Damaskinea et Cranea et Carea ¹⁰⁾ pp. XXXVI.

Summa inter omnia suprascripta pp. MCCCXXI et kar. VI.

Inuenimus li angarie de uoidati et zengariti ¹¹⁾, quod dixerunt per eorum sacramentum quod dabant in tempore de dominis ¹²⁾ suis pro unoquoque angarias VII. Et manifestauerunt per eorum sacramentum, quod nesciebant angarias de castellis ¹³⁾, quante erant et quantas faciebant. Unde misimus finem cum angariis de zengariti ¹⁴⁾ et de uoidati, quod possunt dare annuatim angarias XLVIII cum salute ¹⁵⁾ uillanorum pro unoquoque uillano pp. IV. Et act/mones pro unoquoque angarias XXIV, que ¹⁶⁾ sunt pro unoquoquo. Que ¹⁷⁾ omnes angarie ¹⁸⁾ valent pp. CCCX.

Summa: tota suprascripta ratio pp. MDCLXXI et kar. VI cum angariis.

Дополненіе къ первому составляеть другой документъ, относящійся также къ описи Лампсака ¹⁹⁾:

Mense Septembris VII indictione.

Scripti ex precepto domini Potestatis et maioris partis sui conscilli, quod ipse dominus Potestas cum maiore parte sui conscilli super litteras domini nostri Ducis, quas ipse dominus miserat ei pro facto terre de Lapsaco inquirendo et ordinando; quam terram tenent viri nobiles G. Quirinus, J. Succugullo et Ja. Quirinus, filius domini P. Quirini.

Talem finem posuerunt, quod ipsi tres viri debent seruire annuatim pro eadem terra amodo inantea pro propriis eiusdem introitus MDCLXX;

¹⁾ Lu psuni de lu pisee. ²⁾ de lu carlassare. ³⁾ iuribus. Et disertis. ⁴⁾ sibi datum. ⁵⁾ Et de illis. ⁶⁾ можно читать mediis. ⁷⁾ Lu dimodeo. ⁸⁾ Lu anauolo. ⁹⁾ lu catauolo. ¹⁰⁾ L. P. 1 Coronea. ¹¹⁾ et zegariti. ¹²⁾ de dominis. ¹³⁾ de castello. ¹⁴⁾ de zengarati. ¹⁵⁾ saltem. ¹⁶⁾ qui. ¹⁷⁾ quas. ¹⁸⁾ angarias.

¹⁹⁾ *Tafel und Thomas*, II, 209.

et ut ipsi utri debeant soluere de debito priorum transacti temporis, quod dare tenentur comuni Venecie pp. aur. pēs. (pensa?) M per talem ordinem: uidelicet abhinc usque ad festum Natiuitatis domini nostri Ihesu Christi pp. CCC. Idem nat. primi venturi. Et ab eodem festo Natiuitatis usque ad Pascha resurrectionis alii pp. aur. pēs. CCC. Et alii remanentes CCCC pp. aur. pēs. ab eodem festo de Pascha inantea, per illum modum et ordinem, per quem uoluerit dominus Constantinopolitanus Potestas per maiorem partem sui concillii.

Приведенные документы имѣютъ неодинаковую важность и значеніе. Второй пока совсѣмъ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, какъ менѣе представляющій трудности и какъ менѣе важный. Онъ представляетъ собою собственно протоколъ о переписи, который свидѣтельствуетъ о слѣдующихъ фактахъ: перепись произведена въ Лампсакѣ вслѣдствіе приказанія, полученнаго подестой константинопольскимъ отъ центрального правительства изъ Венеціи; Лампсакъ пожалованъ въ пронію тремъ благороднымъ Венеціанцамъ, которые обязываются, съ одной стороны, личною военною службой съ пожалованья, съ другой—ежегодно платить республикѣ опредѣленную сумму денегъ; эта подать вносится по частямъ, въ три срока. Вотъ и все.

Но относительно перваго документа не такъ легко быть краткимъ и точнымъ. Это въ одно и то же время и городская, и сельская писцовая книга; въ ней перечисляются подлежащія обложенію статьи, какъ городского, такъ и крестьянскаго хозяйства. Рядомъ съ податною единицей изъ сферы земледѣльческой, встрѣчаются совершенно чуждыя сельскому быту податныя статьи, относящіяся къ администраціи, къ суду, къ торговлѣ и промысламъ, наконецъ къ—внѣшнимъ сношеніямъ. Въ области землевладѣнія находятъ новыя и неизвѣстныя разсмотрѣннымъ рапѣ писцовымъ книгамъ термины, которые очевидно составляютъ характеристическое явленіе эпохи, народа, экономическихъ и социальныхъ отношеній. Уже изъ этого видно, что Лампсакская писцовая книга даетъ богатый содержаніемъ матеріалъ, изученіе котораго должно принести новыя факты въ исторію византийскаго городского и крестьянскаго населенія. Этими двойнымъ характеромъ документа естественно опредѣляется отношеніе къ нему изслѣдователя.

Но независимо отъ того, въ Лампсакской писцовой книгѣ есть и такія стороны, которыя позволяютъ остановиться на ней вниманіемъ съ общей точки зрѣнія. Вопервыхъ, вслѣдъ за каждою статьей, какъ крестьянскаго, такъ и городского быта, которыя объявлялись подле-

жащими обложенію, и перечисленіе которыхъ составляло прямую задачу переписчика, приводится цифра, обозначающая количество подати съ этой статьи. Общій анализъ писцовой книги по предметамъ обложенія и по соответствующимъ каждому предмету монетнымъ единицамъ, кромѣ всего другаго, важенъ для насъ въ смыслѣ провѣрки текста: на цифрахъ легко будетъ убѣдиться, гдѣ нужны исправленія и дополненія. Въ вторыхъ, нельзя думать, что въ нашъ документъ произвольно внесены крестьяне и горожане, и что въ немъ безъ цѣли перемѣшаны статьи городского и сельскаго хозяйства. Объясненіе этому мы найдемъ въ римско-византійскомъ понятіи о городѣ и въ уваженіяхъ на составъ населенія и на занятія жителей города Лампсака, получаемыхъ изъ другихъ источниковъ.

Сумма въ 1671 нперпиръ и 6 каратовъ, составляющая ежегодный налогъ на городъ Лампсакъ, получается со слѣдующихъ податныхъ статей:

50 человекъ городского населенія платять . . .	51	нперп.	6	кар.
21 веагарать (податное крестьянское тягло) . . .	208	"	—	"
52 воцдата (тоже)	251	"	—	"
18 безземельныхъ	48 ^{1/2}	"	—	"
22 бѣдныхъ	22 ^{1/2}	"	—	"
	<hr/>			
Итого	581	"	6	" ¹⁾
Семь мельницъ	35	"	—	"
Шестнадцать соляныхъ варницъ	34	"	—	"
Колокольцы и пастбища	17	"	—	"
Рыбные промыслы	20	"	—	"
Морскія суда рыболовныя	25	"	—	"
Ваен (uathí)	14	"	—	"
Іерусалимская рыбная ловля	4	"	—	"
	<hr/>			
Итого	149	"	—	"
За аренду виноградниковъ	36	"	6	"
Преступленія, права и судъ	36	"	—	"
Подать съ овецъ	30	"	—	"

¹⁾ Итого подтверждаетъ вѣрность Тааелова текста противъ нашей копии: нужно читать nomínea 50, а не 60; въ знакѣ j нужно читать число 1^{1/2}.

Рыбная	3	иперп.	—	кар.
Домашняя птица.	4	"	—	"
Итого	73	¹⁾	"	— "
Пристань съ торговымъ рядомъ	160	"	—	"
Пустоши	2	"	18	"
Общинная земля (зевгаратная)	261	²⁾	"	— "
— — (войдатная).	52	"	—	"
Итого	1315	"	6	"
Торговны сношенія съ разными областями:				
Димотвка	10	"	—	"
Другіе города	36	"	—	"
Сумма всего выписаннаго	1361	"	—	"
Ангарія съ зевгаратовъ, войдатовъ и безземельныхъ	310	"	—	"
Итого всего вышеовначеннаго.	1671	иперп.	6	кар.

Итакъ, провѣрка цифровыхъ данныхъ доставила намъ возможность сдѣлать дополненія и исправленія въ текстѣ. То обстоятельство, что стояція противъ каждой статьи цифры оказываются въ соотвѣтствіи съ общимъ итогомъ, значительно возвышаетъ достоинства Лампсакской писцовой книги; точное же наименованіе подлежащихъ обложенію статей прямо вводитъ изслѣдователя въ податную систему Византійской имперіи.

Что касается вспомогательныхъ средствъ къ ознакомленію съ политической и экономической исторіей Лампсака, съ его населеніемъ и занятіями окрестныхъ жителей, такія средства представляются въ свидѣтельствахъ писателей и путешественниковъ. И прежде всего мы

¹⁾ Но въ эту сумму не внесены 36 иперпировъ, 6 каратовъ — за виноградники. Точно также предпочтительнѣе остановиться на чтеніи 6 каратовъ, а не 3, какъ значится въ рукописи (о виноградникахъ).

²⁾ Здѣсь значительный пропускъ въ текстѣ. Недостаетъ, вопервыхъ, количества обложенія послѣ слова «disertis»; во вторыхъ, наименованія статьи, съ которой идетъ сумма въ 261 иперпиръ. Первое мы восстанавливаемъ просто на основаніи сложенія и вычитанія, вторую — на основаніи контекста. Но дальнѣйшія объясненія будутъ потомъ.

не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько страницъ, посвященныхъ описанію Лампсака въ Письмахъ съ Востока, принадлежащихъ Мишо, извѣстному автору Исторіи крестовыхъ походовъ ¹⁾:

„Я сказалъ вамъ въ прошломъ письмѣ, что мы остановились въ одной изъ кофеенъ Лампсака и съ нетерпѣніемъ ожидали часа обѣда. Но произошло непріятное приключеніе: жители отказались продавать намъ припасы. Г. Пужула пришлось идти къ агѣ, чтобъ устранить это затрудненіе. Лампсакскій ага живетъ въ огромномъ деревянномъ баракѣ, котораго стѣны покрыты голубыми рисунками, изображающими морскіе и береговые виды.. При видѣ нашего паспорта, ага позволилъ оставаться въ Лампсакѣ сколько намъ угодно, обѣдать и ужинать ежедневно, пока хватитъ денегъ. Намъ подали плоды, арбузы, дыни, напомиравшіе намъ о древнихъ садахъ Лампсака. Что же касается до мѣстнаго вина, вы знаете, какъ оно было пѣкогда знаменито: великій государь пожаловалъ Осману Лампсакъ именно за его вино... Вспомнивъ объ этомъ, я полюбопытствовалъ испробовать напитокъ, столь прославленный древними, но увѣряю васъ, онъ слишкомъ измѣнился съ тѣхъ поръ къ худшему.

„Въ Лампсакѣ не было недостатка въ визитахъ, какъ и въ другихъ городахъ. Первыми явились Греки; они очень немногочисленны и едва замѣтны среди населенія Лампсака, представляющаго почти исключительный элементъ. Мы заговорили съ однимъ изъ греческихъ священниковъ про Александра Великаго и про Границъ, но это были неизвѣстныи ему имена. Завели рѣчь о Пріапѣ, сынѣ Вакуса и Цибелы, въ древности обожаемой на этомъ берегу Геллеспонта, но онъ отвѣтилъ, что недавно пріѣхалъ изъ Метилины и потому ни съ кѣмъ незнакомъ съ Лампсакѣ. Здѣшніе Турки показали намъ мѣнѣе привычными къ иностранцамъ, чѣмъ Турки другихъ мѣстъ. Мы могли судить о господствующемъ здѣсь духѣ по крикамъ „гауръ“, раздававшимся при нашемъ появленіи. Мы видѣли, какъ вѣкоторые молодые эфенди возбуждали на улицѣ ропотъ правовѣрныхъ своими новомодными костюмами. Лампсакскіе мусульмане съ упрямымъ фанатизмомъ стоятъ за обычай окручивать голову кускомъ матеріи (чалма); ихъ трудно убѣдить бросить длинную бороду, широкую одежду, шаровары и цѣлый арсеналъ оружія, носимый всегда у пояса..

„Мы хотѣли ознакомиться съ окрестностями Лампсака. Направивъ

¹⁾ *Michaud et Poujoulat, Correspondance d'Orient. Paris 1833, t. II, p. 69.*

ниась изъ города къ юго-востоку, мы увидѣли долину, по которой протекаетъ свѣтлый ручей. Поднимаясь по рѣкѣ, сначала идешь среди живой изгороди, которая такъ высока и густа, что за нею ничего не видно, кромѣ небеснаго свода. Покрываетъ виноградниками и большими орѣховыми деревьями, долина все болѣе и болѣе раздвигается къ сѣверу. На Востокѣ я ни разу еще не видалъ того вишневаго дерева, которое въ Европу перешло изъ Азіи,—я нашелъ его въ Лампсакской долинѣ. Тамъ же я нашелъ рябину, которую народные предразсудки изгнали изъ многихъ провинцій Франціи; повсюду на пути встрѣчались жимолость, дикій шиповникъ и терновникъ съ его черными ягодами. Подлѣ ручья прежде замѣчались развалины, считавшіяся остатками храма Пріапа. Единственный путешественникъ, свидѣтельствующій объ нихъ, г. Кастеланъ, видѣлъ въ 1797 г. еще стоящую колонну и множество другихъ остатковъ, валившихся въ травѣ, полусасыпанныхъ пескомъ или торчавшихъ изъ воды. Большая часть этихъ развалинъ уничтожена; два-три pedestala и вѣскольکو кусковъ мрамора—вотъ все, что осталось.

„Проехавши долину, мы достигли склона холма, на которомъ находится бассейнъ изъ бѣлаго мрамора—остатокъ древности. На возвышенности, покрытой кустарникомъ, разбросана куча писанныхъ камней—мѣсто древней постройки. Далѣе, по направленію къ югу, открывается обширная площадь, покрытая старыми виноградными лозами, среди которыхъ тамъ и сямъ лежатъ развалины; многіе куски мрамора носятъ полустертые слѣды надписей, до смысла которыхъ мы не добрались. Съ высоты этой площади на западѣ открывается видъ на Лампсакъ и оба берега Геллеспонта; на сѣверѣ горизонтъ замыкается мѣловыми холмами, за которыми находится деревня Шардакъ. Я охотно поимѣстывъ бы на этомъ мѣстѣ храмъ Цибели, хотя Страбонъ показываетъ его въ 40 стадіяхъ отъ Лампсака.

„Наша прогулка привела насъ къ берегамъ Геллеспонта. У берега на возвышеніи замѣтно большое количество мрамора, разбросаннаго на землѣ. Это турецкое кладбище, среди котораго проложена дорога. На этомъ печальномъ мѣстѣ не найдешь ни дѣвоты, ни кипарисовъ и никакого вида растительности, составляющей прелесть и украшеніе страны. Мы присѣли на одной изъ могилъ: раздавался только однообразный шумъ моря, заходящее солнце золотило памятники. Цѣлый день мы искали храмовъ и дворцовъ: всѣ эти руины собрались передъ нашими глазами на кладбищѣ.

„Мы вернулись въ Лампсакъ со стороны садовъ. Въ этой части

города стѣны каждаго дома заключаютъ остатки древности, по мѣстныхъ жителей крайне тревожить присутствіе иностранца. Входъ въ мечеть украшенъ четырьмя небольшими колоннами бѣлаго мрамора, зданіе какъ будто построено на развалинахъ крѣпости, и теперь еще замѣтны слѣды толстой стѣны, которая окружала городъ или агрополь. Многіе путешественники убѣждены, что въ Лампсакской мечети хранятся драгоцѣнныя древности; вслѣдствіе этого храмъ ревниво охраняется отъ иностранцевъ. Мусульманское населеніе едва дозволяетъ путешественнику бросить бѣглый взглядъ на все, что имѣетъ видъ руины; даже Греки не осмѣливались сопровождать насъ въ прогулкахъ...

Вернувшись въ кофейню, мы открыли нашу бібліотеку, чтобы узнать что-нибудь о древнемъ Лампсакѣ. Эта бібліотека состоитъ изъ Страбона и нѣсколькихъ новыхъ путешественниковъ, къ которымъ мы обращаемся съ запросами, и которые почти всегда даютъ болѣе обстоятельные отвѣты, чѣмъ туземцы. Путешественники несогласны относительно мѣстоположенія древняго Лампсака. Одни (Castelan и Barbier du Bosage) предполагаютъ, что древній городъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго расположенія деревни Шардакъ. Кастеланъ видѣлъ въ этой деревнѣ, находящейся въ 4 или 5 миляхъ отъ нынѣшняго города, множество колоннъ и особенно остатки малаго или большаго порта, что указываетъ, по его мнѣнію, на древній городъ. Дѣйствительно, теперешній Лампсакъ имѣетъ маленькую бухту для защиты небольшихъ судовъ, между тѣмъ какъ древній городъ славился обширною и удобною гаванью¹⁾. Но не вѣроятно ли также, что Шардакъ былъ прежде слободой Лампсака, и что здѣсь около гавани, остатки которой видны до сихъ поръ, возникъ городъ подобно тому, какъ образовался городъ изъ Пирея, отстоящаго на 4 сличкомъ мили отъ Афинъ?

„Просмотрѣнныя нами книги или даютъ слишкомъ мало интересныхъ извѣстій объ исторіи Лампсака, или сообщаютъ общезвѣстные факты... Я предпочиталъ бы сообщить нѣкоторыя подробности объ эпохѣ, когда въ этомъ городѣ воздвигались алтари богу Пріану, и когда эти алтари были низвергнуты. Древній Лампсакъ обязанъ своею извѣстностью культу бога садовъ, о которомъ говорили много такого, что я считаю преувеличеннымъ. Трудно повѣрить, чтобы ре-

¹⁾ Замѣчаніе совершенно справедливое, ибо еще въ средніе вѣка не разъ урывался въ Лампсакской гавани византийскій военный флотъ.

лигіозное вѣрованіе основывалось на извращеніи нравовъ, и чтобы такая религіозная система нашла распространеніе между людьми. Богу садовъ поклонялись ипогда, какъ покровителю промышленности и мореплаванія, но никогда не чествовали въ немъ божества распутства...¹⁾

Теперь весьма незначительный и полузабитый городокъ, лежащій на азіатскомъ берегу Геллеспонта почти противъ Галлиполя²⁾, Лампсакъ едва ли можетъ остановить на себѣ вниманіе обыкновеннаго путешественника и съ трудомъ найдетъ себѣ мѣсто въ общихъ географическихъ сочиненіяхъ. Тѣмъ болѣе цѣны приписываемъ мы живою картинѣ Лампсакъ 1830 г., набросанной искусною рукой французскаго ученаго. Описаніе окрестностей города, указаніе на плодородную равнину, покрытую виноградниками и фруктовыми садами, весьма вѣроятная въ прежнее время связь города съ деревней Шардакомъ, гдѣ замѣтны слѣды большой морской пристани, все это слишкомъ любопытныя для насъ наблюденія, ибо они позволяютъ дѣлать заключенія къ занятіямъ и образу жизни населенія города въ ту лучшую эпоху его жизни, къ которой относится писцовая книга. По особымъ соображеніямъ, которыя выяснятся ниже, намъ было желательно еще получить нѣкоторыя указанія на этнографическій составъ населенія передней Азии, но этотъ запросъ остался безъ удовлетворительнаго отвѣта. Отмѣтимъ, впрочемъ, небольшую статью

¹⁾ Въ другомъ письмѣ, *ibid.* р. 68, дополняется картина Лампсакъ слѣдующими чертами: «Скоро показались минареты Лампсакъ. Прежде чѣмъ спустить въ городъ, расположенный на возвышеніи, мы перешли маленькую рѣчку, которая приводитъ въ движеніе множество водяныхъ мельницъ. Городъ плохо обстроены, улицы грязныя и немощеныя, большинство домовъ деревянные, мало движенія, тишина кругомъ какъ въ необитаемыхъ мѣстахъ; нѣтъ и признаковъ промышленности, народъ имѣетъ жалкій видъ среди роскошной страны. Такое впечатлѣніе производятъ первый взглядъ на городъ, посвященный прежде празднествамъ любви и веселымъ забавамъ».

²⁾ Путешествіе къ Св. Мѣстамъ *Василія Григоровича Плагъ-Албова*, II, стр. 85: „и плывохомъ узкимъ мысомъ или перешейкомъ, яко сто миль, одесную имуши землю Асію, а ошуюю Европу; равстояніе же устья онаго, нашширшее яко на три мили, наузшее же, яко общюю досягнути ядромъ пушечнымъ посреди плывущій корабль; на оныхъ убо узинахъ стоятъ крѣпости, именуемыя Дардапеллы, стражи ради дневной и ночной... тамо всегда тихое плаваніе есть кромѣ волнъ морскихъ, узкости ради моря и долготы завращаемой различно, на подобіе рѣки; въ той узанѣ одесную на брегъ градъ Лампсакъ, ошуюю же большій градъ Каллиполь, ядѣше нынѣ митрополія есть и много христіанъ“.

Гумала въ Запискахъ Общества землевѣдѣнія въ Берлинѣ, посвященную этнологіи Малой Азіи ¹⁾). По наблюденіямъ этого ученаго, Передняя Малая Азія, то-есть, полоса на западъ отъ воображаемой прямой линіи, проведенной отъ Константинополя къ устью Ксанеа, представляетъ въ настоящее время приблизительно полтора милліона населенія, весьма разнообразнаго по своему происхожденію. Турецкаго или отуреченнаго населенія около 600,000, Грековъ до 400,000 остальное число распредѣляется на другіе этнографическіе элементы, но на всей полосѣ, особенно же въ большихъ городахъ, замѣчается постепенное ослабленіе Турокъ и усиленіе Грековъ ²⁾). Но само собою разумѣется, болѣе точное опредѣленіе этнографическаго состава населенія зависитъ отъ изученія языка, нравовъ и возрѣній—къ чему не сдѣлано и попытокъ.

Остается, однако, еще средство возстановить до пѣкоторой степени политическую, этнографическую и экономическую исторію области, въ которой находится Лампсакъ, на основаніи изученія древнихъ и средневѣковыхъ текстовъ. Лампсакъ пережилъ весьма продолжительную исторію, которая имѣетъ не мало блестящихъ страницъ. Основанный Фокейцами или Милетцами въ VII в., онъ, благодаря своему морскому положенію, важной гавани, производительности страны и обилію виноградныхъ плантацій, скоро развился въ независимое государство, испыталъ борьбу аристократическихъ и демократическихъ принциповъ, волнованныхъ въ VII и VI вв. всѣ греческія государства, и сталъ играть политическую роль въ судьбахъ Греціи, древняя исторія которой не можетъ обходить молчаніемъ Лампсака ³⁾). Уже самыя древнія извѣстія выдають, что рыбные про-

¹⁾ *Huttmann*, Ueber die Ethnologie Klein-Asiens — *Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*, Band VII. 240—254, Berlin 1880.

²⁾ „Die Türken nehmen etwa 600,000, die Jurucken, das Nomadenvolk, die eigentlich Türken, aber auch nicht Türken sind, weil sie keine Moschee, und keinen Imam, aber doch die Beschneidung haben, etwa 300,000 (sie bewohnen mit ihren zahlreichen Heerden die Gebirge), Griechen 400,000, Tschepnai 40,000, Armenier 60,000, Juden 40,000, Katholiken 15,000, Zigeuner, Araber, Bulgaren, Kroaten etc. 10—15,000, Europäer 4—5000 Seelen“. Объ ослабленіи турецкаго элемента см. стр. 245, 247, 251.

³⁾ Извѣстія древнихъ писателей о Лампсакѣ указанны, между прочимъ, у *Forbiger*, *Handbuch der alten Geographie*, Leipzig 1844, II, 130—131. О политической роли Лампсака въ исторіи Греціи можно читать и въ общихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, у *Гюта*, *Kurzgefasstes*.

мысли, винодѣліе и торговля были главнѣйшею статью, которой Лампсакъ обязанъ своимъ благосостояніемъ и экономическимъ ростомъ¹⁾. Последняя же сторона весьма наглядно рисуется въ томъ обстоятельстве, что какъ членъ Делосскаго союза Лампсакъ платилъ въ общую казну 12 талантовъ и въ первые годы Пелопонесской войны, именно въ 88-ю олимпиаду, нѣсколько пониженный окладъ съ Лампсака все же достигалъ значительной цифры въ 10 талантовъ 2700 драхмъ²⁾. Лампсакъ не остался чуждымъ культурнаго движенія, охватившаго греческій міръ. Въ немъ родился и воспитался историкъ Харонъ, перипатетикъ Адимантъ, риторъ Анаксименъ, эпикуреецъ Мятродоръ; самъ философъ Эпикуръ провелъ здѣсь значительное время.

Установленное въ настоящее время на изученіи аттическихъ древностей соотвѣтствіе между понятіями собственно родового характера и относящимися къ политическому устройству терминами

	γένος	φρατρία	φολή
=	οἶκος	κώμη	πόλις
		(δῆμος)	

въ высшей степени упрощаетъ пониманіе происхожденія древнихъ городовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если не только Аттическое государство, то-есть, Афины, образовались посредствомъ синкизма (συνουκισμός) изъ деревенскихъ общинъ, то-есть, комъ или димовъ, а цѣлый рядъ другихъ греческихъ государствъ прошелъ ту же стадію собиранія вокругъ одного центра окрестныхъ поселковъ,—то можетъ быть поставленъ со всею законностію общій вопросъ о комакъ и димахъ, какъ основныхъ элементахъ, изъ которыхъ образовались древніе города³⁾.

¹⁾ Сюда относятся отрывокъ Харона, лампсакскаго уроженца, повѣствующій о томъ, какъ лампсакскіе рыбаки перехитрили соседей Паріанцевъ, когда возникъ споръ между жителями того и другаго города изъ-за границъ—Chaeronis Fragmenta 10, op. Müller, Fragmenta historicorum graecorum 1 p. 34; известіе Фукидида I. 138 δόντος βασιλέως αὐτῶ (то-есть,Themistokley) Μαγνησίαν μὲν ἄρτον, ἣ κρ-σίφερη πενήτηκοντα τάλαντα τοῦ ἐνιαυτοῦ, Λάμψακον δὲ οἶνον, ἔδωκε γὰρ κολλοκονότατον τῶν τότε εἶναι; VI. 59 о родственной связи Иппія съ Лампсакскимъ тираномъ Иппокломъ; Страбона о морской пристани; Плутарха, Themist. XXIX.

²⁾ Kirchoff, Inscriptiones Atticae, I, p. 228.

³⁾ Мы можемъ указать здѣсь только на литературу предмета, не входя въ подробности. За Вахсмютомъ, превосходно одѣлывшемъ древнія известія о происхожденіи Афинъ, показавшимъ элементы, изъ которыхъ сложилось Афинское государство, и высказавшимъ, что синкизмомъ начинается исторія всѣхъ значи-

Такую постановку вопроса находимъ въ сочиненіи Куна (1878 г.), дополняющаго теперь свой прежній трудъ о городахъ ¹⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что Лампсакъ въ смыслѣ греко-римскаго города исконно заключалъ въ себѣ *cives et incolae*, *κοῖται καὶ μέτοικοι* (*πάριχοι*), то-есть, къ нему тянутъ въ политическомъ, административномъ, судебномъ и финансовомъ отношеніи цѣлый округъ. При всей скудости извѣстій о составѣ населенія восточныхъ городовъ въ римскую эпоху, основной типъ ихъ, характеризующійся соединеніемъ въ одно административное цѣлое *κοῖται, γυνεῖοι, μέτοικοι*, стоитъ внѣ сомнѣнія ²⁾. Греко-римскій городъ не знаетъ принципиальнаго раздѣленія городского населенія на городскихъ и сельскихъ жителей: напротивъ, въ понятіи города смѣшивается въ одно органическое цѣлое собственно городское и сельское населеніе ³⁾. Позднѣйшая эпоха имперіи выработала въ этомъ отношеніи различіе между правоспособными къ *шипега* и *нопогес* и неправоспособными; мало по малу право участія въ общественныхъ дѣлахъ ограничено было тѣснымъ кругомъ гражданъ: *ordo decurionum, curia, βουλή*. При Юстиніанѣ и этому порядку нанесенъ былъ ударъ указаніемъ выдающейся роли въ городской администраціи епископу и духовенству ⁴⁾. Отмѣтимъ еще особенность и прямо уже въ приложеніи къ Лампсаку: во время Страбона къ округу этого города относились не только окрестныя комы, но и сосѣдній, также расположенный на Геллеспонтѣ городокъ *Παζός* ⁵⁾.

Вслѣдствіе печальнаго для Грековъ исхода четвертаго Крестоваго похода, для Венеціанской республики открылось свободное поприще дѣятельности по ту и другую сторону Геллеспонта. На европейской сто-

---

тельныхъ городовъ (*Wachsmuth, Die Stadt Athen, Leipzig 1874*), слѣдуютъ: *Gilbert, Die alt-attische Komenverfassung, въ Jahrbücher für classische Philologie, VII Supplementband, Leipzig 1873—75, s. 193—246; Kuhn, Ueber die Entstehung der Städte der alten. Komenverfassung und Synoikesmos. Leipzig 1878.*

¹⁾ Раннѣе его трудъ *Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians* появилась въ Лейпцигѣ въ 1864 г. и остается единственною попыткой общаго сочиненія о римско-греческомъ городовомъ устройствѣ.

²⁾ *Josephus, Antiqu-Jud. XIV, ч. 2—о городѣ Еиренѣ.*

³⁾ *Kuhn, Die städtische und bürgerl. Verfassung, s. 31—33.* Онъ ссылается при этомъ на мѣсто Ульпиана: *Qui ex vico ortus est, eam patriam intelligitur habere, cui reipublicae vicus ille respondet.*

⁴⁾ *Kuhn, 33—34; 249—252.*

⁵⁾ *Strabo XIII, 689, XIV, 635; ср. Kuhn II, 271.*

ропѣ въ Галиноли находимъ въ началѣ XIII в. двухъ служилыхъ людей, на азиатской въ Лампсакѣ трехъ, которые управляли данными имъ областями, по всей вѣроятности, на правахъ пронарскихъ. Лампсакская писповая книга собственно и рисуетъ экономическое положеніе города подъ венеціанскимъ господствомъ. Сохранившася въ одномъ документѣ дата 1219 г., въ другомъ—индиктъ VII взаимно согласны между собою и такимъ образомъ устраняютъ сомнѣнія въ точности хронологіи. Довольно точно извѣстно время, когда Лампсакъ снова возвращенъ былъ къ единенію съ имперіей: его отпалъ у Венеціи Никейскій императоръ Іоаннъ Ватацъ въ 1231 году ¹⁾. Съ этого времени для Лампсака снова наступаетъ довольно свѣтлая эпоха, и въ сочиненіяхъ греческихъ историковъ XIII и XIV вв., имя этого города встрѣчается нерѣдко.

Прежде всего этии извѣстіями подтверждается тотъ фактъ, что Лампсакъ и въ XIII в. отличался тѣми же качествами, какія передаетъ объ немъ древность. Никейскіе императоры оказывали Лампсаку замѣтное предпочтеніе, нерѣдко избирая его для своего мѣстопробыванія на продолжительное время ²⁾. Очевидно, и тогда Лампсакъ не лишентъ былъ тѣхъ преимуществъ, которыя нравились въ немъ Оемистоклу и засвидѣтельствованы путешественникомъ XIX вѣка. Морское положеніе города съ значительною гаванью, и притомъ той гаванью, при которой нинѣ находится деревня Шардакъ, свидѣтельствуется тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ Лампсакомъ собирался иногда военный флотъ Никейскаго императора ³⁾. Наконецъ, во время Византійской имперіи Лампсакъ оставался кафедральнымъ епископскимъ городомъ ⁴⁾.

Но въ особенности нельзя пропустить безъ вниманія двухъ событий, имѣвшихъ мѣсто въ Лампсакѣ въ 1236 году. Никейскій императоръ Іоаннъ Дука Ватацъ искалъ заключить тѣсный союзъ съ Болгарскимъ царемъ Асенемъ II, чтобы при его помощи начать болѣе успѣшную борьбу съ Латинянами. Первые переговоры между обоими

¹⁾ Dandolo ap. *Muratori* XII.

²⁾ *Acropolis*, p. 40, 49, 54, 73.

³⁾ *Ibid.* p. 49—50: μάχις γούν τρήρις οίκονομήσας καί στρατεία συναθροίσας ὅσον εἶχε πρὸς δύναμιν, κατὰ τῆς ἰσοῦρησας, καί περὶ τοῦ τῆς Λαμψάκου ἑλλημενίζει νεώριον; *Gregoras* p. 25 καί διαβάντες εἰς τὴν Ἀσίαν, τὰς μὲν ναῦς ἀπέκταν περὶ Λαμψάκου...; *Ducas* p. 19, 88.

⁴⁾ *Parthey*, *Hieroclis Synecdemus*, *Berolini* 1866, N. 662. 5 и во многихъ мѣстахъ.

государями происходили въ Галлиноли, а окончательно союзъ заключенъ былъ въ Лампсакѣ. Здѣсь происходили торжества помолвки Никейскаго царевича Θεодора съ дочерью Болгарскаго царя Еленой. Сюда же сованъ былъ соборъ греческаго и болгарскаго духовенства, на которомъ Константинопольскій патріархъ Германъ, съ согласія восточныхъ патріарховъ, возвелъ Болгарскаго архіепископа Іоакима въ санъ патріарха. Присутствовавшіе на соборѣ греческіе епископы составили грамоту и „своими сцигилліями печатлевше, вдали царю болгарскому и новопоставленному патріарху въ вѣчное поминаніе неотъемлемо“¹⁾. Такимъ образомъ съ именемъ Лампсака соединяется одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ въ освободительномъ движеніи Славянъ.

Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ поводъ высказать нѣсколько соображеній объ этнографическихъ особенностяхъ области, въ которой находится Лампсакъ. Огромныя движенія народовъ и переселенія изъ Европы въ Азію и на оборотъ, о которыхъ знаетъ средневѣковая исторія, по большей части направлялись не черезъ Востокъ, а черезъ Геллеспонтъ: здѣсь переправляемы были на востокъ особенно опасныя крестоносныя ополченія, здѣсь же впослѣдствіи переправлялись въ Европу Османскіе Турки. Тѣ немногія извѣстія, которыя дошли до насъ о колонизаціи Славянами Малой Азіи въ VII и VIII вв., правда, мало, даютъ данныхъ къ заключеніямъ о пути колонизаціи и о мѣстахъ расположенія Славянъ; но все же безъ особенныхъ затрудненій могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что и Славяне переправляемы были черезъ Геллеспонтъ и получали земли для поселенія въ передней Малой Азіи. Ни одно изъ извѣстій о большихъ поселеніяхъ Славянъ въ Малой Азіи не указываетъ имъ мѣста восточнѣе той линіи, которую мысленно можно провести отъ Константинополя къ устью Ксанова, то-есть, всѣ извѣстія говорятъ за то, что Славяне колонизировали переднюю Малую Азію, численность населенія которой и въ настоящее время не превышаетъ полутора милліоновъ. Въ частности же Абидосъ называется какъ мѣсто переправы, провинція Опискій, Артана какъ мѣсто поселенія. Никто, конечно, не можетъ упрекнуть насъ въ тенденціи, что мы отыски-

¹⁾ *Astropolitas*, p. 54—55; *Gregoras* I p. 29; славянское сказаніе въ *Синодикѣ Бориса—Временика Московскаго общества исторіи и древностей*, кн. 21, стр. 9; *Глубинскій*, *Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей*, стр. 80, 280, *Иречекъ*, *Исторія Волгаръ* (переводъ *Бруна*) стр. 346.

наемъ эти географическія названія въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Мраморнымъ моремъ и Геллеспонтомъ. Если же далѣе примемъ во вниманіе, что подразумеваемая извѣстія касаются славянской колоніи, доставлявшей имперіи до 50 тысячъ войска и доходившей по численному составу до полумилліона, то господствующій этнографическій элементъ для передней Азіи въ средніе вѣка опредѣлится этнически совершенно удовлетворительно ¹⁾. Рядъ другихъ фактовъ, заимствуемыхъ изъ греческихъ текстовъ и относящихся къ XIII в., убѣждаетъ насъ въ политическомъ значеніи славянскаго элемента въ передней Азіи. Никейская имперія и своимъ образованіемъ и продолженіемъ обязана была Болгарскимъ царямъ. Никейскіе императоры, стѣсняемые Турками и крестоносцами, вновь открыли доступъ въ Малую Азію южнымъ Славянамъ, давая имъ для поселенія особенно важныя пункты въ сосѣдствѣ съ Турками и крестоносцами и обявляя ихъ къ защитѣ границъ. О томъ же императорѣ, который любилъ проводить лѣтнее и осеннее время въ Лампсакѣ, говорится, что онъ „переселивъ Скиовъ изъ западныхъ областей, изъ его поколѣній создалъ на востокѣ служебный народъ“, что приглашенная имъ славянская колонія Акритовъ или Граничаръ, освобожденная отъ податей и надѣленная пріями, образовала непреодолимую ограду Ромейской землѣ ²⁾. Сравнивая между собою всѣ эти данныя, изслѣдователь не обинуясь можетъ дѣлать заключенія объ этнографическомъ составѣ Передней Азіи въ средніе вѣка. Весьма можетъ быть, что въ выборѣ Лампсака для собора, на которомъ должны были увѣнчаться самыя честолюбивыя притязанія Болгаръ, царь Асень II руководился столько же благопріятнымъ для обѣихъ сторонъ положеніемъ города, сколько симпатіями мѣстнаго населенія.

Вышеприведенными фактами и соображеніями мы старались освѣ-

¹⁾ Мы не приводимъ здѣсь текстовъ, отсылая читателя къ нашей статьѣ, помѣщенной въ *Журналъ Мин. Нар. Пр.*, февр. мѣ. 1883 г. стр. 317—322. Въ частности объ *Артамъ* въ извѣстіяхъ Θεοφανα и патріарха Никееора—*ἐπὶ τῶν Ἀρτάμων, Ἀρτάμων*: здѣсь нужно понимать или *Artunia lacus* близъ Воруесы, или епископскій городъ *Ἀρταμεία*, по другому чтенію *Ἀρταμεία*, находившіяся въ одной метрополіи съ Лампсакомъ, что можно видѣть у *Parthey*, 20.

²⁾ Имяются въ виду извѣстія Пахимера I, р. 15—17 и Θ. Ласкари, приведенныя въ февр. мѣ. *Ж. М. Н. Пр.* стр. 339—341. Приведенныя тамъ мѣста должны быть дополнены двумя другими: *Constantini De administr. imperio* с. 50, ср. *Гильбердинъ* I, 189, и мѣстомъ изъ акта раздѣленія имперіи, *Tafel und Thomas*, I, 475: *Proutintia Tharsie... cum Scrochoris*.

тить съ равныхъ сторонъ представляемый Лампсакскою писцовою книгою матеріалъ. Это была собственно подготовительная работа къ чтенію документа и къ реальному комментарий, къ которому теперь и переходимъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе формальная сторона и особенности въ редакціи писцовой книги, частію встрѣчающіяся и въ другихъ подобнаго же рода намятникахъ, частію вполне зависящія отъ условій ея происхожденія. Къ первымъ относится обычная формула въ началѣ *inueni in Lapsaco* и не совсѣмъ обычная въ серединѣ *inuenimus li angarie*. Эта формула, прямо указывающая на произведеніе переписи—*актографі*, дана уже въ образцахъ писцовыхъ книгъ, составленныхъ при Карлѣ Великомъ ¹⁾, и составляетъ необходимую принадлежность правильной и вполне сохранившейся писцовой книги. Что въ нашемъ документѣ такая формула приводится два раза, это можетъ объясняться тѣмъ обстоятельствомъ, что перепись Лампсака произведена была не въ одинъ разъ, и что редакція писцовой книги составлена на основаніи двухъ актовъ, двухъ протоколовъ, изъ которыхъ каждый начинался обычною формулою. Зависящія отъ особенныхъ условій отличія заключаются въ слѣдующемъ. Латинскіе завоеватели, чтобъ удержать въ повиновеніи доставшія имъ византійскія области, почти вездѣ гарантировали для мѣстнаго населенія сохраненіе тѣхъ же поземельныхъ и податныхъ отношеній, какія найдены были во время завоеванія. Мы говорили объ этомъ въ статьѣ о пропіи ²⁾ и не считаемъ необходимымъ вновь приводить доказательства. Такимъ образомъ, венеціанскій переписчикъ въ Лампсакѣ долженъ былъ соображаться столько же съ состояніемъ наличныхъ податныхъ связей города, сколько съ тѣми данными, которыя представлялись въ писцовой книгѣ византійской эпохи. Ссылки на порядки византійской податной системы, удержанные подъ венеціанскимъ владычествомъ, неоднократно находятса

¹⁾ *Guérard Polyptique*, II, p. 296—297.

²⁾ „Значеніе византійской и южнославянской пропіи“—въ Сборникѣ статей по славяновѣднію. С.-Петербургъ 1883. На основаніи изданныхъ Саеой документовъ (*Sathas, Documents inédits*, Paris 1880—1882, три тома) является возможность довольно ясно представить систему венеціанскаго управленія и хозяйства въ византійскихъ областяхъ. А какъ эта система обазывается заимствованною у Византіи, то означенные документы должны быть отнесены къ числу столь же важныхъ источниковъ, какъ напримѣръ, акты Миклошича.

въ выраженіяхъ: „et tantum fuit positum pro practico“, „que fuerunt date pro practico“, „quod dabant in tempore de dominis“. Но эти же самыя выраженія даютъ ключъ къ разрѣшенію весьма любопытнаго общаго вопроса: во всѣхъ ли частяхъ соблюдали Венеціанцы свое обѣщаніе, была ли ихъ податная система въ завоеванныхъ областяхъ дѣйствительно продолженіемъ и копіей византійской системы?

Разсмотрѣніе редакціи Ламисакской писцовой книги позволяетъ отвѣчать и на этотъ общій вопросъ. По поводу нѣкоторыхъ оладныхъ статей у переписчика явились сомнѣнія, и онъ, посредствомъ пробѣрки показаній византійскихъ писцовыхъ книгъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, нашелъ возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ увеличить сумму обложенія: такъ поступлено было, напримѣръ, съ виноградными плантаціями. По поводу обложенія ангаріей встрѣтились особенно важныя затрудненія, слѣды которыхъ также сохранились въ редакціи писцовой книги. Потребовалось собрать показанія отъ мѣстныхъ жителей и привести ихъ къ присягѣ, чтобы убѣдиться, что они подъ византійскимъ господствомъ дѣйствительно *nesciebant angarias de castellis*. Тутъ переписчику пришлось также отступить отъ соблюдавшейся доселѣ нормы обложенія (*unde misimus finem cum angaris*) въ пользу венеціанской податной системы. Точно также въ обложеніи общинныхъ вондатныхъ и зеугаратныхъ земель, въ венеціанской писцовой книгѣ допущены были отступленія отъ византійской: „*de his plenīs, que nunc sunt voidate, datus nunc*“ и проч. Вообще же въ редакціи Ламисакской писцовой книги сохранились слѣды борьбы между заявленіями мѣстнаго населенія и требованіями переписчика; словомъ, редакція даетъ основанія заключать, что венеціанское правительство допускало и уклоненія отъ системы византійскихъ податныхъ сборовъ.

Матеріальная часть документа, какъ было сказано, представляетъ рядъ подлежащихъ опредѣленной нормѣ обложенія статей, изъ которыхъ однѣ относятся къ земледѣльческому, то-есть, сельскому быту, другія къ городскому (въ современномъ значеніи слова). Попытаемся дать посылное объясненіе каждому термину въ отдѣльности. И по мѣсту въ документѣ, и по своему значенію главное вниманіе обращаютъ на себя термины, обозначающіе податное тягло, податную землю и подлежащаго денежнымъ и натуральнымъ повинностямъ крестьянина.

Et sunt zeugarati. . . 21 pp. 208

„ „ *voidati*. . . . 52 „ 251

Et sunt actimones . . . 18 pp. 48 $\frac{1}{2}$

„ „ arori. . . . . 22 „ 22 $\frac{1}{2}$

Всѣ болѣе значительныя цифры, за исключеніемъ пристани и рынка, обложеннаго 160 перперами, получаютъ со статей, имѣющихъ отношеніе къ этимъ терминамъ. Такъ воидатныя и зевгаратныя (общинныя) земли приносятъ податей 313 перперовъ; такъ воидатные и зевгаратные крестьяне вмѣстѣ съ actimones вносятъ за ангарію 310 перперовъ. Эти взносы даютъ уже болѣе двухъ третей общей суммы, идущей съ Лампсака. Если же взять еще въ соображеніе мельницы, соляныя варницы, занятіе виноградниками, рыбныя и другіе промыслы, овцеводство—статьи, приносящія около 300 перперовъ и имѣющія болѣе тѣсную связь съ сельскимъ, чѣмъ съ городскимъ бытомъ—то для насъ явится во всей непрерываемой силѣ экономическое и финансовое значеніе терминовъ зевгарать и воидать ¹⁾. Но въ чемъ же состоятъ принципиальное ихъ значеніе и какъ ихъ объяснить?

Съ точки зрѣнія исторіи писцовыхъ книгъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію связь этихъ терминовъ съ податною единицей римской эпохи: iugum, ἰούγον, ζούγον. Изученіе образцовъ и терминологіи римскихъ и средневѣковыхъ западно-европейскихъ писцовыхъ книгъ позволяетъ намъ говорить о терминологіи византийской писцовой книги съ значительною увѣренностью и рѣшительностью, если бы даже не было ни одного другаго образца этого рода византийскихъ памятниковъ, кромѣ Лампсакакой писцовой книги. Когда читаемъ въ 128-й новеллѣ Юстиніана распоряженіе о составленіи примѣрныхъ окладныхъ листовъ съ обозначеніемъ количества подати на каждое iugum, то мы безъ затрудненія возстаповлаемъ какъ процессъ составленія этихъ окладныхъ листовъ, такъ и самую форму ихъ. Ценовая формула Ульпіана и уцѣлѣвшіе образцы писцовыхъ книгъ римской эпохи свидѣтельствуютъ, что матеріальное содержаніе окладнаго листа, между прочимъ, будутъ заключать: опись каждаго хозяйства, пахатной земли, земли подъ виноградникомъ, земли подъ садомъ, домашняго скота и проч. Точно также, когда читаемъ въ Фульдскомъ попятникѣ ²⁾: „In villa Tinninga familiae XXIII et dominicales hubae 50 et Jugera 400, de pratis ad carradas 400,

¹⁾ Означивается, что сельскія статьи приносятъ венеціанскому правительству до 1450, а городскія—до 200 съ небольшимъ перперовъ.

²⁾ *Gibergard Polyptique*, 928.

equi 52, pulli 54, equi indomiti 80, vaccae 58 cum vitulis 60, oves 200, porci 90. Lidi cum hubis suis 28" и проч., или еще нагляднѣе въ политикѣ аббата Ирминона ¹⁾: „sunt mansi ingenuiles XXXI et dimidius, solvunt" и проч., „sunt mansi lidorum, solvunt... sunt mansi serviles—solvunt",—въ томъ и другомъ случаѣ сумма гуфъ и мансовъ представляетъ для насъ весьма опредѣленные конкретныя понятія, то-есть, крестьянскія хозяйства съ дворомъ и усадьбой, съ пахатною землею, съ фруктовыми или виноградными насаждениями, съ лугами, съ необходимымъ въ земледѣліи хозяйственнымъ инвентаремъ, и наконецъ, съ опредѣленными денежными и натуральными повинностями по отношенію къ помѣщику. Такимъ образомъ и суммарныя показанія Лампсакской писцовой книги: 21 зевгарать—208 перперовъ, 52 воядата—251 перперъ разлагаются въ нашемъ сознаніи на 73 крестьянскія хозяйства, общая сумма подати съ которыхъ получается посредствомъ описи cadastra хозяйства въ отдѣльности. Говоря точнѣе, въ началѣ Лампсакскаго документа мы имѣемъ итогъ, образовавшійся изъ переписи крестьянъ, но не имѣемъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составился податной итогъ; выпущено число и имя членовъ семьи, количество пахатной земли, луговъ, домашняго скота, виноградниковъ и садовъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному крестьянину. Тотъ не сохранившійся документъ, изъ котораго въ Лампсакскомъ окладномъ листѣ удѣлялся весьма краткій экстрактъ, заключалъ въ себѣ такую же перепись cadastra зевгарата, воядата, актимона и апора, какую представляетъ, напримѣръ, политика аббата Ирминона въ той части, которая служитъ матеріаломъ для суммарныхъ выводовъ и итоговъ.

Мы не лишены, однако, возможности возстановить формулу византійскихъ писцовыхъ книгъ, и слѣдовательно, до нѣкоторой степени восполнить, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, недостающее въ Лампсакской писцовой книгѣ, не прибѣгая для этого ни къ римскимъ, ни къ западно-европейскимъ образцамъ.

Въ „Актахъ русскаго на св. Аѳонѣ монастыря" находимъ слѣды писцовой книги ²⁾, изъ которыхъ выброшены лишь графы о пахат-

¹⁾ Ibidem II. 148.

²⁾ Акты (изд. Ф. А. Терновскаго), 210. Что дѣло идетъ о писцовой книгѣ, видимъ мы изъ словъ: *περαδεδοχαιμεν... ἀνθρώπους κτηνοὺς παροίκους μετὰ τῶν χωραφίων αὐτῶν, τῶν περιβολίων καὶ τῶν λοιπῶν κτημάτων*, то-есть, съ пахатной землею, съ садами и съ прочими имущественными статьями—οἱ καὶ ἀναγράφοντα: οὕτως.

ной землѣ, о садахъ или виноградникахъ и о перечисленіи домашняго скота. Послѣ указанныхъ сокращеній писцовая книга имѣетъ такой видъ:

Κωνσταντίνος ὁ μπάχας ἔχει γυναικα Καλήν, παιδας δύο Καλήν καὶ Θεοδώραν, βοϊδάτων ὑποστατικόν, τέλος ὑπέρπυρα δύο.

Καρπλάνος ἔχει γυναικα Μαρίαν, θυγατέρα Μαρίαν, ζευγαράτων ὑποστατικόν, τέλος ὑπέρπυρα δύο.

Сравнительно съ Лампсакскимъ документомъ здѣсь имѣемъ одинъ лишній элементъ—перечисленіе членовъ крестьянской семьи, два другіе—квалификація участка и единица обложенія—очевидно какъ самыя важныя части византійской писцовой книги, одинаково находятся въ обоихъ памятникахъ. Въ одной инструкціи Іоанна Дуки Ватаца отъ 1234 г. ¹⁾, касающейся именно произведенія переписи, подведеніе париковъ подъ разрядъ зевгаратныхъ или вондатныхъ рассматривается какъ главная задача переписчика; денежныя и натуральныя повинности опредѣляются соответственно съ тѣмъ, зевгаратомъ или вондатомъ помѣчено крестьянское хозяйство.

Полной византійской писцовой книги до сихъ поръ не найдено на греческомъ языкѣ. Если на основаніи нѣсколькихъ отрывковъ и слѣдовъ писцовыхъ книгъ и можно было дѣлать догадки о значеніи зевгарата и зевгаря, то этимъ догадкамъ недоставало опоры въ текстахъ, въ особенности когда опускался изъ вниманія Лампсакскій документъ. Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками полную византійскаго типа писцовую книгу, дошедшую на славянскомъ языкѣ и вполне восстанавливающую практику, которая наблюдалась при описи отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ этой книгѣ, которую назовемъ Хиландарскимъ практикомъ, и рассмотримъ которой посвятимъ слѣдующую главу, отдѣльныя крестьянскія стаси описываются слѣдующимъ образомъ:

„Куманъ сынъ Іоанна апостата имать Θεодору, братію Θεодора и Димитра, зевгарь, и говѣдъ трѣ, овецъ 20, свиней 10, лозіе шестимъ кобломъ (кбломъ) и земле 100 кобломъ, дань 3 перпера.

„Коста братъ Николе акритина има Пепанію, сына Яна, дщерь Калію, зевгарь, 4 говѣда, лозіе коблу и полъ, земле 50 кобломъ, дань 2 перпера.

¹⁾ Miklosich, Acta IV. p. 182; καὶ ἀναγραφῆς τούτους (париковъ) καὶ ἀποκαταστήσεως ἕκαστων τῶν παροίκων ἢ ζευγαρικῆν ἢ βοϊδατικῆν... καὶ ἀποκαταστήσεως αὐτοῦς δίδοναι τὰ ἀναλογοῦν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοϊδίτῳ παροικίων τέλος καὶ δουλείαν αὐτοῦ.

„Георгіе Македонъ сынъ Θεοκωνστωβ има Станъ, съ сыновн: Кость и Яна и Θεοдора, свипъ 4, ловіе кобломъ 3, данъ перперу“.

Въ приложеніи къ Лампсавскому документу приведенные тексты позволяютъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: подъ зевгаратами и вондатами разумѣются крестьянскія хозяйства, иначе стаси ¹⁾, въ составъ которыхъ входятъ дворъ и усадьба, пахатная земля, виноградники или фруктовые сады и разныя принадлежности хозяйства, напримѣръ, рабочій и домашній скоть. Принимая въ соображеніе, что 21 зевгаратъ обложенъ податю въ 208 перперовъ, мы получимъ для каждаго хозяйства, записаннаго зевгаратнымъ, среднюю цифру 9 перперовъ $21\frac{1}{7}$ карата; для вондатныхъ хозяйствъ средняя цифра обложенія 4 перпера $19\frac{11}{13}$ карата, для актионовъ по 2 перпера $16\frac{1}{2}$ карата, наконецъ, подать съ апоровъ по 1 перперу. Такимъ образомъ первый классъ платитъ вдвое больше чѣмъ второй, второй вдвое больше чѣмъ третій, и т. д. Въ этомъ у насъ пока единственное основаніе къ сужденію о томъ, въ чемъ заключается разница между зевгаратомъ и вондатомъ.

Оказывается, что византійская податная система образовала два рода податныхъ единицъ, и что, слѣдовательно, византійское землевладѣніе представляетъ въ себѣ не извѣстную римской эпохѣ особенность. Опредѣлить, въ чемъ различіе между зевгаратомъ и вондатомъ, значитъ доискаться до принципиальныхъ основъ, вліявшихъ на формацию византійскаго землевладѣнія и обусловившихъ гражданское устройство имперіи. Это—вопросъ, слѣдовательно, первостепенной важности, и мы тѣмъ менѣе имѣемъ притязаній на удовлетворительное его рѣшеніе, что находящіеся матеріалы, давая опредѣленные указанія на существо зевгарата, оставляютъ насъ совсѣмъ въ потемкахъ по отношенію къ вондату ²⁾. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся оставить открытымъ вопросъ о различіи между зевгаратомъ и вондатомъ.

¹⁾ Таково общее названіе крестьянскаго хозяйства. Особенно часто встрѣчаемъ этотъ терминъ въ матеріалахъ, изданныхъ Бушономъ: *Вислон, Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée, Paris 1843, vol. II, partie 1, p. 55—98*, къ которымъ ниже будемъ имѣть случай обращаться. О прямомъ значеніи стаси (στάσις—statio) см. *Guerard, Polyptique II, 384: et de ipsis terris ubi non est statio hominum, si aliquis consuetudinarius volens ipsas terras operari, operetur—et reddat de consuetudinem mensurate secundum quod habuerit de terra...*

²⁾ Въ Хиландарской писцовой книгѣ о вондатахъ изтъ и помину, между тѣмъ какъ значеніе зевгарата въ ней вымисляется, но нашему извѣстію, окончательное.

На первый взглядъ различіе византійскихъ податныхъ единицъ могло бы быть объясняемо тѣми же обстоятельствами, которыя на западѣ, съ одной стороны образовали различіе между доманіальною или сеніоріальною землею и зависимою или служебною, съ другой же—подвели эту послѣднюю подъ три состоянія зависимости: *mansus ingenuilis, lidilis, serவில்*. Но дальше одного шага на этомъ пути нельзя сдѣлать. На сколько рѣзко въ западно-европейскихъ писцовыхъ книгахъ представлена коренная противоположность между сеніоріальною и служебною землею, столько же рельефно въ византійской писцовой книгѣ выдѣляется находящаяся въ частномъ владѣніи и въ общемъ пользованіи земля. Далѣе, принципы, на основаніи которыхъ проведено различіе въ квалификаціи западныхъ мансовъ или гуфъ, противоположны тѣмъ, которые дѣлаютъ различіе между зевгаратомъ и вондатомъ; ибо никому же не придетъ въ голову утверждать, что съ *mansus ingenuilis* шло вдвое больше подати, чѣмъ съ *serவில்*,—между тѣмъ относительно зевгарата и вондата въ этомъ состоитъ одинъ изъ главныхъ признаковъ различія. Словомъ, сходства и различія зевгарата и вондата не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія западно-европейской системы землевладѣнія. Приходится, во что бы то ни стало, держаться римско-византійскихъ источниковъ.

Въ первой главѣ, слѣдя за развитіемъ терминологіи писцовыхъ книгъ, мы показали, что на Востокѣ къ началу V вѣка латинскій терминъ *ingum* замѣняется греческимъ *ζουόν* и *ζεῦος*. Между прочимъ обращено было вниманіе на извѣстіе епископа Кирры Теодорита, жившаго въ первой половинѣ V вѣка, изъ котораго видно, что въ его время городской округъ Кирры раздѣленъ былъ на 60.000 участковъ, изъ нихъ 50.000 названы *ἐλεύθερα ζυγά* и 10.000 *ταμακά ζυγά*¹⁾. Выводимъ отсюда самое необходимое и прямое заключеніе: только 1/6 городской земли представляла собою *terra vestitam*, то-есть, культурную и занятую крестьянскимъ населеніемъ, обложеннымъ податями, землю, остальные же 5/6 частей составляли—продолжаемъ взятос изъ западно-европейской системы землевладѣнія сравненіе—*terra absam*, то-есть, или заброшенную иррригами въ другое мѣсто переселившимся населеніемъ или же вообще неспособную къ культурѣ землю. Этотъ экономическій принципъ и далъ происхожденіе двумъ терми-

¹⁾ *Marquardt, Römische Staatsverwaltung II, 220, примѣч. 2.*

наше: ταραχὰ ζουά, εὐλόβηρα ζουά. Въ исторіи изучаемыхъ нами терминовъ нельзя дагѣе пренебрегать и тѣмъ испорченнымъ словомъ, которое встрѣчается въ новеллахъ Юстиніана (οὐβίονъ съ поправкой οὐβίον). Не появился же терминъ βοίδιον — βοιδάτωνъ въ первый разъ въ XIII вѣкѣ: такъ нельзя думать уже и потому, что вообще терминологія писцовыхъ книгъ отличается устойчивостью, и замѣчаемыя въ ней измѣненія служатъ признакомъ переворота въ землевладѣніи, въ податной системѣ и въ социальномъ строѣ. А къ какой же эпохѣ съ большимъ правомъ историкъ можетъ относить первыя слѣдствія испытаннаго восточной имперіей этнографическаго переворота, какъ не къ эпохѣ Юстиніана? За нашу догадку—искать въ испорченномъ словѣ новую податную единицу говорятъ внутренняя вѣроятность и аналогія.

Между памятниками византійскаго періода самый значительный текстъ о вондатахъ находится въ инструкціи Іоанна Дуки Ватаца, данной Ковстантину Ласкарю¹⁾: „Царство мое повелѣваетъ тебѣ отправиться въ волость Милу честной обителю Лембиотиссы и обривизовать тамъ пришлыхъ париковъ²⁾, слѣвать у нихъ перепись, и записать каждаго парика или на зевгарать, или на вондаты, смотря по средствамъ и силѣ каждаго³⁾ и обложить ихъ причитающемся съ зевгарата и вондата париковою податью и службой, дабы вносили также то іχородо-παράσπορον⁴⁾ какъ при Влаттерѣ и игуменѣ Герасимѣ Опсикіанѣ, и не дѣлалъ бы каждый крестьянинъ, какъ ему вздумается. Поелику же Ми-

¹⁾ Miklosich, Acta IV, 182.

²⁾ καὶ ἀναβαρῆσθαι τοὺς ἐκτὸς προσηθημένους παροίκους. Масса документовъ, относящихся къ церковному землевладѣнію, свидѣтельствуетъ о крайней подвижности крестьянъ въ Византіи, по видимоу пользовавшихся правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Почти все хривовулы въ пользу монастырей содержатъ въ себѣ статью, гарантирующую церкви право κτήσασθαι или προσηθεῖσθαι ζῆνος καὶ τῶ δημοσίῳ ἀνεκτιμώμετος то-есть, принятыя людей и чужаковъ. Цитата можно привести безъ числа: Терновскій, Акты 210; Флоринскій, 78, 86, 103; Miklosich III, 174; IV, 427, 177, 145. Вообще важнѣйшая задача переписчика заключалась въ опредѣленіи числа пришедшихъ со стороны и ушедшихъ съ владѣльческой земли крестьянъ. Προσηθημένοι παροικοί, προσηθημένοι ζῆνοι καὶ τῶ δημοσίῳ ἀνεκτιμώμετος, ἐξηλετημένα στασίς — немилые или запустѣвшіе дворы также обыкновенны въ византійской писцовой книгѣ, какъ и въ русской.

³⁾ καὶ ὁτοχάτοσθης ἕκαστον τῶν παροίκων ἢ ζευγαρικὴν ἢ βοιδάτικὴν κατὰ τὴν ἕκαστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν.

⁴⁾ Объясненіе этому слову дадимъ въ IV главѣ. См. у г. Василевскаго, Ж. М. Н. Пр. августъ 1879 г., стр. 369.

ханлъ Гунаропулъ ¹⁾ имѣлъ прежде въ Милѣ участокъ въ три вондата ²⁾ и согласно его желанію отдѣлена часть въ одинъ вондатъ во владѣніе Влаттеру, а послѣ того держала ее обитель и держитъ до сего дня, нынѣ же вышеозначенный Гунаропулъ пытается передать ее другому лицу, то царство мое повелѣваетъ тебѣ: если Гунаропулъ пожелаетъ держать (то-есть, самъ) эту вондатную емлю ³⁾, запиши ее за нимъ и обложи его пользу обители причитающеюся за этотъ вондатъ податью и прочими париковыми повинностями; если же Гунаропулъ не можетъ держать ее, то запиши этотъ вондатный участокъ за обителью, дабы она держала его безпрекословно, и не допускай Гунаропула передать его родственникамъ. Если по произведеніи переписи и по разверсткѣ земли (очевидно имѣется въ виду новая разверстка между пришлецами и чужаками) окажется еще въ остаткѣ свободная земля, запиши ее за обителью, дабы она владѣла таковою". Въ четвертомъ томѣ сборника актовъ Милешича находится обширный запасъ матеріаловъ, касающихся земельныхъ владѣній монастыря Лемво и въ частности селенія Милы. На основаніи этихъ матеріаловъ есть возможность разъяснить довольно многое изъ того, что въ приведенномъ документѣ не совсѣмъ ясно. И прежде всего въ высшей степени любопытно, что Гунаропулы, Влаттеры, Равдоконаки и Констомары — это дворянскія фамиліи и довольно важныя: нѣкоторые члены носятъ титулъ вестіарита. Цѣлѣю столѣтія одинъ родъ передаетъ другому какъ бы въ наслѣдство борьбу изъ-за поземельной собственности съ монастыремъ Лемво, и въ концѣ концовъ эта тяжба разорила дворянъ. Селеніе Вари или Мила сперва находилось въ свѣтскомъ владѣніи и по видимому составляло родовую собственность Влаттеровъ, потому что передавалось въ приданое и переходило по женской линіи отъ Влаттеровъ къ Равдоконаки и Гунаропуламъ, отъ послѣднихъ къ Констомарамъ. Но переходило изъ поколѣній въ поколѣнія въ уменьшенномъ видѣ и съ правомъ тяжбы съ монастыремъ, которая почти никогда не рѣшалась въ пользу помѣщиковъ. Это обстоятельство рисуетъ съ особенной стороны указанія, находимыя въ инструкціи Іоанна Дуки Ватаца. Если ограничиваться заключающимися въ ней данными,

¹⁾ О немъ и его отношеніяхъ къ Милѣ см. *Miklosich IV*, 199.

²⁾ εἴς τε πρῶην ἀπὸ τῆς γῆς τῶν Μήλων γῆν βοϊβατικῶν τριῶν.

³⁾ ὡς ἂν εἴπερ θελήσῃ ὁ τοιοῦτος Γουναρόπουλος κατέχειν τὴν τοιαύτην βοϊβατικὴν γῆν... и ниже ὑπὲρ τοῦ τοιοῦτου βοϊβατικῆς.

то Влаттеры и Гунаропулы явятся передъ нами въ качествѣ париковъ. На дѣлѣ же это не такъ. Они и тогда были хотя закудавшими, но все же дворянами-помѣщиками. Владѣющій землей въ три вондата не продаетъ, а отдаетъ одинъ вондаты своему родственнику. На какихъ же условіяхъ? На условіяхъ парикін. Любопытно то, что здѣсь мы имѣемъ указаніе на фактъ держанія земли благороднымъ отъ благороднаго, то-есть, зародышъ вассальныхъ отношеній на системѣ землевладѣнія.

Далѣе, нѣкоторые изъ членовъ этихъ фамилій владѣли прониіей въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ была родовая собственность ихъ ¹⁾, что видно изъ слѣдующаго тяжёбнаго дѣла: Вестіарнтъ Іоаннъ Равдононаки подалъ искъ о восстановленіи правъ на землю въ волости Вари, которая была передана монастырю Лемво. Въ жалобѣ его высказано между прочимъ, что онъ получилъ спорную землю въ приданое за дочерью Влаттера, а къ этому послѣдней земля перешла по акту кулли у Гунаропуловъ ²⁾, притомъ же она стояла къ нему въ отношеніяхъ паричской земли. Съ другой же стороны, обитель поддерживала фактическое право владѣнія слѣдующимъ встрѣчнымъ искомъ: спорный участокъ находится въ границахъ владѣній селенія Милы, которое передано монастырю по царскому хривовулу, слѣдовательно, продажа его недѣйствительна и незаконна, какъ продажа земли зависимой паричской ³⁾. Тогдашнее правовое воззрѣніе склонялось, по видимому, въ пользу претензій монастыря, хотя не исключительно на основаніи царскаго дара. Судья сдѣлалъ такое опредѣленіе по выслушаніи сторонъ и свидѣтельскихъ показаній: Гунаропулы не имѣли права продавать эту землю, какъ находящуюся въ паричской зависимости, а зависимые ⁴⁾ не должны продавать держимую ими землю тѣмъ, которые владѣютъ ею въ качествѣ прониі. Это дѣло открываетъ намъ, что часть земли селенія Милы составляла паричскія стаси,

¹⁾ Miklosich, IV, 199—200.

²⁾ ἐξ ἀγορασίας ἀπὸ τῶν ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Μήλων Γουναροκούλων. А что они были въ родствѣ съ Влаттерами, это свидѣлствуютъ документы Миклошича, р. 186, 217.

³⁾ Нигдѣ такъ рельефно не выставлена противоположность двухъ родовъ парикін, какъ здѣсь. Гунаропулы по отношенію къ Влаттеру ὄχι παροικίαν τελούσιν αὐτῶν, и по отношенію къ монастырю земля ὄχι παροικίαν τελεί.

⁴⁾ καὶ μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖς πικράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα δαίποτε τελούσιντα.

другая часть—казенную землю. Эта послѣдняя раздаваема была правительствомъ въ проноію. Гунаропуды по отношенію къ Влаттерамъ были подвассалами. Въ проноію земли давались съ обязательствомъ военной службы, слѣдовательно, пронаіарская земля есть военный участокъ.

Не будемъ обманываться; кромѣ Лампсакскаго документа ¹⁾, о вондатахъ до сихъ поръ нѣтъ одно только прямое свидѣтельство въ актахъ Миклошича, но и само оно требуетъ разностороннихъ розысканій и можетъ быть толкуемо неодинаково. Если, не смотря на то, мы взяли за разъясненіе вондата, то скорѣе дѣлаемъ это по требованію научнаго любопытства, чѣмъ въ твердой увѣренности разрѣшить поставленную задачу. Не прямое указаніе на вондатовъ находимъ въ договорѣ Доминика Дельфино дуки Крита съ Б. Севастомъ и Θ. Мелассиномъ, отъ 1219 г., ²⁾, въ которомъ затронутъ нѣсколько иными словами поземельный и податной вопросъ:

Constituimus etiam, quod vilani debeant reddere constitutum relictum dominis suis, scilicet de toto, quod seminauerint, de pecoribus, de castra, de porcis quintum; et qui de agrostico (acrocticho) habuerit par bonum (при чемъ по рукописи исправлено bonum), uregregum unum; et pro uno quoque scapetario medium uregregum unum erigana per ebdomada.

Первая половина приведеннаго здѣсь мѣста обуславливаетъ право помѣщика получать съ крестьянъ пятую часть отъ посѣвовъ, отъ скота, отъ дачи и отъ свиней, и не нуждается въ объясненіи. Вторая же весьма темна, и именно по своей передѣланной на латинскій языкъ или просто испорченной терминологіи. Что касается до agrostico, это греческіе Ἀγροστῖχος. Слово это употребляется въ двойномъ значеніи: окладной листъ и поземельная подать. Въ первомъ значеніи часто употребляется оно въ простой формѣ οτῖχος, писцовая книга, почему правильны выраженія οτῖχος δημόσιος, οτῖχος τῆμονῆς, ἡμέτερος οτῖχος (отдѣльнаго крестьянина). Но точно также не необычна и полная форма для того и другаго значенія: προσθημεῖα τοῦτο τοῖς ἡμέτερος; ἀγροστῖχος, или холобоῦται τὸ ἐγνησμένον ἀγροστῖχον, или ἀγροστῖχὰ τελέσματα. ³⁾ Въ нашемъ документѣ agrostico означаетъ

¹⁾ И писцовой книги въ Актахъ Терновскаго, стр. 210.

²⁾ *Tafel und Thomas*, II, 210—212.

³⁾ *Zacharias* I, 161; *Miklosich* IV, 63, 141, 392; *Michael Acominatus apud Darricos*, II, 75, 107; *Miklosich* IV, 348 и мн. другія; срами. въ новомъ изданіи *Sathas Documenta* I, 286.

не писцовую книгу, а поземельную подать, согласно съ чѣмъ должны объясняться и слѣдующія слова. Такъ какъ поземельная подать распределяется по податнымъ земельнымъ единицамъ, то въ дальнѣйшихъ словахъ слѣдуетъ видѣть латинизированную форму извѣстныхъ намъ греческихъ терминовъ.

Латинское выраженіе: *qui habuerit rag boum*—не хуже того, который доселѣ объясняется и у насъ греческій терминъ ζεῦρος—зевгарать въ смыслѣ участка, обрабатываемаго парой воловъ. Но такое объясненіе запутываетъ дѣло. *Rag boum* есть переводъ ζεῦρος, и переводъ правильный, хотя онъ не объясняетъ технического термина, подобно тому, какъ русское выраженіе „соха“ правильно можетъ быть переведено латинскимъ словомъ *aratrum*, но отъ послѣдняго не придетъ къ выясненію сошного плуга и другихъ выраженій. Смыслъ мѣста такой: „а поземельной подати—кто запишетъ на зевгаратѣ платитъ одинъ перперъ“; слѣдовательно,

ζεῦρος = *rag boum*

ζεωγαράτων = *agrum duorum bouum (boum) eratum* ¹⁾

Объясненіе остающихся словъ встрѣчаетъ важныя затрудненія. Въ выраженіи *pro uno quoque scapetario medium uregregum* нѣтъ никакого намека на другую византийскую податную единицу—βοιδάτων или βοιδών, а между тѣмъ ни что другое не можетъ подразумеваться въ этихъ словахъ. По связи и по смыслу тутъ разумѣется второй податной классъ, обложенный вдвое менѣе противъ перваго, и даже въ дальнѣйшихъ словахъ—одна ангарія въ недѣлю—продолжается содержаніе писцовой книги. *Scopetarius, scopetus* въ словарѣ Дюканжа объяснено такъ: *miles scopeto armatus* (первое) *turmentum bellicum manuale* (второе). Появленіе военного элемента на томъ мѣстѣ, гдѣ ожидалась только воловьѣ земля, по меньшей мѣрѣ возбуждаетъ недоразумѣніе. Но такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ переводомъ технического термина, то позволительно сначала вдуматься въ процессъ, который могъ привести переводчика къ передачѣ несопѣнно извѣстнаго намъ слова своимъ выраженіемъ, указывающимъ на вооруженнаго лукомъ или пращою воина. Единственное по нашему мнѣнію, объясненіе этого процесса заключается въ томъ, что въ сознаніи составителя латинскаго акта βοιδάτων и βοιδάτην была не воловьѣю землей, а дѣйствительно воидатною, то-есть,

¹⁾ Такъ въ другомъ мѣстѣ (*Tafel und Thomas II, 147*) переведенъ этотъ терминъ.

военноподатною, иначе говоря—латинскій терминъ есть переводъ не греческаго, а славянскаго слова ¹⁾).

Стоять ли, однако, въ связи съ этимъ выводомъ выше приведенныя мѣста? Съ V вѣка мы видимъ огромную массу земель, не обложенныхъ податю, очевидно за недостаткомъ населенія и рабочихъ рукъ. Малонаселенность восточныхъ областей имперіи вызвала въ огромныхъ размѣрахъ славянскую колонизацію, которая идетъ послѣдовательно черезъ весь періодъ Византійской имперіи. Однимъ изъ главныхъ условій поселенія была военная служба, ради правильнаго отбыванія которой колонисты получили льготы относительно податей и повинностей; включенные въ составъ имперіи, они однако оставались *λαοὶ περὶ οὐκ*, сохранили общинное устройство, самосудъ, свое общинное право, свою систему землевладѣнія, вслѣдствіе чего борьба римскаго государственнаго начала съ чуждыми ему воззрѣніями, внесенными колонистами, составляетъ характеристическую черту исторіи Византіи. При Юстиніанѣ замѣчается первый слѣдъ новаго этнографическаго элемента въ писцовой книгѣ. Военноподатная земля или военные участки входятъ въ писцовыя книги на ряду съ казенною тягловою землею, какъ вторая податная единица. И такъ, появленіе воидатной земли объясняется экономическими потребностями Византійскаго государства, стремившагося утилизировать обширныя незанятныя земли.

Организація и судьбы воидата въ имперіи, конечно, не могутъ быть вполне понятны на основаніи отрывковъ изъ писцовыхъ книгъ. Безъ сомнѣнія, были неоднократныя попытки уничтожить различія и лишить воидатъ привилегированнаго положенія, и такія попытки замѣчаются на изученіи юридическихъ памятниковъ. Если находимъ, что воидаты и зевгараты облагаются одинаковою поземельною податю, не можемъ въ этомъ не видѣть нарушенія правъ воидата, хотя для точныхъ выводовъ на этотъ счетъ недостаетъ самыхъ необходимыхъ указаній: былъ ли организованъ воидатъ по аналогіи съ зевгаратомъ. То обстоятельство, что воидатная земля въ XIII в. находится въ отношеніяхъ зависимости отъ прониара, какъ это вид-

¹⁾ Выводъ, конечно, слишкомъ неожиданный. Но развѣ на первыхъ порахъ не могъ представляться несвѣроятнымъ выводъ того перваго ученаго, который увидѣлъ въ *βοιδάβα*: Θεοσεάνα (Соргопузіа. 24) или въ *βοιδάβα*: Κωνσταντίνα (De adm. imperio с. 34) болгарскихъ бояръ, а не *machinas bellicas*, какъ думалъ Меурсіѣ?

но изъ исторіи движенія земельной собственности въ селеніи Милѣ, съ одной стороны, подтверждаетъ ранѣе высказанныя нами соображенія объ условіяхъ, при которыхъ развивалась пропія, съ другой— само можетъ служить доказательствомъ славянства вондата. А потому и латинскій терминъ *scarpagius* вполне укладывается въ ту обстановку, которая создается для него нашими объясненіями.

Вондаты выдаетъ свою славянскую фізіономію еще съ другой стороны, и что особенно важно — въ самой Ламисакской писцовой книгѣ. Кроиѣ земли усадебной и пахатной, которая подразумѣвается въ сокращенной терминологіи: *et sunt zeugagati 21* и проч., Ламисакскій земледѣльческій міръ владѣетъ еще правомъ на общинную землю. Имѣемъ въ виду нѣсколько испорченныхъ статьи нашего документа, начинающіяся словами: *de his plenis*. Собственно рѣчь тутъ идетъ о трехъ статьяхъ, такъ какъ въ наличности существуютъ три цифры обложенія, которыми и вызывается дополненіе и исправленіе въ текстѣ.

...cum eorum iuribus et disertis, que fuerunt date pro practico pp....
Damus nunc pp. 261 и проч. Легко видѣть, что трудно соединить слова *iuribus et disertis*; поэтому должно быть отдано предпочтеніе списку, въ которомъ послѣ *iuribus* поставлена точка. Въ *disertis* необходима легкая поправка — *desertis*. Это слово означаетъ пустошь, заброшенную землю, ἀκολεφθαίσα или ἐξάλασματιχὴ στάσις, *ager desertus a plebe atque cultura*; *desertum* — не обработанная земля. Не сохранявшаяся въ документѣ и возстановляемая нами цифра обложенія этой статьи 2 перп. 18 кер. вполне соответствуетъ существу дѣла: незначительное обложеніе не обработанной земли должно было вызывать охочихъ людей приложить къ ней руки.

Во второй статьѣ со словъ *Damus nunc* продолжается порча текста, ибо недостаетъ объекта, съ котораго назначена подать въ 261 перперъ, нѣтъ наименованія статьи. Всмотрѣваясь въ редакцію слѣдующей затѣмъ статьи, видимъ въ ней дословное сходство съ первой и приходимъ къ догадкѣ, что въ ней недостаетъ термина другой податной единицы. И такъ, если въ сохранившейся статьѣ идетъ рѣчь о вондатной землѣ, то въ испорченной должна быть рѣчь о зевгаратной. Дополненіе будсть такое: *De his plenis, que nunc sunt zeugagate, damus nunc* и проч. Главное значеніе *plenum* или правильнѣе *platum*—*terra arabilis, ager cultus*, въ противоположность къ *nemus, silva*¹⁾. Въ римскую эпоху это былъ употребительный

¹⁾ Въ словарѣ *Дюканжа* подъ словомъ *plana, platum*.

терминъ для обозначенія пахатной земли и имѣлъ измѣреніе въ длину и въ ширину ¹⁾). Смыслъ статей будетъ слѣдующій: съ зевгаратныхъ полей платимъ 261 перперъ, съ вондатныхъ 52 перпера. Но самая природа этихъ полей, независимыхъ отъ количества пахатной земли, записанной за каждымъ зевгаратомъ и вондатомъ и оплачиваемой подъ особую графой, составляетъ особенность византійскаго землевладѣнія, принесенную славянскою общиной. Для выясненія этой стороны вопроса не помогутъ также ни римскія, ни западно-европейскія писцовыя книги.

Въ Хиландарской писцовой книгѣ, послѣ описи каждаго крестьянскаго хозяйства, при чемъ показывается точно и количество пахатной земли и сумма подати, значится еще новая статья; „земле обладающему тому селу Градцу осьмь сотъ хиліаде особъ отъ паричьскихъ стасей“— подать съ послѣдней 160 перп.; „за землю Мунизеньску кобломъ хиліаде и осьмь сътъ особъ паричьскихъ стаси 36 перперамъ“. Очевидно, здѣсь разумѣется не раздѣленная на стаси или хозяйства земля, а находящаяся въ общинномъ пользованіи. Того же качества земля должна быть подразумѣваема въ Лампсакскомъ документѣ въ статьяхъ о *plenis*. Послѣ сдѣланныхъ объясненій и сопоставленій съ Хиландарскимъ практикомъ не будетъ трудностей понять и нижеслѣдующія слова о зевгаратскихъ и вондатныхъ общинныхъ земляхъ: „платимъ (столько-то) *videlicet pro medietate que fuit (или fuerunt) sibi data computatis (или compositis) suis laboribus in hac quantitate et morte (quantitate morti)*“. По нашему мнѣнію, это значить, что зевгараты и вондаты платятъ за эти земли среднюю цифру, получаемого съ нихъ дохода, который опредѣляется мортой или десятиной. Вполнѣ согласно съ устанавливаемымъ нами различіемъ между зевгаратомъ и вондатомъ то обстоятельство, что съ первыхъ идетъ морта 261 перперъ, со вторыхъ 52 перпера, хотя возможно, что эти цифры стоятъ въ соотвѣтствіи съ количествомъ земель. Изъ немногихъ и весьма сухихъ извѣстій греческихъ источниковъ о мортѣ можно заключать, что это былъ довольно обычный способъ экономическаго пользованія остающимися безъ обработки землями ²⁾. Легко

¹⁾ *Gromatici veteres* I, 97: *planum est quod Greci epipedon appellant, nos constratos pedes; in quo longitudinem et latitudinem habemus, per que metimur agros...* сравн. p. 103, 377, 379, 415.

²⁾ *Miklosich*, *Acta* IV, 35, 39, 40, 145, 231—232, 235, 255, 293, 419, 420; III, 259.

также понять, что онъ былъ возможенъ при условіяхъ подвижности крестьянскаго населенія и легкости переходовъ, при сравнительно богатствѣ земель и недостаткѣ рабочихъ рукъ. Тѣ *ἕκκοι*, *κροσαστήματα* и *τὰ δῆμοσιφ ἀνεκλήματα*, о которыхъ такъ часто говорится въ актахъ, безъ сомнѣнія, давали изъ себя главный разрядъ крестьянъ мортитовъ. Можно далѣе предполагать, что если не вса, то значительная часть сборовъ съ зевгаратныхъ и вондатныхъ *planis* нашего документа получалась съ мортитовъ ¹⁾.

Третье мѣсто о зевгаратѣ и вондатѣ находится въ статьѣ объ авгаріяхъ. Но оно не даетъ ни одной черты къ опредѣленію различія между занимающими насъ терминами, а потому входитъ здѣсь въ его объясненіе нѣтъ нужды.

Въ довольно длинномъ разсужденіи о зевгаратѣ и вондатѣ нужно отличать два положенія: во первыхъ, раскрытіе элементовъ, входящихъ въ составъ этихъ техническихъ выраженій; во вторыхъ, постановка вопроса о двухъ податныхъ единицахъ въ византійской писцовой книгѣ и приуроченіе вондата къ славянской общинѣ. Первая задача исполнена нами на основаніи сравнительнаго изученія писцовыхъ книгъ, вторая—при помощи скуднаго матеріала, доставляемаго греческими источниками. Научное достоинство выводовъ о вондатѣ должно быть оцѣниваемо столько же состояніемъ относящихся сюда источниковъ, сколько общиннъ положеніемъ вопроса о значеніи славянскаго элемента въ Византіи.

Въ Лампсакской писцовой книгѣ, кромѣ зевгаратныхъ и вондатныхъ крестьянъ, есть еще два податные класса: *actimones* 18 pp. 49^{1/2}, а рогі 22 pp. 22^{1/2}. Различіе между первой и второю парой состоитъ въ томъ, что первая представляетъ собою крестьянъ тягловыхъ, сидящихъ на опредѣленномъ земельномъ надѣлѣ, вторая—крестьянъ безъ земельного надѣла. Между послѣдними различаются собственно безземельные и немущіе или бѣдные. Классъ *actimones* образуется изъ вольныхъ крестьянъ, ушедшихъ съ прежняго мѣста обитанія и ищущихъ болѣе благоприятныхъ условій жизни. Поселяясь на свободныхъ владѣльческихъ или общинныхъ земляхъ, эти вольные

¹⁾ Въ связи съ статьей de *planis* должна быть поставлена рядомъ статья de *vineis*, рисующая также систему отдачи земель на время для приведенія ихъ въ культурное состояніе и для полученія дохода. Но чтобы не слишкомъ нарушать вставками выводками положеніе главнаго предмета, мы обратимся къ ней ниже.

люди не сразу записывались на тягло, а пользовались нѣкоторое время льготой. *astimones* суть извѣстные изъ другихъ источниковъ, *ζῆνο-προσκαθημένοι*, составляющіе тотъ нестоимый запасъ рабочихъ рукъ и земледѣльческой предприимчивости, который богатыми ручьями льется на просторныя монастырскія земли. Когда, по приказанію царя Іоанна Вагаци, Константинъ Ласкаръ предпринялъ ревизію земельныхъ отношеній въ Мигѣ, онъ долженъ былъ найденныхъ тамъ *προσκαθημένουσ κερσίκοσ* записать на зевгарать или вондаты, то-есть, актимоновъ подвести подъ состояніе тягловыхъ крестьянъ. Что въ опредѣленіи значенія термина *astimones* мы идемъ не наугадъ, ссылаемся на одно прямое мѣсто въ хризовулѣ Андроника Палеолога ¹⁾, въ пользу монастыря пророка и предтечи Іоанна, что близъ города Сѣра. Этимъ хризонуломъ за монастыремъ утверждается право держать *τοὺσ προσκαθημένουσ ἀνοκσταίουσ πτωχοὺσ καὶ ἀκτῆμονασ*, которые сѣли на земляхъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ родствѣ терминонъ *προσκαθημένοι* и *ἀκτῆμονασ*, выраженіе же *ἀνοκσταίουσ* прямо квалифицируетъ ихъ состояніе, какъ *ἀνοκσταίουσ* ближе опредѣляетъ состояніе зевгаратныхъ и вондатныхъ крестьянъ. Говоря это, имѣемъ въ виду отрывокъ писцовой книги въ актахъ Аѳонскаго монастыря ²⁾. Въ ней перечисляется три податные класса, то-есть, кромѣ *ζευγαράτων ἀνοκσταίουσ*, *βοιδάτων ἀνοκσταίουσ*, еще одинъ классъ, который не подведенъ ни подъ то, ни подъ другое наименованіе. И такъ, конецъ Аѳонской писцовой книги: *Νικόλαοσ ὁ μπακτά[ρχ] ἔχει γυναίκα Καλήν, παῖδασ τεσσαρασ, τέλοσ ὑπέρκαρον ἐν. Γεώργιοσ ὁ βλάχοσ ἔχει γυναίκα Καλήν, παιδίον Ἰωάννην, σφαχτά πεντήκοντα, τέλοσ ὑπέρκυρον ἐν, — занимается тою категоріей крестьянъ, которые еще не посажены на тягло, почему въ ихъ столбцѣ не показанъ существенный въ писцовой книгѣ терминъ, зевгарать или вондаты, опредѣляющій земельный надѣлъ. Столбцы Николая и Георгія могутъ служить для насъ формулой описи крестьянъ, которые въ Лампсакскомъ документѣ называются актимонами.*

На всѣ три класса простирается отбываніе личныхъ повинностей, вообще называемыхъ ангаріей. Будучи переведена на деньги, эта личная повинность даетъ круглую сумму въ 310 перперовъ. Въ редакціи статьи объ ангаріяхъ сохранился слѣдъ недоразумѣній, возникшихъ между крестьянами и переписчикомъ, что повело къ поваль-

¹⁾ Сафа, *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη* I, 212—213.

²⁾ Акты, стр. 212.

ному опросу и присягѣ¹⁾; причина недоразумѣній скрывалась въ томъ, что переписчикъ имѣлъ намѣреніе ввести новые роды ангаріи, не практиковавшіеся въ періодъ византійскаго господства въ Лампсакахъ²⁾. При переводѣ на денежную повинность ангаріи-зеугараты и вондаты обложены были безразлично по 4 перпера съ тягла, актимоны по одному перперу³⁾. Можно разсматривать какъ общее правило, что ангарія въ полныхъ писцовыхъ книгахъ указывается при описи каждаго отдѣльнаго хозяйства. Образцы такого рода описей находимъ въ дарственныхъ грамотахъ, напечатанныхъ у Бушова⁴⁾, гдѣ разные роды ангаріи названы *servitium personale*, и гдѣ крестьянское тягло дѣлится, какъ западно-европейская гуфа, на половинны, трети, четверти и т. д.

Nicolaus Mell pro stasia sua (= *ζεωγαρίων* или *βοιδάτων* *ἰκοσταχίων*) quam habet уперр. 3, sterlenum 1^{1/2} et pro servicio personali ipsius ур. 5.

Blastus Stratopati pro medietate unius stasie... et pro servicio suo personali ур. 5⁵⁾.

Stambracht Aspraleo, pro sexta parte unius stasie quam habet ур. 1, sterl. 8^{1/2} et pro suo servicio personali ур. 5.

Четвертый податной классъ Лампсакскаго документа суть *арогі*. Подать съ нихъ по одному съ небольшимъ перперу. О значеніи этого класса мы думаемъ слѣдующее: Какъ актимоны представляютъ собою

¹⁾ Любопытно для сравненія въ западно-европейской писцовой книгѣ: *Güterard*, Polyrtique, II, 345—346.

²⁾ Et manifestaverunt per eorum sacramentum quod nesciebant *angarias de castellis* quante erant et quantas faciebant (Лампсакскій документъ). Припоминаніи по этому поводу Янинскій хризовуль Андроника (Хрозографія τῆς Ἰκκίτροо 11. 302), которымъ славянская община этого города освобождается отъ службы: *ἔχτος τῆς τοιαύτης πόλεως*. Тотъ же хризовуль слѣдовало бы припомнить и выше, когда шла рѣчь о различіи между зеугаратомъ и вондатомъ. Между Янинцами различаются *οἱ καστρίνοι* — освобожденные отъ службы, и *οἱ ἐκωσταγμένοι στρατιῶται* — *ἐχούτες οἰκονομία*, которые обязаны службой. Таковъ зеугараты и вондаты Лампсакской писцовой книги, принципиальнаго различія между которыми латинскій переписчикъ не хотѣлъ допустить.

³⁾ Всего 73 тягла $\times$ 4=292, да 18 актимоней по перперу=810.

⁴⁾ *Nouvelles Recherches*, II, partie 1. p. 51 и слѣд.

⁵⁾ Въ концѣ описи отдѣльныхъ хозяйствъ читается еще: *Nec non et certa alia quantitas terrarum, vinearum, olivarum, quarum annuus redditus est in summa, omnibus in pecunia computatis, supradicti casalis Armiro, tam redditus quam villarum et servitiorum*, ур. 106 et sterl. 2^{1/2}. Анализъ находящихся у Бушова писцовыхъ книгъ могъ бы служить предметомъ особой главы.

здоровый элементъ, изъ котораго черпаетъ новыя и свѣжія силы земледѣліе, и который стоитъ на пути вступленія въ крестьянское тягло, такъ аргі составляютъ болѣзненный и выбывающій изъ тягла элементъ. Здѣсь разумѣются вдовы, малолѣтнія сироты, и по всеи вѣроятности, одинокіе и устарѣвшіе крестьяне. Комментаріемъ къ мѣсту объ апорахъ служатъ писцовыя книги Бюшона:

Maria vidua Cocarzena, que habet filios duos et nihil reddit quia est aroga; vidua Dargavena que est aroga et nichil solvit; vidua Neoparichissa cum filio suo Anastasio; et nichil solvit, quia est aroga ¹⁾).

Эти стаси арога, то-есть, бывшія крестьянскія тягла, или до извѣстнаго времени оставались за обѣдѣвшими хозяевами, или сдавались въ аренду, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: *stasia aroga, quam tenet Raunerius. Acrosticum eius est uerper. 2 sterl. 10* ²⁾).

Такимъ образомъ намъ удалось разъяснить значеніе четырехъ терминовъ Лампсакскаго документа. Что въ выясненіи ихъ заключается главнѣйшая задача комментатора, видно уже изъ того, что къ зевгарату и вондату примыкаетъ почти все содержаніе документа въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются земледѣльческаго и крестьянскаго вопроса, и что всѣ тайны византійской земельной и податной системы болѣе или менѣе связаны съ раскрытіемъ значенія четырехъ податныхъ классовъ. На крестьянское населеніе падаетъ почти 87% всѣхъ податей, собираемыхъ съ Лампсака. Отношеніе отдѣльныхъ податныхъ классовъ къ общему числу крестьянскаго населенія выражается въ слѣдующей таблицѣ:

зевгараты	18,57%
вондаты	46,02%
актимоны	15,93%
апоры	19,47%

Тѣсную связь съ рассмотрѣнными выше статьями о нераздѣльныхъ пахатныхъ поляхъ (*de planis*) представляетъ статья *de vineis*, рисующая также систему Византійскаго землевладѣнія. Подобно тому какъ значительная часть захатной земли стояла въ вѣдѣ крестьянскаго тягла и составляла излишекъ, которымъ свободно располагала община для привлеченія къ себѣ пришлыхъ людей и чужаковъ, и изъ котораго извлекала доходы въ видѣ морты, — такой же независимый

¹⁾ *Buchon*, *ibid.* p. 77, 82, 85.

²⁾ *Ibid.*, p. 89.

отъ частнаго владѣнія отдѣльныхъ хозяевъ излишекъ виноградныхъ плантацій свидѣтельствуется статьею de vineis. Въ этой статьѣ существуютъ, однако, нѣкоторыя неясности, требующія объясненій.

De CXX plinthis de vineis quas receperunt pro anacapsi pp. VIII annuatim, de quibus habent ipsi annuatim pp. XIV. Et etiam de superscriptis plinthis tenent pros plinthi XXIV super eos pro pp. VI et kar. VI annuatim. Summa: II vinee cum anacapsi secundum rationem per annum et cum redditibus pp. XXXVI et kar. VI. Двѣ поправки, привносимыя къ этому мѣсту рукописью и дающія въ отмѣченныхъ словахъ qui и plinthi, въ сущности не измѣняютъ текста и не придаютъ ему особаго смысла. Текстъ долженъ быть признаваемъ все-таки испорченнымъ, и мы не могли возстановить, напримѣръ, значенія словъ: pros plinthi. Но независимо отъ этого вишняя формула статьи ясна: виноградная плантація (120 плинтовъ) обложена податью въ 36 перперовъ и 6 кератовъ. Внутренній же смыслъ статьи, относящей систему землевладѣнія, выясняется изъ опредѣленія значенія терминовъ: plinthis, anacapsis и redditus.

Plinthis-idos находятъ себѣ объясненіе въ сочиненіи гротатна Гягива „De conditionibus agrorum“ и въ статьѣ Рудорфа: „Grotatische Institutionen“¹⁾. Римская эпоха выработала различіе между тягловою землею, то-есть, раздѣленною на мелкіе участки и обрабатываемою тягловыми крестьянами, и квесторскою или запасною, которою государство располагало какъ свободными ресурсомъ: продавало по частямъ, отдавало въ наемъ или въ случаѣ нужды переводило въ тягловое состояніе. Первая собственно была объектомъ поземельной подати, характеръ ея—ager divisus et assignatus. Вторая же, называемая Рудорфомъ das Kaufland, приносила доходъ лишь въ томъ случаѣ, если оказывались средства утилизировать ее, а послѣднія зависѣли отъ притока рабочихъ силъ; въ ней не-

¹⁾ *Blume, Lachmann und Rudorff, Die Schriften der Römischen Feldmesser, I, p. 115: Quaeestarii autem dicuntur agri quos populus Romanus devictis pulsisque hostibus possedit, mandavitque quaeestoribus ut eos venderent. Quae centuriae nunc appellantur, id est plinthides, hoc est laterculi, eodem in quinquagenis iugeribus quadratos cluserunt limitibus, atque ita certum cuique modum vendiderunt; I p. 123 sunt plinthides, id est laterculi quadrati uti centuriae, per sexa milia pedum limitibus inclusi, habentes singuli laterculi iugera numero 1250; lapides vero inscripti nomine divi Vespasiani sub clausula tali, occupati a privatis fines: P. R. restituit.*

достаетъ существеннаго качества—*assignatio*. Она раздѣлена была на небольшія части, называемыя *plinthides*, которыми и характеризуются ея экономическое и податное состояніе ¹⁾. Ясно, что статьи *de plinis* и *de vineis* вводятъ насъ въ систему квесторскихъ земель римской эпохи; опредѣляя ихъ для XIII в. какъ не тягловыя земли, мы имѣемъ въ виду отличить ихъ этимъ отъ зевгаратовъ и вондатовъ.

Само собою разумѣется, адѣсь было бы умѣстно обсудить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли въ XIII в. община располагала этими свободными землями, и когда она получила это важное преимущество; но такъ какъ въ предыдущемъ изложеніи есть отвѣты на подобныя вопросы, то мы не будемъ излишне повторяться.

Апасарсіс знакомитъ съ способомъ эксплуатаціи не обложенныхъ тягловою податью общинныхъ земель: *de vineis quas rescerunt pro апасарсіс*. Въ Лампсакскомъ документѣ удержанъ греческій терминъ, хотя вообще Латиняне для тѣхъ же отношеній употребляли, какъ увидимъ ниже, свой латинскій терминъ. Чтобы дать понятіе значеніе выраженія *ἀναχαψις*, или правильнѣе, *ἀναχαψις*, приводимъ документъ 1217 г., какъ разъ относящійся къ сдачѣ земли въ наемъ ²⁾: „Я, Николай, зять Цикала, собственноручно начертавшій честный и животворящій крестъ, снялъ по первой сдачѣ въ наемъ ³⁾ отъ тебя... Исаака Коккали принадлежащій тебѣ по акту купли участокъ въ три царскихъ модія съ тѣмъ условіемъ, чтобы мнѣ на собственные средства обработать его и насадить лозы и обратить его въ виноградную плантацію ⁴⁾ и держать его съ моею частію и одному пользоваться всѣми съ него доходами—на двадцать-пять лѣтъ, при чемъ обязуюсь ежегодно платить за имѣющій быть разведеннымъ виноградникъ, начиная однако вносить плату не съ сего времени, а до истеченія двухъ лѣтъ,—по расчету платы въ одинъ перперъ за

¹⁾ *Rudorff*, *ibid.* II, p. 284—287, 421: Das Kaufland wird ohne Auftheilung (gleich andern Domainen) in rein sachliche Parzellen zerschlagen, welche eigentlich Ziegel (latereuli, plinthi, plinthides) und nur insofern centuriae genannt werden, als die Parzelle zehn Actus ins Gevierte misst, daher auch die Theilungslinien ohne Unterschied ihrer Richtung decumani heißen.

²⁾ *Miklosich*, *Acta*, III, 237—238.

³⁾ Ἐξολαβόμενον κατὰ πρῶτην ἔχθρα ἀναχαψτικῶ τρόπῳ,—долгосрочная аренда, какъ увидимъ ниже.

⁴⁾ Ἐπι τῷ δι' οἰκίωυ ἐξόδωυ μου κατακόλισαι τὸ αὐτὸ τριήμα καὶ οἰνόφωτα κταφορεῖσθαι καὶ εἰς ἀρτελώνα μεταρρεῖσθαι.

12 царскихъ модіевъ, то-есть, по шести коккіевъ...¹⁾ По прошествіи срока этой сдачи опять намъ возобновить²⁾ условіе на другія 25 лѣтъ, при чемъ я обязуюсь тогда внести одновременно вдвое противъ указанной подати, а затѣмъ платить опять тѣмъ же порядкомъ ежегодно простую паемную сумму³⁾.

Такимъ образомъ, под *анасарсіс* разумѣется отдача въ наемъ или въ аренду земли на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, который позволилъ бы арендатору и охотно затратить капиталъ на улучшеніе участка и на новыя насажденія, и воспользоваться плодами своей хозяйственной дѣятельности, то-есть, получить процентъ съ затраченнаго капитала. Способъ утилизировать свободныя земли отдачей ихъ въ аренду *ἀνακαρπτικῶ τρόπῳ* находится въ тѣсной связи съ известною изъ другихъ источниковъ системой эмфитевтической. *Ἐμφύτεσις* точно также характеризуется, какъ долгосрочная аренда съ обязательствомъ улучшать участокъ и дѣлать въ немъ насажденія, и въ свою очередь служитъ указателемъ обширности свободныхъ земель и недостатка рабочихъ рукъ⁴⁾. Встрѣчается отдача земель въ наемъ *πρὸς ἐμφύτεσιον* изъ-за половины⁵⁾. Наконецъ, масса документовъ, относящихся къ эпохѣ венеціанскаго господства въ Греціи и на островахъ, знакомитъ съ довольно сходною системой отдачи въ аренду цѣлыхъ областей и податныхъ статей (*affictus*)⁶⁾.

Что касается третьяго выраженія—*redditus*, оно послѣ всего сказаннаго не представляетъ трудностей. Точная терминологія писцовой книги приучила насъ во всѣхъ выраженіяхъ ея искать не общаго, но частнаго смысла. Не сирота сказано: *Nicolaus Schlodopus qui reddit annuatim pro reddita suo sterlinga 2 et pro*

¹⁾ *Τὸ ἀναλογεῖν πρὸς δεκάκια βασιλικούς μόδιους τῆ ἐνὶ ὑπερκόρῳ ἦτοι κοκκία ὑπερκορικά εἶ.*

²⁾ *Καὶ μετὰ τὴν ἐκμέτρησιν τῶν τῆς παρούσης ἐκδόσεως εἰσοσι καὶ κέντε χρόνον τῆς βελτιώσεως αὐτῶν τῆς περιωρισμένης καλὴν ἐπανακαρπτικὴν ἤμας...*

³⁾ Указанія на *ἐμφύτεσις* ср. *Miklosich, Acta III, 246; Zachariae, Jus Graecoromanum I, 240, VI, 244.*

⁴⁾ *Trinckler, Syllabus graecarum membranarum. Neapoli 1865, № 35 а. 1035.* Четверо крестьянъ заключаютъ условіе съ монастыремъ относительно отданныхъ имъ въ аренду садовъ: *ὡς μὲν ὀλοκοπεῖν καὶ κατεργεῖν καὶ ἐμφυτεύειν—καὶ εἰς δεκάσιαν καὶ ἰκανὴν ἐπικαρπίαν ὄγειν...*

⁵⁾ *Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce, три тома.* Мы недавно говорили о матеріалѣ, представляемомъ этимъ наданіемъ—въ статьѣ о пропіи.

acrostico suo sterlinga 10 ¹⁾),—въ послѣднемъ случаѣ разумѣется подать съ земли, тягловая подать, въ первомъ нѣчто другое. Andreas Surianus pro suo annuo reddito урегр. 2 sterl. II et pro suo servicio personali урегр. 5 ²⁾). Если въ писцовой книгѣ говорится только о redditus, безъ упоминанія стаси и акростиха, можно навѣрное полагать, что тутъ разумѣются или actimones или ароті, то-есть, внѣ тягла стоящіе крестьяне. Отсюда прямой выводъ, что redditus есть подать съ найма или съ аренды чужой земли. Въ приложеніи къ разбираемой статьѣ de vineis всѣ три выраженія одинаково указываютъ на непринадлежность виноградной плантаціи, состоящей изъ 120 пливновъ, къ землямъ частнаго владѣнія, обрабатываемымъ зевгаратами и вондатами.

Этимъ ограничивается общая и наиболѣе интересная часть Лампсакской писцовой книги, затрогивающая крестьянскій вопросъ, вопросъ о частномъ и общинномъ землевладѣніи и податную систему. Если бы намъ удалось своимъ опытомъ комментарія хотя вызвать изъ забвенія этотъ замѣчательный и несравненный по бѣгатству матеріала документъ, обративъ на него вниманіе болѣе компетентныхъ судей, и тогда нашъ трудъ былъ бы не напрасенъ и задача исполнена. Воплиъ сознавая, что Лампсакскій документъ, если воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ представляемыми современною наукой средствами и орудіями, долженъ окончательно выяснитъ исторію политическаго, экономическаго и соціальнаго развитія Византіи и безповоротно опредѣлитъ отношеніе русской науки къ византійскимъ запитіямъ, мы глубоко убѣждены, что открывающееся здѣсь широкое поприще для разнообразныхъ изслѣдованій только въ томъ случаѣ будетъ экономически утилизируемо и принесетъ хорошій процентъ на затраченный капиталъ, если къ нему привлечены будутъ какъ тягловые ученыя, такъ и внѣ тягла стоящіе вольные люди.

По поводу не объясненной еще части Лампсакской писцовой книги сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній въ томъ порядкѣ, въ какомъ разныя статьи слѣдуютъ въ текстѣ документа.

Li molinee sunt VII, quos ronimus pp. XXXV, то-есть, семь мельницъ облагаемъ податью въ 35 пернеровъ. Какъ податная статья, мельница извѣстна и изъ другихъ источниковъ: различаются мѣловъ

¹⁾ Vischon, N. R. p. 82.

²⁾ Ibid. p. 61.

διόφθαλμος ὀλοκαρινός и μόλων μόλοφθαλμος ¹⁾, ὄφρομόλων и просто μόλων ὀλοκαρινός ²⁾. Но не извѣстно, было ли организовано мельничное хозяйство такимъ же образомъ, какъ это можно видѣть въ западно-европейскихъ писцовыхъ книгахъ, то-есть, былъ ли мельникъ тягловой крестьянннъ съ пахатной землей, или нѣтъ ³⁾.

Li saline—соляныя варницы, всего 16, обложены 34 перперани.

Lu scillo (skillo) facto et cherso chagio pp. XVII,—очевъ трудно поддающіяся объясненію выраженія. Относительно перваго Словарь Дюканжа позволяетъ заключать къ производству въ Лампсакѣ колокольцовъ. Skella—tintinnabulum, samprula, Italis squilla. Приводимыя у Дюканжа мѣста не исключаютъ, впрочемъ, возможности предположенія, что въ Лампсакскомъ документѣ рѣчь идетъ вообще о колоколахъ. Но съ cherso chagio намъ не удалось справиться. Принимая за болѣе вѣрное раздѣльное чтеніе этихъ словъ и выходя изъ того соображенія, что какъ skillo, такъ и cherso, должны обозначать сродныя понятія, ибо въ писцовой книгѣ оба подвѣлены подъ одну податную статью, мы останавливаемся пока на слѣдующемъ объясненіи: Cherso chagio—это латинская форма, составленная изъ греческихъ словъ χέρσα ὄρα или χερσί. При подобной подстановкѣ все мѣсто получаетъ такой смыслъ: колокольчики и горныя пастбища. Такъ какъ во всей писцовой книгѣ нѣтъ намека на эту податную статью, то даваемое нами объясненіе мѣсту имѣетъ за собою всю внутреннюю вѣроятность. Если же предпочтительнѣе держаться того мнѣнія, что въ словѣ skillo подразумѣвается предметъ производства, то для cherso нужно искать объясненія или въ testitudines—χερσιναι χέλος (Форчеллини), или въ какомъ-нибудь древне-славянскомъ словѣ.

Et tantum fuit positum pro practico. Практикомъ называлась въ Византіи писцовая книга. По поводу этого мѣста нужно было бы говорить о значенія византійской землевладѣльческой и податной

¹⁾ *Sathas*, Bibliotheca Graeca I, 216—217.

²⁾ *Ibidem*, p. 238, 237.

³⁾ *Guérard*, Polyptique II, 313: Primo ut unicuique molinario mansus et VI bonuaria de terra dentur: quia volumus ut habeat unde ea quae ei iubentur perficere valeat, et illam molturam salvam faciat: id est, ut boves et reliquam pecuniam habeat, cum quibus laborare possit, unde et ipse et omnis familia ejus possit vivere; porcos, aucas et pullos nutrire, molinum componere... et ideo volumus ut illum alium servitium, nec cum carro, nec cum caballo, nec manibus operando, nec arando, nec seminando, nec messes vel prata colligendo... sed tantum sibi et suo molino serviat.

системы въ тѣхъ областяхъ, которыя подпали власти Латинявъ. Но объ этомъ мы недавно писали въ статьѣ о провин. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что Венецианцы обязательно должны были соображаться съ практикомъ при организаціи управленiя въ греко-славянскихъ областяхъ ¹⁾.

Lu vivaго de oleo, несомнѣнно правильное чтенiе de Olco. Здѣсь имѣемъ дѣло съ статьей о рыбной ловлѣ. Lu vivaго—βιβάριον, слово довольно извѣстное въ греческихъ актахъ ²⁾. Чтенiе второго слова восстанавливается на основанiи извѣстiя Г. Акрополиты: καταλαβὼν ὁ ῥήξ Ἰωάννης τὴν Λάμψαχον περὶ τὸν οὐτῶ πως ὀνομαζόμενον τόπον Ὀλχὸν τὰς νῆας τοῦτου καθάρτισεν ³⁾. Можно догадываться, что или вообще Лампсакская гавань называлась Олкомъ, или одна часть ея.

Lu grippokoli de Luriasgiklio (de lumasgiklio). Чтенiе второго слова, по всей вѣроятности, испорченное; очевидно, это мѣстное имя: такъ называлась одна часть гавани Лампсакской. И первое слово чуждо словарямъ ⁴⁾, хотя значенiе его не подлежитъ сомнѣнiю по недавно изданнымъ документамъ: debeas expectare dictos capitaneos et prouisores in Nigroponte, quibus dum recedes de Mothono scribes per unum gripum aut per aliam viam... ⁵⁾;—gripie bone 2, gripia una ⁶⁾; magistro Gerardo Marangono, derobato et dampnificato de quadam sua barcha et uno grippo et suis retibus ⁷⁾,—въ которыхъ оно обозначаетъ морское судно небольшого калiбра или рыболовное судно. Грипповоломъ такимъ образомъ должно было называться мѣсто стоянки или пристань для рыболовныхъ судовъ.

Lu vathi. Опредѣленiе этой податной статьи встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненiя. По связи рѣчи слѣдовало бы искать въ этомъ

¹⁾ *Vischoy*, N. R. p. 97: Item domus sancti Georgii que sunt in castro, prout hec et alia in quodam practico, in greca scriptura scripto, quod videri et inspici fecimus diligenter, hec et alia seriusius continentur. Continentur in eodem practico in dicto casali... и далѣе идетъ подробная перепись, очевидно составляющая коню греческой писцовой книги.

²⁾ *Miklosich*, Acta IV, 240: διορίζεται διὰ τῆς παρούσης προσταξῆως ἀνεγείραι βιβάριον, 241 εἰς ἐν δὴ τόπον καὶ βιβάριον ἀνήγειραν οἱ μοναχοί.

³⁾ *Acropolitae* (ed. Bonnæ), p. 50, разночтенiе: καταλαβὼν οὖν ὁ ῥήξ τὴν Λάμψαχον, περὶ τὴν Ὀλχὸν τὰς...

⁴⁾ У *Дюканжа*: griphus—γρίφος Græcis rete significat, hinc inter machinas bellicas enumeratur.

⁵⁾ *Sathas*, Documents inédits, I, 194.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 233—234; III, 24.

⁷⁾ *Tafel und Thomas* III, 214.

словѣ какого-нибудь имени, и притомъ вблизи Лампсака. Но то, что мы пашли, отодвигаетъ насъ слишкомъ далеко отъ Лампсакской области, и кромѣ того, вводитъ въ кругъ торговыхъ сношеній, для которыхъ въ писцовой книгѣ, какъ увидимъ ниже, есть специальное мѣсто и особая статья. Словомъ, противъ нашего объясненія bathi говорить занимаемое имъ мѣсто между статьей о гриповолахъ и статьей о пискарин. Тѣмъ не менѣе скажемъ что можемъ. О Ваен, заливъ при южной оконечности Морей, упоминаетъ Гамильтонъ¹⁾; это же географическое имя нѣсколько разъ встрѣчается въ Морейской хроникѣ²⁾. Независимо отъ указанной выше несообразности, одно важное обстоятельство можетъ поощрять насъ довольствоваться предложеннымъ объясненіемъ. Во время составленія Лампсакской писцовой книги Венеціанцы командовали Босфоромъ и Дарданеллами, владѣли островами Архинелага и Греціей, такъ что не неправдоподобно встрѣтить указанія на сношенія Лампсака съ зависѣвшими отъ Венеціи городами.

La piscaria de Jherusalem—рыбный рядъ или рыбная ловля Іерусалимская. Такъ могла называться въ Лампсакѣ улица или кварталъ, гдѣ былъ рыбный рядъ; но можно видѣть въ эпитетѣ „Іерусалимскій“ также указаніе на назначеніе собираемой съ этой статьи подати: рыбная подать въ пользу Святой земли.

Le forfacte et iura et instituae per annum pp. XXXVI. Если мы не ошибаемся, по своей важности эта статья занимаетъ второе мѣсто въ Лампсакской писцовой книгѣ. Именно статьей о четырехъ податныхъ классахъ опредѣляются экономическія, земельныя и податныя отношенія крестьянскаго населенія Лампсакскаго округа; въ выписанной сейчасъ статьѣ подразумѣваются политическія и гражданскія отношенія привилегированныхъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же сильное земельное собственнство, многочисленное и вліятельное греческое духовенство? Гдѣ наконецъ торговые люди, пошлина съ привозимыхъ которыми въ Лампсакскую гавань товары давала венеціанскому правительству 160 перперовъ?—Ни

¹⁾ *Hamilton, Researches in Asia Minor, London, 1842, I, p. 60: the wind then headed us down the Gulf of Athens, and Captain Mundy not choosing to trust his pilot any longer, bore away for Cape S. Angelo, the S. E. extremity of the Morea, behind which we found shelter in the Bay of Vathica, close to the island of Servi.*

²⁾ *Buchon, Chroniques étrangères, Paris, 1840, p. 51: τὰ Βατιχὰ, 72 τὸ μέρος τῶν Βατιχῶν, 108, 129; Hopf, Chroniques graeco-romanes 1 p. 430: Battica.*

одно изъ этихъ сословій прямо не упомянуто въ писцовой книгѣ; между тѣмъ не только наличность, но и политическое положеніе ихъ относительно венеціанскаго правительства, равно какъ администрація и судъ въ городѣ, все это подразумѣвается, хотя и въ очень прикрытой формѣ, въ статьяхъ *le forfacte* и *la scala cum fago*. Исслѣдователя ожидаетъ здѣсь поле широкихъ и разнообразныхъ изысканій, которыя сопряжены съ тѣмъ большими трудностями, что устройствомъ византійскихъ городовъ никто еще не занимался.

Въ самой писцовой книгѣ одинъ разъ указанъ элементъ собственно городского населенія, именно въ первой статьѣ: *inveni homines 50, reddent pp. 51 et kar. VI*. Не беремъ на себя задачи разрѣшить—поголовная ли здѣсь разумѣется или промысловая подать, во всякомъ случаѣ—не земельная. При нѣкоторой долѣ остроумія, съ помощью поправки въ текстъ, можно пожалуй видѣть указаніе на положеніе греческой церкви въ Лампсаки въ статьѣ: *lu skillo facte et cherso chorio*. Сдѣлайте замѣну вмѣсто *cherso*—*chiesa*, и получится совершенно техническій смыслъ: колокольный звонъ и церковь. Что Латиняне брали подать съ греческой церкви и лишали духовенство многихъ изъ его привилегій, объ этомъ сохранилось много свидѣтельствъ греческихъ и латинскихъ ¹⁾. Но хотя бы и отнести послѣднее мѣсто къ греческой церкви, все же непрямая и прикрытая указанія статьи *le forfacte* были бы гораздо важнѣе такихъ прямыхъ и сравнительно ясныхъ мѣстъ. Обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію терминологіи.

Forfactum—хорошо извѣстный терминъ изъ круга уголовного права. Самое древнее упоминаніе о немъ находится въ *Lex Ripuariorum* (статья 77-я); коренное значеніе его есть злодѣяніе или преступленіе, соединенное съ лишеніемъ жизни для другаго лица и подвергающее преступника высшей карѣ. Средневѣковое судебное

¹⁾ Нѣтъ ли виду прямыхъ указаній въ писцовыхъ книгахъ, напримеръ, *Bichon*, N. B. p. 80; *ecclesia b. Virginis que reddit annuatim pro recognitione domini* ур. 3; p. 92: *ecclesia s. Barbare que reddit annuatim pro recognitione domini*.... p. 93: *ecclesia s. Romani quam tenet Riccumagnus de Liverno solvit annuatim pro recognitione domini*.... Нечего уже говорить о письмахъ патриарха Германа къ папѣ въ *Sathas*, Bibliotheca II, 8. сравни введеніе Саеи къ этому тому, p. 80—81, 85; объ извѣстіяхъ писателей, какъ *Acropolitae*, p. 32—33, см. *Allatus De ecclesiae orientalis atque occidentalis. Coloniae 1648*, p. 683—695.

право относилось къ этого рода преступленіямъ и такіа, которыя хотя и не соединялись съ лишеніемъ жизни, но совершаемы были при отягчающихъ обстоятельствахъ: по *forfactum* обвинялся захваченный на мѣстѣ преступленія, покушавшійся, но не успѣвшій совершить преступленіе вслѣдствіе криковъ о помощи и т. п. ¹⁾).

Iuga. По весьма широкому и разнообразному значенію, въ которомъ употребляется это слово, находимъ неудобнымъ комментировать его. Попытка объяснить въ Лампсакскомъ документѣ *ius* до тѣхъ поръ останется не достижимой, пока не найдется другихъ памятниковъ, знакомящихъ съ устройствомъ византийскаго города. Безъ этого, *iuga* составляетъ такое же неуловимое понятіе, какъ наше выраженіе „права“ въ приложеніи, напримѣръ, къ городу Одессѣ. Если бы кто, не будучи знакомъ съ устройствомъ русскихъ городовъ и не имѣя понятія объ административномъ, судебномъ, торговомъ и промышленномъ положеніи Одессы, надумалъ восстанавливать все это на основаніи одного слова „права“, то онъ обрекалъ бы себя на достиженіе въ такой же степени не осуществимой задачи, какъ и тотъ, кто пытался бы восстановить по слову *iuga* устройство Лампсака. Въ этомъ выраженіи есть все, но нѣтъ ничего къ выдѣленію элементовъ, изъ которыхъ слагается *ius* примѣнительно къ Лампсаку. Прежде всего подразумѣвается здѣсь *ius burgi* или городское право: органы администраціи, суда, полиція, финансовыя и т. н., далѣз—право имущественное, торговое, наконецъ—спеціальныя права, гарантированныя изъятіями и привилегіями какъ общими, такъ въ пользу сословій и лицъ. Если что и можно сказать о Лампсакѣ на основаніи общаго выраженія, что венеціанское правительство брало съ него за его права определенную подать, то исключительно подъ условіемъ собиранія данныхъ въ устройствѣ западно-европейскихъ средневѣковыхъ городовъ.

Iustitiae. Имѣя болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ предыдущее слово, въ нашемъ документѣ *iustitia* можетъ быть легко приурочена къ отправленію правосудія, къ праву суда, конечно, по всѣмъ другимъ дѣламъ, которыя не подходятъ подъ *forfactum*. Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этотъ терминъ относится къ праву сора податей.

¹⁾ Подробнѣе можно ознакомиться съ вопросомъ по сочиненіямъ: *Zoerfl*, *Deutsche Rechtsgeschichte*, III, p. 375, 413, 430—433; *Waits*, *Deutsche Verfassungsgeschichte* VIII, 70. Во французскомъ правѣ сюда относится терминъ *forfait*, въ англійскомъ *forfeiture* (outlawry); см. *Freeman*, *The history of the Norman Conquest*, V, 29, 790—798.

Итакъ, смыслъ статьи слѣдующій: за преступленія, за права и за отправленіе правосудія 36 перперовъ. Съ кого же идетъ венеціанскому правительству эта сумма? Конечно, съ того учрежденія, которому предоставлено вѣдать полицію и судъ въ городѣ, съ тѣхъ лицъ, которые пользуются положеніемъ, подразумеваемымъ въ словѣ *iuga*. Лампсакская община имѣла свое устройство, гарантированное венеціанскимъ правительствомъ; но судить о формѣ административнаго и судебнаго устройства греческаго города пока мы не можемъ ¹⁾.

Li agnelli CLIV, pp. XXX,—подать съ овецъ, переведенная на монету.

Lu psuni de lu pisce, pp. III. Сокращенное употребленіе слова вмѣсто *obsonium*, греч. ὀψώνιον или ψωμίον (Терновскій, Акты, 158); разумѣется натуральная подать рыбой.

Lo galline de lucarlassare, pp. IV. Второе слово не поддается объясненію. Разумѣется также натуральная подать—курами или домашнею птицей вообще.

La scala perp. 160 *cum fano et cum psuni de carnibus et cum eorum iuribus*. Значеніе слова *σκάλα* объяснено Джуканжемъ въ примѣчаніяхъ къ *Annâ Комнинъ* ²⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь разумѣется пристань для торговыхъ кораблей: τὸ μέρος τοῦ λιμένος εἰς ὃ ἐλκόμενα αἱ νῆες δέδεται ³⁾.

Forum—торговый рядъ, рынокъ. Въ поясненіе можно привести мѣсто, указанное Джуканжемъ: *Mercator qui habet stallum cooperatum in die Fori, vel botham in die Fori, dabit obolum pro consuetudine et costuma sua*. Такимъ образомъ въ *Forum* должно видѣть вторую податную статью, участвующую въ образованіи общей суммы.

Cum psuni de carnibus—натуральная подать мясомъ ⁴⁾. *Et cum eorum iuribus*,—фраза относится къ *scala* и *forum* и пред-

¹⁾ Единственный документъ, напоминающій средневѣковыя коммунальныя хартии, если не говорить о часто-славянскихъ городскихъ общинахъ, представляется въ Янинской грамотѣ Андроника Палеолога. Для сравненія см. *Guizot Histoire de la civilisation en France* IV, 43; описание городовъ въ *Domesday-book* у *Tьерри*, *Исторія завоеванія Англіи Норманами* I, 392—393.

²⁾ *Anna Comnena*, ed. *Bonnensis* 1878, II, 541.

³⁾ *Glossarium Grecitatis* в. *Σκάλα*.

⁴⁾ Къ объясненію термина находимъ весьма подходящее мѣсто ap. *Guérard*, *Polypitico* II, 366: *Carnes ad edendum, suillas scilicet et arictinas ceteraque, pro temporibus opportunitate solabant in Amblolaco sui servientes in meatibus*

полагаетъ право на пошлины съ товаровъ и право суда между торговыми людьми. Не соединены ли различныя податныя статьи въ одну потому, что онѣ зависѣли отъ одного учрежденія? ¹⁾ Смысль всей статьи такой: за пристань и за торговый рядъ или рынокъ съ правомъ собиранія пошлинъ и творенія суда и за кормовое, доставляемое мясомъ, 160 перперовъ.

Въ заключеніе двѣ однородныя статьи, указывающія по всей вѣроятности мѣста, съ которыми Лампсакъ имѣлъ болѣе оживленные торговыя сношенія.

Lu dimodeo, pp. X. Трудно иначе объяснить это слово, если не сдѣлать небольшой поправки—Dimotico. Правда, Димотика не приморскій городъ, но появленіе его въ Лампсакской писцовой книгѣ могло бы служить еще новымъ доказательствомъ живой связи между европейскимъ и азиатскимъ берегомъ Геллеспонта. Отъ Димотики къ Галлиполю, по всей вѣроятности, шелъ торговый путь, при чемъ товары грузились на суда въ Галлиполъ и доставлялись въ Лампсакъ. Болгаре и Серби могли приѣзжать въ Лампсакъ со своими товарами и имѣть здѣсь опредѣленные мѣста для торговли. Пошлина, носящая имя Димотики, должна обозначать пошлину на товары, идущіе изъ этого славянскаго города.

Lu anaolio et lu sataolio—передачи греческихъ словъ: ἀναβολή καὶ καταβολή, которыя, имѣя отношеніе къ послѣдующимъ географическимъ именамъ, могутъ здѣсь толковаться, какъ „ввозъ и вывозъ“ или ввозные и отпускаемые предметы ²⁾.

.... Masricampo et Damaskinea et Cranea et Carea (Conea L. P. I). Географическое положеніе этихъ мѣстъ не легко опредѣлить съ достовѣрностію. Такъ относительно Masricampo или, можетъ быть, лучше Masricaro нѣтъ особенныхъ побужденій предпочесть

illius capere: nec dimisit, et eas similiter quas capiebant in die placiti advocature, ad opus obsonii de hospitibus nostris, qui sui non erant consuetudinarii.

¹⁾ Отношеніе iura къ scala и forum речеется слѣдующимъ мѣстомъ въ словарь Дюканжа: Forum et theloncum episcopi est, quidquid de Foro exit, et iustitia (право суда) de omnibus hominibus, qui venerunt.

²⁾ *Marquardt*, Römische Staatsverwaltung II, 227, примѣч. 2. *Vopiscus* Aurel. 45: Vectigal ex Aegypto urbi Romae Avrelianus vitri, chartae, lini, stupae atque anabolicas species aeternas constituit. Die anabolicas species, mit welchen die anabolicarii (fr. Vat. § 137), die den Transport derselben hatten, und die *catabolenses* (Cod. Th. 14, 3, 10) zusammenzustellen sind, bezeichnen im allgemeinen die anzuführenden Artikel. Sie heissen so, weil sie den Fluss hinauf (ἀνά κατὰμόν) gefahren werden.

одно другому слѣдующія мѣста: *Μάκρη* городъ въ Ликии, имѣвшій въ средніе вѣка торговое значеніе ¹⁾, мѣстъ *Μακρία* между Смирной и Ефесомъ, *Μάκρη* близъ устья Марицы, въ одной метрополіи съ Димотикой ²⁾; наконецъ, *Μακροί* называлась древняя Ореагорія (Стагора) въ юго-восточной части Македоніи, близъ Стримона ³⁾. Подъ *Damas-kínea* всего вѣроятнѣе разумѣть восточныя мануфактурныя производенія, которыми Дамаскъ такъ славился въ Европѣ ⁴⁾. *Сгапеа* снова приводитъ насъ на Балканскій полуостровъ: такъ назывался городъ на Черномъ морѣ, близъ Варны (теперь Экрена) ⁵⁾. Что касается *Сагеа*, здѣсь объясненіе зависить отъ установленія текста: принять ли это чтеніе, или предлагаемое другою рукописью *Согоеа*. Первое могло бы указывать на малоазіатскую провинцію, другое—на венеціанскій городъ въ Мессепіи. Вообще же три мѣстныя имени Ламисакской писцовой книги: Димотика, Макра и Крапеа ведутъ къ заключенію о живыхъ торговыхъ сношеніяхъ нашего города съ Болгаріей.

6. Упоминаній.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *Heyd*, G. d. L.—H. 1, 597: Allein die Geschichtsquellen unserer Periode constatiren, dass z. B. die Negropontiner in Makri am Golf gl. N. Getreide, Wein und Anderes zu holen pfliegen; *Parthey*, Hieroclis-Syneedemus, p. 209, 261.

²⁾ *Parthey*, 122, 136, 218.

³⁾ *Ibid.*, 312, 317.

⁴⁾ *Heyd*, II, 687—699.

⁵⁾ *Иречекъ*, Исторія Болгарь (сриводъ *Бруна*), 516.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изданныя Императорскою Академіею Наукъ по завѣщанію автора. Три тома. С.-Пб. 1883.

Величавая личность покойнаго Литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашки хорошо извѣстна и живо помнится въ русскомъ обществѣ. Слѣшкомъ сорокъ лѣтъ былъ на виду у всѣхъ этотъ необыкновенный человѣкъ, создавшій въ западной Россіи великое русское дѣло—возсоединеніе униатовъ и стоявшій непоколебимо во все это время на труднѣйшихъ мѣстахъ, то въ средоточіи дѣлъ по разрѣшенію униатскаго вопроса въ Петербургѣ, то на самой западной окраинѣ тогдашняго униатскаго населенія въ Литовской епархіи.

И этотъ-то необыкновенный историческій дѣятель, имя котораго неразрывно связано съ важнѣйшими событіями въ западной Россіи со второй четверти настоящаго столѣтія и донинѣ часто заставляетъ вспоминать себя, выступаетъ теперь передъ нами съ собственными показаніями о своихъ дѣлахъ, и показаніями не голословными, а документальными.

Въ трехъ большихъ томахъ, изданныхъ Академіей Наукъ, собственно записки Іосифа Сѣмашки занимаютъ небольшое мѣсто, а вся остальная часть изданія—большая половина перваго тома и второй и третій томы, заключаетъ въ себѣ документы; даже самыя записки на половину состоятъ тоже изъ документовъ, громадное дополненіе которыхъ, какъ указывается въ запискахъ, хранится еще въ рукописяхъ въ Виленской консисторіи, и какъ увидимъ ниже, дополненія ихъ находятся еще въ большемъ числѣ и въ другихъ архивахъ и собраніяхъ памятниковъ.

Достоинво удивленія, какъ рано митрополитъ Іосифъ созналъ потребность имѣть въ своихъ рукахъ доказательства своихъ дѣлъ, и съ какимъ постоянствомъ накоплялъ онъ это богатство для своей исторіи. Съ 1827 г., съ первой своей знаменитой записки о преобразованіяхъ униатской церкви, и до позднѣйшаго времени онъ сберегалъ черныя или, лучше сказать, копіи, почти все собственноручныя, всѣхъ своихъ важнѣйшихъ бумагъ; составившихъ такимъ образомъ богатѣйшій матеріалъ не только для его личной біографіи, но и для исторіи воссоединенія униатовъ и вообще для исторіи западной Россіи новѣйшихъ временъ. Это настойчивое накопленіе документовъ не было вызвано одною лишь потребностью имѣть подъ рукою дѣла для справокъ, ни даже предусмотрительностію имѣть доказательства на случай самозащиты. Въ изданныхъ запискахъ есть многочисленныя указанія на особенную причину этой необычайной заботливости о матеріалахъ для своей исторіи.

Покойный митрополитъ Іосифъ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности несомнѣнно сознавалъ и необыкновенныя свои дарованія, и необыкновенное свое призваніе—пересоздать униатовъ въ православныхъ. То и другое онъ сливалъ воедино и смотрѣлъ на свои дарованія, какъ на особенную силу, данную Богомъ и призванную Имъ совершить великое русское дѣло—сроднить и слить съ православною Россіей остающихся въ предѣлахъ ея униатовъ. Онъ потому не однократно и разсматриваетъ себя какъ посторонній наблюдатель, на котораго тѣ или другія его дѣла не могли не производить сильнаго впечатлѣнія и не вызывать напряженнаго вниманія, сочувствія и даже восторга. Этими, между прочимъ, объясняется, что авторъ такъ часто употребляетъ слово *я*. Инымъ это можетъ показаться самохвальствомъ; но серьезный читатель, безъ сомнѣнія, сразу станетъ далеко отъ такого мнѣнія, потому что сразу увидитъ рядомъ съ многократнымъ *я* такіе подвиги самоотверженія, забвенія всякихъ личныхъ побужденій и стремленій, которые устраняютъ всякій вопросъ о личномъ самолюбіи этого необыкновеннаго человѣка.

Эту особенность воззрѣній митрополита Іосифа на себя и на свое дѣло весьма важно знать при чтеніи его записокъ. Она одна можетъ многое уяснить въ его показаніяхъ. Возвышаясь самъ надъ своими личными интересами до высоты Божіаго призванія совершить великое русское дѣло, онъ съ той же высоты смотрѣлъ и на другихъ, и потому, когда видѣлъ противодѣйствіе своему святому дѣлу, то или поражалъ со всею силою своихъ историческихъ враговъ, или когда

видѣлъ въ средѣ ихъ своихъ же сильныхъ Русскихъ, то, не задумываясь, требовалъ, чтобъ ему дали возможность отойти въ сторону безъ позора себѣ и своему дѣлу.

Но рядомъ съ этою особенностію, смущавшею не разъ даже лучшаго его дѣятеля, государя Николая Павловича, уживалась въ митрополитѣ Іосифѣ другая его особенность, по видимому, противорѣчащая ей. Извѣстно, что митрополитъ Іосифъ Сѣмашко проводилъ такъ-называемое постепенное воссоединеніе униатовъ. То, что онъ сталъ на этотъ именно путь, составляетъ едва ли не самую выдающуюся сторону его личнаго подвига. Самъ онъ былъ родомъ Малороссъ изъ сильной рускини началами западной Малороссіи (Кіевской губерніи), гдѣ, какъ ему было извѣстно, происходило всегда прямое обращеніе въ православіе. Зналъ онъ со всею обстоятельностью и то, что въ восточной Бѣлоруссіи много было готовыхъ элементовъ для прямого перехода въ православіе. И однако этотъ истинный Малороссъ, чуждый всякой уступчивости Польшѣ, этотъ знатокъ лучшихъ, болѣе русскихъ частей Бѣлоруссіи, не пошелъ на скорое, легкое пріобрѣтеніе славы двигателя быстрого восстанавленія православія, а занялъ самое трудное положеніе, требовавшее упорнаго, медленнаго труда. Онъ пошелъ путемъ постепеннаго воссоединенія униатовъ, то-есть, сталъ на точку рѣшнія самыхъ слабыхъ русскою жизнью униатовъ, и когда ему пришлось занять савъ архіерея одной опредѣленной епархіи, онъ выбралъ самую западную епархію, Литовскую, то-есть, онъ занялъ положеніе ближайшаго православнаго просвѣтителя на самой западной части Бѣлоруссіи и Малороссіи и рѣшился вмѣстѣ съ этою слабѣйшею частью западной Россіи вырастать постепенно къ русской и православной жизни. Это, безъ сомнѣнія, величайшій изъ его личныхъ подвиговъ, и кажется, самъ авторъ занисокъ не сознавалъ этого. Онъ воиетъ, что, ему мѣшали быстрѣ двигать дѣло; онъ даже сильно несправедливъ къ лучшему своему сотруднику, графу Д. Н. Влудову; а между тѣмъ многочисленнѣйшіе документы, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, свидѣтельствуютъ, что дѣло было иначе, что вести дѣло воссоединенія постепенно, присоединять униатовъ внутренне было за вѣтной мыслию самаго Іосифа, и конечно, это составляетъ лучшую его славу.

Предлагаемъ читателямъ ознакомиться съ письмами Іосифа изъ Жировиць и другихъ мѣстъ, гдѣ были училища; предлагаемъ имъ вчитаться въ прилагаемое здѣсь письмо М. Н. Муравьева о той же

Жиrowицкой семинаріи и, наконецъ, совѣтуемъ вспомнить записки о томъ же архіепископа Антонія Зубка, напечатанныя въ 1864 году.

Этотъ-то человекъ, сильный своею русскою природою и величіемъ духа, рѣшился—повторяемъ—жить и выростать съ слабѣйшею частью Бѣлоруссіи, чтобы не потерять для Россіи Западноруссовъ, самыхъ уже близкихъ къ гибели въ латинствѣ и полонизмѣ. Онъ даже сталъ врагомъ прямаго обращенія униатовъ въ православіе, потому что это отнимало у него опору для болѣе успѣшнаго веденія дѣла и увеличивало тягу въ сторону латинства и Польши въ средѣ слабѣйшихъ изъ его паствы.

Рѣшимость стать среди этой слабѣйшей униатской среды и спастись отъ народной гибели самыхъ ополченныхъ и олатиненныхъ изъ униатовъ была, безъ сомнѣнія, причиною и той, на первый изгидь, крайне странной и вредной мѣры—перенесенія управленія Литовской епархіи изъ такого историческаго и жизненнаго въ народномъ смыслѣ пункта, какъ Жиrowиці (Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда), въ такое средоточіе полонизма и латинства, какъ Вильна. Изъ записокъ видно, какъ сильно колебался митрополитъ Іосифъ согласиться на эту мѣру. Но за то, какое глубокое пониманіе дѣла, какія по истинѣ государственныя соображенія легли въ основу при устройствѣ этой епархіи, что и давало возможность рѣшиться на такую опасную мѣру. Здѣсь глубоко понята историческая близость Бѣлоруссіи къ Литвѣ и способность первой вліять на вторую. Виленская епархія даже названа Литовскою. Но такъ какъ западная часть Бѣлоруссіи, входящая въ составъ ея, сама по себѣ слаба, то она поддержана Малороссами южной половины Гродненской губерніи. Для Гродненской губерніи это не совсѣмъ удобно; но вся Виленская епархія этою комбинаціей только и живетъ, какъ сильная православная епархія. „Австрійцевъ всегда разбивали“, писалъ митрополитъ Іосифъ 1-го ноября 1845 г.,—„съ ихъ системою дѣйствовать на слабѣйшіе пункты (врага)—хорошій вождь обращаетъ свои силы на центръ, а Вильно есть центръ польскаго католицизма“ (т. 2, стр. 323—324). А какъ торжествовалъ этотъ западно-русскій вождь, когда дѣйствительно собралъ въ Вильнѣ силы, способныя въ будущемъ разбить этотъ центръ, это яснѣе всего видно изъ приписки его къ письму къ Протасову въ самый день открытія Виленской семинаріи и училища, 8-го сентября того же 1845 года: „Слава Богу! Не повѣрите, ваше сіятельство, какъ я счастливъ сегодня—у меня не обошлось безъ слезъ, и я этого не стыжусь. Если бы мнѣ пришло (пришлось?) завтра умереть, съ радостію сказалъ

бы я: вывъ отпущаеши раба твоего, владыко—церковь православная стала въ Видлѣхъ вполне твердою и очень твердою ногою!" (т. 2, стр. 317).

Всею душою любя православіе и Россію и понимая ихъ въ идеальной чистотѣ и силѣ, Іосифъ однако, какъ совершенно очевидно изъ его записокъ, стоялъ всегда въ положеніи Бѣлорусса-униата, постепенно возрастающаго въ православіи и русской народности, — стоялъ, какъ историческій дѣятель между востокомъ Россіи, современной ему, и современнѣй же ему польскимъ западомъ, — стоялъ большею частью въ борьбѣ съ тѣмъ и другимъ. Но это борьба не какого-либо сепаратиста-Западнагорусса. Это борьба Русскаго, православнаго человѣка, живущаго лучшими началами и преданіями русской исторической жизни многихъ вѣковъ и ставшаго эти начала и преданія выше всѣхъ временныхъ направленій, выше всѣхъ личныхъ счетовъ и всякихъ отношеній къ людямъ. Этимъ объясняются и поразительное его снисхожденіе къ слабостямъ своей наставы, и страстная защита ея отъ безцеремонныхъ посягательствъ на историческія особенности ея жизни, и порывистыя его обличенія самыхъ сильныхъ и даже самыхъ достойныхъ Русскихъ людей за податливость въ сторону полонизма, латинства. Въ подобныхъ случаяхъ авторъ бывалъ даже несправедливъ къ ближайшимъ своимъ друзьямъ. Такъ конкордатъ съ Римомъ, заключенный графомъ Влудовицъ, заслонилъ передъ Іосифомъ Обиашкой всѣ достоинства этого просвѣщеннаго государственнаго человѣка и заставилъ предпочитать ему, не на долго впрочемъ, графа Протасова, крайне мало понимавшаго дѣла западно-русскія и завершившаго это непониманіе даже неуваженіемъ къ Іосифу. Однажды, именно въ 1841 г., въ письмѣ къ графу Протасову Іосифъ даже написалъ слѣдующія строки: „Одно несчастіе; что у насъ въ Россіи, начальствующее римское духовенство избирается какъ бы иностраннымъ правительствомъ, въ духѣ Римскаго двора и польской партіи“ (Записки, т. 2, стр. 144).

Эта сторона дѣятельности Іосифа — защита западной Россіи отъ полонизма и латинства и вразумленіе Русскихъ людей, поддававшихся польскому и латинскому вліянію, безъ сомнѣнія, надолго будетъ величественнымъ памятникомъ и силы ума, и знанія митрополита Іосифа, и его твердости въ русскомъ и православномъ направленіи, а его заняски будутъ столь же на долго драгоценною сокровищницей для всѣхъ Русскихъ людей, въ какомъ-либо отношеніи звучащихъ польскій и латинскій вопросы.

Исключительное положеніе, которое такъ самоотверженно занялъ митрополитъ Іосифъ между востокомъ и западомъ, было причиною цѣлаго ряда явленій въ его исторической жизни, на первый взглядъ трудно объяснимыхъ. Изъ его записокъ видно, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе удивленное и грустное положеніе занималъ митрополитъ Іосифъ. Подобная судьба не его одного постигала. У насъ на Руси, къ сожалѣнію, такъ сложились дѣла, что подвиги часто совсѣмъ не одѣиваются. У насъ возможенъ былъ такой случай, что одинъ изъ лучшихъ двигателей своихъ соотечественниковъ на защиту государственности въ смутныя времена, Троицкій архимандритъ Діонисій, былъ судимъ и осужденъ по интригамъ невѣжественныхъ людей. Въ западной Россіи подобныя печальныя явленія бывали и чаще, и чувствительнѣе. Извѣстно, что Хмѣльницкій умеръ въ великомъ горѣ отъ неразумной сдѣлки съ Поляками тогдашнихъ русскихъ дипломатовъ. Еще больше несчастія и гора испыталъ при Петрѣ необыкновенный строитель русскаго дѣла въ западной Украинѣ Палій-Гурко. Извѣстна печальная участь такихъ же необыкновенныхъ людей—Переяславскаго епископа Гервасія и игумена Мельхиседека Яворскаго, устраненныхъ отъ дѣлъ по интригамъ Поляковъ и ихъ русскихъ орудій. Эти интриги не могли сгубить только Георгія Конисскаго; но извѣстно, сколько горя вынесъ онъ отъ этихъ же интригъ и отъ нѣкоторыхъ прославленныхъ умниковъ временъ Екатерины II.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобная участь постигла и митрополита Іосифа. Главная причина этого была всегда одна и та же. Чѣмъ больше когда-либо развертывались дѣла западнорусскія, требовавшія особеннаго участія восточно-русскихъ людей, чѣмъ большее число этихъ людей бралось за эти дѣла, тѣмъ естественнѣе случилось, что въ числѣ такихъ лицъ больше и больше оказывалось и малосвѣдущихъ, и малочестныхъ, недостаточно сдерживаемыхъ силою русскаго мнѣнія, но тѣмъ больше открывавшихъ возможности Полякамъ закидывать на нихъ свои сѣти и уловлять ихъ. Контигентъ такихъ Русскихъ особенно былъ всегда великъ въ петербургскій періодъ нашей русской жизни; отъ того и петербургское рѣшеніе русско-польскаго вопроса поражаетъ своею немощью сравнительно съ московскимъ рѣшеніемъ его.

Понятно, что такой исторически-ясновидящій человѣкъ, какъ митрополитъ Іосифъ, больше другихъ чувствовалъ это зло, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ такъ часто и такъ порывисто хотѣлъ устраниваться совсѣмъ отъ дѣлъ или замыкался въ себя и, по видимому, не

дѣйствовать. Бывали времена, когда даже этотъ неустрашимый человекъ помышлялъ о насильственной своей смерти, о мученичествѣ и, можетъ быть, не безъ вліянія этихъ мыслей устроилъ себѣ гробницу подъ ракой Виленскихъ мучениковъ.

Была, впрочемъ, и другая причина его уединенія, причина, имъ самимъ созданная. Митрополитъ Іосифъ былъ одаренъ необыкновенными способностями къ общественной дѣятельности, и въ первые времена онъ выступалъ въ дѣлахъ воссоединенія съ поражающею силою двигать все русское общество въ западной Россіи къ этой цѣли. Его поѣздки по этой странѣ были по истинѣ нравственнымъ, русскимъ, православнымъ завоеваніемъ, и многіе во всю жизнь не могли освободиться отъ произведеннаго имъ обаянія. Довольно указать, что такой талантливый знатокъ западно-русскихъ дѣлъ и людей, какъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, въ 1834 г., въ письмѣ къ Д. Н. Блудову, называлъ дѣйствія Іосифа по истинѣ гениальными. Но митрополитъ Іосифъ былъ также властнымъ лицомъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится властнымъ. Онъ естественно ставился болѣе и болѣе православнымъ архіереемъ и русскимъ государственнымъ сановникомъ, съ обычными приемами ихъ дѣйствій. Одновременно съ этимъ лучшіе его сотрудники болѣе и болѣе отходили то за предѣлы гроба, то въ сторону, на покой, и затѣмъ болѣе и болѣе обозначались такъ-называемые исполнительные люди. Наконецъ, съ митрополитомъ Іосифомъ случилось то, что обыкновенно случается съ великими людьми. Они оставляютъ послѣ себя великія дѣла, неодолимое направленіе, по даровитыхъ преемниковъ обыкновенно не оставляютъ. Напротивъ, послѣ нихъ обыкновенно остается великая скудость дарованій, которымъ подлѣ нихъ трудно уживаться. Но митрополитъ Іосифъ обладалъ такимъ богатствомъ силъ, что никогда не падалъ даже въ эти самыя трудныя времена. Мы два раза видѣли его въ эти времена — въ 1862 г. передъ самою польскою смутой и въ 1866, когда стали разрушаться и дѣла графа М. Н. Муравьева, и здоровье самого Іосифа. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что величіе его духа и способность вліять на общественность сохранялись и среди этихъ общественныхъ невзгодъ, и среди тяжелыхъ личныхъ его недуговъ.

Мы намѣренно ограничиваемся этими общими замѣчаніями, нужными, по нашему мнѣнію, для правильнаго пониманія записокъ митрополита Іосифа, а не входимъ въ разборъ содержанія этихъ записокъ и ихъ приложений. Разбирать это содержаніе значило бы писать

исторію воссоединенія униатовъ и всей западной Россіи. Мы поэтому прибавимъ къ изложеннымъ замѣчаніямъ лишь нѣкоторые, чисто научныя вещи и, вѣроятно, удивимъ и многихъ читателей издаваемыхъ записокъ, и можетъ быть, даже самихъ издателей.

Записки митрополита Іосифа появляются въ печати спустя слѣдующемъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ поступили для изданія въ Академію Наукъ. Объ этой отсрочкѣ, вызванной, безъ сомнѣнія, весьма важными причинами, пожалѣли всѣ, кто зналъ, что такое записки митрополита Іосифа, и какъ полезно ихъ обнаруженіе. Но нельзя не признать, что теперь эти записки появляются какъ нелзя болѣе кстати, когда такъ смѣло выступаютъ и такъ далеко расходятся самыя превратныя мнѣнія о западной Россіи, даже находятъ себѣ мѣсто въ такихъ, по видимому, серьезныхъ изданіяхъ, какъ „Живописная Россія“, третій томъ которой есть болѣею частью чистѣйшее воспроизведеніе польскихъ воззрѣній на Литву и Бѣлоруссію, покрытыхъ обманчивою оболочкою научности, безпристрастія. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ можно забыть о позднемъ появленіи записокъ Іосифа и нельзя не отвѣстись съ величайшею благодарностью къ Академіи Наукъ за совершенный ею новый трудъ. Но при всемъ томъ да позволено намъ будетъ во имя науки сказать нижеслѣдующія слова:

По всемъ важнѣйшимъ моментамъ исторіи воссоединенія униатовъ записки митрополита Іосифа, при всемъ богатствѣ ихъ содержанія и приложенныхъ къ нимъ бумагъ, весьма не полны, и не рѣдко въ нихъ не та постановка дѣла, какая должна быть, если изучать всю совокупность сохранившихся памятниковъ.

Такъ, въ нихъ неполно объясненіе самаго начала дѣла о воссоединеніи униатовъ. Оно вышло наружу не однимъ, а двумя путями: во первыхъ, отъ митрополита Лисовскаго, посредствомъ его бумагъ, найденныхъ послѣ смерти императора Александра I въ его кабинетѣ и переданныхъ для изученія Д. Н. Блудову, послѣдствіемъ чего и былъ указъ, въ октябрѣ 1827 года, объ ограниченіи воспитательнаго вліянія базилианъ; затѣмъ оно вышло отъ Іосафа Сѣмашко тоже не безъ связи съ направлеиіемъ Лисовскаго, выразившейся въ дѣлѣ его преемника епископа Красовскаго, на что указываетъ и въ запискахъ Іосифа. Кромѣ многочисленныхъ сохранившихся архивныхъ дѣлъ, связь начала дѣла Іосифа съ бѣлорусскимъ оживленіемъ униатовъ раскрывается въ запискахъ архіепископа Василія Лужинскаго, хранящихся въ Казацкой духовной академіи, и изданіе

которыхъ теперь крайне настоятельно нужно. Тамъ есть драгоценныя, нигдѣ не встрѣчающіяся извѣстія о Лисовскомъ и Красовскомъ. Тамъ даже проводится та мысль, что главнымъ двигателемъ воссоединенія былъ не Іосифъ Сѣмашко, жившій—говорится въ запискахъ Василя—большою частью вдали и занимавшійся общими дѣлами, а онъ, Василій Лужинскій,—мысль невѣрная, но она обставлена любопытными подробностями изъ исторіи воссоединенія униатовъ, способными заставить серьезно задуматься надъ этимъ страннымъ соперничествомъ. Желательно было бы также, чтобы было напечатано собраніе писемъ извѣстнаго В. В. Скриницына (у насъ есть точная копія ихъ), командированнаго въ Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ въ 1838—1839 гг. передъ самымъ воссоединеніемъ и писавшаго почти каждый день обо всемъ, что онъ видѣлъ и дѣлалъ. Это почти дневникъ событій, и дневникъ крайне любопытный.

Неполны также объясненія важнѣйшаго поворота въ дѣлѣ воссоединенія—введенія православныхъ богослужебныхъ книгъ въ униатскія церкви и рѣшенія ускорить дѣло воссоединенія и передачу его въ вѣдѣніе св. синода, при чемъ сильно осуждается графъ Блудовъ. Многочисленные документы, намъ извѣстные, показываютъ, что время 1833—1835 годовъ было дѣйствительно страшно трудно для митрополита Іосифа, но далеко не потому, что будто бы графъ Блудовъ затруднялъ дѣла. Главныя затрудненія шли совсѣмъ съ иныхъ сторонъ. Съ восточной стороны шли требованія прямаго обращенія въ православіе всѣхъ униатовъ, и представлены были поражающіе факты разложенія унии, а съ запада двинута была самая сложная интрига въ защиту базилианъ, рѣшившихся тоже перехватить въ свои руки дѣло обрусѣнія униатовъ, и всѣ эти затрудненія завершались готовившеюся атакою со стороны папы. Понятно, что спасти дѣло воссоединенія въ томъ направленіи, въ какомъ оно начато, можно было лишь рѣшившись самому идти прямо и смѣло въ вѣдомство св. синода, что и сдѣлалъ митрополитъ Іосифъ вмѣстѣ съ графомъ Блудовымъ, а не врозь съ нимъ.

Съ этимъ-то именно поворотомъ, сначала неожиданнымъ для самаго Іосифа, тѣсно связаны были протесты Новогрудскій и затѣмъ Церковноенскій, имѣннѣе гораздо болѣе широкое и глубокое значеніе, чѣмъ это можно видѣть изъ записокъ. Дѣла объ этомъ есть большія, и въ нихъ собственноручныя бумаги митрополита Іосифа.

Подобныхъ недочетовъ и неясныхъ изложеній дѣла мы могли бы указать еще не мало.

Произошли они, без сомнѣнія, помимо всякаго намѣренія со стороны автора. Много онъ сберегъ своихъ бумагъ, многое и помнилъ; но есть громадное число бумагъ кромѣ того, въ томъ числѣ и собственноручныя митрополита Іосифа, не сохранившіяся у автора; многое также онъ и забылъ. Извѣстно, что записки свои онъ началъ писать спустя четверть вѣка отъ начала дѣла о воссоединеніи, а кончилъ ихъ спустя тридцать-четыре года. Наконецъ нѣкоторыя бумаги, вѣроятно, и не были извѣстны митрополиту Іосифу. Въ запискахъ мы находимъ, наприимѣръ, нѣкоторыя опроверженія дурныхъ извѣстій объ униатахъ, происхожденія которыхъ авторъ не знаетъ, а есть дѣла, изъ которыхъ видно, откуда пошли эти слухи, и кто ихъ пустилъ.

Нѣтъ спора, что при изданіи матеріала, завѣщаннаго для этого покойнымъ митрополитомъ Іосифомъ, было бы неудобно и даже не возможно помѣщеніе всѣхъ этихъ дополнительныхъ матеріаловъ; но можно думать, что въ ученомъ изданіи указаніе на нихъ могло бы найти себѣ мѣсто въ примѣчаніяхъ, и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ документовъ могли бы быть напечатаны въ прибавленіяхъ, одновременно изданныхъ. Мы даже рѣшаемся сказать, что не было бы надобности отсрочивать изданіе записокъ митрополита Іосифа на столь долгое время, двѣнадцать лѣтъ, еслибъ извѣстно было, какіе важные объяснительные документы, во многомъ измѣняющіе мнѣнія митрополита Іосифа, существуютъ въ нашихъ архивахъ и въ значительной части собраны пишущимъ эти строки. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее собраніе документовъ. Существуетъ собраніе бумагъ покойнаго графа Д. Н. Влудова, къ которымъ, на сколько мы знаемъ, никто кромѣ насъ не имѣлъ доступа. Въ этомъ собраніи, составляющемъ частную собственность, скрывается одинъ изъ главнѣйшихъ ключей къ уразумѣнію происхожденія важнѣйшихъ изъ правительственныхъ мѣропріятій по воссоединенію униатовъ, какъ отчасти это можно видѣть изъ одного печатаемаго нами приложенія, на оглашеніе, котораго, а также другихъ двухъ бумагъ, мы получили разрѣшеніе. Мы можемъ сообщить, что такихъ ключей къ открытію дѣйствительной исторіи мѣропріятій по воссоединенію въ этомъ собраніи не мало, и они еще болѣе раскрываютъ громадное значеніе митрополита Іосифа, но въ то же время и сильно измѣняютъ его собственное мнѣніе объ этомъ.

Можно также жалѣть о слѣдующемъ. За немногими исключеніями, всѣ документы, завѣщанные вмѣстѣ съ записками Академіи Наукъ

для изданія, составляютъ черныяки или копіи бумагъ, представлен- ныхъ правительственнымъ лицамъ или учрежденіямъ. Изданіе сдѣ- лано по этимъ черныякамъ или копіямъ. Но существуютъ эти самыя бѣловыя бумаги, представленныя правительству, и ихъ можно найдти, кто умѣетъ находить, да они большею частью и найдены. Многія изъ нихъ извѣстны были покойному священнику Морошкину и частью заданы. Многія извѣстны пишущему эти строки и списаны имъ, и въ томъ числѣ такія, подлинники которыхъ никому кромѣ него не были доступны. Сличеніе изданныхъ черныяковъ съ этими подлинниками было бы важно по слѣдующимъ причинамъ: иногда встрѣчаются разности между тѣми и другими, то дополненія въ подлинникахъ противъ черныяковъ, то пропуски.

Затѣмъ, изъ предисловія къ изданію записокъ видно, что при разборѣ черныяковъ встрѣчались затрудненія—„описки, недосмотры“, которые пришлось исправлять, и которые однако не обозначены въ изданіи ни однимъ изъ способовъ, принятыхъ въ ученыхъ изданіяхъ столь важнаго памятникка. Можетъ быть, при сличеніи черныяковъ съ бѣловыми бумагами (замѣтимъ, почти все также собственноруч- ными) не оказалось бы этого затрудненія, и во всякомъ случаѣ исправленія имѣли бы подъ собою очевидную для всякаго, научную почву и не возбуждали бы никакихъ недоразумѣній, которыя теперь могутъ возникать, и не безъ основанія. Въ одномъ изъ прилагаемыхъ документовъ, находящемся и въ изданіи Академіи Наукъ, мы указы- ваемъ варианты его въ академическомъ изданіи и рѣшительно не- знаемъ, такъ ли было въ черныякъ, съ котораго сдѣлано изданіе, или же это поправки при изданіи? Варианты эти, какъ читатели увидятъ, не важны, касаются слога, но они оказались въ отдѣлѣ документовъ, которые по извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ правиламъ печатаются безъ измѣненій.

Въ виду всего этого мы, вѣроятно, не выскажемъ ничего явнѣн- ного, если заявимъ пожеланіе, чтобы сдѣланное изданіе разошлось какъ можно скорѣе, и чтобы поскорѣе оказалась нужда въ новомъ изданіи записокъ митрополита Іосифа.

Къ настоящей статьѣ мы прилагаемъ три документа изъ выше- означеннаго собранія бумагъ графа Блудова, которые имѣютъ весьма важное значеніе, и изъ коихъ два совсѣмъ неизвѣстны.

1. Первая докладная записка графа Блудова объ извѣстной, пер- вой запискѣ Іосифа Сѣмашки, поданная государю Николаю Павловичу 2-го ноября 1827 г., то-есть, черезъ двѣ недѣли послѣ представленія

записки Иосифа. Въ этомъ намятникѣ высказывается со всею ясностію мнѣніе графа Блудова и объ Иосифѣ, и о предположенныхъ имъ преобразованіяхъ униатской церкви.

2. Также неизвѣстное до сихъ поръ письмо къ Д. Н. Блудову М. Н. Муравьева, весьма важное не только для характеристики митрополита Иосифа, но и потому, что въ немъ излагается планъ русскаго направленія дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ,—планъ, живо напоминающій дѣла того же М. Н. Муравьева, спустя тридцать лѣтъ послѣ этого письма.

3. Наконецъ, мы печатаемъ документъ, изданный и въ запискахъ, но, какъ читатели могутъ увидѣть, документъ этотъ въ нашемъ сборѣ изданіи представляетъ величайшій интересъ. Это докладная записка по важнѣйшему изъ вопросовъ, возбуждавшихъ, по словамъ автора изданныхъ записокъ, недоразумѣнія между нимъ и графомъ Блудовымъ, именно—по вопросу объ ускореніи хода воссоединенія и о передачѣ его во вѣдѣніе св. синода. Мы печатаемъ собственноручный черныякъ митрополита Иосифа, поправленный графомъ Блудовымъ и переписанный рукою извѣстнаго Ф. Ф. Вигеля. Поправки графа Блудова напечатаны нами надъ строками черныяка, и поправленныя мѣста, въ подлинникѣ зачеркнутыя, поставлены въ скобкахъ. Въ вноскахъ мы показываемъ поправки, сдѣланныя при перепискѣ Вигелемъ, а также найденные нами варианты въ изданіи Академіи Наукъ.

Всякій, прослѣдившій поправки графа Блудова, замѣтитъ, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ неважныхъ мѣстъ, онѣ касаются единственно слога черныяка Иосифа и не трогаютъ его содержанія. Подобныхъ бумажекъ графа Блудова, въ основѣ которыхъ лежатъ черныяки Иосифа, есть не мало въ этомъ собраніи документовъ, и все это съ совершенною очевидностію доказываетъ, что митрополитъ Иосифъ дѣлалъ при графѣ Блудовѣ всѣ важнѣйшія дѣла такъ, какъ самъ понималъ ихъ и находилъ нужнымъ излагать. Такое ли вліяніе на дѣла имѣлъ митрополитъ Иосифъ при графѣ Протасовѣ—мы не знаемъ. Можетъ быть это разъяснится изъ фамильныхъ бумажекъ графа Протасова, которыя, вѣроятно, сохранились. Со временемъ мы, можетъ быть, разъяснимъ это и изъ имѣющихся у насъ выписокъ изъ разныхъ дѣлъ, на сколько это будетъ возможно. Эта сторона дѣла весьма важна потому особенно, что изъ нея можно видѣть, какъ велика была сила митрополита Иосифа вездѣ, гдѣ только онъ прикасался къ дѣламы.

М. Нееловичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I

Записка, поданная 21-го ноября 1827 г.; возвращена 8-го декабря того же года ¹⁾.

Вашему Императорскому Величеству угодно было знать мое мнѣніе о Запискѣ поданной Греко-Уніатскимъ Прелатомъ Сѣмашко.

Осмѣлюсь начать изъясненіе онаго откровеннымъ признаніемъ, что сія бумага превзошла всѣ мои ожиданія. Я вошелъ въ ней, не только любопытныя, отчасти новыя извѣстія объ Уніи, но и общее, вѣрное и разительное изображеніе состоянія умовъ въ присоединенныхъ отъ Польши Областяхъ въ отношеніяхъ религіозномъ и политическомъ, основательныя, даже глубоко-мысленныя замѣчанія о причинахъ сего расположенія, о постепенномъ ходѣ зла, о необходимости и средствахъ остановить дальнѣйшіе успѣхи Римско-католическаго Духовенства и Дворянства въ Прозелитизмъ и, что вѣроятно всего лучше и важнѣе въ сей бумагѣ, видѣвъ человѣка, который по своимъ способностямъ, чувствамъ и самому званію можетъ быть употребленъ Правительствомъ съ великою пользою для великаго и святаго дѣла. Ревность его къ древней Восточной Церкви и къ Россіи можно смѣло назвать величественною: въ немъ явно играетъ кровь Русскаго, Кіевлянина. Но какимъ образомъ сіи чувства родились и доселѣ сохраняются въ душѣ Уніатскаго Священника, воспитаннаго въ Виленской Семинаріи? Кажется мнѣ удалось узнать сіе и съ достовѣрностію, изъ одного письма его къ Директору Департамента Духовныхъ Дѣлъ, въ коемъ онъ съ простодушіемъ Студента и затворника рассказываетъ о главнѣхъ, не весьма важныхъ, но сильно дѣйствовавшихъ на него, происшествияхъ своей жизни. Сіе письмо, само по себѣ довольно интересно, можетъ, по мнѣнію моему, служить новымъ доказательствомъ его искренности и потому я считаю долгомъ обратить на него вниманіе Вашего Императорскаго Величества ²⁾.

Я буду стараться исполнить въ точности изъясненную мнѣ Высочайшую волю Вашу и для того безъ потери времени, однакоже съ надлежащею осторожностію, войти въ личныя, по возможности тѣсныя сношенія съ Г. Сѣмашко и съ другими Ассессорами 2-го Департамента Римско-Католической коллегіи. Между ними, по собраннѣмъ мною свѣдѣніямъ, есть еще одинъ надежный: Зубко; третій, Маркевичъ, уже не молодой и ни почему не отличный, но добрый человѣкъ, всегда руководствуется прихвѣромъ своихъ товарищей, а всѣ они вѣстѣ вѣроятно умскуютъ и Митрополита, если еще не къ

¹⁾ Печатается съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей правописанія. Собраніе бумагъ графа Д. Н. Вязова.

²⁾ См. Записки, т. I, стр. 437.

желаемой дѣля, то по крайней мѣрѣ на истинный путь къ оной. Взявъ отъ нихъ, особенно же отъ Г-на Сѣмашко, нужныя объясненія о предполагаемыхъ въ Запискѣ его мѣрахъ, можно будетъ составить подробный планъ для постепеннаго приведенія оныхъ въ дѣйство и такъ чтобы сей планъ повидному вышелъ изъ самой Коллегіи. Всѣ сін мѣры, сколько я теперь могу судить о нихъ, будутъ и полезны и довольно удобны: Г-нъ Сѣмашко какъ кажется по смѣлу предложить одной весьма дѣйствительной и уже предначертанной Вашимъ Величествомъ: удаленія изъ Бѣлорусскихъ и Русскихъ Провинцій сего множества Римско-Католическихъ Монаховъ, которыхъ справедливо называютъ передовою дружиною Панаъ. Въ слѣдъ за сею первою и можетъ быть важнѣйшею мѣрою, необходимо принять и нѣкоторыя другія означенныя въ Запискѣ: замѣнить каноническія кресты наперстными Греческими, дабы тѣмъ обратить любочестіе Уніатскаго Духовенства отъ Панаи и Митрополита къ Престолу, улучшить состояніе и воспитаніе сего Духовенства; въ особенности же Вѣлаго, уменьшить число и кругъ дѣйствія Монашескихъ Училищъ, а въ учрежденныхъ Правительствомъ ввести полный курсъ преподаванія на Русскомъ языкѣ, размѣстивъ сін училища удобнѣйшимъ для присылки питомцевъ образомъ и доставивъ имъ не только безбѣдное но хорошее содержаніе, отдѣлить Римско-Католическихъ Базиліановъ отъ настоящихъ Уніатскихъ, чтобы первые меньше участвовали въ воспитаніи Юношества, сдѣлать такое же раздѣленіе и въ самой Виленской Главной Семинаріи ¹⁾. Наконецъ раздѣлить совершенно и Римско-Католическую Коллегію, запретивъ соединенныя засѣданія Департаментовъ и давъ второму особаго прокурора изъ уніатовъ. Съ сѣмъ вмѣстѣ, или даже и прежде, можно будетъ также на основаніи мнѣнія Г-на Сѣмашко, приступить къ упраздненію многихъ Базиліанскихъ Монастырей и къ обращенію пѣвнй ихъ на содержаніе Вѣлаго Духовенства. Сѣмью думать, что найдутся средства согласить сію мѣру съ должнымъ уваженіемъ къ праву собственности и къ волѣ основателей или Дарителей; но дабы разрѣшить сей вопросъ и нѣкоторые другіе, касательно образа исполненія вышеозначенныхъ предположеній, нужны еще многія справки и соображенія. Я немедленно займусь собраніемъ сихъ справокъ, и буду имѣть счастье повергнуть оныя вмѣстѣ съ моими заключеніями на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Д. Блудовъ.

21-го ноября 1827.

¹⁾ Дѣйствительный Тайный Советникъ Новосильцевъ представлялъ объ отдѣленія Уніатовъ отъ римско-католиковъ въ Виленской семинаріи за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины въ Божѣ почивающаго Государя Императора. Планъ его заслуживаетъ вниманіе, но вѣроятно было бы еще лучше завести Главное Духовное Училище для Уніатовъ совѣмъ особо и въ Литовскихъ губерніяхъ.

Примчаніе гр. Д. П. Блудова.

II.

Письмо М. Н. Муравьева къ Д. Н. Блудову ¹⁾.

М. г. Дмитрій Николаевичъ. Звавши (,) сколько близко сердца вашего все истинно полезное для государства и клонящееся къ возвращенію страны сей въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніи къ Россіи, какъ къ коренному отечеству, отъ котораго она въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій была отторгнута съ насильственнымъ уничтоженіемъ всего, что могло напомнить здѣсь имя русское, я долготъ почелъ поставить Ваше Высоконпревосходительство въ извѣстность (,) до какой степени и съ какими усиліями великое дѣло возвращенія уиъ къ православію, исходящее отъ премудрой воли Государя Императора и приводимое въ исполненіе подъ непосредственнымъ руководствомъ вашимъ, направляется здѣсь къ желаемой цѣли дѣятельными и благоразумными мѣрами истиннаго ревнителя православія епископа Іосифа.

Бывъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Епископомъ Іосифомъ и стараясь содѣйствовать ему всѣми (,) зависящими отъ меня способами (,) я могъ точнѣйшимъ образомъ удостовѣриться, что послѣднимъ своимъ объѣздомъ епархіи, приличными внушеніями и назиданіями въ разныхъ мѣстахъ, (,) для сего нарочно собраннаго духовенства, онъ достигъ уже до того, что во многихъ Греко-униатскихъ церквахъ въѣрвенной мнѣ губерніи (Гродненской) сооружаются иконостасы, вводится должное благоуипное служеніе по обряду Греко-восточному и наконецъ (,) само Духовенство, столь долгое время оставшееся безъ пастырскаго наущенія (наставленія или назиданія?) (,) почувствовавъ дѣйствіе власти и благотворнаго вліянія кроткихъ и поучительныхъ внушеній своего достойнаго начальника (,) начинаетъ уже постепенно безпрекословно направляться къ настоящей цѣли.

Грекоуниатскіе священники (,) болышею частію незнавшіе настоящихъ своихъ обязанностей и правилъ Богослуженія (,) попеременно призываются для изученія таковыхъ въ Жировицкій Кафедральный Соборъ, гдѣ подъ личнымъ наблюденіемъ Епископа и пныхъ приготовленныхъ имъ къ сей цѣли лицъ изучаются настоящихъ обрядамъ Грековосточной Церкви.

Вообще во всей Губерніи Грекоуниатское Духовенство, не взирая на всѣ противодѣйствія католиковъ, будучи направляемо благоразумными назиданіями и распоряженіями Епископа, отчасти начинаетъ уже чувствовать свою самобытность и стараясь выйдти (sic) изъ постыднаго ига Римлянъ (,) пріивкасть къ мысли предстоящаго преобразования. Самые даже неблагонамѣренныя изъ оного не имѣютъ повода къ отговоркамъ и ослушанію; ибо распоряженіи Епископа столь же рѣшительны (,) сколько осторожны и благоразумны; а потому тѣ, которые не желали-бы слѣдовать предписанному порядку (,) невольнымъ образомъ повинуются (,) увлекаясь примѣромъ другихъ.

¹⁾ Подписано рукою М. Н. Муравьева. Собраніе бумагъ графа Д. Н. Блудова, № 34.

Въ послѣднее мое посѣщеніе Грекоунитской Жировицкой семинаріи (.) и съ сердечнымъ удовольствіемъ лично удостовѣрился (.) до какой степени, въ послѣдствіе сдѣланныхъ правительствомъ распоряженій, твердою волею, неуспынной дѣятельностью и благоразумными мѣрами Епископа Іосифа преобразовывается духъ учащихся въ той семинаріи, съ какою приверженностью къ Августѣйшему престолу и Россіи они объясняютъ исторію Края и Церкви своей; разказываютъ отступленія оной отъ Православія, терпимыя предками ихъ насилія и гоненія за вѣру и наконецъ (.) то уничиженіе, въ которомъ находятся обыватели страны сей, издревле Россіяне, подѣ продолжительнымъ игомъ Литвы и Польши (.) забыли свою прародительскую вѣру и отечество.

Я по истинѣ тронуть былъ радушиемъ и чистосердечнымъ такимъ изъясненіемъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ, которые въ короткое время начальствованія Епископа Іосифа коведены до истинныхъ чувствъ преданности и усердія къ Государю, стремленія къ Православію и любви настоящаго своего отечества.

Вотъ явный примѣръ возможности (вопреки всѣхъ неосновательныхъ толковъ нашихъ космополитовъ и покровителей польской здѣсь ложной національности) возродить въ новомъ поколѣніи страны сей настоящія чувствованія древней Россійской народности, привязанности къ прародительской вѣрѣ и преданности къ Престолу и Отечеству *).

*) Я всегда полагаю, что надлежало бы Правительству обратить особое вниманіе на возрожденіе здѣсь древней руссійской народности, которую столь тщательно старались выглаживать и укрывать Польскіе историки, Виленскій университетъ и всѣ завѣщанія отъ онаго училища; ибо сею государственною мѣрою скоро была бы снята завѣса гибельнаго заблужденія (.) въ которомъ находятся поднесъ обыватели здѣшніе на счетъ древняго своего происхожденія. Незавѣство ихъ въ семъ отношеніи такъ велико, что большая оныхъ часть даже съ удивленіемъ и недоувѣрчивостью слышитъ о существовавшихъ здѣсь русскихъ князьяхъ, Православной вѣрѣ, Церквахъ нашихъ и гоненіи, которое претерпѣли за оную предки ихъ, даже и объ уни они имѣютъ самыя превратныя понятія.

Неоспоримо, что всякій народъ долженъ имѣть благородныя чувствованія своей національности и оныхъ уничтожать нельзя, но должно лишь направлять къ справедливой и полезной цѣли; почему же въ странѣ сей (.) издревле русскою (кромя части Виленской губерніи, составленной изъ коренной Литвы (Ковенская губернія тогда еще не отдѣлена была) и Самогитіи) коей народъ сохранилъ еще поднесъ языкъ и обычаи своихъ предковъ и въ большей части даже вѣру (нѣсколько лишь насиліемъ искаженную) Правительство упускаетъ изъ виду важнѣйшій предметъ, (.) возрожденія здѣсь истинной Россійской народности; (.) сіе сильнѣйшее оружіе, могущее со временемъ уничтожить господствующія здѣсь ложныя и превратныя понятія и ускорить время селія сей страны съ древнимъ Отечествомъ; почему по сію пору курсы историческаго преподаванія не соответствуютъ сей великой цѣли, тогда какъ край сей представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ остатки древней руссійской самобытности.

Обремененный телушими дѣлами управленія, и къ сожалѣнію не имѣлъ достаточно времени и средствъ, чтобы сдѣлать всѣ нужныя къ сему предмету по-

Епископъ Іосифъ (,) не ограничиваясь таковыми, виданными успѣхомъ въ преобразованіи духа и направленіи сихъ молодыхъ людей, безъ оглядки приуточили уже болѣе благоразумное и значительное духовенство въ союзію съ окончательное присоединеніе къ Православію, а теперь для совершенія сего великаго дѣла нужно лишь приступить Правительству къ болѣе рѣшительному шагу, долженствующему Государственнымъ постановленіемъ соединить навсегда управленіе Уніи съ Православіемъ и приготовить на будущее время совершенное сліянiе оной съ греко-россійскою Церковью; словомъ (,) необходимо скорѣе подчинить Греко-Уніатскую Коллегію и Духовенство Святѣйшему Синоду, на первый разъ хотя въ распорядительномъ смыслѣ.

Свою великою истрѣю (,) не могущему возродить въ народѣ и Духовенствѣ положительнаго противодѣйствія, Святѣйшій Синодъ (,) сдѣлавшись сначала хотя косвеннымъ образомъ распорядителемъ Уніатской Церкви (,) содѣйствуя къ ея возвышенію и приучая Греко-Уніатское Духовенство къ понятію о нѣкоей отъ оного зависимости (,) несомнѣнно въ скоромъ времени, по изъясненіи на то священной воли Государя Императора, могъ-бы принять въполнѣ и безъ надѣйшаго затрудненія церковную власть надъ Греко-Уніатскимъ исповѣданіемъ; а между тѣмъ слѣдъ самымъ положится рѣшительная черта между уніатами и католиками, главный предметъ (,) до котораго должно стараться здѣсь достигнуть, для блага самаго края; всѣ-же прочія внутреннія и наружныя преобразованія Греко-Уніатской Церкви неукоснительно будутъ производиться общими силами и слѣдовательно съ болѣе широкимъ успѣхомъ.

По истрѣю моему (,) тѣмъ необходимѣе поспѣшнѣе приступить къ сей истрѣ, что всѣ дѣлаемая уже матеріальныя измѣненія въ устройствѣ Церквей и Богослуженія естественнымъ образомъ должны были возродить въ странѣ сей нѣкое глухое понятіе (поддерживаемое католиками) о готовящемся преобразованіи и потому, пока не успѣла еще партія Римлянъ приуточить противодѣйствіе; (ибо оное тогда только можетъ быть здѣсь дѣйствительнымъ, когда усмотрѣн колеблемость и медленность въ правительственныхъ истрѣхъ) необходимо рѣ-

дробнымъ изысканіямъ; однакожь, по возможности каряжалъ особымъ чиновниковъ для осмотра нѣкоторыхъ архивовъ, въ коихъ найдены весьма любопытныя слѣды Россійской народности, изъ коихъ нѣкоторые отрывки буду имѣть честь въ свое время сообщить Вашему Высочайшему Превосходительству. Впрочемъ предметъ сей (,) нахъ мнѣ кажется (,) тогда только можетъ быть съ должнымъ успѣхомъ приведенъ въ исполненіе, когда по Высочайшему соизволенію назначены будутъ особы русскія ученые (комиссія?) для собранія подробныхъ какъ въ здѣшнихъ губерніяхъ, такъ и въ государственныхъ архивахъ хранящихся свѣдѣній, касающихся до древней народности сего края; изъ которыхъ надлежало бы составить, для преподанія въ училищахъ особыя книги, и отрывки изъ нихъ публиковать для всенароднаго свѣдѣнія, а въ особенности въ сихъ губерніяхъ, съ указаніемъ истрѣжныхъ доводовъ. Великая Екатерина истрѣтно имѣла сіе въ виду (,) повелѣвъ напечатать всѣ собранныя въ Государственныхъ архивахъ свѣдѣнія объ Уніи; но къ сожалѣнію мысль сія осталась въ послѣдствіи времени безъ дальнѣйшаго распространенія.

Примчаніе М. Н. Муромца.

шительнымъ вышесказаннымъ распоряженіемъ (,) нисколько не теряя времени (,) положить оному должную преграду: послѣ чего и самыя католики по свойственному имъ фанатизму будутъ гнушаться униатами, почитая ихъ въ душѣ своей дѣйствительными схизматиками.

Дѣло о возвращеніи Уніи къ Православію уже слишкомъ поддвинулось въ исполненіи, чтобы можно было въ дальнѣйшихъ примѣненіяхъ онаго допустить какую либо колеблемость и при истинно гениальныхъ дѣйствіяхъ епископа Іосифа и положенныхъ имъ уже на мѣстѣ началахъ, общая, рѣшительная мѣра сія, ежели будетъ приведена въ исполненіе съ должною самостоятельностью, поразивъ умы своею нечаянною (,) не встрѣтитъ никакого мѣстнаго противодѣйствія и затрудненія; народъ же (,) слѣдуя слѣпо своему духовенству (,) самъ собою не въ состояніи понимать предстоящаго преобразованія, тѣмъ болѣе (,) что оныя подпись называя себя и церкви Унитскія рускими, Католиковъ-же поляками, дѣлаемыя во внутреннемъ устройствѣ оныхъ и самое Богослуженіе улучшенія принимаетъ довольно равнодушно; (,) объясняя оныя по своему; (,) а именно, что прежнія Унитскія Церкви, хотя и были рускія, нынѣ же дѣлаются правдивыми рускими; другіе же отъ одного устройства иконостасовъ считаютъ себя благочестивыми и наконецъ иные объясняютъ разницу между грекоунитскимъ исповѣданіемъ и благочестивымъ, говоря, что прежде ихъ Богослуженіе было русское холонокое; (,) а нынѣ вводимое есть руское (,) панское, осуждая даже своихъ священниковъ въ незнавіи настоящаго служенія. По симъ понятіямъ народа ясно видно, что нужно лишь ускорить общею мѣрою, не давая католикамъ время разсѣвать противныя тому мысли и противодѣйствовать сдѣланному уже столь благоразумному впечатлѣнію на Грекоунитское Духовенство личными (,) хотя косвенными внушеніями епископа Іосифа; (,) воздерживаясь съ тѣмъ вмѣстѣ до пѣкотораго времени отъ частыхъ (частныхъ?) рѣзкихъ обращеній изъ Уніи въ Православіе; ибо отъ сего распространяется въ народѣ мысль о различіи исповѣданій, тогда какъ до общей мѣры (,) какъ мнѣ кажется (,) должно показывать во всѣхъ отношеніяхъ тождественность и единство оныхъ; (,) не давая простодушнымъ повода говорить, что якобы ломаютъ ихъ вѣру; ибо сія единая мысль возрождаетъ въ нихъ противодѣйствіе и даетъ оружіе римлянамъ тайнымъ образомъ противоборствовать воли правительства.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ совершеннымъ вниманіемъ вникая и разсматривая мѣстность Края сего, нравственный бытъ народа и дѣйствующія здѣсь политическія и религіозныя иружины (,) хотя я и совершенно убѣжденъ въ возможности рѣшительнаго и скорого возвращенія Уніи къ Православію; а въ особенности при принятыхъ уже мѣрахъ Правительствомъ и благоразумныхъ дѣйствіяхъ Епископа Іосифа; однако-же полагаю бы необходимымъ (:) приступая безотлагательно къ вышесказанной Государственной мѣрѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ предписать строжайшіе способы взыскапія съ Римскаго Духовенства за всякое увлеченіе Униатовъ въ Католицизмъ; ибо они не престають сего дѣлать, пользуясь невѣжествомъ народа и тайнымъ покровительствомъ номішниковъ; тѣмъ болѣе что законы (,) на сей случай изданные (,) облечены слишкомъ большою формальностію и мѣра наказанія отдалена и недовольно дѣйствительна.

Также необходимо начертать общія и единообразныя правила содѣйствія

въ семь дѣлѣ Гражданскаго Начальства, безъ котораго при всѣхъ дѣятельныхъ и благонамѣренныхъ, принимаемыхъ върахъ главнымъ Унитскимъ епархіальнымъ начальствомъ нельзя ожидать (,) на большомъ пространствѣ, возвращенныхъ отъ Польши губерній, влодѣи и во всѣхъ случаяхъ успѣха; ибо волею могущаго гдѣ либо возродиться хотя ничтожное противудѣйствіе должно тотчасъ прекращать гражданскому начальству; (,) не давая оному усиливаться и распространяться.

Епископъ Іосифъ по возвращеніи въ Санктпетербургъ вѣроятно лично о всемъ объяснить Вашему Высокопревосходительству; а же съ своей стороны почелъ долгомъ хотя вкратцѣ изложить нѣкоторыя мои по сему предмету мысли, извлеченныя изъ взаимныхъ съ нимъ совѣщаній и тщательнаго наблюденія мѣстности. При чемъ содѣйствуя общей цѣли, я полагаю бы полезнымъ, чтобы въ казенныхъ и конфискованныхъ мѣстностяхъ теперь же было дозволено поддержать унитскія церкви; устроить въ оныхъ иконостасы и все нужное къ благоутробному служенію по обряду Греко-восточному (тамъ (,) гдѣ не нѣтъся фундаментальныхъ средствъ) на счетъ казны и экономическими способами тѣхъ мѣстностей; ибо сею мѣрою отычется у Грекоунитскихъ Священниковъ, большею частію весьма бѣдныхъ, поводъ къ ропоту, якобы они вынуждены употреблять послѣднее свое достоинствіе къ поддержанію церквей; но какъ сего я дѣлать не могъ безъ особаго распоряженія высшаго Правительства, то и нѣмощность представить на благоуваженіе Вашего Высокопревосходительства.

Основываясь на сей мысли я косвеннымъ образомъ старался склонить помѣщиковъ къ поддержанію церквей и устройству иконостасовъ въ ихъ мѣстностяхъ и многіе уже къ сему приступили; впрочемъ (,) мнѣ кажется, что не было бы бесполезно вмѣнить я отъ высшаго Правительства въ непремѣнную обязанность владѣльцевъ поддерживать по возможности существующія въ ихъ приходскихъ церквяхъ; ибо по несчастію въ странѣ сей крестьяне столько изнурены работами отъ помѣщиковъ своихъ (,) что по истинѣ не въ силахъ безъ ихъ пособія поддерживать церквей, которыя по сей причинѣ большею частію находятся въ самомъ разрушенномъ положеніи.

Не распространяясь болѣе о семъ важномъ Государственномъ дѣлѣ возвращенія Уніи въ Православію (,) требующемъ многихъ общихъ и мѣстныхъ соображеній и потому не могущихъ быть возложенными съ должною подробностію безъ личныхъ предварительныхъ объясненій и совѣщаній съ людьми (,) занимающимися этимъ дѣломъ, я ограничиваюсь нинѣ сими мыслями по сему предмету писаніемъ; (,) долгомъ поставляя въ подкрѣпленіе всего вышесказаннаго на счетъ настоящаго направленія духа образованія юношества въ Жировицкой Грекоунитской Семинаріи представить Вашему Высокопревосходительству произнесенное слово при открытіи въ оной въ нынѣшнемъ году курса ученія, изъ коего вы усмотрѣть изволите, что ния руское (,) въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій забытое въ странѣ сей, древнее и коренное достоинствіе Россіи (,) начинаетъ наконецъ возрождаться въ новомъ расцвѣтѣ Грекоунитскаго Духовенства (,) получившемъ свое бытіе отъ щедротъ Великаго Государя.

Сей первый опытъ возрожденія здѣсь древней русской народности и истинныхъ чувствъ вѣронопаданнической (,) нелицемѣрной преданности къ Августѣйшему Государю, я почелъ полезнымъ напечатать хотя въ небольшомъ числѣ

экземпляровъ собственно для представленія начальству и таковыхъ 25 пмѣю честь поднести Вашему Высочайшему, какъ главному покровителю и распорядителю столь благихъ въ семь краѣ начинаній.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію вмѣю честь быть Вашего Высочайшего (,) Милостивый Государь *) покорнымъ слугою
 Михайль Муравьевъ.

№ 906.

12 октября 1834.

Гродно.

Его Высочайшему
 Д. Н. Блудову.

III

Докладная записка объ ускореніи дѣла воссоединенія ²⁾.

Великой и святой ^{бога}
 (Благод) дѣло возвращенія полутора миліона униатовъ въ нѣдра Греко-
 Россійскія Церкви и соединенія ихъ такимъ образомъ неразрывными узлами съ
 общимъ тѣломъ Россіи, древней истинной ихъ матери, привидилось въ испол-
 неніе съ 1828 года (однимъ и тѣмъ же путемъ) указаннымъ(м)ъ министерству
 волею вашего величества. всѣ ³⁾ приняты по оному мѣру, всѣ изданныя
 многочисленныя (распоряженія) клонились къ тому: чтобы отдѣлить Униатовъ
 отъ Римской (а) приблизить къ Греко-Россійской Церкви; чтобы (искоренить)
 постепенно все заимствованное ими отъ Римлянъ (а) возстановить устройство
 (церквей), богослуженіе ⁴⁾ и поставленіемъ восточн(ми), Церкви чтобы (посред-
 ствомъ) воспитані(я) юношества измѣнить духъ и образъ мыслей Греко-унитскаго
 Духовенства и (такимъ образомъ) ⁴⁾, дѣйствуя посредствомъ самаго сего(же) Ду-

¹⁾ Отсюда собственно рукою М. Н. Муравьева.

²⁾ Собраніе бумагъ графа Д. Н. Блудова, № 41. Заглавіе записки сдѣлано нами. Записка эта была доложена Д. Н. Блудовымъ Государю 26-го мая 1835 г., какъ и помѣчено на самой запискѣ рукою Д. Н. Блудова. Черныя напечатаны въ изданіи Акад. Наукъ, т. I, прилож., № 65, стр. 687—690.

³⁾ Букву В въ началѣ строки митрополитъ Іосифъ обыкновенно употреблялъ прописку, только въсколько увеличенную. Точно такую же буквою онъ начиналъ слова: Ваше Величество.

⁴⁾ Въ печатномъ: *богослуженія*.

⁵⁾ Въ печатномъ: *способомъ*.

ховенства, переродить нечувствительно Уніатовъ, изъ полу-поляковъ католиковъ въ русскихъ Православныхъ. О ходѣ сего дѣла и успѣхахъ по оному, я имѣлъ счастье доносить постоянно вашему величеству и всегда (въ полномъ) оставался увѣреніемъ, что данное оному направление, есть самый благоразумный ¹⁾ и надежнѣйшій путь къ достиженію предположенной цѣли.

Но ²⁾ ходъ Уніатскаго дѣла (не зависѣлъ отъ одно(го) ³⁾ Министерства ⁴⁾ ^{части управленія, которая въ настоящее время находится въ распоряженіи Вашего Величества} Вашихъ Императорскихъ Величествъ итѣ. ⁵⁾ ^{внутреннихъ дѣлъ} Православное Духовенство, одушевленное ревностію и ⁶⁾ ^{а съ ними заботѣ и} угадывая наміренія Вашего Величества, нѣкоторые Гражданскіа Чиновники, ⁷⁾ ^{снѣзь же} (тѣмъ же) духомъ руководимы; избрали для достиженія той же цѣли, по выдѣльному кратчайшій и для всѣхъ болѣе понятный способъ, то есть: частное ⁸⁾ ^{а нѣкоторыхъ изъ} обращеніе уніатовъ (къ) Православію, посредствомъ Миссіонерскихъ и Школьных мѣръ. Успѣхъ присоединенія снѣзь образомъ омолодъ пятьдесятъ тысячъ Уніатовъ, почти исключительно въ казенныхъ и Русскихъ Помѣщикамъ владѣемыхъ имѣніяхъ; ⁹⁾ ^{не совершенно меня радовалъ}. Не только я (ш)татъ ¹⁰⁾ ^{довольно} обращеніе самаго народа бѣтъ Духовенства не (вовсе) надежнымъ и прочнымъ, не только ожидалъ, что успѣхи снѣзь ¹¹⁾ ^{будутъ не} (не могутъ быть) продолжительнымъ и остановятся на селеніяхъ въ вѣденіи помѣщиковъ Поляковъ Католиковъ, для обузданія противодѣйствія конкъ нужны будутъ мѣры болѣе рѣзкія; но въ слѣхъ частныхъ присоединеній видѣлъ (я ¹²⁾ ^{даже} истинное препятствіе успѣху (дѣла о) присоединеніи(и общемъ) Уніатовъ по предвѣчертанному ¹³⁾ ^{востановленію съ возрастающимъ ежегодно количествомъ хотя безъ малѣйшей гласности успѣхомъ} Вашимъ Величествомъ и въ теченіи (болѣе) шести (уже) лѣтъ исполняющемуся плану.

Къ сожалѣнію, предвидѣнное мною (часъ отъ часу болѣе) сбывается. Хотя ¹⁴⁾ ^{другой моей всеподданнѣйшей докладной означенныя} я и считая (взясненныя) въ (прилагаемой) запискѣ о насеніи князя Хованскаго дреувеличенными; тѣмъ не менѣе (однакожь) очевидно вредныя послѣдствія совершившихся (уже) частныхъ присоединеній. Онѣ ¹⁵⁾ ^{но} сдѣлали слышномъ

1) Въ печатномъ: *благоразумнѣйшій*.

2) Въ перебранной запискѣ здѣсь запятая.

3) Въ перебранной запискѣ: *снѣзь уснѣхъ*.

4) Въ печатномъ я пропущено.

5) Въ печатномъ: *одобренному*.

6) Въ печатномъ: *они*.

яными намѣренія Правительства; возбудили общее опасеніе и противо-
дѣйствіе въ господствующей въ западныхъ областяхъ Польско-^{Литавской} (Католической)
партіи; поставили Греко-Россійское Духовенство въ отношеніи къ Уніатамъ
какъ будто въ
(во) враждебномъ видѣ; возродили въ сихъ послѣднихъ опасеніе и недоувѣри-
вость къ совершающимся (у нихъ) преобразованіямъ; произвели *) взаимное
раздраженіе, (слишкомъ) не выходящее для дальнѣйшихъ дѣйствій Правительства.
Для предупрежденія въ
будущемъ снхъ
(Впрочемъ), неприятны(я) послѣдств(ія) двухъ системъ дѣйствовавшихъ от-
дѣльно и независимо на уніатское дѣло въ двухъ почти противоположныхъ
направленіяхъ; (предвидѣны съ самаго начала): вашему величеству благо-
угодно было еще въ Іюні мѣсяца прошлаго 1834 года, назначить комитетъ **)
состоящій изъ духовныхъ лицъ Греко-Россійскаго и Уніатскаго исповѣданія)
(а также) нѣсколькихъ государственныхъ сановниковъ, посредствомъ котораго
можно бы было согласовать мѣры принимаемыя (по уніатскому дѣлу), какъ со
стороны главнаго управленія дѣлами Греко-Россійскаго Исповѣданія, такъ и
со стороны Министерства внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ (сей) долженствовало
учредиться (съ) возвращеніемъ изъ Москвы митрополита Филарета; (и я за
прибытіемъ вынѣ сего духовнаго) въ Санктпетербургъ (долгомъ поставляю) ис-
прашивать соизволенія вашего величества на открытіе (упомянутого) коми-
тета, (и вмѣстѣ съ тѣмъ) представ(ить) проектъ высочайшаго о семъ пове-
дѣнія.

Я не сомнѣваюсь, что можно еще вести Уніатское дѣло къ (преднамѣрен-
ной) цѣли, тѣмъ же путемъ благоразумной постепенности, по которому Пра-
вительство (до сего) слѣдовало, и который одинъ, не требуя особенныхъ съ ду-
хомъ времени несогласныхъ успій, общается для онаго вѣрный и прочный
успѣхъ. Нужно замѣтить что
Нужно замѣтить что
о частими
протнводѣйствіе потребуютъ вѣроятно, болѣе (открытаго) въ семъ дѣлѣ участія
Правительства и (болѣе) рѣшительности въ обузданіи протнводѣйствующихъ.
Изскаать причины для сего мѣры и представлять *) оныя на усмотрѣніе
вашего величества, будетъ дѣломъ учреждаемаго вынѣ комитета, которому и

*) Въ бѣловой бумагѣ прибавлено: съ снхъ духовныхъ.

**) Въ бѣловой: предназначить учрежденіе комитета.

*) Въ печатномъ: представить.

не премину сообщить мою по сему предмету мысли вообще (уже) извѣстныя вашему величеству изъ прежнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ.

Учрежденіе (однакожь) комитета, имѣ(етъ) двѣ отдѣльныя дѣла. Одна изъ ^{первыхъ} ^{чтобы} нихъ есть: согласовать мѣры предпринимаемыя по Министерству внутреннихъ Дѣлъ и по Управленію Греко-Россійскими дѣлами; дать болѣе силы и прочности исполненію послѣдовавшихъ уже Правительствъ(енныхъ) распоряженій по Уніатскому дѣлу ⁴⁾; дѣйствовать постоянно на преобразование уніатовъ ⁵⁾ по части учебной, Церковному Устройству, Богослуженію и благотворенію, на основаніи сам(ихъ) Буллъ Папскихъ положившихъ начало Уніи; (Другая, чтобы) мѣры принимаемыя въ сему (непротивному совѣсти) наружному преобразованію, такъ обдумывать и такъ направлять, (дабы) онѣ имѣли ⁶⁾ дѣйствовать и на окончательное обращеніе Уніатовъ (въ) Православію). Первая (изъ сихъ) дѣл(ей), можетъ быть открытою; вторая должна быть тайною. По сему, я также соображался (долгомъ поставляю) испривинять высочайшаго вашего ⁴⁾ величества соизволенія, чтобы въ полномъ собраніи Комитета обсуживаемы были мѣры по Уніатскому дѣлу только въ первомъ отношеніи; а для соображенія оныхъ (въ ближайшихъ) вида(хъ) присоединенія Уніатовъ въ Православію, совѣщались частью только ⁵⁾ нѣкоторые члены, (такъ) чтобы въ комитетѣ предлагались мѣры уже обдуманныя, въ безспорномъ принятіи коихъ не предстало бы никакого сомнѣнія. Тако(во)е пригтовительное совѣщаніе кажется необходим(ымъ) по образу мыслей нѣкоторыхъ Членовъ Комитета, при коихъ ⁶⁾ обсуживать дѣла оного во всѣхъ отношеніяхъ, было бы и неприлично и (неблаго-разумно). Сверхъ того при сихъ совѣщаніяхъ, между нѣкоторыми Членами Комитета вліянія на дѣла, имѣющими больше можно ^{будетъ} удобіе давать, по вѣдомству Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Синодальнаго Оберъ-Прокурора, одинакое направленіе многимъ распоряженіямъ въ Уніатскихъ дѣлахъ относящихся, не обременяя Комитета всякими и(хъ)лочами ⁷⁾.

Д. Блудовъ ⁸⁾.

Маія 25-го дня 1835 года.

¹⁾ Въ блзловомъ текстѣ: въ отношеніи къ уніатамъ.

²⁾ Въ блзловомъ текстѣ: на ихъ преобразование.

³⁾ Въ блзловомъ выпущено слово: елика.

⁴⁾ Въ блзловомъ прибавлено: императорската.

⁵⁾ Въ блзловомъ вѣдето только написано: имия.

⁶⁾ Вѣдето коихъ рукою грава Блудова было поправлено котормыхъ, но не внесено въ блзловую бумагу.

⁷⁾ Въ печатномъ изданіи, въ словѣ може, ѣ поправлено на е.

⁸⁾ Подпись грава Блудова собственноручная.

П. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзи. Кіевъ. 1881.

Два вопроса былевой поэзи разобрали въ диссертациі г. Жданова: источники нашего духовнаго стиха объ Аникѣ и былины о Святгорѣ; въ одномъ изъ приложений поставленъ вопросъ объ источникахъ былинь о Дюкѣ Степановичѣ. Аникой, отчасти въ связи съ Святгоромъ, я занялся въ особой статьѣ, явившейся въ 1875 г., нѣкоторые результаты которой приняты и новымъ изслѣдователемъ: я разумѣю сопоставленіе Дигениса-Аникита греческихъ пѣсенъ съ нашимъ Аникой. Разбору былинь о Святгорѣ Самсонѣ я посвятилъ нѣсколько страницъ въ моемъ разборѣ книги Вольнера ¹⁾, вышедшемъ почти одновременно съ появленіемъ отдѣльныхъ главъ диссертациі г. Жданова на страницахъ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстій. Наши результаты не во всемъ согласны между собою, но пока я не имѣю еще повода отступить отъ своихъ.

I.

Неоспоримо важнымъ результатомъ изслѣдованія г. Жданова является открытіе нѣмецкаго источника нашего „Пренія Живота со Смертію“. Мнѣ этотъ источникъ либо не представлялся раздѣльнымъ отъ оригинала Аники, либо представлялся въ общихъ чертахъ—какого-нибудь западнаго Пренія, воздѣйствовавшаго на складъ нашей статьи ²⁾. Г. Ждановъ уясняетъ этотъ вопросъ воздѣйствій и вліяній слѣдующимъ образомъ: Какое-нибудь греческое сказаніе о смерти Акрита-Дигениса давно занесено было на Русь; въ немъ подлинное имя героя было забыто и замѣнилось прозвищемъ Аникиты, Аники. Затѣмъ „появляется у насъ переводъ „Двоесловія живота и смерти“. Памятникъ этотъ быстро передѣлывается. Получается повѣсть о боѣ удалаго воина со смертію. Народная поэзія идетъ дальше. Она подмѣчаетъ сходство повѣсти съ преданіемъ объ Аникѣ: бой героя со смертію осложняется „Преніемъ“ (стр. 81—82).

¹⁾ Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie, II: Ein deutsches Werk über die russischen Byliden, *Russ. Revue*, B. XIX, стр. 403—446.

²⁾ См. *Галазова* Ист. русск. словесн., изд. 2-е, т. I, стр. 494.

Эта аргументація г. Жданова предполагаетъ, что греческая легенда или пѣсня о боѣ Дигениса съ Харомъ, занесенная къ намъ въ старину, не отличалась существенно отъ современныхъ, въ которыхъ главный интересъ отдалъ бою, и нѣтъ того элемента елейности, который отличаетъ нашъ духовный стихъ. Слѣдуетъ ли объяснять это позднѣйшимъ влияніемъ „Пренія“, или возможно предположеніе, что среди пѣсней о Дигенисѣ и Харѣ встрѣчались и такія, гдѣ сюжетъ, самъ по себѣ, получилъ такое же освѣщеніе? Укажу, для сравненія, на древнюю поэму о Дигенисѣ и на подлинникъ русскаго Девгенія, усилившій тонъ благочестія и нравоученія на счетъ эпического дѣйства. Если такая именно переработка пѣсней о Дигенисѣ легла въ основу нашего стиха, позднѣйшее воздѣйствіе на него переводнаго „Пренія“ объяснилось бы еще болѣе естественнымъ образомъ.

Такой переработки мы не знаемъ, но можемъ попытаться приблизительно возстановить ее.

Нашъ Анника представляется нечестивцемъ:

Много Анника по землѣ походилъ,
 И много Анника войны повоевалъ,
 И много Анника городовъ раззорилъ,
 Много Анника церквей растворивши,
 И много Анника языкъ Божіихъ поругавши,
 И много Анника святыхъ иконъ переколовши,
 Много Анника христіанскія вѣры облативши.

(Варенцовъ, стр. 120; Кирѣевскій, IV, стр. 129—130). По нѣкоторымъ пересказамъ (Варенцовъ 110, 120—121; Кирѣевскій, I, с. 130; сл. стр. 115) онъ похваляется „пачальный градъ Іерусалимъ раззорити“. Вѣдетъ—и встрѣчается въ чистомъ полѣ съ невиданнымъ „чудомъ“. У Рыбникова, II, № 48 похвальба иная:

„Кабы далъ да мнѣ-ка Господи
 Съ небеси во столби коленюшко булатно,
 Повернулъ бы я всю землю на сиве небо,
 А спие небо на сыру землю;
 На міру-бы смерти не было,
 И народъ-бы былъ весь живъ“.
 Да не полюбились эти рѣчи Господу Богу,
 Посылаетъ онъ двѣ сумоцьки переметны:
 Одну сумоцьку клалъ противъ неба,
 А другу сумоцьку клалъ противъ земли,
 И послалъ онъ своихъ скорыхъ апостолюдь,
 И куды ити Онники вѣхати. .

Встрѣтивъ на пути тѣ сумки, онъ проситъ добрыхъ людей походить ихъ, не то онъ задѣветъ ихъ ногой, и негдѣ будетъ ихъ

искать. Добрые люди зовутъ Аника „пустохваляшкой“; а онъ разсердился:

Задѣлъ онъ за сумоцьку пожкой дѣвою,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть;
Задѣлъ Оника ноженькой правою,
И не могъ онъ сумоцьку повыздынуть.
Соскодалъ Оника со добра коня
И принимался во всю силу богатырскую:
И по жолѣнъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.
Разсердился Оника по сердноу,
И разолился Оника по звѣрному;
И принимался со всю силой богатырскою:
И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцьку повыздынуть.
И принимался Оника не на шутоцьку,
И по грудей ушелъ онъ въ матушку, во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцьку повыздынуть;
И надорвалъ онъ свое ретвиое сердцеюшко,
И со стыдомъ садился на добра коня,
На добра коня на Обамата.
И поѣхалъ Оника Воинъ цистымъ полемъ,
Широкиимъ раздольемъ.
А на той пути на дороженьки
Лежать тутъ Цудо цудоое,
Лежать тутъ Диво дивное:
Руки—ноги лошадиный,
А голова лежитъ звѣриная,
И туша целовѣцка.

Чудо это лежитъ,

Валяется среди пути-дороженьки

Чудо престрашное (Кир., стр. 116).

Валяется, очевидно, подѣ впечатлѣніемъ сумокъ, лежавшихъ, навалившихся на доророгѣ.

Откуда эти сумки, и какво ихъ значеніе? Онѣ встрѣчаются въ былинахъ о Святогорѣ и Самсонѣ, какъ эпизодъ, связанный съ похвальбой повернуть небо и землю. Г. Ждаповъ (стр. 105) предполагаетъ, что эпизодъ этотъ при Аникѣ не первоначалепъ, а занесенъ туда изъ народнаго пѣсеннаго преданія о библейскомъ Самсонѣ. Въ Книгѣ Судей разказывается: „Нашелъ онъ (Самсонъ) свѣжую, ослиную челюсть, и протянувъ руку свою, взялъ ее и убилъ ею тысячу чловѣкъ. И сказалъ Самсонъ: „Челюстію ослиною толпу, двѣ толпы, челюстію ослиною убилъ я тысячу чловѣкъ“... И почувствовалъ сильную жажду, и воззвалъ къ Господу и сказалъ: „Ты содѣлалъ рукою

раба Твоего великое спасеніе сіе; а теперь умру я отъ жажды и попаду въ руки необрѣзанныхъ". И разверзъ Богъ лиину въ Лехъ, и потекла изъ нея вода. Онъ наполнил и возвратился духъ его". Въ разказѣ Іосифа Флавія Самсонъ, послѣ избіенія челоустью тысячи челоуѣкъ, слишкомъ зазнался. Это избіеніе онъ сталъ приписывать не Божьей помощи, а собственной силѣ. Онъ изнемогаетъ отъ жажды, силы оставляютъ его; онъ боится, какъ бы на него, слабого и безпомощнаго, не напали враги: онъ убѣждается, что челоуѣческая доблесть—ничто, и молится. Господь открываетъ тогда изъ-подъ камня источникъ воды, и Самсонъ спасенъ, къ нему вернулась сила (стр. 130—131).

Въ этой похвальбѣ библейскаго Самсона г. Ждановъ видитъ источникъ похвалы нашего одноименнаго былиннаго богатыря, въ камнѣ, который въ разказѣ Іосифа Флавія никто не поднимаетъ (ὁ θεὸς κτήνην κατὰ τὴν; πέτρην ἀνίσταν ἡδαίαν καὶ κολλήν),—прототипъ сумки, которую напрасно силится поднять нашъ Самсонъ, а за нимъ, и Анника. „Изъ сказаній о Самсонѣ могло зайдти въ Анникинъ стихъ и подыманіе тяжелой сумы“ (I. с. стр. 105), говоритъ г. Ждановъ, едва ли нѣтъ при этомъ въ виду поднятіе библейскимъ Самсономъ городскихъ воротъ съ обонии косяками (стр. 131).

Представленія, очевидно, не покрываются. Допустимъ ихъ тождественность и послѣдуемъ за дальнѣйшими доводами автора. Разстояніе, отдѣляющее камень отъ былинной сумы, наполняется для автора (стр. 108 и слѣд.) распространенною народною сказкою, герой которой запираетъ Смерть въ рогъ съ табакомъ, въ гробъ, торбу-суму, либо заклипаетъ ее на дерево; торба оказывается тяжелой, пока въ пей заключена Смерть; люди за это время не умираютъ; освободившись изъ сумы, Смерть поканчиваетъ тотчасъ же съ тѣмъ, кто ее заперъ. Переводя эти образы на тѣ, которые признаны были соответствующими въ былинѣ и стихѣ, г. Ждановъ (стр. 117) отождествляетъ ихъ сумочку съ торбой Смерти; какъ въ русской сказкѣ о Смерти и косарѣ Смерть выскакиваетъ изъ-подъ поднявшейся кочки, а въ нѣмецкой она валяется по дорогѣ, сраженная великаномъ, такъ валяется въ одномъ пересказѣ стиха и Чудо. Мы уже замѣтили, что это представленіе неудачно перенесено на Смерть съ образа лежавшей на дорогѣ сумки. Какъ въ сказкахъ никто не умираетъ, пока Смерть находится въ заключеніи, такъ похваляется и Анника:

На міру бы смерти не было
И впродъ бы былъ весь живъ.

Но общій характеръ этой похвальбы ясенъ: Аника не знаетъ предѣловъ своей силѣ, пока не встрѣтится съ Смертью; сумки не идутъ въ счетъ, Смерть не въ нихъ заключена, а встрѣчается тотчасъ же особо и во очю. И ничего не имѣлъ бы противъ предположенія, что въ Рыбниковскомъ пересказѣ стиха одинъ и тотъ же мотивъ могъ быть употребленъ дважды, въ разныхъ образахъ: встрѣча съ торбой Смерти и затѣмъ съ Смертью (будто бы выскакивающей изъ торбы, какъ въ сказкахъ?). Но дѣло въ томъ, что Аника не умираетъ при встрѣчѣ съ сумками, и лишь у Гильф. № 270 и Рыбн. I № 7 Самсопъ и Святогоръ пересѣлись, стараясь ихъ поднять; вообще же эта встрѣча отдѣлена отъ слѣдующей затѣмъ смерти богатыря. Сумки являются на пути нахвальщика—какъ предупрежденіе, какъ голосъ свыше: въ нихъ погружена „вся тягота“ (Рыбн. III, № 1);

Да подписана на сумочкахъ

Да подписана все земльная тягота,

говорятъ Святогору прохожіе старцы (Гильф. № 119). Въ вологодскомъ преданіи о разбойникѣ Аникѣ (Кир. IV, приложенія, стр. СХI—СХII) онѣ обратились въ „узелки съ землею“, къ которымъ, по забвенію основнаго смысла, прибавлены: несокъ, частицы антидора и святыхъ мощей. Въ побывальщинѣ у Рыбн. I, № 8, прим. на стр. 39 в слѣд., Святогоръ не можетъ нагнать на конѣ прохожаго, идущаго впереди. На окликъ богатыря онѣ приостановился, „снималъ съ плечъ сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говорить Святогоръ богатырь: „Что у тебя въ сумочкѣ?“ „А вотъ подими съ земли, такъ увидишь!“ Сошелъ богатырь съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ адимать обѣма руками, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрызъ. Говорить богатырь таковы слова: „Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и адинуть сумочку не могу“. „Въ сумочкѣ у меня тяга земная“. Да кто жъ ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звездичають какъ по изотчяни?“ „Я есть Микулушка Селяниновичъ“. Ему, стало быть, подъ силу поднять сумку, какъ Миколѣ Можайскому (очевидно, тому же Микулѣ)—тяжелый камень, въ который обратился Потыкъ (Рыбн. I № 37): не даромъ говорить про него каливка Ильѣ Муромцу:

Еще сильѣе отъ матушки сырой земли

Микула Селяниновичъ (Рыбн. II № 2).

Что такое земная тяга, сила отъ земли?

часть ссххх, отд. 2.

8

Извѣстенъ изъ былинъ о Вольгѣ образъ Микулы, грандіознаго пахаря, котораго сопоставляли съ пашущимъ Византійскимъ императоромъ Гугономъ въ западныхъ сказаніяхъ о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь. Сопоставленіе совершенно вѣрно, если довести его до конца, не дѣлая выводовъ изъ одной образности. Гугонь—богатѣйшій и могущественнѣйшій властитель, и онъ пашеть, правда, драгоценнымъ плугомъ, но пашеть не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму: „въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ“; „со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей“. Такъ въ кимрійскомъ пересказѣ старо-французскаго оригинала. Въ землѣ—богатство и сила, но вмѣстѣ и та страшная, увлекающая тяга, противъ которой не устоятъ ни одному человѣку. Ее памятуетъ Гугонь—и презентеръ Іоаннъ, какъ онъ, могучій и богатый, передъ лицомъ котораго всегда посланъ сосудъ, наполненный землей: символъ смертности; горсть земли переиѣриваетъ небольшой камень, тяжесть котораго дотолѣ казалась неизмѣримой: то человѣчeskій глазъ, ненасытный, не знающій мѣры желаніямъ. Такъ въ западныхъ пересказахъ легенды объ Александрѣ Великомъ; въ Талмудѣ вмѣсто камня является мертвая голова: символика остается та же, что и въ первыхъ, и въ нартской сказкѣ о Сосланѣ, гдѣ къ головѣ присоединяется и неводѣнная сумка: „по-надъ дорогой лежитъ сумочка, въ которой что-то такое, величиной съ человѣческую голову“. Когда далѣе толкуется, что она заключала въ себѣ блага всѣхъ созданныхъ Богомъ странъ, вмѣстятяще всѣхъ благъ, то несомнѣнно, слѣдуетъ подсказать то особое значеніе, съ какимъ явился въ Александровскихъ сказаніяхъ камень-глазъ и человѣчeskій черепъ.

Изъ всей этой мистической символики земли, все дающей и все отнимающей, въ нашемъ эпосѣ сохранился отрывочный образъ пахаря, который не только поднимаетъ сумки, но и бросаетъ иной разъ подъ облако и свою соху, что уже совсѣмъ безъ смысла. Но и поднятіе сумки съ земною тягой, очевидно, искажено изъ болѣе понятнаго мотива—разумѣется, очевидно для тѣхъ, кто не усматриваетъ въ Микулѣ стихійнаго богатыря, бога-пахаря.

Неводѣнная сумка съ землей на пути хвастливаго богатыря могутъ означать лишь одно: ты „возвратишься въ землю“; это—предпріятіе смерти, которая тотчасъ и является.

Новогреческія пѣсни о боѣ Дигениса съ Харомъ не знаютъ ни упохвалбы, ни эпизода съ сумками. Интересна въ одной изъ нихъ

встрѣча Дигениса съ чудеснымъ оленемъ, непосредственно передъ встрѣчей съ Харомъ; у оленя между рогъ распятіе, звѣзда на головѣ, промежъ плечъ „панатія“: образъ, извѣстный изъ легендъ, напримѣръ, изъ житія Плакиды, св. Губерта и друг.; символическое животное является какъ бы призывая къ обращенію, покаянію. Не то ли значеніе имѣеть оно и въ греческой пѣснѣ? Это отвѣчало бы отчасти эпизоду о сумкахъ, напоминающихъ о брѣнности человѣческой силы. Дигенисъ пренебрегаетъ этимъ знаменіемъ и убиваетъ оленя; слѣдуетъ ватѣмъ страшное видѣніи Хара. Обо всемъ этомъ разказываетъ друзьямъ Дигенисъ, готовясь къ смерти; онъ самъ знаетъ, что заслужилъ ее за тотъ грѣхъ на охотѣ:

Τριακόσι' ἀρκούδια σκότωσα κ' ἐξήντα δύο λιοντάρια.

'Επέτωχα κ' ἐβάρσα τὸ στοιχειωμένο λάφι,

Πούχε σταυρὸ στὰ κέρατα κ' ἀστέρι στὸ κεφάλι,

Κι' ἀνάμεσα στὰ δίπλατα εἶχε τὴν Παναγία.

Αὐτὸ τὸ κρίμα μ' ἔσωσε καὶ θέλω νὰ πεθάνω.

Τριακόσους χρόνους ἔζησα 'δῶ στὸν ἀπάνω κόσμο.

Κανένα δὲν φοβήθηκα ἀπ' τοὺς ἀντρεωμένους.

Τῶρ' εἶδ' ἕνα ξεσκάτσωτο πεζὸ κ' ἀρματωμένο,

Πούχε τοῦ ῥήσου τὰ πλουμιά, τῆς ἀστραπῆς τὰ μάτια,

Τὸν εἶδανε τὰ μάτια μου κ' ἐλάβωσ' ἡ καρδιά μου.

Κεῖνο τὸ κρίμα μ' ἔσωσε καὶ θέλω νὰ πεθάνω.

Вернемся къ стиху объ Аникѣ: онъ встрѣтился съ Смертью и спрашиваетъ ее: кто она. Та отвѣчаетъ. Аника сначала храбрится, хвастаетъ, что поразить Смерть своею палицею; она говоритъ, что ее никому не побѣдить:

Жилъ на землѣ сильной-могучій Святогоръ богатырь,

Жилъ на землѣ сильной-могучій Молоферъ богатырь,

Жилъ на землѣ сильной-могучій и Самсонъ богатырь,

И тѣ мнѣ Смерти покорилися,

И тѣ мнѣ Смерти поклонилися.

Либо именуются богатыри Малафей (Молоферъ=Олофернъ?), Соловей (=Соломонъ?), Егоръ-Святогоръ, „богатырь надъ семидесятью землями богатырь“, и даже Полканъ (Варенцовъ, 112, 119, 122; Кир. I. с. 131). Аника мѣняеть тонъ и не грозитъ теперь, а умоляетъ Смерть дать ему пожить нѣсколько лѣтъ, одинъ годъ, одинъ часъ; хочетъ закупить, ее: обѣщаетъ построить ей церковь, списать ея ликъ на иконѣ; говорить, что раздасть свою золотую казну по тюрьмамъ и богадѣльнямъ. Все напрасно: Смерть сразила его, косою поги подкосила, пилой руки поднимала.

Тотъ же мотивъ бесѣды со Смертью, та же просьба отсрочки и предложеніе откупиться встрѣчаются и въ текстахъ нашего Пренія, откуда, по мнѣнію автора (стр. 82), они внесены были въ переработки Авиньена стиха. По этому поводу замѣтимъ слѣдующее: тотъ списокъ Пренія, который представляетъ наибольшую близость къ нижнепѣмецкому діалогу, изданному Мантельсомъ ¹⁾, не перечисляетъ поименно героевъ, сраженныхъ Смертью ²⁾; не знаетъ ихъ и оригиналь. По мнѣнію г. Жданова (стр. 12), источникомъ послѣдняго былъ *Fastnachtspiel Mercatoris'a* ³⁾, въ которомъ однако жертвы Смерти перечисляются (Адамъ, Самсонъ, Авраамъ, Лотъ, Давидъ, Соломонъ), какъ и въ *Präsel vom Tode*, изданной Гёдеке (Адамъ, Самсонъ, Соломонъ, Юдиѣ, Ахиллъ, Гекторъ, Аристотель, Юлій Цезарь, Дитрихъ Бернскій, Зигфридъ, Гильгебрандъ, и др.); см. *Wickham, Irgreitend Bilger: Samson, Alexander, Clitonus, Eurialus, Elatreus*. Откуда взялись подобные перечни въ позднихъ спискахъ нашего Пренія, напримѣръ, въ Уваровскомъ № 557—Царск. № 449 (Самсонъ, Александръ, Давидъ, Соломонъ, Акиръ), Погодянскомъ № 1773 (Александръ, Самсонъ), въ рукописи Ундольскаго № 993 (Самсонъ, Давидъ, Александръ, Кириллъ Праведный), въ текстѣ, изданномъ г. Востомаровымъ (Памятники старинной русской литературы, вып. II, 339—340: Самсонъ, Александръ, Соломонъ, Акиръ), въ южно-русскихъ пересказахъ, помѣщенныхъ у г. Жданова какъ Р (Самсонъ, Давидъ, Александръ) и С (Адамъ, Авраамъ, Иаковъ, Ной, Моисей, Иисусъ Навинъ, Самсонъ, Александръ, Македонскій, Соломонъ, Давидъ; Троянъ, Улианъ, Максиміанъ)? Слѣдуетъ ли предположить для нихъ другой оригиналь, болѣе близкій къ *Fastnachtspiel'ю*? Вопросъ этотъ не лишенъ важности въ связи съ другимъ, разрѣшить который всего легче г. Жданову, пересмотрѣвшему много списковъ нашего памятника. Дѣло въ томъ, что въ той ихъ группѣ, которая яснѣе всего отразила нѣмецкій подлинникъ, и гдѣ нѣтъ именъ, характеръ пренія—аллегорическо-отвлеченный: пренираются Жизнь и Смерть; на оборотъ, въ текстахъ, представляющихъ перечень, декорация мѣняется, иногда смѣшиваясь съ предыдущей. Въ Уваровской рукописи № 557—Царск. № 449 статья оза-

¹⁾ *Mantels, Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, 1876, p. 132, 133.*

²⁾ См. этотъ текстъ у Жданова, стр. 194—200 (смъ regard съ нѣмецкими текстомъ).

³⁾ *A. v. Keller, Fastnachtspiele aus dem XV Jhrh., Theil II.*

⁴⁾ *Gödeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter, p. 976—977.*

главлена: „Преніе бысть Животу со Смертію въ чистомъ полѣ“; въ Волоколамской № 520 передъ преніемъ помѣщенъ разказъ объ уда-
ломъ воинѣ, о встрѣчѣ его со Смертію: „Нѣкій человекъ, воинъ-
удалецъ, и ѣздяше по полю чистому, по раздолю широкому, и
приде къ нему Смерть“. Та же встрѣча воина и Смерти въ „По-
вѣсти о бодрости человѣческой“ (Погодина № 1773, въ спискахъ
Ундольскаго № 537 и 933); воина и рыцаря въ южно-русскихъ пере-
сказахъ. Интересно при этомъ, что въ нѣкоторыхъ текстахъ второй
группы читается похвальба Самсона въ тѣхъ же почти выраженіяхъ,
въ какихъ мы встрѣчаемъ ее въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ
и стихѣ объ Анигѣ. Такъ у Ундольскаго № 933, въ списокѣ музея
Кіевской духовной академіи № 52; у Ундольскаго № 537 дважды: въ
началѣ кичится воинъ: „аще бы былъ азъ на облацехъ небесныхъ,
а въ земли бы было колце оутвержено, і азъ бы всею землею под-
визалъ“; а далѣе Смерть говоритъ ему о своемъ всемогуществѣ:
„Самсонъ былъ сильный і онъ говорилъ тако: аще бы было колце
вдѣлано въ землю, и азъ бы всѣмъ свѣтомъ поворотилъ, да и тотъ
не смѣлъ спиратися со мною“. Ту же двойственность представляетъ
и Погодинская рукопись № 1773.

Если перечни именъ повели насъ къ предположенію, для второй
группы текстовъ Пренія, другаго нѣмецкаго оригинала, помимо издан-
наго Мантельсомъ, то какъ объяснимъ мы новыя черты: замѣну
отвлеченнаго спора Живота и Смерти—реальнымъ между воиномъ и
Смертью, въ чистомъ полѣ, и похвальбу Самсона, усвоенную и вои-
номъ-смертоборцемъ?

Г. Ждановъ (29—30) представляетъ себѣ одно послѣдовательное
развитіе отъ первой группы ко второй: переводится нѣмецкій діалогъ
Жизни и Смерти; нѣкоторыя его части, не имѣвшія значенія
для русскихъ читателей, были впоследствии выброшены, на мѣсто
того явились вставки изъ памятниковъ, обращавшихся въ старо-рус-
ской письменности (жизніе Василія Новаго, повѣсть объ Акирѣ пре-
мудромъ и т. д.). Далѣе діалогъ обращается мало по малу въ по-
вѣсть, образы спорящихъ мѣняются: Смерть является въ реальномъ
жепскомъ образѣ, вооруженная косою, „Животъ“ обратился въ уда-
лаго воина, кичащагося своею силой, упоминающаго въ своей по-
хвальбѣ о другихъ богатыряхъ: они слабѣе его. „Измѣнившійся
„Животъ“ вводится, такимъ образомъ, въ кругъ богатырей“ (30).

Неужели этотъ переходъ отъ отвлеченнаго пренія къ повѣсти такъ
естественъ и простъ, что для его объясненія достаточно процессъ

литературной эволюціи, не опиравшейся на какіе-нибудь посторонніе образы? Я указываю на то византийское сказаніе-пѣсню о боѣ Дигениса-Аники съ Харомъ, которое отложилось въ позднѣйшихъ формахъ нашего духовнаго стиха. Эти формы могли иснить вліаніе „Пренія“, но ихъ оригиналъ могъ въ свою очередь воздѣйствовать на ту группу его текстовъ, которая замѣнила историческіе образы реальными, дѣйствіе перенесло въ чисто поле, выдвинуло мотивъ похвалы и имена сраженныхъ смертью героев—другими словами, тѣ черты, которыя до сихъ поръ составляютъ принадлежность Аникина стиха.

Въ греческихъ пѣсняхъ о боѣ съ Харомъ не вездѣ его противникъ носить имя Дигениса: иногда вмѣсто него является просто чобакъ, пастухъ, вѣтязь, разбойникъ (λεβέντης; сл. у Хавіота, стр. 167, № 1), охотникъ (Ливараки, № 142). Какъ герой пренія и стиха, онъ проситъ Харя отпустить его на три дня, три ночи, чтобы пожить, друзей повидать: у него жена молодая, малыя дѣти, мать-старуха:

Ἄσος με Χάρο μ', ἄσος με τρεῖς μέρας καὶ τρεῖς νύχτες
 Τὰς δύο νὰ φάγω καὶ νὰ πιῶ, τὴν μιὰ νὰ σεργιανίσω,
 Νὰ πάω, νὰ διῶ τοὺς φίλους μου, νὰ διῶ καὶ τοὺς δικούς μου,
 Πῶχω γυνίκα παρανιά καὶ χήρα δὲν τῆς πρέπει,
 Πῶχω καὶ δύο μικρούτσικα κι' ὀρφάνια δὲν τοὺς πρέπει,
 Πῶχω τὰ πρόβατ' ἄκουρα καὶ τὸ τοῦρὶ σὸ καδί.

(Passow, № ССССХХVI; сл. №: ССССХХVII, ССССХХXI):

Ἄσος με Χάρε' μ', ἄσος με, γιατίεῖμαι παρανίος
 Κ'εῖμαι λεβέντης ἑακουστός, λεβέντης ἑακουσμένος,
 Κ'ἦ μάνα μου ἐγέρασε κι' ἄλλο παιδί δὲν κάνει

(ib. № ССССХХIX). Смерть не слушаетъ его, не беретъ у Дигениса откупа, а поражаетъ его въ бою: противъ нея никому не устоять. Петритидисъ, пересказавшій въ XVII вѣкѣ, съ приближеніемъ къ народному стилю, старую поэму о Дигенисѣ, такъ вводитъ въ VIII книгѣ разказъ о смерти героя:

2973 Ἐν τῷ Χάρῳ ὄμπρος ἡ ἀνδρεία τίποτις δὲν αἰτίζει,
 Τοὺς ἀνδρειωμένους τίποτις ὁ Χάρος δὲν τοὺς χρίζει.

Ἄσος με Χάροντας τοὺς βασιλεῖς ἔς τὸ νοῦν του δὲν τοὺς βάνει,
 μὰ ἔρχεται μὲ δύναμιν καὶ τὴν ψυχὴν τοὺς βγάνει,
 ἔρχεται μ' ἀγριότητα, ὅσων χόρτα μας θερίζει
 καὶ τὴν ψυχὴν ἐν τῷ κορμὶ ἀλόπητα χωρίζει

(сл. ст. 3031—3032). Можетъ быть, слѣдовало въ какой-нибудь книгѣ утраченной пѣснѣ или сказаніи и знакомое намъ перечисленіе сраженныхъ смертью героевъ, напริมѣръ Самсона. Въ древнемъ текстѣ поэмы, издавномъ Миліараки, часто упоминается о его подвигахъ, львѣ, имъ сраженномъ, и Далигѣ (стихи 3993 слѣд.; 823 — 824 слѣд.; 1324—26); Дигенисъ сравнивается съ Самсономъ:

3862 καθὼς ἐγράφη ὁ Σαμψὼν ἐκαῖνος ὁ ἀνδρείος,
 ποῦ ἔφθασε καὶ ἤλασε τόσον λαὸν καὶ πλῆθος,
 ὁ νόμος ὁ Μωσαϊκὸς τὸ λέγει καὶ ἔπαινᾷ τον,
 καὶ πάντες οἱ διδάσκαλοι μέγαν καὶ ἰσχυρὸν τὸν λέγουσιν
 ὡσπερ ἐγὼ τὸν Διγενῆν καὶ τοὺς λοιποὺς ἀνδρείους.

Умирая, Дигенисъ держитъ рѣчь, говоритъ, что на томъ свѣтѣ увидятъ царей и владыкъ церкви, богатейрей и съ ними—Самсона.

4053 ἐκαὶ Σαμψὼν καὶ δύναται καὶ γίγαντες μεγάλοι,
 καὶ φόβηροι καὶ θαυμαστοὶ ἐμίσησαν ἀπ' ἔδω.

Интересно у Петритца, какъ народно-поэтический отзвукъ, выраженіе:

3820 Ἄλλὰ ἔς τοῦ Χάρου ταῖς πληγαῖς βότανα δὲν ἀξίζουσι.

Сл. въ новогреческомъ двустышіи (Passow, стр. 594, № 1155):

Ἐτοῦ Χάρου ταῖς λαβωματιαῖς βοτάνια δὲν χωροῦνε,
 μήτε γιатροὶ γιатρούουσι, μήτε καὶ ἄγιοι βοηθοῦνε.

Такого рода выраженіе легко могло повести къ видоизмѣненію типа смертоборца: мы видѣли его молодцомъ-удальцомъ, воиномъ, наступкомъ, клефтомъ; въ италянской пѣснѣ онъ—semplicista, то-есть, аптекаръ, москательщикъ, полагающій, что всякую болѣзнь можно вылѣчить зельемъ-травой; а Смерть говоритъ ему:

Chi è sto pazzo ignorante, poco accorto,
 Che non teme l'ombra del mio valore,
 Che dove passo davanti le porte
 Tremano i potenti di terrore?
 E questo vole vincere la morte
 Con l'erbe e non conosce lo valore,
 Che lo ferisco in testa, tanto forte
 Che lo faccio morire di dolore? *)

*) Contrasto che fa un ignorante semplicista con la Morte, credendosi che (siel) con li suoi semplici medicamenti non morir mai. См. Gian Battista Basile, *Archivio di letteratura popolare*, diretto da Luigi Molinaro Del Chiaro anno 1: Gaetano Amalfi, A proposito di danze macabre p. 59.

Тотъ же мотивъ въ сицилійскихъ народныхъ пѣсняхъ о преніи между простецемъ (ignocante), разчитывающимъ на помощь гѣварства, и смертью, которая убѣждаетъ его въ своемъ могуществѣ, перечисляя лица Ветхаго и Новаго Завета, сраженнаго ея рукою. Въ одномъ контрастѣ, принадлежащемъ Ясоро Pittureri (Palermo, 1667 г.), простецъ задаетъ Смерти рядъ вопросовъ: какъ она объявилась въ свѣтъ, кто первый ей подвергся, кто убилъ Тристава, Голаанда и Самсона ¹⁾; въ другомъ, не изданномъ (27 октавъ), отрывки котораго обязательно сообщалъ мнѣ Питре, опять встрѣчается неразумное хвастовство гѣварственнымъ зельемъ:

Наju tant' ervi e su' misi a la vista,
Nun mi vogghiu spagnari di la Morti.

Въ *Istoria del cavalier Turchino* Смерть, вооруженная косою, является неожиданно для него; онъ хочетъ вначалѣ застрашать ее:

Morte, uscite di senso e di ragione:
Vuoi che comandi a qualche mio servo,
E ti farò pigliare col bastone.
Io son quel Cavalier uso all'armata,
Ch'oggi possedo una donna assai bella,
Son sette mesi, che me l'ho sposata.

Смерть даетъ ему лишь немного времени чтобы покаяться; напрасно онъ грозитъ ей мечемъ, проситъ отсрочки, предлагаетъ выкупъ.

Morte, dammi di tempo quattro mesi,
Acciò la donna mia non sia turbata,
Ti vo'dare una salma di torneai ²⁾.

Въ неаполитанской пѣснѣ ³⁾ ей сулятъ деньги, хотаяъ запереться отъ нея за золотомъ стѣною:

I'te dongo semilia ducate.
. . . . .
I'me farraggio fà' nu ciardinetto
'E mura d'oro me farraggio fare,
Dai labardieri i' me farò guardare.
Dimme (Morte) pe'quala via puoje entrare?

Стало бытъ, тѣ же образы, чтò и въ Аникиномъ стихѣ; *Turchino* такой же воинъ; если его имя традиціонное, то онъ напоминаетъ

¹⁾ *Pitrè*, Studi di Poesia popolare стр. 258, 250.

²⁾ *Giamb. Basile*, l. c. p. 58—9.

³⁾ l. c. p. 58.

Дянку нечестивца, разоравшаго церкву, ругавшагося надъ иконами, какъ Дигеннсъ греческой пѣсни не убоился выстрѣлить въ оленя съ расшатѣмъ на рогахъ.

II.

Разысканія г. Жданова о Преніи и Стихѣ послужили ему введеніемъ къ болѣе сложному вопросу—объ источникахъ былинъ о Святоторѣ и Самсонѣ. Уже г. О. Миллеръ ¹⁾ высказался за тожество этихъ богатырей, которое г. Ждановъ понимаетъ такимъ образомъ: Самсонъ въ нашихъ былинахъ древнѣе Святотора; основу разказовъ о немъ слѣдуетъ искать въ библейско-апокрифной легендѣ, къ которой примѣшались другіе разказы того же характера и—сказки. Святоторъ, въ сущности, „Святоторскій“, въ началѣ эпитетъ Самсона, „выраженіе смутнаго воспоминанія о библейско-апокрифномъ происхожденіи богатыря“ (?); затѣмъ эпитетъ отдѣлился отъ имени и въ формѣ Святотора сталъ на мѣсто собственнаго: Самсонъ (стр. 163—165).

Библейско-апокрифная струя, услѣдимая въ нашемъ былинномъ Самсонѣ, сводится къ эпизоду объ остриженіи волосъ и смерти подъ развалинами зданія, встрѣчающемуся лишь въ одномъ пересказѣ (Рыби. III № 1); похвальба Самсона—въ былинѣ и Преніи также представляется автору остаткомъ „какого-то (пока еще неизвѣстнаго намъ вполне) апокрифнаго преданія“ (стр. 163). Выше мы видѣли, что это—предположеніе, пока, дѣйствительно, не подтвержденное фактами. Присоединимъ къ этому и „семь власявъ ангельскихъ“ нашего Самсона, источникъ которыхъ указавъ Вольнеромъ въ Книгѣ Судей, гл. 16, стр. 19: „И уснула его (Даллада) на колѣнахъ своихъ, и призвала челоуѣка, и велѣла ему остричь семь косъ головы его“; прозвище Манойловичъ (искаженное Нанойловичъ, Самойловичъ), очевидно, взято отъ Маноя—имени Самсонова отца въ Книгѣ Судей ²⁾. Можно бы присовокупить къ этому и еще одно библейское воспоминаніе (стр. 130, прим. 13), которымъ, однако, г. Ждановъ не воспользовался въ своемъ гѣсисѣ: ослиная челюсть, которую Самсонъ побиваетъ Филистимлянъ, представляется Шульце „поддѣланнымъ измѣненіемъ болѣе древняго еврейскаго выраженія,

¹⁾ Илья Муромецъ, стр. 217, 218—219; см. также стр. 252, 284, 419, 486, 691.

²⁾ См. нем. Forschungen, I. с. стр. 414.

означавшаго: сила земли". Это было бы хорошею параллелью къ „земной тягѣ" въ сумочкахъ, которыя въ былинахъ силится под-
нять Самсоуъ. Шульце разувѣтъ какой-нибудь мечъ, вырытый
изъ земли.

Ни семи ангельскихъ волюсъ, ни ихъ остриженія, ни гибели водъ
развалинами дома, ни прозвища Манойловичъ ми не встрѣчаемъ въ
былинахъ при имени Святогора; на оборотъ, что поется о послед-
немъ, встрѣчается отчасти и съ именемъ Самсона, но далеко не
все. Если присоединить къ этому и цѣльность, въ которой пред-
ставляется намъ вѣсенная біографія Святогора, то вѣствѣ съ тѣмъ
оправдана и точка отправления слѣдующаго изложенія: не отъ
Самсона къ Святогору, а на оборотъ.

Начну съ побывальщины у Рыби. I стр. 39—41 прим. Она от-
крывается знакомою намъ встрѣчей Святогора съ Микулой, несущимъ
земную тягу. Богатырь спрашиваетъ его, какъ узнать ему „судьбину
Божію". „А вотъ поѣзжай путемъ-дорогою прямоѣзжемъ до розстани,
а отъ розстани сверни влѣво и пусти коня во всю прыть лошадиную,
и подъѣдешь къ Сивернымъ горамъ. У тыхъ у горъ, подъ великимъ
деревомъ стоитъ кузница, и ты спроси у кузница про свою судьбину." Поѣхалъ Святогоръ дорогою прямоѣзжемъ, отъ розстани свернулъ
влѣво, пустилъ коня во всю прыть лошадиную: сталъ его добрый
конь поскакивать, рѣки, моря перескакивать, широкія раздолья про-
межъ ногъ пускать. Ъхалъ Святогоръ богатырь три дня и доѣхалъ
до Сиверныхъ горъ, до того до дерева великаго и до той кузницы:
въ кузницѣ кузнецъ куеетъ два тонкіихъ волоса. Говоритъ богатырь
таковы слова: „А что ты куеешь, кузнецъ?" Отвѣчаетъ кузнецъ: „Я
кую судьбину, кому на кожь жениться". „А мнѣ на кожь жениться?"
„А твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ,
тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ". Стоитъ богатырь, пораздумался:
„Дай-ка я поѣду въ твое царство Поморское и убью тую невѣсту".
Пріѣхалъ оиъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко пре-
стольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ ябу: никого
нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ: тѣло у ней,
точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ богатырь пятьсотъ рублей и
положилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ и билъ ее мечемъ
по бѣлой груди, а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Про-
снулася дѣвка, смотритъ: съ нея точно дубовая кора спала, а на
столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей:
такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тья деньги

начала она торговать и наживала бесчисленную золотую казну, строила кораблики черные, накладала товары драгоценные и поехала по славну по синю морю. Приехала она ко городу великому на Святых горах и стала продавать товары драгоценные. Слухъ про нею красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ богатырь посмотрѣть на красавицу,—полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней и легли спать, увидѣлъ онъ рубчикъ на ней бѣлой груди и спрашивалъ жену: „Что у тебя за рубецъ на бѣлой груди?“ Отвѣчала ему жена: Въ наше царство Поморское приѣзжалъ невѣтъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избы денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась: у меня рубецъ на бѣлой груди, и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ“. Тутъ Святогоръ богатырь дозналъ, что отъ судьбины своей никуда не уйдешь“.

Въ этой побывальщинѣ-сказкѣ, сюжетъ которой принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ ¹⁾, нѣчто, очевидно, не сказано: въ сказкахъ заѣзжій молодецъ „облюбилъ“ снующую красавицу и оставляетъ знаки своего присутствія: двѣ полушки, перстень и т. д. Пятьсотъ рублей, оставленные Святогоромъ, не могутъ имѣть другаго значенія. Кора которою обрастаетъ суженая Святогора, имѣетъ свой смыслъ: въ новогреческихъ пѣсняхъ языкъ обрастаетъ волосами отъ частыхъ разспросовъ, сердце отъ неисходнаго горя; въ русскихъ стихахъ о Егоріи, его сестры-полонянки обрастаютъ ли, или потому, что погружены еще въ мракъ невѣрія? Таково значеніе дикой, обросшей Эльзы въ поэмѣ о Волфдотрихѣ; и невѣста Святогора характеризуются такимъ-же образомъ, выражающимъ, быть можетъ, ея внутреннюю нечистоту, природенную порочность. Жена Святогора еще разъ является въ эпосѣ—въ разказѣ о ея невѣрности; страхъ богатыря, когда ему указана его суженая, былъ-бы пошлѣ мотивированъ предсказаніемъ объ ея измѣнѣ. Вылина могла забыть объ этомъ мотивѣ.

Тотъ же разказъ о суженой приуроченъ у Рыбникова, III, стр. 3 и слѣд., къ Самсону: кузнецъ выковалъ ему жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки-калѣки, тридцать лѣтъ лежавшей въ гноищѣ; онъ пытается убить ее, и лишь женившись, признаетъ, что

Суда Божія на добромъ копѣ не объѣхати.

¹⁾ См. сопоставленія Жданова, I, с. р. 140 слѣд. и мои замѣтки въ отчетѣ о сборникѣ г-жи Кремицъ Ж. М. П. 1883 г., ч. CCXXV, отд. 2, стр. 226—228.

Догадавшись изъ мужнина разказа, что Самсонъ хотѣлъ разрубить ее на полы, жена озлобилась на него и готовить ему мечь, мечь библейской Далиды: узнавъ, что его сила въ семи ангельскихъ волосахъ, она напаяваетъ его, остригаетъ и ослѣпляетъ; онъ скитается объ руку съ „крѣпостной служавочкой“, и когда черезъ три года его волоса отросли, просить повести себя къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ: схватившись за столбъ, онъ разсыпалъ палаты, тутъ и его самого убило. Очевидно, библейская тема, въ пересказѣ Палея. Такъ въ единственной былинѣ у Рыбн. III № 1.

Какъ развивался мотивъ о невѣрной женѣ въ нѣсныхъ о Святоторѣ? Я полагаю теперь, въ противоположность моему прежнему взгляду¹⁾, что къ эпизоду о „суженой“ примыкаетъ, какъ исполненіе пророчества, разказъ объ Ильѣ и Святоторовой женѣ, параллели къ которому я указалъ въ персидскомъ Туми-намѣ, въ сказкахъ 1001-й ночи, въ двухъ повѣстьяхъ Kathāsaritsāgā, въ буддійской джатакѣ, сказкѣ изъ Камаона и у Frauenlob. Вотъ соответствующій отрывокъ былинны, у Рыбн. I № 8:

Наѣхалъ Ильа въ чистомъ полѣ
 На шатеръ бѣлопоятный;
 Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырмъ дубомъ,
 И въ томъ шатрѣ кровать богатирская не малая:
 Долиной кровать десяти сажень,
 Шириной кровать пяти сажень.
 Привязалъ Ильа добра коня къ сыру дубу,
 Легъ на тую кровать богатирскую
 И спать-заснулъ.
 А сонъ богатирскій крѣпокъ,
 На три дня и на три ночи.
 На третій день услышалъ его добрый конь
 Великій шумъ съ подѣ-сиверныя сторонѣшки:
 Мать-сыра земля колебается,
 Темны лѣсушки шатаются,
 Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
 Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
 Не можетъ разбудить Илью Муромца.
 Прозычелъ конь языкомъ человѣческимъ:
 „Ай же ты, Ильа Муромецъ!
 Спишь себѣ, проглаждаешься,

¹⁾ Объ одномъ эпизодѣ былинны о Святоторѣ, *Филологич. Записки* 1877. г., № 1. Противъ взгляда, тамъ выраженного, я высказался уже въ моей замѣткѣ о книгѣ Вольнера I. с. стр. 416 и слѣд.

Надъ собой незлодушки не вѣдаешь:
 Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
 Ты опускай меня во чисто поле,
 А самъ полѣзай на сырѣй дубъ“.
 Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
 Слуцалъ жона во чисто поле,
 А самъ выставъ во сырѣй дубъ.
 Видить: ѣдетъ богатырь выше гѣсу стоячаго,
 Головой увираетъ подъ облаку ходячую,
 На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
 Приѣхалъ богатырь къ сиру дубу,
 Снялъ съ ногъ хрустальный ларецъ,
 Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
 Выходить оттолъ жена богатырская,
 Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
 Не видано и не слыхано:
 Ростомъ она высокая,
 Походка у ней щепливая,
 Очи аснаго сокола,
 Бровушки чернаго соболя,
 Съ платица гѣло бѣлое.
 Какъ вышла изъ того зарца, собрала на столъ,
 Полагала скатерти бранныя,
 Ставила на столъ ѣствушки сахарнія
 Вынимала изъ зарца питьица медавнина.
 Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
 И пошелъ съ женою въ шатеръ проклаждатися,
 Въ разныя забавы заиматися.
 Тутъ богатырь и спать заснулъ.
 А красавица жена его богатырская
 Пошла гулять во чисто поле,
 И высмотрѣла Илью въ сырѣй дубу.
 Говорить она таковы слова:
 „Ай же ты, дородній добрый молодецъ!
 Сойди-ка со сыра дуба,
 Сойди, любовь со мной сотвори;
 Буде не послушаешься,
 Разбужу Святогора богатыря
 И скажу ему,
 Что ты насильно меня въ грѣхъ звалъ“.
 Нечего дѣлать Ильѣ:
 Съ бабой не створить,
 А съ Святогоромъ богатыремъ не сладить;
 Сгѣзъ онъ съ того сыра дуба
 И сдѣлалъ дѣло пожелѣное.
 Взяла его красавица, богатырская жена,
 Посадила къ мужу во глубокъ карманъ,

И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
 Проснулся Святогоръ богатырь,
 Посадилъ жопу во хрустальный ларецъ,
 Заперъ золотнымъ ключемъ,
 Сѣлъ на добра коня
 И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
 Сталъ его добрый конь спотыкаться,
 И билъ его богатырь плеткою шелковою
 По тучнымъ бедрамъ.
 И проговорить конь языкомъ человѣческимъ:
 „Оперѣжь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
 А нынѣ везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
 Дивья мнѣ потыкаться!“
 И вытащилъ Святогоръ богатырь
 Илью Муромца изъ кармана,
 И сталъ его выспрашивать,
 Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
 Во глубокъ карманъ.

Илья все разказалъ; Святогоръ убиваетъ жену, а съ Ильей поимѣнялся крестомъ, называлъ его меньшимъ братомъ.

У Рыбникова, IV, № 1, передается тотъ же разказъ, только прозой: Святогоръ возитъ жену въ карманѣ, откуда вынимаетъ ее, куда она кладетъ и Илью.

Въ моемъ предыдущемъ изслѣдованіи ¹⁾ я предположилъ, что разказъ о невѣрной женѣ Святогора внѣшнимъ образомъ вошелъ въ былинну о первой встрѣчѣ этого богатыря съ Ильей. Содержаніе этой былинны слѣдующее: Илья догоняетъ незнаемаго богатыря, два раза наноситъ ему удары, которыхъ тотъ и не замѣчаетъ; на третій разъ онъ схватываетъ Илью съ конемъ и причетъ себѣ въ карманъ; тутъ провѣщился конь Святогора, что не въ силахъ возить двухъ богатырей, да еще и коня (Гильф. №№ 265, 273; въ № 270 богатырь названъ: Самсонъ—Святогоръ; въ № 119: Святогоръ, но на мѣстѣ Ильи стоитъ Самсонъ), какъ въ былинѣ о невѣрной женѣ онъ говоритъ, что не можетъ везти двухъ богатырей и жену богатырскую. Мнѣ представилось, что сходство положеній (жалоба коня на тяжелую ношу) указываетъ именно на мѣсто, гдѣ совершилось включеніе повеллы о невѣрной женѣ въ былинну о встрѣчѣ. Въ настоящее время я нѣсколько иначе понимаю соотношеніе этихъ эпизодовъ и, не рѣшая вопроса о томъ, который

¹⁾ *Филолог. Зап.* 1877, № 1. См. съ тѣхъ поръ мой отчетъ о книгѣ Вольера.

изъ нихъ древнѣе—по отношенію къ Ильѣ, участвующему въ обовѣхъ, склоненъ признать разказъ о женѣ-измѣнницѣ органическимъ для былины о Святогорѣ. Онъ какъ бы продолжаетъ, осуществляя его, разказъ о суженой: Святогору суждено жениться на дѣвушкѣ Поморскаго царства; онъ хочетъ отвратить осуществленіе этого пророчества (можетъ быть, грозившаго его чести?) и наноситъ дѣвушкѣ смертельный, по его мнѣнію, ударъ; но она остается въ живыхъ и позднѣе выходитъ за него замужъ. Тогда онъ рѣшается взять ее съ собою въ заперти, въ ларцѣ—въ предупрежденіе (напророченной?) измѣны; но и на этотъ разъ, какъ и въ первый, ему не удается уйти отъ своей судьбы.

Далѣе пѣсня о „новѣрной женѣ“ и былины о „встрѣчѣ“ (Гильф. №№ 119, 267, 273; см. № 1; Рыбн. III, № 2, Барсовъ № 1) разнятся одинаково: побратавшись, встрѣтившись съ Ильѣю, Святогоръ ѣдетъ съ нимъ „на Сиверныя горы“, гдѣ находятъ великій гробъ:

На томъ гробу подпись подписана:

«Кому суждено во гробу лежать,

Тотъ въ него и ляжетъ».

Легъ сначала Ильа, по гробъ слишкомъ великъ для него, а по Святогору онъ пришелся, и богатырь самъ закрылъ себя крышкой.

Да какъ захотѣлъ поднять ю,

Никакъ не можетъ;

Вился онъ и силится поднять

И проговорилъ Ильѣ Муромцу:

«Ай, меньшій братъ!

Видно, судьбина поискала меня,

Не могу поднять крышки,

Почиробуй-ка приподнять ю».

Илья пробуетъ, но безуспѣшно. „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперегъ крышки“, говоритъ Святогоръ, но Ильѣ не подъ силу и мечъ. Тогда Святогоръ дохнулъ на него богатырскимъ духомъ, у Ильи силы прибавило, онъ ударилъ по гробу мечемъ, и гдѣ ударилъ—тамъ выросла желѣзная полоса. Еще дохнулъ на него Святогоръ, снова ударилъ Илья, и выросла новая полоса. Проговорилъ тутъ Святогоръ: „Задыхаюсь я, меньшій братецъ; наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну още на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“. Но Илья отказывается: „Будетъ съ меня силы, не то земля не станетъ носить“. „Хорошо ты сдѣлалъ, что не послушался моего послѣдняго наказа“, говоритъ богатырь,—„я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечемъ-кладен-

цемъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто, кромѣ меня, не совладѣетъ съ моимъ конемъ".

Разказъ о смерти Святогора встрѣчается съ сходными подробностями въ нашихъ сказкахъ, замѣнившихъ Святогора Ильей Муромцемъ, либо однимъ изъ трехъ братьевъ ¹⁾. Вольнеръ указалъ на сходныя апокрифическія сказанія о смерти Аарона и Моисея; я обратилъ вниманіе на такую же легенду о Соломонѣ, отмѣченную и г. Ждановымъ ²⁾.

Мусульманская легенда, воспроизводящая такую же еврейскую, разказываетъ: Явился Моисею ангелъ и повелѣлъ ему отправиться вмѣстѣ съ Аарономъ на высокую гору. Когда они поднялись на вершину горы, нашли тамъ пещеру, а посреди ея гробъ съ надписью: „Я назначенъ для того, кому буду внору". Легъ сначала Моисей, но гробъ оказался для него малъ. Легъ затѣмъ Ааронъ, — гробъ пришелся какъ разъ по его росту. Ааронъ умеръ.

Такой же мусульманскій разказъ встрѣчается и съ именемъ Моисея. Передъ смертью онъ идетъ въ горы. Тутъ попались ему четыре человѣка, которые рыли могилу. „Для кого эта могила?" Они отвѣчали: „Для человѣка, котораго Богъ хочетъ взять къ себѣ на небо". „Но сняли ли вы мѣрку съ умершаго?" спросилъ опять Моисей. „Нѣтъ, мы и забыли про это; но онъ былъ какъ разъ такого росту, какъ ты; не отжапись лечь въ могилу, чтобы видѣть, вѣрно ли она сдѣлана". Когда Моисей легъ, передъ нимъ предсталъ ангелъ смерти, и онъ умираетъ.

Приведемъ, наконецъ, и южно-русское преданіе.

„Ото і думає Соломон, як би ёму утікти від смерті. Дочувся він, що десь то є на білихъ сміті безсмертна гора, тай став од неї діставатись. А під тою горою жили черці, та монастирі будували. Ото Господь і каже тимъ черцямъ: „покидайте живо всю роботу, та робіте гріб и домувину! До васъ іде премудрий Соломон умирати". Ото вони й роблять гріб и домувину, аж надходить Соломон. „А що ви, люди, робите?" питає. А вони й кажуть: гріб на Соломона. Почув Соломон: крути не верти, а треба вмерти. „А маєте ж ви міру?" питає їх.—Ні, не маєм, кажуть черці.—„То берить міру з мене! Він такий як я", каже Соломон. Взяли черці з него міру, зробили домо-

¹⁾ Лир. I прилож. стр. XXXIV, прим.; *Художеств. Вѣстникъ*, Вѣстникъ русск. сказанн, III, № 121. Сл. *Ждановъ*, стр. 158 и 162.

²⁾ Л. с. стр. 159—160; см. мой отчетъ о книгѣ Вольнера, I с. стр. 422.

вину, по домувині припустили і гріб.— „А ну, чикайте, каже Соломон, я зміраю домувину!“ Положився в домувину. „Ну, каже, до міри!“ а впустите в яму!“—Опустили в яму. „Тепер засипайте!“ каже Соломон,— „а Соломона вам не треба ждати, бо я сам Соломон“.

Я сравнил¹⁾ бессмертную гору, гдѣ Соломонъ находитъ назначенный для него гробъ, съ Лусъ, городомъ безсмертія равнинской легенды: туда Соломонъ посылаетъ двухъ юношей, чтобы спасти ихъ отъ смерти, но ангелъ смерти настигаетъ ихъ передъ городомъ, какъ Соломона подъ бессмертною горой, Святогора на святыхъ горахъ. И недалеко отъ предположенія, что имя Святогора, то-есть, святогорскаго, заимствовано изъ эпизода о его смерти и затѣмъ обобщено. Замятимъ толкованіе Азбуковника: Аeonская гора=святая гора; но гречески она зовется Аeonская, а по славянски—бессмертная гора (смѣшеніе: аeonскій и *ádvatos*).

Эпизоды о суженой Святогора, объ измѣнѣ его жены и о его смерти соединены, какъ видно, одною идеей—что отъ судьбы не уйдешь. Рядомъ съ этимъ фаталистическимъ міросозерцаніемъ—болѣе свободное въ пѣсняхъ о трехъ поѣздкахъ Ильи: на распутіи написано, что кто поѣдетъ по одной дорогѣ, тому убиту быть, кто по другой—женату быть, кто по третьей—казну добыть. На Ильѣ ни одно изъ этихъ вѣщаній не оправдывается. Я указываю на эту параллель для характеристики двухъ противоположныхъ пѣсенныхъ освѣщеній.

№ 119 Гильф. (замѣнявшій, во встрѣчѣ Святогора съ Ильею, послѣдняго Самсономъ) помѣщаетъ передъ смертью Святогора эпизодъ о сумочкахъ съ земною тягой. Послѣдовательность здѣсь такая: выѣздъ Святогора, его похвальба:

Какъ бы было кольцо въ небѣ во Божьебитъ,
Да друго кольцо во сырой землѣ во матушки,
Поворотилъ бы я землю-то матушку,
Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю.

Встрѣча съ Самсономъ=Ильей, котораго онъ владеть къ себѣ въ колчанъ, съ которымъ братается; эпизодъ о сумкахъ:

Онъ ѣдетъ ли путемъ дороженькой широкою,
Да идѣть-то вѣдь два старца впереди его,
Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго попуживать

¹⁾ Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, V, стр. 131, прим. часть ссxxxі, отд. 2.

Да не можеть-то достать онъ старцевъ незнакомныхъ.
 И остодились эти старцы незнакомни,
 Положили они сумочки да на сыру землю,
 И проговоришь тутъ старецъ едино слово:
 «Ай же Святогоръ да ты богатырь!
 Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
 Да на эту на катушку сыру землю,
 Да подписана на сумочкахъ,
 Да подписана вся земляная тягота:
 Ты попробуй Святогоръ да ты богатырь
 Своей силой ты великою».
 И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
 Другой разъ захватилъ да въды одной рукой,
 Да третей разъ-то Святогоръ да въды богатырь
 Потребилъ онъ свою силу всю великую,
 Не могъ пригнуть онъ сумочки-то старцевой,
 Онъ угрызнулъ во сыру землю по когъночку.
 Потерялся тутъ-то старцы незнакомни,

а Святогоръ ѣдетъ дальше и наѣзжаетъ на назначенную ему каменную гробницу.

Судя по Рыбн. I, № 7 и Варсову № 1, похвальба и подниманіе сумки должны быть сближены: Святогоръ хвастаетъ:

Какъ бы я тиги нашель,
 Такъ я бы всю землю поднялъ,

и онъ наѣзжаетъ на сумочку переметную, силится поднять ее и угрызъ въ землю по колѣна:

А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течеть.
 Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
 Тутъ ему было и конченіе. (Рыбн. I, № 7).

Какъ въ этихъ пересказахъ Святогоръ погрязаетъ, и нѣтъ эпизода о гробницѣ, такъ другіе (Гильф. № 1, 273; см. Рыбн. III, № 2) ограничиваются послѣднимъ, опуская разказъ о сумочкахъ, который въ побывальщинѣ у Рыбн. I, № 8, попалъ передъ эпизодомъ о „суженой“. Естественное мѣсто сумкамъ передъ гробницей: не даромъ онѣ замиѣняютъ другъ друга въ развязкѣ былинны. Значеніе этихъ сумокъ намъ извѣстно: за конюнственною похвальбой богатыря онѣ являются, какъ напоминаніе о смертномъ часѣ, который тотчасъ и наступаетъ.

Внутренній распорядокъ пѣсенъ о Святогорѣ будетъ, такимъ образомъ, слѣдующій: 1) суженая; 2) невѣрность жены; 3) похвальба и сумочки; 4) не обойденный гробъ.

Изъ этихъ четырехъ №№ только 1-й и 3-й разказываются и о Самсонѣ: Рыбн. III № 1: сумочка и похвальба, суженая (дальше:

извѣстная намъ передѣлка библейскаго разказа о Далидѣ, о стриженіи волосъ и т. п.); Гильф. № 270: встрѣча Самсона-Святогора съ Ильеш, Илья въ кармавѣ, похваляба и сумки (Самсонъ погризаетъ въ землю); у Гильф. № 185 хвастаютъ силой и пограватъ, сядясь поднять сумку (въ ней „сложенъ весь земный грузъ“), Самсонъ, Илья и Колыванъ.

Какъ понять взаимное соотношеніе пѣсенъ, ходящихъ съ именами Святогора и Самсона? Если позволено говорить о замѣнѣ одного имени другимъ, то возникаетъ вопросъ: какое изъ нихъ древнѣе въ преданіи? При № 1 трудно говорить о библейско-апокрифномъ Самсонѣ, не предположивъ такой коренной, всесторонней переработки преданія, которая почти равносильна его отмівнѣ; легче представить себѣ отношенія библейскаго Самсона къ № 3, въ эпизоду похвалябы и испытанія силы. Что касается до №№, въ которыхъ былины сохранили лишь имя Святогора, то можно бы сравнить № 2 (невѣрность жены) съ разказомъ о предательствѣ Далиды, но сравненіе привело бы только къ указанію на близость общаго типа, но не положеній. Иначе отнесемъ мы къ былинному пересказу библейской легенды о Самсонѣ и его женѣ, о его семи волосахъ; но дѣло въ томъ, что именно этотъ (единичный) пересказъ сохранился лишь съ именемъ Самсона, а не Святогора. При такомъ положеніи вещей и ограниченности матеріала изслѣдователю остается одно: отдѣлить пока Святогора отъ Самсона, предоставивъ послѣднему остриженіе, ослабленіе, смерть подъ развалинами, семь волосъ и прозвище Манойловичъ, второму же—всѣ остальные эпизоды, связанные, какъ мы видимъ, нитью органической идеи. При такомъ предположеніи пѣсни и черты, общія тому и другому богатырю, придется объяснять перепесненіемъ, исполнѣ понятнымъ при схожихъ другъ съ другомъ богатырскихъ типахъ. Оттуда и постоянная замѣна одного имени другимъ: Добрыня жалуется, что мать не уродила его

Силой въ Святогора богатыря (Кир. II, стр. 31),

а въ другой разъ:

Силою въ Самсовица сильяво (Гильф. № 306).

Оттуда спаяніе именъ: Самсонъ-Святогоръ, и сопоставленіе: Святогоръ и Самсонъ (=Илья), какъ въ Аниквиномъ стихѣ:

Жилъ на землѣ сильной-могучій Святогоръ-богатырь.

Жилъ на землѣ сильной-могучій и Самсонъ богатырь,
Который и живетъ „на Святыхъ на горахъ“.

(Рыбн. I, № 29, v, 103: былина о Васильѣ Игнатъевичѣ).

Если допустить обратный ход дѣла, то-есть, что въ основѣ разбираемыхъ нами пѣсень лежитъ библейско-апокрифна повѣсть о Самсонѣ—что едва ли можетъ быть доказано,—то остался бы не разрѣшеннымъ одинъ вопросъ: какимъ образомъ имя Самсона, столь извѣстное въ церковномъ преданіи и духовно-жизнейскомъ обиходѣ, уступило мѣсто какому-то Святогору? Аналогія нашего Девгенія, Аники, Дюка ничего не доказываютъ для даннаго случая: Самсонъ былъ для среднихъ вѣковъ, на востокѣ и западѣ, слишкомъ извѣстнымъ героическимъ типомъ, чтобы допустить возможность такого забвенія: онъ — представитель силы, на чередѣ всѣхъ богатырскихъ воспоминаній; Дигенисъ видитъ его въ сонѣ другихъ великихъ людей, сложенныхъ Смертью; такимъ выводитъ его и Преніе, и Аникинъ стихъ, и извѣстная латинская пѣса, сѣтующая о мирской бренности:

Dic ubi Salomon olim tam nobilis,
Vel ubi Saneon est dux invincibilis,
Vel pulcher Absalon vultu mirabilis,
Vel dulcis Jonathas multum amabilis !).

Замѣтимъ встать, что имя Самсона во французской и сѣверной сагѣ (Ждановъ, стр. 167—170) едва ли говоритъ что-либо въ пользу популярности библейскаго преданія, и безъ того засвидѣтельствованной.

III.

Средне-греческой поэмѣ о Дигенисѣ у насъ въ послѣднее время посчастливилось: я искалъ въ ней и въ народныхъ пѣсняхъ о томъ же героѣ—объясненія для нашихъ Девгенія и Аники—вонна, г. В. Миллеръ—аналогію для Слова о полку Игоревѣ; иныи г. Ждановъ (стр. 232 и слѣд.) ищетъ въ ней источниковъ нашихъ былинъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Точкой отправленія является для него самое имя Дюка, сближенное съ Дюками греческой поэмы. Но Дюки были родовымъ и личнымъ именемъ не въ одной только поэмѣ; кромѣ того, имя Дюкъ само по себѣ указываетъ на возможность и византійскаго, и западнаго вліянія.

Авторъ поддерживаетъ свое сближеніе разборомъ нѣкоторыхъ эпизодовъ памятникя, въ которыхъ усматриваетъ матеріалъ былинныхъ пересказовъ.

¹⁾ Привожу эти извѣстные, впрочемъ, стихи, по ркн. Имп. Публ. библ., Роев., О, I, 176, гдѣ они приведены дважды: въ первый разъ подъ именемъ Jacobus, во второй подъ заглавіемъ: Carmina a Jacopone condita francis:ano.

„Цѣлая обширная глава (λόγος η) поэмы о Дигенисѣ, этомъ героѣ изъ рода Дуковъ, посвящена описанію его богатствъ, его роскошнаго житія на берегахъ Евфрата. Разказывается при этомъ и объ его матушкѣ, честной вдовѣ... На берегахъ Евфрата Акритъ развелъ прекрасный садъ. Тутъ было множество деревьевъ, вѣтви которыхъ переплетались, образуя своды; было также множество цвѣтовъ: розы, нарциссы, фіалки, птицы разныхъ породъ; свѣтлые ручейки довершали прелесть сада. Посреди его Акритъ выстроилъ себѣ великолѣпный домъ. „Я не въ силахъ изобразить его красоту“, восклицаетъ авторъ поэмы. Домъ былъ сложенъ изъ прекрасно подобранныхъ драгоценныхъ камней. Впереди устроенъ былъ павильонъ (οίκισκος) въ четыре этажа, украшенный внутри золотомъ и серебромъ, увѣнчанный тремя куполами. Затѣмъ Акритъ построилъ еще высокую и красивую башню. Въ этой башнѣ была комната, имѣвшая форму креста, богато украшенная золотомъ и драгоценными камнями; между послѣдними упомянуть „большой круглый камень, который свѣтилъ ночью“. Украшеніемъ башни служили также мозаическія картины: на нихъ изображены были подвиги Самсона, Давида, Ахилла, Александра и др. Далѣе Акритъ соорудилъ у себя и храмъ во имя св. мученика Θεοδора: престолъ церкви былъ покрытъ серебромъ, сосуды золотые. „Пусть никто не дивится богатству“ (Акритъ), замѣчаетъ авторъ поэмы,—„всѣ влстители (οἱ μεγιστάνες) и сатрапы чествовали его дарами и многочисленными приношеніями; правители всей Романіи посылали ему прекрасные подарки, какъ выраженіе своей признательности. Самъ императоръ отправилъ славному Акриту большіе дары“.

По смерти отца Акритъ, какъ почтительный сынъ, „не отпустилъ отъ себя матери, а далъ ей помѣщеніе въ своемъ великолѣпномъ домѣ и всячески старался утѣшать ее. Наслѣдство, полученное Акритомъ по смерти отца, увеличило и безъ того громадное его богатство. Дигенисъ любилъ покой; поэтому онъ не позволялъ никому изъ своихъ слугъ жить тамъ, гдѣ обиталъ онъ самъ; слуги помѣщались особо, исполняя каждый свою работу. Прежде чѣмъ отправиться къ столу, Акритъ звонилъ въ колокольчикъ—всѣ удалялись; оставался только одинъ мальчикъ, который приносилъ вино и прислуживалъ за столомъ. Входили затѣмъ Акритъ и его жена и сажались на ложъ (ἐπὶ κλίνης). Немного погодя появлялась мать Дигениса: Акритъ и его жена вставали при этомъ для выраженія своего почтенія; мать садилась въ особое кресло (μετὰ μικρὸν δὲ ἤρχετο καὶ ἡ καλλίστη μήτηρ

τοῦ Διγενούς τοῦ θαυμαστοῦ, ἀνδρείου τοῦ Ἀκρίτου, καὶ κροσσείροντο αὐτῇ, πανολαφῶς τριώντες, ἧτις καὶ ἐκαθέζετο εἰς θρόνον μονωτάτη). Такъ оканчивается 8-я глава поэмы о Дигенисѣ"...

Въ пятой главѣ говорится, между прочимъ, о посѣщеніи Акрита императоромъ: „Царь посылаетъ Акриту приглашительное письмо: онъ хочетъ видѣть человека, о силѣ и храбрости котораго такъ много слышалъ. Акритъ отвѣчаетъ приглашеніемъ императора къ себѣ, самъ же ѣхать отказывается: „Я боюсь, государь“, пишетъ онъ,— „большого собранія военныхъ людей: кто-нибудь изъ нихъ скажетъ мнѣ обидное слово, а я, разгорячившись, не захочу остаться въ долгу и пуцую въ дѣло свои руки: вѣдь молодость, государь, способна на многія безразсудства (... κτοοβμαι, βασιλεῦ, κολλοῦ τοῦ στρατοκείδου, μήπως ἀπάρξονται τινες ἐκ τούτων μὲ τοῦ φέγειν, καὶ λοκηθεῖς χαρίσσωμαι ῥώγαν ἐκ τῶν χειρῶν μου ἢ γὰρ νεότης, δέσποτα, ἔχει κολλάς μωρίας). Восрадовался императоръ, получивъ письмо Дигениса. Обиѣтъ любовностей: „Что тебѣ нужно, я дамъ“, говоритъ императоръ. Акритъ заявляетъ, что ему нужна только благосклонность (σφιλάφια) императора. Онъ предлагаетъ даже избавить императора отъ расходовъ по защитѣ границъ: Акритъ беретъ это на себя. Обрадованный императоръ даетъ Дигенису обширную власть во всей Романиѣ“...

Вотъ черты поэмы, давшія г. Жданову поводъ сблизить ее съ былинами о Дюкѣ. Какъ императоръ ѣдетъ къ Дигенису, такъ Владиміръ или его послы отправляются въ Дюково царство; тамъ и здѣсь передъ пришлецами должна была развернуться картина невидѣннаго великогѣнія. Я полагаю, что г. Ждановъ не безъ умысла указалъ на слугъ Акрита, живущихъ особо отъ дворца, приводя ихъ въ связь съ прислужницами Дюковой матушки, живущими въ особиыхъ теремахъ; можетъ быть, слѣдуетъ подсказать подобный же умыселъ и для того мѣста поэмы, гдѣ Акритъ опасается, какъ бы не разгорячиться на обидное слово: не намекъ ли это на Дюкову похвальбу? Матушка Дигениса, очевидно, сопоставлена съ матушкой Дюка, такую же вдовой, какъ и та, окруженною такимъ же почетомъ. Вопросъ лишь въ томъ, не принадлежитъ ли Дюкова матушка специальному развитію русской былины? У Соловья Вудмировича, у Ивана Гостиннаго сына, такихъ же пріѣзжихъ богатирей, какъ и Дюкъ, также упоминается одна лишь мать. И понятно, почему: пѣсня о заѣзжемъ молодцѣ очутилась въ кievскомъ былинномъ циклѣ; самъ собой явился вопросъ: какого онъ роду-племени? Объ этомъ часто не знали и отвѣтали общимъ типомъ матери-вдовы, строгимъ и ласковымъ, сдер-

жаннымъ, архаически-неонописнымъ. Когда послы Владиміра ѣдутъ въ Дюково царство, пока самъ Дюкъ въ Кіевѣ (такъ въ громадномъ большинствѣ пересказовъ), они естественно встрѣтятъ тамъ его матушку.

Еще одну подробность поэмы г. Ждановъ не прочь сблизить съ таковою же въ былинахъ: Дигенисъ отправляется къ апелатамъ. „Онъ нашелъ Филопапа (ихъ предводителя), лежавшимъ на ложѣ.. Великій Акрить поклонился, поздоровался съ Филопапомъ. „Добро пожаловать, молодецъ, если ты только не измѣнникъ“, сказалъ старикъ Филопаппъ. Васидій отвѣчалъ: „Я не измѣнникъ, я хочу стать апелатомъ“. Старикъ замѣчаетъ, что прежде чѣмъ стать апелатомъ, надо совершить нѣкоторые предварительные, аспытательные подвиги, научиться „по дѣлу по ратному“.

Дюкъ ѣдетъ въ Кіевъ, наѣзжаетъ на шатеръ бѣлополотинный; въ шатрѣ спитъ Илья-богатырь. Дюкъ будить Илью:

Такъ почто-же будишь меня отъ крѣпкаго сна богатырскаго?

Али бытьъ ты во чистомъ полѣ поганые Татаровья,

Али самому тебѣ, молодцу, хочется

Со мной съѣздить во чисто поле,

Спробовать силн-удачи молодецкія?

Дюкъ отвѣчаетъ:

Не на то будишь, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,

А на то будишь, что будетъ надежный товарищъ въ чистомъ полѣ,

Повнучить всѣмъ похматкамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,

По дѣлу по ратному (Рыбн. I, № 47, стр. 267—277).

Сходство обоихъ эпизодовъ только кажущееся; изъ всѣхъ пересказовъ былины о Дюкѣ, гдѣ введена его встрѣча съ Ильешю, Дюкъ отказывается помѣряться съ богатыремъ, хвалить его въ лицо и получаетъ отъ него обѣщаніе помощи, если бы что приключилось съ нимъ въ Кіевѣ. Точка зрѣнія, стало быть, нѣсколько иная: я не говорю здѣсь о томъ, что выясняется лишь изъ сравненія цѣлаго ряда пересказовъ былины о Дюкѣ: что весь эпизодъ объ Ильѣ—вставной, вызванный потребностью привязать заѣзжаго молодца къ киевскому богатырскому сонму. Легко указать и на пріемъ, по которому совершилась эта вставка: Дюкъ проѣзжалъ на пути изъ Индіи къ Кіеву цѣлый рядъ баснословныхъ, звѣринныхъ заставъ; но на границахъ Кіевской земли знали еще и другую заставу, богатырскую; во главѣ ея стоитъ Илья. Дюку нельзя было миновать его.

Для объясненія былины о Дюкѣ полезнѣе будетъ обратиться къ источнику, на который давно уже указали (гг. О. Миллеръ, Баталиня) —

къ средневѣковымъ представленіямъ объ Индіи пресвитера Іоанна, и не столько къ его извѣстной эпистолѣи, сколько къ тѣмъ поэтическимъ напутникамъ, которые обусловлены ея содержаніемъ ¹⁾.

Остановимся на схемѣ Дюковыхъ былинъ.

Молодецъ прѣзжаетъ изъ Индіи (вопросъ о чередующихся съ нею Коралѣ и Галитѣ я принужденъ оставить здѣсь въ сторонѣ) — въ Кіевъ, чтобы посмотрѣть на князя Владиміра, точно ли Кіевъ „на красы стоитъ на уюместѣ“ (Рыбн. I, № 47), „красивъ-добрисъ“ (ib., № 49). Куда направлялась повѣдка въ оригиналѣ захожей пѣсни — мы не знаемъ: можетъ быть въ Византию? Мать предупреждаетъ Дюка не хвастать нѣбылицемъ-богачествомъ и ею, матушкой (Рыбн. I, № 47, сл. 1b. II, № 30), либо: матушкой, конемъ, золотомъ казной (Гильф. № 230). Тотчасъ по прѣздѣ оны хвалится — своимъ бурушкой, на которомъ поспѣлъ изъ Индіи въ Кіевъ отъ заутрени къ обѣднѣ; затѣмъ цвѣтнымъ платьемъ (= казной, богатствомъ), наконецъ роскошью своего царства, царства своей матери, то-есть, матушкой. Онъ принужденъ доказать на дѣлѣ свою похвальбу: быстроту коня — скачкой, богатство одежды — щипленіемъ въ зануски съ Чурилой; послѣднее доказательство заводитъ пословъ Владиміра въ богатую Индію. Во всемъ показаніи Дюка оказались вѣрными, Кіевскій князь пораженъ: пѣсня ничего не сдѣлала, чтобы какъ-нибудь спасти народную гордость, словно она недавно занесена и не успѣла приурочиться къ мѣстнымъ отношеніямъ и интересамъ.

Но возможно было и другое пониманіе сюжета, въ которомъ народное самосознаніе получило бы извѣстное удовлетвореніе: послы-богатыри заѣзжаютъ въ страну чудесъ и несмѣтнаго богатства: они поражены, но это не мѣшаетъ имъ самимъ хвалиться и хвастать черезъ мѣру силой, ловкостью, даже фиглярствомъ.

Таково содержаніе сказанія о Хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь, сохранившагося въ старо-французской поэмѣ XI—XII вѣковъ и въ цѣломъ рядѣ пересказовъ и переводовъ, отразившихъ утраченную редакцію той же поэмы XII—XIII столѣтій ²⁾.

¹⁾ Слѣдующій далѣе разборъ Дюковой былинны подробнѣе мотивированъ въ печатающемся нынѣ 2-мъ выпускѣ моихъ Южно-русскихъ былинъ (гл. III—X).

²⁾ *Francois Michel* и *Koschwitz* издали текстъ французской поэмы XI—XII в.; другіе пересказы см. у *Koschwitz*, *Sechs Bearbeitungen des altfranzösischen Gedichtes von Karls der Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel* (Heilbronn, 1879). См. *Gaston Paris*, *La chanson du pèlerinage de Charlemagne вѣ Romanie* № 33, p. 1—50.

Карль однажды расквстался: вѣтъ короля могучѣе и богаче его; жена указываетъ ему на Византійскаго императора Гугона, которому онъ уступить въ томъ и другомъ отношеніяхъ. Карль рѣшается самъ провѣдать Гугона, чтобъ удостовѣриться, правду ли сказала жена, которой, въ противномъ случаѣ, грозитъ казнь. вмѣстѣ съ своими перами онъ отправляется въ Константинополь черезъ Іерусалимъ (іерусалимскій эпизодъ разказа, очевидно, лишь вѣшнимъ образомъ спаянъ съ константинопольскимъ): то, что онъ видитъ, превышаетъ его ожиданія. Но богатыри не растерялись подъ впечатлѣніемъ раскрывшейся передъ ними чудесной культуры: подпивши на пиру и отведенные въ богатую ложницу, они, по западному обычаю, коротаютъ время передъ сномъ, хвастая тѣмъ, что каждый изъ нихъ можетъ сдѣлать: выходить невѣроятные подвиги. Слышать все это шпіонъ, посаженный 'заботливимъ императоромъ въ полой колоннѣ ложницы, и просто ушамъ не вѣрятъ: онъ серьезно понимаетъ хвастливыя рѣчи и спѣшитъ обо всемъ донести императору. Тотъ взволнованъ и разсерженъ, настаиваетъ на томъ, чтобъ его гости привели въ исполненіе свою наивную похвалю. Пришлось покориться, кое-что и исполнить, потому что паломникамъ въ помощь святини, вынесенныя ими изъ Іерусалима, и ободреніе ангела. Гугона не только удовлетворенъ, но и самъ проситъ не продолжать начатаго и „повалѣнаго“, и дѣло кончается торжественнымъ шествіемъ, въ которомъ императоры Востока и Запада являются о бокъ другъ съ другомъ, каждый въ своемъ вѣнцѣ, а могучій Гугона изъясняетъ Карлу вассальную покорность.

Такъ переименила западная повѣсть старую сказку, приуроченную къ Византіи, тогда какъ на каждомъ шагѣ чувствуется, что за этою Византіей скрывается та чудесная Индія, которая составляетъ фонъ нашихъ былинъ о Дюкѣ.

Слѣдующія параллели приведутъ насъ къ убѣжденію, что за хожденіемъ Карла и пѣснями о Дюкѣ стоитъ кака-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ, богатырей въ Индійское царство.

Дюкъ хвастаетъ на пару у Владимира:

Взойдешъ на нашъ широкій дворъ,
По нашему широкому двору
Разостланы сукна одинцовыя,
Наши любимыя конюхи
По этимъ по сукнамъ катаются,
Въ кости, въ зернь, въ пашечки погрыпають.

(Рыбн. II, № 23; сл. III, № 30; Гильф. № 115).

Когда Владиміръ явлется въ Дюково царство, онъ прѣѣзжаетъ на первый разъ „на нашу къ нему“,

Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
И тутъ у Дюка смирный былъ,
Принасъ про князя Владимира почестный столъ.

И будетъ день въ половицу дни,
И будетъ столъ во полустолъ,
Владиміръ князь полсита найдется,
Полына валяется,
Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
«Каково про тебя сказывали,
Таковъ ты и есть».
Покушавши, ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ дать его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо:
А в домъ его крестьянскій переписывали,—
Бумаги не стало (Кир. III, № 2, стр. 105 слѣд.).

Другіе пересказы умозааютъ встрѣчи Владиміровыхъ послѣвъ съ прислужницами Дюковой матери, одѣтыми такъ богато и выстушающими столъ торжественно, что они принимаютъ ихъ за мать. Число встрѣчъ въ цѣльныхъ былинахъ (Гильф. № 180 не конченъ) колеблется: ихъ двѣ (Гильф. № 213: портомойница, мать), три (Гильф. № 152: портомойница, калачница, матушка; такъ, вѣроятно, въ тожественномъ пересказѣ у Рыбн. I № 49 и у Гильф. № 159, гдѣ при первомъ опредѣленіи, несомнѣнно, пропускъ: „Я не Дюкова матушка“; Рыбн. III № 29 и Гильф. № 230: калачница, бажатунка, матушка; Гильф. № 225: портомойница, бажатунка, матушка), четыре (Рыбн.: I № 48: рукомойница, портомойница, столница, матушка; II № 29: работница, портомойница, нянюшка, матушка; III № 31: коровница, хлѣбница: „Я на Дюка хлѣбъ пеку“, калачница, матушка; Гильф. № 85: рукомойница, судомойница, столница, матушка), пять (Рыбн. II № 28: портомойница, постельница, столница, чашница, матушка; ib № 29: халудница, рукомойница, постельница, калачница, матушка) и шесть (Гильф. № 9: коровница, портомойница, постельница, калачница, горничны, матушка). Любовь къ троячности, обнаруживаемая русскою народною поэзіей, даетъ право предположить, что встрѣчъ первоначально было три: мать являлась послѣднею, первою, быть можетъ, портомойница, встрѣчающаяся на этомъ мѣстѣ въ шести пересказахъ (Гильф. № 152 = Рыбн. I № 49, Гильф. №№ 159, 180, 225; Рыбн. II

№№ 28, 29; оттуда уже: рукомойница, судомойница); затѣмъ нѣкоторую устойчивость на второмъ мѣстѣ обнаруживаетъ божатушка. (Рыбн. III № 29, Гильф. №№ 225 и 230).

Встрѣчи описываются либо такъ, что послы находятъ Дюкову мать и ея прислужницъ сидящими каждая въ отдѣльныхъ покояхъ (Рыбн. I № 48, Гильф. № 85), либо шествующими изъ церкви (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 9); въ большинствѣ пересказовъ (Рыбн. I № 49, Гильф. № 152, Рыбн. II № 28, 29; III № 29, 31; Гильф. №№ 159, 213, 225, 230) первыя встрѣчи совершаются въ покояхъ, и лишь мать Дюва объявляется на пути отъ обѣдни: Добрыня

Доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
И идетъ въ теремъ златоверховатый.
И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ:
На небѣ сонце, и въ теремѣ сонце,
На небѣ мисецъ, и въ теремѣ мисецъ,
И сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ серебрѣ.
И приходитъ онъ и покланяется:
„Здравствуйшь, Дюкова матушка!“
Она отвѣчаетъ ему:
Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова работница;
Ступай туды во второй покой:
Приходитъ во второй покой.—
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ золотѣ;
Онъ опять и покланяется:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
И женщина отвѣчаетъ ему:
„Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова портомойница;
Ступай впередъ въ третій покой.“
Переходитъ онъ въ третій покой:
Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Женщина ему отвѣчаетъ:
— Я не Дюкова матушка,
А я Дюкова нянюшка;
Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
Да всѣмъ тебѣ не наклаваться;
А Дюкова матушка къ обѣднѣ ушла.
Поди къ обѣднѣ воскресныя,

Да смотри, да всякому не кланяйся;
 Когда пройдутъ ивельники изъ церкви,
 Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
 Тогда Дюкову матушку
 Ведуть дѣвнцы подъ руки,
 Она вся въ камняхъ драгоцѣнныхъ.—
 И тогда пошелъ Добрыня Никитичъ
 Ко обѣдни воскресныя,
 И стоитъ онъ у церкви у соборныя,
 И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
 И народъ идетъ кто въ шелку,
 Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
 Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ;
 Да пошли и ивельники,
 Да пошли и лопатники,
 Позадѣ Дюкову матушку
 Ведуть дѣвнцы подъ руки.
 И покланяется Добрыня Дюковой матушкѣ:
 „Здравствуй, Дюкова матушка!“
 — Здравствуй, удалый добрый молодецъ! (Рыбн. II № 29).

У Рыбн. III № 29, Гильф. №№ 225, 230 прислужницы Дюковой матери сидятъ въ теремахъ: отѣхавъ отъ одного, Добрыня проси-
 паетъ въ полѣ ночь темную и затѣмъ уже доѣзжаетъ до другаго.
 Въ № 31 Рыбн. III теремовъ тридцать-три, „вершки свиваютъ въ
 одно мѣсто“. Появленіе Дюковой матери описывается съ особою
 торжественностью: ее ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею, „вся она
 обивъшана бархатомъ, чтобы не запекало ее солнце красное“ (Рыбн. III
 № 28); либо надъ нею несутъ подсолнечникъ (Рыбн. II № 30); за ло-
 патниками и метельниками идетъ толпа вдовъ,

Потомъ пошла уже другая толпа,
 Подсолнечныхъ сорока сажелъ (sic) (Рыбн. III № 29).
 Идутъ какъ тутова три женщны,
 Несутъ подвонтикъ-отъ подсолнечный. (Гильф. № 230).

Стало быть—балдахинъ, какъ въ пѣснѣ о Чурилѣ подсолнечникъ—
 зонтикъ, не цѣтокъ, какъ обыкновенно его понимаютъ толкователи
 и иллюстраторы.

Обращаемся къ параллелямъ „Хожденія“.

Карлъ и его палдины подѣзжаютъ къ Константинополю; вдали
 свѣтятся его колокольня, куполы, золотые орлы; болѣе, чѣмъ на мило
 разстилаются вокругъ сады пиній и лавровъ, могущіе вмѣстить въ себѣ
 болѣе двадцати тысячъ рыцарей съ ихъ роскошно-одѣтыми дамами.
 Это описаніе старо-французской поэмы воспроизведено и въ кимрій-

скомъ пересказѣ: Въ широкой, цвѣтущей равнинѣ, покрытой цвѣтами и холменными деревьями, путники встрѣчаютъ толпу тысячи въ три человѣкъ: всѣ богато одѣты, точно каждый изъ нихъ царь или вельфа. Одни изъ нихъ играли въ шашки, другіе въ шахматы, у этихъ на рукахъ сокола, тѣ бесѣдуютъ съ благородными дѣвцами и царевнами; ихъ было много, такъ что Карлъ подивился такому множеству родовитыхъ людей. Въ сущности это лишь служилые люди Гугона; припомнимъ похвалѣбу Дюка, что у него на дворѣ „разостланы сукна единцовые“, а конюхи играютъ въ кости, зернь и шашки.

Иначе передаютъ эпизодъ „встрѣчь“ пересказы Хожденія въ романѣ о Guerin и текстахъ Gallen: путники наѣзжаютъ въ долину на богатый шатеръ, на верху котораго красовалось блестящее золотое яблоко; оказывается, здѣсь живутъ свинопасы (porchiers) царя Гугона, угощающіе гостей съ царскою роскошью; будъ ихъ четыреста, всѣмъ имъ было бы мѣсто. Переночевавъ, путники ѣдутъ дальше: новый шатеръ, такой же богатый, гдѣ ихъ принимаютъ царскіе люди, пасущіе коровъ (vachiers); еслибы прѣвзжихъ было 3000, они и тѣхъ бы угостили на ночлегѣ. На дальнѣйшемъ пути еще одинъ навильонъ, гдѣ живутъ пастухи царскихъ овецъ (bergiers); и здѣсь тотъ-же приемъ и ночлегъ. Всѣ эти служилые люди одѣты богато, много изъ нихъ можно бы принять за царя. Последняя встрѣча путниковъ — съ вѣстникомъ царя Гугона, котораго они вскорѣ и видятъ самолично: онъ пашеть. Кимрійскій текстъ здѣсь особенно картиненъ: У царскаго илуга сошникъ и омешики золотые, яро изъ драгоцѣннаго камня; за волами Гугона не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой шелковый балдахинъ отъ солнца, прикрѣпленный къ краямъ стула на рѣзныхъ золотыхъ жердяхъ; въ рукахъ онъ держитъ вмѣсто бича золотую трость, а бороды проводитъ прямыми и красивыми, какъ настоящій пахарь. То же описаніе повторяется, съ отиѣнами, и въ другихъ пересказахъ: вездѣ характерный балдахинъ (ciel, poisie), оберегающій царя отъ солнечныхъ лучей — какъ подсолнечникъ Дюковой матушки, которую послы Владиміра, послѣ первыхъ встрѣчь съ ея прислужницами, также видятъ впервые въ торжественномъ шествіи.

Гугона радушно принимаетъ пришельцевъ, диващихся на богатства его дворца. „На полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и

домашнихъ", говоритъ кимрійскій текстъ;— „у входа внизу—подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы такъ искусно, словно онѣ летятъ въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляетъ форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загоравшимися на верху всякій разъ въ соответствии съ временемъ года. Посреди палаты колонны, вокругъ стѣтъ пилястры: около каждого изъ нихъ статуя человѣка изъ желтой мѣди, съ рогами, точно они тотчасъ готовы затрубить. Цова Карлъ и его слугники любовались этимъ видомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображеннаго внизу палаты (sic!), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо, статуи затрубили. Карлъ, испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову". Гуговъ успокоиваетъ ихъ; и дѣйствительно: къ вечернѣ вѣтеръ стихъ, рога замолкли, и движеніе прекратилось (кимр. пересказъ).

Въ старо-французской поэмѣ вѣтеръ поднимается съ моря (не съ живописнаго), его дѣйствіе то же. Въ описаніи есть отличія: при каждомъ пилястрѣ есть изображеніе двухъ дѣтей изъ бронзы: они точно живые, держатъ у рта рога изъ слоновой кости; когда завѣтъ вѣтеръ, вся палата начинаетъ вращаться какъ бы на оси, а бронзовые фигуры улыбаются другъ другу, и ихъ рога звучатъ такъ мелодично, одинъ выше, другой ниже, точно райская пѣсня ангеловъ.

Всѣ эти чудеса искусства — чудеса пресвятеровой Индіи: тѣ же палаты, вращающіяся на оси, съ движущимися луной, солнцемъ и другими свѣтлыми. См. въ романическомъ описаніи Iohannis Witte de Hese: *Et illud (sc. palacium presbyteri Iohannis) potest volvi ad modum rotae et est testudinatum ad modum coeli... Et ista capella est nimis alta testudinata et est rotunda ad modum coeli stellati et transit circumeundo ad modum firmamenti... Et ibi prope est dormitorium presbyteri... stellatum ad modum firmamenti et ibidem est sol et luna cum septem speris planetarum, tenentes cursus suos ut in coelo, et hoc est artificialiter factum;.. sunt etiam XXIII palacia seu camerae, quae possunt circumvolvi ad modum rotae.* Известны солнце, мѣсяцъ и звѣзды въ термахъ Соловья Будамировича, Чурилы и Дюка:

Въ теремы зайдешь злотоверхіе:
На небѣ солнце—и въ теремѣ солнце,

На небѣ заря—и въ теремѣ заря,
Все то въ терему по небесному. (Рыбн. III № 31).

Такъ и въ палатахъ драка (въ романѣ о Калимахѣ и Хризоррофѣ, изданномъ Ламвромъ):

423 ἀλλ' εἶχεν στέγην οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀστέρων δρόμους,

.....
μετὰ πανσόφου μηχανῆς καὶ τέχνης παραξένου.

Слѣдующая выписка изъ Johannes Witte de Hese, знакомитъ насъ съ новою диковинкой: дворецъ правителя стоитъ на 900-хъ колоннахъ; у каждой „sunt.. factae ymagines, ad unam ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos deauratos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis sibi propinando, et sic e contra“. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что разумѣются механическія фигуры, игравшія на инструментахъ (ludos = арабск. al' oud и производные?), наливавшія другъ другу въ кубки (cyphos = scyphos) — какъ статуи Гугонова дворца улыбаются другъ другу и трублятъ въ трубы, когда подуетъ вѣтеръ. Очевидно, не съ моря: такъ могло показаться наивному западному разсказчику, незнакомому съ устройствомъ органа. Въ Византіи Ліутпрандъ видѣлъ такой причудливый органъ въ формѣ дерева,¹ на которомъ сидѣли птицы: когда приводили въ дѣйствіе мѣха, птицы пѣли. Такое же чудо механизма существовало и во дворцѣ пресвитера; повѣствованіе Елисея (XII вѣка) описываетъ его: Est etiam ibi plateola, ubi arbor aurea est cum ramis et foliis, super quam sunt aves aureae ex omni genere, quae apud Indos inveniuntur. Ipsa arbor concava est, et rami et folia. Ibi est etiam fovea, cui insunt folles fere 60 ex arte factae. Homines vero ingrediuntur foveam et inflant folles, et sic inflatur arbor et rami et folia deinde inflant aves, et unaquaeque incipit cantum juxta genus suum. Средневѣковые памятники полны описаній такихъ диковинокъ¹); уважу лишь на хитрое устройство органа въ нѣмецкой Александрин Лампрехта.

Трубящія фигуры французскаго сказанія, несомнѣнно, такой же органъ, надуваемый мѣхами; но сказаніе соединяетъ въ томъ же дѣйствіи вѣтра и вращательное движеніе палаты, отъ чего Карлъ и его палadini „окорачъ наполнились“.

¹) См. мон Разысканія IV.

Представимъ себѣ, что изъ этой комбинаціи играющихъ, улыбающихся, угощающихъ другъ друга фигуръ съ вращеніемъ палаты вышала именно вторая часть (вращеніе), а осталось неизбежное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Развѣщикъ, пѣвецъ поспѣшилъ бы по своему пополнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе дѣйствіемъ пѣнія, крика, издаваемого фигурами.

Я имѣю въ виду извѣстный эпизодъ щапленія въ заюски Дюка и Чурилы, когда оба являются въ деревнѣ съ диковинными пуговками и петельками на платьѣ: поведутъ по нимъ плеткой, завоюютъ на нихъ птички-пѣвучія, заревутъ звѣри рыкучіе, и всѣ падаютъ о землю, нные обмираютъ. Изображенія на этихъ пуговкахъ и петелькахъ разнообразятся, но одно изъ нихъ прямо обращаетъ насъ къ прототипамъ, видѣннымъ нами во дворцахъ пресвитера и Гугона. У Дюка:

Въ пуговики воплетано по доброму по молодцу,
Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкамъ:
Какъ застенутся, такъ обоймутся,
А растенутся и поцѣлуются (Рыбн. I, № 48).

Либе у Чурилы (въ томъ же эпизодѣ):

Во пуговики-то было влято по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вилетено по красной дѣвушкамъ:
По петелкамъ какъ поведеть,
Такъ красны дѣвушки валявають зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведеть,
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ. (Рыбн. II, № 80).

Это почти образы пресвитерова дворца, лишь спустившіеся съ пилластровъ къ пуговкамъ и петелькамъ.

Къ Индіи пресвитера примыкаютъ въ былинахъ о Дюкѣ и другія черты, не поддерживаемыя параллелью Хожденія. Такова „струйка золотая“, „золоченая“ (Рыбн. II, № 49—Гильф. № 152; сл. Гильф. № 159), рѣка „съ золотомъ“ (Гильф. № 9), которую видать въ Индіи Владиміровы послы; таковы и чудесные три камешка у Гильф. № 213: мать Дюка идетъ къ погребамъ,

Вынимаютъ ова три камешка съ погребовъ глубокѣхъ,
—А я же, вы, господа мои общѣвнички!
Можете-ль этимъ камешкамъ цѣны тутъ дать?
Да когда отъ тыхъ вѣдь тутъ камешковъ
По всему по городу по Гадичи
Вскіе огни гора, луга пекуть,

Ёны господа да тутъ обдѣннички
 Ёны стали тутъ да пораздумались,
 А ѿ не могутъ оны да тутъ цѣны вѣдь дать,
 Еще что стоятъ этыи три камешка.
 Говорить тутъ Дюкова-то матушка,
 А ѿ честна вдова Офимья Тимоѣевна):
 «А ѿ ли вы господа да тутъ обдѣннички!
 Ужь вы что вы стали пораздумались?
 Неужель вы не можете цѣны тутъ дать?
 А ѿ надо не эдакъ Дюковы товары цѣнять:
 Богда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
 Дакъ недорого вы стоите, господа обдѣннички,
 А ѿ обдѣннички да столю — кievски.
 Говорать господа вѣдь тутъ обдѣннички:
 «А ѿ же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
 А ѿ честна вдова Офимья ты Тимоѣевна!
 А ѿ не можемъ тутъ мы цѣны есть дать
 Твоимъ-ли тутъ этымъ тутъ камешкамъ.
 Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
 А ѿ велики вѣрно что у Дюка животы:
 Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
 А еще есть разъ спродать его новыкупить,
 Накупить бумага да черниловъ-то,
 То не хватятъ намъ у Дюка животовъ упсать».

Такъ кончается, какъ извѣстно, и посланіе пресвитера въ старорусскомъ пересказѣ: „Аще хоцеша вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего иудѣйскаго царства“, пишетъ онъ царю Мануилу Греческому, — „и то продай свое царство греческое, да купи бумага, да прїѣдь въ мое царство иудѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса иудѣйскія земли, и немога тебя списати моего царства и до исхода души своей“.

Въ этомъ царствѣ находились и чудесные три камешка, обобщившіеся, въ былинномъ пересказѣ, до типическаго значенія — само свѣтовъ. Johannes Witte говоритъ о „tres lapides preciosi, quorum unus acuit et dirigit visum, alter sensum, tercius experientiam“. О нихъ ходила старая италянская легенда, сохранившаяся и въ старосѣверномъ пересказѣ: будто пресвитеръ Іоаннъ прислалъ ихъ въ даръ императору Фридриху, не оцѣнившему ихъ по достоинству и не обратившему на нихъ вниманія. И вотъ пресвитеръ рѣшается взять ихъ у него обратно: его мудрецъ является къ императору, ему показываютъ чудесные камни: взявъ ихъ поочередно въ руки онъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, вдругъ исчезаетъ изъ виду. То былъ камень-невидимка.

Этими замѣтками я ограничу разборъ книги г. Жданова. Мнѣ нерѣдко приходилось съ нимъ спорить, проводя иной взглядъ, противорѣча его построениямъ—не его методу, точному и критическому, то-есть, такому, который особенно желателенъ въ разработкѣ нашего былиннаго вопроса, все еще запутаннаго и загадочнаго, не смотря на талантливныя попытки освѣтить его научно.

А. Вессловскій.

Лаврентій Рингуберъ.

RELATION DU VOYAGE EN RUSSIE FAIT EN 1684 PAR LAURENT RINGUBER, publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux qui se conservent à la bibliothèque ducale publique de Gotha. Berlin. 1883.

I.

До настоящаго времени свѣдѣнія о Лаврентіи Рингуберѣ, Саксонцѣ, прожившемъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, ограничивались немногими данными, помѣщенными въ сочиненіяхъ Аделунга „Uebersicht der Reisenden in Russland“, Рихтера „Geschichte der Medicin in Russland“ и Фехнера „Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau“. Появившееся нынѣ въ Берлинѣ изданіе проливаетъ новый свѣтъ на жизнь и дѣятельность Рингубера и въ то же время заключаетъ въ себѣ многія данныя для исторіи Московскаго государства за время отъ 1672 по 1684 годъ.

Къ сожалѣнію, изданіе это, и въ особенности предшествующее документамъ предисловіе издателя, мало удовлетворительно. Незвѣстный надатель, случайно открывъ между рукописями Готской бібліотеки важныя матеріалы о Лаврентіи Рингуберѣ, ограничился лишь указаніемъ на статью о немъ Аделунга и составленіемъ краткой біографіи Рингубера, основанной исключительно на готскихъ документахъ. Но ему слѣдовало поработать еще въ Саксонскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ также находятся весьма важныя документы, остающіеся до сихъ поръ совершенно не извѣстными и нѣкоторымъ образомъ дополняющіе исторію путешествій и политической и литературной дѣятельности Рингубера. Уже изъ напечатанныхъ теперь документовъ издатель могъ усмотрѣть, что Рингуберъ находился въ сношеніяхъ не только съ правительствомъ герцогства Саксонскаго.

по и съ курфюрстомъ Саксонскимъ. Но дѣло въ томъ, что именно это различіе между двумя саксонскими дворами совершенно ускользнуло отъ вниманія издателя.

Во второй половинѣ XVII вѣка въ герцогствѣ Саксонскомъ правили сперва герцогъ Эрнстъ, а затѣмъ его сынъ Фридрихъ; въ курфюршествѣ же Саксонскомъ Іоаннъ-Георгъ II, а затѣмъ Іоаннъ-Георгъ III. Рингуберъ служилъ посредникомъ между обоими саксонскими дворами и Россіей, хотя впрочемъ въ болѣе оживленныхъ сношеніяхъ состоялъ съ герцогами Эрнстомъ и Фридрихомъ, нежели съ курфюрстами, тѣмъ болѣе, что и родился въ герцогствѣ, а не въ курфюршествѣ Саксонскомъ. Между тѣмъ, въ предисловіи къ изданію документовъ о Рингуберѣ оказывается по этому предмету недоразумѣніе. О герцогахъ Эрнстѣ и Фридрихѣ говорится какъ о курфюрстахъ (стр. VII и VIII). Странно, что издатель, называя Эрнста и Фридриха курфюрстами, не замѣтилъ въ документахъ, имъ изданныхъ, полного отсутствія курфюршескаго титула и не могъ догадаться, что лица, называвшіяся „Hochfürstliche Durchlaucht“, „Princeps“, „Saxoniae Princeps“, „Durchleuchtigster Fürst und Herr, Herr Ernst zu Sachsen, Lübeck, Cleve und Berg“ и т. п. не могли быть курфюрстами. Смѣшеніе герцоговъ Саксонскихъ съ курфюрстами, соединеніе ихъ въ одно лицо оказывается тѣмъ болѣе страннымъ промахомъ, что въ разказѣ о путешествіи Рингубера въ 1684 году говорится неоднократно и ясно о томъ, что ему было поручено передать царю Ивану и Петру посланіе отъ курфюрста Саксонскаго и другое—отъ герцога Саксонскаго.

Относительно значенія открытыхъ имъ данныхъ издатель замѣчаетъ только, что подробности, заключающіяся въ этихъ документахъ, были бы важною находкою, „une précieuse trouvaille pour un Mascauley ou un Freytag, et même un auteur ordinaire y puiserait de charmantes pages de roman historique“. По видимому, издатель считаетъ обнаруженные имъ документы скорѣе курьезными и способными служить цѣлямъ беллетристики, нежели матеріаломъ, годнымъ для цѣлей научныхъ.

Кромѣ того, издатель обнаруживаетъ незнакомство съ исторіей Россіи. На стр. X предисловія Матвѣевъ назвалъ „Artemow Serguewitsch, chef de la maison de Narischkin et proche parent de Pierre le Grand“. Этотъ промахъ, какъ можно думать, объясняется слѣдующимъ замѣчаніемъ въ посланіи Рингубера изъ Москвы отъ 29-го декабря 1677 года: „Iustrum praeterit cum hi Narischkini omnes et

singuli tollebantur in altum cum familia, cujus antistes erat Artemon Sergejewitch" (стр. 166). Дипломатическій агентъ, отправленный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ герцогу Эрнсту Саксонскому, былъ Протоионовъ. Эта фамилія, а можетъ быть и то обстоятельство, что Протоионовъ любилъ бесѣдовать о вопросахъ религіозныхъ, заставили замѣтить безъ всякаго основанія (стр. IX): „*Siméon Pretoropoff, appartenant évidemment à la classe ecclésiastique, c'est-à-dire d'une position sociale très-médiocre*".

Къ издаваемому имъ матеріалу издатель относился механически, не задавая себѣ вопросовъ не только о содержаніи, но даже и о свойствѣ документовъ. Иначе онъ долженъ былъ бы замѣтить, что помѣщенны на стр. 12—13 пункты заключаютъ въ себѣ отвѣты на вопросы, напечатанные неправильно послѣ отвѣтовъ на стр. 20—21. На стр. 101—104 напечатаны документы, о которыхъ мы не знаемъ, отъ чьего имени они писаны. Въ письмѣ Рингубера, писанномъ въ 1673 году, говорится о Брюховецкомъ, имяна котораго отнесена къ 1680 году (стр. 22). Совершенно непонятнымъ остается замѣчаніе въ письмѣ Рингубера на стр. 79: „*unter andern ist der Abdruck der Smagden von 20.000 Rthlr. in sonderbare confideration (sic) kommen*".

Нельзя не пожалѣть, что издатель не считъ нужнымъ при печатаніи каждаго документа обозначить въ заглавіи свойство его и время его составленія. Отдѣльные документы обозначены лишь римскими цифрами; но и тутъ встрѣчаются неправильности: № VIII напечатанъ два раза, надъ документомъ на стр. 37—38 и надъ другимъ на стр. 39. № XXI вовсе нѣтъ; на стр. 86—96 помѣщенъ № XX; на стр. 97—100 слѣдуетъ № XXI. Къ изданію не приложено оглавленія, и читатель, желающій получить болѣе точное понятіе о содержаніи книги, долженъ самъ составлять перечень помѣщенныхъ въ ней актовъ.

Всѣ изданныя въ книгѣ документы относятся къ правительству герцогства Саксонскаго. Изъ числа ихъ №№ V, X, XVIII, XIX, XX, XXXIV—XXXVI, XXXVIII, XL, XLI суть донесенія самого Рингубера къ герцогамъ Эрнсту и Фридриху или къ сановникамъ герцогства, писанныя болѣею частью на латинскомъ языкѣ. Но и вромѣ Рингубера, нѣкоторые другія лица, находившіяся въ Россіи, также составляли донесенія для саксонскаго правительства, и эти донесенія также вошли въ настоящее изданіе. Кто авторъ донесенія о состояніи лютеранскаго прихода и о церковныхъ дѣлахъ въ Москвѣ подъ № I—остается неизвѣстнымъ; затѣмъ слѣдуютъ донесенія пастора Грегори о томъ же предметѣ (№ II, IV). Подъ №№ VI, VII, IX, XII и др. помѣщена

переписка герцога Эрнста съ его сановниками, канцлеромъ Томасомъ, дипломатическимъ агентомъ Прауномъ и пр. Затѣмъ, подъ № XXX находимъ посланіе царя Алексѣя къ герцогу Эрнсту, подъ №№ XV—XVII, посланія герцога Эрнста къ царю Алексѣю, къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, къ старшинамъ лютеранскаго прихода въ Москвѣ и пр. Нѣкоторые документы относятся къ пребыванію въ Саксоніи русскихъ дипломатовъ, Менезіуса въ 1673 г., Семена Протопопова въ 1675 г. (№№ VIII, XXII и слѣд.). Впрочемъ, и объемомъ, и содержаніемъ разказъ Рингубера о путешествіи въ Москву въ 1684 году превосходить всѣ прочіе документы, вошедшіе въ составъ сборника.

Пользуясь матеріалами, собранными въ этомъ изданіи, предлагаемъ очеркъ жизни Рингубера и обзоръ сообщенныхъ имъ извѣстій для русской исторіи.

II.

Во второй половинѣ XVII вѣка, еще до царствованія Петра Великаго, Московское государство начало пользоваться особеннымъ вниманіемъ на Западѣ. Сочиненія о Россіи, явившіяся въ печати въ продолженіе XVII столѣтія, какъ, напримѣръ, труды Олеарія, Мейерберга и пр., содѣйствовали распространенію свѣдѣній о Россіи на Западѣ. Дипломатическія сношенія между Московскимъ государствомъ и западно-европейскими державами становились все болѣе и болѣе оживленными. Торговля сношенія съ Россіей представляли значительныя выгоды для Англичанъ, Голландцевъ. Тавь-называемый „иноземный строй“ игралъ довольно важную роль въ военной организаціи Россіи, нуждавшейся въ западно-европейскихъ артиллеристахъ, инженерахъ и офицерахъ. Врачи и аптекари, находившіеся въ царской службѣ, были исключительно иностранцы. Подъ Москвою процвѣтала Нѣмецкая слобода, и вообще въ Россіи проживало не мало иностранцевъ. Къ этому-то времени относится и начало дипломатическихъ сношеній между Москвою и Саксоніей. Среди офицеровъ, врачей и пасторовъ, пріѣзжавшихъ тогда въ Россію, встрѣчаются Саксонцы, пользовавшіеся покровительствомъ курфюрста. Между Іоанномъ-Георгомъ II и Алексѣемъ Михайловичемъ возникла переписка о Нѣмцахъ, вступавшихъ въ русскую службу. Къ числу ихъ принадлежали, между прочимъ, полковникъ Баумацъ, артиллеристъ Кленгель, докторъ Блументростъ, пасторъ Грегори и Лаврентій Рингуберъ.

Въ 1667 году Московское правительство обратилось къ Саксонскому курфюрсту съ просьбой прислать въ Россію опытнаго врача.

Выборъ наль на доктора Блуентроста ¹⁾). Отъѣзжая въ Россію, онъ пожелалъ взять съ собою молодаго человѣка, медика, который могъ бы служить ему ассистентомъ. Такимъ образомъ Рингуберъ поналъ въ Москву, куда и прибылъ въ 1667 или въ 1668 году, вмѣстѣ съ докторомъ Блуентростомъ и съ пасторомъ Грегоріи.

Годъ рожденія Рингубера неизвѣстенъ. Такъ какъ онъ въ 1667 году отправился въ Москву, не успѣвъ еще приобрести степени доктора медицины, а по его разказу, до поѣздки въ Россію семь лѣтъ учился въ гимназій въ Альтенбургѣ и шесть лѣтъ пробылъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, то можно считать, что онъ родился около 1640 года. Въ 1667 году онъ былъ лишь студентомъ, не успѣвшимъ окончить курса. Въ послѣдствіи, не извѣстно, когда именно, ему удалось приобрести докторскую степень ²⁾.

Рингуберъ былъ довольно скромнаго происхожденія. Родившись въ мѣстечкѣ Лука, въ герцогствѣ Саксонскомъ, онъ рано лишился отца и не иначе, какъ благодаря стипендіи, могъ посвятить себя наукамъ. Овдовѣвшая мать его, имѣвшая домъ и усадьбу, должна была въ 1673 году просить герцога о невзысканіи съ нея податной недоямки въ размѣрѣ 30 гульденовъ.

О житіи-бытій Рингубера въ Москвѣ съ 1668 по 1673 годъ сохранилось не много данныхъ. Онъ, вѣроятно, подъ руководствомъ доктора Блуентроста продолжалъ заниматься науками, давалъ уроки сыну Блуентроста и преподавалъ въ продолженіе года въ какомъ-то училищѣ. Врачебною практикой онъ въ это время, какъ кажется, еще не занимался. За то въ 1672 году онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе высокопоставленныхъ лицъ въ Москвѣ. „Великій

¹⁾ См. сочиненію *Рихтера*, *Geschichte der Medicin in Russland*, II, 279. Документы о вызовѣ Блуентроста въ Россію, и въ томъ числѣ подлинное письмо царя Алексѣя, хранятся въ Дрезденскомъ архивѣ. Письмо царя къ Блуентросту напечатано въ изданіи документовъ о Рингуберѣ, стр. 17—18.

²⁾ Въ донесеніи герцогу Эрнсту отъ 10-го марта 1673 г. Рингуберъ пишетъ о своемъ первоначальномъ отправленіи въ Москву, говоря о Блуентростѣ: «*Post studium quendam Medicinae Lipsiae quaerente obtinui verbo societatis itineris, et una cum Reverendo Domino M. Joh. Gottfr. Gregorij, qui vocatoris Magni Caesaris habebat literas, Mosuam deferebamur*». Затѣмъ Рингуберъ разсказываетъ, что и во время пребыванія въ Москвѣ, онъ не переставалъ заниматься науками — медициной и химіей — «*operam navans, ita ut spes me alat indubia, fore ut aliquando studiis finem imponam optatum*» (Relation, 27 и 29). Подъ донесеніемъ 1674 г. онъ подписанъ: «*Laur. Rinhuber. Medicus*» (стр. 77), а подъ письмомъ къ Вагъ въ 1675 г.: «*Laur. Rinhuber D.*» (стр. 162).

царь Московскій“, разказываетъ онъ,—„пожелалъ забавляться комедіею. Искали человѣка, способнаго поставить на сцену драму. Поручили это дѣло пастору Грегори, считавшемуся способнымъ написать драматическое сочиненіе. Онъ, волею-неволею, долженъ былъ заняться этимъ дѣломъ и написалъ съ моею помощію (*me socium adjungens*) траги-комедію Агасферъ и Эсеиръ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я готовилъ мальчиковъ къ участию въ этомъ представленіи на нѣмецкомъ и на русскомъ языкѣ (*germanice et slavonice*). Самое представленіе происходило 17-го октября 1672 года. Царю до того понравилась игра, что онъ смотрѣлъ ее въ продолженіе дѣлкихъ десяти часовъ, не вставая съ мѣста. Этотъ случай, безъ сомнѣнія, будетъ началомъ дальнѣйшихъ успѣховъ“ (стр. 29). Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что молодыхъ людей, участвовавшихъ въ этомъ драматическомъ представленіи подъ руководствомъ Рингубера,—то были большею частью сыновья иностранныхъ офицеровъ и купцовъ—было 64 человѣка, и что репетиціи происходили въ училищѣ лютеранскаго прихода, пасторомъ котораго былъ Грегори ¹⁾. Рингуберъ замѣчаетъ что одну изъ главныхъ ролей въ представленной траги-комедіи игралъ сынъ доктора Блаументроста, и что царь благосклонно отзывался о трудѣ актеровъ и драматурговъ-режиссеровъ.

Въ самый день этого представленія полковникъ Менезіусъ, который въ качествѣ дипломата, по порученію царя, долженъ былъ отправиться въ Вѣну, Берлинъ, Дрезденъ, Венецію и Римъ, сдѣлалъ Рингуберу предложеніе сопровождать его въ качествѣ секретаря посольства. Нѣтъ сомнѣнія, что Рингуберъ сдѣлался извѣстнымъ своими способностями и познаніями. Онъ прекрасно писалъ и говорилъ по латини, выучился русскому языку и вообще могъ быть полезнымъ спутникомъ Менезіусу въ его посольствѣ.

Какъ извѣстно, отправленіе Менезіуса съ дипломатическимъ порученіемъ къ курфюрстамъ Бранденбургскому и Саксонскому, къ императору Леопольду, въ Венецію и къ папѣ было вызвано положеніемъ Восточнаго вопроса. Успѣхи Турокъ въ войнѣ съ Польшею заставили Московское правительство опасаться дальнѣйшаго ихъ торжества надъ христіанскими державами. Царь рѣшился обратиться къ западно-европейскимъ государямъ съ предложеніемъ приступить къ общимъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Такова была цѣль отправленія

¹⁾ *Fechner, Chronik, I, 352.*

лъ качествѣ чрезвычайныхъ посланъ: Украинцева въ Скандинавію, Виніуса въ Англію и Францію, Менезіуса въ Германію и Италію.

Рингуберъ, отъѣзжая въ свитѣ Менезіуса, долженъ былъ просить боярина Матвѣева объ отпускѣ и позаботиться о лицѣ, которому можно было бы поручить на время его отсутствія вѣренныя ему дѣла. (стр. 30). Изъ этого можно заключить, что онъ находился въ царской службѣ и намѣревался возвратиться въ Россію.

Путешествіе Менезіуса и Рингубера продолжалось съ конца 1672 до начала 1674 года. Объ участіи Рингубера въ дѣлахъ посольства мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, какъ и вообще о самомъ путешествіи Менезіуса. Во время пребыванія Рингубера въ Германіи герцогъ Саксонскій Эрнстъ пожелалъ приобрести въ его лицѣ дипломатическаго агента въ Москвѣ и потому поручилъ своему агенту въ Вѣнѣ Прауну вступить въ сношенія съ Рингуберомъ, который отправился туда изъ Дрездена. Прежде всего Рингуберъ долженъ былъ, по желанію герцога, составить подробное донесеніе о состояніи лютеранскаго прихода въ Нѣмецкой слободѣ и вообще о политическихъ и церковныхъ дѣлахъ Московскаго государства (стр. 34—39). Рингуберъ не замедлилъ исполнить желаніе герцога. Его донесеніе, отъ 15-го—25-го апрѣля 1673 года заключаетъ въ себѣ разныя данныя о лютеранской церкви въ Москвѣ, объ иноземцахъ, проживающихъ въ Россіи, о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пр. Въ заключеніе письма говорится о намѣреніи Рингубера перевести русское Уложевіе на латинскій языкъ и написать сочиненіе „*Russia ecclesiastico-politica*“ (стр. 55—58). По видимому, донесеніе это произвело на герцога довольно благопріятное впечатлѣніе. Онъ вторично обратился къ Прауну съ порученіемъ побудить Рингубера написать еще другое донесеніе, въ которомъ заключалась бы характеристика Менезіуса и изложеніе хода дѣлъ московскаго посольства при императорскомъ дворѣ. Но въ то время, когда Праунъ получилъ письмо о томъ герцога, Московскаго посольства уже не было болѣе въ Вѣнѣ и Праунъ самъ долженъ былъ отвѣтить на запросы Эрнста (стр. 58—60).

Изъ документовъ Римскаго и Венеціанскаго архивовъ видно, что не только самъ Менезіусъ всюду произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе, но и лица его свиты удостоились похвальныхъ отзывовъ Итальянцевъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе отзывы относились въ

¹⁾ Въ одномъ изъ доведеній венеціанскихъ дипломатовъ сказано: „*Ha con se famiglia di molta civiltà*“. *Theiner*, *Monuments historiques de Rome*. 1859, стр. 73.

особенности къ важнѣйшему лицу святи Менезіуса, секретарю посольства Лаврептію Рингуберу. Пробывъ лѣтомъ и осенью 1673 года въ Венеціи и Римѣ, Рингуберъ въ ноябрѣ на обратномъ пути въ Россію посѣтилъ Саксонію и при этомъ случаѣ обратился къ герцогу Эрнсту съ просьбой о денежномъ вспоможеніи (стр. 61—62).

Вскорѣ по возвращеніи Рингубера въ Россію, въ началѣ 1674 года, герцогъ Эрнстъ поручилъ ему передать его письма царю Алексію Михайловичу и боярину Матвѣеву. Въ письмѣ къ Матвѣеву говорилось, что герцогъ, которому уже и прежде были извѣстны добродѣтели и замѣчательныя способности боярина, теперь обо всемъ этомъ подробнѣе узналъ отъ Рингубера. Затѣмъ въ письмѣ говорилось о Нѣмцахъ, пребывающихъ въ Москвѣ, о терпимости въ отношеніи къ нимъ Московскаго правительства, о лютеранскомъ приходѣ, не даромъ разчитывающемъ и впредь на покровительство боярина Матвѣева. Въ письмѣ къ царю упомянуто также о жителяхъ Нѣмецкой слободы, а затѣмъ говорится о необходимости успѣшныхъ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ. Въ третьемъ посланіи, которое Рингуберъ долженъ былъ передать въ Москвѣ, герцогъ Эрнстъ обратился съ увѣщаніемъ къ старшинамъ лютеранскаго прихода въ Нѣмецкой слободѣ. Въ немъ съ нѣкотораго времени происходила борьба партій. Герцогъ, снабжавшій церковь и школу матеріальными средствами, требовалъ прекращенія этихъ распрей (стр. 63—72).

Какъ видно изъ донесенія Рингубера къ герцогу Эрнсту отъ 9-го іюня 1674 года, онъ до 30-го мая передалъ письма герцога Матвѣеву, а 7-го іюля имѣлъ аудіенцію у царя. Рингуберъ пишетъ (стр. 74), что посланіе герцога Эрнста чрезвычайно обрадовало царя, и что послѣдній былъ весьма доволенъ подаркомъ герцога, состоявшимъ въ богато убранномъ оружіи. Матвѣевъ—доносилъ Рингуберъ—съ похвалою отзывался о герцогствѣ Саксонскомъ, обращая вниманіе на то обстоятельство, что въ то время, какъ прочіе германскіе государи относились къ Россіи вполнѣ равнодушно, герцогъ Эрнстъ обнаруживалъ въ отношеніи къ Московскому государству сочувствіе и желалъ ему успѣховъ и процвѣтанія. Наконецъ, Рингуберъ доносилъ еще о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ посланіемъ герцога на старшинъ лютеранскаго прихода и выражалъ надежду, что послѣ увѣщанія герцога прекратятся споры въ средѣ прихода. Такимъ образомъ Рингуберъ сталъ въ это время чѣмъ-то въ родѣ саксонскаго дипломатическаго агента въ Москвѣ. Въ письмѣ къ герцогу Эрнсту онъ просилъ 100 талеровъ, объясняя, что въ его

положеніи нѣтъ возможности избѣжать значительныхъ расходовъ. „Ходить пѣшкомъ—замѣчаетъ онъ было бы нелѣпо (ungereimt) и невозможно. Москва рѣзко отличается отъ прочихъ городовъ и странъ. У кого есть какое-либо дѣло, тотъ долженъ разными средствами задобривать вельможъ, являться у нихъ по утрамъ съ поклономъ“ и пр.

Достоино вниманія, что Рингуберъ, какъ видно изъ его донесенія герцогу, въ бесѣдѣ съ царемъ коснулся двухъ весьма важныхъ вопросовъ: во-первыхъ, онъ обратилъ вниманіе царя на возможность успѣшнаго развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ, и во-вторыхъ, говорилъ о возможности заключенія тѣснаго союза между Россіей и Абиссиніей съ цѣлю общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Судя по документамъ Готской бібліотеки, и самъ герцогъ сильно интересовался этими вопросами. При его дворѣ жилъ замѣчательный ученый Лудольфъ, занимавшійся географіей и написавшій обширное сочиненіе объ Абиссиніи. Что же касается до Китая, то въ это время мысль о сближеніи этого государства съ западною Европою занимала многихъ ученыхъ и государственныхъ людей, напримѣръ Витзена, Лейбница и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что Рингуберъ во время своего пребыванія въ Саксоніи въ 1673 году, имѣлъ случай бесѣдовать или съ самимъ герцогомъ, или съ его сановниками о Китаѣ и Абиссиніи и о значеніи этихъ государствъ для Россіи. Какъ бы то ни было, Рингуберъ самъ началъ серьезно мечтать о средствахъ сближенія Россіи съ Китаемъ и съ Абиссиніей, ему самому захотѣлось совершить путешествіе въ ту и другую страну. Поэтому онъ въ своихъ бесѣдахъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и съ Матвѣевымъ обращалъ особенное вниманіе на эти обширныя проекты.

Въ письмѣ къ герцогу Эрнсту отъ 29-го августа 1674 года изъ Гамбурга, Рингуберъ сообщаетъ довольно любопытныя подробности о своихъ бесѣдахъ съ Матвѣевымъ. Выѣхавъ изъ Саксоніи въ концѣ 1673 года, Рингуберъ запасся множествомъ давнихъ, относящихся къ законодательству и администраціи въ Саксонскомъ герцогствѣ. Саксонское правительство желало давать совѣты царю и его вельможамъ. Рингуберъ показывалъ Матвѣеву какія-то таблицы и книги, относящіяся къ саксонской администраціи. Онъ пишетъ, что Матвѣевъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ эти объясненія и что самъ царь обнаруживалъ большой интересъ къ этому дѣлу. Рингуберъ объяснялъ Матвѣеву, какимъ образомъ московское правительство могло бы воспользоваться удобнымъ географическимъ положеніемъ царства для развитія торговли съ азиатскими державами, съ

Китаемъ, Остѣ-Индіей и пр. По его мнѣнію, торговля могла бы доставить Россіи гораздо большія выгоды, нежели открытіе рудниковъ, на которые истрачены, пока безъ всякой пользы, значительныя суммы денегъ. Другимъ предметомъ разговора была война съ Турціей. Рингуберъ объяснял, что успѣхи въ борьбѣ съ Оттоманскою Портою обусловливаются главнымъ образомъ обученіемъ русскаго войска сообразно съ приемами тактики и стратегіи, господствующими въ западной Европѣ. Наконецъ, Рингуберъ останавливался на вопросѣ о сближеніи между Россіей и Абиссиніей, при чемъ старался доказать, что въ отношеніи къ религіи, нравамъ и обычаямъ есть много общаго между обѣими странами.

Матвѣеву до того поправились мысли, высказанныя Рингуберомъ, что онъ просилъ его составить обо всемъ этомъ записку, очевидно съ цѣлью доложить о томъ царю. Хотя Рингуберъ и не имѣлъ отъ саксонскаго правительства точнаго наказа говорить объ этихъ предметахъ въ видѣ формальныхъ предложеній, однако придавъ своимъ объясненіямъ такой видъ, что Матвѣевъ считалъ сообщенія Рингубера сдѣланными по порученію герцога Эрнста. Какъ видно, Рингуберъ отличался честолюбіемъ: не будучи настоящимъ дипломатическимъ агентомъ, онъ желалъ возбуждать важныя политическія дѣла, — не имѣя точныхъ инструкцій, бралъ на себя отвѣтственность говорить яко бы отъ имени герцога Эрнста даже въ такихъ случаяхъ, когда сообщалъ свои частныя соображенія. Осуществленіе проектовъ, задуманныхъ Рингуберомъ, могло, по его мнѣнію, доставить Саксонскому герцогству значительныя выгоды. До чего доходило честолюбіе Рингубера, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: узнавъ въ Москвѣ о нѣсколькихъ натянутыхъ отношеніяхъ между Московскимъ государствомъ и Швеціей, Рингуберъ возмнѣлъ мысль, что герцогу Эрнсту надлежитъ взять на себя посредничество между этими державами. Въ своемъ донесеніи герцогу Рингуберъ старался доказать, что Эрнстъ можетъ этимъ приобрести видное положеніе въ политическомъ мірѣ, и что въ то время, когда, кромѣ курфюрстовъ Саксонскаго и Бранденбургскаго, ни одинъ изъ германскихъ государей не состоитъ въ сношеніяхъ съ царемъ, переписка герцога Эрнста съ Алексѣемъ Михайловичемъ получитъ значеніе важнаго политическаго событія (стр. 84). Впрочемъ, Рингуберъ дѣйствительно имѣлъ основаніе хвалиться довольно важнымъ результатомъ своей дипломатической дѣятельности. Московское правительство рѣшилось отправить ко двору герцога Эрнста чрезвычайнаго дипломатическаго агента для дальнѣйшаго объ-

ясненія по вопросамъ, возбужденнымъ Рингуберомъ. Сообщая о такомъ намѣреніи царя своему государю, Рингуберъ обращаетъ вниманіе герцога на важность и значеніе этого событія.

Видѣвъ съ Семеномъ Михайловичемъ Протопоповымъ, отправленнымъ въ Саксонію лѣтомъ 1674 года, поѣхалъ и Рингуберъ — какъ бы въ должности секретаря посольства. Такимъ образомъ, возвратясь изъ Италіи въ началѣ 1674 г., Рингуберъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, опять отправился въ западную Европу, и на этотъ разъ имѣлъ возможность посѣтить свою родину, герцогство Саксонское. На пути туда, изъ Гамбурга, въ августѣ, онъ писалъ къ Саксонскому правительству о предстоящемъ прибытіи Протопопова въ Альтенбургъ, Готу и Фриденштейнъ и о необходимости встрѣтить съ подобающимъ почетомъ московскаго дипломата, „хотя и не имѣвшаго точнаго характера посла“. Въ другомъ письмѣ изъ Лейпцига Рингуберъ говоритъ о поводахъ къ отправленію Протопопова: ему поручено вести переговоры о турецкихъ дѣлахъ, о составленіи всеобщей коалиціи противъ Оттоманской Порты, о сближеніи между Россією и Абиссинією, о средствахъ развитія торговыхъ сношеній между Московскимъ государствомъ и Китаемъ, объ отправленіи въ Москву нѣкотораго числа ремесленниковъ, ученыхъ техниковъ, механиковъ, математиковъ и пр. При этомъ Рингуберъ восхищается мыслью, что Саксонія, сдѣлавшись наставницею Московскаго государства и орудіемъ къ открытію новыхъ путей для распространенія цивилизаціи, на сѣверо-востокѣ, приобрететъ громкую славу, и что осуществленіе этихъ мыслей сдѣлается главною задачею дѣятельности его самаго, Рингубера (стр. 88).

Кромѣ этихъ писемъ Рингубера, относящихся къ дипломатической миссіи Протопопова, изъ Готской бібліотеки извлечены и другіе документы по этому же предмету, какъ наприимѣръ, списокъ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ намѣревались бесѣдовать съ русскимъ дипломатомъ саксонскіе сановники. Одинъ изъ этихъ документовъ имѣетъ надпись „Propositiohes“, другой — „Solütiohes s. Imitationes propositiohus“. Нѣтъ сомнѣнія, что Рингуберъ участвовалъ въ ихъ составленіи, или что онъ по крайней мѣрѣ имѣлъ прямое вліяніе на это дѣло. Въ нихъ упоминается о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые Рингуберъ обсуждалъ во время своего пребыванія въ Москвѣ въ бесѣдѣ съ Матвѣевымъ. Къ сожалѣнію, изъ бумагъ, относящихся въ пребыванію Протопопова въ Саксоніи и къ веденію съ нимъ переговоровъ (стр. 97—182), не видно, какую роль игралъ во всемъ этомъ Рин-

губеръ. Тѣмъ не менѣе дѣятельное участіе его во всемъ этомъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Впрочемъ, пребываніе Протопопова въ Саксоніи не имѣло важныхъ результатовъ. Въ то время, когда онъ прїѣхалъ въ Саксонію, герцогъ Эрнстъ былъ опасно боленъ и не могъ заниматься дѣлами; сынъ же его, Фридрихъ, управлявшій дѣлами во время болѣзни отца, казался менѣе склоннымъ дѣйствовать въ направленіи, указанномъ его отцомъ и Рингуберомъ. Поэтому переговоры между Протопоповымъ и Саксонскими сановниками не привели ни къ какому опредѣленному результату. Изъ протокола бесѣды между Протопоповымъ, герцогомъ Фридрихомъ и саксонскими министрами видно, что московскій агентъ старался собрать разные свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Европѣ, ознакомиться съ соображеніями саксонскихъ сановниковъ относительно Китая, Абиссиніи, Турціи и пр., а также и то, что Саксонское правительство не желало брать на себя какое-либо обязательство, не рѣшалось содѣйствовать достиженію цѣлей Московскаго правительства. Совѣты которые Саксонское правительство давало царю, были самыя общія. Въ письмѣ, писанномъ яко бы герцогомъ Эрнстомъ къ царю Алексію Михайловичу, прямо сказано, что опасная болѣзнь герцога помѣшала болѣе подробному и усильному обсужденію затронутыхъ Рингуберомъ вопросовъ (стр. 146—153). Въротно, Рингуберъ не былъ доволенъ столь скуднымъ результатомъ своихъ хлопотъ. Послѣ пребыванія въ Саксоніи онъ долженъ былъ отправиться обратно въ Москву; какъ кажется, положеніе его здѣсь измѣнилось къ худшему, быть можетъ, его суетливая предпримчивость въ концѣ концовъ надоѣла Саксонскому правительству. Испрашивая дальнѣйшаго покровительства и благосклоннаго вниманія Матвѣева въ пользу Рингубера, герцогъ Эрнстъ въ посланіи къ боярину замѣчаетъ, что саксонское правительство не считаетъ нужнымъ давать Рингуберу какое-либо порученіе, и что Рингуберъ отправляется въ Москву на одинъ годъ или на два, лишь съ тою цѣлью чтобы заниматься тамъ врачебною практикою и усовершенствоваться въ знаніи русскаго языка. О такихъ занятіяхъ Рингубера прямо сказано, что они должны будутъ имѣть лишь частный характеръ, и что развѣ когда-либо въ будущемъ Рингуберъ можетъ падѣяться чрезъ пріобрѣтенныя въ Московскомъ государствѣ свѣдѣнія оказать пользу саксонскому правительству (стр. 188). Впрочемъ, какъ кажется, Рингуберъ вовсе не возвращался въ Москву въ 1674 году. Въ апрѣлѣ 1675 года онъ находился въ Вѣнѣ, откуда доносилъ герцогу Фридриху, между прочимъ, о своемъ пребываніи предъ тѣмъ въ Шот-

лапдія, куда долженъ былъ отправиться по какимъ-то религіознымъ дѣламъ (стр. 157).

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о причинахъ пребыванія Рингубера въ Вѣнѣ весной 1675 года. Онъ, кажется, игралъ тамъ роль мелкаго собирателя извѣстій. По крайней мѣрѣ онъ доносилъ герцогу Фридриху о разныхъ политическихъ дѣлахъ Россіи, Австріи и пр.; такъ напримѣръ, сообщалъ о Петрѣ Потемкинѣ, находившемся въ то время въ Вѣнѣ въ качествѣ чрезвычайнаго Московскаго посла, распространялся о причинахъ неудачъ Московской политики, приводилъ разные примѣры деспотическихъ приемовъ Московскаго правительства и пр. Далѣе Рингуберъ говоритъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Россію въ свѣтъ императорскихъ пословъ Боттони и Гудмана. При этомъ случаѣ императоръ Леопольдъ выразилъ надежду, что Рингуберъ, какъ спутникъ этихъ дипломатовъ, окажется полезнымъ въ качествѣ врача и переводчика. Путешественники отправлялись изъ Вѣны чрезъ Прагу, Дрезденъ, Гамбургъ, Любекъ, Балтійское море и Курляндію и прибыли въ Москву 20-го августа 1675 года (стр. 157—163).

Въ то время Рингуберъ уже формально вступилъ въ русскую службу въ качествѣ врача, и сталъ получать 170 рублей годоваго жалованья и ежемѣсячно съѣстныхъ припасовъ на 50 рублей. Кромя того, ему пожалованы были разные подарки — серебряная стопа, драгоценныя матеріи и пр. Хотя онъ и увѣряетъ, что въ 1675 и 1676 годахъ занималъ должность „царскаго придворнаго медика“ (Zarlicher Hof-Medicus), но кажется, на самомъ дѣлѣ довольствовался менѣе важнымъ постомъ ¹⁾.

Занимаясь врачебною практикою въ Москвѣ, Рингуберъ, впрочемъ, не покидалъ мысли о новыхъ путешествіяхъ и объ участіи въ политическихъ дѣлахъ. „Въ 1676 году“, пишетъ онъ, — „царскій бояринъ, князь Никита Ивановичъ Одоевскій сообщилъ мнѣ, что Его Царское Величество намѣренъ отправить меня для царскихъ дѣлъ въ Германію. Однако нѣкоторые... Нѣмцы успѣли воспрепятствовать этому путешествію; хотя для меня въ царской канцеляріи уже были приготовлены царскія грамоты, все-таки вмѣсто меня былъ отправленъ Белигнусъ Ганцландъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ удостоенъ значительнаго жалованья. Мои противники въ бесѣдѣ съ русскими вель-

¹⁾ *Puztegz*, Geschichte der Medicin in Russland. Moskau, 1815, Bd. II. 328—330.

можами выставляли на видъ, что я, не имѣя въ Москвѣ ни дома, ни семейства, могъ бы остаться въ Германіи, тогда какъ на возвращеніе Ганцлауда, имѣющаго жену и дѣтей, можно было разчитывать безъ всякаго сомнѣнія" (стр. 221). Вообще обстоятельства оказались неблагопріятными для дальнѣйшихъ успѣховъ карьеры Рингубера. Въ ночь на 30-е января 1676 года скончался царь Алексій Михайловичъ. Со вступленіемъ на престолъ царя Θεодора, первое мѣсто при дворѣ заняла партія Милославскихъ. Важнѣйшій повровитель иноземцевъ Матвѣевъ, лишился своего значенія и былъ сосланъ. Многіе иноземцы, благодаря таковой перемотѣ, утратили занимаемое ими выгодное положеніе и должны были оставить Россію. Къ числу ихъ принадлежалъ и Рингуберъ, въ письмахъ котораго къ герцогу Фридриху и Лудольфу мы встрѣчаемъ разныя любопытныя подробности, относящіяся къ исторіи этого кризиса.

Въ декабрѣ 1776 года Рингуберъ писалъ изъ Москвы герцогу Фридриху, выражая надежду, что герцогъ еще помнитъ пребываніе въ Саксоніи Протопопова, а въ свитѣ послѣдняго его самаго, Рингубера, и что ранѣе или позже Рингуберу представится случай оказать услугу герцогу. Далѣе онъ изъявляетъ готовность сообщать герцогу разныя новости о дѣлахъ московскихъ, польскихъ, шведскихъ, турецкихъ и пр., а затѣмъ останавливается на перемотѣ, происшедшей въ Россіи, на исторіи паденія Матвѣева. Сперва Рингуберъ намѣревался отправить это письмо по обыкновенной почтѣ; а въ такомъ случаѣ оно могло быть вскрыто, и содержаніе его могло сдѣлаться извѣстнымъ русскимъ властямъ. По этому не удивительно, что говоря, о ссылкѣ Матвѣева, онъ кажется вполнѣ убѣжденнымъ въ его преступности. Онъ даже юворить о намѣреніи боярина доставить престолъ младшему сыну царя Алексія, Петру, помимо Θεодора и Ивана, и пр. Сообщивъ затѣмъ разныя данныя о состояніи Россіи, о разныхъ вельможахъ, о Чигиринскомъ походѣ и пр., Рингуберъ замѣчаетъ, что царское правительство намѣрено отправить въ ближайшемъ будущемъ посольство къ императору Леопольду, что въ этомъ посольствѣ будетъ участвовать Протопоповъ въ качествѣ думнаго дьяка, и что онъ, Рингуберъ, также будетъ находиться въ свитѣ посольства. Къ этому прибавлено, что для герцога Саксонскаго было бы весьма выгодно воспользоваться этимъ случаемъ для полученія разныхъ русскихъ товаровъ. Затѣмъ Рингуберъ замѣчаетъ, что живы въ Москвѣ и занимающъ врачебнымъ искусствомъ, онъ собираетъ разныя данныя для составленія обширнаго сочиненія о Россіи подъ за-

главнѣе „*Russia ecclesiastico-politica*“, и что онъ намѣренъ посвятить герцогу этотъ трудъ, въ которомъ будетъ заключаться изложеніе и юридическаго быта въ Россіи. Нѣсколько недѣль спустя Рингуберъ къ этому письму прибавилъ *Postscriptum*, въ которомъ сказано, что письмо будетъ отправлено не по обыкновенной почтѣ, а чрезъ бранденбургскаго дипломатическаго агента Гесса, который вскорѣ намѣренъ выѣхать изъ Россіи въ сопровожденіи уволеннаго царскаго медика Розенберга. Затѣмъ слѣдуетъ довольно любопытная замѣтка о путешествіи Спаарія въ Китай въ 1675 и 1676 годахъ. Рингуберъ пишетъ: „Я непремѣнно принималъ бы участіе въ путешествіи Спаарія; но въ то время я находился въ Вѣнѣ“. Наконецъ, въ этомъ *Postscriptum* говорится еще о второмъ Чигиринскомъ походѣ, о предстоящемъ бракѣ царя Теодора, объ арестованіи нѣсколькихъ лицъ изъ свиты англійскаго дипломата Гебдона и пр. Все это сообщается очень осторожно. Въ совершенно иномъ тонѣ писалъ Рингуберъ о Россіи когда находился за границею.

Еще въ концѣ декабря 1677 года онъ пыталъ надежду сопроводить Московское посольство въ Вѣну. Но въ концѣ мая 1678 года мы неожиданно видимъ его въ Гельзингерѣ, въ Даніи. Подробности походовъ Рингубера въ это время до оставленія имъ Россіи остаются неизвѣстными. По его словамъ, онъ былъ принужденъ покинуть Москву вслѣдствіе возрастающаго нерасположенія къ Нѣмцамъ. Въ письмѣ къ Лудольфу отъ 23-го мая 1676 года изъ Гельзингера Рингуберъ горько жалуется на недобросовѣстность русскихъ вельможъ, произвольно нарушающихъ договоры съ иностранцами, находящимися въ русской службѣ; обѣщанное офицерамъ и другимъ лицамъ жалованье, пишетъ онъ,—или вовсе не выначивается, или сокращается по усмотрѣнію; иностранцамъ купцамъ Русскіе говорятъ, что никто не нуждается болѣе въ голландскихъ и англійскихъ товарахъ; многіе полковники лишились своихъ мѣстъ, также и докторъ Розенбергъ; докторъ Гранианъ, который долженъ былъ получить, 300 рублей жалованья, подергся такимъ притѣсненіямъ, что считалъ себя счастливымъ, когда, пожертвовавъ этою суммою, успѣлъ благополучно выѣхать за границу. Такимъ образомъ, продолжаетъ Рингуберъ,—многіе иностранцы, начавшіе благополучно свою карьеру въ Москвѣ, подъ покровительствомъ боярина Матвѣева, обмануты въ своихъ надеждахъ. Такая же участь постигла и самаго Рингубера. Въ мартѣ 1678 года онъ выѣхалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ англійскимъ дипломатическимъ агентомъ Гебдономъ; ему оставалось дополучить 80 рублей

жалованья, но онъ не могъ добыться денегъ и рѣшился потерять эту довольно значительную для того времени сумму ¹⁾).

Въ этомъ же письмѣ къ Лудольфу Рингуберъ говоритъ о своемъ намѣреніи на нѣкоторое время отправиться въ Англію для занятій, наукою. Онъ восхищается процвѣтаніемъ наукъ въ Англіи, успѣхами королевскаго ученаго общества, знаменитыми химиками, физиками, медиками и пр. (стр. 183—186). Однако, Рингуберъ не долго жилъ въ Англіи, какъ видно изъ его письма къ герцогу Фридриху, писаннаго въ г. Ливорно 26-го февраля 1689 года. Послѣ весьма рѣзкихъ выраженій о „варварствѣ Москвитянъ“, и сообщенія характеристики царя Теодора и нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ, онъ разказываетъ о своихъ собственныхъ приключеніяхъ слѣдующее. Познакомившись въ Лондонѣ съ какимъ-то Италіанцемъ Бернардо Гуасконни, который далъ ему рекомендательныя письма въ Италію, Рингуберъ чрезъ Францію отправился въ Италію. Въ Парижѣ онъ пробылъ около трехъ недѣль и имѣлъ случай видѣть короля съ королевскимъ семействомъ въ Фонтенебло (2-го сентября 1678 года). Затѣмъ онъ предполагалъ отправиться въ Испанію въ свѣтъ посольства датскаго посланника Джюэ (Gjøe), но уже его не засталъ болѣе въ Орлеанѣ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ. Чрезъ Ліонъ и Туринъ Рингуберъ отправился въ Геную, и благодаря покровительству двухъ вельможъ, вступилъ въ службу Генуеской республики. И тутъ, однако, онъ оставался не долго и на военномъ кораблѣ отправился чрезъ островъ Корсику въ Ливорно и Флоренцію. Затѣмъ Рингуберъ говоритъ о своихъ предположеніяхъ и намѣреніяхъ. Герцогъ Тосканскій обѣщаль ему отправить его въ Африку, оттуда онъ намѣревался возвратиться въ Геную и къ занятіямъ врачебною практикою. Кромѣ того, у него были и другіе обширныя планы. Его все еще занимала мысль о путешествіи въ Абиссинію. Объ этомъ проектѣ онъ переписывался съ Лудольфомъ. Въ концѣ концовъ однако, какъ видно изъ письма къ Фридриху, онъ желалъ возвратиться въ свое отечество, поселиться въ Саксоніи и быть полезнымъ герцогу (стр. 189—198).

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Рингубера отъ февраля 1679 до мая 1681 года. Можно думать, что онъ еще нѣкоторое время оставался въ Италіи. Затѣмъ, изъ нѣкоторыхъ докумен-

¹⁾ Четверть ржи въ то время стоила въ Россіи 50 коп. Принимая въ соображеніе нынѣшнюю цѣну хлѣба, можно сравнить 80 рублей въ 1678 году съ 1000 рублями въ настоящее время.

товъ, отысканныхъ нами въ Дрезденскомъ архивѣ, видно, что весною 1681 года Рингуберъ находился въ Парижѣ и былъ въ сношеніяхъ съ разными сановниками, иногда бывалъ даже при дворѣ, но не поступалъ, по видимому, во французскую службу. До сихъ поръ ни видѣли Рингубера въ сношеніяхъ съ герцогами Саксонскими. Послѣ же пребыванія въ Парижѣ, въ концѣ 1681 года, онъ въ подробномъ и весьма любознательномъ письмѣ, которое находится въ Дрезденскомъ архивѣ, обратился уже къ курфюрсту Іоанну-Георгу III; быть можетъ, онъ потерялъ надежду на покровительство герцога Фридриха и потому рѣшился прибѣгнуть къ болѣе вліятельному и располагавшему большими средствами курфюрсту.

Рингуберъ составилъ для курфюрста записку о пребываніи въ Парижѣ московскаго посольства, главою котораго былъ все тотъ же Петръ Потемкинъ, видѣнный имъ въ Вѣнѣ въ 1676 году. Уже въ то время Рингуберъ отзывался о Потемкинѣ дурно. Теперь же, послѣ того, какъ ему пришлось состоять при Потемкинѣ въ Парижѣ, въ качествѣ переводчика и комиссара французскаго правительства, онъ говоритъ о Потемкинѣ въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Французское правительство воспользовалось услугами Рингубера и его знаніемъ русскаго языка для сношенія съ Потемкинымъ. Рингуберъ участвовалъ во всѣхъ церемоніяхъ приѣма Потемкина и въ переговорахъ, происходившихъ между Московскимъ дипломатомъ и министрами Кольберъ-Кроаси. Кромѣ того, онъ перевелъ на латинскій языкъ письмо царя Теодора къ Людовику XIV и писанное по французски отвѣтное посланіе Людовика XIV къ царю. Въ упомянутой выше запискѣ Рингуберъ сообщаетъ, что французское правительство предлагало ему отправиться въ Москву въ качествѣ французскаго дипломатическаго агента, но Рингуберъ отказался отъ этого выгоднаго порученія, такъ какъ не желалъ болѣе служить иностраннымъ государямъ, предпочитая трудиться на пользу своего отечества. Въ концѣ 1681 года, находясь въ Дрезденѣ, Рингуберъ обратился къ курфюрсту съ просьбою дать ему мѣсто врача въ Саксоніи. Въ то же время онъ однако снова сталъ подумывать о поѣздкѣ въ Россію, ибо считалъ вѣроятнымъ, что курфюрстъ Іоаннъ-Георгъ III отправитъ посольство въ Москву, въ которомъ и онъ, Рингуберъ, приметъ участіе. Рингуберъ утверждалъ, что отправленіе такого посольства можетъ быть весьма выгодно въ коммерческомъ отношеніи и предлагаетъ на этотъ случай курфюрсту свои услуги, замѣчая притомъ, что ему, Рингуберу, и безъ того нужно съѣздить въ Москву для окончанія сво-

его сочиненія о Россіи, для занятій въ Московскомъ архивѣ и проч. Въ заключеніе Рингуберъ замѣчаетъ, что съ давнихъ поръ привыкъ къ административнымъ и дипломатическимъ дѣламъ, и что поэтому въ случаѣ отправленія въ Москву, можетъ быть полезенъ курфюрсту¹⁾. Послѣ этого письма Рингуберъ подавалъ курфюрсту еще два другихъ, почти такого же содержанія²⁾.

Между тѣмъ скончался царь Θεодоръ, и на престолъ вступилъ сначала одинъ Петръ. Затѣмъ въ маѣ 1682 года произошелъ бунтъ, о которомъ, однако, на Западѣ узнали лишь гораздо позже. Рингуберъ, въ письмѣ къ курфюрсту отъ 12-го іюля 1682 года, сообщаетъ о вступленіи на престолъ Петра, и при томъ замѣчаетъ, что настало самое удобное время для отправленія его въ Москву. Вскорѣ однако узнали въ Дрезденѣ о стрѣльцкомъ бунтѣ и вообще о московскихъ происшествіяхъ, повлекшихъ за собою двоецарствіе. Въ началѣ 1683 г. Рингуберъ еще разъ возобновилъ свою просьбу объ отправленіи его въ Москву, откуда онъ намѣревался проѣхать въ Персію и въ Африку³⁾.

Просьбы Рингубера достигли наконецъ желанной цѣли. Ему было поручено составить проектъ письма отъ курфюрста Іоанна-Георга къ царямъ. Тутъ есть поздравленіе по случаю воцаренія Ивана и Петра, просьба о терпимости въ отношеніи къ лютеранамъ, находящимся въ Москвѣ, и благосклонномъ приѣмѣ Рингубера, которому поручено передать письмо. Рингуберъ составилъ также проектъ письма отъ курфюрста къ Персидскому шаху⁴⁾. Изъ этого видно, что Саксонское правительство одобряло его смѣлое намѣреніе ѣхать не только въ Москву, но и въ Персію и Африку.

Путешествіе Рингубера состоялось, однако, только въ 1684 году и ограничилось Москвою, хотя, какъ видно изъ одного документа Готской бібліотеки, въ герцогствѣ Саксонскомъ и въ это время еще думали о проектѣ сближенія Россіи съ Абиссиніей. И герцогъ Фридрихъ, и герцогъ Іоаннъ-Георгъ дали Рин-

¹⁾ Этотъ документъ находится въ Дрезденскомъ архивѣ. Помѣта на немъ: «26-го декабря 1681 года».

²⁾ Вся эти письма находятся въ Дрезденскомъ архивѣ.

³⁾ На оберткѣ письма Рингубера выставлена помѣта: «24 Februar 1683».

⁴⁾ Оба проекта въ Дрезденскомъ архивѣ. На проектѣ письма къ царямъ помѣта «1688». Въ первоначальной редакціи говорится о «царѣ», а вѣдѣмъ всюду исправлено: «цари».

губеру письма къ царямъ. Оба эти письма въ апрѣлѣ 1683 года уже находились въ рукахъ Рингубера (стр. 201). Въ май онъ отправился въ Эрфуртъ, гдѣ находился Лудольфъ, особенно интересовавшійся его намѣреніемъ проникнуть въ Абиссинію. 15-го мая 1683 года Лудольфъ писалъ къ герцогу Фридриху, что Рингуберъ требуетъ серебрянаго футляра для герцогскаго посланія къ царямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Лудольфъ хвалитъ способности Рингубера и его страсть къ путешествіямъ. Рингуберъ выразилъ Лудольфу надежду сдѣлаться полезнымъ совѣтникомъ для абиссинскаго правительства и надѣлся содѣйствовать распространенію тамъ европейской цивилизаціи и сближенію этой страны съ другими христіанскими державами. Лудольфъ, какъ авторъ обширнаго сочиненія объ Абиссиніи, сообщилъ Рингуберу разныя свѣдѣнія объ этой странѣ и обѣщавъ доставить ему рекомендательныя письма отъ Англійскаго короля, отъ Голландской республики и пр. для удобнѣйшаго странствованія по Московскому государству, Персіи, Аравіи, берегамъ Чермнаго моря и пр.

Однако, надежда на получение рекомендательныхъ писемъ отъ разныхъ правительствъ оказалась тщетною. Мало того, хлопоты объ этомъ привели къ разрушенію обширныхъ проектовъ Рингубера вообще. Онъ намѣревался отправиться въ Персію вмѣстѣ съ шведскимъ дипломатомъ, Фабриціусомъ, который долженъ былъ выѣхать изъ Москвы въ Персію въ сентябрѣ 1683 года. Но потративъ время на поѣздки въ Англію и Голландію, во Франкфуртъ, Гейдельбергъ и пр. для полученія обѣщанныхъ имъ рекомендательныхъ писемъ, Рингуберъ истратилъ много денегъ и, не достигнувъ желанной цѣли, долженъ былъ отложить свое путешествіе въ Россію до весны 1684 года.

Впрочемъ, путешествіе это — чрезъ Любекъ и Ригу — обошлось благополучно. Псковскій воевода В. П. Шереметевъ и новгородскій — князь Урусовъ приняли его чрезвычайно благосклонно. Какъ дипломатическому чиновнику, ему всюду были предоставляемы въ распоряженіе лошади, экипажи, прислуга, съѣстные припасы. 6-го іюля онъ прибылъ въ Москву и вслѣдствіе весьма неблагоприятной погоды долженъ былъ отказаться отъ торжественнаго въѣзда въ столицу. При требованіи торжественной аудіенціи у царей, Рингуберъ встрѣтилъ затрудненіе. Дьякъ иноземскаго приказа, Украинцевъ, требовалъ, чтобы Рингуберъ доставилъ письма герцога Фридриха и курфюрста Іоанна-Георга прямо въ приказъ, то-есть, чтобы отказался отъ личной аудіенціи у царей. Рингуберъ же настаивалъ на своемъ и въ случаѣ отказа грозилъ отъѣздомъ назадъ въ Германію безъ от-

дачи тѣхъ писемъ. Голландскій резидентъ въ Москвѣ баронъ Келлеръ, съ давнихъ поръ находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Рингуберомъ, вполне одобрялъ образъ его дѣйствій. Рингуберъ полагалъ, что Украинцевъ желалъ получить взятку, и что кромѣ того, противъ него интриговали нѣкоторые иноземцы-католики. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться съ прошеніемъ о назначеніи для аудіенціи къ самому царю.

Желаніе Рингубера было удовлетворено. На аудіенціи 20-го іюля цари благосклонно приняли какъ письма герцога Фридриха и курфюрста Іоанна-Георга, такъ и самого Рингубера.

Самымъ вліятельнымъ лицомъ въ правительствѣ былъ въ то время князь В. В. Голицынъ. Поэтому Рингуберъ, безъ сомнѣнія и прежде уже знакомый съ нимъ, успѣшилъ побывать у него и вручить ему подарокъ курфюрста Саксонскаго. Голицынъ разпрашивалъ Рингубера объ учрежденіяхъ Германской имперіи вообще и о положеніи Саксонскаго курфюршества въ особенности; заговаривалъ и о намѣреніи Рингубера ѣхать въ Персію въ качествѣ—какъ предполагалъ Голицынъ—саксонскаго дипломатическаго агента, и общалъ ему свое покровительство; но Рингуберъ сказалъ, что по настоящему стеченію обстоятельствъ онъ уже раздумалъ ѣхать въ Персію и прямо намѣренъ возвратиться въ Германію. При другомъ свиданіи Рингуберъ представлялъ князю Голицыну сочиненіе Адольфа „Historia Habessinica“, а также передалъ назначенный для царей подарокъ герцога Фридриха, состоявшій въ разныхъ лѣкарствахъ. Далѣе Рингуберъ уже болѣе или менѣе официально бесѣдовалъ съ Голицыннымъ о политическихъ дѣлахъ, въ особенности о восточномъ вопросѣ, при чемъ убѣждался въ нерасположеніи Московскаго правительства къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Рингуберъ съ жаромъ говорилъ объ Абиссиніи, выставляя на видъ, что Россія должна отправить въ эту страну своего посланника и готовность участвовать въ этомъ путешествіи, объясняя, что нужно ѣхать туда чрезъ Персію, взять съ собою нѣсколько Арманъ и проч. По видимому, объясненія Рингубера произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Ему велѣно было представить записку о сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ, которая и подверглась подробному обсужденію со стороны русскихъ сановниковъ. Рингуберъ искалъ случаевъ склонить въ свою пользу нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ побывалъ у Украинцева, Нефимова, Чередѣва и др.; возобновилъ сношенія съ прежними знакомыми, напримѣръ съ голландскимъ резидентомъ барономъ Келлеромъ, съ шведскимъ фонъ-Кохеномъ, съ датскимъ ре-

зидептомъ и прочія. Съ разныхъ сторонъ обѣщали ему помощь; польскій дипломатъ Эгурскій, также собиравшійся въ Персію, предложилъ Рингуберу ѣхать вмѣстѣ. Но Рингуберъ не могъ принять этого предложенія, во первыхъ, потому, что имъ уже было сдѣлано въ иноземскомъ приказѣ официальное заявленіе о намереніи возвратиться въ Германію, а далѣе потому, что не хотѣлъ принадлежать къ свѣтѣ польскаго дипломата, участвовать въ католическомъ богослуженіи и жить вообще „по польски“.

Не смотря на покровительство Голицына, Рингуберъ едва однако не попалъ въ бѣду. Тотъ же самый Спаарій, который въ 1675 году былъ въ Китаѣ и занималъ довольно важное мѣсто въ иноземскомъ приказѣ, при разборѣ писемъ саксонскихъ государей къ царямъ, нашелъ въ нихъ ошибки въ титулахъ и затѣялъ споръ о томъ съ Рингуберомъ и даже грозилъ ему ссылкой. Дѣло однако кончилось благополучно, благодаря вмѣшательству Голицына.

27-го августа Рингуберъ еще разъ былъ у Голицына въ его Подмосковной и видѣлъ тутъ царя Ивана и царевну Софью. Послѣ обѣда князь сказалъ ему: „Докторъ, оставайся у насъ; ты уже прежде служилъ царскому величеству; ты говоришь и пишешь по русски“. Рингуберъ отвѣтилъ, что обстоятельства требуютъ его возвращенія въ Германію и развѣ когда нибудь впоследствии дозволить ему возвратиться въ Россію. 30-го августа была прощальная аудіенція Рингубера. Цари пожаловали ему 140 рублей, но на руки ему досталось только 75 р., а прочее, по его словамъ, ушло на русскихъ чиновниковъ, на которыхъ онъ и не считалъ удобнымъ жаловаться ¹⁾.

8-го сентября Рингуберъ оставилъ Москву и послѣ большихъ трудностей плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ достигъ наконецъ Травемюнде 21-го ноября. Лишь мѣсяць спустя, 23-го декабря, прибылъ, онъ въ Дрезденъ, гдѣ передалъ курфюрсту письмо царей, а вѣтѣмъ отправился въ Готу также для передачи царскаго письма герцогу Фридриху. Тутъ онъ, какъ кажется для Фридриха, написалъ свое „Wahrhafte Relation“, заключающее въ себѣ подробный разказъ

---

¹⁾ Письма саксонскихъ государей къ Ивану и Петру напечатаны въ *Magazin für die neue Historie und Geographie—Bohemia*, т. XI, стр. 525—532. Тамъ же и отвѣтныя письма царей отъ 30-го августа 1684 года. Подлинникъ письма царей къ курфюрсту на рускомъ языкѣ находится въ Дрезденскомъ архивѣ. Тутъ прямо сказано, что цари дозволяли Рингуберу отправиться въ Персію, но что Рингуберъ не желалъ предпринять это путешествіе.

о путешествіи 1684 года. Въ концѣ рукописи стоятъ пометы: „Гота, 24-го января 1685 года“.

Въ этомъ, издавномъ только въ новѣйшее время, сочиненіи Рингубера упоминается о другихъ трудахъ его. Такъ, разказывая о юномъ царѣ Петрѣ, онъ замѣчаетъ: „wie ich anderswo geschrieben“. Говоря о страшной бурѣ на Балтійскомъ морѣ, онъ пишетъ: „Ich habe diese grosse Noth in meinem Journal graphice beschrieben“. Въ концѣ „Wahrhafte Relation“ сказано: „Und so viel Kürzliche von meiner Moskovitischen Reise, worauf nun folget der andere Theil, nämlich Relation d'estat de Moscovie, wobei zu bemerken, dass zwar nicht Alles sogar umständliche ausgeföhret, weil ich in einem gewissen Tractat de rebus Moscoviticis, plait à Dieu, wohl besser zu schreiben gesonnen“. Но, къ сожалѣнію, указываемыя тутъ сочиненія не извѣстны, равно какъ и самая судьба ихъ автора послѣ 1685 года, и время его смерти.

III.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Рингуберъ, какъ человекъ образованный и притомъ прожившій въ Россіи въ первый разъ пять лѣтъ (1668—1672), во второй нѣсколько мѣсяцевъ (1675), въ третій болѣе двухъ лѣтъ (1676—1678) и въ четвертый разъ (1684) два мѣсяца, вообще проведеншій въ Россіи болѣе долгое время, чѣмъ Олеарій и Мейербергъ, могъ составить себѣ ясное понятіе о характерѣ Московскаго государства и его жителей, объ учрежденіяхъ и о лицахъ, о правахъ и обычаяхъ Москвитянъ, о значеніи тѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ во время своего пребыванія въ Россіи. Хотя вышеупомянутое „Abrégé“ Рингубера еще и не отыскано, хотя мы не знаемъ, успѣлъ ли онъ въ послѣдствіи написать обѣщанное сочиненіе „о Россіи въ отношеніи къ церкви, политикѣ и хозяйству“, тѣмъ не менѣе и въ своихъ донесеніяхъ герцогу Фридриху и другимъ лицамъ, онъ сообщаетъ равныя данныя о Россіи. Кромѣ того, въ разсматриваемомъ изданіи помѣщены нѣкоторые документы о старинной Россіи, писанные и другими лицами, напримѣръ, пастора Грегори. Поэтому здѣсь уместно проставить оцѣнку этого сборника и вообще какъ новаго источника для русской исторіи XVII вѣка.

Отзывы иностранцевъ о Россіи XVII столѣтія вообще не особенно благопріятны и нерѣдко отличаются строгостью. Московское государство слишкомъ рѣзко отличалось отъ западной Европы. Путешественники писатели находили въ немъ произволъ администраціи и недостатки

правосудія, жестокость правительства въ обращеніи съ подданными, продажность приказныхъ людей и пр. Даже горячо любившій Россію Крижанничъ, и тотъ рѣзко порицалъ ирраціональную сторону русскаго быта. Поэтому нельзя удивляться тому, что и Рингуберъ не всегда отзывался благопріятно о Россіи и ея жителяхъ.

О самомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Рингуберъ отзывался довольно благопріятно. „Царская власть“, пишетъ онъ, — „пока обуславливалась тремя основами: 1) совершеннымъ невѣжествомъ подданныхъ, 2) единствомъ и одвообразіемъ религіи по всему государству, 3) запрещеніемъ путешествій за границу. Никто не смѣлъ вѣзаться ученіе царя, его считаютъ мудрѣйшимъ, всезнающимъ и всемогущимъ. Нынѣшній государь пользуется уваженіемъ за свою добродѣтель. Иностранцы, за исключеніемъ католиковъ, пользуются правомъ свободнаго богослуженія“ (стр. 42). Однако, мягкость нрава Алексѣя и прочія его достоинства сочетались иногда съ деспотическими пріемами, которые, по мнѣнію Рингубера, часто служили препятствіемъ успѣшному теченію дѣлъ. „Всѣ“, пишетъ Рингуберъ въ 1675 году, — „боятся государя; никто ничего не дѣлаетъ безъ его приказанія; ни русскіе воеводы, ни иностранные полковники не берутъ на себя отвѣтственности за какое-либо болѣе или менѣе самостоятельное дѣйствіе. Такимъ образомъ упускаются самые удобные случаи успѣшныхъ дѣйствій; никто не хочетъ по собственному усмотрѣнію предпринять что либо или, во время похода, атаковать непріятеля безъ особеннаго приказанія свыше“. Рингуберъ приводитъ слѣдующій примѣръ господствовавшей въ Россіи строгости административныхъ порядковъ: „Воевода Нащокинъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ велѣлъ наказать своего собственнаго сына кнутомъ, такъ что палачъ едва не лишилъ жизни несчастнаго, за то только, что сынъ, не имѣя точнаго приказанія отъ отца, атаковалъ отрядъ польскихъ войскъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ значительное число непріятелей“¹⁾. Другой примѣръ: Рига, осажденная русскими войсками въ 1656 году, какъ узналъ Рингуберъ, безъ сомнѣнія, была бы занята русскими войсками, если бы русскіе воеводы хотѣли руководствоваться совѣтами нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ, но никто не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности болѣе смѣлыхъ и энергическихъ дѣйствій (стр. 161—162).

¹⁾ Вѣтъ можетъ, этотъ эпизодъ состоялся въ связи съ бѣгствомъ сына Ордина-Нащокина.

Характеристика царя Θεодора въ письмѣ Рингубера отъ 29-го декабря 1677 года не имѣетъ особеннаго значенія, потому, что Рингуберъ намѣревался отправить это письмо по почтѣ и могъ ожидать вскрытія письма. Хвалебный отзывъ его имѣетъ нѣсколько офиціозный характеръ. Рингуберъ хвалитъ воинственность царя, его неуспинное участіе въ дѣлахъ и пр. Затѣмъ онъ сообщаетъ о слѣдующемъ случаѣ: царь во время сильнаго мороза и страшнаго вѣтра выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи значительнаго числа вельможъ. Самъ государь ѣхалъ въ саняхъ, покрытый мѣхами; вельможи же, не смотря на ужасную стужу, должны были ѣхать верхами, и развѣ только по особенному разрѣшенію государя могли сѣсть въ сани. Царю вздумалось испытать, можно ли переѣхать чрезъ покрытую льдомъ Язу. Трое вельможъ успѣли чрезъ рѣку, но при этомъ едва не погибли: ихъ лошади вмѣстѣ съ сапями пошли ко дну; самихъ вельможъ вытащили; царь хотѣлъ видѣвши ихъ прозябшими и дрожащими и пр. Въ этомъ письмѣ только мимоходомъ и весьма осторожно говорится о болѣзненномъ состояніи Θεодора. За то въ письмѣ Рингубера изъ Ливорно, отъ 26-го февраля 1679 года, онъ подробно пишетъ о недугахъ царя, о которыхъ онъ, какъ врачъ, могъ знать подробно. Въ этомъ же письмѣ Ивана Алексѣевича Рингуберъ называетъ „слѣпымъ отъ роду и почти полуумнымъ“. За то о Петрѣ онъ говоритъ „vividior est animo et corporo“. Уже въ 1679 году Рингуберъ считалъ возможнымъ, что Петръ будетъ непосредственнымъ преемникомъ Θεодора. „Въ такомъ случаѣ“, пишетъ Рингуберъ, — „Матѣевъ будетъ немедленно вызванъ изъ ссылки“. Когда Рингуберъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Россію, Петру было всего двѣнадцать лѣтъ. Разказывая объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у царей, Рингуберъ пишетъ, что Петръ, въ противоположность мрачному и почти совершенно слѣпому Ивану, казался свѣжимъ и веселымъ; онъ любовался прекрасною печатью на письмѣ курфюрста, ласково смотря на Рингубера и улыбаясь, подалъ ему руку. Рингуберъ хвалитъ красоту юнаго царя, его способности, его умъ и пр.

Чрезвычайно рѣзко отзываясь Рингуберъ объ Иванѣ Михайловичѣ Милославскомъ, котораго называетъ противникомъ Матѣева и вліяніе котораго на дѣла онъ считаетъ чрезвычайно вреднымъ. Вообще вся знать при Θεодорѣ Алексѣевичѣ сильно не нравилась Рингуберу. „Нѣтъ“ пишетъ онъ, — „ни одного человѣка, котораго можно бы назвать добрымъ, честнымъ, любящимъ правду и добродѣтель“. Затѣмъ слѣдуютъ рѣзкіе отзывы о князѣ Юріѣ Алексѣевичѣ Долгорукомъ и о

другихъ вельможахъ, при чемъ сообщаются разные случаи насилія и грубости нравовъ (стр. 190—191). Еще прежде Рингуберъ указывалъ на подавляющее вліяніе временщиковъ. „Все“, писалъ онъ 1673 году, — теперь зависитъ отъ Матвѣева, какъ прежде все зависѣло отъ Ильи Даниловича Милославскаго, затѣмъ отъ князя Ромодановскаго, затѣмъ отъ Ордына-Нащокина" (стр. 26). Притомъ, бывъ неоднократно свидѣтелемъ быстрыхъ переи́нъ въ судьбѣ вельможъ, временно пользовавшихся господствующимъ вліяніемъ на дѣла, Рингуберъ признавалъ эту замѣняемость счастья и власти весьма важнымъ препятствіемъ для успѣховъ русской политики.

Разказывая о политическомъ положеніи Россіи въ 1684 году, Рингуберъ говоритъ о натянутыхъ отношеніяхъ между Польшей и Россіей и замѣчаетъ, что можно даже ожидать разрыва между обѣими державами. „Впрочемъ“, продолжаетъ онъ, — „благоразумные люди все это считаютъ пустымъ слухомъ, потому что Московское государство въ настоящее время повсе не въ такомъ состояніи, чтобы отважиться на войну; во первыхъ, въ Москвѣ вообще господствуетъ правило сидѣть смирно, выжидая естественнаго теченія дѣла; во вторыхъ, между обоними царями существуетъ нѣкоторое несогласіе; втретьихъ, въ царской казнѣ, при значительныхъ расходахъ на содержаніе двора, мало денегъ; вчетвертыхъ стрѣльцы весьма недовольны; впятыхъ, вельможи опасаются стрѣльцовъ, и никто изъ вельможъ не хотѣлъ бы командовать арміей, изъ нихъ состоящую; вшестыхъ, едва ли кто изъ бояръ или думъ посовѣтовалъ бы предпринять что-нибудь, потому что въ Москвѣ считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ лишиться головы. Главный самовникъ, добрый господинъ Голицынъ, находится постоянно въ страшной опасности. Онъ долженъ угождать обонимъ царямъ, заниматься всѣми дѣлами и едва ли окажется способнымъ руководить всѣмъ долге" (стр. 241).

Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, въ особенности изъ сочиненія Невилля: „Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie“, что Голицынъ, многосторонне образованный и склонный къ западно-европейскимъ приемамъ общежитія, вообще производилъ на иностранцевъ очень благоприятное впечатлѣніе. Какъ видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія Рингубера, послѣдній не особенно высоко ставилъ политическія способности князя. Нашъ авторъ, такъ-сказать, предвидѣлъ будущее паденіе любимца царевны Софіи, при чемъ придавалъ особенное значеніе разногласію между царями, какъ важнѣйшей опасности для прочнаго положенія Голицына.

Многія замѣтки въ донесеніяхъ Рингубера о дѣлахъ вѣшной политики Россіи достойны вниманія. Особенно часто онъ говоритъ о турецкихъ дѣлахъ и о Польшѣ. Такъ напримѣръ, въ 1672 году онъ подробно писалъ о необходимости военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, грозившихъ дальнѣйшими усилками въ борьбѣ съ Польшою, при чемъ встрѣчаются нѣкоторыя замѣчанія о Малороссіи; во время царствованія Теодора Рингуберъ доносилъ обстоятельно о Чигиринскихъ походахъ, сообщая данныя о численности русскихъ войскъ, имена русскихъ и турецкихъ воеводъ и пр.; въ подробныхъ разговорахъ съ княземъ Голицынымъ, которые воспроизведены въ „Wahrhafte Relation“, рѣчь шла о восточномъ вопросѣ, о Польшѣ, объ отношеніи Германской имперіи въ Турецкой войнѣ и пр. Весьма также важны въ изданіи бумагъ Рингубера свѣдѣнія о дипломатической роли Менезіуса въ 1693 году и о пребываніи Протопопова въ Саксоніи въ 1674 году.

Для исторіи проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ разсматриваемые документы также могутъ служить весьма важнымъ пособіемъ. Тутъ встрѣчается множество данныхъ о дѣлахъ лютеранскаго прихода, о его пасторахъ, о спорахъ между различными партіями, о нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатахъ, врачахъ и пр.

Для бытовой исторіи Россіи донесенія Рингубера представляютъ мало свѣдѣній; за то въ помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ документахъ, исходящихъ отъ другихъ лицъ, напримѣръ, пастора Грегори, говорится о русскомъ судопроизводствѣ, о военной организаціи, о церкви, о торговлѣ, о кризисѣ вслѣдствіе выпуска легковѣсной мѣдной монеты.

А. Бриннеръ.

Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По общей географіи. Томъ X. С.-Пб. 1883.

Въ прошломъ году Русское Географическое Общество обнародовало записки Г. С. Карелина, веденныя имъ во время двухъ поѣздокъ по Каспійскому морю въ 30-хъ годахъ. Почему такъ поздно появились онѣ въ свѣтъ, когда печатались вещи менѣ замѣчательныя, мы не знаемъ, и отвѣта въ редакціонной замѣткѣ не находимъ. Въ

свое время труды Карелина могли бы имѣть большое практическое значеніе, теперь же они, за невозможность исключеніемъ, имѣютъ лишь одно историческое, ибо въ эти 40—50 лѣтъ свидѣнія наши о затронутыхъ Карелинымъ предметахъ значительно подвинулись впередъ, гдѣ больше, гдѣ меньше (особенно послѣ экспедицій Н. А. Иванникова), а главное — обстоятельства сильно измѣнились: наше положеніе и вліяніе на Каспійскомъ морѣ теперь далеко не тѣ, что полстолѣтія назадъ. Во всякомъ случаѣ люди, изучающіе Востокъ, принесутъ благодарность и Географическому Обществу за непечатаніе „дневниковъ“ Карелина, и почтенному профессору М. Н. Богданову, повзбуждену спасти отъ истребленія бумаги одного изъ неутомимыхъ нашихъ путешественниковъ и изслѣдователей.

Десять лѣтъ тому назадъ въ Русскомъ Архивѣ (1873 г. № 7) напечатана была небольшая біографія Карелина, единственная указанія о жизни и дѣятельности его. Какъ по этой біографіи, такъ еще болѣе по своимъ многочисленнымъ путешествіямъ, Карелинъ является личностію высоко замѣчательною.

Карелинъ родился въ 1801 году отъ небогатыхъ дворянъ С.-Петербургской губерніи и воспитывался въ I-мъ надетскомъ корпусѣ; получилъ, стало бытъ, образованіе не очень высокое; но, какъ обнаружившія большія способности, былъ принятъ въ канцелярію графа Аравчеева. Будущность предстояла ему завидная. Но по невѣстной намъ и самому Карелину причинѣ былъ онъ отправленъ безъ суда и слѣдствія въ ссылку въ Оренбургъ, съ зачисленіемъ прапорщикомъ мѣстнаго гарнизона. Люди заурядные, при подобныхъ невзгодахъ, теряютъ энергію и кончаютъ иногда очень печально. Карелинъ поступилъ совсѣмъ иначе. Онъ сталъ изучать естественныя науки, пристрастился къ этому предмету, и любимымъ его занятіемъ сдѣлалось совершать экскурсіи въ степи и горы съ цѣлью собранія естественнонаучныхъ коллекцій. Отсюда, кажется, ведутъ начало его путешествія, во время которыхъ онъ больше всего заботился о составленіи коллекцій, разсылавшихся имъ по ученымъ обществамъ и учрежденіямъ. Графъ Эссенъ, одинъ изъ замѣчательныхъ начальниковъ Оренбургскаго края, первый оцѣнилъ Карелина. Въ 1824 г. онъ поручилъ Карелину составить маршрутную карту отъ Симбирска до Оренбурга, а затѣмъ командировалъ его въ Башкирію, въ томъ же году, для минералогическихъ изысканій. Графъ Сухтеленъ, смѣнившій Эссена, давалъ Карелину подобныя же порученія. Вскорѣ потомъ Карелинъ оставилъ военную службу и перешелъ въ министерство

иностранныхъ дѣлъ. Въ 1831 г. онъ принималъ участіе въ степной экспедиціи полковника Генса, величайшаго знатока Средней Азіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ 1832 г. Карелинъ назначается начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря, въ то время извѣстнаго только немногимъ рыбопромышленникамъ. Мысль объ этой экспедиціи принадлежитъ, по видимому, самому Карелину; но крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1830 году подалъ онъ графу Сухтелену проектъ этой экспедиціи, состоявшейся въ 1832 г. Вумаги касательно этого путешествія и составляютъ первую часть нынѣ издавнаго сборника. Обнародовано: 1) введеніе въ журналъ экспедиціи, гдѣ изложены средства и цѣль ея, 2) самый журналъ, и приложенія: а) естественныя произведенія сѣверо-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, и б) приложенія къ дневнику.

Въ составъ экспедиціи вошли: одинъ эсаулъ, одинъ сотникъ, двое хоружихъ, 4 урядника, 4 бомбардира, 142 казака, 1 фельдшеръ; кромѣ того, были прикомандированы: артиллеріи подпоручикъ, три топографа, три коллектора для собиранія предметовъ естественной исторіи; для веденія морскаго журнала — штурманъ. Въ распоряженіе Карелина предоставлены были четыре плоскодонныя двухмачтовыя расшивы. Первоначально экспедиція рассчитана была на 50 дней, но потомъ оказалось необходимымъ увеличить запасы ея еще на 40 дней. Журналъ свой Карелинъ ведетъ съ 10-го мая, а суда выѣхали изъ Гурьева 11-го числа. Осмотрѣвъ острова Каменный, Пешной, Мокрые, Городище, Бабинскій, Соколинскіе и Гогольскіе и всюду производя съемки, экспедиція 24-го мая вступила въ Эмбенскія воды. Здѣсь были осмотрѣны острова Ергашный и Вакланій и произведена съемка прибрежной мѣстности. 31-го мая Карелинъ прибылъ къ проливу Большой Прорвѣ и Прорвинскимъ островамъ, мѣстности, изобилующей рыбою, но рыбопромышленниками почти не посѣщаемой изъ опасенія разбоевъ Киргизовъ Адаевцевъ. 1-го іюня Карелинъ отправился въ заливъ Мертвый Култукъ, осмотрѣвъ на пути Бирючьи и Буинскіе острова. 9-го іюня онъ вступилъ въ Мертвый Култукъ. Тутъ начинается наиболѣе интересная часть путешествія. Сперва были изслѣдованы Новинскіе острова, а затѣмъ Карелинъ расположился лагеремъ на берегу. Всю окрестную мѣстность Карелинъ изучалъ очень старательно. Произвелъ съемку Туманныхъ горъ и горы Яманъ Айракли; затѣмъ отправился въ южную часть Култука, извѣстную подъ именемъ залива Кайдака. Работы въ этой мѣстности, изобилующей тарантулами, скорпионами,

фалангами, не обошлись безъ несчастныхъ случаевъ: многіе казаки испытали послѣдствія укушенія ихъ. 13-го іюля Карелинъ оставилъ Мертвый Култукъ и, наи́брываясь осмотрѣть берега полуострова Бузачи, отпустилъ половину казаковъ въ Гурьевъ, такъ какъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ не было надобности въ очень сильной охранѣ. Объѣхавъ сѣверный берегъ Бузачи, Карелинъ высадился на берегу у Сары-таша. Здѣсь изслѣдовалъ онъ Мангышлацкія горы. 29-го іюля рѣшился возвратиться въ Гурьевъ и 4-го августа прибылъ въ устье Урала. Тутъ и оканчивается дневникъ Карелина.

Кромѣ тѣхъ подробностей, которыя прямо относились къ цѣли экспедиціи, Карелинъ заносилъ въ свой журналъ и все то, что находилъ интереснаго и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ затронулъ вопросъ о рыболовствѣ на Каспійскомъ морѣ и указалъ на практиковавшіяся при этомъ злоупотребленія. Касаясь этого предмета, Карелинъ оставляетъ даже свой обыкновенно спокойный тонъ. „Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить“, пишетъ онъ, — „что сбродъ людей, выѣзжающихъ на рыболовство подъ управленіемъ какого-нибудь негодяя лоцмана, позволяетъ себѣ самыя непростительныя поступки и, безъ всякаго сомнѣнія, не упускаетъ изъ виду выходить на восточные берега и проваивать безпорядки, роняющіе насъ во мнѣніи туземцевъ. Слѣдуетъ думать, что для отвращенія таковаго зла слѣдовало бы обращать несравненно большее вниманіе на людей, которымъ выдаются изъ Эмбенской рыбной экспедиціи билеты и гораздо строже осматривать выѣзжающіе на промыселъ и возвращающіеся съ онаго суда“ (стр. 59). Въ журналѣ Карелина много интересныхъ свѣдѣній о Киргизахъ. Его обращеніе съ Киргизами является поучительнымъ примѣромъ, какъ можно ладить съ этимъ народомъ и умѣть извлекать изъ него пользу; но для этого надо хорошо изучить Среднюю Азію, а Карелинъ зналъ съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. Встрѣченный Киргизами крайне недовѣрчиво, онъ сумѣлъ такъ сойтись съ ними, что они сами искали случая услужить ему чѣмъ-нибудь и, что особенно замѣчательно, указали ему мѣста, гдѣ находятся самое драгоценное сокровище ихъ—прѣсная вода. Не смотря на то, Карелинъ не идеализируетъ описываемый имъ народъ, какъ это иногда дѣлаютъ неопытные путешественники. Онъ не скрываетъ дурныхъ сторонъ Киргизовъ, ихъ корыстолюбія, желанія поживиться на счетъ заѣхавшихъ Русскихъ, выманить у нихъ подаваніе подъ видомъ бѣдности. „Посѣтившіе насъ Киргизцы“, пишетъ онъ, — „на вопросъ за какимъ дѣломъ пріѣхали, не обинуясь отвѣчали: посмотрѣть Русскихъ

и поѣсть" (стр. 91). Описательная часть у Карелина не оставляет желать ничего лучшаго; въ немногихъ словахъ умѣетъ онъ дать ясное представленіе о затравутомъ предметѣ. Его описаніе киргизскаго кладбища въ урочищѣ Сяй-Исемъ можно назвать образцовымъ (стр. 487—492); ничего подобнаго не далъ намъ ни одинъ путешественникъ, остававливавшійся на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Въ видѣ приложенія къ дневнику напечатаны двѣ записки Карелина. Одна— „О тюленьемъ промыслѣ въ сѣверной части Каспійскаго моря“, рисующая тогдашнее состояніе этой промышленности; другая— „О разболахъ на Каспійскомъ морѣ“, имѣющая исключительно историческое значеніе. Исслѣдователь этого вопроса многимъ можетъ воспользоваться изъ небольшой записки Карелина.

Во время пребыванія въ Мертвомъ Култукѣ зародилась у Карелина мысль основать въ той мѣстности укрѣпленіе, о чемъ одно время правительство наше сильно заботилось; но всѣ его предпріятія на этотъ счетъ оканчивались полнѣйшею неудачею. Вслѣдствіе недостатка въ прѣспой водѣ и нездороваго климата, гарнизоны возведенныхъ укрѣпленій вымирали въ ужасающихъ размѣрахъ, и укрѣпленія бросались. Карелинъ вновь поднялъ вопросъ о необходимости укрѣпленія близъ Мертваго Култука, представляя, что оно положитъ предѣлъ грабительствамъ буйнаго киргизскаго племени Адай, что оно, по близкому сосѣдству съ Хивинскимъ ханствомъ, можетъ имѣть рѣшительное на него вліяніе, и наконецъ, будетъ способствовать распространенію рыболовства. Интересно, что Карелинъ приписывалъ будущему укрѣпленію возможность вліять на Хиву. Дѣйствительно, намѣченный имъ пунктъ для возведенія крѣпости—самый близкій къ этому ханству со стороны Каспійскаго моря, и Карелинъ позаботился собрать путемъ распросовъ свѣдѣнія о дорогахъ отъ Мертваго Култука черезъ Усть-юртъ въ Хиву (стр. 481—489). Путь, по видимому, удобный; но мы имъ не воспользовались, когда дѣйствительно пришлось сдѣлать наступленіе на Хиву со стороны Каспійскаго моря, можетъ быть, просто по невѣдѣнію. Мысль Карелина о возведеніи укрѣпленія была одобрена правительствомъ. Онъ же и получилъ назначеніе заложить крѣпость: такъ возникло въ 1834 г. Ново-Александровское укрѣпленіе. Дневника Карелина за эту экспедицію не сохранилось; все, что мы знаемъ о дѣятельности его по возведенію Ново-Александровска, заключается въ его письмахъ къ К. К. Родофиникину, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1873 г. № 7, стр. 1324—1328). Не жалѣя трудовъ, здоровья, рискуя даже жизнью, хлопоталъ Карелинъ

о своемъ дѣтницѣ, и съ гордостью могъ сказать, что онъ создалъ Ново-Александровскъ. Но и это предпріятіе оказалось продолженіемъ тѣхъ горькихъ опытовъ, которые начались у насъ еще при Петрѣ Великомъ. Мелководный входъ въ Мертвый Култукъ затруднялъ сообщеніе укрѣпленія съ Гурьевымъ, а нездоровый климатъ быстро губилъ людей гарнизона безъ всякой очевидной пользы для дѣла. Пришлось упразднить и Ново-Александровскъ. Только теперь снова заговорили объ этомъ пути въ Среднюю Азію со стороны Каспія.

Неутомимый труженикъ, Карелинъ въ 1836 г. отправляется въ новое путешествіе по Каспійскому морю, на этотъ разъ въ важную часть его. Дневникъ этого путешествія составляетъ вторую, большую часть изданнаго нынѣ сборника. Цѣль экспедиціи: 1) представить географическое опредѣленіе восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Тюль-Караганскаго мыса до персидской границы; 2) описать племена, населяющія берегъ и внутреннія земли; 3) изслѣдовать мѣстности въ естественно-историческомъ отношеніи; 4) собрать топографическія свѣдѣнія о путяхъ въ Хиву, Персію, Афганистанъ, и 5) ознакомить жителей съ нашими произведеніями.

Подробности этого путешествія извѣстны намъ уже давно по журналу спутника Карелина, И. Ф. Бларамберга ¹⁾. Журналъ послѣдняго былъ напечатанъ также въ Запискахъ Географическаго Общества въ 1850 г., кн. IV. Оба составителя дневниковъ взаимно подкрѣпляютъ другъ друга. Дневникъ Карелина начинается съ 17-го апрѣля, а дневникъ Бларамберга—съ 19-го мая; оканчиваются почти въ одно время: 29-го и 30-го октября. Первый гораздо подробнѣе, обстоятельнѣе и интереснѣе втораго. Какъ начальникъ, Карелинъ имѣлъ большое преимущество передъ своимъ подчиненнымъ тѣмъ уже, что многое касающееся этой экспедиціи зналъ только онъ одинъ, а главное—Карелинъ, опытный путешественникъ, былъ уже знакомъ съ Каспійскимъ моремъ и нѣкоторыми его берегами. Можно сказать, что описаніе экспедиціи, сдѣланное Карелинымъ, совершенно упраздняетъ описаніе Бларамберга, чего послѣднее по отношенію къ первому сдѣлать не можетъ. Разница у нихъ съ фактической стороны незначительна. Нѣкоторыя событія Бларамбергъ разказываетъ днемъ раньше или позже, чѣмъ Карелинъ. Большее преимущество мы готовы отдать послѣднему,

---

¹⁾ Что касается до журнала самого Карелина, то нѣсколько его писемъ къ жемъ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*, также передаютъ всю суть этой экспедиціи.

такъ какъ онъ велъ свои записки изо дня въ день, тогда какъ первый записывалъ иногда разомъ за нѣсколько дней. Чаше встрѣчаемъ мы у нихъ разнорѣчіе въ собственныхъ именахъ, въ цифрахъ, относительно измѣреній высоты, глубины, относительно часовъ, числа коновольныхъ казаковъ, даже годовъ и т. п. Иногда у Бларамберга событія принимаютъ иной оттѣнокъ, чѣмъ у Карелина. Описывая, напримеръ, пріемъ сыновей Кіятъ-хана на судяѣ, Карелинъ замѣчаетъ, что ихъ, между прочимъ, тѣшили пальбой изъ пушекъ (стр. 204), а Бларамбергъ говоритъ, что имъ салютовали. Карелинъ заносилъ въ свой дневникъ и все то, что совершали другіе, безъ его участія. Такъ, у него занесена поѣздка доктора съ Бларамбергомъ къ Гамзатъ-хану, и притомъ съ большими подробностями, чѣмъ это изложено у Бларамберга. Послѣдній рѣдко гдѣ поясняетъ и дополняетъ Карелина. Въ дневникѣ начальника экспедиціи говорится довольно глухо, что непредвидѣнный случай задержалъ совершеніе ея въ 1835 году и затянулъ дѣло до 1836 г. (стр. 179). Отъ Бларамберга узнаемъ, что случай этотъ—болѣзнь Карелина. Тоже и въ нѣкоторыхъ другихъ мелочахъ.

При незначительности разнорѣчій обоихъ дневниковъ, ихъ согласіе должно имѣть для насъ особенное значеніе. Прежде всего такое согласіе замѣчается по отношенію къ Туркменамъ. Въ первое путешествіе Карелину пришлось имѣть дѣло съ Киргизами; здѣсь же имѣлъ онъ возможность изучить Туркменъ. „Карелинъ сумѣлъ близко сойдтись съ Туркменами Юмудамъ“, замѣчаетъ М. Н. Богдановъ,— „посѣтилъ ихъ главныя кочевья на юго-восточномъ берегу Каспія, собралъ о туркменскомъ народѣ такіа свѣдѣнія, которыя и до сихъ поръ не утратили еще интереса новизны“ (стр. V). Позволимъ себѣ не согласиться съ многоуважаемымъ профессоромъ. Карелинъ своимъ описаніемъ Туркменъ подтверждаетъ только прежнія, старыя извѣстія о нихъ; „новизна“ же представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ. Теперь насъ стараются увѣрить, что Туркмены, если ужъ не всѣ, то по крайней мѣрѣ Текинцы,—какіе-то рыцари по благородству, сказочные герои по своимъ подвигамъ. На нашъ же взглядъ кочевники вездѣ одинаковы, потому что живутъ они почти при одинаковыхъ условіяхъ; разница замѣчается у нихъ только въ нѣкоторыхъ частностяхъ, вызываемыхъ главнымъ образомъ тою или другою реляціей. Есть у нихъ хорошія стороны, которыя не всѣмъ и не всегда удастся подмѣтить, есть и дурныя и едва ли не въ преобладающей степени. Карелинъ и Бларамбергъ ознакомились съ прибрежными

Турменами при обыкновенной обстановкѣ, и оба вынесли отъ этого знакомства нелестное мнѣніе объ этомъ народѣ. Карелинъ собственнымъ опытомъ убѣдился, что Турмены—народъ безсовѣстный (стр. 273). „Едва ли есть народъ“, говоритъ онъ,—„безстыднѣе Турменцевъ. Помышляя о себѣ какъ нельзя выше, они не совѣстятся просить то того, то другаго, и никогда ничѣмъ не довольствуются. Отдайте имъ все, снимите платье, разуйтесь—они потянутся за рубашкой.... Безъ сожалѣнія оставляли мы эту страну и ея обитателей равно дикихъ и не привѣтливыхъ. Сначала поражала насъ новость предмета, но въ послѣдствіи, приглядѣвшись къ нему, видѣли одни недостатки“ (стр. 301—303). Бларамбергъ также честитъ Турменъ наглými и замѣчаетъ: „Мы сами не рады были, что попали между этихъ буйныхъ толпъ вичихъ и наглицовъ, не признающихъ никакой власти“ (стр. 16). Ср. также характеристику Карелина на стр. 429 и у Бларамберга на стр. 110—111.

Карелинъ умѣлъ однако ладить и съ Турменами, потому что отлично понималъ ихъ. Сами Юмуды заискивали у него. Одного только не повялъ Карелинъ: о значеніи подданства у кочевыхъ народовъ. Въ то время Юмуды находились въ великомъ страхѣ, ждали они возмездія за свои походы и со стороны Персіи, и со стороны Хивы. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ кочевники прибѣгаютъ къ излюбленной ихъ уловкѣ: принимаютъ чѣлибо подданство, которое, по существующимъ у кочевниковъ понятіямъ, ни къ чему ихъ не обязываетъ, но выгоды доставляетъ не малыя. Ну, какъ же было Юмудамъ не воспользоваться пребываніемъ у нихъ Карелина и не затѣять дѣла о подданствѣ Турменъ Россіи? Начальникъ экспедиціи и его спутники совершенно напрасно взглянули на это дѣло серьезно, и серьезно приняли самый актъ, по которому 40,000 кибитокъ Юмудовъ изъявляли желаніе вступить „подъ высокое покровительство Россіи“. Въ дѣйствительности изъ этого акта ничего и не вышло. Да и правительство наше смотрѣло на подданство Турменъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Карелинъ. Оно не только не сочувствовало подобному событію, но даже само, вскорѣ же послѣ путешествія Карелина, приняло мѣры къ усмиренію Турменъ и къ закрѣпощенію ихъ подъ властію Персидскаго шаха: говоримъ объ экспедиціи Путятина. Характеристика Персіанъ у Карелина заслуживаетъ полного вниманія и показываетъ, какимъ вѣрнымъ взглядомъ онъ обладалъ. „Поселеніе береговъ Астрабадскаго залива живутъ въ жесточайшемъ угнетеніи“ а именно: „1) на время военныхъ

дѣйстви 20 человекъ взрослыхъ мужчинъ даютъ одного всадника, котораго должны снаряжать на свой счетъ. 2) На случай движенія военнаго отряда, уммышленно иногда правителемъ затѣвшаго, съ жителей собирается продовольствіе, за которое хотя и должно платить правительство, но обыкновенно ничего не платитъ. 3) Поселане должны угощать и дарить проѣзжающихъ чиновниковъ. При такомъ положеніи дѣлъ, трудно поселанину разжиться. Немногіе достаточные люди всемирно скрываютъ свое состояніе, чтобы не быть обобранными отъ своихъ владѣльцевъ. Скрытность, коварство и безчестный обманъ сродны всѣмъ жителямъ астрабадскихъ береговъ, безъ исключенія. Ласками, угожденіями и подарками не могли мы склонить ни одного къ искренности и готовности на услуги. Они льстятъ безъ совѣсти; о чести не имѣютъ никакого понятія; обманъ считаютъ за умственную способность; готовы на всякую низость, и сами сознаются, что понятіе наше о нравствѣ нравственно и физически не возможно... Лгутъ въ дѣлѣ и безъ нужды, такъ, по привычкѣ... Персіане очень умѣренны... Жители береговъ Астрабадскаго залива, облагодѣтельствованные всѣми дарами природы, бѣдствуютъ отъ слабости и безурядицы своего правительства. Туркмены грабятъ ихъ извнѣ, а правители и ханы внутри. Налоги и сборы тяжки, часты и произвольны. Слухъ о желаніи шаха извлечь изъ ничтожества Астрабадъ, вмѣстѣ того, чтобы радовать ихъ, печалить, заставляя страшиться новыхъ налоговъ и работъ. Къ этому еще присоединилось извѣстіе объ учрежденіи почтъ и переписи народной, диковинокъ, о которыхъ старики ихъ не вѣдали, и которыя, какъ они провидятъ лгутъ на ихъ шею. Мелкіе владѣльцы, зная шаткость своихъ помѣстьевъ, обираютъ народъ, чтобы до невзгоды убраться съ деньгами. Всѣ вообще невзгоды относятъ къ своему государю, упрекая его въ несправедливой, насильственной смерти какого то министра, отъ котораго ожидали они много добраго" (257—259). Таково было положеніе Астрабадской провинціи въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; не удивительно послѣ этого, что шахъ едва не лишился ея. Карчликъ обратилъ большое вниманіе на условія нашей торговли съ Астрабадомъ, указавъ нѣкоторые мѣры для оживленія ея и, между прочимъ, признавалъ необходимымъ имѣть тамъ надежнаго, опытнаго чиновника, „котораго представленія уважались (бы) у областнаго правителя и въ Тегерани, ибо съ Персіанцами при коммерческихъ сдѣлкахъ безъ неудовольствій и обмановъ не обходится „(стр. 262). Вскорѣ послѣ того и правительство наше усвоило такой же взглядъ, учредило коп-

сульство въ Астрабадѣ и послало туда дѣйствительно „надежнаго и опытнаго чиновника“.

За Карелинымъ останется честь быть первымъ изслѣдователемъ многихъ мѣстностей въ восточной части Каспійскаго моря. Онъ первый изъ Русскихъ былъ на р. Атрекѣ, первый изслѣдовалъ Балканскія горы, не останавливаясь ни передъ какими трудностями, первый посѣтилъ заливъ, извѣстный, подъ именемъ залива графа Канкрина: названіе, данное Карелинымъ; первый изслѣдовалъ опасный заливъ Карабугазъ, на чтѣ не рѣшился Соймоновъ, бывший у береговъ его. Описаніе плаванія въ этомъ заливѣ очень интересно.

Къ дневнику своему Карелинъ приложилъ: „Обозрѣніе восточныхъ береговъ Каспійскаго моря въ отношеніяхъ статистическомъ, топографическомъ и физическомъ“. Такое же приложеніе далъ и Бларамбергъ: „Топографическое и статистическое описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Астрабадскаго залива до мыса Тъвъ (правильнѣе: тювъ) — Карагана“. Въ началѣ плавъ у обоихъ одинъ и тотъ же, только потомъ они нѣсколько расходятся. Такъ Карелинъ говоритъ особо о рѣкахъ, о заливахъ, о горахъ, и т. д. Бларамбергъ же описываетъ все по порядку, начиная съ юга, сущность же у обоихъ одна и та же; но по наблюдательности, по количеству свѣдѣній преимущество опять на сторонѣ Карелина. Бларамбергъ любитъ пускаться въ область исторіи, чтѣ отъ путешественника вовсе не требуется, ибо историческія записки можетъ составить и кабинетный ученый, при чемъ и промаховъ надѣлаетъ пожалуй меньше. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить тотъ же Карелинъ, думающій, что Туркмены—,вѣроятно“ древніе Массагеты, или что Туркмень значитъ „я Турокъ“ или по другому толкованію, „бродага“. Такія историческія и филологическія замѣтки не имѣютъ для насъ цѣны.

Оба путешественника въ своихъ приложеніяхъ снова говорятъ о Туркменахъ. Бларамбергъ считаетъ 12 главныхъ туркменскихъ коленъ; Карелинъ—только 10; сходятся у нихъ только нѣкоторыя. Тамъ гдѣ пользовались они относительно собственныхъ именъ однимъ и тѣмъ же источникомъ, къ удивленію, многія названія вовсе не сходятся; вѣроятно, ошибки произошли при печатаніи по неразборчивости рукописи. Напримѣръ, въ перечисленіи подраздѣленій родовъ Шеребъ, Чуни Байрамъ-Чали и Куджикъ (у Бларамберга стр. 106, у Карелина—425—426).

Описывая Юмудовъ, Карелинъ говоритъ, что онъ по роду жизни

имѣютъ три разныя названія: Черва, которые занимаются скотоводствомъ, Чумуръ, занимающіеся земледѣліемъ, и Огурджалѣ, промышленные морскимъ разбоемъ (откуда и островъ Огурчинскій получилъ свое названіе). Послѣдней категоріи въ настоящее время не существуетъ, по невозможности производить грабежи на Каспійскомъ морѣ; но напрасно новѣйшіе изслѣдователи разказываютъ намъ, что дѣленіе на Чумуръ и Чебра нѣчто новое, указывающее будто бы скорый переходъ Туркменъ изъ кочевого быта въ осѣдлый. Не отъ времени и не отъ личнаго желанія зависитъ такой переходъ, а отъ условій мѣстности: гдѣ пески и недостатокъ въ водѣ, тамъ пашни не разведешь. Численность Туркменъ по Карелину доходитъ до 1,170,000 душъ (стр. 425), а Вларамбергъ доводитъ ее до 1,232,000 душъ (стр. 112); въ указаніи количества кибитокъ въ каждомъ колѣнѣ различія мѣстами очень велика. Вообще статистическія свѣдѣнія у обомъ довольно шатки.

Въ особой запискѣ Карелинъ изложилъ свои наблюденія „О торговлѣ и промышленности восточныхъ береговъ Каспійскаго моря“, вопросъ, Вларамбергомъ вовсе не затронутый. Главное вниманіе Карелинъ обращаетъ на Астрабадскій заливъ, который, по его мнѣнію, самый удобный пунктъ для нашей торговли съ Востокомъ. Тутъ Карелинъ нѣсколько увлекся, какъ увлекался онъ раньше относительно Ново-Александровска. Ставить ему этого въ упрекъ, конечно, нельзя. Ознакомившись съ тою или другою мѣстностію, Карелинъ думалъ, какъ бы извлечь изъ нея наибольшую пользу для Россіи. Съ этою цѣлью и старался онъ развѣдать о путяхъ на востокъ и на югъ отъ Астрабада.

Въ заключеніе приложено: „Медико-топографическія свѣдѣнія о юго-восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря“ доктора П. П. Заблоцкаго-Десятковскаго, спутника Карелина, скончавшагося въ 1882 году. Эти интересныя свѣдѣнія едва ли не единственныя въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ.

Въ общемъ результатъ экспедиціи Карелина прошла 3000 верстъ, изъ нихъ описано около двухъ тысячъ.

Намъ остается пожелать, чтобы и другія бумаги Карелина, можетъ быть еще болѣе важныя и болѣе интересныя, сдѣлались общимъ достояніемъ.

II. Вещешеній.

Вредныя насѣкомыя. Сочиненіе Федора Келлена. Изданіе департамента земледѣлія и сельской промышленности. Три тома. С.-Пб. 1881—1883.

Сочиненіе это написано по порученію министерства государственныхъ вѣществъ и составляетъ плодъ десятилѣтнихъ трудовъ автора. Ф. П. Келленъ, магистръ сельскаго хозяйства, давно извѣстенъ какъ знатокъ энтомологіи и писатель по этой части. Еще въ 1858 г. имъ была сдѣлана попытка обзорнаго вредныхъ насѣкомыхъ Россіи, изданная по нѣмецки: *Beiträge zur Kenntniss der schädlichen Insecten Russlands* (Dorpat. 1858). Изъ другихъ его сочиненій нельзя не упомянуть книги: „О саранчѣ“. (С.-Пб. 1870 г., 352 стр.). Вообще, авторъ разбираемой книги — авторитетный писатель и знатокъ той области, къ которой относится его трудъ.

Цѣль труда — чрезвычайно важна, именно, доставить нашимъ сельскимъ хозяевамъ и лѣсничимъ книгу, въ которой они могли бы найти подробныя и столь возможно точныя свѣдѣнія о вредныхъ насѣкомыхъ вообще, преимущественно же о тѣхъ ихъ видахъ, которые встрѣчаются или распространены въ Россіи. Для страны, гдѣ имѣеть такое огромное значеніе сельское хозяйство, подобная книга необходима. Не только нужно, чтобы хозяева имѣли понятіе о способахъ борьбы съ этими бѣдствіями, пригнѣтали удачныя приемы и не прибѣгали къ бесполезнымъ, но нужно дать имъ возможность толково собирать наблюденія по этому предмету, въ той надеждѣ, что со временемъ найдутся способы болѣе дѣйствительныя.

Авторъ изложилъ дѣло со всею основательностію. Первый томъ включаетъ въ себѣ общую энтомологію въ такой полнотѣ, въ какой она еще не существовала на русскомъ языкѣ. Последняя глава этого тома (стр. 304—373) содержитъ въ себѣ общій трактатъ о вредѣ, причиняемомъ насѣкомыми, и о мѣрахъ противъ него. Затѣмъ, второй и третій томы составляютъ специальную часть монографіи, то-есть, описаніе отдѣльныхъ видовъ вредныхъ насѣкомыхъ въ систематическомъ порядкѣ. При каждомъ такомъ видѣ не только вообще описывается его образъ жизни и вредъ, имъ причиняемый, но и излагаются всѣ наблюденія, сдѣланныя надъ нимъ въ Россіи, и всѣ попытки съ нимъ бороться. Въ этомъ отношеніи авторъ добросовѣстно исчерпываетъ всю литературу предмета; такъ, напримѣръ, въ третьемъ томѣ можно найти (стр. 455—493) всѣ подробности борьбы съ филоксерою, и въ Европѣ, и у насъ въ Крыму.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Изложение автора отличается всеми свойствами хороших научных сочинений по естественным наукам, то-есть, порядком, ясностью и простотой. Автор держится строго научных форм и приемов, он ставит прежде частного, говорит словами, которыхъ смыслъ прежде установленъ и объясненъ. Книга его назначена не для чтения а для изученія, и тотъ, кто вздумаетъ изучать этотъ предметъ, найдетъ здѣсь огромное количество свѣдѣній, изложенное въ строгихъ системахъ. Для удобства справокъ, въ концѣ приложено пять списковъ: 1) латинскій и 2) русскій списокъ насѣкомыхъ по алфавиту; 3) списокъ растений (по порядку ихъ важности въ хозяйствѣ) съ указаниемъ всѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ, какія водятся на каждомъ растеніи; 4) латинскій и 5) русскій списокъ растений по алфавиту для отысканія ихъ въ предыдущемъ спискѣ.

Съ сожалѣніемъ должно замѣтить, что языкъ книги кое-гдѣ представляетъ германизмы, впрочемъ очень рѣдкіе и болѣею частью едва замѣтные. Въ сочиненіи подобнаго рода полное извѣдѣніе языка есть однако же, конечно, роскошь, а не существенная добноть.

Во всякомъ случаѣ книга г. Кеппена, въ своемъ родѣ единственная и необходимая, должна стать настольною книгою не только для каждого сельскаго хозяина, но и у каждого русскаго энтомолога.

Очерки западно-европейской историографіи.

VII.

При обзорѣ нѣмецкой историографіи по среднимъ вѣкамъ удивительно будетъ начать съ общаго сочиненія, посвященнаго древнѣйшему періоду германскаго развитія. Неутомимый Ф. Данъ, не смотря на то, что значительная часть его времени посвящена теперь поэтическому творчеству, сочиненію драмъ и повѣстей, не оставляетъ и научную работу. Въ Герренъ-Укертовскомъ собраніи историческихъ сочиненій шелъ недавно первый томъ его Нѣмецкой исторіи¹⁾. Хотя, конечно, книга эта не имѣетъ характера спеціальнаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе она значительно подробнѣе, нежели работа того же автора въ С

¹⁾ *F. Dahn, Deutsche Geschichte, 1883.*

повскомъ изданіи¹⁾). Съ другой стороны, многое сокращено и измѣнено сравнительно съ отдѣльными этюдами въ „Bausteine“ и обработкой полнѣйшихъ древностей въ „Könige der Germanen“, того же автора. Какъ попытка составить, на основаніи обширнаго знакомства съ литературой послѣднихъ лѣтъ, общую характеристику ранняго германскаго развитія, работа Дана заслуживаетъ полнаго вниманія. Такихъ попытокъ было сдѣлано какъ разъ въ новѣйшей историографіи нѣсколько, и можно сказать, что если новая книга не вытѣснитъ и не замѣнитъ волиѣ сочиненій Кауфмана и Арнольда, то во всякомъ случаѣ она значительно пополнитъ матеріалъ, доставляемый ими общеобразованному читателю. Живость изложенія, свѣжесть взгляда, значительная эрудиція соединяются въ ней съ нѣкоторою грубостью мысли, довольно наивнымъ самоопыненіемъ и какою то поспѣшною рѣзкостью слога.

Въ первыхъ главахъ авторъ излагаетъ результатъ, добытый сравнительнымъ языкованіемъ при опредѣленіи индо-европейской и древнѣйшей германской культуры. При этомъ онъ преимущественно опирается на Пикте; затѣмъ онъ намѣчаетъ путь Германскаго племени въ Европу и его первыя столкновенія съ другими народностями. Относительно расы, заселявшей центральную Европу до вторженія Кельтовъ и Германцевъ, Данъ высказывается очень рѣшительно, слишкомъ рѣшительно. Онъ совершенно отвергаетъ ея сродство съ Басками и принадлежность къ Иберійскому племени: весьма однако вѣроятно, что аборигены свавяныхъ построекъ были съ родни Финнамъ. Въ сказкахъ о карликахъ, гнѣздящихся въ пещерахъ, чтобы утѣться отъ людей, сохранились слѣды отношеній между кельтскими и германскими завоевателями и слабосильною, малорослою расой, занимавшею до нихъ теперешнюю Германію. По вопросу о примѣси покоренныхъ Кельтовъ къ германскому населенію Данъ старается избрать средній путь: отрицаетъ значительное кельтское вліяніе, но допускаетъ, въ виду множества кельтскихъ именъ мѣстностей, что Германцы, наджнувшись на Кельтовъ, не истребили ихъ, и многіе изъ послѣднихъ остались на прежнихъ мѣстахъ въ качествѣ рабовъ или колоновъ. Интересно взглянуть, какъ высказывается Данъ относительно многочисленныхъ спорныхъ пунктовъ, возникающихъ при разборѣ устройства и быта древней Германіи.

Подобно Вайцу, Кауфману и Арнольду, нашъ авторъ отказывается сравнивать бытъ этой эпохи съ жизнью дикарей, но въ то же время

¹⁾ Urgeschichte der Germanischen und Romanischen Völker in *Ocken's* Allgemeiner Geschichte in Einzeldarstellungen.

признаетъ за своими предками только нѣкоторую подготовку въ цивилизаціи (Vorcivilisation). Характерно, что всѣ главные ученые, которымъ пришлось изображать обще-политическое движеніе, а не отдѣльныя стороны его, высказались такимъ образомъ противъ искусственнаго построенія юридической школы, предполагающаго какъ разъ въ древнѣйшій періодъ высокую степень культуры и значительную правильность и твердость политическихъ отношеній. Эта противоположность между взглядами историковъ и юристовъ на дѣло не исключаетъ, конечно, того, что первые весьма часто по отдѣльнымъ вопросамъ отступаютъ въ сторону мнѣній, которыя гармонируютъ именно съ теоріей юристовъ. Данъ не избѣгъ этой непоследовательности, хотя она сказывается у него болѣе въ анализѣ хозяйственныхъ, нежели политическихъ фактовъ. Въ общемъ онъ предлагаетъ сравнить Германцевъ Цезаря и Тацита съ Гомеровыми Греками. Основу государственной жизни Данъ видитъ не въ родовомъ строѣ, подобно Зибелю, а въ территориальныхъ соединеніяхъ. Область, Гау, является политической единицей, когда мы получаемъ первыя подробныя свѣдѣнія о Германцахъ, и только постепенно, подъ вліяніемъ все возрастающихъ требованій борьбы между отдѣльными племенами и общаго напора на римскую границу, малые территориальныя союзы сливаются въ большія группы и вырабатываютъ болѣе сильную связывающую власть. Такого рода пониманіе имѣетъ много общаго съ ученіемъ Вайца, но отличается отъ него, и притомъ невыгодно, тѣмъ, что различіе между выборными князьями областей и королями племенъ остается совершенно въ тѣни. Въ данномъ случаѣ авторъ связанъ мнѣніемъ, развитымъ имъ въ основномъ сочиненіи („Die Könige der Germanen“), хотя его „областное королевство“ имѣетъ противъ себя многое въ источникахъ. За то по вопросу о дружинѣ Данъ, какъ мнѣ кажется, держится болѣе правильнаго взгляда, нежели Вайцъ, признавая право собирать ее за всякимъ свободнымъ человекомъ. Конечно, это признаніе влечетъ за собою представленіе о политической неустойчивости, котораго не допускаютъ ни подъ какимъ видомъ Ротъ и Зомъ.

По отношенію къ хозяйству и собственности Данъ настаиваетъ на томъ, что какъ только племена приобрѣли осѣдлость, такъ и образовалась частная собственность. Каждый хозяинъ пользовался ею по отношенію къ двору и полю; Allmande, поясъ пастбища и лѣса вокругъ поселенія, находился въ такой же собственности всего села, какъ юридическаго лица, наконецъ „марка“, то-есть, пограничный

лѣсъ и пустырь, принадлежалъ области или племени. Данъ не допускаетъ самаго понятія „Gesamteigentum“, находя его не юридическимъ; но если въ данномъ случаѣ споръ идетъ въ сущности о терминвахъ, то дальнѣйшія разъясненія показываютъ, какъ важно тутъ теоретическое различіе. Извѣстія Цезаря объ отсутствіи частной собственности нашъ авторъ приѣмлетъ къ однимъ Свевамъ и объявляетъ тѣмъ, что они находились еще въ переходномъ состояніи и не достигли полной осѣдлости. Позднѣйшія данныя относительно равномернаго распредѣленія полей между крестьянами, въ общинныхъ сервитутахъ и принудительномъ порядкѣ обработки (Flusszwang, Feldgemeinschaft) Данъ совершенно устраняетъ отъ рассмотрѣнія, какъ не относящихся къ эпохѣ. Въ данномъ случаѣ онъ идетъ гораздо далѣе Вайца и Инама-Штернегга въ своемъ протестѣ противъ Маурера и его школы; но нельзя сказать, чтобы его изложеніе было убѣдительно. О доказательности, при его краткости, и говорить нечего. Точно также приходится не мало убавить и переправить въ свидѣтельствахъ, чтобы поддержать другой взглядъ Дана — именно, что производительный трудъ почти исключительно лежалъ на рабахъ, и рабы эти находились никакъ не въ положеніи колонновъ. Для поддержанія перваго предложенія можно указать на текстъ Тацита, хотя, по всему вѣроятію, текстъ этотъ имѣетъ въ виду никакъ не общую характеристику, а исключительныя условія. Второе предложеніе идетъ прямо противъ извѣстнаго мѣста Тацита о германскихъ рабахъ: нашъ авторъ предполагаетъ со стороны римскаго историка ошибку.

Любопытенъ и оригиналенъ въ главѣ о правѣ отдѣлъ о судебныхъ доказательствахъ. Данъ совершенно отвергаетъ теорію о бездоказательности древнѣйшаго процесса. Если дѣло шло о преступленіи и не было явныхъ уликъ, или поличнаго, то обвиняемому предоставлялось поклясться въ своей невинности, въ томъ случаѣ однако, если онъ вообще былъ человѣкомъ непопорочнымъ и вольнымъ свободнымъ. Иначе, то-есть, если защищалось лицо худородное или заслужившее дурную репутацию, вѣроятность переходила на сторону обвиненія, и очиститься могъ только тотъ, кто проходилъ черезъ ордаію, то-есть, въ пользу кого божество вступалось исключительнымъ чудеснымъ образомъ. Съ этой точки зрѣнія судебный поединокъ никакъ нельзя причислить къ ордаіямъ, потому что шансы въ немъ равны для обѣихъ сторонъ; онъ представляетъ, съ одной стороны какъ бы перекрестную присягу, а съ другой—оформленное, ве-

денное въ судѣ разрѣшеніе претензій самоуправствомъ. Какъ ни судили бы мы о подробностяхъ, основная мысль Дана несомнѣнно правильна: необходимо объяснить юридическую аномалію желаніемъ суда поставить очищающагося въ невыгодное положеніе.

При характеристикѣ религиозныхъ вѣрованій авторъ нашъ преимущественно руководствуется данными Эдды, хотя признаетъ возможность и вѣроятность сильнаго христіанскаго вліянія. Соглашаясь съ Бугге по многимъ частнымъ пунктамъ, особенно относительно Бальдура, онъ въ то же время удерживаетъ право пользоваться сѣверною мисологіей для разъясненія германской; даже по такому пункту, какъ противоположность между Адами и Ваннами, онъ распространяетъ повѣствованіе Велуспы на общегерманское язычество.

Кромѣ изображенія внутренняго быта книга Дана заключаетъ въ себѣ разказъ о борьбѣ Германцевъ съ Римлянами до образованія Франкскаго королевства Меровинговъ, но за эту часть сочиненія, конечно, трудно услѣдить въ общемъ обзорѣ.

Гораздо замѣчательнѣе, нежели только что разобранная книга Дана, сочиненіе В. Арнольда, которое также имѣетъ въ виду представить общій обзоръ германскаго историческаго развитія ¹⁾.

Авторъ его, особенно извѣстный въ наукѣ двумя капитальными трудами о нѣмецкихъ городахъ и о раселеніяхъ и передвиженіяхъ племенъ въ Германіи, скончался въ прошломъ году, и третій выпускъ его послѣдней работы вышелъ уже подъ редакціей его друга, Гейслера. Арнольдъ всегда отличался въ одинаковой степени повивною своихъ научныхъ приемовъ, широтой и неподкупностью историческаго пониманія. Въ виду этого остается только сожалѣть, что ему не дано было довести до конца свой трудъ, который, не смотря на краткость изложенія, отлично намѣчаетъ общія очертанія германскаго прошедшаго. Прежде всего интересна точка зрѣнія: если уже у Дана замѣтна реакція противъ преувеличеній ново-нѣмецкой литературы, хотя реакція эта выражается довольно случайно, то Арнольдъ послѣдовательно проводитъ нѣсколько главныхъ воззрѣній совершенно въ разрѣзъ съ ученіями не только юристовъ, но даже Вайца. Онъ вполне сознательно относится къ національному контрасту французской и нѣмецкой школъ, который такъ сильно повредилъ правильному развитію историографіи, и при этомъ, отстраняя заблужденія романтистовъ, онъ преимущественно обращается противъ хитростей собственныхъ соотечественниковъ.

¹⁾ *W. Arnold, Deutsche Geschichte. 1883.*

Уже на первыхъ страницахъ новаго выпуска, посвященнаго внутренней жизни франкской эпохи, развивается совершенно не нѣмецкая мысль. Собраны наиболѣе характерныя слова живаго языка, которыя свидѣтельствуютъ о могущественномъ вліяніи римскаго быта на Германію. Mauer-murus, Pforte-porta, Pfosten-postis, Fenster-fenestra, Kammer-camera, Küche-coquina достаточно обнаруживаютъ это вліяніе въ дѣлѣ постройки домовъ, и точно такую же преимственность выраженія можно прослѣдить относительно приготовления пищи и одежды, ремесленной и городской жизни, даже сельскаго хозяйства. Это не значитъ, конечно, что Германія была романизирована, но вполне ясно, что завоеваніе южныхъ и западныхъ частей ея, входившихъ въ составъ имперіи, не разрушило сложившейся такъ культуры и хозяйства, а напротивъ способствовало распространенію ихъ даже за черту первоначальной римской колонизаціи.

Подводя итоги своей большой работы о разселеніяхъ, показавъ, какъ различныя имена городовъ и мѣстечекъ раскрываютъ, съ одной стороны, исторію племенныхъ передвиженій, съ другой — условія, при которыхъ приобрѣталась осѣдлость, Арнольдъ переходитъ къ характеристикѣ хозяйственной жизни. Именно изслѣдованіе именъ показываетъ, что до самаго пятаго вѣка все еще находилось въ броженіи въ Германіи. Этому состоянію неустойчивости совершенно соответствуетъ грубая форма владѣнія и обработки, описанная у Тацита. Даже послѣ V вѣка, послѣ укрѣпленія на мѣстахъ, сельскій трудъ и тѣсно связанная съ нимъ юридическія формы развиваются весьма медленно въ сторону интенсивности и индивидуализаціи. Переменное владѣніе и Fluzwang, которое Данъ объявляетъ позднимъ фактомъ, Арнольдъ возводитъ весьма основательно къ первоначальной системѣ хозяйства, которую послѣдующія эпохи постепенно разлагаютъ, а не укрѣпляютъ. Трехпольную обработку онъ относитъ никакъ не къ Тацитовскому періоду (Вайцъ), даже не къ времени Карла Великаго, въ смыслѣ господствовавшаго порядка. При Каролингахъ она только начинается распространяться сначала на земляхъ короля и церкви, затѣмъ и во владѣніяхъ свѣтскихъ людей.

Очень интересна глава объ образованіи леннаго порядка. Исходя изъ совершенно правильнаго положенія, что переворотъ всего общественаго политическаго строя не можетъ быть объясненъ частными мѣрами и сознательною политикою одного поколѣнія, Арнольдъ разбираетъ послѣдовательно экономическія, политическія и специально-военныя причины, приведшія къ феодализму. Въ первомъ отношеніи

онъ настаиваетъ на томъ, что зависимое владѣніе—*Leihe und Lehen*—являлось естественнымъ компромиссомъ между интересами собственниковъ и людей, предлагавшихъ свой трудъ. Если, съ одной стороны, не могло удержаться мелкое независимое владѣніе, то съ другой—крупные землевладѣльцы не въ состояніи были непосредственно эксплуатировать свои имѣнія. Только появленіе денежнаго хозяйства могло указать другіе способы пользоваться недвижимою собственностью. Въ политическомъ отношеніи Арнольдъ видитъ въ ленной системѣ побѣду политическаго принципа надъ разлагающими силами. Вмѣсто древне-германскаго государства, которое даже не заслуживаетъ этого имени, вмѣсто Меровингской монархіи, представляющей совсѣмъ не тѣ правильныя отношенія, о которыхъ любятъ говорить въ послѣднее время пѣменскіе ученые, создается политическое соединеніе, правда, не обширное, но прочное и отвѣчающее своимъ цѣлямъ. Мало того, нашъ авторъ находитъ, что даже сравнительно съ Римскою имперіей феодальный строй представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ. Въ первомъ отношеніи между правительственною властью и подданными всегда понималось весьма вышнимъ образомъ и въ сущности сводилось на два основныя проявленія—*imperium* и *jurisdictio*. Ленный принципъ впервые придалъ идеѣ государства „какъ бы личную жизнь, и нравственную теплоту“, потому что ввелъ въ политическія отношенія элементъ вѣрности, лояльности. Если разборъ политической стороны феодализма и отличается не совсѣмъ вѣрнымъ освѣщеніемъ, не смотря на многія оригинальныя и вѣрныя замѣчанія, то характеристика экономическаго соціальнаго процесса кажется мнѣ весьма правильною, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому пришлось въ своей книгѣ объ италянскомъ феодализмѣ излагать мысли, очень сходныя и въ общемъ, и въ частности.

Въ главѣ объ административной организаціи необходимо отмѣтить значительную роль, которую Арнольдъ приписываетъ опять-таки римскимъ вліяніямъ, весьма замѣтно расходясь въ данномъ случаѣ съ авторитетною „Исторіей учреждений“ Вайца. Особенно важно различіе въ оцѣнкѣ по отношенію къ должности графа. Въ этомъ главномъ представителѣ меровингской администраціи нашъ авторъ видитъ главнымъ образомъ наследника римскихъ традицій.

Послѣдній отдѣлъ посвященъ культурной сторонѣ эпохи и естественно сосредоточивается на изображеніи дѣятельности церкви, какъ могущественнѣйшаго проводника культуры. Въ этомъ отношеніи, конечно, трудно было сказать что-нибудь новое. За то оригинальна

попытка Арнольда воспользоваться для культурной исторіи данными исторіи языка. Онъ обращаетъ вниманіе на два процесса перебоя согласныхъ (*Lautverschiebung*), изъ которыхъ первый относится приблизительно къ V вѣку до Р. Х., а второй начинается въ V вѣкѣ по Р. Х. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, дѣло идетъ о замѣнѣ мягкихъ согласныхъ твердыми, твердыхъ придыхательными, придыхательныхъ мягкими, и вторая передвижка вполне выдѣляетъ нѣмецкія нарѣчія изъ общей массы германскихъ языковъ. Не только по этому послѣдствію своему она важна для историка: причиной, вызвавшей ее были, по видимому, сношенія съ Римлянами, а распространялась она съ юга на сѣверъ въ тайной зависимости отъ распространенія христіанства. Во всякомъ случаѣ это событіе въ исторіи языка имѣетъ также рѣшающее значеніе въ исторіи національности по скольку языкъ объединяетъ національность.

Объ исторіи Брауншвейга и Ганновера ¹⁾, вышедшей въ собраніи провинціальныхъ исторій при изданіи Герена и Уккерта, нѣтъ надобности распространяться. Она составлена по весьма рациональному плану: авторъ совершенно основательно замѣчаетъ, что общая исторія провинціи не должна слишкомъ затериваться въ мелочахъ мѣстнаго интереса, и потому предлагаетъ не равномерное изложеніе всѣхъ эпохъ, а сосредоточиваетъ вниманіе читателя на нѣсколькихъ главныхъ пунктахъ. Исторія Генриха Льва является естественно главнымъ эпизодомъ перваго тома, въ которомъ разказъ доведенъ до половины XVI вѣка. Книга написана популярно, но не отличается оригинальностью.

„Борьба за инвеституру въ Англіи“ Морица Шмитца ²⁾ представляетъ попытку критической исторіи спора между Генрикомъ I и Ансельмомъ Кентерберійскимъ. Мнѣ приходилось уже касаться этого эпизода въ одномъ изъ предшествующихъ очерковъ по поводу сочиненій Фримана и Руля. Шмитцъ въ общемъ раздѣляетъ взглядъ Фримана на дѣло и проявляетъ такимъ уваженіемъ къ работѣ англійскаго ученаго, что совершенно отказался отъ изображенія предшествующей исторіи Ансельма, которая подробно изложена въ книгѣ Фримана о Вильгельмѣ Рыжемъ. Главная мысль новаго изслѣдованія—показать, что повѣствованіе Идмера не заслуживаетъ полнаго довѣрія, потому что искажаетъ факты въ интересѣ папскихъ притязаній.

¹⁾ *Heinemann*, Geschichte von Braunschweig und Hannover. 1882.

²⁾ *M. Schmitz*, Der englische Investiturstreit. 1883.

Особенно замѣтна эта тенденціозность при описаніи отношеній между королемъ и архіепископомъ въ 1101 году и при разказахъ о свиданіи въ L'Aigle. Въ противоположность Рулю и съ гораздо бѣльшимъ правомъ, Пшитцъ доказываетъ, что исходъ борьбы былъ положительно не въ пользу государства, которое снова потеряло часть отвоеваннаго при Генрихѣ I вслѣдствіе неудачной политики Стефана, Генриха II и Юанна Безземельнаго.

Совершенно другой области отношеній посвящена книга Геннинга ¹⁾: „О нѣмецкомъ домѣ въ его историческомъ развитіи“. Частности изслѣдованій относительно постройки и распредѣленія зданій не имѣютъ общенсторическаго интереса, но тѣмъ важнѣе историко-архитектурныя сочиненія, которыя ставятъ себѣ цѣлью собрать главнѣйшія подробности въ картину общаго развитія. Указанная работа старается прослѣдить происхожденіе теперешнихъ видовъ крестьянскихъ строевій и показать, въ какой степени можно свести ихъ на развѣтвленіе и осложненіе основнаго образца. Нечего и говорить, что удовлетворительное разрѣшеніе подобной задачи должно навести историка на весьма интересныя соображенія относительно культурной роли различныхъ племенъ и характера ихъ взаимныхъ вліаній. Крестьянскій домъ, которымъ исключительно занимается Геннингъ, лучше всего отражаетъ, конечно, мѣстныя потребности, медленно подвергается видоизмѣненіямъ и превращеніямъ, нежели зданія болѣе притязательнаго свойства, и потому даетъ самый лучшій матеріалъ для культурно-историческаго изслѣдованія. Прежде всего необходимо установить типы существующихъ до сихъ поръ построекъ. Наиболѣе распространенъ верхне-нѣмецкій типъ, который занимаетъ всю южную, юго-западную и центральную Германію, территорію Франкскаго, Аллеманскаго и Баварскаго племенъ. Видоизмѣняясь въ подробностяхъ, домъ въ сущности сводится къ одной первоначальной формѣ: въ серединѣ сѣни и кухня, по обѣимъ сторонамъ жилия комната и кладовая. Послѣдняя часто отпадаетъ, особенно въ Швабін и Швейцаріи, и остаются такимъ образомъ, какъ черта постройки, двѣ одинаковыя комнаты, около которыхъ группируются въ случайномъ порядкѣ различныя пристройки и службы, безъ непосредственной связи съ этимъ зерномъ. Совершенно другую картину представляетъ домъ въ Саксоніи. Онъ въ сущности состоитъ изъ од-

---

¹⁾ *Henning*, Das deutsche Haus in seiner geschichtlichen Entwicklung. 1883.

ной большой комнаты, въ глубинѣ которой, противъ двери, „находится очагъ“, постель хозяевъ, а по бокамъ отгорожены стойла для скота и помѣщенія для работниковъ. Все хозяйство собирается внутрь дома и находится подъ непосредственнымъ наблюдениемъ крестьянина.

Последнюю, чрезвычайно-важную разновидность составляетъ восточно-германская постройка. Тутъ характерною чертой является распаденіе дома на переднюю и заднюю половину: первая первоначально представляла открытую съ боковъ террасу и до сихъ поръ обыкновенно не вполне обведена стѣной; вторая служитъ въ одно и то же время и кухней, и жилой комнатой. Эта постройка весьма распространена въ Польшѣ и Венгріи, но сравненіе съ сѣвернымъ стилемъ показываетъ убѣдительно, по мнѣнію автора, что она германскаго происхожденія и восходитъ, по всей вѣроятности, къ поселенію вандалскихъ племенъ. Надвинувшіеся въ послѣдствіи Славяне не измѣнили уже существующей формы. Кромѣ исчисленныхъ типовъ, встрѣчаются и многочисленныя разновидности, на которыхъ, однако, нѣтъ надобности останавливаться въ общемъ обзорѣ.

Чтобы установить генеалогію типовъ, Геннингъ обращается къ сравненію съ архитектурой родственныхъ народовъ. Замѣчанія относительно кельтской и славянской построекъ очень поверхностны: главнымъ средствомъ для разрѣшенія задачи является разборъ греческихъ свидѣтельствъ. Гомеровскій домъ и простѣйшая форма храма одинаково слюдаются на то соединеніе жилой задней комнаты съ сѣнями или террасой, которая характеризуетъ восточно-нѣмецкій стиль. Обрывочныя свидѣнія изъ исторіи другихъ племенъ даютъ указанія въ томъ же направленіи. Въ результатѣ, Геннингъ признаетъ эту восточно-германскую постройку прямымъ наслѣдіемъ первоначальнаго арійскаго типа и выводитъ изъ нея прочія формы: верхне-нѣмецкая получается путемъ развитія дома пристройками; саксонская сливается двѣ первоначально раздѣльныя комнаты въ одну и вводитъ въ нее различныя службы и хозяйственныя приспособленія. Авторъ вполне компетентенъ только относительно нѣмецкой архитектуры; отдѣлы объ англійской, сѣверной славянской постройкѣ оставляютъ желать весьма многого. Какъ разъ въ виду недостаточности этихъ вспомогательныхъ свидѣній, самая систематизація извѣстій является часто произвольною; тѣмъ не менѣе общая картина кажется мнѣ весьма правдоподобною, а разборъ нѣмецкихъ типовъ во всякомъ случаѣ поучителенъ. Не лишентъ значенія и побочный результатъ, къ которому

приходитъ Геннингъ относительно римскаго вліяніи: въ противоположность Арподу, онъ не считаетъ его глубокимъ или рѣшительнымъ въ области крестьянской архитектуры.

И. Виноградовъ.

Лондонъ, 8-го января 1884 года.

Учено-литературныя новости по классической филологіи.

INSCRIPTIONES GRAECAE ANTIQUISSIMAE PRAETER ATTICAS IN ATTICA REPERTAS.
Edidit Herm. Roehl. Berlin. 1882.

Историками и филологами уже давно ощущалась потребность въ новомъ изданіи древнѣйшихъ греческихъ надписей; поэтому настоящее предпріятіе Берлинской академіи, уже пользующейся вполнѣ заслуженною славой въ дѣлѣ изданія эпиграфическихъ памятниковъ, должно быть признано весьма полезнымъ. Чрезвычайно трудная работа приготовленія греческихъ надписей къ изданію, требующая обширныхъ и разнообразныхъ познаній, поручена не особой комиссіи, а одному лицу Герману Рѣлю, который уже извѣстель вѣсколькими эпиграфическими работами. Несомнѣнно однако, что при своей работѣ онъ пользовался совѣтами и другихъ ученыхъ, хотя въ предисловіи упоминается только объ одномъ лицѣ, которое давало ему совѣты, именно—объ извѣстномъ эпиграфистѣ Кирхгофѣ.

Настоящее собраніе заключаетъ въ себѣ греческія надписи изъ времени до начала IV в. до Р. X. и до тѣхъ поръ, пока не вошелъ во всеобщее употребленіе іоническій алфавитъ, кромѣ однако надписей аттическихъ, а также нарисованныхъ и находящихся на монетахъ. Лишь для немногихъ надписей ограниченіе это нарушено, а въ тѣхъ случаяхъ, когда возникали сомнѣнія въ этомъ отношеніи, составитель предпочелъ все-таки принять надписи въ собраніи. Расположеніи онѣ географически, и въ общемъ расположеніе то же, что и въ *Cogrus inscriptionum Atticarum*, съ тою только разницею, что всякая надпись, которая еще сохранилась и была доступна, изображена какъ *facsimile* въ видѣ политипажа. Самое собраніе и критическая провѣрка матеріала весьма обстоятельны: тутъ собрано не только все, что было до сихъ поръ разсѣяно по разнымъ изданіямъ, но и присоединено много новаго, что было прежде недоступно. Подлинныя и сомнительныя надписи не помѣщены особо, но при от-

дѣльныхъ нумерахъ сдѣланы всѣ необходимыя оговорки. Затѣмъ однако спрашивается: что именно сдѣлалъ Рѣль изъ собраннаго имъ матеріала? Судить объ этомъ должно, во первыхъ, съ точки зрѣнія языка и сдѣланныхъ издателемъ дополненій въ надписяхъ, вторыхъ, съ точки зрѣнія историческаго и антикварнаго объясненія, и третьихъ съ точки зрѣнія палеографической. По первому вопросу италянскій ученый Комваретти уже высказался объ этомъ изданіи весьма неодобрительно, но на сколько справедливо—это еще покажетъ критика. Точно также лишь со временемъ могутъ обнаружиться достоинства и недостатки этой, во всякомъ случаѣ, необходимой книги относительно интерпретаціи надписей. Что же касается палеографическаго достоинства книги, то, сравнивая эти *Inscriptiones Graecae antiquissimae*, напримѣръ, съ Римскими *Priscae Latinitatis monumenta epigraphica*, нельзя не замѣтить очень большой разницы между ними. Подтипажи вообще, а особенно въ такомъ видѣ, какъ они исполнены въ изданіи Рѣля, не выдерживаютъ никакого сравненія съ художественно выполненными литографіями въ изданіи Ричли. Какія средства были употреблены при исполненіи *facsimile*, указано во всякомъ отдѣльномъ случаѣ; но кто выполнялъ рисунки, это нигдѣ не объяснено съ точностью. Впрочемъ, по различнымъ отдѣльнымъ выраженіямъ довольно ясно, что и такую работу взялъ на себя самъ Рѣль. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, что бы это было ему подъ силу. Изображенія соотвѣтствуютъ оригиналамъ лишь въ весьма недостаточной и несовершенной мѣрѣ. Рисовавшему недоставало того, что археологи называютъ чувствомъ стиля, и рисунки вышли поэтому грубоваты. Сходство въ формѣ буквъ только приблизительное, такъ что полагаться на изображенія Рѣля въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ сомнѣніе относительно отдѣльныхъ буквъ, отнюдь нельзя. Но какъ бы то ни было, для многихъ цѣлей книга эта можетъ быть очень полезна, особенно если принять въ соображеніе, что ея воспроизведенъ весьма существенный пробѣлъ въ научной литературѣ.

Fr. O. Weise. Die Griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 1883.

Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, какой богатый матеріалъ наука языкованія представляетъ для культурной исторіи народовъ, стали возникать изслѣдованія съ цѣлью прослѣдить на основаніи иностранныхъ словъ какого-нибудь языка то влияние, которое одинъ народъ

имѣлъ въ культурномъ отношеніи на другой. Особенно мысль эта осуществима относительно Римлянъ, которые заимствовали всю свою культуру у Грековъ (напримѣръ, въ трудахъ Бермана, Зальфельда, Тухгендиера), но до сихъ поръ ни одна изъ попытокъ такого изслѣдованія не была удовлетворительна. Настоящая книга Вейзе всесторонне изслѣдуетъ этотъ вопросъ съ величайшею подробностью, на 546 страницахъ.

Въ длинномъ введеніи авторъ занимается признаками греческихъ словъ въ латинскомъ языкѣ на основаніи звуковыхъ законовъ, формы и образованія. Эту часть его труда можно смѣло назвать строго-научною и вполнѣ исчерпывающею вопросъ, который представлялъ, между прочимъ, много спорныхъ пунктовъ, такъ какъ въ послѣднее время многіе ученые часто стали злоупотреблять производствомъ латинскихъ словъ отъ греческихъ и находили иногда заимствованія тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Вейзе вполнѣ основательно относится ко многимъ, якобы заимствованнымъ, словамъ скептически и доказываетъ для цѣлаго ряда словъ, что—они римскаго происхожденія. Во второй культурно-исторической части авторъ излагаетъ съ большою подробностью и основательностью, что италійскіе народы уже принесли съ собою въ Италію, чего они самостоятельно достигли на этой почвѣ, и наконецъ, что они въ различные времена заимствовали у Грековъ. Третья часть, которая слабѣе обѣихъ первыхъ, заключаетъ въ себѣ списокъ греческихъ словъ въ латинскомъ языкѣ, при чемъ авторъ раздѣлилъ ихъ на три группы по степени ихъ распространенности; но раздѣленіе это очень непослѣдовательно. Кроме того, въ списокъ много пропусковъ, которые умаляютъ достоинство книги. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ это — лучшая работа по данному вопросу.

Wilhelm Ebrard. Die Alliteration in der lateinischen Sprache. Bayreuth. 1882.

Извѣстно, что уже Вельфинъ въ своей книгѣ „Die alliterierenden Verbindungen der lateinischen Sprache“ разобралъ обороты латинскаго языка, представляющіе собою синтаксически соединенные аллитераціей члены предложенія (напримѣръ, *tecta ac templa, caput et cervix, longe lateque, fundere et fugare*). Идя по его слѣдамъ, Эбрардъ предпринялъ трудъ изслѣдовать аллитерацію членовъ предложенія, не соединенныхъ синтаксически. Такъ, онъ приводитъ массу примѣровъ

для аллитераціи существительнаго съ своимъ прилагательнымъ или существительнымъ атрибутомъ (*fabula ficta, faber fortunae*), субъекта съ своимъ объектомъ (*fortes fortuna adiuvat, sapienti sat*), глагола со своимъ субъектомъ (*mortui non mordent*), или объектомъ (*caue capem*), или отдаленнымъ объектомъ, именно *abl. instr.* (*mittere mali*), или съ нарѣчіемъ (*libere loqui*). Затѣмъ онъ перечисляетъ еще многочисленныя примѣры комбинацій и аккумуляціи перечисленныхъ выше случаевъ (напримѣръ, *dies diem docet, multa munita virum vi*), старается привести ихъ въ систему и рассматриваетъ *composita*, составленныя изъ словъ съ аллитераціей: *sacrosanctus, volgivagus, largiloquus*, въ заключеніе же представляетъ дополненіе къ работѣ Вельфаина. Трудъ этотъ весьма обстоятеленъ и притомъ можетъ быть стимуломъ для дальнѣйшихъ изысканій въ этой области. Но нельзя не замѣтить, что и самъ авторъ не свободенъ отъ того недостатка, въ которомъ онъ упрекаетъ многихъ своихъ предшественниковъ, такъ какъ и у него пропущены весьма многіе случаи сознательной аллитераціи. Впрочемъ, работа его не есть сводъ всего сдѣланнаго до сихъ поръ въ этой области, а лишь весьма полезное пособіе для будущей полной монографіи.

Alexander Budinsky. Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und die Provinzen des Römischen Reiches. Berlin. 1881.

Сочиненіе это раздѣлено на 13 главъ, изъ коихъ каждая посвящена одной изъ составныхъ частей Римской имперіи, именно—въ первой рассматриваются Италия и италійскіе острова, во второй—Испанія, въ третьей—Галлія, въ четвертой—Британія, въ пятой—Гельвеція, въ шестой—римская часть Германіи, въ седьмой—Винделиція, Норикъ и Ретія, въ восьмой—Паннонія, въ девятой—Иллирія и Далмація, въ десятой—Македонія и Фракія, въ одиннадцатой—Мизія и Данія, въ двѣнадцатой—Греція и Востокъ, въ тринадцатой—Африка. Въ началѣ каждой главы авторъ говоритъ вкратцѣ о населеніи страны во время римскаго завоеванія; затѣмъ разсказываетъ о завоеваніи и, наконецъ, сопоставляетъ всѣ прямыя и косвенныя, встрѣчающіяся у римскихъ писателей, въ древнихъ надписяхъ и на монетахъ извѣстія, по коимъ можно судить о распространеніи латинскаго языка въ той части Римской имперіи, о которой идетъ рѣчь. Такъ напримѣръ, изъ семнадцати страницъ, посвящен-

ныхъ Испаніи, на двухъ страницахъ говорится о ея населеніи до половныи III в. по Р. Х., объ Иберійцахъ, Кельтахъ и финкійскихъ переселенцахъ, на двухъ слѣдующихъ описываются кратковременное завоеваніе полуострова Картагенянами, приходъ Римлянъ и кровопролитная война, которая въ теченіе двѣнадцати лѣтъ окончательно низвергла владычество Картагенянъ въ Испаніи; далѣе, на трехъ страницахъ говорится о войнахъ Римлянъ противъ тѣхъ народовъ Испаніи, которые хотѣли удержать свою независимость; на четырехъ страницахъ излагается административная организація и учрежденіе римскихъ колоній въ Испаніи. Лишь послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, несомнѣнно необходимыхъ, авторъ приступаетъ къ своей главной темѣ и говоритъ о латинскихъ школахъ, учрежденныхъ въ странѣ, о латинскихъ авторахъ, которыхъ эта страна произвела, и о несомнѣнныхъ мѣстныхъ діалектахъ. Въ примѣчаніяхъ Будиискій выписываетъ большую часть текстовъ, на которые онъ ссылается.

Планъ автора составленъ очень хорошо, изложеніе ясно, и книга его вообще есть хорошій сводъ данныхъ, сдѣланный съ знаніемъ и талантомъ, хотя, впрочемъ, читатель найдетъ въ ней мало новыхъ результатовъ.

LES SCOLIES DU MANUSCRIT D'ARISTOPHANE À RAVENNE. Etude et collation par *Albert Martin*. Paris. 1882.

Уже давно чувствовалась настоятельная необходимость въ новой колляціи очень важныхъ, но трудно читаемыхъ сколій къ Аристофану въ Равеннскомъ кодексѣ. Потребности этой удовлетворилъ авторъ книги, заглавіе выше которой выписано, давъ намъ въ связи съ изданіемъ Дидо новую колляцію. Работа эта сдѣлана съ возможною тщательностью и точностью. Въ изданіи своемъ Мартенъ прежде всего описываетъ рукопись и сообщаетъ весьма интересную исторію ея. Какъ извѣстно, Фельзенъ призналъ, что Cod. Urbinas, по которому въ 1756 г. въ первый разъ были изданы „Лизистрата“ и „Тесмофоріазуза“, и который считали пропавшимъ, есть не иное что, какъ Cod. Ravennas. Мартенъ поправляетъ ошибку Фельзена, утверждавшаго что Cod. Ravennas во всякомъ случаѣ долженъ былъ находиться до 1515 года въ Ватиканской библіотекѣ въ отдѣленіи Urbinales,—поправляетъ потому, что Урбинская библіотека была перенесена въ Ватиканъ лишь въ 1657 г. при Александрѣ VII.

Руководствуясь нѣкоторыми хронологическими данными, авторъ приходитъ къ тому результату, что рукопись эта попала въ Урбинскую бібліотеку во время Frederico di Montefeltro, то-есть, до 1482 г., и оттуда была взята въ 1515 г., или скорѣе, въ 1503 при взятіи и разрушеніи города Цезаремъ Борджіа. Самую рукопись онъ относитъ къ XI вѣку. Хотя текстъ самый написанъ строчными буквами, а схолія прописными, но авторъ все-таки признаетъ, вопреки мнѣнію Фельзена, одну и ту же руку для „Богатства“, „Облаковъ“, „Лягушекъ“, „Птиць“ и „Мира“.

Theodorus Bergk. Poetae Lyrici Graeci. Editio IV, vol. III, poetas melicos continens. Lipsiae. 1882.

Въ короткое время за вторымъ томомъ Poetae Lyrici Graeci Бергка послѣдовалъ и третій въ новой обработкѣ, такъ что въ настоящее время четвертое изданіе этого сборника вполне закончено. Какъ предыдущіе томы, такъ и этотъ, обработаны самимъ Бергкомъ передъ смертію; изданіемъ же его, равно какъ и втораго тома, занимались А. Шеферъ и Е. Гиллеръ. Къ сожалѣнію, корректура этого третьаго тома далеко не такъ тщательна, какъ во второмъ томѣ. Какъ въ предыдущихъ томахъ, такъ и въ 3-мъ, на каждой страницѣ видны слѣды неутомимыхъ трудовъ Бергка, который до конца жизни посвящалъ много времени своему любимому труду. Въ это изданіе припаты были и вновь найденные фрагменты, прибавлены позднѣйшія конъектуры различныхъ ученыхъ, въ расположеніи фрагментовъ и въ текстѣ сдѣлано много улучшеній и измѣненій, а въ критическомъ аппаратѣ помѣщено много новыхъ очень удачныхъ конъектуръ, которыя, если сами всѣ и не исправили испорченныхъ мѣстъ, то несомнѣнно будутъ содѣйствовать ихъ исправленію, такъ какъ ими указанъ путь для того. Самой основательной переработкѣ подверглись эпиграммы Симионида, которымъ Бергкъ предпослалъ прекрасное введеніе. Въ статьѣ этой онъ выступаетъ со всею энергіей противъ невѣроятныхъ попытокъ Юнгмана и его послѣдователя Каибеля, старавшихся доказать, что ни одна изъ эпиграммъ, приписываемыхъ Симиониду, не принадлежитъ ему, и что, слѣдовательно, его слѣдуетъ вычеркнуть изъ числа синграмматическихъ поэтовъ. Бергкъ вполне убѣдительно доказываетъ всю неосновательность такого мнѣнія.

Auguste Conat. LA POÉSIE ALEXANDRINE SOUS LES TROIS PREMIERS PTOLEMÉES
Paris. 1882.

А. Куа поставилъ себѣ въ настоящей монографіи задачей подробно познакомить читателей въ цѣломъ рядѣ этюдовъ съ александрийскою поэзіею при первыхъ трехъ Птолемахъ, и говоря вообще, задачу эту онъ выполнилъ удачно. Если формальная сторона александрийской поэзіи разобрана имъ слишкомъ коротко, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка въ удовлетворительныхъ предварительныхъ работахъ, за то во всякомъ случаѣ авторъ далъ намъ въ изложеніи руководящихъ идей александрийской школы, въ жизнеописаніяхъ выдающихся поэтовъ и особенно въ доходящей до мельчайшихъ подробностей оцѣнкѣ ихъ произведеній ясную картину этого періода литературы; достоинство книги еще увеличивается наглядностью группировки матеріала и изяществомъ изложенія. Сочиненіе это основано на серьезномъ изученіи поэтовъ этого времени, равно какъ и относящейся сюда литературы въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ. Въ немъ соединены важнѣйшіе результаты разсѣянныхъ тамъ и сямъ работъ объ этой эпохѣ, при чемъ Куа часто пользуется случаемъ къ различнаго рода исправленіямъ и дополненіямъ, такъ что книгу эту нельзя не рекомендовать вслѣдствіе, занимающемуся александрийскою поэзіею, какъ въ высшей степени интересное и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное чтеніе. Сочиненію своему авторъ предпосылаетъ введене, въ первой главѣ котораго говоритъ объ Александріи, ея библіотекѣ и музеѣ. Здѣсь онъ вообще слѣдуетъ работамъ Ричля, Партея и О. Земана. Неяснымъ только остается, какъ авторъ понимаетъ извѣстіе, что библіотека была разрушена пожаромъ во время Александрийской войны при осадѣ города Цезаремъ. По изложенію Куа на стр. 15 можно думать, что жертвой пожара сдѣлались лишь сиротинныя въ магазинахъ книги; но на стр. 20 онъ, по видимому, принимаетъ, что сгорѣла самая библіотека, и оставляетъ лишь не разрѣшеннымъ, та ли, что была въ Музеѣ, или въ Серапейонѣ. Сомнѣніе это разрѣшаетъ Плутархъ (Саес. 49), который говоритъ: ἡ μεγάλη βιβλιοθήκη, что можетъ относиться только къ библіотекѣ въ Брухейонѣ. Далѣе, при перечисленіи сокровищъ библіотеки, Куа понимаетъ выраженія ἀκαῖ καὶ ἀμυαῖς и σαρμυαῖς въ извѣстномъ исчисленіи Каллимаха также, какъ Ричль, въ смыслъ „volumes à un seul exemplaire“, въ противоположность къ дублетамъ; но едва

ля кто нипѣ согласится съ такимъ объясненіемъ. Уже самое значеніе этихъ выраженій говоритъ противъ такого пониманія. Совершенно вѣрно объясняетъ эти названія Бернгарди (Griech. Litteraturgesch. I стр. 537), разумѣющій подъ ἀκλαῖ такіа βιβλα, въ которыхъ содержится лишь по одному какому-нибудь сочиненію, тогда какъ σφικταῖς соединяли въ себѣ нѣсколько сочиненій. Только самое названіе βιβλα не вѣрно понято имъ, равно какъ и Шнейденномъ, въ смыслѣ codices въ формѣ книгъ. Это не иное что, какъ свитки, какъ то доказалъ Виртъ (Das antike Buchwesen, стр. 485 и слѣд.). Равнымъ образомъ, говоря о музеѣ, его устройствѣ и жизни въ немъ, Куа вслѣдъ за Партеемъ, заходятъ во многомъ слишкомъ далеко. И тутъ, по видимому, вѣрнѣе толкованія Бернгарди. Вторая глава введенія трактуетъ о хронологіи александрійскихъ бібліотекарей и поэтовъ. Здѣсь авторъ опредѣляетъ время жизни Филета, Гермезіанакта, Зенодота, Теокрита, Арата, Каллимаха, Эратосеена, Аполлонія, Аристофана и Аристарха. Самая исторія александрійской поэзіи раздѣлена авторомъ на пять книгъ. Въ первой онъ говоритъ объ элегѣ, и именно о Филетѣ, Гермезіанактѣ, Фаноклѣ, Александрѣ Этоліискѣ, и особенно подробно о Каллимахѣ. Вторая книга посвящена лирикѣ; здѣсь говорится о гимнахъ Каллимаха въ хронологическомъ порядкѣ, ихъ композиція и стикхъ. Третья книга трактуетъ объ эпической поэзіи—объ Argonautica Аполлонія Родосскаго, о Messeniaca Гіана и Nekale Каллимаха. Въ четвертой разбираются идилліи Теокрита и въ пятой—дидактическая поэзія Арата и Эратосеена. Конецъ всей монографіи составляетъ описаніе сореживанія между Каллимахомъ и Аполлоніемъ. При разборѣ стихотвореній обнаруживается нѣкоторая субъективность взглядовъ автора, но и это трудно вѣнчать ему въ недостатокъ. Вообще книга эта есть цѣнный вкладъ въ научную литературу.

GALENI QUI FERTUR DE PARTIBUS PHILOSOPHIAE LIBELLUS. Primum edidit Ed. Wellmann. Berlin. 1882.

Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ Вельманъ издалъ не только текстъ названнаго псевдо-Галеновскаго фрагмента περί αἰδῶν φιλοσοφίας, но и отрывки, трактующіе о томъ же предметѣ, именно объ отношеніи математики къ философίи съ ея подраздѣленіями, изъ Προλεγόμενα τῆς φιλοσοφίας ἀπὸ φωνῆς Δαυίδ τοῦ Θεοφιλεστάτου καὶ Θεόφρονος φιλοσόφου и изъ Ἀρμωνίου τοῦ Ἑρμείου εἰς τὰς πάντε φωνὰς τοῦ

Πορφορίου ὑπόμνημα. Первый изъ названныхъ отрывковъ, который носить имя Галена, находится въ Codex Laurentianus, 56, 15, и кромѣ того, какъ точная копія Лаврентіанскаго кодекса, въ Cod. Paris. 2176. Исходи изъ извѣстнаго дѣленія философіи на θεωρητικόν и πρακτικόν, отрывокъ этотъ трактуеть о частяхъ θεωρητικόν, которое состоитъ не только изъ φυσιολογικόν и θεολογικόν, какъ говоритъ Платонъ, но обнимаетъ скорѣе, по ученію Аристотеля, три части: φυσιολογικόν, μαθηματικόν и θεολογικόν (§ 1—4). Въ § 5—13 показывается, почему μαθηματικόν занимаетъ второе мѣсто въ числѣ этихъ трехъ частей, а въ дальнѣйшихъ параграфахъ разбираются слѣдующіе вопросы: I) Сколько частей математики и какія они; именпо: арифметика, музыка, геометрія и астрономія. II) Почему столько частей? III) Какой долженъ быть порядокъ этихъ частей? IV) Кѣмъ онѣ изобрѣтены? V) Какіе предметы принадлежать къ этимъ частямъ? Къ сожалѣнію, изслѣдованіе обрывается на четвертомъ вопросѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что геометрія изобрѣтена Египтянами, при чемъ въ обоихъ кодексахъ фраза оканчивается на одномъ и томъ же словѣ. Вельманъ доказываетъ вполне справедливо, что это довольно слабое сочиненіе несправедливо носить имя Галена. Въ пользу этого, кромѣ совершенно несвойственнаго Галену языка, говоритъ особенно то обстоятельство, что тамъ упоминается Плотинъ, дѣятельность котораго началась, какъ извѣстно, лѣтъ 30—40 спустя по смерти Галена. Къ этому присоединяется еще то, что это же самое сочиненіе, частью слово въ слово, частью съ большою подробностью и полнотой находится въ приведенныхъ выше сочиненіяхъ армянина Давида, въ комментаріи Аммонія и наконецъ въ προλεγόμενα τῆς φιλοσοφίας нѣкоего Анонима (у Крамера, Anecd. Paris. IV, 420 слѣд.). Въ виду этого очень важно, что Вельманъ представилъ по крайней мѣрѣ два первые фрагмента съ текстами, основанными на рукописяхъ. Для отрывка, заимствованнаго изъ Prolegomena Давида, онъ пользовался Cod. Vat. 1470, который, по мнѣнію Ив. Мюллера, сравнивавшаго рукопись (Deutsche Litteratur-Zeitung, 1882, № 30), стоитъ гораздо выше, чѣмъ думаетъ Вельманъ, и Cod. Marc. 599. Въ основу текста Аммонія были положены Editio Veneta 1545 и Cod. Monac. 222. Содержаніе и даже самыя слова всѣхъ четырехъ отрывковъ такъ удивительно совпадаютъ другъ съ другомъ, что Вельманъ справедливо признаетъ единство ихъ происхожденія. Въ заключеніе книги помѣщена adnotatio, гдѣ заключаются параллельными и сходными сентенціи изъ этихъ отрывковъ.

Fr. Dietrici. Die sogenannte Theologie des Aristoteles, aus dem Arabischen übersetzt und mit Anmerkungen versehen. Leipzig. 1883.

Послѣ изданія арабскаго текста такъ-называемой теологіи Аристотеля, Дитрици не замедлилъ, согласно своему обѣщанію, выпустить въ свѣтъ пѣмецкій переводъ ея; такимъ образомъ произведение это, одинаково важное для изученія позднѣйшей греческой философіи и для исторіи литературы, сдѣлалось доступнымъ и болѣе обширному кругу читателей. Какъ и слѣдовало ожидать по тщательному наданію арабскаго текста, переводъ Дитрици вполнѣ замѣняетъ собою для не знающихъ арабскаго языка арабскій текстъ, въ которомъ только и дошло до насъ это псевдо-Аристотелевское сочиненіе. Не смотря на массу представлявшихся при переводѣ трудностей, онъ читается совершенно легко, и нѣкоторыя неровности нисколько не портятъ общаго хорошаго впечатлѣнія. Наибольшую трудность представляла нѣрная передача нео-платоническихъ терминовъ, такъ какъ нерѣдко ихъ нельзя было переводить слово въ слово; но и съ этою задачей Дитрици справился весьма удачно. Послѣ перевода самаго сочиненія помѣщенъ переводъ прибавленнаго къ арабскому тексту указателя, озаглавленный: „Verzeichniss der Hauptfragen, welche der Weise im Buche der Theologie, d. h. der Lehre von der Gottesherrschaft, zu lösen verspricht“. Но указатель этотъ относится не къ одному этому псевдо-Аристотелевскому сочиненію, и въ немъ есть много вещей, о которыхъ и не упоминается въ теологіи псевдо-Аристотеля. Вслѣдствіе того пользованіе указателемъ нѣсколько затруднительно. Какъ на одно изъ достоинствъ труда, необходимо указать на общій обзоръ сочиненія, который авторъ предислалъ переводу, и который представляетъ очень наглядный очеркъ общаго хода мыслей. Не малый интересъ представляетъ и введеніе, въ которомъ Дитрици указываетъ на значеніе псевдо-Аристотелевской теологіи среди нео-платонической литературы и на его вліяніе на арабскую философію; такимъ образомъ объяснено значеніе этого произведенія вообще для исторіи философіи и исторіи культуры. Къ переводу присоединены примѣчанія, въ которыхъ Дитрици приводитъ параллельныя мѣста изъ философской литературы Грековъ, послушавшей источникомъ идей, встрѣчаемыхъ у псевдо-Аристотеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ подробное объясненіе терминовъ, при чемъ сравниваетъ первоначальные арабскіе съ греческими.

E. Ewers. Ein Beitrag zur Untersuchung der Quellenbenutzung bei Diodor.
Berlin. 1882.

Цѣль этой брошюры—изложить, какъ Діодоръ пользовался источниками въ первой своей книгѣ, и въ связи съ этимъ изслѣдовать нѣкоторые общіе вопросы объ ученomъ методѣ Діодора. Въ существѣ дѣла авторъ раздѣляетъ взглядъ Врѣкера и Гольма и энергично возстаетъ противъ того мнѣнія, якобы Діодоръ въ болѣе значительныхъ отдѣлахъ своего сочиненія слѣдовалъ всегда одному источнику, изъ котораго онъ выписывалъ обыкновенно безсмысленно. Въ изслѣдованіи этомъ легко различить три части. Прежде всего авторъ занялся статьею Шнейдера, который старался доказать, что первая книга Діодора въ своей существеннѣйшей части заимствована изъ одного источника—Гекатея изъ Абдеры. Противъ такого мнѣнія Эверсъ приводитъ слѣдующіе аргументы: 1) Ссылки впередъ и назадъ, которыя отдѣляютъ въ первой книгѣ составныя части другъ отъ друга, не заимствованы изъ этого источника, но принадлежатъ самому Діодору, какъ это видно изъ многихъ подобныхъ ссылокъ въ другихъ книгахъ. 2) Въ самой первой книгѣ стрѣчаются противорѣчія такого рода, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно обнаруживается довольно близкое знакомство съ Египтомъ. 3) Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается прямое противорѣчіе съ однимъ изъ фрагментовъ Гекатея. Вторая часть работы Эверса посвящена изслѣдованію вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи находится Діодоръ къ Геродоту, при чемъ авторъ старается доказать, что Діодоръ черпалъ, между прочимъ, и прямо изъ Геродота. По мнѣнію Эверса, Діодоръ не выписывалъ или сокращалъ главы по порядку, а частью соединялъ изъ различныхъ мѣстъ Геродотовы разказы, частью же дополнялъ оригиналъ изъ другихъ источниковъ. Въ третьемъ отдѣлѣ изслѣдованія авторъ доказываетъ, что подобная переработка замѣчается не только въ первой книгѣ Діодора, но и въ нѣкоторыхъ другихъ, особенно въ четвертой и пятой. Нельзя не согласиться, что, благодаря тщательному и основательному изслѣдованію Эверса, мнѣніе, что для первой книги у Діодора былъ одинъ только источникъ, сильно поколеблено. Особенно заслуживаютъ вниманія указанія на отношенія разказа Геродота къ Діодору. Если даже не признать, что Діодоръ непосредственно пользовался сочиненіемъ Геродота, то несомнѣннымъ остается все-таки косвенное пользованіе имъ. Выстъ съ тѣмъ довольно убѣдительно доказано, что Діодоръ не простой списыватель: онъ не выписывалъ изъ своихъ источниковъ,

и дѣлалъ измѣщенія, что влекло за собою и перестановки, и измѣненіе выраженій. Кроме того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается сомнѣнно, что къ своей работѣ Діодоръ примѣнялъ и тѣ свѣдѣнія, которыя были имъ приобретены прежде, при чтеніи другихъ писателей. Наконецъ, слѣдуетъ отказаться и отъ мысли принимать для большихъ отдѣловъ Діодорова сочиненія непрежѣнно одинъ только источникъ: можно лишь сказать, что одинъ источникъ клался имъ въ основаніе, и что при этомъ часто бываетъ трудно разграничить этотъ главный матеріалъ отъ другихъ побочныхъ.

DES PERIPLUS DES EGYPTIENNAISEN MEERES von einem Unbekannten. Griechisch und deutsch. Mit kritischen und erklärenden Anmerkungen nebst vollständigem Wörterverzeichnis von B. Fabricius. Leipzig. 1883.

Б. Фабриціусъ, извѣстный обработкой малыхъ географовъ, издалъ и настоящій периплъ еще въ 1849 году, но въ томъ изданіи не были приняты во вниманіе весьма важныя для этого произведенія Гейдельбергскія рукописи. Въ настоящее время авторъ издалъ это въ высшей степени важное для исторіи географіи и торговли сочиненіе въ новой обработкѣ, которая по тщательности и основательности изслѣдованія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изданіе это составляетъ необходимое дополненіе къ изданію Мюллера (*Geogr. Graeci minores. Vol. I*), такъ какъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ новѣйшія работы по этой части (*Sprenger, Dillman, Guillaum, Vivien de Saint-Martin* и др.) и сдѣлано существенное улучшеніе текста, основанное преимущественно на изученіи особенностей языка автора. Во введеніи Фабриціусъ говоритъ о судьбѣ Гейдельбергской рукописи, а также о томъ, какъ онъ ею пользовался, и описываетъ какъ эту, такъ и другую, дополняющую ее Лондонскую рукопись перипла. Далѣе слѣдуетъ списокъ не подлежащихъ сомнѣнію ошибокъ перипла. Затѣмъ подробно говорится о прежнихъ изданіяхъ и работахъ по этому сочиненію; изслѣдуется вопросъ о томъ, кто былъ его авторомъ, и доказывается, что то былъ, вѣроятно, египетскій купецъ, которому ошибочно приписываютъ, на основаніи другихъ, находящихся въ кодексѣ сочиненій, имя Арріана. Далѣе разсматривается вопросъ о времени, когда былъ написанъ периплъ: оно почти совпадаетъ со временемъ окончанія *Historia naturalis* Плинія. Затѣмъ слѣдуетъ общая характеристика содержанія и особенностей языка

памятника и наконецъ, сопоставленіе всѣхъ ошибокъ и промаховъ, даже самыхъ незначительныхъ, которые встрѣчаются въ изданіи Мюллера. Послѣ этого введенія идетъ самый *Periplus*, при чемъ съ лѣвой стороны помѣщенъ греческій текстъ, а съ правой нѣмецкій переводъ, и первый указываетъ посредствомъ цифръ на помѣщенныя подъ строкой примѣчанія, касающіяся критики текста, а второй—посредствомъ буквъ—на экзегетическія примѣчанія, прибавленныя послѣ текста. Въ концѣ книги помѣщенъ прекрасный указатель именъ, раздѣленный на два отдѣла: 1) собственные имена, при чемъ географическія, историческія имена и названія мѣсяцевъ отдѣлены, и 2) всѣ остальные слова. Въ переводѣ авторъ стремится къ ясности, объясненія очень полны и тщательны. Не объясненнымъ остается лишь то положеніе, которое занимаетъ периплъ вообще въ исторіи географіи, равно какъ тѣ части сочиненія, въ которыхъ обнаруживается зависимость отъ его такъ-называемаго Эратоссеено-Страбоновскаго изображенія вселенной (ἡ οἰκομένη),—обстоятельство, имѣющее большое значеніе для опредѣленія времени составленія перипла.

LUCIANUS SAMOSATENSIUS. *Franciscus Fritschius* recensuit. Vol. III. p. II. Rostock. 1882.

Современный Несторъ между нѣмецкими филологами, Фр. Фритче, профессоръ Ростокскаго университета, издалъ въ свѣтъ послѣ долгаго промежутка новую часть начатаго имъ за 20 слишкомъ лѣтъ предъ симъ, полнаго критическаго изданія сочиненій Лукіана, заключающую въ себѣ продолженіе разговоровъ въ царствіи мертвыхъ (начиная съ XI діалога). Подъ текстомъ находится критическій аппаратъ и критическія примѣчанія самого издателя и его сына, въ которыхъ на первомъ планѣ являются тщательныя наблюденія надъ языкомъ Лукіана, надъ ритмическимъ расположеніемъ словъ и надъ строемъ предложений. Въ видѣ дополненія къ тому критическому аппарату, который даетъ самъ Фритче, въ концѣ діалоговъ мертвыхъ помѣщены сообщенія Зоммербротта относительно чтеній Лукіановыхъ рукописей въ Венеціанской библіотекѣ св. Марка, а въ концѣ всего сочиненія коллація cod. Mutinensis для *Cataplus*, сдѣланная также Зоммерброттомъ. Что касается текста, который даетъ Фритче, то онъ установленъ имъ эклектически на основаніи высказаннаго имъ въ *Præfatio*, стр. VII, принципа: „in Luciano antiquos codices et bonos con-

sulere omnes, meliores crebro sequi, interdum etiam deteriores praeferre et in difficili loco omnia ponderare monumenta cogimur". Послѣ Praefatio идутъ Prolegomena, заключающія въ себѣ въ пяти главахъ различныя статьи, касающіяся Лукіана и опубликованныя прежде въ видѣ программъ Ростокаго университета: Cap. I. De fragmentis Democriti Philosophi (первоначально появилась въ 1866 г., въ Ростоцкѣ). Cap. II. De Luciani Sostrato (1865). Cap. III. De Luciani Neosymantia (1864). Cap. IV. De libris Pseudolucianeis (1880). Cap. V. De numeris orationis solutae dissertatio prima (1875).

Charles Nisard. NOTES SUR LES LETTRES DE CICÉRON. Paris, 1883.

Настоящія „Примѣчанія“ служатъ прибавленіемъ къ V-му тому сочиненій Цицерона, изданныхъ фирмою Дидо. Какъ извѣстно, письма Цицерона представляютъ много неяснаго: въ нихъ есть много намековъ, которые были понятными для тѣхъ, кому письма были адресованы, но для нынѣшнихъ читателей остаются совершенно темными. Даже будучи расположены въ хронологическомъ порядкѣ, снабженныя жизнеописаніемъ Цицерона, биографическими свѣдѣніями о его корреспондентахъ и хорошимъ и изящнымъ переводомъ, какъ это сдѣлано въ собраніи Дидо, письма эти представляли не мало трудностей, которыя могутъ быть устранены только примѣчаніями. Трудъ составленія этихъ примѣчаній Низаръ выполнилъ очень добросовѣстно. Главное вниманіе было имъ обращено на историческую сторону, и всѣ событія этого драматическаго времени, нравы того общества, борьба частныхъ людей и партій, тысяча мелкихъ событій общественной и частной жизни Цицерона, однимъ словомъ, вся хроника того времени востаетъ передъ читателемъ писемъ во всей своей живости, благодаря объясненіямъ французскаго ученаго. Гдѣ представлялся къ тому случай, авторъ даетъ объясненія чисто археологическія, напримѣръ, относительно статуй, монетъ и т. п. Часто комментарій его оживляется размышленіями нравственнаго свойства, сравненіями древней жизни съ современною, извученіемъ характеровъ и положеній, въ которыхъ находились историческія лица, защитой образа дѣйствія Цицерона и т. д. Но чего совершенно нѣтъ у Низара, это исторія текста, который онъ объясняетъ, и это обстоятельство значительно умаляетъ достоинство его книги. Разнымъ образомъ комментаторъ совершенно

не касается критики текста и оставляет въ сторонѣ всякія грамматическія примѣчанія. Объ этомъ также нельзя не пожалѣть, потому что текстъ Дидо датированъ 1840 годомъ, а послѣ того, какъ извѣстно, появилось не малое количество какъ изданій писемъ, такъ и различныхъ монографій, значительно измѣнившихъ и улучшившихъ текстъ.

Adam. Cicerone Orator und Horaz' Ars poetica nach ihrer inneren Verwandtschaft verglichen. Utsch. 1882.

Авторъ выставляетъ предположеніе, что къ сочиненію *Ars poetica* Горацийъ былъ побужденъ Цицероновымъ *Orator*, котораго онъ прочелъ тотчасъ по его появленіи, и о которомъ говорилъ съ своими друзьями, особенно Врутомъ, и что сочиненіе это и послужило для него образцомъ. Къ написанію же обоихъ этихъ сочиненій и Цицеронъ и Горацийъ были побуждены, по мнѣнію Адама, Врутомъ. Для доказательства внутренняго сродства Адамъ указываетъ на слѣдующія точки соприкосновенія: 1) Оба сочиненія посвящены друзьямъ: *Orator*—Вруту, *Ars poetica*—Пизонамъ. 2) Оба автора при сочиненіи этихъ двухъ произведеній были приблизительно одного возраста: Цицерону было 60 лѣтъ, Горацию — 55. 3) Въ обоихъ сочиненіяхъ расположеніе матеріала и разборъ его одинаковы: *Orator* ограничивается лишь *forense* и судебнымъ краснорѣчіемъ, *Ars poetica* — эпосомъ и драмой; и тутъ и тамъ дѣленіе на двѣ части, и тутъ и тамъ преобладаніе формальной части. 4) И Цицеронъ, и Горацийъ преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: первый — выставить идеалъ оратора, второй — поэта. 5) У обоихъ авторовъ одинаковы взгляды на значеніе тѣхъ родовъ литературы, представителями коихъ они были, на большое значеніе языка вообще, на совершенства языка греческаго искусства и науки; оба питаютъ надежду, что Риму удастся пріобрѣсти и умственное господство надъ всѣмъ міромъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе этой программы, написанной съ большою любовью къ дѣлу и основательностью. Хотя для многихъ мысль Адама и можетъ показаться необъидительною, нельзя однако отрицать заслуги автора, впервые указавшаго такъ опредѣленно на виѣшнее сходство между двумя названными произведеніями.

Karl Zangemeister. Die Periochae des Livius. 1882.

Въ противоположность къ распространенному прежде взгляду, что *Periochae* Ливія образовались изъ замѣтокъ различныхъ читателей на поляхъ его сочиненія, Цангемейстеръ держится того мнѣнія, что онѣ принадлежатъ одному автору. Новое подтвержденіе этой мысли онъ находитъ въ изданномъ имъ въ вѣнскомъ *Corpus scriptorum ecclesiasticorum* Орозій. Именнно, какъ *periochae*, такъ и Орозій, часто вполне согласны между собою и противорѣчатъ Ливію, какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и ошибкахъ, такъ и въ группировкѣ матеріала; притомъ вновь подтверждается высказанное нѣкогда Нибуромъ предположеніе, что первоначально существовало большое извлеченіе, въ родѣ Трга-Юстина, изъ котораго новое извлеченіе составляютъ существующія нынѣ *periochae*: этииъ-то послѣднимъ и пользовался уже Орозій. Это болѣе полное извлеченіе авторъ склоняется отнести къ II в. по Р. Х., изъ чего явствуетъ, что текстъ извлеченія первой декады, на сколько его можно возстановить, не подвергся вліянію Никомаховой рецензій текста, принадлежащей V вѣку. На этомъ основаніи Цангемейстеръ возстановляетъ, напримѣръ, имя одной весталки, которая у Ливія, 2, 42, въ сохранившихся рукописяхъ называется *Orria*, а въ періодахъ *Jilia* и предлагаетъ читать *Porillia*. Такъ какъ болѣе болѣе извлеченіемъ пользовались также Вопискъ, Обеквентъ, Евтропій и Августинъ, то представляется въ высшей степени интересная и благодарная задача возстановить на основаніи мѣстъ, согласныхъ у вышепозванныхъ писателей, фрагменты перваго извлеченія. Цангемейстеръ дѣлаетъ пока лишь указанія на такое возстановленіе и замѣчаетъ, что авторъ извлеченія приводитъ иногда мѣста изъ тѣхъ писателей, которыми Ливій пользовался, и которыхъ онъ цитуетъ, что онъ передавалъ слово въ слово изреченія, стихи и отвѣты оракуловъ, особенное вниманіе обращалъ на различныя чудеса и событіямъ каждаго года предпосылалъ имена консуловъ въ творительномъ падежѣ; кромѣ того, эпитоматоръ вставлялъ кое-гдѣ и свои прибавленія, напримѣръ, по Орозію, 4, 17, 3 разказъ о римскихъ матронахъ, принимавшихъ въ 211 г. по Р. Х. участіе въ защитѣ города (ср. *Silius Italicus*) 12, 593. Вообще, работа Цангемейстера представляетъ большой интересъ.

C. SALLUSTI CRISPI DE BELLO JUGURTHINO liber, Für den Schulgebrauch erklärt von I. H. Schmalz. Gotha, 1883.

Какъ въ предыдущемъ своемъ изданіи „Катилины“, такъ и въ настоящемъ изданіи „Югуртинской войны“, комментаторъ, оставляя почти совсѣмъ въ сторонѣ историческую сторону въ своихъ объясненіяхъ, даетъ почти исключительно грамматическій комментарий. Нельзя не пожалѣть, что онъ такъ сузилъ свою задачу, но за то въ предѣлахъ этой послѣдней онъ проявилъ много основательности. Особенно интереснымъ дѣлается это изданіе тонкое знаніе Саллюстіева языка и въ то же время стараніе, съ которымъ авторъ показываетъ ученикамъ, какими правилами они должны руководствоваться, чтобы хорошо переводить Саллюстія. Самъ онъ не даетъ переводовъ, или даетъ ихъ очень рѣдко, но—что гораздо важнѣе—онъ внимательно отмѣчаетъ разницу, существующую между латинскимъ и нѣмецкимъ языками, и указываетъ, когда существительное должно быть передано глаголомъ, нарѣчіе прилагательнымъ и на оборотѣ, и т. п. На каждой страницѣ замѣтно, что авторъ имѣетъ значительную преподавательскую опытность, что онъ привыкъ вести учениковъ шагъ за шагомъ при объясненіи авторовъ. Упрекнуть его можно, пожалуй, въ томъ, что онъ слишкомъ много объясняетъ ученикамъ въ своемъ комментарий. Бъ сожалѣнію, Шмальцъ не присоединилъ къ своему изданію никакихъ критическихъ примѣчаній, такъ что нельзя составить себѣ мнѣнія о томъ, какъ имъ восстановленъ текстъ. Въ основаніе онъ взялъ 2-е изданіе Юрдана, но во многихъ мѣстахъ отступаетъ отъ него, а потому его объясненія были бы весьма умѣстны для уразумѣнія такихъ отступленій.

P. E. Sonnenburg. DE HISTORICO TANUSIO GEMINO, DIE ANNALES VOLUSI. Ein Catullianum. Bonn. E. Strauß.

Seneca (ср. 93, 11) говоритъ: „et paucorum versuum liber est et quidem laudandus atque utilis: annales Tanusti scis quam ponderosi sunt et quid vocentur hoc est vita quorundam longa et quod Tanusti sequitur annales“. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что названный здѣсь Танузій есть Танузій Геминъ, исторіей котораго пользовался, какъ источникомъ, Светоній въ первой части жизнеописанія Цезаря, и на котораго ссылаются Плутархъ и Амміанъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Часть соххх, отд. 2.

томъ же мѣстѣ, вѣроятно, по одному и тому же посредствующему источнику. Еще Муретъ обратилъ вниманіе на мѣсто Сенеки по поводу 35-го (*Annales Volusi, sacata charta*) и 95-го стихотвореній Катутла, при чемъ видѣлъ въ этомъ мѣстѣ возможность къ измѣненію текста. Со времени Бентлея, установившаго понятіе о псевдонимахъ, толкователи этихъ стихотвореній припимали съ большею или меньшею улѣбренностью, что подъ Волузіемъ Катутлъ именно и являлся въ виду Танузія. Такъ какъ изъ насмѣшки Катутла явствуетъ, что эти *annales* сочинены въ стилѣ Энніа, то лучше всего разумѣть тутъ повѣстическіе *annales* Танузія и, вѣроятно, позднѣйшую его *historia*. Зоннебургъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ противъ тождества обоихъ именъ. Главнымъ доказательствомъ силы и значенія котораго нельзя не признать, является то, что въ литературной враждѣ подобная замѣна именъ является несостоятельною, въ особенности же, когда настоящее имя замѣняется другимъ римскимъ фамильнымъ именемъ, и притомъ хорошимъ.

C. VALERI CATULLI LIBER. Les poésies de Catulle. Traduction en vers français par *Eugène Rostand*. Texte revu d'après les travaux les plus récents de philologie, avec un commentaire critique et explicatif, par *E. Benoist*. T. I et II. Paris. 1883.

Совершенно основательно дѣлаютъ обыкновенно упрекъ переводчикамъ древнихъ авторовъ, что они слишкомъ небрежно относятся къ переводимому ими тексту. Но упрекъ этотъ ни мало не касается разбираемой книги, такъ какъ Ростанъ хотѣлъ знать, что онъ будетъ переводить, и чтобы дать своимъ читателямъ настоящаго Катутла, на сколько это возможно при современномъ положеніи науки, просилъ Бенуа установить текстъ нарочно для перевода; мало того, онъ совѣтывался съ этимъ ученымъ относительно перевода этого текста, и отсюда произошелъ критическій и объяснительный комментарий, составляющій вторую часть труда. Такимъ образомъ всю научную сторону дѣла въ этомъ изданіи Катутла ваялъ на себя Бенуа, а на долю Ростана выпала лишь художественная часть. Высокое литературное достоинство перевода уже признано критикой. Замѣтимъ только, какъ нѣкоторый недостатокъ, что Ростанъ все перевелъ въ александрійскихъ стихахъ—и гептасиллабы, и ямбы, и гексаметры, и пентаметры. Вслѣдствіе того пришлось то погмѣщать

15—18 латинскихъ слоговъ въ 12 французскихъ, то попомять во французскомъ пустягъ пространства (напримѣръ: 32, 8; 43, 8; 55, 1, 6; 61, 139 и т. д.), потому что въ 10-ти александрійскихъ стихахъ 125 слоговъ, а, въ 10 гекзаксиллабахъ—всего 110. Стихъ вслѣдствіе того иногда страдаетъ, но еще болѣе неудобствъ отъ этого для самого метра, такъ какъ пришлось пожертвовать равнообразіемъ латинскаго стиха, который всякій разъ соотвѣтствуетъ сюжету. Изъ предисловія переводчика видно, съ какимъ стараніемъ онъ изучалъ искусство переводить въ стихахъ, а также прежніе переводы Катулла. Помѣщенная въ началѣ книги біографія латинскаго поэта основана на лучшихъ источникахъ и написана увлекательно.

Ввести читателя въ споры, которые поднялись за послѣднее время относительно текста и толкованія Катулла, дать на сколько возможно фронтное объясненіе предложенныхъ проблеммъ—вотъ задача, которую поставилъ себѣ Бенуа. Трудъ его есть сводъ всѣхъ работъ по Катуллу, появившихся въ наше столѣтіе и даже раньше. Благодаря обилію и разнообразію разъясненій, авторъ знакомитъ читателя почти со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными сочиненіями о Катуллѣ, со всѣми данными на нихъ отвѣтами. При восстановленіи текста Бенуа держится ближе всего къ Л. Мюллеру, а для интерпретаціи болѣе всего прибѣгаетъ къ богатому комментарий Эллиса.

Ad. Tobler. DIE ALTVENETIANISCHE UEBERSETZUNG DER SPRÜCHE DES DION. CATO. Berlin. 1883.

Въ пріобрѣтенномъ недавно прусскимъ правительствомъ собраніи Гамильтона отыскалась, между прочимъ, рукопись вышеназваннаго перевода (cod. № 390), которая была нѣкогда въ Веронской бібліотекѣ и давно уже пропала. Последнее извѣстіе далъ о ней Муссаффи въ своихъ *Analecta* изъ бібліотеки св. Марка (*Jahrb. f. roman. u. engl. Lit.* VIII, стр. 206 и слѣд.). Какъ совершенно вѣрно доказываетъ Тоблеръ, переводъ былъ сдѣланъ съ цѣлью преподаванія латинскаго языка. Это ясно изъ противопоставленія латинскому тексту италіанскаго, при чемъ въ латинскомъ двуступища обращены въ прозу и вставлены краткія латинскія объясненія (напримѣръ, *quocumque pro sciam, или nam id est quia*). Хотя достоинство рукописи для критики текста латинскаго Катона не велико, а переводъ полонъ недостатковъ,

однако, благодаря этому переводу, рукопись получаетъ интересъ, такъ какъ она представляетъ богатый матеріалъ для знанія древне-венеціанскаго нарѣчія. Тоблеръ исчерпалъ этотъ матеріалъ и прибавилъ къ изданію оба текста.

Boetiana vel Boethii commentariorum in Ciceronis Topica emendationes ex octo codicibus haustas et auctas observationibus grammaticis composuit Thomas Stangl. Gothae. Perthes. 1882.

Штангль уже извѣстенъ въ ученой литературѣ своими прекрасными „*Textkritische Bemerkungen zu Cic. rhet. Schriften*“. Эти изслѣдованія привели его къ древнѣйшимъ комментаторамъ Цицерона, и плодомъ этихъ занятій является настоящій трудъ „*Boethiana*“. Сочиненія Бозтія, которыми ревностно занимались въ XV и XVI вв., нынѣ въ пренебреженіи. Штангль положилъ въ основаніе своихъ исправленій изданіе Байтера. Но между тѣмъ какъ въ распоряженіи Байтера были только *codex Einsiedlensis*, который сравнивалъ Орелли, парижское изданіе 1554 года, *ed. Venet. (1497—1499)* и оба базельскихъ (1546 и 1570), Штангль имѣлъ возможность сравнить 5 мюнхенскихъ рукописей изъ X—XII вв., 2 *codd. Bamberg.* того же времени, а равно и *cod. Einsiedl.* Всѣ эти кодексы издатель возводитъ, на основаніи однихъ и тѣхъ же, общихъ имъ всѣмъ ошибокъ, пробѣловъ и интерполяцій, въ одному общему архетипу и дѣлаетъ краткое сравненіе ихъ другъ съ другомъ. Въ припискѣ, которая въ четырехъ рукописяхъ находится подъ четвертою книгой: *Conditor operis emendavi*, и въ одной—подъ пятою: *Conditor operis emendavi II (=Iterum)*, издатель въ словахъ, „*Conditor operis*“ узнаетъ самого Бозтія, свидѣтельствующаго такимъ образомъ, что онъ самъ контролировалъ списокъ. Весьма остроумно объясненіе Штангля тѣмъ отдѣльными буквамъ, которыя находятся въ одномъ кодексѣ на поляхъ въ началѣ и въ концѣ страницъ и въ концѣ отдѣльныхъ комментарий. Такъ на примѣръ, буквы: *i n d n i x f d o* онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: *in nomine domini nostri iesu christi filii dei omnipotentis*. О стилѣ Бозтія онъ объѣцаетъ особую статью, а пока отмѣчаетъ лишь подражанія Цицерону, поэтическую окраску, особенности писателей этого времени вообще или Бозтія специально. Прежде всего авторъ исправляетъ на основаніи рукописей мелкіе промахи и затѣмъ говоритъ о болѣе важныхъ ошибкахъ, при чемъ вставляетъ

различныя грамматическія замѣчанія. Въ заключеніе всего помѣщены indices. Грамматическія замѣчанія, касающіяся языка Вокліи и доказывающія его соприкосновеніе частью съ Цицерономъ, частью съ романскими языками, свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ Штангля съ этимъ авторомъ.

Rudolph Westphal. ARISTOXENUS VON TARENT. Melik und Rhythmik des klassischen Hellenenthums übersetzt und erläutert. Leipzig. 1883.

Rud. Westphal. DIE MUSIK DES GRIECHISCHEN ALTERTHUMS nach den alten Quellen neu bearbeitet. Leipzig. 1883.

Про выписанныя выше два сочиненія можно смѣло сказать, что они составляютъ эпоху въ исторіи греческой музыки и ритмики, такъ какъ Р. Вестфаль первый, можно сказать, обратилъ серьезное вниманіе на музыку древнихъ Грековъ и занялся ею съ тою подробностью и вниманіемъ, какихъ она, какъ это видно изъ его трудовъ, заслуживаетъ. Вторая часть перваго изъ названныхъ сочиненій и первая часть втораго занимаютъ исключительно музыкой: отъ музыкантовъ и слѣдуетъ ожидать сужденія о нихъ. Мы же скажемъ лишь нѣсколько словъ объ общемъ значеніи и расположеніи этихъ трудовъ. Прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Вестфаль издалъ свои „Fragmente und Lehrsätze der griech. Rhythmik“, въ видѣ дополненія къ Ритмикѣ Росбаха. Въ первомъ же изъ упомянутыхъ сочиненій данъ прекрасный переводъ этихъ фрагментовъ, которые весьма цѣлесообразно раздѣлены на отдѣльные параграфы, и кромѣ того, представленъ непрерывный комментарий къ этимъ параграфамъ. Переводить Аристоксева очень трудно, и потому эта часть труда Вестфала заслуживаетъ особеннаго вниманія. Не меньшей признательности заслуживаетъ то искусство, съ которымъ расположены всѣ шестьдесятъ параграфовъ, такъ что нельзя не вѣрить Вестфалу, когда онъ говоритъ, что его Аристоксенъ является плодомъ тридцатилѣтнихъ усиленныхъ занятій; и дѣйствительно, въ каждой изъ прежнихъ работъ Вестфала, какъ напримѣръ, въ „Elemente des musikalischen Rhythmus“ (Jena, 1872), несомнѣнно видны слѣды этихъ занятій. Въ настоящее время Вестфаль собирается издать Аристоксена.

Karl von Jan. Die Griechischen Saiteninstrumente. Mit sechs Abbildungen in Zinkätzung. Leipzig. 1882.

Этотъ трудъ лучшаго знатока древней инструментальной музыки составляетъ прежде всего дополненіе къ появившейся въ 1859 году диссертациі его „De fidibus Graecorum“, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ служить предвѣстіемъ предпринятой Яномъ критической исторіи древней струнной музыки. Главною новинкою въ этой работѣ является мнѣніе автора, что настройка струнъ у Грековъ производилась почти постоянно самымъ примитивнымъ способомъ, именно посредствомъ рукояточекъ изъ толстой бычачьей кожи, въ которую вдѣлывали верхніе концы струнъ. Неточныя изображенія часто дѣлали изъ этихъ колокъ, *κόλλοι*, представляющихся валиками темнаго цвѣта на перекладинѣ струннаго инструмента, то, что мы теперь называемъ колками. Такъ самъ Янъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ воспользовался изображеніемъ одной Ватиканской вазы въ Грегорианскомъ музеѣ II, 59, 2, какъ образцомъ для такихъ колокъ. Но подробное разсмотрѣніе вазы убѣдило его, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣми же *κόλλοις*.

Говоря объ этой работѣ Яна въ № 26 нѣмецкаго журнала *Philologische Rundschau* за 1883 г., Ф. Фогтъ присоединяетъ съ своей стороны весьма интересное замѣчаніе относительно лиры и китары. Именно, преданіе гласитъ, какъ извѣстно, что лира есть древній греческій инструментъ, тогда какъ китару усвоена Греками изъ Азіи и употреблялась лишь виртуозами какъ бы инструментъ концертный. Такому толкованію которое принимаетъ и Янъ, и Жевьеръ (Gevaert, *Histoire et théorie de la musique de l'antiquité* II, стр. 250), при чемъ послѣдній прибавляетъ еще, что китару есть не что иное какъ усовершенствованная лира, — противорѣчитъ тотъ фактъ, что объ игрѣ на струнныхъ инструментахъ никогда не говорилось по гречески *λύριζειν*, а только *κίθαρίζειν*, и говорили даже *λύρα κίθαρίζειν*. Аристоксенъ дѣлаетъ такое различіе: *κίθαριστής* значитъ-де то же, что *λύρικός*, а играющій на китарѣ называется *κίθαρφόος*. Это объясняютъ тѣмъ, что *λύρα* не есть первоначальное названіе для маленькаго инструмента — *κίθαρς* — объясненіе, идущее, какъ говорятъ, отъ самаго Аристоксена. Но болѣе вѣроятно объясненіе Евстатія, который отождествляетъ *κίθαρα* и *κίθαρς*. Но такъ какъ для *κίθαρα* есть еще другое названіе — *φόρμιξ*, то маленькій инструментъ, названный

вслѣдствіи λύρα, былъ бы совершенно исключенъ изъ Гомера (конечно, кромѣ гимновъ), а самая вещь, какъ и слово, были бы извѣстны лишь изъ послѣ гомеровскаго времени. Странное употребленіе слова χιθάρητης въ значеніи „играющій на лирѣ“ Янъ старается доказать аналогіей изъ современной жизни. Именно современный концертный артистъ, говоритъ онъ,—никогда не играетъ на пѣянно, а всегда на рояли, и все-таки называется пѣянистомъ. Но сравненіе это не выдерживаетъ критики, потому что слово „пѣянистъ“ происходитъ не отъ „пѣянно“, а отъ piano, сокращеннаго изъ италянскаго pianoforte, подобно пѣмецкому слову Klavier можетъ быть употреблено обо всякомъ струнномъ инструментѣ съ клавишами и молоточками. Фохта современная аналогія между роялемъ и пѣянно сравнительно съ китарой и лирой навела на другую мысль. Именно у насъ, говоритъ онъ, — пѣянно съ вертикальными струнами, благодаря своей меньшей величинѣ и болѣе изящной формѣ, а также болѣе дешевой цѣнѣ, совершенно почти изгнало первоначальную рояль съ горизонтальными струнами, между тѣмъ какъ артисты сохранили и теперь рояль вслѣдствіе его болѣе богатаго тона. Точно также и χιθάρη, χιθάρη или φόρμη Грековъ съ своимъ тяжеловѣснымъ видомъ были первоначальною формою струннаго инструмента, въ пользу чего говорить, по видимому, и то обстоятельство, что китара состоитъ изъ одного дерева, тогда какъ для лиры нуженъ болѣе сложный матеріалъ, именно не вездѣ легко приобретаемая черепаховая оболочка и кожа. Лира есть такимъ образомъ усовершенствованіе китары, возникшее вслѣдствіе потребности имѣть болѣе удобный инструментъ совершенно согласно съ пристрастіемъ Грековъ къ изящной внѣшней формѣ, и вытѣснившее въ общемъ употребленіи китару также, какъ у насъ пѣянно вытѣснило рояль, между тѣмъ какъ китара была сохранена для артистическаго исполненія по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и у насъ — рояль. Всѣ извѣстія изъ древности, начиная съ гомеровскаго гимна къ Гермесу и кончая Аристоксеномъ и позднѣйшими авторитетами, которые отдають первенство по времени лирѣ и вслѣдствіе того гомеровскую χιθάρη принимаютъ тоже за лиру, можно было бы объяснить тѣмъ, что лира должна быть древнѣе, такъ какъ она гораздо болѣе обыкновенный инструментъ, чѣмъ китара. Неужели можетъ не поражать — говоритъ Фохтъ — что на древнѣйшихъ черныхъ вазовыхъ изображеніяхъ почти вездѣ изображается угловатая китара, тогда какъ на новѣйшихъ красныхъ вазовыхъ фигурахъ — изящная округленная лира? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, слѣ-

довало бы тщательно провѣрить всѣ извѣстія древнихъ, а равно и употребленіе данныхъ словъ греческими писателями, и затѣмъ собрать какъ можно болѣе точныхъ хронологическихъ данныхъ о различныхъ произведеніяхъ искусства, на которыхъ находятся изображенія этихъ инструментовъ. Быть можетъ, тогда остроумная конъектура Фохта, на которую его навело употребленіе слова *κιδαριότης* вмѣсто *λορφός* и соединеніе словъ *λόρφ κιδαρίζεσθαι*, и подтвердилась бы вполне.

MONUMENTS DE L'ART ANTIQUE, publiés sous la direction de M. Olivier Rayet.
Livraisons III et IV. Paris 1882.

Въ настоящемъ художественномъ изданіи, благодаря успѣхамъ гелиографіи, всѣ памятники воспроизведены съ такою точностью и художественностью, о которыхъ прежде нельзя было и думать. Но не только художественная сторона дѣла, а также и объяснительный текстъ не оставляетъ здѣсь желать ничего лучшаго. Въ настоящихъ выпускахъ, какъ и въ предыдущихъ, есть нѣсколько египетскихъ памятниковъ, описанныхъ Масперо. Изъ нихъ статуэтка Аменофиса IV и Пегуноври изъ крашеной извести, статуя Шемки (Shemka) съ женой и сыномъ находятся въ Луврѣ. Греческія мраморныя издѣлія двухъ сортовъ: во первыхъ, памятники не изданные, или извѣстные съ недавнихъ поръ, и во вторыхъ, памятники, уже давно извѣстные, но воспроизведенные здѣсь болѣе вѣрно и лучше объясненные. Таковы мастерское описаніе Дорифора и канона Поликлита Гильома и статья самого Рейе о гонлитодромѣ побѣдителя Агасія. Восторгъ, который возбуждала когда-то эта статуя, здѣсь значительно охлаждается, но Рейе такъ знакомитъ насъ съ этою статуей, что послѣ его описанія на нее можно смотрѣть только его глазами. Это вовсе не герой, борющийся съ всадникомъ, какъ думалъ Висконти, и не гладиаторъ, а атлетъ-побѣдитель. Стиль этой статуи, въ которой преобладаетъ техническая отдѣлка, ясно указываетъ на родосскую школу, а эпиграфическіе памятники даютъ возможность опредѣлить время ея происхожденія, именно около 170 года до Р. X. Эту статью о произведеніи Агасія можно смѣло назвать образцомъ критики. Другой большой знатокъ въ области древняго искусства, Колинсонъ, составилъ замѣтку о Геркулесѣ въ храмѣ Аѳины на Эгипѣ, объ Апоксіомейѣ Ватиканскомъ и о туловищѣ Бельведерскомъ, которое онъ считаетъ за подражаніе Геркулесу *ἐπιτραπέζιος* Ливиппа. Между памятниками

открытыми въ послѣдніе годы, обращаетъ на себя вниманіе Діадуменъ изъ Британскаго музея, въ которомъ Ребе узнаетъ стиль Поликлита. Изъ бронзовыхъ произведеній укажемъ на ювошескій бюстъ изъ Геркулана, описанный Марта, мужской бюстъ, въ которомъ узнаемъ Посейдона, женскую голову, изображающую, по мнѣнію Ребе, Артемиду Агротеру. Глиняныя произведенія—изъ Танагры, Аѣинъ, Коринна и Малой Азіи—всѣ очень изящны и удачно выбраны, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно объяснены.

Die SAMMLUNG SABOUROFF. Kunstdenkmäler aus Griechenland. Neerausgegeben von *Adolf Furtwaengler*. Zwei Bände. Berlin. 1882.

Какъ ни велико количество произведеній искусства, которыя открыты за послѣдніа десятилѣтія на классической почвѣ, все-таки настоящее время никакъ нельзя назвать благоприятнымъ для составленія болѣе или менѣе значительныхъ частныхъ коллекцій. Тѣ, которые ограничиваются монетами и мелкими произведеніями, могутъ впрочемъ и теперь соперничать съ общественными музеями, но при болѣшихъ по размѣрамъ произведеніяхъ едва ли можетъ быть рѣчь о конкуренціи. Въ былое время древности покупали только въ Лондонѣ и Парижѣ; нынѣ ихъ приобрѣтаютъ и въ Вѣну, и въ Берлинъ, и въ Нью-Йоркъ, и въ другіе города. Кромѣ того, тѣ мѣры, которыя принимаютъ италянское, греческое и турецкое правительства, дабы воспрепятствовать вывозу произведеній древняго искусства, сдѣлали приобрѣтеніе ихъ частному человѣку, если не невозможнымъ, то весьма затруднительнымъ. Все это нужно принять въ соображеніе, чтобы вполнѣ оцѣнить собраніе русскаго посла въ Берлинѣ П. А. Сабурова. Происхожденіе этого музея очень недавнее, такъ какъ владѣтель вмѣстѣ съ тѣмъ и оспователь его положилъ ему начало въ бытность свою посланникомъ при Аѣинскомъ дворѣ и съ тѣхъ поръ не переставалъ его увеличивать. Располагая большими средствами и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя тонкое пониманіе искусства, онъ успѣшно пользовался своими обширными связями, чтобы составить себѣ коллекцію древнихъ памятниковъ, оригинальную и прекрасную. Въ коллекцію эту принимались только такіа произведенія искусства, которыя были найдены въ Греціи, и притомъ лишь выдающіяся по своей красотѣ или по своему историческому значенію. Въ собраніи этомъ самыя разнообразныя роды памятниковъ: бронза, мраморъ,

вазы и глиняныя произведенія, все въ великолѣпныхъ и частью въ единственныхъ экземплярахъ. По количеству наиболѣе обширна коллекція глиняныхъ произведеній; это объясняется тѣмъ, что г. Сабуровъ могъ однимъ изъ первыхъ черпать у источника, когда, десять лѣтъ тому назадъ, были раскрыты гробницы Танагры. Изъ лучшаго оны выбиралъ самое лучшее, не подвергаясь при этомъ опасности купить поддѣлки вмѣсто настоящихъ вещей. Впрочемъ, главное изъ этихъ произведеній происходитъ не изъ Танагры, а изъ Коринна, именно—Гермесъ необыкновенной величины и необыкновенно тонкой отдѣлки, замѣчательно напоминающій Праксителява Гермеса. Между глиняными сосудами выдаются по изяществу рисунка и рѣдкости мионическихъ изображеній аттическія вазы изъ лучшихъ временъ. Въ собраніи мраморовъ, кромѣ очень древнихъ произведеній изъ Спарты, Эгинны и Афинъ и великолѣпныхъ надгробныхъ рельефовъ IV вѣка, есть надгробныя статуи того же времени и памятники V вѣка, которые, не смотря на огромное количество греческихъ надгробныхъ монументовъ, весьма рѣдки. Изъ бронзы, кромѣ ящичковъ съ рельефами для зеркалъ съ великолѣпными рисунками, есть одна статуя въ естественную величину изъ Эгинны, оригинальное произведеніе изъ временъ процвѣтанія пластики въ Греціи, подобнаго которому до сихъ поръ вообще не извѣстно.

Естественно, что подобная коллекція заслуживала самого тщательнаго научнаго описанія и художественнаго воспроизведенія въ рисункахъ. Описавшій ее Адольфъ Фуртвенглеръ принадлежитъ въ числу лучшихъ молодыхъ археологовъ по обширному своему знакомству съ памятниками искусства, тонкому чутью стиля, опытному взгляду и самостоятельности сужденія; многочисленныя статьи и изслѣдованія, въ которыхъ оны всегда подробно останавливался на вопросахъ стиля, доставили ему опытность въ области греческаго искусства. Для художественной части изданія оны имѣетъ помощника въ лицѣ Эйхлера, котораго многолѣтнія занятія антиками научили добросовѣстности, необходимой для точной передачи оригиналовъ. Мраморныя и большія глиняныя произведенія будутъ изображены посредствомъ гелиографіи, остальные же глиняныя произведенія, а также бронзовыя, и вазы—посредствомъ раскрашенныхъ литографій. Всякое изображеніе будетъ объяснено въ текстѣ, слѣдующемъ за изображеніемъ, и кромѣ того, предъ всякимъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ (скульптура, глиняныя сосуды, терракоты) будетъ подроб-

ное введеніе съ подробнымъ изслѣдованіемъ историческаго значенія изслѣдованій.

Изъ двадцати таблицъ, до сихъ поръ изданныхъ, одинадцать посвящены терракотамъ, двѣ — вазамъ и семь — мраморнымъ скульптурнымъ произведеніямъ. На послѣднихъ изображено четыре отдѣльныхъ произведенія: 1) Голова—портретъ VI вѣка, изъ Эгини или Аенинъ (табл. III и IV); что художникъ хотѣлъ тутъ изобразить какое-нибудь опредѣленное лицо, это видно и по очертанію лба, и по короткимъ, тоненькимъ усамъ, и по бакенбардамъ, и по тонкимъ вѣрно сжатымъ губамъ, и по глазамъ. 2) Евбейскій надгробный памятникъ V вѣка, изъ Кариста (табл. VI); на памятникѣ этомъ прекрасно сохранилось рельефное изображеніе мужчины съ бородой (нижней части туловища нѣтъ) въ стилѣ фриза на Парѣнонѣ, но съ болѣе тщательною отдѣлкою; положеніе его (онъ стоитъ, слегка опершись на посохъ подъ лѣвою рукой) вполне соответствуетъ одной изъ фигуръ Парѣнонова фриза (Michaelis, Parthenon, Taf. XIV, 2 V), равно какъ и одежда, и самое выраженіе лица; между рѣдкими могильными памятниками V столѣтія это единственный въ своемъ родѣ по тому, какъ онъ сохранился. 3) Женская голова большаго Евбейскаго надгробнаго памятника изъ второй четверти IV вѣка, изъ Эретри (табл. XII, XIII и XIV); голова эта, нѣсколько больше естественной величины, сдѣлана изъ пентелійскаго мрамора и предназначалась, какъ-то доказываетъ гладко отдѣланная часть плеча для постановки на туловище (быть можетъ, изъ болѣе простаго матеріала); волосы лишь обозначены и сверху почти не обработаны. 4) Большой аѳонскій могильный памятникъ съ Елевсинской дороги (табл. XVIII); это дорическая Эдикула высотой въ 1,60 м. съ изображеніями стоящаго мужчины и сидящей женщины, которые подають другъ другу правую руку; между ними на заднемъ планѣ находится служанка, не достигающая высоты женщины, не смотря на то, что она стоитъ; въ частностяхъ фигура эта выполнена безъ особой тщательности, такъ что, напримѣръ, волосы и уши лишь намѣчены, чтобы не отвлекать вниманіе смотрящаго отъ главныхъ фигуръ. Воспроизведеніе мраморныхъ произведеній посредствомъ гелиографіи въ рельефныхъ изображеніяхъ удалось какъ нельзя лучше; желательнo только, чтобы надписи (какъ въ 4. Θραεία; Παρθοίδης; около головы мужчины и Εὐαυδρία—надъ головою женщины) были передаваемы отдѣльно въ большемъ масштабѣ, такъ какъ иначе онѣ весьма трудно читаемы.

Обѣ таблицы, посвященныя вазамъ, содержатъ въ себѣ три прекрасныхъ арибаллы съ золотыми украшеніями (большая изъ могилы у западнаго склона Гиметта, табл. 2 V, и меньшія изъ Коринѳа и Аонія, табл. LXII). Не смотря на то, что раскопки послѣднихъ лѣтъ доставили много подобныхъ вазъ съ золотыми украшеніями, и что многія изъ нихъ отличаются необыкновенною прелестью рисунковъ, большая изъ двухъ аттическихъ вазъ г. Сабурова стоитъ выше всѣхъ остальныхъ по обдуманности композиціи, по очаровательной прелести мотивовъ и по совершенству рисунка. Коринѳская ваза изображаетъ Эроса съ золотыми крыльями и бѣлымъ тѣломъ, стоящаго напротивъ сидящей женщины съ обнаженною верхнею частию тѣла; оба держатъ въ рукахъ нити съ золотыми бусами. На маленькой аоніской вазѣ—три женщины во время купанья, при чемъ одна сидитъ согнувшись, совершенно раздѣтая, на землѣ, а Эротъ льетъ ей на распущенные волосы воду изъ золотого сосуда, на лѣво отъ нея другая женщина одѣвается при помощи Эроса, а на право стоитъ третья уже одѣтая и играетъ съ сервой. Подобный же мотивъ встрѣчаемъ на одной мюнхенской вазѣ, гдѣ изображены тоже три женщины во время купанья, одна—совершенно нагая, другая—полунагая и третья одѣтая. Большая аттическая ваза изображаетъ тринадцать обозначенныхъ надписями вакхическихъ фигуръ, которыя группируются вокругъ танцовщицы (Фанопы). Воспроизведеніе назв. неподражаемо: всѣ малѣйшіе оттѣнки переданы съ величайшею точностью.

Терракоты представляютъ больше прелести по граціи мотивовъ чѣмъ по содержанію. Вотъ ихъ перечень: табл. LXXXI: побѣдительница въ игрѣ мячемъ, изъ Коринѳа; табл. LXXXII: Эротъ подъ угрозой: женщина, сидя въ креслѣ, грозитъ прялкой сидящему у нея на колѣняхъ Эроту, который боязливо отклоняется отъ удара, прижимаясь къ другой ея рукѣ; табл. LXXXIII: дѣвушка, сидящая передъ изображеніемъ Афродиты, завернувшись въ плащъ съ руками, серьезно смотритъ напередъ собою, наклонивъ немного голову впередъ; т. LXXXV: отдыхающая дѣвушка, съ листообразнымъ опахаломъ въ правой рукѣ; т. LXXXVI: дѣвушка съ письмомъ: совершенно юное созданіе съ головкой, полной выраженія; т. XC: усталая вакханка; на креслѣ, высѣченномъ изъ камня, покоится вакханка, откинувъ на спинку лѣвую руку и положивъ правую на лѣвое плечо, какъ бы подпирая ею голову; т. XCIV: дѣвушка, стоящая около изображенія Афродиты, заложивъ свади лѣвую ногу за правую; т. XCV: Афродита, облокотив-

пись правою рукою о колонну, а лѣвою опершись о бокъ и перекинувъ спереди правую ногу черезъ лѣвую, болѣе чѣмъ на половину обнаженная, стоитъ въ кокетливой и небрежной позѣ; т. СХVII: шествіе къ могилѣ; дѣвушка, одѣтая въ іоническій хитонъ и плащъ, несетъ въ лѣвой рукѣ черный *λίχθος*; дѣйствительно ли это шествіе къ могилѣ, какъ предполагаетъ Фуртвенглеръ,—это еще вопросъ, ибо *λίχθος* (сосудъ для елея) есть также принадлежность туалета дѣвушки, а настроеніе ея не только не сосредоточенное, а прямо веселое; т. СХХIX: Силенъ изъ Герміоны, но по техникѣ подходитъ къ Танагрскому, прекрасное изображеніе стараго пьяницы, на лицѣ котораго великолѣпно соединены опытность почтенной старости съ чувственностью молодости; т. СХХХV: Эротъ и Психея изъ Малой Азіи, вся группа позолочена безъ всякой другой окраски. Въ пояснительномъ текстѣ данъ прекрасный очеркъ исторіи этой группы. Соединеніе Эрота съ Психеей на произведеніяхъ искусства можетъ быть указано уже въ IV в. и произошло, вѣроятно, подъ вліяніемъ Платона. Сперва ихъ изображали стоящими рядомъ, при чемъ Психея не обнимаетъ Эрота; далѣе стали представлять Психею, обнимающей Эрота, но вѣсть съ тѣмъ отворачивающей отъ него лицо, какъ будто она ему сопротивляется, и наконецъ, еще позже появились извѣстныя группы соединенныхъ въ поцѣлуѣ Эрота и Психеи. Группа г. Сабурова принадлежать ко второму типу этихъ изображеній. Передача терракотъ вездѣ почти очень удачная, и рисунки свободны отъ излишнихъ прикрасъ сравнительно съ оригиналомъ. Они скопированы посредствомъ самаго *lucida*, отлитографированы и затѣмъ на столько иллюминированы, на сколько краска сохранилась на древнихъ памятникахъ. Если они и не всегда передаютъ всю прелесть оригинала, что и недостижимо, то смѣло можно сказать, что передаютъ все то, что можетъ быть передано.

Не отличающъ излишнею роскошью, изданіе это, очень однако изящное по вѣщности, отличается огромными внутренними достоинствами какъ по самому матеріалу, такъ и по обработкѣ его, и займетъ мѣсто въ ряду выдающихся явленій по археологической литературѣ.

L'ASCLEPEION D'ATHENES, d'après de récentes découvertes, par *Paul Girard*. Paris. 1892.

Раскопки, которыя предприняло Аѳинское археологическое общество въ 1876 и 1877 гг. на южномъ склонѣ Акрополя, имѣли своимъ

результатомъ открытіе значительнаго числа надписей, относящихся къ Асклепію, и барельефовъ, посвященныхъ этому богу. Жираръ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ, писавшихъ объ этихъ памятникахъ, рѣшился теперь издать возможно полную монографію о храмѣ Асклепія въ Аоннахъ. Книга его раздѣляется на двѣ части: въ первой, озаглавленной „Общественный культъ“, онъ разсматриваетъ все, что касается храма, служителей культа, общественныхъ церемоній и управленія-святилищемъ, а во второй, озаглавленной „Частный культъ“, онъ говоритъ объ обрядахъ, выполнявшихся частными лицами, о различныхъ категоріяхъ просителей, объ обѣтахъ и приношеніяхъ по обѣту. Въ каждомъ изъ этихъ вопросовъ авторъ слѣдуетъ определенной системѣ, извлекая все, что можно, изъ документовъ, которые онъ объясняетъ, и излагая результаты своихъ изысканій съ большою ясностью. Если результаты эти не особенно многочисленны и не особенно рѣшительны, то это не вина автора, такъ какъ въ подробности и основательности изслѣдованія ему нельзя отказать. Съ особеннымъ удовольствіемъ и пользою читается та часть книги его, гдѣ онъ говоритъ о принесенныхъ по обѣту барельефахъ. Въ концѣ тома помѣщенъ планъ южнаго склона Акрополя, снятый въ 1877 году Ламберомъ, пансіонеромъ французской академіи въ Римѣ, и три рельеф-гравюры, изображающія такіе барельефы, изъ коихъ одна была уже опубликована въ *Bulletin de correspondance hellénique* (т. II, 1878, табл. VII).

ARTH. MÜLLERBERG. DIE BEFREIUNG DES PROMETHEUS, ein Fund aus Pergamon. 42. Programm zum Winckelmannsfeste der archaologischen Gesellschaft zu Berlin. Mit 1 Taf. и 3 Zinckdrucken. Berlin. 1882.

Первый отдѣлъ настоящаго труда содержитъ въ себѣ, кромѣ свѣдѣній о находкѣ, точное описаніе трехъ скульптуръ, прекрасно выполненныхъ посредствомъ свѣтописи. Во второмъ отдѣлѣ говорится еще о четырехъ античныхъ копіяхъ на ту же тему. Такъ какъ изъ нихъ три суть картины, пластическая модель которыхъ, какъ хочетъ доказать авторъ, не имѣетъ никакихъ аналогій, то онъ признаетъ одинъ общій проработанъ этого изображенія, породившій цѣлый рядъ копій, въ знаменитой, упоминаемой у Сенеки (*Controv.* X, 34), картинѣ Парразія. Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія относительно положенія группы. Принадлежало ли найденное видѣствъ съ фигурами Прометея туловище Леды къ группѣ, которая служила какъ pendant къ

Прометеевой группѣ, остается пока вопросомъ не разрѣш Четвертый отдѣлъ монографіи занимается опредѣленіемъ этого произведенія. Авторъ приводитъ его въ связь съ групп морныхъ произведеній, дошедшихъ до насъ изъ временъ Ев. Характеристичныя различія между ними и атталійскою группъ объясняетъ частью тѣмъ предпочтеніемъ, которое въ древнія оказывали бронзѣ, а въ позднѣйшій періодъ пергамскаго искусства мрамору, частью же существованіемъ, по его предположенію различныхъ школъ.

Th. Schreiber. Die Athena Parthenos des Phidias und ihre Nachbildung. Beitrag zur Kunstgeschichte. Leipzig. 1883.

Извѣстно, что въ 1881 году открыта была въ Афинахъ Аѳинны изъ золота и слоновой кости, высотой въ метръ. Х и не подлинное произведеніе Фидіа, а только копія съ него, р временъ, но вслѣдствіе сходства статуи съ описаніемъ П вслѣдствіе того вида, въ которомъ она сохранилась, вслѣдст кости отдѣлки можно было надѣяться реставрировать по ченное произведеніе Фидіа. Почти всѣ археологическіе жур Европѣ занялись этимъ открытіемъ, и какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, возбудила гораздо больше вопросовъ разрѣшили ихъ. Шрейберъ въ указанномъ изслѣдованіи свъращается къ вопросу о реставраціи знаменитой статуи Фи чего онъ пользуется вновь найденною копіей и нѣкоторыми снимками, до сихъ поръ еще мало извѣстными. Его трудъ п ляетъ собою реакцію тому преувеличенному, по его убѣжден нію, которое составилось за послѣдніе два года о вышеупомяну туѣ; Шрейберъ полагаетъ, что другія копіи съ утраченнаго оу Фидіа лучше воспроизводятъ его, чѣмъ вновь найденное изоб Шрейберъ насчитываетъ до десяти намятниковъ, кото ставляютъ болѣе или менѣе свободныя подражанія Фидіево Пареносъ. Изъ нихъ важнѣйшіе суть слѣдующіе: 1) Вк ркрытая статуэтка, нынѣ находящаяся въ центральномъ 1 Аѳинахъ ¹⁾). Барельефовъ, которые описываетъ Павзаній на

¹⁾ Эта статуя, какъ и прочія сходныя, воспроизведена въ концѣ посредствомъ фототипіи, но не съ оригинала, а съ гипсового снимка передаетъ черты оригинала далеко не совершенно. Прекрасное изображъ помещено въ *Mittheilungen des deutsch. Inst.* 1881.

основаніи, здѣсь нѣтъ; равнымъ образомъ нѣтъ конья, а на каскѣ изображенъ Сфинксъ между двумя крылатыми лошадьми вмѣсто сфинкса и гриффовъ, о которыхъ говоритъ Павзаній. Въ правой рукѣ Аонна держитъ статую Побѣды и опирается на колонну, которой не упоминаетъ ни одинъ древній писатель. Копію эту Шрейберъ относитъ ко времени Гадріана, а не къ началу I вѣка по Р. Х. какъ думалъ Ланге. 2) Колоссальная статуя Антіоха въ виллѣ Людовизи. Шрейберъ придаетъ особенное значеніе этой статуѣ, которую онъ имѣлъ случай изучить поблизу, редигируя каталогъ памятниковъ, находящихся въ виллѣ. Руки были возобновлены противно смыслу, но голова хорошо сохранилась и искусно сдѣлана, одежда весьма сходна съ одеждою вновь найденной статуи Аонны; вообще же статуя обнаруживаетъ далеко не дюжинную тщательность въ отдѣлкѣ. Кромѣ десяти главныхъ сохранившихся копій, Шрейберъ упоминаетъ еще цѣлый рядъ свободныхъ подражаній, которыя, по его мнѣнію, не могутъ содѣйствовать возстановленію оригинала.

Послѣ описанія копій и подражаній авторъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи копій между собою. Онъ ставитъ при этомъ два принципа, изъ коихъ второй очевиденъ, но первый подлежитъ большому сомнѣнію. Впервыхъ, онъ говоритъ, что чѣмъ ближе подходитъ копія къ оригиналу по размѣрамъ, тѣмъ лучше должны онѣ передавать всѣ частности, и на оборотъ — чѣмъ онѣ меньше, тѣмъ менѣе онѣ полны; и вторыхъ — чѣмъ лучше сохраненъ въ копіяхъ характеръ и стиль оригинала, тѣмъ ближе подходятъ онѣ къ оригиналу и тѣмъ большей вѣрн заслуживаютъ въ отдѣльныхъ частностяхъ. Авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ можно было копировать Аонну Фидія, и полагаетъ, что коніисты дѣлали модель съ оригинала и работали уже по этой модели. Но гораздо болѣе вѣроятно предположеніе, что копія дѣлались по рисункамъ, ибо едва ли Паренонъ могъ служить мастерскою для художниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться съ Кёлеромъ ¹⁾, что художники, работавшіе въ Аоннахъ, могли дать болѣе вѣрную копію, чѣмъ всѣ остальные, такъ какъ для нихъ было всегда возможно сравненіе съ оригиналомъ во время самой работы. Однако Шрейберъ, стараясь доказать, что Аонна Людовизи есть лучшая копія, высказывается противъ такого мнѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если копія дѣлались по рисункамъ, то

¹⁾ *Mittheilungen des d. Inst.* T. IV, стр. 363.

нѣтъ причинъ, почему бы большія копія были точнѣе, чѣмъ маленкія. Основываясь на частномъ изслѣдованіи каждой изъ копій, Шрейберъ составилъ цѣлую схему для нихъ или, такъ-сказать, генеалогическую таблицу воспроизведеній Фидіева оригинала, при чемъ вновь открытая аѳинская статуэтка низвергается съ того пьедестала, на который ее подняли, между прочими, Ланге и Ньютонъ, ибо оказывается только копіей съ копій, тогда какъ статуя Людовизи признается за непосредственную копію съ оригинала. Такому, вѣсколку крайнему мнѣнію Шрейбера содѣйствовало, вѣроятно, то обстоятельство, что Аѳинну Людовизи онъ хорошо зналъ и изучалъ на мѣстѣ, тогда какъ вновь открытая извѣстна ему только по фотографическимъ и одному гипсовому снимкамъ, которые, конечно, не могутъ передать всѣхъ подробностей оригинала.

Присутствіе крылатыхъ коней на каскѣ вновь открытой Аѳинны вмѣсто гриффовъ, о которыхъ говоритъ Павзаній, можетъ быть объяснено просто ошибкой періэгета. Но не такъ легко и просто разрѣшается вопросъ о колоннѣ, поддерживающей правую руку Аѳинны, слѣдовъ которой нѣтъ ни въ описаніяхъ, ни въ копіяхъ. Въ 1857 году Вѣттихеръ высказалъ мнѣніе на основаніи одного аттического барельефа въ Берлинѣ, гдѣ многіе находили аналогичную этой колоннѣ поддержку, что всѣ статуи Побѣды въ правой рукѣ Аѳинны дѣлаютъ гипотезу о поддержкѣ необходимою. Противъ этого предположенія возстали Овербекъ и Михаэлсъ, а Велькеръ объяснилъ колонну на берлинскомъ рельефѣ какъ сокращенное указаніе на святилище, гдѣ происходить сцена. Но послѣ открытія статуи Аѳинскаго центрального музея всѣ критики, и особенно К. Ланге, сдались на мнѣніе Вѣттихера, и было собрано много примѣровъ монетъ, гдѣ при воспроизведеніи статуй фигурируютъ подобныя же поддержки. Впрочемъ, Шрейберъ продолжаетъ упорствовать и доказываетъ, что искусство Фидія не нуждалось въ такихъ грубыхъ вспомогательныхъ средствахъ, тѣмъ болѣе что и всѣ Побѣды никакой поддержки не требуютъ. Разсужденія Шрейбера по этому поводу значительно поколебали взглядъ, что существованіе подпорки есть вещь несомнѣнная. Но возможно еще такое предположеніе, что во времена не очень отдаленныя отъ Фидія принуждены были прибавить эту поддержку, чтобъ обезпечить сохранность правой части статуи. Шрейберъ дѣйствительно принимаетъ эту гипотезу и приводитъ эпиграфическіе документы, изъ которыхъ видно, что съ 427 г. до Р. X. отдѣльныя части статуи пачали распадаться и упоминаются уже отдѣльно въ инвентаряхъ Пареемона.

Въ послѣдней главѣ своего сочиненія Шрейберъ старается опредѣлить характеристичныя особенности стиля этой статуи Аѳины. Не зная точно ни одной статуи изъ золота и слоновой кости, мы должны быть особенно осторожны, говоря о произведеніяхъ этого рода. Можно только сказать, что статуи изъ золота и слоновой кости, предназначенныя для изображенія божествъ, въ теченіе долгаго времени отличались нѣскольکو архаическимъ оттѣнкомъ, и что Аѳина Пароенона отличалась по стилю отъ фронтоновыхъ и фризовыхъ изображеній Пароенона. И дѣйствительно, вновь найденная копія хотя и принадлежитъ къ римскимъ временамъ, однако производитъ на первый взглядъ впечатлѣніе очень древняго произведенія, что говорятъ въ значительной мѣрѣ въ ея пользу. Такимъ образомъ хризозлефантная скульптура также, какъ и религиозная живопись въ современномъ искусствѣ, отстаетъ отъ своего времени, и Фидій въ такихъ своихъ произведеніяхъ принадлежитъ болѣе архаическому періоду искусства, высшимъ выраженіемъ котораго былъ его Зевсъ Олимпійскій; мраморными же и бронзовыми скульптурными произведеніями онъ начинаетъ новое искусство, которому и далъ совершеннѣйшіе образцы. Такое приблизительно мнѣніе можно себѣ составить о величайшемъ изъ греческихъ художниковъ, за отсутствіемъ произведеній, несомнѣнно ему принадлежащихъ, и даже точныхъ описаній его главныхъ твореній. И въ этомъ отношеніи Шрейберъ, по видимому, ошибается, отрицая архаическій элементъ въ произведеніяхъ Фидія и утверждая, что стиль Аѳины Пароеносъ не отличается отъ стиля фронтоновъ храма.

НАША УЧЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Сборникъ арифметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта съ краткимъ повторительнымъ курсомъ арифметики дѣльных чиселъ для начальнаго преподаванія въ народныхъ училищахъ. Составилъ *Т. Лубенецъ*. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Стр. 320 въ 8-ку. С.-Пб. 1883. Цѣна 40 к. ²⁾).

Разсматриваемый сборникъ задачъ составленъ для начальнаго преподаванія арифметики въ народныхъ училищахъ.

Задачи — числомъ до 1727, и численныя упражненія — болѣе 4000, предлагаемыя въ этомъ сборникѣ, раздѣлены на три части, сообразно дѣленію учащихся въ школахъ на три группы:

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ При объявленіи отъ издателя или отъ автора о второмъ изданіи этой книги, въ газетѣ *Голосъ*, отъ 9-го декабря 1882 г. за № 235, было напечатано, со ссылкой на *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1882 г., № 6, что «Сборникъ задачъ г. Т. Лубенецъ одобренъ ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Пр. какъ руководство для начальныхъ школъ». То же самое было напечатано и при выходѣ въ свѣтъ третью изданія этой книги, какъ въ газетѣ *Новое Время* 9-го января 1884 г., № 2825, такъ и на обложкахъ изданій книжнаго магазина г. Павленкова, 1883 и 1884 гг. Все эти объявленія невѣримы. Определеніемъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. управляющимъ министерствомъ, первое изданіе «Сборника арифметическихъ задачъ для преподаванія арифметики въ народныхъ училищахъ, сост. *Т. Лубенецъ*. Кіевъ 1880»; постановлено: «допустить въ библиотеки народныхъ школъ и сельскихъ училищъ» (*Ж. М. Н. Пр.* мартъ 1881 г. Отдѣлъ правительственныхъ распоряженій, VI, стр. 15—16).

Въ каталогѣ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія (1882 г. стр. 15), на который указываютъ издатели въ частъ 5841хх, отд. 3.

1) Въ младшемъ отдѣленіи (первый годъ обученія) авторъ знакомитъ учащихся съ величиною каждаго изъ первыхъ десяти чиселъ, сперва наглядно, помощію квадратиковъ, кружковъ, черточекъ; далѣе идетъ счетъ и изображеніе тѣхъ же чиселъ помощію цифръ (арабскихъ). Перехода постепенно къ числамъ слѣдующихъ (большихъ) разрядовъ, авторъ, по истеченіи полугода, предполагаетъ довести учащихся до счета надъ первою сотнею, а къ концу года—до 1000.

2) Въ среднемъ отдѣленіи (второй годъ обученія), начиная съ извстныхъ задачъ первой сотни, авторъ ведетъ упражненія, какъ надъ цѣлыми числами, такъ и надъ обыкновенными дробями, постепенно переходя отъ примѣровъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ. Далѣе идетъ нумерація до милліона, четыре дѣйствія надъ простыми числами, какъ отвлеченными, такъ и именованными, раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ.

Наконецъ, 3) въ старшемъ отдѣленіи (третій годъ обученія),—извстныя задачи до 1000; упражненія и дѣйствія надъ дробями (простѣйшаго вида); подробное изложеніе таблицъ русскихъ мѣръ; четыре дѣйствія надъ составными именованными числами; десятичная система мѣръ, при чемъ предполагается ознакомитъ учащихся съ десятичными вѣсами. Учебный годъ озаачивается повторительнымъ курсомъ всего пройденнаго съ присовокупленіемъ задачъ для счетоводства.

Въ большинствѣ случаевъ учащіяся имѣютъ въ задачахъ дѣло съ ежедневными разчетами крестьянъ, при чемъ сообщаются необходимые знанія для жизни каждаго земледѣльца, и такимъ образомъ дѣти приучаются переносить ариметическія вычисленія въ собственную практическую жизнь.

Какъ общій планъ ученія, такъ и система преподаванія, выработаны авторомъ на практикѣ многолѣтнимъ трудомъ въ сельской

своихъ объявленіяхъ, помѣщены двѣ книги, составленныя г. Т. Лубенцовъ: а) Ариметическій задачникъ, преимущественно заключающій въ себѣ данныя изъ сельскаго хозяйства. Цѣлыя числа. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. *Кіевъ*. 1879. Ц. 15 к. б) Сборникъ ариметическихъ задачъ, для преподаванія арифметики въ народныхъ училищахъ. *Кіевъ* 1880. Ц. 25 к. Книги эти были внесены въ отдѣлъ „учебниковъ“, то-есть, учебныхъ книгъ, но не „руководствъ“—какъ значится въ объявленіяхъ издателя. Задачникъ не того же автора, отпечатанный въ *С.-Петербурѣ*, ни въ одинъ изъ каталоговъ, до 1883 г. изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, не вошла.

школъ и могутъ быть признаны вполне цѣлесообразными. Но, къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно выполненія.

Второе, рассматриваемое нами изданіе этой книги издано съ от-мѣткою, что оно — „значительно дополнено“. Дополненія эти однако не улучшили книги, а скорѣе повредили ей. Цѣлыя страницы этого учебника оказались наполненными весьма однообразными упражне-ніями (какъ напримѣръ, стр. 53, 63, 94, 95, 101, 111 и т. д.); около двухъ страницъ (141, 142) занято примѣрами для упражненія въ нумераціи, то-есть, столбцами отвлеченныхъ чиселъ. Есть и такія упражненія, которыя даже и понять не возможно; напримѣръ, на стр. 33 читаемъ:

$$\begin{aligned} 2 \times 2 &= 1 \times 3 = 3 \times ? = 6, \\ 2 \times 3 &= 3 \times 2 = 3 \times ? = 9, \\ 1 \times 5 &= 5 \times 2 = 2 \times ? = 6, \\ 3 \times 3 &= 2 \times 5 = 2 \times ? = 10, \\ 4 \times 2 &= 1 \times 1 = 2 \times ? = 8, \\ 4 \times 1 &= 0 \times 5 = 2 \times ? = 8, \\ 1 \times 4 &= 2 \times 1 = 0 \times ? = 0, \\ 5 \times 2 &= 0 \times 1 = 1 \times ? = 8, \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

Встрѣчаются, напримѣръ, и такія равенства:

$$\begin{aligned} 2 \times 3 + 4 &= 10 - 5 \times 2 = && \text{(на той же стран.)} \\ 2 \times 4 + 2 &= 8 - 4 \times 2 \text{ } ^1) \text{ и тому подоб.} \end{aligned}$$

Рассматриваемое второе изданіе книги г. Лубенца явилось въ свѣтъ съ безчисленнымъ множествомъ пропусковъ, недосмотровъ и ошибокъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

1) Начнемъ, напримѣръ, съ русскихъ мѣръ (стр. 281, 282).

При исчисленіи золотыхъ монетъ не мѣшало бы упомянуть о русскомъ червонцѣ (въ 3 руб. золот.); чеканка этой монеты еще не прекращена, и монета находится въ обращеніи. Не слѣдовало также полагать, что „грощъ“ и „денежка“—одно и то же (стр. 90 и 282). Не должно было прибавлять, что „кредитные билеты, или бумажки, имѣютъ равную цѣнность съ золотомъ и серебромъ“. Это было бы желательно, но въ дѣйствительности этого нѣтъ.

Въ мѣрахъ длины (стр. 279), говоря, что „миля равна 7 верстамъ“, слѣдовало упомянуть, о какой милѣ тутъ идетъ рѣчь: о милѣ морской, италіанской или географической?

¹⁾ Листка опечатокъ къ задачки г. Лубенца не приложено.

На стр. 281, въ мѣрахъ кубическихъ, читаемъ: „однѣй куб. футъ равняется по объему 1 четверику“. Слѣдовало бы прибавить: „приблизительно“, такъ какъ въ дѣйствительности это не вѣрно, ибо 1 куб. фут.=1728 куб. д., а 1 четверикъ=1601,, куб. д.

2) Недосмотровъ въ числахъ не мало:

На стр. 266, въ первомъ политипажѣ, не показано, что основаніе треугольника (III) равно 84 саж.

Тамъ же, ниже, въ рѣшеніи задачи 1695-й, напечатано, что „50: 2 = 25 × 9 = 225 кв. арш.“. Такъ писать нельзя.

Есть и задачи невѣрно рѣшенныя, напримѣръ, на стр. 187, предложена задача 1034:

„Если написать по порядку всѣ числа отъ 100 до 1000, то сколько во всѣхъ этихъ числахъ будетъ нулей“. На стр. 295 напечатанъ отвѣтъ автора; по его мнѣнію, всѣхъ нулей будетъ „88“, что невѣрно.

На стр. 191, въ задачѣ 1086, предлагается измѣрить высоту московской колокольни Ивана Великаго по длинѣ ея тѣни. Въ отвѣтахъ, на стр. 295, получается: „18 саж. 2 фут.“, — что также невѣрно по рѣшенію, и несогласно съ дѣйствительностію, такъ какъ высота колокольни Ивана Великаго, считая до вершины креста, составляетъ 46 саж. 2 арш. 4 вершка. Многія числа поставлены авторомъ на угадъ, напримѣръ, въ зад. 1085-й, при вычисленіи высоты Исаакіевского собора (въ Петербургѣ), получается „118 фут.“, или 16 саж. 6 фут., тогда какъ дѣйствительная высота собора до вершины креста, какъ извѣстно, болѣе 34 саж.; верхнія гранитныя колонны у купола стоятъ на высотѣ 22 сажень.

На страницахъ 69 и 89, между циферблатомъ обыкновенныхъ часовъ, съ одной стороны, и песочными часами—съ другой, помѣщена фигура, не имѣющая никакого значенія: это маятникъ, къ стержню котораго прикрѣплено храповое колесо, а надъ нимъ часовой якорь. Чертежъ этотъ ничего не изображаетъ, такъ какъ подобнымъ образомъ устроенная машина не можетъ имѣть движенія и времени показывать не можетъ. Присовокупимъ къ тому же, что въ задачахъ встрѣчается не мало областныхъ или мѣстныхъ словъ и выраженій, которыя слѣдовало бы объяснить; напримѣръ, въ зад. 302-й (стр. 73) читаемъ, что „по длинѣ крыши пошло по 30 латъ“. Въ зад. 660-й (стр. 133) „крестьянинъ хочетъ сдѣлать двѣ кроквы“ и т. д.

Нельзя также не замѣтить, что правописаніе, принятое авторомъ, не вполнѣ установилось: на стр. 50 онъ пишетъ: „копѣйки“, на стр. 274 (въ статьѣ „о монетахъ“) — „копейки“, на стр. 281—опять

„вопѣйки“. На стр. 90 читаемъ: „пятиалтынный“, а на стр. 282— „пятиалтынный“.

3) Упражнения въ выкладкахъ на счетахъ и ознакомленіе учащихся съ порядкомъ составленія разнаго рода приходо-расходныхъ книгъ (стр. 245—259) нельзя не признать весьма полезными. Памъ не понравился только счетъ годовыхъ расходовъ крестьянина „Ивана Барсукова“, заимствованный изъ книги „Нашъ другъ“ барона Н. А. Корфа. Изъ расходной книжки этой (стр. 251) оказывается, что крестьянинъ Барсуковъ въ теченіе 11 мѣсяцевъ истратилъ на покупку книги только 53 коп., но за-то въ теченіе того же времени купилъ подки три ведра (въ мартѣ, іюлѣ и ноябрѣ) по 5 руб. за ведро, что составитъ 15 руб. Заимствование неудачное. Можетъ быть, эта „Денежная расходная книжка крестьянина“ и согласна съ дѣйствительностію, но все же лучше было бы дѣтнимъ не упражняться надъ подобнаго рода счетами. Учителю арифметики некогда будетъ объяснять учащимся, какое великое зло для крестьянъ происходитъ отъ такого взгляда на сельское хозяйство.

На послѣднихъ страницахъ книги (отъ 285 до 295) мы нашли весьма хорошо подобранные „Материалы для самостоятельнаго составленія арифметическихъ задачъ“.

Въ матеріалахъ этихъ предлагаются числовыя данныя, относящіяся къ земледѣлію, огородничеству, садоводству и лѣсоводству, сообщаются дѣны сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, говорится объ удобреніи, о кормовыхъ нормахъ для скота, о сельско-хозяйственныхъ производствахъ, о работахъ изъ лѣсныхъ матеріаловъ и тому подобн.

4) До тѣхъ поръ, пока авторъ беретъ данныя изъ сельской жизни и деревенскихъ потребностей, дѣло, въ большинствѣ случаевъ, идетъ хорошо; но какъ только онъ выходитъ изъ этой знакомой ему сферы, начинаются весьма крупныя ошибки и даже явныя несообразности.

Выпишемъ, для примѣра, предлагаемую авторомъ „Таблицу скоростей въ одну секунду“ (стр. 279—280). Начало, приблизительно, вѣрно:

Скорость свѣта	288010 вер.
„ электричества	327600 „
„ звука	1107 фут.

Перейдя же на слѣдующую, 280 страницу, получаемъ силоюпной рядъ несообразностей. Переписываемъ дословно продолженіе этой таблицы:

Средняя скорость судоходныхъ рѣкъ:

при умѣренномъ теченіи	2—4 версты
при быстромъ теченіи	4—10 „
быстрѣйшихъ рѣкъ рѣдко болѣе	18 „
Вѣтра умѣренной силы	11 „
Бури	53 „
Сильнѣйшихъ орановъ, не свыше	128 „
Камня, сильно брошеннаго рукою	53 „
Мухи при обыкновенномъ полетѣ	5,2 „
Сокола	76 „
Орла	101 „
Лошади, при обыкновенномъ ходѣ	13 „
Сѣверныхъ оленей, запряженныхъ въ санки	27 „
Ловкаго ковыкобѣзда	38 „
Борзой собаки	88 „
Англійскихъ скаковыхъ лошадей	44 „
Хорошаго пѣшехода	5,2 „

Чтобы показать всю несообразность этихъ данныхъ, обратимъ вниманіе на то, что всѣ означенныя скорости показаны авторомъ на одну секунду, и притомъ въ верстахъ.

б) Заклучимъ статью нашу указаніемъ на нѣкоторые крупныя недосмотры относительно науки:

На стр. 55, въ зад. 266-й, авторъ называетъ „правильнымъ“ четырехугольникомъ „у котораго длина 15 саж., а ширина 10 саж.“.

Подобнаго же рода ошибка и въ зад. 227-й.

На страницѣ 272 читаемъ, что „площадь вальмы (пирамиды) равняется площади основанія, умноженной на третью часть высоты, то-есть, $14 \times 5 \times 2 = 140$ кубическ. арш.“. Оказывается, что площадь выражена кубическими мѣрами и т. п.

На основаніи всего изложеннаго нельзя не признать, что второе изданіе „Сборника ариметическихъ задачъ“, составленнаго г. Лубенцомъ, крайне неудовлетворительно.

ALPHABET FRANÇAIS À L'USAGE DE LA JEUNESSE RUSSE par F. Buisson (Французская азбука для русскаго юношества, составилъ Ф. Бюиссонъ). Москва. Стр. 115 въ 8-ку. 1883. Цѣна 50 к.

VADE MECUM. EXERCICES SUR LA LANGUE FRANÇAISE, par F. Buisson, traduits en russe par m-me Titorenko (Упражненія во французскомъ языкѣ, составилъ Ф. Бюиссонъ, переведено на русскій языкъ г-жей Титоренко). Стр. 275 въ 12-ю д. л. Москва. 1883. Цѣна 1 р.

Французская азбука г. Бюиссона составлена имъ съ единственною цѣлью, какъ говорится въ предисловіи, научить по возможности

скоро и правильно произносить и читать по французски. Быстрота этого обученія опредѣляется заявленіемъ автора, что онъ выучилъ читать по французски восьмилѣтняго мальчика въ теченіе двухъ недѣль. Невѣроятнымъ кажется то, что начинающій восьмилѣтній мальчикъ могъ въ теченіе пятнадцати дней прочесть 115 страницъ незнакомыхъ слоговъ, отдѣльныхъ словъ, какъ примѣровъ на всѣ особенности произношенія, фразъ, въ которыя входятъ извѣстные звуки и слова, и выучить полное спряженіе глаголовъ avoir и être, которые авторъ считаетъ ключемъ ко французскому языку. Имѣя въ виду только чтеніе, авторъ заявляетъ, что „для большаго успѣха, для большей легкости и чистоты произношенія мягкихъ звуковъ языка, котораго благозвучіе такъ всѣмъ нравится, онъ выбросилъ, въ упражненіяхъ на составленія гласныхъ, всѣ русскія слова, чтобъ ученику можно было исключительно заниматься звуками французскаго языка, и чтобы не отягощать его память множествомъ несвязныхъ словъ, ничего незначащихъ фразъ, болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, и которыя выучиваются сегодня для того, чтобы забываться завтра“. Разсмотрѣніе азбуки г. Бюиссона показываетъ, что на протяженіи 57 страницъ, покуда даются для чтенія отдѣльные слоги и слова, авторъ помѣстилъ значеніе словъ по русски en regard, и даже постарался изобразить русскими буквами произношеніе слоговъ и словъ, со страницы же 59 до конца книги упражненія въ чтеніи дѣйствительно представляютъ только французскій текстъ. Такимъ образомъ вся работа по азбукѣ г. Бюиссона ограничивается чисто механическимъ чтеніемъ чуждыхъ для учащагося звуковъ, словъ и фразъ, не имѣющихъ для него никакого смысла. Понятно само собою, что подобное занятіе должно наводить страшную скуку на ребенка и поселить въ немъ отвращеніе къ изученію французскаго языка. Къ чему въ самомъ дѣлѣ могутъ послужить всѣ тонкости произношенія множества словъ, по значенію своему и употребленію стоящихъ далеко внѣ круга умственнаго развитія начинающаго ученика, который не понимаетъ еще ни одной простѣйшей фразы на французскомъ языкѣ? Если бы даже всѣ учащіеся были одарены столь феноменальными способностями, какъ тотъ восьмилѣтній мальчикъ, который, подъ руководствомъ г. Бюиссона, прошелъ всю его азбуку (115 стран.) въ двѣ недѣли, то и въ такомъ случаѣ было бы совершенно неразумно обременять ихъ такою работой, большая часть которой оказывается совершенно бесполезною и, говоря откровенно, просто отупляющею на первыхъ порахъ обученія иностранному языку. По однимъ этимъ со-

ображеніямъ азбука г. Бюссона не примѣнима къ школьному преподаванію и не удобна для домашняго обученія въ частныхъ семействахъ. Кромѣ методическихъ недостатковъ и крайней растянутости и мелочности, трудъ г. Бюссона имѣетъ еще и другія несовершенства, которыя не возможно допустить въ учебной книгѣ. При отсутствіи ляска погрѣшностей, можно бы подумать, что книга свободна отъ опечатокъ, а между тѣмъ ихъ замѣчается множество. Такъ, для примѣра, на страницѣ 11 слово *été* (лѣто) переведено словомъ *лѣтѣ* (*a*—съ удареніемъ), слово *âme* (душа) передано словомъ души; на страницѣ 15 предложение *j'apprends* (я учусь) переведено я учась; на страницѣ 17 слова *acquérir* и *acquittable* переданы по русски однимъ глаголомъ *приобрѣтать*, и проч... Авторъ пожелалъ на первыхъ 57 страницахъ изображать французскіе звуки и слова русскими буквами, вѣроатно, для достиженія большей правильности и чистоты произношенія, но къ сожалѣнію, рѣдкая страница не заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ уродливостей выговора. Такъ, напри- мѣръ, на страницѣ 14 слова *quelqu'un*, *lorsqu'il*, *puisque'il* въ изображеніи русскими буквами звучатъ: кѣкъ ѣн, лорскъ ил, пуіскъ ил; на страницѣ 22 слова *équateur*, *quadruple*, *aquagelle*, *équation*, *balzamine*, *transalpin* звучатъ екуатѣр, куадруплѣ, акуарелѣ, екуасіон, балзаминѣ, транвалпен и проч..

Второе сочиненіе г. Бюссона, „*Exercices sur la langue française*“, озаглавлено имъ формулой „*Vade mecum*“, потому что, какъ говоритъ авторъ, — „форматъ его позволяетъ имѣть всегда при себѣ, его цѣна доступна кошельку каждаго. Эта книга приличествуетъ одинаково хорошо какъ школьнику, свѣтскому человѣку, коммерсанту, путешественнику, такъ и чиновнику“. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ: 1) спряженіе глаголовъ *avoir* и *être* въ видѣ разказа, или описаніе главныхъ чудесъ Италіи, которое представлено во всѣхъ временахъ и лицахъ глаголовъ имѣть и быть; 2) нѣсколько замѣтокъ объ употребленіи *passé défini*, *passé indéfini*, *subjonctif* и обоихъ причастій; 3) образцы спряженія правильныхъ глаголовъ, и 4) спряженіе всѣхъ неправильныхъ глаголовъ во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ, съ указаніемъ ихъ различнаго значенія и употребленія. Первая, капитальная часть разсматриваемаго сочиненія г. Бюссона имѣетъ главною задачей изученіе полного спряженія глаголовъ *avoir* и *être*. Этимъ двумъ глаголамъ авторъ придаетъ такое значеніе, что не довольствуется изученіемъ ихъ по таблицъ въ азбукѣ, а изображаетъ цѣлое описаніе чудесъ Италіи, пред-

ставленное въ видѣ разговора пяти молодыхъ людей, во фразахъ которыхъ появляются формы всѣхъ лицъ послѣдовательно во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ сначала глагола avoir, а потомъ глагола être; формы эти во фразахъ напечатаны крупнымъ шрифтомъ, какъ во французскомъ текстѣ, такъ и въ русскомъ его переводѣ en regard. Увлеченный оригинальностью своего изобрѣтенія, авторъ не замѣчаетъ неестественности разказа, фразы котораго строятся, подчиняясь схематическому порядку спряженія, и потому неизбежно должны отличаться натянутостью. Заучивать наизусть такой разговоръ, какъ того требуетъ авторъ, представить для учащагося весьма тягостную работу. Между разными поясненіями, предпосланными „описанію чудесъ Италіи“ есть на страницахъ 14—15 „необходимый совѣтъ“, въ которомъ авторъ опредѣляетъ способъ пользованія его сочиненіемъ. „Чтобы сдѣлать“, говоритъ онъ, — „быстрые успѣхи въ нашемъ французскомъ языкѣ, который изучается при разговорѣ громко, преподаватель можетъ соединить посреднѣ класса 5 молодыхъ людей, которые будутъ предлагать взаимно вопросы и отвѣты, а ученики должны быть спрашиваемы относительно правильности произношенія этихъ пяти воспитанниковъ. Вечеромъ не будетъ ли это времяпровожденіе пріятно и полезно для пяти молодыхъ людей, которые могли бы устроить маленькій театръ у себя въ залѣ и декламировали бы свои роли? Съ какою быстротою научились бы они говорить на языкѣ, столь распространенномъ по всему свѣту!...“

Не смотря на всю быстроту и пріятность такого изученія французскаго языка по сочиненію г. Вюиссона, нельзя рекомендовать ни подобнаго метода и приѣмовъ, ни безсознательнаго затверживанія текста безъ пониманія его грамматическаго строенія, а такого пониманія не могутъ дать оба сочиненія г. Вюиссона въ совокупности. Трудъ г. Вюиссона могъ бы служить въ качествѣ самоучителя, если бы кто-нибудь, по собственной волѣ, пожелалъ затверживать его „описаніе чудесъ Италіи“, но употреблять эту книгу въ качествѣ учебника въ школѣ совершенно не возможно.

AUX MÈRES ET AUX INSTITUTRICES RUSSES. MÉTHODE POUR ENSEIGNER LE FRANÇAIS AUX PETITS ENFANTS. Par M-me Grossenbacher. Стр. 32 въ 4-ку, съ полнотипажамъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 1 р. 50 к.

AUX ENFANTS RUSSES. RECUEIL DE ROMANS ENFANTINS. Par M-me Grossenbacher. Стр. 80 въ 12-ю д. л. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 50 к.

Не смотря на значительное число существующихъ и постоянно вновь появляющихся пособій для изученія французскаго языка, до

сихъ поръ не было ни одного такого, которое было бы приспособлено для обученія дѣтей этому языку въ то время, когда еще рано ихъ обучать чтенію. Недавно вышедшее сочиненіе г. Н. Фену для первоначальнаго преподаванія по картинкамъ предполагаетъ учащихся уже въ томъ возрастѣ, когда они вмѣстѣ съ практическимъ изученіемъ разговорнаго языка начинаютъ обучаться читать и писать по французски. Г-жа Гроссенбахеръ взяла на себя трудъ составить пособіе для такого возраста, когда лексическій матеріалъ изучаемаго языка собирается, такъ-сказать, по крупинкамъ, слово за словомъ, не по книгѣ, а со словъ обучающаго; она имѣла въ виду дѣтей шести—и пятилѣтняго возраста, и даже моложе. Однимъ словомъ, г-жа Гроссенбахеръ задалась весьма трудною задачею; но такъ какъ она заручилась долготѣншею практикой обученія маленькихъ дѣтей, изучила ихъ патуру и приобрѣла достаточную опытность въ веденіи дѣла, то совѣты и указанія, которыми она сопровождаетъ свое учебное пособіе, послужатъ надежнымъ руководителемъ для тѣхъ матерей и наставницъ, которыя пожелаютъ воспользоваться ея приемами. Исходный пунктъ г-жи Гроссенбахеръ — это сначала изученіе названія отдѣльныхъ предметовъ, при помощи ихъ изображенія, которое въ послѣдствіи переходитъ въ маленькія бесѣды по поводу картинокъ, представляющихъ простѣйшіе эпизоды вседневной жизни. Пособіе подраздѣляется на шесть серій, изъ которыхъ три первыя включаютъ изображенія отдѣльныхъ предметовъ, а три послѣднія — эпизодическія картинки. Послѣ каждой серіи предметныхъ изображеній и картинокъ г-жа Гроссенбахеръ обстоятельно объясняетъ, какъ нужно пользоваться предлагаемымъ матеріаломъ, и сопровождаетъ свои объясненія цѣлымъ рядомъ вопросовъ, которые учащій долженъ предлагать учащемуся по поводу разсматриваемаго предмета или картинки, чтобы вызвать отвѣты дитяти и, шагъ за шагомъ обогащая его память новыми словами и маленькими фразами, постоянно повторяющимися, постепенно создавать въ немъ привычку выражаться по-французски. Съ каждою серіей, съ увеличеніемъ лексического запаса, соотвѣтственно расширяется и фразеологія, такъ что, пройдя эту небольшую книжку, но конечно, при условіи возможно медленнаго прохожденія, дитя усвоитъ достаточное количество словъ и фразъ для своего небольшого круга понятій и потребностей. Во всей своей совокупности пособіе г-жи Гроссенбахеръ производитъ хорошее впечатлѣніе, напечатано на хорошей плотной бумагѣ, рисунки довольно отчетливы, опечатокъ почти нѣтъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи

мы можемъ указать только на № 18 на страницѣ 10, гдѣ вмѣсто un chariot поставлено une chariot. Нельзя однако не замѣтить, что одни и тѣ же рисунки мѣстами повторяются; такъ, для примѣра укажемъ на слѣдующіе: на страницѣ 15 подъ №№ 8, 9, 10 и 11 поставлены un moulin, une chèvre, un loup, un chien; на страницѣ 17 тѣ же самыя изображенія повторяются подъ №№ 31, 35, 38 и 40; если эти повторенія сдѣланы не преднамѣренно, о чемъ въ объясненіяхъ не упоминается, то вѣроятно, при слѣдующемъ изданіи составительница обратитъ вниманіе на это указаніе и замѣнитъ дубликаты новыми изображеніями.

Второе пособіе г-жи Гроссенбахеръ— „Recueil de poésies enfantines“ есть вполне удачный подборъ басенъ и стихотвореній въ совершенно дѣтскомъ духѣ. Эти басни и стихотворенія заимствованы составительницею изъ сочиненій авторовъ, писавшихъ специально для дѣтскаго возраста: это m-me de Pressensé, m-r Arbousse-Bastide, m-me Fergier-Gex, m-r Ratisbonne, m-r Tournier, m-me G. Colomb и m-r Sichel. Сборникъ изданъ во всѣхъ отношеніяхъ вполне удовлетворительно и довольно богатъ выборомъ стихотвореній (слишкомъ сто номеровъ).

Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка, составленное по методѣ Ана Штейнгаузера, преподавателемъ Симбирской гимназіи. Курсъ первый для младшихъ классовъ гимназіи. Девятое исправленное изданіе. Въ 8-ву. Москва. 1882. Цѣна 65 к.

Главный матеріалъ этой книги состоитъ изъ 140 §§, расположенныхъ въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ § 1-мъ помѣщена таблица настоящаго времени глагола sein. Съ § 2-го начинаются уроки, состоящіе попеременно изъ нѣмецкихъ и русскихъ фразъ. Сначала ученикъ переводитъ нѣсколько фразъ съ нѣмецкаго на русскій, потомъ нѣсколько фразъ съ русскаго на нѣмецкій. Такъ идетъ до § 124 включительно. §§ 125—140 содержатъ въ себѣ только фразы на русскомъ языкѣ для перевода на языкъ нѣмецкій. Урокамъ предпосылаются слова, необходимыя для перевода фразъ; кромѣ того, при урокахъ показаны формы въ нихъ примѣняемыя, а мѣстами, уроки снабжены грамматическими примѣчаніями.

При книгѣ два предисловія. Въ одномъ изъ нихъ составитель, ссылаясь на учебные планы министерства народнаго просвѣщенія

говорить слѣдующее: „Теорія должна идти рука объ руку съ практикою; каждое теоретическое правило должно сопровождаться практическими занятіями, каждое практическое занятіе теоретическими выводами. Въ этомъ смыслѣ составлено предлагаемое руководство. Распредѣляя грамматическій матеріалъ не въ порядкѣ систематической грамматики, оно постепенно ведетъ ученика отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ“. Судя по этимъ словамъ, составитель подвергъ свое руководство въ новомъ изданіи значительнымъ измѣненіямъ сравнительно съ прежними изданіями. Въ прежнихъ изданіяхъ теорія и практика не находилась въ связи, распредѣленіе грамматическаго матеріала страдало отсутствіемъ постепенности, да и самъ авторъ говорилъ прежде о совершенно новомъ методѣ, положенномъ имъ въ основаніе своего руководства. Въ другомъ предисловіи, написанномъ по нѣмецки, говорится, что предлагаемое девятое изданіе представляется въ прежнемъ видѣ (*in der alten Gestalt*), безъ существенныхъ перемѣнъ (*ohne wesentliche Veränderung*).

Дѣйствительно, руководство г. Штейнгауэра въ девятомъ изданіи не подверглось никакимъ существеннымъ измѣненіямъ, а перепечатано со всѣми прежними коренными недостатками. Даже недосмотры не устранены въ девятomъ „исправленномъ“ изданіи. Такъ, напримѣръ *ich habe Recht* (въ § 18) по русски: я правъ, между тѣмъ въ вокабулахъ по прежнему значится: *ich habe*—а имѣю, *Recht* право; и въ прибавленномъ къ этому § примѣчаніи объясняется, что *Recht haben* по русски—быть справедливымъ. Это опять не вѣрно. Глаголъ *scheinen*, встрѣчающійся въ § 124 одинъ разъ (*die Sonne scheint*)—переведенъ „казаться“. Въ §§ 131—132 помѣщены фразы: „Откуда вы идете? Откуда вы идете такъ рано? Мы идемъ изъ сада“. Въ данныхъ случаяхъ идти переводится глаголомъ *kommen*, но въ вокабулахъ къ § 131 значится: идти—*gehen*. За границей (§ 140) по нѣмецки *im Auslande*, а не *das Ausland*, какъ, по прежнему, переводить составитель.

Грамматическія примѣчанія перепечатаны со всѣми прежними недостатками и неточностями и не находятся въ связи съ практическими упражненіями, которымъ они, въ новомъ изданіи, должны служить теоретическими выводами. Напримѣръ, въ § 4 приведено правило, что въ „вопросительныхъ предложеніяхъ сказуемое или связка предшествуютъ подлежащему“, между тѣмъ ни въ преды-

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

дущихъ, или въ послѣдующихъ упражненіяхъ до § 18 не встречается ни одного сказуемаго, которое въ такихъ предложеніяхъ жеть быть поставлено въ указанномъ порядкѣ; за то ученикъ, основаніи приведеннаго правила, въ правѣ предположить, что и пригательное-сказуемое, и существительное-сказуемое въ вопросительныхъ предложеніяхъ предшествуютъ подлежащему. Въ § 58 говорится: „Имена существительныя мужскаго и средняго рода, оканчивающія на er, el, en, имѣютъ во множественномъ числѣ то же самое окончаніе, исключая die Vettern, die Neffen“. Слѣдовательно, по мнѣнію автора, существительное Neff оканчивается на er. Въ примѣчаніи къ § 60 объясняется, что послѣ количественныхъ два, три, четыре, пять, въ нѣмецкомъ языкѣ ставится именительный падежъ множественнаго числа; между тѣмъ примѣры въ этомъ § показываютъ опредѣляемыя количественными существительными не только въ именительномъ, но и въ другихъ падежахъ, которые, если и отличаются отъ именительнаго падежа окончаніемъ, все-таки имѣютъ значеніе косвенныхъ падежей. Впрочемъ, во фразѣ Er schon seit zwei Tagen gekommen дательный падежъ существительнаго опредѣляемаго количественнымъ zwei, отличается отъ именительнаго падежа даже окончаніемъ. Кромя приведенныхъ въ примѣчаніи количественныхъ, встрѣчаются въ упражненіяхъ и другія (напримѣръ: шесть, семь, восемь, девять и т. д.); но въ какомъ падежѣ ставятся опредѣляемыя ими существительныя—объ этомъ ничего не сказано въ примѣчаніи.

Время отъ времени вставляются таблицы склоненій и спряженій, плохо связанныя съ практическими упражненіями въ курсѣ. Такъ напримѣръ, послѣ 19-го урока вставлены полныя таблицы спряженій глаголовъ haben, sein и werden, между тѣмъ во всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ урокахъ до § 80 встрѣчается только форма настоящего времени глаголовъ haben и sein, притомъ глаголь haben болѣею частью какъ составная часть прошедшаго совершеннаго времени другихъ глаголовъ, которые заучиваются въ формѣ причастія. Хотя въ предисловіи къ новому изданію и говорится, что предлагаемое руководство ведетъ ученика „отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ“, но въ самой книгѣ матеріалъ распределенъ въ противоположномъ порядкѣ. Начиная съ § вводится сложная форма прошедшаго совершеннаго времени разл. выхъ, по образованію, глаголовъ слабого, сильнаго и неправильнаго

спряженія, а въ § 94 сообщается образецъ простѣйшей формы настоящего времени глаголовъ слабого спряженія. Въ новомъ изданіи къ § 20 прибавлены предварительныя понятія о спряженіи глаголовъ; но при этомъ составитель не принялъ во вниманіе, что ученикъ съ такою массою правилъ заразъ справиться не можетъ.

Существенный недостатокъ книги заключается въ безсодержательности и безцѣлности примѣровъ, помѣщенныхъ въ урокахъ; часто встрѣчаются однообразнѣйшія по содержанію и несладкныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: Наша мать мала. Сестра королевы не хороша. Служанка сосѣдки есть сестра садовника. Карлъ имѣетъ стараго отца. Имѣешь ты что дѣлать. Нельзя больше меня имѣть несчастій и пр.

Примѣры эти, составляющіе главный матеріалъ руководства, по прежнему размѣщены въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ новомъ изданіи прибавлено четвертое отдѣленіе, содержащее въ себѣ связныя статьи для перевода на нѣмецкій языкъ. Статьи эти, заимствованныя изъ руководства Массона, слишкомъ трудны для учениковъ, упражнявшихся въ переводѣ краткихъ фразъ, составленномъ по методѣ Ана.

Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній для всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *М. Шрейсъ* и *Э. Цейдлеръ*. Въ 8-ку. С.-Петербургъ 1883. Цѣна 50 к.

Означенный сборникъ содержитъ въ себѣ до 74 стихотвореній, предназначенныхъ для заучиванія наизусть. Сначала идутъ стишки для младшаго возраста; за ними слѣдуютъ баллады и стихотворенія болѣе серьезнаго содержанія; заканчивается книга пѣснью о колоколѣ Шиллера. Стихотворенія снабжены, внизу страницъ, переводомъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій; до 32-го стихотворенія при русскомъ переводѣ поставлены и подлинныя слова, тогда какъ далѣе приведены одни русскія объясненія. Въ примѣчаніяхъ этихъ составители ограничиваются передачею русскаго слова въ томъ значеніи, какое ему принадлежитъ въ текстѣ; всѣ дальнѣйшія разъясненія они предоставляютъ учителю. Стихотворенія, по справедливому требованію составителей, заучиваются въ классѣ подъ руководствомъ учителя, который излагаетъ ученикамъ содержаніе стихотворенія и разъясняетъ имъ всѣ встрѣчающіяся въ немъ особенности и трудности.

Столь же справедливо замѣчаніе составителей, что заучиваніе стихотвореній приноситъ ученикамъ несомнѣнную пользу. Притомъ рассматриваемый сборникъ отличается довольно хорошимъ выборомъ стихотвореній. Внѣшность книги очень хороша.

О П Е Ч А Т К И.

Въ январской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. въ „Нашей учебной литературѣ“ вкрались слѣдующія погрѣшности:

На стр. 35, въ строкѣ 5-й сверху, напечатано краткихъ' вмѣсто кратныхъ;

На стр. 37, въ строкѣ 12-й сверху, напечатано выставивъ вмѣсто возстановивъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ЗА 1883 ГОДЪ ¹⁾.

Нынѣшній годъ былъ отмѣченъ тяжелою для Академіи утратою въ средѣ ея дѣйствительныхъ членовъ. Одинъ изъ старѣйшихъ академиковъ и заслуженнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, А. Н. Савичъ, скончался 15-го августа въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи. Многолѣтняя дѣятельность его на пользу науки выразилась въ столь длинномъ рядѣ трудовъ, что тѣ немногія минуты, въ которыя мнѣ позволено занимать вниманіе ваше, были бы недостаточны для изложенія въ необходимой полнотѣ всего, чѣмъ покойный нашъ сочленъ приобрѣлъ право на общую признательность и на почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ ту пору, когда перомъ специалиста будетъ начертано подробное жизнеописаніе Савича, заслуги его предъ наукою выступать въ истинномъ блескѣ, и память о нихъ передастся благодарному потомству. Высокія же душевныя его качества, заставлявшія современниковъ высоко цѣнить въ немъ человѣка, краснорѣчиво засвидѣтельствованы тѣмъ непритворнымъ соболъзнаніемъ, съ какимъ извѣстіе объ его внезапной кончинѣ было встрѣчено во всѣхъ разнообразныхъ кругахъ, до которыхъ касалась его дѣятельность.

Изъ списка нашихъ почетныхъ членовъ исчезли славныя имена: духовника трехъ Монарховъ, протопресвитера Василя Борисовича Бажанова, маститаго канцлера Имперіи свѣтлѣйшаго князя Александра

---

¹⁾ Читая въ публичномъ заведеніи Академіи 29-го декабря 1883 года ординарнымъ академикомъ и непритворнымъ секретаремъ К. С. Носоловскимъ.

Михайловича Горчакова, высокопросвѣщеннаго сановника князя Сергѣя Николаевича Урусова и знаменитаго англійскаго ученаго сэра Эдварда Сэбина.

Въ числѣ нашихъ членовъ-корреспондентовъ смерть не пощадила почти ни одинъ изъ разрядовъ наукъ, составляющихъ наши отдѣленія. Математическій разрядъ имѣлъ прискорбіе лишиться: маститаго астронома Карла Христіановича Кнорре, съ честью управлявшаго долгое время обсерваторіей въ Николаевѣ, и знаменитаго французскаго астронома и геодезиста Ивона-Виларсо, члена института въ Парижѣ. Въ разрядѣ физическихъ наукъ чувствительный пробѣлъ оставила собою смерть берлинскаго профессора Риса, который своими многочисленными, остроумными изысканіями въ разныхъ частяхъ физики занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ двигателей этой науки, и дюрнхскаго профессора Освальда Геера, отличнаго знатока палеонтологіи растеній, которому наука, между прочимъ, обязана знакомствомъ съ нѣкоторыми отдѣлами ископаемой флоры Россіи. Въ біологическомъ разрядѣ скончались въ Берлинѣ: членъ тамошней академіи наукъ, многозаслуженный директоръ зоологическаго музея Петерсъ, и директоръ берлинскаго анатомико-зоологическаго института Рейхертъ, оказавшій услуги и нашему отечеству своею плодотворною десятилѣтнею (1843—1858 гг.) дѣятельностью въ качествѣ профессора анатоміи въ Дерптскомъ университетѣ. Наконецъ, наука о Востокаѣ повесела въ лицѣ умершихъ: арабиста Дози въ Лейденѣ и оріенталиста Дефремери въ Парижѣ—самыя прискорбныя утраты.

Обращаюсь къ главному предмету моего отчета—къ ученымъ трудамъ Академіи за истекающій годъ.

По чистой математикѣ, нашъ многоуважаемый вице-президентъ, академикъ В. Я. Вуняковскій, сообщалъ, въ двухъ запискахъ, продолженіе своихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ предложеніяхъ, относящихся до функціи $E(x)$. Въ нихъ, между прочимъ, разсмотрѣно нѣсколько интересныхъ задачъ изъ теоріи чиселъ, и предложены рѣшенія разныхъ вопросовъ касательно суммированія конечныхъ рядовъ особаго рода. Къ обогащенію чистой же математики послужитъ обширный мемуаръ академика Имшенецкаго—объ обобщеніи функцій Бернулли.

По существу вопросовъ прикладной математики, только немногіе изъ нихъ могутъ быть рѣшаемы вполне точно, болѣею же частью приходится, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, довольствоваться только

приближеніемъ, достаточнымъ для практикн. Аналитическіе методы, помощьюъ которыхъ отыскиваются такія рѣшенія, составляли предметъ записій академика П. Л. Чебишева. Илодомъ этихъ занятій въ нынѣшнемъ году были выводы новой формулы, которую нашъ математикъ предложилъ въ запискѣ, напечатанной имъ подъ заглавіемъ: „Объ одномъ рядѣ, доставляющемъ предѣльныя величины интеграловъ при разложеніи подынтегральной функціи на множители“.

Съ удовольствіемъ отмѣтимъ, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ геометровъ, членъ парижскаго института Эрмиать избралъ нашъ Бюллетень органомъ для сообщенія ученому свѣту своихъ новѣйшихъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ ариѳметическихъ результатахъ, вытекающихъ изъ формулъ эллиптическихъ функцій.

Недавно г. Вапечскомъ былъ предложенъ, въ изданіихъ парижской академіи наукъ, особый видъ геометрическаго преобразованія фигуръ, представляющій обобщеніе извѣстнаго преобразованія посредствомъ обратныхъ радіусовъ. Почтенный чешскій математикъ сообщилъ намъ теперь, въ запискѣ о соприкасаніи обратныхъ фигуръ съ фигурами взаимно-поллярными обратными, новыя приложенія того же способа преобразованія. Эти изслѣдованія послужатъ къ дальнѣйшему развитію той обособленной вѣтви новой геометріи, начало которой положено французскимъ геометромъ Шалемъ его теоріей характеристикъ, извѣстною теперь подъ названіемъ геометріи числовой.

Самымъ блестящимъ триумфомъ прикладной математики всегда было примѣненіе ея къ той наукѣ, которой, по возвышенности ея предмета и постоянству ея законовъ, принадлежитъ первое мѣсто, именно къ астрономіи, объясненію движеній небесныхъ тѣлъ. Наша академія особенно можетъ гордиться тѣми успѣхами, которыми на этомъ поприщѣ прославили ее, въ первое полустолѣтіе ея существованія, безсмертные труды Эйлера и его сподвижниковъ. Но съ тѣхъ поръ занятія этимъ предметомъ въ нашемъ отечествѣ долгое время были рѣдкимъ явленіемъ. Тѣмъ отраднѣе видѣть, что въ послѣдніе годы возобновилась у насъ плодотворная дѣятельность въ этомъ направленіи, центромъ и главнымъ двигателемъ которой является нашъ членъ-корреспондентъ г. Бакаундъ. Уже нѣсколько разъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ мы имѣли случай говорить о его трудахъ, направленныхъ къ объясненію загадочныхъ явленій, представляемыхъ движеніемъ кометы Энке. Въ послѣднемъ году они увѣличились особенно выдающимся и, можно сказать, неожиданнымъ успѣхомъ. Помощью математическаго анализа удалось на столько разсѣять мракъ, окру-

жавшій эти движенія, что г. Баклундъ могъ представить намъ теорію движенія этой кометы для послѣднихъ четырехъ ея возвращеній, вполне удовлетворяющую строжайшимъ требованіямъ современной, столь усовершенствованной, практики. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы результатовъ предпринятой имъ обработки возвращеній предыдущаго полустолѣтія, обработки, обещающей не менѣе важный успѣхъ въ особенности относительно тѣхъ явленій, которыя до сихъ поръ приписывали сопротивляющейся средѣ въ небесномъ пространствѣ. Этотъ трудъ, обширностью много превосходящій уже оконченную часть, будетъ значительно облегченъ для г. Баклунда, какъ вычисленіями его предшественника, покойнаго фонъ-Астена, такъ, въ особенности, произведенными уже почти для всей орбиты кометы вычисленіями общихъ возмущеній ея. Послѣднія въ нынѣшнемъ году существенно подвинуты трудомъ г. Витрама, пополнившимъ въ одной части орбиты пробѣлъ, который оставался между вычисленіями, произведенными для труднѣйшихъ частей орбиты, около перигелія и афелія, гг. фонъ-Астеномъ и Баклундомъ.

Къ этой же области изслѣдованій относится представленное намъ сочиненіе профессора Дерптскаго университета г. Линдштета объ интегрированіи извѣстнаго дифференціального уравненія, играющаго особенно важную роль во всѣхъ вопросахъ небесной механики.

Въ послѣдніе годы мы могли насчитывать появленія кометъ людюжиями, и болѣе. Поэтому нынѣшній годъ, давшій намъ только двѣ кометы, долженъ быть названъ особенно бѣднымъ въ этомъ отношеніи. За то одна изъ этихъ двухъ кометъ представляетъ собою виднѣющійся интересъ. Видимая въ настоящее время на небѣ комета тождественна съ кометою 1812 года, для которой Энке, изъ тогдашнихъ кратковременныхъ наблюденій, вычислилъ и предсказалъ возвращеніе чрезъ 71 годъ. По настоящее время извѣстна была только одна, знаменитая Галлеева, продолжительный періодъ которой былъ совершенно доказанъ повторительными возвращеніями ея. Къ ней можно присоединить теперь съ полнымъ правомъ нынѣшнюю комету, которая тѣмъ самымъ даетъ вѣское подтвержденіе предположенію, что эллиптичность движенія обусловлена случайнымъ приближеніемъ космической массы къ одной изъ главныхъ планетъ, въ поименованныхъ двухъ случаяхъ—къ Нептуну. Но не одна только періодичность придастъ нынѣшней кометѣ особенный интересъ; она не менѣе замѣчательна и измѣненіями, происходящими во внутреннемъ ея устройствѣ и блескѣ. По наблюденіямъ г. Германа Струве, въ сентябрѣ

комета вдругъ сосредоточилась въ одну столь блестящую звѣздообразную массу, что приближалась уже къ числу видимыхъ простымъ глазомъ, а чрезъ два дня опять превратилась въ неопредѣленную и слабую туманность, которую съ трудомъ можно было наблюдать даже въ сильныя трубы. Подобныя колебанія повторялись и послѣ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Очевидно, блескъ этихъ свѣтилъ обуславливается не только приближеніемъ ихъ къ солнцу и землѣ, но и переломками, происходящими во внутреннемъ ихъ устройствѣ. Въ настоящемъ случаѣ это замѣчаніе получаетъ усиленное значеніе, такъ какъ есть признаки, что эта комета состоитъ еще частью изъ неволеи прозрачнаго, болѣе густаго вещества.

Къ сожалѣнію, комета вернулась къ намъ на нѣсколько мѣсяцевъ слишкомъ рано: лѣтомъ будущаго года можно было бы уже наблюдать ее въ гигантскій рефракторъ, изготовляемый для Пулковской обсерваторіи. Шляфова 30-ти-дюймоваго объектива для этого рефрактора была окончена уже въ исходѣ прошлаго года знаменитыми художниками Альвадомъ Кларкомъ съ сыновьями въ Кембриджпортѣ, близъ Востона, и въ началѣ нынѣшняго года академикъ Струве ѣздилъ, въ сопровожденіи сына своего, Германа, въ Америку, чтобы на мѣстѣ удостовѣриться въ полной удачѣ исполненія заказа. Изъ отчета, представленнаго г. Струве Академіи, по возвращеніи видно, что дѣйствительно новый объективъ далеко превосходитъ оптическими своими качествами вашингтонскій 26-ти дюймовый рефракторъ, считающійся по настоящее время послѣднимъ словомъ современной техники. Первые взгляды чрезъ него открыли новыя строенія туманныхъ патенъ и обратили труднѣйшія двойныя звѣзды въ легкій предметъ для наблюденія. Такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, этотъ объективъ послужитъ мощнымъ пособіемъ для нашихъ астрономовъ, и въ особенности для астрофизиковъ, къ дальнѣйшему выясненію тайнъ вселенной. Но чтобы въ полной мѣрѣ воспользоваться этимъ инструментомъ, нужно также, чтобы механическое его устройство соответствовало оптическому совершенству. Исполненіе этой задачи предложено опытнымъ рукамъ гг. Репсольдовъ въ Гамбургѣ, ния которыхъ достаточно ручается за то, что и въ этомъ отношеніи будетъ достигнуто все въ наше время возможное. Объективъ уже съ середины истекшаго лѣта находится въ Пулковѣ, а механическая часть инструмента будетъ привезена по открытіи навигаціи въ наступающемъ году. Къ тому же времени будетъ окончена въ Пулковѣ постройка помѣщенія для этого инструмента, представляющая не мало

затрудненій и требующая тончайшихъ техническихъ соображеній, такъ какъ дѣло идетъ о вращающейся башнѣ въ 65 футовъ въ діаметрѣ, которая должна соединить въ себѣ необходимыя условія удобоподвижности и надлежащей устойчивости, особенно трудно выполнимая въ нашемъ суровомъ климатѣ. Но и въ этомъ отношеніи можно расчитывать на полный успѣхъ, такъ какъ руководство этими работами благосклонно принялъ на себя нашъ знаменитый инженеръ-генералъ-лейтенантъ Г. Е. Паужеръ.

Извѣстно, что первою заботою В. Я. Струве, по учрежденіи Пулковской обсерваторіи, было произвести новое опредѣленіе аберраціи, представляющей отношеніе скорости орбитнаго движенія земли къ скорости свѣта. Выведенное имъ черезъ два года постоянное число этого элемента, отличающееся точностью опредѣленія, тотчасъ было принято въ общее употребленіе въ астрономическихъ вычисленіяхъ и удержалось въ нихъ до настоящаго времени. Но самъ В. Я. Струве уже указалъ на нѣкоторые усовершенствованія, которые можно было бы придать подобному опредѣленію, и сорокалѣтніе съ тѣхъ поръ успѣхи науки требовали новаго опредѣленія этого элемента. Этой задачѣ посвятилъ себя старшій астрономъ Николаевской главной обсерваторіи Нюренъ; при этомъ онъ устранилъ всѣ тѣ недостатки способа, на которыхъ указалъ самъ В. Я. Струве, и распространилъ свою работу на большее число звѣздъ, равномерно распределенныхъ по параллели, проходящей черезъ зенитъ обсерваторіи. Число, выведенное изъ сопоставности собственныхъ опредѣленій и другихъ подобныхъ пулковскихъ работъ, несомнѣнно удовлетворяетъ своею точностью строжайшимъ требованіямъ науки. Весьма замѣчательно, что хотя это число отклоняется только на три сотыхъ секунды отъ опредѣленія В. Я. Струве, этой разницы уже достаточно, чтобы разсѣять всѣ сомнѣнія относительно тождественности параллакса солнца, опредѣленнаго геометрическими способами, съ параллаксомъ, выводимымъ изъ сочетанія аберраціи съ опредѣленною опытами скоростью свѣта.

Къ звѣздной астрономіи, главному предмету трудовъ Пулковской обсерваторіи, относится также мемуаръ Л. О. Струве о неравномѣрномъ собственномъ движеніи Проціона. Въ этомъ трудѣ доказано, что многолѣтнія точнѣйшія дифференціальныя наблюденія, произведенныя въ Пулковѣ О. В. Струве и А. Ф. Вагнеромъ, подтверждаютъ выведенную г. Ауверсомъ изъ абсолютныхъ опредѣленій орбиту этой звѣзды около центра тяжести, лежащаго между звѣздой и сопровождающею ее, еще неоткрытою темною массой. Притомъ молодому уче-

ному удалось ближе опредѣлить размѣры неравенствъ въ собственномъ движеніи и съ большою точностію вывести годичный, довольно значительный параллаксъ Прокіона.

Со времени учрежденія при Николаевской академіи генеральнаго штаба особаго геодезическаго отдѣленія, практическія работы по геодезии и математической географіи Имперіи мало по малу совершенно перешли въ руки геодезистовъ, получившихъ окончательное образование на пулковской обсерваторіи. Хотя почтенная и богатая крупными плодами дѣятельность русскихъ геодезистовъ въ послѣдніе годы не разъ была предметомъ лестныхъ авторитетныхъ отзывовъ, однако въ нашихъ академическихъ отчетахъ довольно рѣдко представлялись случаи говорить о ней. Въ нынѣшнемъ же году были предложены академіи два труда, относящіеся къ этой области науки. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ перу нашего многоуважаемаго члена-корреспондента генералъ-маіора І. И. Стебницкаго. Авторъ сводитъ въ немъ, такъ-сказать, къ одной единицѣ, всѣ наблюденія качаній постоянного маятника, произведенныя въ Россіи или же русскими наблюдателями въ другихъ странахъ свѣта, въ томъ числѣ, конечно, и бывшимъ нашимъ президентомъ графомъ Литке. Такимъ образомъ мы теперь въ состояніи непосредственно сравнивать между собою результаты всѣхъ этихъ опредѣленій. Другая работа, астронома ташкентской обсерваторіи подполковника Померанцева, занимается земною рефракціей, играющею столь важную роль во всѣхъ геодезическихъ изслѣдованіяхъ, и въ особенности при производствѣ точнѣйшихъ нивелировокъ. На основаніи произведенныхъ въ Пулковѣ въ теченіе двухъ лѣтъ многочисленныхъ наблюденій зенитныхъ разстояній различныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предметовъ, г. Померанцеву удалось расширить наши взгляды на измѣненія рефракціи, впервые формулированныя В. Я. Струве, и ближе опредѣлить періодичность этихъ измѣненій въ зависимости отъ времени дня и года.

Международныя полярныя экспедиціи привлекли повсюду особое вниманіе къ явленіямъ земнаго магнетизма и побудили ко многимъ новымъ изслѣдованіямъ въ этой области. Академикъ Г. И. Вильдъ занялся въ особенности улучшеніемъ аппаратовъ и методовъ, служащихъ для наблюденій надъ этимъ магнетизмомъ, и достигнувъ въ этомъ случаѣ весьма удовлетворительныхъ результатовъ, сообщилъ ихъ ученому свѣту въ запискѣ, напечатанной имъ въ „Метеорологическомъ Сборникѣ“: „О точности абсолютныхъ опредѣленій горизонтальной напряженности земнаго магнетизма“. Опираясь на сдѣланные

имъ опыты, опъ сравниваетъ новый, предложенный имъ способъ съ извѣстнымъ способомъ Гауса, взвѣшиваетъ преимущества и недостатки того и другаго и такимъ образомъ доходитъ до третьяго способа, состоящаго изъ соединенія обоихъ прежнихъ и представляющаго во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по испытанію оказалось, значительныя преимущества предъ употребленными доселѣ методами; позволительно поэтому надѣяться, что отнынѣ можно будетъ эти трудныя измѣренія производить скорѣе и легче, съ удовлетворительною степенью точности. Новые магнитныя варіаціонныя аппараты, предложенныя г. Вильдомъ частью именно для полярныхъ экспедицій и устроенныя по его заказу Эдельманомъ въ Мюнхенѣ, описаны этимъ послѣднимъ въ особой, изданной имъ въ Брауншвейгѣ, посвященной г. Вильду, книжкѣ.

Электрическіе токи земли и отношеніе ихъ къ явленіямъ земнаго магнетизма, занимали ученыхъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, но остаются и до сихъ поръ не разъясненнымъ вопросомъ. Въ запискѣ, читанной въ одномъ изъ нашихъ засѣданій, г. Вильдъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, показалъ, что неуспѣхъ бывшихъ доселѣ изысканій по этому предмету происходилъ, главнымъ образомъ, отъ смѣшенія земныхъ токовъ съ токами, зависящими въ проводникахъ отъ кончающихся ихъ пластинокъ. Затѣмъ опъ далъ новый методъ, посредствомъ котораго, помощью извѣстной комбинаціи разныхъ линий, эти двоякаго рода токи могутъ быть измѣряемы одни отдѣльно отъ другихъ, и на основаніи наблюденій, произведенныхъ помощью уложенныхъ въ Павловской обсерваторіи подземныхъ кабелей, представилъ опредѣлительныя данныя о силѣ и направленіи земныхъ токовъ во время магнитныхъ возмущеній. Эти фактическіе выводы дали г. Вильду полное право признать невѣрными выводы нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдователей о земныхъ токахъ, такъ какъ они, какъ теперь ясно оказывается, относились къ токамъ, происходящимъ отъ пластинокъ, а не къ собственно земнымъ токамъ.

На связь этихъ токовъ съ магнитными возмущеніями г. Вильдъ указалъ въ другомъ сообщеніи, сдѣланномъ имъ Академіи,—о выводахъ изъ годовыхъ наблюденій, произведенныхъ надъ земными токами въ Павловскѣ. Изъ нихъ видно, что каждое болѣе значительное и въ особенности быстрое измѣненіе земнаго тока сопровождается сильнымъ движеніемъ магнитовъ въ магнитныхъ варіаціонныхъ аппаратахъ, такъ-называемымъ возмущеніемъ, и притомъ совершенно въ томъ направленіи, которое соответствуетъ электро-магнитному основ-

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1883 ГОДЪ

ному закону. При этомъ дѣйствіе на магниты постоянно пѣ запаздываетъ (около 5 минутъ) противъ измѣненій въ земныхъ токахъ. Каждому, даже самому малому неправильному измѣненію магнитныхъ инструментовъ предшествуетъ болѣе значительное измѣненіе въ земномъ токъ; но количественное отношеніе обоими измѣненіями не есть постоянная величина, такъ что весьма сильнымъ измѣненіямъ земнаго тока соответствуютъ слабыя магнитныя. Но если такимъ образомъ несомнѣнно установлена тѣсная связь между собственно магнитными возмущеніями и электрическими токами земли, то столь же положительно можно сказать, что періодическія, правильныя измѣненія элементовъ магнетизма не обуславливаются земными токами. Хотя этимъ шагомъ впередъ въ познаніи этихъ загадочныхъ явленій, однако еще многое разслѣдовать, особенно для дознанія причины земныхъ токовъ. Г. Вильдъ указываетъ на эруптивную дѣятельность на магнитныхъ полюсахъ какъ на первичную, по крайней мѣрѣ, причину, и полагаетъ, что отъ наблюденій надъ земными токами можно со временемъ ожидать разрѣшенія вопроса объ извѣстныхъ соотношеніяхъ между солнечными пятнами и земнымъ магнетизмомъ.

Одновременно съ этими работами, академикъ Вильдъ занялся по порученію Академіи, рѣшеніемъ трудной задачи, предложенной въ 1881 г. камъ всѣхъ странъ международною электрическою конференціей, бывавшеюся въ Парижѣ осенью прошлаго года, а именно: о рѣшеніи вопроса объ опредѣленіи абсолютной электрической единицы сопротивленія, называемаго Ома, для того, чтобы можно было затѣмъ новить столь важную для практики международную мѣру электрическаго сопротивленія. При содѣйствіи лаборанта физическаго кадетскаго училища Академіи, д-ра Хвольсона, г. Вильдъ произвелъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ многочисленныя изслѣдованія и наблюденія, на особаго устроеннаго для этой цѣли и установленнаго въ Павловской обсерваторіи аппарата и сообщилъ Академіи достигнутыя имъ, удовлетворительные результаты.

При опредѣленіи величины Ома, имѣетъ существенное значение взаимодѣйствіе двухъ магнитовъ и необходимо изслѣдованіе этого взаимодѣйствія въ возможною точностью. Поэтому О. Д. Хвольсонъ, на основаніи изведенныхъ имъ наблюденій, изслѣдовалъ дѣйствіе двухъ магнитовъ, въ зависимости отъ ихъ поперечныхъ размѣровъ, и на столько преодолѣлъ трудности такой задачи, что результаты вычисленій уже даютъ возможность къ практическому ихъ примененію.

Ученіе о земномъ магнитизмѣ значительно пополнилось, благодаря напечатанному въ нашихъ изданіяхъ труду г. Лемстрёма о сѣверныхъ сіяніяхъ. Точными опытами ученаго профессора Гельсингфорскаго университета отнынѣ доказано, что сѣверныя сіянія происходятъ отъ электрическихъ токовъ, проходящихъ чрезъ воздухъ изъ верхнихъ слоевъ атмосферы къ землѣ. Открытіе это столь важно для физики земнаго шара, что г. Лемстрёму предоставлены средства подтвердить его при помощи болѣе совершенныхъ аппаратовъ.

Помощникъ директора нашей главной физической обсерваторіи, М. А. Рыкачовъ, въ запискѣ своей о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ въ 1881 году по берегамъ Каспійскаго моря надъ земнымъ магнитизмомъ, представилъ сравненіе ихъ съ наблюденіями, сдѣланными лѣтъ 20 тому назадъ г. Пуццинымъ въ тѣхъ же мѣстахъ, и чрезъ то далъ основаніе для выводовъ о вѣковыхъ измѣненіяхъ магнитныхъ элементовъ въ той странѣ. Наконецъ, важное положеніе Павловской обсерваторіи для магнитныхъ изслѣдованій послужило для г. Лейста поводомъ къ точнѣйшему опредѣленію горизонтальной напряженности земнаго магнитизма въ окрестностяхъ этой обсерваторіи.

Кромѣ упомянутыхъ нами трудовъ по части электричества и магнитизма, академикъ Вильдъ представилъ записку о новомъ устройствѣ контрольнаго барометра и двѣ статьи по части оптики, изъ которыхъ въ одной предложено измѣненіе его фотометра въ спектрофотометръ, а въ другой указанъ способъ употребленія его поляристробометра (сахариметра) для блага свѣта. Къ области оптики относятся также двѣ замѣчательныя работы, сообщеніемъ которыхъ мы обязаны постороннимъ ученымъ, а именно г. Герману Струве, который далъ нѣкоторое новое развитіе теоріи такъ-называемыхъ Тальботовыхъ линий, и г. Гассельбергу, пополнившему свои прежнія изслѣдованія о второмъ спектрѣ водорода.

Главная физическая обсерваторія продолжала съ прежнимъ усиліемъ расширять свою дѣятельность въ качествѣ центрального учрежденія для метеорологіи Россіи, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ факты, изложенные въ отчетѣ обсерваторіи за 1881 и 1882 годы, представленномъ намъ ея директоромъ, академикомъ Вильдомъ, равно какъ и отпечатанный въ настоящемъ году томъ „Лѣтописей“ обсерваторіи, содержащій въ себѣ обработку метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ 1882 году. Богатый запасъ климатологическихъ данныхъ, притекающихъ отовсюду въ обсерваторію, доставилъ матеріалъ для нѣ-

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1883 ГОДЪ

Сколько изъ ученыхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ нашихъ изд. Сюда относятся изслѣдованія: г. Лейста — о путяхъ, цикло Россіи въ 1878—1880 годахъ, г. Браунова—о годичномъ ходѣ малой температуры въ европейскихъ циклонахъ, г. Валена—о помѣ ходѣ температуры въ 17-ти пунктахъ Россіи, на ос среднихъ суточныхъ, и наконецъ, г. Вѣликова — о прѣлив зивѣ атмосферы на основаніи показаній анемографа обсерват 1879 годѣ.

По части химіи, въ нашемъ Бюллетенѣ доведены до с ученаго міра результаты изысканій нѣсколькихъ молодыхъ уч Г. Рицца, анализируя камфору багульника, пришелъ, относ состава этого вещества, къ заключенію, которое разнится с водовъ, полученныхъ въ послѣднее время нѣкоторыми химик близко согласно съ тѣмъ, что было получено Вухперомъ лѣт цать тому назадъ. Гг. Горбовъ и Кеслеръ произвели надъ в леномъ реакцію, при которой замѣтили образованіе диметак кислоты, аналогичное образованію акриловой, и тѣмъ показа для кислотъ акриловаго рода, по всей вѣроятности, имѣется способъ синтеза. Г. Тищенко, изучая дѣйствіе галоидоводор кислотъ на оксиметиленъ, пришелъ къ тому интересному резу что реакція распадаенія на алкоголь и кислоту, происходящая гихъ альдегидовъ подъ вліяніемъ щелочей, совершается здѣ вліяніемъ кислотъ. Наконецъ, г. Павловъ доказалъ, что т кислота и ея гомологи могутъ получаться совершенно помим ной реакціи, указанной Демарсе, изъ чего съ большею вѣроят можно заключить, что это вещество есть собственно ацетак кислоты.

Къ разряду химическихъ трудовъ относятся сверхъ того писки члена-корреспондента Академіи Г. В. Струве. Въ оди нихъ изложены результаты изслѣдованій автора надъ химич составомъ молока; предметомъ же другой служитъ химическій ; при помощи хлороформной воды или зѣира, и его значеніе ; мического анализа, взятыхъ изъ животнаго или растительнаг ства веществъ, содержащихъ въ себѣ бѣлковину.

Изъ трудовъ по изслѣдованію царства ископаемыхъ, указ записку академика Н. И. Кокшарова о воластонитѣ и па м нашего многоуважаемаго члена-корреспондента, профессора ; нститута П. В. Еремѣева о кристаллахъ двухъ песьма рѣдки пераловъ, каледонита и липарита, недавно найденныхъ па

Другой профессоръ того же института А. П. Карпинскій, обработывая обширное сочиненіе о геологіи и палеонтологіи восточнаго склона Урала, сообщилъ намъ изъ него часть, посвященную палеозойскимъ птероподамъ этого пространства. Собранныя г. Карпинскимъ въ означенной мѣстности растительныя остатки каменноугольной формации специально рассмотрѣны профессоромъ И. О. Шмальгаузеномъ въ запискѣ, напечатанной въ нашихъ Мемуарахъ. Нашъ членъ-корреспондентъ К. Е. Мерлякъ произвелъ микроскопическое изслѣдованіе бурого угля, полученнаго Академіей съ остр. Зайсана, и любопытнаго образца окаменѣлаго дерева изъ Рязанской губерніи, обогатившаго въ нашемъ музеѣ собраніе этого рода окаменѣлостей. Наконецъ, дерптскому профессору К. Г. Шмидту мы обязаны нѣсколькими любопытными сообщеніями, которыми онъ пополнилъ начатый имъ рядъ гидрологическихъ изысканій о Россіи.

По систематической ботаникѣ, академикъ К. И. Максимовичъ установилъ діагнозы цѣлаго ряда новыхъ представителей азіатской флоры; по физиологіи растений, профессоръ Бородинъ изслѣдовалъ кристаллическія пигменты, сопровождающіе хлорофілъ, а профессоръ Баранецкій, путемъ опытовъ, старался опредѣлить связь различнаго рода нутацій стебля съ закручиваніемъ его вокругъ подпорки.

Въ предыдущихъ отчетахъ намъ не разъ приходилось говорить о томъ обогащеніи, какое принесли познанію русской фауны единственныя коллекціи, вывезенныя нашимъ знаменитымъ путешественникомъ Н. М. Пржевальскимъ изъ Средней Азіи и поступившія въ нашъ музей. Чѣмъ выше важность ихъ для науки, тѣмъ съ большимъ петербургіемъ ожидается ихъ ученая обработка, которая одна способна придать подобнымъ коллекціямъ ихъ истинное значеніе. Поэтому Академія съ особымъ удовольствіемъ узнала изъ сообщенія директора зоологическаго музея, академика Штрауха, что, благодаря его стараніямъ, отнынѣ обезпечено специальное изслѣдованіе и описаніе каждаго изъ отдѣловъ, входящихъ въ составъ коллекцій г. Пржевальскаго. Самъ г. Штраухъ принялъ на себя ту часть труда, которая относится до пресмыкающихся и земноводныхъ. На долю ученаго хранителя музея, г. Герценштейна, достались тѣ виды рыбъ, которые не успѣлъ обработать покойный профессоръ Кесслеръ. Г. Пржевальскій оставилъ за собою весь классъ птицъ, и наконецъ, для обработки отдѣла млекопитающихъ приглашенъ молодой ученый, г. Бюхнеръ, который для этой цѣли причисленъ къ нашему музею, въ качествѣ сверхштатнаго ученаго хранителя.

Въ числѣ трудовъ по фаунѣ Россіи, изданныхъ нами въ настоящемъ году, преобладали имѣющіе задачей изученіе географическаго распространенія животныхъ.

Г. Кеппенъ, въ одной изъ представленныхъ намъ записокъ своихъ, разъяснилъ тотъ замѣчательный фактъ, что на Крымскомъ полуостровѣ нѣтъ бѣлени, тогда какъ тамъ встрѣчаются нѣкоторые другія лѣсныя животныя умѣреннаго пояса Европы, въ томъ числѣ благородный олень или изюбрь. Другая статья того же ученаго посвящена подробному разсмотрѣнію распространенія лося въ Европейской Россіи, при чемъ представлены доказательства тому, что это, вообще вымирающее, животное, начиная съ пятидесятихъ годовъ, стало появляться у насъ гораздо жише предѣловъ, въ которыхъ оно водилось до того времени, что составляетъ весьма рѣдкое и замѣчательное явленіе. Наконецъ, въ третьей своей запискѣ г. Кеппенъ разсматриваетъ до нѣкоторой степени схожее съ этимъ явленіе, представляемое безпозвоночными, мягкотѣлыми животными, *Dreissena polymorpha*, которое, если судить по его остаткамъ въ плиоценовыхъ и послѣплиоценовыхъ пластахъ, нѣкогда водилось въ большей части Европы и Азіи, затѣмъ почти повсюду исчезло, а въ настоящее время, начиная съ 20-хъ годовъ, стало снова распространяться въ Европѣ, при нѣкоторомъ содѣйствіи человѣка, при чемъ исходною точкою, по мнѣнію автора, служили Каспійское море и его притоки. Здѣсь же, г. Кеппенъ сообщилъ интересныя данныя о распространеніи рѣчнаго рака, также при помощи человѣка, въ притокахъ Оби, гдѣ, какъ и во всей Сибири, раковъ прежде вовсе не водилось.

Фауна Кольскаго полуострова была предметомъ работы г. Плеске, который сообщилъ, въ видѣ первой части этого труда, результаты своихъ изысканій о млекопитающихъ этой полярной окраины Россіи.

Долгъ справедливости заставляетъ насъ принести дань признательности молодому ученому, д-ру Бунге, который съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ трудится, по порученію Академіи, для расширенія нашихъ познаній объ органической жизни крайняго Сѣвера. Пользуясь своимъ годичнымъ пребываніемъ на устьяхъ Лены въ качествѣ врача при тамошней международной полярной станціи, онъ успѣлъ, какъ видно изъ доставленнаго намъ предварительнаго отчета, достигнуть въ собираніи предметовъ для нашего музея такихъ значительныхъ результатовъ, отъ которыхъ наука въ правѣ ожидать много новаго и важнаго.

Физиологія получила значительное обогащеніе въ изслѣдованіяхъ

г. Мережковского о пигментахъ, преимущественно морскихъ и безпозвоночныхъ животныхъ. Главные результаты этой работы — большое число точныхъ наблюдений надъ разнаго рода пигментами и попытка объяснить значеніе наиболее распространенныхъ изъ нихъ для организма — проливать свѣтъ на еще мало исследованную группу жизненныхъ процессовъ.

Изъ прочихъ трудовъ по біологическимъ наукамъ, укажемъ еще на читанную академикомъ Ф. В. Овсянниковымъ записку о симпатической нервной системѣ и другихъ тканяхъ у рѣчной миноги, на работу г. Зацѣпина о гистологическомъ строеніи и распредѣленіи нервныхъ оконечностей въ антеннахъ миріоподъ, на предварительныя сообщенія г. Великаго объ его исследованияхъ надъ окончаніемъ симпатическихъ волоконъ въ лимфатическихъ сердцахъ, г. Введенскаго — о произведенныхъ имъ помощью телефона наблюденьяхъ надъ гальваническимъ дѣйствіемъ въ возбужденныхъ нервахъ, и г. Фортунатова — о дѣйствіи цетрапина на животный организмъ.

Этнографія одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи составляетъ предметъ напечатаннаго въ нынѣшнемъ году сочиненія академика Л. И. Шренка объ инородцахъ Амурскаго края. Авторъ имѣлъ случай изучить ихъ въ первое время по присоединеніи того края къ Россіи, когда языкъ, нравы и обычаи туземцевъ еще не утратили своего первобытнаго характера отъ сношеній съ русскими. Изданный нынѣ трудъ г. Шренка посвященъ географическому распространенію инородцевъ Амурскаго края и Сахалина. Приложенная къ сочиненію карта является первою этнографическою картою всего края; на ней обозначено разселеніе шестнадцати его племенъ, изъ которыхъ одни были до сего времени извѣстны только по имени, а о другихъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Любопытны подробности, излагаемыя здѣсь относительно передвиженія и переселенія этихъ народовъ, вслѣдствіе походовъ Русскихъ на Амуръ въ XVII столѣтіи, а также выводы автора о происхожденіи и взаимномъ племенномъ родствѣ амурскихъ народовъ. Вообще сочиненіе г. Шренка не только составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ науку, но и можетъ быть полезно въ нѣкоторыхъ случаяхъ для администраціи, при различныхъ ея мѣропріятіяхъ относительно Амурскаго края и его инородцевъ. Въ виду этого, г. президентъ имѣлъ счастье повергнуть трудъ нашего сочлена на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, и Его Величество, благословенно принявъ поднесенную Ему книгу, Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ благодарить г. Шренка.

Въ кругѣ занятій историко-филологическаго отдѣленія, по русской исторіи заняли главное мѣсто, соответствующее ва: предмета. Въ теченіе года кончено печатаніемъ и выпущено въ нѣсколько обширныхъ изданій, и приступлено къ исполненію в рыхъ новыхъ предпріятій. Такъ, довершено печатаніе записо: торня приснопамятнѣйшаго митрополита Литовскіи Іосифа завѣщан: въ качествѣ историческихъ документовъ, долженствующихъ сох: память объ его участіи въ великомъ дѣлѣ воссоединенія въ 1: униатовъ съ православною церковью.

Другое обширное изданіе Академіи— „Доклады и приговоры (въ царствованіе Петра Великаго“, успѣшно подвигалось впередъ выпущенномъ недавно новомъ томѣ содержатся означенные доку: за вторую половину 1712 года.

Благодаря ревностному собирателю документовъ по нов: русской исторіи, нашему члену-корреспонденту Н. О. Дубровин: издали обширное собраніе писемъ главнѣйшихъ дѣятелей царств: Императора Александра I. Въ связи съ значеніемъ, какое эти: получаютъ отъ высокаго положенія ихъ авторовъ, интересъ и: смыслъ историческаго матеріала, тѣмъ живѣе, что они, будучи: ниемъ интимныхъ чувствъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій: рисуютъ, нерѣдко помимо воли самихъ писавшихъ, такіа сторо: ракторовъ и побужденія этихъ лицъ, котораго было бы тщетно: въ официальныхъ документахъ.

Въ числѣ новыхъ нашихъ предпріятій на пользу русской и: первое мѣсто, конечно, принадлежитъ предложенному академ: Н. В. Калачовымъ изданію докладовъ и приговоровъ, состояв: въ московской боярской думѣ, въ разныхъ приказахъ и въ: деніяхъ областныхъ и сельскихъ древней Россіи.

Въ ожиданіи того времени, когда будетъ возможно прис: къ осуществленію означеннаго предпріятія, Академія приня: себя издать, по предложенію г. Калачова и подъ его редакціе: клады и приговоры двухъ приказовъ, наиболѣе важныхъ въ с: древне-русскаго правительственнаго строя, а именно разряде: приказа разряднаго, вѣдавшаго всѣми распорядами по государ: ной службѣ, и приказа помѣстнаго, имѣвшаго въ своемъ вѣ: верстаніи всѣхъ служилыхъ людей помѣстьями. Изъ документовъ: приказовъ, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи имѣт: руководствомъ академика Н. В. Калачова, изготовляются вы: нужныя для изданія.

Вниманіе изслѣдователей отечественной исторіи въ послѣднее время обращается замѣтно болѣе и болѣе къ нашему XVIII вѣку, какъ къ такой эпохѣ, для изученія которой масса обнаруженныхъ матеріаловъ, при всей ея уже значительности, еще далеко не соотвѣтствуетъ важности событій, наполняющихъ этотъ вѣкъ. Блестящіе подвиги Екатерины II издавна привлекали къ себѣ Н. О. Дубровина, который употребилъ много лѣтъ на разысканіе въ разныхъ архивахъ любопытнѣйшихъ документовъ Екатерининскаго времени. Вслѣдствіе этихъ поисковъ, ему посчастливилось составить, между прочимъ, относительно присоединенія Крыма къ Россіи, такое богатое собраніе еще не изданныхъ матеріаловъ, которое по своей полнотѣ можетъ разъяснить многое въ ходѣ русской исторіи въ періодъ времени отъ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774 года) до окончательнаго присоединенія Крыма въ 1783 году. Академіей уже приступлено къ изданію этого монографическаго сборника, который составитъ собою не менѣе двухъ объемистыхъ томовъ.

Къ тому же XVIII столѣтію относится и другой, также печатаемый нынѣ сборникъ. Содержаніемъ его будутъ протоколы засѣданій Академіи за первые сто лѣтъ ея существованія, оставшіеся до сихъ поръ не изданными въ полномъ ихъ видѣ. По тому значенію, какое труды нашихъ здѣсь предшественниковъ доставили Академіи не только къ исторіи науки, по и въ исторіи отечественнаго просвѣщенія, эти подлинныя акты ея занятій представляютъ собою интересъ во многихъ отношеніяхъ.

Наконецъ, въ связи съ этимъ предметомъ, да позволено будетъ книгъ упомянуть здѣсь о томъ непосредственномъ участіи, какое нашъ президентъ принималъ въ ученыхъ работахъ нашихъ. Собирая съ давнихъ поръ матеріалы для спеціальной исторіи отечественнаго образованія въ Екатерининскую эпоху, графъ Дмитрій Андреевичъ воспользовался немногими минутами отдыха отъ важныхъ, лежащихъ на немъ, государственныхъ заботъ, для того, чтобы представить въ нашихъ Запискахъ общій изгладъ на учебную часть въ Россіи съ начала прошедшаго столѣтія по 1782 годъ.

19-го апрѣля 1886 года исполнится двѣсти лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля Василія Никитича Татищева. Это обстоятельство Академія признала поводомъ принести должную дань уваженія заслугамъ пераго русскаго историка изданіемъ ко времени празднованія его юбилея по возможности полнаго собранія его сочиненій, изъ которыхъ многія останутся еще не издан-

ними, а также матеріаловъ для его біографіи. Выборъ сѣ этого изданія, приготовленіе ихъ къ печати и самый надомъ изданія поручень академикамъ Н. В. Калачову и К. К. Нику. Въ видѣ приготовленія къ этому предпріятію, г. К ставилъ перечень относящихся до Татищева матеріаловъ, имъ изъ архива и бібліотеки Академіи, а равно и изъ министерства финансовъ. Но такъ какъ немало такихъ находится въ Москвѣ, въ архивахъ министерствъ юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, въ Румянцовскомъ музеѣ, въ военномъ лѣтнемъ архивѣ, и проч., то для извлеченія этихъ матеріаловъ на мѣстѣ особая коммиссія, въ которую вошли академики: членъ-корреспондентъ академіи Н. А. Поповъ, изъявившій составить для проектировавшаго изданія біографію Татищеву, правпукъ знаменитаго историка Алексѣи Никитичъ Татищеву, званшійся содѣйствовать предпріятію предоставленіемъ денежныхъ средствъ на предварительныя работы.

Предметомъ филологическихъ трудовъ академика Ф. Ф. Вильгельмса былъ зырянскій языкъ. Въ обработанной имъ книгѣ грамматикѣ также какъ и въ изданномъ въ 1880 году зырянскомъ словаре обращено вниманіе не только на различныя зырянскія нарѣчія, но и на сродный имъ вотяцкій языкъ. Такимъ образомъ эта грамматика съ словаремъ представляетъ полную картину такъ называемой бярской группы финской семьи языковъ.

Академикъ О. Н. Ветлингъ неустанно трудился надъ изданіемъ санскритскимъ словаремъ, который, по плану автора, составить собою, какъ и большой его словарь, такъ и меньшій, но значительно меньшаго объема. Въ рукописи этотъ трудъ оконченъ болѣе чѣмъ на двѣ-трети, а печатаніе его до 3-го выпуска IV тома. Обращая на пользу своей жизни и немногія свободныя минуты, какія остаются ему отъ работы по словарю, г. Ветлингъ сообщалъ въ нашемъ Бюллетенѣ о своемъ успѣхѣхъ на изданіи Веберомъ текстъ и переводъ какадгацака " Дживакирти, „Исторіи купца Чампака“, двѣ повѣсти, одного изъ многочисленныхъ произведеній этого рода, которыя въ составъ буддистской, такъ называемой Джайны, принадлежашаго довольно позднему времени.

Ученому свѣту извѣстно, какака услуга оказана языковедѣ изданіями Академіей съ 1866 по 1872 годъ, В. В. Радловымъ образцами народной словесности турецкаго языка, часть ссххх, отд. 4.

живущихъ въ южной Сибири и въ Джунгарской степи. Неугомонный собиратель этихъ сказаній, нынѣ инспекторъ татарскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, дополнилъ свой трудъ представленными намъ двумя новыми сборниками нарѣчій Дико-Каменныхъ киргизовъ и кульджинскихъ таранчей, записанными имъ въ 1868 и 1870 годахъ во время его путешествій въ Илійской долинѣ, на берегахъ Иссыкула и въ Кульджѣ. Народная словесность Дико-Каменныхъ киргизовъ находится еще въ періодѣ эпического творчества, и большая часть собранныхъ г. Радловымъ образцовъ ея представляетъ поэтому живой примѣръ и интересный матеріалъ для исторіи словесности вообще. Въ лингвистическомъ же отношеніи, они имѣютъ важность не только по своей обширности и точности передачи, но и какъ единственные въ своемъ родѣ. Объ образцахъ тараичинскаго нарѣчія можно сказать, какъ и о предыдущихъ что они составляютъ теперь впервые записанный обширный текстъ. Кромѣ того, очень вѣроятно, что они останутся навсегда единственнымъ памятникомъ означеннаго нарѣчія, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, первобытномъ его состояніи, такъ какъ по возвращеніи Кульджи Китаю, почти все тараичинское населеніе перешло въ русскіе предѣлы и распредѣлилось по частямъ между Киргизами и другими инородцами, вслѣдствіе чего языкъ ихъ долженъ неминуемо измѣниться и, можетъ быть, даже исчезнуть.

Отъ того же заслуженнаго лингвиста получили мы весьма любопытное изслѣдованіе о куманскомъ или половецкомъ языкѣ, представляющемъ немалый интересъ для нѣкоторыхъ вопросовъ древней русской исторіи. При обширныхъ своихъ познаніяхъ въ области сибирскихъ и приволжскихъ татарскихъ нарѣчій, г. Радловъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, могъ проложить первый путь къ разъясненію еще темнаго вопроса о Куманахъ. Его выводы по этому вопросу вообще не противорѣчатъ взглядамъ, къ которымъ академикъ А. А. Куникъ пришелъ на основаніи историческихъ соображеній.

Членъ-корреспондентъ Академіи, іенскій профессоръ Морницъ Шмидтъ далъ въ нашемъ Бюллетенѣ рядъ критическихъ исправленій текста Софокловыхъ „Трахинянокъ“, равно какъ нѣкоторыхъ трагедій Эсхила и Еврипида. Греческіе трагики дошли до насъ, какъ извѣстно, въ столь искаженномъ видѣ, что возстановленіе правильнаго текста во многихъ мѣстахъ есть теперь дѣло величайшей трудности. Поэтому лишь рѣдко удается найдти такое исправленіе, которое бы не подлежало никакому сомнѣнію. Такъ и предлагаемыя г. Шмидтомъ исправленія, хотя болшею частью не могутъ быть

относимы къ числу несомнѣнныхъ, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія уже и потому, что даже и неудачныя поправки нерѣдко способствовали къ обнаруженію долготѣ незамѣченныхъ ошибокъ или подавали возможность потомъ къ болѣе счастливымъ исправленіямъ.

Въ вышедшемъ на дняхъ отчетѣ Императорской археологической комиссіи за 1881 годъ академикъ Д. Э. Стефани представилъ плоды своихъ послѣднихъ изысканій въ области экзегеза произведеній античнаго искусства, найденныхъ при раскопкахъ южной Россіи. Въ числѣ описанныхъ здѣсь древностей этого рода первое мѣсто, конечно, принадлежитъ четыремъ серебрянымъ золоченымъ чашамъ IV вѣка до Рождества Христова, которыя, по художественности работы, столько же какъ и по украшающимъ ихъ изображеніямъ, относятся къ превосходнѣйшимъ, какія только дошли до насъ отъ классической древности. Особое вниманіе обращаетъ здѣсь на себя также таблица V, на которой нашъ фотографъ Класенъ съ неподражаемымъ мастерствомъ воспроизвелъ фототипически нѣсколько избранныхъ, въ высшей степени замѣчательныхъ, но еще недостаточно извѣстныхъ рѣзныхъ камней Императорскаго Эрмитажа, и въ томъ числѣ два драгоценныхъ камня III или II вѣка до Рождества Христова—(голова Зевса и Горгона), по своему стилю вполне соответствующіе находящемуся въ Эрмитажѣ знаменитому камю Гонзаго, а также рѣзанный въ глубь сардониксъ необычайной величины, изображающій въ стилѣ IV вѣка до Рождества Христова, сцену изъ исторіи Римскихъ императоровъ, вѣроятно—провозглашеніе Граціана или Валентиніана II соправителемъ.

Кругъ дѣятельности Академіи по усиленію у насъ самостоятельныхъ занятій наукою получаетъ съ нынѣшняго года новое расширеніе чрезъ умноженіе числа премій, раздаваемыхъ за ученые труды.

Патриотическому пожертвованію графа Д. А. Толстаго и его супруги Академія обязана тѣмъ, что учрежденныя въ началѣ 1882 года бывшими сослуживцами его сіятельства по министерству народнаго просвѣщенія трехгодичныя награды за лучшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ, входящихъ въ кругъ занятій Академіи, будутъ отнынѣ раздаваться ежегодно. Первое ихъ присужденіе предстоитъ въ будущемъ году.

Потомственный почетный гражданинъ Александръ Михайловичъ Сибиряковъ, желая способствовать разработкѣ исторіи Сибири, предложилъ, на счетъ процентовъ съ особаго пожертвованнаго имъ для

этой цѣли капитала, преміи, раздачу которыхъ онъ ввѣрилъ Академіи впродъ до открытія Сибирскаго университета.

Въ нынѣшнемъ году Академіи предстояло впервые присудить премію, учрежденную въ 1879 году въ память объ ученыхъ заслугахъ академика Г. Н. Гельмерсена и назначенную для ученыхъ трудовъ въ области геологіи, палеонтологіи и физической географіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ Азіи. Основываясь на заключеніи особой конкурсной комиссіи, Академія съ удовольствіемъ увѣчала эту преміей замѣчательныя изслѣдованія старшаго геолога здѣшняго геологическаго комитета С. Н. Никитина. Они изложены въ двухъ запискахъ, изъ которыхъ одна, посвященная юрскимъ отложеніямъ по верхней Волгѣ, между Рыбинскомъ, Мологою и Мышкинымъ, напечатана въ нашихъ Мемуарахъ, а другая—объ юрскихъ формаціяхъ окрестностей Елатмы—появилась въ Запискахъ Московскаго общества испытателей природы.

Объ монографіи, относясь до отдѣльныхъ частей одного и того же геологическаго бассейна, а именно такъ-называемой Московской юры, составляютъ начало ряда работъ, задуманныхъ авторомъ для наученія юрской системы вообще въ Россіи. Главная же цѣль—пересмотръ и возможно точное опредѣленіе юрской фауны въ нашемъ отечествѣ, на основаніи подробнаго, возможно полнаго изслѣдованія палеонтологической литературы въ ея современномъ развитіи, на сколько эта литература имѣетъ отношеніе къ юрскому и ближайшему къ нему неоконскому періоду. Съ этою цѣлью, г. Никитинъ въ первомъ изъ своихъ трудовъ, прежде всего останавливается на исторіи палеонтологическихъ изысканій относительно русской юры до 1880 года и устанавливаетъ критически свой взглядъ на понятія о видѣ въ области палеонтологіи. Мнѣніе его по этому предмету близко сходится съ ученіемъ современныхъ палеонтологовъ мюнхенской и вѣнской школы, рѣшительно не признавая того обширнаго объема, какой придаетъ этому термину англійскими учеными. Авторъ считаетъ видъ совершенно искусственною единицею, основанною только для удобства изслѣдователей. Поэтому, возводя на степень вида всякую сколько-нибудь обособившуюся форму и находя подобное расчлененіе особенно необходимымъ для изучающихъ русскую юру, онъ не считаетъ эти виды прочно и навсегда установленными. По его мнѣнію, палеонтологу, работающему на такомъ, еще мало изслѣдуемомъ поприщѣ, какъ русскія мезозойныя отложенія, необходимо научиться расчленять и различать особенности

формъ, прежде чѣмъ соединять ихъ по сходству ихъ признаковъ. Въ специальной части первого своего труда г. Никитинъ разсматриваетъ богатую формами фауну Серпалорода Рыбинской юры, въ которой онъ устанавливаетъ 46 различныхъ формъ. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ для науки особый интересъ, такъ какъ въ нихъ мы можемъ наблюдать послѣдовательно, шагъ за шагомъ, переходъ формы одного геологическаго періода въ самостоятельныя формы другаго: фактъ, считающійся крайне рѣдкимъ даже въ богатой наблюденіями западно-европейской литературѣ.

Вторая работа С. Н. Никитина содержитъ въ себѣ развитіе мыслей автора, высказанныхъ въ первомъ сочиненіи и приложеніе ихъ къ другой самостоятельной юрской области Россіи. Юра Елатъми давно уже обращала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, но геологическое положеніе ея оставалось, до работы нашего автора совершенно невыясненнымъ.

Вообще труды г. Никитина имѣютъ большое значеніе для стратиграфической палеонтологіи, по множеству новыхъ и важныхъ данныхъ для этой отрасли науки и особенно для геологіи Россіи, такъ какъ только теперь, послѣ этихъ работъ, мы можемъ считать прочно установленнымъ строеніе русской юры и отношенія ея къ соответствующимъ отложеніямъ западной Европы, которыя такъ долго оставались неясными и крайне сбивчивыми. Все это теперь выяснилось благодаря точному опредѣленію постепенныхъ измѣненій формъ въ восходящемъ порядкѣ пластовъ важнѣйшаго для мезовойныхъ отложеній класса ископаемыхъ.

ОТЧЕТЪ ПО ВТОРОМУ ОТДѢЛЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1883 ГОДЪ ¹⁾.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, сверхъ обыкновенн 1) своихъ собраній, имѣло въ этомъ году два публичныя засѣданія: одно—въ память Жуковскаго, другое—въ день столѣтія со времени учрежденія Россійской Академіи.

30-го января этого года отдѣленіе русскаго языка и словесности праздновало столѣтнюю годовщину рожденія Жуковскаго. Къ участію въ этомъ литературномъ празднествѣ были приглашены отдѣленіемъ нѣкоторые изъ писателей: профессоръ О. Θ. Миллеръ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій и П. И. Вейнбергъ. Засѣданіе отдѣленія почтилъ своимъ присутствіемъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ. По представленію отдѣленія, исходатайствовано г. президентомъ Академіи Наукъ 1.000 рублей на учрежденіе преміи Жуковскаго за лучшее о немъ сочиненіе, которое должно быть представлено къ 1-му мая 1885 года.

21-го октября происходило публичное засѣданіе отдѣленія русскаго языка и словесности по случаю столѣтія Россійской Академіи. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 21-го октября 1783 года, открыта была Россійская Академія, преобразованная впоследствии, въ 1841 году, во второе отдѣленіе Академіи Наукъ или въ отдѣленіе русскаго языка и словесности. Отдѣленіе считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя

---

¹⁾ Читая академикомъ М. И. Сухомлиновымъ въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря 1883 года.

почтили отдѣленіе своимъ привѣтомъ въ этотъ знаменательный для Академіи день.

Съ живѣйшею благодарностью вспоминаетъ отдѣленіе и о содѣйствіи, оказанномъ ему писателями, участвовавшими въ академическомъ празднествѣ въ честь Жуковскаго, и членомъ государственнаго совѣта Н. И. Стояновскимъ, которому принадлежитъ починъ въ устройствѣ чествованія памяти поэта въ Петербургѣ. Н. И. Стояновскій принялъ дѣятельное участіе и въ устройствѣ выставки портретовъ, рукописей и изданій Жуковскаго и вообще предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ его жизни и литературной дѣятельности.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило въ этомъ году Ломоносовскую премію неутомимому труженику въ области литературной археологіи, о. архимандриту Амфилохію, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями:

Для усилъховъ русской филологіи, для полноты выводовъ, которые должны освѣтить историческій ходъ русскаго языка, необходимо изданіе многихъ важныхъ памятниковъ, описаніе и обзоръ нѣ многазвѣстныхъ рукописныхъ сборниковъ, опредѣленіе ихъ палеографическихъ особенностей, и т. п.—словомъ, необходимы труды библіографическіе и археологическіе. Уже первый трудъ, удостоенный Ломоносовскою преміею по отдѣленію русскаго языка и словесности, принадлежалъ къ числу такихъ явленій русской научной литературы, которая, не задаваясь рѣшеніемъ какого-либо спеціальнаго вопроса, сразу дѣлаются необходимымъ пособіемъ для успѣшной разработки цѣлаго ряда ихъ. Это было знаменитое „Описаніе славянскихъ рукописей синодальной бібліотеки“. Два раза послѣ того приходилось отдѣленію присуждать преміи по лексикографическимъ и одинъ разъ по грамматическимъ трудамъ. Присуждая въ нынѣшнемъ году Ломоносовскую премію, отдѣленіе воздастъ должное неутомимой дѣятельности почтеннаго труженика въ области литературной археологіи архимандрита о. Амфилохіа, окончившаго въ послѣдніе годы нѣсколько важныхъ трудовъ по древне-русской письменности въ связи съ греческою. Въ особенности выдается новѣйшій его трудъ — изданіе Галлицкаго Четвероевангелія 1144 года, въ трехъ томахъ, 1882—1883 г. Памятникъ, нынѣ изданный о. Амфилохіемъ, занимаетъ видное мѣсто въ древне-русской письменности XII вѣка. Желая прослѣдить въ древне-русской письменности черты русскихъ нарѣчій, отличающихъ нынѣ югъ отъ сѣвера и запада, изслѣдователи исторіи русскаго языка останавливались главнымъ образомъ на этомъ памятникѣ, по-

тому что нѣкоторые внѣшнія обстоятельства, въ связи съ особенностями языка, вставляли предполагать, что памятникъ этотъ можно считать родовачальникомъ письменности юго-западно-русской. Теперь, когда памятникъ изданъ, изслѣдованіе всѣхъ особенностей его должно доказать, на сколько подобныя предположенія основательны. Какъ въ другихъ многотомныхъ изданіяхъ почтеннаго археолога, такъ и въ этомъ трудѣ, напечатанномъ въ трехъ обширныхъ томахъ, встрѣчаются и такіе приемы, съ которыми нельзя согласиться. Но несомнѣнная заслуга о. Амфилохія заключается, какъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ памятникъ доступнымъ для изслѣдователей, такъ и въ томъ, что приводимыми изъ другихъ памятниковъ развѣтченіями далъ возможность проникнуть въ характеръ ихъ перевода, опредѣлять ихъ взаимную зависимость и ихъ отношеніе къ юго-славянскимъ подлинникамъ, въ высшей степени важнымъ въ филологическомъ отношеніи. Трудъ почтеннаго ученаго, появившійся въ свѣтъ въ этомъ году, представляетъ новое доказательство неутомимой дѣятельности автора. Признавая неоспоримымъ, что труды его вообще вносятъ въ славянскую филологію богатый вкладъ драгоцѣнныхъ источниковъ и пособій, отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило о. архимандриту Амфилохію Ломоносовскую премію. Подробный отчетъ объ этомъ присужденіи, составленный академикомъ П. В. Ягичемъ, будетъ помѣщенъ въ изданіяхъ отдѣленія.

Число академическихъ премій почти ежегодно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и занятія отдѣленія, на которое возлагается, какъ составленіе правилъ для премій, такъ и разсмотрѣніе сочиненій, ноступающихъ на преміи. Къ общимъ трудамъ отдѣленія, въ этомъ году, относится составленіе проекта правилъ для премій профессора А. А. Котляревскаго, учрежденныхъ вдовой его для увѣнчанія сочиненій по славянской археологіи и филологіи, и др.

Увеличеніе числа премій, присуждаемыхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, сопряженная съ этимъ весьма обширная переписка, многочисленность трудовъ, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, и другія соображенія послужили поводомъ къ тому, что г. президентомъ Академіи Наукъ, графомъ Д. А. Толстымъ, исходатайствовано было 5.000 руб. ежегодно на усиленіе средствъ отдѣленія русскаго языка и словесности.

Къ числу трудовъ, возложенныхъ на отдѣленіе русскаго языка и словесности, при ближайшемъ и непосредственномъ участіи одного изъ его членовъ, принадлежитъ изданіе матеріаловъ для исторіи Ака-

деміи Наукъ. Главнымъ источникомъ для этого изданія должно служить богатое собраніе рукописей, хранящихся въ такъ-называемомъ архивѣ академической канцеляріи. О значеніи этого архива, а равно и о большихъ затрудненіяхъ при пользованіи имъ, можно судить по слѣдующему отзыву академика Пекарскаго, автора „Исторіи Академіи Наукъ“: „Въ этомъ архивѣ нѣтъ описей, а потому, чтобъ ознакомиться съ содержаніемъ хранящихся здѣсь матеріаловъ или найти какія-либо нужныя извѣстія, необходимо долгое и кропотливое разсмотрѣніе значительнаго количества фоліантовъ, писанныхъ по большей части дурною скорописью XVIII вѣда“. Академическая канцелярія есть то самое учрежденіе, на самовластіе котораго такъ часто слышались жалобы отъ старинныхъ академикомъ. „Въ оной канцеляріи“, говорится въ отвѣтѣ сенату, 1745 года, — „всѣ президенты присутствовали, и къ профессорамъ ордеры, а во всѣ подчиненныя мѣста указы посылались. И всѣ дѣла происходили изъ канцеляріи: контракты съ профессорами, адъюнктами и съ прочими служителями“ и т. д. Въ архивѣ академической канцеляріи находится много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи не только просвѣщенія, но даже искусствъ и ремеслъ въ Россіи XVIII столѣтія. Занимаясь исторіей образованія въ Россіи и пользуясь для этой цѣли рукописями Академіи Наукъ, графъ Д. А. Толстой убѣдился на опытѣ въ важномъ значеніи академическаго архива, и немедленно по вступленіи своемъ въ должность президента Академіи Наукъ обратилъ вниманіе на необходимость изданія архивныхъ матеріаловъ и прежде всего — протоколовъ академической канцеляріи. Но такъ какъ за нѣкоторые годы, относящіеся къ первому періоду Академіи, вовсе не сохранилось протоколовъ, а между тѣмъ, свѣдѣнія объ этой, древнѣйшей порѣ академической жизни, представляютъ особенный интересъ, то предположено, по крайней мѣрѣ на первый разъ, не ограничиваться одними протоколами, а помѣщать и другіе документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи Академіи Наукъ и находящіеся въ академическомъ или въ другихъ какихъ-либо архивахъ. По ходатайству г. президента Академіи Наукъ, на изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ назначено по 5.000 рублей ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. Часть этой суммы опредѣлена для покрытія расходовъ по разбору и приведенію въ порядокъ массы бумагъ, хранящихся въ академическомъ архивѣ съ незапамятныхъ временъ. Подготовительныя работы по предпріятому изданію приближаются къ окончанію, и отдѣленіе надѣется вскорѣ приступить къ печатанію „Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ“.

Другой трудъ, предпринятый отдѣленіемъ въ истекающемъ году, относится къ области отечественнаго языка. Извѣстно, сколько недоразумѣній встрѣчается въ этой области вслѣдствіе крайней неопредѣленности нашего правописанія. Чтобы содѣйствовать устраненію различныхъ невѣрностей и неточностей, преимущественно въ правописаніи, отдѣленіе признало нужнымъ разъяснить нѣкоторые спорные вопросы нашей грамматики сообразно съ современнымъ состояніемъ филологіи и съ тѣми требованіями, которыми указываются самою исторіей нашего языка. По порученію отдѣленія, академикъ Я. К. Гротъ составилъ руководство по русской фонетикѣ и орфографіи, которое предназначается къ изданію отъ отдѣленія, и поэтому прочитывается и обсуживается въ засѣданіяхъ отдѣленія для общаго соглашенія во взглядѣ по всѣмъ вопросамъ этой части.

Въ истекающемъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, труды членовъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ частію помѣщаются въ академическихъ изданіяхъ, частію выходили отдѣльными книгами.

Академикъ Я. К. Гротъ оканчивалъ печатаніе IX-го тома академическаго изданія сочиненій Державина, и особенно занятъ былъ приготовленіемъ полнаго указателя ко всему изданію, въ высшей степени необходимаго для изслѣдователей при пользованіи многотомнымъ изданіемъ. Въ девятомъ, послѣднемъ, томѣ, сверхъ разнаго рода дополненій къ предыдущимъ томамъ и множества пояснительныхъ примѣчаній, помѣщены и нѣкоторые историческіе документы, какъ напримѣръ, новые матеріалы для исторіи Пугачевщины и записка академика Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, впервые появившіяся въ печати въ своемъ полномъ видѣ. Академикъ Штелинъ былъ домашнимъ человѣкомъ у императора Петра III и находился при немъ неотлучно въ роковыя для него дни—28-го и 29-го іюня 1762 года.

Продолжая труды свои по изданію сочиненій Плетнева, академикъ Гротъ окончилъ печатаніе прозы, занявшей два съ половиною тома. Затѣмъ, собравъ всѣ стихотворенія этого писателя, разбросанныя по журналамъ и альманахамъ двадцатыхъ годовъ, напечаталъ выборъ изъ нихъ, и приступилъ къ печатанію писемъ Плетнева. Въ настоящее время уже отпечатана переписка его съ Пушкинымъ.

Въ этомъ же году академикъ Гротъ печаталъ третье изданіе своихъ „Филологическихъ Разысканій“, пополненное многими новыми статьями. Первый томъ уже отпечатанъ.

Сверхъ того, преимущественно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, появились слѣдующія статьи нашего академика:

1) „Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ и скандинавскихъ словъ“, по поводу двухъ изслѣдованій шведскаго ученаго Тамма. Напечатаны въ *Archiv für slavische Philologie* и въ *Филологическихъ Запискахъ*, издаваемыхъ въ Воронежѣ. 2) Императоръ Іосифъ II въ Россіи“, по донесеніямъ шведскаго посланника Нольке,—напечатано въ „Русской Старинѣ“. 3) Подробный обзоръ книги іенскаго профессора Сиверса: „Основанія фонетики“, съ критическими замѣчаніями,—напечатанъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 4) Критическая оцѣнка появившейся на датскомъ языкѣ книги профессора славянскихъ нарѣчій въ Копенгагенскомъ университетѣ Каспара Смита: „Исторія русской литературы“. Замѣтка о ней напечатана въ *стокгольмскомъ литературномъ журналѣ* и въ сборникѣ втораго отдѣленія Академіи Наукъ.

Академикъ Гротъ сотрудничалъ по предметамъ, касающимся русской литературы, въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ въ Стокгольмѣ, подъ названіемъ: *Nordisk Familiebok*.

По порученію Императорскаго русскаго историческаго общества Я. К. Гротъ приступилъ къ печатанію, на французскомъ языкѣ, полнаго собранія сохранившихся писемъ барона Гримма къ императорицѣ Екаторинѣ II.

Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ VI—X главы своихъ „Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха“, въ которыхъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли сближенія славянорусскаго и иностраннаго народно-поэтическаго матеріала и ихъ взаимнаго объясненія. Результаты подобной работы могутъ одинаково послужить на пользу той и другой изъ изучаемыхъ областей; разборъ 2-й главы *Разысканій* (св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), предложенный недавно Гейнцелемъ (*Anzeiger von deutsches Alterthum und deutsche Litteratur*, IX, 3 Juli 1883), служить доказательствомъ вниманія, съ которымъ представители западной науки начинаютъ слѣдить за русскими трудами этого рода. Важны для нихъ и особенности методологическихъ воззрѣній, обусловленные не столько личными приѣмами изслѣдователя, сколько особенностями его данныхъ, и научныя изслѣдованія этихъ данныхъ, которыя, будучи поставлены въ связь съ однородными западными, нерѣдко измѣняютъ взглядъ на происхождение и историческое развитіе общаго имъ круга воззрѣній. Такъ, славянорусскія и греческія сказанія о „крестномъ дровѣ“ осмѣиваютъ

сложныя судьбы этой легенды на западѣ, южно-славянскія и русскія представленія объ Ильѣ пророкѣ умѣряютъ крайности взгляда, давно выраженаго и повтореннаго недавно—на тождественность народнаго Ильи съ Илиемъ-Гелиосомъ и т. п.

Изслѣдованія автора о „южно-русскихъ былинахъ“, продолженіе которыхъ (гл. III—X) нынѣ печатается, также относятся къ общему вопросу о генезисѣ эпоса, давно отложившагося на западѣ въ литературныхъ формахъ и забывшаго ту болѣе простую форму народной былевой пѣсни, которую лишь славянскій изслѣдователь можетъ изучить въ полнотѣ и относительно живомъ преданіи. Рядомъ съ „Южно-русскими былинами“ и „Разысканіями“ авторъ началъ помѣщать въ Запискахъ Академіи новый рядъ своихъ научныхъ работъ подъ названіемъ: „Замѣтки по литературѣ и народной словесности“. Явился пока первый выпускъ, въ которомъ помѣщенъ, между прочимъ, комментарий къ старой русской повѣсти „о Василии королевичѣ Златовласомъ Чешскія земли“, давно извѣстной по заглавію, но лишь недавно вновь открытой въ рукописяхъ Императорской публичной бібліотеки нашихъ сочленомъ академикомъ А. О. Бычковымъ.

Академикъ И. В. Ягичъ издалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-славянской письменности, о которомъ упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ—Маріинское Четвероевангеліе глаголическаго письма конца X или начала XI вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что В. И. Григоровичъ во время путешествія своего по Турціи приобрѣлъ на Афонѣ глаголическое Четвероевангеліе замѣчательной древности, представители славянской филологіи, какъ въ Россіи, такъ и за границею, не переставали настаивать на томъ, чтобы памятникъ былъ изданъ. Желанію этому суждено было осуществиться не ранѣе, какъ въ теченіе вышшняго года. Его опередило нѣсколькими годами изданіе такого же памятника, знаменитаго Зографскаго Евангелія, которое на ряду съ Остромировымъ Евангеліемъ составляетъ неоцѣнимый кладъ нашей публичной бібліотеки. Если уже изданіе Зографскаго Евангелія И. В. Ягичемъ въ 1879 году въ Берлинѣ встрѣчено было критикой очень сочувственно, то еще большей признательности въ правѣ ожидать сочленъ нашъ за строго учебное изданіе Маріинскаго Евангелія, въ которомъ онъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но въ видѣ приложеній присоединилъ обширныя изслѣдованія, относящіяся къ палеографическимъ, грамматическимъ и другимъ особенностямъ издаваемаго памятника. Позволимъ еще ука-

затѣ на приложенный въ концѣ словарь (словоуказатель), какъ на трудъ образцовый.

Второй трудъ И. В. Ягича, о которомъ тоже упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ, изданіе памятниковъ древнерусской письменности, безъ чего немислима исторія русскаго языка,—теперь уже на столько подвинулся, что первый томъ, обнимающій оба древнѣйшіе памятника древнерусской письменности послѣ Остромирова Евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ и въ этомъ году издавать свой ученый журналъ Архивъ, специально посвященный славянской филологіи; седьмой томъ Архива выйдетъ на дняхъ. Сверхъ многихъ критико-библіографическихъ статей, въ которыхъ редакторъ обозрѣваетъ широкую область славянской филологіи по изданіямъ на различныхъ славянскихъ языкахъ, обращаютъ на себя вниманіе обширныя статьи, написанныя также самимъ редакторомъ о Синайскомъ требникѣ и молитвословѣ и о новѣйшей попыткѣ палеографическаго объясненія славянскаго письма. Отвергая мнѣніе о происхожденіи глаголическаго письма изъ албанскаго, академикъ нашъ отстаиваетъ его греческій источникъ, полагая что оно преимущественно, если не исключительно, образовалось изъ греческаго минускульнаго письма.

20-го іюля этого года скончался въ Пятигорскѣ членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по второму ея отдѣленію Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. По окончаніи, въ 1850 году, курса наукъ въ Московской духовной академіи, А. Е. Викторовъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служба въ архивѣ пришла къ нему нелюбимая по душѣ Викторову: міръ рукописей сдѣлался роднымъ ему міромъ, изученію котораго онъ предался со всѣмъ жаромъ человѣка, угадавшаго свое настоящее призваніе. Ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1862 году, Викторовъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ дѣятельности Викторова на этомъ поприщѣ служатъ слѣдующія, краснорѣчивыя данныя: до Викторова, въ отдѣленіи, которымъ онъ завѣдывалъ впоследствии, старопечатныхъ книгъ было 200 и рукописей 800; при Викторовѣ и благодаря ему, число книгъ возросло до 3,000, а число рукописей—до 5,000. И эти богатства, накопленныя имъ съ необычайными усиліями и трудностями, онъ дѣлалъ общедоступными, от-

крывая ихъ съ самою искреннею радостью для каждаго, желавшаго пользоваться ими съ научною цѣлью. Съ какимъ живымъ участіемъ относился онъ къ вопросамъ литературы и науки, объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ лица, которымъ приходилось работать въ музеѣ и бесѣдовать съ Викторовымъ. Въ душѣ ихъ сохранится навсегда его свѣтлый образъ и воспоминаніе о его неоцѣнной готовности дѣлиться драгоценными сокровищами, собранію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Работая неутомимо, Викторъ обогатилъ нашу научную литературу весьма цѣнными вкладами. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ: Очеркъ собранія рукописей Ундольскаго.—Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Пискарева.—Собраніе рукописей В. И. Григоровича.—Собраніе рукописей П. И. Севастьянова.—Собраніе рукописей И. Д. Вѣллева.—Алфавитный указатель славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки.—Кириллъ и Меѳодій.—Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ.—Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года, и мн. друг. Последнее изслѣдованіе есть часть обширнаго, не изданнаго еще труда. Къ числу важнѣйшихъ рукописныхъ трудовъ Викторова принадлежитъ описаніе Макарьевскихъ четви-миней, сличенныхъ съ четви-минеями другихъ русскихъ редакцій, съ указаніемъ подлинниковъ жизнеописаній въ греческихъ рукописяхъ или въ латинскихъ переводахъ, въ Acta sanctorum, и т. д. Очеркъ жизни и научной дѣятельности А. В. Викторова составленъ, по порученію отдѣленія, сочленомъ нашимъ А. Ѳ. Бычковымъ и будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ академическихъ изданій.

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета за 1882 годъ: личный составъ преподавателей; измѣненія въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія; ученые труды преподавателей и другихъ лицъ вѣдомства университета; публичныя лекціи; ученые командировки; свидѣнія объ учащихся; присужденіе медалей; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета; учено-вспомогательныя учрежденія; общество естествоиспытателей.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ концу 1882 года состояло слѣдующее число штатныхъ преподавателей: по богословскому факультету—ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарныхъ 1; по юридическому—ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарный 1, доцентъ 1; по медицинскому—ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарный 1, доцентовъ 4, прозекторовъ 2, ученый аптекаръ 1; по историко-филологическому—ординарныхъ профессоровъ 10, доцентовъ 3, лекторовъ 4; по физико-математическому—ординарныхъ профессоровъ 10, доцентъ 1, астрономъ-наблюдатель 1. Сверхъ того при университетѣ состояли по штату: профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, преподаватель началъ архитектуры и 5 учителей искусствъ. Вообще наличныхъ штатныхъ преподавателей было: 1 профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, 41 ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ, 1 преподаватель началъ архитектуры, 9 доцентовъ, 5 учителей искусствъ, 2 прозектора, 1 ученый аптекаръ, 1 астрономъ-наблюдатель и 4 лектора; всего же—68 лицъ. Сверхъ штата былъ одинъ преподаватель—ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Приватъ-доцентовъ имѣлось 5, но предметамъ: специальной патологіи,

фармакологін, славянской филологін, исторін литературы, политической экономіи и ботаники.

Факультеты имѣли въ теченіе года засѣданій: богословскій 7, медицинскій 16, юридическій 13, историко-филологическій 16, физико-математическій 19. Относительно распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія измѣненія послѣдовали только по медицинскому факультету, а именно: а) во избѣжаніе перерыва въ преподаваніи, протоколы, составляемые профессоромъ государственнаго врачебновѣдѣнія, впредь не будутъ препровождаться къ уѣздному врачу для составленія имъ исключительно судебно-врачебнаго свидѣтельства о вскрытіи и осмотра трупа (*visum peritum*), а употребляться будутъ только для научныхъ цѣлей; б) студенты медицины, начинающіе въ августѣ курсъ ученія, могутъ лишь по истеченіи пятаго полугодія держать экзамен *philosophicum*; в) студенты, занимающіеся упражненіями въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, не могутъ одновременно заниматься и практикою въ клиникѣ.

Профессоры и другіе преподаватели университета издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: А. фонъ-Эттингенъ напечаталъ отдѣльно „Moralstatistik“, 3-е переработанное изданіе, и помѣстилъ нѣсколько статей и рецензій въ *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland* и въ *Schürer — Theologische Literaturzeitung*; Фолькъ издалъ „Kanonik und Hermeneutik“ и „Gesenius' Hebräisches und Chaldäisches Handwörterbuch über das alte Testament“ и помѣстилъ нѣсколько статей по библейскому богословію и библейской исторіи въ *Herzog-Plitt-Theologische Realencyclopaedie*; Мюлау напечаталъ нѣсколько статей географическаго содержанія въ *Rheussblisches Handwörterbuch*; Бонвечъ помѣщалъ въ *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland* и въ двухъ другихъ изданіяхъ статьи по богословію; Эрдманъ издалъ „Der Tod im Recht“ и помѣстилъ въ *Baltische Monatsschrift* двѣ статьи: „Das Eigenthumsrecht an Pastoratsländereien“ и „Die Entwurf der neuen Wechselordnung“; Лёнингъ напечаталъ въ *Schönberg—Handbuch der politischen Oeconomie* статьи: „Armenpflege und Armenpollizei“ и „Sittlichkeitspollizei“; Бётхеръ помѣстилъ статью въ *Archiv der Ohrenheilkunde*; Драгендорфъ напечаталъ двѣ статьи въ *Pharmaceutische Zeitschrift für Russland*: „Chemische Analyse der Blätter des Memecylontinctorium“ и „Beiträge zur gerichtlichen Chemie“; А. Шмидтъ помѣстилъ въ *Archives de physiologie normale et patho-*

logique статьи: „Die physiologische und pathologische Rolle d Leucocyten des Blutes, и „Die farblosen und die rothen Blutkörperchen Гофманъ напечаталъ три статьи: въ Archiv für Pharmacologie, Virchow's Archiv и въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift; Ст да помѣстилъ статьи: въ Russische Revue—„Ueber den V-ten archäologischen Congress in Tiflis“, въ Archiv für Anthropologie—„Die anthropologische Ausstellung in Moscau 1879“, „Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden“ и „Ueber die Anwendung der Wahrscheinlichkeit Rechnung in der anthropologischen Statistik“ и въ Biologisch Centralblatt—„Referate über russische anatomische Arbeiten“; Посе бергъ помѣстилъ въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschere Gesellschaft статью „Untersuchungen über die Wirbelsäule v Myrmecophaga jubata“; Рельманъ напечаталъ двѣ статьи: 1 Zehender—klinische Monatsblätter—„Ueber die optische Wirkung d hyperbolische Linsen bei Keratoconus und unregelmässigem Astigmatismu sowie über die Anwendung derselben als Brillen“ и въ Archiv für Augheilkunde—„Ueber amyloide Degeneration des Augenlides und zwar: über Gewerbsveränderungen, b) über die Arten der Degeneration, c) über Quellungsfähigkeit der amyloiden Substanz und über die Entstehung d Schollen, mit 6 chromolithographirten Tafeln“; Эммингауъ помѣстилъ въ Maschka—Handbuch der gerichtlichen Medicin статью „Kinder un Unmündige, Blödsinn und Schwachsinn in forensischer Hinsicht Браунъ издалъ отдѣльно „Tabellarische Uebersicht der thierische Parasiten des Menschen“, и напечаталъ статьи въ Zoologischer Anzeigen—„Zur Frage des Zwischenwirthes von Bothriocephalus latus Art. II—IV“, въ Virchow—Archiv für pathologische Anatomie—„Ueber die Herkunft von Bothriocephalus latus“ и въ Archiv für Anatomie und Physiologie—„Entwicklungsvorgänge am Schwanzende bei einigen Säugethieren mit Berücksichtigung der Verhältnisse beim Menschen“; Л. Мейеръ издалъ „Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache. I Bd. I Hälfte, II Auflage“; Тейх мюллеръ издалъ въ Бреславль свой трудъ „Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik“ и помѣстилъ въ Philologische Rundschau: рецензію сочиненія „A. J. of Sillen—Platonis de antiquissima philosophia testimonia“ и статью „Zur Erwiderung“; Митрофъ напечаталъ „Festrede zur Jahresfeier der Universität Dorpat am 12 December 1881“ и помѣстилъ въ G. Schoenberg-Handbuch der politischen Oekonomie статью „Die volkswirth-

schaftliche Vertheilung"; В. Гёршельманъ издалъ свой трудъ „Scho-lia Nephaestionea altera integra primum edita"; Мендельсонъ напечаталъ двѣ статьи: въ *Mélanges d'érudition classique—De Ciceronis epistularum codice Turonensi*" и въ *Rheinisches Museum für Philologie—„Handschriftliches zu Dionysios von Halicarnassos und Appianus"*; Лёшке помѣстилъ статьи: въ *Historische Untersuchungen—„Phydias Tod und die Chronologie des olympischen Zeus,* и въ *Mittheilungen—des archäologischen Instituts in Athen—„Schwarzfigurige Rundbilder"*; Вальтцъ напечаталъ въ *Rivista cristiana* статью „Una lettera di Giovanni Valdés, Mittheilung durch Eduard Bödmer"; Висковатовъ помѣстилъ статьи: въ журналъ *Русская Мысль—„Неизданныя поэмы Лермонтова: Сашка, Каллѣ и Литвинка"*, „Биографія Лермонтова, гл. VI и VII" и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* новый романъ Лермонтова „Княжна Лиговская", въ газетѣ *Новое Время—„По поводу опредѣленія дня рожденія Жуковскаго"*, въ газетѣ *Голось—„По поводу памятника Лермонтова"* и въ журналѣ *Русская Старина—„Неизданныя сочиненія Лермонтова"*; Бюхеръ издалъ „*Die Frauenfrage im Mittelalter*" и напечаталъ въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft* статью „*Zur mittelalterlichen Bevölkerungsstatistik mit besonderer Rücksicht auf Frankfurt am Main. Th. II*"; К. Шмидтъ помѣстилъ двѣ статьи: въ *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg—„Hydrologische Untersuchungen, und zwar: Nowo-Ussolje-Soolen, Hetzk-Salzsee-Wasser, Barchatow-Bittersee-Wasser, Issyk-Kul-See-Wasser, Onega-See-Wasser, fünf Brunnen der Karakum-Sand-Wüste"* и въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches—„Chemisch-geologischer Beitrag zu G. von Helmersen's Olonicis"*. Арт. фонъ-Эттингенъ издалъ свой трудъ „*Auge und Ohr*"; Руссовъ напечаталъ статьи: въ *Botanisches Centralblatt—„Gegenbemerkungen zu den Bemerkungen Dr. C. Saniós zu meinem Aufsatz: Ueber die Entwicklung des Hoftypfels der Membran der Holzzellen und des Jahresringes bei den Abietineen, in erster Linie von Pinus silvestris"*, и въ *Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft—„Ueber Bau und Entwicklung der Siebröhren"*, „*Ueber Tüpfelbildung und Inhalt des Bastparenchym und Basttrahlzellen der Dicotylen und Gymnospermen*", „*Ueber den Inhalt der parenchymatischen Elemente der Rinde vor und während des Knospenaustriebes und Beginns der Cambiumthätigkeit in Stamm und Wurzel der einheimischen Lignosen*" и „*Ueber das Klettern der Setta europaea*". Доценты: Кохъ напечаталъ статьи: въ *Berliner Klinische Wochenschrift—„Zur Lehre*

довъ на островѣ Миноркѣ и въ Алжирѣ. Внутри имперія командированъ былъ только профессоръ Стида—въ Витебскую, Ковенскую и Курляндскую губерніи для изслѣдованій по антропологии.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 года состояло 1,164 студента; въ теченіе 1882 года поступило 447 (изъ другихъ университетовъ 53, изъ гимназій 280, аптекарскихъ помощниковъ 41, вторично поступившихъ 73); въ теченіе года выбыло 300 (до окончанія курса 167, по окончаніи курса 133); затѣмъ къ 1-му января 1883 года находилось на лицо 1,311, то-есть, на 147 человекъ болѣе предыдущаго года. Постороннихъ слушателей въ 1882 году поступило 38 (23 изъ другихъ университетовъ, 7 изъ гимназій, 2 изъ духовныхъ семинарій, 6 вторично поступившихъ); всѣ они въ теченіе 1882 года выбыли (половина до окончанія, а другая половина по окончаніи курса). Оставшіеся къ 1883 году 1,311 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: по богословскому факультету 173, по юридическому—216 (изучавшихъ правовѣдѣніе 211, изучавшихъ дипломатію 5), по медицинскому—651 (изуч. медицину 562, изуч. фармацію 89), по историко-филологическому—169 (въ историко-филологическомъ отдѣленіи 129, въ камеральномъ отдѣленіи 40), по физико-математическому—102 (въ математическомъ отдѣленіи 39, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ 63); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 68, римско-католиковъ 92, лютеранъ 1003, реформатовъ 33, Евреевъ 115; в) по сословіямъ: синовей дворянъ и чиновниковъ 473, духовнаго званія 136, почетныхъ гражданъ и купцовъ 406, мѣщанъ и разночинцевъ 118, крестьянъ 121, иностранныхъ подданныхъ 57; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 1,121, изъ другихъ учебныхъ заведеній 181, аптекарскихъ помощниковъ 89; д) по учебнымъ округамъ, въ районѣ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 127 Московскаго 18, Казанскаго 5, Харьковскаго 10, Одесскаго 19, Киевскаго 19, Виленскаго 17, Варшавскаго 31, Дерптскаго 1,033, изъ заграничныхъ заведеній 32. Въ 1882 году стипендіями пользовались 50 студентовъ, всего на сумму 7,840 руб. 73 коп., въ томъ числѣ: 25 на 4,618 руб. 74 коп.—изъ государственнаго казначейства, и 25 на 3,221 руб. 99 коп. изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. Размѣръ стипендій—отъ 30 руб. до 500 руб. включительно. Пособія въ теченіе года были выданы 35 студентамъ, всего на сумму 1,190 руб. на счетъ средствъ казны; размѣръ пособій—отъ 10 руб. до 40 руб., включительно. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено

было 188 студентов на сумму 2.820 руб. Такимъ образомъ, на всѣ способы вспомошествованія 273 студентамъ израсходовано пѣз указанных источниковъ 11,850 руб. 13 коп. въ годъ.

Мѣрами для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ ихъ научными занятіями служили: назначеніе стипендіи и пособій, освобожденіе отъ взноса гонорара, присужденіе медалей за научные труды, изданіе отличнѣйшихъ сочиненій на счетъ университетскихъ суммъ, производство испытаній семестральныхъ и на учебныя степени. Сверхъ того, независимо отъ обязательныхъ теоретическихкихъ лекцій, во всѣхъ факультетамъ производились бесѣды, репетиціи, практическія работы, письменныя упражненія и т. п., и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ.

За представленныя на заданныя факультетами темы сочиненія удостоены награжденія медалями слѣдующіе студенты: а) золотыми—юридическаго факультета—Максимъ Тобинъ, медицинскаго—Карлъ Влау и Рихъ Таль, историко-филологическаго—Маръ Здѣховскій б) серебряною—богословскаго факультета Янъ Зандеръ. Понимавшими студентами представлены были слѣдующія сочиненія: Тобинимъ—„Охотничье право въ Остзейскихъ губерніяхъ въ его историческомъ и догматическомъ развитіи“, Влау—„Опытныя изслѣдованія о происхожденіи шума въ артеріяхъ при поврежденіи оныхъ“, Талемъ—„Возобновленныя изслѣдованія о составѣ и раздѣленіи эриколина и о его распространеніи въ семействѣ эрикацевъ“, Здѣховскимъ—„Богатырь Добрыня Никитичъ въ эпическихъ былинахъ; критическое сравненіе вариантовъ и выдѣленіе древнихъ пѣсенъ“, Зандеромъ—„Библийское ученіе о христіанскомъ совершенствѣ“.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій, совѣтомъ Дерптскаго университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора, магистры: Гикишъ—по предметамъ географіи, этнографіи и статистики, Струве—чистой математики, Пѣль—химіи; дѣкары: Мансуріанецъ, Ленцъ, Лессеръ, Пюхлау, Раушенбахъ, Вальт. Кизерицкій, Вольд. Кизерицкій, Германъ, Шварцъ, Мазинъ, Гейль, Гребенеръ, Самсонъ-Гиммельштіерна, Чернѣвскій, Грошъ, Влехманъ, Раутенфельдъ и Загемель—медицины; б) въ степени магистра, кандидаты: Гулке—всеобщей исторіи, Фалькъ—политической экономіи и Вильмъ—химіи; провизоры: Томсонъ, Лепнигъ и Шуппе—фармаціи; в) въ степени кандидата утверждены 37 студентовъ (по богословскому факультету 4, по юри-

дическому 11, по историко-филологическому 16, по физико-математическому 6); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—29 (по богословскому факультету 12, по юридическому 5, по историко-филологическому 7, по физико-математическому 5. Медицинскимъ факультетомъ утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: гѣвара 17, увѣднаго врача 4, акушера 1, провизора 24, аптекарскаго помощника 78, зубнаго врача 5. Сверхъ того, профессоръ богословія въ Эрлангенскомъ университетѣ, докторъ Альбертъ Гаукъ утвержденъ совѣтомъ въ степени почетнаго доктора богословія.

Денежныя средства Дерптскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: къ 1-му января 1882 года имѣлось въ остаткѣ 4,696 руб. 77 коп., въ 1882 году отпущено было изъ средствъ государственнаго казначейства 247,417 руб. 91 коп., въ теченіе года израсходовано 245,808 руб. 49 коп., затѣмъ къ 1-му января 1883 года остатокъ составлялъ 6,306 руб. 19 коп.; б) сборъ со студентовъ въ пользу университета, за матриккулы и за пользованіе больныхъ въ клиникахъ: отъ 1881 года оставалось 1,869 руб. 88 коп., въ 1882 году поступило 35,364 руб. 11 коп., въ теченіе года израсходовано 35,840 руб. 60 коп., въ остаткѣ къ 1883 году имѣлось 1,393 руб. 39 коп.; в) пожертвованныя суммы (наличныя и въ билетахъ): къ началу 1882 года имѣлось 69,382 руб. 23 коп., въ 1882 году поступило 14,171 руб. 18 коп., въ теченіе года израсходовано 5,085 руб. 64 коп., къ 1-му января 1883 года имѣлось 78,467 руб. 77 коп. Главнѣйшіе расходы изъ специальныхъ средствъ были слѣдующіе: на покупку дровъ 3,440 руб., на жалованье одному сверхштатному ординарному профессору 2,352 руб., на усиленіе штатной ремонтной суммы 988 руб., на усиленіе штатной суммы для медицинской и хирургической клиникъ 744 руб., на библіотеку 702 руб., квартирныя деньги педеламъ 700 руб., на приобрѣтеніе кругораздѣльной машины 630 руб., на вознагражденіе астроному-наблюдателю за читанныя имъ лекціи 600 руб., на наемъ полицейскихъ нижнихъ чиновъ 500 руб.

Состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений Дерптскаго университета къ 1-му января 1883 года представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: Университетская библіотека: книгъ 85,976 сочиненій 131,996 томовъ на сумму 369,172 руб., періодическихъ изданій 513 названій 13,894 томовъ и тетрадей на 45,304 руб., рукописей 749 названія на 2,354 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей 5,909 листовъ на 8,737 руб., диссертаций 70,035 экземпляровъ на 7,003 руб. Библіотекою пользовались въ теченіе года 926 студентовъ. Въ музей

визуальных искусствъ: книгъ и періодическихъ изданій 1,393 названій 1,767 томовъ на 15,836 руб., древностей, снимковъ, монетъ, медалей и фотографій 15,163 номера 15,232 экземпляра на 24,317 руб. Въ математическомъ кабинетѣ: книгъ и періодическихъ изданій 140 названій 329 тома на 1,191 руб., инструментовъ и снарядовъ 135 номеровъ на 2,402 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ и періодическихъ изданій 121 названіе 474 тома на 1,125 руб., таблицъ, картъ, инструментовъ и снарядовъ 870 номеровъ 1,117 экземпляровъ на 11,956 руб. Въ I и II семестрахъ въ кабинетѣ занимались опытными физическими изслѣдованіями 11 студентовъ. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ и періодическихъ изданій 602 названія 830 томовъ на 1,018 руб., инструментовъ и снарядовъ 182 номера 200 экземпляровъ на 6,162 руб. Практическія упражненія не производились вслѣдствіе неимѣнія удобнаго помѣщенія. Въ химическомъ кабинетѣ: книгъ и періодическихъ изданій 142 названія 719 томовъ на 2,792 руб., инструментовъ, снарядовъ и мебели 647 номеровъ 719 экземпляровъ на сумму 15,436 руб. Въ лабораторіи при химическомъ кабинетѣ занимались практическими работами и аналитическими изслѣдованіями: въ I семестрѣ 26, а во II семестрѣ 29 студентовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ и періодическихъ изданій 697 названій 1,169 томовъ на 2,523 руб., минераловъ, горныхъ породъ, окаменѣлостей, аппаратовъ и другихъ принадлежностей 37,643 номера на сумму 26,627 руб. Практическими работами, въ особенности же упражненіями въ опредѣленіи минераловъ, кристалловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей, въ кабинетѣ занимались 15 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: книгъ и періодическихъ изданій 68 названій 289 томовъ на 714 руб., коллекцій животныхъ, яицъ, гнѣздъ, моделей и проч. 17,084 номера 17,123 экземпляра на сумму 15,836 руб. Въ ботаническомъ саду и ботаническомъ кабинетѣ: книгъ и періодическихъ изданій 330 названій 596 томовъ на 1,324 руб., растений, деревьевъ, кустовъ, кустарниковъ, травъ, сухихъ растений, коллекцій и проч. 36,238 номеровъ 166,791 экземпляръ на 12,064 руб. Лекціи по общей ботаникѣ посѣщали 109, по медицинской и фармацевтической ботаникѣ 43, по географіи растений 10 студентовъ. Въ практическихъ упражненіяхъ посредствомъ микроскопа участвовали въ I семестрѣ 3, во II семестрѣ 12 студентовъ. Въ экономическомъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: книгъ и періодическихъ изданій 174 названія 818 томовъ на 2,461 руб., препаратовъ, инструментовъ,

сварядовъ и моделей 1,192 нумера на 7,218 руб. Практическими работами, именно изслѣдованіями о естественныхъ и искусственныхъ средствахъ удобренія, о кормовыхъ веществахъ, образцахъ пахатной земли, мергала, гипса, известняка и глины занимались въ двухъ семестрахъ по 3 студента въ каждомъ. Въ опытной станціи для испытанія сѣмянъ изслѣдовано значительное число сельско-хозяйственныхъ сѣмянъ относительно чистоты и способности прозябанія, и студенты сельскаго хозяйства обучались этимъ приемамъ. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ и періодическихъ изданій 1,323 названія 2,527 томовъ, инструментовъ, аппаратовъ, картъ, атласовъ и эстамповъ 212 нумеровъ 227 экземпляровъ, всего на сумму 45,797 руб. Практическими работами въ обсерваторіи занимались 3 студента. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ и періодическихъ изданій 69 названій 433 тома на 1,565 руб., препаратовъ, реакенцій, москательныхъ товаровъ, коллекцій смолъ и проч. 9,518 нумеровъ 28,845 экземпляровъ на 21,258 руб. Въ практическихъ упражненіяхъ участвовали: въ I семестрѣ 122, во II 132 студента. Научными, болѣе обширными работами занимались 15 лицъ, и изъ числа ихъ трудовъ, кроми нѣсколькихъ диссертаций, напечатаны слѣдующіе: Лепнига— „Chemische Untersuchung des Tanacetum vulgare“, Манделіина— „Ueber den gelben Farbstoff aus Viola-Arten“ и „Ueber das Vorkommen der Salicylsäure in Spiraea ulmaria“. Въ анатомическомъ институтѣ: книгъ и періодическихъ изданій 420 названій 476 томовъ на 2,403 руб., препаратовъ, инструментовъ, сварядовъ, статуи и моделей 1,073 нумера 1,188 экземпляровъ на 7,133 руб. Въ институтѣ доставлено было 122 трупа, изъ которыхъ 87 употреблены на надобности анатомическія, а 35—на надобности хирургическія. Изслѣдованіями труповъ занимались: въ I семестрѣ 163, а во II—95 студентовъ. Въ институтѣ сравнительной анатоміи: книгъ и періодическихъ изданій 1,650 названій 2,626 томовъ на 2,509 руб., инструментовъ, сварядовъ, мебели и препаратовъ 3,082 нумера 6,560 экземпляровъ на 13,287 руб. Изъ числа приобретеній института особеннаго вниманія заслуживаютъ 33 серіи микроскопическихъ препаратовъ, служащихъ демонстраціями по произведенному въ институтѣ изслѣдованію скелета заднихъ конечностей ганновдовъ и теллеостіевъ, всего 916 препаратовъ. Практическими упражненіями и изслѣдованіями занимались: въ I семестрѣ 22 студента, во II—31. Въ фізіологическомъ институтѣ: книгъ и періодическихъ изданій 417 названій 707 томовъ на 1,631 руб., препаратовъ, инструментовъ и аппаратовъ 352 экземпляра на 6,832 руб.

Въ институтѣ 7 студентовъ занимались изслѣдованіями крови въ физиологическомъ и патологическомъ отношеніи. Въ патологическомъ институтѣ: книгъ и періодическихъ изданій 167 названій 258 томовъ на 699 руб., препаратовъ и инструментовъ 1.965 экземпляровъ на 4,578 руб. Въ практическихъ изслѣдованіяхъ студенты участвовали въ довольно значительномъ числѣ, а одинъ студентъ занимался опытными изслѣдованіями эпителиомы, развившейся изъ рубцовъ отъ обжога. Въ фармакологическомъ институтѣ: книгъ и періодическихъ изданій 45 названій 168 томовъ на 857 руб., москательныхъ товаровъ, препаратовъ, инструментовъ и проч. 1,430 экземпляровъ на 5,287 руб. Одинъ изъ студентовъ занимался въ институтѣ научными изслѣдованіями нѣкоторыхъ составныхъ частей крови при патологическомъ состояніи организма, въ особенности же при отравленіяхъ мышьякомъ и желѣзомъ. Въ рисовальномъ заведеніи: 55 названій на 525 руб., картинъ, рисунковъ, эстамповъ, утвари 4,524 нумера на 6,340 руб. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: книгъ и періодическихъ изданій 463 названія 521 томъ, древностей, картъ, эстамповъ и рисунковъ 3,157 нумеровъ 4,157 экземпляровъ, всего въ музеѣ на 9,066 руб. Въ собраніи предметовъ по библейской и церковной археологій: книгъ и періодическихъ изданій 104 названія 142 тома, фотографій, древне-христіанскихъ лампъ, мебели 1,184 нумера, всего въ музеѣ на 640 руб. Въ статистическомъ кабинетѣ: книгъ и періодическихъ изданій 44 названія 528 томовъ на 820 руб. Въ клиникахъ: а) медицинской: книгъ и періодическихъ изданій 754 названія 831 томъ на 2,579 руб., аппаратовъ 36 нумеровъ на 1,364 руб. Практикантовъ въ теченіе года было 187. Больныхъ отъ 1881 года оставалось 4, въ 1882 году поступило 340, въ теченіе года выздоровѣло 114, получило облегченіе или оказалось неизлѣчимыми 187, умерло 39, къ 1883 году оставалось на излѣченіи 4; б) хирургической: книгъ и періодическихъ изданій 868 названій на 2,509 руб., фотографій, аппаратовъ, инструментовъ, препаратовъ 1,804 нумеровъ на 4,760 руб. Практикантовъ было 122. Больныхъ къ началу 1882 года находилось 20, въ теченіе 1882 года прибыло 437, выздоровѣло 215, получило облегченіе или оказалось неизлѣчимыми 198, умерло 22, оставалось къ 1883 году 22. Болѣе важныхъ операцій произведено 90; в) офтальмологической: книгъ и періодическихъ сочиненій 609 названій 893 тома на 2,094 руб., инструментовъ, препаратовъ и препаратовъ 490 нумеровъ 536 экземпляровъ на 3,644 руб.

часть ссххх, отд. 4.

Практикантовъ было 35. Больныхъ отъ 1881 оставался 1, въ 1882 году принято 260, выздоровѣло 118, получило облегченіе или признано неизлѣчимыми 139, къ началу 1883 г. оставалось въ клиникѣ 9; г) акушерской и женской: книгъ и періодическихъ изданій 1,046 названій 1,454 тома на 2,905 руб., аппаратовъ, инструментовъ и пренаратовъ 724 нумера на 2,280 руб. Практикантовъ было 172. Больныхъ къ началу 1882 года состояло 3, въ 1882 году поступило 175, выздоровѣло 134, получило облегченіе или оказались неизлѣчимыми 38, умеръ 1, къ 1883 году оставалось на излѣченіи 5; д) въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы: книгъ и атласовъ 5 названій 7 томовъ на 17 руб., инструментовъ, снарядовъ, мебели и проч. 94 нумера 143 экземпляра на 726 руб. Практикантовъ—22. Больныхъ въ 1882 году принято 172, изъ нихъ выздоровѣло 157, получило облегченіе или признано неизлѣчимыми 10, умерло 5. Вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій произведено 67. е) Въ отдѣленіи клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней: книгъ и періодическихъ изданій 75 названій 131 томъ на 313 руб., инструментовъ, снарядовъ и мебели 466 нумеровъ на 3,243 руб. Практикантовъ—29. Больныхъ отъ 1881 года оставалось 41, въ 1882 году принято 92, выздоровѣло 17, получило облегченіе или признано неизлѣчимыми 55, умерло 11, къ началу 1883 года на излѣченіи осталось 50.

При Дерптскомъ университетѣ существуетъ Общество естествоиспытателей, составъ и дѣятельность котораго въ 1882 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Общество имѣло 119 членовъ, въ числѣ коихъ 20 почетныхъ, 16 членовъ-корреспондентовъ и 155 дѣйствительныхъ. Оно имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ 18 членами сдѣлано было 34 сообщенія по разнымъ предметамъ. Дѣлами Общества завѣдываетъ правленіе, состоящее изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя, секретаря и казначея; оно имѣло четыре засѣданія. Общество издаетъ *Archiv für die Naturkunde Liv—Est—und Curland*. Въ 1882 году вышли четыре выпуска этого изданія, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія статьи: Гревинга—„*Geologie und Archäologie des Mergellagers von Kunda*“, „*Das nickelhaltige Eisen von Sanarka*“ и „*Verzeichniss der Meteorite, welche in der Sammlung des mineralogischen Instituts der Dorpater Universität vertreten sind*“; Паульсона—„*Zur chemischen Kenntniss der Glasperlen aller Livländischer Gräber*“; Эбергарда—„*Ueber den Meteorit von*

Sewrjukowo"; Шиллинга—„Ueber den Meteorit von Tennasilm“; Загемеля — „Verzeichniss der Apiden Liv—Est—und Kurlands“ Клинге — „Die Schachtelhalme Liv-Est-und Curlands“.; Общество обмѣнявалось своими изданіями съ 144 другими обществами, изъ которыхъ 35 въ Россіи, а 109 за границею. Путемъ такого обмѣна, а частію въ видѣ дара, бібліотека Общества увеличилась на 28 сочиненій и 28 диссертцій. Коллекціи Общества также обогащены разными пожертвованіями. Денежныя средства Общества составлялъ доходъ въ 1,372 руб. 80 коп., изъ которыхъ 1,001 руб. 84 коп. употреблены на печатаніе изданія Общества, протоколовъ засѣданій, на пополненіе бібліотеки, коллекцій и на разныя мелочныя расходы, 239 руб. 50 коп. обращены въ основной капиталъ, такъ что къ началу 1883 года въ остаткѣ имѣлось 131 руб. 36 коп.

ELOGIA SCIPIONUM,

КАКЪ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ АРХАНЧЕСКОЙ ЛАТИНИ ¹⁾.

FORMĀ. Такъ скандируютъ эту форму Баршъ, Вюхелеръ и Коршъ; и на это есть этимологическое основаніе. Примѣта *a* въ существительныхъ ж. рода I скл. была первоначально долгой; количество это сохранилось еще вполне въ санскритскомъ склоненіи *femīn.* на *a*; *Nom. sg.* здѣсь — *ā*: *kalā* (luna), *vidyā* (scientia) etc.; сохранилось оно и въ греческомъ, преимущественно въ дорійскомъ діалектѣ: *δίχα*, *φάμα*, *ἀγάκα* etc. (Reisig) 65, § 50); въ латинской рѣчи оно лучше всего еще видно въ піесѣ сатурнійскаго метра; такъ въ нашихъ элогіяхъ, кромѣ разбираемаго мѣста, читаемъ:

honos, famā virtusque, tit. F.

terrā, Publī, prognatum, ibid.

quoīei vitā defecit, tit. K.

ср. формы: *terrāi. tērrā-gum, deā-bus* (Kuhn, I, 63, 3; Corss. II, ² 418 sqq.).

Поэтому и здѣсь мы предпочтемъ акцентовку *formā*, удовлетворяющую кромѣ того и обыкновенной схемѣ сатурнова стиха. Ричль, читающій здѣсь *fōrma*, съ ощущеніемъ 2-го тезиса, признаетъ однако вполне доказанной долготу и въ *Nom. sg. fem. I decl.*, (Erigr. Briefe, V. Op. IV. 413), такъ что формы *famā, terrā*, по его мнѣнію (I. c. Anm. ср. Tit. Mum. ib. 105) „völlig zweifellos“, а *quoīei vitā defecit* — „nicht absolut unmöglich, aber äusserst unwahrscheinlich“; если же такая скандовка — $\overset{1}{\text{f}}\overset{1}{\text{o}}\overset{1}{\text{r}}\overset{1}{\text{m}}\overset{1}{\text{a}}$ „крайне невѣроятна“, то то же слѣдуетъ сказать и о чтеніи Ричля: *quoīūs fōrma virtutei* — $\overset{1}{\text{q}}\overset{1}{\text{u}}\overset{1}{\text{o}}\overset{1}{\text{i}}\overset{1}{\text{u}}\overset{1}{\text{s}}\overset{1}{\text{f}}\overset{1}{\text{o}}\overset{1}{\text{r}}\overset{1}{\text{m}}\overset{1}{\text{a}}\overset{1}{\text{v}}\overset{1}{\text{i}}\overset{1}{\text{r}}\overset{1}{\text{t}}\overset{1}{\text{u}}\overset{1}{\text{t}}\overset{1}{\text{e}}\overset{1}{\text{i}}$,

¹⁾ Продолженіе. См. ливарек. книжк. Ж. М. Н. Пд., за текущій годъ.

равноиѣрноиъ первому. Что касается Корссена, то его скандовка *fórtia* есть неизбежное слѣдствіе гипотезы *quo-í-us*, при которой читать *quoíus fórtiá* — невозможно.

Уже съ половини II в. до Р. X. это *á* начинается во многихъ случаяхъ сокращаться (Büch. 21); даже нѣсколько ранѣе, у Платона и Эвнія, встрѣчаются формы съ *á* (ср. Ritschl, *Plant. Exc. Op. II*, 445), которая затѣмъ и становится классическою. Büch. 20—21; Neue, I, 4—5; Merg. 18—26; Kühn. I, 63, 3; 254, § 94; Corss. *Ausspr. I*, 330—331; Ritschl, *P. L. M. E. enarr. t. c.; tit. Mum. Op. IV*, 105; de sep. Fur. *ibid.* 265; Ер. Br. V, *ib.* 413+A. Korsch, *de v. s.* 16—17; 41. 65—66; 77. 98. 105. 115. 123. 126.

VIRTUTEI. Значительное формальное, а иногда и смысловое сходство дательнаго и творительнаго въ латинскомъ склоненіи подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ смотрѣть на оба эти падежа, какъ на разновидности одной и той же формы, при чемъ, такъ сказать, старшимъ по возрасту считался *dativus*, а *ablativus* — выѣтвиившееся изъ него формой (Schn. II, 200; Reisig, 64, § 49; 86, § 65; 89, § 67). Мы уже замѣтили выше, что изслѣдованіями компаративистовъ (ср. Веллагу, 39) доказано различіе суффиксовъ въ образованіи того и другаго падежа, такъ что сходство обѣихъ формъ есть только результатъ позднѣйшихъ фонетическихъ перемѣнъ въ организмѣ языка.

Первоначальнымъ суффиксомъ дательнаго падежа считается созвучіе *ai*, въ различныхъ языкахъ удержавшееся въ различномъ видѣ:

скр. *vak (vox)*, *dat. + (ai) = vase, (voci)*;

греч. *γλώττῃ*, *dat. γλώττα+αι=γλώττα; λόγος*, *dat. λογο+ῃ=λόγῳ*;

въ III скл. съ утратой *α*: *θηρ—ί, ὄκ—ί* etc.

II въ латинскомъ языкѣ суффиксъ этотъ въ чистомъ видѣ не сохранился.

Въ первомъ склоненіи изъ сліянія гласной приѣхты съ суффиксомъ явился дифтонгъ *ai*: *filiaí*, *Loucinaí*, *Menevcaí*, измѣнившійся съ одной стороны въ классическое *ae*, писавшееся иногда и въ древнюю, а особенно часто въ позднѣйшую эпоху черезъ *e*: *Diane, Victorie*; съ другой — по отпаденіи тонкаго *i* послѣ полнозвучнаго *ā* (пизъ *a+ai*) — въ *ā*: *Feroniā*, *Loucinā*, *Matuta* Schn. II, 22; Büch. 102—104; Neue, I, 14—17; Merg. 85—86; Kühn. I, 258—259.

Во второмъ склоненіи въ дифтонгѣ *ai* произошла ассимиляція гласнаго *a* въ приѣхтѣ основы и затѣмъ слитіе суффикса съ нею въ

однѣ двугласный *oi*: *populoi Romanoī*; но уже съ III в. до Р. X., какъ иногда и въ I скл., гласный *i* въ концѣ исчезаетъ и получаютъ классическія формы на *ō* ($o+oi$) (Schn. II, 61; Buch. 106; Neue, I, 95; Merg. 87—88; Kühn. I, 287).

Въ пятомъ склоненіи суффиксъ *ai* встрѣчается въ видѣ одного лишь *i*, пройдя вѣроятно чрезъ фазы $\widehat{ai}$, $\widehat{ei}$; въ такой формѣ онъ соединился съ первоначально долгими примѣтами: *fidēi*, гдѣ въ классической рѣчи долгота удерживалась только послѣ *i*: *faciēi*, но *fidēi*. Затѣмъ, съ одной стороны изъ соединенія *ēi* могъ произойти смѣшанный тонъ (*Mischlaut*) $\widehat{ei}$: $\widehat{faciēi}$, $\widehat{diēi}$, изображавшійся впоследствии также чрезъ *i*: *faciī*, *diī*; съ другой — *i*, по аналогіи первыхъ двухъ склоненій, послѣ $\widehat{e}$ могло сокращаться и исчезать: *fidē*, *aciē*, *diē* (Schn. II, 354—361; Buch. 104—106; Neue, I, 375—380; Merg. 86; Kühn. I, 251—252).

Въ почти первоначальномъ видѣ нашъ суффиксъ удержался въ четвертомъ и третьемъ склоненіяхъ.

Бъ архаическимъ формамъ 4-го склоненія принадлежить, напримѣръ дательный *senatūi*. И здѣсь, какъ и въ вышеуказанныхъ случаяхъ, конечное *i* могло сначала утратить свою долготу, а затѣмъ, ассимилировавшись предыдущему $\widehat{u}$, слиться съ нимъ въ одинъ долгій $\widehat{u}$ -звукъ: *senatū*; эти формы на $\widehat{u}$ являются какъ единственно употребительныя въ среднемъ родѣ: *cornū*, *genū*, тогда какъ въ м. и ж. классическая латинь допускаетъ $\widehat{u}$ и $\widehat{u}$ (Schn. II, 332—334; Buch. 109—111; Neue, I, 356—358; Merg. 87; Kühn. I, 244—245).

Изъ того же суффикса *ai* могутъ быть объяснены и всѣ разновидности окончаній дательнаго въ III склоненіи.

Въ согласныхъ основахъ древнѣйшіе памятники представляютъ намъ двѣ формы: на *ei*: *virtutei. patrei*, и на $\widehat{e}$: *Maurtē, patrē*, иногда обѣ въ одномъ и томъ же текстѣ; *Iunone Seispitei* (C. I. I. I, 1110), *Diovei victorē* (ib. 638).

Отсюда можно, казалось бы, заключить съ Кюнеромъ (I. 196, a), что обѣ формы одинаково древни; но нѣтъ пренятствій считать и здѣсь, по аналогіи съ вышесказаннымъ, окончаніе *ei* древнѣйшимъ, тѣмъ болѣе, что изъ него легко могли возникнуть и прочія разновидности. Именно, дифтонгъ $\widehat{ai}$ еще въ очень древнюю пору могъ измѣниться въ *ei*; какъ мы видѣли выше при объясненіи *Lucius* (ср. Schuch. I, 89, 204, 224. III, 105. 111). Правда тщательными изслѣдованіями показывается, что въ эпоху древнѣйшихъ памятниковъ ла-

тинской рѣчи *ei* въ большинствѣ случаевъ уже не дифтонгъ, а скорѣе изображение среднего тона между *e* и *i* — точнѣе говоря — это отзвукъ прежняго двугласнаго, гдѣ еще ясно слышался переходъ отъ *e* къ *i*, тогда какъ въ извѣстномъ намъ *ei* такой переходъ уже потемнѣлъ (Kuhn. I, 47, 6.). На этой ступени паденія вокализма и стоитъ наше *virtutei* (изъ *virtut—ai*). Далѣе, также еще въ архангелескiй періодъ, въ созвучіе *ei*, какъ среднихъ тоновъ между *e* и *i*, могла преобладать то одна, то другая изъ составныхъ частей, и притомъ замѣчено, что болѣе древнее является вообще модуляція *e*, встрѣчающаяся, какъ мы видѣли и въ дательномъ III скл. *honore* (*bis*, tit. K.), болѣе позднее — *i*, но не чистое *i* (*tenue*, *exile*), а *i-ringue*, для котораго Луцилій около 100 л. спустя послѣ нашего *virtutei*, между прочимъ именно въ дат. ед. III скл. (ср. Ritschl, Mon. ep. tria, Op. IV, 154) хотѣлъ установить реминисценцію *ei*: Luc. Mülh. p. 46 (IX 19): „Mendaci“ „furi“que addes e, cum „dabi“ „furi“ (dato Furei, Lachm. ad Lucret. p. 245) Iusseris (Quintil. I, 7, 15); эта прекрасная орфографія не прошла вполнѣ только потому, что во время поэта, а тѣмъ болѣе въ послѣдующій классическій періодъ звуковая равнина между *i-ringue* и *i-exile* требовала уже весьма тонкаго уха, а потому постепенно и установился классическій *dativus* на *i*, рядомъ съ которымъ продолжаетъ изрѣдка встрѣчаться и древнее окончаніе *ei*: *captionei* (lex Rubria 49 г. до Р. X. ср. Ritschl, Op. IV, 41,46), *heredei* (lex Iulia munic. 45 г. до Р. X. Kuhn. I. с.).

Что касается гласныхъ основъ III скл. на *i*, представляющихъ въ дат. ед. тѣже варианты, что и согласныхъ, (Büchel. 107; Merg. 53.), то здѣсь такое сходство объясняется просто вынаденіемъ краткой примѣты *i* передъ суффиксомъ, что наблюдается, какъ мы видѣли выше, при *patrē*, и въ другихъ падежахъ.

Древній дательный на *e* традиціоноально удержался въ нѣкоторыхъ официальныхъ выраженіяхъ II *vir* или III *vir* *iure dicendo* (арх. IOVRE DEICVNDQ, C. I. L. I; 198) ¹⁾, *lex opere faciendo* (Cic. Verr. I, 55, 143), III *vir* (*monetales*) *aere argento auro flando feriundo* (C. I. L. III, 6076), совр. IIIVIRI·A·A·A·F·F, Zell II, 257.

¹⁾ Рядъ въ текстѣ legis Rubriae Op. IV, 40—44 дополняетъ *vozde iurei Dicendo*, а въ официальномъ *iure* считается *e* долгимъ, *de fctil. lit. Op. IV, 286; Titul. Aletr. ib. 177.*

Вариантъ дательнаго на—ё вещь почти недоказанная; изъ тцательнаго сонаоставленія и разбора такого рода примѣровъ у Neue (I, 195—196) видно, что только въ одномъ мѣстѣ (Propert. 5, 8, 10) слова:

cum temere anguino creditur ore manus

допускаеть огё въ качествѣ формы дательнаго; Рейзингъ, впрочемъ, предлагаетъ здѣсь: cedit ab ore manus, 87. § 66; но въ позднѣйшей народной латини такое сокращеніе встрѣчается, напримѣръ:

casta pudica pudens coniuge cara suo (Buch. 108; Kühn. I, 196,2; Schuch. II, 83—84), какъ встрѣчается тамъ же соггертю и классическаго I: inimica peminī vixit (I. N. 3169; Buch. 109; Kühn. I. c.).

Такимъ образомъ ходъ развитія формы дат. ед. III скл. приблизительно таковъ:

	— ai
	ei дифт.
III—II в.	ei „Mischlaut“, „Mittelton“.
народн. лат. ö	ö
II—I в.	i (pingue; Lucil. : ei)
народ. лат. i	i классич.

O dat. sg. III · dcel. ср. Schn. I. 63 sqq. II, 200—204; 238; Benary, 36—39; 77—81; Zell R. Ep. II, 74; Marted? Buch. 107—109. Reitsig, 56, § 45; 86, § 65; Neue, I, 96; 192—196; Corss. I, 143; 215—216; 227. 230. 269; Schuch. II, 83—84; Lachn. ad Lucr. IV, 602, p. 244—246; Kühn. I, 47,6; 58,6; 175,4; 196,2; Ritschl, lex Rubr., Op. IV, 46; de fictil. lit. ib. 286; Pr. lat. ep. suppl. III, ib. 520. 535; Plautin. Exc. Op. II, 493. 622 sqq. 632 sqq. Garr. Syll. p. 593,69; addenda 1881 n. 2341; Henzen, Bull. dell' inst. 1873, 89—90.

Цвѣтаевъ. Ит. надп. Ж. М. Н. Пр. 1882, июль.

PARISVMĀ. Здѣсь надлежитъ прежде всего рѣшить вопросъ: дологъ-ли гласный? на что отрицательно отвѣчаетъ Вюхлеръ (78, § 187), и затѣмъ отмѣтить еще два фонетическихъ явленія: отсут-

стві удвоенія s и u в м. класс. i; о долготѣ конечнаго a въ пош. sg. fem. I decl. см. выше formā.

Для отвѣта на первый вопросъ намъ необходимо коснуться этимологическаго расчлененія формы, такъ какъ положительное или отрицательное рѣшеніе здѣсь зависитъ отъ признанія одной изъ двухъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія формаціи превосходной степени.

Обыкновенное окончаніе ея *issimus*, арх. *isumos*, одни ученые разлагаютъ: *is-simu-s*, при чемъ созвучіе *is* принимаютъ за стяженіе суффикса срав. ст. *ios* (изъ первонач. *ijans, ijas*), *ius* въ *is*, а вторую часть *-simo-* сопоставляютъ съ скр. суффиксомъ превосх. ст. *-tama-* который въ латинскомъ предположительно измѣнился въ *-tumo-* и въ такомъ видѣ удержался какъ самостоятельно, напримѣръ, *in-tumo-s*, *ex-tumo-s*, *ci-tumo-s*, *ul-tumo-s*, такъ и въ соединеніи съ упомянутымъ *is*: *sin-is-tumo-s*, *soll-is-tumo-s*; наконецъ черезъ ассимиляцію все окончаніе явилось въ формѣ *is--sumo-s*, *is-simu-s*. (Corss. Ausspr. I, 252. 288; II, 25—26; 280. Krit. Beitr. 326. 401. Krit. Nachtr. 94. 138. Kühn. I, 360,2).

По этой гипотезѣ i въ нашей формѣ—долгое; а потому законно можетъ быть подъ арсисомъ, какъ и читаютъ Корсень, Ричль и Коршъ (см. выше *quolus*).

Другаго рода теорію предложилъ Мерге (123 sqq. 131, § 116).

По его мнѣнію, въ латинскомъ первоначально было два суффикса превосходной степени: *-sto-*, соотв. скр. *ttha* и греч. *-στο-* (*χλκ-ι-στος*), и независимый отъ него, самостоятельно употреблявшійся суффиксъ *-mo-*: *pri-mo-s*, *mini-mo-s*, *sum-mo-s* etc. Такъ какъ сравнительная степень образовывалась только однимъ суффиксомъ (*-ios, -ius*), то въ языкѣ явилось стремленіе къ такому же объединенію и въ превосходной степени, чему способствовала и ранняя утрата суффиксомъ *-sto-* самостоятельности, за исключеніемъ лишь формъ *luxta*, *praesto*, *exta*, *fidusta* (Fest. Corss. Ausspr. II, 26. Merge. 127—128), *arista*, *Atrista*, *Praeneste* (Kühn. I, 366 A. 9). Объединеніе и было достигнуто тѣмъ, что болѣе распространенный суффиксъ *-mo-* началъ быть присоединяемымъ и къ прежнимъ формамъ *superlativi* на *sto*, такъ что явился сложный суффиксъ *-sto-mo-*, постепенно измѣнившійся въ *stu-mo*, *ssu-mo*, (арх. *su-mo*) *ssi-mo*, *ssi-mu*, въ болѣе полномъ видѣ котораго *i-ssi-mu* гласный i Мерге

относить къ основѣ имени. Впослѣдствіи, съ утратой сознанія сложности суффикса, оны стали употребляться уже просто какъ параллель болѣе короткому -мо- и притомъ такъ, что -ssimo преимущественно являлось при Nom. sg. на s (-us,-is,-s), а -мо тамъ, гдѣ этого суффикса не было или могло не быть въ древнее время: *facilli-mo-s* предполагаетъ арх. форму *facil* по аналогіи съ *vigil*, *mugil* и др.

Такимъ образомъ, по гипотезѣ Мерге і въ разбираемой формѣ— краткое, какъ примѣта основы *ragi*; *pārisumā*, изъ *ragistuma*, представляетъ хоріамбъ съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ:

quoius forma virtutei / pārisu/mā/sūi—чтеніе Бюхелера.

Но обѣ гипотезы, какъ намъ кажется, безъ большой натяжки могутъ быть сведены къ одному результату.

Суффиксъ превосходной степени въ санскритѣ можно принять не *ātha*, а *iātha* (Stenz. 17), вноднѣ соответствующій греческому -ιστος; въ *ἔχθ-ιστο-σ*, *κρίν-ιστο-σ*, *βέλτ-ιστος* etc.; сюда могутъ быть сведены и латинскія формы:

iuxta=*iúg-ista*, *iúg-sta*
exta=*éc-ista*, *éc-sta*
praesto=*pral-isto*, *pralsto*
ar-ista, *Atr-ista*
fidusta=*fidu-ista*

Praeneste=*Pral-n-c(1)ste*, *Pral neste*.

Слѣдовательно возможно и *issimo* съ небольшимъ лишь отклоненіемъ отъ взгляда Мерге—разложить на *isti-mo*, *issi-mo*; что же касается прилагательнаго *pāg*, то оно по своимъ болѣе употребительнымъ формамъ: abl. sg. *ragi*, gen. pl. *ragium*, н. pl. neutr. *ragia* (Neue, II, 47, 73, 76; Kuhn. I, 215) можетъ быть причислено къ основамъ на *i*, а вслѣдствіе этого superlativus *parisuma*, образованный изъ основы (ср. Merг. 127)+суффиксъ *issimo*, *isumo* будетъ съ долгимъ *i*:

ragi-isuma=*parisuma*—результатъ гипотезы Корссона.

Далѣе намъ слѣдуетъ отмѣтить въ данной формѣ отсутствіе удвоенія согласнаго *s*.

Вообще развитіе графической системы стремится слѣдовать за развитіемъ самаго организма языка: въ молодую его пору, когда изъ несложнаго фонетическаго запаса постепенно нарабатывается и вырабатывается звучное цѣлое, а равно и въ періодъ паденія и разложенія звуковаго богатства языка, соответственно измѣняется и письменность;

конечно, такъ какъ въ природѣ вообще и въ языкѣ въ частности нѣтъ рѣзкихъ и моментальныхъ перерожденій, то проходитъ иногда довольно времени, прежде чѣмъ извѣстная звуковая модуляція дастъ на столько ясно себя почувствовать, что явится потребность отмѣтить ее и графически; такъ вѣроятно было и въ разбираемомъ вопросѣ: интенсивность выговора согласныхъ вслѣдствіе ихъ ассимиляціи существовала, конечно, и ранѣе того момента, когда Эний (239—169) нашелъ необходимымъ ввести новый графическій приемъ—удвоить начертаніе согласнаго звука для видимаго также отличія нѣсколько высшей мѣры тона отъ обыкновенной. Прошло навѣрное не мало времени, прежде чѣмъ въ формѣ *paristuma*, не безъ вліянія древней акцентовки *paristuma*, согласный *i* изъ отбиваго перешелъ въ звучный *s* и усилилъ собою его звучность; прошелъ затѣмъ также значительный промежутокъ, пока съ возрастающимъ накопленіемъ аналогичныхъ фактовъ въ другихъ звуковыхъ сочетаніяхъ, любитель своего языка замѣтилъ ясно различіе между обыкновеннымъ и интенсивнымъ произношеніемъ, которое и отмѣчено было тѣмъ же графическимъ способомъ, каковой въ послѣдствіи Акцій (170—94) хотѣлъ ввести для показанія долготы гласныхъ. Въ сущности Эний не изобрѣлъ чего-либо новаго: въ его время удвоеніе согласныхъ существовало уже на почвѣ греческой рѣчи, откуда онъ пересадилъ въ родной языкъ и глаголическое стихосложеніе.

Не безынтересенъ также вопросъ: Эний ли дѣйствительно ввелъ указанный приемъ, или же способъ этотъ существовалъ и ранѣе, а поэтъ только позаботился о дарованіи ему, такъ сказать, права гражданства? Вліяніе поэта въ Римѣ началось, какъ извѣстно, лишь послѣ 204 года до Р. Х., когда Катонъ въ свое квесторство посѣтилъ Сардинію, отмѣтилъ Энія въ войскѣ и взялъ съ собою въ Римъ. На римскихъ же надписяхъ до 204 года мы находимъ только одинъ достовѣрный примѣръ удвоенія согласнаго:

M. CLAVDIVS. M. F.
CONSOL
HINNAD. CEPIT

C. I. L. I. 530, ок. 213—210 г. до Р. Х. ¹⁾

¹⁾ Мы не считаемъ найденнаго Моммсенонъ въ Вольсенбургттельской библіотекѣ (И. Д. 364) рукописнаго отрывка очень древней надписи, гдѣ читается, между прочимъ, *seffii inon suois spatois*, что принимается учеными за формы сабелльскаго

Но этот примѣръ, по мнѣнiю Ричля (die ältesten Scipionenschr. Op. IV 232 A.), не есть случай чисто-латинскаго удвоенiя, а лишь транскрипцiя незнакомаго Римлянамъ имени Сицилiйскаго города "Eva (ср. tit. Aletr. Op. IV, 166), а потому можетъ быть оставленъ въ сторонѣ. Слѣдующiе по древности примѣры такого рода: *turgi, essent, oppidum, possidere, vellet* въ испанской надписи Л. Эмилиа 189 г. до Р. X. C. I. L. II, p. 699. Garr; Syll. 215, n. 876; Corss. Ausspr. II³, p. 251 Anm., *essent* и *terra* въ элогiи F (ок. 173 года до Р. X.)—относятся ко времени процвѣтанiя дѣятельности Эвiаи, когда его авторитетъ былъ уже, конечно, весьма замѣтенъ, такъ что нѣтъ препятствiй для насъ вѣрить Фесту (p. 293) въ томъ, что именно Эвiий ввелъ въ употребленiе упомянутый графическiй приемъ.

Конечно, разомъ установится этотъ способъ не могъ. Уже и въ указанномъ памятникѣ Эмилиа рядомъ съ удвоенными формами мы читаемъ: *poscidisent* и *iouisit*, также и въ элогiи F рядомъ съ *essent* и *terra* стоятъ: *gesistel* (невѣрно у Шнейдера I, 63 и Кюннера I, 122, 1 *cesistel*), *Heuiset* (не *Heuisset*, какъ читаетъ Кюннеръ i. с., потому что третиная на камнѣ занимаетъ мѣсто лишь одной буквы i) *supergases*; такое колебанiе продолжается до 113 года, съ котораго за весьма рѣдкими исключенiями удвоенiе постоянно.

По словамъ Мэриа Викторина и Псидора, въ древности, ради сокращенiя, употреблялся особый надстрочный знакъ *sicillicus*^o, ставившiйся надъ буквой вмѣсто ея удвоенiя: *ge^osi*=*gessi*, приемъ, къ которому и теперь мы иногда прибѣгаемъ въ аналогичныхъ случаяхъ. Эпиграфически *sicillicus* не сохранился (Corss. I, 8); ср. однако Garr. Syll. p. 31, Cap. XIV, „*de puncto, vel sicillico*“, и Corss. I², 14; Ritschl, P. L. M. E. p. 81.

Кратко и наглядно исторiю удвоенiя согласныхъ выражена въ слѣдующей формулѣ Ричля: *geminatio consonantium nulla ante Ennium. ferme ex aequo* (хотя не совсѣмъ, какъ видно изъ надписи Эмилиа 565 года = 189 г. до Р. X.) *fluctuans ab a. circiter 580 ad 620. praevalet ab a. 620 ad 640, fere constans ab a. circiter 640°.*

или пеллгескаго наречiя—*sibi. et. suis. gnatis* (Büch. 127 § 329 Garr. Syll. p. 17. Цѣтаевъ Ит. Нада. Ж. М. Н. Пр. июль 1882); засвидѣтельствованное лишь хироглифически, это всѣмъ не авторитетно; самъ Моммсенъ и вмѣстѣ съ нимъ Корсенъ предлагаетъ здѣсь поправку *sefi* (*Merg.* 92); съ другой стороны мы не полагаемъ возможнымъ съ достовѣрностью положиться на подборъ аналогичныхъ данныхъ у Гарруччи (Syll. pp. 17—19), набранныхъ имъ съ цѣлью опровергнуть законы ненавистнаго ему Ричля.

По разобранномъ вопросу см. Corss. I, 7. 84. Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 87—89; tit. Aletr. ibid. 165—167; die ält. Scip.-inschr. ib. 229 A. 231—232 A. Epigr. Briefe III, ib. 355—356; die tess. glad. ib. 592 N: 20; Syllabus indic. ib. 765. Garr. Syll. p. 17, c. I. Jordan, Krit. Beitr. S. 127.

Накопецъ отмѣтимъ въ нашемъ *parissima* написаніе и *vi. i.*

Еще древніе римскіе грамматикки въ числѣ гласныхъ своего языка указываютъ на какой-то средній звукъ между *u* и *i*, похожій на звукъ греческаго *o* и встрѣчающійся преимущественно передъ губными: *iubet*, *mansurium*, *optimus*, *magnificus*, рѣже въ другихъ сочетаніяхъ. Quint. I, 4, 8: „*medius est quidam u et i litterae sonus: non enim sic optimum dicimus ut opimum*“ по исправленію Ричля; „*non enim sic optimum dicimus ut [aut optumum aut] opimum*“, Gramm. bei Quint. Op. III, 719; Prisc. I, 6 H: „*sonum Y graecae videtur habere*“

Особаго знака въ алфавитѣ до Клавдія для этого *u* не было, и потому эпиграфически оно попадаетъ то въ видѣ *u*, то—*i*, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ болѣе древній періодъ преобладаетъ написаніе *u*: *parissima*, *optimo*, *plouissime* tit. E., быть можетъ вслѣдствіе того, что самый звукъ *u* приближался къ *u*, напоминая собою наше ю: „*iubet*“ произносилось тогда вѣроятно, какъ наше „любить“; въ позднѣйшую эпоху тонъ *u* смягчился и дѣйствительно приблизился къ греч. *o*; благодаря авторитету Цицерона и Цезаря, употреблявшихся въ такихъ случаяхъ написаніе *i*, оно и стало классическимъ: *parissima*, *optimum*, *plurimi*. Для этого-то «*medius sonus*» современникъ Квинтилиана, императоръ-антикварій въ числѣ изобрѣтенныхъ имъ трехъ литеръ: *ϰ* *o*, *o* *vs*, *rs* далъ особое начертаніе *ϰ*, встрѣчающееся въ надписяхъ того времени, преимущественно, впрочемъ, въ словахъ греческаго происхожденія: *M̄TRO* Μῆτρον, *S̄FCNVS* Κόκνος, *VATH̄LLVS* Βάθουλος, по исчезающему вскорѣ послѣ смерти Клавдія, хотя самый звукъ *u* сохранился до весьма поздняго періода и остался въ видѣ *u* въ романскихъ языкахъ: *monument*, *document* рядомъ съ *optimiste*, *legitime*, *minime* etc. Памятники народной латини даютъ намъ иногда въ подобныхъ случаяхъ написаніе *ui*: *huosquiamos* (ὄσχωαμος), *quiatos* (χόαθος) etc. см. Schn. I, 6+A. 18—26. 33. Rehsig 60, Schuch. II, 197, flgg. 218 flgg. 253 flgg. 272 flgg. Corss. Ausspr. I, 13; 143—148. 252—254; Ritschl, de sep. Fur. Op., IV 261. Gramm. bei Quint. Op. III, 716 A. 4; 720—721 исправленный текстъ выше цитованнаго мѣста изъ Квинтилиана.

⁴**FVIT.** Здѣсь ми должны обратить вниманіе на долготу гласнаго ū, чѣмъ эта форма разнится отъ классическаго fūit.

Извѣстно, что временныя формы глагола *esse* образуются частью отъ корня *es* (греч. ἐς-, слав. ѣс скр. as), частью отъ корня *fu* (греч. φϋ-, слав. бѣ скр. bhū), входившаго въ самостоятельный вѣроятно нѣкогда глаголь: *fuo, fui, futum, fuere*, но рано утратившій эту самостоятельность и нѣсколько формъ; но сходству значеній оба недостаточныя глагола употреблялись съ весьма древняго періода какъ параллельныя, дополняющіе другъ друга въ недостающихъ частяхъ, и затѣмъ постепенно въ общемъ сознаніи слились въ одинъ глаголь *sum, fui, esse*.

Что касается разбираемаго *fūit* (pf.), то примемъ ли мы въ корнѣ *fu* долготу первоначальную (скр. bhū), или же будемъ считать его рано сократившимся на почвѣ латинской рѣчи, на что указываютъ *fūam, fuas, fuat* etc. *fōgem, fōge, fāturus, futuere*, результатъ будетъ одинъ и тотъ же: въ первомъ случаѣ форму *fūit* можно разсматривать какъ остатокъ древней поры, когда еще не имѣлъ обширнаго круга приложенія законъ «*vocalis ante vocalem constrictur*» (ср. Kühn. I, 136, A. 3), благодаря которому возникло классическое *fūit* (*prōfuit, adfuit*), но здѣсь, какъ намъ кажется, нѣтъ необходимости настаивать на первоначальной долготѣ — явленіи вообще трудно доказываемомъ; въ данномъ случаѣ мы можемъ принять корень *fu* и краткимъ. Образованный изъ него древній глаголь *fuo* можетъ найти себѣ аналогію въ формахъ: *pluit, lūit* etc., о которыхъ Варронъ положительно свидѣтельствуетъ: *in praeteritis u dicimus longum: plūit, lūit, in praesenti breve: plūit, lūit* (Neue II, 497, § 57) и вообще въ формообразованіи тѣхъ глаголовъ, которые въ pf. представляютъ лишь удлинненіе кореннаго гласнаго:

lĕg-o pf. *lĕg-i* sī-n-o pf. sī-vi
fūg-ŭ „ *fūg-i* cāv-e-o „ cāv-i
scab-o „ *scāb-i* cī-e-o „ cī-vi

ср. греч. ἔστυν (-ста), ἔφϋν (-фϋ), ἔσβην (-σβε) etc.

То же могло случиться и съ нашей формой: краткій гласный *u* (*fu*) въ pf. подвергся протяженію ū: *fū-i*; Корссенъ (Ausspr. I², 321) полагаетъ, что онъ сначала прошелъ черезъ подъемъ: *ou—fouī*, и указываетъ на *foverint* въ текстѣ Макробія; но въ виду единичности этой формы намъ возможно принять въ нашемъ *fūi* непосредственное протяженіе *u* въ ū (Merg. 217; Curt. T. u. M. 217).

На сколько респивно—если можно такъ выразиться—языкъ оберсгалъ долгое время форму *fūit* отъ сокращенія, показываетъ возникшее рядомъ съ *fūi—fūvi*¹⁾, гдѣ *v*, развившееся изъ *ū*, ставилось преградой между нимъ и слѣдующимъ гласнымъ, чтобы устранить изъ соприкосновеніе и вслѣдствіе этого *congruētia ū*; этотъ же приемъ мы находимъ въ народно-латинскихъ формахъ: *pluvit, fluvidus, mortuva, posuvit*, при чемъ въ роли такихъ преградъ являются и другіе согласные: *h: Trohis; g: alliginigenus; i: Tetodoto* (Schuch. II, 520—526; III, 311; *Merg.* 205; *Corss.* I, 486 A); подобнаго рода эпнеезы верѣдки и въ нашихъ лѣтописяхъ, гдѣ часто видѣны отпечатокъ народнаго говора:

СОНВОШЮ   ШКОРЪ
ЛЕВОНТИ   ЮДА
ФЛАВОНЪ
СЕДВРОШЪ

etc. см. „Нест. лѣт.“ по Лавр-
списку. М. 1864, стр. 1—64.

Ср. Reisig 224, A. 268; *Benary* 212. 278. *Schn.* I, 129; 366—367; *Curt. T. u. M.* 217—218; 295—296; *Corss. Ausspr.* II, 159—160; *Krit. Beitr.* 513—517; *Neue*, II, 497—498; *Merg.* 203—206; 217. *Kühn.* I, 136 A. 3; 486 A; 517—519.

CONSOL. При объясненіи вокально-количественной aberration этой формы отъ классическаго *consul*, прежде всего необходимо коснуться этимологій слова.

Существительное *consul* стоитъ, безъ сомнѣнія, въ родственной связи съ формами: *ex(s)ul, praesul, sali-subsul, consulere, insula*, изъ которыхъ легко вывести общее коренное созвучіе *sul*, но довольно трудно подыскать для него подходящее производство и значеніе, въ чемъ и расходятся мнѣнія ученыхъ, касавшихся этого вопроса.

Подробный трактатъ относительно этимологій *consul* и родственныхъ ему словъ находятся у Корссена (*Krit. Nachtr.* 280—285; *ср. Ausspr.* II², 70—71).

Здѣсь приводятся слѣдующія четыре гипотезы:

1. Созвучіе *sul*, какъ на первый взглядъ дѣйствительно и ка-

¹⁾ Это *fūvi* встрѣчается въ текстѣ Плавта, рѣже у Люциліа и Эвлиа, а также марѣдка и на надписяхъ, напр. *FVVEIT = fūveit, fūvit, fūit* (*C. I. L.* I, 1051, *ср. Corss.* II², 681 *Ann.* **), гдѣ Моммсенъ (*ad tit.*) принимаетъ начертаніе *VV = ū* по теоріи Акція; но рядомъ въ той же надписи стоитъ *QVIVS*, гдѣ долгота *ū (= qūis, не qūis)* не выражена ничѣмъ гречески.

жется, въ упомянутыхъ формахъ имѣеть одно общее значеніе—простаго бытія; таково мнѣніе Нибура; при такомъ смыслѣ корня мы получаемъ:

- con-sul = находящійся вмѣстѣ (съ кѣмъ),
 con-sulere = находится вмѣстѣ „
 ex-sul = выбившій,
 praesul = находящійся впереди (чего),
 sali-sub-sul = находящійся позади (чего),
 in-sula = (т. е. terra), находящаяся (въ чемъ).

2. Лео Мейеръ ставитъ consul (con s-ul) въ связь съ cens-ere, откуда для перваго и выводитъ значеніе „оцѣнивающій“, „обсуждающій“ (Abschätzer, Beurtheiler).

3. По мнѣнію Эшмана sul есть модуляція корня sad, входящаго въ sed-ere, сид-ѣть etc., съ переходомъ d въ l, ср. sol-ium вм. sol-lun; гипотеза, немного разнящаяся отъ предложенной Нибуромъ.

4. Корень sul, какъ думаетъ Моммсенъ, стоитъ въ связи съ корнемъ sal, не въ спеціальному значеніи „прыгать“, какъ въ salire, saltare и др., а въ смыслѣ болѣе близкомъ къ скр. sag (идти, течь), откуда и происходитъ латинскій корень sal.

Въ своемъ критическомъ обзорѣ изложенныхъ мнѣній Корссенъ принимаетъ лишь гипотезу Моммсена, какъ дѣйствительно наиболѣе вѣроятную и удовлетворительно объясняющую значеніе упомянутыхъ формъ.

Въ частности въ именахъ praesul и sali-subsul, равно какъ и въ salii, salire, saltare корень sag—sal изъ понятія движенія развилъ идею „энергичнаго движенія“, „интенсивнаго хожденія“ (einer energischen Bewegung, eines gesteigerten Gehens), а отсюда уже недалеко переходъ къ значенію плясать, отмѣченному въ именахъ: salii (коллегія пляшущихъ жрецовъ бога Mars Gradivus), praesul и sali-subsul (передній и задній плясуны въ процессіяхъ этой коллегіи)¹⁾, также въ глаголахъ salire и saltare.

Далѣе въ словѣ exul (exsul) корень sal является просто въ значеніи двигаться, идти; exsul = „выходящій“, затѣмъ: „вышедшій“ и наковецъ „изгнанный“.

¹⁾ „(Numa) salios item duodecim Marti Gradivo legit... ac per urbem ire canentes carmina eum tripudiis sollempnique saltatu iussit“. Liv. I, 20, 4.

Форма *insula* (*terra*), предполагающая муж. р. *insulus*, происходит отъ корня *sal* въ значеніи течь: „земля, находящаяся въ томъ, что течеть“, то-есть, въ водѣ, ср. греч. „νηρός“ (*нѣкерос*), „пловучій“ (мор. уз, лат. *na-re*), и наше „островъ“, то-есть, „обтекаемый, = о + стров (стру-), ср. „стру-я“, *Στρώμων* etc.

Остается еще рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ остальныхъ формъ: *consul* и *consulere*.

Коррсенъ полагаетъ, что такъ какъ глаголь *consulere* ни въ фонетическомъ, ни въ смысловомъ отношеніи не есть *verbum denominativum*, то слѣдуетъ принять, что онъ произведенъ прямо отъ корня *sāl* (—*sōl*, *sāl*) l. c. 283—284, а отъ него уже произошло и сущ. *consul*.

Соглашаясь съ этимъ, мы должны, слѣдовательно, для объясненія формации нашего *consōl* остановиться прежде всего на образованіи формы *consulere*.

Итакъ, въ основаніи ея лежатъ корень *saġ*—течь, отъ котораго въ санскритѣ происходятъ *saġit* (рѣка) *saġas* (озеро) и т. п. На италійской почвѣ мы находимъ этотъ корень въ нѣкоторыхъ именахъ рѣкъ: *Saġnus*, и прирѣчныхъ городоѵ: *Sarsina*; но весьма рано въ созвучіи *saġ* произошла перемяѵа г въ l тѣмъ легче, что оба плавныхъ между двумя гласными въ латинскомъ звучали довольно сходно, и притомъ въ данномъ случаѣ такой переходъ могъ быть и слѣдствіемъ диссимиляціи, вызванной плавнымъ г въ окончаніи *ere* (Schl. I, 299; Schuch. I, 136.—139; Corss. Ausspr. I, 80; Krit. Beitr. 328—390; Krit. Nachtr. 280—287; Kuhn. I, 105, § 35; 116, § 39).

Затѣмъ въ измѣненномъ созвучіи *sal* также вѣроятно въ довольно раннюю пору произошло довольно обыкновенное паденіе первоначальнаго *ā* въ *ō*, и явилась форма *consolere*, засвидѣтельствованная древними эниграфами: *CONSOLVERVNT*, *COSOLERETVR* (Sc. de Vasca. Ritschl, P. L. M. E. t. XVIII; Tit. Mum. Op. IV, 91; Schl. I, 29; Corss. Ausspr. I, 254 fgg.).

Отъ этого-то *consolere* и образовано наше *consol*, имѣвшее вѣроятно когда-то окончаніе *-os* (*-us*), слѣдъ котораго видѣнъ еще въ деп. sg. *salisubsulū sacra* (Catull. XVII, 6) = *salisubsulorum sacra*¹⁾, и въ окончаніи жен. рода *a* въ *insula* (м. р. *insulus*); окончаніе *os* (*us*) было, однако, весьма рано утрачено, вслѣдствіе чего *consolos* и

¹⁾ По другимъ *salisubsulū* есть дательн. п., означеній отъ *salisubsulorum*.

родственных ему слова перешли въ согласное склоненіе подобно древнему *fatul* (изъ *fatulus*) и народнымъ формамъ *figel*, *mascel* (изъ *figulus*, *masculus*. Schuch. II, 385; Corss. II, 54—55; Merg. 34).

Что касается долготы о въ *consól* (ср. *el. E.* 4), то ее слѣдуетъ объяснять, по всей вѣроятности, не только позиціей и вліяніемъ арсиса передъ цезурой (Kühn. I, 62, § 15, 2), сколько именно слѣдствіемъ перехода формы *consolos* въ согласное склоненіе: подъ вліяніемъ акцентовки *consolos* послѣдній слогъ исчезъ, но не совсѣмъ, а такъ, что часть его количества сообщилась мѣрѣ предыдущаго, который и удлинился; говоря короче—здѣсь послѣдовалъ тотъ фактъ, для котораго существуетъ не совсѣмъ удачное, впрочемъ, названіе „замѣнительнаго растяженія“ (*Ersatzdohnung*), ср. *pāg* изъ *pāg-is*, *sāl* изъ *sāl-is* и т. п. (Zsch. 15 § 29).

Паденіе же древняго о въ *ц*, какъ вообще, такъ и въ частности передъ *l*, послѣдовало въ латинскомъ языкѣ въ единичныхъ случаяхъ довольно рано. На одной изъ Пезарскихъ надписей (*tituli Pisaurenses*) приблизительно того же времени, какъ и разбираемый эпиграфъ, читается форма *CILSVL A* (*Cesula*), см. Ritschl, P. L. M. E. tab. XLIV, J; de fictil. lit. Op. IV, 286, 292. Prolegg. de emend. Plant. Op. V, 350, C. I. L. I, 186; Corss. Ausspr. I, 255; собственно же въ нашей формѣ *consol* эта вокалитическая перемѣна совершилась, вѣроятно, вскорѣ послѣ того времени, когда въ „*lex repetundarum*“ (122 г. до Р. X.) появляется *consulere* вм. древняго *consolere* (Ritschl, tit. Mun. Op. IV, 91; Mon. ep. tr. Ib. 132; Kühn. I, 76, § 19, 1), а именно — написаніе *consol* сохраняется еще въ *lex agraria* (110 до Р. X.), но въ *lex Cornelia de XX quaest.* (82—80 до Р. X.) есть уже *consul*, а въ *lex Antonia de Termesibus* (71 до Р. X.) рядомъ съ *consulibus* есть *consulibus* (Ritschl, Die alt. Scipioneninschr. Op. IV, 233 A**; Corss. Ausspr. I, 255). Въ народномъ говорѣ форма *consol* жила до весьма поздняго времени; она встрѣчается на надписяхъ еще въ VI—VII вв. по Р. X. *console*, *consolis*, *consolatus*, *consolatu* etc. (371; 542 — 565; 604 по Р. X.; Schuch. II, 152 fgg. Corss. I, 257; Merg. 53).

CENSŌR, класс. *censōr*, *censōris*.

Этимологія разбираемой формы слѣдующая: отъ глагольнаго корня *cens* (scr. *цанъ*, *цѣнъ-ить*) образуется *nomen agentis* посредствомъ суффикса *tōr* (scr. *тѣр*, греч. *τѣр*, слав. *тѣль*): *censōr*, сохранившееся еще почти невредимо въ осскомъ *ceustur* (Corss. Ausspr. I, 364; Krif.

Beitr. 417, 522; Kühn. I, 104, 8). Въ латинскомъ же форма *censtor* еще въ очень древній періодъ вследствие ассимиляціи *t* предъидущему *s* и затѣмъ, утраты одного изъ *s* превратилась въ *censtōr* (*censtōr*, *cen(s)stōr*), подобно тому, какъ изъ *haestum* вышло *hac(s)um*, изъ *hansturus* — *haus(s)urus* (Verg. Aen. IV, 383; Corss. krit. Beitr. Kühn. I. I. c. c.). Утраченная въ классическомъ *nominativus* *censtōr* долгота о. уцѣлѣвшая однако въ косвенныхъ надежахъ, видна еще какъ въ нашемъ мѣстѣ: *consōl*, *censtōr*, *aidilīs*... такъ и въ томъ же стихѣ въ tit. E, 4, а равно и изъ греческой транскрипціи *κῆτορ* (Corss. Ausspr. I, 19). Что касается въ частности именъ на *tōr* (о другихъ на *or* ср. ниже *honōs*), то въ текстѣ Плавта, первоначальнаго редакція котораго современна нашимъ эпитафиямъ (254—184 до Р. X.), на количество *tōr* указалъ еще критикъ XVI—XVII вв. Valens Acidalius въ своихъ „*Divinationes et interpretationes*“. Frankf. 1607, (Ritschl, Prolegg. de emend. Pl. Op. V, 312; über die Krit. des Pl. Op. II, 93), гдѣ онъ (*div. in Pl. Rud. c. VI*) ссылается, между прочимъ, на слѣдующій (IV, 3. 75=1014) стихъ *Rudentis*:

sī tu proreta istī navi 's, ēgo gubernatōr ero;

сюда же относятся указанныя Ричлемъ у Плавта же формы: *exercitōr*, *amatōr*, *imperatōr* (Ritschl, Prolegg. Op. V, 416—417; Corss. I, 362—365; Kühn. I, 70, 16: ср. *auctōr*, Pseud. I, 3, 2=225; 231 ed. R.; Neue, I, 171); долгота эта спорадически встрѣчается и въ классической рѣчи: *domitōr* (Verg. Aen. XII, 550; Kühn. I. c.), гдѣ она иногда эпитафически отмѣчена *lectōr* (Büch. 15, § 29). Но съ другой стороны, сокращеніе окончанія *nom. sg. or: amōr, rudōr, labōr, sorōr*, а по аналогіи съ нимъ и окончанія *tōr* началось еще со времени того же Плавта (Corss. I, 364—365), постепенно расширяясь съ приближеніемъ къ классическому періоду (Merg. 50).

AIDILIS см. выше *Gnatvod*.

QVEI. Выше, при объясненіи формы *quoius*, мы замѣтили, что первоначальный корень *ka* принимается въ латинскомъ языкѣ въ трехъ видахъ: *ka* (*qua*, fem.), *ku* (*quo*, masc. neutr.) и *ki* (*qui*) для образованія тѣхъ формъ, которыя трудно объяснить изъ двухъ первыхъ вариантовъ. Къ числу такихъ формъ принадлежатъ, между прочимъ, *nom. sg. masc. qui*, арх. *quei*.

Есть, впрочемъ, попытка произвести его и отъ основы *quo*.

Корссенъ (Ausspr. I, 211; Krit. Beitr. 542; Krit. Nachtr. 94) принимаетъ *nom. sg. qui* происшедшимъ изъ *quo-i*, гдѣ вторая часть есть

i-demonstrativum = locativo мѣстоименно-указательнаго корня *i*. Это *quoī* прошло затѣмъ чрезъ обычныя модуляціи дифтонга *oi*: *queī*, *quē*, *quī* и послѣдняя стала классической (ср. Corss. I, 202—203)⁴⁾. Но и здѣсь, какъ и выше при объясненіи формы *quous*, имѣетъ силу то возраженіе, что *i demonstrativum*, какъ таковое, должно было бы являться при всѣхъ надежахъ; а мы видѣли, что въ *genet. quous* и, какъ увидимъ еще, въ *dativus quoīci* его присутствіе можно оспаривать; поэтому нѣтъ необходимости допускать его посредство и въ именительномъ надежѣ; принять же, что аффиксъ *i* соединялся первоначально со всѣми надежами, что его отсутствіе въ большинствѣ ихъ—только позднѣйшее явленіе,—мы не можемъ за невѣдѣніемъ слѣдовъ такой распространенности въ архаическомъ періодѣ языка (Merg. 154—155). Гораздо проще и естественнѣе разсматривать (Reisig, 192; Merg. Kühn.) форму *quī* какъ происшедшую изъ болѣе полной *quīs* черезъ отпаденіе слабо-звучающаго конечнаго *s* (см. ниже Cornello), при чемъ долготу въ *quī* можно объяснять или остаткомъ первоначальной долготы самаго *quīs* (класс. *quīs*), по аналогіи съ древнимъ *is*. (*eis*, класс. *is*, Corss. krit. Beitr. 529; Merg. 150, 155; Kühn. I, 387, § 133, 1; Ritschl, de „idem“ „isdem“ formis, Op. IV, 316; Epigr. Вг. IV, ib. 384 A.), остаткамъ, удержавшимся тѣмъ легче, что вообще латинскій языкъ въ древнюю пору выказываетъ склонность гарантировать сохраненіе конечнаго *i* какъ въ склоняемыхъ такъ и въ спрагаемыхъ формахъ посредствомъ его подъема, (Merg.

⁴⁾ Въ недавнее время эпиграфическая литература обогатилась новымъ памятникомъ—надписью на глиняномъ трехсосудномъ сосудѣ, выведенномъ г. Дреселемъ (*Zeitschrift—J. M. II. Пр.* 1882 г., июль); способъ начертанія—справа налѣво и до нес *plus ultra* архаическій языкъ надписи заставляютъ некоторыхъ ученыхъ видѣть здѣсь древнѣйшій памятникъ латинской письменности; съ другой стороны эта же самая оригинальность формъ служитъ для иныхъ (например для Кобета, *Мнемоз.* п. а. XI, p. 441 sqq.) основаніемъ считать весь памятникъ поддѣлкой. Въ этой-то надписи мы находимъ *Nom. Sg. pron. rel. quī=quī*, форму, прекрасно подтверждающую гипотезу Корсеана, но въ виду того, что форма эта пока единственное явленіе, и вслѣдствіе существенныхъ несогласій между египтологами (Вихелеромъ, Остгофомъ, Иорданомъ и Бреалемъ) въ чтеніи и пониманіи самаго текста, мы, хотя и не видимъ достаточнаго основанія заподозривать подлинность памятника, но все-таки не рѣшавши съ увѣренностью положиться на указанный египтъ; языкъ надписи на долго вѣроятно задержитъ работу египтологич.-архаистамъ, пока ихъ соединенныя усилія не приведутъ къ чему-либо болѣе определенному.

81, 216; Corss. I, 339—341; Kühn. I, 65, 7), или же—замѣчательнымъ растяженіемъ краткаго і въ quīs по отпаденіи s (Kühn. I 398, 8).

Что же касается написанія quēi, то фонетическими послѣдованіями доказано, что во многихъ случаяхъ написаніе EI, встрѣчающееся и въ роли дифтонга, и въ роли средняго тона между ē и I, служитъ изображеніемъ и простаго долгаго і, напримѣръ ameicitia, affeicta, ameisi, feillus, meillites, scribere, posedeit, venteit etc. Sch n. I, 63 fgg. Reisig, 56, § 45; Benary, 79; Buch. 28, § 57; Neue, II, 191; Merg. 216; Lachm. ad Lucret. I, 120, p. 24, Corss. Ausspr. I, 142—143; 230; 352; 354—355. Krit. Beitr. 555—557; Kühn. I, 38, 3; 47, 6; 58, 6; Ritschl, leg. Rubr. p. sup. Op. IV, 46; tit. Mum. ib. 84, 110, 111; Millar. Popul. ib. 116, 118, 125; Epigr. Soran. ib. 131, 140; Epigr. Br. V, ib. 424; Pr. lat. ep. Suppl. IV, ib. 542; Plautin. Exc. Op. II, 623 A**; 622—646; de arg. acrost. Mil. glor. ib. 421: чему есть примѣры и въ нашихъ памятникахъ gē-sistel, tit. F.; veixel, tit. J; petiel, tit. L.

Извѣстно, что во время Люцилія (180—103 гг. до Р. X.) і, кромя обыкновеннаго, имѣло часто болѣе открытый, полный звук, близкій къ ē (i-ringue) (ср. выше virtutei); этой-то звучностью въроатно и слѣдуетъ объяснять написаніе quēi пом. sg. масс. въ текстѣ эпитафій мимического актера Протогена (около 120? до Р. X.):

PROTOGENES CLOVLei SVAVEIs HEICEI SITVST MIMVS
PLOVRVMA QVE FECIT POPVLO SOVEIS GAVDIA NVGES

C. I. L. I, 1297; P. L. M. E. t. XLIX, G; ср. Buch. 28, § 57; Corss. Ausspr. I, 210; Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 109—110.

Классическое qui встрѣчается уже на Генуэской доскѣ (Sent. Minuc. de contr. inter Gen. et Veit. C. I. L. I, 199; P. L. M. E. t. XX; ср. Ritschl, Ep.-Gr. Miscell. Op. IV, 796 † A.**; Kühn. I, 398. 3; u. c. 638; a. Ch. 116) рядомъ съ арханскимъ quēi, находимымъ и позднѣе, напримѣръ, въ lex agr. (643 u. c. 111—110 a. Ch.) и спорадически даже въ эпоху имперіи (Corss. Ausspr. I. 229; Kühn. I. c.).

FVIT. Выше, при разборѣ той же формы, было замѣчено, что это рѣ. корня fū, праас. *fuō съ протяженіемъ кореннаго гласнаго u въ ū. Личное окончаніе III л. здѣсь t, первон. ta = указат. мѣст. (Curt. T. u. M. 23; Kühn. I, 436, § 162, 1); къ основѣ perfecti fū окончаніе это присоединено съ помощью гласнаго звука — первоначально

a. (Curt. I. c. 51), слѣдъ котораго видѣнъ еще въ fu-e-t, ded-e-t, tit. E, въ чемъ Ричль (см. выше Gnaivod) видитъ, между прочимъ, доказательство болѣе древности надписи E передъ tit. B.

Но гораздо чаще въ ind. III sg. ps. мы встрѣчаемъ гласный i: fuit, cepit, subigit, abdoucit tit. B; fulse (cf. adiese, adieset sc. de Pacan.), cepit tit. E; recipit tit. F; subecit tit. G; defecit tit. K; nobilitavit tit. L, и притомъ, какъ свидѣлствуютъ эпиграфико-поэтические остатки древности, это i, а равно и его прообразы a и e, въ первыхъ трехъ лицахъ ind. pf. и III л. sg. praes. ind. было первоначально долгимъ; такъ мы находимъ:

petiei (tit. L.) ¹⁾ ;	interieisti (C. I. L. I, 1202; Neue, II, 507);
vetiei (tit. J.)	subigit (praes.)
	fuit
	fuét
	dedét

Написаніе ei употреблялось и въ 3 л. sg. pf. ind. для показанія упомянутой долготы конечнаго гласнаго; на памятникахъ доклассическаго, а изрѣдка и классическаго періода встрѣчаются формы въ родѣ: *posedeit (Sc. de Pacan. 185 г.), fuvett (C. I. L. I, 1051), redleit (ib. 541) etc.; въ эпоху имперіи такая долгота окончанія -it означалась иногда высокимъ I. (Corss. Ausspr. I, 356).

Что касается поэтовъ, то -it въ pf. и praes. встрѣчается изрѣдко у Ливія Андроника, Плавта, Эниія, Теренція, Люцилія, Лукреція; изрѣдка у поэтовъ Августова вѣка: Вергилія, Горация, Овидія и др.; у послѣднихъ почти только предъ цезурой стиха; по уже въ текстѣ Плавта мы встрѣчаемъ классическое dēdēt, и на tit. L. около 120 nobilitāvīt.

По разобранному вопросу ср.: Lachm. ad. Lucr. III, 1042, p. 206—210; Neue, II, 507, § 62; Merg. 216; Corss. I, 351—357; Krit. Beitr. 555—558; Kühn. I, 68 γ; 436 § 162; Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 111; die ältesten Scipionenschr. ib. 223, Anm; Plautin. Exc. Op. II, 641 + A**.; Henzen, Bull. dell' inst. 1873, p. 89—90 (встр. форма DEDET); ср. Garr. addit. ad Syll. n. 2341. Надпись Дуеноса, см. Цвѣтаевъ, Ит. надп. Ж. М. Нр. II. июль 1882 (форма: FECED).

¹⁾ Мы не считаемъ прежде принятаго издателями accumulavei, оказавшагося по тщательномъ разсмотрѣніи какия: accumulavi. Ritschl, Pr. Lat. Sp. Suppl. III. Op. IV, 539.

APVD. По своей этимологии предлог этотъ, какъ думалъ Корсенъ, не что иное, какъ твор. ед. именной основы *aro*, распространенной прибавленіемъ гласнаго *o* изъ корня *ar*, входящаго въ *artus*, *ar-ex*, *ar-iscor*, *co-er-i*, и значущаго „въ соединеніи съ“, затѣмъ „у“, „при“ (въ глоссѣ Филоксена у Скалигера: *are(o)* = *pará*, Hand, Turseil. I, 405; Corss. I, 73. 335; Büch. 94). Такое производство гораздо естественнѣе предложеннаго Скалигеромъ, но ивѣннѣ котораго (De caus. ling. lat. 157; Hand, l. c. 406) *apud* = *ad pedes* ¹).

Посредствомъ вышеупомянутаго суффикса *abl. sg. ad* отъ основы *aro* образована форма твор. пад. *aro + ad* = *aro + od* = *aröd* (ср. выше *Gnaivod*), однако же въ такомъ видѣ не сохранившася, хотя намекъ на нее можно видѣть въ *aror* у Феста (Hand, l. c. 406; Büch. l. c.; Ritschl, Epigr. Br. V, Op. IV, 406 + A.***), и въ недавно найденномъ памятникѣ — фундической бронзѣ, гдѣ читается *aruginem*, см. Rhein. Mus. 33, 489; Jordan, Krit. Beitr. S. 93, 357—358; Garr. add. ad Syll. 1881, p. 18—19 съ facsimile; Цвѣтаевъ, Ж. М. Н. Пр. июль 1882), здѣсь *r = d*, какъ, напримѣръ, въ *arbiter*, *arf.*, *arvorsum*, *quitquit* вм. *adbiter*, *adfuerunt*, *adv(o)ersum*, *quidquid* и т. п. (Schn. I, 257—258; Corss. Ausspr. I, 89—91; Kühn. I, 106, 2; Momms. Eph. Ep. II (1875), p. 205, n. 298; Jordan, Krit. Beitr. S. 89 fgg.; Garr. Syll. p. 561, n. 2327.

Въроатно еще въ очень ранній періодъ жизни языка въ *aröd* произошло паденіе *ö* въ *ü*, примѣръ чего въ томъ же надежѣ мы находимъ на Болонской бронзовой таблицѣ: „ASTVD · FACITVD = *castö factö* (C. I. L. I, 813; Ritschl, P. L. M. Ep. enarr. p. 97; altlateinische Bronze von Bologna, Op. IV, 727—733; P. lat. ep. Suppl. II, ib. 519; Suppl. III, ib. 533; Suppl. IV, ib. 556—557; Büch. 94). Паденіе *ö* въ *ü* не измѣнило однакоже долготы послѣдняго слога; поэтому акцентовка *arüd* совершенно законна, какъ въ данномъ мѣстѣ, такъ, напримѣръ, и въ слѣдующемъ сатурніи изъ Ливія Андроника у Присціана (IV, 18 Her.):

arüd nupham Atlantis filiam Calypsonem.

Korsch, De v. s. 129.

¹) Впослѣдствіи Корсенъ (Ausspr. I^o, 197, Anm.) отказался отъ своего производствa и согласился съ болѣе однако неустоячивымъ производствомъ Потта (Etym. Forsch. I, 109; 509, 2 A; II, 314), по которому *apud* и его параллель *aror* = *sert. arí* (изъ греч. *ἄρι*) + *lat. ad*; изъ сочетанія *arí + ad* вышли: *arad*, *arud*, *arui*, *aror* (*arur*).

Въ классическій же періодъ *arud* изъ *ariba* становится шрири-
хиѣмъ; подобное сокращеніе первоначальной формы твор. надежа мы
находимъ въ *sēd, gēd-, gē-, etc.* Corss. I, 334.

Что же касается эпиграфически и хирографически засвидѣтель-
ствованнаго написанія *arut* (Schn. I, 254; Neue, II, 704. 726—727;
800; Corss. I, 72. 376; Kühn. I, 41. 5), то оно, какъ не очень
древнее, едва-ли восходящее далѣе второй половины I вѣка до
Р. X., не можетъ считаться въ связи съ первоначальнымъ *arōt*,
а скорѣе, какъ и варианты *allut, at (= ad), haut, set*, — является
просто слѣдствіемъ твердости выговора конечнаго *d*, на что намекаетъ
Квинтиліанъ въ словахъ: *quid? quod syllabae postrae in
B litteram et D innituntur adeo aspere* (то-есть, въ концѣ слы-
шится почти Р и Т), *ut plerique non antiquissimorum quidem sed
tamen veterum mollire temptaverint non solum aversa pro adversa
dicendo sed etiam in praepositione B litterae absonam et ipsam S sub-
iciendo* (I. O. XII, 10, 32; Corss. I, 71; Schn. Kühn. I. l. c. c.).
И въ нашей современной рѣчи плодъ слышится какъ плотъ, ладъ
какъ лать, лёдъ какъ лѣтъ, пудъ какъ путь и т. п.

ТАВРАСИ́Ат. Латинскій М въ различныхъ частяхъ слова зву-
чалъ не одинаково. По словамъ Присциана (555 Р., I, 38 Н.) ср.
Corss. Ausspr. I, 107; Kühn. I, 43, 9) „*M obscurum in extremitate
dictionum sonat, ut templum, apertum in principio, ut magnus, me-
dicocre in mediis ut umbra*“; отсюда видно, что интенсивность звука
его постепенно уменьшалась отъ начала слова къ его концу, гдѣ
М—*obscurum* (глухое) звучало весьма слабо, поэтому, особенно часто
въ классическомъ стихосложеніи, не могло предохранить предыду-
щаго гласнаго отъ красиса съ гласнымъ въ началѣ слѣдующаго слова,
о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Квинтиліанъ (I. O. X, 4, 40): „*atqui
eadem littera (M), quotiens ultima est et vocalem verbi sequentis ita
contingit, ut in eam transire possit, etiamsi scribitur, tamen parum
exprimitur, ut multum ille et quantum erat; adeo ut paene cuiusdam
novae litterae sonum reddat neque enim eximitur sed obscuratur et tan-
tum aliqua inter duas vocales velut nota est, ne ipsae coeant*“. Вслѣд-
ствіе своей почти совершенной беззвучности конечное *m* въ архаиче-
ской латини часто вовсе не пишется ¹⁾; о глагольныхъ формахъ ср.

¹⁾ Любопытно, что уже Веррій Флаккъ предлагалъ для такого *m* особое
написаніе *μ* — урванную фигуру *M*; въ рукописахъ и старинныхъ изданіяхъ
оно обозначается—напр. *multu*—*multum*; Schisch. I, 22; Schn. I, 301, 308; Corss. I,
12—13; 108. Zell, II, 48.

Corss. I, 109; что же касается именныхъ, то и здѣсь въ древнѣйшихъ памятникахъ латинской рѣчи оно то пишется, то опускается, свидѣтельствуя такимъ образомъ о борьбѣ между этимологическимъ сознаниемъ и вліаніемъ выговора. Въ нашихъ текстахъ конечное *M* obscurum опущено въ:

tit. B.	{	Taurasia Cisauna Samnio omne рядомъ съ Loucanam
tit. E.	{	oino duonoro optumo viro no Luciom Sciptione Corsica Aleria urbe alde
tit. F.	{	apice, невѣрно у Ричча apicem, tit. Mith. Op. IV, 93. insigne no ingenium gloriam maiorum gremia (о вѣрности этого чтенія см. Ritschl, Pr. lat. ep. Suppl. III, Op. IV, 538). no prognatum
tit. G.		Autioco (ср. Ritschl, l. c.), no regem
tit. H.		annoru (ср. Ritschl, l. c.)
tit. J.		(sciptionem
tit. K.	{	magna sapientia no saxsum progenie no maiorum
tit. L.	{	laudem creatum stirpem

Изъ этого сопоставленія видно, что чѣмъ моложе памятникъ, тѣмъ рѣже опускается конечное *M*; въ влогіа *L* почти уже нѣтъ примѣровъ такого рода, если не считать нѣсколько, правда, сомни-

тельнаго и не всѣми признаваемого *progenie* (ср. Ritschl, l. c. 539—540), гдѣ опущеніе *m* быть можетъ обусловлено и вліяніемъ слѣдующаго *mi*.

Вообще замѣчено, что со времени *Sc. de Vasaualibus* (185 г. Corss. I, 111), въ текстѣ котораго это *m* нигдѣ не опускается ¹⁾, случаи подобнаго рода уменьшаются въ количествѣ, быть можетъ, вслѣдствіе вліянія греческой рѣчи, гдѣ *v* въ склоняемыхъ формахъ не опускается; съ 130-хъ годовъ до Р. X. конечное *m* графически вообще удерживается (Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 93; Epigr. Br. V, ibid. 404; Syllabus ind. ib. 765), хотя памятники народной латини классическаго и даже послѣ классическаго періода весьма нерѣдко держатся въ этомъ случаѣ выговора; съ III в. по Р. X. конечное *M* въ устахъ народа совершенно исчезло, чѣмъ и объясняются такіе курьезныя написанія, какъ *ablativ: suam, salutem, partem etc.* (Corss. I, 113), гдѣ *m* уже совершенно мертвая буква, не къ мѣсту прицѣпленная полуграмотнымъ писцомъ.

По данному вопросу ср. Schn. I, 153 — 155; 300 — 308; Reisig, 274, § 165; Zell, R. Ep. II, 61; 70, I; 74; Corss. I, 109 — 113; Schuch. I. 105, 116, 3; Büch. 49—51; Neue I, 17, 72, 118; Merg. 66; Kühn. I, 43, 9; 96, 2, 5, 6, 7; 114, 5. Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 93—94; Epigr. Sor. ib. 132 — 134; Ep. Briefe II, ib. 344 + A. Ep. Br. V, ib. 404 + A. Pr. lat. ep. Suppl. V, ib. 564 — 566 + A.; Garr. Syll. p. 579; Цвѣт. Ит. надп. Ж. М. Н. Пр., июль 1882.

Что касается акцентовки *Taurasiá*, то она вполнѣ законна съ точки зрѣнія первоначальной долготы примѣты *a* въ женскомъ склоненіи (см. выше *formá*), а потому здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ вѣроятному впрочемъ объясненію Лакманна (*ad Lucr. II, 991, p. 130; cf. III, 917, pag. 193*): „*m finale longam syllabam facit sive producenda vocali sive obscuro sono cum vocali quasi in diphthongum coalescente*“, съ чѣмъ не согласенъ Бухелеръ (49 §§ 118, 119).

SAMNIÓ. Что это не *ablativus loci*, = *in samnio*, какъ думали Лакманнъ (*de fontibus T. Livi, 73*), Висконти (*Mon. Scip. 11*), Кюнеръ (*I, 287, 16*), Garrucci (*Syll. p. 218, adn. 880, и др. ср. Momms. C. I. L. ad tit. c.*), доказалъ Ричль (*die ältest. Scipionenschr. Op.*

¹⁾ Единственный повидимому случай противнаго есть читаемое здѣсь выделеннымъ *comioine* (vers. 11), но превосходный оттискъ у Ричля (*P. I. M. E. t. XVIII*) даетъ *COMIINI* ^, гдѣ видна слѣдъ конечнаго *m*.

IV, 224 А.***), считающій разбираемую форму винительнымъ прямаго дополненія къ *scribit*. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь примѣръ сохраненія древней примѣты N. Acc. sg. II decl. — Ō, весьма рано явившейся въ латинскомъ изъ первоначальнаго ѣ:

<i>paclās</i>	<i>coctōs</i>	ср. греч.	κεκτός
<i>paṽās</i>	<i>novōs</i>	"	"
<i>damās</i>	<i>domōs</i>	"	δῶμος etc.

(Corss. I, 233, 239, 241; Kuhn. I, 39, 4; 51, 3; 59, 2.

Но уже съ разбираемаго эпитафа начинается паденіе этого ѣ въ і: рядомъ съ изолированнымъ *Samnio* мы находимъ *Cornelius*, *Lucius*, *Barbatus*, *prognatus*, чтѣ между прочимъ также даетъ Ричлю, съ которымъ согласны Риббекъ (*Fleck. Jahrb. f. Phil. LXXV*, 312) и Бухелеръ (*Decl.* 22), право считать элогій Барбата по времени моложе эпитафия его сына, гдѣ древнее о рѣшительно преобладаетъ: *hōnc*, *oīno*, *duonoro*, *optimo*, *viro*, *Luciom*, *filigs*, винов.: *Cornelio* (*Ritschl. tit. Mum. Op.* IV, 89; *Die ält. Scip. ib.* 223 — 226), а также поставить тезисъ: „о pro u, ut plurimum etiam e pro i in declinatione nominum verborumque: cessans circa a. 520 sqq.“, то-есть, около 233 до Р. Х., когда предположительно и написанъ *tit. B.* (*Syllab. ind. Op.* IV, 765), ср. выше *gnaiwod*. Графически переходъ отъ ѣ къ і выраженъ на современныхъ обонимъ *tit. B* и *E* монетахъ города Суэссы, гдѣ встрѣчается форма *proboim* (*ais*, *aes*), ср. *C. I. L. I*, 16; здѣсь онъ не дифтонгъ, а изображение средняго тона между о и и, какъ часто *ei* = среднему звуку между е и і (*Bach.* 23).

По слѣды архаической поры не исчезли совершенно и послѣ упомянутаго вокалистическаго переворота.

Особенно прочно, даже въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Августа, держалось о въ N. Acc. послѣ и или v, потому что сочетанія *ui* и *vi* долгое время не были терпимы языкомъ; отсюда объясняются формы: *aiquom*, (*Sc. de Vac.* 185 г.), *mortuos* (*tit. G.* ок. 160 г.), *equom* (*lex. ger.* 122 г.), *comrasciom* (*lex. Thor.* ок. 111 г.), *suom* (*lex. Jul.* 45 г.), *vivom* (эп. Августа), *servom* (эп. Тиберія), *divom* (эп. Клавдія), *servos* (эп. Нерона), *aequos* (эп. Веспасіана), *givos* (эп. Тята), *reliquom* (эп. Домиціана) и пр., а также множество примѣровъ таковаго рода въ древнѣйшихъ рукописяхъ доклассическихъ и классическихъ авторовъ (*Neue*, I, 66—68).

Что касается эпохи Домиціана (81—96 гг. по Р. Х.), то современникъ его Квинтиліанъ (35—95 гг.) замѣчаетъ: „*nostrī praesertores ser-*

vum cervumque v et o litteris scripserunt (т. е. servom, cervom), quia subjecta sibi vocalis in unum sonum coalescere et confundi nequiret, нине и gemina scribuntur* (т. е. SERVVM, CERVVM) (Inst. or. I, 7, 26); значить, во время его сочетаніе VV стало появляться и въ литературѣ; дальнѣйшее же примѣненіе о въ подобныхъ случаяхъ относится только къ памятникамъ народной латини (Schuch. II, 164—166; 179. 181; Corss. I, 245—246). Въ объясненіи количества Samnīō мы должны согласиться съ упомянутою выше теоріей Лахманна, по которой глухое конечное m способно удлиннять предшествующій краткій гласный; то же явленіе можно отчасти видѣть и въ формахъ Cornelīus quōīūs, оканчивающихся глухимъ s, ср. ниже Cornelio(s).

О сохраненіи примѣты о см. Schn. I, 29—33; II, 57—58; Reisig, 72, § 55; Buch. 22—23; Merg. 28. 58; Neuc, I, 64—72; Kühn. I, 39, 4; 51, 3; 275, § 103, 1. 2. 3; Corss. I, 239—246; Schuch. II, 164—166; 179. 181; Ritschl, tit. Mum. Op. IV, 91. 93; tit. Aletr. ib. 178+A. 179. 180; tit. col. rostr. ib. 204—208; die ält. Scip. ib. 218. 223 A. 224. 232. 234 A.**, 235—237; de fictil. It. ib. 279—282. 290—292; de declin. quad. lat. recend. ib. 456+A.; Pr. lat. epigr. 581. Add. 1881, p. 25. suppl. I, ib. 495; Prolegg. Plant. Op. V, 349; Garr. Syll.

SVBIGĪT, не subigīt, Ritschl, die ält. Scip. Op. IV, 223 A. О долготѣ послѣдняго слога см. выше fuit.

OMNĒ, класс. omnēm, ср. выше Taurasiā и samnīō.

LOVCANAM, л. е.—tegram. Разъясненіе вокалистическаго состава нашей формы заставляетъ насъ обратиться къ ея этимологін.

Извѣстно, что имя Луканіи носила страна, лежащая въ южной Италіи между 38°50'—40°55' с. ш. и 12°40'—14°30' в. д. (по Парижскому меридіану); она граничила на сѣверъ съ Кампаніей, Самніумомъ и Апуліей, на востокъ съ Тарентскимъ заливомъ, на югъ съ Бруттіумомъ и на западъ съ Тосканскимъ моремъ. За исключеніемъ небольшой равнины при Тарентскомъ заливѣ, страна эта сплошь покрыта отрогами Апенниновъ, богатыми бѣлымъ известнякомъ, особенно главный сѣверный хребетъ Mons Alburnus близъ гор. Posidonia (Paestum).

Блестящая мѣловая поверхность этихъ возвышенностей даетъ намъ нѣкоторое право ставить имя страны Lucania, Λευκάνια, въ связь съ тѣмъ же корнемъ luc (свѣтить), что мы видѣли выше при объясненіи имени Lucius. При образованіи именныхъ основъ корень этотъ является въ усиленномъ посредствомъ подъема видѣ louc: Loucina,

Leucettos, lou(c)men, рѣше leuc: Leucestis, ср. λευκός, leuchten. Такая форма подъема ѱ въ ou или eu (передъ гласными ou или eu) встрѣчается и въ родственныя латинскому языкаъ:

кор. dūc :	doux(dūx),	douco,	abdoucit (dūco, abducit),
„ iūc :	lou(c)men ;	кор. pūl :	pou(b)licus
„ pūl :	plouere ;	„ flū :	conflouont
„ dīd :	dIouis, ср. греческія и славянскія формы:		
„ dūx :	δαυκος	ЛЛІХ:	ДОУХЪ
„ lūx :	λευκος	СЛІХ:	СЛОУУХЪ
„ pūγ :	φεύγω	СЛІХ:	СОУХЪ
„ klū :	κλέ(f)ω, κλεύομαι	НЛЛІ:	НЛОУНЦЪ
„ rū :	ρέψω ρεύομαι	РЛІ:	РОВЛ
„ dju :	Ζεύς	КРЛІ:	КРОУЛ

Отъ этого усиленнаго созвучія louc и образовано имя народа Loucanei, быть можетъ, при посредствѣ аналогіи съ такими формами, какъ напримѣръ Samrani отъ samrus, Frentani отъ Frentum, ср. слав. Поляне отъ поле, Древяне отъ древо и т. н.

Но двугласному ou, состоящему изъ двухъ довольно близкихъ другъ къ другу тоновъ, было конечно трудно удержать въ живой рѣчи свой чистый, раздѣльный видъ: уже въ древнѣйшихъ памятникахъ латинскаго языка мы находимъ графическія свидѣтельства объ утратѣ этой раздѣльности.

На одной изъ Пезарскихъ надписей, современныхъ, а можетъ быть, и болѣе древнихъ, чѣмъ эпитафы В и Е, мы читаемъ форму IVNONE (C. I. L. I, 173; Ritschl, P. L. M. E., tab. XLIII, C; de fictil. It. Op. IV, 291), гдѣ u = ou, если справедливо мнѣніе Корссена (Ausspr. I, 173), что имя Iūno стоитъ въ связи съ именемъ Iouis: Iou-in-on, Iounon, Iouno, Iouno, Iūno; сюда же относятся формы Iūcius и Iūctom (tit. V. E.).

Съ другой стороны, также весьма древнимъ является написаніе POPLICOD (Sc. de Basan. 185 г.). Обѣ эти вариаци ѱ и ѱ указываютъ на то, что два составные элемента дифтонга ou довольно рано слились въ одинъ глубокій тонъ, лежащій между о и u, а потому и изображаемый то въ видѣ o, то въ видѣ u, напримѣръ:

pouublicom, poplicod, Publico, Public, tit. F.
nouublicos, nouublicare, nuntiare,

такъ что въ эпоху разбираемыхъ памятниковъ написаніе ou, какъ и полагаетъ Бенари (Lautl. 82), едва ли уже означаетъ дифтонгъ, а

скорѣе долгій средній тонъ между о и и и держится еще нѣкоторое время какъ преданіе старины ¹⁾. Съ такимъ взглядомъ несогласны впрочемъ Моммсенъ (U. D. 217) и Ричль (Vocal. gemin. Op. IV, 158).

Чѣмъ ближе къ періоду классицизма, тѣмъ обширнѣе становится употребленіе и вм. ои: въ эпоху Гракковъ и начинаетъ перевѣшивать (Corss. I, 173; Kühn. I, 48, 8) и наконецъ по изслѣдованію Ричля (Mil. Popill. Op. IV, 116—118; Syllab. ind. ib. 765) въ половинѣ VII в. а. у. с. (ок. 100 г. до Р. X.) ои выходитъ изъ общаго употребленія; только въ имени *iou* и родственныхъ ему *iou-discage*, *iou-dices* и т. п. написаніе ои держалось приблизительно до 682 н. с. (71 до Р. X.) благодаря консервативности официально-юридическаго слога; „in his enim solis“, говоритъ Ричль въ указанномъ мѣстѣ, „priscum scribendi modum tenax vetustatis consuetudo legalis servavit ad legem usque Antoniam anni circiter 682“.

Что же касается формы (C. I. L. I, 1418, v. 15; Buchel. 23; Neue I, 66) въ надписи времени Цезаря, то здѣсь ои употреблено для выраженія средняго тона не между ō и ū, а между ö и ü, что мы видѣли въ вышеприведенномъ *proboim* на Суэскихъ монетахъ, хотя въ довольно позднемъ сравнительно *vinous* можно видѣть и просто неумѣлую архаизацію, чему примѣровъ также не мало.

О модуляціяхъ дифтонга ои см. Schn. I, 84—86; Reisig, 57; Benary, 82—84; Corss. Ausspr. I, 155; 171—176; Krit. Beitr. 199; Krit. Nachtr. 203; Kühn. I, 48, 8; 54, 6; 57, 2; Ritschl, Monum. ep. tria, mil. Popill. Op. IV, 115—118 (хронологическое сопоставленіе примѣровъ написанія ои); eptgr. Sor. ib. 131; vocal. gem. ib. 157—158. 159; 160—163; Praenest. Lat. ib. 489—490+A. 491—492; Pr. lat. ep. suppl. II, ib. 519; Syllab. ind. ib. 765. Garr. Syll. pp. 44. 582 sq.

— OPSIDESQVE. Извѣстно, что орфографія языка индо-европейской семьи есть непрерывно вырабатывающійся результатъ упорной и продолжительной борьбы между этимологическимъ принципомъ, съ одной стороны, и требованіями выговора — съ другой. Какъ ни прочно, но видимо, бываютъ установлены правила этимологическаго правописанія формъ языка въ эпоху полнаго расцвѣта его литературныхъ силъ, правила, идущія зачастую въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ произноше-

¹⁾ Такой средній тонъ признается иными учеными и за греческимъ *oo* (Buttm. Griech. Gr. § 4 A. 3. Schn. I, 85—86; ep. Mar. Vict. 2459. P; 12. G.).

ниемъ, чему прихѣры найдти можно въ любовь европейскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе живая, устная рѣчь, бывшая въ древнюю пору существованія языка весьма часто руководящимъ началомъ орфографіи, все же на столько энергично заявляетъ свои права, что ея графическому изображенію удается по временамъ вытѣснять нѣкоторыя отжившія этимологическія преданія, или же, по крайней мѣрѣ, держаться нздравле на ряду съ послѣдними. Такъ было и въ разбираемомъ случаѣ. Мягкій labialis *b* передъ твердымъ шипящимъ *s* или твердымъ зубнымъ *t* произносится твердо, какъ *p*; мы говоримъ теперь: волшебство, осудить, рапскій, оптануть, хрента, и т. и., такъ вѣроятно въ аналогичныхъ случаяхъ говорили и Римляне.

Оснительно до-классическаго періода такое заключеніе оправдывается нрѣдкою на архаическихъ надписяхъ формой PLEPS (Neue, I, 137; Buch. II, § 22; Kühn. I, 117, § 140, 1), и въ особенности тѣми случаями, когда предлоги *ab*, *ob*, *sub* приходится въ сложеніи передъ *s* или *t*; здѣсь написаніе по выговору: *aps*, *ops* (*opsides*), *opt* (*optenui*, tit. L.), *supr* является положительно преобладающимъ: лишь въ *lex Thoria* (111—110 г. до Р. X.) встрѣчается этимологическій вариантъ *subsignato* и *subsignata* рядомъ съ *supsignent* (Corss. I, 54—55; Neue, II, 737—741; 774—775; ср. ib. 728—730; Kühn. I. c; Garr. Syll. p. 567.

Что же касается періода классиковъ, то и въ немъ фонетическому принципу удалось отвоевать себѣ большинство случаевъ употребленія на надписяхъ (Kühn. I. c.) и даже утвердиться въ правописаніи такихъ формъ, какъ: *nupsi*, *nuptum* (*cum derivv.*), *scripsi*, *scriptum* (с. d.), *lapsus* (с. d.), отчасти *sorpsi*, *sorptum* и *glupsi*, *gluptum*., (Schn. I, 219; Corss. I, 61; Neue, II, 481—482; 492; Kühn. I. c. + 489, d), вытѣснивъ такія не соответствующія выговору преданія, какъ: *scribura*, *scribta*, *nupsi* и т. п., изрѣдка попадающіяся на памятникахъ (Schn. I, 218—219; Corss. I, 375), хотя и орфографія и свидѣтельства грамматиковъ уже рѣшительно даютъ предпочтеніе письму по этимологін, особенно въ тождественныхъ по звуку сочетаніяхъ *bs* и *ps*, которыхъ Греки, какъ извѣстно, графически не различаютъ. Такъ Варронъ, по свидѣтельству Скавра (p. 2261. P.), „ita distinguit, ut per *b* et *s* ea nominativo casu putet esse scribenda, quae eandem litteram genetivo reddant (то-есть гдѣ *b* коренное), ut: *plebs*—*plebis*, *urbs*—*urbis*, ea vero per *p* et *s*, quae similiter genetivo eiusdem numeri in *pis* excurrunt, ut *Pelops*—*Pelops* (то-есть, съ кореннымъ *p*); сравн. *Papir. ap. Cassiod. p. 2289*; Schn. I, 223; Neue I, 136.

Но звуковое тожество сочетаний *bs* и *ps* заставляло некоторых грамматиков серебрянаго вѣка не соглашаться съ орфографіей Варрона; правда, на его сторонѣ Присціанъ и Марій Викторинъ, по фонетическое начало защищается Скавромъ, Валеріаномъ и Папиріаномъ, мѣста изъ которыхъ собраны у Шнейдера (I, 220—224) и Нёйе (I, 135—137). То же колебаніе между обонми принципами замѣчается и въ древнихъ кодексахъ Плавта и Вергилія (Corss. I, 56; Ritschl, Prolegg. Plaut. Op. V, 336) IV—V вв. по Р. X.; написаніе по выговору не было, слѣдовательно, побѣждено въ данномъ случаѣ этимологическимъ принципомъ во все время существованія латинской рѣчи.

ABDOVCIT, см. Loucanam.

Titulus D.

CORNELIO, Nom. sg. Интенсивность выговора шипящаго *s*, краткаго и плавно-губнаго *m*, также постепенно уменьшалась отъ начала слова къ концу и становилась здѣсь до того слабю, что иногда вела за собою отсутствіе и графическаго изображенія конечнаго *s* (Corss. I, 121; Kühn. I, 43, 10; 115, 6; 139, A. 9; 277, 4).

Къ числу подобныхъ примѣровъ относится, между прочимъ, им. ед. м. р. основъ на *ō*, класс. -*ās*. Въ этомъ падежѣ древнѣйшіе памятники языка, современные эпохѣ I-й Пунической войны, представляютъ не мало случаевъ опущенія *s* и притомъ почти исключительно въ собственныхъ именахъ на *ios*: Cornello, Tetio, C. I. L. I, 169, Terebonio, ib. 190, Metilio, ib. 73; Bicoleio. См. Bull. dell' Inst. 1873, p. 89—90; Garr. Add. ad Syll. 1881, p. 5, n. 2341. etc. см. Schn. I, 346—352; Reisig. 61, § 48; Zell, R. Ep. II, 74; Buch. 22; Neue, I, 72; Merg. 19, 28; Corss. I, 119—120; II, 107; Ritschl, die alt. Scip. Op. IV, 225 A.; de fictil. lit. ib. 291—292; Epigr. Br. V, ib. 405—406; Syllab. ind. ib. 765.

Видно, что звучный тональный переходъ *io* скорѣе простаго о-звука способствовалъ исчезновенію глухаго конечнаго *s*, и потому въ этотъ древній періодъ, еще далекій отъ торжества этимологическаго принципа, формы на *io* преобладаютъ сравнительно съ такими прижѣрами, какъ *filios*, tit. E; *Novios Plautios* C. I. L. I, 54; *Mirquios* ib. 59 etc. ср. Corss. I, 239; Neue, I, 64—65.

Лучше уживается конечный *s* съ глухимъ предыдущимъ *u*; до эпохи Граховъ аросоре—здѣсь весьма рѣдкое явленіе; въ нашихъ эпиграфахъ читаются:

Cornelius Lucius, Barbatus, prognatus tit. B.
gnatus, tit. G.

(Co)rnelius Asiaticus Comatus, gnatus, tit. H.

Cornelius, situs, victus, gnatus, (man)datus, tit. K.

Cornelius, Hispanus, tit. L.

Лишь съ конца II в. до Р. X. встрѣчаются формы ном. sg. на и им. us, но это, вѣроятно, влияние народнаго говора, гдѣ конечный s продолжалъ опускаться и въ классическій періодъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ (orat. XLVIII, 161): „quin etiam, quod iam subrusticum videtur, olim autem politius, eorum verborum, quorum eadem erant postremae duae litterae, quae sunt in optimas, postremam litteram detrahebant, nisi vocalis insequeretur“. Этимъ же влияніемъ народнаго произношенія объясняется, по всей вѣроятности, распространенное въ памятникахъ послѣ-классическаго періода опущеніе конечнаго s не только въ ном. sg. II decl., но и въ различныхъ надежныхъ формахъ другихъ склоненій (Schuch. II, 44—45, 389).

Глухой конечный s часто не дѣлаетъ позиціи, см. ниже *minus*.

IDILES. Извѣстно, что въ *parisyllaba* III decl. съ основой на і имени-тельный ед. представляетъ два окончанія: is: *aedilis* (арх. *aedilis*), *apis*, *civis*, *clavis*, *vallis* etc. и es: *aedes* (арх. *aides*), *caedes*, *clades*, *fames*, *nubes* и др., при чемъ для тѣхъ случаевъ, гдѣ въ классической латини утвердилось одно изъ двухъ созвучій, встрѣчается и другое, какъ рѣже употребляемая параллельная форма, напри-мѣръ:

рядомъ съ клас. is: *aidilles*; рядомъ съ класс. es: *aedis*

apes *caedis*

cives *cladis*

claves *famis*

valles *nubis*

Schn., I, 17; Neue I, 180—181, 183—184; Merg. 36; Kühn. I, 187, d.

Какимъ образомъ на ряду съ правильнымъ окончаніемъ i-s могъ возникнуть ном. sg. на es—вопросъ этотъ рѣшается различно.

Прежде всего -es въ данномъ случаѣ не есть простой фонетическій вариантъ окончанія is, возникшій изъ перехода i въ средній тонъ между e и i (ei); такой переходъ безъ всякой видимой причины объяснить весьма трудно (ср. выше *patrē*); изъ единичнаго же при-мѣра *suavei(s)* на вышеупомянутой эпиграфѣ Протогена (гдѣ форма *suavei* нѣкоторыми учеными, напри-мѣръ, Моммсеномъ, не признается

даже за *Nomin. sg.*) заключать о возможности этого перехода было бы слишком смѣло (*Merg.* 38).

Поэтому остается только видѣть въ -es, рядомъ съ -is слѣдъ какого-нибудь посторонняго вліянія, и по всей вѣроятности, вліянія основъ на е (*V.* склоненія), какъ полагають Корссенъ (*Krit. Beitr.* 465—467), и *Merge* (37); оба изслѣдователя расходятся только въ частности.

Первый принимаетъ довольно сложную, а потому и менѣе вѣроятную процедуру такого рода, что нѣкоторыя имена *III* скл. съ основой на -es (*genet. es-is*) по утратѣ основнаго s перешли въ *V* склоненіе на е (ср. *Bach.* 18), а затѣмъ, лишившись прихвѣты е, возвратились снова въ *III* согласное склоненіе, принеся сюда форму *nom. nativi* на es; такимъ образомъ по Корссену имена *fames, caedes, clades, plebes, aedes* и др. флетировались сначала: *fames-is, fames-i etc.*, затѣмъ, *fame-i, fame-m*, и наконецъ: *fam-is, fam-i etc.*, при чемъ основа ихъ варьировалась такъ: *fames-, fame-, fam-* (*Ср. Merg.* 22).

Проще и вѣроятнѣе гипотеза *Merge*. Основываясь на томъ, что формы *famei, plebei* и др. древнѣе, чѣмъ *famis, plebis*, онъ предполагаетъ не двойной переходъ *III — V — III* склоненія, а простой — изъ *V* въ *III*, конечно, съ сохраненіемъ формы именительнаго на es, распространеннейшей въ послѣдствіи и на другія имена *III* скл. отчасти путемъ аналогіи, отчасти же, какъ думалъ Вонпъ, при содѣйствіи такихъ *nomini.*, какъ *pubes* и *sedes*, гдѣ es есть слѣдъ первоначальнаго as, ср. скр. *pubhas, sadhas*, греч. *véφος, ἄδος* (осн. *véφes-, ídes-*).

Какъ намъ кажется, въ данномъ случаѣ форма *aidiles*, рядомъ съ классическимъ окончаніемъ въ *aidilis* (*titt. V. E.*), допускаетъ возможность и другаго вліянія: изслѣдованія по вокализму народной латини показали, что весьма часто здѣсь дается предпочтеніе звуку е передъ і не только въ концѣ словъ, но даже въ среднѣхъ и въ началѣ ихъ: *etallae* (*italiae*), *famellai* (*familiae*), *cives* (*civis*; масса прихвѣровъ у Шухардта, *Vocal. II*, 1—91); почему бы и въ нашемъ *aidiles* не видѣть слѣда народной окраски, не чуждой многимъ древнимъ намятинкамъ и не одного только латинскаго языка? (*Ср. Corss. I*, 270; *Schuch. I*, с. 48—44). Въ такомъ случаѣ это *aidiles* дѣйствительно не будетъ „eine sicher beglaubigte altlateinische Originalform“, какъ полагаетъ и Корссенъ (*Ausspr. II*², 226), а формой, обязанною своимъ происхожденіемъ слабому конечному s, вследствие чего і основы измѣнилось въ болѣе удобное для выговора е (*Corss. Ausspr. II*², 281).

Не совсемъ точною кажется намъ пропорція Речей (die alt. Scrp. Op. IV, 225 A):

aidiles: aidilis—hoc: hic—fuet, dedet: cepit;

примемъ ли мы гипотезу Корссона-Мерге, или же вліяніе народнаго говора,—въ обоихъ случаяхъ форма aidiles, возникшая или путемъ аналогіи съ перешедшими изъ V склоненія именительными на -es, рядомъ съ существовавшими, безъ сомнѣнія, въ то же время формами на is, или же попавшая въ текстъ изъ современнаго напутника народнаго говора,—не древнѣе, чѣмъ aidilis, тогда какъ въ формахъ hoc (изъ hoicēi, см. ниже hanc) и fuet, dedet (изъ -a-ti) звукъ e несомнѣнно древнѣе классическаго i.

COSOL, CESOR. По своему выговору главно-зубной n можетъ быть поставленъ на ряду съ m и s: какъ и они, всего отчетливѣе n звучалъ въ начальныхъ слогахъ и въ среднихъ между гласными; значительно слабѣе передъ шиплящимъ s въ среднѣ и довольно глухо, подобно гѣмецкому n,—въ концѣ слова (Corss. Dissert. I, 106). Изъ этихъ трехъ случаевъ при объясненіи нашихъ формъ отнѣтитъ преимущественно второй: встрѣчу n съ s въ среднѣ слова.

Чистый зубной n образуется, какъ извѣстно, при входѣ звучащей струи воздуха черезъ гортань въ полость носа, при чемъ языкъ, упираясь концомъ въ мѣсто соединенія переднихъ верхнихъ зубовъ съ деснами, закрываетъ главный выходъ звуку наружу черезъ ротъ; когда же, напротивъ, языкъ касается передней части нѣба, запирая носовую полость и оставляя воздуху лишь узкую щель вверху полости рта—сильно свѣтая вибрирующая струя даетъ шипящій s.

Что же должно произойти въ случаѣ встрѣчи обонхъ столь различныхъ звуковъ въ сочетаніи ns? Ясно, что для усиленности нотки одновременнаго произношенія ихъ, звучащая струя воздуха должна моментально измѣнить свое направленіе: изъ полости носа быстро повернуть въ полость рта—процессъ довольно трудный, и потому голосовые органы естественно приближаютъ адѣсь къ мѣстѣ угонительному положенію: звуковой струѣ открываются разомъ оба пути, для чего языкъ ближе отступаетъ къ гортани, а въ этомъ случаѣ n звучитъ уже нѣсколько глуше, получая гортанный отнѣшокъ. Такъ произносится сочетаніе ns теперь въ нѣм. Ganz, Zins, извѣст. фр. sens, gens (ср. скр. haina и др.); такъ произносили его, вѣроятно, и Римляне, при чемъ въ архаическій періодъ при не установленіи еще этимологическомъ принципѣ орфографіи, глухой n передъ s часто и не писался вовсе; на весьма древнемъ Песарскомъ эпитафій

читается: PISAVRESE=Pisaurenses (C. I. L. I. 175, Ritschl, de fictil. lit. Op. IV, 291. COSIED=consit, надпись Дуэноса, Ца'т. Ит. надп. Ж. М. Н. Пр. июль 1882; въ разбираемыхъ текстахъ: cosol, sensor, coventiont, рядомъ съ этимологически-правильными: consol, sensor, sapiens (tit. B), consol, sensor (tit. E), iubens (tit. F) ¹⁾; на Сюлетскомъ камнѣ читаемъ scies=sciens, Garr. Syll. add. 1881, p. 10, n. 2381. См. Corss. I, 97—103; Schuch. I, 105—108; II, 350; Lachm. ad Lucr. II, 1061, p. 136; Kühn. I, 42, 8; 129; Zell, R. Ep. II, 70+A. G. Ritschl, Mon. ep. tr. Op. IV, 140. Praenest. lat. ib. 488—489; Pr. lat. ep. suppl. I, ib. 508—509; Tess; glad., ib. 630 A; Garr. Syll. p. 580.

И на классическіи формы: hortus, rosas, sanguis, quinquies, sexies, vicesimus, formosus и т. п. нужно смотрѣть, какъ на остатки той же древней поры опущенія глухаго и передъ s, вм. hortus (ср. гр. Λόχος, Λόχος), rosas (ср. греч. χόρας χόρας), sanguis, quinquies, sexiens (ср. quotiens, totiens), vicensi(u)mus, formosus etc. (Kühn. I, 129; Corss. I, 98—99).

Что въ классическій періодъ Римляне слышали еще разницу въ произношеніи обыкновеннаго зубнаго и и гортанаго и передъ s—видно изъ попытки Цезаря ввести для послѣдняго и особый знакъ, котораго единственныи пока примѣръ представляетъ монета эпохи Цезаря, гдѣ читается:

PARE:S=parens, Ritschl, Pr. lat. ep. suppl. I, Op. IV. 509; ep. Miscil. Op. II, 716; ср. Schuch. I, 22.

Съ другой стороны, въ тотъ же періодъ и особенно часто въ императорское время глухой и опускается передъ s, какъ и въ архангелскій періодъ, что видно отчасти изъ надписей, отчасти изъ древнѣйшихъ рукописей, преимущественно въ причастныхъ формахъ на -ns: animas, instas, doles, pudas etc. (Corss. I, 97; Neue, II, 410—411; Kühn. I, 129).

Остается указать еще на одно слѣдствіе утраты зубнымъ и своей чистоты передъ s.

Если сравнить между собою два краткихъ гласныхъ, изъ кото-

¹⁾ «Nec ratio latet istius scribendi inconstantiae: quae dubitari nequit, quin ex ipsius enuntiationis ambiguitate repetenda sit, qua factum est, ut nec plena consonans, nec nulla audiretur, sed modus quidam sonus progressus ad similitudinem obsoletarum in fine vocalulorum M et S litterarum». Ritschl. Pr. lat. epigr. suppl. I, Op. IV, 508.

рихъ одинъ чистъ, а другой съ носовымъ отгъномъ, то окажется, что для выговора втораго требуется нѣсколько болѣе времени, чѣмъ для перваго: носовой согласный увеличиваетъ долготу предидущаго краткаго гласнаго (Corss. I, 103; Lachm. ad Laccr. II, 991, p. 130); а въ разбираемомъ случаѣ глухой и въ сочетаніи въ необходимо долженъ сообщить носовой отгънокъ предшествующему гласному (Corss. I, 101; Schuch. I, 110—112), то-есть, увеличить его количество. Соображеніе это подтверждается прежде всего свидѣтельствомъ Цицерона, который (orat. XLVIII, 159) даетъ нѣсколько при- мѣровъ такой productio:

Insanus сравнительно съ Indoctus
 cōsuevit „ „ cōparavit etc.

дальше арсисомъ въ аркантеской носовіи:

fortis vir sapientisq̄ue, tit. B.
 quare lubens te in gremia, tit. F.
 patens timens hanc vocit, epigr. Ser. C. L. L. I, 1175.
 Ritschl, Op. IV, 131.

затѣмъ—присутствіе алекса:

cōsuecrat
 cōsule,
 deficiens, Corss. I, 101—102; Ritschl, ep.
 Br. III, Op. IV, 375 A.

и наконецъ греческою транскрипціей съ долгихъ гласныхъ:

κότις
 οκτις
 κῆνοσιλ, Corss. I. c.; Merg. 106.

III. Колоднаниъ.

(Омечаніе слѣдующе).

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФІЯ ¹⁾.

Письменность Русская въ X вѣкѣ.

Почти одновременно съ Болгарами начинается письменность Русскихъ. И въ Русской письменности, судя по памятникамъ дошедшимъ, употреблялись тотъ же или почти тотъ же алфавитъ и тѣ же письмена. Эти памятники изъ X вѣка суть слѣдующіе:

— Договоры Олега съ Греками 907 и 911 гг.

— Договоръ Игоря съ Греками 944—945 гг.

— Обязательная грамота Святослава императору Іоанну ІІ-му 972 г.

— Слово философа «чего ради Богъ сніде на землю» 988 г.

— Символь вѣры съ приложениями вѣроучительныхъ правилъ, данный Владимиру при крещеніи 988 г.

— Десятинная дарственная грамота Владимира 996 г.

— Церковный уставъ Владимира до 1011 г.

Ни одинъ изъ этихъ памятниковъ не дошелъ до насъ въ цѣлостности; списки ихъ впрочемъ на столько близки одинъ къ другому, что и они могутъ въ нѣкоторой степени замѣнять мѣсто подлинниковъ и даютъ возможность сдѣлать нѣсколько палеографическихъ соображеній. Одни изъ нихъ касаются всѣхъ этихъ памятниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественно церковныхъ: Слова и Символь вѣры—преимущественно грамоты.

Обращая на нихъ вниманіе, въ отношеніи къ церковнымъ документамъ естественно касаемся вопроса о введеніи вѣры христіанской. При этомъ здѣсь между прочимъ:

— 1. Крещеніе Аскольда и Дира и съ ними другихъ Русскихъ князей въ 867 г. О немъ говорятъ и современники (напримѣръ, папа Григорій Фотій), говорятъ и близкія преданія (напримѣръ, Константиновскій фирородный *Admin. imp.*, гл. 29).

— 2. Церкви въ Кіевѣ до 944—945 года. Изъ нихъ

¹⁾ Первая статья этого посмертнаго труда академика И. И. Срезневскаго напечатана въ январской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.* 1881 года, а вторая—въ февральской 1882 года. Возобновляя теперь печатаніе «Славяно-русской палеографіи», редакція надѣется продолжать его безъ перерыва и окончить въ текущемъ году.

св. Иліи, была соборная, какъ отмѣчено въ договорѣ Игоря и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

— 3. Крещеніе Ольги въ 957 году въ Константинополѣ, какъ знаетъ изъ современника ея императора Константина Порфиророднаго (Сerm. Aulae Bys. Бониск. изд. 595—598).

— 4. Крещеніе Владимира и народа Кіевского въ 988 г. и затѣмъ строеніе церквей и введеніе епископствъ.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ явно участіе Греко-православнаго духовенства, хотя и нельзя отвергать участія духовенства западнаго. Нельзя отвергать, что введеніе христіанства въ Русской землѣ совершалось при помощи языка Славянскаго. Всѣ вышеозначенные памятники одинаково свидѣтельствуютъ, что языкъ Славянскій, употребленный для этого, былъ тотъ или почти тотъ самый, какой былъ употребленъ и юго-западными Славянами,—не только по строю, но и по подбору словъ для выраженія христіанскихъ понятій.

Нѣтъ не только повода, но и возможности отвергать, что съ принятіемъ христіанской вѣры Русскіе приняли и Славянскія кнѣги уже бывшія у юго-западныхъ Славянъ. При этомъ припоминаются сказанія древней нашей лѣтописи:

— о принятіи грамоты Кирилловской:

«Первое (то-есть, древле) преложены кнѣгомъ Моравѣ, таже прозваса грамота Словѣньскага, таже грамота естъ въ Рѣси и въ Българехъ Дунаискыхъ» (Пов. вр. л. 6406).

— объ обученіи дѣтей грамотѣ при Владимирѣ:

«Нача (Владимиръ) поимати 8 нарочити чадѣ дѣти и дати на ученіе книжнос... Симъ же раздаломъ на ученіе кнѣгамъ, събыстьса пророчество на Рѣстѣи земли глаголющее і въ оны дѣи слышати гл҃снн словеса книжнаи и гаснн бѣдетъ гзъкъ гбгннвнхъ» (Ис. XXIX, 18; Пов. вр. л. 6496).

Само собою разумѣется, что эти кнѣги были богослужебныя, по которымъ и въ Византіи учили читать и писать.

Были ли приносимы къ намъ исключительно кнѣги Болгарскаго письма, или же и не Болгарскаго? На это пока отвѣчать положительно нельзя. Предполагать только можно, что близкія связи Русскихъ съ Болгарами должны были содѣйствовать внесенію въ Русь кнѣгъ Болгарскихъ—по крайней мѣрѣ со времени Ольги и Святослава.

Грамоты, сохранившіяся отъ X вѣка, любопытны не только вообще, но и по нѣкоторымъ особеннымъ даннымъ.

Три изъ нихъ суть договоры Олега и Игоря съ Греками, имѣющіе преимущественно значеніе торговыхъ; къ нимъ же отнести

можно и обязательную грамоту Святослава. Подлинники всёх этих грамотъ были Греческіе, послѣ уже переведенные по Славянски. На это указываютъ и слова, въ нихъ употребленныя: а) не переведенныя: грамота, епитимія (ἐπιτιμία), кѣбара=кѣвара (κῆβαρα), литра (λίτρα), синкелъ (συνκαλος), харьтита и многія другія; б) переведенныя: глава=голова—κεφάλαιον, sensus capitis; златъникъ—χρῶσινος, solidus; мѣстьникъ—τοπίτης, τοπίκος; проказа—διαφθορά, лишеніе жизни; равнѣно—τὸ ἴσον, копія, paricla. Послѣднее изъ приведенныхъ словъ, равнѣно, указываетъ на форму грамотъ. Онѣ начинались выраженіемъ: Равнѣно дрѣгаго сѣвѣщанья, повтореннымъ въ трехъ изъ грамотъ вполне сохранившихся и равнымъ Греческому: ἴσον τοῦ ἕτερου συμβολαίου—снисокъ съ договора. Въ нашей рукописи сохранились списки, выданные Русскими Грекамъ, какъ видно изъ того, что въ слѣдъ за этимъ заглавіемъ упомянуты имена Русскихъ, договоривавшихся съ Греками или дававшихъ имъ обѣщаніе. Выданы ли были и Греками такіе же списки Русскимъ князьямъ, это вопросъ, который рѣшить можно договоромъ 911 года. «На вѣрженіе же и неподвиженіе быти межѣ вами хрътыны и Рѣсью бывшии миръ створихомъ Ивановомъ написаникмъ на двою харатью ꙗра вашего и своею рѣкою». То же подробнѣе и въ грамотѣ 944—945 гт. «Мы же сѣвѣщанье все написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть ѿ црства нашего. на ней же есть крѣтъ и имена наша написана а на дрѣгон сли ваши и гостье ваши. А отходяче съ словъ црства нашего. да допроводатъ къ великому князю Рѣскомѣ Игоремъ и къ людемъ его. И ти приимающе харатью на ротѣ идѣтъ хранити истинѣ, яко мы сѣвѣщахомъ написахомъ харатью сию. на ней же сѣтъ имена наша написана». Это мѣсто, равно какъ и нѣкоторыя другія въ томъ же договорѣ, писаны Греками; остальные Русскими. Мѣсто это виѣстѣ свидѣтельствуеъ, что въ списокѣ договора, гдѣ оно находилось, было окончаніе, котораго не было въ Греческомъ списокѣ, выданномъ Игорю, и которое прибавлено послѣ. Оно дѣйствительно есть и включаетъ въ себѣ клятвенное подтвержденіе Русскихъ христіанъ и не христіанъ данное Грекамъ о сохраненіи договора. Подтверженіе сдѣлано не въ Константинополѣ, гдѣ написана Греческая грамота, а въ Кіевѣ, гдѣ клялись Русскіе. (Въ другомъ мѣстѣ разобралъ я это подробно, объяснивъ, что Русское окончаніе, прибавленное въ Кіевѣ, приписано весною 945 года. Изв. Имп. Р. Археол. Общ., I, 368—369).

Какими именно письменами написаны были Славянскіе переводы Греческихъ грамотъ, опредѣлительно сказать нельзя, но нельзя опу-

Упомянутое объ Аннѣ указываетъ, что Уставъ изданъ до 1011 г. когда она скончалась (Пов. вр. глѣтъ 6519).

Уставъ указываетъ, какія именно дѣла должны быть рѣшаемы судомъ духовенства и какія части народа принадлежать къ духовенству и къ его вѣдомству. Содержаніе взято изъ установлений Греческихъ, но составъ Русскій. Въ составъ языка, которымъ онъ написанъ, кромѣ того, что было переводомъ съ Греческаго на Славянскій, вошло и кое что мѣстно Русское: вѣшка (денежи), погосты, свободы, тибнъ и др. Этимъ уставомъ въ послѣдствіи времени пользовались довольно часто, повторяя его или вѣсколько сокращая; но сущность его оставалась та же. И это, кажется, можетъ свидѣтельствовать о подлинности древнихъ его списковъ.

Къ этимъ памятникамъ X вѣка, сохранившимся въ спискахъ, еще о не многихъ вспомнить можно, сохранившихся или въ измѣненномъ видѣ или только по воспоминанію.

Сохранились, какъ кажется, хотя и въ измѣненномъ видѣ, древнія лѣтописныя замѣтки, вошедшія въ лѣтописныя своды; сохранились поученія язычникамъ, которыхъ обращали въ христіанство. По воспоминанію извѣстны крестъ Ольги и крестъ Владимира,— первый съ написью.

Письменность Русская въ XI вѣкѣ.

Начиная съ XI вѣка, письменность Русская получаетъ и для филолога и для палеографа очень важное значеніе: всѣ памятники письма этого вѣка опредѣленнаго времени писаны на Руси; большая часть памятниковъ слѣдующихъ затѣмъ вѣковъ такъ же Русскіе. Въ Русскихъ спискахъ сохранилась большая часть памятниковъ Славянскихъ.

При этомъ нельзя забыть сказанія лѣтописи о Ярославѣ: «Бѣ Ярославъ любя церковныя Ѹставы... и книгамъ прилѣжа и почитая и часто въ нощи и въ дне. И събра писцѣ многы прелаждаше отъ Грекъ въ Словѣнскомъ письмо (на Словѣнскъ языкъ и письмо). И списаша книги многы. (Повѣсть врем. лѣтъ. 6545=1037).

Отъ первой половины XI вѣка остались впрочемъ памятники въ спискахъ, хотя частію и древнихъ, но не современныхъ. Таковы:

— Правда и Уставъ великаго князя Ярослава. Въ Новгородской лѣтописи подъ 5527 г. сказано, что «Ярославъ далъ правдѣ и Ѹставъ списавъ глаголавъ тако: По сей грамотѣ ходите, тако же писяхъ намъ тако държите». Русская Правда съ именемъ Ярослава извѣстна, но не исключительно Ярославова, а вмѣстѣ съ прибавленіями и измѣненіями послѣдующаго времени.

— Поученіе Луки Жидяты, бывшаго Новгородскимъ епископомъ въ 1036—1060 гг., нельзя впрочемъ навѣрно сказать, его ли собственное или имъ изъ чужа присвоенное, сохранилось въ древнихъ спискахъ и представляетъ очень мало для филолога палеографа: одно только слово было бы для него важно, если бы можно было опредѣлить, какой странѣ оно принадлежало; это «москолудство»: «москолудство вамъ братіе нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова»; но оно встрѣтилось пока только еще въ одномъ памятникѣ. Любопытно еще слово похритатися: «не похритатися ни пошѣтися ни кому же»; оно извѣстно изъ Поученія Владимира Мономаха, изъ Хроникъ Георгія Амартола (Русской редакція) и изъ житія Андрея юродиваго.

— Слово о законѣ и благодати и Исповѣданіе съ записью:

«Азъ милостию челоуѣколюбиваго бга. мнихъ и прозвигтеръ Иларіонъ. изволеніемъ его отъ бл҃гочестивыхъ епископъ, священъ быхъ и настолованъ. въ велицѣмъ и бгохранимѣмъ градѣ Кыевѣ. яко быти ми митрополитѣ. пастѣхъ же и ҃чителю. Быша же си въ лѣто 6559 (1051) владычествѣющѣ бл҃говѣрномѣ кагану Ирславѣ сынѣ Владимерю. аминь».

Поученія Иларіона отличаются чистымъ Славянскимъ языкомъ.

— Списокъ книги Пророковъ съ толкованіями 1047 г. попа Упыря Лихаго; сохранился въ переспискахъ XV и XVI вв. Въ немъ была такая записъ:

Слава тобѣ, гди ꙗко небесныи, яко сподоби ма написати книги сиа исъ кѣриловицѣ (=исъ кѣрилоцѣ) князю Владимерѣ. Повѣгородѣ княжацию. сынови Ирславию болшемѣ. Почихъ же ꙗ писати въ лѣто ҃. ф. не. мѣца мая въ дѣ. а кончахъ того же лѣта мѣца декабря въ бѣ. азъ попъ Оупирь Лихъи.

Не смотря на поздность списковъ, въ нихъ сохранились остатки древняго юсоваго письма. Что касается до текста перевода, то отличить слѣдуетъ переводъ самихъ пророчествъ отъ перевода толкованій, и кромѣ того переводъ Сочоніи, Аггея, Захаріи и Малахіи отъ всего остальнаго. Встрѣчаются слова такіи же какъ и въ другихъ юсовыхъ памятникахъ, какъ на примѣръ оуто ('сті), л҃ща=копье ѡѡу; таригъ—сѣххосъ вртѣице; церъ—дубъ; градина—фарагѣ дебрь; самъчин ѡхѡѡмос; пѣкълъ—смола; грьдъ—срапенъ; побыть—побѣда; страна—языкъ; балии—обаятель.

Довольно часто употребляется прошедшее особенной формы: съндѣ=сънидохъ, обидѣ, ищезѣ, подвижѣ, налегѣ, падѣ, обрѣтѣ.

— Церковный Уставъ Ярослава до 1054 г. сохранился въ спискахъ позднихъ и передѣланныхъ. Для палеографа этотъ памятникъ не важенъ.

Памятники второй половины XI вѣка, сохранившіеся въ спискахъ, суть слѣдующіе.

— Русская Правда дѣтей Ярослава сохранилась вмѣстѣ съ Правдой Ярослава. Статьи этой Правды постановлены были на сиемѣ и озаглавлены въ лѣтописяхъ такъ: «Правда ҃ставлена Рѣської земли. нгда са съвокзпиль Изаславъ. Всеволодъ. Сватославъ. Къснѣичко. Перевѣгъ. Микъфоръ. Купанинъ. Чюдинъ Микъла».

Сиемъ могъ быть только до времени распри между братьями, то есть, до 1073 г., и вѣроятно скоро послѣ кончины Ярослава, въ 1054 г. Въ кормчихъ статья эти смѣшаны со статьями Ярослава. Однѣ отъ другихъ не отличаются языкомъ, и языкъ Русскій, особенно важныи терминами юридическаго быта.

Поученія и молитвы Печерскаго Игумена Θεодосія 1068—1073 гт. Нѣкоторыя изъ нихъ опредѣленнаго времени: такovy посланія его къ великому князю Изяславу и къ великому князю Святославу. Церковный языкъ ихъ смѣшанъ съ нѣкоторыми Русскими выраженіями.

— Труды черноризца Іакова: Сказаніе страсотерицю Бориса и Глѣба,—Память и похвала великому князю Владимиру, и житіе его; Слово къ князю Изяславу Дмитрію до 1078 г.

— Труды митрополита Іоанна II до 1089 г. (когда онъ умеръ): Кромѣ посланія къ папѣ Клименту, Правило церковное къ Іакову черноризцу и Служба Борису и Глѣбу.

— Труды черноризца Нестора: Чтеніе о жизни и погубленіи Бориса и Глѣба, Житіе Θεодосія, Сказаніе о подвижникахъ Печерскихъ до 1093 г.

— Грамота Владимира Мономаха къ князю Олегу Святославичу 1096 г. Первый образецъ княжескаго письма, къ сожалѣнію сохранилась она кажется не вся вполнѣ, то-есть, безъ начала и конца, при Поученіи того же Владимира Мономаха, писанномъ гораздо позже.

— Лѣтописныя сказанія Василія объ ослѣплѣніи Василька Ростиславича послѣ 1097 г.

Къ стати замѣтить, что лѣтописи въ Киевѣ и Новгородѣ очевидно продолжались. Это доказывается не только сводами послѣдующаго времени, въ которыхъ упоминается о событіяхъ съ такими хронологическими отиѣтками, которыя свидѣтельствуютъ о современности записей, но и прямыми указаніями, какъ напримѣръ, въ лѣтописи Новгородской (1036: Престависа архіепискоуъ Акымъ и баше Ѹченикъ его Ефрѣмъ иже и тм Ѹчаше).

Одновременно съ лѣтописями писались сказанія о частныхъ событіяхъ и житія. Кромѣ упомянутыхъ, можно вспомнить объ оставшихся въ передѣлкахъ житіяхъ Ольги, Антонія Печерскаго (о которомъ есть упоминаніе, касающееся до 1099 года).

Въ XI вѣкѣ было написано не мало грамотъ, къ сожалѣнію утраченныхъ, между прочимъ и частная переписка между князьями: такъ не сохранилась грамота князя Мстислава къ отцу его Владимиру Мономаху съ просьбою помирить его съ Олегомъ: «Ладимъся и смѣримъся а братцю моимъ судъ пришелъ».

Были переписываемы, не говоря о церковныхъ книгахъ и святомъ писаніи, книги учительныя, какъ видно изъ разныхъ свидѣтельствъ.

Древнѣйшіе памятники Русскаго письма, сохранившіеся въ подлинникѣ X—XI вѣка.

Драгоценный памятникъ хранится въ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это складной образъ такъ-называемой Корсунской Божіей Матери. Онъ помѣщенъ въ соборной церкви у праваго столба на особомъ наложѣ въ особомъ киотѣ за стекломъ, Длинною онъ 7 вершковъ, шириною 5. Божія Матерь изображена на немъ держащею въ своихъ объятіяхъ младенца Спасителя, такъ же се обнявшаго и прикишнаго лѣвою стороною своего лица къ правой сторонѣ ея лица. На верху образа съ права видны буквы ФУ; въ сѣяни, что около Спасителя, видна еще буква Ѡ. На одной изъ половинокъ складня изображенъ архангелъ Михаилъ, на другой Іоаннъ Предтеча. Подъ образомъ въ трехъ строкахъ находится надпись, написанная изъ желта красною краскою, очень худо сохранившаяся и теперь прикрытая серебрянною позолоченною дщицею, на которой выбита эта же надпись (Памятники церкви. Нижегородской губерніи, 177—181).

Напись эта, какъ передаетъ архимандритъ Макарій, такова:

Образъ писанъ в лѣто 4578 Сумсѡномъ Іеромонахомъ.

Ἐκὼν ἱστορηθεῖσα ἐν ἔτη 4578 ὑπὸ Σωμῶν ἱερομονάχου.

Икон историвѣса ѣн ѣти 4578а око Сумсѡнъ іеромонахоу.

По правописанію очевидно, что списокъ надписи сдѣланъ не съ подлинника, а съ дщицы, его покрывающей. Съ подлинника же, не смотря на всѣ мои старанія, я не могъ получить никакого снимка. По неволѣ я не могу остановиться на разборѣ этого драгоценнаго памятника ¹⁾.

Къ X же вѣку относятъ монеты Владимира: Владимирово серебро и Владимирово злато, а равно и гривну съ именемъ Василія, а къ первой половинѣ XI вѣка монеты Ярослава: Ярославле серебро; но

¹⁾ О словѣ ἱστορηθεῖσα сдѣланы мною замѣчаніе въ *Изв. II-го Отд. Акад.*, VII, 28. Тамъ приведено мѣсто изъ Копина: ἐκὼν το σθηλοῦ ἱστορηθη παρὰ αἰρήτης и припомнута значеніе глагола ἱστορεῖν=ἱστορεῖν=historiare, равносмыслнаго съ σωγράφειν, но обозначающаго живописаніе по своей мысли.

такъ какъ выводъ основывается только на писмахъ, то мы не можемъ здѣсь дать мѣсто ихъ разбору, прежде разбора другихъ памятниковъ, въ которыхъ есть болѣе положительные признаки времени ихъ написанія.

Такихъ памятниковъ XI вѣка я имѣю въ виду шесть: пять книгъ и одну запись на камнѣ, именно:

- 1) Книгу Евангельскихъ чтеній, известную подъ именемъ Остромирова Евангелія 1056—1057 гт.,
- 2) Запись князя Глѣба на камнѣ въ Тмуторакани 1068 г.,
- 3) Изборникъ, списанный для князя Святослава 1073 г.,
- 4) Сборникъ, списанный для того же князя Святослава 1076 г.,
- 5) и 6) Двѣ книги мѣсячныхъ миней, изъ которыхъ на одной, октябрьской, съ годомъ 6604=1096, означено имя одного изъ исповѣвъ Дѣмъки; на другой, ноябрьской, означенъ годъ 6603=1097.

Остановимся прежде на книгахъ, какъ на памятникахъ, заключающихъ въ себѣ болѣе данныхъ.

Остромирово Евангеліе 1056—1057 гт.

Остромирово Евангеліе, такъ названное по имени Повгородскаго посадника Остромира, какъ видно изъ записи, и нынѣ хранящееся въ Императорской Публичной библиотекѣ, есть книга Евангельскихъ чтеній, употребляемыхъ при богослуженіи. Оно написано на довольно хорошемъ пергаментѣ въ мал. листъ (длиною въ 8 вершковъ, а шириною безъ малаго въ 7 вершковъ), тетрадами по 8 листовъ, всего 294 л. Изъ нихъ 290 занято чтеніями, а 4 предопредѣлены для изображенія Евангелистовъ: на 1 л. изображеніе св. Іоанна, на л. 57 должно бы было быть изображеніе св. Матвея, но оно осталось не нарисованнымъ, на л. 87 изображеніе св. Луки, на л. 126 св. Марка. Эти изображенія писаны разными красками и украшены золотомъ. Рисунокъ неправиленъ, но нѣкоторыя фигурки очень хороши. Они важны для изученія древности, но не нашей, а Византійской. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ есть надъ чтеніями рисованныя заставки. Каждое чтеніе начинается большою рисованною буквою. То и другое раскрашено золотомъ и красками зеленою или голубою, красною и бѣлою. Нѣкоторыя буквы и знаки написаны киноварью. Вся книга писана въ два столбца по начеркамъ, проведеннымъ желѣзнымъ орудіемъ съ правильнымъ размѣромъ разстояній между строками. Ширина столбца безъ малаго 2 вершка ($1\frac{1}{2}$ п.) длина столбца $5\frac{1}{2}$ верш.; разстояніе между столбцами $\frac{1}{2}$ верш. Въ каждомъ столбцѣ 18 строкъ. Послѣднія буквы строки нерѣдко заходятъ за начертъ. Буквы рисованныя

всегда видѣ начерка, равно какъ и нѣкоторые знаки. Евангельскія чтенія писаны крупными буквами, каждая среднею длиною въ шестую долю вершка (немного менѣе); объяснительныя замѣтки буквами вдвое мельче.

По содержанию книга эта, какъ и всѣ этого рода, раздѣляется на двѣ главныя части:

I. Лл. 1—210 заняты чтеніями въ дни недѣльныя, начиная отъ дня Свѣтлаго Воскресенія и оканчивая Великою Субботою. Свѣтлая недѣля названа святою (л. 3) и свѣтлою (л. 4, 6, 8, 9). Слѣдующая недѣля названа 2-ю съ понедѣльника, слѣдующая затѣмъ 3-ю съ воскресенья; такъ и слѣдующія до 8-й. Воскресенье 8-й недѣли названо стѣжъ патикостна. На 58 л. общее заглавіе: «сѣбот(ы) и нед(ѣла) отъ патикостна до стѣаго поста». Счетъ недѣль отъ субботы (читается евангеліе отъ Матѣя). Всего 17 недѣль. На листѣ 89 новое заглавіе: «сѣбъ а̄. начатъкъ новоуоумоу лѣтоу¹⁾»; и затѣмъ идутъ недѣли новаго лѣта начиная съ субботы (читаются евангелія отъ Луки). Всего 18-ть. Далѣе сѣб. и нед. масопоустна, сѣб. и нед. сѣропоустна. На л. 127 новое заглавіе: «сѣб. а̄ стѣо поста» (евангеліе отъ Марка). 6-я недѣля названа цвѣтоносною (140) и цвѣтною (143); 7-я недѣля названа великою (146). Тутъ между прочимъ есть чтеніе на оумъвенникъ нога (154) и въ прѣстѣжъ мжж на тафати (л. 164 и слѣд.), читаемыя въ четвергъ великій вечеромъ. Послѣднія чтенія этого круга суть св. заутрянна (всего 11-ть л. 204)²⁾.

II. Вторая часть, начинающаяся съ листа 210 об., озаглавлена

¹⁾ То-есть, начиная отъ сентября: 17-е воскресенье по пятидесятницѣ приходится между 13-мъ сентября и 17-мъ октября.

²⁾ Понедѣльникъ свѣтлой недѣли стѣнхъ аплѣ' (3).

1-я нед. (=воскресенье) по пасхѣ на невѣрикъ Ѳомино (10).

3-я нед. (=воскресенье) память Иисифоу (17).

Среда 4-й нед. стѣмъ прѣвѣлавленне (26).

Четвергъ 6-й нед. възнесеніи гнѣ (44).

Воскресенье 8-й нед. патикостна (54).

Суббота Ѳ̄ нов. лѣт. прѣже мѣноӯ. (116 об.).

Воскресенье Ѳ̄ нов. лѣт. (117 об.).

Суббота и воскр. масопоустна (119 об.).

Суббота и воскр. сѣропоустна (122).

Суббота 1-я св. (вел.) поста Ѳ̄а св. мѣа Ѳеодора (127).

Воскресенье 1-е св. поста Ѳ̄а прркомъ Моися и Аронуу и пр. прор. (128).

Четвергъ великій на стр. нед. (155).

патъкъ стѣни на стр. нед. (195) великій (290).

стѣна великага сѣбота (202).

такъ: Съборникъ църквѣвнми начинаются отъ мѣа сеп-
табра до мѣа августа. Здѣсь помѣщены чтенія въ разныя числа
каждаго мѣсяца съ обозначеніемъ, въ какое число празднуется па-
мять какого святого или же какого событія. Нѣкоторые изъ мѣся-
цевъ названы Славянскими названіями, именно: январь—просиньць,
августъ—заревъ. Въ другихъ памятникахъ всѣ мѣсяцы означены
Русскими именами, кромѣ Греческихъ ¹⁾. Подъ 14-мъ февраля означена
память прѣподобнаго оца нашего Константинна философа наре-
чена въ чръньчство именемъ Курила. Какъ прибавленіе къ этой
части чтенія на особенные случаи (съ л. 288 об.): на священіе
церкви, въ память страху, на побѣду царю на брани, надъ черно-
риццемъ, за болашихъ, надъ огъемъ, надъ бѣснующимся, на часахъ
въ великую пятницу.

На л. 294 помѣщена слѣдующая, прежде помянутая записъ:

Слава тебѣ ГИ КрЮ вбсьгнми. яко съподо
би ма написати Еуліе се. почахъ же ѳ
писати. Въ лъ ꙗ. ф. 24. А оконьча
хъ ѳ въ Іѣ ꙗ. ф. 2е. Написахъ же Еу
ліе се. рабоу бжню нареченоу сжцоу
въ крщении носифъ. а мирьскѣм остро
миръ. близокоу сжцоу изаславоу кня
зоу. изаславоу же князоу тогда
прѣдръжащоу обѣ власти. и оца свое
го Ярослава. и брата своего Володимира.
самъ же изаславъ князь. правитла
не столъ оца своего Ярослава киевѣ.
А брата своего столъ поржчи правити
близокоу своему остромироу новѣ

-
- ¹⁾ Сентябрь — Еювиъ.
Октябрь — Листопадъ.
Ноябрь — Груднъ.
Декабрь — Стоуденин.
Январь — Просиньць.
Февраль — Сачъ.
Мартъ — Соухми.
Апрѣль — Брѣвнъ.
Май — Травнъ.
Іюнь — Июктъ.
Іюль — Червекъ.
Августъ — Заревъ.

(См. Изв. II-го Отд. Ах. V, 219).

городѣ. Мънога же Іѣ. дароуи бѣ съ тажавъшоумоу Еуѣнѣ се. на оутѣ шение мъногамъ дѣшамъ крѣстна нѣскамъ. данъ емоу Іѣ бѣ бѣнне стѣмъ хъ. евангѣлистъ. іоана. мѣсеа. лоукы. мѣр и стѣмъ хъ прѣоць. Авра ама. и Ісака. и Іакова. самому емоу. и подроужию ѣго. Теофа нѣ. и чадомъ ѣю и подроужнемъ чадъ ѣю. съдравъствоуйте же мѣ нога Іѣ. съдръжаще пороученіе свое. аминь.

Азъ григории ди аѣко. написахъ еуѣгліе ѣ. да иже го разнѣ сего напише. то не мози зазырѣти мнѣ. грѣшныкоу. почяхъ же писати. ѣца. окта. кѣ. на памѣ. иларіона. А око нѣчѣ. ѣца. маня. вѣ. ѣі. на пѣ. епифана. молю же всѣхъ по читающихъ немозѣте кля ти. нѣ исправльше. почитайте. Тако бо и стѣмъ апѣлъ пауль глѣ ть. Бѣте. А не кльнѣте. — аминь.

Ѣ. ф. Ѣд. = 6564 годъ, за вычетомъ 5508 есть 1056 годъ по Р. Х., и Ѣ. ф. Ѣе = 6565 = 1057 г. Начато октября 21-го, а кончено 12-го мая, слѣдовательно написано въ продолженіе 6 мѣсяцевъ и 3 недѣль съ небольшимъ: всего 203 дня, то-есть по 10 листковъ въ недѣлю, съ небольшимъ по 100 строкъ въ день.

Лица помянутыя въ записи, кромѣ самого писца Григорія діакона, всѣ извѣстны исторически: Изяславъ Ярославичъ вступилъ на велико-княжескій Кіевскій престолъ въ 1054 году, по смерти Ярослава. Братъ его Володимиръ умеръ за два года передъ тѣмъ, въ 1052 г., въ Новгородѣ. Изяславъ занялъ его мѣсто (Соф. вр. 1054 г.). Остромиръ сдѣланъ посадникомъ въ Новгородѣ Изяславоу, кажется, уже по смерти отца; позже онъ погибъ въ войнѣ съ Чудью (тамъ же). Запись даетъ новыя свѣдѣнія о родствѣ его съ Изяславомъ (близокоу сѣщоу Изаславоу) и о его семьѣ: о женѣ Теофанѣ, о дѣтяхъ его женатыхъ. Даетъ запись также древнѣйшее свѣ-

дѣніе о томъ, что кромѣ имени въ крещеніи были у Русскихъ имена мирскія: Остромиръ такъ назывался своимъ мирскимъ именемъ, а въ крещеніи былъ онъ Іосифъ.

Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій изъ досегѣ открытыхъ большихъ памятниковъ Славянскаго письма опредѣленнаго времени, стоитъ особеннаго изученія въ отношеніи къ письму и правописанію.

По рисунку своему особенно замѣчательны буквы:

Ѡ Ѡ Ѡ Три вида употребляются безразлично.

Ж пишется въ три приѣма.

Ѣ Ѣ оба вида употребляются безразлично какъ цифры, но первый часто, а второй только два раза.

З древнѣйшая изъ формъ Славянскаго письма.

М съ округленною серединою.

Ѧ при Ѧ употреблено только въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ (ишанъ, ишсифъ), въ восклицаніи Ѧ (Ѧ жено), въ соединеніи съ Т: Ѧ для предлога отъ въ заглавныхъ строкахъ.

Ѧ Ѧ Ѧ въ иностранныхъ словахъ—Греческ. Ѧ.

Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ особенно любопытны три послѣдніе рисунка: изъ нихъ второй написанъ въ одинъ приѣмъ, а третій употребленъ гдѣ не доставало мѣста для полнаго написанія.

Л черта съ права на лѣво всегда тонкая и длиннѣе противоположной.

Ц длинная черта съ низу подрѣзана.

У рогатина занимаетъ третью долю длины буквы и да въ обѣ стороны одинаково правильно.

Щ вмѣсто отдѣльныхъ **ШТ** встрѣчается перѣ

Ъ **Ы** **Ѣ** **І** **Ѧ** три вида безразлично.

Ѧ **Ѧ** отвѣсная черта съ перекладиной иногда по

выше строки на столько же, какъ

Ѧ писано въ четыре приема; верхній треугольникъ съ величиною всей буквы очень малъ.

Ѧ **Ѧ** послѣдняя форма только въ мелкомъ почеркѣ.

Ѧ отличается изогнутою поперечною чертою, написано приема.

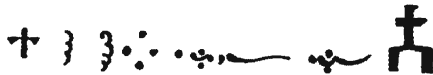
— | въ соединеніи съ гласными а, е, я, ѣ; соединяется

дою изъ нихъ поперечною чертою: **Ѧ** **Ѧ** **Ѧ** **Ѧ**
чемъ, перѣдко вмѣсто | употребляется точка и лежащая надъ гласными, особенно надъ е.

Ѧ **Ѧ** **Ѧ** какъ знакъ числа 90.

Въ Остромировомъ Евангеліи находится еще два любо признака древняго письма: 1) вязи двухъ и трехъ буквъ 2) сокращенное написаніе нѣкоторыхъ словъ подъ титлами; другое, впрочемъ, въ весьма ограниченномъ кругѣ.

Главный отдѣлительный знак послѣ нѣсколькихъ словъ, выговариваемыхъ вмѣстѣ, есть точка: пишется въ полувысотѣ строки, иногда и выше; кромѣ того, для отдѣленія выраженій употребляются крестики и узелки; а въ концѣ четыре точки на крестъ, или искривленная черта съ двумя точками въ верху и въ низу и съ добавочными изогнутыми чертами и т. п. Въ началѣ же чаще всего двѣ точки.

— Правописаніе вообще не Русское, сохраняющее между прочимъ ж и а для выраженія гласныхъ носовыхъ; но не вполне вѣрно соблюдаемое; то-есть, часто оу написано вмѣсто ж и наоборотъ, ж вм. оу, ю вм. ѣж и ѣж вм. ю, а и ѣ вм. а=ѣа и на оборотъ а=ѣа вм. ѣа:

— оу вм. ж: вин. ед. водоу, вѣроу.

— ж вм. оу: дат. ед. муж. садацж, сжцж.

— ю вм. ѣж: вин. ед. волю, землю; 1-е лице наст. вр. люблю, молю, посьлю.

— ѣж вм. ю: дат. ед. зѣлюдѣж, боуж.

— а и ѣ вм. а=ѣа: имен. множ. жажа, овьца. род. ед.: вола, воны.

— а вм. ѣа: вин. ед. лица, мора.

Другой важный признакъ Русскаго вліянія есть употребленіе ѣ и ѣ передъ р и л, а не послѣ, испѣльнъ мѣлвиши, тѣржъникомъ, дѣржите, почѣрпѣте, пѣрси, сѣрдѣцьмъ. Иногда впрочемъ ѣ и ѣ употреблены вдвойнѣ, и передъ и послѣ р и л: мѣлѣва, тѣлѣкоуцоуоумоу, вѣрѣгѣтъ, омѣрѣкъшоу, вѣстѣрѣгнетѣ.

Третій Русскій признакъ: употребленіе ж вм. жд: прихожж, просиражажж, прѣже, рожеяги, заблжжъшнихъ.

Четвертый Русскій признакъ: употребленіе, оро, ере, оло вм. ра, рѣ, ла: перегѣнжѣв, володимира.

Пятый признакъ Русскій: пропускъ д: семжж вм. седмжж (19 л.).

Замѣчательно не менѣе этого нѣкоторыя признаки не Русскіе, но удаляющіеся и отъ чистаго Славянскаго языка.

1) Смѣшеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ:

— ѣ вм. ѣ и на оборотъ: ближнѣнаго, дѣждѣ, ишѣдѣша, лоучѣше, дѣва, ветѣхъ.

— а вм. ѣа: авѣла, алѣгара, всакѣи.

— ж вм. ѣж: прозѣрж, разорж.

2) Особенное употребленіе ж и а: тмжлщъ, тмжлщъникомъ, оумѣвеннѣ нога.

Эти особенности дают возможность отвѣчать на вопросъ: съ какого списка списано Остромирово Евангеліе, а вмѣстѣ и обратить вниманіе на признаки чистаго старо-Славянскаго языка.

Источникъ Святославовъ 1073 г.

Выше, въ ряду памятниковъ древнѣйшаго Болгарскаго письма, сохранившихся въ позднихъ спискахъ, означенъ былъ Изборникъ, переведенный для Болгарскаго князя Симеона († 927 г.). Старѣйшій изъ списковъ этого Изборника есть тотъ, который, какъ видно изъ записей, приготовленъ былъ для Кіевскаго великаго князя Святослава въ 1073 году. Рукопись эта писана на порядочномъ пергаментѣ въ мал. листъ (длиною въ 7¼ верш., а шириною въ 5¼ верш.) тетрадами по 8 л., всего 266 л. Изъ нихъ 262 л. заняты статьями, а 4 рисунками въ слѣдующемъ порядкѣ.

Л. 1. На первой страницѣ въ рисованной рамкѣ написана золотомъ записъ: «Великыи въ князихъ князь стѣславъ. въжделаннѣмъ хѣло въжделавъ» и пр! (какъ въ Симеоновомъ сборникѣ). Окончаніе этой записи «(ѣже памяти виноу въсприати) бѣди хрестолюбивѣи дѣи твои въ отъмыщеніи вѣнцемъ въ непрѣбрѣдомый вѣкъ въкомъ аминь» — помѣщено на верху оборотной страницы, а середина этой страницы занята изображеніемъ Спасителя.

Л. 2 представляетъ изображеніе семейства кн. Святослава: Святославъ по лѣвую руку отъ всѣхъ изображенъ съ книгой, рядомъ съ нимъ княгиня и передъ нею маленькій сынъ Ярославъ, за нею и правѣе ея четыре другіе сына: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ. Имена всѣхъ надписаны съ верху золотомъ. Это—древнѣйшій рисунокъ, представляющій данныя о древней одеждѣ князей.

Л. 3 занятъ изображеніемъ чего-то въ родѣ иконостаса или храма; въ серединѣ какъ бы въ царскихъ вратахъ представлено стоя много святыхъ, изъ которыхъ трое суть святители въ фелоняхъ и омофорахъ съ евангеліями въ рукахъ, четыре въ иноческихъ мантияхъ съ крестами въ рукахъ. Обратная страница занята подобнымъ изображеніемъ.

На 4-мъ листѣ начинается сборникъ великолѣпною заставкою, въ которой какъ заглавіе написано золотомъ: «Съборъ отъ многоу бѣ. тълкованиа о неразоумьныхъ словесехъ» и пр. Статьи непрерывно продолжаются до л. 123, на которомъ, а равно и на слѣд. 124—126 написано содержаніе слѣдующей затѣмъ второй половины сборника: изъ этого можно предпологать, что было такое же оглавленіе и для первой части, которое утрачено.

Л 128 занятъ на обѣихъ страницахъ изображеніями такими же какъ и л. 3-я.

На л. 129 въ великолѣпной заставкѣ написано заглавіе, а затѣмъ слѣдуютъ опять статьи, оканчивающіяся записью той же, что и на л. 1-й, только съ прибавкою года и имени писца и лѣтописцемъ въ краткѣ.

Кромѣ обозначенныхъ рисунковъ есть еще на поляхъ страницъ другіе. Изъ нихъ самыя замѣчательныя на л. 250 и 251 изображенія знаковъ зодіака.

Способъ написанія сборника вообще тотъ же что и въ Остромировомъ Евангеліи, но характеръ написанія другой. Рукопись писана въ два столбца, каждый шириною въ $1\frac{1}{2}$ вершка; оба столбца вмѣстѣ съ среднимъ пробѣломъ $3\frac{1}{2}$ вершка. Въ столбцѣ по 29 строкъ. Большихъ рисованныхъ буквъ очень мало. Простыхъ большихъ писанныхъ золотомъ и киноварью много. Строчныя буквы величиною таковы же, какъ въ Остромировомъ Евангеліи буквы меньшей величины.

Въ Изборникѣ этотъ вошли статьи разныхъ писателей въ выборѣ, сдѣланномъ Греками; одинъ изъ Греч. списковъ этого сборника находится въ Коленевской библиотекѣ (см. В. de Monfaucou, Bibliotheca Coisliniana стр. 192—195), какъ уже было отмѣчено Востоковымъ (Описаніе рукописей Румянцевскаго музея стр. 500). Главнѣйшую часть его занимаютъ Анастаскини отвѣты: лл. 27—223. Изъ другихъ статей болѣе любопытны статьи Максима Исповѣдника и Теодора Равенскаго «о различіи соущихъ и ѣства» (лл. 223—237), Георгія Хуровскаго «о образѣхъ» (лл. 237—240), Евсевія и другихъ «отъ лѣтнихъ» между прочимъ о мѣсяцахъ у разныхъ народовъ (247—251), Исидора «о дѣяніи и клякѣ же свѣтѣ тѣхъ», между прочимъ и о «сыкровнѣхъ» (апокрифическихъ: л. 253—254).

Запись, находящаяся на л. 263—264, начинается слѣдующими строками.

А коньць вѣсѣмъ книга
мъ ѡ же ти собѣ не ѡбо.
того и друоугоу не твори:—
Въ лѣто 438ѣа написа
Іоаннъ днѣкъ ѡбо
рѣникъ съ великоуоу
моу князю сѣославоу.
Великыи въ князьхъ
князь свѣтославъ
въжделанпимъ зѣлю
въжделавъ..... и пр.

Четыре изъ этихъ строкъ (5, 6, 7, 9) по писанному еще разъ написаны, какъ бы подновлены, но едва-ли по скобленному, какъ нѣкоторые думаютъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что строки, гдѣ написанъ годъ, не касается эта замѣтка, а годъ 6581=1073 годъ, есть именно тотъ, когда Святославъ Ярославичъ, прогнавъ Изяслава, 22 марта вошелъ въ Кіевъ; онъ оставался великимъ княземъ до конца 1076, когда (27 дек.) умеръ отъ рѣзаныя желве (Пов. вр. глѣтъ подъ гт. 6581—6584).

Почеркъ Святославова Изборника 1073 года вообще похожъ на мелкій почеркъ Остромирова Евангелія, впрочемъ съ нѣкоторыми особенностями:

ѐ ж з і м оу х ц цы ю ж ѣ л н м
 е ж з м Ѹ ц ы о а
 ф м Ѹ ѡ ш ѣ м р ѣ

— е. три формы, употребляясь безъ различія, представляютъ столько сродныхъ образовъ написанія, что трудно рѣшить, какой именно изъ образцовъ былъ у писца въ мысли.

— ж. пишется и въ три приема и въ пять.

— з. отвернутый нѣсколько на право нижній конецъ встрѣчается нерѣдко.

— і. пишется иногда вмѣсто и; блізно (17), невидимоу (21), хрививыиса (28), христосово (29), соупротивномъ (29), хриштаахоуса (46), хрсти (48), видѣникмъ (57), христеннемъ (58), приахомъ (79), кърчемниці (82), епскупоу (82), вѣрѣжци (117), сваттель (120), жѣзнь (164), погѣби (165), дѣлаті (197), повѣсті (204).

— м. вторая форма встрѣчается нерѣдко. Третья форма встрѣчается рѣдко.

— оу. третій видъ встрѣтился въ словахъ: нашьскую, образу (10); иногда понадается у съ отдѣльными ° на веру: ѡставъ (247), оуѡстина (247); иногда у употреблено вмѣсто в: прауда (60).

— х. черта, идущая съ права на лѣво, бываетъ иногда одинаковой длины съ тою, которая идетъ съ лѣва на право, и не совсѣмъ тонка.

— ц. любоньтна вторая форма, требующая четыре приема.

— щ. вмѣсто отдѣльныхъ шт встрѣчается рѣдко: обращени (74), оухищраше (115), ноць (119), щѣдовина (138), роцѣштійса сѣлѣ (223).

— **ы** и **и** пишутся безразлично. Господствуетъ **ы**, только иногда пишется **и**. Разъ написано **ои**: помои́слиться (13).

— **ои=ю**: въоружао́ить (68).

— **ж**. любопытна вторая форма, требующая пять приёмовъ.

— **ѡ**. имѣеть написаніе длиннаго креста; встрѣтилось въ словахъ: фузите (138), фалъмосы (204), самъфона (172, 240).

— Кромѣ **к**, **ц**, **ж**, **ца**, употреблено еще іотированное **кѣ**: кѣсти (52), кѣдениѣ (56), всегѣдство (61), кдиногѣдыѣ (61), своѣгѣ (всего своѣгѣ и любѣе) (70), кѣша (119), нагѣджса (156), кѣсть и пишѣть (157), кѣдома (160), нозѣ кѣѣ (169).

— Нерѣдко вмѣсто **г** передъ гласною употребляется точка или запятая надъ гласною, а еще чаще этотъ знакъ ставится надъ іотированною гласною: новаа́ и ветѣлаа́ (198), высокожъ выжѣ. Употребляется тотъ же знакъ и надъ **и** въ словѣ **и**, и въ другихъ, начинающихся съ **ц**, а равно и надъ гласными широкими, когда они начинаются слово. Подобный знакъ употребляется и надъ нѣкоторыми согласными, когда онѣ должны выговариваться мягко, напримеръ, лоубо (136), землоу (101) томлоу (103). Иногда тотъ же знакъ имѣеть значеніе **ъ**: насыщакмъ (12), сай (16). Онъ употребляется иногда даже вмѣсто полныхъ гласныхъ: въ чти обгѣчѣтеса (=че) (210), о стѣмъ дѣѣ (=сѣ) (218), о имѣний и несчатлѣ (=цѣ) (231), раздѣлѣтеса съласаѣмни (=ла) (214).

— Особенная форма означенія мягкаго выговора согласныхъ касается буквъ **л**, **н**, **м**: значекъ **ъ** прибавляется къ буквѣ съ права наверху: **лъ**, **нъ**, **мъ**. Это употребляется нерѣдко: глѣтъ (9, 10), лѣди(9), лѣбанис (9), млѣтѣиѣ (9), ожилѣакъ (10), землѣ (10), оуселѣноуѣ (10), глѣж (10), землѣж (10), рѣмѣгѣмѣ (86), болѣни (11), болѣѣ (11), възлѣтобиша (32), оставлениѣ (43);—съ **н**ими (9), къ **н**имъ (9), глѣва (9), плѣстынѣ (9), проглѣваша (9), кѣднѣениѣмъ (9), къ **н**емоу (11), исплѣгѣмѣ (9), оугѣ, рѣмѣгѣмѣ (86), млѣстынѣ (86), положѣтъ (264);—по землѣ (19).

Вязи и титла такъ же рѣдки какъ и въ Остромировомъ Евангеліи. Знаки препинанія почти всѣ тѣ же что въ Остромировомъ Евангеліи.

Правописаніе господствуетъ не Русское, то же какъ и въ Остромировомъ Евангеліи, съ употребленіемъ, между прочимъ, гласныхъ носовыхъ **ж** и **а**, но не соблюдается вездѣ правильно. Видны по мѣстамъ отступленія Русскаго писца:

— **оу** **им**. **ж**: рекжъ въ правдоу, вѣрж правоу (30), разоумноую (31), живоуштемъ (34), соудъ (37, 41), блѣудъ (53), прикосноутиса

(56), подѣйму (60), хоштоу (76), въ роуцѣ (96), страждоуть (106), моучать (146), оутробѣнѣн (118), поманоухъ (167), оужичноуж (213).

— ж в. оу: пѣмьно, чжеть, творьцж, моужж.

— а в. а: отъ дѣна своего, отъ тропца, чада (75, 91, бына (91).

— а в. а: сълоучан.

— я в. а: блѣди (5), мьнѣть (80), слгннѣ (210).

— я в. я: нарицаи (30), омывалиса (37), всакога плѣти (50), ѣзъны (64), нѣкыи мирьскыи (95), всакуи въдовы (102), растопащнхъса (237).

Второй важный признак Русскаго влїянїя есть употребленїе ѣ и ѣ передъ р и л, а не послѣ: отъ тѣлкованнїа (28), испѣлгала (9), испѣлнн (9), бѣванѣ (37), сѣльнѣ; дѣрзыпнн (6), пѣрвынн (23), пѣрвааго (23) сѣвршеннааго (26), мѣрзость (27), скырпннѣ (92), оумрлѣ (32), чѣрнѣца (32, 33), бѣрнѣнѣнн (37), оусѣрда (48), чѣрвь (85), самодѣржѣць (60), потѣрннѣ (65), сѣрдьцю (74), о жѣртвахъ (159), невѣздѣржаннн (198), въ скѣрбнн (63), кѣрмпнн (80) кѣрчѣмннцн, дѣржж, вѣвржѣтн, пѣрвннхъ.

Третїй Русскїй признакъ: употребленїе ж в. жд и ч в. нт: прокоужж (103), прѣже года (97), вѣзгражѣтъ (168), не осожженн (210), вельблѣжа власы (229), не ѣжѣ (248), роженнн, знжжштѣн, клеветѣжѣ, скрѣчаннн, трѣпечоупнѣ, сѣшпѣчѣть.

Четвертый Русскїй признакъ: употребленїе оро, ере, оло, вѣ ра, рѣ, ла: оудоробъ (32), поросатѣ, вередн, вереднннн, серебро, полонъ (63, 70, 81), полоннннн (67), пологентъ (264).

Пятый признакъ: опущенїе д: дѣннн семѣ.

Шестой признакъ: употребленїе о в. с вѣ началѣ словъ: оже одѣва (107), также собѣ в. себѣ, толокн, досное око.

Къ числу Русскнхъ признаковъ можно отнести употребленїе о в. а вѣ предлогѣ разъ и т. п. случаяхъ: роздѣлнпаса, розгнѣванѣтъ, розлнчѣѣ, роздѣлѣкмон, робомѣ.

Къ числу Русскнхъ признаковъ, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и смѣшенїе е съ ѣ: деелн—деелн, вероуж, гнѣсѣ, по средоу (34, 118),—а также смѣшенїе оу и вѣ: оуселѣтѣса (36), оуселнннн (23), оуселеноуж (9); вѣгоднѣ Бѣу (91), вѣгаждали (91), вѣгожѣнна (91), вѣчннннн (95).

Изъ признаковъ не Русскнхъ, но которые нельзя считать принадлежностью древняго чисто-Славянскаго нарѣчїа, отмѣтнмъ:

1. Смѣшенїе слоговъ твердыхъ и мягкнхъ:

— т в. ь: дѣбрь (153).

— ь в. т: нмѣль (31).

— и в. ѣ: неправдн (104), занонн (116), рнба (251).

2. е вм. а: пламе (103), сегодѣле (165).

3. о вм. ъ и е вм. ь: золѣмъ золѣби, стоудентѣмъ баснѣмъ, покошено, не можете, въселѣвѣса въ стѣжъ матере, въ ѣрке.

4. Несмягченіе губныхъ посредствомъ л: томеннѣк, земеѣбрьцѣ, въ земли, по земли.

5. Смѣшеніе ж и а: по кдиногоса имать (93), поуустынѣи великѣмъ скоуѣнѣж (153).

6. Смѣшеніе ѣ и я: нынѣшнѣк; (ср. поимлютьса, мѣлѣннѣхъ, ѣзва, испѣлѣкмо).

Отмѣтити слѣдуетъ еще:

— сц. вм. ст. при смягченіи ск: нѣждѣисцѣи, содомѣсцѣи, сионѣсцѣи, моужѣсцѣ, бѣсовѣцѣи, аморѣисцѣи, айльсцѣихъ.

— замѣненіе и посредствомъ ь: отъ ратьи, непрѣязно, кдион.

Остаткомъ древняго языка можно считать употребленіе и вм. ь: различнѣи (=чь) (20), неразличнѣи (=чь) (20), ведоути (=тъ) (58), оушидѣ (=шь) (67), питицами (=пѣ) (94), прѣлѣннѣтѣжѣся (=ль) (252).

Отмѣтнѣи еще довольно частое употребленіе мѣмъ какъ окончаніе 1-го лица множ. числа: имамъ, оумѣремъ, обонавамъ, пожнѣвемъ, бждемъ, плачемъ, наказамъ, прорнѣцахомъ, разоумѣхомъ.

Не рѣдко 3-е лицо не имѣетъ тѣ: не бжде, милоуѣ, и, нѣ, бывак, чѣжж, соу.

Сборникъ Святославовъ 1076 г.

Сборникъ этотъ есть древнѣйшее изъ всѣхъ доселѣ открытыхъ Русское подражаніе Изборнику, переведенному съ Греческаго для Болгарскаго князя Симсона, извѣстному по списку, сдѣланному для Кіевскаго великаго князя Святослава въ 1073 году.

Рукопись эта писана на нехорошемъ пергаментѣ въ мал. 4-у (длинною 4¹/₂ верш., шириною около 4-хъ верш.) тетрадами по 8 листовъ, сохранившимися не вполнѣ. Въ настоящемъ своемъ положеніи она заключаетъ въ себѣ 551 л., при переплетѣ перепутанныхъ.

Рукопись писана въ одинъ столбецъ по 13 строкъ на страницѣ; средняя ширина строки 1³/₄ вер. Письмо не мельче, чѣмъ въ Изборникѣ 1073 года, и небрежнѣе. Особенныхъ украшеній нѣтъ никакихъ. Буквы большія и рисованныя писаны киноварью.

Въ сборникъ 1076 года вошли слѣдующія статьи:

I. Различныя небольшія статьи (лл. 1—227) безыменныхъ писателей (каковы первыя три—слово о чѣтихъ книгъ—слово нѣкомго бѣа къ сѣоу своему—наказаніе богатымъ) и поменованныхъ: Геннадія (безъ начала), Исухія Іерусалимскаго, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Кеспофонта, св. Осодоры.

II. Выписки изъ книги Премудрость Иисуса Сирахова (267—374, 159—169): части перелутаны.

III. Аванасимви Свѣти противу нанесеннымъ кмоу отвѣтомъ (л. 228—266, 375—454: въ серединѣ недостаетъ). Переводъ тотъ же, что и въ Изборникѣ 1073 года.

IV. Сборъ отъ многогъ бѣцъ и айлъ и прѣкъ собрано и протъковано отъ еуаггелиа и отъ инѣхъ книгъ въ кратцѣ съложено (л. 455—537). По заглавию похоже на главное заглавие Изборника, но по содержанію не то: это очень небольшіе отрывки изъ отцовъ церкви и книгъ св. писанія съ нравственными совѣтами. Сюда же вѣроятно, надобно отнести и послѣднюю статью: «о милостивѣмъ Созоменѣ и о томъ, како дади ницемоу брѣцею принме» (л. 537—550).

На л. 550—551 запись писца:

Коньчашаса книгы сна
роукою грѣшьнааго И
оана избрана изъ мѣ
ногъ книгъ княжь. да
идеже криво братик:
исправивъше члѣте.
блгословите. а не клянѣ
те. кончахъ книжкы сна
въ лѣ 85. ф. Пд. лѣто
при стѣславѣ кня
зи роусьскы зе
мля ами
нѣ.

Запись эта чѣмъ-то запачкана и годъ былъ подправленъ: именно ѡ (80) было поправлено въ ѡ (50), почему рукопись должна бы была быть переставлена подъ 1046 годъ; но обманъ открылся немедленно послѣ того, какъ рукописью занялись съ научнымъ вниманіемъ.

Почеркъ письма вообще болѣе похожъ на мелкій Остромировскій, чѣмъ на почеркъ Изборника 1073 года.

Особеннаго вниманія стоятъ слѣдующія буквы:

ж	з	і	л	о	ш	р	т	у	у	у	ш	ы	ж	ѣ	х	ѣ
ж	з	л				р	т	ш	у				ы			
	з	л				л							ы			

ж. первое въ три, второе въ четыре приема.

і. употребляется вмѣсто и и въ средній строкъ; и пишется также съ двоеточіемъ.

м. послѣднія двѣ формы встрѣчаются нерѣдко.

о и ѡ. безразлично; ѡ рѣдко: неѡбогатѣть, въ погыбѣль.

р. первая только какъ прописная.

т. послѣднее очень рѣдко.

оу и Ѹ. безразлично.

Простое у пишется иногда въ три приема. Верхняя половина всегда рѣзко обозначена.

щ. рѣдко: щт употребляется почти исключительно.

ы. нѣсколько разъ; а господствуетъ ѣ. Вязаное ѣ, кажется, только разъ.

— ж. верхняя часть широкая и почти не меньше нижней.

— ф. такъ же, какъ въ Изборникѣ 1073 г. въ сл. фалъмъ.

— Кромѣ г, к, ж употребляется какъ въ Изборникѣ 1073 г. іѣ, но очень рѣдко.

— Знакъ надъ гласными или согласными, какъ знакъ смягченія согласныхъ, не употребляется.

— л. употребленъ только два раза въ словѣ глѣбо: глѣбо жрътвы, глѣбо слоужбы.

— Вязи и титла рѣдки, и то одни для опредѣленныхъ буквъ, (какъ ть), другія для опредѣленныхъ словъ.

Правописаніе нельзя назвать чистымъ Русскимъ, потому что есть еще отъ части и правильное употребленіе ж и л, но уже въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Остромировомъ Евангеліи и въ Изборникѣ 1073 г. Употребленіе ихъ неправильно не рѣдко, а замѣненіе ж посредствомъ оу, ж посредствомъ ю очень часто; ѣа вовсе нѣтъ, ж употребляется иногда какъ простое ю (кораблж, клжчарь, огнж, блждѣте). Такъ же часто л вм. а послѣ шипящихъ: слышати, жалюсть, отагчають, течаааху, оуноша, жалити ся.

Второй признакъ Русскаго вліянія: ѣ и ѣ передъ р и л употребляются также довольно часто: скѣрби, кѣрмити, на тѣрзѣ, въ бѣрзѣ, гѣрдо, мѣрцадѣ, сѣмъртъ, сквѣрннѣ, дѣрзѣ, отѣвѣръгѣ, дѣржавѣ, вѣрсты, вѣрху, испѣлненѣ.

Третій признакъ, ж вм. жд и ч вм. щт: не дажъ, хоженны, подажъ, одежу, чюжему, побѣженѣ, осоужамыя, въ печерахъ, ищюче, кле-вечжита, грохочжштаса.

Четвертый признакъ, оро, ере, оло: норови, отъ ворога, огорожають, пороха, соромаживоу, хоронити, боротиса, вередихъ, переже, берема.

Пятый признакъ, опущеніе д: семидѣик.

Шестой признакъ, о вм. е въ началѣ слова: одного.

Седьмой признакъ, е вм. ѣ: потребно, чрево, безъ време, небрегоми, небреши,...

Къ числу Русскихъ признаковъ надобно, можетъ быть, отнести употребленіе к вм. мягкой: въ боури ли морьскѣи (14), дѣбри и потоки (530).

Употребленіе о вм. а (роз вм. раз) миѣ не встрѣтилось.

Не встрѣтилось и смѣшеніе оу и в.

Встрѣчается рѣдко о вм. ы: въ борзѣи.

Не менѣе важно, какъ признакъ Русскаго письма, употребленіе вы вм. из: въ цѣкви стоиште или вылазаште (523).

Изъ признаковъ не Русскихъ особенно любопытны:

1. Смѣшеніе слоговъ твердыхъ и мягкихъ: ѣ вм. ъ часто: чѣто, прилежѣно, грѣшѣнѣ, страшѣнѣ, матежѣ, съ немощѣю, начѣнѣ, испрошѣ, моужѣ, оучительскѣи, завѣтрѣнѣ, корѣнѣ (им.).

у вм. ю. борутьса.

2. Смѣшеніе ѣ и я=а. пианицѣ (им. мн.), ларѣ (вин. мн.), вельможѣ (р. ед.),—нына=ныни.

Еще отмѣтимъ:

— мы въ концѣ 1-го л. множ. чис.: трезвоуамы.

— к безъ тѣ въ 3-мъ лицѣ: к=ксть, трѣбоук=трѣбоукъ (12).

— и вм. ѣ: жена пыничива.

Мѣсячная Миня 1096 года: октябрь.

Писана на нехорошемъ пергаментѣ въ мал. 4-ку (длинною въ 5 верш., шириною болѣе 4-хъ верш.) тетрадами; не вполнѣ сохранилась: (не достаетъ тетрадей 2-й и 3-й), всего 127 л. Писана въ одинъ столбецъ по 27 строкъ на страницѣ буквами значительно мельче, чѣмъ мелкія Остромировскія. Буквы большія и рисованныя писаны черниломъ.

Содержаніе составляютъ службы святымъ, которыхъ память празднуется въ октябрѣ по порядку дней мѣсяца.

На 1-мъ листѣ, незаписанномъ текстомъ, есть нѣсколько записей, современныхъ написанію книги, именно:

— на лицевой страницѣ.

стаго Лазора мнѣи мѣца октамвра
стаго апла ананна и
стаго Романа пѣвѣца.

— на оборотѣ въ верху:

гѢ помози рабу своему григори...
грѣшноумоу григорья фѢ

— ниже:

въ лѣ 45. х. д. мѣа марта въ к.б

— еще ниже крупнымъ уставомъ:

Дѣкиме
писано
въ лѣто
45. х. д. мѣа
марта въ
к.б.

Кромѣ того:

— на оборотѣ 52-го л. въ низу:

городѣ
нѣ вѣ
салѣ.

— на оборотѣ послѣдняго 127 л. въ низу во всю ширину страницы:

стам бѣе помаган
рабу своему дѣмъкѣ на мѣнога
лѣта аминѣ. простите на грѣшьнаг

Изъ буквъ по начертанію болѣе другихъ любопытны:

ж з з і к л м о оу х у ц з а ж
с з л о х
з о

— ж: писано въ три приема, перекрещенныя черты изогнуты.

— два вида з: безразлично.

— з: нижній крючекъ или полукругловатый тонкій или крючкo-ватый съ нижнею частью толстою, или на оборотъ съ нижнею частью тонкою.

— і: употребляется вмѣсто и часто, болншею частію послѣ и: приимѣ, прииде, прѣгрѣшеннѣ, и при другихъ гласныхъ: не вѣроуі, сергіа, сілю, бѣжею, мѣвіста, і мѣчкѣ, і анѣдроника.

— к: верхній крючекъ часто очень выдается.

— л: второе рѣдко.

— м: основныя черты расходятся съ верху къ низу.

— о=ω: второе вмѣсто перваго: икωнахѣ; третье въ словѣ мнѣжства (58).

СОДЕРЖАНИЕ
ДВЪСТИ-ТРИДЦАТЬ-ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (20-го октября 1883 года). О рисунокѣ медали, установленной для выдачи постороннимъ рецензентамъ трудовъ, представляемыхъ на соисканіе премій А. С. Пушкина при Императорской академіи наукъ, . . .	3
2. (1-го ноября 1883 года). Объ учрежденіи второй должности инспектора въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ	—
3. (1-го ноября 1883 года). О добавочномъ содержаніи врачу и объ учрежденіи должности фельдшера при учительской семинаріи въ м. Хови, Кутаисской губерніи	4
4. (1-го ноября 1883 года). О предоставленіи Гольдингенскому двухклассному училищу правъ двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія	5
5. (1-го ноября 1883 г.). Объ увеличеніи штата отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ	21
6. (8-го ноября 1883 г.). О предоставленіи главной физической обсерваторіи получать изъ-за границы книги и инструменты бесплатно	22
7. (15-го ноября 1883 г.). Объ учрежденіи при Виленскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ двухъ отдѣльныхъ учительскихъ должностей чистописанія и рисованія	—
8. (15-го ноября 1883 г.). Объ увеличеніи штатовъ главной физической обсерваторіи и отдѣленія морской метеорологіи при ней	23

9. (15-го ноября 1883 г.). О служебных правах учителей нормальных училищъ, открываемыхъ въ горскихъ селеніяхъ Кубанской и Терской областей	24
10. (15-го ноября 1883 г.). Объ учрежденіи при Тифлискомъ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины должности инспектора	25
11. (22-го ноября 1883 г.). О служебныхъ правахъ лицъ, определяемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія	26
12. (22-го ноября 1883 года). О причисленіи воскресно-коммерческихъ училищъ Калужскаго, Люблинскаго и Плоцкаго къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности	27

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

20-го октября 1883 года (№ 15)	5
1-го декабря 1883 года (№ 16)	28

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го ноября 1883 года). Положеніе о стипендіяхъ нини умершаго Керченскаго 2-й гильдіи купца Якова Гольдштейна при Керченской Александровской гимназіи	8
2. (26-го ноября 1883 года). Положеніе о стипендіи Императора Александра II при Муромскомъ реальномъ училищѣ	9
3. 15-го декабря 1883 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о служебныхъ правахъ лицъ, определяемыхъ на учебныя должности въ женскія гимназіи и прогимназіи	—
4. (1-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи при Слонимскомъ уѣздномъ училищѣ, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Божѣ почившаго Императора Александра II	29
5. (1-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Новоржевскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ	30
6. (1-го декабря 1883 года). Положеніе о стипендіи, учрежденной въ память 25-ти-лѣтія царствованія въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра II при Звенигородскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ	31
7. (7-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи Императора Александра II при Плоцкой мужской гимназіи	32
8. (7-го декабря 1883 г.). Положеніе о стипендіи Императора Александра II при Плоцкой мужской гимназіи	33
9. (10-го декабря 1883 года). Положеніе о стипендіи при Борисоглебской мужской прогимназіи въ память священнаго коронованія Государя Императора Александра III	34

10. (31-го декабря 1883 года). Циркулярное предложение гг. почетелямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ отчисленія процентовъ съ суммы сбора за ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	35
---	----

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

25-го ноября 1883 г. (№ 8)	11
--------------------------------------	----

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Бурсъ греческаго языка“. Составилъ <i>М. Григорьевскій</i>	17
О книгѣ: „Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній для всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Составили <i>М. Пребисъ</i> и <i>Ө. Цейдлеръ</i>	—
О книгѣ: „Учебникъ по русской грамматикѣ“. Составилъ <i>И. Бяло-русоеъ</i>	—
О книгѣ: „Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ“. Изданіе <i>А. С. Суворина</i>	—
О книгѣ: „Собраніе ариметическихъ задачъ“. Составилъ <i>Александръ Вороноеъ</i>	—
О книгѣ: „Лѣсъ“. <i>Я. Вейберга</i>	—
О книгѣ: „Славянскія нарѣчія“. Статья профессора <i>Л'обазера</i> . Переводъ и примѣчанія <i>А. Степановича</i>	38
О книгѣ: „Сборникъ дѣствующихъ постановленій и распоряженій но женскимъ гимназіямъ иprogимназіямъ министерства народнаго просвѣщенія, съ послѣдовавшими съ 1870 г. измѣненіями и дополненіями, содержащій также: положеніе по отдѣльнымъ женскимъ гимназіямъ и progимназіямъ, общія и частныя программы ихъ и правительственныя распоряженія, какъ относящіяся къ этимъ заведеніямъ, къ служащимъ и учащимся въ нихъ, такъ и касающіяся лицъ, занимающихся частною и женскою педагогическою дѣятельностію“. Составилъ <i>Михаилъ Родевичъ</i>	—
О книгѣ: „Krótki wykład obzędów kościoła rzymsko-katolickiego dla užitku młodzieży szkolnej ułożył <i>X. T. Matyszewski</i>	—
О книгѣ: „Очерки анатоміи, фیزیологіи и гігіены“. Составилъ <i>И. Гаричевскій</i>	—
О книгѣ: „Начальная книжка для обученія русскому языку“. Составилъ <i>Левъ Полемановъ</i>	—

ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Дѣвочка Серафимочка“. Соч. <i>Полюжовой</i>	18
О книгѣ: „Руководство къ чистописанію и прописи“. Составилъ <i>Челодановъ</i>	—
О книгахъ: 1) „Собраніе ариметическихъ задачъ и примѣровъ для народныхъ училищъ“. 2) „Собраніе ариметическихъ задачъ“. Составилъ <i>Александръ Вороноеъ</i>	—

О книгѣ: „О жизни и подвигахъ современныхъ намъ Свято-Афонскихъ старцевъ“. Разказы въ мирѣ <i>Петра Важеню</i> , въ монастырѣ <i>Пантелеимона</i> въ 1879 году.	18
О книгѣ: „Кодосья“. Сборникъ народныхъ разказовъ <i>Дергачева</i>	—
О книгѣ: „О Малороссіи и Малороссахъ“. Составилъ <i>Р. С. Поповъ</i>	—
О книгѣ: „Бѣлоруссія и Бѣлоруссы“. Составилъ <i>Р. С. Поповъ</i>	—
О книгѣ: „Житіе св. великомученика Прокопія“. Изданіе редакціи журнала <i>Мірской Вѣстникъ</i>	—
О книгѣ: „Житіе и страданія св. апостола Матѳея“. Изданіе редакціи журнала <i>Мірской Вѣстникъ</i>	—
О книгѣ: „Житіе и страданія св. священномученика Корнелія Сотника“. Изданіе редакціи журнала <i>Мірской Вѣстникъ</i>	—
О книгѣ: „Житіе св. Логина Сотника“. Изданіе журнала <i>Мірской Вѣстникъ</i>	19
О книгѣ: „Св. равноапостольный князь Владиміръ“. <i>В. Михайловскаго</i>	—
О книгѣ: „Нижегородскій механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кудибинъ“. Сочиненіе <i>И. Ремезова</i>	—
О книгѣ: „О каменномъ углѣ и соляхъ“.	—
О книгѣ: „Смоленскъ въ 1812 году“. Изданіе редакціи журнала <i>Мірской Вѣстникъ</i>	—
О книгѣ: „Бесѣды о землѣ и тваряхъ, на ней живущихъ“. <i>А. Бекетова</i>	—
О книгѣ: „Храмъ святой Софїи въ Константинополѣ, обращенный Турками въ мечеть“. Изданіе редакціи журнала <i>Мірской Вѣстникъ</i>	—
О книгѣ: „Какъ водить пчелъ въ разборныхъ соломенихъ сводчатыхъ ульяхъ“. Составилъ <i>Ө. Недоходовскій</i>	—
О книгѣ: „Чтеніе для народа“. Передалъ учитель <i>И. П. Кауровъ</i>	—
О книгахъ: 1) „Букварь для совѣстнаго обученія письму чтенію и счѣту“. <i>Д. Тихомірова</i> и <i>Ю. Тихоміровой</i> . 2) „Руководство для учащихся по букварю для совѣстнаго обученія чтенію, письму и первоначальному счисленію“. <i>Д. Тихомірова</i>	—
О книгѣ: „Былины и стихотворенія графа А. К. Толстаго“. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности	39
О книгѣ: „Сборникъ упражненій къ правиламъ начальнаго правописанія“. Составилъ <i>В. Сумскій</i>	—
О книгѣ: „Изъ чтеній на сѣздѣ учителей начальнахъ училищъ, бывшемъ въ 1882 г. въ Казани. I. О способахъ и пріемахъ обученія грамотѣ. II. О преподаваніи элементарнаго курса русской грамматики“. Составилъ <i>Анастасевъ</i>	—
О книгѣ: „Вологодская губернія. Элементарный курсъ географіи“. Составили <i>М. Куклиня</i> и <i>Хр. Пазолковъ</i>	—
О книгѣ: „Курсъ практической педагогикки“. Составилъ <i>С. А. Бобровскій</i>	—
О книгѣ: „Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ“. Составилъ <i>Е. Тихоміровъ</i>	—
Официальныя извѣщенія	19 и 40

	СТРАН.
Открытие училищъ	20 и 40
О дѣятельности издательскаго общества при комисіи народныхъ чтеній съ 16-го ноября 1882 года по 7-е ноября 1883 года.	40
О дѣятельности русской комисіи по международному обмѣну научныхъ и художественныхъ наданій въ 1883 году.	43

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ө. И. Успенскій. Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византии.	1 и 239
Ю. И. Трусманъ. О мѣстѣ Ладоваго побоища въ 1242 году	44
Бар. В. Р. Розенъ. Замѣтки о лѣтописи Агалия Мандбиджскаго	47
О. О. Гонсіоровскій. Замѣтки о Словѣ о Полку Игоревѣ	251

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника	76
И. В. Помяловскій. Переписка между Бекетъ и Мюллеромъ	90
Д. Ө. Кобекъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. <i>Ю. Б. Исерсема</i> . С.-Пб. 1877—1883	140
Н. И. Петровъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. <i>С. Глубева</i> . К. 1883.	148
В. В. Вауеръ. <i>Louis XIV et Strasbourg</i> . Par. <i>A. Legrelle</i> . P. 1883.	165
Д. Н. Анучинъ. Донсторическая археологія Кавказа	201
П. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской исторіографіи	237 и 433
М. О. Кояловичъ. Записки Юсифа, митрополита Литовскаго. С.-Пб. 1883.	336
А. Н. Веселовскій. <i>И. Ждановъ</i> . Къ литературной исторіи былевой поэзіи. Кіевъ. 1881	359
А. Г. Брякнеръ. Лаврентій Рингуберъ	396
Н. И. Веселовскій. Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю	421
Вредная насѣкомка <i>Ө. Кемпена</i> . С.-Пб. 1881—1883	432
Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи	443

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

В. П. Ш. Высшее женское образованіе въ Англіи	1
Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ).	30 и 41

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

	СТРАН.
Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	1 и 57
И. В. Помяловскій и П. И. Аландскій (некрологъ)	18
Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1883 годъ	27
Отчетъ по второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ	48

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

1. Müller. <i>Questionum Naevianarum capita tria</i>	1
Н. И. Холодьякъ. <i>Elogia Scipionum</i> , какъ матеріалъ для изученія архаической латини	27 и 65

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. <i>Славяно-русская палеографія</i>	108
---	-----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устноѣ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Ваязета“, „Картина взятія Шлевинъ“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разослана подписчикам II-я,
ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ, 1868—1869 гг.—II. Крестьянское дѣло въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, 1861—1862 гг.—III. Изъ собранія портретовъ главныхъ дѣателей по крестьянской реформѣ.—IV. Иванъ Ползуновъ, изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины, въ 1764—1766 гг.—V. Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1860 гг. Записки М. И. Пущина и бар. А. Е. Розена.—VI. Дворянинъ Вальгеманъ Карловичъ Мюхельбергера, въ крѣпости Свеаборгъ, 1834 г.—VII. Петербургская старина, 1799 г.—VIII. Императоръ Павелъ и его время.—IX. Морской адютантъ перуись, воспоминанія Николая Александровича Энгельгардта, 1822—1829 гг.—X. Война съ польскими итемпниками въ 1831 г. въ перенскѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ.—XI. Судебный эпизодъ изъ Отечественной войны, 1849—1883 гг.—XII. Князь Мих. Дм. Горчаковъ. Записка его о мѣрахъ обороны Россіи въ декабрѣ 1860 г.—XIII. Рубинъ А. С. Пушкина, хранящійся въ Руминцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.—XIV. Кн. П. А. Вяземскій и Юрій Федор. Самаринъ.—XV. Школа гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ, 1846—1849 гг. (Окончаніе).—XVI. Матеріалы и записки: Приказъ Я. И. Ростовцева, 1867 г.—Севастопольская гвѣздя, 1856 г.—Николай I въ Геленджикѣ, 1837 г.—Печатное дѣло въ Петербургѣ въ 1802—1811 гг.—Седмораздѣй.—О возобновленіи памятника Волынскому.—Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича,—гелиографюра, исполненная художникомъ г. Скамоны въ Экспедиціи заготовленія государств. бумагъ съ фотографіи, исполненной тамъ же, съ натуры, въ 1876 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1884 г. Пятнадцатый годъ изданія, 12 книгъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, куда переведена контора „Русской Старины“ изъ склада Мамонтова, а въ Москвѣ подписка по прежнему принимается въ магазинѣ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Продаются книги:

I. „Царица Прасковья“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, очеркъ *М. И. Семевского*, цѣна два рубля съ пересылкою; для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ цѣна одинъ рубль.

II. „Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка“ *Мих. Ив. Семевского*: Тайная канцелярія. — Проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамильтонъ. — Петръ Великій какъ юмористъ и проч. Цѣна книги съ рисунками пытокъ въ Россіи, въ XVIII в., для подписчиковъ «Русской Старины», на 1884-й годъ, одинъ руб. съ пересылкою. Прочія лица платять два рубля.

III. „Записки сельскаго священника“, изданіе исправленпос, цѣна одинъ рубль.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд. именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 — 1879 гг.; 1880 г. (второе изд.), 1881 г., 1882 г. и 1883 г. Цѣна за годъ по восьми руб. съ пересылкой.

Вся подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1884 г. получатъ премію: отпечатанный красками снимокъ съ превосходнаго портрета А. С. Пушкина, писаннаго съ натуры знаменитымъ акварелистомъ Ш. О. Соколовымъ († 1848 г.).

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, плати за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.